О. Помозов

День освобождения Сибири

Томск - 2014

ББК 63.3(253)53-4
УДК 957.08
П55

Помозов О.А.
День освобождения Сибири./О. А. Помозов;-Томск:
Издательство «Красное знамя», 2014. – 596 с.

Книга посвящена драматическим событиям, происходившим на территории Сибири в период с марта 1917-го по май 1918 г. в переломную эпоху двух русских революций (Февральской и Октябрьской), и рассказывает о борьбе сибирских областников-автономистов в союзе с демократическими силами за права местного населения в плане предоставления региону большей политической, экономической и социокультурной самостоятельности. В работе прослеживаются основные этапы этой борьбы: организация и проведение областнических конференций и съездов, созыв в Томске Сибирской областной думы, формирование Временного правительства автономной Сибири и, наконец, создание на территории Сибири вооруженного подполья, выступившего в мае 1918 г. с оружием в руках против власти большевиков. Отдельной темой в контексте основной проблематики рассматривается материал об автономистском движении в среде сибирского автохтонного населения, в частности якутов, алтайцев и бурят.

Отличительной особенностью книги является то, что в ней впервые обобщён и представлен в едином целом основной комплекс наработок советских и современных историков по данной тематике. Вместе с тем автором переработано и довольно значительное количество первоисточников, в частности газет того периода, что не только помогло разнообразить предлагаемый к ознакомлению материал, но и позволило внести небольшие коррективы в некоторые уже устоявшиеся и подчас неверные научные выводы. Несомненным плюсом настоящей работы является включение в её структуру специального справочно-биографического раздела, содержащего сведения об основных участниках описываемых событий, изложенных по преимуществу в виде небольших историко-литературных эссе.

Книга предназначена главным образом для массового читателя, не имеющего специального исторического образования. Вместе с тем она может заинтересовать студентов гуманитарных вузов, только начинающих свой самостоятельный путь в жизни и в науке, а также, возможно, и некоторых профессиональных исследователей.

ББК 63.3(253)53-4
УДК 957.08

© Помозов О. А. 2014.
© Оформление. Издательство «Красное знамя» , 2014

Моему прадеду – Семёну
Илларионовичу Артамонову,
рядовому деятелю земского движения
Сибири начала XX века – посвящаю.
Автор

Я признателен также светлой памяти тех личностей, которые вошли в основной контекст нашего повествования и чьи незримые образы («туманные тени») являлись для нас своего рода путеводным ориентиром в поисках дороги к родным берегам
(*«Что, дерзновенный, какое великое дело замыслил?*
Как проникнул в пределы Аида, где мёртвые только
Тени отшедших, лишенные чувства, безжизненно веют?»
Гомер. «Одиссея»).

«Местный патриотизм – это великая культурная сила, если бы ... в каждой области образовался свой деятельный контингент патриотов, одушевленных желанием, чтобы его область была цветущей, – сколько было бы сделано культурной работы. Если бы это случилось, лицо русской земли сделалось бы неузнаваемо ... Нужно пробудить в провинции творческую деятельность и в науке, и в искусстве, и в законодательстве ... напрасно не трепеща за судьбу России, в полной надежде на её культурный расцвет и славное будущее – снимем с неё пелёнки, которые окутывают её тело. Пусть в воздухе свободно расправятся члены этого тела. Пусть каждая область зажжёт свое солнце, и вся страна будет иллюминована».

Г.Н. Потанин. Из речи, произнесённой 21 сентября 1915 г. на вечере, посвящённом своему 80-летнему юбилею.

К читателю

Уважаемый Читатель!

Всегда очень трудно начинать диалог, тем более диалог с многочисленной аудиторией (у меня такое впервые), необходимо какое-то предисловие, несколько определённо нужных вступительных слов, пояснений ну и т.д. Как правило, всё это пишется авторами, насколько мне известно, не до, а уже после окончания работы над книгой. Так вот и я – всё откладывал и откладывал сей тягостный для себя момент, но вот на дворе октябрь 2013 года, после семи лет напряженного труда поставлена, наконец, последняя точка в нашем историческом расследовании, и получается так, что дальше оттягивать «удовольствие» никак уже больше нельзя. Итак, о чём же книга?

Она, прежде всего, о Сибири, о нашей, как это принято говорить, малой родине, о её непростой истории и судьбе в эпоху великого перелома, в период двух русских революций – Февральской и Октябрьской, а также в отдельных эпизодах – и о Гражданской войне, надолго (если не навсегда) разделившей сибиряков на своих и чужих, на красных, на белых и… на бело-зелёных. Согласен, тема не нова, сотни, тысячи книг, статей, кандидатских и докторских диссертаций посвящены событиям 1917-1920 годов. Эпоха великого перелома всегда интересовала, интересует и будет, видимо, ещё долго интересовать не только учёных и писателей, профессионально занимающихся историческими проблемами, но и людей, пусть и весьма далёких от научных «штудий», но любящих, тем не менее, узнавать что-то новое и полезное для себя.

Вместе с тем среди этого великого множества работ вряд ли найдётся хотя бы с десяток книг обобщающего характера по рассматриваемой нами конкретной тематике, а именно: по вопросам, касающимся влияния сибирских областников и областнического движения в целом на ход революционных и постреволюционных событий. Ещё меньше в их числе произведений, рассчитанных на массового читателя, а значит, имеющих популяризаторский (в хорошем смысле этого слова) характер. И вот мы решили в какой-то степени заполнить имеющийся пробел и попытаться на основании весьма значительных наработок советских, современных российских и, в первую очередь, сибирских, конечно, историков нарисовать некую такую панорамную картину происходивших событий, проследить судьбы людей, в них участвовавших, и немного поразмыслить над тем, что же тогда случилось и с нашей страной, и с нами самими. Это первое.

Далее, на основании поистине бесценных залежей газетных публикаций тех дней и лет, находящихся в фондах научной библиотеки Томского государственного университета (храни, Господи, родную альма-матер), а также некоторых архивных документов, окунувшись, что называется, с головой в первоисточники, нам подумалось, что, возможно, будет небесполезным внести некоторые новые краски и оттенки («экспрессионист» нашёлся) в общую палитру выстроенного не одним поколением исследователей и ставшего уже почти каноническим событийного ряда, некоторых устоявшихся научных выводов, а порой и просто штампов, переходящих в досадные ошибки, от которых конечно же никто не застрахован. И мы в том числе.

Так вот, не претендуя на абсолютную историческую достоверность, а порой даже и сознательно идя по пути некоторой мифологизации заинтересовавших нас истори-

ческих происшествий прошлого, мы ко всему прочему задались ещё одной (последней по счёту, но не по значению, как говорят англичане) целью – объяснить простому и неискушенному читателю или читательнице (если таковые ещё остались): что в действительности происходило в Сибири в период с февраля 1917 по май 1918 г. (и так далее) в плане борьбы сибиряков за политическую свободу, за демократию и одновременно с этим за территориальную автономию своего родного края.

Так как автор хотя и профессиональный в прошлом историк, однако долгое время (лихие девяностые и крутые нулевые) не имевший непосредственного отношения к своей профессии, его взгляд на представленные события, возможно, ценен (а возможно, и не очень) ещё и тем, что теперь это взгляд человека, если не из гущи, то в любом случае – из массы народной (ну почти), из среды простых обывателей, далёких и от академической науки, а также от всех тех, кого принято называть сливками общества. Вполне вероятно, что наше, скажем так, настораживающе неопределённое по стилю изложения и упрощённое до известных пределов исследование совсем не заинтересует высоких интеллектуалов и учёных эрудитов, возможно также, что и тот самый массовый читатель, о котором шла речь чуть выше, не захочет разбираться в предлагаемых его вниманию исторических хитросплетениях (да ломай они голову). Однако мы всё-таки надеемся, что данная книга найдёт своего читателя, человека ищущего, думающего и осмысливающего то, что происходит вокруг нас как в прошлом, так и в настоящем.

Нельзя сказать также, что для тех, кто наберётся терпения и ознакомится с нашим трудом, это будет всегда лёгкое чтение. Некоторые моменты могут показаться достаточно трудными для восприятия и требующими определённого запаса знаний. Дабы облегчить осмысление таких мест, мы часто прибегаем в нашем исследовании к системе дополнительных ссылок и пояснений (всё для читателя, всё ради читателя). Для кого-то они могут показаться элементарно простыми, но другим, как мы полагаем, они, несомненно, помогут лучше разобраться с имевшими место историческими «происшествиями».

Что касается немногочисленных, в свою очередь, ссылок на источники информации, то здесь нужно сказать следующее. Во-первых, наша работа – это не кандидатская, а тем более не докторская диссертация, где после каждого, даже мало значащего утверждения строго предписывается указывать источник информации, а во-вторых, честно говоря, мы не видели ни для себя, ни для читателя особого смысла в том, чтобы дублировать кочующие из книги в книгу одни и те же ссылки на давно уже введённые в научный оборот и неоднократно подтверждённые факты, комментарии к ним ну и т.д. (о′кей?). И только в самых крайних случаях, а также тогда, когда нам приходилось апеллировать малоизвестными или, с нашей точки зрения, впервые публикуемыми данными, мы прибегали к ссылкам на документы или какие-либо другие источники информации.

Но вот, кажется, и всё, о чём нам хотелось бы предварительно предупредить читателя. В заключение своего предисловия я хочу выразить глубокую признательность работникам научной библиотеки Томского государственного университета, а также сотрудникам Государственного архива Томской области за их столь необходимый для всех нас труд. Отдельная благодарность профессору ТГУ Н.С. Ларькову за поддержку, а также за очень полезные и важные разъяснения по ряду трудных вопросов.

Автор.

Содержание

Пролог – 11

Часть 1. Томский синдром
Глава первая. Начало пути
1. Монгольский след (несколько подражая Л.Н. Гумилёву) – 14
2. Потанинский почин – 17
3. Николай Последний – 23
4. Августовская (1917 г.) конференция областников в Томске – 44
5. Первый Сибирский областной съезд – 47
Глава вторая. Чрезвычайный областной съезд в декабре 1917 г.
1. Подготовка к съезду – 58
2. Состав съезда – 61
3. Открытие съезда – 62
4. Работа съезда – 63
5. Выборы Сибирского областного совета – 72
6. Основные решения декабрьского съезда – 74
Глава третья. Временный Сибирский областной совет
1. Состав Совета – 80
2. Создание военного совета и переговоры с Краковецким – 86
3. Протест Потанина – 90
4. Миссия майора Пишона в Томске – 93
5. Второй кооперативный съезд и Областной совет – 94
Глава четвёртая. Разгон большевиками Учредительного собрания
1. События в Петрограде – 97
2. Иностранные суда во владивостокской бухте – 99
3. Протестные мероприятия в Сибири по поводу разгона большевиками Учредительного собрания – 100
4. Сотниковский мятеж – 105
5. Гонения на прессу в городах Сибири – 115
Глава пятая. Сибирская областная дума
1. Подготовка к январской сессии Сибирской думы – 121
2. Разгон большевиками Сибирской думы – 126
3. Нелегальное заседание членов Думы. Выборы ВПАС – 130

Часть II. «Затишье» перед бурей
Глава первая. Сибирское правительство в изгнании
1. Обращение Сибирской областной думы – 142
2. Выезд членов Думы и министров ВПАС на восток – 145
3. События января-марта в Чите – 147
4. Сибиряки в Харбине. Комитет защиты Родины и Учредительного собрания – 155

Глава вторая. Подпольные организации Сибири
1. Создание Западно-Сибирского и Восточно-Сибирского комиссариатов – 171
2. Создание в Сибири подпольных офицерских и эсеровских организаций – 176
3. Миссия генерала Флуга в Сибирь – 196

Часть III. Первые попытки практического осуществления областнической программы (почвеннические веяния)
Глава первая. «Сепаратизм» Центросибири
1. ЦИК советов Сибири («из грязи в князи») – 220
2. Брестский мир и сибирские проблемы – 221
3. Покорение Центросибири – 225
Глава вторая. Якутские почвенники
1. Революционный февраль в Якутии – 229
2. Нити из томского «офиса» Потанина дотянулись и до Якутии – 231
3. На путях «сепаратизма» – 233
Глава третья. Горный Алтай – ещё один проект земско-областнического направления
1. Немного исторического экскурса – 239
2. Горный Алтай в революции – 254
3. Первый Горноалтайский съезд – 258
4. Второй Горноалтайский съезд – 261
Глава четвёртая. Дальний Восток и Забайкалье под флагом областничества
1. Так называемый гамовский мятеж на территории Амурской области – 269
2. «Царство» Семёнова – 281

Часть IV. В борьбе обретёшь ты право своё
Глава первая. Разгон большевиками земских и городских самоуправлений на территории Сибири
1. События в Омске, Новониколаевске и Барнауле – 296
2. Томск и Тобольск – «последние из могикан» – 301
Глава вторая. Сибирское антибольшевистское подполье в апреле-мае 1918 г.
1. Рутинная работа – 306
2. Согласно вновь утверждённому плану – 311
Глава третья. Антибольшевистские выступления в сибирских городах
1. События в Славгороде – 317
2. Омский поповский бунт – 320
3. Осадное положение в Новониколаевске и в Камне-на-Оби – 328
Глава четвёртая. Антисоветские выступления на территории Томской губернии
1. Тогур, Колпашево и Нарым – первые очаги стихийного протестного движения – 330

2. Угольные копи Анжерки и Судженки – также в огне стихийных протестных выступлений против советской власти – 334
3. Кража крупной партии огнестрельного оружия с одного из военных складов в Томске – пролог будущего общегородского восстания – 338
4. Реквизиции, реквизиции и ещё раз реквизиции – 344
5. Без названия – 348
Глава пятая. Сибирь в мае 1918 г.
1. Праздники и политические будни – 354
2. Готовность номер один – 360

Часть V. Сибирский бунт
Глава первая. Чехословаки
1. Чехословацкая боевая дружина – 364
2. Чехословацкий корпус – 368
3. В тисках новых обстоятельств – 371
4. Сибирский «анабасис» – 377
5. Инцидент в Челябинске – 382
6. «Наздар» от Родиона Ивановича (Гайды) – 390
Глава вторая. День освобождения Сибири – 392
1. События 24 мая у женского Иоанно-Предтеченского монастыря – 393
2. Последние совещания в Новониколаевске. Начало мятежа – выступление чехословаков в Мариинске – 398
3. Вооруженное восстание в Новониколаевске – 405
4. Столкновение с чехословаками на подступах к Омску – 409
5. События, связанные с разоружением частей чехокорпуса в Иркутске, а также на подступах к городу – 413
6. Свержение советской власти в Челябинске – 417
Глава третья. Томск… «и последние станут первыми»…
1. Лицом к лицу с противником – 421
2. Бегство – 432
Досье – 444
Источники информации – 589

Когда мне было столько лет, сколько тебе,
я плавал юнгой на паруснике к берегам Африки.
По вечерам я видел, как на отмель выходят львы...
Э. Хемингуэй. Старик и море

Пролог

31 мая 1918 г. – центр антибольшевистского сопротивления и одновременно столица областнического движения Сибири – **город Томск**. Здесь же – «резиденция» патриарха этого движения – восьмидесятитрёхлетнего ***Г.Н. Потанина****.

Солнечное, тёплое утро нового дня. Тротуары центральных улиц города постепенно заполняются людьми, они пришли сюда, торопясь поскорее узнать последние политические новости и поделиться друг с другом первыми впечатлениями по поводу только что произошедших и очень радостных для них событий.

– Большевики сбежали, большевики сбежали! – бесконечное число раз, как зачарованные, повторяют они вслух одну и ту же фразу, ставшую для них почти сакраментальной в тот день.

Публика на улицах – в основном прилично и нарядно одетая по такому случаю. Томск в ту пору – 100 тысяч населения – город далеко не маленький, но вместе с тем он (не только тогда, но и сейчас) камерно и даже, можно сказать, келейно небольшой. Поэтому, наверное, многие друг друга узнают на улицах, раскланиваются и под звон звонящих со всех церквей колоколов целуют друг друга почти по-пасхальному. Скоро людей на центральной улице города становится так много, что они уже не помещаются на узких тротуарах и выходят на проезжие мостовые, мешая движению куда-то по-особенному спешащих в тот день пролёток и одиноко (в смысле редко) перемежающихся с ними автомобилей, звучными гудками разгоняющих в стороны слегка обезумевшую от радостного ликования толпу. Серьёзным господам в этих автомобилях пока не до всеобщего веселья: у них много срочных и самых неотложных дел по организации новой власти в городе.

У здания городской управы, что на пересечении Ямского (теперь Нахановича) переулка и улицы Почтамтской (сейчас проспект Ленина), уже настоящая давка. Двое молодых людей стоят у входа в помещение и пытаются сдержать напирающую толпу. Один почтенного вида человек, главный редактор губернской «Земской газеты» и одновременно гласный (депутат) Томской городской думы *Д.И. Розенберг* уже слегка надорванным голосом убеждает осаждающих, что «нельзя же всем сразу, господа», и пропускает в здание управы только представителей местного самоуправления и наиболее известных в городе общественных деятелей. Но никому не грустно от этого, все бодры, веселы и пытаются всё-таки каким-то образом протиснуться с улицы в помещение, для того чтобы попасть на первое и потому историческое заседание новой демократической власти, посвященное началу всесибирского народного восстания и изгнанию из Томска – ставших для многих ненавистными – большевиков.

---

*Краткие биографические сведения о людях, выделенных курсивом, можно найти в разделе «Досье» нашего исследования.

Вскоре, медленно и осторожно лавируя между людьми, пыхтя, отхаркиваясь и гудя, подползает к дверям здания управы огромный чёрный автомобиль с открытым верхом. Из него выходят несколько человек в военной форме, и среди них – грузный сорокавосьмилетний полковник по фамилии *Сумароков*, отставной артиллерист, руководитель антибольшевистской подпольной офицерской организации города. Толпа немного подаётся назад под нажимом приехавших с полковником офицеров, после чего Сумароков обращается к собравшимся с краткой приветственной речью. В ответ гремит многоголосое и громогласное «ура!» И в то же самое время вдоль улицы, примыкающей к зданию, уже выстраивается длинная шеренга добровольцев с бело-зелёными повязками на рукавах, слышатся командные голоса офицеров, делающих необходимые распоряжения, тут же из подошедшего грузовика раздаётся и оружие первым новобранцам формирующейся Сибирской добровольческой армии.

Все остальные с нетерпением ждут официального заявления от новой власти. И вот, наконец, из распахнувшихся дверей здания городской управы выходит её представитель и передаёт собравшейся публике первые, только что отпечатанные листовки с воззванием к жителям города. В них говорится: «Войсками Временного правительства автономной Сибири власть большевиков свергнута. Вся власть в городе до восстановления выборных демократических учреждений переходит в руки Временного правительства автономной Сибири в лице назначенного им комиссариата Западной Сибири (помещение городской управы). Комиссариатом предоставлены широкие полномочия по установлению порядка и охраны войсковым начальникам. Командующими войсками Томского района назначены: начальником гарнизона – полковник *Сумароков* (здание бывшей гостиницы «Европа»), комендантом – полковник *Вишневский* (Дом свободы)»*. Подписано воззвание: комиссарами ВПАС *П. Михайловым*, *В. Сидоровым*, *Б. Марковым*, а также командующим войсками Томского района капитаном *Василенко*.

Когда прочитавшие обращение люди отрывают, наконец, свои взоры от розданных им листовок и, следуя призыву многочисленных одобрительных возгласов, устремляют взгляды вверх, то они не могут не заметить, что на балконе здания городской управы кто-то уже закрепил развевающееся бело-зелёное полотнище областников – знамя долгожданной Сибирской автономии…

*Орфография, пунктуация и синтаксис в цитируемых нами исторических документах и свидетельствах, сохранены и приводятся, как это и принято, в полном соответствии с оригиналом.

ЧАСТЬ I

ТОМСКИЙ СИНДРОМ

ГЛАВА ПЕРВАЯ
НАЧАЛО ПУТИ

Сила и слабых мужей не ничтожна, когда совокупна.
Гомер. Илиада

1. Монгольский след (несколько подражая Л.Н. Гумилёву)

Григорий Николаевич Потанин родился в семье офицера Сибирского казачьего войска. В десять лет от роду его определили на учёбу в Омский кадетский корпус, одно из лучших общеобразовательных заведений тогдашней Сибири. Однако в строгой военной гимназии, как позже признавался сам *Потанин*, его частенько одолевала скука, и, поскольку учёба его также как-то мало занимала (не будем брать в пример эту вряд ли положительную особенность клана гениальных людей), единственной отдушиной в те детские, а потом и юношеские кадетские годы стали для него книги. Среди них наибольший интерес вызывали произведения, в которых рассказывалось о знаменитых путешественниках, об их невероятных приключениях, а также о совершённых ими географических открытиях. Но, поскольку неумеренное чтение очень часто, что греха таить, до добра не доводит (в каждой шутке есть доля шутки), юноша *Потанин* стал как-то постепенно сторониться своих сокурсников, более опосредованных и, что называется, приземлённых, честно мечтавших ну там о достойной военной карьере, о золотых офицерских погонах и прочем. И поэтому настоящих друзей он поначалу не имел.

Но вот в 1846 году, на год позже *Потанина*, в Омский кадетский корпус поступил на учёбу сын одного из казахских князьков Чокан Валиханов. Казашенок был, что называется, голубых кровей, очень смышлён и хорошо воспитан, однако он плохо говорил, а ещё хуже читал и писал по-русски. Его частенько дразнили за это, а порой, что уж греха таить, и обижали, иногда по-мальчишески жестоко, товарищи по кадетскому корпусу. Так что он тоже, как и Гриша Потанин, вскоре стал немного изгоем или, как сейчас говорят, аутсайдером среди сокурсников. И они подружились, два «гадких утёнка»: внук казачьего офицера – потомок первых дружинников Ермака – и праправнук великого Чингиз-хана. Гриша Потанин, как мог, практиковал Чокана по русской грамматике, а тот с ответной благодарностью рассказывал ему разные занимательные истории из жизни кочевников-степняков, а также легенды и былинные сказания, сохранённые его народом с древнейших времён. И вот однажды Чокан поведал своему самому *верному** русскому другу одно из сокровенных преданий рода Чингизидов, передававшееся из поколения в поколение под строжайшим семейным секретом.

*Спустя несколько десятилетий научная (географически-топографическая) экспедиция под руководством *Потанина* заложит основание для русского военного поселения в казахских степях под названием *Верный*, сейчас это город Алма-Аты, до недавнего времени – столица Казахской ССР.

Трудно теперь, конечно, доподлинно воспроизвести рассказ юного казахского сказителя, тем более что нас с вами там, к сожалению, не было, а из двух участников той беседы, никто и никогда о ней ничего публично не рассказывал и не записывал. Но легенда об этом, тем не менее, существует, и поэтому мы хотя бы в самых общих чертах, но всё-таки можем передать то, что поведал тогда Чокан Валиханов будущему (с позволения) верховному вождю сибирского освободительного движения *Григорию Потанину.*

Когда-то давным-давно один из отрядов полководца Искандера (Александра Македонского) был направлен на поиски священного озера, расположенного, как уверял «домашний» учитель Александра – философ Аристотель, в далёких северных лесах, в стране народа, по-гречески называемого гиперборейцами (в переводе: те, кто живёт за северным ветром – Бореем). Озеро это, равное по размерам целому морю, являлось, по словам всезнающего учителя великого полководца, резервуаром чистейшей в мире пресной воды с уникальными свойствами. После долгих и трудных поисков воины Искандера дошли-таки до места назначения, и их взорам предстал неповторимый в своей величественной и первозданной красоте Байкал. Потом они прошли немного севернее и обнаружили ещё и большую реку, которую решили назвать в честь гречанки Елены Троянской, некогда самой прекрасной из всех земных женщин.

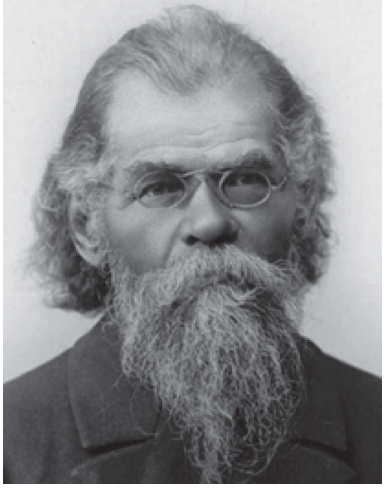
Тот отряд македонских воинов по какой-то не совсем понятной причине так и не вернулся к себе на родину. То ли по собственной воле осел он в тех далёких краях, впоследствии названных Сибирью, то ли его принудили к этому силою. В общем, так или иначе, но, поселившись на берегах Байкала, македонцы (а может быть, то были греки или даже персы), вынужденно вступая в контакт с местными народами, постепенно начали растворяться в их среде, пока, в конце концов, не исчезли совсем. Однако спустя некоторое время на территории Забайкалья, в частности у племён, кочевавших в районе реки Онон, стали время от времени рождаться дети с небесно голубыми глазами. За такой редкий и необычный цвет глаз местные народы прозвали их «сыновьями неба», весьма часто вручали им даже верховную власть, полностью и беспрекословно подчиняясь их воле. Одним из таких «небесных посланников» стал хан по имени Тимужчин, который силой непостижимой для большинства людей мудрости впервые объединил все племена, живущие вокруг священного озера, в единый племенной союз, за что получил прозвище Великий (Чингиз) хан. Под таким именем и во главе своего не менее победоносного, чем у Искандера, войска он завоевал впоследствии почти полмира, покорив великое множество стран и народов.

Никто не ведает теперь доподлинно, как и в силу каких таких особых причин произошло создание одной из величайшей в мировой истории империи, всё скрыло под непроницаемой завесой беспощадное время. Оно же разрушило и древнюю столицу Чингиз-хана город Каракорум. Так что никто не знает теперь, заканчивал свой рассказ юный Чокан Валиханов, где находятся его руины, под каким из бесчисленных степных курганов. Неизвестно до сих пор никому и место захоронения монгольского императора. Но именно там, в его могиле, как тогда же узнал Гриша Потанин, и хранится источник неземной мудрости* великого покорителя Азии.

Юного *Потанина* настолько захватил рассказ его верного друга, что он в силу наивной детской доверчивости воспринял древнюю легенду как подлинную историческую быль и решил, что он должен во что бы то ни стало найти и столицу великого

*В империи Чингиз-хана учителя и врачи были освобождены от уплаты государственных налогов...

монгола, а также, если очень повезёт, и его могилу. Точнее сказать, молодые друзья-следопыты решили сделать это вдвоём, вместе, общими усилиями организовав, когда вырастут, научную экспедицию в Забайкалье. В чём они (так же, как чуть раньше Герцен и Огарёв, а чуть позже Том Сойер и Гек Финн)*, должно быть, где-нибудь на одном из иртышских крутояров, встав, как и полагается в таких случаях, лицом на восток и съев, может быть, для пущей значимости момента горсть горькой степной земли, поклялись друг другу в том, что они во что бы то ни стало обязательно осуществят задуманное. Тогда же они решили, что для достижения заветной цели после окончания Омского кадетского корпуса оба продолжат учёбу в Петербургском университете. Чокан Валиханов собирался поступить на факультет восточных языков, а *Григорий Потанин* полагал окончить полный курс отделения естествознания, изучить географию, минералогию, биологию и другие науки, необходимые для трудных и продолжительных экспедиционных путешествий.



Г.Н. Потанин

Вскоре друзья так и сделали, они продолжили (правда, в разные годы) учёбу в столичном университете, однако в дальнейшем их пути, к сожалению, разошлись. Сначала им казалось, что они расстались лишь на время, но впоследствии оказалось – что навсегда. Валиханов стал у себя на родине выдающимся ученым-филологом и явился создателем современного казахского алфавита, а также литературного языка своего народа. *Потанин* же, однажды познакомившись в Петербурге с идеями сибирского областничества, именно им отдал большую часть жизненных и творческих сил.

Н.М. Ядринцев

А что касается великой тайны Чингиз-хана... то тут нужно отметить следующее: кто знает, возможно, разгадка её всё-таки стала для *Григория Николаевича Потанина* неотъемлемой частью его научного поиска в многочисленных географических и этнографических экспедициях, которые он совершил в течение всей своей долгой и насыщенной великими трудами жизни. Место же рано ушедшего из жизни Чокана Валиханова занял в некоторых из научных экспедиций ближайший друг и единомышленник *Потанина* по сибирскому областническому движению *Николай Михайлович Ядринцев*, который в 1889 г., что называется с подачи *Потанина***, нашёл-таки в

*Как бы не совсем сочетаемые исторические и литературные персонажи, но в стилистике нашей работы как раз-таки сочетаемые... и это важно.

**По версии самого *Потанина*, всегда отличавшегося предельной скромностью, примерные координаты развалин столицы Чингиз-хана сообщил *Ядринцеву* председатель Иркутского Восточно-Сибирского отделения Русского географического общества В.Е. Яковлев.

монгольских степях, на правом берегу реки Орхон, древнюю столицу Чингизидов город Каракорум*. Что же касается места погребения великого монгольского хана, то его *Потанин* вроде бы тоже как открыл, но уже мало кому рассказал об этом**. Что он обнаружил там – тоже до сих пор неизвестно. Сумел ли он воспользоваться заповедной мудростью Чингиз-хана – покрыто ещё большей тайной; но вот только летом 1918 г. появилось на некоторых политических картах новое государственное образование, по размерам территории превышающее любую из крупнейших стран мира, под названием Сибирская автономная республика. Её создали при живом ещё патриархе ученики *Потанина*, но возглавил то государство в государстве несколько месяцев спустя человек с татарской фамилией Колчак, тоже, как полагают некоторые, потомок рода Чингизидов. А имя ему дали – не в честь ли Александра Македонского – Искандера из рассказа Чокана Валиханова?.. Простые совпадения, скажет скептик. Может быть... Однако случайностей, как известно, не бывает.

Такова легенда. А что происходило в реальности в эпоху проектирования, а потом и создания Сибирской автономной республики, мы и попытаемся рассказать дальше по тексту, по возможности строго уже документально.

2. Потанинский почин

Как довольно часто и с большим удовлетворением для себя любили отмечать историки советского периода, освещая жизненный путь и общественную деятельность основателя сибирского областнического движения *Г.Н. Потанина*, он ещё в самом начале своего долгого и многотрудного жизненного поприща, находясь на учёбе в Омском кадетском корпусе, впервые напрямую столкнулся с проблемой социального неравенства, видя, например, какое преимущество имели ученики-дворяне над выходцами из обычных казачьих семей. Такое неравенство, подчёркивали всё те же историки (и с ними трудно не согласиться), впервые вызвало в душе юного *Потанина* чувство сильного социального протеста, к которому впоследствии добавился и протест сибирско-патриотический. Сначала это был как бы местный – казачий, а потом, собственно, и общесибирский патриотизм.

Окончив Омский кадетский корпус, он сразу же, как и большинство его товарищей кадетов, отправился на военную службу, но спустя несколько лет оставил её и

---

*Харабалагасун, по другой версии – Хара-Хорин, что в переводе с монгольского, якобы, означает «Чёрная ограда». Древние монголы отчего-то любили добавлять в свои названия ассоциации чёрного цвета. Цвета, скорее всего, выжженной пожаром степи (или прерии, если на американский манер).

**Схема с топографическими координатами этого места оставалась, по всей видимости, только в памяти Григория Николаевича, и утеряна навсегда вместе с ним. Хотя, кто знает, может быть, где-то в его архивах, хранящихся в научной библиотеке Томского государственного университета, и по сей день лежит не отмеченный до сих пор никем пожелтевший клочочек старой блокнотной записи с несколькими изрядно поистёршимися цифрами – указателями широты, долготы или какой-либо другой зашифрованной привязки к местности…

Один человек, правда, рассказывал мне другую, ещё более фантастическую, историю (и вот уже нас двое – сумасшедших) о том, что могилу Чингиз-хана обнаружил во второй половине XIX века на территории Монголии выдающийся русский путешественник Н.М. Пржевальский, незаконнорожденным сыном которого, по мнению некоторых, был Иосиф Джугашвили, больше известный миру как Сталин, точно так же, как и его великий предшественник Чингиз-хан, создавший велением всё той же непостижимой для обычного человека космической предопределённости новую евразийскую империю.

поселился в Томске – городе, который стал для *Потанина* в последующие годы его жизни поистине родным (в 1920 г. Григорий Николаевич обретёт здесь и своё последнее, вечное, пристанище). В Томске в 1858 г. двадцатитрёхлетний *Григорий Потанин* познакомился с человеком, который дал ему, что называется, путёвку в жизнь и вследствие чего стал, по сути, «крёстным отцом» нашего выдающегося сибирского областника. Этим человеком был не кто иной, как сам Михаил Александрович Бакунин – первый русский революционер поистине мирового масштаба, теоретик и практик анархо-синдикализма*, панславист и масон, дважды приговорённый к смертной казни, но всё-таки помилованный и по высочайшему повелению «всемилостиво» определённый в 1857 г. на поселение в Сибирь – «навечно».

Тогда, может быть, впервые, *Потанин* услышал из уст Бакунина поначалу наверняка насторожившее, но потом ставшее, во многом, заветным и для него тоже слово – «революция». С замиранием сердца слушал ещё только начинавший интересоваться политикой *Потанин* рассказы длинноволосого ссыльного бунтаря об анархизме, а также о том, что, может быть, уже совсем скоро (ну что такое для истории, в самом деле, пара тройка сотен лет) не останется на планете Земля никаких государств в прежнем, уже устаревшем, понимании данного слова. Вместо них, этих, по сути, принудительно созданных, строго централизованных и находящихся под властью привилегированных кланов (феодального, буржуазного или социалистического типа) территориальных образований, люди когда-нибудь на полностью добровольной основе сформируют самостоятельно управляемые ими же самими областные общины, в том числе и в Сибири. Таким образом, тогда на уроках Бакунина *Потанин* впервые столкнулся с понятием «областная автономия».

Впервые, всё впервые, а потом вдруг – (любимое толстовское) – так просто и ясно: автономные сибирские губернии на основе взаимовыгодного и равноправного соглашения с центром формируют такую же автономную и самоуправляемую, но только теперь уже областную всесибирскую общность, входящую как равноправный партнёр наравне с другими автономными образованиями в объединённую Российскую конфедерацию**. Неужели это когда-нибудь станет возможным?.. Неужели вообще может такое быть, чтобы полуколония имперской России, вечный её сырьевой придаток и беспросветная каторга, а вместе с тем – огромаднейший и богатейший сибирский край со своей уникальной тысячелетней культурой и историей обрёл, наконец, права родного сына, а не пасынка великой России?..

С этими мыслями и с тайным рекомендательным письмом Бакунина *Григорий Потанин* едет*** в Петербург и в 1859 г. поступает в столичный университет. Годы его учёбы (1859-1861) совпали с периодом подготовки и проведением в России первых либерально-демократических реформ, и молодой *Потанин* конечно же оказывается в гуще столичного студенческого вольнодумства, тогда же он находит и первых единомышленников по сибирскому областническому движению и прежде всего – *Николая*

---

*Анархо-синдикализм – революционное движение, пропагандирующее принципы коллективного самоуправления независимых от центральных властей организаций трудового населения и отстаивающее идеи так называемого либерального (свободного, вольного) коммунизма.

**Кстати, 18 лет спустя (сбежавший к тому времени из Сибири) Бакунин уже смертельно больным приедет умирать ни куда-нибудь, а в «Мекку» конфедератов – Швейцарию.

***Достаточных денежных средств на дорогу в Петербург у Григория Николаевича в то время не оказалось, поэтому он вынужден был подрядиться охранником на гужевой караван, следовавший в столицу с очередной партией сибирского золота.

Ядринцева. Он отращивает себе по моде тех лет и в подражание незабвенному «крёстному отцу» – Бакунину – длинные волосы и с того времени и до самого последнего дня уже не меняет больше ни своих убеждений, ни своей бунтарской внешности.

«В этот период наших увлечений, – писал позже Ядринцев, – нам уже тогда представлялся открытым Сибирский университет, к которому стекались нескончаемым потоком пытливые умы и энтузиасты сибирского возрождения. Портик должен быть из белого мрамора с золотой надписью: "Сибирский университет". Нет, лучше на чёрном, внутренность из малахита и яшмы, кругом – сад, в котором сосредоточивается вся сибирская флора. В кабинеты доставлены коллекции со всей Сибири, общественная подписка дала огромные средства. Аудитории кишат народом, где мы встречаем рядом с плотными и коренастыми сибиряками, наших инородцев, университет привлечёт японцев и китайцев, – говорили другие. Так развивалась мечта. "Доживём ли до этого?" – раздался вдруг студенческий голос...»

Глубокое впечатление на сибиряков производили лекции историка-областника Костомарова, сторонника федеративного государственного устройства, а также Щапова, учившего своих слушателей, что «русская история, в самой основе своей, есть по преимуществу история различных областных масс народа, история постоянного территориального устройства и разнообразной этнографической организации». Щапов смотрел на Сибирь с точки зрения европейца, открывшего Америку. В связи с этим Сибирь представлялась ему страной, открывшей, как и Америка, свои двери для людей со свободолюбивым характером, для «вольно-охотного люда», обставившего её не столько острогами и городами, сколько свободными заимками и слободами. Также в лекциях Щапова отчётливо была выдвинута идея об автономии российских областей, в том числе и Сибири. Постепенно все эти выкладки и размышления окончательно убедили студентов-сибиряков в том, что областное самоуправление и федерализм есть именно та самая политическая система, без которой немыслима дальнейшая общественная жизнь Сибири.

«Пылкие и горячие, – писал Ядринцев, – мы давали клятвы возвращаться на родину, служить ей беззаветно и, окончив или не окончив курс в университете, возвращались назад домой не случайно, а вполне сознательно». Целая плеяда молодых студентов-сибиряков во главе с Потаниным, Ядринцевым и Шашковым покинули тогда шумную столицу и уехали в Сибирь для насаждения там «великих начал эпохи».

Газета «Утро Сибири» (Томск, №11 от 14 января 1917 г.)

В 1861 г. *Потанин и Ядринцев* из-за временного закрытия университета, случившегося вследствие массовых студенческих волнений в столице, прерывают свою учёбу в Петербурге и возвращаются в Сибирь. Здесь они оба поступают на государеву службу, без отрыва от которой начинают понемногу заниматься и общественной культурно-просветительской деятельностью. Но это днём, а беспросветно долгими провинциальными вечерами, а ещё чаще – ночами проводят тайные совещания небольшой группы томской молодёжи по подготовке в Сибири революционного переворота – переворота, – прежде всего, в умах и сознании сибиряков, что, по мнению «заговорщиков», являлось самым что ни на есть настоящим и поистине государственным делом.

Сибиряки в основной своей массе, в те немного стародавние теперь уже для нас всех времена, – народ малообразованный, а чаще всего так и вообще малограмотный

(однако ни в коем случае мы не возьмёмся утверждать, что – малокультурный; культура, как известно, у всех у нас, к счастью, своя, но... разная). Единственная читающая публика – чиновничество и духовенство – была до неприличия малочисленна, да и она, если и интересовалась чем-то в прогрессивном духе и выписывала что-то, допустим, даже из столичных газет и журналов, и та делала это подчас только для того, чтобы не отстать от последней провинциальной моды. Однако чаще всего получалось так, что источникам столичной информации кухарки уже через два-три дня находили, как они считали, более стоящее применение – брали их с собой на рынок и использовали в качестве обёрток для различного рода снеди. Что ж, простота, как говорится, не грех.

Существовало, правда, одно время здесь же, в Томске, весьма передовое, но опять-таки единственное на всю Сибирь, масонское культурно-просветительское общество европейского образца под названием «Восточное обозрение», созданное в начале двадцатых годов XIX века будущим декабристом Батеньковым. Но и оно как-то не особенно влияло на умы сибиряков, а вскоре и совсем зачахло, после того, как его организатор отбыл в Петербург на Сенатскую площадь.

Но вместе с тем и в то же самое время имелся в Сибири, и это уже без всяких шуток, наш собственный, причём практически доморощенный, учёный-историк. Звали его *Пётр Андреевич Словцов* – уникальный человек, со сложной, а порой и просто трагической судьбой, перенесший и тюремное заключение, и ссылку, переживший в период трудных научных изысканий непонимание, клевету, а порой и откровенные насмешки со стороны отдельных недальновидных современников. Однако при всём при том – своей беззаветной преданностью науке и беспримерно кропотливыми занятиями – создавший фундаментальный для того времени научный труд под названием «Историческое исследование Сибири». И в нём мы видим то же самое стремление, что и у других теоретиков автономизма: каким-то образом обособить Сибирь, определить её отличительные особенности и вместе с тем провозгласить для тех, кто способен ещё слышать, что «Сибирь, как страна, заключает в себе золотое дно, но как государство представляет ничтожную и безгласную область». Не в бровь, как говорится, а в глаз, в самое что ни на есть яблочко попал первый сибирский архивариус, раз и навсегда пригвоздил, навеки вечные, и аминь.

Вслед за *Словцовым* молодые сибирские публицисты из числа единомышленников *Потанина и Ядринцева*, практиковавшие из-за почти полного отсутствия местных газет главным образом публичные лекции, также стали заострять внимание слушателей на том, что Сибирь – это полностью обездоленная, штрафная колония Центральной России, которая по многим показателям экономического, общественно-политического и культурно-образовательного развития безнадёжно отстаёт от своей всевластной метрополии. И в первую очередь потому, что регион по рукам и ногам скован не только вполне обоснованными, обременительными (ну что же делать), так называемыми общегосударственными интересами России, но и абсолютно неоправданными, во многом неуместными и при том непомерно преувеличенными в финансовым отношении вожделениями столичных толстосумов и приближённых к престолу власть имущих.

Так начинал зарождаться сибирский местническо-патриотический протест против абсолютно неограниченного всевластия метрополии. Вместе с тем, считая опасным для целостности страны провозглашение полной политической независимости,

сибирские автономисты, начиная с самых первых публичных выступлений, а потом и газетных публикаций, всегда с неизменной принципиальностью подчёркивали стремление произвести революционный переворот, в первую очередь, в направлении культурно-образовательной и экономической самостоятельности своего региона не менее, но весте с тем и не более того. Единственным же их политическим требованием являлась программа по демократизации системы управления, то есть учреждения на территории Сибири городского и земского самоуправления, а также гласного суда.

Самым же сокровенным желанием областников на первых порах по-прежнему оставалось стремление добиться от царского правительства разрешения на открытие в Сибири собственного университета, который должен был стать не просто научно-образовательным, но вместе с тем и крупным научно-исследовательским центром, призванным дать новый толчок к развитию сибирского регионального самосознания. Автономисты также пытались, как могли, уже тогда защищать права и интересы местного бизнеса, включая в свои лекции и многие экономические вопросы. Ну и, наконец, последнее, к чему постоянно призывали молодые пропагандисты областнических идей, – это защита бесценных культурных традиций аборигенных народов Сибири и Дальнего Востока. Вот, пожалуй, и все пункты изначальной, ставшей потом классической, программы сибирских областников. Однако в условиях «захудалой и заброшенной провинции» Сибирь «не заметила тогда призыва областников и не пошла за ними». Вот почему вполне достаточным оказалось тогда произвести разгром кружка первых сибирских автономистов, наскоро обвинённых в пропаганде антироссийского политического сепаратизма, чтобы их идеи вместе с ними самими на долгие годы растворились, как говорится, во тьме исторического безвременья.

Весной 1865 г. *Григорий Потанин*, *Николай Ядринцев* и ещё один начинающий областник, отставной артиллерийский поручик Евгений Колосов, были арестованы на заимке купца Пичугина под Томском, где они производили естественноисторическую, как они это называли, научную экскурсию, после чего их отправили под конвоем в генерал-губернаторский Омск. Поводом для ареста послужила, обнаруженная в среде учащейся молодёжи Омска и Иркутска, прокламация под названием «Патриотам Сибири», в которой чёрным по белому заявлялось о том, что «для блага отечества, для блага каждого из нас необходимо отделиться от России». Авторство данного манифеста сразу же приписали группе *Потанина и Ядринцева*; являлась ли злополучная прокламация фальшивкой, сфабрикованной в омском жандармском управлении, или действительно «отец Пафнутий руку приложил» – до сих пор так и остаётся загадкой. Но делу дали ход, и три года спустя *Потанин* получил 12 лет каторги, заменённых впоследствии содержанием в крепости Свеаборг. *Ядринцева* также первоначально приговорили к 12 годам каторжных работ, однако позднее ему определили в качестве наказания поселение на территории одной из самых северных губерний России – Архангельской. К суду по делу о «сибирском сепаратизме», кроме самих участников молодёжного кружка автономистов, оказался тогда привлечён и один из теоретиков областничества *Афанасий Прокопьевич Щапов*.

После высочайшего помилования в 1874 г. *Потанин* и *Ядринцев* вновь вернулись в Сибирь и продолжили каждый на своём поприще и на первых порах строго в рамках дозволенного, некогда начатое ими великое дело по культурному возрождению Сибири. *Потанин*, как в дни юности, потянулся к тайнам Востока и по поручению Русского географического общества совершил несколько замечательных путешествий в

Монголию, Тибет и Китай. *Ядринцев* же, полностью переключившись на публицистику, стал почти на два десятка ближайших лет лидером областнической мысли в Сибири. Сначала он сотрудничал в «Камско-Волжской газете» в Казани, а потом – в газете «Сибирь», издававшейся в Иркутске, а еще позднее – в петербургском «Восточном обозрении». Последнее издание *Ядринцев* редактировал сам, и именно эта газета стала, по мнению многих исследователей, поистине «благодатным весенним дождём» для сибирского областнического движения. Теперь, после воодушевляющих статей Ядринцева, почти повсюду в Сибири начали появляться многочисленные легальные кружки приверженцев идей автономного мирообустройства.

Потом было, наконец, и долгожданное открытие Томского императорского университета (1888 г.). Одновременно с этим стали выходить первые сибирские газеты, причём всё более и более значительными тиражами, в которых в обязательном порядке печатались статьи, в том числе и по областнической тематике. Велись разного рода публичные дискуссии, и на их основе вскоре стали возникать, что называется, кружки по интересам, формировавшие с каждым годом всё большее и большее число убеждённых сторонников сибирского автономизма. И вот уже и другие люди также стали заниматься изучением Сибири, плодотворно интересоваться её историей, этнографией, геологией, флорой и фауной, а также не менее сложными вопросами социокультурного общежития её многочисленных народов. Прогрессисты, пошедшие вслед за первыми областниками, постепенно становились лучшими знатоками сибирской действительности и сибирских нужд, незаменимыми работниками для будущей Сибирской областной думы, хорошо образованными и, главное, подготовленными для решения самых насущных проблем родного края.

В 1882 г. вышёл в свет главный научно-публицистический труд *Ядринцева* – его монография «Сибирь, как колония», – заключавший в себе обстоятельный обзор текущих областных вопросов в связи с историческим прошлым сибирского края, а также с его будущими перспективами. Эта книга была переведена на некоторые европейские языки и сразу же сделала *Ядринцева* достаточно известным публицистом не только в Сибири и России, но и за рубежом. В том же году Николай Михайлович приступил к изданию газеты «Восточное обозрение», призванной стать, как мы уже отмечали, главным печатным органом сибирских областников. Примечательно то, что на страницах своего печатного листка *Ядринцев* вновь весьма смело стал пропагандировать практически те же самые идеи, за приверженность к которым семнадцать лет назад он и его товарищи подверглись жестокому судебному преследованию. «Сибирское общество, – писал он, – ждёт введения земства, нового гласного суда, распространения образования, гарантий личности и лучшего общественного существования... Наши первые и настоятельные нужды – это введение земства, гласного суда, свободы личности, свободы переселения и прекращения ссылки в Сибирь».

Реакция властей на такие «непомерные» запросы, естественно, не заставила себя долго ждать и уже через полгода после выхода первого номера «Восточного обозрения» последовало строгое административное предостережение, а вскоре все публикуемые материалы стали подвергаться жесткой предварительной цензуре. Всё это в конечном итоге привело к тому, что в 1888 г. *Ядринцев* вынужден был покинуть Петербург и переехать вместе со своей газетой в Иркутск – город, хотя и пропитанный особым духом ссыльных декабристов, но при отсутствии в то время железнодорожного сообщения и телеграфной связи, находившийся так далеко от российских

культурных центров, что просто, как говорится, хоть волком вой, – в общем, у «чёрта на куличках», если уж быть совсем точным.

Здесь Николай Михайлович вдобавок к свалившимся на него неприятностям, связанным с закрытием газеты, вскоре получил и трагическое известие о преждевременной смерти своей жены. Сильные переживания, последовавшие за всеми этими событиями, привели *Ядринцева* в такое отчаяние, что он вскоре впал в очень глубокую депрессию, сопровождавшуюся периодическими и весьма длительными запоями. Лишь своевременное участие друзей и, прежде всего, *Потанина*, в его судьбе смогло отвлечь внимание Николая Михайловича от одолевавших его проблем и помогло ему вновь направить усилия на плодотворную научную работу. *Ядринцев* едет в экспедицию на поиски Каракорума – древней столицы монгольских Чингизидов. Эта поездка, закончившаяся открытием известного археологического памятника, навсегда внесла имя *Ядринцева* в историю мировой науки.

Однако после возвращения из научной экспедиции Николай Михайлович неожиданно для многих увлёкся переселенческим вопросом. С целью ознакомления с научными и практическими наработками по данной проблематике за рубежом *Ядринцев* вскоре совершил поездку в США и пришёл в неописуемый восторг от абсолютно новой для него и свободной страны. «Америка меня поразила: это – Сибирь через 1000 лет, точно я вижу будущее человечества и родины… пишу вам 4 июля – праздник Независимости; представьте мои чувства… сердце замирает и боль, и тоска за нашу родину. Боже мой! Будет ли она такой цветущей?» – восклицает он в своих письмах и с ещё большим энтузиазмом по возвращении назад начинает разрабатывать колонизационный и переселенческие вопросы. Но что один разве в поле воин?..

В 1894 г. уставшим и вновь совершенно больным Николай Михайлович прибыл в Барнаул. В этом городе 7 июня того же года он скоропостижно скончался в возрасте пятидесятидвух лет. Как говорили изустно очевидцы, *Ядринцев* намеренно отравился, приняв слишком большую дозу опия в качестве снотворного. Полагали, что в той страшной трагедии не последнюю роль сыграла некая молодая особа, от неразделённых чувств к которой Николай Михайлович сильно страдал в последний период своей жизни.

Смерть *Николая Михайловича Ядринцева* символично совпала с окончанием «золотого века» сибирского областничества, и уже вскоре начался следующий, второй этап развития этого движения, разворачивавшийся в совершенно иной социально-политической и экономической обстановке, связанной, во-первых, с окончанием строительства в начале XX века Транссибирской железнодорожной магистрали, а во-вторых, – с изменившейся общественно-политической ситуацией в стране, пережившей за два первых десятилетия нового века целые три социальные революции.

3. Николай Последний

Подобно тому, как демократические власти современной России отменили главный праздник коммунистов – победу Октябрьской социалистической революции, – заменив его так называемым Днём народного единства, точно так же и сами большевики в своё время подменили празднование дня начала Февральской буржуазной

революции (23-е февраля по старому стилю и 8-е марта по новому) Международным женским днём.

За 20 минут до полуночи 2 марта 1917 г. царь Николай II передал в руки делегации от Государственной думы акт отречения от престола в пользу своего младшего брата – великого князя Михаила Александровича. 3 марта новый император, уступив настояниям всё тех же представителей Государственной думы, сложил с себя переданные ему полномочия вплоть до вынесения решения по этому вопросу Всероссийским Учредительным собранием, передав до того момента власть по управлению страной в руки Временного правительства, избранного из числа депутатов IV Государственной думы.

Революция в России победила*.

По официальным данным тех лет, в ходе Февральской революции в столице погибло с обеих сторон 266 человек, ранения получили – 958.

Вести, поступавшие всю неделю с 23 февраля по 2 марта** по правительственным каналам телеграфной связи в сибирские города, в том числе и в Томск, разумеется, тщательно фильтровались местными властями и не подлежали (упаси бог) никакому публичному разглашению, а тем более – обсуждению. И, тем не менее, все последние «секретные» новости с неизменной периодичностью всем нам хорошо известным способом, всё-таки просачивались в обывательскую среду, где мгновенно распространялись и анализировались на всякий лад. Все, кому были не безразличны подобные сообщения, а такие составляли, надо полагать, подавляющее большинство, одни в нервном напряжении, а другие – просто с небывалым интересом, ждали окончательных результатов происходивших в столице «продовольственных беспорядков».

И вот, наконец, утром 3 марта, когда стало известно, что семья (династия) Романовых приняла решение прекратить политическую борьбу и официально передать власть в руки революционной демократии, скрывать дальше главные столичные новости теперь уже не только не имело никакого смысла, но и стало достаточно опасным занятием, поскольку вполне могло сойти за преступление против революции, чреватое самыми негативными последствиями для местных властей. А, впрочем, 3 марта никто у них уже и не думал спрашивать, собственно, на сей счёт никаких вообще разрешений или распоряжений. В Томске с самого утра того исторического дня, как отмечала местная печать***, начались стихийные манифестации и митинги в поддержку победившей в столице буржуазно-демократической революции. И точно так же, как и население Петрограда, жители Томска с волнением следили в те дни за реакцией воинских частей местного гарнизона на происходившие события, – так как именно от человека с ружьём, как там – в столице, так и здесь – в провинции, во многом зависело то, в какую сторону будут развиваться дальнейшие политические события.

---

*Хотя некоторые полагают, что это долгожданное для многих событие произошло немного раньше – 27-28 февраля по старому стилю. 27 февраля состоялось последнее заседание царского правительства, а 28 февраля на сторону Революционного комитета Государственной думы перешла подавляющая часть Петроградского гарнизона.

**Все даты до февраля 1918 г. приведены у нас по старому стилю.

***Здесь и немного далее мы будем опираться главным образом на материалы мартовских номеров томских газет «Утро Сибири» и «Голос свободы» за 1917 г., а также на воспоминания некоторых участников тех событий, опубликованных год спустя, в марте 1918 г. в газете «Путь народа».

В Томске на тот момент было расквартировано пять запасных полков 20-й Сибирской стрелковой дивизии (18, 25, 32, 38 и 39). И они не подвели... ни один из них не встал на защиту гибнущей монархии... Более того, 18-й полк сразу же перешёл на сторону революции, что оказалось в общем-то в определённой степени, вполне закономерно. Дело в том, что именно в рядах этого полка отбывали воинскую повинность мобилизованные по высочайшему указу 1916 г. ссыльные политические «преступники»* главным образом социал-демократы и эсеры – представители двух политических партий, которые на протяжении последних двадцати лет, собственно, и готовили только что произошедшую революцию. Особенно отличилась в тот день – 3 марта, 14-я рота данного полка. Её казармы располагались в самом центре города, на Воскресенской горе, в месте основания Томска, здесь же проживал во время своей ссылки Бакунин (всё как-то в одном знаменательном русле). В составе 14-й роты, кстати, проходили воинскую службу в будущем такие известные в Сибири большевики, как *Владимир Косарев* и *Андрей Звездов*, а также эсер *Сергей Кудрявцев*. Именно они, а в других ротах 18-го полка точно такие же бывшие политзаключённые, и возглавили движение в поддержку Февральской революции.

По воспоминаниям *Сергея Кудрявцева*, утром 3 марта 14-я рота в полном составе двинулась к Дому науки**, где размещался в то время штаб 18-го полка. Здесь произошла встреча с командиром полка полковником Калиной, который вежливо пригласил политических активистов роты в помещение штаба и официально подтвердил сведения о том, что Николай II действительно отрёкся от престола, что его правительство арестовано и что вся полнота власти в стране перешла в руки Революционного комитета Государственной думы. После этого личный состав роты вернулся в своё расположение – отмечать так давно ожидаемое всеми событие, а для многих – великий день (сейчас патетика) первых смелых ожиданий и нерастраченных ещё пока надежд на обновление.

Однако главные события разворачивались в тот момент у здания городской Думы (сейчас здесь располагается мэрия города Томска) и внутри него. Сюда весь день 3 марта стекались активные сторонники новой власти, по преимуществу – молодёжь из числа военных и гражданских служащих, учащиеся и учащие (тогда именно так принято было называть преподавателей), а также представители местных общественных и партийных организаций, обретших в тот день теперь уже абсолютно легальный политический статус.

Идя навстречу настроению общественности, ставленник свергнутого теперь уже режима, томский губернатор Дудинский обратился к городскому голове с предложением организовать временный комитет, на который можно бы было на переходный период возложить обязанности новой губернской власти. Дело по организации такого комитета городской голова решил поручить гласному (депутату) городской Думы, известному томскому адвокату *Борису Гану*. Последний после некоторых раздумий принял это предложение и вскоре призвал представителей от всех политических

*Среди 40 тысяч призванных тогда по амнистии в армию государственных преступников лишь 5 тысяч являлись политическими, остальные 35 были осуждённые по уголовным статьям. При этом нужно ещё отметить, что под данную акцию не попали, так скажем, политические «рецидивисты», крупные партийные руководители, которых чаще всего под предлогом непригодности по состоянию здоровья к воинской службе, по-прежнему удерживали в «местах, не столь отдалённых». Все они получили свободу только после 2 марта 1917 г.

**Народный университет, построенный на средства П.И. Макушина.

и общественных организаций города на совещание в помещении городской Думы («Сибирская жизнь», №109 за 1918 г.).

Поэтому, пока у стен городской Думы с утра и практически до самого вечера 3 марта шёл ни на минуту не прекращающийся импровизированный политический митинг*, в то же самое время внутри самого здания велись разного рода консультации и совещания, переходившие порой в достаточно жаркие дебаты по вопросу о формировании новой власти в городе и губернии. Городская Дума, хотя и была в своё время создана на цензовой основе, являлась, по сути, единственным органом, в состав которого входили люди, не назначенные прежней царской администрацией, а выбранные путём ограниченного (цензового), но всё-таки публичного гражданского голосования. Прогрессивная часть гласных (депутатов) Думы, собственно, и встала на первых порах во главе процесса по обновлению губернской власти, опираясь в этом революционном начинании, главным образом, на представителей от местного отделения кадетской партии, на делегатов от биржевого корпуса (торгово-промышленных кругов города), а также на видных томских общественников из числа профессорско-преподавательского состава, известных публицистов и ещё конечно же – на юристов (всегда необходимых знатоков нужных законов) в лице, прежде всего, наиболее заметных томских адвокатов (присяжных поверенных)**. В результате в новообразованном комитете по управлению Томской губернией оказалось первоначально 60 человек, по три представителя от каждой политической и общественной организации города («Сибирская жизнь», №109 за 1918 г.). В ряду тех лиц числилось и немало сторонников областнического движения.

Одновременно с этим бывшие политзаключённые, на тот момент рядовые пяти томских полков, здесь же в одном из думских кабинетов, днём 3 марта стали инициаторами избрания и первого состава городского Совета солдатских депутатов. Вслед за ним через некоторое время появился Совет офицерских депутатов, а потом ещё и Совет рабочих депутатов (9 марта)***. Поэтому в Томске, так же как и в столице, а затем и в большинстве других российских городов, сложился режим двоевластия в лице, с одной стороны, проправительственных (поддерживающих политику Временного правительства) новых административных структур, а с другой – в лице Советов солдатских и рабочих депутатов, сразу же занявших нишу политической оппозиции слева.

Итак, политические консультации, заседания и дебаты в стенах городской Думы продолжались, как свидетельствуют источники, до самого утра 4 марта, пока, на-

*Митинговщина в 1917 г. стала настолько популярной, что даже всем известную Нагорную проповедь некоторые предлагали считать древней формой революционного митинга, в том смысле, что революция конечно же не есть только слом старой политической системы, но и обязательное духовное обновление общества.

**В среде общественных деятелей за несколько первых революционных дней и недель произошли весьма значительные политические метаморфозы. Многие из них, до того времени считавшиеся беспартийными, сразу же начали вступать в члены двух ведущих на тот момент политических партий: конституционных демократов и социалистов-революционеров. При этом прежние прогрессисты становились, как правило, правыми эсерами, а бывшие приверженцы консервативного курса и даже некоторые октябристы предпочли теперь числиться кадетами.

***Уже вскоре Совет солдатских депутатов стал проводить заседания в Доме свободы, бывшей резиденции томского губернатора. Совет рабочих депутатов собирался в Доме общества содействия физическому развитию на Мухином бугре, сейчас здесь здание горбольницы №1 по улице Красноармейской (бывшей Солдатской). Совет офицерских депутатов заседал в актовом зале университетской библиотеки. Наряду с вышеупомянутыми структурами функционировал ещё и так называемый гарнизонный

конец, присутствовавшие там общественные деятели не смогли договориться по вопросу о структурах новой власти. В результате был сформирован так называемый Коалиционный комитет, а параллельно с ним – президиум Совета солдатских депутатов, в состав которого, кстати, вошли рядовые *Николай Яковлев* и *Иван Смирнов* (в скором будущем большевистские наместники Сибири, первый – в период до Гражданской войны, а второй – после её окончания).

Коалиционный революционный комитет (через несколько дней он будет переименован во Временный Комитет охраны общественного порядка и безопасности) под председательством всё того же *Бориса Гана* собрался на своё первое заседание днём 4 марта, то есть уже через несколько часов после сформирования. Проходило оно на этот раз в помещении городской управы, размещавшейся на углу улицы Почтамтской* и Ямского (теперь Нахановича) переулка. Начало заседания было омрачено весьма неприятной новостью: появились якобы абсолютно достоверные сведения о том, что группа высших офицеров Томского гарнизона, несмотря ни на что, всё-таки решила сохранить преданность воинской присяге, данной некогда на верность царю и отечеству, и организовала заговор против новой революционной власти.

По поступившей информации заговорщики также не спали всю прошедшую ночь, готовя в городе военный переворот в защиту «низвергаемой жидами и масонами православной монархии». Члены Коалиционного комитета, получив предварительную информацию, не стали перепроверять полученные сведения и в целях предотвращения возникшей угрозы тут же подняли по тревоге личный состав 14-й роты (250 бойцов) 18-го полка и передали командование над ней одному из её рядовых военнослужащих, бывшему политзаключённому, упоминавшемуся нами уже эсеру *Сергею Кудрявцеву***. Прежнего командира данного подразделения офицера Чельцова тем же приказом отстранили от исполнения его обязанностей. Одновременно смещёнными со своих постов оказались и некоторые другие, показавшиеся неблагонадёжными, «золотопогонники» из числа младшего командного состава, а их должности заняли теперь выбранные самими солдатами командиры. Так, первый революционный взвод 14-й роты возглавил бывший политссыльный, тридцатисемилетний большевик, рядовой *Владимир Косарев*. После этого силами перешедших на сторону революции военнослужащих были взяты под усиленную охрану помещения городской Думы и городской управы, и одновременно арестован глава планировавшегося заговора – начальник Томского гарнизона полковник Бирон, а вместе с ним и ещё несколько высокопоставленных армейских офицеров. На освободившуюся таким образом должность начальника Томской стрелковой бригады Коалиционный комитет назначил командира 18-го революционного полка полковника Калину.

За этими проблемами не забыли, однако, и о делах насущных. Одним из первых своих решений Коалиционный комитет отменил введённую в период войны карточную систему на печёный хлеб, теперь им разрешено было торговать в розницу

совет, размещавшийся в доме №4 по ул. Садовой (теперь здесь часть проспекта Ленина от площади Новособорной до Лагерного сада). Был также своего рода «совет» и у томских бизнесменов, он назывался Союзом домовладельцев. Где проводил заседания данный «совет» – нам доподлинно неизвестно, но, возможно, они могли проходить в помещении торгово-промышленной биржи по улице Магистратской (теперь Розы Люксембург)-15.

*Часть современного проспекта Ленина от площади Новособорной до площади имени Ленина (бывшей Базарной).

**В советских исторических исследованиях, посвящённых этим событиям, революционным командиром 14-й роты 18-го полка значится (видимо, всё-таки ошибочно) большевик *Андрей Звездов*.

в неограниченном количестве. В чьих интересах проводилась данная акция, то ли в интересах голодающего населения, то ли предпринимателей – вопрос далеко не однозначный.

На следующий день, 5 марта, на сторону революции вслед за 18-м перешёл ещё и 32-й стрелковый полк, причём также во главе со своим командиром К.С. Киселёвым. После митинга, проведённого в расположении части, полк в полном составе в сопровождении оркестра и с красными революционными флагами подошёл к зданию городской управы. Его командир обратился к представителю Комитета общественного порядка и безопасности с речью, в которой указал, что он от имени полка приветствует Всероссийское Временное правительство и выражает готовность вместе с вверенным ему воинским подразделением встать на защиту отечества и нового порядка. Остальные три томских полка пока ещё сохраняли нейтралитет, но и это, как посчитали в Комитете, было скорее положительным, нежели отрицательным результатом трёх первых революционных дней в городе.

Получив такую значительную поддержку со стороны военных, Коалиционный комитет в тот же день, 5 марта, принял решение отстранить прежнюю полицию от охраны общественного порядка в городе, передав её функции тем воинским частям, которые заявили о своей поддержке произошедшей в стране революции. А вслед за этим последовали в тот же день и новые аресты, на сей раз – лиц из числа бывших высокопоставленных чинов губернской администрации. За решёткой оказались начальники полицейского управления: ротмистр Богданович и полковник князь Путятин (в некоторых источниках – Путято), а также руководители губернского жандармского отделения – некто Субботин и его первый помощник (заместитель) Потоцкий*. А тем же следом были арестованы и некоторые наиболее одиозные деятели из местного отделения Союза русского народа – самой мощной до недавнего времени монархической и националистической организации России, объявленной теперь вне закона. Руководил операцией большевик *Аркадий Иванов*. Он вскоре после успешного проведения данной акции, а также других революционных мероприятий подобного рода занял должность начальника томской революционной милиции (милиционер родился).

Все эти аресты сопровождались весьма тщательными и продолжительными обысками в полицейском управлении и особенно в его охранном отделении. Все конфискованные в ходе проведённого рейда материалы, в том числе и сверхсекретный агентурный компромат, оказались тем же следом в распоряжении Коалиционного комитета. К нему же под контроль перешло и всё изъятое у полиции оружие. В здании бывшего губернского правления в те дни также провели весьма тщательный осмотр, во время которого представители революционной власти обнаружили в подвальных помещениях 96 ящиков с винтовками и тут же на вполне «законном» основании конфисковали всё оружие в пользу революции. В завершение всех этих мероприятий вечером 5 марта под домашний арест был определён бывший томский губернатор Дудинский. Таким образом, люди, имевшие ещё несколько дней назад в своих руках реальные рычаги управления на территории Томской губернии, теперь все оказались или за решёткой, или под домашним арестом.

---

*Уже через три месяца, в июне 1917 г. судебное преследование против всех этих лиц было прекращено, и они все вышли на свободу. Что касается рядовых служащих жандармского управления, то их зачислили в маршевые роты и уже в апреле 1917 г. отправили на фронт.

Единственным из наиболее влиятельных персон прежнего режима, оставшимся в первые революционные дни на свободе, оказался глава местной православной епархии епископ Томский и Алтайский Анатолий. Никаких формальных поводов для его ареста у новых властей тогда не нашлось. И всё, видимо, потому, что общественное влияние отца Анатолия, как тогда посчитали, было не столь значимо, чтобы представлять какую-то опасность для новой власти. Всё, что мог предпринять главный православный батюшка губернии для защиты старого режима, так это – как и в прежние годы – продолжать заниматься контрреволюционной пропагандой во время своих воскресных проповедей, что в условиях объявленной новыми властями свободы слова, законных поводов для ареста томского епископа как бы не давало. И даже после того, как 11 марта отец Анатолий публично освятил знамя Союза русского народа, его не стали подвергать, что называется, сугубой изоляции, а ограничились лишь тем, что направили в адрес Временного правительства и Священного Синода ходатайство об отстранении строптивого «епископа-черносотенца» от должности*.

6 марта Революционный коалиционный комитет, переименованный к тому моменту во Временный Комитет общественного порядка и безопасности, принял решение поменять место своей основной прописки и перебрался в здание теперь уже бывшего губернского правления (в настоящее время – корпус Сибирского физико-технического института, площадь Новособорная-1, красивое здание с колоннами в античном стиле). Все службы и чиновников старого правления распустили в первые революционные дни, так что Комитету предстояло теперь набрать новую команду для управления губернией. В связи с этим в тот же день через периодическую печать было распространено обращение ко всем политическим и общественным организациям Томска с просьбой делегировать собственных представителей в расширенный состав Комитета. Откликнувшиеся на просьбу новой революционной власти 73 городские организации (включая и профсоюзные) в период с 8 по 12 марта выбрали на собраниях общественности наиболее ответственных работников и направили их в распоряжение Временного Комитета. Таким образом, вскоре эта новоявленная административная структура разрослась до 165 человек и включала в себя следующие три основных подразделения:

1. Распорядительное бюро: председатель комитета *Б.М. Ган*, товарищ (заместитель) председателя *В.И. Анучин*, секретарь *М.Б. Шатилов*, члены Гуковский, А.В. Данилов, *Н.Н. Яковлев* (от Совета солдатских депутатов) и *В.С. Сизиков* (от Совета офицерских депутатов);

2. Исполнительное бюро: С.В. Александровский (военно-юридический отдел), *А.Ф. Иванов* (отдел милиции), А.И. Солнцев (почта и телеграф), А.А. Константинов

*В столице то ли вследствие занятости на тот момент более важными проблемами, то ли по какой-то иной причине, но этому делу так и не дали тогда хода. Так что отец Анатолий по-прежнему продолжал исполнять обязанности главы Томской и Алтайской епархии ещё в течение нескольких лет. А покинул он своих прихожан лишь в конце 1919 г., когда из-за угрозы приближения к городу частей Красной армии отец Анатолий вынужден был бежать из Томска вместе с остатками войск Колчака. Однако в эмиграцию он вслед за остальными приверженцами белой идеи не подался и осел в Иркутске. Здесь в начале 1920 г. его арестовали большевики, приговорили за все прошлые дела к расстрелу, но потом по какой-то причине заменили высшую меру наказания на длительное тюремное заключение. После двух лет изоляции отца Анатолия в очередной раз амнистировали, освободили из заключения и разрешили вернуться на церковную кафедру. В 1925 г. прямо во время службы он умер от острой сердечной недостаточности.

(продовольствие), Б.Л. Степанов (топливо), В.И. Орлов (пути сообщения), *В.П. Денисов* (народные собрания);

3. Комиссариат по управлению Томской губернией: А.А. Барок, *П.В. Вологодский* и М.А. Воскобойников.

В апреле Воскобойникова в комиссариате по управлению Томской губернии сменил *М.П. Марков*, а чуть позже вместо Барока туда вошёл *П.И. Троицкий*. И лишь *П.В. Вологодский* с самых первых дней и вплоть до момента расформирования комиссариата в мае 1917 г. оставался его постоянным членом. *Пётр Васильевич Вологодский* – известный томский адвокат, один из лидеров второго поколения сибирских областников...

Он был «рукоположен» в члены сибирского областнического братства самим *Николаем Ядринцевым*. Произошло это, как полагают исследователи, где-то между 1885-1886 гг. в Петербурге, во время обучения Вологодского на юридическом факультете столичного университета, именно тогда совсем ещё молодой *Пётр Вологодский* начал сотрудничать в газете «Восточное обозрение», редактируемой *Н.М. Ядринцевым*. Однако в 1887 г. его отчислили за неблагонадёжность из числа студентов и выслали под надзор полиции в Томск. А через год покинул Петербург и Ядринцев, перебравшийся со своей газетой в Иркутск. Вскоре сюда же прибыл и Вологодский. С того самого момента, собственно, и началась его легальная областническая деятельность.

Пётр Васильевич Вологодский начал работать на этом поприще как раз в ту пору, когда первый этап движения сибирских областников подошёл к своему логическому завершению или даже, можно сказать, – исчерпал себя*. И хотя усилиями *Ядринцева* и *Потанина* в крупнейших городах Сибири на базе обществ попечения о начальном образовании, под прикрытием местных отделов и подотделов Русского географического общества, а также из недр различного рода просветительских кружков по интереса, стали возникать в тот период уже первые, хотя и небольшие, но всё же в определённой степени достаточно организованные группы областников-автономистов, а вслед «Восточному обозрению» появилось ещё несколько сибирских газет, таких как «Сибирь», «Сибирская газета» и «Сибирская жизнь», например, всё-таки говорить о том, что движение автономистов набрало уже в глазах общественности достаточный вес и силу, было пока ещё весьма и весьма преждевременно.

В определённой степени это явилось следствием того, что движению в большинстве своём категорически не желали оказывать никакой материальной поддержки местные толстосумы – представители сибирских бизнес-кругов. Во-первых, потенциальные спонсоры опасались оказаться замешанными в «антигосударственной деятельности», а во-вторых, они не находили в финансовой помощи областникам никакой практической выгоды для себя. Поэтому некоторые сибирские меценаты, в лучшем случае, принимали посильное участие лишь в просветительской работе, да и то из всего многочисленного «корпуса» сибирских промышленников и купцов XIX – начала XX века можно выделить, пожалуй, лишь десятка два человек, ну может быть чуть больше, кто своим непосредственным участием оставил хоть какой-то более или менее заметный след на поприще благотворительности**. Остальную же – к со-

---

*Всё это совпало, между прочим, с началом царствования последнего российского императора.

**Среди них хотелось бы отметить, например, иркутского купца Андрея Андреевича Белоголовова (1832-1893), собравшего за свою жизнь более 1000 томов уникальных печатных и рукописных книг по истории Сибири, о культуре и традициях её народов и завещавшего после смерти все эти бесценные

жалению и увы, – абсолютно безучастную в деле народного просветительства массу сибирского торгово-промышленного капитала *Потанин* с горечью называл «просолами».

Однако в начале XX века положение вещей в Сибири в этом плане стало понемногу меняться, причём определённо в лучшую сторону. И произошел данный переворот, в первую очередь, вследствие того, что сибирские промышленники и предприниматели вошли в стадию жесткой экономической конкуренции* со своими столичными партнёрами, которые, благодаря связям в правительственных кругах, диктовали сибирским коммерсантам однозначно невыгодные для них условия товарообмена. И первой такой весьма значительной издержкой на пути до той поры абсолютно «безоблачного» сотрудничества столичных и провинциальных деловых кругов стал так называемый Челябинский тарифный перелом, принятый правительством в 1896 г. и обязывавший платить за товары, вывозимые из Сибири, двойной железнодорожный тариф, что сразу же сказалось на себестоимости этих товаров и нанесло удар не только по предпринимателям из сферы частного бизнеса, но и по участникам недавно зародившегося в Сибири товарно-потребительского кооперативного движения.

Следующий весьма чувствительный удар в области товарно-денежных отношений был нанесён по сибирякам в 1898 г. Дело в том, что в период строительства Транссиба (началось в 1891 г. и продолжалось около 10 лет) часть монтажного оборудования и техники доставлялась в Сибирь по Северному морскому пути. И вот, воспользовавшись предоставленной возможностью, по этой проторенной во льдах дорожке стали заплывать в устье великих сибирских рек иностранные торговые представители, начавшие вступать с местными купцами и промышленниками в прямые коммерческие предприятия, не прибегая уже больше к услугам московских и питерских посредников. Более того, достаточно продолжительное время в тот же период в крупнейшем сибирском портовом городе Владивостоке существовала ещё и система беспошлинной международной торговли, так называемая система порто-франко, свободная экономическая зона по-нашему. Такое положение вещей, естественно, вызывало явное недовольство в среде питерских портовых олигархов, и они, опять-таки пользуясь своими связями в около правительственных кругах, после того как строительство железнодорожной магистрали стало уже подходить к концу, настояли в 1898 г. на том, чтобы, во-первых, запретить иностранным негоциантам торговать с сибирскими купцами напрямую. А во-вторых, в 1909 г. были отменены и столь благоприятные для самостоятельного развития сибирского бизнеса условия порто-франко во Владивостоке.

Эти и некоторые другие экономические проблемы, а также давнее-предавнее желание сибиряков иметь собственное земское самоуправление с самыми широкими полномочиями для развития своего региона и соединили воедино в начале нового века усилия сибирских областников с прогрессивными намерениями местных политиков либерально-буржуазного толка. Более того, тогда же к данному процессу удалось подключить ещё и спонсорские капиталы той части сибирского предприни-

---

фолианты в дар библиотеке Томского университета. Необходимо выделить заодно с ним также и томича Петра Ивановича Макушина (1844-1926), первым организовавшего в сибирских городах сеть книжных магазинов, в которых можно было по весьма сходной цене приобрести самую современную литературу, в том числе и просветительского характера.

*Не было бы счастья, да несчастье помогло, как говорится.

мательского сообщества, которая также поверила, наконец, в такое важное и общее для всех дело.

Вместе с тем на этом трудном пути оставался по-прежнему целый ряд сложностей, связанных, в частности, с тем, что и областникам, и либералам приходилось до периода демократических реформ 1905 г. действовать на полулегальной основе. И хотя они в отличие, допустим, от революционеров, находились, как правило, на свободе, а не скитались по тюрьмам и ссылкам, однако их лидеры фактически все без исключения были под негласным, а иногда и гласным надзором полиции, что, несомненно, сдерживало процесс консолидации их общих усилий, препятствовало их полноценному и, главное, – плодотворному сотрудничеству. И лишь с приходом первой русской революции 1905 г. ситуация в данной области немного изменилась к лучшему. По крайней мере, теперь вся оппозиция умеренного толка получила, наконец, свой вполне легальный политический статус. В числе тех немногих счастливчиков оказались тогда и сибирские областники.

Всё это в немалой степени поспособствовало тому, что сибирским автономистам удалось, наконец, создать не только несколько официально зарегистрированных городских организаций, но также и своё первое общекраевое объединение. Так, в самом начале 1905 г. в Томске стараниями местной группы автономистов образовался Сибирский областной союз. Эта всесибирская организационная структура появилась на свет главным образом благодаря усилиям, по-преимуществу, деятелей второго поколения сибирских областников, однако лидером Союза стал, и это даже не обсуждалось, *Григорий Николаевич Потанин**, представитель самого первого, героического (позволим себе такой эпитет) поколения сибирских автономистов. Патриарх тогда уже находился на семидесятом году жизни, но он по-прежнему оставался в строю, был бодр телом и душой и очень надеялся, что ему хватит времени и сил для того, чтобы завершить главное дело всей своей жизни**.

Томское отделение Союза возглавлял в это время тогда ещё достаточно молодой – сорокадвухлетний *Пётр Васильевич Вологодский*. В тот же период руководителем красноярской организации сибирского областнического объединения являлся ещё один видный представитель второго поколения сибирских автономистов – сорокадевятилетний врач *Владимир Михайлович Крутовский*. Он собрал вокруг себя весьма представительную по количеству группу автономистов, в которую вошло по некоторым данным около 140 человек. Правда, по большей части, ими являлись друзья, коллеги по работе, а также многочисленные знакомые (читай: пациенты) Владимира Михайловича, и всё же, всё же, всё же. 20 мая 1905 г. в кругу своих единомышленников*** *Владимир Крутовский* впервые озвучил идею о созыве общесибирской земской Думы для решения на местном законодательном уровне самых насущных региональных проблем.

После нескольких предварительных консультаций члены Сибирского областного союза решили созвать в Томске в августе 1905 г. съезд (в других источниках – пока просто конференцию) представителей от ведущих городских организаций Урала, Сибири и Дальнего Востока. Некоторые исследователи полагают, что томскому съезду,

---

*С 1902 г. он опять на постоянной основе поселился в Томске.

**Натянуть тетиву одиссевского лука и преподать урок незваным гостям, разоряющим его дом.

***Некоторые источники утверждают, что это произошло на заседании общества врачей Красноярска.

возможно, собирались придать даже статус учредительного. С этой целью группа томских автономистов в составе: *П.В. Вологодского*, М.Н. Вознесенского, А.В. Витте, *А.Н. Гаттенбергера* и некоторых других*, а также при непосредственном участии *Г.Н. Потанина* разработала проект закона о местном самоуправлении в Сибири под названием: «Проект основных начал положения о земских учреждениях в Сибири». При его подготовке учли, в частности, пожелания группы красноярских областников, и в третьей части законопроекта на рассмотрение съезда было представлено Положение об учреждении единого для всего Зауральского региона Областного земского собрания, своего рода краевого парламента. По предложению Михаила Николаевича Вознесенского данное собрание решили назвать – Сибирской областной думой, по аналогии с общероссийской Государственной думой, созыва которой требовала от царя в революционном 1905 г. вся прогрессивная общественность страны.

Сибирская дума задумывалась как орган по разработке, подготовке и выдвижению на рассмотрение Всероссийской Государственной думы необходимых законов в области социального, экономического, научно-образовательного и культурно-просветительского развития региона. Областная дума должна была быть автономной, наделялась правом иметь собственный исполнительный орган власти и собственные финансовые средства. Кроме того, в её ведение, по замыслам создателей законопроекта, передавались лесные и водные ресурсы края, а также – возможность по собственной инициативе и в собственных интересах распоряжаться богатствами своих недр (планов – громадьё). В первых двух частях «Проекта основных начал», предварявших главу об Областной думе, подробно расписывалась система выборного земского самоуправления, начиная от сельской общины и кончая губернским народным представительством. Ну и, наконец, ещё одним основополагающим положением этой законодательной инициативы томских областников являлось провозглашение Сибири неотъемлемой частью Российской империи**.

Все предварительные наработки решено было обсудить, дополнить и по возможности принять в окончательном варианте на том самом съезде Сибирского областного союза, который, как мы уже указывали, запланировали провести в августе 1905 г. в Томске***. Мероприятие это проходило под бдительным надзором жандармерии, участников совещания, съехавшихся из разных городов Сибири, вполне естественным образом, что называется, весьма качественно «пасли» как самых настоящих революционеров. И только временное (в условиях усиливающегося с каждым днём противостояния общества и государства) послабление режима абсолютной власти не позволило полиции задержать прибывших тогда в Томск областников-автономистов. Однако и те также решили не испытывать лишний раз терпение властей и провели «съезд» с максимальной оперативностью – всего за один день****. 29 августа в до-

---

*Вся эта группа, за исключением близкого к эсерам *Вологодского* и народного социалиста *Потанина*, представляла в большинстве своём либерально-буржуазное направление в российской политике, уже через несколько месяцев объединившееся в партию конституционных демократов – кадетов.

**Кто-то говорит в связи с этим: «Да ладно, не вешайте нам лапшу на уши». А мы говорим: «Ну так не доводите до греха...»

***Томск, как место проведения совещания, был выбран конечно же не случайно. Здесь находилась самая представительная и наиболее влиятельная группа автономистов, здесь же проживал Потанин, да и вообще – в 1905 г. Томск всё ещё являлся самым крупным городом Сибири, лишь в последующее десятилетие его немного опередил в этом плане Омск.

****По другим сведениям, совещание продолжалось не один, а целых два дня – 28 и 29 августа.

статочно вместительном доме* томского адвоката *Петра Васильевича Вологодского* собрались за большим тульским самоваром на свою «тайную вечерю» несколько десятков человек, виднейших представителей сибирской интеллигенции.

Весь день с раннего утра и до самой глубокой ночи проходило первое объединительное собрание сибирских областников, и хотя до статуса учредительного августовский съезд всё-таки не дорос, тем не менее на нём удалось решить целый ряд очень важных вопросов, подводивших своеобразный итог полувековому пути развития автономистского движения. Так, в частности, в доработанном варианте большинством голосов участники томского совещания одобрили «Проект основных начал положения о земских учреждениях в Сибири»**. И с этим достаточно «крамольным» по тем временам документом на руках в Москву, теперь уже на съезд городских и земских деятелей всей России, была откомандирована группа делегатов во главе с *Григорием Потаниным*.

Однако там, в Москве, на земском съезде, где, кстати, одновременно с решением некоторых других задач прошла процедуру официального оформления ещё и кадетская партия***, идеи сибирских областников оказались восприняты однозначно положительно. *Потанину* в очередной раз, теперь уже в среде столичной либерально-буржуазной политической оппозиции, пообещали рассмотреть сибирские проблемы в «самой ближайшей перспективе», а пока настоятельно попросили сибирскую делегацию в условиях, когда царский режим может пойти лишь на незначительные уступки, не выдвигать пока на первый план проект автономии Сибири... Ну а после завершения первой русской революции, закончившейся, как известно, фактически полным поражением демократических сил и новым торжеством реакции, всем сибирским долгосрочным проектам по устройству местного самоуправления опять приказали, что называется, долго жить. Областническое движение, по мнению большинства исследователей, после этого в очередной раз надолго ушло в тень, лишилось видимой самостоятельности и почти до самого 1917 г. находилось под крылом легализованного после манифеста 17 октября 1905 г. либерального движения в лице кадетской партии. В результате такого сотрудничества сибирские автономисты не смогли не только хоть как-то продвинуть вопрос о Сибирской областной думе, но им даже не удалось добиться введения в крае системы земского самоуправления, существовавшего тогда уже в большей части европейских губерний России.

В завершение всего в условиях, когда совместная жизнь с кадетами, прямо скажем, не совсем удалась, в среде сибирских областников начало формироваться, а вскоре и некоторым образом заявлять о праве на лидерство ещё и третье поколение автономистов, или, по-другому, – младообластников. Они в отличие от своих старших товарищей взяли курс на сотрудничество, главным образом, с левыми политическими партиями, в лице, прежде всего, эсеров, которые полностью разделяли и, более того, приветствовали идеи сибиряков об автономии****. Всё это привело к тому,

---

*Располагавшимся тогда по улице Нечаевской (теперь проспект Фрунзе)-17.

**Некоторая часть делегатов настаивала на смягчении, а другая, – наоборот, на радикализации этого законопроекта.

***Партия конституционных демократов впоследствии, для большего, видимо, взаимопонимания с широкими слоями населения, была переименована в партию народной свободы, однако это название за кадетами как-то не особо прижилось.

****Программа эсеров предусматривала возможность предоставлять достаточно широкую автономию, основанную на системе выборного местного самоуправления, для всех без исключения экономи-

что сразу же после Февральской революции многие из младообластников вступили в ряды партии эсеров, более того, некоторые из их числа даже формально порвали с деятелями второго поколения сибирских автономистов, по-прежнему остававшихся верными линии на сотрудничество, так скажем, с более умеренными революционными партиями, в частности с кадетами*. В среде молодёжи, дерзнувшей бросить вызов «старикам», можно выделить, например, томича *Михаила Шатилова*, красноярца *Евгения Колосова-младшего*, иркутянина *Ивана Якушева*, а также представителя омского отделения Сибирского областного союза, подающего большие надежды начинающего писателя *Александра Новосёлова.*

Также нужно отметить, что вполне определённо идеям социально направленного обновления страны сочувствовали и некоторые ведущие деятели не только третьего, но также и второго поколения сибирских областников. Как мы уже отмечали, *Пётр Васильевич Вологодский* ещё на заре своей общественной деятельности тесно сотрудничал с эсерами, а в революционном 1905 г. даже редактировал в Томске их партийную газету. В 1906 г. он в качестве адвоката защищал на судебном процессе в Красноярске лидеров местного Совета рабочих депутатов, а вернувшись в Томск, выступил обвинителем по делу о погроме, устроенном черносотенцами в отношении революционно настроенной молодёжи. За эти откровенные выпады против официальной власти *Вологодский* даже был выслан на некоторое время из Томска.

Точно такой же временной высылке подвергался в своё время, и не один раз, *Владимир Михайлович Крутовский*, автор идеи о общесибирской земской Думе. Однако совсем не за ту «крамолу» оказывался несколько раз в опале при царском режиме этот видный сибирский областник: всему виной было его сотрудничество с партией народного социализма. Народным социалистом некоторое время являлся и сам *Г.Н. Потанин*. В общем, как отмечала советская исследовательница М.Г. Сесюнина

чески и культурно развитых регионов страны. Социалисты-революционеры считали, что такие достаточно зрелые в этом отношении районы, как Московская и Петроградская области, Крым, Поволжье, Пермско-Уральский край и Сибирь, вполне способны образовать нечто похожее на штаты Северной Америки, проводя достаточно самостоятельную внутреннюю политику. Таким образом, эсеры предлагали самую либеральную программу по реформе местного и регионального самоуправления. За что, кстати, они очень часто подвергались критике, как со стороны большевиков, так и со стороны кадетов, по данному вопросу выступавших единым фронтом и обвинявших эсеров в предательстве национальных и государственных интересов России, в разрушении «великой, единой и неделимой» и т.п.

*Кадеты после Февральской революции повели себя, как известно, не совсем достойно по отношению к русской революции. Придя к власти, они сразу же перешли к политике сохранения, во что бы то ни стало, прежде всего, режима собственной монополии на единодержавие. К тому же кадеты, как позже выяснилось со всей определённостью, весьма прохладно относились к идее сибирской автономии в принципе. Настаивая на предоставлении независимости Польше и Финляндии, они в то же самое время очень сдержанно воспринимали идеи территориальной автономии российских регионов. И хотя в среде кадетов были достаточно влиятельными позиции представителей левого крыла партии (сам лидер конституционных демократов – историк Павел Милюков – принадлежал к данному направлению), тем не менее ждать от них каких-то существенных перемен в деле автономизации Сибири явно не приходилось. В дополнение ко всему нужно, наверное, ещё отметить, что в среде сибирских кадетов самыми левыми считались представители красноярского отделения этой партии. Томичи стояли как бы посредине, а вот на определённо правых, сугубо консервативных позициях (видевших в сибирских автономистах скрытых сепаратистов, по типу украинских, мечтавших о полном отделении от России) находились омские конституционные демократы. Последнее обстоятельство, кстати, чуть позже (осенью 1918 г.) сыграло весьма немаловажную роль в утверждении у власти на территории Сибири правоконсервативного режима адмирала Колчака, произведшего свой государственный переворот не где-нибудь, а именно в Омске.

(«*Г.Н. Потанин* и *Н.М. Ядринцев* – идеологи сибирского областничества». Томск, 1974 г.), действительно, пророком оказался *Николай Ядринцев*, когда незадолго до своей трагической кончины с сожалением констатировал, что в среде молодых сибиряков гораздо успешнее усваиваются «разные социальные теории и направления русских молодых партий (народничество, марксизм, социализм и т.п.), чем идеи сибирского патриотизма». Довели, что называется...

Далее, некоторые из исследователей данного вопроса также считают, что сибирская ссылка, то есть политические ссыльнопоселенцы Нарыма, Туруханска и Якутска, после своего освобождения довольно часто оседавшие в сибирских городах, к 1917 г. полностью задавили голос, достаточно малочисленной в сравнении с ними, местной «аборигенной» интеллигенции. Ну а после Февральской революции авторитет пришлых диссидентов вообще возрос, что называется, в разы. О том, насколько это заявление верно, свидетельствует хотя бы тот факт, что в Томске в марте 1917 г. первую партию освобождённых революцией политических ссыльных из Нарыма встречали в торжественной обстановке в бывшем губернаторском доме представители Комитета общественной безопасности во главе с самим председателем – *Борисом Ганом* («Утро Сибири», Томск, №61 от 18 марта 1917 г.). Мы уже указывали, что после амнистии 1916 г. на каторге и поселении остались лишь наиболее опасные преступники – политические вожди революционных партий. Теперь, после февраля, освобождёнными оказались и они. Так, в первую группу ссыльнопоселенцев из Нарыма вошёл, например, один из большевистских партийных боссов Алексей Рыков. Он, кстати, и выступил с ответным приветственным словом от имени бывших политкаторжан на встрече в губернаторском доме 16 марта 1917 г.

По сведениям томской печати тех революционных дней, для того чтобы оплатить дорогу до Петрограда, а также питание и проживание бывших политзаключённых, томскую буржуазию, что называется, в добровольно-принудительном порядке обязали сделать единовременный денежный взнос на эти нужды. Самую крупную сумму в 5 тысяч рублей (что-то около одного миллиона на наши деньги) пожертвовал тогда, как и полагалось по статусу главы богатейшего семейства в городе, Алексей Кухтерин. А самый маленький взнос, всего в 100 рублей (где-то около 20 тысяч), сделал упоминавшийся нами уже купец-просветитель Пётр Макушин. Всего было собрано тогда 24 тысячи 215 рублей.

Таким образом, выясняется, что в первые дни, а потом и месяцы после победы Февральской революции голос сибирских областников несколько потонул в потоке общероссийского политического подъёма и зазвучал в полную силу лишь спустя полгода, в то время, когда кадеты, эсеры и большевики сошлись в непримиримой схватке за власть и на «минутку» ослабили контроль за всё ещё непокорными сибирскими автономистами. А пока – в марте 1917 г. – лидер томских областников *Пётр Вологодский* занял весьма скромную должность начальника одного из отделов Комитета по охране общественного порядка и безопасности. В конце мая того же года, в результате расформирования данного Комитета он потерял и это место, и вообще вскоре был удалён из города под предлогом назначения на достаточно высокую должность – председателя Омской судебной палаты, являвшейся высшим судебным учреждением Сибири.

Ещё один видный сибирский автономист из более молодого, как мы уже указывали, призыва – *Михаил Шатилов*, хотя и стал в марте ответственным секретарём рас-

порядительного бюро Комитета по безопасности, а по сути – одним из заместителей его председателя, *Б.М. Гана*, но, как мы уже отмечали выше, областником он был только наполовину, вторая «часть» его общественных устремлений всецело принадлежала делу партии социалистов-революционеров. Поэтому именно *Шатилов,* после того как неким силам удалось-таки на время устранить *Вологодского*, занял его место – главного движителя областнических инициатив из Томска. Осуществлял он эти инициативы не без помощи и вместе с тем, естественно, под строгим контролем ставшей с мая месяца правящей в стране правоэсеровской партии.

Посланцем, видимо, тех самых «неких сил» в понедельник 18 марта в Томск прибыл, назначенный Временным правительством, новый глава губернской власти – бывший профессор Томского технологического института, а в недавнем прошлом член Государственного совета – Е.Л. Зубашев. Вообще-то профессора ждали в городе 19-го числа, но он, видимо, так сильно спешил, что сумел добраться до места назначения на сутки раньше срока, успешно преодолев все железнодорожные пробки. На вокзале Томск-I правительственного комиссара, как и полагается, встречала весьма представительная делегация от Комитета общественной безопасности, революционных военных, а также – преподаватели и студенты томских вузов, и ещё – обычные жители города, вот уже третью неделю – граждане новой демократической России.

Ефим Лукьянович Зубашев был личностью достаточно известной в Томске: в конце XIX века он участвовал в строительстве технологического института, а потом в течение семи лет являлся его первым директором (ректором). В революционном 1905 г. он не стал столь ревностно, как следовало по его должностному статусу, исполнять распоряжения правительства по подавлению студенческих волнений, за что в 1907 г. его уволили со службы. В 1910 г. Ефима Лукьяновича избрали гласным Томской городской думы, после чего он даже стал городским головой на некоторое время, однако его кандидатура не прошла утверждение министром внутренних дел, и через год Зубашев сложил с себя эти полномочия. В 1912 г. Ефима Лукьяновича в качестве представителя сибирских бизнес-кругов избрали в члены Государственного совета. Теперь, в 1917 г. его, как члена кадетской партии, в ранге практически идеальной кандидатуры на пост томского губернского комиссара, сразу же утвердило Временное правительство и как можно скорее направило в столицу областнической Сибири.

Однако здесь, в Томске, Зубашев на этот раз проявил себя сугубо правительственным чиновником. Как и большинство комиссаров Временного правительства, он начал проводить политику, направленную не только на сохранение завоеваний Февральской революции, но и на охранение новой власти от попыток освобождённых революцией, более молодых политических сил начать процесс по углублению демократических преобразований в стране, набрав себе команду из числа знакомых ему чиновников старой администрации, главным образом из состава комитетов по крестьянским делам и переселенческих управлений, а также созданных во время войны продовольственных комитетов. Именно тогда из отдела (комиссариата) по управлению Томской губернией Комитета общественной безопасности ушли в ведомство Зубашева А.А. Барок, бывший чиновник комитета по крестьянским делам, и М.А. Воскобойников, работавший до Февральской революции помощником заведующего губернским переселенческим управлением. Теперь в составе отдела КОБа по управлению губернией остался только областник *П.В. Вологодский*. Однако вскоре

на освободившиеся места были назначены новые два человека: *П.И. Троицкий,* член кадетской партии и гласный Томской городской думы, а также *М.П. Марков*, партийную и профессиональную принадлежность которого нам, к сожалению, выяснить не удалось.

Первоначально управленческие структуры, созданные правительственным комиссаром, вроде бы достаточно тесно взаимодействовали с отделами губернского Комитета общественной безопасности, однако постепенно произошло сначала отчуждение, а потом и полное взаимное отторжение двух параллельных структур, что привело, как следствие, к подрыву окончательного доверия к миссии Ефима Зубашева. В томском Комитете ждали от Временного революционного правительства, прежде всего, скорейшего, наконец, решения вопроса о земском самоуправлении в Сибири. Однако никаких заметных подвижек ни в правительственных распоряжениях, ни, как следствие, в действиях назначенного им комиссара Зубашева по данной проблеме не наблюдалось.

В такой непонятной для многих ситуации томичи выступили с очередной политической инициативой и предложили, не дожидаясь распоряжений из столицы, самим организовать и провести полностью демократические выборы в органы местного самоуправления или, по-другому, – *народоправства (*именно так на русский манер и по последней моде тех революционных дней предпочтительно стали называть органы демократического самоуправления). И всё было сделано в конечно счёте для того, чтобы заменить временные структуры губернской власти, возникшие на волне первых революционных преобразований, постоянными и тем самым получить возможность, опираясь на всенародно избранную власть, противостоять в отстаивании своих интересов не только правительственному комиссару, но, возможно, если понадобится, и самому Временному правительству в случае полного расхождения интересов центра и регионов.

Подготовка к выборам велась в ускоренном, что называется, темпе, и вот уже 16 апреля 1917 г. состоялись первые в истории Томской губернии, целой Сибири, да и, пожалуй, всей России, всеобщие, тайные, равные и прямые выборы* в губернское, уездное и городское народные собрания. В результате в одно только Губернское народное собрание были избраны 522 человека – представителей от крестьянства, интеллигенции, служащих, рабочих, а также военных**.

Оно открыло своё первое заседание 20 апреля в актовом зале университетской библиотеки. Инициаторами созыва демократического форума стали томские областники в союзе с молодыми революционными партиями. Об этом свидетельствует хотя бы тот факт, что председателем Томского губернского народного собрания избрали видного сибирского автономиста *Пётра Васильевича Вологодского*, а двумя его товарищами (заместителями) по президиуму стали: эсер, младообластник *Михаил*

---

*В этих выборах могли принять участие граждане, не отбывающие наказание по суду, любой национальности, любого вероисповедания, как грамотные, так и безграмотные, гражданские лица и военнослужащие, достигшие 18-ти лет и проживавшие на территории Томской губернии не менее 3-х лет. И что самое, пожалуй, удивительное – в выборах депутатов местного самоуправления на всех выше перечисленных условиях могли принять участие... женщины, – такого не было тогда не только в России, но и в большинстве стран Европы и даже в США.

**Крестьянские депутаты составляли подавляющее большинство, около 70%, а вместе с рабочими и солдатами народная масса имела 80% голосов, интеллигенция и служащие составляли всего 20%. Однако нужно, конечно, иметь в виду, что именно это меньшинство и верховодило в Собрании.

Шатилов и социал-демократ (меньшевик) *Александр Наумов*. Ну а место почётного председателя Собрания с всеобщего одобрения занял сам *Григорий Николаевич Потанин*. Дальнейшие комментарии уже излишни, что называется.

Тринадцать (несчастливое число) своих представителей удалось провести в Губернское народное собрание и томским кадетам, среди них оказались: вернувшийся несколько месяцев назад из минусинской ссылки *Александр Васильевич Адрианов* и известный нам уже сибирский книготорговец Пётр Иванович Макушин. Сибирские кадеты, кстати, в период с 30 апреля по 2 мая провели в Томске 1-й общесибирский съезд, на котором приняли решение, не дожидаясь указаний из столицы от ЦК партии, на этот раз полностью поддержать областников в их очередной попытке по созданию на территории Сибири автономного территориального образования.

Причём кадеты Восточной Сибири пошли ещё дальше и предложили учредить на территории края не просто отдельно взятую автономную область, а целую федерацию автономных областей, а также – и принцип нескольких дум для Сибири. Таким образом, они предполагали автономию ещё как минимум и для Восточной Сибири в рамках Российской федерации.

Теперь, когда даже местные представители правящей на тот момент в стране политической партии одобрили начавшийся процесс, последнее и решающее слово по вопросу о сибирской автономии должно было сказать Томское губернское народное собрание. С 20 апреля по 18 мая проходили его заседания, на которых обсуждались, среди многих других два главных вопроса: формирование структур губернского самоуправления и созыв в Томске общесибирского съезда областников. Из избранных пятисот делегатов на Собрании смогли присутствовать только триста, 60% из их числа составляли члены и сторонники партии социалистов-революционеров*. Получив такой значительный перевес, эсеры в союзе с социал-демократами – большевиками и меньшевиками, – действовавшими тогда ещё в рамках одной объединённой партии, настояли на том, чтобы лишить правительственного комиссара Зубашева всех его полномочий. По сути, состоялся маленький политический переворот в пределах одной отдельно взятой губернии, правда напомним, самой крупной из всех восточных**, в которой проживало в революционном 1917 г. треть всего населения Сибири и Дальнего Востока.

И дальше всё пошло по нарастающей. Вместо отправленных в отставку одновременно со своим правительственным комиссаром старых новых чиновников губернской администрации Народное собрание проголосовало за абсолютно новый, собственный состав территориального управления, названного исполнительным комитетом губернского Народного собрания, президиум которого возглавил всё тот же выдвиженец первой революционной волны адвокат *Борис Ган*. В завершение этого делегаты форума официально выдвинули кандидатуру *Бориса Гана* ещё и на должность нового губернского комиссара, о чём был направлен соответствующий запрос в Министерство внутренних дел Всероссийского Временного правительства. Там, надо полагать, с большим неудовольствием рассмотрели данное ходатайство, допод-

---

*Поэтому в числе транспарантов и флагов, украшавших зал заседания Собрания, преобладали красные кумачовые тона – цвета социальной революции, а среди знамён выделялось главное эсеровское с надписью «Земля и Воля».

**Территория современных Томской, Новосибирской и Кемеровской областей, а также Алтайского края и Республики Горный Алтай (не слабо так!).

линно узнав ещё и о том, что вообще происходило тогда в неофициальной столице Сибири. И то, что в любое другое время вызвало бы немедленную и сугубо негативную ответную реакцию, теперь, в условиях когда у правительства и без того хватало трудных проблем, к удивлению многих, обернулось практически полным и безоговорочным принятием всех новых инициатив томских вольнодумцев. В частности, – утверждением *Бориса Митрофановича Гана*, официально с 7 июня, в должности томского губернского комиссара.

Вместе с тем уже через некоторое время Временное правительство сумело предпринять целый ряд контрмер, направленных против политических нововведений томских «радикалов». Так, 17 июня вышло в свет так называемое Временное положение о земских учреждениях на территории Сибири и прилегавших к ней районов Степного края. На основании данного постановления теперь не только разрешалось, но и в обязательном порядке предписывалось провести за Уралом в ближайшие месяцы выборы в волостные, уездные, областные и губернские земские собрания, а также осуществить перевыборы городского самоуправления, то есть городских дум. После этого предполагалось передать избранным органам всю административную власть на местах. А до того момента она должна была находиться в руках правительственных комиссаров и назначенных ими чиновников. Исполкому же Томского Народного собрания, а в других городах – сохранившимся ещё революционным комитетам общественной безопасности в столь же категорической форме предписывалось заняться на переходный период организацией земских выборов, а также сбором налогов на подведомственной им территории, и всё... Ну и, наконец, тем же следом, а точнее в тот же самый день 17 июня вышло ещё одно постановление Временного правительства – о выводе из состава Томской губернии нынешней территории Алтайского края, где проживала подавляющая часть столыпинских крестьян-переселенцев, являвшихся самой неспокойной (бунтарской) частью сельского населения тогдашней Сибири. Таким образом, в сфере влияния непокорных томских эсеров формально остались теперь только крестьяне-переселенцы из Мариинского уезда*.

В актовом зале университетской библиотеки (оборудованном в настоящий момент по последнему слову информационных технологий для приёма в Томске правительственных и иностранных делегаций) 16 мая 1917 г. за два дня до официального закрытия первой сессии Томского губернского Народного собрания дали старт

---

*Именно на базе мариинской партийной группы томские эсеры в 1917 г. и создали главным образом костяк своей организации. Поскольку до Февральской революции освободившимся из заключения революционерам категорически запрещалось селиться в университетских центрах, каковым являлся Томск, они вынуждены были выбирать для проживания какие-то другие населённые пункты. Так из трёх крупнейших городов Томской губернии – Барнаула, Новониколаевска и Мариинска – эсерам, например, больше всего по душе пришёлся именно последний. Барнаул находился слишком далеко от Томска, а также от основной ветки железнодорожной магистрали, вокруг Новониколаевска даже не существовало собственного крестьянского уезда (что являлось очень важно для эсеров). А вот Мариинск, в свою очередь, удовлетворял практически всем требованиям: располагался рядом с губернским Томском, находился на главном пути Транссиба и являлся административным центром второго по численности крестьянского населения уезда. Поэтому именно в Мариинске по инициативе упоминавшихся уже нами *Бориса Маркова, Павла Михайлова*, а также *Михаила Линдберга* и *Арсения Лисиенко* в 1916 г. были проведены две нелегальные конференции, в результате которых незадолго до Февральской революции на свет появилась знаменитая и единственная в своём роде объединённая эсеровская организация под названием «Сибирский союз социалистов-революционеров».

и очередному этапу в развитии областнического движения Сибири. Губернскому исполнительному комитету делегаты народного форума поручили – в ближайшее же время созвать в Томске Общесибирский съезд автономистов для детальной разработки основных положений областного самоуправления Сибири. Все эти наработки в обязательном порядке планировалось вынести впоследствии «на рассмотрение Учредительного собрания Российской республики». Отдельное постановление Народного собрания касалось и организации Сибирской областной думы, по поводу которой была принята следующая резолюция:

«Сибирь, ввиду своей географической обособленности от Европейской России, ввиду своей обширности и совершенно особенных этнографических, климатических и некоторых других местных условий должна получить право самого широкого самоуправления.

Не нарушая своей органической связи с Российской Республикой, Сибирь должна иметь свою Всесибирскую Областную Думу, которая будет издавать законы, касающиеся внутренней жизни Сибири; в общегосударственных же вопросах Сибирь будет подчиняться общероссийским законам».

Михаил Шатилов, избранный на съезде одним из товарищей (заместителей) председателя Томского губернского исполкома, стал, собственно, куратором данного проекта. А для непосредственного исполнения выдвинутого Народным собранием поручения по личному распоряжению *Бориса Гана* была создана специальная организационная комиссия во главе с молодым томским эсером *Евгением Захаровым*. Не откладывая дела, что называется, в долгий ящик, члены созданной комиссии приняли решение – созвать Общесибирский областной съезд уже в августе 1917 года. В соответствии с этой инициативой от имени исполкома Томского Народного собрания в адрес комитетов общественной безопасности 10 крупнейших городов Сибири и Дальнего Востока (Тобольска, Омска, Семипалатинска, Красноярска, Иркутска, Читы, Владивостока, Благовещенска, Якутска и даже Петропавловска-Камчатского) 22 июня 1917 г. были направлены официальные телеграфные сообщения, в которых говорилось буквально следующее:

«Томское Губернское Народное Собрание, являющееся выразителем воли четырёхмиллионного населения губернии, постановило созвать в Томске Общесибирский Областной Съезд по вопросам организации областного самоопределения Сибири в форме Сибирской Областной Думы. Общегубернский Съезд председателей городских и уездных комитетов постановил включить в программу съезда, дополнительно, вопросы местного самоуправления, продовольствия, снабжения, промышленности, торговли, транспорта, административное разделение на губернии, демобилизации войск, и выборы в Учредительное Собрание. Губернский Исполнительный Комитет, на основании изложенного, назначает областной съезд в Томске первого августа по упомянутой программе, предлагая всем упомянутым комитетам или учреждениям, их заменяющим, избрать своих делегатов на Съезд, не более двух от каждого, за счёт пославших их организаций. Томский Комитет просит передать это предложение всем упомянутым комитетам по губернии, а также сообщить заранее, будут ли посланы делегаты. По вопросам самоопределения Сибири желательно присутствие в качестве сведущих лиц представителей общественных организаций. Ввиду существенных недостатков правительственного проекта о земстве Сибири просим Вашего согласия по телеграфу для возбуждения ходатайства об отсрочке

*введения земского положения и передачи его на обсуждение губернских организаций Сибири»**.

Одновременно с этим по всему региону Сибири и Дальнего Востока для всеобщего обсуждения распространили проект Томского Народного собрания об основных положениях федеративного устройства России. В предложенном проекте проводилось четкое разграничение компетенций центрального и местного законодательных органов, что должно было послужить основой не только для будущей конституции Сибирской автономной области, но и для конституции вообще всей Российской федерации.

Итак, ровно через 12 лет после первой конференции сибирских автономистов в том же августе месяце и в том же самом городе должно было состояться теперь новое, ещё более представительное совещание областников с довольно широкой политической, экономической и социальной программой. Свежее и определённо здоровое дыхание великой русской революции чувствовалось во всех этих начинаниях сибиряков.

Однако не всем они оказались по душе, точнее не всех радовало то обстоятельство, что вместе с долгожданными первыми революционными преобразованиями в повседневную жизнь российских граждан в буквальном смысле слова хлынули вседозволенность, бесконтрольность, повсеместное нарушение прежних законодательных, религиозных и просто нравственных норм, традиций и пр. Российское гражданское сообщество начало делиться на тех, кто хотел бы, несмотря ни на что, продолжать реформы, и на тех, кто желал бы теперь уже слегка «подморозить» или хотя бы изрядно охладить** революционный пыл некоторых российских якобинцев. Проще говоря, одни политики вполне довольствовались результатами Февральской революции и не желали, в принципе, ничего большего, а другие намеревались развивать революцию дальше, не только – вглубь, но и – вширь.

Не избежала размежевания в этом смысле, к сожалению, и томская организация областников, что конечно же не могло не отразиться по вполне понятным причинам на дальнейшем развитии в целом всего автономистского движения Сибири. После отъезда *П.В. Вологодского* на постоянное место службы в Омск неформальным лидером томских областников второго поколения стал *А.В. Адрианов*, возглавивший после своего возвращения из ссылки редакцию крупнейшей и авторитетнейшей в Сибири газеты «Сибирская жизнь» – по сути, главного печатного органа томских и сибирских автономистов. В одном из июньских номеров своей газеты *Адрианов* писал: «Мы, действительно, живём под знаком всяческих «свобод» – свободы совершать убийства, грабежи и кражи всякого рода, свободы лгать и передергивать в печати, только завернувшись в тогу демократа и пришпилив красный бантик свободы, бесчинствовать, заниматься перлюстрацией, арестовывать кого вздумается»***.

---

*Исходя из последнего предложения, можно сделать вывод, что противостояние томских революционных демократов с центральными властями по поводу земской реформы в Сибири всё ещё продолжалось.

**В лагере последних, например, даже оказался, как это ни странно, некогда один из самых непримиримых борцов с самодержавием, лидер террористической организации эсеровской партии, знаменитый боевик и довольно известный писатель той поры Борис Савинков.

***В Томске, как и во многих других городах, где стояли воинские гарнизоны, особое беспокойство обывателям доставляла «революционная» солдатня, одна часть которой – та, что оказалась более или менее сознательной, – принимала активное участие в обысках и арестах. Другие в условиях ослабления

Сквозь строки нескрываемого разочарования достаточно отчётливо проявляется политическая позиция *Александра Адрианова*, а также становится вполне очевидным, почему этот человек, по его собственным словам, ещё со времён первой русской революции симпатизировавший социалистам-революционерам и состоявший в партии народных социалистов, более того – отбывавший за свои политические пристрастия несколько лет ссылки, вдруг (по данным советских источников) стал депутатом Томского губернского Народного собрания по списку сугубо буржуазной кадетской партии.

В то же самое время один из виднейших журналистов той же самой «Сибирской жизни», младообластник и член эсеровской партии *Михаил Шатилов*, возглавлявший одновременно с этим ещё и редколлегию газеты «Голос свободы», официального органа сначала Томского Временного комитета общественного порядка и безопасности, а потом Томского губернского Народного собрания, печатает на страницах своего «Голоса свободы» безжалостные и весьма откровенные пасквили на представителей царственного дома Романовых*. А в том же июне 1917 г. он на съезде представителей уездных комитетов эсеровской партии заявляет буквально следующее: «В отношении общегосударственного строительства мы не подчиняемся Временному правительству, если оно таит в себе стремление поддержать старые формы жизни». *Шатилову* на том же самом губернском эсеровском съезде** вторил его товарищ по партии профессиональный революционер *Михаил Линдберг*, который в открытую обвинял правительство князя Львова в том, что оно, в целях борьбы с набиравшим силу местным самоуправлением, проводит сознательную политику недофинансиро-

---

казарменного режима попросту пьянствовали и хулиганили. Увеселительные заведения на улице Бочановской (ныне Петропавловской) были, как никогда, переполнены людьми в погонах, так что томским «жрицам любви» приходилось работать едва ли не круглосуточно.

И без того сложную ситуацию усугубляли вдобавок ещё и уголовные элементы. Призванные в армию по амнистии вместе с политическими уголовные преступники, пользуясь ситуацией временного ослабления контроля над ними со стороны командного состава своих воинских подразделений, а также – органов правопорядка, буквально ввергли Томск в пучину уголовной преступности. В целях борьбы с озверевшим криминалом улицы города сначала пытались патрулировать вооруженными нарядами из числа наиболее сознательных военнослужащих. Однако эта мера оказалась малоэффективной, и тогда революционные власти Томска решили прибегнуть к крайнему средству, введя с 3 по 7 июня в городе военное положение и подвергнув аресту всех без исключения подозреваемых в уголовных преступлениях. Всего в те дни было задержано и отправлено в тюрьмы для дальнейшего разбирательства около полутора тысяч военнослужащих, а также 800 человек из числа гражданских лиц. Во время проведения данной операции конечно же не обошлось без перестрелок. В результате только из числа людей, проводивших данную правоохранительную акцию, погибло около двух десятков человек.

*В ответ на это и многое другое всё ещё не сдавший своих монархически-националистических позиций епископ Томский и Алтайский Анатолий стал распространять в среде прихожан брошюру «Печаль земли русской», в которой, в частности, был опубликован достаточно объёмный список патриотически настроенных губернаторов, убитых «кровожадными жидами-революционерами» за последнее десятилетие перед 1917 г.

**В то время как правый фланг эсеровской партии вслед за Савинковым и *Авксентьевым*, а также некоторыми другими своими лидерами перешёл на позиции консерваторов от революции, томские социалисты-революционеры, за некоторым лишь исключением, придерживались центристских позиций в партии и в политике, идя вслед за эсером-интернационалистом *Виктором Черновым* и считая, что революцию необходимо продолжать в направлении очень серьёзных социальных реформ, и в первую очередь настаивали на немедленной ликвидации помещичьей собственности на землю, а также на передаче всех сельхозугодий крестьянам без всякого выкупа, в чём с ними были абсолютно солидарны большевики.

вания губернских и областных бюджетов. Он же призывал товарищей социалистов в правительстве к сопротивлению контрреволюционным мероприятиям со стороны господ министров-капиталистов.

В знак протеста против политической позиции основной части редакции «Сибирской жизни», выразившейся в безоговорочной поддержке Временного правительства, 17 июня достаточно внушительная группа журналистов главной областнической газеты, всего восемь человек, во главе с *Михаилом Шатиловым* демонстративно вышла из числа её сотрудников. Их официальное заявление было опубликовано на страницах «Голоса свободы», и с этого времени примирить эсеров-младообластников со старой потанинской гвардией стало уже практически невозможно. Каждая из сторон ещё какое-то время после всего случившегося соблюдала определённый дипломатический этикет, то есть пока ещё не отказывалась от некоторого сотрудничества в рамках бесспорно необходимого для обеих сторон компромисса. Однако вместе с тем многие стали с ужасом тогда осознавать, что зародившийся в Томске конфликт, возможно, уже в скором времени приведёт к полному и окончательному разрыву отношений между вторым и третьим поколениями сибирских автономистов. Что в преддверии открытия столь долгожданного для всех областнического съезда стало особенно неприятным.

4. Августовская (1917 г.) конференция областников в Томске*

Поскольку августовская областническая конференция проходила в период политического лидерства в России партии правых эсеров, то, несомненно, что данный факт, причём в весьма значительной степени, отразился и на качественном подборе её участников. Наряду с некоторыми представителями от чисто областнических групп, от высших учебных заведений, а также от биржевых комитетов сибирской буржуазии, имевших в той или иной степени непосредственное отношение к автономистскому движению Сибири, на томской конференции также были представлены ещё и разного рода скороспелые общественные организации, появившиеся на свет только после Февральской революции. Некоторые из них никоим образом не соотносились порой с областничеством, но находились под покровительством партии социалистов-революционеров, что давало им возможность поучаствовать в томской конференции и даже повлиять на её решения. Надо признать, что в большей степени, к счастью, – положительным образом повлиять. Председателем президиума конференции областников, разумеется, также стал эсер *Гавриил Марков*. Таким образом,

*Видимо, не напрасно в трудах некоторых областников предлагалось учредить столицу будущей Сибирской автономной области именно в Томске. В этом городе в здании библиотеки Томского университета, как правило, проходило большинство областнических конференций и съездов, здесь же зарождалось первое Сибирское правительство и Сибирская областная дума. Последнюю в том же самом Томске разгоняли сначала красные, потом белые... Поэтому, вполне возможно, что по старинным улочкам и переулкам именно нашего города бродит где-то до сих пор по ночам, как неприкаянная… тень «отца Гамлета». А в университетской библиотеке с наступлением дня она, по всей видимости, прячется до времени от посторонних глаз... Однажды уже в достаточно зрелом возрасте мне на секунду вдруг показалось, что я «её» там разглядел... и эта, с позволения сказать, встреча и послужила своего рода отправной точкой наших теперешних, возможно, не совсем научных (теперь понятно – по какой причине) исследований.

правящая в стране в тот момент политическая партия без особых проблем и весьма основательно взяла под свой контроль вполне самостоятельное и уже достаточно мощное к тому времени движение сибирских автономистов.

Конференция проходила со 2-го по 9 августа. Делегаты в количестве 67 человек (к концу совещания их собралось уже 80) съехались практически со всех регионов Сибири. Для их проживания был отведён второй этаж пустующей по случаю каникул губернской мужской гимназии на улице Нечаевской (ныне проспект Фрунзе). В 2 часа дня 2 августа в том же самом актовом зале университетской библиотеки, где совсем недавно проходили заседания Томского губернского Народного собрания, открылась вторая по счёту конференция сибирских областников. Вначале к прибывшим делегатам с вступительной речью обратился заместитель председателя Томского губернского исполкома *Александр Наумов*, который от имени Народного собрания горячо поприветствовал участников конференции.

В повестке дня совещания областников стояло сразу несколько вопросов. Прежде всего, необходимо было рассмотреть ряд неотложных мер, направленных на улучшение снабжения края продовольствием, а также на нормализацию работы транспорта. Однако главными на конференции конечно же являлись вопросы, непосредственно касавшиеся проблем автономии Сибири и, в частности, всёго того, что связывалось с разработкой положений её Конституции и с подготовкой к созыву Всесибирского Учредительного собрания. В ходе предварительного обсуждения данного комплекса вопросов участники дискуссии сразу же твёрдо определились в том, что Сибирь ни при каких обстоятельствах не станет добиваться отделения от России, а только лишь предпримет некоторые первоочередные шаги к организации в законном порядке собственной областной автономии. С таким заявлением, в частности, накануне конференции выступил в печати сам *Потанин**. Исходя именно из этого принципа, делегаты конференции на своём первом заседании категорически отклонили предложение профессора *Новомбергского* о посылке делегатов на съезд федералистов в Киев, который должен был открыться 15 августа. Причиной такого решения стало неприятие сибирскими областниками идей украинской самостийности, ещё со времён Мазепы не раз устремлявшейся в сторону откровенного сепаратизма.

Во второй день работы совещания её участники отправили официальные телеграммы в адрес Временного правительства, а также Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов с извещением о начале своей работы. В телеграммах выражалась поддержка революционным преобразованиям, осуществлявшимся в стране, а также высказывалась надежда, что столичные политики с пониманием и уважением отнесутся к наболевшим проблемам сибиряков. Ещё одна телеграмма была направлена министру просвещения с теми же уведомлениями, а также с просьбой – открыть на территории Сибири, если представится такая возможность, дополнительно ещё несколько высших учебных заведений в целях скорейшего просвещения населения и подготовки кадров для освоения края в интересах всей России**.

---

*В силу своего преклонного возраста и не совсем удовлетворительного состояния здоровья активного участия в работе августовской конференции Григорий Николаевич не принимал и был избран лишь её почётным председателем.

**Осенью 1917 г. по распоряжению Временного Всероссийского правительства открытые в 1910 г. в Томске на общественных началах высшие женские курсы были приравнены по статусу к университету. В начале 1918 г., уже при большевиках, в Омске начал работу сельскохозяйственный институт, осенью

Потом участники конференции заслушали, наконец, два основных (пленарных) доклада. Один – иркутянина *Ивана Серебренникова* «Об автономии Сибири»*, а второй – томича *Евгения Захарова* – «Основные начала автономного устройства Сибири». На следующий день состоялись прения по этим двум докладам. В выступлениях делегатов проводилась в основном одна и та же мысль: предоставить Сибири возможность для осуществления эффективного самоуправления в рамках единого Российского государства. По завершении дебатов в довершение, так сказать, темы, была создана комиссия (чего, собственно, тянуть) для разработки положений сибирской Конституции. И хотя данная комиссия на первом этапе ограничилась лишь разработкой постановления «Об автономном устройстве Сибири», однако вместе с тем такого рода постановление, по мнению его составителей, вполне могло лечь в основу проекта основного закона будущей сибирской автономии.

Пункт №6 постановления, в частности, провозглашал следующее:

«Определяя взаимоотношение Сибири к России в её целом, мы находим, что Сибирь, в качестве автономной единицы, должна обладать той полнотой законодательной, исполнительной и судебной властей, каковой обладают отдельные штаты в современных федеративных государственных соединениях».

И далее пункт №7:

«Утверждая необходимость создания для Сибири народного представительства с самостоятельной законодательной властью и подчиненного ему правительства, мы отнюдь не посягаем на целостность Русской республики».

А в следующем пункте (№8) была задекларирована возможность законотворчества сибирского представительского органа только в тех рамках, которые ему *«определит Всероссийское Учредительное собрание и Конституция Русской республики».*

5 августа делегат *А.П. Казанцев представил* вниманию участников конференции проект положения о государственной символике Сибири. Заслушав доклад, конференция утвердила описание флага Сибирской автономии в следующей редакции:

«Национальный Сибирский флаг представляет собой сочетание 2-х цветов: белого и зелёного. Белый цвет означает снега Сибирские, зелёный – Сибирскую тайгу. По форме флаг является прямоугольником, который диагональю, соединяющей левый верхний угол с правым нижним, разделяется на две части, причем верхняя часть зелёная, нижняя белая».

Не присутствовавший на конференции, но, видимо, достаточно осведомлённый о ней только что упоминавшийся уже нами *Иван Серебренников* так описывает в своих мемуарах этот незабываемый исторический момент: «5 августа 1917 года член конференции А.П. Казанцев под дружные рукоплескания присутствовавших развернул сибирское бело-зелёное знамя, на котором четко выделялась надпись: «Да здравствует автономная Сибирь!».

В завершение пленарной работы томская областническая конференция постано-

---

того же года по распоряжению Сибирского правительства в Иркутске открылся ещё один сибирский университет. К тому времени уже функционировали – Томский университет, Томский технологический и учительский институты, а также Владивостокский восточный. Итого: семь вузов на 12 миллионов населения Сибири и Дальнего Востока. Это до того момента, пока здесь на 70 лет не утвердилась советская власть, при которой количество высших учебных заведений увеличилось, как известно, в разы.

**Иван Серебренников* сам не смог принять участие в конференции, поэтому его доклад зачитал иркутский областник А.Б. Меерович.

вила: собрать в октябре того же 1917 г. более представительный по своему составу теперь уже вполне полноценный съезд для дальнейшего рассмотрения вопросов об автономном устройстве Сибири. В целях его своевременной подготовки было избрано специальное организационное бюро – *Центральный областной комитет*. В него вошли: *Г.Н.Потанин* (председатель), *Н.Я. Новомбергский* (профессор Томского университета), *Е.В.Захаров и Г.М. Марков* (от Томского городского Народного собрания), *М.П. Рудаков* (от Томского уездного Народного собрания), *М.Б. Шатилов* (от Томского губернского исполнительного комитета), *Н.А. Новосёлов* (от Омской городской думы) и др. – всего 24 человека. Президиум Комитета составили: *Потанин* – председатель, *Захаров, Шатилов* и *Новомбергский* – товарищи (заместители), *Марков*, Портнягин(?) и *Рудаков* – члены.

Год спустя, когда у власти утвердится Временное Сибирское правительство, его председатель – *Пётр Васильевич Вологодский*, вспоминая августовскую конференцию, отметит примерно следующее: она стала отправной точкой в деле освобождения Сибири, более того ею был положен камень и в основание процесса по спасению страны в целом. Россия, по мнению большинства участников той томской конференции, на новом витке исторического развития вновь могла обрести статус передовой державы только посредством возрождения своих окраин. («Сибирская речь», №34 от 9 июля 1918 г.).

5. Первый Сибирский областной съезд

Работа I Сибирского областного съезда проходила с 8-го по 17 октября 1917 г. также в Томске. На нём удалось доработать и принять основные положения об автономном устройстве Сибири, намеченные в общих чертах два месяца назад на августовской конференции. Эти наработки должны были, как уже отмечалось, составить в будущем основу долгожданной Сибирской Конституции, которую предполагалось в обязательном порядке передать на рассмотрение Всероссийского Учредительного собрания.

Первый Сибирский областной съезд начал свою работу в воскресенье 8 октября в 1 час дня по местному времени, однако на сей раз не в университетской библиотеке, а в актовом зале Томского технологического института, располагавшегося в верхнем этаже его главного корпуса (улица Садовая-3, теперь проспект Ленина-30). Входные билеты для желающих присутствовать в качестве зрителей* на этом судьбоносном всесибирском форуме бесплатно распространялись через книжные магазины Макушина и Посохина. Центральный организационный комитет съезда заседал по адресу: Никольский переулок-16, здесь проживал один из членов данного комитета молодой эсер-областник *Евгений Захаров*. Дом был добротный, двухэтажный, на каменном фундаменте, и в нём на съёмной, надо полагать, квартире Захарова и работал организационный комитет.

Его члены опять-таки, как и в период подготовки августовской конференции, предоставили возможность иметь своё представительство на съезде фактически всем

*Телевидения и общедоступного радио, а тем более онлайн-трансляций через интернет тогда ещё не существовало, поэтому на всех общественных мероприятиях того времени, кроме официальных участников, почётных гостей и журналистов, разрешалось присутствовать ещё и зрителям.

более или менее значимым общественным и политическим организациям Сибири (партиям, союзам, советам, кооперативам, вузам, земским и городским самоуправлениям, казачьим войскам и пр.). Кроме того, на съезд прибыли делегаты от наиболее многочисленных автохтонных народов, а также от крупнейших национальных (экстерриториальных) общин края. Таким образом, на первом областном форуме присутствовали представители, практически, ото всех губерний и областей Сибири, а также Дальнего Востока, за исключением, если верить *И. Серебренникову*, только Камчатской и Сахалинской областей. В общем и целом собрание получилось достаточно представительным, чем-то очень напоминало Ноев ковчег, а по сути представляло собой некий общественно-политический «винегрет», в котором было представлено, что называется, «всё и вся» и где могли попросту раствориться не только идеи областников, но даже и интересы сибиряков в целом – существовала и такая опасность.

Прибывших делегатов размещали для проживания в общежитии духовной семинарии, но некоторые из них селились самостоятельно – на частных квартирах или у родственников. Впрочем, нашлись и такие, кто не погнушался, что называется, и достаточно дорогими апартаментами лучших томских гостиниц; как правило, это были люди, которых продвигала в качестве своих особо доверенных лиц правящая в стране правоэсеровская партия. Люксы, разумеется, оплачивались чаще всего из партийных средств или из подконтрольных эсерам кооперативных касс. Так, например, абсолютно точно известно, что восходящая «звезда» в среде правоэсеровских функционеров омич *Пётр Дербер* в течение всего периода работы съезда проживал в отдельном номере гостиницы «Европа».

Однако ближе к делу. Итак – 8 октября 1917 г., город Томск, актовый зал Томского технологического института, 15 минут второго дня – раздаётся звонок председательствующего, и съезд начинает свою работу. В зале на тот момент находилось 66 официальных делегатов*, журналисты, а также достаточно большое (не сказать, чтобы очень большое, но всё-таки) количество публики, заинтересовавшейся данным событием. Ввиду по-прежнему нездоровья *Григория Николаевича Потанина* съезд открыл его заместитель по президиуму Центрального областного комитета эсер *Евгений Захаров*. Вслед за ним выступил утверждённый в качестве председателя съезда красноярский областник *Владимир Михайлович Крутовский*, зачитавший приветствие съезду от имени *Потанина*, а затем провозгласивший здравницу в честь выдающегося основателя сибирского областнического движения, которая была встречена долго не смолкавшими аплодисментами всех без исключения присутствовавших в зале делегатов съезда, зрителей, а также корреспондентов большинства ведущих сибирских газет. Апофеозному умилению, казалось, не будет предела, некоторые при этом аплодировали в прямом смысле слова со слезами на глазах, по праву ничуть не стесняясь переполнявших их эмоций.

---

*Через два дня количество делегатов увеличилось уже до 169 человек. Окончательное же число зарегистрировавшихся участников съезда было определено в количестве 182-х человек (ГАТО. Ф.552, оп.1, д.1). Вместе с тем, видимо, в силу того что учёт вёлся не совсем умело, возникла некоторая путаница: так, если отследить порядковые номера делегатских карточек, то выясняется, что их в общей сложности имелось 212 штук (последнюю заполнил некто К.М. Рычков – ГАТО. Ф.552, оп.1, д.11). Под 210-м номером значится делегатская карточка Захара Андреевича Яковлева, и на его же имя оформлена ещё и карточка №16. Под самым первым номером зарегистрировался на съезде студент *Алимхан Ермеков*, представитель Киргизского (Казахского) национального совета, и на его же имя оказались заведены карточки под номерами 3 и 4, ну и т.д.

После завершения торжественной части открытия съезда слово для выступления опять предоставили *Евгению Захарову*, который, во-первых, отчитался перед делегатами о проделанной подготовительной комиссией работе, а во-вторых, огласил программу съезда, выделив два главных вопроса предстоящих дебатов: 1) о разработке Конституции автономной Сибири, 2) о её земельном устройстве. В ходе обсуждения представленной программы в повестку дня съезда дополнительно включили ещё и вопрос об «экономическом положении, в связи с хозяйственной разрухой, вызванной войной и революцией». Содокладчиками по первому вопросу должны были выступить *Евгений Захаров* и *Михаил Шатилов*, по второму (земельному)* – *Николай Козьмин*, видный красноярский областник и сибиревед, а по третьему – иркутский автономист *Иван Серебренников*.

После обсуждения повестки дня слово попросил томский губернский комиссар *Б.М. Ган*, он поприветствовал съезд и пожелал ему плодотворной работы на благо всей Сибири, в частности в урегулировании переселенческого вопроса, вопроса по расселению эвакуируемых беженцев, а также проблем, связанных с функционированием железных дорог, и т.д. (всё больше – о насущном, что называется). Потом были оглашены приветственные телеграммы в адрес открывшегося съезда от имени Временного Всероссийского правительства, а также от партий и общественных организаций Сибири. В ответ делегаты съезда отправили свои верительные уведомления Петроградскому Совету рабочих и солдатских депутатов, Временному Всероссийскому правительству, а также Украинской Центральной раде.

Таким образом, весь первый день в основном оказался заполнен одними только торжественными и официальными мероприятиями по поводу открытия первого Всесибирского областного съезда (но не съезда областников, эту разницу нужно понять). И только на следующий день делегаты преступили уже к практической работе. С утра прошли занятия в секциях, затем состоялись выборы президиума съезда. Председателем его стал, как мы уже отмечали, *Владимир Михайлович Крутовский*, а в его состав вошли: *П.Я. Дербер* (от Акмолинской области), Колесниченко (от Приморской области), *Н.Н. Козьмин* (от Енисейской губернии), *М.П. Рудаков* (от Томской губернии), *А.А. Ермеков* (от Семипалатинской области), *И.И. Серебренников* (от Иркутской губернии), на тот момент уже омич – *П.В. Вологодский* (но почему-то – от Забайкальской области), С.Я. Пузырев (от Алтайской губернии), *С.А. Новгородов* (от Якутской области), М.К. Сажин (от Тобольской губернии), а ещё один томич – *М.Б. Шатилов* – почему-то оказался означен как представитель от Амурской области, от национальных групп в съездовский президиум кооптировали *А.Н. Букейханова.*

А уже после обеда того же второго дня работы съезда *Михаил Шатилов* выступил с пленарным докладом под названием: «Сибирь, как составная единица Российской федеративной республики». Поскольку доклад был очень содержательным и оттого достаточно объёмным, его слушание, а потом и обсуждение продолжилось ещё и на следующий день. В том своём обширном спиче младообластник *Шатилов*, в частности, изложил историю автономистского движения в Сибири, отдельным пунктом он

*Земельный вопрос, как известно, был на тот момент одним из самых главных в русской революции, вследствие чего его не могло оставить без внимания, практически, ни одно более или менее крупное политическое совещание. К тому же земельный вопрос являлся одним из основных в программе эсеровской партии. В общем, по любому получалось, что Областной съезд, крупнейший сибирский форум, созванный при активном участии партии правых социалистов-революционеров, никак не мог обойти стороной, в том числе, и эту проблему.

представил и охарактеризовал различного рода существующие проекты по организации автономии края. В заключение докладчик подчеркнул, что областное устройство Сибири должно быть «проведено под флагом трудящегося класса», привнеся таким образом в повестку дня съезда в очередной раз эсеровскую тенденциозность и революционную злобу дня.

Выступавшие в прениях делегаты в подавляющем большинстве поддержали идею автономии Сибири в рамках единого Российского государства. Во второй половине дня 10 октября они заслушали ещё один пленарный доклад, который им зачитал *Евгений Захаров*. В нём докладчик представил и как смог обосновал схему (структуру) будущей автономной областнической власти в Сибири. Данную схему после её утверждения Сибирским Учредительным собранием намеревались направить на рассмотрение Всероссийского Учредительного собрания.

По мнению авторов проекта, выглядеть вся эта структура должна была следующим образом: высшим органом власти в крае являются Сибирские областные съезды, в перерывах между ними законодательные функции возлагаются на Сибирскую областную думу (сибирский парламент), высшая исполнительная власть принадлежит Областному совету и его Исполнительному комитету. Все эти положения выносились на утверждение Сибирского Учредительного съезда (собрания), ему же передавалось право утверждать и Конституцию Сибири.

На следующий день после окончания доклада *Захарова* состоялось его обсуждение. Представитель социал-демократов К.Г. Брондман от лица всей своей группы (фракции) высказался категорически против какой бы то ни было территориальной самостоятельности Сибири. Социал-демократов поддержали и немногочисленные представители кадетской партии, не пожелавшие соединять воедино (о чём мы и говорили выше) идеи федерализма и автономии. Все остальные выступавшие, напротив, почти все как один порадели за федеративное устройство Российской республики и за одновременное предоставление Сибири автономии «по типу Северо-Американских соединённых штатов». При этом Колесниченко, делегат от Приморской области, даже выдвинул идею раздельного вхождения Сибири и Дальнего Востока, как полностью автономных территориальных образований, в состав Российской федерации. Однако выступавший вслед за ним, представитель Якутии *Семён Новгородов* опротестовал коллегу и призвал собравшихся – поддержать идею по созданию единого автономного образования Сибири и Дальнего Востока.

Вместе с тем тот же самый *Новгородов* (напомним: якут по национальности) поратовал за предоставление всем автохтонным народам Сибири самой широкой самостоятельности в решении своих социальных, экономических, культурно-образовательных и других проблем в рамках национального земского самоуправления. «Когда справимся с первой задачей истории – с введением у себя широкого демократического самоуправления, после этого перейдём к следующему экзамену, к введению законодательных сеймов». Его весьма смелый выпад развили и другие представители сибирских националов, предложившие применить в отношении автохтонных народов систему национально-территориальной автономии, а для пришлых национальных меньшинств – принцип так называемой национально-персональной автономии (пошла плясать губерния...).

Сибирь, таким образом, если суммировать все основные предложения делегатов, должна была стать объединением полусамостоятельных земских и городских само-

управлений, автономных территориальных областей, автономных национальных округов с вкраплением чего-то там не совсем понятного, предусмотренного для пришлых (экстерриториальных) народностей. Более того, автономия Сибири как бы автоматически, открывала дорогу сибирским националам к территориальной самостоятельности, а некоторым грезилась уже, вполне возможно, и полная независимость не только от Сибири, но и от России. Так, в частности, эти дебаты очень внимательно слушал, надо полагать, член президиума съезда казах *Алихан Букейханов* (Алихан Букейхан), делегат от одной из самых многочисленных автохтонных народностей российского востока. Через два месяца он соберёт в Оренбурге съезд представителей казахского народа, на котором будет объявлено о создании собственного национального правительства – Алаш-Орды.

В 5-й день своей работы (12 октября) съезд заслушал сообщение мандатной комиссии. По её подсчётам получалось, что на съезде присутствовал 201 делегат, больше всего представителей имела на съезде Томская губерния – 37 человек, а меньше всего – Амурская область, приславшая всего одного делегата. Русских на съезде присутствовало 110 человек, татар – 17, украинцев – 17, киргизов – 9, евреев – 5, поляков – 4, немцев – 4, якутов – 3, бурят, телеутов и алтайцев – по одному представителю. Из них коренных сибиряков – 48%, а пришлых, соответственно, – 52%. Эсеров на съезде было подавляющее большинство – 87 человек, социал-демократов – 25, кадетов – 4, народных социалистов – 8, сионистов – 6, областников-автономистов – 1. Этим единственным, зарегистрировавшимся как сибирский областник-автономист, оказался председатель президиума съезда *В.М. Крутовский**.

13 октября Областной съезд возобновил свою работу, в тот день опять велись дискуссии по поводу главного вопроса: быть или не быть сибирской автономии. Представители социал-демократов заявили в очередной раз, что этот проект является чисто буржуазной затеей, вследствие чего чрезвычайно вредит делу социальной революции**. Так, в частности, председатель Томского центрального бюро профсоюзов студент-меньшевик *Фёдор Лыткин* отметил, что с позиции развития классовой борьбы требуется безусловное единство Сибири и России, а что касается областничества, то оно якобы уже полностью и окончательно изжило себя. Последнее заявление вызвало чрезвычайно большое волнение и шум в зале, которые едва ли быстро удалось погасить звонком и призывными увещеваниями председательствующего. Страсти накалялись. В конечном итоге по требованию представителей томского комитета РСДРП в знак протеста, а скорее от осознания, что их голоса практически ничего не могут решить на съезде, немногочисленная по сравнению с эсерами, социал-демократическая группа депутатов (как меньшевики, так и большевики) демонстративно и почти в полном составе покинула съезд***. Поддержали социал-демократов по данному

---

*Несколько иные сведения представлены ещё в одном статистическом отчёте со съезда: эсеров – 95, меньшевиков – 21, большевиков – 4, народных социалистов – 12, кадетов – 5, народовольцев –1, представителей от киргизской (казахской) национальной партии Алаш – 2, сионистов – 1, и лишь областник в этом списке по-прежнему – один – *В.М. Крутовский* (ГАТО. Ф.552, оп.1, д.1, л.16).

**Следующий из выступавших социал-демократов высказался более откровенно и в стиле старых имперских традиций заявил: Сибирь-де слишком богата, чтобы российская метрополия добровольно могла согласиться на её самостоятельность. Не в бровь, как говорится, а прямо в глаз...

***Единственным из социал-демократов, кто не покинул в тот момент зал заседаний, оказался, как ни странно, иркутский большевик Н.А. Алексеев. Более того, в своём выступлении он высказался в поддержку стремления «к областному самоуправлению Сибири в самых широких размерах» не только

вопросу в тот день не только ещё более немногочисленные кадеты, но и депутаты от четырёх казачьих войск. Их представитель зачитал резолюцию 2-го съезда Сибирского казачьего войска, в которой подчёркивалась мысль о несвоевременности в данный исторический момент учреждения в России федеративного государственного устройства.

После окончания прений было проведено, наконец, голосование по вопросу: «…принимает ли съезд за основу постановление сибирской конференции об автономном устройстве Сибири». Тайное голосование дало следующие результаты: за это постановление высказались 104 делегата, против – пятеро, четверо воздержались. Участвовали в голосовании, таким образом, только 113 человек из общего числа делегатов. Чуть больше двадцати человек социал-демократов покинуло съезд, куда девались остальные – непонятно. Ушли за компанию или просто отказались участвовать в голосовании?..

8-й день, 15 октября. С докладом по земельному вопросу выступил видный красноярский областник-эсер *Николай Козьмин*, который доложил съезду о работе земельной секции и проинформировал съезд о её решениях. Земельная комиссия пришла к выводу о необходимости закрепления всей полноты политической власти за демократией, ввиду последнего в секции нашли необходимым наделить жителей Сибири землёй по потребности, «так как вместе с землёй в руках народа сосредоточится и власть». Также земельная комиссия пришла к заключению, что «частная собственность на землю в будущей Сибири не должна существовать». Все излишки земель у представителей родоплеменной знати автохтонного населения и богатых казаков предполагалось секвестрировать и передать малоземельным. Земли между крестьянами планировалось распределять по так называемой трудовой и потребительской норме, обеспечивающей владельца земельного участка и членов его семьи безбедным существованием, но не позволяющей прибегать к эксплуатации «постороннего наёмного труда». Эти потребительские нормы, которые определялись с учетом специфики (специализации) ведения хозяйства и условий местности, должны были вырабатываться губернскими (областными) комитетами, а потом утверждаться Сибирской областной думой.

Представленную резолюцию, составленную, как мы видим, в чисто эсеровском духе, приняли 58 голосами – за и 25 – против при трёх воздержавшихся. Воздержавшимися, что примечательно, оказались представители от казачества*, которые были не согласны с такой, с их точки зрения, однобокой постановкой вопроса о конфискациях «излишков» земли без учёта всех тонкостей профессиональной специфики казачьего сословия, о чём казаки и заявили в своём особом мнении после завершения голосования. Также в их выступлениях прозвучала мысль – дальнейшую доработку земельного вопроса поручить Сибирской областной думе.

от собственного лица, но и от имени «многих социал-демократов». Видимо, в благодарность за это, а также учитывая растущее в тот исторический момент, как на дрожжах, политическое влияние большевиков, съезд избрал Алексеева в члены Сибирского исполнительного комитета.

*Казачество, хотя и считалось при царском режиме наряду с дворянами привилегированным сословием, однако в основной массе своей было далеко не однородно, в их среде встречались, конечно, и зажиточные, главным образом офицерские семьи, но большая часть казаков жила всё-таки достаточно скромно и, несомненно, хотела бы жить получше. Этими противоречиями «тихого Дона» и объясняется тот факт, что представители сибирского казачества не стали голосовать ни за, ни против предложенного эсеровского проекта, а только лишь «скромно» воздержались.

Число делегатов, выразивших собственное мнение по земельному вопросу, как нетрудно заметить, ещё немного уменьшилось по сравнению с предыдущим голосованием. Видимо, к тем представителям с мест, которые в знак протеста против «авантюристической» затеи областников покинули съезд, прибавились ещё и те «малосознательные», кто решил со спокойной совестью (а кто-то, наоборот, видимо – в расстроенных чувствах) отправиться по домам после того, как был в положительном смысле решён основной вопрос съезда – об автономии Сибири. Тем более что далее в повестке дня стояли вопросы по преимуществу социального характера, внесённые эсерами и продиктованные в очередной раз революционной злобой дня. Так, в частности, оставшиеся на съезде делегаты, обсудили проблему о применении наёмного труда в Сибири.

В итоге после непродолжительных дебатов большинством голосов была принята резолюция, позволявшая применять вольнонаемный труд, но лишь в исключительных случаях и при строгой регламентации данного вопроса местным сибирским законодательством с соблюдением обязательных норм по охране труда. Уместно, наверное, будет отметить также, что все эти решения, составленные в чисто социал-демократическом духе, делегаты съезда приняли буквально за несколько дней до Октябрьской революции... А нам что: живём в лесу, молимся колесу.

16 октября, на 9-й день работы съезда, его участники полностью одобрили в окончательно доработанном варианте положение «Об организации Сибири», то есть своего рода законопроект о системе временной сибирской областной власти. Согласно данному положению, высшим органом, подчёркивалось, народоправства в крае становились *Общесибирские областные съезды*. Постоянно действующим представительством этой власти в перерывах между съездами был обозначен выбираемый из числа делегатов съезда *Сибирский исполнительный комитет* (не правительство, а распорядительный орган съездов). Областные съезды получали право обсуждать и принимать различного рода положения для утверждения их в дальнейшем в качестве уже законодательных актов Учредительным собранием Сибири (выбранным на основе прямого, равного и тайного голосования). Утверждённые законы и правовые положения закладывались, таким образом, в основу будущей Конституции Сибири.

Для предварительной разработки уже непосредственно конституционных норм также из числа делегатов I Областного съезда предполагалось избрать *Сибирский областной совет* в следующем составе: по три представителя от каждой сибирской губернии или области, по два – от каждого национального объединения коренных народов Сибири (бурят, киргизов (казахов), якутов, алтайцев и минусинцев (хакасов)) и по одному – от каждого казачьего войска (Сибирского*, Енисейского, Забайкальского и Уссурийского). Кроме особых полномочий по разработке положений сибирской Конституции Областной совет получил право созывать в случае экстренной необходимости внеочередной Сибирский областной съезд. Вместе с тем Областной совет не являлся постоянно действующим органом и собирался на определённое время только на основании решения Сибирского исполнительного комитета. Дальнейшая

*Сибирское (или по-другому – Иртышское) казачье войско было самым крупным из всех сибирских. Енисейское, напротив, самым небольшим по численности, более того, в царской России енисейские казаки даже не имели статуса отдельного казачьего войска и получили его, по разным данным, то ли в 1917, то ли в 1918 году. Кстати, для большей ясности, для того чтобы лучше отличать непосредственно

детальная разработка положений об органах управления Сибирью по обстоятельствам времени была отложена до следующего Областного съезда.

В Сибирский исполнительный комитет под председательством (естественно) *Григория Николаевича Потанина* в тот же день 16 октября оказались избраны: *Михаил Шатилов*, *Евгений Захаров*, *Владимир Крутовский и Борис Ган* от эсеров, от национальных объединений – *Алимхан Ермеков* (казах) и *Семён Новгородов* (якут), от социал-демократов – большевик Н.А. Алексеев (Иркутск). Кандидатами в члены Исполкома были утверждены: *Николай Козьмин* (эсер), *Пётр Дербер* (эсер), *Павел Гудков* (беспартийный социалист), *Григорий Жерновков* (от кооператоров), *Баэртон Вампилун* (от бурят) и *Юсуф Саиев* (от мусульман). По положению – один председатель, семь членов и шесть кандидатов – всего 14 человек. Исполнительному комитету съезд поручил в ближайшее же время напрямую заняться подготовкой созыва Всесибирского Учредительного собрания и по возможности провести в жизнь постановления Областного съезда. Фактическим руководителем Комитета, как свидетельствуют источники, стал *Владимир Михайлович Крутовский*, его заместителями (товарищами) – *П.П. Гудков и Е. В. Захаров.*

17 октября, в последний 10-й день работы съезда, его участники приняли ещё одно положение – «Об областном устройстве Сибири», разграничивавшее полномочия центральной, областной и местных властей. Центральная власть, согласно этому Положению, имела исключительные компетенции во внешней, военной, налоговой и законодательной политике. Областной же власти, представленной Сибирской областной думой (краевым парламентом), передавались в ведение: местное бюджетное право, народное образование, общественная безопасность (сибирская народная милиция), народное здравоохранение, местные пути сообщения, почта и телеграф, а также – право участия в установлении тарифов и пошлин – распоряжение народными достояниями: землёй, её недрами, лесами и водами на тех основаниях, которые будут установлены Учредительным собранием, и ещё дело переселения и расселения. К компетенции областной сибирской власти также относились местные предприятия, социальное законодательство, вообще все дела местного характера. За краевым законодательным собранием закреплялась прерогатива изменения Конституции Сибири, за исключением того, что касалось расширения компетенции Сибирской областной думы за счёт центрального парламента. В общем и целом Сибирь, в качестве автономной единицы получала право обладания «всей полнотой законодательной, исполнительной и судебной власти», определённой сибирской и российской Конституциями.

В свою очередь сибирские областные структуры могли делегировать часть закреплённых Конституцией полномочий территориально-административным и национально-территориальным объединениям по их требованию, вплоть до превращения Сибири, если возникнет такая необходимость, в федерацию территориальных областей и национально-территориальных образований. Экстерриториальным (пришлым) национальным меньшинствам предоставлялось право культурной

Сибирское казачье войско от других сибирских и покончить с некоторой тавтологией, его действительно вполне можно называть Иртышским войском, поскольку селились эти казаки главным образом вдоль правого берега Иртыша, на территории современной Семипалатинской области Казахстана, Алтайского края и Омской области, охраняя таким образом здешние степные рубежи России. Вся территория расселения Иртышского казачьего войска до 1917 г. так и называлась – Степной край, с центром в г. Омске, по улицам которого вовсю разгуливали степные верблюжьи караваны, и это мало кого удивляло.

автономии «путем образования экстерриториальных персонально-автономных союзов».

Далее по тексту: *«Высшей для Сибири исполнительной властью должен быть кабинет министров, ответственный перед Сибирской областной думой».*

И ещё: *«Естественные границы автономной Сибири определяются положением страны по водоразделу на восток от Урала, с включением всего киргизского (казахско-киргизского. – О.П.) края при свободном на то волеизъявлении населяющего эти пределы населения».*

Положение «Об областном устройстве Сибири», во многом судьбоносное для её населения, должно было в будущем составить основу Конституции автономной Сибирской области, но только после того, как оно опять-таки будет одобрено Всероссийским Учредительным собранием.

Помимо работ в секциях и на пленарных заседаниях съезда, многие делегатские группы проводили встречи, что называется, в неформальной обстановке, делились мнениями, впечатлениями и просто порой хорошим настроением ввиду всего происходящего. Некоторые, пользуясь случаем, посещали с официальными визитами *Г.Н. Потанина*. Один из визитёров, иркутский областник *Иван Серебренников*, так описывал в своих воспоминаниях встречу с сибирским старцем.

«Григорий Николаевич принял меня весьма радушно. Он знал меня понаслышке, был осведомлён о моих сибиреведческих трудах и моём ближайшем участии в работе старейшего в Сибири научного учреждения — Восточно-Сибирского отдела Императорского русского географического общества, где я к этому времени занимал должность правителя дел.

Наша беседа продолжалась довольно долго и почти не касалась политических вопросов. Г.Н. подробно расспрашивал меня о деятельности Географического общества, вспоминал о своём прежнем участии в работах этого Общества в Иркутске, много говорил о теперешнем положении исследовательского дела в Сибири вообще, с большой похвалой отозвался о работах путешественника по Тихоокеанскому Приморью капитана Арсеньева. Затем он рассказал о некоторых эпизодах из своих путешествий по Центральной Азии, обнаруживая при этом удивительную память, которая сохраняла ему точнейшие названия пройденных им речек, гор, местечек и пр. С удовольствием пускался он иногда в филологические экскурсы, когда по ходу беседы всплывал какой-нибудь вопрос сравнительной этнографии.

Признаюсь, я был поражен силой памяти этого замечательного старца и живостью его мысли. Глубочайшее впечатление произвела на меня эта встреча с великим сибирским патриотом».

В числе других посетил *Потанина* также и войсковой старшина *Е.П. Березовский*, делегат от Иртышского казачьего войска на областном съезде. От лица войскового круга он преподнёс *Потанину* ценные подарки. И хотя сибирские казаки своим коллективным решением в целом, как мы уже указывали, не одобрили некоторых последних автономистских устремлений областников, тем не менее, признавая выдающиеся заслуги *Потанина* на ниве науки и просвещения родного края, казачий круг назначил Григорию Николаевичу персональную пенсию в размере 1800 рублей (что-то около 200 тысяч на наши деньги) в год. Также войсковой круг постановил: назвать именем *Потанина* вновь образовавшийся на правом берегу Иртыша казачий посёлок, располагавшийся, кстати, недалеко от станицы Ямышевской, места рожде-

ния Григория Николаевича. Кроме того (то – ничего, ничего, а тут вдруг – всё сразу), решено было устроить женскую школу имени Александры Викторовны, покойной жены и постоянной спутницы *Потанина* во всех его путешествиях по Сибири и Монголии. Когда-то Григорий Николаевич высказал войсковому кругу пожелание, чтобы земельный участок, на который он, как казак по рождению, имел право, использовать в качестве доходной статьи на содержание школы в память о безвременно ушедшей супруге. Теперь вот казаки вспомнили о той давнишней просьбе своего знаменитого земляка и решили, наконец, её выполнить («Омский вестник», №130 от 30 июня 1918 г.).

Сразу после окончания октябрьского съезда областников в столичной печати стали распространяться журналистские байки о том, что в Томске-де провозглашено образование независимой Сибирской республики, что её президентом стал *Григорий Потанин*, министром народного просвещения назначен Пётр Макушин, а министром торговли и промышленности – купец-миллионщик Второв.

И вот эти непроверенные сообщения всегда падкой на скороспелые сенсации журналистики произвели на многих впечатление и, более того, заставили о себе говорить, в том числе и на фронте, в среде воинов-сибиряков. Последние конечно же были буквально потрясены полученными из газет новостями и незамедлительно от имени солдатских комитетов стали слать многочисленные запросы на родину с просьбой разъяснить им настоящее положение вещей. А из «стольного града» Томска им отвечали, что в условиях развала государственности и хозяйства страны сибиряки решили в очередной раз (после двух попыток – в 1861 и в 1905 гг.) вспомнить о своих гражданских правах и, действительно, приступить к организации сибирского территориального объединения, но только в рамках единой Российской федерации. Также из Томска во фронтовые части сообщали, что сибирское правительство пока ещё не сформировано, но в ближайшее время его планируют создать во главе действительно с известным многим *Григорием Потаниным* – живой легендой, непримиримым борцом с колониальным гнётом романовского самодержавия и столичной плутократии. А задачи, которые ставит перед собой сибирская автономия, поясняли, следующие:

а) борьба за интересы Сибири в отношениях с центром;

б) борьба за интересы трудового класса;

в) борьба с иноземным хозяйственным засильем.

Приняв к сведению полученные известия, воины-сибиряки (по-прежнему грозный «человек с ружьём») решили выработать собственное мнение по данному вопросу и на 10 декабря 1917 г. наметили собрать земляческий фронтовой съезд. К этому процессу незамедлительно, надо отдать им должное, тут же подключились эсеры. Так, забегая немного вперёд, отметим, что скрывавшемуся в Киеве от большевистского преследования (после 25 октября/7 ноября) члену партии социалистов-революционеров *Аркадию Краковецкому* было поручено проконтролировать инициативу сибиряков по созыву съезда военнослужащих на Юго-Западном и Румынском фронтах. А потом, связавшись по возможности с Сибирским исполнительным комитетом, предложить ему свои услуги по организации Сибирской армии. Последняя очень даже могла пригодиться правым эсерам в случае начала вооруженной борьбы с большевиками на территории Сибири, после того как последние (25 октября/7 ноября) буквально вырвали у них из рук политическую власть в России.

Организовывать в собственных интересах, правда немного ранее, эсерам пришлось также ещё, например, и мусульман Сибири. Последние с 3-го по 6 октября провели в Томске свой объединительный съезд*. Он так и назывался – съезд мусульман Сибири, однако не стоит полагать, что это было конфессиональное собрание, съезд рассматривал чисто политические проблемы, в том числе и вопрос о сибирской автономии. При его открытии 4 октября с приветственным словом к делегатам от имени областников обратился хорошо уже известный тогда в среде младообластников правый эсер *Евгений Захаров*. А *Михаил Шатилов*, находившийся в тот год вообще в большом политическом фаворе, стал товарищем председателя съезда. Председателем же собрания, а также руководителем выбранного на съезде Мусульманского совета стал ещё один подававший большие надежды молодой правоэсеровский функционер *Юсуф Саиев*.

Делегаты от мусульман в целом поддержали идею областного устройства Сибири. А эсеро-областники, в свою очередь, обещали признать провозглашенный немного ранее на подобном же форуме в Казани, принцип культурно-национальной автономии для всех мусульман России. 22 ноября 1917 г. тут же в Томске открылся и сибирский мусульманский военный съезд, принявший резолюцию о создании мусульманских воинских частей на территории Сибири. Всё шло, возможно, в соответствии с единым, хорошо продуманным планом, составленным, надо полагать, где-то в недрах правоэсеровского ЦК или в близких к нему структурах, а может быть, и ещё где-то выше... Так или иначе, но всё происходило, и это видно вполне невооруженным глазом, как бы в едином, целенаправленном русле.

Но, как говорится, если хочешь рассмешить бога, расскажи ему о своих планах... Поскольку ситуация в стране буквально через неделю после закрытия Сибирского областного съезда в корне изменилась и к власти в столице путём вооруженного переворота пришло большевистское правительство, данное обстоятельство заставило Сибирский исполнительный комитет уже в двадцатых числах ноября объявить о созыве в Томске нового Областнического съезда – чрезвычайного. Для подготовки материалов к предстоящему форуму 4 декабря собрался на своё первое заседание Сибирский областной совет. Тон в такого рода экстренных намерениях задавали конечно же представители правоэсеровской партии, утратившие политическую власть в стране и пытавшиеся использовать автономические ресурсы областников как средство мобилизации сибирской общественности для борьбы со всё возрастающим влиянием партии большевиков в регионе.

*Его заседания проходили в здании русско-татарской библиотеки, располагавшейся тогда по ул. Источной-13.

ГЛАВА ВТОРАЯ
ЧРЕЗВЫЧАЙНЫЙ ОБЛАСТНОЙ СЪЕЗД В ДЕКАБРЕ 1917 ГОДА

До того момента, когда они оказались нашими господами, читали ли они что-нибудь о Сибири, задумывались ли они над сибирскими (проклятыми) вопросами? Кипело ли их сердце негодованием от оскорблений, которым подвергалось сибирское общество?

Г.Н. Потанин

1. Подготовка к съезду

После большевистского переворота Россия, как известно, стала распадаться на целый ряд отдельных самостоятельных республик. Напомним, что после Октябрьской революции от бывшей Российской империи (вслед за Польшей) сразу же отделились: Украина (тогда ещё без Крыма), Финляндия, Кавказ и Дон, готовились отойти белорусы, молдаване и прибалты. Область Войска Донского, надо отметить, в отличие от других вышеперечисленных территорий заявила о своём сепаратизме не по национальным, а по чисто политическим соображениям, не желая мириться с большевистской властью в столице.

В русле данной тенденции, но с собственными взглядами на происходящий процесс решила сама себя спасать и Сибирь, рассчитывая употребить для этого полномочия Сибирского Учредительного собрания, созыв которого планировался в самое ближайшее время. Однако до Учредительного собрания предстоял ещё достаточно долгий и трудный этап избирательной кампании, в то время как ситуация в Сибири, по мнению многих, уже была близка к катастрофической, то есть не терпела абсолютно никаких отлагательств по своему скорейшему разрешению. «Узурпация» политической власти большевиками также принималась в расчёт. В тех условиях сибирские областники в союзе с эсерами решили срочно созвать в Томске внеочередной и одновременно «чрезвычайный» Сибирский съезд, который смог бы выработать, а потом и принять к исполнению Положение о временных органах собственной автономной власти в Сибири, призванной вывести регион из политического и экономического кризиса, до той поры, пока не будет созвано Сибирское Учредительное собрание.

Сразу же надо в очередной раз оговориться, что декабрьский Сибирский съезд собрали совсем не из сепаратистских устремлений, а скорее – наоборот: в его задачу входило своим примером возглавить объединительные усилия провинциальных окраин для спасения государства российского от грозящего ему неминуемого развала. Да иначе и быть не могло, ведь 85% населения Сибири составляли русские... Данное процентное соотношение по сравнению с другими национальностями, кстати, было гораздо выше в Сибири, чем в целом по России. Так могли ли сибиряки все-

рьёз думать об отделении от России?.. Вряд ли. Точно так же, например, поступили в 1612 г. жители Поволжья – нижегородцы, последыши, если можно так выразиться, великоновгородской демократической городской и региональной автономии. Они, прежде чем освободить Москву и страну от иноземной оккупации, тоже созывали Народное собрание (вече), принимали смелые самостоятельные решения и даже собственное войско тогда наняли, и всё это, как известно, пошло России только на пользу, а не во вред.

23 ноября 1917 г. на своём заседании Исполнительный комитет Областного совета, избранный первым Сибирским областным съездом, известил о том, что «ввиду исключительных обстоятельств момента» 6 декабря с.г. созывается в Томске чрезвычайный Сибирский съезд.

«Принимая во внимание, что создавшееся в России положение грозит Сибири тяжкими последствиями, что закрытие нашей дальневосточной границы, возможное в случае дальнейшего развития событий в центре, поставит Сибирь в положение экономически отрезанной окраины, не имеющей ни собственных, ни привозных товаров, а также денег, – принимая это во внимание, – признать положение вещей угрожающим наиболее жизненным интересам Сибири и считать назревшей необходимостью создание органа, который мог бы оказаться во главе Сибири в качестве временного органа управления.

Для осуществления идеи создания указанного органа созвать в городе Томске 6–10 декабря с.г. чрезвычайный съезд, состоящий из членов сибирского областного совета, исполнительного комитета и экономического бюро, избранных первым сибирским областным съездом, и из представителей губернских и областных революционно демократических организаций, общественных самоуправлений и экономических органов». (ГАТО. Ф.578, оп.1, д.1, л.9-9об.)

Подготовка к съезду велась широко и в тот момент совершенно открыто. Организационный комитет рассылал по городам Сибири и Дальнего Востока приглашения, декларации и различного рода агитационные материалы. Опорной базой в этой работе служили, как правило, кооперативные объединения, через разветвлённую сеть которых и осуществлялись главным образом все подготовительные мероприятия. Весьма существенной также была и финансовая помощь кооператоров в деле организации столь важного на тот момент внеочередного областного форума.

В отличие от первого съезда в Томск на сей раз пригласили, как видно из постановления Областного исполкома, по преимуществу представителей «революционно-демократических организаций в лице Советов, общественных самоуправлений и экономических органов». При этом в угоду политическому моменту количество возможных делегатов от Советов солдатских, рабочих и крестьянских депутатов несколько возросло, а в дополнение к ним предусматривалось участие в работе съезда ещё и посланцев от профессиональных союзов почтово-телеграфных работников и от комитетов железных дорог. Понятно, что такой расклад оказался явно не в пользу представительства от городского и земского самоуправления, получившего по сравнению с первым Областным съездом значительно меньшее количество пригласительных билетов.

Но и это ещё не всё. Делегаты от торгово-промышленных союзов и биржевых комитетов, а проще говоря, посланцы от крупной сибирской буржуазии или, как тогда их называли, цензовые элементы, также крайне немногочисленные, получили, в отличие

от остальных приглашенных на съезд, лишь право совещательного (!) голоса. Причём цензовики, отправляясь на съезд, абсолютно ничего на сей счёт не ведали и лишь по прибытии в Томск узнали о полном крушении своих надежд – вместе со всеми остальными делегатами поучаствовать в судьбоносном политическом мероприятии. Наряду с ними, как позже выяснилось, не получили права решающего голоса почему-то и представители от высших учебных заведений Сибири (ГАТО. Ф.578, оп.1, д.1, л.13), а также ещё несколько человек, уполномоченных от малозначительных, как посчитали организаторы съезда, общественных организаций*. Всего на декабрьский съезд, по предварительным расчётам, должно было прибыть не менее 270 человек.

По предложению *Михаила Шатилова* Исполнительный комитет решил оповестить о внеочередном чрезвычайном Областном съезде и военнослужащих сибирских частей, находившихся в тот период на противогерманском фронте (ГАТО. Ф.578, оп.1, д.1, л.13об.). Фронтовикам сообщили о том, что ещё до наступления нового – 1918 г. на востоке страны будет сформирована независимая от центра власть, которая «поведёт Сибирь к культурно-национальной автономии». Фронтовым частям рекомендовалось обсудить эти предложения и высказать собственное мнение по поводу намеченных Исполнительным комитетом планов.

Последующие события, однако, надо признать, показали, что не все сибирские фронтовые полки одобрили и поддержали подобного рода достаточно далеко идущие политические замыслы своих земляков-автономистов. Так, например, съезд воинов-сибиряков 12-й армии высказался категорически против таких планов; солидарны с ними оказались и некоторые другие воинские части. Вследствие этого выяснилось, что и на значительное количество фронтовых полков, а не только на запасные сибирские части, оказала сильное влияние модная на тот момент большевистская пропаганда, настраивавшая солдат, в том числе и категорически против процесса по автономизации Сибири. Солдатам в очередной раз весьма умело навязали мысль, что сибирские областники ведут речь не о каком-то там «неопатриотизме», а, напротив, в тайне-де только и помышляют о сепаратизме и о создании полностью независимого от России буржуазно-помещичьего государства – Зауральской Руси, со столицей в купеческо-патриархальном Томске.

Единомышленниками агитаторов-большевиков по извращённой трактовке областного вопроса, что также надо признать, оказались, к сожалению, и многие кадровые офицеры – представители слепо патриотически настроенного военного сословия, и ещё мысленно примкнувшие к ним убеждённые консерваторы-монархисты. Все эти люди, как могли, убеждали солдат отказаться от поддержки сибирских автономистов, зачисляя последних, уже на свой лад, в когорту жидо-масонов, «грязных заговорщиков» против многовековой российской государственности.

---

*Среди лишенных таким образом права решающего голоса оказалась, например, единственная женщина-делегат томичка Киневич Мария Владимировна: 30 лет, русская, образование – 6 лет гимназии, 6 лет проживала в Сибири, последнее время – в Томске, по Гоголевской улице, дом №28, кв.1, домохозяйка. Была избрана на съезд томским отделением Российской лиги равноправия женщин (ГАТО. Ф.578, оп.1, д.1, л.170).

2. Состав съезда

На чрезвычайный Сибирский областной съезд, вопреки предварительным расчётам, прибыли и зарегистрировались в общей сложности всего 182 делегата*, при этом лишь 160 получили право решающего голоса (ГАТО. Ф.578, оп.1, д.1); 150 человек из их числа чётко указали свою партийную принадлежность или политическую ориентацию. Вследствие чего выяснилось, что 134 делегата с решающим голосом (то есть 90%) являлись представителями, так называемых, мелкобуржуазных или правосоциалистических партий (эсеров, меньшевиков, народных социалистов) или проявляли к ним сочувствие. Для сравнения: на октябрьском съезде делегаты правосоциалистической ориентации составляли тоже немалое количество, но всё-таки их было немного меньше – 78% от общего числа участников.

На декабрьском съезде эти люди представляли главным образом земские управы и городские думы, Советы крестьянских депутатов, кооперативные и профсоюзные объединения, а также национальные организации, в том числе, конечно, и «туземные». Такое подавляющее превосходство представителей правосоциалистической демократии объяснялось главным образом тем, что декабрьский Областной съезд в значительной степени проигнорировали приглашённые на него делегаты от Советов рабочих и солдатских депутатов, находившиеся к тому времени уже под жестким и почти безраздельным контролем правящей в стране большевистской партии. Так Советы рабочих и солдатских депутатов Восточной Сибири вообще не прислали на съезд своих представителей, а от Советов Западной Сибири присутствовали лишь восемь человек, да и те вскоре покинули зал заседаний, выполняя распоряжение Западно-Сибирского съезда Советов, проходившего в начале декабря того же года в Омске.

Ещё одной достаточно многочисленной группой, способной «разбавить» эсеровское, до неприличия подавляющее большинство на съезде, могли стать представители от правобуржуазных организаций, главным образом от биржевых и военно-промышленных комитетов. Понятно, что это было весьма влиятельное сообщество, имевшее не только большой авторитет, но и огромные финансовые возможности, что, как показывала тогда и показывает теперь практика политической борьбы, также далеко не маловажно. Если учесть к тому же принципиальное идейное руководство данной группой делегатов со стороны кадетской партии, то получалось, что их вполне могли опасаться люди, пытавшиеся диктовать съезду сибирских областников свою политическую волю, то есть эсеры.

Исходя из таких соображений, организационный комитет декабрьского Областного съезда, в котором всё то же подавляющее большинство составляли члены правоэсеровской партии, решил не только лишить представителей крупной буржуазии права решающего голоса, но и вообще, по возможности, не приглашать их на съезд, что, собственно, и было сделано. Так, некоторым биржевым комитетам и торгово-промышленным объединениям ряда сибирских городов просто не стали рассылать официальных приглашений. И всё... И они сразу же оказались таким образом, что называется, вне игры.

Не смогли прибыть в Томск и делегаты от киргизо-казахов, также находившиеся под влиянием кадетской партии, так как с 5 декабря в Оренбурге проводили свой

*Первым зарегистрировался алтаец *Георгий Токмашев,* одним из последних (179) – лидер томского студенчества *Прокопий Беляков*.

собственный национальный съезд. В частности, не смогли присутствовать делегированные казахской общественностью известные нам уже *Букейханов* и *Ермеков*.

В силу этих и ряда других причин, кстати, и получилось так, что вместо ожидаемых 270 на съезде оказалось в наличии всего 182 зарегистрировавшихся участника.

3. Открытие съезда

Основная часть делегатов прибыла на чрезвычайный съезд немного с опозданием, так что в день открытия форума, которое состоялось 6 декабря* в 5 часов вечера в плохо отапливаемом здании Томской духовной семинарии**, присутствовало всего 94 человека. Здесь же, в общежитских комнатах, разместили для проживания и большую часть делегатов. Ещё одна небольшая группа участников съезда поселилась на ст. Томск-I (по другим данным Томск-II) в служебном вагоне под №2, специально выделенном для этой цели железнодорожным управлением. Ну а передовые выдвиженцы из числа эсеров-младообластников, как и во время проведения октябрьского съезда, вновь расположились в номерах лучших гостиниц города. Так теперь уже определённо крупно восходящая звезда сибирского эсеровско-областнического движения тридцатилетний *Пётр Дербер* снял комнату (№3) со всеми удобствами в гостинице «Россия»***, его коллега по партии тридцатичетырёхлетний *Александр Новосёлов*, а также известный сибирский адвокат народный социалист *Григорий Патушинский* – будущие члены нового состава Областного совета – поселились в гостинице «Европа»****. В Монастырском (сейчас Плеханова) переулке, в доме под номером 4 располагалась гостиница Ваксера. Здесь в декабре 1917 г. также проживали некоторые участники Сибирского областного съезда. Ну а, например, пятидесятишестилетний *Анатолий Сазонов*, новониколаевский кооператор, член правления богатейшего в Сибири кооперативного объединения «Закупсбыт», человек, что называется старой закалки, скромно устроился в одной из общежитских спален духовной семинарии – на коечке, на жесткой семинаристской коечке.

При открытии съезда от имени Исполнительного комитета Областного совета со специальным заявлением выступил *Евгений Захаров.* Он уведомил собравшихся, что в свете последних событий Исполком первоначально имел намерение созвать в Томске съезд только что избранных всеобщим народным голосованием членов Всероссийского Учредительного собрания, но потом от этой идеи решили отказаться, так как народные избранники торопились по неотложным политическим делам в Петроград. Пришлось также оставить мысль и о созыве второго

---

*В День Николы Зимнего, православного праздника в честь Николая Угодника, святого чудотворца, издревле считающегося главным покровителем русского народа.

**Здание духовной семинарии находилось на улице Никитина. При советской власти семинария была закрыта, а его корпуса переданы военному ведомству, здесь сначала размещалось артиллерийское училище, потом в нём готовили офицеров-связистов. Сейчас ни того, ни другого уже нет. Помещения пустуют, часто поджигаются и, видимо, ждут своей очереди под снос для частного новодела...

***Сейчас в этом здании находится областной военный комиссариат.

****В настоящее время это магазин «Тысяча мелочей». *Новосёлов*, судя по информации из его делегатской карточки, проживал в одном номере со своим товарищем по омскому партийному комитету, эсером также довольно левых взглядов *Оленич-Гнененко*.

полносоставного общесибирского съезда, ибо собрать его в спешном порядке при создавшихся очень непростых политических условиях и при значительной транспортной разрухе представлялось совершенно невозможным. Поэтому и решено было провести в Томске чрезвычайный, немного урезанный по своему качественному составу съезд.

Также *Захаров* от имени и по поручению Областного совета ещё раз напомнил собравшимся о главной цели всего, собственно, происходившего тогда в Томске, о цели, как подчеркнул выступавший, достойной каждого свободного народа, и эта цель – областная сибирская автономия. Все усилия до сей поры, отметил *Захаров*, прилагались к тому, чтобы сорганизовать Сибирь в единую экономико-культурную область и как можно шире распространить по её необъятным просторам идею автономии. Теперь, продолжал далее выступавший, политические обстоятельства заставили Областной совет задуматься: а сможет ли в создавшейся достаточно сложной политической обстановке вообще собраться Всероссийское Учредительное собрание, а тем более предоставить в ближайшем обозримом будущем Сибири столь необходимое для неё краевое самоуправление?..

Также вполне очевидным, по замечанию *Захарова*, стало то чрезвычайное обстоятельство, что события, произошедшие в России за последние месяцы, очень сильно расшатали не только политические, но и экономические устои государственности, грозя ей, возможно, уже весьма скорыми катастрофическими последствиями. При таких обстоятельствах, далее констатировал выступавший, Областной совет не мог, как это предполагалось изначально, ограничить себя одним лишь собиранием материалов о сибирской автономии для Учредительного собрания, а вынужденно начал искать пути по скорейшему выходу из создавшегося достаточно сложного политического и экономического положения в регионе. Таким единственно правильным выходом, с точки зрения Областного совета, и явилась идея созыва чрезвычайного Общесибирского съезда, который должен будет избрать из своего состава наделённые на этот раз уже вполне конкретными полномочиями органы власти для централизованного и эффективного управления Сибирью. Отрезанные от центра, практически предоставленные самим себе, сибиряки, заключил *Захаров*, дело по спасению всего восточного региона страны должны, наконец, полностью взять в собственные руки.

4. Работа съезда

Итак, 6 декабря 1917 г. в Томске открылся чрезвычайный Сибирский областной съезд. На нём были представлены, как мы уже отмечали, главным образом революционно-демократические организации и партии: от эсеров и большевиков – слева до областников и народных социалистов – справа, и опять, как и на октябрьском съезде, при безусловном преобладании партии социалистов-революционеров. Члены правобуржуазной кадетской партии, а вместе с ними и представители от так называемых цензовых элементов, а также делегаты съезда от сибирских вузов, как в самом начале определилось, от участия в работе областнического форума оказались фактически отстранены. Обладая лишь совещательным голосом, они присутствовали на съезде, по сути, лишь в качестве почти что сторонних наблюдателей, однако имевших право

в отличие, допустим, от простых зрителей публично участвовать в обсуждении всех вопросов чрезвычайного форума*.

Проблема с цензовыми элементами остро встала уже в первый день работы съезда во время доклада мандатной комиссии по поводу проверки полномочий прибывших делегатов. Именно тогда был поставлен, что называется, ребром вопрос о представительстве буржуазии на съезде. В выступлениях делегатов по данной проблеме определились две, причём абсолютно противоположные, точки зрения. Одна часть из числа участников совещания высказывалась против коалиции с буржуазией, так как подобная коалиция, возникшая сразу же после Февральской революции** и продолжавшаяся вплоть до Октябрьской, уже привела страну, считали они, к полному политическому и экономическому краху. Некоторые из числа этих непримиримых достаточно веско аргументировали правильность занятой ими позиции ещё и тем, что на IV съезде партии эсеров (28 ноября – 5 декабря 1917 г.) её лидеры в большинстве своём признали ошибочность линии на создание коалиции с представителями от буржуазной демократии. В силу вышеизложенных обстоятельств на съезде и зазвучали речи о том, чтобы полностью исключить участие цензовых элементов в работе внеочередного областного форума.

Другая же часть делегатов высказалась, напротив, в пользу плодотворного сотрудничества с представителями от крупной сибирской буржуазии. Своё особое мнение они аргументировали теми соображениями, что, поскольку на чрезвычайном съезде по большому счёту решается дальнейшая судьба всего населения Сибири, то на нём должны быть представлены абсолютно все без исключения общественно-политические группы, в том числе и цензовые. Тем более что, несмотря на произошедшие достаточно глубокие социальные и политические реформации завершающегося революционного года, сибирякам, настаивали приверженцы данной точки зрения, в ближайшее время, видимо, придётся жить всё-таки в условиях капиталистического строя (предсказание не сбылось), и поэтому совместная работа с буржуазией абсолютно неизбежна и оттого просто необходима.

После жарких дебатов по данному вопросу большинством в 49 голосов против 23 было принято «соломоново» решение – предоставить возможность представителям от деловых кругов участвовать в работе Областного съезда, но только с совещательным голосом. По оглашении результатов голосования *Д.Е. Лаппо* (лидер красноярских кадетов) от имени цензовых делегатов заявил, что при таких условиях они работать не смогут, выступать в роли статистов не желают и поэтому покидают съезд. Представители сибирской буржуазии также заявили, что результаты только что проведённого голосования есть всего лишь сиюминутная дань политической конъюнктуре и недостойное низкопоклонство перед пришедшими к власти большевиками. Вместе с торгово-промышленниками, по некоторым данным, съезд покинула тогда и часть делегатов-железнодорожников, недовольных тем, что приглашение приехать в Томск получили представители лишь четырёх из десяти сибирских железнодорожных комитетов.

*Такие, явно дискриминационные нововведения конечно же вызвали резко отрицательную реакцию со стороны сибирской буржуазии. См., например: ГАТО. Ф.578, оп.1, д.2, л.65 – телеграммы протеста в адрес съезда от лица торгово-промышленных и биржевых комитетов некоторых сибирских городов по поводу отстранения цензовых элементов от участия в работе съезда с решающим голосом.

**Весной 1917 г. эсеры, и сибирские в том числе, восторженно встретили известие о вхождении своих однопартийцев – *Чернова* и *Керенского* – в коалиционное буржуазное правительство.

Таким образом, в первый же день открытия съезда полностью отказался от участия в его работе хотя и небольшой, но всё-таки достаточно авторитетный блок делегатов от цензовых элементов. К тому же этот инцидент впервые со времён Февральской революции вызвал достаточно серьёзные осложнения в отношениях между сибирскими областниками старшего поколения, имевшими, особенно в последние годы, достаточно прочные связи с сибирской буржуазией, и эсерами.

Что же касается ярых политических оппонентов цензовиков – представителей от Советов рабочих и солдатских депутатов – то они, напротив, право решающего голоса получили в полном объёме, и, казалось бы, чего же им ещё... Но нет, и они туда же. На третий день работы съезда, на пленарном заседании 8 декабря делегаты от Советов неожиданно для всех попытались заблокировать работу совещания, так же как цензовики и кадеты, покинув его почти в полном составе. Для ясности необходимо отметить, что ещё раньше, намереваясь хоть каким-то образом воспрепятствовать работе областного форума, III Западно-Сибирский съезд Советов, проходивший в самом начале декабря в Омске, постановил отозвать со «сборища мелкобуржуазных сепаратистов» всех представителей от Советов.

Именно по этой самой причине на заседании 8 декабря один из участников Сибирского областного съезда, некто Закржевский, большевик, по всей видимости, как делегат от Омского съезда Советов и таким образом как бы по его поручению, предложил представителям от Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов немедленно покинуть съезд «сепаратистов». Причём Закржевский тут же подал пример своим, возможно, ещё сомневающимся товарищам и демонстративно вышел из зала заседаний, а вслед за ним дружно потянулись к выходу и большинство остальных представителей от рабочих и солдатских Советов*.

Однако значительного практического результата этот демарш большевиков всё-таки не возымел. Ибо, даже несмотря на уход со съезда представителей левой, а чуть раньше и правой оппозиции почти в полном составе, съезд, тем не менее, не растерял кворума и поэтому продолжил начатую работу. Дело в том, что делегаты от Советов крестьянских депутатов, которые по преимуществу являлись приверженцами эсеровской идеологии, не откликнулись на призыв большевиков и томский съезд всё-таки не оставили. Более того, к ним вскоре присоединились и крестьянские (читай: эсеровские) делегаты III Западно-Сибирского съезда Советов, срочно вызванные в Томск из Омска. Так что общее количество участников съезда уменьшилось незначительно и составляло по-прежнему около 2/3 от первоначально запланированного общего количества делегатов.

Тогда томские большевики, как свидетельствуют некоторые источники, попытались разогнать съезд областников при помощи вооруженной силы. Однако численности городского отряда Красной гвардии для проведения такого достаточно масштаб-

*В архиве Томской области хранится объяснительная записка президиуму декабрьского Областного съезда от уже упоминавшегося нами делегата по фамилии *Оленич-Гнененко*. Записка касается инцидента, который произошёл на том самом пленарном заседании 8 декабря. В тот момент, когда Закржевский предложил представителям от Советов немедленно покинуть зал заседаний, из рядов делегатов, а также зрителей раздался неодобрительный гул и даже послышался свист. Авторство последнего было приписано *Оленич-Гнененко*, за что он и объяснялся перед президиумом съезда, принося ему, а также Томскому Совету рабочих и солдатских депутатов, свои извинения. Закржевский тоже, кстати, не остался в долгу и, выходя из зала заседаний съезда, обозвал освиставших его делегатов «хулиганами» (ГАТО. Ф.578, оп.1, д.2, л.15).

ного мероприятия пока у Советов явно не хватало, а солдаты томского гарнизона отказались принимать участие в этой, по их мнению, не совсем демократичной акции. Вследствие данного обстоятельства, а также в силу некоторых других причин, на которые будет указано дальше по тексту, планы советской власти по разгону Всесибирского областного форума в декабре 1917 г. однозначно провалились.

Таким образом, декабрьский съезд не только сумел открыться, преодолеть организационные трудности первых заседаний, но и в последующие дни успешно продолжить начатую работу. Утром и днём 7 декабря был заслушан ряд докладов с мест о политическом и хозяйственном положении в сибирских регионах и, в частности, о разрушительной деятельности там большевиков. Как отмечали в своих обзорах о работе съезда областнические газеты, почти через все доклады красной нитью проходили две основных мысли: о непризнании местным населением правительства Ленина и о необходимости объединения сибиряков перед лицом надвигающейся страшной экономической разрухи.

Так, среди сделанных в тот день на съезде сообщений особенно всем запомнилось выступление делегата от Енисейской губернии, бывшего прокурора Красноярского окружного суда *Григория Патушинского*, засвидетельствовавшего, в частности, факты наличия в рядах губернского большевистского руководства якобы хорошо знакомых ему по прежним судебным делам уголовных преступников. А делегат от Тургайской области вообще, вопреки всякой осторожности, восторженно описывал вооруженную борьбу атамана *Дутова* с большевиками. Весьма запомнилась участникам съезда и речь молодого атамана Енисейского (Минусинского) казачьего войска (также выдвиженца правоэсеровской партии) *Александра Сотникова*, который охарактеризовал настроение казаков своего войска как полностью контрбольшевистское (но вместе с тем никоим образом не контрреволюционное). Казаки, подчеркнул *Сотников*, – вольные люди, и они не могут признать власти «насильников», то срывающих сроки открытия Учредительного собрания, то разгоняющих неугодные им съезды, то закрывающих не только буржуазные, но даже и социалистические газеты. Вот так почти целый день делегаты и «мусолили» антибольшевистскую тематику. И в конце концов, что называется, напросились...

Утром 8 декабря председатель Центросибири *Борис Шумяцкий*, извещённый о подобного рода настроениях в среде автономистов, в телеграфном разговоре с руководителями Томского совета стал настаивать на разгоне Сибирского областного съезда и на аресте его главных организаторов. И хотя томские большевики вроде бы и пообещали что-то сделать в этом плане, но всё-таки не смогли (а может быть, и не решились) в тот первый раз выполнить распоряжение своего краевого руководства. Однако серьёзная политическая кампания по борьбе с «контрреволюционными» областниками всё-таки в Томске была проведена, но не силовыми, а пока исключительно мирными средствами.

Так Томский совет рабочих и солдатских депутатов посвятил областнической проблеме целых два расширенных заседания – 15-го и 18 декабря, в завершение которых перешедший к тому времени уже полностью на большевистские позиции бывший меньшевик *Фёдор Лыткин* предложил резолюцию, принятую подавляющим большинством голосов (трое воздержались, все остальные проголосовали «за»). В ней, в частности, говорилось: «Признавая, что областничество, как течение политическое, является выразителем интересов нарождающейся сибирской буржуазии, пытающей-

ся своё экономическое господство укрепить захватом политической власти, и, находя, что чрезвычайный съезд областников, созванный в момент наивысшего напряжения классовой борьбы, объективно не может не являться контрреволюционным, так как власти Советов рабочих, солдат и крестьян он противопоставляет власть русской, бурятской и киргизкой буржуазии, – признавая всё это, Томский совет рабочих и солдатских депутатов постановляет: “Выразить своё отрицательное отношение к чрезвычайному общесибирскому съезду областников”».

Совет также предупредил собравшихся в Томске правых оппозиционеров, что в случае попытки захвата ими власти к ним всё-таки будут применены «все доступные средства». Весьма недвусмысленные угрозы в адрес Областного съезда прозвучали в те дни и со страниц рупора большевизма в Томске – газеты «Знамя революции». Автором одной из статей подобного рода был всё тот же *Фёдор Лыткин*, за последний год, в условиях галопирующей политической «инфляции», превратившийся из нештатного сотрудника областнического журнала «Сибирские записки» и участника I Сибирского областного съезда в одного из самых непримиримых противников сибирского автономистского движения.

Но вернёмся к работе чрезвычайного съезда. На заседании 8 декабря был избран президиум съезда и принята «Декларация по текущему моменту», в которой в целях предотвращения политической и экономической катастрофы в регионе провозглашалось создание в Сибири «автономной областной власти».

«*1917 год, 8 декабря, г. Томск. Декларация Чрезвычайного общесибирского съезда по текущему моменту:*

1. В дни государственного распада, в дни гражданской борьбы и небывалой катастрофы великого Российского государства – СЪЕЗД полагает, что единственным источником зарождающейся общегосударственной власти, среди царящего безвластия, может быть только Всероссийское Учредительной собрание, пришедшее закрепить свободный и демократический строй великой Республики нашей и самоопределение народов и областей её.

Именем своего авторитета СЪЕЗД заявляет, что недопустимо посягательство на волю Учредительного собрания, и зовёт народы великой Сибири, от Урала до Тихого океана, на решительную и беспощадную борьбу с теми, кто осмелится дерзнуть бороться с выражением общенародной воли.

2. СЪЕЗД верит, что Учредительное собрание установит великую Российскую федеративную республику во имя благополучия народов, её населяющих, и предлагает своим депутатам в Учредительном собрании отстаивать эту форму государственного строительства.

3. СЪЕЗД не сомневается, что Российское Учредительное собрание изыщет истинные и верные пути к скорейшему заключению демократического мира в интересах демократии Российской республики и трудящихся всего мира.

4. Сознавая, что организация государства в целом возможна только при организации его частей, что автономия областей и самоопределение народностей есть великое завоевание российской революции, что выход из экономического и финансового тупика в момент государственного безвластия возможен только инициативой демократии на местах, что от спасения областей и окраин зависит спасение государства в целом, – СЪЕЗД признает единственным выходом, во имя спасения всей Сибири, создание в ней автономной, областной власти, для чего постановля-

ет в кратчайший срок, не позднее марта месяца, созвать Сибирское Учредительное собрание на основе всеобщего, прямого, равного и тайного избирательного права.

5. В дни отсутствия общей демократической власти, нависший финансовый крах Сибири, отсутствие денежных знаков, угроза голода её восточной и северной полосе, расстройство транспорта и производительности, вынуждает СЪЕЗД временно создать во имя спасения Сибири общесибирскую социалистическую, с представительством национальностей, власть в лице Сибирской областной думы и Областного совета, ответственного перед Областной думой» (Бюллетень Временного Сибирского областного совета. Томск, 1918, №1, с.3).

В тот же день, 8 декабря, но только вечером, началось слушание и пленарного доклада, сделанного, что для некоторых показалось весьма странным, почему-то не столько областником, сколько правым эсером, не уроженцем Сибири, а ссыльнопоселенцем из Одессы, не русским, а евреем – тридцатилетним *Петром (Пинкусом) Дербером*. Коснувшись текущего момента, он отметил, что российской демократии на данный исторический момент угрожают две опасности. С одной стороны – Каледин, *Корнилов*, Деникин и Алексеев, движение которых под флагом борьбы с анархией и большевизмом могло, по мнению докладчика, нанести смертельный удар и по русской революции в целом. С другой стороны – действует большевизм. Бросив лозунг коммунистической революции, большевики, со слов *Дербера*, сразу же ополчились на Учредительное собрание, решив, что оно не может выражать интересы людей труда, так как его членами были избраны, в том числе, и представители от так называемых «нетрудовых элементов», то есть цензовых.

Далее, перейдя к проблемам сибирской власти, докладчик стал уверять собравшихся, что на момент созыва декабрьского Областного съезда у народных масс нет уже прежнего доверия к буржуазии, что у них, в связи со всеми революционными событиями текущего года, напротив, вполне созрел «элемент доверия к социализму». Большинство населения Сибири, исходя из результатов выборов во Всероссийское Учредительное собрание, как констатировал докладчик, отдало явное предпочтение общесоциалистической власти, поэтому именно такой она и должна быть в Сибири в ближайшей перспективе. И, для того чтобы таковая власть «не отставала от жизни», необходимо, продолжал *Дербер*, созвать теперь же народный орган, который бы мог контролировать эту власть – то есть созвать Временную Сибирскую областную думу. В составе данного органа, по представлению автора доклада, необходимо было, во-первых, полностью исключить представительство от цензовых элементов и, во-вторых, предпринять все меры для того, чтобы Дума смогла плодотворно работать до самого открытия Сибирского Учредительного собрания.

Россия, продолжал докладчик, может излечиться от последствий экономического и политического кризиса только лишь путём возрождения сначала отдельных регионов, и только после этого возможно будет «вернуть здоровье и жизнь всему организму в целом». Для Сибири, указал *Дербер*, единственно действенным способом двигаться в данном направлении является опять-таки скорейший созыв Сибирской областной думы, которая сможет объединить в себе земское и городское самоуправление, советские организации, инородческие союзы, трудовое казачество, а также различного рода общественные организации – вузовские, железнодорожные, почтовые и телеграфные, военные, в том числе и фронтовые.

Областная дума, в трактовке докладчика, таким образом, оказалась представлена как временный орган высшей власти в Сибири для принятия срочных мер по общественному и хозяйственному оздоровлению региона. А завершающим результатом её деятельности на данном этапе должно было стать избрание Сибирского Учредительного собрания, задачей которого, в свою очередь, станет окончательное областное обустройство Сибири на правовом и законодательном уровне. При этом организацию региона на началах областной самостоятельности *Дербер* считал необходимым связать с «волею воль» всего русского народа, которые найдут полное воплощение уже во Всероссийском Учредительном собрании.

В последующие дни съезд заслушал около 15 достаточно объёмных выступлений в прениях по поводу доклада *Петра Дербера*. Большинство выступавших полностью или частично, но всё-таки одобрило планы по провозглашению и строительству в самое ближайшее время Сибирской автономии*. Сквозной мыслью в этих выступлениях также проходила идея по превращению России в федеративную республику с предоставлением её отдельным областям, обособленным территориально по культурно-историческим, национальным или экономическим признакам, права самостоятельного обустройства и управления в своих внутренних делах через собственные местные законодательные палаты, а также земские и городские органы власти.

После дебатов по данному докладу было принято постановление о создании «общесибирской социалистической власти» в лице Сибирской областной думы и Временного Сибирского правительства. На основании этого решения представителям крупной буржуазии, а также кадетской партии, как и предлагал пленарный докладчик, полностью ограничили доступ в Сибирскую областную думу, таким образом их лишили уже и вообще какого-либо представительства, даже с совещательным голосом.

В дополнение ко всему делегаты съезда приняли постановление о том, что и будущее Временное Сибирское правительство также должно быть строго социалистическим «от народных социалистов до большевиков включительно». Отсюда следовало, что большевики в отличие от цензовиков теоретически могли быть допущены как в состав распорядительного, так и в состав всех исполнительных органов сибирской власти. Последнее положение, как и следовало ожидать, вызвало очень сильные возражения со стороны объединенной фракции городских и земских самоуправлений, областников, кооператоров и академических групп. От её имени против вхождения представителей ленинской партии во Временное Сибирское правительство, «находя, что нельзя совместно работать с людьми, руки которых обагрены братской кровью», выступил на заседании 12 декабря *Григорий Патушинский*.

После этого та же объединённая фракция открыто заявила, что состоявшееся 9 декабря решение съезда по вопросу о составе будущего Временного Сибирского правительства с участием большевиков находится в явном противоречии с волей представляемых ими организаций.

«Мы, представители объединённых фракций городских и земских самоуправлений, областников, кооператоров и академической группы, участвовавшие в том заседании съезда, где это постановление было принято большинством 55 против 43, голо-

*Поскольку численно на съезде преобладали эсеры, чья программа, как мы уже отмечали, почти полностью совпадала с планами сибирских областников, такая практически безоговорочная поддержка проекта по автономизации Сибири была достаточно предсказуема.

совавших против, и воздержавшихся, считаем своим долгом заявить чрезвычайному съезду, что слагаем с себя всякую ответственность за такое решение большинства съезда, но, принимая во внимание создавшееся положение вещей и неотложную необходимость создания областной власти, мы остаёмся на съезде, дабы довести до конца нашу основную работу».

К данному заявлению присоединился и *Г.Н. Потанин*.

Однако, по настоянию фракций эсеров, меньшевиков и национальных групп, теперь уже 77 голосами против 34, постановление о формировании областной власти съезд утвердил всё-таки в прежней (изначальной) редакции:

«Переходя к вопросу о конструкции временной власти в Сибири, чрезвычайный сибирский съезд постановляет, что до Учредительного собрания Сибири орган, контролирующий и законодательный, должен состоять исключительно из представителей демократии без участия цензовых элементов, что же касается до власти исполнительной, то она должна быть социалистической, причём, в состав органа исполнительной власти могут войти все социалистические партии от народных социалистов до большевиков включительно, с представительством национальностей, если партии принимают платформу настоящего съезда, то есть безусловную борьбу за избранное всеобщим, равным и тайным голосованием Всероссийское Учредительное собрание и за областное народоправство Сибири, так как только эта платформа может предотвратить полный государственный развал» (Бюллетень Временного Сибирского областного совета, 1918, №1, с.3).

Следует отметить, что если отказ левобуржуазных революционеров от сотрудничества на съезде с крупной буржуазией, вызвал всего лишь публично высказанное недовольство областников из ближайшего потанинского окружения, то провозглашение будущей власти – «социалистической, от народных социалистов до большевиков включительно» – привело, фактически, к полному и окончательному разрыву сибирских автономистов старшего поколения с эсерами.

Сразу же, по получении окончательной резолюции съезда по поводу организации общесибирской власти, *Потанин*, так как он по состоянию здоровья сам не смог выступить перед делегатами, через *Владимира Михайловича Крутовского* сделал публичное заявление съезду с протестом против такого решения, в котором он, прежде всего, «усмотрел угодничество перед большевиками, являющимися господами положения в Томске»*.

Заявление Областному съезду:

«Ввиду слабости сил, сопряженной с моим возрастом, и утомлённости для меня личного присутствия на продолжительных заседаниях съезда, я прошу съезд разрешить мне высказать своё мнение по поводу возникшего на нём раскола письменно. Ознакомившись с поводами, которые привели к выделению из съезда блока делегатов от кооперативов, городских и земских деятелей и областников, я примыкаю всей душой к этому блоку и не разделяю мнений и стремлений их противников. Вместе с членами блока я против включения в состав резолюции, выработанной президиумом, дополнительных слов: “от народных социалистов до большевиков включительно”.

Этот раскол вызывает во мне глубокое огорчение. В противниках блока я не вижу искренней преданности идее областничества, которая была внушена старым об-

*6-7 декабря 1917 г. Томский совет рабочих и солдатских депутатов декларировал о взятии в свои руки полной и безраздельной власти в губернии.

ластникам любовью к сибирскому крестьянству. Я вижу в стремлениях этих моих противников служение только партиям, к которым они принадлежат. А служение партиям, в особенности провинциальным, не всегда заключается в служении народу. Поэтому, чтобы не попасть в ложное положение, чтобы уберечь себя от увлечения в партийную борьбу, я избегал вступления в партию эсеров и, хотя после объявления республики записался в эту партию, но потом постарался выйти из неё.

Блок городских и земских деятелей, кооперативов и областников я считаю самым положительным элементом на съезде. Это его здоровое ядро. Оно состоит из людей, действительно преданных интересам нашей окраины. Это самая полезная часть съезда, не увлекающаяся никакими чуждыми Сибири интересами. Уход из стен съезда этой его части будет для съезда незаменимой утратой. Для блока невозможно принять резолюцию о конструировании власти в Сибири, с включением в неё фразы о большевиках. Принятие резолюции в такой редакции, как я ознакомился с положением дела, противоречило бы их мандатам. Поэтому осмеливаюсь рекомендовать членам президиума, настаивающим на такой редакции, отказаться от неё.

Меня удивляет такое ухаживание за большевиками. Это какая-то игра в политические шахматы, крайне опасная для серьёзного дела. Президиум запутается в своих политических выкладках.

Я служил идее областничества только как честный публицист и никогда не был политическим практиком. Я всегда держался правила вести агитацию своей идеи открыто и честно, не заигрывая с сильными влияниями, не входя в опасные союзы. И хотя в политической практике никакого опыта не имею, но важность момента, наступившего для моей родины, заставляет меня высказаться по поводу конфликта на съезде. Я стою за прямую и откровенную политику с большевиками. Они мне не симпатичны, и я хочу это открыто показать, вотируя против редакции, подлаживающейся под вкусы большевиков. Я считаю нечестной политику, которая, чтобы угодить большевикам, вносит резолюцию о включении их в конструируемое сибирское правительство и в то же время успокаивает блокистов тем, что это делается для отвода глаз большевиков на время.

Предпочитая открытую и благородную политику политике с дипломатическими каверзами и подвохами, с будто бы верными расчётами, я, как бы ни было для съезда катастрофично решение блока, голосую за его решение. Если блок принужден будет выйти из съезда, и я выхожу, следуя за его рядами. Пусть расстроится съезд и отсрочится устроение нормальной жизни Сибири, но лучше для успеха идеи областничества, если она выйдет из этого конфликта незапятнанной меркантильными уловками и пресмыканием перед господами момента. Потанин» («Свободная Сибирь», Красноярск, №7 от 11 января 1918 г.).

В ответ на заявление *Потанина* президиум съезда заверил его и других солидарных с ним областников, что решение о создании однородного социалистического правительства с включением в его состав большевиков является решением временным и будет иметь силу только до начала работы Сибирской областной думы, которая уже буквально через месяц сможет пересмотреть его и выбрать Временное правительство уже, что называется, на свой «вкус». Более того, эсеровское руководство съезда во избежание продолжения конфликта с потанинской группой, чреватого самыми непредсказуемыми последствиями, приняло решение вообще не избирать на

съезде Временного Сибирского правительства, а ограничиться лишь новыми выборами во Временный Сибирский областной совет, функции которого главным образом сводились к организации и созыву в Томске в январе наступающего 1918 г. Сибирской областной думы. Столь умелый тактический ход президиума съезда оказался достаточно эффективным и на некоторое время сумел сгладить остроту начавших разрастаться противоречий эсеров с руководством сибирского областнического движения и, тем паче, – с его основателем. Однако вскоре в Томск прибыл специальный эмиссар ЦК кадетской партии по сибирским делам *Степан Васильевич Востротин*, и дело по замирению между конфликтующими сторонами полностью провалилось. Но об этом чуть ниже...

Итак, чрезвычайный съезд постановил созвать 7 января 1918 г. в Томске «Временную Сибирскую областную думу с законодательной властью по местным делам». Состав членов Думы намечался «только из представителей революционных, демократических и национальных организаций с преобладанием советских». А поскольку участие цензовых элементов в ней вообще не допускалось, «это, как вполне справедливо подметила одна из областнических газет, была измена основному завоеванию великой февральской революции с её лозунгом всеобщего избирательного права» («Свободная Сибирь», Красноярск, №138 от 1 ноября 1918 г.).

На заседании 14 декабря происходило уже постатейное обсуждение Положения о временных органах управления Сибири, затем участники съезд перешли к выборам Временного Сибирского областного совета. В последний же день своей работы, 15 декабря, чрезвычайный Областной съезд в окончательном варианте утвердил «Положение», решив создать «во имя спасения Сибири» всё-таки «общесибирскую социалистическую, от народных социалистов до большевиков включительно, с представительством национальностей власть в лице Сибирской областной думы и Областного совета, ответственного перед Областной думой».

Мотивы попыток эсерствующих младообластников создать совместно с большевиками общесоциалистическую власть будут тем более ясны и понятны, если учесть, что в самый разгар съезда сибирских автономистов в его адрес из Петрограда пришла телеграмма с извещением о достигнутом в ночь с 9-го на 10 декабря соглашении руководства партии правых эсеров и большевиков о создании коалиционного социалистического правительства*. Может быть, именно по этой причине и Томский совдеп, в свою очередь, так и не решился тогда, в декабре, выполнить распоряжение *Б. Шумяцкого* о разгоне предводительствуемого эсерами Областного съезда.

5. Выборы Сибирского областного совета

Первоначально съезд, как мы уже отмечали, собирался выбрать из своего состава временное правительство и даже заранее наметил кандидатуры некоторых министров, например военного в лице бывшего командующего Иркутским военным округом, тридцатичетырёхлетнего эсера *Аркадия Краковецкого.* Однако потом, как мы только что выяснили, делегаты решили отложить выборы правительства до со-

*ГАТО. Ф.578, оп.1, д.2, л.25. Телеграмма в адрес съезда из Петрограда с извещением о достигнутом в ночь с 9-го на 10 декабря соглашении эсеров с большевиками о создании коалиционного социалистического правительства.

зыва Сибирской областной думы и ограничиться учреждением нового Временного Сибирского областного совета. Последний, кстати, также сначала задумывался, в том числе, и как главный орган исполнительной власти в Сибири и поэтому должен был состоять из 16 человек. Однако эсеры и их союзники во избежание конфликта с потанинской группой, а также с большевистскими властями всё-таки не решились провозгласить Областной совет временным сибирским правительством. Более того, в конечном итоге Совет урезали до 7 человек и официально объявили, что основной его задачей будет осуществление подготовительных мероприятий по созыву в Томске Сибирской областной думы, открытие которой намечалось, как мы уже указывали, на 7 января 1918 г. На вечернем заседании 14 декабря, постепенно перешедшем в ночное, был оглашен список кандидатов, заготовленный заранее и явившийся результатом соглашения всех без исключения фракций съезда. В председатели Совета наметили, конечно, *Г.Н. Потанина*, а в члены: от фракции эсеров – *П.Я. Дербера*, *А.Е. Новосёлова*, *А.А. Краковецкого, Г.М. Маркова, М.Б. Шатилова*, *М.С. Полюгова*, *И.С. Михайлова*, от объединённой группы областников, представителей городского и земского самоуправления, а также профессорской коллегии – *Г.Б. Патушинского, Е.Е. Колосова*, *С.П. Никонова*, от национальной группы – *А.Н. Букейханова, М.Ж. Танышбаева*, *Г.Ш. Неометуллова* и некоего Тележинского. На пост управляющего делами Совета планировался эсер *Е.В. Захаров*. Одиннадцать человек из этого списка являлись выдвиженцами правосоциалистических партий, четверых делегировали национальные объединения, и только лишь *Г.Н. Потанин* фактически в единственном числе, представлял непосредственно сибирских областников.

Голосование проходило за весь список в целом, но в закрытом режиме и поэтому сильно затянулось. Так что лишь в 2 часа 15 минут пополуночи, уже 15 декабря, комиссия объявила результаты выборов: 52 – за, 9 – против, 30 – воздержались. Таким образом, список кандидатов в Областной совет не прошёл, так как не преодолел оговоренный в регламенте порог в две трети голосов. Выборы объявили несостоявшимся, и на 11 часов утра того же дня было назначено повторное голосование. После этого делегаты съезда стали неспешно расходиться по своим «бивакам», – весьма уставшие и несколько удручённые после столь нелёгкого и закончившегося фактически ничем ночного бдения. При всём при том вряд ли кто из них мог вполне ясно объяснить для себя тот факт, почему не прошёл список, одобренный во время предварительных консультаций всеми без исключения фракциями.

На следующем заседании, открывшемся, как и планировалось, в 11 часов утра, лишь только к 4 часам дня удалось согласовать новый список кандидатов в члены Областного совета, обсуждённый и проработанный опять во всех трёх делегатских группах. Председателем в нём вновь значился областник *Григорий Потанин*, а вот состав членов Временного совета на этот раз несколько изменился как в количественном, так и в качественном отношении. Теперь в него вошло всего семь человек, каждый из которых был вполне определённо политически ориентирован. Совет предполагалось сформировать «из виднейших участников Сибирского съезда по типу директории времён французской буржуазной революции». В списке, помимо *Г.Н. Потанина*, оказались представлены: эсеры – *Пётр Дербер*, *Александр Новосёлов*, *Михаил Шатилов*, *Евгений Захаров* (управляющий делами), народный социалист – *Григорий Патушинский*, а также представитель национальных меньшинств Сибири, весьма

близкий, кстати, к кадетам казах *Алимхан Ермеков**. После знакомства с новым списком уже ближе к вечеру провели, наконец, повторное голосование.

Делегаты съезда и на этот раз предпочли выбирать состав Областного совета всё в том же в закрытом режиме, то есть при тайной подаче голосов. Однако его результаты оказались уже несколько иными: за список проголосовали 77 делегатов, против – лишь 3 при 14 воздержавшихся. Таким образом, необходимые 2/3 голосов удалось получить, и после объявления результатов голосования собрание громкими аплодисментами поприветствовало первых «народных управителей Сибири», ещё не министров, конечно, но людей, тем не менее, обличённых всё-таки некоторыми полномочиями исполнительной власти в регионе, своего рода министров без портфелей. Их полномочия, надо ещё раз напомнить, были действительны лишь до того момента, пока Областная дума на январской сессии не «сформирует значительно расширенное по своему составу и более компетентное временное правительство».

После выборов Областного совета, получив информацию, что многие делегаты собрались уже разъезжаться по домам, президиум съезда, несмотря на общее переутомление, принял решение рассмотреть оставшиеся вопросы в тот же день, опасаясь на следующее заседание уже не собрать необходимого кворума. Так было заслушано в третьем чтении Положение о временных органах управления Сибирью и Основные положения о выборах во Всероссийское Учредительное собрание и в Сибирское Учредительное собрание. Оба документа с незначительными поправками в результате непродолжительного обсуждения, без лишних проволочек, что называется, удалось вечером 15 декабря принять.

Ну и, наконец, самым последним вопросом повестки дня оказалось избрание членов финансового, национального и военного советов (отделов) при Областном совете. На сей раз делегаты съезда решили не утруждать себя тайным голосованием и провели выборы открытой подачей голосов. Так в финансово-экономическое бюро были избраны: профессор *Сергей Никонов*, статистик *Василий Нагнибеда* и *Николай Болтенко* (все трое – эсеры) а также народный социалист *Никита Грибанов* и социал-демократ *Виктор Тибер-Петров*, в национальный совет вошли: украинец *Владимир Строкан* (эсер), татарин Гариф *Неометуллов* (тоже эсер) и алтаец *Георгий Токмашев* (народный социалист), в военный совет – хорунжий Минусинского казачьего войска *Александр Сотников*, солдат *Сергей Кудрявцев* и прапорщик *Юсуф Саиев* (все трое – также правые эсеры). Содержание членам этих трёх советов определили точно такое же, как и семерым членам Временного областного совета, – по 20 рублей в сутки (примерно 2–3 тысячи на наши деньги). *Ивана Якушева* (будущего председателя Сибирской областной думы) на том же заседании избрали казначеем Областного совета, членами секретариата Совета стали Т.В. Бутов, *В.И. Моравский* и И.И. Шурупов.

6. Основные решения декабрьского съезда

Итак, 15 декабря Областной съезд принял Положение о временных органах управления Сибири. Как отмечают многие исследователи, Положение являлось актом конституционного характера, первым и, увы, последним для сибирской автономии. В

*По некоторым данным в тот день в состав Областного совета также был делегирован, а потом и избран (но почему-то только с совещательным голосом), ещё один представитель национальных меньшинств, близкий по взглядам к левым эсерам и большевикам, украинец *Дмитрий Сулим.*

нём, в частности, Областной съезд дал понять, что признаёт действующей на территории Сибири законодательную и правовую систему, сложившуюся до 24 октября 1917 г., то есть до большевистского переворота. Основываясь на положении I Областного съезда от 17 октября, съезд провозгласил «высшей в Сибири властью Сибирскую областную думу и избираемый ею Сибирский областной совет». Причём, видимо, предвидя возможность разгона Всероссийского Учредительного собрания, делегаты съезда постановили: что в этом случае к Думе и Областному совету переходит «вся полнота власти». Таким образом, несмотря на социалистическую фразеологию участников съезда, в принятом Положении о временных органах управления Сибири Областной съезд бросил прямой вызов советской власти и большевикам в частности. И они этот вызов приняли.

1917 г., 15 декабря, г. Томск. Положения о временных органах управления Сибири.

Раздел I

Ст. 1. Сибирь является составной частью Российской республики.

Ст. 2. Сибирское Учредительное собрание имеет определить в согласии со Всероссийским Учредительным собранием порядок управления Сибири, как автономной области Российской федеративной республики.

Ст. 3. До определения порядка управления Сибири, как автономной области, высшей в Сибири властью является созываемая по постановлению Чрезвычайного сибирского съезда временная Сибирская областная дума и избираемый ею Сибирский областной совет, которые действуют в Сибири впредь до решения вопроса о форме внутреннего управления Сибирским Учредительным собранием.

Ст. 4. До созыва Учредительного собрания Сибири, Сибирская областная дума является областным органом законодательной по местным делам власти.

Ст. 5. Для органов временного управления Сибири обязательны все не отмененные особыми постановлениями узаконения Российской республики, изданные до 24 октября 1917 года включительно, а также все узаконения и распоряжения Всероссийского Учредительного собрания.

Ст. 6. С открытием Сибирского Учредительного собрания к нему переходит вся полнота власти.

Ст. 7. Если Всероссийское Учредительное собрание почему-либо будет лишено возможности осуществлять свою власть, а, следовательно, и определять управление Сибирью, то временная Сибирская областная дума и Сибирский областной совет принимают на себя всю полноту власти.

*Раздел II**

Ст. 9. Личность и жилища депутатов временной Сибирской областной думы пользуются безусловной неприкосновенностью, и депутаты могут быть стеснены в этих своих правах только по постановлениям компетентной судебной власти и с особого разрешения временной Сибирской областной думы.

Ст. 10. Временной Сибирской областной думе принадлежит право контроля над ответственным перед ней Сибирским областным советом, издания законов по местным делам, а также выходящих за пределы компетенции исполнительной власти распоряжений.

Ст. 11. Содержание депутатов производится из общесибирских средств.

---

*Опущенная статья восьмая данного Положения, полностью посвящена вопросу о формировании состава Сибирской областной думы, и она будет приведена нами чуть ниже.

Ст. 12. Сибирская областная дума вырабатывает свой наказ.

Раздел III

Ст. 13. Сибирский областной совет является исполнительной властью, ответственной перед временной Сибирской областной думой.

Ст. 14. Сибирский областной совет состоит из председателя и членов, избираемых временной Сибирской областной думой, в количестве по её усмотрению.

Ст. 15. Членам Сибирского областного совета, стоящим во главе образуемых временной Сибирской областной думой отделов, соответствующих ведомствам, присваивается звание управляющих отделами.

Примечание. Управляющими отделами могут быть и лица, не состоящие членами временной Сибирской областной думы.

Ст. 16. Управляющим отделами присваиваются права и обязанности, свойственные по действующим в России узаконениям (см. ст. 5) министрам.

Ст. 17. Председатель Сибирского областного совета и члены Совета по обращаемым к ним временной Сибирской областной думой вопросам участвуют в заседаниях Думы по этим вопросам с совещательным голосом, сохраняя в остальных случаях все права членов Думы, если они таковыми избраны, во все время состояния в Сибирском областном совете.

Ст. 18. Все распоряжения исходят от имени Сибирского областного совета и скрепляются управляющим делами Сибирского областного совета.

Ст. 19. Содержание членов Сибирского областного совета определяется не иначе, как постановлениями временной Сибирской областной думы, а членов временного Сибирского областного совета, избираемых Чрезвычайным общесибирским съездом, постановлением сего последнего.

Ст. 20. Сибирский областной совет вырабатывает наказ своей деятельности, подлежащий утверждению временной Сибирской областной думой.

Раздел IV

Ст. 21. До созыва временной Сибирской областной думы, которая имеет выбрать Сибирский областной совет, Чрезвычайный общесибирский съезд избирает из своего состава временный Сибирский областной совет и к нему советы по делам финансово-экономическим, национальным и военным.

Ст. 22. На обязанности временного Сибирского областного совета лежит созыв временной Сибирской областной думы, выработка положения о выборах в Учредительное собрание Сибири и представление его во временную Сибирскую областную думу, осуществление власти в области экономико-финансовой и политической, поскольку это окажется необходимым для реального осуществления постановлений Чрезвычайного общесибирского съезда. (Бюллетень Временного Сибирского областного совета. 1918, №1, с.3-5.)

В подкрепление своих автономистских тенденций сибирские эсеро-областники на декабрьском съезде приняли решение о создании собственной армии, а также о печатании собственной же сибирской валюты.

К формированию сибирской армии предполагалось приступить немедленно, сразу же после завершения работы съезда. А основой для неё, как полагали, могли стать некоторые из сибирских полков, дислоцировавшихся на Юго-Западном и Румынском противогерманских фронтах. К ним от имени Областного съезда было составлено специальное обращение:

«Солдаты и казаки – сибиряки фронта! Голод, развал крестьянского хозяйства и промышленности, отсутствие денег, паралич власти в центре и на местах вынудили Чрезвычайный сибирский съезд всех народностей приступить к организации временной всесибирской социалистической власти.

Социалистическая власть в Сибири, служащая интересам всех народностей, только тогда будет жить и питаться доверием народа, когда она будет истинно народной, когда она будет работать и творить для народа и через народ. Одна из первых задач сибирской социалистической власти это скорейший созыв Всесибирского Учредительного собрания. Только оно отразит волю многочисленных народностей Сибири... Да здравствует общесоциалистическая власть в Сибири! В спасении Сибири, как части целого – спасение всей России великой матери всех областей, народов и племён. Впредь до созыва Сибирского Учредительного собрания Чрезвычайный сибирский съезд всех народностей Сибири выделил Временное Сибирское правительство, которое принимает все меры к организации из сибирских частей единой Сибирской армии с переводом её на один из участков фронта.

Солдаты и казаки – граждане Сибири, организуйтесь под знаменем автономной Сибири! Поддерживайте Временное Сибирское правительство и его распоряжения всей мощью вашей силы! Томск, 15 декабря 1917 года». (Опубликовано: «Омский вестник», №116 от 12 июня 1918 г.).

Какие конкретно полки, из имевшихся на противогерманском фронте предполагалось организовать в сибирскую армию – не совсем понятно. Однако можно сделать предположение, что ими должны были стать, видимо, те воинские части, которые находились под влиянием эсеровской, а не большевистской агитации и офицеры которых имели непосредственное отношение к партии социалистов-революционеров. Таким образом, получалось, что сибирская армия задумывалась Областным советом как подконтрольная, в первую очередь, правым эсерам, способная обеспечить войсковую поддержку в борьбе с большевиками в случае разгона ими Всероссийского Учредительного собрания.

По всей видимости, с этой же целью, согласно особому постановлению декабрьского Областного съезда, в самой Сибири в самое ближайшее время, напротив, должны были быть распущены запасные полки, большая часть которых находилась почти под полным контролем большевиков.

Постановление чрезвычайного Сибирского съезда по войскам всей Сибири.

«Командующим войсками, окружным комитетам, гарнизонным советам, полковым, батарейным, ротным и др. родов оружия комитетам, учреждениям, заведениям и войсковым правительствам казачьих войск к неуклонному исполнению. Ввиду недостатка продовольствия и невозможности в скором времени снабдить им города Сибири, особенно в восточной полосе, и принимая во внимание, что в нужный момент всегда необходимое число военных чинов может быть собрано, Чрезвычайный съезд считает содержание войск в Сибири под ружьем излишним, так как непроизводительно отнимается масса рабочих рук, а потому вменяется в обязанность всем органам военной власти Сибири немедленно провести в жизнь настоящее постановление» (ГАТО. Р.72, оп.1, д.105, л.4-5).

Полной демобилизации, согласно этому постановлению, подлежали все военнослужащие призыва до 1908 г., а увольнению во временные отпуска – солдаты призыва до 1913 г. включительно. Из числа призывников с 1914-го по 1918-й выбороч-

но отправлялись в отпуска те, кто имел ранение, контузию, отравленные газом или просто ослабленные какой-либо другой болезнью, а также учителя, студенты и лица специального образования. Из оставшихся предполагалось сформировать караульные команды для охраны военных объектов, а также железных дорог. Все излишки продовольствия и «живой инвентарь» планировалось передать местным властям, а экипировка, вооружение и боеприпасы должны были оставаться на охраняемых военных складах. Офицерам и военным чиновникам по увольнении их в запас собирались выдать единовременное пособие в размере их месячного оклада. Однако это постановление так и не вступило в силу, поскольку его исполнение приостановил Областной совет вплоть до окончательного рассмотрения и утверждения данного документа Сибирской областной думой.

Также неудачей для областников закончилась и попытка создания ими собственной валюты. Сибирский областной съезд, как мы уже говорили, принял решение о выпуске в Сибири собственных «временных» денежных знаков – бонов вследствие нехватки мелкой разменной купюры, достоинством 10, 25 и 50 рублей. А 14 декабря и Томское губернское земское собрание, заседания которого проходили практически одновременно с работой Областного съезда, поддержало данную инициативу и приняло постановление о печатании означенных денежных купюр в типографиях города Томска. Данную резолюцию пытались заблокировать большевики (*Ф.Чучин*, *К. Ансон*, *С.Канатчиков* и А. Кривой), входившие в состав земского собрания, однако правые эсеры, имевшие в нём 30 своих представителей, не позволили большевикам этого сделать. И, тем не менее, первые сибирские деньги так и не были выпущены ни в том году, ни в начале следующего, так как вскоре большевики экспроприировали в пользу советской власти основную часть типографских мощностей, после чего печатать сибирские боны оказалось попросту негде.

Заключая обзор чрезвычайного Областного съезда необходимо, видимо, ещё раз подчеркнуть, что правые эсеры, составлявшие подавляющее большинство съезда, сделали попытку практического использования идеи автономии Сибирской области (края) как платформу для мобилизации сил в борьбе с советской властью. ЦК партии социалистов-революционеров в сложившейся обстановке, в свою очередь, также весьма положительно отнёсся к идее местного областного строительства в Сибири, основанного на принципах демократии в противовес большевистской диктатуре из центра. При этом надо конечно же отметить, что в инструкциях руководства эсеровской партии, социалистической по сути своей, всегда подчеркивалась идея неразрывности Российской федерации и политического единства страны, но при условии широкой автономии регионов, национальных областей, а также охранении интересов каждого из национальных меньшинств.

В какой-то степени вторя этому, омский поэт Т. Вяткин писал в те революционные для Сибири дни (опубликовано: «Сибирские записки», №4 за 1918 г.):

Бело-зелёное над красным…
О, да! Силен был общий враг –
И зовом пламенным и страстным
Над нами реял красный стяг.
В крови, и в муках, и в печали
Неизъяснимое росло,
И злые тернии венчали

Свободы гордое чело.
О, пусть последняя преграда
Скорее рухнет на пути!
Знаменам алым сердце радо,
И руки рады их нести.
Но как забыть о белом снеге
Родимых северных долин,
И о зелёной вешней неге
Таежных дебрей и равнин?
Как не любить нам этой шири,
Где никакой не страшен враг?–
И над просторами Сибири
Бело-зелёный взвился флаг!
Клянемся, павшие, мы с вами,
А вы нам верны и в гробу.
Но знамя новое над нами
Зовёт на новую борьбу.
Цвети, Сибирь! В снегах невзгоды
Побеги юные храни,
И угасавшие народы
Рукою мощной подними!
…А ветер веет и играет,
Трубит, и мчится, и зовёт,
И оба знамени свивает
В одном стремлении вперёд.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ВРЕМЕННЫЙ СИБИРСКИЙ ОБЛАСТНОЙ СОВЕТ

Прочитав вполне приличный воз книг и, казалось,
разрешив ряд наитруднейших исторических парадоксов...
так и не смог понять «элементарного»:
Сион ли правит этим миром или всё-таки Провидение Божье?..

Анонимный автор

1. Состав Совета

Днём 16 декабря временный Сибирский областной совет собрался на своё первое заседание в составе: председателя – *Г.Н. Потанина*, пяти членов – *П.Я. Дербера*, *А.Е. Новосёлова*, *Г.Б. Патушинского*, *М.Б. Шатилова* и *А.А. Ермекова*, а также управляющего делами – *Е.В. Захарова*. Заседание проходило всё в том же здании Духовной семинарии, где только что закончил свою работу внеочередной Областной съезд.

«Известия Временного Сибирского областного совета»* на стр.2-3 опубликовали в те дни полный список Областного совета и его отделов (советов).

«Состав Сибирского областного совета:

Председатель: *Потанин Григорий Николаевич* (Томск, ул. Белинского, 20), народный социалист (*Потанин* конечно же в первую очередь был Сибирским областником-автономистом, а потом уж всё остальное. – О.П.).

Члены: *Дербер Пётр Яковлевич* (гостиница «Европа»), эсер;

Шатилов Михаил Бонифатьевич (Томск, Нечевский переулок, 22), эсер;

Новосёлов Александр Ефремович (гостиница «Европа»), эсер;

Патушинский Григорий Борисович (гостиница «Европа»), народный социалист;

Ермеков Алимхан Абеутович (Томск, Источная, 20), (партийность не указана. – О.П.);

Сулим Дмитрий Григорьевич, киргизский социалист (не киргизский, а украинский экстерриториальный социалист, здесь вкралась явная ошибка. – О.П.).

---

*В самом начале января 1918 г. вышел первый и единственный номер «Известий Временного Сибирского областного совета». Он, как и полагается, был сопровождён пространной, почти на двух страницах редакционной статьёй, в которой члены Совета в очередной раз сделали пояснения по поводу основной сути современного состояния сибирского областнического движения. Ничего нового, всё в привычном духе «прирученного» сепаратизма. Вот лишь несколько выдержек.

«Сибирь, исторически сжившаяся со всей Россией... не помышляла ни на одну минуту об отделении от общей великой матери. Её стремления – это осуществление великой хартии вольностей Сибири, как равноправного, свободного и деятельного члена российской республиканской федеративной семьи...

Грянул гром... Государственный аппарат власти расшатался... и Сибирь стала перед грозной дилеммой истории: либо самодеятельная организация жизни... либо разложение и окончательный распад» («Известия Временного Сибирского областного совета», *стр.1*).

Управляющий делами: *Захаров Евгений Васильевич* (Томск, Никольский переулок, №16), эсер».

Таким образом, как мы видим, все члены данного исполнительного органа, за исключением толерантного, но склонного к непризнанию диктатуры большевиков областника *Потанина* и близкого к кадетам *Ермекова*, являлись представителями левых партий. *Патушинский* был народным социалистом, *Сулим* – левым эсером, все остальные – «правоверные», то есть правые, эсеры. Все эти социалисты, правда, так или иначе, хотя и косвенно, но всё-таки имели отношение к сибирскому автономистскому движению. Даже *Дербер*, единственный из состава Совета не сибиряк, во время ссылки успел немного позаниматься местными сибирскими проблемами, изучал быт и экономику коренных народов, опубликовал несколько газетных статей на данную тематику и, таким образом, видимо, сумел стать своим в среде областников. По национальному составу Совет имел следующее соотношение: два еврея (*Дербер и Патушинский*), два представителя национальных меньшинств (один – коренной, другой – так называемый пришлый) и четверо русских.

Необходимо также отметить, что новоявленные сибирские «управители» были людьми сравнительно молодыми – в возрасте тридцати лет или чуть более того. Возможно, что такой возраст являлся не самым оптимальным для политиков в статусе государственных деятелей, но для политиков революционного толка, пожалуй, – вполне приемлемым. Исключением из числа своих коллег по Областному совету в этом смысле стал всё тот же *Григорий Николаевич Потанин*, которому в то время перевалило уже за восемьдесят. И хотя он занимал в Совете должность «почетного» председателя и появлялся на заседаниях довольно редко или, можно сказать, почти никогда, но, тем не менее, он по-прежнему оставался «великим сибирским старцем», и с его мнением приходилось, в любом случае, считаться всем без исключения членам Совета.

Фактическим же главой Областного совета являлся *Пётр Дербер*, или «Петя-маленький», как иногда за малый рост язвительно называли его недоброжелатели. Именно *Дербер* оставался за председательствующего на всех заседаниях Совета «без Потанина». Сам же старец, мало того что практически не появлялся на собраниях Областного совета, так он ещё умудрился за очень короткий срок испортить отношения почти со всеми остальными его членами. Григория Николаевича изначально задело то обстоятельство, что Облсовет помимо его воли всё больше и больше склонялся к порочной, на его взгляд, тактике заигрывания с большевиками и одновременно стремился всеми силами к отлучению от участия в управлении Сибирью цензовых элементов, то есть буржуазии.

В рамках Областного совета, как мы уже отмечали, удалось сформировать три отдела: финансово-экономический, национальный и военный. Также решено было создать при Совете и специальную земельную комиссию. С этой целью из Красноярска в Томск вызвали видного областника *Николая Козьмина* и ещё несколько лиц. В ближайшее же время планировалось созвать всесибирский съезд представителей земельных комитетов. Областной совет постановил учредить ещё и особую комиссию по определению Сибири в территориальном, этнографическом и экономическом отношениях. К работе в данной комиссии решили привлечь томского профессора декана юридического факультета Томского университета *Николая Новомбергского* и некоторых других специалистов, сведущих в подобного рода вопросах.

В целях установления деловых сношений с местными органами власти Сибирский областной совет в первые же дни послесъездовской работы принял решение о назначении своих комиссаров (эмиссаров) или просто уполномоченных в губернские и областные центры. Тем самым Совет предпринял попытку создания собственных административных структур на местах. Так, хорошо зарекомендовавшему себя на декабрьском съезде *А.П. Оленич-Гнененко* поручили принять на себя обязанности комиссара по Акмолинской области. С точно такими же целями не только сам Областной совет, но и его отделы в конце декабря в начале января направили на периферию нескольких представителей и организаторов. Известно, например, что специальный уполномоченный национального совета был командирован в Семипалатинскую область, где в это время разворачивался процесс по формированию собственных органов власти у казахско-киргизского народа.

Через несколько дней после того, как Временный Сибирский областной совет приступил к своим обязанностям, в его адрес пришла телеграмма из Семипалатинска от председателя Алаш Орды *Алихана Букейханова*. *«Киргизский съезд постановил организовать автономию всех казахов-киргиз и избрал временный комитет управления Алаш Орды в составе 25 лиц, из которых 15 представителей казахов-киргиз и 10 представителей других народов, живущих среди казахов-киргиз. Временное пребывание Алаш Орды – Семипалатинск. Председатель Алаш Орды Букейханов. 20 декабря 1917 г.»* («Омский вестник», №8 за 1918 г.).

Надо отметить, что в самом Семипалатинске среди местного населения в это время происходил раскол не только на национальной почве, но и по политическим мотивам. Так Семипалатинский областной Совет крестьянских депутатов признал власть правительства Ленина, а областной комитет управления Алаш Орды – власть Сибирского областного совета, то есть «правительства» *Потанина*. Учредительный съезд Алаш Орды состоялся в конце 1917 г. в Оренбурге и провозгласил курс на создание киргизско-казахской национальной автономии. Полностью о своей независимости казахи планировали объявить уже в середине января 1918 г. на съезде делегатов от восьми национальных районов. А на переходный период, по соглашению с Сибирским областным советом, в Семипалатинск направлялся специальный комиссар из Томска, при котором предполагалось создать совет представителей от русскоязычного населения и казахов.

Собственно, для урегулирования такого рода вопросов и создан был национальный отдел в Областном совете.

«Задачи национального совета Временного Сибирского областного совета. Томск, декабрь 1917 г.

Ввиду наличности в Сибири множества национальностей (свыше 70-ти), как пришлых, так и туземных, ввиду необходимости осветить, объединить и удовлетворить чаяния и нужды этих народностей в области политической, культурно-национальной и экономической Чрезвычайным сибирским съездом, состоявшимся в декабре, организован при Областном совете национальный совет. В его состав введены представители существующих в Сибири национальных организаций (бурятской, якутской, татарской, киргизской, украинской, алтайской и минусинской). Этот состав предположено пополнить представителями прочих национальных меньшинств Сибири, а также сведущими по национальным вопросам лицами.

Таким образом, все народности и племена Сибири привлекаются к высшему управлению нашим краем и тем самым призываются к выявлению своих нужд и интересов» («Известия Временного Сибирского областного совета»*)*.

Национальный совет:

Токмашев Георгий Маркелович, обозначен как алтайский народный социалист;

Строкан Владимир Антонович (Барнаул), обозначен как украинский эсер;

Неометуллов Гариф Шегибердинович, эсер, сибирский татарин по национальности.

Чуть позже в состав национального отдела Сибоблсовета вошло ещё несколько представителей от автохтонных и экстерриториальных народностей Сибири: якут Г. Колесов, бурят И. Трубачев, хакас Окунев и немец Ф. Фрезе. В качестве научного консультанта к работе отдела удалось привлечь правоведа и одновременно историка по образованию профессора *Николая Яковлевича Новомбергского*. Непосредственное отношение к национальному совету (отделу) в этом же плане имел и *Василий Иванович Анучин*, бывший эсер, а также не состоявшийся в своё время областник, детский писатель и этнограф в одном лице и ещё изрядный авантюрист по натуре.

Одной из основных задач национального совета должна была стать защита интересов и нужд «всех сибирских народностей, как пришлых, так и туземных».

Из Якутска от объединенного собрания демократических сил за подписью бывшего областного комиссара Временного правительства *В.Н. Соловьёва* в адрес Сибирской областной думы 6 января пришла телеграмма с приветствием и заверениями, что Якутская область подчиняется только Учредительному собранию, а «самозваная власть» большевиков там игнорируется.

Временный Сибирский областной совет обратился со специальным посланием к Учредительному собранию и делегировал в Петроград своего уполномоченного – инженера А.П. Кулаева, а в Киев для связи с «украинскими автономистами» был командирован член Областного совета *А.Е. Новосёлов*. Состоялось также и назначение специального представителя при буржуазно-националистическом правительстве Туркестана. На заседании 25 января 1918 г. Областной совет утвердил ещё и уполномоченных на Западный противогерманский фронт, ими оказались А.М. Наумов и С.И. Новиков; на Северный фронт отправился А.Т. Плахин. Всем троим Облсовет выделил по 300 рублей командировочных (ГАТО. Ф.72, оп.1, д.3, л.5.). Особым представителем на Юго-Западном и Румынском фронтах в конце декабря 1917 г. утвердили *Аркадия Краковецкого*, о деятельности которого чуть поподробнее мы ещё поговорим.

Пятого и шестого января Областным советом были получены две телеграммы из Харбина от главноуполномоченного бывшего российского министерства продовольствия, известившего сибиряков о том, что китайское правительство после соответствующих консультаций со странами Антанты запретило ввоз в Россию через пограничную станцию Маньчжурия всех промышленных и продовольственных грузов. Причиной такого рода демарша стали участившиеся случаи полной конфискации большевиками иностранных товаров, поступавших в Россию через Китай.

После переговоров российского главноуполномоченного с представителями союзных держав удалось добиться разрешения на ввоз хотя бы минимального количества продовольственных товаров первой необходимости. Однако всё это при условии, что товары будут препровождены в целости и сохранности до Иркутска, где поступят

в распоряжение не правительства советской Центросибири, а губернского продовольственного комитета бывшего Временного правительства. Само же распределение импортного продовольствия должно было осуществляться под контролем иностранных консулов. В подкрепление своих условий, а также в подтверждение многих других претензий к советской власти в порт Владивосток 5 января вошло несколько линкоров стран Антанты.

Данные сведения направили из Харбина в Томск с той целью, чтобы Сибирский областной совет постарался принять все возможные меры для предотвращения экономической блокады. Однако Облсовет не мог ещё тогда каким-то образом повлиять на ситуацию в регионе, все ждали открытия в Петрограде Всероссийского Учредительного собрания, призванного покончить с всевластием большевиков. Единственное, что сумел тогда предпринять Сибирский совет для нормализации отношений с союзными державами, так это направить в адрес французского и английского послов телеграммы с извинениями по поводу гибели во время недавних декабрьских боёв в Иркутске французского консула, а также нескольких иностранных граждан. В телеграмме говорилось, что Сибирское правительство «примет все меры к возмещению материального ущерба, причинённого французским и английским гражданам».

В заявлении же для прессы Областного совета в связи с вышеизложенными событиями, в частности, говорилось: «Союзниками в ответ на большевистскую власть и борьбу её с Учредительным собранием сделан первый шаг к занятию Сибири... закрытие дальневосточной границы – это гибель для крестьянского хозяйства... это лишение Сибири и того незначительного количества мануфактуры и обуви, которая поступает из Владивостока». В целях предотвращения надвигающейся катастрофы Областной совет предлагал: 1) в центре передать власть Всероссийскому Учредительному собранию, 2) на востоке страны вручить всю полноту законодательной власти Сибирской областной думе, которая «именем всей трудовой демократии и народов Сибири» сумеет заставить союзников открыть восточную границу для взаимовыгодного товарообмена.

Примерно в то же самое время, когда китайские власти запретили пропускать через пограничную станцию Маньчжурия грузы в советскую Россию, атаман *Семёнов* открыл боевые действия против красных частей Центросибири в районе станции Даурия, расположенной в том же пограничном районе чуть севернее русско-китайской границы. Противники окопались и вели в основном позиционные бои. Спустя некоторое время, не достигнув заметных результатов в боевых операциях,*Семёнов* вернулся со своим отрядом назад на станцию Маньчжурия и начал заниматься, как и до него – большевики, «ревизией» скопившихся там частных и государственных грузов. Здесь было всё, начиная от продовольствия и кончая вооружением; зачехлёнными стояли на открытых платформах так понравившиеся атаману новенькие авто из Америки. И вот вскоре эти семёновские ревизии постепенно стали перерастать в реквизиции, причём характерно, что конфисковывались главным образом товары, закупленные в Харбине и Владивостоке российскими частными предпринимателями. Грузы же, принадлежавшие иностранным фирмам, Григорий Михайлович предусмотрительно не трогал.

Атаман *Семёнов*, кстати, в конце декабря 1917 г. в числе многих других, так скажем, официальных лиц также отправил приветственную телеграмму в адрес Сибирского областного совета, до нас даже дошёл её подлинный текст. *«Председате-*

лю Правительства Сибири Потанину. Всецело разделяя ваши стремления создать жизнь сибиряков на принципе свободных начал, приветствую вас от имени своего отряда, который вышел на защиту завоеванных свобод всех народностей Сибири и их самоопределения от наглого посягательства предателей родины – большевиков. Да здравствует Российская федеративная республика! Да здравствует казачество, вставшее на защиту самоопределения народов!»

Для поиска решений по этой и другим хозяйственным проблемам Сибири и был, собственно, образован хозяйственно-экономический совет под председательством профессора Томского университета *Сергея Павловича Никонова* и членов: *Грибанова*, *Болтенко*, *Нагнибеды* и *Тибер-Петрова*. В совете предусматривались также три дополнительных места для представителей от крупнейших сибирских кооперативных союзов. В начале января на заседании финансового отдела Областного совета профессор *Никонов* сделал доклад о выпуске в Сибири выигрышного займа, доклад всем понравился, и *Никонову* поручили составить подробный проект положения о займе («Омский вестник», №9 за 1918 г.).

Обсудив вопрос о национализации большевиками Народного банка, экономический совет признал, что данное мероприятие нанесёт несомненный вред сибирской кооперации, а также экономике региона в целом. В целях предотвращения надвигающейся катастрофы члены совета решили использовать новониколаевское отделение московского Народного банка в интересах автономии и создать на его базе общесибирский кооперативный банк.

Также экономический совет, рассчитывая на то, что блокада со стороны великих держав будет вскоре снята, разработал комплекс первоочередных мер по оздоровлению сибирской экономики. Среди основных мероприятий намеченного плана оказались следующие: организация снабжения населения сельскохозяйственными машинами и орудиями, приведение в действие мастерских по ремонту сельхозоборудования, закупка для Сибири паровых и газогенераторных двигателей в целях оборудования как можно большего количества мельниц, для того чтобы вывозить на экспорт по возможности не только зерно, но и уже готовую муку по более выгодным для сибиряков ценам.

31 декабря, в канун нового 1918 года, в Томск на имя *Потанина*, как председателя Сибирского областного совета, пришла экстренная телеграмма из Читы о назревающем в городе вооруженном противостоянии между прибывшими из Красноярска, Ачинска, Канска и Иркутска красногвардейскими отрядами – с одной стороны и возвратившимися с германского фронта казачьими частями – с другой. Читинцы просили *Потанина* и возглавляемый им Областной совет срочно вмешаться в конфликт путём обращения к противоборствующим сторонам, а также направить своих комиссаров в Забайкалье. В ответной телеграмме Совет призвал враждующие стороны примириться и не допускать вооруженного столкновения, способного вовлечь Сибирь в кровопролитную гражданскую войну. Необходимо, подчеркивалось в телеграмме, дождаться начала работы Сибирской областной думы, которая постарается решить все наиболее острые проблемы социально-политического и экономического характера.

Правительство Украинской народной республики обратилось к Временному Сибирскому областному совету, как «правительству» автономной Сибири, с предложением – немедленно приступить к переговорам об образовании социалистического

правительства конфедеративной России во имя заключения справедливого мира и созыва Учредительного собрания. В коалиционное правительство, помимо украинцев и сибиряков, должны были войти представители Молдавии, Крыма, Башкирии и Кавказа, а также от так называемого Народного совета Петрограда.

Ещё 18 декабря, как мы уже указывали, Сибирский областной совет постановил направить специального комиссара в Киев для установления взаимоотношений с Центральной украинской радой. Для чего и выехал в начале января в Украину *Александр Новосёлов*.

1 января он ещё присутствовал на заседании Областного совета. Однако обращение Совета по поводу закрытия Китаем маньчжурской границы, составленное где-то в районе 5-6 января, *Новосёлов* не подписал, значит, он, по всей видимости, находился тогда уже на пути в Киев.

Сразу же после победы Февральской революции 4 марта 1917 г. в Киеве была создана Центральная рада. В мае того же года она предъявила Временному правительству России требование одобрить идею автономии Украины, разрешить организацию национальной армии, школы, администрации и пр. На что получила категорический отказ. Чуть раньше, 4 апреля, делегация Рады посетила Ставку главковерха Алексеева и попросила разрешение на создание национального украинского корпуса на противогерманском фронте. В ответ украинцам позволили сформировать лишь две стрелковые бригады.

Кардинально изменилась ситуация с самостийностью Украины в ходе Октябрьской социалистической революции. Так, уже 5 ноября 1918 г. в Бердичеве было подписано соглашение между командованием Юго-Западного фронта и Центральной радой, за которой в пику захватившим власть в Петрограде большевикам признавалась высшая власть в Украине. На следующий день, 6 ноября, Ставка верховного главнокомандования и Рада подписали ещё один договор – о формировании собственной Украинской армии и сосредоточении её на Юго-западном и Румынском фронтах.

23 ноября командующий войсковыми соединениями этих двух фронтов генерал Щербачёв отказался подчиняться приказам нового большевистского главкома прапорщика Крыленко и перешёл в подчинение к правительству Центральной рады. Вместе с тем Петлюра призвал солдат-украинцев других фронтов оставлять свои полки и двигаться на самостийную родину для формирования чисто национальных и полностью независимых от российских властей украинских воинских частей.

20 ноября 1917 г. Центральная рада, наконец, провозгласила создание Украинской народной республики в рамках общероссийской федерации. А 3 декабря Юго-Западный и Румынский фронты Центральная рада объявила украинскими.

2. Создание военного совета и переговоры с Краковецким

Между тем внимание сибирских эсеров-автономистов в декабре 1917 г. привлёк тот факт, что победу на выборах в Учредительное собрание в войсках Юго-Западного и Румынского фронтов, к тому времени уже объединённых в один Украинский фронт, одержали представители партии правых эсеров. А одним из выбранных там депутатов Учредительного собрания являлся бывший революционный командующий Иркутским военным округом – хорошо известный сибирякам *Аркадий Краковецкий*.

О нём вспомнили, когда решили создать на базе частей Юго-Западного и Румынского фронтов добровольческие вооруженные формирования Сибирской автономной республики. Инициатива по привлечению подполковника *Краковецкого* к процессу создания сибирской революционной армии исходила, по мнению большинства исследователей, от Областного совета. Однако некоторые придерживаются той точки зрения, что Аркадий Антонович сам предложил свои услуги, прислав в адрес Совета телеграмму из Киева.

«Томск. Министру-председателю Потанину.

На фронте происходит катастрофическое разложение армии и уход солдат в тыл. Благодаря отдалённости Сибири положение сибиряков критическое. Необходимо немедленно принять решительные меры для сохранения сибирских частей на фронте от распада. Для этого предполагаю произвести очистку сибирских частей, соединить эти части на Украинском фронте под одним командованием с подчинением украинскому верховному главнокомандующему. Объединение сибирских частей позволит правительству Сибири иметь тесную связь с сибирскими войсками фронта, упорядочить продовольствие и снабжение, организовать замену усталых частей отправкой их в Сибирь, урегулировать порядок отпусков, подготовить для будущего планомерную эвакуацию и демобилизацию сибиряков и широко поставить культурно-просветительную работу среди сибирских частей.

Генеральный секретариат Украинской народной республики относится к изложенному плану сочувственно и обещает полное содействие. Желательно указать генеральному секретариату на согласие сибирского правительства возместить расходы, связанные с содержанием сибирских частей на территории Украины. Необходимо назначение комиссара сибирского правительства при генеральном секретариате. Временно могу принять эти обязанности на себя. При выезде в Петроград предварительно снесусь с вами.

Начиная работу в изложенном направлении, прошу подробных инструкций. Ответ о полномочии прошу адресовать по прямому проводу и почтой: Киев, генеральному секретарю международных дел Шульгину, копию ему же для передачи мне. Ответить прошу спешно, дабы сохранить для Сибири боеспособные части. Пока организую местное сибирское общество. В скором времени предполагаю созвать съезд представителей сибирских частей».

Работу по налаживанию контактов с *Краковецким* по вопросу формирования сибирских воинских частей Областной совет поручил своему военному отделу.

Председателем военного совета на заседании 26 декабря был утверждён двадцатишестилетний правый эсер *Александр Александрович Сотников* (ГАТО. Ф.72, оп.1, д.3, л.1). Он имел воинское звание хорунжего (старшего лейтенанта, если перевести на современный лад) и являлся командиром казачьего дивизиона, дислоцировавшегося в городе Красноярске. На декабрьском съезде он представлял Минусинское (Енисейское) казачье войско и в официальных документах именовался как его атаман. Правда, такого войска официально в тот период ещё не существовало, его в 1917 г. провозгласили сами казаки на волне бесчисленных революционных новшеств, и всё-таки…

Кроме *Сотникова,* в военный совет, напомним, входили: товарищ председателя Всероссийского Совета крестьянских депутатов правый эсер *Сергей Кудрявцев* и председатель Центральной Сибирской мусульманской военной комиссии прапор-

щик и тоже правый эсер *Юсуф Саиев*. На заседании военного совета 4 января 1918 г. в его состав был кооптирован ещё и некто полковник Толстов (ГАТО. Ф.72, оп.1, д.3, л.3).

Наиболее важным для военного отдела Сибирского областного совета, без сомнения, стал вопрос о формировании собственной армии на основе сибирских частей, сражавшихся на пяти противогерманских фронтах в составе семи корпусов общей численностью более 300 тысяч солдат и офицеров. Приоритет в этом направлении был отдан, как мы уже отмечали, двум украинским фронтам под общим командованием генерала Щербачёва, где находился вышедший на связь с сибирскими областниками член Учредительного собрания *Аркадий Краковецкий*.

На своём заседании 17 декабря члены Временного Сибирского областного совета, заслушав телеграмму из Киева от *Аркадия Краковецкого*, поручили *Дерберу* в тот же день провести с *Краковецким* переговоры по телеграфу и довести до сведения эсера-подполковника решения чрезвычайного Сибирского областного съезда и, в частности, сообщить ему о назначении его комиссаром сибирских войск на Украинском фронте. На этих переговорах было поручено присутствовать также *Новосёлову и Сотникову*.

«Разговор по прямому проводу членов Временного Сибирского областного совета Дербера, Новосёлова и Сотникова с подполковником Краковецким (Киев).

– Я Киев... У аппарата временный министр Краковецкий.

– У аппарата члены Временного Сибирского правительства Дербер и Новосёлов.

– Здравствуйте, товарищи! Получили ли мои записки от 9 и 17 декабря?

– Получили. Мы должны сообщить вам следующее: Чрезвычайный Сибирский съезд решил организовать Сибирскую социалистическую власть, для чего избран Временный Сибирский областной совет – так именуется наше правительство. Состав его: председатель – Потанин, члены – Дербер, Новосёлов, Шатилов, Патушинский, Ермеков, управляющий делами – Захаров.

– Называйте партийность.

– Патушинский – народный социалист, остальные социалисты-революционеры.

– Хорошо.

– Первая задача Совета – созвать Сибирскую областную думу и подготовить выборы в Сибирское Учредительное собрание. Дума собирается 7 января. Каждая сибирская дивизия с фронта посылает в Думу одного представителя. Содержание из общесибирских средств. Просим в срочном порядке делегировать в Думу по представителю от дивизии. Сообщаем вам, что финансовые ресурсы наши чрезвычайно слабы. Рассчитывайте получить только на культурно-организационную работу по объединению армии. Сообщите смету... Мы возлагаем чрезвычайную надежду на Сибирскую фронтовую армию, которая свои авторитетом и ... помощью заставит признать общесибирскую социалистическую власть... Сибирский областной совет назначает вас комиссаром. Ваша задача – организовать и спаять сибирские части, дисциплинировать их, собрать их в одно место, не обнажая фронта... Сибирская армия подчиняется генералу Щербачёву, но только в действиях против внешнего врага. Подготовьте некоторые сибирские части, на которые Областной совет мог бы опереться в случае выступления против Сибирской областной думы и Сибирского Учредительного собрания» («Знамя революции», Томск, №123 за 1917 г.).

Далее зашла речь о финансировании сибирских частей, члены Совета просили сообщить Украинскому правительству, что пока Областной совет весьма ограничен в средствах, но в будущем обязуется все расходы обязательно возместить.

Обсудив ещё несколько вопросов и договорившись поддерживать связь, стороны попрощались, что называется, до новых встреч*.

После этого разговора буквально на следующий день Областной совет поручил своему финансово-экономическому бюро изыскать источники финансирования для организации Сибирской армии. Также было принято решение немедленно телеграфировать находящимся на фронте сибирским полкам об образовании в Сибири социалистической власти и пригласить их делегацию поучаствовать в работе открывающейся 7 января первой сессии Сибирской областной думы. А 4 января в помощь *Краковецкому* и попутно на очередной киевский съезд сепаратистов отбыл член Сибирского областного совета *А. Новосёлов*.

24 января 1918 г. УНР объявила, наконец, о полной независимости, которую тут же признала Германия, однако уже 26 января к Киеву подошли большевистские войска под командованием Муравьёва, и Петлюра со своими гайдамаками в панике бежал из города. Украина, таким образом, вновь была присоединена теперь уже к советской России. Одновременно с этим сорвались, собственно, и планы Сибирского областного совета по созданию «под крылышком» Центральной рады собственной автономной армии**. *Краковецкий* тогда же, в конце января, проводивший в Киеве съезд воинов-сибиряков, едва успел вместе с Петлюрой унести ноги из осаждённого города. Впрочем, если бы даже части, подконтрольные Областному совету, и удалось тогда создать в Украине, их вряд ли бы смогли переправить в Сибирь через Центральную Россию, находившуюся в тот период уже под безраздельной властью большевиков. Поэтому данное направление в среде сибирских эсеро-областников вскоре признали малоперспективным и решили приступить к формированию собственных вооружённых подразделений на территории непосредственно самой Сибири.

Вообще-то затея с формированием сибирских частей на противогерманских фронтах изначально не всем пришлась тогда по душе, и многие задавались вопросом: зачем посылать за тридевять земель агитаторов и комиссаров, когда верные сибирскому правительству части можно сформировать прямо здесь на месте, в Сибири, из сочувствующих областническим идеям солдат и офицеров? Некоторые шли ещё дальше и предлагали попробовать всё-таки использовать с той же целью уже сфор-

---

*О том, как *Краковецкий* оказался в Украине, небезынтересно, наверно, будет узнать. Дело в том, что в самый канун Октябрьской революции подполковника *Краковецкого* приказом военного министра Временного правительства повысили в должности и перевели из Иркутска в Петроградский военный округ, где он занял пост заместителя командующего этим округом. Неизвестно, чем ему там пришлось заниматься, но большевистский переворот он и его коллеги по столичному военному ведомству, что называется, прозевали. Спохватившись 4 дня спустя, 29 октября 1917 г., *Аркадий Краковецкий* во главе группы из нескольких офицеров-эсеров попытался организовать в Петрограде мятеж юнкеров. Однако их вооруженное выступление оказалось достаточно быстро подавлено и большинство его участников – арестовано, но некоторым, в том числе и *Краковецкому*, удалось каким-то образом скрыться. Наш герой подался в бега на юга и, таким образом, вскоре оказался в Украине, найдя приют, по некоторым сведениям, у своего дяди генерала Краковецкого, который очень кстати познакомил племянника с командующим Румынским фронтом генералом Щербачёвым.

**Хотя, по сведениям томского профессора Н.С. Ларькова, на протяжении всего 1918 г. сначала в Киеве, а потом в Одессе продолжал функционировать Сибирский военный комиссариат.

мированные во время войны полки, расквартированные в сибирских городах. Такую позицию, в частности, занимал председатель военного отдела хорунжий *Александр Сотников*, предлагавший вызвать для начала в Томск на время заседаний Сибирской областной думы хотя бы вверенный ему красноярский дивизион минусинских казаков (300 сабель). Но это предложение члены Областного совета полностью отклонили. Сказалась, видимо, некоторая нерешительность правых эсеров, опасавшихся в период подготовки к открытию Учредительного собрания и Сибирской областной думы даже намёка на вооруженное противостояние с большевиками, дабы не спровоцировать последних на ответные действия по разгрому оппозиционного политического движения в Сибири.

3. Протест Потанина

После окончания съезда Областной совет поручил *Г.Б. Патушинскому* делать ежедневные доклады о мероприятиях Совета *Григорию Николаевичу Потанину* прямо у него на квартире. И вот 20 декабря во время одной из таких аудиенций *Потанин* неожиданно заявил о принятом им решении – выйти из состава Областного совета, ссылаясь на то, что он, в силу своего преклонного возраста, далёк уже от практической политики и не может принимать фактического участия в делах. *Патушинский*, естественно, был, по меньшей мере, до крайности удивлён столь неожиданным заявлением «патриарха» и в ответ позволил себе заметить, что его уход из состава Областного совета в столь тяжелый и ответственный момент чрезвычайно повредит организации автономного управления Сибирью.

Однако *Потанин* остался непреклонен, и поэтому на следующий день, 21 декабря, убеждать Григория Николаевича изменить своё решение явились уже двое других членов Областного совета – *Александр Новосёлов и Евгений Захаров*. Беседуя с ними, *Потанин* ещё раз повторил, что ему тяжело быть главой Совета, да к тому же, заметил он, его по-прежнему не устраивает перспектива участия большевиков в органах областнической власти. В конце беседы Григорий Николаевич ещё раз уведомил своих посетителей, что он всенепременно полагает подать заявление об отказе участвовать в работе Областного совета и сделает это в самое ближайшее время, во всяком случае, ещё до того, как начнёт работу Сибирская областная дума («Омский вестник», №9 за 1918 г.).

Однако 22 декабря *Потанин*, всё ещё формально являясь главой Областного совета, подписал его обращение к Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов с предложением прислать своих делегатов в Сибирскую областную думу, как орган общесибирской коалиционной власти. В обращении, в частности, отмечалось, что «советы крестьянских, рабочих и солдатских депутатов являются идейными и политическими руководителями масс. Советы воспитывают крестьян, рабочих и солдат в свете социалистического учения, в общественном и политическом отношениях. Советы вносят сознательность, ясность, свет и целесообразность в движение и жизнь трудящихся. Советы не только мозг трудовой демократии, они являются также стражами, часовыми по охране всех завоеваний народно трудовой революции. Советы – это глаза и мозг крестьян, рабочих и солдат» («Свободная Сибирь», Красноярск, №138 от 1 ноября 1918 г.).

На следующий день, 23 декабря, в беседе на этот раз с *Патушинским и Шатиловым Потанин* подтвердил, что уже через несколько дней он сообщит членам Временного Сибирского областного совета своё окончательное решение по поводу отставки с посла председателя. Тогда беседовавшие с *Потаниным*, желая, видимо, сгладить углы, заметили, что обращение к Советам рабочих и солдатских депутатов, которое он, вопреки своему желанию, подписал, было мерой вынужденной для Областного совета. К тому же, как заверяли «парламентёры», Советы рабочих и солдатских депутатов являются всего лишь классовой организацией, по типу профсоюзов, а не какой-нибудь там партийной, а тем более большевистской, как считают многие, группировкой. Исходя из чего Сибирский областной совет в сложной ситуации текущего момента и посчитал-де необходимым объединить все демократические организации, в том числе и советские, для защиты Учредительного собрания и автономии Сибири.

Однако убедить *Потанина* всё-таки не удалось, и ровно через неделю, 30 декабря, письмо Григория Николаевича с заявлением о своем уходе в отставку всё же поступило в Совет. А на следующий день оно появилось и в главной областнической газете «Сибирская жизнь», одновременно с заявлением было опубликовано и обращение *Потанина* к сибирской общественности с разъяснениями по поводу принятого им трудного решения.

«Во Временный Сибирский областной совет.

Долгие годы своей жизни, размышляя над будущим Сибири, я пришел к выводу, что к обновлению её должны быть призваны все слои сибирского населения, без различия веры, племени и достатка. Настал, наконец, счастливый день, когда всё население Сибири должно было проявить свою волю. К глубокому моему огорчению, общеполитические условия разбили мечту моей жизни: к строительству самостоятельной Сибири оказалось призванным не всё население.

На одном из пленарных заседаний второго сибирского областного съезда большинство членов его постановило отмежеваться от цензовых элементов и образовать однородное социалистическое управление Сибирью от народных социалистов до большевиков включительно.

Старый режим терзал всё население Сибири. Освобождение возвещено лишь для некоторой его части. Не мог я помириться с этим, особенно с призывом большевиков к власти. Поэтому я просил Вл.М. Крутовского, как председателя съезда, заявить от моего имени, что я присоединяюсь к объединенной группе меньшинства, высказывающейся против союза с большевиками.

Подчиняясь воле большинства, я принял избрание в председатели Временного Сибирского областного совета, я думал, что моя совесть не подвергнется новым испытаниям в связи с большевиками, все действия которых я считаю гибельными для России и Сибири.

22 декабря мне пришлось подписать обращение Временного Сибирского областного совета «Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов». Мое подчинение воле большинства налагает на мою совесть непереносимое бремя. Сознаю отчётливо, что не могу изменить продолжающегося тяготения моих товарищей по совету в сторону большевизма. Считаю поэтому обязательным для себя полный отказ от дальнейшего участия в работах Временного Сибирского областного совета и слагаю с себя звание председателя Областного совета. Григорий Потанин. 30 декабря 1917 г.».

После официального объявления о выходе *Потанина* из Облсовета и публикации его заявления 1 января к нему для переговоров отправилась уже целая делегация в составе – *Дербера, Шатилова, Новосёлова, Захарова и Патушинского*. Таким образом, явился фактически весь Сибирский областной совет, за исключением *Ермекова*, который в знак солидарности с *Потаниным* также покинул этот исполнительный орган*. Во время состоявшейся беседы *Григорий Патушинский* высказал предположение о том, что официальное письмо, опубликованное в «Сибирской жизни» и подписанное именем *Потанина*, как совершенно чуждое ему по духу, не могло принадлежать перу самого Григория Николаевича**.

В ответ *Потанин* не стал опровергать высказанное *Патушинским* предположение, однако заметил, что лично он написал бы ещё резче.

Также Григорий Николаевич поведал посетившим его членам Совета, что последней каплей, побудившей его все-таки подписать заявление об отставке, послужило обращение Областного совета к советской власти, в котором он усмотрел «устремление в сторону большевизма». Мало того, именно данное обращение, заявил *Потанин*, вынудило его, вопреки прежним своим намерениям, публично объявить в печати о выходе из состава Совета, указав при этом и определённо негативное отношение к направлению его деятельности.

Вернувшись после беседы с *Потаниным* в «правительственную» резиденцию, размещавшуюся в здании Духовной семинарии, члены Областного совета решили составить своё особое мнение по поводу произошедшего. В нём они указали, что решение об устранении цензовых элементов от власти в Сибири и привлечение к ней всех социалистических партий, включая, в том числе, и большевиков, принял чрезвычайный Сибирский областной съезд. А что касается *Потанина*, то он, хотя и высказал сразу же протест по этому поводу, однако отказываться от вхождения в Областной совет тогда не стал, а значит, посчитал коалицию с крайне левыми политическими силами вполне допустимой. Но что-то изменилось во мнении Григория Николаевича буквально за считанные дни после окончания съезда. Видимо, в данном случае, констатировали далее члены Совета, не обошлось без негативного влияния тех сил, которые по-прежнему крайне враждебно настроены по отношению к социалистической идеологии, а равно и к её выразителям, причём не только к большевикам, но даже и к эсерам, в том числе и из Временного Сибирского областного совета.

В отношении своего обращения к Советам депутатов Областной совет подчеркнул, что он опять-таки ни на шаг не отошел от духа основных решений декабрьского съезда, призвавшего к объединению всего демократического фронта во имя Всероссийского Учредительного собрания и автономии Сибири. При этом члены Областного совета в очередной раз, успокаивая, видимо, главным образом самих лишь себя, сделали акцент на том, что Советы депутатов трудящихся являются-де, по сути,

---

*Место *Ермекова* в Областном совете, однако, только лишь с совещательным голосом, занял его заместитель по национальному совету, близкий к большевикам левый эсер, украинец *Дмитрий Сулим*.

**За такое нетактичное поведение, в отношении основателя сибирского областнического движения, Вс.М. Крутовский (родной брат *Вл.М. Крутовского*) на собрании красноярских областников предложил принять, а потом и опубликовать в печати резолюцию, резко осуждающую поступок *Патушинского*, а также направить запрос о сложении *Патушинским* своих полномочий, как члена Областного совета. Однако вскоре политические события набрали такой крутой оборот, что всем стало уже не до обсуждения поведения действующих лиц произошедшего конфликта, а сам инцидент как-то сам собой незаметно канул в Лету.

ни в коем случае не партийной, а по преимуществу – классовой организацией. Составленное таким образом особое мнение члены Совета также решили опубликовать в печати, и потом отдельным вопросом повестки дня обязательно довести его ещё и до сведения членов Сибирской областной думы.

После выхода *Потанина* из Областного совета, естественно, авторитет данного органа в глазах сибирской общественности заметно понизился, а для некоторых Областной совет без *Потанина* стал по большому счёту просто лопнувшим мыльным пузырём (хотя это конечно же было не так). Часть политических деятелей, оказавшихся таким образом в непримиримой оппозиции к Областному совету, вскоре в противовес левым областникам создали так называемый Потанинский кружок, своего рода объединение правых сил в среде сибирских автономистов. В феврале 1918 г. Потанинский кружок обнародовал собственную политическую платформу, главной целью которой он провозгласил защиту, в первую очередь, всего Отечества, то есть всей России, от большевистского засилья.

4. Миссия майора Пишона в Томск

Узнав о столь масштабных планах сибирских автономистов, в конце декабря 1917 г. в Томск со специальной миссией прибыл французский дипломатический представитель, а точнее агент военной разведки, майор *Пишон*. Официально его миссия, по сообщениям газет, заключалась в том, чтобы «осведомиться о задачах Сибирского областного совета». Но на самом деле французский военный разведчик собирал материалы об антибольшевистских политических группировках в Сибири.

Протокол №2 заседания Сибирского областного совета свидетельствует о том, что *Дерберу и Захарову* было поручено встретиться с *Ф. Пишоном*, для того чтобы «дать ему разъяснения» по поводу политического и экономического положения в Сибири. 28 декабря майора пригласили в здание Духовной семинарии, где он имел беседу с членами Областного совета. Эта аудиенция оказалась весьма полезна для «сибирского правительства», так как через *Пишона* члены Областного совета надеялись установить контакт с союзническими иностранными державами. По версии некоторых советских историков, во время той встречи *Пишон*, якобы, передал *Дерберу* какую-то совершенно невероятную сумму денег – в 15 миллионов тогдашних рублей (более 2 миллиардов по нынешнему курсу) – на нужды сибирского оппозиционного движения.

После Томска *Пишон* посетил также Иркутск и ещё несколько сибирских городов, в результате чего составил подробный отчёт о своём вояже, который 4 апреля 1918 г. лёг на стол французского посла в Пекине. В нём майор, в частности, отмечал, что единственной реальной силой, способной противостоять большевикам, является эсеровская партия. Кадеты и их союзники – торгово-промышленники, – по мнению французского разведчика, были весьма немногочисленны и не пользовались должным авторитетом среди населения, а казаки, как военная опора правых сил, стремительно разлагались, поддаваясь социалистической агитации. Подпольные офицерские группы *Пишон* охарактеризовал также как незначительные и вообще отзывался о них в крайне ироническом тоне. Говоря о большевиках, он отмечал, что в среде его руководства достаточно много евреев, и они опираются в проводимой ими политике

главным образом на рабочее городское население, игнорируя интересы других сословий и классов. В этом *Пишон* видел определённую слабость большевизма, считая, что при помощи денег и военной силы вполне возможно в ближайшее время низвергнуть в Сибири советский строй*.

О сибирских областниках как таковых французский майор в своём докладе вообще не упомянул, ошибочно принимая их, по всей видимости, лишь за малозначительный местный антураж, за некую политическую декорацию и не более того.

Итак, единственной реальной силой, с которой в известном смысле можно было иметь дело, с точки зрения *Пишона*, являлись правые эсеры, с их многочисленными и разветвлёнными по всей Сибири партийными организациями, пользовавшимися несомненной популярностью среди широких кругов сибирского населения, особенно в среде крестьянства, а также трудовой интеллигенции. Вместе с тем в докладе отмечалось, что руководители эсеровского движения являются в основной своей массе неисправимыми доктринёрами, а никак не людьми дела. Так, во время пребывания в Томске, как сообщал *Пишон*, он не раз слышал от эсеровских деятелей следующие заявления: «Мы не опираемся на силу, мы не хотим пользоваться силой и насилием. Всякая власть, установленная при помощи штыков, – это нарушение воли и прав народа. Мы опираемся исключительно на волю народа, которая сильнее оружия». На что французский майор вполне резонно резюмировал: «Теории, до наивности смешные… когда большевики систематически прибегают к резким актам насилия для того, чтобы утвердить свою диктаторскую власть». Вместе с тем, как отмечал майор, во взглядах правых социалистов-революционеров за последнее время произошли, с его точки зрения, весьма заметные изменения к лучшему, и они начали «отказываться от утопий». В частности, эсеры, социалисты по сути своей, стали-де всё больше и больше склоняться в сторону признания неприкосновенности института частной собственности, а также, например, к введению в армии строгой воинской дисциплины и чинопочитания, в значительной степени упразднённых, в том числе и при участии эсеров, после Февральской революции.

5. Второй кооперативный съезд и Областной совет

Второй кооперативный съезд, имевший весьма и весьма опосредованное отношение к сибирскому автономистскому движению в описываемый нами период, проходил в Новониколаевске с 6-го по 19 января 1918 г. На его открытие в Новониколаевск прибыли специальные представители Сибирского областного совета. Задача последних состояла главным образом в том, чтобы постараться убедить кооператоров, во-первых, делегировать в состав Областной думы несколько доверенных лиц, а во-вторых, продолжать оказывать посильную финансовую помощь развитию областнического движения на его новом и «самом ответственном» этапе. Так, в частности, член Областного совета *Григорий Патушинский* в своей почти 4-часовой (!) речи на съезде усиленно агитировал его участников отказаться от бойкота Областной думы.

Делегатов кооперативного съезда пришлось так долго убеждать потому, что большинство из них находилось под негативным впечатлением от недавнего конфликта,

*Дословно данное резюме в докладе Пишона было изложено следующим образом: «На нашей стороне – сила и деньги, это лучшие аргументы, при помощи которых можно всего достичь».

произошедшего в Томске, между членами Областного совета и *Потаниным*. А выход Григория Николаевича из состава Совета, имевший эффект разорвавшейся бомбы, заставил многих, в том числе и сибирских кооператоров, задаться вопросом: а кто они, члены Областного совета, если с ними отказался сотрудничать сибирский «патриарх», да ещё практически сразу же после начала их совместной деятельности? А также: что же будет представлять собой Сибирская областная дума, созываемая людьми, с которыми разорвал отношения сам *Потанин*?

Съезд также не мог обойти своим вниманием и протестное заявление Григория Николаевича, которое, естественно, активно обсуждалось в кулуарах и настраивало значительную часть делегатов на настороженное, по меньшей мере, отношение к Областному совету, а равно с этим и к созываемой им Сибирской областной думе. Собиравшийся в Томске предпарламент, полагали делегаты кооперативного съезда, скорее отвечал в таком случае политическим целям партии социалистов-революционеров, нежели истинным интересам населения Сибири. *Патушинский*, чтобы заверить кооператоров в полной заинтересованности Областного совета в общесибирских, а не в узкопартийных делах, стал разъяснять собравшимся, что *Потанина* на его демарш преднамеренно спровоцировали сибирские кадеты и, в частности, бывший член Государственной думы от кадетской партии и одновременно крупнейший сибирский промышленник (постоянный конкурент кооператоров) господин *Востротин*, специально приехавший в конце декабря в Томск и долго уговаривавший *Потанина* подписать составленное кадетами письмо.

Видимо, не имея в зале заседаний съезда достойных оппонентов, *Патушинский* в итоге всё-таки сумел убедить засомневавшихся кооператоров в непорочности намерений Областного совета, и они согласились-таки направить своих делегатов в Томск для участия в работе Сибирской областной думы. Однако при этом надо отметить следующий весьма примечательный факт: одним из тех делегатов стал *Александр Васильевич Адрианов*, виднейший областник и ближайший сподвижник *Потанина*, человек, явно приложивший руку к тому самому протестному заявлению «патриарха»...

Поддержав идею по созыву Сибирской областной думы, второй кооперативный съезд принял решение выделить на нужды областного движения ни много, ни мало, а 1 миллион 750 тысяч рублей (по современному курсу это, наверно, что-то около 250 миллионов). Согласно решению делегатов съезда, все кооперативные объединения обязали внести беспроцентный кредит в фонд поддержки сибирского автономизма. Мелкие кооперативы выделяли от пяти до десяти тысяч рублей, а крупные союзы – по сто тысяч рублей каждый. Также в фонд областнического движения все без исключения кооперативные объединения принуждались осуществить единовременный безвозмездный взнос в размере полутора процентов от общего баланса кооперативного союза или десяти процентов от общегодовой прибыли за 1917 год. А весь капитал, собранный в результате данной акции, планировалось распределить следующим образом: на нужды Областной думы выделялось 432 тысячи рублей (умножаем на 150), Учредительному собранию Сибири – 1258 тысяч, 38 тысяч рублей должно было получить на свои расходы Юридическое собрание. После разгона большевиками Сибирской областной думы часть средств, выделенных кооператорами на нужды областнического движения, вроде бы как поступила в распоряжение Временного правительства автономной Сибири и ока-

залась потрачена главным образом на подготовку антибольшевистского мятежа в Сибири.

Кооператоры в резолюции январского съезда также высказались против ограничений свободы торговли, значительно затруднявших их бизнес. Эти ограничения были делом рук большевистских властей, которые взамен свободной предпринимательской деятельности предлагали кооператорам принять участие в централизованном распределении среди населения промышленных и продовольственных товаров, что при жестком контроле со стороны советской власти за ценовой политикой значительно уменьшало прибыль кооперативов. Вместе с тем, крупные кооперативные объединения начали в тот период серьёзно опасаться национализации своих акционерных предприятий, а также свёртывания независимого кооперативного движения в целом. И опасались не зря, так как вскоре появившийся апрельский декрет ВЦИК «О потребительских кооперативных организациях» как раз тот самый страшный вердикт и вынес.

Для сравнения: такого не мог себе позволить даже некогда «ненавистный всем» царский режим. При этом надо учесть тот факт, что до 1917 г. российская кооперация была не только сферой деловой активности трудового населения России, но и официально являлась одной из немногих возможностей для осуществления легальной общественной (а также нелегальной политической) деятельности.

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ

РАЗГОН БОЛЬШЕВИКАМИ УЧРЕДИТЕЛЬНОГО СОБРАНИЯ

Злую нам участь назначил Кронион, что даже по смерти
Мы оставаться должны на бесславные песни потомкам!
Гомер. Илиада

1. События в Петрограде

5 января 1918 г. в Петрограде наконец-то открылось Всероссийское Учредительное собрание, о котором так долго мечтало несколько поколений русских революционеров. Большинство делегатских мест в нём получили представители правоэсеровской партии, второй по количеству представителей стала большевистская фракция, и только третьими оказались кадеты.

Членами Учредительного собрания от Томской губернии были избраны: Л.А. Григорьев, *А.П. Лисиенко*, *Г.М. Марков*, *М.Ф. Омельков*, *И.А. Шишарин*, *В.В. Сухомлин*, а также *Б.Д. Марков*, *П.Я. Михайлов* и *М.Я. Линдберг*, все девять – эсеры. Последние трое являлись профессиональными революционерами, в 1916 г. основавшими Сибирский союз социалистов-революционеров, а в 1918 г. сыгравшими выдающуюся роль в организации антисоветского восстания в Сибири. Десятым представителем от Томской губернии в УС стал большевик *Иван Никитич Смирнов*.

Председателем Учредительного собрания утвердили одного из лидеров правоэсеровской партии *Виктора Чернова*, а его заместителем – левую эсерку Марию Спиридонову. Здесь, в Петрограде, в январе 1918 г. правые эсеры надеялись дать решительный политический бой большевикам. Большевики и союзные с ними левые эсеры этот вызов приняли.

Противостояние началось ещё задолго до открытия Собрания. Так, 17 декабря 1917 г. чекисты арестовали лидера правого крыла эсеровской партии *Николая Авксентьева*. В ответ 3 января 1918 г. эсеровские боевики совершили покушение на Ленина, и только туман да находчивость шофёра, резко прибавившего ход автомобиля, спасли лидера большевиков от расправы. Сразу же после этого чекисты произвели обыск в редакции главной правоэсеровской газеты «Воля народа», во время которого были арестованы три виднейших деятеля всё того же правого крыла эсеровской партии: Аргунов, Гуковский и Сорокин.

5 января, в день открытия Учредительного собрания, состоялась массовая демонстрация в его поддержку, организованная правыми эсерами и другими оппозиционными партиями. Демонстранты с красными знамёнами и транспарантами намеревались пройти по улицам Петрограда до Таврического дворца, бывшего некогда

штаб-квартирой Февральской революции, а теперь ставшего залом заседаний для главного всероссийского политического форума. Однако на пути вполне мирной демонстрации встали пролетарские красногвардейцы, которые после нескольких настоятельных предупреждений к демонстрантам открыли по ним оружейный огонь и разогнали манифестацию.

При этом несколько человек были убиты, в том числе и один из знаменосцев – правый эсер Георгий Прохорович Логинов, член Учредительного собрания от Иркутской губернии, крестьянин-переселенец. В октябре 1917 г. он являлся участником I Сибирского областного съезда, а также II Всероссийского съезда крестьянских депутатов. Именно исполком Всероссийского крестьянского совета поручил Логинову нести во главе колонны демонстрантов красное знамя «Земли и Воли». Одна из сибирских газет совершенно справедливо отмечала в своём некрологе: «В лице Логинова Сибирь потеряла истинного защитника интересов крестьянства, выдвинувшегося из самой народной среды, такие люди всегда были, есть и будут на вес золота».

6 января Учредительное собрание, успевшее принять за сутки (включая ночь) два важнейших документа – о земле и мире, – сначала оказалось блокировано, а потом и насильственно распущено большевиками. Уже запертая в стенах Таврического дворца эсеровская часть (эсеровское большинство) Собрания во главе со своим председателем *Виктором Черновым* пыталось законодательно оформить решение по самому злободневному тогда в России вопросу, касавшемуся 90% населения, – по вопросу о земле. Поэтому оно на основании постановления IV сессии главного земельного комитета (декабрь 1917 г.), приняло закон, в котором частная собственность на землю отменялась и все земли, принадлежавшие отдельным лицам, союзам и учреждениям, отчуждались в пользу крестьян без всякого выкупа. Великую историческую, политическую и экономическую значимость данного закона трудно было переоценить, но о нём, к сожалению, многие так и не узнали. Но даже если бы и узнали, например, российские крестьяне, то ничего нового бы в нём для себя не нашли. Всё обещанное членами Учредительного собрания уже два месяца назад провозгласили по всей России большевики: и отмену частной собственности, и переход земли в руки людей, на ней работающих, без всякого выкупа, и пр.

Так что каких-то особых потрясений в связи с разгоном Учредительного собрания большинство политически малообразованного населения России не испытало. Пытались протестовать интеллигенция, некоторые профессиональные союзы рабочих и служащих, учащаяся молодёжь, однако все эти мероприятия, проведённые разрозненными группами несогласных, без особого труда сразу же локализовывались и пресекались большевиками. Так 8 января вечером в Петрограде в помещении фракции эсеров чекисты арестовали около 25 человек, все они являлись членами Учредительного собрания. В их числе оказались депутаты от Томской губернии *Борис Марков*, *Арсений Лисиенко*, *Павел Михайлов* и крестьянин Кузнецкого уезда *Логин Григорьев*. При аресте они чуть было не подверглись самосуду со стороны красногвардейцев. Однако те в последний момент засомневались: «Бог вас знает, может быть, вы и на самом деле не буржуи», – и ограничились тем, что отвели задержанных в тюрьму «Кресты». («Со мной на ты, потом – в “Кресты”».) В то же самое время в одной из петроградских больниц произошла кровавая расправа над бывшим министром Временного правительства, виднейшим деятелем кадетской партии, Шингарёвым. «А… так ты, ваше благородие, из числа министров-капиталистов...»

И вот только тогда, когда большевики разогнали («досрочно распустили») Учредительное собрание, в среде правоэсеровской оппозиции осознали, наконец, невозможность дальнейшего мирного существования двух политических концепций, и партия начала осуществлять подготовку вооруженного восстания для свержения власти большевиков.

Десятого января в Петрограде открылся третий Всероссийский Съезд Советов, поддержавший роспуск «учредилки».

2. Иностранные суда во владивостокской бухте

«Открыт закрытый порт Владивосток».
В. Высоцкий

30 декабря, в самый канун нового 1918 г., во владивостокскую бухту без всякого на то разрешения со стороны российских властей неожиданно вошёл японский крейсер «Ивами» (кстати, бывший русский броненосец «Орёл», доставшийся японцам под Цусимой).

1 января в 10 часов утра то же самое проделал английский «Суффолк», 4 января там же появился ещё один японец – линкор «Асахи» (в нескольких источниках встречается название «Осака», что неверно). Некоторое время спустя, 1 марта (уже по новому стилю), к ним присоединился и американский крейсер «Бруклин». Итого: сразу четыре очень крупных военных судна иностранных государств нарушили территориальные границы России, войдя в акваторию главного из её дальневосточных портов.

30 декабря жители Владивостока оказались весьма удивлены и обеспокоены тем обстоятельством, что в их порту неожиданно появился военный корабль иностранной державы, причём, что особенно «радовало», – корабль принадлежал стране, с которой Россия всего лишь тринадцать лет назад вела одну из самых кровопролитных и в высшей степени неудачных войн в своей истории. В тот же день японский генеральный консул (игнорируя местный совдеп) в адрес председателя Приморской областной земской управы, городского головы Владивостока, коменданта города, а также представителей местной прессы, что называется post factum, направил ноту своего правительства, объясняя ввод японского военного судна во владивостокскую бухту исключительно стремлением охранять интересы японских торговых представителей в городе*. Так или иначе, но становится вполне очевидным, в связи с этими событиями тот в общем-то весьма прискорбный факт, что многократно опробованная, так называемая, тактика канонерок, разработанная великими европейскими державами для своих многочисленных колониальных захватов, теперь, к сожалению, была применена и в отношении России.

1 января на чрезвычайном заседании гласные (депутаты) Владивостокской городской думы приняли постановление, осуждающее несанкционированный вход японского и английского военных судов во владивостокский порт. Данное постановление было разослано всем иностранным консулам, а также отправлено в адрес Учреди-

*Командир английского корабля, в свою очередь, заявил, что его судно вошло в порт, только для того, чтобы успокоить жителей Владивостока, растревоженных появлением в городской бухте японского военного корабля.

тельного собрания. Однако эти «телодвижения» имели своим результатом лишь то обстоятельство, что о прибытии второго японского крейсера, которое произошло 4 января, японский генеральный консул посчитал нужным заранее уведомить владивостокские власти, но и только. Так «вытирали ноги» о некогда великую державу.

В то же время в городе усиленно распространялись слухи о том, что появление иностранных военных судов произошло по той простой причине, что страны «Сердечного согласия» очень сильно обеспокоились заключённым между советской Россией и Германией перемирием. Большевики, по имевшимся у иностранных разведок сведениям, якобы должны были вскоре открыть перед немецкими войсками фронт, а часть из них тайно переправить на Дальний Восток. Более того, согласно тем же сведениям, немцы уже-де везли по Транссибирской магистрали во Владивосток три свои подводные лодки, которые они якобы планировали в скором времени собрать в местных судоремонтных мастерских, а потом с их помощью начать активные боевые действия на Тихом океане.

Надо заметить, что японские войска с целью охраны железнодорожных путей от возможного германского вторжения, уже достаточно давно находились в китайской Маньчжурии, то есть совсем рядом с Владивостоком. Однако наряду с немецкой опасностью, совсем недавно появилась ещё одна реальная угроза для всего тихоокеанского колониального региона. Она была связана с возможностью экспорта большевистской революции в соседние с Россией страны. В связи с этим весьма заблаговременно, ещё 26 сентября 1917 г., послы Англии, США, Франции и Италии вручили правительству Керенского специальную ноту, основной смысл которой сводился к тому, чтобы российский кабинет министров принял срочные меры против нарастающей революционной активности народных масс.

В конце ноября того же года, после того как пролетарская революция всё-таки произошла, межсоюзная конференция в Париже рассмотрела дальнейшие планы борьбы не только с Германией, но и «русский вопрос». В частности, участники конференции обсудили, а потом и одобрили меморандум маршала Фоша «О мерах, которые необходимо принять в отношении России». Меморандум предусматривал военную интервенцию против советского государства, в частности ввод войск и на территорию её восточной окраины. Ведущая роль здесь отводилась вооруженным силам Японии, которым ставилась задача – установить контроль над Транссибом с последующей оккупацией всей Сибири вплоть да Урала. Практическое начало этой компании, собственно, и было положено 30 декабря 1917 г., когда во владивостокской бухте Золотой Рог появились сначала японские, а потом и английские военные суда*.

3. Протестные мероприятия в Сибири по поводу разгона большевиками Учредительного собрания

ЦК партии правых эсеров в циркулярном письме от 17 января 1918 г. рекомендовал своим членам в идейном плане разоблачать большевизм, а деятельность Советов «направлять на правильный путь», рассматривая Советы как классовые организации, а не как органы власти, «могущие заменить государственную власть или органы

*Ещё 24 ноября 1917 г. близ Владивостока, видимо, с первыми разведывательными целями начал курсировать американский крейсер «Бруклин». А 12 декабря его сменили японские военные суда.

местного самоуправления». Одновременно с этим ЦК приветствовал «стремление отдельных национальностей и областей России к организации в особые государственные единицы», данный процесс позволял, как считало ЦК, «сузить рамки гражданской войны» и открыть возможности для возобновления работы Учредительного собрания.

7 января Временный Сибирский областной совет направил в адрес правительства Ленина телеграмму следующего содержания: *«Временный Сибирский областной совет, ссылаясь на постановление Чрезвычайного областного съезда Сибири, требует немедленной передачи всей власти Всероссийскому Учредительному собранию. Узурпация власти Учредительного собрания народными комиссарами приведёт к крайнему обострению отношений Сибири с Петроградом. Власти узурпаторов Сибирь не признаёт».* Подписали данное заявление *Пётр Дербер* и *Евгений Захаров*. Это был по сути первый политический вызов большевикам со стороны Областного совета. А 9 января член Облсовета, руководитель его национального отдела, левый эсер *Дмитрий Сулим* организовал в Омске митинг в поддержку Всероссийского Учредительного собрания и Сибирской областной думы.

Также почти повсеместно и городские думы Сибири выступили с официальным протестом против недавно произошедших в Петрограде событий. Так, 8 января в половине десятого вечера собрались на экстренное заседание гласные Томской городской думы. Собрание почтило минутой молчания память погибших в Петрограде в день открытия Учредительного собрания. («Знамя революции», Томск, №7 за 1918 г.). Уже задолго до начала заседания думский зал заполнился почти до отказа жаждущей разъяснений по поводу всего случившегося публикой. Среди них подавляющее большинство составляли молодёжь, студенты и курсистки томских вузов, ученики старших классов гимназий, рабочие. Также было немало представителей и так называемой трудовой интеллигенции в лице, прежде всего, преподавателей, служащих различного рода учреждений и предприятий, а также чиновников. Присутствовавшей публики, как отмечало всё то же «Знамя революции», оказалось так много, что гласные с трудом протиснулись сквозь её ряды к своим депутатским местам.

Члены городской Думы прибыли в зал заседаний после совещаний во фракциях, которые сильно затянулись, поэтому общее собрание Думы открылось только в десятом часу вечера. Открыл заседание председатель Томской губернской земской управы *Николай Ульянов*. Он довёл до сведения всех собравшихся телеграмму, присланную в адрес томской общественности членами Учредительного собрания от Томской губернии.

«Учредительное собрание приняло наш порядок дня: вопрос о мире, о земле, о политическом устройстве. Отвергнут порядок, предложенный большевиками, об утверждении в первую очередь декретов и признания советской власти. Большевики и левые эсеры на этом основании покинули Учредительное собрание, сложив полномочия. После этого Учредительное собрание успело принять наши основные положения закона о земле, резолюцию о взятии в свои руки ведение мирных переговоров, ноту союзным правительствам, выражающую непреклонную волю народов Российской федеративной республики к заключению мира на платформе русской революции, обращение к демократиям всех стран, к социалистам всего мира от имени Учредительного собрания о международном социалистическом конгрессе. Вокруг Таврического дворца были расставлены орудия и пулемёты на предмет расстрела

народа, шедшего приветствовать Учредительное собрание. Кулуары, хоры, проходы зала заседаний наполнены вооруженной отборной стражей и специально подобранными лицами, поднимавшими во время всех речей, кроме большевиков и левых эсеров, сплошной рёв, свист, бранные выкрики, угрозы расстрелом. Терялась надежда выйти из Таврического дворца живыми. Шестого января в четыре часа утра заседание было сорвано во время зачтения председателем второго отдела земельного закона. Народ, шедший мирной манифестацией к Таврическому дворцу, расстреливался. Красные знамёна «Земли и Воли», «Интернационала» – разрывались красногвардейцами, клочки топтались ногами, знаменосцы убивались первыми. Много убитых, раненых, избитых прикладами. Особенно сильно пострадали рабочие обуховцы: убит несший знамя делегат иркутского крестьянства, член Совета депутатов Логинов разрывной пулей в голову. Газеты, кроме большевистских и «Знамени труда», конфискуются и сжигаются. Официальной клевете не верьте. 9 января похороны убитых. Опять будет, наверное, много жертв. Шестого нас в Таврический не пустили. Седьмого издан декрет о роспуске Учредительного собрания. Линдберг, Михайлов, Борис и Гавриил Марковы, Семёнов, Омельков, Шишарин, Григорьев».

После зачтения телеграммы из Петрограда слово взял в последний период на всех собраниях наиболее активный правый эсер *Евгений Захаров* и заявил, что «большевики не дали нам ни мира, ни хлеба, ни свободы и вдобавок разогнали ещё Учредительное собрание». «Вот та несложная канва, – как писало “Знамя революции”, – на которой *Захаров* вышил пышный узор своей демонологической речи, наполненной выкриками, вроде: “Слушайте, солдатки: вы не увидите своих мужей – сибиряков!”»

Меньшевики, эсеры и народные социалисты от имени Томской городской думы предложили резолюцию, осуждавшую разгон Учредительного собрания. *«Городская дума в эти грозные дни призывает население, избравшее её, проникнуться всей важностью совершающегося ныне гибельного для страны государственного переворота и вступить на путь организованной охраны и защиты Учредительного собрания».* По мотивам голосования представитель партии народной свободы заявил, что меньшевики и эсеры сказали, наконец, всё то, что раньше говорили сами кадеты, и потому фракция народной свободы конечно же голосует за данную резолюцию.

– Ну вот теперь они опять с кадетами спелись, – послышалось ироническое замечание из зала.

Заседание закрылось около часу ночи.

На следующий день, 9 января, своё собрание, посвященное петроградским событиям, провели и томские большевики. Вначале все присутствующие почтили память погибших в январских событиях, но только не 1918, а 1905 г. и даже спели пролетарский похоронный марш «Мы жертвою пали» («Знамя революции», Томск, №8 за 1918 г.). Обо всём происходившем в последние дни в столице рассказал собравшимся только что вернувшийся из Петрограда *Константин Молотов*. Потом с разъяснениями по поводу всего случившегося выступил *Семён Канатчиков*. После чего томские коммунисты приняли резолюцию, провозгласившую, что роспуск Учредительного собрания является «одним из этапов борьбы между пролетариатом и беднейшим крестьянством с одной стороны и лжесоциалистами с другой». 14 января в Доме науки Макушина *Канатчиков и Молотов* прочитали политическую лекцию на тему «Учредительное собрание и Советы». После лекции состоялись прения. Вход на это меро-

приятие был платным, видимо, в силу необходимости расплатиться за арендованное помещение.

8 января протест по поводу петроградских событий выразили профсоюзные организации томских грузчиков и рабочих лесопильного завода, а также Томский губернский Совет крестьянских депутатов. Два крупнейших профсоюзных объединения в Томске – печатников и железнодорожников – высказали прямо противоположные относительно друг друга мнения в отношении разгона большевиками Учредительного собрания. Печатники выступили категорически против незаконной акции, а железнодорожники, наоборот, горячо поддержали её. 9 января служащие правительственных учреждений Томска на своём общем собрании высказали категорический протест по поводу самоуправства большевиков, к ним также присоединились и банковские служащие. 12 января все они прекратили работу и объявили бессрочную забастовку.

10 января состоялось собрание на одном из крупных томских предприятий – газовом заводе при университете. На нём присутствовали большевики *Николай Яковлев* и *Алексей Беленец*, а также представитель столичного наркомата продовольствия *Карл Ильмер*, недавно прибывший в Сибирь для организации поставок хлеба в Центральную Россию. При таких агитаторах вполне понятно – чью сторону в политическом противостоянии выбрали как это, так и некоторые другие пролетарские собрания города.

Чрезвычайный общесибирский крестьянский съезд, открывшийся в Томске 16 января, со своей стороны, осудил разгон большевиками Учредительного собрания. Очевидно, однако, что такое решение прошло под диктовку в данном случае заправлявших на съезде правых эсеров. В противовес ему 18 января Западно-Сибирский съезд крестьянских депутатов уже под давлением большевиков постановил «никакой реставрации Учредительного собрания не допускать».

11 января в Томск пришла ещё одна телеграмма из Петрограда от сибиряков, членов Учредительного собрания, подписанная *Павлом Михайловым и Михаилом Линдбергом.* В ней говорилось о том, что народные избранники от Сибири в ходе последних петроградских событий были арестованы и переданы в следственный отдел ЧК. Им предъявили обвинение в намерении продолжить работу УС, но в ночь на 10 января всех их почему-то освободили из-под ареста.

Весьма симптоматично, что на фоне всего этого в Томске проходили «выборы» революционного трибунала. Председателем его стал *Исай Наханович*, заместителями – Кокорин и *Хорхорин*, а вместе с ними были избраны ещё и 36 народных заседателей. При трибунале функционировала также следственная комиссия в составе трёх человек. Вместе со своими отделами трибунал первоначально располагался в доме №3 по улице Еланской (теперь Советской) в здании бывшего 2-го арестантского отделения (сейчас здесь трактир «Вечный зов»). По положению о революционных трибуналах в его ведении находились дела о вооружённых мятежах, о нарушении постановлений и декретов советской власти, о саботаже служащих и руководителей промышленных предприятий и пр. Томскому революционному трибуналу в связи с последними событиями в городе, таким образом, сразу же представилась возможность заняться массой конкретных дел.

В своё время по инициативе городского головы Томска *И.П. Пучкова* городская управа была сформирована только из представителей партии правых эсеров и боль-

шевиков, одержавших на октябрьских 1917 г. выборах в городскую Думу убедительную победу и сумевших провести в состав Думы наибольшее число гласных. Однако тот же *Иван Пучков* после событий начала января в Петрограде явился и инициатором разрыва этого соглашения. Тем более что после разгона Учредительного собрания Томский совдеп начал всё смелее вмешиваться как в решения городской управы, так и в дела земского самоуправления в целом, нацеливаясь на постепенную передачу всей полноты исполнительной власти в руки советских исполкомов.

В городской управе на тот момент работали 4 большевика и 3 эсера. Эсеры в знак протеста против разгона Учредительного собрания отозвали всех трёх своих представителей (двух гласных и собственно самого городского голову) из состава управы. После этого в томских газетах появился список из одних только большевиков – членов городской управы: *Канатчикова*, *Беленца*, *Бахметьева*, *Азлецкого*, Архангельского, Чепалова и чуть позже – *Нестора Калашникова*. Последние трое, по всей видимости, были кооптированы вместо выбывших эсеров. Таким образом, протестный демарш социалистов-революционеров оказался большевикам только на руку. Более того, вскоре они вообще стали постепенно переделывать всю структуру местной исполнительной власти на собственный лад, передав её в руки губернского и городского исполкомов. Так, например, уже 24 января прекратила своё существование губернская продовольственная управа, а её функции коммунисты перепоручили соответствующему отделу губернского исполкома.

Каждый новый номер главной томской эсеровской газеты «Путь народа» выходил весь январь с призывом крупными буквами на весь разворот: «Позор насильникам, посягнувшим на всенародное Учредительное собрание».

21 января в большом зале университетской библиотеки собрались представители томского студенчества. Председательствовал на этом собрании *Прокопий Беляков*. Правый эсер *Беляков* являлся одним из лидеров томского студенчества и активным организатором протестных мероприятий по поводу разгона Учредительного собрания. В начале своего заседания студенческое собрание почтило минутой молчания память жертв рабочих демонстраций 9 января 1905 г. и 5 января 1918 г. Потом с приветственным словом к собравшимся обратился член Сибирского областного совета, а с начала января его временный глава, *Пётр Дербер*. Он призвал всех объединиться вокруг Сибирской областной думы.

Собрание предполагало вынести решение о проведении студенческой забастовки. Однако после первых дебатов по данному вопросу был объявлен перерыв до 7 часов вечера, а когда студенты вновь собрались, нужного кворума среди них уже не оказалось, так что назревавшее решение о всеобщей забастовке им принять, к сожалению, так и не удалось. В силу той же самой причины студенты не смогли выработать коллективного мнения и по поводу своего отношения к Областной думе.

После насильственного роспуска большевиками Учредительного собрания томские эсеры сразу же собрали оперативное совещание, на котором присутствовали представители от городской партийной организаций, члены эсеровских фракций губернской и уездной земских управ. На этом экстренном совещании была принята программа действий по защите интересов «поруганной русской демократии». Также в первых числах января в Томске состоялась сибирская конференция партии социалистов-революционеров, постановившая созвать в ближайшее время общесибирский съезд партии. Для чего Томскому губернскому комитету поручили выделить

из своего состава организационное бюро. Для покрытия расходов по подготовке и созыву съезда конференция постановила обложить каждого члена сибирских организаций правоэсеровской партии рублевым сбором.

Томские правые эсеры, в значительном большинстве являвшиеся сторонниками интернационалистской партийной группировки *Виктора Чернова* и симпатизировавшие первое время большевикам, после разгона Учредительного собрания сразу же перешли в лагерь непримиримой антибольшевистской оппозиции. И в рамках этого движения после непродолжительного обсуждения уже в конце января было принято решение приступить к организации вооруженной борьбы с советской властью. В субботу, 13 января, в 7 часов вечера по данному вопросу состоялось первое собрание военного отдела томской организации эсеров. Объявления о совещаниях подобного рода, что возможно, видимо, только в революционную пору, открыто публиковались тогда на страницах газеты «Путь народа». Здесь же сообщалось, что «в воскресенье, 14 января в 2 часа дня в клубе эсеров – общее собрание членов томской организации», «16 января в 6 часов вечера – собрание членов эсеровского клуба томской городской организации» и т.п.

Кроме того, при томской губернской организации партии социалистов-революционеров была создана и военная комиссия, которая развернула активную деятельность по подготовке собственных вооруженных формирований. Так, на своё очередное заседание 25 января военная комиссия пригласила 84 человека, а на следующий день – ещё 24. В то же время военная комиссия призвала всех членов партии приобретать оружие, а если оно уже имелось у кого-то – ни в коем случае не сдавать его большевистским властям.

Почти сразу же вышеупомянутая комиссия установила связь с так называемым советом представителей бывших офицеров, где имелось своё собственное бюро труда, посредством которого не только устраивались на работу желающие, но и вербовались кадры для нелегальной антисоветской деятельности среди офицеров. Эти две организации (эсеровская военная комиссия и офицерское бюро труда) после январских событий 1918 г. довольно быстро нашли между собой общий язык и даже создали единую подпольную структуру. У эсеров имелись финансовые средства, а в среде офицеров нашлось немало желающих заниматься нелегальной деятельностью. Значительная часть офицеров, однако, не разделяла идеологию эсеров и оказалась в их боевых организациях, как любила отмечать советская историография, чисто случайно или по необходимости, в условиях жесточайшей безработицы получить хоть какие-то средства к существованию. Вместе с тем были, конечно, и такие, кто записался в боевые дружины эсеров по идейным соображениям, нацеливаясь на непримиримую борьбу с большевиками именно под знамёнами социалистов-революционеров.

4. Сотниковский мятеж

Одним из самых значимых протестных мероприятий в Сибири, связанных с разгоном Учредительного собрания, стал в январе 1918 г. так называемый сотниковский мятеж, организованный силами казачьего дивизиона, размещённого на территории города Красноярска.

Ещё в декабре 1917 г. войсковой совет Енисейского казачьего войска заявил протест против захвата власти большевистскими советами и призвал население города к поддержке «единственного и полноправного хозяина земли русской – Учредительного собрания». Надо заметить, что казачий дивизион являлся той воинской частью, в которой влияние большевиков оказалось не столь заметно, как в других войсковых подразделениях Красноярского гарнизона. Вместе с тем с самого начала господства красных в городе казаки вели себя вполне мирно, стараясь ничем не провоцировать советскую власть, заявляя лишь о том, что не одобряют её решений. А это была разрешенная революционной демократией свобода политического мнения. Но однако...

На основании декрета ВЦИК и СНК от 10 ноября 1917 г. «Об уничтожении сословий и гражданских чинов» Енисейский губисполком 18 декабря принял решение о демобилизации казаков, роспуске их войскового совета и разоружении командного состава. С 1 января 1918 г. власти прекратили выплату заработной платы казачьим офицерам, а на следующий день 2 января пришёл приказ по Иркутскому военному округу о частичной демобилизации и разоружении казаков Красноярского дивизиона, а вскоре поступило распоряжение из Петрограда уже о полной сдаче ими оружия. Предвидя разрастание конфликта с казаками, большевики сразу же увеличили численный состав городского красногвардейского отряда, а также вызвали на помощь несколько вооруженных групп (главным образом составленных из числа бывших военнопленных, а теперь воинов-интернационалистов) из близлежащих Канска и Ачинска.

В связи с обострением ситуации вокруг дивизиона его командир и одновременно атаман Енисейского казачьего войска, член Сибирского областного совета *Александр Сотников* 15 января был срочно вызван из Томска в Красноярск. А двумя днями ранее в Красноярск из Иркутска вернулся председатель Красноярского губернского совдепа большевик *Григорий Вейнбаум*, исполнявший в тот период ещё и обязанности народного комиссара по иностранным делам Центросибири. Обстановка накалялась…

17 января красноярские большевики предъявили ультиматум казачьему дивизиону: к утру 18-го числа полностью сдать оружие и расформироваться как воинской части. Данное требование было подкреплено угрозой, что, если казаки не согласятся, к ним будет применена сила.

В ответ на это в тот же день, 17 января, состоялось общее собрание военнослужащих казачьего дивизиона, получившее статус малого казачьего круга. Войсковой сход, проходивший под председательством командира дивизиона, принял категорическое и смелое решение о непризнании советской власти, «как не выражающей воли всего народа», а также потребовал от неё невмешательства во внутренние дела казачьей общины. Сам *Александр Сотников* в марте 1920 г., давая показания в иркутской ЧК, так объяснял поведение казаков во время тех январских событий: недовольство было обусловлено, прежде всего, принципами казачьей автономии, которую признавали не только революционные власти с февраля по октябрь 1917 г., но и романовское самодержавие на протяжении 300 лет своего царствования. По словам *Сотникова,* казаки вполне справедливо полагали, что их дальнейшую судьбу могло определить только Учредительное собрание, защиту которого они тогда также посчитали делом праведным и вполне для себя уместным.

Поэтому малый круг, сочтя местный губисполком и даже столичный комиссариат по демобилизации некомпетентными решать вопрос о разоружении и расформировании

дивизиона, принял решение оружия не сдавать, казачьи сотни не расформировывать, а на ультиматум большевиков выдвинуть собственные условия: к 12 часам 21 января предоставить им гарантии о полном невмешательстве советской власти в жизнь казачества, о неприкосновенности личной свободы и имущества жителей Красноярска, а также о выводе из города иногородних красногвардейских отрядов. В противном случае круг пригрозил объявить всеобщую мобилизацию Енисейского казачьего войска. Однако во избежание жертв среди мирного населения в возможном вооруженном столкновении с большевиками казаки приняли решение покинуть на время Красноярск и ждать ответа на выдвинутый ультиматум где-нибудь неподалёку от города.

В ночь на 18 января Советы привели все свои вооруженные силы в полную боевую готовность. Срочно мобилизованные отряды Красной гвардии взяли под усиленную охрану важнейшие городские объекты. По всему Красноярску были расклеены объявления о том, что в городе вводится осадное положение, в связи с чем запрещаются любые митинги и собрания, а также объявляется комендантский час с 6 вечера до 8 часов утра.

Английский и шведский консулы, узнав о назревающем вооружённом конфликте и памятуя трагические итоги недавних весьма похожих событий в Иркутске, тут же потребовали от Красноярского совета гарантий неприкосновенности личности и имущества иностранных граждан, а также предложили свои услуги в качестве посредников в ведении мирных переговоров между противоборствующими сторонами. В ответ городской голова, большевик *Дубровинский*, заверил консулов, что им беспокоиться не о чем, что исполком организует в ближайшее же время вооруженную охрану как консульств, так и иностранных подданных.

Но ничего такого делать не пришлось, поскольку в ночь на 18 января казачий дивизион почти в полном составе покинул город. При этом казаки не только не сдали своего личного оружия, но и прихватили с собой при выходе из города пулемёты и даже несколько пушек, реквизированных временно из арсеналов местного гарнизона. Первоначально они планировали занять станицу Коркино, находившуюся ниже по течению Енисея в 12 верстах от Красноярска, но потом передумали, перешли на противоположный, правый, берег реки и расположились напротив города в селе Торгашино*. К казакам присоединилась и некоторая часть офицеров Красноярского гарнизона. Всего из 350 человек личного состава дивизиона город покинули 177 мятежных казаков, к ним присоединились 67 офицеров, а также 44 гимназиста и семинариста. Такова официальная статистика.

Днём 18 января в окне городского клуба эсеров было вывешено воззвание, подписанное от имени малого казачьего круга атаманом *Сотниковым*.

«Воззвание к населению Енисейской губернии именем войскового правительства Енисейского казачьего войска.

Граждане! 17 сего января Исполнительным комитетом красноярского совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов было предложено Красноярскому казачьему дивизиону признать власть Советов и исходящие от него приказы. Предложение это, носившее ультимативный характер, было выражено в форме обязательного подчинения Управлению армии, с отрицанием существования казачества.

---

*Село Торгашино, по легенде, было основано казаками Суриковыми, предками великого сибирского художника, как форпост на подступах к красноярскому острогу. В советский период Торгашино вошло в черту города Красноярска и исчезло как отдельно стоящий населённый пункт.

Требования местного Исполнительного комитета, приказ Иркутского военного округа, телеграмма из Петрограда Народного комиссара по демобилизации были направлены к разоружению казачьего дивизиона и демобилизации его на основаниях, противоречащих закону войска.

Представителям Исполнительного комитета было отмечено, что Государственная власть нами может быть одинаково понимаема только при условии признания Учредительного собрания. Поэтому:

1) Не признавая Советской власти, как не выражающей воли всего народа;

2) Будучи, во-первых, достоверно поставленный в известность, что Исполнительным комитетом предпринимается ряд мер вооруженного характера, что с запада и востока прибывают в Красноярск отряды Красной гвардии и, зная, что эти меры имеют в виду разоружение казачьего дивизиона, во-вторых, считая, что разоружение казачества есть лишение его гражданской и воинской чести и вопиющее нарушение его исторических традиций, и в третьих, неизбежное кровопролитие было бы громадным несчастием для мирных граждан города и при всяких обстоятельствах истолковано Исполнительным комитетом населению, как происшедшее по вине казаков.

Поставленные поведением Исполнительного комитета в необходимость или сражаться, или лишиться казачьей чести, войсковое правительство Енисейского казачьего войска и Совет дивизиона постановили: покинуть на время город, щадя кровь неповинных безоружных граждан, женщин и детей, и предложить Исполнительному комитету следующие минимальные требования соглашения:

1. Полное невмешательство в жизнь казачества, с сохранением за ним права устраиваться и жить согласно постановлениям двух съездов войска и выработанного ими закона.

2. Ответственная гарантия Комитета за то, что на казачество не будет произведено никаких покушений и насильственных действий.

3. В отсутствии казаков Исполнительному комитету предлагается, за его ответственностью, соблюсти следующее:

а) гарантировать имущественную и личную безопасность граждан, б) гарантировать полную безопасность казаков и Красноярской казачьей станицы, в) немедленно вывести из Красноярска, введённые из двух мест красногвардейские отряды, г) дать исчерпывающий ответ не позже 12 часов 21 сего января.

В случае невыполнения предъявленных условий я, властью, мне данной законом, объявляю всеобщую мобилизацию войска и оставляю за собой полную свободу действий.

Граждане!

Из предъявленных условий Вы видите, что... (далее мало- разборчиво, видимо: казаки ищут лишь защиту попранных прав), казаки призывают всех граждан встать на защиту Учредительного собрания, ибо только оно в состоянии разобрать все наши споры.

На этой платформе с нами сойдутся все любящие волю, все исповедующие принципы народоправства. Граждане, казаки и народ любят свою родину, призывают Вас объединиться с ними и властно потребовать украденное народное право. Все, кто любит родину и волю проснитесь, и объединяйтесь с нами. Войсковой атаман Сотников».(«Свободная Сибирь», Красноярск, №18 от 24 января 1918 г.*)*.

С 18-го по 26 января в Красноярске действовало осадное положение. Его продолжительность объяснялась тем, что у большевиков не было полной уверенности, что казаки действительно покинули город и не предпримут в ближайшее время никаких действий против советской власти. На центральных перекрёстках города стояли патрули из числа красногвардейцев и солдат местного гарнизона; подозрительные личности задерживались, обыскивались, а некоторые для пущей бдительности отправлялись под арест. Все крупные магазины города 18 и 19 января закрылись на «учёт», не проводились занятия в учебных заведениях, не работали правительственные и другие учреждения, в том числе и городская управа. Повсюду стояли караулы. Уж чего-чего, а службу большевики всегда умели организовать, надо отдать им должное, на самом высоком уровне.

Красногвардейцы в поисках оружия обыскивали прохожих, задерживали подозрительных, в результате чего под арестом сразу же оказалось несколько офицеров-фронтовиков, а также казаков, не успевших вместе с другими своими товарищами выехать из города. Что касается простых горожан, то военные патрули их нисколько не пугали, и улицы, как писала одна из местных газет («Свободная Сибирь», №15 от 20 января 1918 г.), были полны праздношатающейся публики. Одни ожидали интересных событий (атаки казаков на город и пр.), другие просто радовались двум неожиданно появившимся дополнительным выходным дням, «не попавшим в святцы». Но в 6 часов вечера наступал комендантский час, и город пустел.

Третий день осадного положения (20 января) совпал с субботой, горожане опасались, что казаки перекроют дороги в город и не пустят на рынок крестьян из окрестных сёл. В этом случае Красноярск мог остаться на целую неделю без запасов продовольствия, однако ничего такого не случилось, и базарный день состоялся, торговля пошла бойко, как ни в чём не бывало.

Вывешенное в окне эсеровского клуба воззвание восставших казаков дало формальный повод большевикам* начать репрессивные действия в отношении политической оппозиции и, в первую очередь, против представителей партии правых социалистов-революционеров.

Так, 19 января был произведён обыск в их городском клубе, в ходе которого красногвардейцы арестовали несколько находившихся там членов ПСР. Эсеровский клуб после этого закрыли и опечатали. Обыски в последующие дни проводились также в товариществе кооперативов и в помещении бюро меньшевиков. Причём в данных акциях принял активное участие один из гласных (депутатов) городской думы поляк-большевик Юзеф Пекаж; вроде как бы ни по статусу, но, видимо, красноярским властям не хватало ещё в те дни достаточного количества надёжных людей для руководства «мероприятиями».

20 января начались обыски уже и на квартирах ведущих членов эсеровской партии, причём этой участи не избежали даже некоторые гласные Красноярской городской думы, многих эсеров в тот день отправили в тюрьму, в общей сложности к вечеру за решеткой оказалось около 15 человек видных общественных деятелей. В ночь на 21-е на городском железнодорожном вокзале был задержан известный красноярский кооператор Козлов. Обыски и аресты продолжились и весь следующий день. Задер-

*У красноярских большевиков также появились сведения, что в Торгашино 18 января ездили делегаты от эсеров и якобы уговаривали казаков вернуться в город и всё-таки устроить вооруженный переворот («Знамя революции», Томск, №48 за 1918 г.).

жанию и временному тёремному заключению подвергся даже председатель губернской земской управы правый эсер *Иван Казанцев*. А в ночь на 22 января арестовали и председателя уездной земской управы *Б.Ф. Тарасова*. Всего в те неспокойные дни власти подвергли сугубой изоляции около 55 человек из числа правых политических оппозиционеров («Алтайский луч», №5 за 1918 г.).

Вскоре после первых же арестов на заседании городской думы меньшевик *Алексей Музыкин* поднял вопрос о незаконности проведённых акций, после чего представители центристских фракций вынесли на голосование постановление о немедленном освобождении арестованных, но вследствие преобладания в думе большевиков это предложение 25 голосами против 17 было отклонено. А на следующий день пришли с обыском и на квартиру самого *Музыкина*, причём никого не смутил тот факт, что Алексей Платонович, также как и большинство из тогдашнего руководства города, являлся членом РСДРП с дореволюционным стажем, состоял до недавнего времени с большевиками в одной объединённой партийной организации и пр. По словам *Алексея Музыкина* («Дело рабочего», Красноярск, №5 за 1918 г.) у него на квартире «приходили искать самогонку (так было написано в мандате от военно-революционного штаба), а сами были настолько пьяны, что еле-еле держались на ногах, а запах самогонки распространялся от них на всю квартиру». «Самогонку», по всей видимости, не нашли, так что *Музыкину* в тот день посчастливилось избежать ареста.

Красноярским меньшевикам, кстати, во время тех событий вообще повезло несколько больше, чем эсерам. Практически никто из членов их городской организации не пострадал, несмотря даже на то, что власти изъяли у населения несколько листовок, подписанных местным отделением РСДРП(м), в которых в категорической форме осуждался разгон большевиками Учредительного собрания. Также и красноярские кадеты, что ещё более удивительно, по какому-то странному стечению обстоятельств избежали в те дни всяческих преследований.

20 января 1918 г. революционный штаб при исполнительном комитете Красноярского совета рабочих и солдатских депутатов образовал чрезвычайную следственную комиссию (25 января преобразованную в губернскую ЧК). А 26 февраля на основании заключений этой комиссии должны были состояться слушания в революционном трибунале по делу арестованных во время казачьего мятежа эсеров.

В связи с чем, открывшееся 23 февраля губернское земское собрание предъявило исполкому Советов требование об освобождении из тюрьмы виднейших земских деятелей, а также членов эсеровской партии: *Казанцева*, *Тарасова*, *Андрея Тимофеева* и других*. А 25 февраля красноярские меньшевики, в свою очередь, собрали митинг трудящихся, также проводившийся в защиту привлечённых к суду эсеров. Однако в назначенный день заседание революционного трибунала так и не состоялось, но было отложено на более поздний срок**; публика, собравшаяся перед зданием суда, устроила стихийный митинг в защиту прав арестованных. Митингующие составили и направили в адрес совдепа письменное заявление с требованием или немедленного освобождения заключённых, или скорейшего производства над ними гласного суда.

---

*Лидер красноярских умеренных правых, народный социалист и областник *Владимир Крутовский* уже с конца декабря находился под арестом.

**Разбору дела по официальной версии помешала внезапная трагическая смерть председателя трибунала Королёва, покончившего жизнь самоубийством.

Большевики посоветовались и, дабы не нагнетать и без того напряженную обстановку, приняли решение временно освободить всех арестованных эсеров. В тот же день они были отпущены под честное слово своих адвокатов и обязались явиться в суд по первому требованию. Однако на следующий день, когда по адресам проживания подсудимых явились наряды милиции для сопровождения их в суд, многих уже не оказалось на месте. Вследствие чего тех, кого всё-таки сумели найти, тогда вновь арестовали и сопроводили под конвоем в тюрьму. Так, например, известно, что в числе вторично арестованных оказались эсеры *Доценко*, Либман и Козлов*. Продержали их в заключении на этот раз, кстати, достаточно долго и отпустили на свободу лишь 17 апреля. В свою очередь, избежавшие повторного ареста в те январские дни, как, например, *Казанцев, Тарасов* и некоторые другие, тут же перешли, как в старые и добрые царские времена, на нелегальное положение. Газеты красноярских эсеров и меньшевиков – «Знамя труда» и «Дело рабочего» – попытались защитить подвергшихся опале товарищей, выдвигая в их пользу общественное мнение, но тщетно.

На заседании Красноярского совета депутатов 18 января приводились данные и о задержании на ст. Песчанка неподалёку от Красноярска ординарца есаула *Семёнова*, казачьего офицера Февралёва, который направлялся со специальной миссией в Оренбург к восставшему против советской власти атаману *Дутову*. При обыске у Февралёва была найдена телеграмма, неизвестно кому адресованная, но в которой говорилось: «Примите меры к тому, чтобы груз пришел беспрепятственно. Иначе я не смогу сдержать своего слова перед атаманом Дутовым». Задержанный груз оказался взрывчатым веществом. Сопровождавших его пятерых человек также арестовали.

Однако вернёмся к мятежным казакам *Сотникова*. Итак, если ещё раз и немного с самого начала, то – во избежание вооруженного столкновения с превосходящими силами Красной гвардии и недопущения жертв среди гражданского населения Красноярска, *Александр Сотников* в ночь на 18 января вывел часть казачьего дивизиона из города. Казаки, небольшая группа местного офицерства и четыре десятка учащейся молодёжи покинули город и, по предположению большевиков, должны были расположиться где-то в одном из прилегавших к Красноярску населённых пунктов. Однако то обстоятельство, что бунтовщики никоим образом не дали о себе знать в первые дни после ухода из города, весьма озадачило советские власти, и они забеспокоились о том, что казаки, может быть, ушли куда-то и в другие районы – поднимать там казачьи станицы. Ввиду этого на поиски «пропавших» мятежников власти срочно отправили аэроплан (причём мгновенно распространившиеся среди населения слухи увеличили количество летательных аппаратов сразу аж до целых «трёх»). В итоге успешно проведённая авиационная разведка установила, что казаки никуда не ушли, а в полном составе расположились на постой в селе Торгашино, неподалёку от Красноярска.

Село Торгашино являлось одним из казачьих поселений, входивших в так называемый Нижнеенисейский войсковой район. Нижнеенисейские и минусинские казаки, собственно, и составляли Енисейское казачье войско**. Сам *Сотников*, кстати, про-

*Новые аресты были произведены ещё и по той причине, что в Красноярск в адрес комиссара суда пришли сообщения из Минусинска о перехваченных там письмах *Сотникова* к местным казакам, в которых якобы ясно говорилось о причастности правых эсеров к казачьему мятежу.

**Енисейское казачье войско было самопровозглашено 25 мая 1917 г. на учредительном съезде в Красноярске. В сентябре первым войсковым атаманом избрали хорунжего *Александра Сотникова*. Общая численность енисейских казаков на тот момент составляла всего 14 тысяч человек обоего пола (для

исходил из нижнеенисейских. С того момента, как беглецы расположились в Торгашино, у них сразу же стали выявляться значительные проблемы, одной из которых оказалась продовольственная. Продукты приходилось приобретать за деньги у местного, в том числе и не казачьего, населения. Напомним, что всего в отряде *Сотникова* было не менее 170 кавалеристов, а также пешая группа из офицеров и учащихся старших классов гимназий примерно в 110 человек*.

А вскоре добавились и серьёзные проблемы организационного порядка. Так как выступление не получило дальнейшего развития, многие из его участников стали возвращаться в Красноярск, небольшая часть из числа нижнеенисейских казаков также покинула лагерь повстанцев и отправилась на север в сторону Енисейска. Тогда войсковое правление, видя, что казаки ещё не готовы воевать с превосходящими силами советов, что часть их даже покинула дивизион и что в Торгашино осталась лишь конная сотня из Минусинского уезда, да и та могла в любой момент уйти к родным куреням, постановило: вести казаков в Минусинск и собрать там большой войсковой круг.

В соответствии с этим решением *Сотников* с остатками своего повстанческого войска в начале февраля отправился на юг, вверх по Енисею, в сторону Минусинска. Вместе с ним из Торгашино выступило 25 офицеров и около 120 казаков при 2 пулемётах, а также – несколько гражданских, то были эсеровские агитаторы. Возникла реальная угроза разрастания мятежа и начала гражданской войны в Сибири. Поэтому красноярский совдеп срочно направил в Минусинск распоряжение – готовить красногвардейские части для отпора восставшим казакам.

И ещё... Находясь в Торгашино, *Сотников* послал приветственную телеграмму генералу Каледину на Дон. Но, однако, как показали дальнейшие события, не вышло у енисейского атамана «славного присоединения к доблестным донским казакам», как он о том телеграфировал в Новочеркасск. Ибо не поддержало вооруженный демарш *Сотникова* не только население, но и «Сибирское правительство» – Временный Сибирский областной совет – из тактических соображений. Сам же руководитель восстания, не являясь официальным военным министром этого «правительства», а только лишь председателем его военного совета, не мог самостоятельно отдавать никаких приказов по вооруженным силам сибирских автономистов, тем более что таковых сил ещё даже и не существовало.

Направляясь с остатками мятежного отряда в Минусинск, *Александр Сотников* предварительно откомандировал в город специального агента с письмом к своему давнему приятелю, бывшему местному учителю, а на тот момент казачьему офицеру, двадцатипятилетнему Иннокентию Варламовичу Безрукову, с просьбой помочь в организации внутригородского выступления против советской власти, приуроченного к подходу в район Минусинска основных сил повстанцев.

Письмо, а, возможно, и сам гонец атамана каким-то образом оказались в руках большевиков, поскольку вскоре текст этого тайного послания был опубликован в советской печати. Дошло ли оно до Безрукова – так и осталось неизвестным. Во всяком случае, он мог прочитать на его страницах следующее: «Здравствуй, Варламыч!

сравнения: население Войска Донского в тот период – 10 миллионов человек), а наличествующее войсковое соединение включало в себя один действующий на противогерманском фронте полк и запасной дивизион в Красноярске.

*Командование пешим отрядом, или, как его называли, «пластунским», осуществлял некто полковник Соловьёв («Знамя революции», Томск, №25 за 1918 г).

Двигаюсь к тебе с войском, очень рад, что ты перевёлся в войско, сиди и жди нашего прибытия или извещения. Я пошлю тебе извещение, когда выехать к нам навстречу, а куда, скажет податель сего. Пока же не сиди сложа руки и подготовляй минусинцев. Выясни следующее: 1) отношение фракции эсеров; 2) эсдеков-меньшевиков. Губернские комитеты этих партий всецело согласны с моей тактикой, оказывают поддержку и просят о ней. Уездные комитеты, несомненно, должны сделать то же самое».

Далее *Сотников* просил своего товарища-агента узнать – как отреагировали на известие о казачьем мятеже кадеты, различные общественные организации, представители финансового мира, то есть купечества и кооперативов, ну и, конечно, жители города. Ещё в письме содержалась просьба разведать по возможности количественный состав минусинского воинского гарнизона и местного отряда красной гвардии, а также порасспросить о политических настроениях в них. *Сотников* обещал быть в районе Минусинска где-то уже числа 18 или 19 февраля по новому стилю, а на 28 февраля атаман планировал созвать чрезвычайный съезд минусинского казачества. В конце письма содержался наказ «Постарайся устроить мне конспиративный адрес и квартиру. Пока свой адрес дал на тебя. Говорят, голова моя большевиками уже оценена, правда, не очень дорого, – 1000 рублей (около 150 тысяч на наши деньги – О.П.), но всё-таки начали уже заботиться. Выехали из Красноярска как были, нет ни белья, ни зубной щётки, даже мыло и полотенце Егор куда-то увёз. Прошу тебя выслать вещи, захвати с собой что можешь. На тебя у меня надежды большие, как верного человека и знакомого с местными условиями и населением. Время настало такое, что приходится ставить на карту голову. Поэтому обсуди и реши, а раз пойдешь вместе – держись. Из воззвания увидишь, в чём дело. Постарайся наладить быстрое и верное сообщение с Каратузом. Подробное освещение получишь от подателя; письмо это по прочтении уничтожь. Чем меньше следов, тем лучше. Моя подпись и адресуемая мне корреспонденция – псевдоним, изменяемое различным образом, имя моего сына»* («Знамя революции», Томск, №48 за 1918 г.).

В ноябре 1917 г. на территории Минусинского уезда образовалась так называемая Минусинская коммуна, управлявшаяся уездным Советом рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, а непосредственно – его исполкомом во главе с беспартийным, но близким по взглядам к большевикам кузнецом Кузьмой Трегубенковым. Появление в пределах Минусинского уезда восставшего казачьего дивизиона заставило местную власть объявить в уездном центре военное положение и срочно созвать в конце февраля V (чрезвычайный) уездный крестьянский съезд. Это было сделано для того, чтобы, во-первых, осудить действия мятежников, потребовать от них немедленно прекратить сопротивление и разоружиться, а во-вторых, обратиться к населению уезда с призывом: в случае если казаки не выполнят первого требования, сформировать отряды добровольцев для отражения создавшейся угрозы.

В подтверждение чего местные власти укомплектовали несколько дополнительных красногвардейских подразделений в Минусинске, а также в Абакане, объявив набор из среды шахтёров и горнорабочих. В результате общая численность отрядов рабочей гвардии составила около 900 человек, а вскоре в их распоряжение из Красноярска и Ачинска поступило дополнительное вооружение, включая пулемёты и артиллерийские орудия (в количестве двух единиц).

*Сына звали Эрастом.

Узнав об этих приготовлениях и, видимо, не получив никаких известий от Безрукова, *Александр Сотников* вновь принял «компромиссное» решение – не захватывать Минусинск, а увести свой отряд в одну из казачьих станиц, там провести намечавшийся большой круг (съезд), мобилизовать всё войско и тогда уже двигаться на штурм уездного центра. Так, в качестве опорного пункта было выбрано большое крестьянское село Каратуз*, бывшая казачья станица, являвшаяся также и неофициальной столицей южно-енисейского казачества.

Так же, как и прежде, *Сотников*, до того как прибыть в Каратуз, направил вперёд себя специального представителя, хорунжего *Григория Бологова*, которому он поручил – во взаимодействии с местным каратузским атаманом Платоном Шошиным, свергнуть в селе советскую власть ещё до прихода основных сил красноярского дивизиона. 14 февраля в помещение поселкового совета явились Шошин и *Бологов* в сопровождении вооруженной группы казаков и арестовали секретаря совета Трухина. После этого они конфисковали имевшиеся в сельсовете документы и объявили советскую власть в селе низложенной. В тот же день было арестовано и несколько человек из числа местных большевистских активистов, сторонников свергнутой власти. 17 февраля по новому стилю в Каратуз прибыл и сам *Сотников* со своим полутора сотенным войском.

28 февраля, как и планировалось, здесь начал работу большой круг, или, по-другому, III съезд Енисейского казачьего войска. Он проходил в обстановке обмена «дипломатическими» посланиями с V уездным крестьянским съездом в Минусинске, и, как показалось *Сотникову*, казачий круг всё-таки сумел на некоторое время убедить Минусинский совдеп в своих мирных намерениях. Следствием чего явилось освобождение большевиками ранее арестованных сторонников казачьей автономии, а также председателя войскового правления И.Г. Казанцева.

Однако положение дел кардинально изменилось, когда в Минусинске узнали, что каратузский большой круг не только одобрил все решения малого круга в Красноярске, но и полностью поддержал протестные действия Красноярского казачьего дивизиона. Более того, в Минусинск поступили сведения, что войсковой круг объявил мобилизацию всех енисейских казаков. После этого мирные переговоры между съездом крестьянских депутатов и делегатами казачьего круга сразу же были прекращены, а 7 марта Минусинский совет создал военно-революционный комитет во главе с К.Е. Трегубенковым и поручил ему немедленную ликвидацию казачьего мятежа.

---

*Каратуз раньше назывался Шадатским форпостом и являлся до 1914 г. сторожевой заставой на границе с Китаем. Название села «Каратуз» по-татарски означало «Чёрная соль». Село располагалось в 85 верстах (примерно в 100 км) юго-восточнее Минусинска и появилось в данном районе, как и другие казачьи станицы, в первой половине XVIII века для того, чтобы обезопасить границы Российской империи. Далее на юг за этими форпостами находился уже Урянхайский край (современная Тыва), принадлежавший до 1914 г. Китаю.

Население села Каратуз составляло на начало XX века около двух тысяч человек (из них лишь четверть казаков и казачек), а к 1917 г. за счёт столыпинских переселенцев оно увеличилось, по некоторым данным, до 10-15 тысяч и фактически стало приравниваться к городу. Здесь в то время имелась своя каменная церковь с библиотекой, государственная участковая лечебница, начальная (на 150 мест) и церковно-приходская (на 50 мест) школы, а также высшее начальное училище (по программе семилетнего образования) с 5 преподавателями и 100 учащимися. В Каратузе также работала изба-читальня со сценой (то есть библиотека и клуб). Кроме того, в селе насчитывалось до 20 магазинов, потребительское кооперативное товарищество с собственным маслодельным и кожевенным заводами, пряничные, сушечные и колбасные цеха, пекарни и пр. И всё это – «тяжелое» наследие царского режима.

В самом Каратузе к тому времени уже начали появляться демобилизованные с фронта станичники и сельчане, многие из которых находились под влиянием большевистской агитации и оказывали заметное противодействие сотниковским мероприятиям. Вдобавок к этому и сами казаки, делегаты съезда, не все единогласно проголосовали за продолжение вооруженного сопротивления советской власти, которая пока ещё ничем особо не успела насолить минусинцам и оттого не вызывала у них пока никакого заметного отторжения. В результате положение *Сотникова* и находившихся в его отряде эсеров оказалось в начале марта довольно шатким, а вскоре к Каратузу подошли и минусинские красногвардейцы с орудиями, пригрозившие разнести крохотную казачью слободку (100 дворов) в пух и прах, если что...

В сложившихся обстоятельствах *Александр Сотников* в очередной раз отказался от вооруженного столкновения с большевиками и без боя оставил село Каратуз, пустившись теперь уже в прямом смысле слова в бега вместе с остатками своего некогда грозного мятежного отряда. Теперь повстанцы направились на запад, на левобережье Енисея, в район так называемых таштыпских предгорных казачьих станиц. Через несколько дней казаки добрались кое-как до села Монок*, но тут их вскоре опять настиг красногвардейский отряд, которому они вновь не сумели оказать никакого вооруженного сопротивления. Причём не из-за собственной нерешительности, а в силу того, что так долго ожидаемого приказа открыть огонь по противнику никто из подчинённых *Сотникова* на этот раз уже просто-напросто не выполнил. Большинство из них решили лучше сдаться в плен, чем продолжать крайне неудачную и оттого определённо бессмысленную повстанческую кампанию.

Сам *Сотников*, никоим образом, конечно, не рассчитывавший на амнистию со стороны большевиков, а также два его ближайших помощника, тоже офицеры, предпочли всё-таки скрыться. По одним данным, они тайно перебрались через границу в Монголию и прибыли в расположение частей атамана *Семёнова*, по другим сведениям, *Сотников* «сотоварищи» отошли в Кузнецкий уезд Томской губернии (нынешняя Кемеровская область) и здесь надолго, что называется, залегли на дно.Мятежный атаман вновь объявился лишь в мае месяце, накануне всесибирского антибольшевистского восстания. Тогда он нелегально прибыл в Томск и после изгнания большевиков из города был назначен командиром I Томского кавалерийского дивизиона.

Что же касается енисейских казаков и ожидаемых репрессивных мер к ним со стороны большевиков, то они, можно сказать, отделались лишь лёгким испугом. Советы скорее для острастки, чем для устрашения, наложили на станичников незначительную денежную контрибуцию, которую к тому же даже и не успели собрать, поскольку в июне того же года власть в Сибири полностью переменилась.

5. Гонения на прессу в городах Сибири

В течение всех этих беспокойных дней января-февраля 1918 г. в Красноярске в связи с протестными мероприятиями по поводу роспуска Учредительного собрания и, в частности, вследствие сотниковского мятежа было закрыто несколько оппозиционных периодических изданий. В их числе оказалась, например, очень известная

*Точнее это было село Большой Монок (у слияния рек Большой Монок и Абакан). А неподалёку находился ещё Малый Монок, основанный в конце XIX века в труднодоступных горных местах, в верховьях реки Малый Монок, хакасами, спасавшимися от притеснений русских казаков.

кадетская газета «Свободная Сибирь», печатавшая на своих страницах достаточно смелые материалы, касающиеся не только выступления Красноярского казачьего дивизиона, но освещавшая в нежелательном для большевиков духе ещё и декабрьские события в Иркутске.

Как отмечали многие исследователи, «толерантность по отношению к оппозиционной прессе исчезала по мере того, как большевики добивались большинства в советах». Так, например, во время обсуждения 27 октября 1917 г. на заседании Красноярского совета рабочих и солдатских депутатов срочного сообщения из Петрограда о свержении власти Временного правительства в президиум поступила записка: «Единодушное желание солдат запретить газету кадетов “Свободная Сибирь” ввиду её опасности в настоящий момент». При оглашении этой записки в зале сразу же послышались громкие возгласы: «“Голос народа” – тоже!». Однако ни то, ни другое издания большевики не посмели тогда прикрыть. Всё изменилось после большевизации советов и «успешного» роспуска левыми социалистами Учредительного собрания. В тот момент Рубикон, что называется, был уже перейдён, и началась открытая и совершенно бескомпромиссная схватка за власть. Так, 11 января 1918 г. редакцию «Свободной Сибири» для начала оштрафовали на три тысячи рублей «за помещение ложных сведений», а через месяц издание полностью и окончательно закрыли.

Газета «Свободная Сибирь» издавалась красноярской организацией конституционных демократов при финансовой поддержке местных бизнес-кругов; оба эти обстоятельства уже сами по себе, понятное дело, вызывали крайнее раздражение у советов. Вообще официальных печатных органов кадетской партии в Восточной Сибири было в тот период не так уж и много, однако газеты подобного направления являлись, как правило, весьма крупными изданиями, хорошо информированными и не испытывавшими, за редким исключением, денежных затруднений. Их редакторы по большей части являлись заметными фигурами в политической жизни своих регионов, часто входили в состав местных органов власти, а также – в разного рода влиятельные общественные структуры. Так редактор той же «Свободной Сибири» – адвокат *Фёдор Филимонов* – состоял одновременно и членом красноярского комитета партии народной свободы и входил в редакционный совет главной областнической газеты – томской «Сибирской жизни».

Ещё раньше, чем «Свободная Сибирь», была закрыта одна из самых крупных газет зауральского региона – иркутская «Сибирь». Она к 1918 г. прошла путь от небольшого по формату листка (в начале XX века) до второго по степени распространённости в Сибири печатного издания. К тому времени «Сибирь», насчитывавшая уже одиннадцатилетнюю историю, имела собственных корреспондентов в Москве, в Петрограде, а также в большинстве крупных городов Зауралья. Надо сказать, что газета эта, первоначально замышлявшаяся как областническая и отчасти являвшаяся таковой, к лету 1916 г. полностью перешла в руки эсеров и стала одним из ведущих пропагандистов идей правоэсеровского оборончества, а также объединенчества и коалиционности всех политических сил социалистической направленности. Газета охватывала своим влиянием народно-демократические слои населения, главным образом – трудовую интеллигенцию и привилегированных (хорошо оплачиваемых и достаточно грамотных) рабочих. Ядро редакции составляла группа социально ориентированной интеллигенции (не без еврейского участия, конечно), состоявшая главным образом из ссыльных меньшевиков и эсеров (Владимир Войтинский, Василий

Архангельский, *Евгений Колосов*, *Евгений Тимофеев* и др.). А во главе редакции газеты находился достаточно известный в Сибири писатель *Исаак Гольдберг* – правый эсер по политическим взглядам.

Поводом для репрессий в отношении «Сибири» в начале января 1918 г. послужили крайне тенденциозные, с точки зрения большевиков, материалы, опубликованные этой газетой и касающиеся опять-таки декабрьских событий в Иркутске. В частности об убийстве хорошо известного в городе революционера, социал-демократа (меньшевика) *Николая Патлых*. В причастности к данному преступлению газета обвиняла молодого, но к тому времени уже весьма крупного большевистского деятеля, также журналиста, *Пантелеймона Парнякова*. Сам *Парняков* в ответ подал на газету «Сибирь», а также на автора обличавшей его статьи эсера Филиппова заявление в революционный трибунал, выдвинув против своих обидчиков обвинение в клевете*.

В дополнение к этому в ночь на 3 января представители советской власти полностью конфисковали очередной номер «Сибири». В 2 часа ночи в типографию товарищества «Гранит», где печаталась оппозиционная газета, явилась группа вооруженных солдат во главе с большевиком *Н. Шевцовым*. Ими был предъявлен мандат от Восточно-Сибирского совета рабочих и солдатских депутатов, подписанный его председателем *Яковом Янсоном*, о конфискации типографии и передаче её в распоряжение Иркутского совдепа. Издание газеты «Сибирь», таким образом, прекращалось, а её производственные мощности перепрофилировались под набор дополнительных номеров большевистской газеты «Власть труда».

Прибывшие с мандатом представители власти также потребовали сообщить им домашний адрес редактора «Сибири» *Исаака Гольдберга*, но его никто не смог назвать, тогда красногвардейцы проследовали в здание, где непосредственно размещалась редакция газеты, и у сторожа узнали-таки, где проживал на тот момент *Гольдберг*. В ту же ночь редактор «Сибири» был арестован. Такие действия большевиков вызвали протест среди служащих типографии, а также печатников и наборщиков. Вследствие этого утром 3 января рабочие отказались печатать очередной номер советской «Власти труда». Затем представители профессионального союза печатников совместно с профсоюзными комитетами всех городских типографий на общем собрании, обсудив сложившуюся ситуацию, вынесли резолюцию, в которой, в частности, потребовали немедленного возобновления издания газеты «Сибирь» и освобождения её редактора. Выбранные собранием делегаты доставили петицию в штаб большевиков, где им обещали дать ответ к 11 часам утра следующего дня.

Однако, не дожидаясь, что называется, милости от природы, то есть решения советских властей, то же собрание постановило: одобрить предложение заведующего конторой газеты «Сибирь» о возобновлении её издания, но только под другим названием – «Новая Сибирь», используя для этого производственные мощности губернской типографии. Однако в ночь на 4 января туда также явились с обыском представители советской власти и рассыпали только что набранный номер «Новой Сибири»**. Руководивший акцией по зачистке оппозиционной прессы большевик

*Филиппов вместе с *Патлых* 14 декабря 1917 г. участвовал в переговорах с большевиками по поводу сдачи ими так называемого Белого дома, бывшей резиденции генерал-губернатора Восточной Сибири, а на тот момент оплота красных сил в центральной части Иркутска. По окончании переговоров Николай *Патлых* прямо на глазах у Филиппова, по словам последнего, был предательски, исподтишка застрелен.

**Несмотря на это, газета «Новая Сибирь» всё-таки стала выходить и продолжала издаваться, предположительно, до начала марта месяца.

Дмитриев предъявил предписание о закрытии типографии на том основании, что в ней продолжает издаваться запрещённая советской властью «Сибирь». И ещё перед тем, как опечатать типографию, наряд конфисковал заодно и весь набранный там же очередной номер кадетской «Свободной Сибири».

В ответ на эти действия утром 4 января, в который уже раз за прошедшие сутки, было созвано общее собрание представителей печатников города с целью положить, наконец, предел административному произволу. Узнав о весьма решительном настроении работников иркутских типографий, к ним на собрание прибыла делегация от большевистского руководства во главе с комиссаром по иностранным делам советского правительства Сибири *Григорием Вейнбаумом*. Большевики подтвердили, что советскими властями принято окончательное и бесповоротное решение о закрытии газеты «Сибирь», а также о передаче мощностей типографии «Гранит» под печатанье официального органа Центросибири – газеты «Власть труда». Не имея никакой другой возможности для выражения своих протестных настроений, участники собрания решили пройти организованной колонной с красным профсоюзным знаменем от здания губернской типографии по нескольким центральным улицам города, громко озвучивая по ходу движения накопившиеся претензии к большевикам.

Исаака Гольдберга, после ареста препровождённого в тюрьму, вскоре посетил прокурор иркутской судебной палаты *Сергей Старынкевич* и в тот же день он своим распоряжением освободил редактора «Сибири» из-под стражи как незаконно заключённого. Вышедший из тюрьмы *Гольдберг*, понимая, что большевики не оставят его в покое, тут же перешёл на нелегальное положение, а вскоре и вообще покинул город, перебравшись в Томск, куда в это время съезжались члены Сибирской областной думы. Что касается *Сергея Старынкевича*, то 8 января его самого арестовали и препроводили в иркутскую губернскую тюрьму, где он в течение нескольких недель дожидался решения революционного трибунала теперь уже по собственному делу.

Судебное заседание состоялось 27 января. Его вёл председатель ревтрибунала Иркутска большевик *Павел Постышев*, бывший служащий городской электрической станции. В ходе судебного разбирательства защитник *Старынкевича*, председатель президиума городской думы, правый эсер, а в прошлом адвокат, *Василий Дистлер* попытался наставлять *Постышева* по порядку ведения процесса, но в ответ председатель трибунала стал покрикивать на *Дистлера*, а потом и на самого подсудимого. Тогда *Сергей Старынкевич* заявил категорический протест против такого тона обращения председателя ревтрибунала, заявив, что его (*Старынкевича*) «не раз судили при самодержавии и так не кричали». В ходе возникшей словесной перепалки Постышев на весь зал громогласно заявил: «Юристы и интеллигенция смеют ехидно издеваться над нами, шипят, устраивают нам неприятности. Не только буржуазия и бюрократия, но и бывшие когда-то лучшие наши друзья отвернулись от нас. Так пусть же они будут прокляты... прокляты и прокляты» («Иркутские вести», №6 за 1918 г.).

В конечном итоге *Старынкевичу* было всё-таки предъявлено обвинение в незаконном освобождении из тюрьмы *Гольдберга*. В ответ подсудимый заявил, что освободил *Гольдберга*, стоя на страже законности, что действовал честно и по совести, как революционный прокурор. Потом добавил, что он не признаёт за собой вины в том, за что его судят, что совесть его чиста, а в гонениях на себя он видит тот крестный путь, который переживает русская интеллигенция, от одного креста к другому,

от Ходынки к волнениям в Иваново-Вознесенске, от 9 января 1905 г. к 5 и 9 января 1918 г. «Вы послали проклятие оставившим вас, – заключил *Старынкевич*, – но как мы можем идти с вами, когда нас отделяет от вас кровавая полоса жертв – тех же рабочих и народа, именем которого вы действуете». После довольно продолжительного совещания революционный трибунал постановил: в качестве наказания подвергнуть *Старынкевича* общественному порицанию. Присутствовавшая же на судебном заседании публика, как констатировали всё те же «Иркутские вести», в большинстве своём осталась на стороне осуждённого и проводила *Старынкевича* из зала суда шумными овациями и пением революционных песен*.

В январе в Иркутске также была закрыта и довольно известная кадетская газета «Свободный край» (последний номер вышел 14 января). Именно на её страницах, в частности, печатались объявления по организации похорон убитых юнкеров, офицеров и мирных жителей, погибших во время событий декабрьского вооруженного противостояния в Иркутске. Озлобившиеся большевики, также как и в случае с «Сибирью», не только закрыли газету, но и попытались арестовать её редактора П.И. Фёдорова; во вторник 23 января они два раза делали обыск на квартире оппозиционного журналиста, однако так и не смогли его задержать.

После закрытия газет «Сибирь», «Свободный край» и некоторых других в Иркутске, в столице большевистской Сибири, осталось лишь одно действующее, неугодное большевикам периодическое издание – кадетская газета «Иркутская жизнь», но и она во второй половине марта также была прикрыта. Ещё 31 декабря 1917 г. её, по постановлению комитета советских организаций, оштрафовали на пятьсот рублей «за призыв к вооруженной поддержке казаков и юнкеров против народной власти советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов». «Призыв к вооруженной поддержке» власти усмотрели в том, что газета поместила на своих страницах несколько хроникёрских заметок, касающихся декабрьских вооруженных событий. Причём на «Иркутскую жизнь» тогда наложили не только штраф, но и вынесли «последнее» предупреждение её сотрудникам о том, что всё имущество редакции и издательства будет конфисковано в случае, если подобного рода материалы ещё хотя бы раз появятся в газете.

Не отставали от восточносибирских товарищей по партии и большевики крупнейшего города Сибири – Омска. Они постановлением подконтрольного им городского исполкома закрыли в конце января самую, пожалуй, кадетско-прикадетскую газету во всём Сибирском регионе, омскую «Сибирскую речь», а заодно с ней и «орган социалистической мысли» – крупную кооперативную газету «Заря».

Ну и, наконец, 31 января Томский губернский исполком советов постановил «за контрреволюционную деятельность, выразившуюся в систематическом возбуждении населения против рабочего и крестьянского правительства», закрыть газету №1 в Сибири – «Сибирскую жизнь». При этом уже по сложившейся в те январские дни традиции конфисковывалось всё её имущество и капиталы, в том числе и расчётные счета. В два часа ночи 1 февраля (14-го по новому стилю) наряд солдат с ордером

*Ровно через год назначенный на должность генерального прокурора в правительстве Колчака *Сергей Старынкевич* уже сам станет закрывать глаза на некоторые акты беззакония, осуществлявшиеся не только в отношении большевиков, но и – некоторых своих товарищей по эсеровской партии. В итоге он, что называется, спустит на тормозах дело по поводу незаконного расстрела в Омске 23 декабря 1918 г. нескольких содержавшихся в местной тюрьме членов Всероссийского Учредительного собрания, списав всё на «стрелочников» – нескольких «недисциплинированных» белогвардейских офицеров.

от гарнизонного совета явился в помещение редакции газеты «Сибирская жизнь» и остановил работу печатных машин. А на следующий день всех её многочисленных подписчиков уведомили, что отныне они будут получать печатное издание Томского совета рабочих и солдатских депутатов. Большое мерси, что называется, прозвучало, надо полагать, им в ответ.

После закрытия 1(14) февраля газеты «Сибирская жизнь» имуществом её редакции, а также издательскими мощностями и даже шрифтом Товарищества печатного дела, где набиралась газета, стал пользоваться главный губернский рупор советской власти – «Знамя революции». Именно эту газету, после закрытия своего любимого издания стали вскоре получать в Томске подписчики «Сибирской жизни». Что же касается сотрудников разгромленной редакции, то они в полном составе и в самой категорической форме отказались участвовать в издании «Знамени революции», о чём они публично заявили через печать.

Ещё до закрытия «Сибирской жизни» томские большевики категорически запретили публиковать во всех абсолютно газетах города какие-либо коммерческие объявления, что напрямую коснулось не только владельцев, но также – служащих и даже рабочих типографий, так как они получали неплохие премиальные от публикации таких объявлений. Однако комиссар по делам печати Томской губернии *Фёдор Лыткин* (наш пострел везде поспел) призвал печатников не волноваться по данному поводу и пообещал им денежные компенсации в связи с утратой источника дополнительного дохода*. При этом надо заметить, что после запрещения печатания коммерческих объявлений тираж газеты «Сибирская жизнь», что случилось ещё до её закрытия, сразу же упал с 14 до 5 тысяч экземпляров. Данный факт сам по себе является весьма показательным с точки зрения интереса населения (в данном случае – читателей) к политическим вопросам, активно обсуждавшимся в тот период, в том числе и на страницах «Сибирской жизни» – ведущей областнической газеты Сибири.

*Одно из последних частных объявлений, кстати, дал сам комиссар *Лыткин*. 19 января «Знамя революции» напечатало извещение о том, что им (Лыткиным) в Доме свободы было утеряно портмоне со значительной суммой денег, а также документы: партийный билет (!), выданный в 1917 г., и именной пропуск в здание исполкома. Нашедшего утерянные вещи *Фёдор Лыткин* убедительно просил принести в редакцию газеты «Знамя революции».

ГЛАВА ПЯТАЯ

СИБИРСКАЯ ОБЛАСТНАЯ ДУМА

Всякая колония почитает свою метрополию,
лишь пока та хорошо обращается с нею,
если же встречает несправедливость,
то отрекается от метрополии.
Ведь колонисты выезжают не для того,
чтобы быть рабами оставшихся на родине,
а чтобы быть равноправными с ними.

Фукидид. История

1. Подготовка к январской сессии Сибирской думы

Сибирский областной совет на основании поручения, данного ему декабрьским съездом, начал проводить в конце 1917-го – начале 1918 гг. мероприятия по созыву в Томске Сибирской областной думы. Открытие Думы изначально планировалось на воскресенье 7 января. Однако к положенному сроку необходимое для кворума количество делегатов собрать не удалось, сказались – то ли дальность сибирских расстояний, то ли неудовлетворительная работа железнодорожного транспорта, а может, ещё какая-то другая, не менее важная причина... В общем, члены Думы с очень большой задержкой (как будто с неохотой) прибывали тогда в Томск, так что их общий сбор растянулся не на одну, как планировалось, а на целых три недели; и поэтому официальное открытие Сибирской областной думы пришлось переносить несколько раз. Сначала его передвинули на 12 января, потом – на 19, а в конечном итоге – на 26 января. И всё потому, что к 12-му числу собралось всего 40 человек, а к 19-му – только 93 из 306 запланированных. Этого количества не хватило до условно определённого кворума в одну треть от общего числа депутатов, поэтому лишь только после 24 января, когда зарегистрировалось уже 118 прибывших делегатов («Сибирская речь», №31 от 5 июля 1918 г.) и необходимого минимума таким образом удалось достигнуть, Сибирская областная дума смогла, наконец, объявить о начале своей работы.

Напомним также, что, согласно Положению, принятому Сибирским областным съездом 15 декабря, Областная дума должна была состоять из представителей, выбираемых только революционными, демократическими и национальными организациями без участия цензовых элементов. К таким организациям причислялись земства всех уровней, городские самоуправления, Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, исполкомы этих Советов, различного рода национальные комитеты, далее – регулярные воинские части, казачьи войска, почтово-телеграфные и желез-

нодорожные комитеты, кооперативные союзы, а также вузы Сибири и объединения их учащихся. Круг представительства, надо заметить, таким образом по сравнению с областными съездами оказался расширен за счёт делегатов от воинских частей фронта и запасных частей, а также представителей от вузов и от объединений учащихся (теперь уже с решающим голосом) и даже от старообрядцев*.

При общем раскладе депутатские места, по мысли учредителей данного Положения, должны были разделиться примерно следующим образом: от Советов солдатских, рабочих и крестьянских депутатов и их всесибирских исполкомов, а также фронтовых, почтово-телеграфных и железнодорожных комитетов – 167 делегатов, от самоуправлений городских и земских – 50, от национальностей – 47, от кооперативов – 22, от казачьих войск – 11, от вузов и их учащихся – 8 человек, от старообрядцев – 2. От чрезвычайного общесибирского областного съезда – один персональный депутат – *Григорий Николаевич Потанин*. Итого – 308 делегатов. Такая Дума, по мысли её устроителей, всенепременно претендовала только на социалистическую и никакую другую власть с представительством от всех левых партий, начиная от большевиков с самого левого края и кончая народными социалистами справа. Ибо только такая объединённая демократия, считали они, могла «спасти завоевания русской революции от покушений контрреволюции».

По мере того как делегаты понемногу собирались в Томске, они сразу же подключались к работе в предварительных комиссиях и в так называемых частных совещаниях Сибирской думы, которые начали функционировать в Томске ещё с конца декабря минувшего года. Однако первое официально объявленное заседание частного совещания состоялось 12 января в час дня в здании библиотеки Томского университета. Таким образом, прибывшими делегатами ещё до начала работы Думы был избран президиум, образованы партийные фракции Думы, составлялся и согласовывался список членов нового состава Областного совета.

Одним из активнейших участников этих частных совещаний с самого начала их работы стал казначей Областного совета иркутский правый эсер *Иван Александрович Якушев*. Сначала он занял должность председателя эсеровской фракции («Новая Сибирь», Иркутск, за 17 февраля 1918 г.), но потом эсеровское большинство предварительных совещаний выдвинуло его на должность, ни больше, ни меньше, а … *председателя Сибирской областной думы*. В ходе предварительной работы образовалось 4 фракции. Фракция объединенных областников и беспартийных создана была под руководством виднейшего областника *Александра Адрианова*, фракцию эсеров возглавил прибывший из иркутского подполья *Исаак Гольдберг*, фракцию социал-демо-

*На совещании исполнительного комитета старообрядцев всех согласий в г. Барнауле 30 декабря 1917 г. его участники приняли решение обратиться в Областной совет с просьбой предоставить также и старообрядцам места в Сибирской думе. Эта просьба была удовлетворена, и вскоре из Томска в Барнаул за подписью *Петра Дербера* пришла телеграмма о предоставлении старообрядческим общинам двух депутатских мест в Думе. Представителями от старообрядчества тогда стали Ф.Е. Мельников (от приемлющих белокриницкое священство) и К.М. Донецкий (от поморцев). Такие политические «привилегии» оказались дарованы старообрядцам, кажется, впервые в России. Что ж, у нас в Сибири жертвы раскола русской православной церкви уже давно являлись своими людьми. Их первыми начали ссылать к нам в качестве политических заключённых ещё в XVII веке. Сам, неистовый Протопоп Аввакум провёл в ссылке в Сибири несколько лет и даже отсидел некоторый срок в Братском остроге, жалуясь потом на здешнее житьё-бытьё так: сидишь-де по нескольку дней взаперти и не знаешь «коли покормят, а коли – нет».

кратов – *Сергей Неслуховский**, а фракция национальностей избрала своим руководителем правого эсера томича *Юсуфа Саиева*.

Для заседаний думских комиссий администрация университетской библиотеки выделила небольшое помещение, а чтобы они могли плодотворно работать, не мешая друг другу, было составлено специальное расписание. Так комиссия по народному образованию заседала с десяти часов утра, финансово-экономическая группа собиралась для работы к двум часам дня, в пять часов вечера её сменяла комиссия по внешним сношениям, и, наконец, комиссия по снабжению Сибири продовольственными и промышленными товарами начинала свою работу в восемь часов вечера. В целом эти депутатские группы разработали целый ряд предложений по принятию неотложных мер с целью скорейшей стабилизации политической и экономической обстановки в Сибири, данные предложения должна была потом рассмотреть, доработать и утвердить Областная дума. Выводы предварительных комиссий подкреплялись научными консультациями томской профессуры, учитывались также и деловые предложения, привезённые членами Сибирской думы с мест в качестве депутатских наказов. Из тех сообщений, к слову сказать, выяснялось по-прежнему чрезвычайно тяжелое положение региона по многим показателям, требующее буквально титанической работы по предотвращению надвигающегося общего развала экономики и краха главных демократических достижений русской революции.

Для уяснения общей картины состава участников необходимо конечно же отметить, что из съехавшихся, например, к 19 января девяноста трёх членов Сибирской думы подавляющее большинство, как и на двух предыдущих областных форумах, вновь составили представители правоэсеровской партии – 56 человек, 10 депутатов являлись народными социалистами и 5 – меньшевиками. Остальные 22 человека зарегистрировались как беспартийные. Что же касается большевиков, то они всем членам своей партии, а также сочувствующим категорически запретили присутствовать на январской сессии Областной думы; почти в полном составе проигнорировали приглашение приехать в Томск делегаты от Советов рабочих и солдатских депутатов, а также ЦИКа Сибири. По непонятной причине вообще не явилось ни одного представителя от Тюмени, не прибыли в Томск также и красноярские депутаты. Последние в связи с сотниковским мятежом, как мы знаем, или оказались за решеткой, или вынужденно скрывались в глубоком подполье.

Города Дальнего Востока тоже так и не собрались прислать своих делегатов в Томск. От Владивостока и Хабаровска нужно было потратить не одну неделю на дорогу туда и столько же ехать обратно**. Но не только в дорожных неурядицах скрывалась причина неявки, благовещенские областники-федералисты, эти «амурские

*Выбор молодого *Неслуховского*, не томича и даже не сибиряка (человека, и года не прожившего в Сибири), на столь ответственную должность выглядел бы довольно странно, если не учесть, однако, того факта, что студент Неслуховский был, во-первых, что называется столичной штучкой, а во-вторых, кажется, родственником, если вообще не сыном, известного в России масона К.Ф. Неслуховского. Для приверженцев теории жидомасонского заговора и влияния мировой закулисы – повод для серьёзных подозрений, кажется, более чем достаточный.

**Дело в том, что в тот период Транссибирская железнодорожная магистраль страдала не только от нехватки исправного подвижного состава, но и из-за элементарных снежных заносов, которые некому было расчищать. Раньше это делали за плату крестьяне близлежащих сёл и деревень, но в постреволюционное время они начали отказываться выполнять прежнюю работу, поскольку деньги их уже мало интересовали. Обесценивающихся «фантиков» за продаваемый хлеб и другое продовольствие скопилось на руках у крестьян с избытком, а купить что-либо из промышленных товаров на заработан-

тигры», выдвинули идею собственной дальневосточной автономии, заявив, что *Потанин* им больше вроде как не президент, а Томск не столица*.

О своём неучастии в работе Сибирской областной думы также официально заявили и организаторы киргизо-казахского националистического движения Алаш-Орда. Они известили, что ввиду недавнего постановления общекиргизского съезда в Оренбурге о провозглашении в самое ближайшее время киргизской автономии представители от их национального комитета не смогут принять участия в работе Сибирской думы и что все их помыслы связаны теперь с Семипалатинском, где в то же самое время начинали широкомасштабную деятельность временные органы по управлению Степным краем**. Напротив, представители только что образованного самостоятельного Башкорстана в январе прибыли в Томск, для того чтобы «координировать действия Башкирского и Сибирского правительств» («Сибирская речь», №19 от 25 января 1918 г.).

При этом если вспомнить о том, что ещё не так давно, в декабре 1917 г., двери Областной думы были официально закрыты перед представителями цензовых элементов, а равно с ними и кадетской партии, то получалось, что количественный и качественный состав сибирского предпарламента по сравнению с предыдущими областными форумами предстал в сильно урезанном виде. Всё вышеперечисленное дало повод некоторым скептикам охарактеризовать Думу как очередное «эсеровское сборище». В их числе, например, оказалась и влиятельная газета омских кадетов «Сибирская речь», которая назвала тогдашнюю Сибирскую областную думу ещё одной «социалистической затеей».

Однако, как любят говорить у нас на востоке, собака лает, а караван всё равно идёт. Так что худо-бедно, но 118 делегатов к 24 января, тем не менее, удалось в Томске собрать, назначив на пятницу 26 января торжественное открытие Сибирской областной думы. Активное участие в приёме, в размещении и, в целом, в обеспечении условий для плодотворной деятельности съезжавшихся депутатов приняли, нужно отдать им должное, члены Томской губернской земской управы во главе с *Николаем Ульяновым* и *Михаилом Рудаковым****. Прибывавших делегатов определяли для проживания главным образом в общежитие духовной семинарии. Кто-то по приезду в Томск останавливался у своих родственников или знакомых, ну а «избранные» селились, как и прежде, в номерах некоторых томских гостиниц, в том числе в «России» и в «Европе».

Однако вскоре случилась ещё одна напасть (и тут уж – точно – как бы не пропасть). 17 января столичная главная большевистская газета «Правда» выступила с резкой статьёй в адрес декабрьского Сибирского областного съезда, «выбравшего “сибирское правительство”, распределившего министерские портфели» и пр., отнеся

ные дензнаки стало практически невозможно. Заставить же силком выполнять дорожную повинность в революционном году уже было достаточно проблематично.

*Некоторые источники утверждают, что благовещенские федералисты были не так уж и страшны, как их порой «малюют». Они-де хотя и выступали за автономию Дальнего Востока, однако полагали её всенепременно только в рамках единой Сибирской федеративной республики, правда, максимально независимой от России.

**Однако их расчёты оказались крайне преждевременными, ибо советская власть вскоре «открыла сезон охоты» на членов буржуазно-националистической партии Алаш-Орда, в результате чего значительная часть её руководства была арестована, а сама партия распущена.

***_Рудаков_ сам являлся членом Думы от Томского губернского земства. Ещё одним лимитированным делегатом от этого же земства был *Юсуф Саиев*.

эти действия в разряд контрреволюционных, «сродни калединскому выступлению». Под данное определение естественным образом также попала и Областная дума. Отмашка, что называется, была дана, и тут началось. В Томск из Омска срочно прибыл председатель Западно-Сибирского совета рабочих и солдатских депутатов *Николай Яковлев*, а из Иркутска – специальный представитель Центросибири *Георгий Соболевский*. (Оба ещё недавно являлись членами Томского совета рабочих и солдатских депутатов.)

Буквально за несколько дней из разных городов Сибири от местных советов в адрес Томского исполкома организовывается поток телеграмм с категорическим требованием – пресечь попытку контрреволюции под видом автономии Сибири, организовать наступление против советской власти. А 24 января по прямому проводу к Томскому совдепу обратился председатель Центросибири *Борис Шумяцкий* с не менее категоричным предложением – немедленно произвести аресты среди наиболее видных членов Сибирской областной думы и Сибирского областного совета, указав, что «каждый день пребывания на свободе этих лиц налаживает единый фронт сибирской контрреволюции с иностранными интервентами в их борьбе против власти Советов».

Первым из членов Областной думы накануне 26 января был арестован *Юсуф Саиев*. Его задержали в здании губернской земской управы во время обыска, проводившегося красногвардейцами на основании распоряжения губернского исполкома. В управе в тот день большевики искали оружие, якобы приготовленное эсерами и меньшевиками для вооруженного выступления. Действительно, у земцев имелся некоторый запас винтовок, предназначавшийся для вооружения отрядов милиции. Прибывшие с обыском большевики потребовали сдать это оружие. После отказа предоставить им ключи от подвального помещения они взломали замки и полностью конфисковали хранившиеся там в аккуратно упакованных заводских ящиках винтовки (625 американских «винчестеров»), а также патроны к ним. Попутно за отказ добровольно выполнить распоряжение властей и был арестован член Томской губернской земской управы и одновременно депутат Сибирской областной думы *Юсуф Саиев*.

По мере развёртывания ничего хорошего не предвещавших мероприятий в кулуарах Сибирской думы стали циркулировать слухи о скором аресте членов Областного совета и о роспуске самой Думы. В связи с чем эсеровская фракция срочно подготовила текст специальной декларации на тот случай, если Сибирской думе, как и Всероссийскому Учредительному собранию, не дадут поработать в свободном режиме. Декларацию планировалось огласить на первом же заседании, ещё до того, как сибирский предпарламент будет распущен. Однако даже этого осуществить не представилось возможным, поскольку большевики столь опасный для них, как они посчитали, оппозиционный форум открыть сибирякам так и не позволили.

2. Разгон большевиками Сибирской областной думы

Редкостный дурак, но, если выходит из себя, становится очень опасен.
Акира Куросава. Телохранитель

24 января 1918 года. Телеграмма Томскому совету. «От имени Центрального исполнительного комитета советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов всей Сибири передайте томским областникам нижеследующий меморандум: Центральный комитет советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов самым решительным образом будет бороться с попыткой кучки буржуазной интеллигенции объявить себя правительством Сибири. Исполнительный комитет поставит на ноги все силы советской демократии Сибири, чтобы беспощадно смести жалкие попытки сибирской буржуазии узурпировать народную власть... Председатель Центрального комитета советов всей Сибири солдат *Борис Шумяцкий*» («Знамя революции», №3 за 1918 г.).

26 января Президиум исполнительного комитета Томского совдепа объявил Сибирскую думу распущенной, а её членов «подлежащими аресту и преданию суду революционного трибунала по обвинению их в организации власти, враждебной рабочим и крестьянским советам». В первую очередь «подлежали аресту» члены Сибирского областного совета, явившиеся непосредственными организаторами так напугавшего большевиков главного областнического мероприятия того политического сезона. Поэтому в постановлении Томского исполкома отдельным пунктом предписывалось:

«На основании постановления Центрального исполнительного комитета советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов всей Сибири.... Все местные Советы должны принять меры к задержанию следующих лиц:

1) Александра Ефремовича Новосёлова;

2) Дмитрия Григорьевича Сулима;

3) Александра Александровича Сотникова;

4) Юсуфа Раадовича Саиева;

5) Евгения Васильевича Захарова;

6) Сергея Андреевича Кудрявцева;

7) Ивана Степановича Юдина.*

Президиум исполкома Томского совдепа, 26 января 1918 г., г. Томск».

Дата 26 января – не случайна, так как на этот день, как уже мы указывали, было назначено открытие и первое заседание Сибирской областной думы.

Операция по разгону СОД проводилась отрядами томской Красной гвардии под общим руководством прибывших в город специальных комиссаров *Николая Яковлева* и *Георгия Соболевского*, а также председателя Томского губернского исполкома *Алексея Беленца*.

**Иван Юдин*, а также *Сергей Кудрявцев* не являлись членами Областного совета. *Кудрявцев*, правда, входил в состав военного отдела Совета, но за *Юдиным* даже и этого «греха» не числилось. Однако оба они ещё до 25 января были избраны в состав бюро эсеровской фракции Областной думы. Возможно, именно последнее обстоятельство и сыграло решающую роль в том, что *Кудрявцева* и *Юдина* включили в список главных «заговорщиков», подлежащих немедленному аресту.

В ночь на 26 января здание Томской духовной семинарии, где располагалось временное общежитие для членов Сибирской областной думы, было оцеплено взводом солдат-красногвардейцев. Вот что о тех событиях писала известная тобольская областническая газета «Сибирский листок» (№11 за 18 февраля 1918 г.). Приводим цитату не дословно, но близко к тексту. Между одним и двумя часами ночи на 26 января в здание духовной семинарии, в общежитии которой находилось человек 16 приезжих депутатов Областной думы и съезда представителей земельных комитетов, явились более двух десятков солдат с винтовками. Они предъявили постановление исполкома о роспуске Думы. После этого депутатов под конвоем отправили на вокзал и утром по железной дороге доставили на узловую станцию Тайга, где им объявили, что, согласно распоряжению Томского исполкома, аресту подлежат только члены Сибирского областного совета, а всем остальным приказано поскорее разъехаться по своим местам. После того как вооруженный отряд удалился вместе с взятыми под стражу членами Думы, у здания духовной семинарии большевики оставили засаду с приказом: задерживать до выяснения всех без исключения прибывающих лиц.

Михаил Рудаков, непосредственный свидетель тех событий, указывал, что всего в ночь на 26 января в Томске было арестовано около 40 человек членов Думы, что их действительно сразу же вывезли на станцию Тайга, после чего часть депутатов отпустили по домам, а остальных под конвоем сопроводили в Красноярск и передали в местную губернскую тюрьму («Сибирская речь», №31 за 5 июля 1918 г.). Причём среди последних оказались не только члены Областного совета, но и простые, что называется, рядовые члены Думы. Из состава Областного совета в сети большевиков попались тогда только *Патушинский* и *Шатилов*, а также член военного отдела Совета *Юсуф Саиев*, арестованный, как мы рассказывали выше, ещё накануне всех этих событий. *Шатилова*, по всей видимости, задержали у него на квартире по переулку Нечевскому-22*. *Патушинского* же, что точно известно, арестовали в его номере в гостинице «Европа».

Здесь же в «Европе», были взяты под стражу и два видных новониколаевских эсера, также члены Сибирской думы: *Николай Жернаков* (руководитель Новониколаевского уездного земства) и Афанасий Соболев (кооперативный деятель)**. Нагрянули с обыском в ту ночь и в гостиничный номер секретаря Облсовета *Валериана Моравского*, конфисковав у него всю переписку и документацию Совета, однако самого его в ту ночь почему-то не арестовали. В то же самое время красногвардейцы произвели обыск и на квартире управляющего делами *Евгения Захарова*, которого, к счастью, на месте не оказалось, так что задержать его не удалось, хотя на это у людей, производивших розыск, имелся соответствующий ордер***.

*Буквально в двух шагах от переулка Нечевского находилась улица Преображенская, нынешняя Дзержинского, где проживала довольно значительная часть томской научной интеллигенции, в том числе и члены Потанинского кружка, однако, как ни странно, никого из них в ту ночь даже не потревожили.

**Соболев, по всей видимости, был через несколько часов отпущен и со станции Тайга уехал в Новониколаевск, *Жернакова* же доставили под конвоем в Красноярск.

***По некоторым сведениям, *Захаров* ещё в конце декабря или в самом начале января по заданию Областного совета выехал на Дальний Восток для связи как с местной оппозицией, так и с представителями иностранных дипломатических миссий. По той же причине избежал тюремного заключения и упомянутый в «арестантском» списке *Александр Новосёлов*, который, как нам известно, в соответствии с распоряжением всё того же Областного совета в начале января отбыл в Киев на совещание, организованное украинскими сепаратистами. Согласно документам Областного совета, 20 декабря*Захаров* получил, по всей видимости, именно на нужды своей политической командировки от Томского правления

Удалось избежать ареста и «преступнику» №1, врио председателя Областного совета *Дерберу*. Он проживал в гостинице «Россия», и когда туда пришли большевистские особисты, то его уже там, как говорится, и след простыл. Не удалось найти в ту ночь и объявленных во всесибирский розыск члена Областного совета *Сергея Кудрявцева* (также являвшегося ещё и председателем Центрального исполнительного комитета Всесибирского совета крестьянских депутатов) и *Ивана Юдина*. Достаточно опытные в прошлом нелегалы, они, видимо, без особого труда смогли раствориться в среде многочисленных томских одно или двухэтажных дворовых усадеб.

А вот не имевший опыта революционного подполья и ещё года не проживший в Томске профессор *Сергей Никонов,* председатель экономического отдела Областного совета, ничего не смог противопоставить разыскивавшим его «опричникам». Его и *Юсуфа Саиева* – двоих из всей «компании» арестованных – оставили для дальнейшего разбирательства в Томске и держали ещё некоторое время в одной из местных тюрем*. Остальные же арестованные той ночью (к ним добавился ещё и намеченный предварительными совещаниями в председатели Думы *Иван Якушев*) были под конвоем отправлены в Красноярск, в большевистскую твердыню Сибири, цитадель регионального «демократического централизма»**.

Всего в Красноярскую губернскую тюрьму 27 января, по нашим расчётам, поступило 16 человек. Первым из этого списка уже в феврале или начале марта получил свободу *Михаил Шатилов*. За него лично поручились члены Томской городской думы большевики *Владимир Бахметьев*, *Нестор Калашников* и *А.А. Азлецкий*. При освобождении *Шатилову* поставили условие: безвыездно до окончания следствия находиться в Томске и являться на допросы по первому требованию. 26 марта из красноярской тюрьмы, по распоряжению Томского революционного трибунала, за которым, собственно, и числились все арестованные члены Областной думы, были освобождены ещё 13 человек***. *Григорий Патушинский* и *Иван Якушев* вышли на свободу уже в ходе июньского антибольшевистского восстания****.

В том, что почти все организаторы созыва Областной думы оказались вскоре на свободе, проявилась не только революционная гуманность большевиков, но и сказались, по всей видимости, те протестные мероприятия, которые прокатились по разным городам Сибири сразу же после того, как была разогнана Сибирская дума. Так,

---

союза кооперативов 25 тысяч рублей (около четырёх миллионов на наши деньги). А *Новосёлов* 23 декабря – от того же спонсора – 10 тысяч рублей (ГАТО. Ф. 1362, оп.1, д.212, л.8).

**Саиева* вскоре освободили под поручительство членов Томской губернской земской управы.

**Всего из числа подвергшихся тюремному заключению во время разгона Сибирской областной думы нам удалось определить по разным источникам («Знамя революции», «Путь народа», «Дело рабочего», «Алтайский луч», «Сибирский листок» и др.) 25 фамилий. Для кого-то эти сведения могут представить определённый интерес, поэтому огласим, что называется, весь список: З.А. Гончаров, И.А. Величков (Величко), Ф.И. Винокуров, П.А. Гриневич, Дашханов, И.С. Дурхисанов, Ф.Ф. Емельянов, *Н.Е. Жернаков*, Кареев, М.И. Коробков, П.П. Косогор, С.М. Мелентьев, А.Д. Монетов, *С.П. Никонов*, *Г.Б. Патушинский*, Петров, А.Т. Плахин, *Ю.Р. Саиев*, А.Г. Соболев, П.Н. Соловьёв, Стасий, *А.Ф. Тимофеев*, П.П. Усырев, *М.Б. Шатилов* и *И.А. Якушев*.

***Величков (Величко), Гриневич, Дурхисанов, *Жернаков,* Коробков, Косогор, Мелентьев, Монетов, Петров, Соловьёв, Стасий, Тимофеев, Усырев, («Алтайский луч», №49 за 1918 г.).

****Патушинский* должен был быть освобождён ещё в конце мая. Такого решения от Томского трибунала 18 мая добились ходатайствовавшие за Григория Борисовича известные в городе правые эсеры Александр Дистлер и *Евгений Яницкий*, а также двоюродный брат заключённого, близкий к большевикам – Александр Патушинский. Но эта договоренность не успела вступить в законную силу, так как буквально через несколько дней в Сибири начался антисоветский вооруженный мятеж.

проходивший во второй половине января в Томске губернский крестьянский съезд высказался категорически против ареста двух своих делегатов: *Шатилова* и Кареева. Точно такой же протест по поводу задержания избранных представителей (Стасия, Соловьёва, Петрова и Косогора) высказал и областной крестьянский совет Семипалатинска.

В томской эсеровской газете «Путь народа» в конце января появился ежедневный призыв на весь внутренний разворот: «Трудящиеся! Советы! – Все на защиту Сибирской трудовой областной думы».

27 января национальные организации многих городов Сибири получили из Томска от фракции национальностей Думы и от национального отдела Областного совета телеграмму, в которой этим организациям предлагалось незамедлительно «выразить поддержку Областной думе и грядущему Сибирскому Учредительному собранию», а «резолюции, принятые на митингах и собраниях, немедленно сообщать телеграфом Областной думе». («Омский вестник», №21 от 27 января за 1918 г.) А *Дмитрий Сулим*, объявленный в Томске в связи с разгоном Думы в розыск, провёл в Омске объединённое заседание всех городских национальных комитетов, на котором сделал подробный доклад о проделанной членами Областного совета и предварительных комиссий Сибирской думы плодотворной работе.*

28 января в здании библиотеки Томского университета состоялось очередное собрание представителей учащейся молодёжи города. На нём присутствовало около 2 тысяч человек, и были приняты две резолюции. Первая осуждала разгон Сибирской думы, а вторая одобряла план по созданию забастовочного комитета, к работе в котором, кстати, намеренно не допустили членов кадетской партии. Последние, однако, несмотря на продолжавшийся остракизм в отношении их политической организации, выразили готовность вместе со всеми участвовать в намечавшейся забастовке по поводу разгона большевиками Сибирской областной думы.

На заседании Томской городской думы 30 января правые эсеры предложили принять резолюцию-ультиматум по поводу роспуска Сибирской думы, но данный вопрос повестки дня тут же заблокировали большевики. Подобные акции протеста прошли и в других городах. Но на этом, к сожалению, всё и закончилось, правые эсеры, став в революционном году самой массовой партией в России, тут же начали превращаться из бесстрашных бойцов народного фронта в обыкновенных краснобаев пустопорожней митинговщины. Большевиков же в тот период отличали качества несколько противоположного характера.

После того как ночью 26 января были произведены аресты главных «заговорщиков», томские власти конечно же нисколько не успокоились на достигнутом и наступившим утром следующего дня произвели выемку всей документации Временного Сибирского областного совета, а также предварительных комиссий Сибирской об-

---

*Летом во время антисоветского мятежа, *Сулим* с оружием в руках будет защищать власть большевиков и погибнет вместе с товарищем *Суховым* в Алтайских горах. Известный комментатор тех событий, историк эмиграции Сергей Мельгунов (то ли историк, то ли истерик, по замечанию *В. Чернова*) увидел в поведении *Дмитрия Сулима* некое странное противоречие. Но никакого парадокса, на наш взгляд, там не было. И в январе, и летом 1918 г. Дмитрий Григорьевич, как левый эсер, отстаивал идеалы социальной демократии. Сначала он боролся с произволом в отношении Сибирской областной думы, названной некоторыми, как нам уже известно, чисто социалистическим проектом, а потом ту же социальную демократию, от посягательств, в том числе, и контрреволюции, он защищал в рядах Красной армии. И всё... и никого противоречия, пожалуй, тут нет.

ластной думы. Так в 9 часов утра в университетскую библиотеку вошли 30 вооруженных солдат-красногвардейцев под начальством студента третьего курса юридического факультета университета большевика Купера, кудрявого и чернявого (именно так – полунамёком, видимо, из предосторожности, называли тогда большевиков еврейской национальности), одетого также в солдатскую форму. Заняв караулом все входы и выходы из здания и заблокировав свободный доступ к единственному в библиотеке телефону, красногвардейцы стали задерживать всех находившихся здесь и вновь прибывающих сюда лиц, среди которых оказались не только служащие канцелярии Областной думы, располагавшейся в служебных помещениях библиотеки, но ещё и сотрудники этого учреждения, а также студенты и преподаватели местного университета.

Всего задержанных в то утро оказалось почти пятьдесят человек. Большинство из них после тщательной проверки документов тут же освободили. Главное внимание красногвардейцы уделили, конечно, обыску помещений канцелярии Думы, в ходе которого они полностью конфисковали все документы и переписку сибирского предпарламента, так и не начавшего свою работу. Вместе с этими материалами ими было изъято и два революционных красных знамени: одно – эсеровское, с надписью «Земля и Воля», второе – местного губернского совета крестьянских депутатов. А несколькими часами ранее при обыске помещений общежития духовной семинарии точно так же оказалось «под арестом» и бело-зелёное знамя сибирских областников.

За эту акцию по осмотру и закрытию канцелярии Сибирской думы, проводившуюся по распоряжению Томского губернского исполкома, член студенческой большевистской фракции Купер в феврале месяце студенчеством Томска был вызван на товарищеский суд. Однако по настоянию своих товарищей по фракции он отказался предстать перед студенческой «Фемидой», мотивируя данное решение тем, что, тогда, в январе, действовал не по собственной прихоти, а по распоряжению законной власти.

3. Нелегальное заседание членов Думы. Выборы ВПАС

Дальнейшее развитие «сыскная компания» томских властей получила через три дня – 29 января, – когда значительные силы томских красногвардейских ополченцев были брошены на поиски фактически одного человека – *Пинкуса Янкелевича Дербера*, председателя Сибирского областного совета, а с недавних пор ещё и премьер-министра Временного правительства автономной Сибири. Причём на этот раз большевики подошли к делу гораздо тоньше и стали искать Петю Маленького (как иногда в шутку величали *Дербера*) не в гостиничных номерах с девицами, а по старым эсеровским явочным квартирам.

Так, уже глубокой ночью в дом гласного Томской городской думы Александра Дистлера (старшего брата известного нам уже по иркутским событиям *Василия Дистлера*) явилась группа красногвардейцев во главе с самим председателем губернского революционного трибунала *Исаией Нахановичем* и предъявила ордер на обыск. Квартира горного инженера Дистлера ещё при царском режиме частенько являлась спасительным пристанищем для революционеров-нелегалов, и об этом очень хорошо знал *Наханович*, поскольку он сам, а также и некоторые его товарищи-больше-

вики до февраля 1917 г. неоднократно пользовались гостеприимством Александра Дистлера, скрываясь от преследования властей. Так что *Наханович*, бывший гонимый, сам теперь превратившийся в гонителя, решил вновь воспользоваться старыми, проверенными связями, но только на сей раз уже с совершенно другим расчётом. Ну как тут в очередной раз не вспомнить ставшее уже почти поговоркой толстовское: «…всё смешалось в доме Облонских»...

Однако ни на квартире Дистлера, ни на других известных эсеровских явках *Дербера* обнаружить так и не удалось, Петя «Кнопка»* бесследно исчез. Чем же, спрашивается, был вызван такой ажиотаж вокруг его достаточно посредственной, на первый взгляд, персоны, ажиотаж, заставивший томских большевиков и подручных им красногвардейцев рыскать по всему городу в самые что ни на есть лютые январские морозы?.. И ещё один вопрос вдогонку: а кто мог предположить, что председателем правительства автономной Сибири станет в конце января 1918 г. не *Потанин*, и даже не кто-либо из его ближайшего окружения, а – мало кому известный в Сибири одесский еврей тридцатилетний *Пинкус Дербер*?.. Как нам представляется, ответы на эти два вопроса чем-то между собой обязательно связаны.

Оставшиеся на свободе члены Сибирской областной думы, серьёзно опасавшиеся ареста, но пока ещё не сломленные произволом, решили, что им, несмотря ни на что, всё-таки следует продолжить свою работу и таким образом исполнить то, ради чего они по большому счёту, собственно, и собрались с таким трудом в те непростые январские дни в Томске, – объявить, наконец, о себе как об альтернативной власти в условиях большевистской диктатуры. Решено было, во-первых, составить обращение к нации, то есть к сибирякам, а во-вторых, провести выборы Временного Сибирского правительства с представительством всех демократических сил, но на этот раз уже без какого-либо участия со стороны большевиков.

«Декларацию Сибирской областной думы» без особого труда 27 января составила группа эсеров во главе с тем же самым *Дербером*, причём текст её в чём-то повторял положения, принятые Всероссийским Учредительным собранием под диктовку правоэсеровского большинства во главе с *Виктором Черновым*, представителем и руководителем так называемого центристского направления в эсеровском движении, отстаивавшего в отличие от откровенно правых из группы *Авксентьева*, Зензинова и др. принципы полной ликвидации частной собственности, в том числе и на землю, то есть сугубо социалистические постулаты, невольно, кстати, сближавшие черновцев с большевиками. Но это в теории...

Составленную таким образом «Декларацию» надо было как-то довести до сведения остальных, ещё остававшихся в Томске членов Областной думы; нуждался в утверждении и состав нового Сибирского областного совета, намеченный ещё в период работы предварительных частных совещаний. При этом во время обсуждения подготовительных решений по второму вопросу возник серьёзный спор. Одна часть депутатов предлагала, как и планировалось изначально, утвердить лишь обновлённый и расширенный состав нового Областного совета, другие же высказались за то, чтобы перепрофилировать Облсовет во временное правительство. В таком случае, как считали инициаторы данного проекта, становилось возможным убить сразу как

*Чрезвычайно маленький рост *Петра Дербера* значился даже как особая примета в секретных досье царской охранки, отсюда и это обидное прозвище, данное *Дерберу,* по всей видимости, там же – в жандармском отделении полиции.

бы двух зайцев. Во-первых, самоутвердиться в глазах сибирской общественности, создав орган, имеющий полномочия исполнительной власти, а во-вторых, бросить вызов (возможно, вполне реальный вызов) диктатуре большевиков. В конечном итоге решили принять за основу всё-таки второй вариант – выбрать Временное правительство автономной Сибири. Теперь, что называется, оставалось дело за малым – в условиях жесточайшей конспирации провести где-то общее собрание тех немногих членов Сибирской думы, которые ещё оставались в Томске и смогли, самое главное, избежать ареста. Но и с этим тоже, однако, вскоре вполне определились.

У нас, к сожалению, пока нет однозначно достоверных сведений о том, где и когда точно состоялась «тайная вечеря» сибирских думцев. Данные о проведённом в условиях предельной конспирации мероприятии совершенно разнятся между собой, причём даже в свидетельствах самих участников тех событий, не говоря уже о выкладках многочисленных комментаторов. Так что остаётся только гадать – где и каким образом всё это происходило на самом деле. Дату того заседания относят предположительно к 27–29 января. Также известно, что проходило собрание вроде бы как глубокой ночью, когда большинство жителей Томска и, главным образом, новые советские власти уже должны были крепко спать, так, чтобы никто и никоим образом не в состоянии оказался помешать работе нелегального совещания.

Теперь, если угодно, немного подробнее о дате (датах) тайного собрания. *Александр Адрианов* указывает в одной из газетных публикаций на 27 января («Сибирская речь», №79 от 3 августа за 1918 г.), эту же дату называет и томская «Народная газета» (№8 за 9 июля 1918 г.) в сообщении о декларации Временного Сибирского правительства (группы *Вологодского*). На 28 января то же самое событие относит официальное извещение ВПАС (группы *Дербера*), опубликованное в июле в связи с всесибирским антибольшевистским восстанием. Ту же дату – 28 января – приводит и томское «Знамя революции» (№61 за 1918 г.). *Иван Якушев* в своей знаменитой статье «Очерки областнического движения» называет даже точное время – 9 часов вечера 28 января. *Михаил Курский*, член Сибирской думы, также находившийся в конце января в Томске, но не участвовавший в том заседании, писал («Голос Приморья» за 3 июля 1918 г.), что оно произошло в ночь на 29 января. А его тёзка *Михаил Рудаков*, противореча всем, но одновременно и подтверждая каждое из имевших место заявлений, утверждал, что депутаты тайно сходились не один, а целых три раза подряд – с 27-го по 29 января, пока, наконец, не собрали хотя бы относительный кворум в 70 человек («Сибирская речь», №31 от 5 июля 1918 г.).

Так что – вот так – не знаешь, кому и чему верить. Вместе с тем большинство комментаторов, в том числе и современных, всё-таки склоняются к дате ночного заседания 29 января. Однако, если учесть то обстоятельство, что большевики устроили новую охоту на только что избранного председателя Сибирского правительства *Петра Дербера* именно вечером 29 января, можно предположить, что, по крайней мере, правительство было выбрано немного раньше. Но это всего лишь наши предположения, которые возможно будет окончательно подтвердить или опровергнуть только в том случае, если вдруг найдутся протоколы того исторического ночного заседания. А такие записи велись, известна даже фамилия человека, который вёл данные протоколы. Им являлся некто Т.В. Бутов, эсер из числа так называемых пришлых.

Теперь что касается места проведения ночного заседания членов Сибирской областной думы. Здесь данные также чрезвычайно разнятся между собой. Одни свиде-

тельства утверждают, что оно проходило ночью в помещении Томской уездной земской управы, другие – что в здании губернской продовольственной управы, третьи сообщают, что нелегальное собрание проводилось где-то на частной квартире. Таким образом, и над этим вопросом также приходится только гадать, подкрепляя наши умозаключения лишь некоторыми логическими выкладками, которые, как известно, не всегда бывают до конца верными.

Так вот, на основании несложных рассуждений можно, как нам представляется, первые два варианта всё-таки исключить полностью, поскольку маловероятно, чтобы тайное совещание проводилось в помещениях государственных учреждений ночью. В это время суток там наверняка находились сторожа или уборщицы, а может быть, и ещё какие-нибудь «посторонние» люди, среди которых, чего греха таить, вполне могли найтись законопослушные граждане, приученные к доносительству и т.п. вещам. Другими словами, проводить нелегальное мероприятие в столь людных даже ночью местах вряд ли бы стали эсеры, знавшие толк в тайной конспирации. К тому же помещения продовольственной управы, например, находились в здании (оно сохранилось) бывшего магазина купца Горохова, которое располагалось на Базарной площади (ныне площадь имени Ленина), как раз напротив городского управления милиции. В общем, задумка, конечно, может быть, была и оригинальная, но, однако, – слишком уж рискованная. Так что вряд ли тайное заседание членов Областной думы могло проходить ночью в продовольственной или уездной земской управе. Поэтому и остаётся, на наш взгляд, один лишь верный, то есть наиболее приемлемый вариант с частной квартирой, где-нибудь в тихом и далёком от посторонних глаз городском переулке.

Хотя... всё могло быть совсем даже и наоборот. Если объединить все многочисленные и разнящиеся, казалось бы, между собой сообщения очевидцев тех событий, то получится вот какая картина маслом. Во-первых, заседания небольшой группы оставшихся на свободе и не покинувших Томск членов Сибирской думы, возможно, и могли проходить в помещениях госучреждений, то только... в светлое время суток. Достаточно много народа приходило днём как в уездную земскую управу, так и в продовольственную, так что среди них вполне могли затеряться и укрыться от «всевидящего глаза» два-три и даже четыре десятка думских депутатов. А для того чтобы окончательно сбить с толку большевистских ищеек, заседания могли проводиться в укороченном режиме и поэтапно: сначала днём в одном здании управы, на следующий день – в другом, а потом – и на частной, конспиративной, квартире (ночью). Таким образом, окажутся близкими к истине и те, кто утверждал, что тайное собрание членов СОД проходило 27 января, и те, кто относил его к 28 или к 29 числу, а также – *Михаил Рудаков*, свидетельствовавший в пользу трёх растянутых на несколько дней собраний. Вероятно, эти очевидцы вспоминали и описывали время и место того из трёх совещаний, в работе которого он лично принимали участие или о котором просто слышали от своих товарищей. Вполне возможно, на наш взгляд, допустить и такое.

Теперь, собственно, то, что касается сути произошедшего во многом судьбоносного мероприятия. Здесь тоже всё не так просто. По словам упоминавшегося уже нами члена Сибирской думы *Михаила Курского* («Голос Приморья» за 3 июля 1918 г.), это заседание (или заседания) предваряли очередные трудные консультации по поводу состава планируемого правительства. Группа областников во главе с *Потани-*

ным и Адриановым предложила собственный список кандидатов на министерские посты, в котором фигурировали, в том числе, и фамилии людей, по большей части действительно имевших отношение к областническому движению Сибири, причём уже достаточно продолжительное время. Эсеры же, напротив, что также вполне естественно, намеревались провести на руководящие должности побольше своих представителей, среди которых было достаточно много людей, что называется, пришлых и мало известных широкой сибирской общественности.

Не представляется возможным, к сожалению, выяснить до конца точно – кто и кого конкретно предлагал; мы знаем только лишь результат, имевшей место быть, так называемой «подковёрной борьбы», то есть окончательный состав правительства, названного позже Временным правительством автономной Сибири (сокращённо ВПАС). Причём надо отметить, что списочный состав первого сибирского областного кабинета министров вполне достоверно и без каких-либо разночтений дошёл до нас почти в документальном виде. По сути, это единственный подлинник из всего того, что мы имеем на сегодняшний день, так сказать, на вооружении в наших научных, а также и околонаучных студиях, по поводу тех январских событий.

Однако, прежде чем поговорить о составе первого Сибирского правительства, хотелось бы сказать ещё вот о чём. Как вспоминал всё тот же *Курский*, потанинский список министров обнародовал на заседании членов Думы читинский областник *Михаил Колобов*. Остальные же члены Потанинского кружка, по версии *Курского*, провели ту ночь вне стен тайного собрания в напрасном ожидании, что им сообщат о месте его проведения, но так и не дождались. Так что *Колобову* пришлось сражаться за потанинский список фактически в единственном числе, а один, как известно, в поле не воин. Ведущие же сибирские областники вообще лишились возможности высказать своё мнение по поводу конструкции исполнительной власти, а также по персональному составу Временного правительства. Такова версия *Михаила Курского*.

Несколько разнятся с ней воспоминания о тех событиях члена Потанинского кружка *Александра Адрианова*. В «Сибирской жизни» (№95 за август 1918 г.) он писал о том, что члены фракции областников Сибирской думы были прекрасно осведомлены о времени и месте последнего решающего совещания своих коллег-депутатов, но отказались принять в нём участие, поскольку посчитали это собрание в силу отсутствия на нём кворума* неправомочным решать столь важный вопрос, как выборы правительства автономной Сибири. Хотя, с другой стороны, может быть, *Адрианов*, а также другие члены фракции областников оттого и не явились на собрание, что не захотели своим присутствием обеспечивать для протокола численную легитимность «совещанию эсеров». К тому же на том собрании, по словам *Адрианова* (что, кстати, подтверждают и другие источники), присутствовала лишь половина из числа избранных в итоге министров, что являлось далеко не безупречным моментом не только с

*По опять-таки чрезвычайно разнящимся данным, на том собрании присутствовало от 20 (у кадета *Гинса*) до 70 (у эсера *Рудакова)* человек из числа депутатов разогнанной Сибирской думы. *Александр Адрианов* считал, что в выборах Сибирского правительства участвовало всего 36 человек («Сибирская жизнь», №95 за август 1918 г.), *Иван Серебренников* в «Воспоминаниях» приводит цифру в 56 депутатов, *Михаил Курский*, в упоминавшейся уже нами статье, – 47, красноярская газета «Свободная Сибирь» (№138 за 1 ноября 1918 г.) также настаивает на числе 47, а иркутский «Свободный край» (№56 за 3 сентября 1918 г.) каким-то образом насчитал 45 депутатов. Полковник *Глухарёв* в своём докладе указывал, что на ночном заседании членов Сибирской областной думы присутствовали 57 человек. В любом случае, даже при самом оптимистическом раскладе, количество собравшихся делегатов действительно явно не дотягивало до кворума, определённого заранее обусловленным минимумом в 90 человек.

точки зрения законности, но и с морально-правовой стороны данного вопроса. Хотя в условиях полного цейтнота так уж ли необходимо было абсолютное соблюдение всех процессуальных норм?.. Таким образом, надо признать, что сибирские областники в лице её ведущей томской группы изначально заняли по отношению к избранному в январе правительству настороженную, если не сказать – враждебную позицию. И это несмотря даже на то, что Потанинскому кружку (читай: автономистам) также удалось провести в министры Сибирского правительства нескольких своих представителей. Но, видимо, им хотелось чего-то большего...

Сами же эсеры, а также и другие их товарищи по «несчастью» тоже вполне определённо осознавали, что собрание незначительной части депутатов Думы не вполне легитимно. Но одновременно с этим они также понимали и то, что всякие дальнейшие отсрочки могут вконец сгубить ситуацию, и в плане окончательной потери ими политического веса, и в плане дальнейшего ухудшения ситуации с большевистскими экспериментами, могущими, как многие тогда полагали, довести страну до окончательной гибели и даже до раздела части её территории между Германией и Австрией, а также ещё – и странами Антанты в качестве компенсации за односторонний выход России из войны, за долги царского правительства и пр.

Таким образом, для сибирских политиков наступил момент истины.

Одним из мемуаристов, кто описал это заседание, но, правда, всего лишь в нескольких предложениях (однако, и на том большое спасибо), является *Георгий Гинс,* член кадетской партии. Сам он на нём не присутствовал, его даже не было тогда в Томске, поэтому *Гинс* воспроизвёл происходившее, по всей видимости, лишь по воспоминаниям знакомых ему очевидцев, а может быть, и просто, что называется, понаслышке: ведь бывает же и такое не только у историков, но даже и у мемуаристов. Представил он нелегальное депутатское собрание точно так же, как и *Александр Адрианов*, преимущественно в «багровых тонах»; написал о том, в частности, что имена кандидатов в министры якобы просто-напросто кем-то негромко выкрикивались по списку и без всякого практически обсуждения и голосования одобрялись. И ещё (почти дословно): «…храбрые заговорщики постоянно прислушивались, не идут ли большевики». Бог судья, как говорится, за такое «воспоминание». Однако, кто знает, как там всё происходило на самом деле?..

Впрочем, совещание оставшихся в «живых» думских представителей прошло в общем тихо и спокойно, никто ни на кого, кажется, особо не давил, и всё потому, что у большинства присутствовавших эсеров не оказалось, собственно говоря, как мы полагаем, никаких серьёзных оппонентов в ту холодную январскую ночь (или день). За исключением, пожалуй, уже упоминавшегося нами, единственного представителя Потанинского кружка, читинца *Михаила Колобова*, который, что называется, в гордом одиночестве и, кажется, не очень активно отрабатывал свой хлеб официального оппозиционера. Все фракции Думы получили, по всей видимости, ровно то количество министерских постов, на которое они могли рассчитывать, учитывая уровень собственного политического влияния на тот момент. Было создано в полном смысле этого слова коалиционное правительство, в которое вошли представители практически всех ведущих революционных партий, за исключением, естественно, большевиков. Так что даже кадеты, которые после скандала на декабрьском съезде никак в общем-то и не рассчитывали вновь попасть в руководящие областнические структуры, добились участия в правительстве очень близкого к их партии человека. Им

оказался известный сибирский железнодорожный инженер *Леонид Устругов* – человек, хотя и официально не числившийся в партии народной свободы, но определённо симпатизировавший то ли её идеям, то ли её руководителям, то ли её покровителям.

Четверых своих представителей провела в правительство фракция национальностей. Три министра –*Виктор Тибер-Петров*, *Элбек Ринчино* и *Гариф Неометуллов* – были делегированы наиболее продвинутыми на тот момент в культурном и экономическом отношении группами автохтонного населения Сибири, соответственно – алтайцами, бурятами и татарами. Ещё один член правительства – *Дмитрий Сулим* – «по справедливости» (как любил говаривать незабвенный Шура Балаганов) представлял малороссов (или украинцев по-современному) – самую многочисленную группу из числа пришлых в Сибирь национальных меньшинств.

Шесть министерских портфелей получили в свои руки представители от фракции областников. Ими оказались: *Пётр Васильевич Вологодский* (почётный гражданин Сибири, поэтому пишем и называем из особого уважения только по имени и отчеству), *Владимир Крутовский, Михаил Колобов, Иван Серебренников, Иван Михайлов и Григорий Патушинский*. Последние двое являлись областниками лишь, как говорится, постольку – поскольку. *Патушинский,* хотя родился и всю жизнь прожил в Сибири, занимался до Февральской революции преимущественно чисто адвокатской практикой, ничего общего не имевшей с автономистским движением. И лишь в конце 1917 г., назначенный на должность прокурора Красноярского окружного суда и переехавший из Иркутска в Красноярск, он сблизился там с кружком енисейских областников во главе с *Владимиром Крутовским*.

Иван Михайлов, и того паче, имел отношение к Сибири лишь в том плане, что родился в Забайкалье, в семье каторжанина, известного революционера-народника. Здесь же он окончил Читинскую гимназию, но потом уехал в Петербург да так там и остался. К областникам он, как и *Патушинский*, примкнул, собственно, лишь в конце 1917 года. Потеряв работу в составе экономического отдела правительства Керенского, разогнанного большевиками, *Михайлов* в декабре занял на некоторое время должность заместителя председателя Петроградского союза сибиряков-областников. В январе он переехал в Омск и точно также, как и *Георгий Гинс,* кстати, устроился на работу в одно из крупнейших сибирских кооперативных объединений под названием «Союз кооперативных объединений Западной Сибири и Степного края» (по-другому «Центросибирь»). Областническое досье *Михайлова*, как мы видим, умещается буквально в несколько предложений. Не смутил никого и возраст кандидата в министры – неполных 27 лет. Однако за него, как за «правоверного» эсера, поручились весьма влиятельные люди, и его кандидатура прошла. Впоследствии выяснилось, что *Иван Михайлов* был такой же эсер, как и областник, то есть – никакой*. Таким образом, по большому счёту интересы непосредственно сибирских автономистов в правитель-

*Поскольку восемь месяцев спустя окончательно перешедший к тому времени в лагерь кадетов *Михайлов* сыграет ключевую роль в событиях, связанных с борьбой правых и левых сил в Сибирском правительстве, то необходимо отметить, что его кандидатуру на пост министра выдвинула в январе именно фракция областников во главе с *Александром Адриановым*. (Ею же был предложен и близкий к политикам правого толка *Устругов* на пост министра путей сообщения.) *Адрианов*, таким образом, тогда, в январе 1918 г., перехитрил *Дербера*, подсунув в правительство как бы «областника» и одновременно «эсера» – *Ивана Михайлова*. Осенью того же года *Иван Михайлов* («Ванька Каин») станет одной из ключевых фигур в кампании по «зачистке» Сибирского правительства от социалистов, а потом – в свержении правительства Директории и передаче верховной власти в руки адмирала Колчака. Вот как далеко, оказывается, забрасывались сети в ту холодную январскую ночь. И вот почему в 1920 г. в череде

стве представляли лишь четверо: *Вологодский, Крутовский, Серебренников и Колобов. Патушинский и Михайлов* были, что называется, чужими среди своих. Тогда как своим (то есть областником) среди чужих выступал, на наш взгляд, представитель фракции эсеров в Сибирском правительстве *Михаил Шатилов*.

От фракции социал-демократов (меньшевиков) в правительство вошли два человека (и оба как бы ещё раз) – алтаец *Виктор Тибер-Петров* и бурят *Элбек Ринчино**.

Ну и, наконец, наибольшее представительство во Временном правительстве автономной Сибири получили члены эсеровской фракции Сибирской областной думы. Ими оказались: *Пётр Дербер, Аркадий Краковецкий, Александр Новосёлов, Николай Жернаков, Евгений Захаров, Сергей Кудрявцев, Михаил Шатилов, Иван Юдин и Валериан Моравский*. Итого – 9 человек.

Это что касается партийной и национальной ориентации членов правительства. Теперь определимся – кто из данного состава являлся уроженцем Сибири, а кто – нет. 13 человек – то есть большая часть – совершенно точно родились в Сибири**, шестеро были из числа приезжих***, место рождения одного – *Юдина* – нам, к сожалению, выяснить не удалось.

Последнее, что необходимо ещё отметить в связи с выборами 27–29 января, – это немного расширенный состав министерств Сибирского правительства. И дело не только в том, что четыре человека получили министерские должности без постов (без портфелей), но и в том, что сибирские думцы учредили сразу три новых министерства, в сравнении с теми, которые имелись, например, в последнем Российском правительстве. В реалиях совершенно особых исторических обстоятельств однозначно необходимыми министерствами оказались: министерство туземных дел и министерство экстерриториальных народностей, а также министерство народного здравия, в Российском Временном правительстве входившие в качестве комитетов по делам национальностей и здравоохранения в министерство внутренних дел.

Причиной таких новшеств, по всей видимости, стали, в первую очередь, конечно же социальные веяния времени. С другой стороны, создание в обязательном порядке двух дополнительных министерств по делам национальностей призвано было обеспечить поддержку правительства со стороны многочисленных малых народностей Сибири****. Что же касается министерства народного здравия, то тут, на наш взгляд, также имелась своя особая подоплёка, состоявшая в том, что на пост министра здра-

---

расправ над приверженцами колчаковского режима видный сибирский областник писатель и журналист *Александр Адрианов* был расстрелян большевиками в числе первых.

*Некоторые исследователи ошибочно полагают, что представителями партии меньшевиков в правительстве Сибирской думы являлись *Юдин и Колобов*. Так, например, считает новосибирский учёный В.В. Журавлёв (Рождение Временного Сибирского правительства //Сибирская заимка, №2 за 2002 г.), совершенно неверно ссылаясь на делегатские карточки участников декабрьского Сибирского областного съезда, видимо, по недогляду, путая народного социалиста *Михаила Колобова* с малоизвестным меньшевиком из г. Камня Николаем Колобовым (внимательнее см.: ГАТО. Ф.578, оп.1, д.1, лл.59 и 60). А левого эсера *Ивана Степановича Юдина* (см. всё те же делегатские карточки декабрьского Областного съезда), вошедшего в Сибирское правительство, ошибочно когда-то приняли и до сих пор принимают, видимо, за депутата II Государственной думы меньшевика Ивана Корниловича Юдина, никакого отношения к Сибирской думе и к её правительству не имевшего.

***Вологодский, Жернаков, Захаров, Колобов, Крутовский, Михайлов, Неометуллов, Новосёлов, Патушинский, Ринчино, Серебренников, Тибер-Петров, Шатилов*.

****Дербер, Краковецкий, Кудрявцев, Моравский, Сулим, Устругов*.

****См., например: Журавлёв В.В. Органы государственной власти сибирской контрреволюции. Сибирская заимка. 2000 г. №1.

воохранения нашлась одна очень достойная и стопроцентно подходящая для столь высокой должности кандидатура. Всё сошлось в этом человеке – и достоинства истинного сибирского областника, и богатый опыт долго практикующего врача, а потом директора фельдшерского училища, вдобавок ко всему у него имелся довольно значительный идейный багаж народного социалиста с дореволюционным стажем. Все вышеперечисленные качества, прямо как на заказ, органично сочетались в одном только человеке по всей необъятной Сибири – во *Владимире Михайлове Крутовском*. Так что, вполне возможно будет предположить, что именно под него и создали и ему как бы преподнесли в награду за его заслуги (или чтобы не претендовал на большее!) пост министра народного здравия*.

И ещё на два решения того исторического заседания (или заседаний) «охвостья» (прямо как во времена английской буржуазной революции) депутатов Сибирской думы следует обратить внимание. В довершение ко всему всё-таки был утверждён в должности председателя Областной думы *Иван Якушев*. Но поскольку он к тому времени уже находился в заключении, ему для ведения неотложных текущих дел подобрали трёх заместителей из состава членов Областной думы (*Сергея Никонова*, *С. Романовского* и *Лазебник-Лазбенко*) и ещё троих человек назначили секретарями Думы (Войтенко, Иванова-Мартынова и *Зиновия Шкундина*).

И, наконец, последнее, что необходимо отметить в связи с главным «мероприятием» тех слушаний, то есть в связи с выборами Временного правительства автономной Сибири, – это как бы наполовину заочный характер состоявшихся назначений. Дело в том, что многие из министров избранного правительства не только не присутствовали на том собрании депутатов, но даже и не знали, что именно их будут избирать и, соответственно, не давали на то официального согласия. В частности, ни *Вологодский*, ни *Крутовский*, ни *Михайлов*, ни *Новосёлов*, ни *Патушинский*, ни *Серебренников*, ни «беспортфельщики» – *Шатилов с Захаровым*, а также, по всей видимости, *Жернаков*, *Сулим и Ринчино* на том заседании не присутствовали. В общем, так получилось, что добрая половина сибирских министров, возможно, абсолютно ничего не ведала о своём избрании вплоть до самого начала антибольшевистского восстания. Вот как описывает ситуацию один из таких «заочников», иркутский областник *Иван Серебренников*: «Я убеждён, что около половины количества министров, ввиду спешки и особой обстановки момента были избраны заочно, без согласия на это избираемых лиц. По крайней мере, о себе я могу сказать это совершенно определенно. Когда меня выбирали министром, я даже не подозревал об этом и беспечно бродил с винчестером в руках в ночной самоохране города, оберегая спокойный сон иркутян...».

А теперь, наконец, – состав Сибирского правительства. Он был опубликован, и не раз, во множестве различных изданий, и поэтому его легко найти; и, тем не менее, наше исследование оказалось бы однозначно неполным без этого списка. Итак – фанфары...

Самое первое в истории Сибирское областное правительство:

Пётр Яковлевич Дербер – председатель правительства и временно министр земледелия, *Пётр Васильевич Вологодский* – министр иностранных дел, *Владимир Ми-*

---

*То, что эта должность являлась своего рода именинами сердца для «свадебного генерала», подтверждает тот факт, что летом 1918 г., после прихода к власти правительства сибирских областников во главе с *П.В. Вологодским*, отдельное министерство здравоохранения сразу же было упразднено, а *Владимир Крутовский* занял более высокий пост – министра внутренних дел.

хайлович Крутовский – министр народного здравия, *Аркадий Антонович Краковецкий* – военный министр, *Александр Ефремович Новосёлов* – министр внутренних дел, *Иван Адрианович Михайлов* – министр финансов, *Иван Иннокентьевич Серебренников* – министр снабжения и продовольствия, *Григорий Борисович Патушинский* – министр юстиции, *Элбек-Доржи Ринчино* – министр народного просвещения, *Михаил Алексеевич Колобов* – министр торговли и промышленности, *Леонид Александрович Устругов* – министр путей сообщения, *Иван Степанович Юдин* – министр труда, *Виктор Тимофеевич Тибер-Петров* – министр туземных дел, *Дмитрий Григорьевич Сулим* – министр экстерриториальных народностей, *Николай Евграфович Жернаков* – государственный контролёр, *Валериан Иванович Моравский* – государственный секретарь; *Михаил Бонифатьевич Шатилов, Сергей Андреевич Кудрявцев, Евгений Васильевич Захаров, Гариф Шегибердинович Неометуллов* – министры без портфелей.

Теперь, после всех этих трудных и поистине исторических свершений, было принято ещё одно, последнее, наконец, решение. Во избежание дальнейших арестов, способных окончательно обескровить Сибирское правительство, постановили: в срочном порядке покинуть Томск и выехать всем составом присутствовавших на заседании 29 января министров, а также остававшихся ещё на свободе членов президиума Областной думы в Читу – единственный на тот момент город Сибири и Дальнего Востока, где ещё не утвердилось в полном объёме политическое господство советской власти. Для справки: в Забайкалье в январе 1918 г. управление областью находилось в руках коалиционного революционного Народного совета, при наличии в его составе, в том числе, и большевиков, но под руководством всё-таки умеренных левых. Итак: в Читу, в Читу...

А на период отсутствия в Сибири законно (хотя и немного в кавычках) избранного правительства полномочия по управлению регионом решено было передать в руки подпольных комиссариатов, составленных главным образом из членов Учредительного собрания, а также депутатов Сибирской областной думы. Для этого министры во главе с *Дербером* задержались ещё на несколько дней в Томске, а потом нелегально, по поддельным паспортам, спешно выехали в Читу. На восток, в Забайкалье, на родину Чингиз-хана.

ЧАСТЬ II

«ЗАТИШЬЕ» ПЕРЕД БУРЕЙ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

СИБИРСКОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО В ИЗГНАНИИ

Но постеля моя была не пуховая,
долго нежиться не позволила.

А.Н. Радищев.
Путешествие из Петербурга в Москву

1. Обращение Сибирской областной думы

Как мы уже отмечали, ещё накануне январских ночных слушаний появился на свет текст Декларации Сибирской областной думы, который потом в окончательном виде отредактировали и утвердили члены СОД. Впервые Декларация была опубликована в газете «Путь народа», центральном печатном органе Томской губернской организации эсеров, 19 февраля 1918 г. (уже по новому стилю) вместе с так называемым «Протестом представителей народов Сибири в Сибирской думе против насилий большевиков над членами Думы». Тот и другой документы подписал 21 человек из числа членов Областной думы, главным образом представлявших фракцию национальностей* во главе с заместителем председателя Думы *Лазебник-Лазбенко* и её секретарём Войтенко. Полный текст этой весьма обширной Декларации привёл в своей книге *Г. Гинс*, поэтому мы не сочли необходимым полностью дублировать его здесь. Приведём лишь наиболее значимые, с нашей точки зрения, выдержки из того документа.

Основные формулировки Декларации, как мы уже указывали ранее, сибиряки заимствовали из положений Всероссийского Учредительного собрания, составленных черновской группой эсеров. Вместе с тем в Декларации Думы конечно же содержались и некоторые местные сибирские дополнения. В целом всё это представлялось следующим образом:

---

*Прямо по тексту: «*Владимир Строкан* – председатель Сибирского национального совета, украинец, *Ян Заленский* – член национального совета, представитель польской социалистической партии, Ф. Фрезе – представитель немецкой национальности, *Георгий Токмашев* – представитель алтайцев, А. Петерсон – представитель эстонцев, *Зиновий Шкундин* – представитель евреев, И. Трубачев – представитель бурят, *Г. Неометуллов* – представитель татар, Каштымов – представитель хакасов, Колесов – представитель якутов, *Тибер-Петров* – представитель Алтайской и Кузнецкой горной думы, *Вампилун* – представитель бурят, *Романовский* – представитель поляков, З. Гайсин – представитель центрального мусульманского совета, *Александр Евзеров* – представитель еврейской сионистской организации, Штраух – представитель немцев, *Нурулла Карпов* – представитель татар Томской, Алтайской и Енисейской губерний, Юнусов – представитель центрального Сибирского мусульманского комитета, Г. Галиев – представитель татар Акмолинской и Семипалатинской областей».

«До созыва Всесибирского Учредительного собрания вся полнота власти в пределах Сибири должна была принадлежать Сибирской областной думе, состоявшей из представителей всех слоёв сибирского населения и всех крупнейших её сообществ и организаций, в том числе и советов.

Провозглашалось также создание добровольческой Сибирской армии для защиты автономии Сибири и Сибирского Учредительного собрания. В рамках этого процесса Дума предлагала распустить сибирские гарнизоны по домам и отозвать с фронта военнослужащих-сибиряков.

В области земельной политики: провести в жизнь принятый Всероссийским Учредительным собранием закон о безвыкупном переходе всех помещичьих, а также частновладельческих земель в общенародное достояние.

В области финансов: создание сибирского государственного инвестиционного банка для проведения кредитных операций с трудовым населением Сибири, реорганизация налоговой системы на основе прямого и прогрессивного подоходного обложения с переложением налоговых тягот с беднейшего населения на имущие классы.

В области наемного труда: 8-ми часовой рабочий день, гарантия всех видов социального страхования.

В области культурного строительства: бесплатное общее и специальное образование».

По национальным проблемам Дума обещала разработать меры по защите туземных народов, а также предоставить экстерриториальным (пришлым) народностям право объединяться в автономные общины.

Те же – 21 человек, что поставили свои подписи под Декларацией, подписали и «Протест представителей народов Сибири в Сибирской думе против насилий большевиков над членами Думы». В нём, в частности, говорилось следующее:

«Мы верили, что с уничтожением царизма и его империалистической и центральной политики будет окончательно уничтожена эта страшная тюрьма народов России, возглавляемая царём польским, сибирским, князем финляндским и прочая, и прочая, – будут уничтожены их неволя, рабство и условия для вымирания целых племён, что все народы обширного Российского государства будут иметь право на самоопределение. Знали, что вся истинно революционная и демократическая Россия в лице I и II Всероссийских съездов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов высказалась, что каждая национальность имеет право на свое самоопределение.

Сибирь, как колония, завоёванная империалистической Россией, против воли населяющих её народов, как область, отличающаяся своим этнографическим составом населения и экономическим укладом жизни, имеет право на свою автономию, как в целом, так и в отдельных её частях.

Во имя принципов и лозунгов великой российской революции мы, представители народов Сибири, всех их общественных классов от социал-демократов (большевиков) до народных социалистов включительно, посланы в Сибирскую думу, чтобы воплотить в жизнь их волю и провести в жизнь обездоленных народов свободу, равенство и братство.

Но нам не позволили работать. В ночь с 25 на 26 и днём 26 января с.г. было совершено насилие над членами Сибирской думы и Совета; одних из нас, как в прежнее старое царское время в глубокую полночь, с приставленными к груди штыками красногвардейцев, советская власть насильно отправила на вокзал и выслала из Томска,

других заключила в тюрьму и, чтоб они не вышли оттуда, отправила в Красноярск. Таким образом, Центральный исполнительный комитет Совета рабочих, солдатских депутатов Сибири, Западно-Сибирский областной комитет Совета рабочих и солдатских депутатов исполнили декрет народных комиссаров о полном самоопределении народов Сибири.

У нас нет слов для выражения негодования и презрения против работы новых опричников, чтоб протестовать не только против разгона Сибирской думы и ареста её членов, но и против той клеветы и бессовестной лжи, которую представители советской власти публикуют в своих официозах и воззваниях.

Мы заявляем, что ни штыки, ни угрозы, ни насилия и ни высылки не остановят нас на пути укрепления великих плодов революции – самоопределения всех народов Сибири, и потому мы продолжаем нашу работу.

Мы заявляем, что покушение советских узурпаторов на самоопределение туземных и экстерриториальных народностей Сибири нам ещё раз показывает, каково самоопределение народов у советской власти, и мы сумеем достойно ответить на насилие».

В том же феврале 1918 г. в журнале «Сионистская мысль» (Томск, №5-6) *Зиновий Шкундин* опубликовал программную статью сибирской сионисткой организации в связи с развитием областнического движения в Сибири. В ней *Шкундин* отмечал: «Когда идея сибирской автономии сибирского областничества из кабинетов отдельных политических мыслителей и деятелей из узких интеллигентских кружков вышла на широкий простор общественного внимания, сделалась достоянием масс, перед нами встал вопрос об отношении к этой проблеме... Мы пришли к выводу, что Сибирь, глубоко отличающаяся от Европейской России в климатическом, экономическом, бытовом и прочих отношениях, Сибирь, которую природа щедро наградила своими дарами, может быть, больше других «самоопределяющихся» областей Российского государства, имеет прав и данных на автономию... Если суждено возродиться великой федеративной России, а мы в это верим и к этому стремимся, то процесс собирания земли русской пойдёт от периферии к центру, а не наоборот... И мы сочли себя обязанными прислушаться к голосу действительности и взяться за выполнение вырисовывавшихся перед нами задач по устроению жизни сибирского еврейства, которое сплошь сионистично... А это мы могли сделать, принимая участие в работах Чрезвычайного Сибирского съезда и Сибирской областной думы... Среди борющихся политических партий в Областной думе и Сибирском Учредительном собрании, среди капризно перекрещивающихся интересов разных народов, мы, евреи, ведём свою национальную политику, руководствуясь приоритетом еврейских национальных интересов... Мы будем требовать *национально-персональной автономии* (выделено мной. – О.П.) для еврейского народа в общероссийском масштабе, автономию, гарантируемую центральным общегосударственным органом, и не подлежащую отмене и изменению со стороны федеративных органов... И мы надеемся, что представители революционной и трудовой демократии, провозгласившей лозунг самоопределения народов не как уловку хитрых дипломатов, а как факт, за который она готова бороться, – поймут нас и примут наши пожелания. А представители демократии в Сибирской областной думе будут иметь решающий голос. Таковы причины, побудившие нас пойти в Сибирскую областную думу, таковы принципы национальной политики, которые мы там будем отстаивать». Это было заявление от одной из

самых малочисленных диаспор из числа экстерриториальных (пришлых) народностей Сибири. (Однако, если следовать логике известной английской поговорки, хотя и последней по счёту, но всё-таки не последней по значению.)

И что же, интересно, мог по поводу подобного рода заявлений в печати предположить ну, например, русский офицер, только что вернувшийся с фронта и наблюдавший воочию, как государство, за которое он в течение нескольких лет проливал кровь, разваливается, словно библейская Вавилонская башня, и тут же разбирается и растаскивается по кирпичикам. Спекулируя на идеях *Потанина*, все, кому не лень, и даже, как видим, самые малочисленные народности начали требовать для себя уже и территориальной автономии. А Сибирская дума, третий по счёту, самый младший и оттого, как водится, самый любимый «ребёнок»* областников, стала, по мнению некоторых наблюдателей за данным процессом, одним из орудий растаскивания великой России по национальным «квартирам». Нужно было ожидать по этому поводу заявления с разъяснениями со стороны *Потанина* – живого ещё классика и, собственно, основателя областничества, великого сибирского и одновременно русского патриота, и такое заявление вскоре последовало. Но о нём чуть позже.

И ещё о реакции простых российских граждан. Что пришлось пережить им в тех условиях, трудно даже себе и представить. Не покорённая внешними врагами страна разлагалась изнутри и гибла, как будто от какой-то неизлечимой болезни. Казалось, что на просторах бывшей великой Русской империи теперь хозяйничали все народности, за исключением самих русских. И Сибирь также не была исключением в этом ряду. Солдаты и офицеры, прибывавшие с фронта, и даже те из них, кто не особенно вникал в сибирские дела и, может быть, даже и не слышал об Областной думе, приходили в ужас уже от того, что в их родных городах их до крайности удивлённому взору представали вооруженные, что называется, до зубов австрийские и венгерские военнослужащие (бывшие военнопленные), охранявшие административные здания новой – советской – власти. В таких условиях многие из офицеров даже и не собирались ждать ни чьих заявлений и разъяснений. Для них и так всё стало предельно ясно: вот враг, и его надо прогнать с родной земли, а заодно и тех, кому ненавистный враг так усердно служит, то есть – большевиков. Именно такие люди и стали главной опорой движения, которое начали организовывать министры ВПАС, по воле советской власти оказавшиеся в изгнании и пытавшиеся найти временный приют на востоке.

2. Выезд членов Думы и министров ВПАС на восток

Первыми отбыли на Дальний Восток ещё в начале января будущие министры – *Захаров и Устругов*, а также *Ринчино*. Последний, в частности, вроде бы как должен был наладить связь с восставшими против советской власти казаками есаула *Семёнова*. *Новосёлов* и *Краковецкий* находились в январе на Украине. После разгона Сибирской думы, спасаясь от преследования большевиков, отбыли сначала в Читу, а потом в китайский Харбин: *Дербер, Моравский, Тибер-Петров, Юдин и Колобов*. Чуть позже к ним присоединились, поодиночке прибывшие на Дальний Восток: *Кра-*

*Двумя предыдущими были: Сибирский (Томский) университет, открытый в 1888 г., и сибирское земское самоуправление, учреждённое в июне 1917 г.

ковецкий, Новосёлов, Кудрявцев, Неометуллов и самым последним – выпущенный из красноярской тюрьмы *Николай Жернаков*. Итого: тринадцать (несчастливое число) министров весной 1918 г. перекочевали из Сибири в Харбин. Туда же с ними выехала и небольшая часть членов Областной думы.

В самой Сибири осталось, соответственно, семь (счастливое число) министров из двадцати. Один из той семёрки так и оставался до самого июньского мятежа под арестом в красноярской тюрьме – это был *Григорий Патушинский*. Шестеро других находились на свободе (*Шатилова*, как мы знаем, арестовали вместе с *Патушинским,* но вскоре отпустили на поруки). Они волею судьбы, а также в силу жизненных обстоятельств «компактно» и весьма удачно для общего дела расположились в пяти крупнейших городах Сибири – Омске, Томске, Иркутске, Красноярске и Барнауле.

Так, *Пётр Васильевич Вологодский и Иван Михайлов* проживали в тот период в Омске. *П.В. Вологодский* после закрытия большевиками Омского окружного суда занялся издательской деятельностью, возглавив редакцию газеты «Заря», а также журнала «Трудовая Сибирь». *Михайлов*, в начале 1918 г. переехавший в Омск из Петрограда, сразу же был определён на работу в одно из крупнейших кооперативных объединений на востоке страны – «Центросибирь», в должности заведующего финансовым отделом. Газета «Заря», которую редактировал *Пётр Васильевич Вологодский*, кстати, также являлась официальным органом сибирской кооперации и финансировалась из средств «Центросибири».

Из того же источника, а также за счёт денег новониколаевского кооперативного союза «Закупсбыт», в число членов правления которого входил председатель фракции областников на декабрьском Общесибирском съезде *Анатолий Сазонов*, осуществлялась финансовая «подпитка» антисоветского подпольного движения, возглавляемого министрами Временного правительства автономной Сибири. По некоторым данным, *Дербер*, перед тем как уехать с частью своего «теневого» кабинета в Харбин, единовременно получил от сибирской кооперации 500 тысяч рублей (что-то около 75 миллионов на наши деньги). Так что, несмотря даже на то что ни *Вологодский*, ни *Михайлов*, как равно и пятеро других оставшихся в Сибири министров, никоим образом не знали о полученных назначениях, всё-таки остаётся непреложным тот факт, что все они, за некоторым исключением (имеется в виду *Сулим* и *Патушинский*), так или иначе были связаны с антисоветским подпольным движением, и, хотя и косвенно, но участвовали, надо полагать, в подготовке июньского всесибирского вооруженного мятежа.

Так, *Владимир Крутовский*, министр народного здравия ВПАС, освобождённый из злополучной красноярской губернской тюрьмы где-то в феврале месяце, тут же вошёл в число первых подпольщиков своего города. В Томске на нелегальное положение в это же время перешёл и министр *Шатилов.* В Иркутске проживал не имевший, кажется, прямого отношения к местным заговорщикам, но однозначно им сочувствующий министр снабжения и продовольствия – *Серебренников*. Ну и, наконец, в Барнауле находился министр экстерриториальных народностей – *Сулим*. Но он, пожалуй, был единственным, кто не имел никакого отношения к антисоветскому заговору и, более того, после начала мятежа полностью перешёл на сторону большевиков.

Таким образом, обрисовался основной круг руководителей готовившегося мятежа. Они являлись достаточно авторитетными людьми в Сибири, вследствие чего вполне могли повести за собой значительное число людей, знавших о них и почитавших их

как учеников и соратников *Потанина*. Однако здесь присутствовало одно небольшое «но»: все эти политики были, что называется, людьми сугубо легальными, не имевшими практически никакого представления о подпольной, а тем более вооруженной антиправительственной деятельности. Тогда как для подготовки всесибирского мятежа требовались личности неординарные, знакомые, во-первых, с азами нелегальной деятельности, а во-вторых, сознательно придерживающиеся тактики прямого действия, то есть по преимуществу революционной, вооруженной борьбы.

Но и такие люди тоже вскоре нашлись. Выбор в данном случае пал на членов Всероссийского Учредительного собрания от Томской губернии *Павла Михайлова, Бориса Маркова, Михаила Линдберга*, а также – на председателя Томской уездной земской управы *Василия Сидорова*. Все они являлись членами эсеровской партии с дореволюционным стажем, при этом *Михайлов* и *Марков* в период первой русской революции принадлежали к боевой организации, за что потом отбывали длительный срок на сибирской каторге. Все четверо являлись достаточно молодыми людьми, полными сил и энергии, преданными делу революции, как говорится, до последнего вздоха. Именно им *Дербер*, как глава Сибирского правительства, ещё находясь в Томске, и поручил возглавить миссию по непосредственной организации антибольшевистского подпольного движения на территории Западной Сибири. Во время остановки в Иркутске *Дербер* создал точно такой же штаб, состоявший из бывших эсеров-боевиков, – штаб Восточно-Сибирского вооруженного подполья.

Из Иркутска сибирские министры во главе со своим премьером проследовали в Читу, где, по их сведениям, ещё сохранялась власть, не подконтрольная большевикам. Но они опоздали: к тому времени, когда им удалось, наконец, добраться до столицы Забайкалья, там уже всё переменилось, причём не в лучшую для них сторону.

Вследствие этого гонимое всё дальше и дальше правительство решило не задерживаться в Чите и пробираться в маньчжурский город Харбин, в «столицу» арендованной у китайцев территории русской Китайско-Восточной железной дороги. Там и только там теперь сохранялся единственный островок российской либеральной демократии во главе с бывшим комиссаром Временного Всероссийского правительства генералом *Хорватом*. По пути в Харбин сибирские министры на некоторое время остановились на пограничной станции Маньчжурия, где имели беседу с атаманом-*Семёновым*, который, по замечанию тогдашней прессы, выразил им свои «искренние верноподданнические чувства» и готовность служить Сибирскому правительству («Свободный край», Иркутск, №115 за 1918 г.).

3. События января–марта в Чите

Забайкалье, став в XVII веке окраиной романовской империи, на всём протяжении её трёхсотлетней истории являлось одним из главных районов каторжной «прописки» для разного рода вольнодумцев, а потом и революционеров России. Здесь, как известно, мытарствовал в период первой своей ссылки неистовый протопоп Аввакум, а два века спустя на Нерчинских рудниках Даурии тянули, что называется, срок дворяне-декабристы. Потом здесь же махали кайлом и лопатой разночинцы-народники, им на смену пришли эсеры, социал-демократы, анархисты, бундовцы и пр. В общем, кого тут только не побывало, причём многие потом так и оседали в этих кра-

ях, крестьянствуя, учительствуя, работая в местных железнодорожных мастерских или станционных службах. Здесь, в Забайкалье, таким образом, сложилась своего рода восточное «зазеркалье» российского либерализма, где так или иначе побывало большинство из тех людей, которые в течение XIX и начала XX века особенно активно подрывали (в прямом и переносном смысле) основы самодержавно-единодержавного строя России.

И вполне возможно поэтому, что именно здесь, за Байкалом, в начале 1918 г., на завершающем этапе второй русской революции сложилась совершенно особая политическая ситуация, когда у руля областной власти оказался коалиционный комитет под названием Временный областной Народный совет, составленный из представителей ведущих революционных партий России: эсеров, большевиков и меньшевиков, а также кадетов и даже, кажется, народных социалистов. И это в то время, когда на всём пространстве страны уже безраздельно (то есть вновь единодержавно) хозяйничали большевики или их оппоненты – также сторонники единодержавия, – но только с правым уклоном. В таких противоречивых условиях Чита в январе 1918 г. всё ещё оставалась небольшим островком свободы, приняв статус не просто «зазеркалья» в путаной схеме российского либерализма, но и его «града Китежа» в какой-то мере просуществовав, к сожалению, весьма и весьма непродолжительный срок, оставив едва различимый след во времени и пространстве, как едва заметный свет пока ещё не открытой звезды*...

В конце декабря 1917 г. в Чите в целях урегулирования политической ситуации в Забайкальской области, сложившейся после большевистского переворота в Петрограде, прошли одновременно три демократических совещания. Первыми собрались на свой съезд сельские жители (крестьяне-хлеборобы) Забайкалья, днём позже начал работать съезд городских дум и КОБов (комитетов общественной безопасности), ну и, наконец, вслед за ним, 30 декабря, открылся съезд Советов рабочих и солдатских депутатов. Все они одобрили идею по созданию Народного совета и делегировали в его состав в общей сумме 50 избранных представителей. В начале января (по разным данным: 3-го, 4-го, 9-го или 12-го числа) Народный совет провёл первое заседание, на котором были избраны его руководящие структуры, в том числе и председатель – 28-летний польский еврей *Матвей Ваксберг*, представитель партии социал-демократов-меньшевиков. В тот же день члены Совета избрали исполнительный комиссариат – правительство Забайкальской области, в которое вошли также представители от всех без исключения революционных партий.

Таким образом, можно констатировать, что Забайкальский Народный совет создавался по тому же самому принципу, что и общеобластнические структуры сибирских автономистов, – по принципу, утверждённому декабрьским Всесибирским съездом: «от народных социалистов до большевиков включительно». Так что наверняка между всеми этими политическими новшествами, возникшими в Сибири в тот период, имелась прямая и самая что ни на есть непосредственная связь. И не случайно поэтому, что члены Сибирского правительства направили свой взор именно на Читу, намереваясь здесь, в Забайкалье, устроить временную столицу новой, революционно-демократиче-

*Сибирский областник Г.Д. Гребенщиков в эмигрантских воспоминаниях «На склоне дней его» писал о том, что *Потанин* твёрдо верил, что «Сибирь, бедная людьми, но богатая чистым воздухом и чистыми идеями, посеянными в своё время лучшими изгнанниками из России, воздвигнет на своих просторах те бессмертные храмы истинной Свободы, Любви и Красоты, перед которыми чистосердечно склонятся запальчивые головы, огнём и мечом добывающие ныне общечеловеческое счастье».

ской, Сибири. Однако, пока они сюда добирались, в городе произошла в полном смысле политическая катастрофа. Перессорившиеся между собой представители левых и правых группировок устроили в Забайкалье маленькую гражданскую войну, победителями в которой оказались более жизнестойкие в ту пору большевики, которые, естественно, не преминули воспользоваться плодами собственной победы и установили в Чите, как и повсюду в Сибири в тот период, безраздельное господство совдепов.

А как всё произошло – вкратце обобщим следующим образом. Прошло чуть более двух недель со дня создания Народного совета, как у «стен» вольного города появились две «вражеские армии». Одна прибыла с германского фронта в составе 1-го Читинского казачьего полка, усиленного пулемётной командой, другая – из соседнего Иркутска, столицы большевистской Сибири, с эшелоном вооруженных артиллерией красногвардейцев под командованием *Сергея Лебедева*. Обе эти «армии» осадили город, бряцая оружием и ища себе «компрадоров» внутри его стен. Помощниками иркутян должны были стать красногвардейцы-железнодорожники, а казаков, в случае чего, обещали поддержать офицеры местного читинского гарнизона. Ещё одним союзником последних стал атаман *Семёнов* со своим небольшим отрядом добровольцев, дислоцировавшимся, как мы уже знаем, на китайской пограничной станции Маньчжурия.

Первый Читинский полк являлся элитным в Забайкальском казачьем войске и набирался, как правило, из станичников, так называемого 2-го отдела, где проживала наиболее зажиточная часть забайкальского казачества. Им, имевшим при царе-батюшке до 50 десятин (почти 55 гектаров) плодородной земли на семью, с социалистами, ратовавшими за уравниловку в аграрном вопросе, разумеется, оказалось совсем не по пути. Однако большая часть тех же забайкальских казаков не жила столь зажиточно, особенно станичники 3-го и 4-го отделов, расселённые на малоплодородных землях, как раз вблизи нерчинских каторжных рудников, – скорбном «приюте» многих поколений российских вольнодумцев. Здешние казаки входили в состав четырёх забайкальских полков: двух Нерчинских и двух Аргунских.

Эти и другие разногласия, особенно отчётливо проявившиеся в революционном 1917 г., не могли не повлиять на общую атмосферу в среде забайкальского казачества, воевавшего на фронтах Первой мировой войны. В тот период из забайкальцев была сформирована целая казачья дивизия в составе двух бригад. Вторая сражалась на Кавказе, а первая, в число подразделений которой как раз и входил 1-й Читинский полк, – на Украине. Многие противоречия ещё более углубились в ходе Октябрьской социалистической революции.

Офицеры 1-й Забайкальской бригады, ввиду того что большевики в начале декабря 1917 г. заключили перемирие с Германией и объявили о расформировании старой армии, обвинили правительство Ленина в предательстве и стали агитировать казаков немедленно начать вооруженную борьбу с советской властью. Они предлагали двигаться на Дон и там влиться в армию генерала Каледина. Особенно выделялся на поприще такого рода агитации есаул П.Ф. Шильников, младший брат генерала И.Ф. Шильникова*, до недавнего времени командовавшего 1-м Читинским полком. Однако рядовая часть казачества, которой за три с лишним года военных действий уже порядком поднадоела окопная жизнь, высказалась в подавляющем своём большинстве за возвращение к родным забайкальским куреням. В этом смысле им гораздо ближе оказалась «пацифистская» агитация большевистски настроенных акти-

*В 1918 г., после возвращения с фронта, они оба окажутся в отряде есаула *Семёнова*.

вистов из числа бедных казаков, среди которых особенно выделялся георгиевский кавалер *Михаил Яньков*, вахмистр (по-современному – старшина) 1-го Верхнеудинского полка, который благодаря по-революционному дерзким речам и напористости скоро выбился в настоящие народные вожди.

Уступив настроениям масс, командование дивизии приняло решение – двигаться в Сибирь. В Гомеле по настоянию местного совдепа в дивизии были произведены перевыборы командного состава, и некоторые наиболее реакционные, с точки зрения рядовых казаков, офицеры получили полную отставку. Именно тогда от должности начальника Забайкальской казачьей дивизии оказался отстранён князь Кекуатов*, а вместо него назначен *Михаил Яньков*.

Первый Читинский полк, единственный не поддавшийся тогда левым революционным лозунгам, ещё до Гомеля по собственной инициативе покинул расположение дивизии и двинулся домой отдельно от других («Забайкальский рабочий», №18 за 1918 г.). Последнее обстоятельство, по всей видимости, в немалой степени поспособствовало тому, что 1-й Читинский полк первым из частей дивизии добрался до Забайкалья, так что уже в середине января его передовые эшелоны стояли в 30 верстах от Читы, на станции Ингода. В то время как остальные полки дивизии во главе со своим новым командующим вахмистром *Яньковым* прибыли в Забайкалье лишь к началу февраля. Так что у казаков 1-го Читинского, оставшихся верными присяге и прежним боевым командирам, было целых две недели для того, чтобы восстановить в Чите «законный» порядок. Но какой?.. Старый монархический или новый революционный?.. Если революционный... то тогда, может быть, как-нибудь всё-таки без большевиков, а может быть, и вообще без социалистов?..

Чётко и однозначно знал ответ на такой сложный вопрос в Забайкалье тогда, пожалуй, только один человек – атаман *Семёнов***. Он положительно ратовал за любой государственный порядок, пусть даже и революционно-конституционный, но только без социалистов и, тем более, большевиков. Точно такого же мнения придерживались в основной массе своей и те люди, что собирались в тот период под его знамёна, оттого-то, видимо, их и оказалось не так уж и много. Другое дело – буряты и монголы: они с бо̲льшим удовольствием шли в отряд мятежного атамана, поскольку *Семёнов* сулил им весьма значительные политические дивиденды в случае победы над Советами – вплоть до создания в районах их проживания автономного национально-территориального образования. И это, кстати, также соответствовало духу последних сибирских областнических идей. Однако не надо забывать, что *Семёнов* наполовину был бурят по крови, а значит, близкий родственник монголам и дальний – японцам, стремившимся в тот период стать хозяевами русского Дальнего Востока. Так вот: такое этническое родство вполне могло, в свою очередь, завести атамана совсем в другую сторону – не в ту степь, как говорится.

---

*Николай Александрович, генерал-майор.

**По воинскому званию на тот момент он являлся есаулом (капитаном, если на пехотный манер), но, поскольку в его отряд в тот период стали поступать на службу офицеры и более высоких званий (подполковники, полковники и даже генералы), Семёнов самовольно провозгласил себя казачьим атаманом. И это при том, что в Чите в то же самое время жил и здравствовал законно избранный атаман Забайкальского казачьего войска генерал-майор Василий Васильевич Зимин. Отсюда вывод: звание «атаман» для *Семёнова* было на первых порах не должностью, а – титулом народного вождя, как батька-атаман Махно, например. А при народных вождях случается так, что не только генералы, но иногда и маршалы в подчинении находятся.

Руководствуясь собственными непреклонными убеждениями, а также получив известие о том, что в Забайкалье прибыл антибольшевистски настроенный 1-й Читинский полк, атаман *Семёнов* понял, что настало время действовать, наконец, более решительно, причём единым антисоветским фронтом с земляками-фронтовиками. Тут же им был отдан приказ: частям* Особого Маньчжурского отряда перейти российско-китайскую границу и начать наступление на север, вдоль железнодорожного полотна в глубь советской территории. Без особого труда семёновцам удалось тогда захватить несколько станций, расположенных на участке от границы до реки Онон, потом по железнодорожному мосту они перешли на левый берег и, развивая успешное наступление, овладели крупной станцией Оловянная.

Следующей целью наступательной операции являлась узловая станция Карымская, находившаяся уже на основной ветке Транссиба. Туда во главе ста казаков (как вспоминал впоследствии сам *Семёнов*) выступил один из ближайших сподвижников атамана, сотник Савельев**. Предварительно к командованию 1-го Читинского полка был послан связной с депешей от *Семёнова* с просьбой ударом с тыла помочь Савельеву овладеть станцией Карымская, для того чтобы потом одновременным наступлением с запада и востока захватить уже и столицу Забайкалья – г. Читу. План оказался достаточно прост; оставалось только поскорее, пока не подошли другие, более революционно настроенные полки забайкальских казаков, претворить его в жизнь. Но тут, что называется, как всегда, позабыли про овраги...

В условиях всё-таки некоторой нерешительности со стороны казаков Читинский Народный совет, как по нотам, переиграл тогда своих оппонентов из правого лагеря. В обе стороны – и на станцию Ингода, и на станцию Адриановка, которую по пути к Карымской захватил сотник Савельев, – были посланы представительные делегации, составленные как из уполномоченных от революционной общественности города, так и из членов правления Забайкальского казачьего войска. Известно, что на станцию Адриановка выезжали, в частности, городской голова Андрей Лопатин и сотник А.К. Токмаков. Каким-то образом, но им удалось убедить семёновцев оставить затею по захвату Карымской и наступлению на Читу. По официальной версии, члены делегации заверили Савельева, а через него и *Семёнова* в том, что Народный совет никоим образом не допустит установления в Забайкалье советской власти. Всё так, однако данного обещания, как показали дальнейшие события, коалиционный революционный совет выполнить не сумел. *Семёнов* же в своё оправдание позже написал следующее: «Я хотел ударить в тыл большевикам, чтобы помочь читинцам, но получил отказ от войскового правления. Эта роковая оплошность дала возможность большевизму расцвести пышным цветом».

На станции Ингода всё произошло также по весьма схожему сценарию. Представителям Народного совета и войскового правления удалось склонить военнослужащих 1-го Читинского полка к перемирию ровно на тех же условиях, что и доброволь-

---

*Частям – это, конечно, слишком громко сказано, всего не более пятисот человек, по самым оптимистическим подсчётам, находилось в то время под началом *Семёнова*.

**В тот период в группу верных друзей-единомышленников *Семёнова* также входили два немца, потомки древних прибалтийских дворянских родов, принявших православие, бароны: *фон Тирбах* и *фон Штернберг*, оба – отличавшиеся как беззаветной храбростью, так и беспредельной жестокостью по отношению к врагам. Ещё одного сердечного друга атаман приобрёл в тот же период на захваченной станции Даурия, когда в привокзальном армянском ресторанчике он познакомился с заезжей певичкой по прозвищу Манька Шарабан (см. *Мария Михайловна Семёнова* в разделе «Досье»).

цев *Семёнова*, клятвенно обещая им не допустить большевизации Забайкальской области. И как доказательство этого, они сообщили о достигнутой договорённости с местными читинскими красногвардейцами, а также с находившимися на подступах к городу их иркутскими товарищами о заключении примирения с противоборствующей стороной на условиях взаимного разоружения.

Мирное соглашение действительно было заключено, иркутские красногвардейцы, сдав замки от своих орудий и боеприпасы к ним, отправились, что называется, до дома, до хаты. А читинские казаки, предварительно также разукомплектовав имевшиеся у них пулемёты и сдав их Народному совету, в ночь на 17 января прибыли на городской вокзал и днём того же дня при стечении большого числа жителей города, а также представителей общественных организаций и управленческой администрации торжественно ступили, наконец, из вагонов на родную землю. Таким образом, угрозу в отношении демократической власти в Забайкалье вроде бы удалось устранить. Однако, как продемонстрировали дальнейшие события, победа оказалась временная и притом абсолютно пиррова.

В то самое время, о котором идёт речь, в Чите случайно встретились два приятеля, оба являлись недавно избранными сибирскими министрами (о чём они, впрочем, ничего тогда ещё не знали) *Иван Серебренников* и *Элбек-Доржи Ринчино*. Разговор зашёл как раз о событиях в Чите. *Ринчино*, по словам *Серебренникова*, «яростно осуждал поведение местных социалистов-революционеров, главных деятелей Забайкальского областного совета во время последних событий», за их миротворческую политику. И заключил: «Нужно было, наоборот, устроить это кровопускание. Казаки разнесли бы моментально рабочих, разоружили бы их и тем самым свели бы к нулю местное гнездо большевизма. При этих условиях Областной комитет смог бы продолжать свою работу, опершись на тех же казаков». Конечно, *Элбек Ринчино* в чём-то был совершенно прав. Ведь, действительно, если бы казаки, имевшие за плечами опыт трёхлетней войны, выступили, то у рабочих-красногвардейцев, пожалуй, оказалось бы совсем не так много шансов на успех (несмотря даже на наличие у них четырёх артиллерийских орудий). Однако тогда вполне вероятно, что и у читинских умеренных левых из Народного совета после казачьего переворота вряд ли бы остались какие-либо перспективы на сохранение за собой власти в области. Поэтому, наверное, они и выбрали из двух зол то, что показалось им наименьшим.

Теперь дальше. В конце января в Забайкалье, наконец, стали прибывать революционно настроенные казачьи соединения, и первым из их числа 22 января на родину вернулся 1-й Верхнеудинский полк. Он, как и 1-й Читинский, формировался в среде зажиточного забайкальского казачества. И, тем не менее, большая часть его личного состава поддалась на революционную агитацию и по приезду в Верхнеудинск даже произвела окончательные перевыборы командного состава. В результате революционным комполка оказался избран близкий к большевикам георгиевский кавалер *Василий Кожевников*. Прежний комсостав выражал, по всей видимости, упорное желание присоединиться к «взбунтовавшемуся» 1-му Читинскому полку. В то время как простые казаки были категорически против этого, они, несмотря на некоторые свои казачьи привилегии, всё-таки ощущали себя частью угнетённого самодержавием народа и не хотели, чтобы прежние хозяева страны опять загоняли их в «стойло» малограмотности, малокультурья и прочих «прелестей» романовского сословно-кон-

сервативного режима; они уже выбрали для себя равноправие. Но какое равноправие: по-кадетски, по-большевистски или по-эсеровски? Вот тут-то и крылась существенная загвоздка, тут уже малообразованному простому человеку требовалась существенная помощь со стороны пропагандистов. Поэтому порой случалось так, что чьи агитаторы (наглые и нахраристые, как некоторые, скажем так, современные телевизионные журналисты) оказывались порасторопнее, ту сторону сомневающийся революционный народ и принимал*.

В Верхнеудинске в конце января 1918 г. немного пошустрее в этом смысле оказались большевики, и разагитированный ими 1-й Верхнеудинский полк полностью перешёл на сторону советской власти. Когда же сюда (в столицу нынешней Бурятии) явились представители от Народного совета Забайкалья, в котором, ещё раз уточним, преобладали эсеры и меньшевики, то их во всеоружии встретили уже пробольшевистски настроенные казачьи массы и их лидеры. Они заявили, что полк согласится признать власть Народного совета только в том случае, если он «решительно отмежуется от буржуазных классов» и согласится «проводить декреты Совета народных комиссаров». Потом в Верхнеудинск прибыли и представители Войскового правления, и они тоже пытались воздействовать на казаков в смысле подчинения полка Народному совету без всяких условий, но тщетно. Ситуация обострялась.

Примерно в то же время на станции Иннокентьевская (последняя западная станция перед Иркутском) было проведено организационное собрание казаков 2-го Читинского полка, которое точно так же, под воздействием агитации большевиков, сместило ещё частично остававшихся на офицерских должностях прежних командиров и назначило вместо них своих выборных выдвиженцев. Причём, по некоторым данным, «золотопогонники» не только оказались отстранены от командования, но ещё и взяты, на всякий случай, под стражу. Так, в частности, поступили с бывшим командиром полка Силинским, должность которого после этого стал исполнять прапорщик *Я.П. Жигалин*. В результате проведённой «зачистки» 2-й Читинский полк был экзаменован – как полностью перешедший на сторону советской власти, и тогда его личному составу вновь выдали оружие, конфискованное по пути следования с фронта, частью в Самаре, а частью – в Красноярске и Ачинске.

Но наиболее революционными в известном смысле, как и ожидалось, оказались два Аргунских полка. Они формировались в самом бедном, по казачьим меркам, четвёртом войсковом районе, где проживали потомки горнозаводских крестьян, оказаченных в середине XIX века и имевших в пользовании всего по пять десятин (около 6 гектаров) земли на семью. В большей степени именно по этой причине аргунцы в период становления советской власти в Забайкалье стали одними из самых активных её защитников. И им также в начале 1918 г. пришлось заменить своих отцов-командиров на простых казаков-станичников, выходцев из народной среды. Командование 1-м Аргунским полком тогда принял на себя *Зиновий Метелица***.

---

*Однако не следует думать, что уж совсем народ в этом смысле был тёмен, кое-что он всё-таки себе уже кумекал. Так, если декабристы в 1825 г. вывели на Сенатскую площадь солдат под ложным предлогом присяги императору Константину и его жене Конституции, на самом деле – Констанции, то в 1918 г., слава богу, и малограмотные стали уже отличать Конституцию от Констанции.

**Он сменил на этом посту полковника *Павла Ивановича Войлошникова*, между прочим, серебряного призёра Олимпийских игр 1912 г. в Стокгольме по стрельбе из боевого пистолета. В Древней Греции олимпионикам, как известно, ставили памятники в их родных городах. К сожалению, всё совсем не так порой в России. В 1938 г. *Павла Войлошникова* расстреляли в застенках НКВД.

И вот силами почти целой дивизии революционные казачьи полки в середине февраля (уже по новому стилю) подошли к Чите и потом в ночь на 16-е число совершили в городе вооруженный переворот в пользу местного Совета рабочих, солдатских, а также казачьих депутатов. В гостиницах «Селект» и «Даурия» ночью были арестованы мирно спавшие и ни о чём не подозревавшие офицеры 1-го Читинского полка во главе со своим командиром полковником Комаровским, заодно под стражу определялись и все под руку попавшиеся высокие чины Читинского гарнизона. Акцию провели настолько быстро и неожиданно, что противники советской власти не смогли оказать практически никакого серьёзного сопротивления. К тому же всё происходило с пятницы на субботу, так что господа офицеры вполне могли быть и не трезвы в ту ночь и оттого очень сладко и крепко спали.

Тем же следом утром 16 февраля под арест попали и несколько гражданских политических деятелей из числа наиболее непримиримых противников советской власти, внесённых большевиками в «проскрипционные» списки ещё накануне переворота. Причём и на этот раз не обошлось без стрельбы: так, известно, что заместитель председателя Народного совета Э. Алко был ранен при задержании. За исключением данного инцидента и ещё нескольких, в остальном всё прошло достаточно гладко. И уже в середине того рокового дня жители города Читы получили на руки свежие газеты с извещением, что власть Забайкальского областного Народного совета низложена и временно, до созыва 14 марта объединённого съезда забайкальского сельского населения и советов, она перешла в руки исполнительного комитета Читинского совета рабочих, солдатских и казачьих депутатов. Объяснительная формулировка такой политической отставки Народного совета оказалась предельно лаконична и проста: «… ввиду искусственно подобранного состава его, буржуазного по направлению и контрреволюционного по деятельности». Как любил говаривать товарищ Сухов: «Вопросы есть? Вопросов нет...»

Дело было сделано, и уже, что называется к шапочному разбору, в Читу прибыли последние части Забайкальской казачьей дивизии во главе с её новым командиром, вахмистром *Михаилом Петровичем Яньковым*. По прибытии в город революционному комдиву передали ещё и должность военного комиссара Забайкалья, а также начальника гарнизона города Читы. От таких успехов у *Янькова*, видимо, немного закружилась голова. Он тут же завёл себе охрану, везде носил, как видно, напоказ золотое оружие и георгиевский темляк на шашке, «модно» приоделся, в соответствии с должностью, в приталенную генеральскую бекешу (полушубок). С командующим Забайкальским фронтом совсем молодым ещё *Сергеем Лазо*, вскоре после этих событий прибывшим из Красноярска, *Яньков* не смог поделить военную власть в области, и в результате оказался смещён со всех постов. Обвинённый вдобавок ко всем несчастьям ещё и в финансовых махинациях, он вскоре вынужденно подался в бега вместе, кстати, со своим приятелем – председателем Читинского совдепа Евгением Поповым*. Вместо *Янькова* на должность командующего красными казачьими войсками Забайкалья советские власти выдвинули двадцатипятилетнего левого эсера *Дмитрия Шилова*, поручика 2-го Читинского казачьего полка.

На этом, кажется, собственно, и закончилось политическое противостояние в городе Чита. И вот как раз в то самое время, по- видимому, через его железнодорожную

*В период колчаковщины Попов станет одним из партизанских командиров на территории Томской губернии.

станцию и проследовали на Дальний Восток несколько министров Временного правительства автономной Сибири во главе со своим премьером, решив: не останавливаться в поверженной врагами Чите и следовать дальше, в последний свободный от большевизма город на востоке России Харбин – столицу КВЖД.

4. Сибиряки в Харбине. Комитет защиты Родины и Учредительного собрания

Когда Сибирское правительство прибыло в Харбин, генерал *Хорват*, бывший комиссар правительства Керенского, а теперь просто глава административной власти на территории КВЖД, как гостеприимный хозяин, поселил свежеиспечённых министров в отдельном вагоне на одном из путей железнодорожного вокзала. Среди прибывших к концу февраля в Харбин членов Сибирского правительства оказались: *Дербер, Моравский, Захаров, Тибер-Петров, Колобов и Юдин** («Знамя революции», Томск, №61 за 1918 г.). Член СОД Я.О. Зеленский добавляет к этому списку ещё *Неометуллова и Новосёлова* («Голос народа», Томск, №79 за 6 сентября 1918 г.). С членами правительства тогда, по заявлению *Колобова* («Забайкальская новь», Чита, за 5 октября 1918 г.), прибыли в Харбин ещё и около 25 человек членов Сибирской областной думы. Также вскоре к ним присоединился *Аркадий Краковецкий*, а потом и освобождённый в конце марта из Красноярской тюрьмы *Николай Жернаков*.

Над правительственным вагоном, сразу же по размещении в нём министров был вывешен бело-зелёный сибирский флаг.

Харбин в тот период представлял собой настоящее Вавилонское столпотворение. Если верить источникам, то здесь нашли себе приют люди, говорившие на 56 языках. Хотя сам по себе Харбин являлся сравнительно небольшим городом и уступал по численности, например, не только Омску или Томску, но даже Иркутску. По разным подсчётам, в 1918 г. на его территории проживало около 70 тысяч человек. Большинство населения, около пятидесяти процентов, составляли русские. И это не удивительно, поскольку Харбин, хотя и находился на территории Китая, был всё-таки по преимуществу российским городом, находившимся в долгосрочной аренде, как и все остальные земли, прилегавшие к КВЖД. А его жители, подданные России, пользовались так называемым правом экстерриториальности, то есть подчинялись юрисдикции российского законодательства, имели своё самоуправление и администрацию, обучали детей в русских школах и других сугубо национальных учебных заведениях, построили в городе около двух десятков православных храмов** и пр.

Вместе с тем в Харбине имелась конечно же собственная китайская городская администрация и даже полиция, выполнявшие, впрочем, чисто формальные функции, поскольку меры по управлению городом и охране порядка в нём осуществлялись главным образом структурами КВЖД во главе с генерал-лейтенантом *Хорватом.* Он в Харбине на тот момент был «царь и бог». Авторитет этого человека, управлявшего КВЖД и одновременно её столицей – Харбином с 1903 г., являлся настолько значительным, что ему на территории города ещё при жизни установили целых два

**Иван Юдин* вскоре после прибытия в Харбин отбыл в деловую командировку в Амурскую область.

***Это уж было так заведено, как куда придут русские – так давай сразу хороводы водить и храмы строить, да ещё – огороды садить: лук, чеснок, тыкву с кабачками, ягоды там разные... А как же!

монументальных изваяния*. А земли КВЖД в тот период называли не иначе, как счастливой «Хорватией»**.

Вторую по численности часть населения города составляли, естественно, китайцы. Но, в силу того что Харбин по китайским меркам считался вполне заштатным городом, местная ханьско-маньчжурская «диаспора», представленная людьми мало примечательными, не имела здесь значительного веса. По воспоминаниям русских, живших здесь в тот период, китайцы выполняли в Харбине главным образом функции прислуги, разносчиков, перевозчиков ну и т.п. Русские же служили в системе управления и администрации железной дороги, а также на самой дороге, работали в сфере культуры и образования, успешно занимались коммерцией и бизнесом.

По делам коммерческим русским бизнесменам, особенно в последние, военные и революционные годы, приходилось часто сталкиваться с многочисленными китайскими менялами, сидевшими на перекрёстках наиболее оживлённых улиц и занимавшихся, что называется чисто по наитию, своим достаточно непростым ремеслом. У них можно было обменять практически любую валюту на русские рубли и наоборот, причём делалось это, как отмечали современники, по самому верному курсу. Не прибегая к услугам биржевых сводок, интернета и мобильной связи, китайские менялы знали всю складывающуюся конъюнктуру рынка, в результате чего мгновенно и абсолютно правильно реагировали на любое изменение «погоды» как в экономике, так и в политике региона. Ну не случайно же китайцев называли в ту пору азиатскими евреями.

Кстати, о настоящих евреях. Они по численности населения также занимали далеко не последнее место в столице КВЖД, здесь их насчитывалось более 7 тысяч человек, то есть практически каждый десятый житель Харбина был еврей, что, по меркам как китайской, так и русской статистики того периода, являлось абсолютным нонсенсом. Для примера, в стотысячном университетском Томске их в 1918 г. проживало около пяти тысяч, и это считалось чуть ли не запредельным показателем***. Всем известны дискриминационные законы бывшей Российской империи в отношении данной народности, черты их оседлости и прочее.

---

*Одно воздвигло ему благодарное русское купечество, а другое – китайские граждане. Первое, в виде гранитного обелиска, было установлено в сквере напротив здания управления КВЖД. На памятнике имелась надпись в патриархальном, мещанско-бытовом стиле о том, что при генерале хорошо жилось не только местным купцам, но и чадам их, и домочадцам их, и даже всякому скоту их. На втором мемориальном постаменте также имелась благодарственное посвящение, но уже на двух языках – на русском и китайском, – характеризовавшее *Хорвата* как человека, руководствовавшегося в административной деятельности словами Конфуция (философа, сумевшего создать кодекс морально-нравственных норм, значительно потеснивших на территории целого государства церковно-религиозные догматы; примерно то же самое пытался совершить в России Лев Толстой, и ему это отчасти удалось) о том, что «умение ладить с соседями – великий дар», и о том, что «нельзя выгоду своей страны ставить выше моральных принципов и прав человека».

**Предок *Хорвата*, серб по национальности, но проживавший на территории Хорватии, в период царствования Елизаветы Петровны, с согласия австрийских властей, перешёл на русскую службу. Причём, как гласит легенда, перешёл не один, а с находившимися под его командой тремя гусарскими и семью пехотными полками, получив от русского правительства приказ: охранять южные рубежи России от нападения турок, в районе современных Херсона и Одессы. Эти земли в тот период даже получили название Новой Сербии, однако впоследствии, во времена светлейшего князя Потёмкина, их переименовали в Новую Россию (Новороссию).

***А самым еврейским городом Сибири и Дальнего Востока – так, между прочим, отчего-то вспомнилось – был в то время Каинск (даже само название города уже о чём-то говорило), нынешний Куйбышев в Новосибирской области. Здесь до революции, если верить историческому преданию, общее число синагог почти равнялось количеству православных храмов.

Ну так вот, в тот период, когда КВЖД только начинала строиться, генерал губернатор Приамурья Н.И. Гродеков ходатайствовал перед царским правительством о том, чтобы на территории железной дороги в период её строительства и освоения несколько ослабить меры ограничения относительно проживания евреев, для того чтобы привлечь на КВЖД и главным образом в её столицу разного рода деловых людей, коих среди «избранного племени» всегда было немало. Обдумав и взвесив все «за» и «против», правительство приняло решение – разрешить администрации дороги действовать в этом вопросе, что называется, исходя из собственных интересов.

Таким образом, Харбин в начале прошлого века стал своего рода «свободной политической зоной» для российских евреев, и их количество особенно в Харбине начало сразу же значительно расти, увеличившись с 1903-го по 1906 гг. вдесятеро – с трёхсот до трёх тысяч человек. А к 1913 г. их численность достигла уже пяти тысяч, так что генерал *Хорват* даже разрешил харбинским евреям не только построить синагогу, но и организовать собственное национальное культурно-просветительское общество. Таким образом, и от лица этого народа *Дмитрий Леонидович Хорват* также вроде бы заслужил себе памятник, но они его почему-то не поставили. Необходимо отметить ещё, что количество евреев в харбинских революционных организациях также было весьма значительно и даже, может быть, более весомо, чем опять же в целом по России. То же самое наблюдалось и в среде легальных общественных структур. Так, например, число гласных Харбинской городской думы еврейской национальности в 1917–1918 гг. равнялось двенадцати из сорока, то есть уже каждый четвёртый депутат.

Такого рода факты не могли не повлиять на антисемитские настроения. Они так же, как и повсюду в России, имели место и в китайско-русском Харбине. Более того, в свете последних событий революции 1917 г. таковые настроения в силу всем известных причин ещё более усилились, и это несмотря даже на то, что официально все дискриминационные законы в области еврейского вопроса были Временным правительством сразу же отменены, а разжигание национальной вражды и межэтнической ненависти с той поры стало преследоваться по суду*. Так к чему, собственно, мы завели речь о юдофобстве? А к тому, однако, что, когда в Харбин прибыли члены Сибирского правительства, жители города вместо лиц достаточно хорошо всем известных – *Потанина, Адрианова*, *Крутовского* или *Вологодского*, например, – увидели, извините, всё те же примелькавшиеся за последний политический год, физиономии «избранного племени», темноволосых, кудрявых молодых людей, ловко владевших, как д'Артаньян шпагой, индивидуальным лингвистическим аппаратом, и потому с лёгкостью дававших направо и налево интервью местной печати. «Ну, с этими вы-

*Вдобавок ко всему евреи стали требовать для себя ещё и создания культурно-национальной автономии на территории России, что также очень многих возмущало: «…из грязи, да в князи». В одной из томских газет того периода нам попалась небольшая статья на эту вечную тему, из которой запомнилось одно, на наш взгляд, весьма интересное место. Оказывается, в самом начале Великой французской революции поднимался тот же самый вопрос и теми же самыми людьми. Так вот, одним из немногих депутатов, кто поддержал тогда подобного рода требования в Национальном собрании, был мало тогда кому известный адвокат – Максимилиан Робеспьер, ставший спустя некоторое время диктатором Франции. При правлении Максимилиана Робеспьера его младший брат Огюст руководил захватом главного оплота монархистов Франции, города Тулона, а его военным помощником в той операции стажировался также мало пока кому знаменитый на тот момент молодой генерал Наполеон Бонапарт. Дальнейшее стремительное возвышение которого после взятия Тулона также весьма примечательно и имело, похоже, всё тот же принцип домино.

скочками всё понятно, – обсуждали тогда в Харбине последние новости, – Своих говорунов хватает» («Забайкальская новь», Чита, за 5 октября 1918 г., интервью *Колобова*).

Однако вернёмся к нашей главной теме – к вопросу об организации антибольшевистского сопротивления на востоке страны. В Харбине в начале 1918 г. создалась в определённом смысле вполне уникальная ситуация. Дело в том, что, если не считать Кубани, где несколько казачьих станиц в то время находились под контролем блуждающей по степям Добровольческой армии генерала *Корнилова* (по происхождению – сибирского казака, кстати), Харбин оставался, пожалуй, единственным «российским» городом, на территории которого ещё не успела утвердиться советская власть. Отсюда её безвозвратно выдворили ещё в декабре 1917 г., вследствие чего в некоторых отчаянных головах родилась тогда идея создания в Харбине, как некогда в Нижнем Новгороде в 1611 г., нового народного ополчения для освобождения родины от ненавистных красных оккупантов. Под такую великую идею сразу же нашёлся и собственный князь Пожарский в лице генерал-лейтенанта *Дмитрия Леонидовича Хорвата*. Что ж, мужчина он был и вправду весьма представительный: гигант двухметрового роста, с окладистой, почти до самого пояса бородой, по моде эпохи императора-миротворца Александра III. Немного позже нашёлся и свой собственный, доморощенный что называется, Кузьма Минин. В этой «роли» выступил известный харбинский адвокат, член кадетской партии *Владимир Иванович Александров*.

Присяжный поверенный *Александров* ещё с начала 1917 г. возглавлял в Харбине общественное объединение демократических сил города под названием Дальневосточный комитет защиты родины и революции, в который входили как представители правых, так и умеренно левых сил. Однако, после того как большевики разогнали Учредительное собрание, *Владимир Александров* решил, во-первых, несколько перепрофилировать своё общественное объединение, удалив из него левых политиков, а во-вторых, придать ему статус инициативной группы по организации на востоке России центра антибольшевистского сопротивления. В соответствии с этими изменениями соответственно была переименована и сама александровская организация. Теперь она стала называться Дальневосточным комитетом защиты Родины и Учредительного собрания*.

Для работы в новом политическом объединении *Александров* привлёк, прежде всего, представителей местных бизнес-кругов, кадетской партии, а также некоторых других организаций, видевших путь спасения России в здоровом политическом консерватизме, призванном мерами жестко-принудительного характера на время немного притушить пламень не на шутку разгоревшегося революционного пожара. Из всего вышеизложенного становится ясно, что Комитет оказался перепрофилирован в сугубо правую политическую организацию с примесью, по некоторым сведениям, даже некоторого антисемитизма**.

В этот же Комитет где-то в конце января – в начале февраля 1918 г. был привлечён для работы недавно прибывший в Харбин бывший комиссар Временного правитель-

---

*В некоторых источниках иногда встречается название «Дальневосточный комитет *активной* защиты Родины и Учредительного собрания».

**Такие подозрения возникли вследствие того, в частности, что сам организатор Комитета господин *Александров* имел очень тесные связи с харбинской газетой «Призыв», крайне правого, а по мнению некоторых источников, даже и черносотенного направления. Вместе с тем, по другим данным, в Даль-

ства по Иркутской губернии сорокасемилетний *Иван Александрович Лавров*. Человек абсолютно без какого-либо революционного прошлого, бывший чиновник губернского правления, выдвинутый после Февральской революции новыми демократическим властями на роль руководителя иркутской губернской администрации. В тот же период *Лавров* вступил в эсеровскую партию, но, как только получил назначение на должность, тут же вышел из неё по этическим соображениям – как лицо, «определённое к власти»*. После большевистского переворота в ноябре того же года Иван Александрович в числе лиц прежней администрации сначала лишился своего поста, а потом оказался под арестом. Однако в ходе декабрьского вооруженного мятежа его освободили из тюрьмы восставшие юнкера. Спустя некоторое время в январе 1918 г. теперь уже бывший губернский комиссар Временного правительства в целях личной безопасности уехал из Иркутска в Харбин.

По воспоминаниям самого *Лаврова* («Свободный край», Иркутск, №№114, 115, 116 за ноябрь 1918 г.), уже при пересечении китайской границы (ехал поездом), на станции Маньчжурия он встретил много знакомых ему по иркутскому антибольшевистскому сопротивлению людей. И среди них полковника *Леонида Скипетрова* – одного из организаторов декабрьского вооруженного выступления в городе, а теперь служившего у *Семёнова* в должности начальника его штаба. *Скипетров* одобрил поездку *Лаврова* в Харбин, уведомив его, что там как раз сейчас создаётся комитет по защите Учредительного собрания, который на добровольных началах собирает под своё крыло всех противников советской власти как из числа гражданских так и из числа военных лиц. Этим комитетом, сообщил также *Скипетров*, организована, в частности, и финансовая поддержка отряда *Семёнова*, призванного стать авангардом вооруженного антисоветского сопротивления.

Напутствуемый такими весьма обнадёживающими известиями, *Иван Лавров* с ещё большим нетерпением поспешил в Харбин. Прибыв в столицу КВЖД, он встретил здесь ещё одного своего хорошего иркутского знакомого – полковника *Никитина*, который в тот период как раз занимался формированием военных отрядов при Дальневосточном комитете, он-то вскоре и порекомендовал *Лаврова* в организацию *Александрова*. В ней оказались очень рады новому члену – такому высокопоставленному в недавнем прошлом чиновнику Временного правительства. Там, правда, к этому времени уже был один такой экс-губернатор – бывший комиссар по всему Дальневосточному региону *А.Н. Русанов*. Войдя в Комитет защиты Родины и Учредительного собрания, *Лавров* вскоре занял в нём пост сопредседателя и фактически начал руководить всей повседневной деловой работой данной организации.

Однако всё пошло не так гладко, как это, может быть, воображалось на первых порах *Александрову* с *Русановым*, а потом и *Лаврову*. Казалось бы, чего же проще: собраться, объединиться и всем миром, что называется, ударить как следует по большевикам. Ан нет. Тут получилось, как всегда: «Велика землица наша, да порядка

невосточный комитет (но, возможно, только на первых порах) входило несколько лиц еврейской национальности, назывались даже фамилии: Кайдо, Дистерло, Боннер, Дризин, Залевский.

*Так, по крайней мере, формально порядочно поступали тогда многие в России. Сейчас, к сожалению, наоборот: любой крупный, средний и даже порой самый мелкий административный руководитель почему-то считает для себя вполне возможным состоять действительным членом правящей в стране партии – не лучшая большевистская традиция. В силу этого в ходе политической перестройки конца XX века некоторые успели приобрести даже несколько партийных билетов – от коммунистов до единороссов включительно. И ничего?..

в ней нет». Создался в общем своего рода классический крыловский квартет, и не потому конечно же, что не там садились, а потому, что «когда в товарищах согласья нет, на лад их дело не пойдёт». Так вначале изрядно рассорились между собой неформальные подчинённые полковника *Никитина*, заведующего военным отделом Дальневосточного комитета: есаул *Семёнов* и начальник харбинского добровольческого офицерского отряда полковник *Николай Васильевич Орлов*.

Главным образом эти два, как принято сейчас говорить, полевых командира не смогли договориться друг с другом по вопросу формирования собственных отрядов. Дело в том, что оба создавали свои подразделения на добровольной основе, в первую очередь, из числа мигрировавших на территорию КВЖД офицеров бывшей царской армии. Последние в ходе поэтапного движения по железной дороге с запада на восток вполне естественным образом попадали сначала на станцию Маньчжурия, в столицу семёновской вотчины. Здесь их как следует обрабатывали атаманские агитаторы и покупали в основном тем, что обещали прямо завтра же отправить их в бой против ненавистных большевиков. У части офицеров ещё имелась в наличии, что называется, не излитая злость на красных, так что некоторые принимали приглашение атамана и записывались в его отряд. Хотя, честно говоря, таких добровольцев было не так уж и много, как того хотелось бы в тот момент не только *Семёнову*, но и другим отцам-командирам.

По воспоминаниям современников, на территорию КВЖД попадали в тот период, как правило, люди, мягко выражаясь, не первого сорта, в основном так называемая офицерская вольница, своего рода «перекати-поле», люди, привыкшие в прежние годы на достаточно высокие офицерские оклады вести разгульный образ жизни. Такая публика, честно говоря, мало интересовалась предложениями маньчжурского воеводы и стремилась поскорее пробраться в мирный Харбин, устроиться там на хорошую офицерскую или гражданскую должность с приличным жалованьем, ну и т.д., не нарушая таким образом вполне привычного и устоявшегося годами уклада жизни. Видя, что добровольно уговорить офицеров не всегда удаётся, *Семёнов* стал частенько прибегать к добровольно-принудительному методу вербовки в подконтрольные ему части и, надо сказать, достаточно преуспел на этом поприще. Однако после первого же боя в семёновских сотнях насчитывалось сразу весьма значительное число дезертиров* в таком случае.

Так вот, тот факт, что большинство офицеров по милости *Семёнова* не доезжали до Харбина, очень обескураживал начальника харбинского добровольческого отряда полковника *Орлова*, поэтому он сразу же, как только узнал о случаях принудительных задержек, начал «точить зуб» на атамана. А причиной, окончательно рассорившей *Николая Орлова* с *Григорием Семёновым*, стало, если так можно выразиться, нерациональное использование забайкальским атаманом специальной офицерской роты, выделенной из состава отряда полковника *Орлова* в период январско-февральского наступления, а вслед за ним и скорого отступления семёновских частей как раз в период того политического кризиса в Чите, о котором мы рассказывали чуть выше.

**Барон Унгерн*, например, для пресечения подобного рода неблаговидных поступков прибегал иногда, как гласит легенда, к сожжению на костре провинившихся офицеров, считая, что просто расстрелом уже мало кого напугаешь, тем более что многие в тот период воспринимали смерть не как наказание, а как долгожданное избавление от ужасов и кошмаров осточертевшей им вконец современной действительности.

Когда читинские красные части выбили семёновцев со всех позиций и подошли к станции Мациевская, последнему рубежу обороны перед китайской границей, подчинённые атамана дрогнули и побежали, а станцию остался оборонять один лишь отряд доблестных сербов. Тогда им на выручку из своего резерва *Семёнов* направил роту орловцев, несколько человек из числа которой было убито во время этой контратаки, а многие ранены. Полковник *Орлов*, когда узнал о случившемся, сам лично выехал на станцию Маньчжурия и сгоряча высказал *Семёнову* всё, что он о нём думал. Больней всего Николая Васильевича задело за живое то обстоятельство, что основную часть его изрядно потрепанной в бою роты составляли юнцы-кадеты, учащиеся Благовещенского военного училища, в конце декабря 1917 г. бежавшие от большевиков в Харбин и в азарте непосредственного юношеского энтузиазма сразу же вступивших почти в полном составе в число добровольцев *Орлова.*

В то же самое время, когда разворачивался уже в полном объёме конфликт с атаманом *Семёновым*, полковник *Орлов* впал в немилость ещё и к генералу Самойлову, начальнику охранной стражи КВЖД. Эта военизированная структура начала формироваться по решению правления железной дороги взамен прежней пограничной стражи, большевизированной и потому распущенной генералом *Хорватом* в конце 1917 г. В корпус охранной стражи стали набирать, в том числе, тех самых бывших офицеров царской армии, просачивавшихся сквозь большевистские и семёновские кордоны в Харбин. Непосредственным командиром формируемого отряда и был назначен полковник *Орлов*. Данное добровольческое подразделение вскоре взял под негласную опеку Дальневосточный комитет защиты Родины и Учредительного собрания, в силу чего личный состав орловского отряда получал не только денежное содержание со стороны КВЖД, но и значительные прибавки к жалованью, осуществлявшиеся по линии Комитета на средства, полученные от спонсоров. «Обыкновенно на ежемесячное содержание отряда, кроме жалованья, выдавалось по 2 рубля в сутки на человека и по 4 рубля на лошадь романовскими деньгами. Даже по тогдашним временам, в Харбине этого хватало на продовольствие с избытком», – вспоминал позже о тогдашнем житии-бытии своих подчинённых полковник Орлов.

И всё бы, как говорится, ничего, но тут против подобного рода сотрудничества одного из отрядов корпуса охранной стражи с Дальневосточным комитетом резко выступил генерал Самойлов; «когда в товарищах согласья нет...» Генерал являлся человеком, что называется, старой закалки, по сути, видимо, даже монархистом. Он прибыл в Харбин недавно со специальной миссией, предварительно получив в Петрограде указания от самого товарища (заместителя) председателя правления КВЖД господина Вентцеля. Имея такого протеже, он, во-первых, ни с кем не желал делиться своими «особыми» полномочиями, а во-вторых, как приверженец старого режима, он вообще был против всяких там комитетов, появившихся благодаря революции и, как считал генерал, всё вконец погубивших. Ну а когда М.К. Самойлов узнал о том, что в Дальневосточном комитете к тому же ещё и полным полно «жидов», он и совсем повернулся ко всем этим делам спиной.

Он рассчитывал под собственным руководством и при поддержке одного только генерала *Хорвата* создать укомплектованную по старому войсковому расписанию и основанную на принципах прежнего воинского устава, со строгой иерархией и беспрекословной подчинённостью боевую структуру, способную, как считал он, только

в таком проверенном временем виде сокрушить все домогательства врагов на величие Российской империи. И каково же было крайнее удивленнее генерала Самойлова, когда до него дошли сведения о том, что без его ведома Дальневосточный комитет не только курировал один из отрядов охранной стражи, но и организовал командировку целой роты стражников в помощь ещё одному революционному самозванцу, с позволения сказать, атаману, какому-то там, понимаете, *Семёнову.*

Тотчас же по получении такого рода известий Самойлов вызвал к себе *Орлова* и незамедлительно ознакомил последнего с приказом о его отставке. Потерявший таким образом работу полковник в понятно каком взвинченном состоянии прибыл на станцию Маньчжурия разбираться по поводу «нецелевого» использования атаманом роты охранной стражи. И тут ему под горячую руку попался сам *Семёнов*, или – наоборот – *Орлов* нарвался на разгневанного последними военными поражениями Григория Михайловича. Так или иначе, но между ними, по всей видимости, произошёл очень крупный разговор, после которого дальнейшее сотрудничество двух полевых командиров оказалось под большим вопросом.

После этого, вернувшись в Харбин, *Орлов*, однако, к радости своей, узнал, что он не остался без средств к существованию и что его вместе с отрядом, хотя и неофициально, но принял к себе на службу Дальневосточный комитет. Скандал с Самойловым вскоре замяли, а генерала, чтобы не мешал общему делу, отправили поскорей самого в отставку. Отряд *Орлова*, кстати, так и остался для прикрытия под крышей корпуса охранной стражи, а на место Самойлова был назначен шестидесятилетний полный генерал (генерал армии по-современному) *М.М. Плешков*. Начальником штаба при нём утвердили Б.Р. Хрещатицкого, сына давнего знакомого генерала *Хорвата* бывшего генерал-губернатора Приамурья Р.А. Хрещатицкого.

Эта новая старая гвардия в общем-то ничем практически не отличалась от оказавшегося кому-то неугодным генерала Самойлова и стала насаждать в корпусе именно те самые порядки, которые и мечтал, собственно, восстановить в воинских частях прежний начальник корпуса охранной стражи. Об одном из негативных проявлений староуставной дисциплины, введённой таким образом в корпусе, писал в своих воспоминаниях, в частности, всё тот же полковник *Н.В. Орлов*:

«Генерал *Плешков* установил ежедневный наряд довольно солидного караула для личной охраны и выставления у входа в квартиру почётных парных часовых. Правда, последнее предусматривалось воинским уставом былого времени, и ничего необыкновенного в этом не было. Но на деле создалось щекотливое положение: молокососов-ординарцев генерала очень забавляло, как стоявшие в роли часовых офицеры отдавали им честь, делая приёмы винтовкой по-ефрейторски «на-караул», и всё время они умышленно шмыгали перед ними для своего удовольствия. Это страшно нервировало всех в отряде, так как по наряду приходилось отбывать эту повинность не только молодежи, но и более солидным чинам, несшим службу в строю рядовых. Генерал, конечно, в эти тонкости не вникал. Однако у орловцев сразу же зародилось неприязненное чувство к штабу российских войск за то, что у него не оказалось чутья сгладить подобную шероховатость».

В остальном, если отбросить вышеобозначенные «шероховатости», дело по формированию единой военной команды в корпусе охраной стражи вроде бы пошло потихоньку на лад. Теперь на очереди стоял вопрос об объединении частей ОМО атамана *Семёнова*, корпуса охранной стражи, а также отряда уссурийских казаков под

началом *Ивана Калмыкова*, дислоцировавшегося на противоположной – восточной – стороне КВЖД, на пограничной с Россией станции, которая так и называлась – Пограничная. Формально обязанности главнокомандующего всеми этими частями стал исполнять в тот период бывший начальник штаба Восточно-Сибирского военного округа полковник *М.П. Никитин*. Однако его авторитет не признал не только штаб охранной стражи, состоявший из боевых полковников и генералов, но даже и вышеупомянутые казачьи атаманы *Семёнов* и *Калмыков*.

С этим нужно было что-то делать. И тогда у кого-то в голове созрела одна очень дельная мысль: пригласить на должность главнокомандующего человека, который своей известностью, а также влиянием собственных выдающихся заслуг перед отечеством объединил бы и возглавил все имевшиеся в наличии на территории КВЖД воинские контингенты. И, на счастье, вскоре нашёлся на Дальнем Востоке именно такой человек, им оказался не кто иной, как бывший командующий Черноморским флотом России вице-адмирал А.В. Колчак («приглашённая звезда», «роковой для Сибири человек»), находившийся в тот момент на службе у британской короны и направлявшийся морем через Шанхай и Гонконг на Месопотамский противогерманский фронт.

Колчака возвратили почти с полдороги и отправили в приказном порядке (потому что долго не соглашался) в распоряжение русского посла в Китае князя *Н.А. Кудашева*. По прибытии в Харбин Колчак, как и планировалось, был назначен на ту самую трудную должность, которую исполнял до него полковник *Никитин*, то есть главнокомандующего всеми вооруженными силами в так называемой полосе отчуждения КВЖД. Однако даже это назначение никоим образом не спасло положения. Авторитет нового главнокомандующего вице-адмирала Колчака по-прежнему не захотели признать ни старший по воинскому званию генерал от кавалерии *Плешков*, ни даже младшие по званию полевые командиры – есаул *Семёнов* («соловей-разбойник») и подъесаул *Калмыков* («воробей-разбойник»).

Теперь что касается харбинских политиков. Им, как и военным, также не удалось найти общего языка между собой. Несколько группировок, разделившихся на две противоборствующие стороны, вроде бы и вели постоянный диалог, но так и не смогли прийти к единому мнению по поводу формирования антибольшевистской коалиции. Наиболее влиятельной силой на тот момент в Харбине конечно же являлись представители дальневосточных деловых кругов, имевших, что опять-таки немаловажно в политической борьбе, значительные финансовые аргументы. Это были члены дальневосточных биржевых комитетов, торгово-промышленных палат, а также просто бизнесмены, нашедшие приют в Харбине и объединённые, что называется, общими идейными соображениями. Данная группа, как мы уже отмечали, активно поддерживала Дальневосточный комитет защиты Родины и Учредительного собрания, становившийся в тот период весьма весомой политической организацией в Харбине.

Следующей также достаточно влиятельной группой являлись прибывшие в Харбин из Томска министры Временного правительства автономной Сибири, а также члены Сибирской областной думы. За их плечами были два организованных общесибирских съезда, их решения, постановления, налаженные связи с иностранными консулами и пр. Ещё одной силой, которая по идейным, политическим и, наконец, партийным соображениям практически безоговорочно поддерживала своих товари-

щей из Сибирского правительства, являлось так называемое объединение демократических представителей от местного харбинского, а также от ряда дальневосточных городских и земских самоуправлений. В некоторой степени, исходя из тех же самых мотивов, поддерживали сибирских министров ещё и лидеры железнодорожных профсоюзных организаций. Все перечисленные и ряд других общественно значимых структур объединялись: с одной стороны – вокруг откровенного правого Дальневосточного комитета, с другой – вокруг умеренно левого Сибирского правительства. Таким образом, именно этим двум ведущим организациям и предстояло договориться (на ближайшие как минимум 200 – 300 лет) во имя союза политических сил, противостоящих как крайне левым, так и крайне правым.

По плану, предложенному министрами ВПАС, а также членами СОД и одобренному консулами союзных государств, означенные группировки должны были сформировать из своего состава единое политическое объединение, состоявшее на одну треть из членов ВПАС, на одну треть – из представителей Дальневосточного комитета защиты Родины и Учредительного собрания и ещё на одну треть – из представителей от местного самоуправления дальневосточных областей и городов. Намечавшееся сближение представлялось таким же простым, как и планы по созданию единой вооруженной группировки в составе трёх добровольческих подразделений – корпуса охранной стражи, отрядов *Семёнова и Калмыкова*. Но все эти намерения ровно с таким же, как и у военных, чисто русским, фирменным «блеском» и провалились.

Сначала против такого неравнодолевого, с их точки зрения, объединения выступили члены Дальневосточного комитета, поскольку посчитали, что данный вариант обеспечивает явный перевес для левых сил, в лице министров ВПАС и солидарных с ними представителей местного самоуправления, выбранного на революционно-демократической волне 1917 г. и в большинстве своём состоявшего из членов партии меньшевиков, эсеров и даже большевиков. С целью хоть как-то уравнять позиции левых и правых группировок в союзном совете александровский Комитет, как единственно возможный в данном случае компромиссный вариант, предложил утвердить в качестве руководителя готовившегося политического объединения генерала *Хорвата*.

Однако эта, с точки зрения некоторых, достаточно нейтральная политическая фигура абсолютно не устроила министров Сибирского правительства. Они и так считали, что, вопреки решениям декабрьского Сибирского областного съезда, отказавшего представителям правых сил в сотрудничестве, в деле организации новой власти на востоке России, пошли на слишком большие уступки, начав переговоры с торгово-промышленниками, кадетами, а даже, как они считали, с латентными черносотенцами, скрытыми в недрах Дальневосточного комитета*. Вдобавок ко всему в качестве председателя единого политического органа им ещё и предложили человека, по данным разведки, абсолютно старорежимных взглядов. Такой расклад в Сибирском правительстве, а также в кругах, близких к нему, восприняли уже как явный перебор и категорически отвергли «вариант с Хорватом».

Результат потраченных усилий оказался, таким образом, почти нулевой, и тогда, видя, что в Харбине никак не договорятся, спорщиков решили помирить в Пекине

*Каждый представлял этот Комитет, кажется, на свой лад: генерал Самойлов, как мы помним, усмотрел в нём сборище «жидов», министры Сибирского правительства, напротив, нашли в его составе скрытых черносотенцев. Короче, повод для размолвки русский человек всегда найдёт.

и вызвали представителей той и другой сторон, а также отдельно генерала *Хорвата* «на ковёр» к бывшему послу России в Китае *Н.А. Кудашеву*. Его полномочия до той поры по-прежнему признавали миссии союзных держав и полагали, что и харбинским политикам авторитет и богатый дипломатический опыт имперского посланника смогут помочь договориться.

И вот делегаты от двух «непримиримых» группировок в лице *Ивана Лаврова* от Дальневосточного комитета и *Леонида Устругова* от Сибирского правительства примерно в начале марта 1918 г. прибыли в Пекин для переговоров. Однако и на этот раз заключить соглашение им не удалось. В Пекине неожиданно для всех заартачился сам посредник нового раунда переговоров – князь *Кудашев**. Так, *Иван Лавров* в своих воспоминаниях о тех событиях («Свободный край», Иркутск, №№114, 115, 116 за ноябрь 1918 г.) однозначно подчёркивал, что к нему *Кудашев* отнёсся настороженно – как к бывшему эсеру, а к *Устругову* – как к представителю социалистического Сибирского правительства и вообще был настроен явно недоброжелательно. Другое дело генерал *Хорват*, с ним диалог по старой памяти наладился у посла сразу же и оттого получился вполне плодотворным.

Представителю Сибирского правительства формально отказали во внимании также и в дипмиссиях союзных держав. К тому же, как замечал *Лавров*, иностранцы к тому времени якобы начали уже немного охладевать к этому правительству. И всё потому, что оно в январе-феврале так быстро и бездарно проиграло противостояние с большевиками; слов, обещаний и деклараций было, как говорится, более чем достаточно, а вот конкретных дел оказалось совсем немного. К Дальневосточному комитету союзные послы хотя и отнеслись с большим вниманием, чем к Сибирскому правительству, однако поддержать его открыто они не рискнули. Их смутила, надо полагать, однобоко правая ориентация Комитета.

*Его сиятельство князь *Кудашев* и впрямь был весьма странный (хотя – не странен кто?) и немного «мутный», как это принято сейчас (после 31 декабря 1999 г.) говорить, господин, почти настоящий двуликий Янус. По родословной князья его фамилии вели происхождение через Саид-Ахмета (жившего во второй половине XIII века) от Чингизидов улуса Джучи. Вместе с тем, по одной из версий, Николай Александрович являлся всего лишь незаконнорождённым сыном одного из князей Кудашевых, записанным в княжеский титул только благодаря стараниям горячо любимой матери, выхлопотавшей через суд ценой неимоверных усилий титул для единственного сына. Окончив военное училище, молодой *Кудашев*, однако, не стал связывать дальнейшую судьбу с военной службой, а благодаря связям, на сей раз своей жены, через А.П. Извольского, будущего министра иностранных дел России, сделал себе неплохую карьеру на дипломатическом поприще. Достигнув звания действительного статского советника (гражданского генерал-майора) и камергера, *Кудашев* накануне Февральской революции в возрасте 49 лет получил должность посла России в Китае (а Китай, он всегда Китай, то есть великая держава). Князь считался горячим патриотом и даже после двух революций 1917 г., по некоторым сведениям, оставался тайным монархистом по политическим убеждениям.

С другой стороны (и как тут не вспомнить известную гоголевскую фразу из «Мёртвых душ»: «Хороший человек, да и тот, по правде сказать, разбойник, только что не масон»), некоторые источники обвиняют *Кудашева* в принадлежности к традиционно враждебным российскому императорскому трону масонским организациям. Так, О. Платонов причисляет его к членам известного масонского ордена под названием Великий восток Франции. Известен также эпизод 1920 г., связанный с перезахоронением неподалёку от Пекина останков членов императорской фамилии, родственников последнего русского царя, казнённых большевиками в Алапаевске и вывезенных по личному распоряжению адмирала А.В. Колчака в бытность его верховным правителем России на восток. По некоторым данным, *Кудашев* якобы чинил массу препятствий при доставке гробов с их останками из Харбина в Пекин. Также известно, что посла *Кудашева* не оказалось почему-то среди встречавших этот «груз 200» на перроне Пекинского железнодорожного вокзала, а ведь, как монархист, он был просто обязан там присутствовать, но что-то, видимо, помешало...

Лишь одна Япония, что называется, не побрезговала союзом с правыми харбинскими группировками и пообещала оказать александровской организации необходимую ей материальную помощь в полном объёме. По свидетельству *Лаврова*, японские представители и Сибирскому правительству ещё в Харбине строго конфиденциально, то есть в тайне от всех, делали точно такое же предложение. Но взамен попросили в случае удачного завершения совместного мероприятия предоставить в их распоряжение полную монополию на сибирские промыслы и уравнять японцев в правах с гражданами России на территории, подконтрольной Сибирскому правительству. Такие условия для сибиряков оказались абсолютно неприемлемыми, и переговоры с японцами сразу же были прерваны.

В результате иностранные союзники, видя, что комитет *Александрова* и правительство *Дербера* никак не могут договориться между собой, решили, наконец, отказаться от дальнейших планов по созданию единой политической коалиции и сделали ставку в деле организации антибольшевистского сопротивления на востоке страны теперь на структуры КВЖД во главе с генералом Хорватом. В том числе и на подконтрольные администрации дороги части охранного корпуса в Харбине. Японцы же через Дальневосточный комитет как запасной вариант должны были оказывать поддержку отрядам *Семёнова и Калмыкова*.

Вернувшись в Харбин и видя такой расклад сил, предрасположенный явно не в их пользу, члены дербеpовской группы решили действовать самостоятельно и приступили к формированию собственных вооруженных отрядов в столице КВЖД. Однако в ответ на такого рода попытки сразу же последовал категорический запрет со стороны китайских властей, заявивших, что они не могут допустить организации на своей территории вооруженных подразделений иностранного правительства. Прибывший к тому времени в Харбин военный министр *Краковецкий*, а вместе с ним и другие члены Сибирского кабинета министров, находившиеся в тот период в столице КВЖД, конечно же были весьма обескуражены таким решением китайской администрации. Однако что-либо изменить в этом плане не представлялось возможным, и поэтому им ничего не оставалось, как сделать ставку исключительно на те боевые группы, что тогда уже формировались в городах Западной и Восточной Сибири, а также наладить контакт ещё и с дальневосточными областями, и прежде всего с близлежащим Приморьем, для того чтобы создать там подпольные вооруженные формирования и опереться потом на них в период планировавшегося вскоре антибольшевистского выступления.

С этой целью во Владивосток по распоряжению *Краковецкого* отправился специальный уполномоченный по фамилии Ходип, но он по совершенно нелепой случайности провалился: его кто-то узнал на одной из улиц Владивостока и сдал большевикам как непримиримого врага советской власти. После ареста Ходипа к делу по организации вооруженных отрядов был привлечён находившийся во Владивостоке полковник Толстов, однако его кандидатура оказалась тоже не совсем удачной. Дело в том, что у полковника во время его службы в 1917 г. в красноярском гарнизоне долгое время не складывались отношения с *Аркадием Краковецким* как командующим Восточно-Сибирским военным округом. Отношения между ними и в рассматриваемый период оставались натянутыми, так что в итоге в период антисоветского мятежа полковник Толстов вышел из подчинения *Краковецкому* и перешёл вместе со всем своим отрядом в ведение Приморского областного земства.

Но далее. Между Харбином и сибирскими городами уже в марте 1918 г. начали интенсивно курсировать связные ВПАС под видом мешочников, спекулянтов, а также и более представительных личностей – с официальными документами сотрудников кооперативных организаций. Особо секретные вояжи совершали эсеры, имевшие опыт ещё дореволюционной подпольной деятельности. Связные привозили в Харбин отчёты о проделанной штабами работе, а увозили в Сибирь деньги и новые инструкции. По воспоминаниям *Михаила Колобова* («Забайкальская новь», Чита, за 5 октября 1918 г.), с одним из первых таких траншей в Томск в распоряжение местных эсеровских подпольщиков поступило около 100 тысяч рублей, в Иркутск было переправлено 70 тысяч, а в Читу – 50.

Известно также, что, например, центральный штаб подпольных организаций, располагавшийся сначала в Томске, а потом в Новониколаевске, несколько раз посылал в Харбин в качестве своего курьера члена правоэсеровской партии, томского студента-медика *Кронида Белкина*. Для связи *Краковецкого* с организациями Иркутска и частями атамана *Семёнова* использовался один из заместителей военного министра некто – Б.Н. Волков. Из Иркутска в Харбин неоднократно ездил актёр местного театра М.А. Смоленский.

Но не только посредством связных контактировало военное ведомство ВПАС со своими тайными организациями. Для передачи необходимой информации использовали и вполне легальное средство – телеграф. При помощи специальных кодовых обозначений в телеграммах, которые на собственные средства посылали друг другу кооперативные конторы, например «Закупсбыт» из Новониколаевска в Харбин и обратно, передавались необходимые распоряжения или ориентировки. Вот одно из таких телеграфных уведомлений, дошедшее до нас благодаря изысканиям советского историка из Иркутска Г.М. Белоусова: «Харбин. Закупсбыт. Шенцу. Выкупайте рыбу, спешите, едет много спекулянтов, рассчитываться будут наличными. Необходимо соглашение компании ведения борьбы со спекуляцией». Это, по мнению Белоусова, означало следующее: «Спешите с подготовкой организации к выступлению, так как прибывают красные части, необходима координация всех действий». Вот примерно так. На эзоповом языке сибирских подпольщиков «огурцами» в таких телеграммах обозначались винтовки, а «баклажанами» являлись патроны, под «приказчиками» подразумевались офицеры, западные союзники проходили как «пайщики», а большевики шифровались почему-то под именами «Вавилов» или «Дмитриев». Сибирскую думу в телеграммах именовали «Сибцементом», ну и, наконец, у самих членов Думы было, пожалуй, в определённом смысле очень известное и оттого особенно эффектное обозначение – «каменщики». Работа, таким образом, шла полным ходом.

Что касается дальнейшего развития отношений между левыми и правыми в Харбине, то они не только не улучшились, но и, более того, вскоре перешли на новый виток противостояния. Сразу по возвращении из Пекина посланников Сибирского правительства и Дальневосточного комитета в Харбине произошёл ряд событий, вполне отчётливо продемонстрировавших полную непримиримость в отношениях двух политических сил. Это было связано, в том числе, с целым рядом заказных политических убийств, произошедших в тот период в Харбине, а также на некоторых других станциях КВЖД. Самым громким в череде подобных преступлений, совершённых, как под копирку, некими тайными силами, стала расправа над лидером харбинского профсоюза железнодорожников Вольфовичем. С этим профсоюзом достаточно

длительное время вёл переговоры о сотрудничестве от имени Дальневосточного комитета *Иван Лавров*. И вот когда процесс по согласованию общих позиций двух общественно-политических организаций уже практически подходил к концу, люди в масках, прямо как в модных тогда мексиканских кинобоевиках (однако выправка явно выдавала скрывавшихся под «инкогнито» офицеров), похитили Вольфовича, а через несколько дней его нашли в степи, за городом – мёртвым.

Примерно то же самое произошло в Харбине и с инженером Уманским. По одной из версий, организаторами расправы над ним была служившая в отряде полковника *Орлова* группа юнкеров из Благовещенска. В конце 1917 г., в период установления советской власти в Амурской области, Уманский якобы весьма отличился на поприще преследований находившихся в оппозиции к большевикам общественных деятелей, в том числе из среды преподавателей Благовещенского военного училища. Каким образом в 1918 г. Уманский оказался в Харбине – неизвестно, но только его, на беду, угораздило попасться на глаза бывшим благовещенским юнкерам, и вот они якобы его и приговорили.

Далее: на станции Хайлар, отданной атаманом *Семёновым* в качестве вотчины своему ближайшему подручному – барону *Унгерну*, был расстрелян (по некоторым данным якобы даже засечён до смерти плетьми) достаточно известный на Дальнем Востоке политический деятель умеренно левого направления, врач по профессии – некто Григорьев. По версии атамана *Семёнова*, врач Григорьев вёл на станции Хайлар большевистскую пропаганду, и поэтому барон *Унгерн* отдал приказ: сначала его арестовать, допросить, а потом – расстрелять. Некоторые источники в связи с этим, правда, замечают, что казнённый Григорьев никакой политической пропаганды тогда на станции не вёл, а просто*Унгерн* якобы страдал маниакальной страстью преследовать врачей*. По ещё одной версии с Григорьевым на станции Хайлар по личной инициативе свёл счёты один из офицеров унгерновского отряда по фамилии Борщевский, признавший в Григорьеве человека, который в период керенщины участвовал в убийстве его отца, служившего при царе полицейским исправником. Хрен редьки, как известно, не слаще, но последняя версия особенно многих тогда возмутила, поскольку переводила всё дело в разряд мало кому симпатичной, примитивной кровной мести.

Были ещё и другие примеры подобного рода кровавой череды внесудебных расправ. И как результат означенные события не только, мягко говоря, навсегда рассорили левых демократов с правыми, но и одновременно подорвали авторитет русского освободительного движения в среде иностранцев, которым «такой хоккей» оказался явно не по душе. Ибо, обо всех этих полукриминальных политических делах на своих страницах абсолютно откровенно писали в то время не только русские дальневосточные газеты, но и некоторые зарубежные издания. Вследствие чего вполне могла появиться абсолютно нежелательная реакция со стороны, что называется, зарубежного общественного мнения. Так что те силы, которые тогда заказывали музыку в Харбине, сразу же поспешили списать весь негатив на якобы неподконтрольную никому вольницу из отрядов *Семёнова*, *Калмыкова* и *Орлова* (в семье, дескать, не без

*То ли потому, что барон якобы ненавидел «гнилую» интеллигенцию вообще и врачей в частности (про *Унгерна* всегда любили и до сих пор любят рассказывать всяческие жуткости), то ли в этой маниакальной ненависти к врачам была у барона и какая-то своя, особая, мистическая, подоплёка (в 1920 г., кстати, именно врач по фамилии Рибо, служивший в отряде *Унгерна*, станет одним из заговорщиков, захвативших барона и выдавших его на расправу большевикам).

урода), а также на издержки «охоты» некоторых русских офицеров на распространителей наркотиков*.

И, наконец, последнее обстоятельство, которое нам необходимо отметить в связи с первыми месяцами пребывания членов Сибирского правительства в Харбине, – это волну так называемых перебежек приверженцев одного политического лагеря в другой. Вскоре после возвращения из Пекина и нескольких громких убийств, о которых мы только что говорили, осложнились отношения с членами Дальневосточного комитета у нового его сопредседателя *Ивана Лаврова*, так что он вынужден был его покинуть и перейти после некоторого раздумья на сторону группы *Петра Дербера*. Формальным поводом для такого поступка послужил якобы отказ членов Комитета выделить деньги для сибирских подпольщиков. В Дальневосточном комитете *Лаврову* открыто заявили, что подавляющая часть их нелегальных вооруженных формирований подчиняется непосредственно Сибирскому правительству и поэтому помогать им дальневосточные торгово-промышленники не собираются.

Вслед за *Лавровым*, но в прямо противоположную сторону переметнулся вскоре министр путей сообщения Сибирского правительства *Леонид Устругов*. Для сведущих людей не являлось большим секретом, и мы это уже подчёркивали, что он по своим политическим взглядам был весьма близок к партии кадетов, так что харбинским правым не составило, видимо, большого труда переманить его в свой лагерь. В связи с подобными переходами необходимо отметить, в первую очередь, следующее обстоятельство: после того как иностранные союзники приняли решение сделать ставку главным образом на генерала *Хорвата* и подконтрольные ему структуры КВЖД, при нём создали дополнительно ещё один специальный политический комитет, к работе в котором планировали привлечь не только представителей дальневосточных правых

*Последнее действительно имело место, поскольку Харбин в то время был крупной перевалочной базой по переправке из Ирана в Китай по Транссибу больших партий опиума. Как известно, на протяжении XVIII и XIX веков «доблестные» британские колонизаторы огромными партиями, причём абсолютно легально, ввозили в Китай опиум и сбывали втридорога местному населению. В XIX веке, наконец, этот процесс усугубился до такой степени, что достиг в Поднебесной масштабов настоящей национальной катастрофы, вынудившей простой народ в условиях полной коррумпированности чиновничьего аппарата, полиции и министров даже организовать несколько мятежей, вошедших в историю под названием «опиумных бунтов». Многочисленные акты народного волеизъявления жесточайшим образом подавлялись экспедиционными корпусами Англии, Франции, а также, к сожалению, и царской России.

Однако в начале XX века китайским властям ценой неимоверных усилий, преодолевая сопротивление высокооплачиваемого за иностранные деньги местного наркотического лобби, всё-таки удалось законодательно запретить ввоз опиума в страну и его продажу, и тогда он стал поступать в Китай нелегально. После ввода в эксплуатацию Транссиба большие партии наркотиков начали переправлять с Ближнего Востока в Поднебесную транзитом через Сибирь. Некоторые проводники пассажирских поездов, как, наверное, и сейчас, за «долю малую», «детишкам на молочишко», как говорится, в потайных местах перевозили опиум до Харбина, а тут уж он поступал в руки местных наркодилеров. За такими-то дельцами и устраивали нелегальную охоту русские офицеры, желавшие быстро и хорошо подзаработать. Наркотики и тогда, конечно, стоили очень больших денег. Так, например, из дела, заведённого в 1915 г. в отношении начальника Иркутского сыскного отделения Романова, явствовало, что от каждого крышуемого им оптовика (по большей части из числа аптекарей-евреев) он получал в месяц денежное вознаграждение, равное его годовому жалованью (этой традиции у нас в Сибири, таким образом, уже более 100 лет). А барон Будберг, известный мемуарист той поры, прибывший в Харбин также где-то в феврале месяце 1918 г., вспоминал, что по пути с их поездом произошёл небольшой казус. На одной из стаций большевики конфисковали из их железнодорожного состава вагон-ресторан, так как его практически никто не посещал, после чего в купейном вагоне с некоторыми пассажирами произошла настоящая истерика. Оказывается, в стенках конфискованного вагона было спрятано более ста килограммов опиумного порошка, понятно, что на весьма приличную – астрономическую – сумму.

организаций, но и некоторых перебежчиков из числа членов Сибирского правительства и Сибирской областной думы.

Так вот, первым кандидатом из числа таких перебежчиков и стал *Леонид Устругов*. А вскоре к нему за компанию присоединились: министр торговли и промышленности ВПАС *Михаил Колобов*, а также член СОД *Александр Окороков*. В этот же комитет, получивший впоследствии название Делового кабинета, чуть позже вошли ещё близкий к Потанинскому кружку сибирский олигарх *Степан Востротин* и два посланца Добровольческой армии генерала *Корнилова*: генерал *В.Е. Флуг* и полковник *В.А. Глухарёв*. Таким образом, все формальности политического компромисса вроде бы были теперь соблюдены и многие с удовлетворением потёрли руки. Однако на поверку оказалось, что Деловой кабинет *Хорвата* по сути своей получился лишь вторым изданием Комитета защиты Учредительного собрания адвоката *Александрова**, хотя и оформленный на сей раз немного, что называется, под другим соусом. В его состав вошли теперь представители не только дальневосточных, но и сибирских правых, а чуть позже – два посланца генерала *Корнилова*, представлявшие освободительное движение Дона и Кубани.

*Не случайно адмирал Колчак впоследствии во время допросов в иркутской следственной комиссии путал Комитет и Кабинет, а точнее просто, видимо, как и мы, объединял их в своём представлении в организации с абсолютно схожими политическими целями.

ГЛАВА ВТОРАЯ

ПОДПОЛЬНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ СИБИРИ

Я приметил из многочисленных примеров,
что русский народ очень терпелив
и терпит до самой крайности;
но когда конец положит своему терпению,
то ничто не может его удержать.

А.Н. Радищев.
Путешествие из Петербурга в Москву

1. Создание Западно-Сибирского и Восточно-Сибирского комиссариатов

Чуть раньше в Томске...

Середина февраля месяца*. В город только что прибыли недавно освобождённые из питерских «Крестов» депутаты разогнанного Учредительного собрания, и среди них: *Михаил Линдберг, Борис Марков и Павел Михайлов* (не путать с министром финансов ВПАС *Иваном Михайловым*). Все они, несмотря на сравнительно молодой возраст**, – члены эсеровской партии с дореволюционным стажем, профессиональные революционеры***, прошедшие каторгу и ссылку.

*Не надо забывать, что начала февраля, как такового, в тот год не было. В связи с переходом советской России к Григорианскому календарю вслед за 31 января сразу наступило 14 февраля.

***Маркову* – неполных 34, *Михайлову* и *Линдбергу* – по 28 лет.

***При этом *Марков и Михайлов* – в прошлом члены боевых эсеровских групп, попавшие в своё время на сибирскую каторгу за реально «подрасстрельные» дела; тогда, правда, террористов не расстреливали, а вешали. *Марков* – за покушение на убийство царского министра юстиции Муравьёва, а *Михайлов* – за участие в убийстве некоего высокопоставленного жандармского офицера. Причём *Павел Михайлов* как раз именно такой смертный приговор и получил, но, исходя из того, что ему на тот момент было всего 18 лет, то есть он являлся несовершеннолетним (совершеннолетие наступало с 20 лет в царской России), смертную казнь ему заменили пятью годами каторжных работ. Отбывать срок *Михайлову* пришлось, пожалуй, в самом страшном «исправительном» учреждении той поры – в Зерентуйском централе Нерчинских серебросвинцовых рудников, разрабатывать которые начинали ещё декабристы. Трудно себе даже представить, как вполне домашний юноша, всего лишь первокурсник медицинского факультета университета, пережил тот ад в полном смысле этого слова, в котором он оказался. Но выдержал. Несколько раз, правда, вскрывал себе вены и всё-таки выстоял. Более того, даже в тех страшных условиях не смирился и вновь участвовал в попытке покушения, но на сей раз – на жизнь начальника тюрьмы.

Не менее дерзким характером, по всей видимости, обладал и *Борис Марков,* он, отбывая срок в Тобольской каторжной тюрьме, стал там одним из организаторов бунта заключённых, во время которого в столкновениях с охранниками сам был тяжело ранен. После этого его, по некоторым сведениям, также отправили на каторжные работы в Нерчинские рудники. Вероятно, именно там *Михайлов с Марковым* впервые познакомились, а потом и подружились. Подружились, как говорится, на всю оставшуюся жизнь. Такую, увы, уже недолгую...

С начала 1917 г. все трое входили в число руководителей самой крупной эсеровской организации Сибири – томской.

В предреволюционном 1916 г. они также явились инициаторами создания так называемого «Сибирского союза социалистов-революционеров» – организации, сплотившей накануне февраля часть разрозненных эсеровских групп Сибири в единый боевой «кулак». Союз удалось оформить в результате проведения двух объединительных, нелегальных, естественно, конференций, состоявшихся в конце 1915 – начале 1916 гг. в уездном городе Томской губернии – Мариинске. Главными организаторами тех мероприятий стали, помимо *Михайлова, Маркова и Линдберга*, ещё *Михаил Омельков*, а также *Арсений Лисиенко* (настоящая фамилия Семёнов, не путать с атаманом *Семёновым*). Вся эта пятёрка сама по себе являлась сплочённой группой молодых эсеровских революционеров, способных совместными усилиями решить многие задачи. Не случайно все пятеро в ноябре 1917 г. оказались избраны от Томской губернии во Всероссийское Учредительное собрание, а в феврале 1918 г. именно на них обратили своё внимание министры недавно избранного Временного правительства автономной Сибири как на людей, могущих возглавить в Западной Сибири подготовку к вооруженному мятежу против большевистской диктатуры. Лучших кандидатур, как говорится, и придумать было нельзя.

Из всех пятерых вышеперечисленных революционеров в феврале в Томске находились лишь трое: *Марков, Михайлов и Линдберг. Лисиенко* (Фёдор Семёнов) после роспуска Учредительного собрания на целых полгода (до осени 1918 г.) задержался у себя на родине, в Петрограде, а *Михаил Омельков* жил в тот период в Новониколаевске, поэтому туда и вернулся сразу же после всех пережитых столичных передряг. С *Омельковым* конечно же не составляло никакого труда связаться и попытаться уговорить его начать вместе с другими работать на Сибирское правительство в изгнании, что, собственно, вскоре и было сделано. Однако *Михаил Омельков* после некоторого раздумья принял трудное решение – не присоединяться на этот раз к своим товарищам по революционному «мушкетёрскому» братству и отказаться от участия в подготовке вооруженного мятежа против советской власти. Отказался не за страх, а скорее за совесть, что называется, в общем-то по той простой (а может быть, и не совсем простой) причине, что считал возможным найти мирный путь воздействия на большевиков. И один из таких возможных вариантов он видел в том, чтобы посредством завоевания эсеровско-меньшевистского большинства на очередных выборах в Советы просто попытаться заменить коммунистов на более достойных людей. Уже через пару месяцев *Омельков* полностью разочаруется в избранной тактике и даже в знак протеста против ещё большего усиления диктатуры большевиков демонстративно выйдет из состава Новониколаевского совдепа. Однако в феврале-марте 1918 г. всё случилось именно так, как случилось. Таким образом, боевая эсеровская пятёрка на некоторое время превратилась в тройку*.

---

*Они вновь воссоединятся все вместе, впятером, после того как большевиков изгонят за пределы Сибири. Однако вскоре опять наступят нелёгкие для демократии времена, связанные с колчаковским переворотом, и молодым эсерам придётся вновь принимать трудные решения: «быть или не быть», «бить или не бить». Четверо выберут гамлетовский вариант и, возродив некогда весьма действенный «Сибирский союз социалистов-революционеров», примут участие в организации антиколчаковского вооруженного мятежа. Лишь *Михаил Омельков*, «пермяк – солёные уши», в очередной уже раз не поддержит тогда своих товарищей и останется на позициях непротивления злу насилием. В таком состоянии он дождётся «второго пришествия» советской власти в Сибири и полностью примирится в итоге

Беседу с *Линдбергом, Марковым и Михайловым* вёл в Томске лично председатель ВПАС *П. Дербер* в присутствии государственного секретаря *В. Моравского*. Подробности этой встречи, к сожалению, остались для нас неизвестны, поэтому мы в очередной раз можем лишь представить себе в общих чертах основное содержание того секретного разговора, состоявшегося, видимо, где-то на одной из эсеровских городских явок. Вполне логично будет предположить, что трое доверенных лиц, прежде всего, видимо, получили указания – использовать все возможные средства легальной и нелегальной работы, для того чтобы организовать на территории Западной и Средней Сибири* сеть подпольных организаций. А также – насколько это опять-таки представится возможным вооружить их и быть готовыми на основании разработанного правительством плана начать одновременное выступление во всех крупных городах региона. Финансовую поддержку и прикрытие нелегальной деятельности заговорщиков вновь, как и в прежние, трудные для демократии времена, должна была обеспечивать кооперация.

И последнее: в помощники к трём назначенным уже руководителям западносибирского сопротивления определили ещё и тридцатичетырёхлетнего эсера *Василия Сидорова*. Он не являлся членом Учредительного собрания и даже не числился профессиональным революционером, однако вместе с тем Василий Осипович занимал весьма значимую и ответственную должность – председателя Томской уездной земской управы. Подпольный оргкомитет, куда вошли все четверо правительственных уполномоченных, решили именовать Западно-Сибирским комиссариатом ВПАС. Хотя, впрочем, может быть, совсем не такое название первоначально было оговорено тогда в Томске, но, тем не менее, именно под этим официальным обозначением данная руководящая группа томских подпольщиков и вошла в историю.

Завершив, таким образом, все свои дела в городе на Томи, члены Сибирского правительства где-то в 20-х числах февраля по новому стилю, дабы не рисковать лишний раз, поскорее выехали на восток. Их путь лежал сначала в Иркутск через Красноярск. Здесь министры, возможно, также на некоторое время задержались, хотя каких-либо свидетельств о том, что делегация ВПАС делала остановку в Красноярске, нам, откровенно говоря, не попадалось. Известно, однако, что руководителем местного подпольного антибольшевистского сопротивления в это время был назначен (или выбран самими красноярцами) бывший енисейский губернский комиссар Всероссийского Временного правительства видный областник, хорошо знакомый нам уже *Владимир Михайлович Крутовский*, незадолго до того освобождённый из большевистских застенков**.

с большевиками. Однако они не простят ему его прошлого и в феврале 1938 г. расстреляют в Москве. Через месяц там же будет казнён и его товарищ по Сибирскому союзу *Михаил Линдберг*. А восемнадцатью годами ранее, в январе 1920 г., *Павла Михайлова* и *Бориса Маркова* зверски замучают семёновцы. Избежит всех подобного рода «перегибов на местах» из всей отважной пятёрки лишь один *Арсений Лисиенко* (Семёнов), так и не поменявший до конца жизни революционно подпольной фамилии на подлинную. После окончания Гражданской войны он эмигрирует в Китай, а потом в Новую Зеландию, где мирно скончается в 1973 году.

*Это тогдашние районы Томской, Алтайской и Тобольской губерний, Степного края (современная Омская область и северная часть Казахстана), Семипалатинской области и Енисейской губернии.

**Вполне возможно, что столь скорому освобождению *Вл. Крутовского* из тюрьмы мог поспособствовать тот факт, что он был лично и достаточно хорошо знаком с самим Владимиром Ульяновым-Лениным, а также с его женой Надеждой Крупской. С той самой поры, когда по-дружески помогал им во время их шушенской ссылки, и они наверняка этого не забыли. Существует даже версия, что

Совещание членов Временного правительства автономной Сибири в Иркутске с местными деятелями антибольшевистской оппозиции, абсолютно точно известно, что удалось провести. Во время этих политических консультаций был учреждён ещё один подпольный – Восточно-Сибирский комиссариат ВПАС, во главе с председателем Иркутской губернской земской управы, правым эсером *Павлом Яковлевым*. Фамилии остальных членов ВСК нам, к сожалению, выяснить не удалось. Хорошо известен, однако, тот факт, что всего комиссарами назначили не четверых, как в Томске, а почему-то в два раза больше – целых восемь человек.

Ещё в исторической традиции прочно закрепилось мнение, что якобы Восточно-Сибирский комиссариат, несмотря на такую представительность, в отличие от Западно-Сибирского в период подготовки антибольшевистского мятежа, «особо ничем себя не проявил». На что, видимо, имелись вполне объективные, а также и субъективные (куда же без них) причины. И главная из них, как представляется, состояла в том, что Восточно-Сибирскому комиссариату приходилось действовать в Иркутске, что называется, под самым боком у большевистского правительства Центросибири, что само по себе уже осложняло его работу. Ну и потом, ВСК сразу же после своего создания оказался, что называется, практически полностью обезглавлен, так как уже к концу марта несколько человек из состава его руководства было арестованы и посажены в тюрьму.

В то же самое время члены томского комиссариата все находились на свободе и даже вели в качестве прикрытия вполне успешной подпольной работы ещё и весьма активную общественную жизнь. Так, 24 февраля *П. Михайлов, Б. Марков и М. Линдберг* выступали в кинотеатре «Новый» (современный ТЮЗ) с докладом о последних событиях в Петрограде, связанных с роспуском Всероссийского Учредительного собрания. А до середины марта они совершенно открыто занимались организацией губернского съезда эсеровской партии. Все четверо томских комиссара были, напомним, эсерами-интернационалистами, очень близкими к левым, и поэтому, так же как и жена Цезаря, долгое время находились у большевиков фактически вне подозрений. Всё это, таким образом, позволяло им достаточно успешно заниматься, в том числе, и нелегальной деятельностью. По командировочным удостоверениям всесибирского кооперативного объединения «Закупсбыт» члены ЗСК разъезжали по городам Западной и Средней Сибири, создавая на местах через организации своих однопартийцев, а также и через некоторые областнические структуры сеть подпольных групп для участия в готовившемся вооружённом антисоветском восстании.

В совершенно иных условиях, повторимся, пришлось действовать членам Восточно-Сибирского комиссариата. В марте их структуры подверглись почти полному разгрому со стороны большевиков, а в конце того же месяца на даче купца Сукачёва под Иркутском был арестован и сам руководитель этого подпольного комитета – бывший председатель губернской земской управы *Павел Яковлев*. Всё произошедшее явилось следствием неудачной попытки вооруженного мятежа в городе, предпринятого местными подпольщиками. В качестве основной цели выступления планировался арест руководства большевистской Центросибири. Дело в том, что с 14-го по

именно *Крутовский* выхлопотал у местного губернского начальства разрешение – поселить молодую супружескую пару не в Туруханском крае, где зимой порой трещали пятидесятиградусные морозы, а летом заживо заедал гнус, но в значительно более мягком по климату южном Минусинском уезде, считающемся у нас сибирской Швейцарией.

23 февраля в Иркутске проходил II Всесибирский съезд советов, на котором, в частности, проводились выборы народных комиссаров, то есть министров большевистского правительства Сибири. А по завершении съезда предполагалось произвести торжественное перезахоронение в братской могиле жертв декабрьских вооруженных боёв с «контрреволюцией». Подпольщики решили воспользоваться ситуацией, напасть во время проведения торжественных траурных мероприятий на практически безоружных митингующих и попытаться арестовать всё только что избранное руководство Центросибири.

Однако в результате доноса заговор оказался раскрыт, большевики заранее подготовились и сумели предотвратить угрозу со стороны подпольной боевой группы, состоявшей главным образом из бывших офицеров, арестовав накануне мятежа нескольких его организаторов. После этого было усилено наблюдение и за оппозиционными политиками, и, прежде всего, конечно, из числа членов правоэсеровской партии*. В результате, иркутскому подполью с самого своего зарождения пришлось действовать в очень трудных и стеснённых условиях, под постоянным и неусыпным контролем со стороны советских спецорганов. И всё-таки, несмотря ни на что, члены нелегальных боевых групп, как могли, сопротивлялись и осуществили за «отчётный период», в частности, ещё несколько вооружённых выступлений в городе.

Вслед за созданием двух подпольных правительственных комиссариатов следующим этапом на пути становления и организации сибирского антибольшевистского сопротивления стала инспекционная поездка по городам Сибири военного министра ВПАС *Аркадия Краковецкого*. Потерпев полное фиаско в Киеве, то есть так и не сумев сформировать в Украине из числа фронтовых частей подразделения, подконтрольные Областной думе, *Аркадий Антонович* устремился сначала в Петроград, а потом вслед за другими министрами непризнанного большевиками Сибирского правительства выехал на Дальний Восток. По пути следования он получил задание – проконтролировать ход подготовки к вооруженному выступлению в Сибири, связавшись с теми людьми, которые были оставлены *Дербером*, что называется, на руководстве подпольным хозяйством.

Эта инспекционная поездка состоялась, видимо, где-то в середине марта месяца, и поскольку в тот период вся организационная работа сибирских заговорщиков находилась ещё только в зачаточном состоянии, то и проблем, соответственно, было выявлено немало. И главная из них состояла, кажется, в том, что подпольным организациям не хватало характера настоящих боевых дружин, способных не на словах, а на деле выполнить поставленные перед ними задачи. С целью исправления подобного рода недоработок *Краковецкий* принял решение – создать при сибирских комиссариатах ещё и центральные военные штабы, которые удалось организовать, кстати, в самые наикратчайшие сроки.

Так, во главе именно такого штаба в Томске был поставлен давний знакомый *Краковецкого*, молодой прапорщик, эсер *В.А. Смарен-Завинский***. С ним теперешний военный министр некогда делил нелёгкую судьбу политического заключённого в иркутском Александровском централе, а после освобождения они вместе работали в

*Иркутские эсеры в отличие от томских в большинстве своём являлись приверженцами правой (буржуазной) демократии.

**Этот томский эсер, по всей видимости, придерживался совсем уже левых взглядов, так что *Александр Адрианов*, например, в одной из своих статей того периода называл его даже анархистом.

редакции газеты «Сибирь». В Иркутске точно такую же должность начальника центрального штаба приказом военного министра ВПАС занял ещё один приятель *Краковецкого*, хорошо известный ему по совместной службе в частях Иркутского гарнизона, знаменитый ещё с дореволюционной поры эсер-террорист, коренной сибиряк *Николай Калашников**. Летом 1917 г. *Краковецкий*, после того как получил назначение от Керенского командовать Восточно-Сибирским военным округом, взял себе в заместители именно *Калашникова*, имевшего тогда звание прапорщика, но вскоре, кажется, получившего чин, по разным данным, то ли поручика, то ли даже штабс-капитана.

Вот и всё, собственно, что нам более или менее точно удалось выяснить из имевшихся у нас под руками источников о миссии министра *Краковецкого*. Завершив экспедиционную поездку по Сибири, Аркадий Антонович направился далее на восток и вскоре прибыл в Харбин, где присоединился к остальным министрам ВПАС и вместе с ними продолжил работу по подготовке всесибирского антисоветского мятежа.

2. Создание в Сибири подпольных офицерских и эсеровских организаций

Особое значение Временное правительство автономной Сибири в плане подготовки вооруженного восстания придавало конечно же Томску, в первую очередь, как столице сибирского областничества, а также как городу, где действовала самая крупная и мощная из всех сибирских организация ПСР. Причём, что немаловажно, томские эсеры в отличие от многих других существовали до поры до времени на абсолютно легальной основе**. Все эти факторы, собственно, и сыграли, на наш взгляд, решающую роль в процессе создания именно на базе Томска разветвлённой сети антисоветских подпольных организаций Западной и Средней Сибири.

Весьма сведущая в данном вопросе «Сибирская жизнь» (за 5 июня 1919 г.) начало создания первых нелегальных вооруженных формирований в Томске относила ещё к периоду работы январских предварительных комиссий Сибирской областной думы. Тогда эсерствующие офицеры, входившие в состав военного отдела Временного областного совета во главе с *Александром Сотниковым*, предлагали председателю

---

*По мнению Н.С. Ларькова, *Николай Калашников* шифровался в тот период под псевдонимом Сергеев.

**Иркутская и красноярская эсеровские организации, например, уже были к тому времени изрядно потрёпаны большевиками в связи с декабрьским, январским и февральским выступлениями вооруженной оппозиции в этих городах. Томские же эсеры к февралю сумели сохранить в полной неприкосновенности свои ряды, даже несмотря на события 26 января, связанные с массовыми арестами членов Сибирской областной думы. И всё потому, во-первых, что в Томске долгое время не предпринималось никаких попыток вооруженного сопротивления советской власти. А во-вторых, в рядах городской организации ПСР, как мы уже отмечали, находилось много эсеров-интернационалистов, так называемых черновцев, стоявших на тех же самых, левых, позициях, что и большевики, и даже продолжавших (до 5 января 1918 г.) абсолютно искренне сотрудничать с коммунистами. Немаловажным фактором в деле продолжения мирного сосуществования томских эсеров с советской властью являлось, наконец, и то обстоятельство, что организацию томских большевиков фактически до самого конца 1917 г. возглавлял *Николай Яковлев*, сторонник политики объединенчества и сотрудничества со всеми левыми партиями. В Иркутске и особенно в Красноярске местные коммунисты резко отмежевались от меньшевиков и эсеров ещё в дооктябрьский период. Так что, почувствуйте разницу, что называется.

Совета Пинкусу Дерберу приступить к формированию специального вооруженного отряда для охраны собиравшихся в Томске членов Думы*. Однако *Дербер*, вполне резонно полагая, что это может спровоцировать большевиков на репрессивные меры по отношению к политической оппозиции, сначала категорически отказал членам военного отдела в этой инициативе. *Александр Сотников*, как мы знаем, вскоре убыл по служебной надобности в Красноярск и на собственный страх и риск поднял там вооруженный мятеж против советской власти.

Назначенный вместо него временно председателем военного отдела офицер *Гариф Неометуллов*, тоже член партии эсеров, так же как и его предшественник, являлся приверженцем идеи скорейшего создания на территории крупнейших сибирских городов вооруженных отрядов для поддержки Областной думы и избранного ею правительства. И поскольку политическая ситуация в Томске начинала в январе обостряться всё больше и больше буквальным образом с каждым днём, Временный Сибирский областной совет вынужден был уступить настояниям своего военного отдела и дал негласное разрешение на организацию в городе подконтрольного ему боевого отряда. У истоков создания этой дружины встали тогда поручики Алексеев и Немешаев, прапорщики *Смарен-Завинский* и Киселёв. Через некоторое время к кружку первых заговорщиков присоединились ещё несколько человек: штабс-капитан А. Фризель, поручики – Е. Фризель и Серовиков, а также прапорщик Вербицкий.

После разгона большевиками Сибирской областной думы данная группа сразу же перешла на нелегальное положение и, продолжив вербовку добровольцев в свои ряды, вскоре превратилась уже в полноценную подпольную организацию с собственным управленческим аппаратом и хорошо законспирированным штатом сотрудников. Прапорщик-эсер *В.А. Смарен-Завинский* (подпольный псевдоним – Сатин) был назначен её руководителем, а полковник *Е.К. Вишневский*, как свидетельствует та же «Сибирская жизнь», занял в ней должность начальника штаба. В работе штаба участвовали также: капитан Лаптев, хорунжий Карчевский, поручик Булашев, прапорщики Леонтьев и Севенард.

Инициативу по созданию боевых формирований тогда же поддержал и томский губернский комитет ПСР. Так, уже вечером 13 января, в связи с разгоном в Петрограде Всероссийского Учредительного собрания состоялось экстренное заседание военного отдела губернского эсеровского комитета. 25 января, в самый канун разгона СОД, этот отдел пригласил явиться в своё присутствие 84 человека из числа членов городской организации, а на следующий день были вызваны ещё 24 эсера. О чём шла речь на тех совещаниях, можно, к сожалению, только лишь предполагать, и не более того. Единственное, что установлено, кажется, достаточно точно, – военный отдел отдал распоряжение, запрещавшее всем членам партии социалистов-революционеров продавать, а тем более сдавать имевшееся у них огнестрельное оружие «каким бы то ни было учреждениям и лицам, не входящим в состав ПСР». Данный факт хоть и косвенным образом, но всё-таки подтверждает мнение некоторых исследователей, что томские эсеры уже в январе 1918 г. вплотную подошли к вопросу об организации вооруженного сопротивлении советской власти.

Примерно в этот же период военный отдел губернского комитета ПСР установил связь и с офицерским бюро труда, через которое, как стало известно, бывшие

**Сотников* даже предлагал с этой целью перебросить из Красноярска в Томск подначальный ему казачий дивизион (батальон).

офицеры Томского гарнизона, не имевшие до того момента никакого отношения к эсеровской партии, также начали по собственной инициативе формировать группу сопротивления.*

Вскоре в Томск стали прибывать в большом количестве демобилизованные офицеры с фронта, так что общее число оставшихся без работы, а следовательно, и без средств к существованию бывших «золотопогонников» возросло в разы, и для эсеров-подпольщиков такого сорта люди, имевшие богатый боевой опыт, конечно же представляли большой практический интерес.

Среди этих вернувшихся в родной город фронтовиков оказался и двадцатишестилетний *Анатолий Николаевич Пепеляев*, личность уже тогда достаточно известная в Томске и в определённых кругах весьма уважаемая. *Анатолий Пепеляев* ушёл на фронт поручиком (старшим лейтенантом по-современному), дослужился за годы войны до подполковника, стал кавалером семи орденов, в том числе и Святого Георгия IV степени. Кавалера ордена Святого Георгия можно абсолютно точно приравнять по заслугам перед Отечеством современному Герою России**, так что в любом городе, даже таком большом, по дореволюционным меркам, как Томск, георгиевские кавалеры были, что называется, наперечёт, и каждый, конечно, на вес золота.

А *Анатолий Пепеляев* вдобавок ко всем своим орденам имел ещё и Георгиевское Золотое оружие (шашку) за храбрость, что вкупе с орденом Святого Георгия в старые времена давало право владельцу этих наград на личную аудиенцию у самого государя императора. И хотя Николай II почти уже год как отрёкся от престола, но всё же, всё же, всё же, как говорится... Заполучить такого человека в свои ряды томским подпольщикам конечно же очень хотелось. Позже, став личностью очень известной не только в Сибири, но и далеко за её пределами, *Анатолий Пепеляев*, уже в тот период колчаковский генерал-лейтенант, в Чите во время показательного суда над ним заявил, что подпольная офицерская организация в Томске в 1918 г. была создана «по призыву» эсеровской партии и действовала первоначально строго по её директивам («Известия ВЦИК» от 18 января 1924 года).

*Первая, совсем небольшая, офицерская организация под названием «Белый легион» была создана в Томске ещё в конце 1917 г. Именно эта группа, как полагают некоторые исследователи, 15 декабря устроила террористический акт в доме «Общества содействия физическому развитию» (на бывшей улице Солдатской, теперь – Красноармейской-14, до недавнего времени горбольница №1). Вечером того дня в указанном здании проходило совместное заседание президиума Томского совета рабочих и солдатских депутатов с представителями большевистского актива города. На нём обсуждался вопрос об отношении к только что завершившему свою работу Сибирскому областному съезду, а также некоторые другие проблемы. Около 11 часов вечера в доме начался сильный пожар, вследствие которого крыша и чердачные перекрытия рухнули прямо внутрь здания, проломив под тяжестью стропил ещё и весь второй этаж. Люди в момент обрушения, к счастью, успели уже покинуть помещения, и никто не пострадал. Однако всё могло закончиться и более трагично: под обломками очень быстро воспламенившихся и обвалившихся конструкций могли оказаться погребёнными многие из участников революционного собрания, в том числе и большевистский актив города. Вызванные пожарные признали причиной случившегося не потушенную кем-то цигарку, однако впоследствии выяснилось, что, возможно, имел место тщательно спланированный теракт, включавший в себя не только поджог, но и предварительное повреждение металлических стропил кровли.

**Единственное существенное отличие двух высших наград прежней и новой России в том, что орден Св. Георгия вручался сначала только дворянам, потом – только офицерам, но ни в коем случае – солдатам, им полагались только лишь медали Георгиевского креста. Звание же Героя России может заслужить, как известно, любой военнослужащий – от генералиссимуса до рядового включительно. Демократия в этом плане сделала в России определенно твёрдый шаг вперёд.

А тринадцать лет спустя, в конце 1937 года, во время допросов в Новосибирске *Анатолий Пепеляев* вспоминал о том начальном периоде впоследствии бурной антисоветской деятельности так: «Моим знаменем на германской войне было – победа и величие России. Для этого я не щадил своей жизни, но действительность оказалась иной: боевые полки бестолково гибли, таяли новые пополнения, армия не получала патронов и снарядов... Встал вопрос: кто виноват? Ответ один: бездарное правительство, не способное организовать оборону страны. Поэтому я, как и большинство офицеров, спокойно встретил Февральскую революцию и отречение Николая Романова от престола. Но и пришедшее к власти правительство князя Львова и Керенского не сумело остановить развал державы и армии. Мои бывшие полководцы Брусилов, *Корнилов*, Алексеев издавали приказы, которые никто не выполнял. Войска уходили с позиций. В этом я видел гибель России и искал какую-то силу, способную изменить катастрофическое положение, но не находил её. С такими чувствами тоски и безнадежности я возвратился в Томск...».

О фронтовиках, подобных *Пепеляеву*, писал осенью 1919 г. в новониколаевской газете «Военные ведомости» журналист по фамилии Оксанин. Его очерк назывался «Печальная ёлка» и повествовал о бывшем офицере Российской армии, вернувшемся, после демобилизации с фронта домой как раз к новогодним праздникам начала 1918 г. Как живое свидетельство тех давних событий, мы, уж извините, слово в слово переписали выдержку из того «печального» очерка.

«Он ходил, совсем согнувшись, словно ему на плечи положили непосильную тяжесть. Все его движения стали неуверенными и робкими. Он зябко потирал руки и уступал дорогу другим, сам отходя в сторону. Он становился жалким, и это было ужасно.

Это было ужасно потому, что раньше он был совсем другой, недаром петлицу его шинели украшала георгиевская ленточка, а на рукаве были нашиты полоски – знак полученных на прошедшей войне ранений. Он был гордостью полка, и имя его повторяли многие с эпитетом храброго. Жизнь тяжелая и страшная наложила на него свою руку. Он был изгнан, как все доблестные, из рядов армии, был заклеймён именем предателя и врага народа теми, кто встал у власти. Бывших офицеров чуждались и боялись принимать на работу. А у него семья.

После разгрома фронта большевики уволили его по личной просьбе в отставку, и он вновь увидел семью. Иногда грубые и пьяные люди заходили в квартиру, под видом обыска производили разгром и к тому же всячески издевались над его достоинством. Иногда его уводили в трибунал, допрашивали и прельщали разными посулами, для того чтобы он перешёл на службу к большевикам.

Душу терзала, помимо материальных забот и нравственных унижений, ещё и полная оторванность от жизни своего государства.

На глазах гибла Россия-Родина, и он ничего не мог сделать. Простым зрителем присутствовал он при позоре дорогого ему отечества, за которое на фронте проливал кровь. И ему, могучему и сильному человеку, было горше смерти сидеть, сложа руки. Это обстоятельство сильнее, чем остальные, подействовало на него. Оттого он и согнулся, а глаза его потухли, и он, словно больной, уныло бродил в поисках места, потеряв всякую надежду на лучший исход.

Но вот однажды он пришел ликующий и радостный. Жена взглянула в его сияющие глаза и сама озарилась их светом. Он привлек её к себе и сказал:

– Я буду жить теперь. Я снова работник. Я не мёртвый, не нищий. Родина позвала меня, и я пошёл*.

Он вступил в одну из тайных военных организаций».

На всё тех же допросах в Новосибирске *Анатолий Пепеляев* рассказывал: «В феврале месяце 1918 г. я встретился в Томске с моим хорошим знакомым бывшим капитаном *Достоваловым*. С ним я учился в Павловском военном училище. Теперь это был боевой офицер, несколько раз раненный, командир батальона.

– Ты что же, не состоишь ещё в организации? – был первый вопрос.

– Нет, – отвечал я, – да и не знаю ещё никакой организации.

– А мы говорили о тебе, приходи завтра в гостиницу «Европа», в №35.

Назавтра я был в гостинице, где было собрание штаба подпольной офицерской организации г. Томска, возглавляемой полковником *Сумароковым*».

Вступив в подпольную организацию, подполковник *Пепеляев* занял в ней должность начальника штаба.

По адресу гостиница «Европа» (ныне магазин «Тысяча мелочей»), комната №35 и находилось, надо полагать, вышеупомянутое нами бюро труда для безработных офицеров. Первоначально оно располагалось в доме №4 по улице Садовой (здание находилось где-то напротив тогдашнего общежития – сейчас учебного корпуса №3 – университета). В том же доме на Садовой (теперь проспект им. Ленина) размещалась тогда и редакция крупнейшей в Томске эсеровской газеты «Путь народа». А также, что особенно примечательно, штаб того самого военного отдела губернского комитета ПСР, который, как мы выяснили, и стал одним из инициаторов создания в Томске вооруженного антисоветского подполья и вышел с этой целью на контакт с офицерским бюро труда.

Таким образом, можно предположить, что губернский военный отдел комитета ПСР специально приютил, что называется, под своей крышей офицерское бюро труда или, что также вполне возможно, собственно, и создал это самое бюро. Потом оно перекочевало по соседству – в Дом свободы (ныне Дом учёных), где располагалась в то время ещё и общегородская биржа труда, действовавшая под патронажем Совета рабочих и солдатских депутатов. Однако вскоре все находившиеся здесь структуры вместе с губернским совдепом и его исполкомом переехали по новому адресу – в национализированное здание частной гостиницы «Европа». Вот так в бывшем гостиничном номере «35» под вывеской офицерского бюро труда (официально данный комитет назывался «Совет представителей бывших офицеров») и разместился нелегальный вербовочный пункт томской подпольной антисоветской организации. Шутки ради (хотя какие уж тут могут быть шутки) надо сказать, что здесь же в одной из комнат бывшей гостиницы, то есть прямо по соседству, располагалась тогда же и следственная комиссия томского революционного трибунала, так что, в случае чего, далеко ходить бы не пришлось ни тем, ни другим друг к другу «в гости».

В общем, как мы видим, офицерское бюро труда вполне легально и основательно прижилось в здании губернского совдепа. И всё это благодаря тому, что большевики,

*Такой семейный разговор, например, у *Анатолия Пепеляева* (в Томске тогда находилась его жена и пятигодовалый сынишка) мог происходить или в доме-усадьбе его отца, генерала Николая Михайловича Пепеляева, к тому времени уже умершего (ныне это хорошо отреставрированный дом по улице Кузнецова, 18), или, возможно, на квартире тогда ещё здравствующей матери Клавдии Георгиевны (она была из рода довольно богатых в Томске купцов Некрасовых), проживавшей в историческом центре города, у самых стен Алексеевского мужского монастыря, на бывшей Спасской (ныне Советской) улице.

как нам представляется, до поры до времени не были уж столь кровожадными, какими их стали изображать после 1991 г. под «соровскую дудку» некоторые российские историки и особенно публицисты. Тогда, в начале 1918 г., советская власть под воздействием революционного подъёма и опьянения от первых успехов пыталась всё-таки всех своих оппонентов и даже порой врагов не наказывать, но перевоспитывать. Советы, как известно, даже предполагали закрыть все тюрьмы, а провинившихся «перековывать» в трудовых лагерях.

Вот и к офицерам, бывшим «золотопогонничкам», у них был примерно тот же подход – создать им условия для «перевоспитания» посредством честного и мирного труда. Вследствие всего выше изложенного идея с офицерским бюро труда большевикам оказалась вполне по душе, так что они даже, как мы видим, выделили с этой целью одно из помещений в своей главной губернской резиденции. И офицерское бюро, пользуясь таким карт-бланшем со стороны советской власти, развернуло в полном объёме вполне легальную деятельность. С одной стороны, предлагая томским организациям и предприятиям «кадры интеллигентных работников», как деликатно именовали тогда бывших офицеров, а с другой – вербуя военных в подпольные вооруженные группы, для борьбы с вступившей с ними в столь доверительные отношения советской властью.

Бывшие офицеры в тот период, надо сказать, не гнушались никакой работой, особенно трудно в этом смысле приходилось так называемым кадровым, то есть профессиональным, военным, не умевшим, что вполне естественно, ничего больше делать по жизни, как только родину защищать (прошу прощения за немного избитую фразу). Поэтому им приходилось за неимением, как говорится, лучших вариантов, устраиваться извозчиками, разносчиками газет, водовозами и даже грузчиками. Однако вскоре для них открылась новая перспектива. В соответствии с декретом Совнаркома от 15 января 1918 г. о создании регулярной Красной армии, в Сибири уже в конце февраля месяца начали формировать первые красноармейские отряды. («Всякая революция лишь тогда чего-нибудь стоит, если она умеет защищаться» – В.И. Ленин.) Поэтому бывшим офицерам было предложено вступать в ряды новой революционной армии на первых порах хотя бы в качестве инструкторов по боевой подготовке, и часть из них откликнулась на такое предложение*. Некоторые из офицеров поступили на службу по прямому заданию подпольных организаций. Именно с такой целью, если верить Н.С. Ларькову, в первый томский красноармейский отряд записались тогда поручик В. Серовиков, подпоручик Н. Козьмин и прапорщик А. Девятов.

Имелась, впрочем, и другая работа – нужно было охранять военнопленных, размещавшихся в концентрационных лагерях на территории большинства сибирских городов. Неблагородное, конечно, это занятие для бывшего офицера – вертухаем служить, хотя… тут как посмотреть: не своих же сограждан стеречь, а бывших военнослужащих армии противника, что – совсем уже другое дело, согласитесь. Поэтому некоторые демобилизованные офицеры по приезду в Томск переквалифицировались в охранники. По имеющимся у нас данным, и сам *Анатолий Пепеляев*, после того как по совету капитана Достовалова вступил в подпольную организацию, для прикрытия через офицерское бюро устроился на работу в охрану лагеря для военнопленных.

*В комнате №50 в здании бывшей гостиницы «Европа» с 10 до 14 часов ежедневно велась запись в Красную армию. В этой комнате, а также ещё в пяти дополнительных (№№ 41, 42, 44, 46 и 47) тогда размещался гарнизонный совет, или, по-другому, военный отдел губисполкома.

В положении, значительно более определённом в плане трудоустройства, оказались так называемые офицеры по призыву, бывшие гражданские служащие, мобилизованные во время войны и окончившие ускоренный курс военных училищ. Эти люди практически все без исключения имели какие-нибудь довоенные гражданские специальности, и у них, таким образом, была возможность устроиться на более престижную в отличие от кадровых военных работу. Таких офицеров, учитывая их, как правило, не дворянское, а всё-таки близкое к народному – разночинское происхождение, даже брали иногда на службу в элитные подразделения, в отряды Красной гвардии. Правда, также пока только в качестве инструкторов по огневой, строевой, караульной и прочей воинской подготовке – в общем, для проведения так называемого курса молодого бойца среди рабочих-красногвардейцев.

Сибирские подпольщики постепенно смогли внедриться и в эти гвардейские, по сути, чисто пролетарские структуры. Так, в отряд томской Красной гвардии, по свидетельству современника тех событий *В.Д. Вегмана*, удалось устроиться на службу сразу нескольким членам нелегальной антисоветской организации – штабс-капитану *Николаеву*, поручикам *Максимову* и *Златомрежеву**. А один из ставленников эсеровского штаба – поручик *Б.И. Меркулов* – даже возглавил городскую милицию.

Неплохо у подпольщиков оказалась налажена и разведка. Так, по замечанию того же *Вегмана*, томские «карбонарии» имели агентов, напрямую соприкасавшихся с ближним кругом местного большевистского руководства, среди которых лучшими осведомителями конечно же, как всегда, являлись женщины, работавшие секретарями или машинистками, а то и просто любовницами, имевшими доступ практически к любой и даже совсекретной информации и по мере возможности снабжавшими такими материалами томских подпольщиков. Примерно то же самое происходило и в других сибирских городах. В Красноярске, по некоторым данным, руководителем городского отдела милиции также числился член тайной организации *Коротков*, в Иркутске – Щипачёв, а в городе Камень-на-Оби – Самойлов. Известно также, например, что штаб боевого отряда под командованием есаула *И.Н. Красильникова*, действовавшего в Омске и его окрестностях, направил на курсы молодого бойца «для наблюдения за их организацией и захвата пулемётов в момент восстания» офицера Гампера. И то были конечно же далеко не единичные примеры.

С некоторыми из этих, а также с другими подпольными организациями комиссариат Временного Сибирского правительства по мере возможности устанавливал связь по линии областных и эсеровских структур. Так, из Канска для получения необходимых инструкций приезжал в Томск подпоручик (по другим сведениям, поручик) Фёдоров, представившийся как руководитель тамошней нелегальной организации. Она, по его утверждению, объединяла вокруг себя все подпольные группы от Канска до Нижнеудинска включительно. А объединённую организацию Барнаула, Семипалатинска и Камня-на-Оби позиционировал во время визита в Томск штабс-капитан *А.С. Ракин*.

Эти, а также некоторые другие представители сибирского подполья, побывавшие в феврале-марте 1918 г. в Томске, получали здесь от центрального руководства ин-

---

*Правда, классический советский историк *Вегман*, возможно, по цензурным соображениям намеренно ошибочно причислил этих людей к членам крайне правой офицерско-монархической организации. С той поры, образно выражаясь, и повелась традиция мазать всех противников большевизма в Сибири, в том числе и красных эсеров, одной – белой – краской, что от лукавого, конечно.

струкции по организации своей нелегальной деятельности, а также гарантии по финансовому обеспечению. Так, в частности, сибирских подпольщиков заверяли в том, что все гражданские лица, зачисляемые в группы нелегалов из средств Временного правительства автономной Сибири, будут получать ежемесячное денежное вознаграждение, размер которого варьировался в пределах от 100 до 300 рублей (примерно от 15 до 45 тысяч на наши деньги). Сумма оплаты зависела от материального положения подпольщика, от количества членов его семьи, находившихся на иждивении, а также от его практической занятости в организации. То же самое касалось и примкнувших к нелегальному движению офицеров: они, согласно заверениям представителей областного правительства, зачислялись как «по-прежнему проходящие службу на фронте», и в соответствии с этим им обещали обеспечение жалованьем, равным их прежним армейским должностным окладам. Более того, по некоторым данным, Сибирское областное правительство планировало якобы даже погасить офицерам-подпольщикам задолженность по заработной плате с того самого периода, когда они по распоряжению советских властей оказались принудительно уволенными с военной службы*.

Обещанные весьма выгодные финансовые условия в период массовой безработицы, несомненно, привлекли на первых порах в подпольные организации Сибири немало офицеров, среди которых, однако, нашлись и такие, кто весьма настороженно, если не сказать враждебно, был настроен по отношению к партии социалистов-революционеров, считая во многом именно её виновницей тех бед и несчастий, что обрушились за последний год на Россию. Данное обстоятельство не могло конечно же не сказаться на организации подпольных структур, внутри которых, как отмечают исследователи этого вопроса, почти сразу же с момента их зарождения произошло размежевание по политическим мотивам, что привело со временем к выделению из некогда единых городских подпольных объединений порой сразу до нескольких вполне самостоятельных групп, создавших собственные штабы и имевших свою нелегальную сеть сотрудников.

Так, в Томске уже в феврале-марте оформилось целых три размежевавшихся между собой подпольных организации. По сведениям всё той же «Сибирской жизни» (за 5 июня 1919 г.), первыми из объединённой городской структуры выделились сами

*На деле всё оказалось, к сожалению, далеко не так замечательно. Выплаты из-за недофинансирования часто задерживались, в результате офицеров кормили порой лишь одними обещаниями. Так, членов многих подпольных организаций стали заверять в том, что, если не сейчас, то после победы антибольшевистского восстания, Сибирское правительство обязательно рассчитается по всем долгам. Однако и это обещание оказалось в итоге не выполнено. В ходе летних боёв 1918 г. вроде бы как было не до того, а осенью, когда дело по выдворению большевиков из Сибири удалось успешно завершить, у нового Сибирского правительства появились сразу же другие, более неотложные дела, и оно официально уведомило бывших своих нелегалов, что выплаты финансовых задолженностей по периоду подготовки вооруженного восстания производиться не будут. Как говорится, – «такова спортивная жизнь»... Не всё, конечно, измеряется деньгами, но ведь и ими тоже.

И ещё один интересный факт в связи с данной темой. В начале осени 1918 г. известный нам уже *Александр Сотников* подал в президиум Сибирской думы заявление (ГАТО. Ф.72, оп.1, д.49, л.63) о финансовых начислениях ему, как члену Думы, за январскую и августовскую сессии, на которых он не смог присутствовать (а соответственно и своевременно получить полагающееся ему денежное содержание), так как в январе он боролся с большевиками в Красноярске, а в августе, мобилизованный как офицер в Сибирскую армию, участвовал в боях против частей Центросибири. Чем закончилось это дело, нам выяснить, к сожалению, не удалось, однако хочется верить, что просьба столь заслуженного перед сибирским освободительным движением человека была всё-таки удовлетворена.

эсеры. У них, в свою очередь, появились серьёзные претензии к части членов общегородского объединения в смысле недостаточной приверженности их к идеям русской революции в целом и социализма – в частности. К этим эсерам из числа гражданских лиц тут же примкнуло и некоторое количество молодых офицеров прежней единой организации. Ими являлись главным образом чины младшего командного состава, набранные во время войны из среды мелких чиновников, служащих и студентов-добровольцев, среди которых также было достаточно много сторонников левых идей. Созданная из таких людей новая подпольная структура, естественно, по-прежнему осталась под контролем губернского комитета ПСР, вследствие чего сохранила и полную подначальность Временному правительству автономной Сибири.

Значительно ослабленная после такого размежевания дотоле объединённая подпольная организация, по всей видимости, вышла из непосредственного подчинения эсеровской партии и, возможно, наладила более близкий контакт с группой ведущих томских областников, а через них в скором времени и с харбинскими политиками из Комитета защиты Родины и Учредительного собрания, а также из окружения генерала *Хорвата*. Во главе этой, теперь наиболее крупной в городе боевой группы (по разным данным, в среднем около 700 человек) встали: 47-летний полковник *Н.Н. Сумароков*, а также известный нам уже подполковник *А.Н. Пепеляев*. Костяк её состоял по преимуществу из кадровых офицеров бывшей Российской армии.

Ну и, наконец, третью антисоветскую подпольную группу в Томске составили также бывшие фронтовые офицеры, но только из числа тех, которые, по всей видимости, прекратили всяческие контакты с эсерами ещё до того, как те вышли из объединённой организации. Вследствие этого, а может быть, и по какой-то другой причине, но в советской историографии данная группа томских подпольщиков была раз и навсегда обозначена как монархическая по своим политическим взглядам. Возглавил такое сравнительно небольшое боевое формирование (около 150 человек) также уже упоминавшийся нами 41-летний полковник *Е.К. Вишневский*. Две последние организации, поскольку они вышли из-под контроля эсеровских структур, соответственно тут же, по всей видимости, оказались лишены и финансирования по каналам ВПАС, после чего, возможно, поступили на «довольствие» к представителям местного торгово-промышленного капитала, отчего им в материальном отношении жилось не хуже, чем другим подпольщикам, а по некоторым данным, так даже ещё и лучше.

Что же касается вопроса о финансировании, если уж о нём опять зашла речь, то в организациях, подконтрольных ВПАС, напомним, оно осуществлялось главным образом за счёт средств, выделяемых кооперацией. Ещё на январском кооперативном съезде, как мы знаем, было принято решение об оказании коллективной помощи со стороны всего кооперативного сообщества Сибирской областной думе и Всесибирскому Учредительному собранию. Деньги на эти цели предполагалось выделить немалые, причём всем миром, однако одно дело – помогать вполне легальным структурам, а другое дело – выделять средства на подпольную деятельность. Мелкие и средние кооперативные организации по вполне понятным причинам пришлось сразу же исключить из числа спонсоров абсолютно секретного и отнюдь небезопасного мероприятия, каковым являлась подготовка к вооруженному восстанию. А из трёх крупнейших – курганского «Союза сибирских маслодельных артелей», омского «Союза кооперативных объединений Западной Сибири и Степного края» и новониколаевского «Закупсбыта» – в деле остался, похоже, лишь последний.

Объяснить такой расклад, с нашей точки зрения, можно несколькими причинами. Во-первых, «Закупсбыт» был всё-таки самым крупным кооперативным гигантом на востоке России и располагал соответственно самыми значительными финансовыми возможностями. Выделять по нескольку сотен тысяч рублей на непредвиденные расходы ежемесячно не составляло для него, видимо, большого труда. Для справки: общее состояние средств «Закупсбыта» на 1 января 1918 г. оценивалось в 1 626 619 золотых рублей (что в обычных рублях превышало сумму в десять раз большую и в современном исчислении, возможно, составило бы что-то около двух с половиной миллиардов рублей)*, а общий оборот капиталов в тот же период равнялся 500 миллионам, то есть около 75 миллиардам рублей на наши деньги. «Закупсбыт», по собственной его информации, обслуживал 10 миллионов человек, то есть большую часть населения Сибири и Дальнего Востока той поры. В общем, цифры, согласитесь, весьма внушительные даже с учётом разного рода поправок на некоторую, как правило, статистическую погрешность. Свои представительства «Закупсбыт» имел в Москве, Самаре, Екатеринбурге, Самарканде, а также за границей – в Лондоне, Нью-Йорке, Сан-Франциско, Кобэ, Шанхае и Харбине.

Наряду с этим в число членов правления «Закупсбыта» входило несколько видных представителей партии социалистов-революционеров. Среди них: 57-летний правый эсер *Анатолий Сазонов* и эсер-центрист 28-летний *Нил Фомин***. По некоторым данным, в руководящие структуры данного кооперативного объединения в тот же период были введены и члены Западно-Сибирского комиссариата *Борис Марков* и *Павел Михайлов*. К тому же и сама центральная контора данного кооперативного союза находилась в непосредственной близости от Томска. Таким образом, именно на «Закупсбыт» и легла достаточно обременительная в финансовом отношении миссия по материальной поддержке сибирского подпольного движения***, по крайней мере, на территории крупнейших в Сибири губерний – Томской, Алтайской и Енисейской.

Омские и иркутские подпольщики финансировались, по всей видимости, из каких-то своих, местных, источников. В Омске, помимо кооперации, спонсорами нелегальных групп, имевших праволиберальную направленность, вполне могли явиться городские торгово-промышленные круги. И тех денег вполне, надо полагать, хватало для финансирования подпольных структур. Немного по-другому складывалась ситуация в Иркутске, здесь в среде нелегалов левые (хотя и умеренные, но всё-таки левые) составляли подавляющее большинство, и поэтому они никак не могли рассчитывать на средства местной буржуазии. Крупных же кооперативных союзов в Вос-

*Для сравнения: на 1 января 1917 г. состояние «Закупсбыта» составляло 514 326 тех же золотых рублей; а на 1 января 1919 г. (это уже при Колчаке) – 8 034 581 золотых.

**В правление омского «Союза кооперативных объединений» также входили социалисты-революционеры – *Владимир Куликов* и *Иван Михайлов,* однако это были такого рода социалисты, которые полгода спустя, осенью 1918 г., ещё вперёд некоторых кадетов обеими руками проголосуют за колчаковский переворот, после которого *Куликов* займёт пост руководителя всего кооперативного движения Сибири, а *Иван Михайлов* станет министром финансов в правительстве адмирала Колчака. В то время как *Павел Михайлов* и *Борис Марков* вновь будут вынуждены уйти в подполье, а арестованного колчаковцами *Нила Фомина* убьют без суда и следствия.

***Когда советская власть на территории Сибири окажется свергнута, в среде людей сведущих станет гулять шутка, что в результате переворота у власти в Сибири, по сути, должно было утвердиться правление «Закупсбыта», так как якобы именно оно, а не Сибирское правительство вынесло на своих крепких кооперативных плечах основную тяжесть всей подготовительной работы по мятежу.

точной Сибири не было, поэтому и на помощь с этой стороны вряд ли имелась бы возможность каким-то образом полагаться.

Одно время небольшие денежные вспомоществования по договорённости с Сибирским правительством вроде бы поступали в Иркутск из лагеря атамана *Семёнова*, получившего в марте достаточные финансовые вливания за счёт средств союзников. Однако вскоре после того, как атаман стал слишком уж явно проявлять свои диктаторские замашки, Сибирское правительство сразу же разорвало с *Семёновым* всяческие отношения. После этого и без того скромный финансовый ручеёк, поступавший с востока, иссяк совсем, и местные подпольщики оказались в материальном плане, что называется, предоставлены самим себе. Ряды местных нелегалов в результате чего начали сразу же заметно таять, и от окончательного развала организацию, по сути, спас лишь приезд в город посланника Добровольческой армии генерала *В.Е. Флуга*, о чём мы поговорим немного ниже, а заодно и более подробно.

Точно известно, что из-за недофинансирования также чуть было не прекратила своего существования и семипалатинская подпольная организация. Только благодаря усилиям поручика *И.А. Зубарева-Давыдова*, как нельзя вовремя прибывшего в город в качестве официального представителя Западно-Сибирского комиссариата ВПАС и сумевшего вытребовать необходимые средства у местных капиталистов, удалось спасти от полного развала антибольшевистское сопротивление в Семипалатинской области.

Таким образом, в результате всех предварительных мероприятий февраля-марта 1918 г. в подпольном движении Сибири образовалось сразу несколько управленческих структур. Общее политическое руководство на правах полноправных представителей ВПАС осуществляли Западно-Сибирский и Восточно-Сибирский комиссариаты с центрами, соответственно, в Томске и в Иркутске, состоявшие по преимуществу из видных эсеровских функционеров с дореволюционным стажем, имевших богатый опыт нелегальной работы. На местах точно такие же функции общего руководства исполняли городские комиссариаты, комплектовавшиеся главным образом из популярных среди населения земских деятелей или близких им по настроению неформальных лидеров.

Данные комиссариаты, в частности, должны были разработать схему гражданского управления своими территориями на период после свержения советской власти и до возвращения в Сибирь Временного областного правительства. В соответствии с этими планами политическая власть на местах в переходный период передавалась земствам с опорой на революционные партии, исключая, конечно, большевиков. Весьма важным в том же русле представлялось: на волне вооруженного выступления не допустить прихода к власти консервативно настроенных военных, вполне способных, как полагали в комиссариатах, заменить диктатуру красную на диктатуру белую и вновь свести на нет все усилия демократии по установлению на территории Сибири истинного народоправства.

Непосредственное военно-оперативное руководство подпольем осуществляли два отдельных штаба, находившихся опять-таки один в Томске, а другой – в Иркутске. Во главе этих структур, как мы выяснили, оказались видные члены эсеровской партии, достаточно опытные в проведении вооруженных акций прямого действия. Оба главных управленческих аппарата – и политические комиссариаты, и центральные военные штабы – призваны были действовать в тесном контакте между собой и в

полном соответствии с инструкциями, поступавшими от Временного правительства автономной Сибири.

Что же касается непосредственно самих боевых групп, то, руководствуясь нормативами дореволюционной подпольной практики, их достаточно серьёзно законспирировали, старались формировать по системе «пятёрок»*, члены которых знали только друг друга и никого больше, с тем расчётом, чтобы арест кого-нибудь из участников подпольного движения мог привести в самом крайнем случае к потере лишь одной из пятёрок, но не более того. Эти «пятки», как тогда их называли в штабном обиходе, объединялись потом в десятки, десятки – в сотни. Сотенные командиры напрямую подчинялись так называемому начальнику пункта, под пунктами подразумевались, как правило, отдельные сибирские города. В распоряжении каждого такого начальника имелся штаб, который руководил оперативным управлением всех подготовительных мероприятий к восстанию. Начальник пункта и его штаб находились в непосредственном подчинении у руководителей центральных штабов, а те, в свою очередь, – у военного министра ВПАС.

В назначенный час восстания подпольные сотни должны были выйти, наконец, что называется, на свет божий, сформировать батальоны, а в крупных городах – полки и под руководством местного штаба по заранее полученным и отработанным в теории инструкциям начать захват основных стратегических объектов того населённого пункта, где они дислоцировались. Такой схемы придерживались практически все организации, и лишь в некоторых случаях руководство подпольных групп по тем или иным причинам занимало обособленную позицию, не шло на контакт с политическими и военными штабами своих округов, надеясь, видимо, разыграть какую-то отдельную тему во всей этой «игре». Имелись также группы, которые до самого начала антисоветского восстания так и не смогли выйти на связь с руководством подпольных организаций. И те, и другие оставались, как принято говорить в таких случаях, дикими.

Созданная система строгой конспирации, изолированности, идеологической и территориальной разобщённости привела к тому, что сведений о сибирском подполье того периода дошло до нас совсем немного. Да и те имеют вид отрывочной информации, собранной, что называется, по крупицам из разных источников. Исключение составляет, пожалуй, единственный в своём роде документ – отчёт о проделанной работе руководителя семипалатинской подпольной организации поручика *И.А. Зубарева-Давыдова*. Также в качестве рабочего материала под руками у историков имеются аналитические записки двух эмиссаров корниловской армии – генерала *В.Е. Флуга* и подполковника *В.А. Глухарёва*. Все другие источники подобного рода, к сожалению, надо признать, что безвозвратно утеряны в ходе многочисленных исторических и политических неурядиц. Хотя, возможно, со временем какие-то документы и отыщутся, тому ведь есть масса примеров. Однако пока мы имеем то, что имеем, чем богаты, как говорится, тем и рады.

На основании этого сделаем небольшой обзор ряда городских подпольных организаций. И начнём, пожалуй, с новониколаевской – не самой крупной в Сибири, но сыгравшей определённо одну из главных партий в произошедшем в конце весны – начале лета 1918 г. общесибирском вооруженном восстании. Её в описываемый нами

*Лишь в Семипалатинске поручик *И.А. Зубарев-Давыдов* почему-то организовывал подпольные группы по принципу «восьмёрок». Своевольничал...

период возглавлял 37-летний подполковник *Гришин Алексей Николаевич*, принявший сразу после вступления на путь нелегальной борьбы с большевиками псевдоним *Алмазов*, вследствие чего вошедший в историю под двойной фамилией: *Гришин-Алмазов*. Он не был по рождению коренным сибиряком, однако достаточно продолжительное время служил на Дальнем Востоке, участвовал в русско-японской войне, а потом воевал в составе 5-го Сибирского корпуса на фронтах Первой мировой войны. Имел за заслуги перед Отечеством орден Св. Георгия IV степени.

После вынужденной демобилизации из армии *А.Н. Гришин* успел побывать в одной из большевистских тюрем, по освобождении из которой он сразу же бежал на Дон, в южную Добровольческую армию, однако там он также долго не задержался и где-то в самом начале 1918 г. перебрался вместе со своей красавицей женой *Марией Александровной**, довольно известной театральной актрисой, в Сибирь и поселился в Новониколаевске. Почему именно на приезжего подполковника, а не на местного офицера пал выбор при назначении на должность руководителя городской подпольной организации – точно неизвестно. Однако есть версия, что не последнюю роль в этом сыграло рекомендательное письмо генерала М.В. Алексеева (одного из сокомандующих Добровольческой армии), которое якобы привёз с собой в Сибирь *Алексей Гришин***. Поговаривали также, что подполковник некоторое время, ещё находясь в Центральной России, весьма близко сошёлся с видными функционерами из эсеровской партии, что также зачлось ему при выдвижении***. Новониколаевская подпольная организация была довольно большой по сибирским меркам и насчитывала, по разным данным, что-то около 600 человек.

Примерно из такого же количества подпольщиков состояла и красноярская организация. Однако у неё имелась одна отличительная особенность, состоявшая в том, что ей приходилось существовать и вести работу в самом пролетарском из сибирских городов, где позиции большевиков, причём большевиков однозначно непримиримых к любого рода инакомыслию, были безоговорочно сильны. По этой, а возможно, и по целому ряду других причин красноярскому подполью, как писал позже в одной из своих статей *Вл.М. Крутовский* («Свободная Сибирь», Красноярск, №94 от 7 сентября 1918 г.), во-первых, долго не удавалось наладить прочных связей с центральным штабом в Томске, а во-вторых, добиться политического консенсуса в среде город-

*В девичестве Захаровой, но в совокупности с фамилией своего весьма знаменитого мужа ставшей в Сибири не просто Гришиной, а *Гришиной-Алмазовой*. Впрочем, однако, Мария Александровна, что называется, и сама по себе, сделалась в конце Гражданской войны очень известной персоной, в первую очередь – в США и странах Западной Европы. А произошло это после того, как в январе-феврале 1920 г. она провела некоторое время в заключении, в тюрьме так называемого Иркутского замка, на одном этаже с также арестованным, – уже тогда бывшем верховным правителем России адмиралом А.В. Колчаком, собственно, в последние дни его жизни, и о чём опубликовала воспоминания, оказавшиеся достаточно уникальными и, можно даже сказать, единственными в своём роде.

**Только этим, кстати, и ничем другим, на наш взгляд, можно объяснить и дальнейший, ещё более стремительный взлёт по служебной лестнице подполковника *Гришина-Алмазова*, весной 1918 г. занявшего пост начальника центрального штаба подпольных организаций Западной и Средней Сибири, а летом того же года в довершение всего ставшего командующим всей Сибирской армией в обход других не менее достойных офицеров из числа коренных сибиряков.

***Однако, судя по тому, как повёл себя *А.Н. Гришин-Алмазов* по отношению к революционной демократии сразу же после победы антибольшевистского восстания, а также исходя из того, с какими людьми летом 1918 г. сблизился *Алексей Николаевич*, можно с уверенностью утверждать, что он был так же далёк от эсеровской идеологии, как и упоминавшиеся уже нами в этом же смысле «социалисты» *В. Куликов* и *И. Михайлов*.

ской антибольшевистской оппозиции. Для разрешения имевшихся проблем *Владимир Крутовский*, как председатель местного союза сибиряков-областников, провёл ряд совещаний с представителями демократических движений, однако ни к какому соглашению поначалу им прийти не удалось, и тогда «стало ясно, как отметил в той же статье *Крутовский*, что надеятся на партии нельзя». В результате красноярцам ничего не оставалось, как пойти по пути создания подпольной организации под непосредственным руководством местной группы областников-автономистов.

Городской комиссариат возглавил сам *Владимир Михайлович*, а его помощником стал ещё один известный красноярский областник – *Николай Козьмин*. Через некоторое время в состав руководства красноярскими нелегалами вошёл видный эсер *Пётр Озерных*, а в апреле, после освобождения из тюрьмы, к ним присоединился ещё один активист той же партии – *Павел Доценко*. Начальником пункта, то есть военным руководителем городских боевых групп, назначили поручика Лысенко. Учитывая его невысокое воинское звание, можно предположить, что и Лысенко принадлежал к партии социалистов-революционеров, являясь её выдвиженцем на роль военного лидера красноярского вооруженного подполья. Известно, что в красноярскую организацию в этот же период вступили полковники *Б.М. Зиневич* и *В.П. Гулидов*, которым впоследствии было передано военно-оперативное руководство общегородским восстанием.

Подпольная деятельность, начатая красноярскими автономистами, сразу же натолкнулась на ряд препятствий. Прежде всего, её пришлось вести под постоянным и неусыпным контролем со стороны большевиков, которые здесь, в сибирской пролетарской цитадели, очень бдительно следили за представителями оппозиции. *Владимир Крутовский* чуть даже не подвергся очередному аресту по подозрению в работе, направленной «на подрыв советского строя». Так что, вспоминал *Владимир Михайлович*, организация постоянно находилась на грани провала, и только один «счастливый» случай помешал этому. В один из дней большевистская «охранка» арестовала в Красноярске какого-то офицера, никоим образом не связанного с организацией. У него при обыске был обнаружен значительный запас огнестрельного оружия, большевики решили, что он – активный участник подполья, стали разрабатывать его знакомства, связи и таким образом пошли по ложному следу, не сумев вовремя выйти на организацию, готовившую вооруженное выступление. Кстати, одной из основных проблем красноярских подпольщиков являлась как раз нехватка оружия, а также недостаточное финансирование организации, вынуждавшее некоторых примкнувших к ней офицеров покидать город в поисках заработка, что, конечно, не могло не отразиться на общей боевой готовности.

Одной из крупнейших в Сибири являлась восточносибирская подпольная группировка (распространявшая своё влияние на Иркутскую губернию и Забайкалье), во главе центрального штаба которой Сибирское правительство поставило, как мы уже указывали, поручика (или штабс-капитана) *Николая Калашникова*. Однако, в силу того что эсер *Калашников* не имел никакого боевого опыта, кроме как террористического, начальником центрального штаба, вместо него, в мае месяце был утверждён фронтовик, участник Первой мировой войны, сорокадвухлетний полковник *Александр Васильевич Эллерц,* взявший после вхождения в иркутскую подпольную организацию фамилию Усов. Военным руководителем (начальником штаба) подпольных групп самого Иркутска в это же время являлся, по некоторым сведениям, подполковник Н. Петухов.

Об иркутских подпольщиках, кстати, сохранилось достаточно много интересной информации, по отдельным вопросам наиболее подробной в сравнении с данными о группировках нелегалов в других сибирских городах. Так, известно, например, что при иркутском подпольном штабе имелось сразу несколько отделов: контрразведывательный, мобилизационный и информационный, все они возглавлялись опытными офицерами, фамилии которых также дошли до нас. Имелся в организации даже собственный начальник артиллерии, при отсутствии таковой у подпольщиков, ну и, конечно, казначей. Вот только с финансовым обеспечением у иркутян также дела обстояли не совсем хорошо, как и у многих других. После того как значительная часть офицеров-подпольщиков в течение февраля-марта попала под арест*, представители местной буржуазии, судя по тому, как это описывает в своей аналитической записке генерал *В.Е. Флуг*, отказались финансировать организацию, в которой, после всего случившегося остались главным образом фактически одни только эсеры и им сочувствующие. В то же самое время средства, поступавшие из фондов Сибирского правительства, были весьма и весьма незначительны. Всё вышеперечисленное привело к тому, что к концу апреля 1918 г. иркутская организация значительно сократилась, а её руководство слало в Харбин депешу за депешей, призывая правительство принять срочные меры для финансирования подпольного движения в городе и губернии.

Ввиду массовых преследований в отношении оппозиции, сорганизованных в тот период иркутскими чекистами, часть подпольщиков конспиративно расселили в некоторых предместьях Иркутска, в частности в посёлке Пивовариха. Внутри самого города организацию разбили на небольшие отряды («сотни»), дислоцировавшиеся в четырёх районах города. Отрядом центральной части Иркутска командовал штабс-капитан Решетников, за рекой Ушаковой в так называемом Знаменском рабочем предместье руководителем подпольной сотни являлся штабс-капитан Ерофеев.

Была отдельная группа и в западной части города, за рекой Ангара, в Глазково – в посёлке железнодорожников, ну и, наконец, специальный отряд укомплектовали из подпольщиков, проживавших в районе понтонного моста через Ангару. А в дачном посёлке Пивовариха находился как бы резерв иркутской организации. У каждой из этих групп имелись свои небольшие схроны с оружием, известные только командиру сотни и его штабу, а также обозначенные места для сборов в день и час «Х».

Уже в ходе процесса по формированию собственных структур иркутские нелегалы стали налаживать связи с подобными же группами в Нижнеудинске, в Усолье и Черемхове. Наиболее крупной после иркутской, на территории тогдашней Восточной Сибири, являлась нижнеудинская подпольная организация, возникшая, кстати, как отмечают некоторые исследователи, одной из самых первых в Сибири. Подпольный политический комиссариат в городе возглавлял тридцатисемилетний *Иван Николаевич Маньков*, сам уроженец Нижнеудинска, отбывавший за участие в революционных событиях 1905 г. ссылку по политической статье, после освобождения ставший городским головой своего города, а в 1912 году избранный членом IV Государственной думы. Примечательно ещё и то, что *Иван Маньков* был, насколько нам известно, единственным из крупных политических руководителей сибирских нелегалов, при-

*Поводом для этих репрессий, напомним, послужила уже отмечавшаяся нами попытка вооруженного выступления оппозиции в двадцатых числах февраля.

надлежавшим к членам партии меньшевиков*. Военное руководство группой нижнеудинских подпольщиков осуществлял пятидесятитрёхлетний полковник *Николай Васильевич Бонч-Осмоловский.*

В Верхнеудинске (ныне Улан-Удэ) офицерскую организацию создали специальные эмиссары из Иркутска Вельский и Красин, после чего Вельский остался в городе в качестве руководителя местного сопротивления. Вполне самостоятельная организация образовалась и в столице Забайкалья, городе Чита. Политический комиссариат, как свидетельствуют источники, здесь возглавили члены Сибирской думы – Залежский и Иваницкий**, а военной организацией руководил некто Д. Кузнецов. 4 апреля он письменно докладывал секретарю ВПАС *В.И. Моравскому* в Харбин: «Военная организация работает успешно, но впереди предстоят затруднения. Деньги, оставленные Вами, расходуются быстро. Политическое положение в Чите расскажут Вам приезжающие. Эмиссариат желает связаться с Вами более тесно и поэтому едет к Вам Трапезников». Однако уже спустя четыре дня читинская организация понесла весьма значительные потери, вследствие гибели, а также ареста, что называется с поличным, сразу нескольких членов своей боевой группы. А произошло всё по чистой случайности.

Дело в том, что в ночь на 9 апреля рядом с явочным домом, где находилось в тот момент несколько нелегалов, милиция проводила операцию по задержанию банды уголовных преступников, в ходе которой началась интенсивная стрельба. Доблестные подпольщики от неожиданности, не успев, видимо, ничего толком сообразить, подумали, что именно против них и ведётся облава, быстро организовали круговую оборону и открыли на свою беду ответный огонь. Милиционеры после этого сразу же вызвали подкрепление и полностью переключились на нелегалов, в результате – часть боевиков была убита, а остальные арестованы. Во время обыска на явочной квартире чекистам удалось обнаружить списки организации и большое количество оружия, в том числе 4 пулемёта. После такого удара читинскому подполью пришлось конечно же очень долго восстанавливаться.

Подпольным движением оказались охвачены не только сибирские административные центры, но и крупнейшие города Дальнего Востока. Почти сразу же по прибытии в Харбин двое членов Сибирского правительства – *Иван Юдин* и *Виктор Тибер-Петров* – отправились во Владивосток, есть данные, что они находились там уже с 20 марта. Владивосток в тот период считался одним из самых спокойных городов Сибири и Дальнего Востока. В плане ожесточённого противостояния большевиков с представителями других революционно-демократических партий здесь всё было

*Последние, как мы уже отмечали, достаточно скептически, а порой и откровенно критически относились не только к сибирскому областническому движению, но и к организации антисоветского мятежа в Сибири, вполне резонно полагая, что вооруженное восстание против власти большевиков может спровоцировать союзников на ввод своих воинских контингентов на территорию Сибири, а равно с этим и поспособствовать продвижению к единоличной власти в регионе маловлиятельных, но вместе с тем чрезвычайно амбициозных представителей от правобуржуазного крыла русской демократии, что создавало бы вполне реальную перспективу урезания социалистического спектра на региональном политическом поле. И в чём-то меньшевики оказались совершенно правы: при Колчаке Сибирь, и особенно Дальний Восток были оккупированы войсками Антанты, а политическую оппозицию – социалистов – частью пересадили по тюрьмам, частью вынудили уйти в подполье, а оставшихся, из числа самых умеренных, отодвинули далеко на задний план в решении стратегических вопросов.

**Возможно, это был в прошлом известный эсер-террорист, член Всероссийского Учредительного собрания Александр Алексеевич Иваницкий-Василенко.

более или менее пристойно, без крайностей. Местное советское руководство в лице двадцатитрёхлетнего *Константина Суханова* и тридцатипятилетнего *Петра Никифорова* вело достаточно терпимую политику в отношении демократической оппозиции. Для наглядного доказательства подобного утверждения можно отметить хотя бы тот факт, что Владивостокская городская дума функционировала до мая 1918 г., тогда как в других городах Сибири и Дальнего Востока процесс по роспуску органов местного самоуправления, начатый ещё в январе, закончился почти повсеместно уже к концу марта того же года. Наладив связи с местными владивостокскими демократами, представители ВПАС создали и в этом городе политический эмиссариат для руководства подпольным движением.

В то же самое время члены Сибирского правительства стали налаживать прямые связи с нелегальными организациями Никольск-Уссурийска, Хабаровска и Благовещенска. Обо всех успехах и неудачах в данном направлении они регулярно извещали своих кураторов в Харбине. Так, в письме от 21 апреля сообщалось: «С Благовещенском устанавливаем связь. Командировали туда капитана, известного Вам, и одного нового служащего и женскую связь. *Юдин* проедет туда для организации эмиссариата после Имана и Хабаровска». А в сообщении от 26 апреля: «Соколов, находящийся сейчас в Благовещенске, пишет, что для развития там нашей работы ему необходимо иметь удостоверение в том, что он является лицом, уполномоченным Сибирским правительством для исполнения его поручений в Благовещенске... Благодарим за ваше предложение сидеть смирно, но всё же ждем объяснений, почему мы должны сидеть смирно. *Тибер-Петров*».

Однако основное внимание Сибирское правительство *П. Дербера* уделяло всё-таки Владивостоку. Согласно оперативным планам, именно здесь подконтрольные правительству подпольные группы должны были нанести по большевикам первый и самый главный удар. С этой целью министры ВПАС собирались тайно перебросить из Харбина в столицу Приморья чуть ли не до полутора тысяч своих вооруженных сторонников. Такой операцией решались одновременно сразу как минимум две важнейшие задачи. Во-первых, при пособничестве союзнических консулов и опираясь на местную вооруженную организацию, представлялось возможным без особого труда, как полагали в Харбине, свергнуть власть большевиков во Владивостоке. А, во-вторых, – сразу же перехватить инициативу у Делового кабинета на поприще руководства освободительным движением во всём дальневосточном, а потом и в сибирском регионе.

В конце нашего общего ознакомительного обзора, касающегося подпольных организаций Сибири, несколько отдельных слов конечно же нужно сказать об омской группировке нелегалов, с точки зрения исследователей, одной из наиболее крупных и значительных в Сибири. Омск в тот период являлся самым густонаселённым городом на востоке России, число жителей которого ещё по довоенной переписи превышало 110 тысяч человек. Для сравнения: во втором по величине городе региона – Томске – количество населения тогда лишь только приближалось к 100 тысячам. За период Первой мировой войны и первого года революции общее число жителей Омска за счёт многочисленных беженцев* сначала из западных, а потом и центральных районов России, по некоторым подсчётам, почти удвоилось, превратив его, по меркам того времени, в настоящий мегаполис.

*Сказывалось относительно стабильное продовольственное благополучие Сибири.

Это придало Омску особую специфику и своеобразный социальный колорит. В его гостеприимных стенах собралась в то время, о котором мы сейчас говорим, самая разнообразнейшая публика. От нашего брата – простого смертного – и вплоть до самых-самых что ни на есть, сильных мира сего, почти полубогов до недавнего времени: бывших близких ко двору его императорского величества персон – князей, графов, разного рода торгово-промышленных олигархов, а также архи коррумпированных столичных чиновников. Многие из них являлись представителями знатнейших и богатейших фамилий России, после Октябрьской революции, совершивших путь, перефразируя известную поговорку, из князи да в грязи. Они оставили в обеих столицах свои шикарные фамильные особняки и ютились теперь в Омске, в лучшем случае, в переполненных сверх меры не только людьми, но и клопами гостиничных номерах, а то и вообще в полу убогих комнатушках городских доходных домов, сдававшихся их владельцами, естественно, по максимально завышенным ценам (спрос определяет предложение – азбука капитализма). Столичную публику отличали на омских улицах, прежде всего, их хотя и повседневные, но всё-таки весьма изысканные наряды, или, говоря современным языком, прикиды, изящно и со вкусом сшитые за немалые деньги у столичных модельеров.

Они весьма экзотично выглядели на фоне мало чем примечательных одеяний местных жителей, а также часто встречавшихся ещё тогда в Омске представителей азиатских народностей – казахов, например, с их сугубо национальными нарядами, самого незатейливого покроя. Эти дети степей в те времена водили ещё по улицам Омска свои верблюжьи караваны, а также многочисленные и многоголосые отары овец, неспешно двигавшиеся по намощеным улицам на местный рынок; отсюда – пыль, амбре и прочие неприятности. Такого рода этнокультурные частности делали город ещё более колоритным, предельно контрастным и даже в какой-то степени экзотичным. Восток и Запад, Европа и Азия соединились в Омске в 1918 г., пожалуй, как нигде больше из российских городов, и даже в своих крайних проявлениях.

Так что порой какая-нибудь знатная молодая особа в изящно кружевном столичном наряде с ужасом взирала с деревянного тротуара на «дикаря» азиата в окружении его живности, и сознание её отказывалось верить, что здесь не зоопарк и что она уже не графиня N, приближённая ко двору её императорского величества, а просто гражданка Российской социалистической республики, равная теперь со всеми в правах, что её больше уже никто не обязан называть ваше сиятельство и пр. С отчаянием почти обречённого человека она понимала также, что, если вскоре не произойдёт каких-либо кардинальных изменений в политике, она вполне может оказаться и в посудомойках. Все эти и многие другие социальные контрасты превратили Омск 1918 г. в настоящую пороховую бочку, а точнее – в самую большую пороховую бочку на востоке России.

Вполне естественно поэтому, что в столице Западной Сибири, каковой по праву считался Омск, подпольные организации по своему количественному и качественному составу нисколько не уступали другим нелегальным организациям края, а по некоторым компонентам даже и превосходили их. Отличительной особенностью омского сопротивления было то, что значительное количество (если не сказать – преобладающее) занимали в его среде казаки. И это конечно же не случайно. Омск, как известно, являлся ещё и столицей Сибирского казачьего войска, здесь находились его управленческие структуры, здесь же располагался и Войсковой (Никольский) собор

Сибирского казачьего войска, а в нём – священная реликвия Сибири – боевое знамя (хоругвь с ликом Христа-Спасителя) отряда Ермака. Так что омским казакам, как говорится, сам бог велел восстать «во имя моё» против безбожников большевиков.

И они, надо честно признать, не подвели. По всему Степному краю и главным образом в примыкавших к Омску станицах в демобилизованных с фронта казачьих частях появились небольшие группы сопротивления, объединившиеся в итоге в так называемую «Организацию тринадцати». Главными организаторами этих полулегальных вооруженных формирований стали, в первую очередь, потомственные казачьи офицеры (своего рода казачье дворянство), которым с советской властью конечно же было далеко не по пути. Как правило, все они при царском самодержавии являлись довольно обеспеченными людьми, владевшими значительными земельными наделами и вследствие чего имевшими вполне достаточные возможности для безбедного существования, а также для получения хорошего среднего и даже высшего образования. Дети же простых казаков, как известно, таковой возможности не имели и обучались лишь элементарной грамоте, основу которой на 90% составляла зубрёжка основ закона божьего *.

В январе 1918 г. на Атаманском хуторе**, что располагался в то время на самой окраине Омска, состоялось нелегальное собрание представителей сибирского казачьего офицерства. На этом совещании было принято решение – не признавать советскую власть и начать создавать для борьбы с ней небольшие, но мобильные повстанческие отряды. Всю территорию казачьего войска разделили тогда же на 13 районов (отсюда и «Организация тринадцати»), в которые назначались люди, персонально ответственные за формирование нелегальных подразделений. Однако реально удалось организовать лишь 7 небольших групп. Среди них необходимо отметить летучие отряды есаулов *Бориса Владимировича Анненкова и Ивана Николаевича Красильникова*. Группа *Анненкова*, по признанию самого её командира, кочевала в феврале в непосредственной близости от Омска, останавливаясь на отдых чаще всего в станице Захламинской или Мельничной. В станице Петропавловской, располагавшейся

---

*Возможность выбиться, что называется, в люди, то есть в офицеры, у простых казаков, как правило, имелась лишь одна – посредством выдающихся ратных подвигов или каких-либо других заслуг перед отечеством и государем. Так, например, согласно одной легенде, основанной, однако, на вполне реальных событиях, отец *Григория Николаевича Потанина* получил офицерский чин после того, как в составе специальной экспедиции доставил в Оренбург слона. Как гласит предание, животное было очень редкой для слонов белой породы – подарок наследнику русского престола великому князю Александру Николаевичу (будущему царю-освободителю Александру II) от хана Хивы. При этом случился и тот ещё для нас примечательный факт, что во время данной экспедиции в казачьем обозе родился младенец, которого нарекли Григорием, по отцу – Николаевичем. Из Оренбурга хорунжий Потанин с молодой женой и сыном через казахские степи, покрывшиеся уже к тому времени глубокими снегами, отправился к себе домой на Иртыш. Ехали в розвальнях день и ночь, на перекладных. В одну из ночей родители, видимо, очень крепко уснули и не заметили, как выронили грудного Гришу из саней. Его хватились только на рассвете, долго искали, пока, наконец, не нашли – к великой своей радости, живым и абсолютно здоровым. Каким образом укутанный до недвижимого состояния младенец не замёрз, в течение нескольких часов пролежав в открытой степи, при жутком морозе и сильном ветре, то, как говорится, одному только богу известно... Не иначе как само проведение сохранило тогда жизнь человеку, которого ждала воистину великая судьба и подлинно народная слава.

**Хутор Атаманский одно время являлся большой казачьей станицей, но после постройки Транссибирской магистрали вблизи него были возведены железнодорожные мастерские, и хутор вскоре превратился в рабочий посёлок, с весьма значительным, а точнее подавляющим, количеством пролетарского населения в нём.

вблизи одноимённой железнодорожной станции (в 270 километрах западнее Омска), подпольную группу возглавил командир расформированной казачьей бригады полковник *Павел Павлович Иванов*. А войсковой старшина (подполковник) *Вячеслав Иванович Волков*, бывший командир 7-го казачьего полка, осуществлял руководство нелегальной организацией в небольшом, некогда пограничном городке под названием Кокчетав.

Теперь что касается непосредственно Омска. В городе, по некоторым подсчётам, скопилось в тот период до 7 тысяч одних только офицеров. То были военные, ранее служившие в расквартированных здесь запасных сибирских полках, а также вернувшиеся с фронта, одни – по прежнему месту жительства, а другие, часто с семьями, – в качестве беженцев. Иными словами, и такого сорта взрывного материала в столице Западной Сибири и Степного края оказалось предостаточно и даже с избытком. Большинство армейских офицеров, как и их товарищи по несчастью из других сибирских городов, в основной своей массе в начале 1918 г. остались без работы. Так же, как и в Томске, здешние офицеры в целях поиска хоть какого-то заработка формировали разного рода профессиональные объединения под такими названиями, как «Трудовая артель офицеров», «Общество любителей охоты и рыболовства» и т.п. Под прикрытием этих организаций, как считают многие исследователи, и формировались в Омске первые нелегальные вооруженные группы для борьбы с советской властью*.

Одну из омских подпольных групп возглавил в тот период двадцатипятилетний капитан *Константин Владимирович Неволин*, в самом конце 1917 г. вернувшийся с фронта в составе расформированного советской властью ударного батальона. Ещё одна была создана георгиевским кавалером, также капитаном, *Владимиром Эрастовичем Жилинским*. Трудно сказать определённо точно – какой политической ориентации придерживались эти два смелых офицера, однако некоторые данные, например, из отчёта генерала *Флуга* позволяют всё-таки предположить, что *Константин Неволин* являлся человеком, близким в какой-то степени к эсеровским кругам, в то время как *Владимир Жилинский* больше симпатизировал политикам правого толка.

Правый уклон вообще, надо сказать, заметно преобладал, как мы уже отмечали, в омской оппозиционной среде, поэтому вполне вероятно, что не только *Жилинский*, но и многие другие офицеры в большей степени всё-таки симпатизировали если не кадетам, то, по крайней мере, придерживались позиций, что называется, здорового консерватизма и в спасении поруганного отечества видели главную цель своих политических устремлений. Вместе с тем надо отметить, что не все, конечно, горели желанием участвовать в вооруженной борьбе с советской властью, некоторые, по вполне резонным соображениям, просто отказывались верить в победные перспективы противостояния с большевиками, завладевшими, как они считали, стихией народных масс. Были, наконец, и офицеры, в принципе равнодушные ко всему происходящему.

Однако всё-таки, слава богу, находились люди, которые сознавали нависшую над их Родиной опасность и горели желанием – с оружием в руках выправить сложившуюся в стране ситуацию. И таких людей стало заметно больше после того, как больше-

*Подобного рода объединения по интересам, кстати, просуществовали по всей Сибири вплоть до конца марта 1918 г., пока не вышло распоряжение правительства Центросибири (от 28 марта) о роспуске всех без исключения организаций бывших офицеров с полной конфискацией их имущества в пользу советской власти.

вики во главе с Лениным подписали всем хорошо известный Брестский мир, позорный, кабальный, однозначно несправедливый* и от того абсолютно не приемлемый для большинства сознательных граждан и особенно для фронтовиков. Многие после марта 1918 г. напрямую стали обвинять большевиков в предательстве государственных интересов России, и количество желающих вступить в антисоветские организации в этот период значительно возросло. По подсчётам историков общая цифра количественного состава сибирских подпольных организаций варьировалась в тот период от 6 до 13 тысяч человек.

Цифру в 7 тысяч приводит в своих исследованиях современник тех событий журналист и историк В.Д. Вегман, 13 тысяч подпольщиков насчитал спустя пол века советский историк-сибиряк В.С. Познанский, томский профессор Н.С. Ларьков, занимающийся этой проблематикой в последнее время, заметно поправляет своего новосибирского коллегу и определяет количество сибирских подпольщиков всего в 6 тысяч человек и даже указывает (на основании документальных источников), что в организациях Западной Сибири насчитывалось около 3800, а в восточносибирских – чуть меньше – 2800 членов. Ну вот, примерно, так.

3. Миссия генерала Флуга в Сибирь

Как нельзя своевременно на дело становления сибирского антибольшевистского сопротивления в апреле-мае 1918 г. повлияла специальная миссия Добровольческой армии юга России под руководством генерала *В.Е. Флуга*. Значимость её трудно переоценить, хотя и преувеличивать её заслуги перед сибирским подпольем также вроде бы не стоит. То, что командование Добровольческой армии в лице генералов *Корнилова* и Алексеева заинтересовалось Сибирью конечно же вряд ли можно считать случайным явлением. Ну, во-первых, сама наша территория с её людскими и продовольственными ресурсами уже сама по себе привлекала внимание многих организаторов белого движения. Во-вторых, поскольку *Лавр Георгиевич Корнилов* по происхождению являлся сибирским казаком, его имя в наших краях было весьма и весьма популярным, а в определённых кругах сибирского сообщества – почти даже культовым в то время.

Генерал *Корнилов* в революционном 1917 г. трижды заявил о себе как о сторонике жестких мер в отношении «разбушевавшейся» в России демократии. Сначала, являясь командующим Петроградским военным округом, он предлагал Временному правительству (точно так же, кстати, как в своё время капитан Наполеон Бонапарт)

*Помимо значительных территориальных потерь Россия обязывалась выплатить Германии и огромную денежную контрибуцию в размере 6 млрд. рублей, что в полтора раза(!), между прочим, превышало годовой бюджет страны. Ни рубля, однако, Россия официально по этому договору, как свидетельствуют некоторые источники, так и не отправила в немецкие банки. Первые транши, согласно соглашению, должны были пойти из России лишь в октябре 1918 г., а к тому времени уже в самой Германии началась демократическая революция. Старое правительство оказалось свергнуто, и все договора, заключённые с ним, в том числе и Брестский мир, советская Россия сразу же аннулировала. Здесь проявилось, без сомнения, гениальное политическое чутьё Ленина (а может быть, о скорой германской революции его предупредили члены так называемого мирового правительства, по заданию которого он, якобы действовал; сейчас разные теории имеются на сей счёт, вплоть до самых невероятных). Ведь даже в тогдашнем большевистском руководстве не все поддержали идею вождя о немедленном подписании мирного договора с Германией, и даже его «тень» – товарищ Сталин – оказался против.

использовать артиллерию против вооруженных революционных демонстрантов. Потом в должности командующего Юго-Западным фронтом для укрепления дисциплины в войсках генерал *Корнилов* стал прибегать к расстрелам за невыполнение приказа и, в первую очередь, за оставление позиций во время боя. Ну и, наконец, находясь с июля на посту Верховного Главнокомандующего вооруженными силами России, *Корнилов*, как всем известно из школьной программы, предпринял попытку государственного переворота, направленную на отстранение от власти правоэсеровского правительства А.Ф. Керенского. Переворот в итоге, что называется, с треском провалился, но имя *Л.Г. Корнилова* с той поры стало символом борьбы за восстановление твёрдого государственного порядка в России. А в Сибири, на родине генерала, в лагере охранительно-патриотически настроенных политиков и их союзников из торгово-промышленных кругов авторитет *Корнилова* фактически сравнялся по популярности с именем *Григория Николаевича Потанина*.

Как только у сибирской общественности начали обостряться отношения с большевиками, в Новочеркасск, в штаб-квартиру южной Добровольческой армии, из Омска отправилась делегация Сибирского казачьего войска во главе с войсковым старшиной *Ефимом Прокопьевичем Березовским* (после Февральской революции вступившим, кстати, в члены кадетской партии). Эта поездка в Добровольческую армию, в которой участвовал также ещё и Евгений Яковлевич Глебов*, состоялась в декабре 1917 года. *Ефим Березовский* тогда же в качестве делегата от своего казачьего войска должен был присутствовать на очередном Сибирском областном съезде в Томске, однако войсковому правлению переговоры с генералом *Корниловым* показались, видимо, важнее, поэтому оно срочно отправило Ефима Прокопьевича в Новочеркасск. Выбор пал тогда именно на *Березовского* не только потому, что он являлся одним из политических лидеров Сибирского казачьего войска, но и в силу той простой причины, что он когда-то учился вместе с *Корниловым* в Омском кадетском корпусе** и имел с ним некоторое знакомство.

Прибыв в Новочеркасск, *Ефим Березовский* при личной встрече поведал Лавру Корнилову о том, что имя генерала сейчас очень популярно в Сибири, что многие сибиряки давно мечтают о том, чтобы он поскорей вернулся в родные края и возглавил антибольшевистское вооруженное сопротивление на востоке страны. *Березовский* заверил командующего Добровольческой армией, что в Сибири есть для этого все условия, что под флагом областнического движения, руководимого кружком *Григория Потанина*, собираются весьма значительные силы, вполне способные серьёзно противостоять уже в самое ближайшее время большевистской диктатуре. Такого рода заявления являлись в определённой степени чисто голословными, не имели ни

*Бывший директор Омской ветеринарной школы и председатель 2-го Сибирского казачьего войскового круга.

**Оба были практически одногодками, а следовательно, почти однокашниками по Сибирскому кадетскому корпусу, только вот судьба у них сложилась по-разному. *Лавр Корнилов* после окончания корпуса самостоятельно изучил несколько восточных языков (что не так уж и сложно при хорошей памяти), намереваясь продолжить дело генерала М.Д. Скобелева и расширить границы Российской империи через Среднюю и Переднюю Азию до Индийского океана, получил академическое образование. Участвовал во многих военных конфликтах и дослужился к 48 годам до звания генерала от инфантерии (генерала армии по-современному). Ефим же *Березовский* звёзд с неба не хватал, всю жизнь прослужил на родных сибирских просторах, ни в одной крупной военной кампании участия не принимал и потихоньку добрался в конце своей карьерной лестницы до звания войскового старшины, то есть подполковника.

документальных, ни каких-либо других подтверждений и от того нуждались конечно же в самой тщательной проверке. С целью определения ситуации на месте генерал *Корнилов* вместе с возвращавшейся обратно в Сибирь делегацией направил в Омск одного из своих ординарцев, некоего прапорщика П.М. Мартынова. Последний, пробыв несколько недель в Омске и сняв здесь на всякий случай квартиру на длительный срок для своего патрона, благополучно вернулся в столицу Войска Донского и доставил *Корнилову* некоторую предварительную информацию о состоянии дел как в Сибири в целом, так и в Омске в частности.

Однако и тогда Лавр Георгиевич всё-таки не решился оставить Добровольческую армию и перебраться для продолжения белого дела в Сибирь. От этого его очень серьёзно, кстати, отговаривал сокомандующий вооруженными силами юга России многоопытный генерал М.В. Алексеев, считая восточные районы страны малоперспективными с точки зрения организации военного дела: огромные расстояния, незначительная численность населения, отсутствие достаточной материально-технической базы и пр. И Лавр Георгиевич уступил. Однако вместе с тем он, видимо, не отказался от идеи военного сотрудничества с сибирскими подпольщиками. С целью налаживания более тесных контактов с ними на восток страны была снаряжена специальная делегация во главе с *В.Е. Флугом*.

Пятидесятисемилетний георгиевский кавалер *Василий Егорович Флуг,* так же как генералы Алексеев и *Корнилов*, имел высшее воинское звание генерала от инфантерии. Однако в отличие от своих более знаменитых коллег он не добился в период Первой мировой войны слишком уж значительных продвижений по ступеням карьерной лестницы, начав войну в должности командующего армией, он закончил её лишь командиром отдельного корпуса. Прибыв в Добровольческую армию, *Флуг* в феврале 1918 г. получил очень ответственное задание: возглавить группу офицеров, направляемых с тайной посреднической миссией в Сибирь.

Всего офицеров в команде *Флуга* оказалось трое: он сам и два его помощника. Ответственным за политическую часть миссии определили сорокадвухлетнего подполковника *Владимира Алексеевича Глухарёва*, имевшего юридическое образование и проработавшего в течение нескольких лет, после окончания Московского университета в Сибири. Помощником *Флуга* по военным вопросам генерал *Корнилов* назначил недавно побывавшего в Омске прапорщика Павла Марковича Мартынова. Всем троим выдали подложные документы, путешествовать им пришлось под видом коммивояжеров, то есть торговых агентов. Так, *Василий Егорович Флуг* стал Василием Юрьевичем Фадеевым, а Мартынова переименовали в Мартыненко. В состав делегации также были включены и две женщины: приёмная дочь *Флуга*, профессиональная актриса О.К. Пестич, и ещё некая N, ехавшая в Сибирь по документам бывшей фронтовой сестры милосердия. Женщин взяли, в том числе и для того, чтобы в их верхнюю, а также нательную одежду вшить ряд важных документов: «верительные грамоты» экспедиции, личное послание генерала *Корнилова* лидеру сибирских областников *Г.Н. Потанину*, а также некоторые другие секретные материалы.

Около 7 тысяч рублей члены экспедиции получили в качестве командировочных, и ещё 25 тысяч им выдали для разного рода представительских расходов. Для того чтобы не пересекать линии фронта, члены делегации дождались того момента, когда Новочеркасск займут красные, и 25 февраля отбыли по железной дороге на восток. Прапорщик Мартынов «путешествовал» отдельно от остальных, однако этот его вто-

рой вояж в Омск оказался менее удачным, чем первый: где-то в районе Волги он был арестован большевиками и отправлен для дальнейшего разбирательства в Москву*. Остальные участники экспедиции пробирались в Сибирь единой группой, следуя в одних и тех же железнодорожных составах, но только на разных местах, а порой и в разных вагонах, намеренно не общаясь друг с другом, дабы избежать в случае чрезвычайной ситуации коллективного провала**.

Добирались до Сибири четверо членов корниловской делегации больше месяца и лишь 29 марта прибыли, наконец, на омский вокзал. Половина дела, таким образом, была сделана, экспедиция сумела благополучно преодолеть все опасности и преграды на своём неблизком пути, сохранив большую часть команды, а также секретные документы в полной неприкосновенности. Теперь уже, как говорится, оставалось дело за малым – отыскать в городе *Ефима Березовского* или Евгения Глебова и через них выйти на представителей местной антибольшевистской оппозиции. Однако тут гостей с юга ждало первое большое разочарование: найти ни того, ни другого не представилось возможным, поскольку войсковой старшина *Березовский*, как член Войсковой управы, вместе с атаманом Сибирского казачьего войска генералом *П.С. Копейкиным* был в конце января арестован большевиками и перевезён в Томск***. Евгений Глебов также отсутствовал тогда в Омске, он по поручению Совета союза казачьих войск в том же конце января отбыл на Украину для контактов с Радой.

В создавшихся условиях пришлось воспользоваться запасным вариантом и прибегнуть к помощи родного брата подполковника Глухарёва, Андрея Алексеевича, проживавшего в Омске и работавшего на железной дороге инженером-путейцем. Тот

---

*В декабре 1918 г. его освободят из-под следствия, взяв с него подписку – не участвовать больше в антиправительственной деятельности. Однако, выйдя из тюрьмы, Мартынов сразу же войдёт в контакт с руководством Национального центра и начнёт активно сотрудничать с этой крупнейшей антисоветской организацией в центре России. Арестованный вторично осенью 1919 г. и обвинённый в антигосударственной деятельности, он в том же году будет расстрелян большевиками.

**Все эти, а равно и остальные сведения о данной экспедиции дошли до нас благодаря двум полудокументальным, полумемуарным источникам, вышедшим из-под пера самих участников делегации. По договорённости с *Корниловым Флуг* должен был периодически посылать из Сибири в Добровольческую армию отчёты о проделанной работе, что, собственно, Василий Егорович весьма добросовестно и делал. Так, известно, что подобного рода материалы он отправлял на юг России в апреле и мае со специальными посыльными, но они, к сожалению, не сохранились. И только в 1919 г., вернувшись после длительной командировки назад в Добровольческую армию юга России, *Флуг* составил для генерала А.И. Деникина обобщающий отчёт о пребывании в Сибири. Данные материалы, уже после окончания Гражданской войны, а точнее в 1923 г., Василий Егорович опубликовал в русскоязычном берлинском журнале «Архив русской революции».

Один из отчётов подполковника *Глухарёва*, также составленный по итогам командировки в Сибирь, но по какой-то причине, видимо, так и не отправленный в Добровольческую армию, каким-то образом оказался в архивах адмирала А.В. Колчака и в том же 1923 г. был напечатан, только в данном случае уже в советском журнале «Красная летопись».

Сотни диссертаций защищались по материалам этих двух источников. Воспоминания *Флуга* и доклад *Глухарёва*, таким образом, на протяжении нескольких десятков лет кормили, и неплохо, прямо скажем, кормили, не одно поколение советских историков, вечная им память. Ну а теперь и мы, грешные, приобщились тоже...

***Содержались *Березовский и Копейкин* в томской губернской тюрьме вместе с организаторами ноябрьского кадетского мятежа в Омске, своими земляками, – *Валентином Жардецким* и компанией, а также с некоторыми членами Сибирской областной думы. Аресты областных делегатов в Томске и лидеров Сибирского казачьего войска в Омске, надо заметить, были произведены практически одновременно, день в день.

свёл *Флуга* с некоторыми деятелями местного отделения кадетской партии, а также с архиепископом Омским и Павлодарским Сильвестром. Однако все они, напуганные недавними репрессиями со стороны большевиков, последовавшими вслед за февральским так называемым «поповским» бунтом в Омске, или отмалчивались во время встречи, или советовали, не задерживаясь, ехать в Харбин, где безопаснее и есть возможность поучаствовать в реальном деле. На вопросы об омском подполье эти люди вообще никак не реагировали, видимо, полагая, что неизвестно откуда взявшиеся незнакомцы вполне могут оказаться большевистскими провокаторами и, проронили они хотя бы одно неосторожное слово, завтра же окажутся в тюремных застенках.

Казалось, миссия в Омске может вполне закончиться, по сути, так и не начавшись, но тут вдруг обстоятельства повернулись в совершенно противоположную сторону. Как раз в то время в городе начал работу созванный по инициативе большевиков съезд казачьих депутатов, и *Ефим Березовский*, как член войсковой управы, был специально доставлен из Томска для участия в этом съезде. А после того, как он перед делегатами советского казачьего «круга» официально сложил с себя все свои полномочия, его полностью реабилитировали и тут же отпустили на свободу. А вскоре в городе появился и возвратившийся с полдороги Евгений Глебов*. Выйдя на контакт с обоими, *Флуг* на сей раз уже без особого труда сумел познакомиться с официальными лидерами омского антибольшевистского сопротивления**, а также и с руководителями некоторых подпольных вооруженных групп. Рекомендательные письма, привезённые *Флугом* при гарантиях *Березовского* и Глебова также произвели необходимое воздействие, так что членов корниловской делегации сразу же ввели в курс дела и ознакомили во всех подробностях с работой нелегалов в Омске***.

Из уст этих людей *Флуг* узнал то, что, благодаря его воспоминаниям, знаем теперь и мы, а именно: в Омске на тот момент существовали две крупные офицерские организации, одна из которых определённо находилась под влиянием местного эсеровского штаба. Начальствовал над данной группой, как мы уже указывали, предположительно, капитан *К.В. Неволин* (подпольный псевдоним – Неофитов). Вторая же организация, возглавляемая капитаном В.*Э. Жилинским*, находилась в более или

---

*В опубликованном в 1923 г. в «Русском архиве» отчёте *Флуг* в целях конспирации в период всё ещё продолжавшейся тогда борьбы с советской властью, зашифровал большинство действующих лиц своего повествования под буквенными обозначениями (так, в частности, *Березовский* у него фигурировал как «У», а Глебов - как «Z»). И, как говорится, всё правильно сделал, ибо, например, Глебов в 1923 году, в отличие от того же *Березовского*, эмигрировавшего после окончания Гражданской войны в Китай, находился в советской России, и ему вряд ли улыбалось счастье громко прославиться в роли активного пособника антибольшевистского подполья. Таким образом, Флуг оградил от преследования многих, в том числе и Евгения Глебова, который, кстати, в конце 20-х годов сделал вполне успешную преподавательскую карьеру сначала в Перми, а потом в Троицке, возглавляя Уральский ветеринарный институт, а затем в нём же – кафедру зоологии. Как сложилась его дальнейшая судьба, нам, к сожалению, не удалось выяснить, но хочется надеяться, что ему, возможно, удалось преодолеть для многих ставший роковым «барьер» 1937 года.

**Это были члены кадетской партии (причём представители её правого крыла): председатель Омского военно-промышленного комитета, миллионер *Н.П. Двинаренко*, владелец одной из самых крупных в Сибири пароходных компаний (поговаривали, что он начинал зарабатывать себе на жизнь простым матросом) и его заместитель по комитету адвокат *Д.С. Каргалов*, а также некоторые другие.

***Так, *Флугу и Глухарёву* доверили даже sancta sanctorum («святая святых») омского подполья – план по освобождению из заключения бывшего царя Николая II с семьёй, содержавшихся в Тобольске, в каких-то (по сибирским-то меркам) 700 верстах от Омска, а также родного брата царя, великого князя Михаила Александровича, находившегося под стражей в Перми.

менее независимом положении, хотя и субсидировалась частично из средств омской кооперации, тоже состоявшей под формальным руководством эсеровских функционеров. Также вблизи от города курсировали или, как говорили про них большевики, бродили небольшие казачьи отряды, отказавшиеся после возвращения с фронта сдать оружие и нацеленные на непримиримую борьбу с советской властью. Теперь надо было решить, на какую из организаций сделать ставку для объединения и усиления городского подполья, а также в целях переподчинения его правоконсервативным политическим кругам города.

Группу *Неволина*, как близкую к эсерам, посланцы генерала *Корнилова* по идеологическим соображениям забраковали сразу же. Казаки, хотя и представляли для омских правых и их гостей с юга несомненный интерес, тем не менее, из-за своих атаманских вольностей и прочих особенностей вряд ли годились для налаживания нелегальной работы в условиях города. Единственно приемлемым вариантом, таким образом, оказалась группа *Жилинского*, поэтому именно на неё и решили обратить особое внимание. *Генерал Флуг* лично встретился с капитаном *Жилинским* и во время беседы выяснил, что последний – вполне надёжный офицер, а члены его организации в большинстве своём никоим образом не разделяют социалистических идей. Это было как раз то, что нужно, так что вскоре по договорённости с местными торгово-промышленными кругами и руководством кадетской партии корниловские эмиссары приняли решение: взять под политический контроль и полное финансовое обеспечение правых сил именно организацию *Владимира Жилинского*.

При этом, однако, в обмен на финансовые затраты омские толстосумы выдвинули ряд непременных условий. Во-первых, они пожелали, чтобы в организации была введена система строгого единоначалия и подчинённости, а во-вторых, настояли на замене руководителя организации молодого капитана *Жилинского* более опытным и авторитетным командиром. Данные условия пришлось принять и, исходя из второго пункта соглашения, срочно найти кандидата на роль военного лидера омского подполья. И такого человека вскоре удалось отыскать, им оказался сорокавосьмилетний казачий полковник *Павел Павлович Иванов*.

Кандидатура этого офицера устраивала многих*, в том числе и корниловских эмиссаров. Оказалось даже, что с полковником *Ивановым* генерал *Флуг* был немного знаком по довоенной службе в Туркестанском военном округе. В то время тогда ещё подполковник *Иванов* занимал должность начальника полиции (полицейского исправника) сразу в нескольких уездах Средней Азии. В 1914 г., вскоре после начала мировой войны, он очень решительно и жестко подавил восстание местных дехкан, возмутившихся по поводу привлечения их к строительству оборонительных сооружений для фронта.

Загвоздка состояла лишь в том, что полковник *Иванов* проживал на тот момент в станице Петропавловской (рядом с одноимённой железнодорожной станцией), где он квартировал вместе с небольшой частью некогда находившейся под его командой и расформированной уже к тому времени казачьей бригады. Кому-то надо было туда съездить и уговорить Павла Павловича перебраться в Омск, для того чтобы принять на себя очень ответственное да к тому же ещё и весьма опасное дело по военному руководству омским подпольем. *Василий Егорович Флуг* вызвался сам наведаться в Петропавловскую и лично побеседовать там с полковником *Ивановым*.

*Однако, как показали дальнейшие события, этот выбор оказался всё-таки не совсем удачным.

Строго конфиденциальная встреча произошла на квартире полковника, причём в коммивояжере Василии Фадееве жена полковника *Иванова* сразу же узнала генерала *Флуга,* запомнившегося ей, как она сама пояснила, по журнальным фотографиям времён русско-японской войны. Понятное дело, что Василий Егорович не стал отнекиваться и на своё «неожиданное» разоблачение ответил шуткой в плане того, что его, надо полагать, возможно, всё-таки не сдадут в ЧК. А сам, видимо, в эту минуту ещё раз осознал всю степень той опасности, которой он себя подвергал, путешествуя достаточно уже продолжительное время по территориям, контролируемым большевиками, с такой фотогеничной и, как оказалось, весьма запоминающейся внешностью.

Полковник *Иванов*, надо отдать ему должное, не позволил долго себя упрашивать и сразу же после беседы с *Флугом* выехал в Омск, где, собственно, и принял в полном объёме все возложенные на него обязанности. В целях конспирации он взял себе подпольный псевдоним *Ринов*, в результате чего вошёл в историю Гражданской войны в Сибири, так же как и некоторые другие его товарищи по оружию, под двойной фамилией: *Иванов-Ринов*.

По выезду из станицы Петропавловской руководителем местной офицерской организации *П.П. Иванов* оставил вместо себя войскового старшину (подполковника) *Вячеслава Ивановича Волкова*, бывшего командира 7-го Сибирского казачьего полка, одного из храбрейших офицеров, получившего за боевые заслуги во время Первой мировой войны орден Святого Георгия 4-й степени и Георгиевское золотое оружие за храбрость. По некоторым сведениям, *Волков* сначала в Кокчетаве, а потом в Петропавловской собрал вокруг себя избранный кружок офицеров, своего рода военно-патриотический орден под названием: «Смерть за родину».

После того как основные организационные мероприятия были проведены, генерал *Флуг* совместно с представителями кадетской партии, а также с военным руководством подпольной организации утвердил и предстоящий план вооруженного выступления. Он оказался весьма прост, но вместе с тем и достаточно эффективен. По общему сигналу во всех крупнейших городах Сибири, и в первую очередь в Омске, членам подпольных вооруженных формирований предстояло сразу же занять основные советские учреждения, а также захватить военные склады, после чего им надлежало разоружить отряды Красной гвардии и арестовать главных большевистских руководителей*. На переходный период власть передавалась сначала в руки военных во главе с *Ивановым-Риновым*, а потом – представителям от органов городского и земского самоуправления при решительном преобладании политиков праволиберального толка, с привлечением «небольшого процента умеренных социалистов в менее ответственных ролях». Эта программа, как мы видим, несколько отличалась от оперативных планов, разработанных в Харбине министрами ВПАС и членами СОД, в том смысле, что военным в них отводилась по преимуществу вспомогательная роль в предстоящем выступлении.

И вот, когда все дела в Омске удалось успешно завершить, весьма удовлетворённый достигнутыми результатами генерал *Флуг* отправил со специальным посыльным своё первое донесение *Корнилову*, считая миссию в этом городе уже оконченной.

*Забегая немного вперёд, нужно отметить, что омские подпольщики проявят себя лишь тогда, когда город будет отбит у большевиков частями Чехословацкого корпуса при содействии примкнувших к ним нескольких казачьих отрядов.

Однако в тот же самый момент, то есть где-то числа 24-25 апреля, в Омске неожиданно появился начальник центрального штаба подпольных организаций Западной Сибири *В.А. Смарен-Завинский.* Он прибыл в столицу Степного края с агитационно-организационными целями, точно такими же, с каковыми здесь уже почти месяц находились *Флуг* и *Глухарёв*.

Смарена-Завинского, конечно, приняли в Омске на соответствующем уровне, как заместителя военного министра ВПАС, но и не более того. Корабли, что называется, уже ушли, и рассчитывать на то, что омское подполье перейдёт под контроль эсеров из томского штаба, уже вряд ли приходилось. Во-первых, всё было только что организационно слажено в пользу местных кадетов, заручившихся к тому же поддержкой эмиссаров Добровольческой армии юга России. А во-вторых, в омских правых кругах не вызвало большого энтузиазма известие, привезённое *Смарен-Завинским*, что во главе Временного правительства автономной Сибири находится *Пинкус Дербер*, по сути, никакой не областник, а хорошо известный омичам эсер-оборонец, с точки зрения *Двинаренко, Каргалова* и компании – обыкновенный революционный выскочка, мало чем отличавшийся от тех же самых большевиков, как своими политическими амбициями, так и своей национальной принадлежностью.

Таким образом, значительная часть омского антисоветского сопротивления отнеслась достаточно взвешенно, если не сказать – настороженно, к миссии *Смарена-Завинского*. И это, несмотря на то, что последний, надо отдать ему должное, провёл в Омске весьма внушительную агитационную кампанию. Выступив в роли этакого новоявленного «Хлестакова», он пустился, что называется, во все тяжкие и, зная о почвеннических настроениях в среде значительной части омской оппозиции, представил деятельность правительства *Дербера* как государственно-охранительную. Уверял, что входящие в состав ВПАС социалисты настроены строго патриотически как в отношении России в целом, так и по поводу Сибири в частности. Утверждал также, что в состав Временного Сибирского правительства уже введены некоторые представители цензовиков и правых партий. Например, генерал *Хорват* как наиболее авторитетный политик Дальнего Востока, а также крупнейший питерский олигарх Путилов, что в Харбине при участии ВПАС сформирован уже корпус русских войск под командованием генерала *Плешкова*, насчитывающий около 20 тысяч солдат и офицеров, и что ведутся переговоры с союзниками о поддержке российских сил войсками Антанты в количестве примерно 100 тысяч человек. Да к тому же, уверял *Смарен-Завинский*, правительство *Дербера* пользуется полным доверием союзников, ну и, наконец, большинство подпольных организаций Сибири перешло уже под контроль военного министра *Краковецкого*, так что осталось теперь только, чтобы и нелегальный Омск признал над собой главенство Временного правительства автономной Сибири.

Там обещали подумать, и это, пожалуй, единственное, что сумел добиться *Смарен-Завинский* от руководителей местного антибольшевистского подполья. 27 апреля он и сопровождавший его в поездке офицер отбыли из Омска назад в Томск, вместе с ними в столицу областнической Сибири отправилась и делегация *В.Е. Флуга*.

И вот он Томск – город первого на востоке России университета, город, уже довольно основательно пропитанный интеллигентским духом, город с уже начавшими укореняться либеральными традициями, ну и, наконец, то была резиденция основателя и бессменного руководителя движения сибирских автономистов – *Г.Н.Потанина*.

Именно к нему в Томск 28 апреля и прибыла делегация с особым поручением от *Лавра Корнилова*. Миссия являлась очень ответственной и в то же время весьма деликатной. *Флугу* предстояло выяснить, между прочим: насколько далеко заходят устремления *Потанина* и его единомышленников в плане территориальной обособленности такого огромного и очень важного для России (колониального) региона, как Сибирь.

Чтобы не терять времени, в тот же день, 28 апреля, а это было Вербное воскресенье, члены делегации встретились с *Потаниным*. Выйти на контакт с ним оказалось достаточно легко. Ну, во-первых, потому, что Григорий Николаевич ни от кого не скрывался, а во-вторых, и *Владимир Глухарёв*, несколько лет проживший и проработавший в Томске, кое-кого знал в городе, и его здесь некоторые ещё помнили, да и потом рекомендации *Смарена-Завинского,* видимо, сыграли некоторую роль. В результате встречу с *Потаниным* и его окружением удалось организовать достаточно быстро. А уже через Григория Николаевича и членов его кружка *Флугу* удалось также без особых проблем выйти и на руководителей местных подпольных офицерских формирований, так что в Томске всё оказалось в этом плане немного проще, чем в Омске.

Во время самой встречи с Григорием Николаевичем генерал *Флуг* был несколько обескуражен внешним видом *Потанина*, а также состоянием его здоровья. Как позже писал Василий Егорович, легенда сибирской автономии оказался вполне заурядным и «дряхлым старцем», совсем плохо видевшим и уже начинавшим глохнуть. Для поправления здоровья Григорий Николаевич придерживался строгой диеты, ел только два раза в день, практически не ужинал, отказывая себе даже в чае, к тому же ко времени приезда корниловской делегации пошла последняя неделя изнурительного велико-пасхального поста, поэтому силы у восьмидесятидвухлетнего старика конечно же оказались не в избытке. Лучшие годы великого *Потанина*, увы, остались уже далеко позади*. Так что беседу от его имени, но конечно же в его присутствии вели с генералом *Флугом* член кадетской партии адвокат *Александр Николаевич Гаттенбергер*, а вместе с ним видный областник и журналист *Александр Васильевич Адрианов*.

Последний, кстати, как свидетельствует *Флуг*, помог ослабевшему *Потанину* войти в комнату, где и состоялся разговор. Генерал ещё удивился: надо же, один старик ведёт под руку другого, ещё более древнего старика, почти старца. Однако *Адрианову* исполнилось тогда всего 68 лет, не так уж и много. Правда, окладистая, что называется лопатой, борода слегка его приземляла, но в остальном Александр Васильевич представлял собой крепкого, коренастого, широченного в плечах мужчину – настоящего сибирского богатыря. Но ещё больше удивился *Флуг*, когда *Адрианов* подошёл

*К тому же Григорий Николаевич только что пережил и большую личную драму, несколькими месяцами ранее от него ушла жена. Как человек вполне земной в этом плане, *Потанин* в 1911 г., в то время уже как несколько лет вдовый, второй раз в своей жизни женился на сорокасемилетней *М.Г. Васильевой*, алтайской поэтессе, писавшей иногда довольно сносные стихи про любовь. Тогда Григорий Николаевич только что отметил семидесятипятилетний юбилей, был достаточно обеспеченным человеком, снимал большую квартиру с кабинетом на элитной Дворянской улице (теперь улица Гагарина). Однако в годы мировой войны материальное положение *Потанина* сильно пошатнулось, как, впрочем, и его здоровье, так что ему пришлось не только сменить квартиру, но и ограничить во многом другом как себя, так и свою «молодую» жену... Летом 1918 г., когда к власти придёт Сибирское правительство и *Потанин* опять окажется в большом фаворе, Мария Георгиевна вернётся к нему на некоторое время и даже совершит с ним круиз по ряду сибирских городов, в которых *Потанин* будет выступать с лекциями, а она, пользуясь случаем, публиковать в местной печати стихи собственного сочинения.

к нему поближе. Лицо его с одной стороны было сильно обезображено в результате нескольких не совсем удачных пластических операций*.

Генерал *Флуг,* вполне возможно, подумал тогда: куда это его занесло на сей раз, в какой такой медвежий угол?.. Однако вскоре начался разговор, и из уст его собеседников полилась грамотная, политически взвешенная и корректная речь, постепенно успокоившая Василия Егоровича и настроившая его на строго деловой лад и нерв. Ко многому обязывала, собственно, и главная цель его поездки – передача личного послания военного вождя белого движения генерала *Корнилова* патриарху сибирского областничества. К этому посланию также была приложена и политическая программа Лавра Георгиевича, составленная, по мнению ряда учёных, при личном участии председателя кадетской партии России Павла Милюкова.

«Г.Н. Потанин, которого я посетил в первый же день пребывания в Томске, оказался дряхлым старцем, со слабыми остатками зрения и слуха, живущим в крайне тяжелых материальных условиях. Письмо Л.Г. Корнилова, которое я ему передал, мне пришлось самому прочесть Григорию Николаевичу вслух».

В апреле 1919 г. по случаю годовщины со дня смерти генерала *Корнилова* газета «Сибирская жизнь» опубликовала текст его послания, оно было датировано 5 февраля 1918 г. В нём, в частности, говорилось: «Мы не принадлежим ни к одной определенной политической партии. Мы выступили под знаменем, под которым могут объединиться все русские люди, все, в ком не умерла ещё любовь к Родине, кому дороги её честь и её будущее и в ком не угасла ещё надежда на вероятность спасения России от окончательного развала и немецкого ига».

Далее к письму прилагалась та самая политическая программа белого движения юга России. Она была написана «мелким почерком на четвертушках бумаги из ученической тетради, прошитых ниткою, на концах которых висела небольшая именная сургучная печать Л.Г.Корнилова, и скреплена его подписью». Всего в программе значилось 14 пунктов, и в конспективном изложении они выглядели следующим образом:

1. Все граждане равны перед законом.
2. Свобода слова и печати.
3. Экономические свободы. Отмена национализации частных предприятий.
4. Неприкосновенность частной собственности.
5. Армия создаётся не по призыву, а на добровольных началах, но без каких-либо революционных комитетов в ней и без порочной системы выборности командных должностей.
6. Полное выполнение союзных обязательств, война с Германией до победного конца.
7. Всеобщее обязательное начальное образование.
8. Выборы нового Учредительного собрания.
9. Учредительное собрание принимает конституцию и назначает подотчётное себе правительство.
10. Свобода вероисповедания. Отделение церкви от государства.
11. Аграрный вопрос выносится на рассмотрение Учредительного собрания.

*Для широкого круга знавших *Адрианова* людей всё это представлялось как следствие «свидания» с медведем в глухой тайге, однако некоторые самые близкие его друзья знали истинную причину: то был провалившийся нос – результат, как и у большинства из нас, трагических ошибок молодости.

12. Равенство всех перед судом. Сохранение смертной казни за государственные преступления.

13. Свобода рабочих союзов, стачек и собраний, но только по экономическим вопросам. Введение рабочего контроля на предприятиях, но категорическое запрещение социализации предприятий.

(Особый интерес для сибиряков представлял последний, четырнадцатый, пункт, касавшийся проблем национального самоопределения. Он был дословно изложен следующим образом.)

14. *Генерал Корнилов признает за отдельными народностями, входящими в состав России, право на широкую местную автономию, при условии, однако, сохранения государственного единства. Польша, Украина и Финляндия, образовавшиеся в отдельные национально-государственные единицы, должны быть широко поддержаны правительством России в их стремлениях к государственному возрождению, дабы этим ещё более спаять вечный и несокрушимый союз братских народов.*

Внимательно выслушав генерала *Флуга*, *Потанин* немного помолчал, видимо, обдумывая непростой ответ, и потом «заявил, что по старости уже не принимает личного участия в политике, пригласил своего соседа *А.Н. Гаттенбергера*, рекомендовав... последнего как общественного деятеля и вполне доверенное лицо, заменяющее его в кружке, названном его именем». *Александр Николаевич Гаттенбергер*, подхватив беседу, вскоре представил *В.Е. Флугу* для ознакомления политическую программу Потанинского кружка. Она в отличие от корниловской состояла из 11 пунктов и касалась главным образом сибирских дел, однако по содержанию основных положений обе программы были достаточно близки. В целях борьбы с советской властью сибиряки предполагали объединить все антибольшевистские силы, включая, в том числе, эсеров и меньшевиков. После отстранения от власти большевиков потанинцы предлагали создать временное правительство на беспартийной основе, включив в его состав наиболее авторитетных представителей из числа оппозиции «с общегосударственным именем и всеобщим признанием».

Тем самым члены Потанинского кружка давали понять, что они не считают узкопартийное правительство *Петра Дербера* – порождение смуты конца 1917 г. – уполномоченным для принятия власти на территории Сибири. Однако это совсем не означало, что новое временное правительство Сибири планировало полностью отказаться от завоеваний Февральской революции, конечно же нет. Напротив, оно, в первую очередь, должно было восстановить попранные большевиками демократические свободы, но одновременно с тем и основательно «прибраться» на территории региона, установив твёрдый государственный порядок на основе строгого соблюдения законности. После чего временное правительство обязывалось передать власть Учредительному собранию для дальнейшего осуществления всех важнейших политических, экономических и социальных реформ, в том числе и касающихся сибирской автономии*.

На той же встрече *Флугу*, в частности, до конца раскрыли глаза и на многообещающие заявления *Смарена-Завинского* в Омске, который распускал совершенно якобы

*К сожалению, мы не можем привести здесь полного текста программы Потанинского кружка, так как с его оригиналом, хранящимся в Российском государственном военном архиве, нам познакомиться так и не удалось, поэтому для написания данного раздела мы пользовались лишь редкими и краткими комментариями по этому вопросу.

ложные слухи о том влиянии, которым пользуется правительство *Дербера* на Дальнем Востоке, в частности в плане установления «успешных» связей с иностранными дипломатическими представителями. Подобного рода далёкие от истины утверждения выдвигались, пояснили *Гаттенбергер* и *Адрианов*, с той только целью, чтобы подчинить ВПАС все без исключения подпольные организации на территории Сибири. Но, поскольку группа *Потанина* имела прочно налаженные связи с Харбином, ей было достаточно хорошо известно истинное положение вещей на Дальнем Востоке, на основании чего *Флуга* заверили, что там в более предпочтительном положении находится так называемый Дальневосточный кабинет, совсем недавно созданный и возглавляемый генералом *Хорватом*. По их мнению, именно этот в определённой степени временный правительственный орган сплотил вокруг себя основную часть эмигрантских патриотических сил в Харбине и пользуется несравнимо большим доверием у иностранцев, нежели правительство *Дербера*. Также *Флуга* уведомили, что группа *Потанина* сотрудничает, в первую очередь, именно с *Дмитрием Леонидовичем Хорватом*, которого видит в перспективе руководителем всего освободительного движения в Сибири и на Дальнем Востоке.

В результате этой первой беседы и той, и другой стороне удалось выяснить главное для себя – что планы белого движения России и сибирских областников в целом схожи по всем практически основополагающим принципам. Более того, они находятся, что называется, во взаимном проникновении интересов, в частности, в области проблем автономии. *Корнилов* с Милюковым, как поняли тогда в Томске, были не против позитивного решения данного вопроса, потанинцы же, в свою очередь, заверили представителей Добровольческой армии, что в такой непростой для страны исторический момент они безоговорочно выступают за единую и неделимую Российскую государственность. Как писал подполковник *Глухарёв* в итоговом отчёте, группа областников, собравшаяся вокруг *Потанина*, вопреки всем обвинениям в сепаратизме, «впитала в себя всё наиболее мыслящее и государственно-настроенное».

Дальнейший ход переговоров с генералом *Флугом* целиком взял в свои руки *Александр Гаттенбергер*. На вечер того же дня, 28 апреля, он назначил членам делегации «деловое свидание, к которому обещал пригласить нескольких лиц». С собой он привёл трёх офицеров, представленных руководителями офицерской подпольной организации, обозначенной в качестве беспартийной, но находящейся под патронажем областнического кружка *Потанина*. К сожалению, фамилии тех трёх человек *Флуг* также весьма тщательно зашифровал в своих воспоминаниях, поэтому мы можем только догадываться по поводу того, кто именно присутствовал тогда на встрече с членами корниловской делегации. С относительной степенью уверенности мы можем предположить, что этими офицерами вполне могли оказаться полковник *Николай Николаевич Сумароков* и подполковник *Анатолий Николаевич Пепеляев*, третьим подпольщиком, возможно, был полковник *Евгений Кондратьевич Вишневский*. По версии некоторых комментаторов, им также мог оказаться и поручик *Борис Михайлович Михайловский.*

Прибывшие на встречу офицеры рассказали *Флугу и Глухарёву*, что в их подпольных организациях в общей сложности состоит около одной тысячи человек, главным образом офицеров. Что они уже вышли к тому времени из финансовой зависимости от эсеровского комитета, что деньги теперь для них регулярно поступают от местных торгово-промышленных кругов, а также из Харбина, от Комитета защиты Родины и

Учредительного собрания, что в общей сложности за истекший период офицерские организации получили из указанных источников около 700 тысяч рублей. Тех средств с избытком, надо полагать, хватило, чтобы последние два месяца выплачивать членам организации в среднем по 200 рублей*. (В современном исчислении что-то около 30 тысяч.) Проценты по кредитам тогда вряд ли кто платил, так что полученных средств было вполне достаточно, чтобы довольно сносно существовать, при этом, собственно, как правило, не обременяя себя никакой регулярной практической деятельностью, опасаясь лишь ареста и связанных с ним разного рода неприятностей, могущих, впрочем, оказаться весьма серьёзными.

Так, например, незадолго до приезда *Флуга и Глухарёва* в Томске оказались провалены сразу два подпольных учебных центра. Один, как выяснилось, находился буквально в нескольких кварталах от губернского исполкома, в здании духовной семинарии. В годы мировой войны помещения семинарии царские власти перепрофилировали под казармы запасных частей, а после их демобилизации опустевшие классы бывшего религиозного училища, теперь уже по распоряжению большевиков приспособили для общежития инвалидов войны, здесь же были открыты и несколько кустарных мастерских для них, лавка для продажи произведённой продукции ну и т.п. Пользуясь этим обстоятельством, томские подпольщики под видом кружка по интересам для инвалидов открыли в одном из помещений общежития свой учебный центр, куда, по всей видимости, приглашались члены организации из числа гражданских лиц, не имевших опыта обращения с оружием, для прохождения курса начальной военной подготовки. Частое посещение приюта для инвалидов молодыми людьми из богатых семей вскоре вызвало вполне естественные подозрения у соответствующих органов, и вскоре для осмотра здания бывшей духовной семинарии прибыл отряд Красной гвардии. В результате проведённого обыска красногвардейцам удалось обнаружить в одном из классов учебное оружие, а также задержать некоторое количество посторонних лиц – не инвалидов. Так произошел первый провал.

А вскоре после него случился и второй: события имели место в посёлке Басандайка (пригород Томска). Там на небольшом свечном заводе, принадлежавшем Томской епархии, было обнаружено целое общежитие офицеров-подпольщиков, то ли работавших, то ли формально числившихся в качестве рабочих. И всё бы ничего, многие офицеры, как мы знаем, подрабатывали в тот период практически где угодно и кем угодно, но вот только все проживавшие в общежитии на Басандайке оказались не прошедшими регистрации, и поэтому их сразу же задержали по подозрению в организации антисоветского подпольного сопротивления. По одному только этому делу за решёткой оказалось более 30 человек.

Значительные потери в живой силе понесла в тот же период и местная эсеровская подпольная группировка. В апреле в связи с кражей винтовок со складов 39-го стрелкового полка и выявившимися в ходе расследования данного дела обстоятельствами были произведены массовые аресты членов городской эсеровской организации, среди которых оказались и некоторые боевики из числа подпольщиков.

---

*Как мы уже отмечали, оплата членов подпольных групп осуществлялась дифференцированно. При назначении денежного вознаграждения учитывался количественный состав семьи офицера, наличие у него других источников дохода ну и, конечно, степень вовлечённости подпольщика в нелегальную деятельность. Исходя из этого, заработная плата варьировалась от 100 до 300 рублей в месяц.

С руководством эсеровского подпольного отряда генерал *Флуг* также изъявил желание побеседовать, и такая встреча без лишних проволочек вскоре была устроена усилиями *Смарен-Завинского*. Однако, поскольку в эсеровских кругах по-прежнему придерживались принципа коллективного руководства, генералу *Флугу* и подполковнику *Глухарёву* представили не отдельных персон из числа руководителей военной организации, а лишь некоторых членов её штаба, над которым, в свою очередь, как смогли понять из дальнейшего разговора члены корниловской миссии, стоял ещё и так называемый «социалистический коллектив», в деятельности которого, кроме нескольких офицеров, участвовали «рабочие и другие лица, с военным делом ничего общего не имеющие». Относительно этих «нескольких», а также и других офицеров, входивших в состав эсеровской организации, генерал Флуг отметил позже в итоговом «отчёте», что они якобы вовсе не являлись «правоверными социалистами»*, а в организацию попали случайно, ища какой-нибудь точки опоры.

Данная эсеровская группировка формально существовала на средства, выделяемые ВПАС, но фактически основные финансовые вливания на её содержание исходили, как мы уже отмечали, из фондов кооперации. Эти вливания корниловские эмиссары охарактеризовали как «подачки» и констатировали в своих отчётах тот факт, что эсеровские подпольщики и в Томске тоже испытывали острую нужду в деньгах.

В составе местной эсеровской организации, как свидетельствуют некоторые газетные источники, имелся ещё и особый вооруженный резерв, состоявший целиком только из членов ПСР и РСДРП(м), а также бундовцев, сионистов и мусульманских националистов, готовых в случае крайней необходимости выступить на защиту социалистических завоеваний революции и даже, если понадобится, вступить в вооруженную борьбу со своими оппонентами из крайне правого политического лагеря. У левых, таким образом, был заготовлен план действий и на всякий, как говорится, экстренный случай. Как, впрочем, и у тех самых оппонентов имелся адекватный ответ – если что – отряд кадровых офицеров полковника *Вишневского*.

---

*Эта фраза из воспоминаний генерала *Флуга* о «правоверных социалистах» стала в историографии Гражданской войны почти классической. Не в меру растиражированная, она превратилась даже в своего рода методологическое клише. Раньше его с большим успехом применяли советские исследователи, подчёркивая тот факт, что в эсеровских подпольных организациях было полным-полно «неправоверных», тем самым с явной натяжкой подчёркивая тот факт, что эсеры и им сочувствующие мало чем отличались от членов правых и даже монархических антисоветских группировок. В постсоветский период некоторые историки также с «большим успехом» начали применять всё то же клише о «неправоверных» эсерах, но оно у них, к большому нашему изумлению, стало теперь означать чуть ли не совершенно обратное: что-де в эсеровских организациях временных попутчиков социалистической идеологии было более чем предостаточно, а вот истинных социалистов-то насчитывалось, по сути, не так уж и много.

Вроде бы оба вывода ровно про одно и то же, но всё-таки разница между ними есть: у каждой посылки имеется оттенок некоторого научного невежества. Причём стоит лишь подумать о том, что *Флуг* вполне мог и слукавить по данному вопросу в своём отчёте (а по сути, в воспоминании, написанном спустя несколько лет), как сразу же все – и те, и другие – «архинаучные» выводы рушатся, как карточные домики. На память приходит в связи с этим довольно известная байка о пребывании в гостях у Л.Н. Толстого П.Н. Милюкова, в ту пору пока ещё только подающего большие надежды русского историка. Во время десерта граф Толстой, в то время уже величайший русский писатель, сам нарезая торт, вроде бы как между прочим произнёс: «Вот так и ваша историческая наука, хочу так отрежу, а хочу – эдак». (Китайские мудрецы в подобных случаях говорили немножко по-другому: «И ты тоже прав».)

Но вообще, конечно, по-своему несчастные они – те наши некогда великие эсеры: кто только по ним не проехался за истекший вековой исторический период. Что же остаётся делать приверженцам их социал-революционных политических принципов? А остаётся, видимо, только одно – уповать ещё на одну китайскую мудрость, гласящую, что «чем больше у тебя врагов, тем ты ближе к истине».

И, тем не менее, на данном этапе необходимо было во что бы то ни стало объединить основные силы оппозиции в борьбе с большевиками. К глубокому удовлетворению прибывшей в Томск делегации, точно такого же мнения придерживалось, как удалось выяснить, большинство здравомыслящих людей в обеих политических группировках. Так что *Флугу* не пришлось особо никого уговаривать в этом смысле и тем самым до минимума сократить официальный визит в столицу сибирского областничества.

В последний день пребывания в городе корниловские эмиссары встретились ещё с одним руководителем антибольшевистского сопротивления – с подполковником *Алексеем Гришиным**, по подпольному псевдониму *Алмазовым*. С ним *Флуга и Глухарёва* свёл всё тот же прапорщик *Смарен-Завинский* и представил *Гришина-Алмазова* как своего заместителя по командованию подпольным Западно-Сибирским округом. Разъезжая в качестве антрепренёра** театральной труппы (ведущей артисткой которой являлась его жена) по сибирским городам, *Алексею Алмазову* очень удобно было вести организационную работу на местах, избегая каких-либо подозрений на сей счёт со стороны советской власти, встречаясь с разными людьми по делам коммерческим и творческим – продюсерским, если на современный манер.

Во время последних бесед в Томске *Смарен-Завинский* уведомил *Флуга*, что он на некоторое время (правда, так получилось, что навсегда) должен уехать из Томска в Харбин, для того чтобы сделать там доклад Временному правительству автономной Сибири о проделанной его ведомством работе и пр., а также для получения новых указаний в проведении дальнейших мероприятий. Таким образом, получалось, что на период отсутствия *Смарен-Завинского* главой подпольного военного ведомства Западной и Средней Сибири оставался *А.Н. Гришин-Алмазов.* В силу этого обстоятельства и с ним надо было провести свою часть переговоров по поводу предстоящих дел.

Как отмечал *Флуг,* подполковник *Гришин* оказался лицом, обладавшим вполне здравым умом и имевшим достаточные познания в организации военного дела. Он также весьма охотно согласился с мнением корниловской делегации о желательном объединении усилий правых и левых группировок в деле подготовки вооруженного мятежа. Об обмене в случае нехватки у той или другой стороны оружием и боеприпасами, о выработке общего плана действий и т.д., для того чтобы в конечном итоге, по возможности, сплотить все силы в единую организацию и желательно под политическим руководством кружка *Потанина*. «Заручившись по важнейшим пунктам намеченной работы согласием представителей обеих организаций и обещанием содействия *А. Гаттенбергера*, я признал возможным этим результатом удовольство-

---

*По своей военной специальности Алексей Николаевич являлся офицером-артиллеристом. Специальность, надо сказать, не так уж и широко распространённая в тогдашней Российской армии. Артиллеристов до революции готовили лишь два-три военных училища – и всё. Так что они так же были редки, как сейчас, наверное, офицеры космических войск. Ну, в общем, что-то в этом роде. Не случайно поэтому, что даже в таком большом городе, как Омск, не нашлось в тот период достаточного количества офицеров-артиллеристов, а они могли очень понадобиться во время проведения войсковых операций предстоящего антисоветского мятежа. Поэтому омские подпольщики попросили генерала *Флуга* подыскать в других сибирских городах несколько военных специалистов такого рода «космических» войск и уговорить их перебраться в Омск.

**Антрепренёр *Алексей Алмазов*… неплохо звучит, согласитесь. Весьма удачно придуманная фамилия, как раз может быть, в первую очередь, именно для такого рода деятельности.

ваться», – так заканчивает свои записи, касающиеся пребывания в Томске, *Василий Егорович Флуг**.

1 мая вместе со *Смарен-Завинским* члены корниловской делегации покинули город и направились в Иркутск, в центр бывшего Восточно-Сибирского военного округа. В Красноярске, видимо, за неимением времени они останавливаться не стали. В Иркутск все четверо членов делегации прибыли в Страстную субботу, 4 мая. *Смарен-Завинский*, не задерживаясь в городе, проследовал дальше на восток, в Харбин. На прощание он снабдил генерала *Флуга* несколькими конспиративными адресами для связи с иркутским эсеровским подпольем. Однако уже на вокзале, перед тем как отправиться в гостиницу, члены делегации совершенно случайно завели знакомство с одним из бывших офицеров, который при более близком общении удивительно, но сразу же намекнул на то, что может свести *Флуга и Глухарёва* с людьми, имеющими отношение к антибольшевистскому сопротивлению. Как такое могло случиться в условиях строжайшей конспирации с той и другой стороны – непонятно. Из «отчётов» всплывает лишь тот факт, что странный офицер сначала обратил внимание на двух симпатичных дам – спутниц *Флуга и Глухарёва*, пытался за одной из них даже приударить, может быть, выпил для храбрости лишнего ну и, возможно, разоткровенничался.

Через удачно и, главное, вовремя подвернувшегося человека посланцы Добровольческой армии попытались выйти на офицерскую, так называемую «беспартийную» подпольную организацию, однако из этого мало что получилось дельного. Как выяснилось, такой организации в Иркутске вследствие разного рода причин к тому времени уже практически не существовало. Однако новоявленный связной всё-таки познакомил членов корниловской делегации с некоторыми бывшими руководителями разгромленного офицерского подполья, в частности с генералом Л.Я. Симоновым и его зятем подполковником артиллерии Н. Петуховым. А также с некоторыми местными политиками правого толка, такими как адвокат Д.А. Кочнев и член кадетской партии И.П. Кокоулин. Они подтвердили факт полной ликвидации беспартийных подпольных организаций и посоветовали *Флугу* связаться с ещё сохранившим свои структуры эсеровским вооруженным подпольем во главе с *Николаем Калашниковым.*

И вот тогда членам делегации, видимо, и пришлось воспользоваться теми явочными адресами, которыми их, как оказалось, весьма кстати снабдил *Смарен-Завинский*. Однако и на этом направлении поиска сразу же произошла небольшая заминка, вызванная тем, что иркутские подпольщики, существовавшие в условиях непрекращающихся арестов, осуществлявшихся структурами набиравшей силу сибирской ЧК, весьма настороженно отнеслись к явившимся, практически «из неоткуда» личностям. Поэтому им сначала, как и полагалось, устроили небольшую проверку, провели с ними несколько предварительных встреч, которые назначались – по старой

---

*По весьма интересному стечению обстоятельств эта часть рассказа, повествующая о пребывании делегации *Флуга* в Томске в страстную неделю, нами также была написана в самый канун Пасхи, но только 93 года спустя, причём здесь же – в Томске.

И ещё о датах: 13-го (!) апреля 1918 г. при наступлении на Екатеринодар (теперь Краснодар) осколком от разрыва шального снаряда был убит генерал *Корнилов.* Об этом Флуг и его компаньоны долго, до самого лета, ничего не знали, так как известие о смерти Лавра Георгиевича, являвшегося знаменем белого движения, тщательно скрывалось его товарищами по борьбе и долгое время не публиковалось в печати.

эсеровской конспиративной традиции – на кладбище*. После чего Флугу, наконец, удалось встретиться с самим *Николаем Калашниковым*, особоуполномоченным военного министра ВПАС *Аркадия Краковецкого* по Восточной Сибири.

Таким образом, приходится констатировать, что к приезду корниловской делегации в Иркутске в отличие от других двух крупнейших городов Сибири оказалась в наличии всего одна нелегальная вооруженная группировка. Так, если в Омске существовали как офицерская, так и эсеровская организации при некотором количественном преобладании первой, а в Томске при том же наборе сохранялся ещё и равный баланс сил, в Иркутске к маю в наличии имелись лишь чисто эсеровские вооруженные структуры, а офицерское подполье было полностью разоблачено и фактически ликвидировано. «Элементы, сторонившиеся социалистов, успели сложиться только в небольшие ячейки крайне переменного состава, которые не имели данных для развития в более крупные организации», – отмечали члены корниловской делегации в одном из своих отчётов.

Этот сокрушительный разгром произошёл, как уже говорилось, в силу целого ряда причин, главной из которых оказалась, пожалуй, та, что иркутским подпольщикам приходилось действовать, что называется, под самым боком у правительственных структур большевистской Центросибири, в том числе и органов специального назначения. Так, уже в марте-апреле 1918 г. в Иркутске начали формироваться под руководством большевика с дореволюционным стажем *Меера Трилиссера*, молодого революционера *Ивана Постоловского* (министра юстиции в правительстве Центросибири), а также бывшего царского контрразведчика *Алексея Луцкого* органы сибирской ЧК. В конце февраля в связи с началом нового немецкого наступления вся власть в Иркутске была передана в руки военно-революционного штаба, получившего ещё до того, как сорганизовались органы сибирской ЧК, точно такие же неограниченные полномочия по борьбе с «внутренней и внешней контрреволюцией».

Так, уже на следующий день после сформирования, 22 февраля, ВРШ разогнал собравшееся на свой первый съезд губернское народное собрание, организованное по инициативе правых эсеров, выдвинувших на этом форуме лозунг политической борьбы с советской властью и возобновления работы Всероссийского Учредительного собрания. А 23 февраля тот же военно-революционный штаб предотвратил попытку вооруженного мятежа со стороны офицеров местного гарнизона, пытавшихся, как мы уже указывали выше, во время похорон жертв декабрьских боёв напасть на большевистское руководство города и уничтожить его. После так и не состоявшейся акции последовали первые многочисленные аресты, с неизменной периодичностью продолжавшиеся и в последующий период.

Так, 29 марта в Иркутске был раскрыт ещё один офицерский заговор, на этот раз в поддержку атамана *Семёнова*, организовавшего в марте новую попытку наступления своих отрядов на Читу. В результате проведённых арестов за решёткой Тюремного замка оказались многие участники предполагавшегося выступления, в том числе и его руководители: капитан Ключарёв, поручик *Нахобов* и известная ещё по участию в корниловском мятеже баронесса Гринельская. В руки чекистов попали в тот период также и некоторые секретные документы, свидетельствовавшие о связях иркутских

*Возможно, что – на Иерусалимском, находившемся в центральной части города в четырёх кварталах от улицы Большой, где располагалось сразу несколько гостиниц, в одной из которых, видимо, и проживали члены делегации. Чуть позже, опасаясь разоблачения, они переселились на частные квартиры.

подпольщиков не только с *Семёновым*, но и с японскими тайными агентами*. Так, в частности, когда в мае им удалось арестовать одного из ещё оставшихся к тому времени на свободе руководителей офицерского подполья – подполковника (полковника) *Дитмара***, в его бумагах при обыске они обнаружили письмо, напрямую свидетельствовавшее о наличии некогда прочно налаженных контактов офицерского сопротивления Иркутска с официальными японскими представителями в городе***.

Таким образом, можно констатировать тот факт, что в мае в иркутском городском подполье осталась лишь эсеровская по своему основному составу организация, насчитывавшая в поредевших рядах всего около 300 человек нелегалов. Однако и эта структура имела массу проблем, и самая главная из них состояла в острой нехватке финансовых средств. Единовременное денежное вспомоществование, сделанное во время посещения Иркутска то ли председателем Областного правительства *Дербером*, то ли военным министром *Краковецким*, а может быть, и ими обоими, быстро иссякло, а новые поступления от правительственных структур приходили в Иркутск весьма нерегулярно. Некоторую финансовую поддержку, как мы уже отмечали, нелегальным организациям Восточной Сибири по просьбе военного министра *Краковецкого* оказывал в период дружеских отношений со ВПАС разбогатевший на иностранных «инвестициях» *Семёнов.*

Однако вскоре отношения атамана-диктатора и сибирских министров-демократов в силу непримиримых политических противоречий оказались основательно испорчены, и 15 апреля из Харбина в адрес сибирских подпольных организаций была направлена правительственная директива о разрыве всяческих, в том числе и финансовых, отношений с *Семёновым*. В результате этого иссяк последний источник денежного довольствия, и эсеровские подпольные структуры Восточной Сибири и Иркутска в частности по вполне понятным причинам сильно поредели в тот период. В своём майском донесении в Харбин *Николай Калашников*, как видно, с большим сожалением констатировал: «В погоне за деньгами, чтобы не губить дела, мы здесь мечемся во все стороны. Готовы идти на всякие уступки».

И всё это в условиях, когда в Иркутске скопилось чрезвычайно большое количество возвращавшихся с фронта офицеров. Помимо местных, в городе находились

---

*Японская разведка в тот период использовала в своих целях главным образом китайцев и корейцев. Их в массовом количестве в качестве дополнительной рабочей силы расселило в период Первой мировой войны на Дальнем Востоке и в Забайкалье, вплоть до Иркутска, царское правительство. Им даже разрешили открывать небольшие частные предприятия в сфере обслуживания. Так, известно, что в начале 1918 г. в Иркутске действовал один китайский ресторанчик, несколько магазинов и аптек, ну и, конечно, в городе практиковали разного рода тибетские знахари. Доподлинно известно, что один из них – доктор Хан, являлся тайным агентом японской разведки и содержал целый штат китайцев-осведомителей, работавших чистильщиками обуви и докладывавших о передвижениях по городу высокопоставленных большевистских функционеров. Особенно интересовало японскую разведку (как и любую другую во все времена), кто из новоявленных советских чиновников часто посещает питейные заведения и публичные дома, а значит, нуждается в дополнительных финансовых средствах и может быть завербован на этой почве. Практика, известная в исторической литературе ещё со времён персидских царей.

**По данным газеты «Бийская правда» (№55 за 1918 г.), подполковник *Сергей Фёдорович фон Дитмар* был арестован чекистами 15 мая 1918 г.

***В этом письме, в частности, говорилось о том, что офицерский корпус бывшего Иркутского военного округа поддерживает планы союзников и, в первую очередь, Японии по вводу на территорию Дальнего Востока и Сибири своих воинских контингентов в целях организации борьбы с большевиками и их подручными – освобождёнными из лагерей и вооруженных советской властью немецкими, австрийскими и венгерскими военнопленными.

ещё и те, кто вынужденно задерживался здесь не в состоянии получить «визу» у местных властей для выезда на Дальний Восток. Такой выезд был сначала весьма ограничен для бывших военных, а потом и вовсе, после 10 мая, запрещён*, причём не только для офицеров, но и вообще для всех частных лиц. По заявлению *Калашникова* желающих бороться с большевиками среди попавших в карантин людей имелось более чем предостаточно, и он в случае необходимости мог сразу поставить под ружье дополнительно около 450 человек. Однако задействовать всех желающих в текущих оперативных мероприятиях не представлялось возможным, поскольку для этого пришлось бы расширять список «штатных сотрудников», а достаточных средств у организации не было.

Единственным реальным источником поступления дензнаков для иркутской подпольной организации могли стать в тех условиях местные представители торгово-промышленного класса, именно им в условиях крайней нужды и собирался *Калашников* «идти на всякие уступки», дабы хоть как-то поправить материальное положение членов нелегальных боевых групп. Однако все попытки наладить контакт с иркутской буржуазией потерпели полное фиаско и, в первую очередь, по той простой причине, что помогать эсерам-социалистам в финансовых кругах Иркутска никто не собирался.

Но тут, что называется, как нельзя кстати в город прибыла корниловская делегация, и прапорщик *Калашников*, решив прибегнуть уже к последнему средству, обратился к генералу *Флугу* с просьбой – уговорить местную буржуазию выделить хоть какие-то деньги на нужды антибольшевистского подпольного движения. И эта его просьба не осталась без ответа. Василий Егорович согласился поучаствовать в переговорах и через посредство уже знакомых ему деятелей правого лагеря, Д.А. Кочнева и И.П. Кокоулина сумел, видимо, под свои личные гарантии вытребовать 35 тысяч рублей (чуть более 5 миллионов по современному курсу), которые и передал организации *Николая Калашникова*.

Возможно, для того, чтобы покрыть образовавшиеся долги, а возможно и для решения каких-то других финансовых проблем, *Флуг* в своих двух отчётах**, отправленных из Иркутска через Омск в Добровольческую армию юга России, сделал запрос на 100 тысяч рублей. Однако эти отчёты попали в июне не в руки генерала *Корнилова*, уже покойного к тому времени, а в штаб генерала Алексеева, изначально, как мы уже знаем, сдержанно относившегося к сибирскому вопросу. Таким образом, становится, возможно, вполне очевидной реакция Алексеева на просьбу *Флуга*.

Вместе с тем остановить миссию уже было нельзя, и *Флуг* всё-таки продолжил свою кипучую деятельность, по-прежнему используя в этих целях всё еще не меркнущий авторитет *Лавра Георгиевича Корнилова* (о его смерти никто ещё не знал тогда в Сибири). Пробыв ровно три недели в Иркутске, Василий Егорович «со товарищи» сумел поспособствовать укреплению городской эсеровской (потенциально политически враждебной, ну что же делать) организации. Финансовая подпитка, осуществлённая при содействии *Флуга*, позволила несколько расширить количественный состав военизированной группировки, доведённой до размеров одного четырёхрот-

*В связи с третьим, самым решительным, наступлением войск атамана *Семёнова*.

**Первый отчёт от 15 мая доставили в Омск три офицера-артиллериста, завербованных Василием Егоровичем по просьбе омских подпольщиков в Иркутске, а второй отчёт отвезла туда же в Омск родственница иркутского кадета И.П. Кокоулина.

ного батальона. Во главе всей вновь созданной военной организации находился так называемый «коллектив» коалиционный, в чисто революционных традициях, орган, состоявший из четырёх молодых офицеров невысокого воинского звания, по всей видимости, членов эсеровской партии, и одного (беспартийного) кадрового штаб-офицера царской армии. Последним, предположительно, являлся полковник *Эллерц-Усов*, он, кстати, к концу мая, вместо поручика *Калашникова* возглавит центральный военный штаб подпольных организаций Восточной Сибири. Многие исследователи и в данном назначении усматривают руку эмиссаров Добровольческой армии, что, однако, не бесспорно.

Как раз в период пребывания делегации в Иркутске новое наступление частей атамана *Семёнова* достигло значительных успехов на Забайкальском фронте. *Флуг,* применив свои академические штабные навыки, помог иркутским подпольщикам составить план действий на случай прорыва семёновских отрядов к Кругобайкальской железной дороге. Дело в том, что правительство Центросибири, не на шутку обеспокоенное активностью мятежного казачьего атамана, предприняло ряд мер для организации обороны в районе разъезда Култук. Именно здесь находилась восточная оконечность теперь уже не действующей Кругобайкальской железной дороги*. С этой целью из Омска в Иркутск был вызван перешедший на службу к большевикам генерал *Александр Таубе*, имевший богатый опыт по строительству оборонительных сооружений.

Таким образом, в районе разъезда Култук в мае месяце появились артиллерийские редуты и брустверы, рвы и окопы, а также проводились мероприятия по подготовке к взрыву нескольких туннелей. В частности, предполагалось в случае необходимости, обрушить самый большой, последний по счёту туннель** под номером 39. Всё это могло создать практически не преодолимое препятствие на пути движения семёновских войск, и поэтому по настоянию генерала *Флуга* иркутскими подпольщиками было принято решение – нейтрализовать, насколько представится возможным, усилия большевиков по обороне разъезда Култук. Так началась активная вербовка своих сторонников из числа служащих и рабочих железной дороги, а на ближайшие к разъезду станциях Слюдянка и Маритуй в качестве инженеров удалось внедрить тайных агентов организации.

И, наконец, последнее, что удалось *Флугу* и его компаньонам предпринять перед отъездом из Иркутска, – это согласовать план мероприятий по организации временной власти на первые дни после изгнания большевиков из города. Было принято решение, точно такое же, заметьте, как и в Омске, что вся военная и исполнительная власть на переходный период должна будет перейти в руки главного военного начальника. Всю остальную (а точнее – оставшуюся) власть, её обозначили под достаточно неопределённым понятием – гражданское управление, планировалось передать органам местного самоуправления с советом из 3-4 уполномоченных во главе.

---

*От станции Слюдянка, находившейся неподалёку от Култука, к Иркутску вела ещё и обычная грунтовая дорога, старый торговый тракт, некогда соединявший Иркутск с пограничной Кяхтой – конечным пунктом знаменитого Московско-Сибирского торгового пути в Китай. Вследствие этого район Култук-Слюдянка был ключевым в плане организации обороны на иркутском направлении.

**Нумерация туннелей велась от крайней западной точки Кругобайкальской ж.д., от станции Лиственничная, по-другому – Листвянка.

На этом, собственно, все дела в Иркутске вроде бы были закончены, поэтому *Флуг* принял решение больше не задерживаться в городе и проследовать дальше на Дальний Восток. Сначала – во Владивосток, а потом – в Харбин – туда, где, по мнению многих, на тот момент происходили наиболее важные события, призванные обеспечить организацию общесибирского антибольшевистского выступления. Однако, по злой иронии судьбы, именно в тот день, когда члены делегации в полном неведении покинул Иркутск, в Сибири началось то самое вооруженное восстание, о котором так долго договаривался с сибирскими подпольщиками корниловский генерал, но о котором он узнал только тогда, когда прибыл в Харбин, то есть почти месяц спустя. 25 мая *Флуг* со всей своей командой выехал с Иркутского вокзала, а 26 мая на том же самом вокзале произошёл первый реальный бой с одной из частей Чехословацкого корпуса, ознаменовавший, собственно, начало всесибирского вооруженного мятежа. (Возможно, что *Флуг* даже слышал, проезжая по Кругобайкалке, отдалённое эхо орудийных выстрелов.) А через неделю на просторах Сибири уже в полную силу заполыхало пламя Гражданской войны.

Члены делегации выехали из Иркутска по документам томских кооператоров, проследовали через Читу и Сретенск до Амура, потом на пароходе (так как железная дорога в этом месте была тогда, по обыкновению, размыта весенними водами) до Благовещенска, а оттуда опять на поезде до Владивостока. Здесь пути экспедиции немного разошлись. Добраться из Владивостока до Харбина прямым путём посредством железнодорожного транспорта не представлялось возможным, поскольку «младший брат» *Семёнова* уссурийский казачий атаман *Иван Калмыков* начал боевые действия против советской власти в районе станции Пограничная, временно прервав тем самым движение поездов. А дела корниловской делегации не требовали, видимо, отлагательств, так что генерал *Флуг* решил добраться на пароходе до Кореи, а оттуда по железной ветке, подконтрольной японцам, спокойно проследовать в Харбин. Что он и сделал, и в конце июня, а точнее 24-го числа, генерал прибыл в столицу КВЖД. А вскоре по железной дороге из Владивостока, в конце июня освобождённого от власти большевиков, благополучно добрались до Харбина и остальные члены делегации.

В Харбине в Дальневосточном комитете защиты Родины и Учредительного собрания генерал *Флуг* сразу же сделал доклад о состоянии сибирского подполья, заверив ведущих харбинских политиков в достаточной его боеспособности и ответственно заявив, что в случае одновременного выступления вооруженные группы Омска, Томска и Иркутска, которые он лично проинспектировал, вполне смогут продержаться собственными силами в течение не менее двух недель, что вполне будет достаточно, для того чтобы поддержать их с территории Дальнего Востока объединёнными силами русских и союзнических войск. Всё было верно, однако события к тому времени давно уже опередили и оставили далеко позади оперативные выкладки *Флуга*.

Когда генерал делал свой доклад перед членами Дальневосточного комитета (конец июня), войска Чехословацкого корпуса и Сибирской армии уже отвоевали у советов всю Западную и Среднюю Сибирь и вели успешное наступление – в западном направлении – на Екатеринбург, а в восточном – на Иркутск. Но ничего такого из-за отсутствия свежей оперативной информации ещё толком не знали в Харбине и поэтому продолжали жить, что называется, вчерашним днём. Генерал *Флуг*, этот поистине неугомонный человек, даже собрал в начале июля в среде харбинских буржуа

50 тысяч рублей и перевёл их в Иркутск на текущие нужды городской подпольной организации. Но там уже харбинские деньги оказались не нужны, в Иркутске тогда со дня на день ждали наступающие части Сибирской армии...

На том, собственно, можно, наконец, и закончить наш рассказ об экспедиции генерала *Флуга*. Стоит лишь добавить, что в начале июля оба посланца генерала *Корнилова* – и *Василий Егорович Флуг*, и *Владимир Алексеевич Глухарёв* – были введены в качестве министров в состав Делового кабинета под председательством временного верховного правителя России генерала *Д.Л. Хорвата*. И по заслугам, как говорится. Однако Деловой кабинет некоторое время спустя превратился в своего рода «мёртворождённое дитя», а верховным правителем России, в конце концов, стал, как известно, не генерал *Хорват*, а адмирал Колчак, с которым у посланцев с юга отношения как-то, мягко говоря, не заладились, и они в начале 1919 г. вернулись назад, в Добровольческую армию. Ну и достаточно об этом.

Теперь, возвращаясь немного назад, скажем несколько слов о большевистском Всесибирском Центральном исполнительном комитете советов (сокращённо – Центросибирь), который в силу ряда сложившихся обстоятельств чуть было не объявил (не сочтите такую информацию за совсем уж откровенную дичь с нашей стороны) об отделении Сибири от России...

ЧАСТЬ III

ПЕРВЫЕ ПОПЫТКИ ПРАКТИЧЕСКОГО ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ОБЛАСТНИЧЕСКОЙ ПРОГРАММЫ (почвеннические веяния)

ГЛАВА ПЕРВАЯ

«СЕПАРАТИЗМ» ЦЕНТРОСИБИРИ

Письмо царя Филиппа к философу Аристотелю о новорождённом Александре [Македонском]. «Филипп шлёт привет Аристотелю. Знай, у меня родился сын. Я конечно же благодарен богам не только [за то], что он родился, сколько за то, что его появление на свет пришлось на твою жизнь. Ведь, я надеюсь, что воспитанный и обученный тобой, он станет достойным и нас, и того, чтобы принять на себя наши дела».

Авл Геллий. Аттические Ночи

1. ЦИК Советов Сибири («из грязи в князи»)

Центральный исполнительный комитет Советов Сибири (сокращённо Центросибирь) был образован в октябре 1917 г. на первом Всесибирском съезде Советов, проходившем в Иркутске с 16-го по 23 октября*, то есть сразу же вслед за первым Областным съездом Сибири, заседавшим, напомним, в Томске с 6-го по 17 октября. Оба съезда разработали и утвердили собственные, в известной степени отличные друг от друга программы по управлению краем на переходный период (до Всероссийского Учредительного собрания). Главные отличия этих двух конституционных проектов состояли в том, что первый, то есть областнический, полагал организовать региональную власть, взяв за основу систему земского самоуправления, уже достаточно долго и плодотворно работавшую до того в центральных областях России. В то время как проект Центросибири предполагал передать власть на местах и в регионе в целом Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов**.

Единственное, пожалуй, что так или иначе сближало оба революционных начинания, – это желание организовать единую краевую власть на территории Сибири, включая сюда же и современный Урал, а возможно, и Казахстан с Киргизией***; в

*Все даты до 14 февраля 1918 г. приведены у нас, напоминаем, в старом стиле.

**Одна из отличительных особенностей самих этих съездов – томского и иркутского – состояла в том, что на первом верховодили правые эсеры, а на втором заправляли большевики. Мы отмечали уже (см.: книга первая, часть первая нашего исследования), что октябрьский Областной съезд в знак протеста против «авантюрной» политики сибирских автономистов и эсеров почти в полном составе покинули социал-демократы. Точно так же – по политическим мотивам и, практически, в полном составе – отказались участвовать в работе Всесибирского съезда Советов представители на сей раз эсеровской партии, а заодно с ними и некоторые депутаты от крестьянских Советов.

***Такого здесь не случалось со времён улуса Джучи (XIII век), наследственной вотчины старшего сына Чингиз-хана. Кстати сказать, уже тогда с данными землями всё было далеко не так просто.

перспективе с присоединением к данному пока только формально автономному территориальному образованию и всего русского Дальнего Востока.

Избранный на иркутском съезде Советов Сибирский ЦИК (Центросибирь) никто в первое время, так скажем, всерьёз не воспринимал. Небольшой команде из полутора десятков большевиков и левых эсеров иркутские губернские власти выделили, в так называемом Белом доме, бывшей резиденции восточно-сибирского генерал-губернатора, отдельный кабинет и разрешили немного поиграть в реальную политику, дабы они не баламутили понапрасну солдат местного гарнизона. Но в конце октября в Сибирь пришли известия из Петрограда о смене власти в столице и о переходе её в руки большевиков. И вот тогда акции «игрушечной», как некоторые считали, Центросибири сразу же пошли, что называется, резко вверх, и вскоре новое российское правительство (Совет народных комиссаров) во главе с В.И. Лениным передало ей всю полноту исполнительной власти в Сибирском регионе.

О том, что произошло дальше в борьбе за власть над Сибирью между большевиками, с одной стороны, и эсеро-областниками – с другой, мы уже достаточно подробно говорили в начале нашей книги. Добавим лишь, что результаты этого противостояния в первые месяцы после Октябрьской революции оказались весьма плачевными для сибирских автономистов. Их движение вследствие разгона Всероссийского Учредительного собрания и Сибирской областной думы вынуждено было в качестве оппозиционной политической силы уйти в глубокое подполье и вместе с эсерами, а также демобилизованными из армии офицерами, заняться подготовкой вооруженного мятежа на территории края.

2. Брестский мир и сибирские проблемы

Масло в разгоравшийся огонь антибольшевистского сопротивления подлили предательские, с точки зрения патриотически-настроенного населения не только Сибири, но и всей России, переговоры в Брест-Литовске делегации Совнаркома с представителями германского правительства о сепаратном мире и, в частности, об одностороннем выходе России из состава государств-участников Первой мировой

Эти – самые обширные, но вместе с тем и наиболее малонаселённые и «отсталые» на тот момент в культурном отношении – территории достались в 1226 г., согласно воле ещё живого Чингиз-хана, его старшему и, что характерно, определённо нелюбимому сыну – Джучи. Историческая традиция донесла до нас предание о том, что великий покоритель Азии имел некоторые сомнения по поводу того, кто в действительности является настоящим отцом Джучи, поскольку последний родился в период, когда первая жена Чингиз-хана Бортэ довольно продолжительное время находилась в плену у меркитов (союз лесных племён, проживавших в Забайкалье). Вдобавок ко всему незадолго до смерти с подачи людей (и в первую очередь младших жён, конечно), явно не симпатизировавших Джучи, Чингиз-хан заподозрил старшего сына в «сепаратизме» (да-да, оказывается, это – ну очень старая наша сибирская тема...) и отдал приказ своим нукерам (телохранителям) убить смутьяна. Джучи в то время ни о каком отделении унаследованного улуса от империи отца не помышлял, а лишь хотел немного отдохнуть от непомерных завоевательных аппетитов вовеки неугомонного папаши и тихо-смирно предавался в казахских степях вполне невинным занятиям – выпивке и охоте на джейранов. Однако противостоять несокрушимой воле отца он конечно же не мог, даже несмотря на то, что имел уже к тому времени собственное, достаточно многочисленное войско. Так что однажды Джучи нашли в степи мёртвым с переломанным позвоночником; по официальной версии, он случайно упал с лошади («трагически погиб в автомобильной катастрофе», если перевести на современный язык)... Был похоронен (мавзолей его сохранился до нашего времени) на территории современной Карагандинской области Казахстана... («где-где? – в Караганде».)

войны. В президиуме ЦК партии большевиков по поводу подписания мирного договора с Германией и Австрией, как всем нам хорошо должно быть известно из школьной программы, мнения «слегка» разделились.

Одну группировку возглавлял Ленин, а вторую – Троцкий. При этом (позвольте один небольшой отвлечённый комментарий) оба тогдашних политических лидера советской России были едины во мнении, что в Европе, а потом по возможности и в Америке настала пора во что бы то ни стало и в ближайшие же годы «раздуть пожар» мировой социалистической революции. Для чего, считал Ленин, нужно, а точнее, – просто жизненно необходимо, на время замириться с Германией и её союзниками, причём на любых условиях, предложенных противником; в результате укрепить в России советскую власть и только потом уже приступать к осуществлению программы по организации мировой пролетарской революции. Троцкий же, в свою очередь, полагал, что в Германии и Австрии уже вот-вот, в общем, буквально, грубо говоря, на днях, в результате «народных» революций будут свергнуты монархические режимы, поэтому надо только немного подождать, потянуть слегка время, пока Германии и Австрии, как и России, уже будет не до войны. А посему не следует ни в коем случае подписывать мира сейчас и, тем более, на кабальных немецких условиях*, поскольку данный договор может, как следствие, вызвать в России повальное недовольство советской властью.

И действительно, всполохи Брестского мира очень быстро тогда донеслись, в том числе, и до далёких сибирских окраин. Так, например, в Томске (впрочем, как и во многих других городах Сибири) местным исполкомом сразу же было объявлено чрезвычайное положение и созван военно-революционный штаб. Жители города, по свидетельству периодической печати того времени, также оказались вновь разбуженными от политической спячки и, несмотря на объявленные властями ограничения в демократических свободах, собирались стихийно организованными группами, главным образом на центральной Почтамтской улице, и почти беспрерывно митинговали. Все ожидали каких-то громких событий в связи с подписанием сепаратного мира с Германией, не исключая, конечно, и массовых выступлений против власти большевиков, доведших страну до национального позора и поставивших её, по сути, на колени перед немцами.

Таким образом, предположения (опасения) Троцкого, как показали эти, а также и другие протестные акции, оказались абсолютно верными. Более того, после подписа-

---

*В соответствии с условиями Брестского мирного договора Россия уступала Германии и Австрии Польшу, Прибалтику, часть Белоруссии, соглашение предусматривало территориальные уступки даже в отношении Турции. Советское правительство также обязывалось провести полную демобилизацию старой армии и полностью вывести свои войска с территории Финляндии и Украины, что также неминуемо влекло за собой аннексию данных национальных областей (принадлежавших Российской империи) Тройственным союзом. Помимо всего прочего, Германии, а также её союзникам Россия обязывалась выплатить в течение двух лет контрибуцию в размере шести миллиардов рублей (ни единой копейки, по официальным данным, так и не было, кстати, переведено в немецкие банки), что превышало годовой бюджет дореволюционной России ровно в полтора раза. Правда, в руках большевиков оказалось 600 миллионов золотого запаса страны (это как раз и составляло 6 миллиардов бумажных рублей по тогдашнему курсу), и они предусмотрительно эвакуировали его из Петрограда в Казань, подальше от линии фронта. Потом золотой запас гибнущей империи захватят взбунтовавшиеся чехословацкие легионеры, передадут его созданному в Омске в начале ноября 1918 г. Всероссийскому Временному правительству *Николая Авксентьева*, а от него оно по наследству достанется верховному правителю России адмиралу Колчаку. Тот, в свою очередь, половину золотого фонда истратит на оплату вооружения и

ния Брестского мира демобилизованные фронтовики и, в первую очередь, офицеры, особенно кадровые, посчитали данный дипломатический акт не только позором для страны, но и восприняли его как личное оскорбление. Так что приток новых членов в подпольные организации, в том числе и у нас в Сибири, по подсчётам историков, специально занимавшихся данным вопросом, резко возрос в тот послебрестский период.

Надо также ещё раз подчеркнуть, что и в самом Совнаркоме мнения по поводу подписания сепаратного мира разделились почти поровну, вследствие чего Ленину и его группе удалось одержать верх лишь с минимальным перевесом голосов*. Однако позицию этой ведущей группы в ряду многих других несогласных резко осудили, в том числе, и делегаты II Всесибирского съезда Советов, который проходил в Иркутске с 16-го по 26 февраля 1918 г., то есть как раз в тот период, когда трудные переговоры в Брест-Литовске уже подходили к своему завершению. И хотя газета «Свободный Алтай» (№48 за 1918 г.) подметила такой интересный факт: голосование по поводу политического отношения касательно переговоров в Брест-Литовске проводилось не всеми делегатами съезда, а только лишь членами недавно избранного президиума Центросибири**, – данное обстоятельство, тем не менее, является свидетельством того, что акт неповиновения воле центрального правительства всё-таки имел место. Против заключения мира с Германией высказались в тот период также некоторые губернские и городские Советы Сибири, как, например, Новониколаевский городской Совет рабочих и солдатских депутатов («Алтайский луч», №23 за 1918 г.) и др.

Сибиряки не без основания опасались, что в случае выхода России из войны, то есть, по сути, нарушения таким образом ею своих союзнических обязательств в отношении стран-сателлитов по Антанте, последние в отместку за подобного рода политическую измену вполне могут решиться и на ввод оккупационных войск на территорию российских окраин, в том числе – на Дальний Восток и в Сибирь. А это неминуемо должно было бы привести к полному крушению красной власти в регионе, на что делегаты советского съезда в Иркутске, естественно, согласиться никак не могли. Исходя из данных соображений, члены Центросибири решили, что, в случае если Брестский мир будет всё-таки подписан, начать осуществление независимого от Москвы дипломатического диалога со странами Антанты другими словами – от имени, как они полагали, разделявшего их мнение населения Сибири и Дальнего Востока, заняться проведением абсолютно самостоятельной внешней политики.

обмундирования для белых частей; а второй половиной и головой самого Колчака в январе 1920 г. расплатятся с большевиками вновь овладевшие остатками русского золота чехословаки для того, чтобы красные беспрепятственно пропустили их из Иркутска во Владивосток. К слову сказать, пару вагонов из колчаковского «золотого эшелона», пользуясь всеобщей неразберихой, чехи по-тихому всё-таки тогда умыкнули; правда, один из них, как гласит легенда, они случайно опрокинули и утопили в Байкале во время перегона по окружной железной дороге, но второй вагон всё же доставили, в конце концов, в Прагу и создали на основе украденного золота Национальный банк своей недавно образованной независимой Чехословацкой республики.

*Интересно, что позицию Ленина не поддержал тогда (и, таким образом, единственный раз в жизни оказался в лагере самого ненавистного своего врага – Троцкого) человек, до того момента всегда считавшийся абсолютной «тенью» Ленина, его самый преданный и, как оказалось, наиболее способный ученик (как Платон у Сократа) – товарищ Сталин.

**36 человек из их числа проголосовали против заключения мира со странами Тройственного союза, и только двое высказались «за» (то есть поддержали ленинскую точку зрения), ещё один человек воздержался.

С этой целью на II съезде Советов Сибири в составе новоизбранного сибирского совнаркома был образован наркомат иностранных дел во главе с лидером красноярских большевиков *Григорием Вейнбаумом*. А 21 февраля съезд принял резолюцию по поводу планировавшегося подписания правительством Ленина Брестского сепаратного мира с Германией. Далее – цитата:

1. Интернациональный мир революционных народов исключает возможность подписания каких бы то ни было аннексионистских договоров.

2. Совет народных комиссаров, изъявляющий готовность подписать империалистический контрреволюционный мир, совершил бы роковую ошибку, наносящую удар дальнейшему развитию революции и интернационала.

3. От имени ***Сибирской Советской республики*** (выделено мной. – О.П.) *2-й Всесибирский съезд Советов заявляет, что он не считает себя связанным мирными договорами, если таковые заключит Совет народных комиссаров с германским правительством, и, посылая свой братский привет борющемуся революционному пролетариату Австрии и Германии, съезд выражает твёрдое намерение бороться до конца за интернациональный социалистический ми*р («Пролетарий», Омск, №12 от 22 марта 1918 г.).

Вслед за этим при правительстве Центросибири решили создать и комиссариат государственных имуществ, точно также как и комиссариат иностранных дел, заявивший самим фактом своего существования о претензиях местных большевиков на территориально-политическую самостоятельность региона. Во главе комиссариата государственных имуществ, призванного заведовать национализированными в пользу сибиряков промышленными предприятиями, землёй и недрами, а также другими национальными богатствами Сибири (что, собственно, отчасти и предусматривалось сибирскими областниками-автономистами в их основополагающих конституционных проектах), была поставлена левая эсерка *Ада Лебедева*, кстати, законная супруга комиссара иностранных дел Сибирской советской республики *Григория Вейнбаума*.

В отличие от своего мужа уроженца Молдавии *Ада Павловна Лебедева* являлась коренной сибирячкой, впрочем, и сам *Вейнбаум* с 1910-го, согласно приговору царского суда, находился на «вечном поселении» в Сибири. Он отбывал срок на юге Енисейской губернии и сразу после Февральской революции перебрался вместе с супругой в Красноярск, в город, где действовала тогда, как мы уже указывали, вторая по численности, после томской, организация сибирских областников, во главе с *Владимиром Михайловичем Крутовским*. К чему это мы? Да всё к тому, что, как говорили древние, побывав в Афинах, нельзя не пропитаться их духом («аттическими ночами», по Авлу Геллию). Так что мы почти уверены, что на молодых супругов-революционеров *Вейнбаума* и *Лебедеву* (как, впрочем, и на многих других) не могли не повлиять здоровые, без сомнения, по своему духу почвеннические веяния («соки земли», если по Кнуту Гамсуну) сибирских автономистов и даже, возможно, нашли в их умах определённый положительный отклик.

В свою очередь, и сибирские областники никоим образом не избегали обсуждения острых социальных вопросов, внесённых в повестку дня русской революцией. Вот что, например, говорил на организационном собрании красноярской группы автономистов 19 сентября 1917 г. известный сибирский областник, историк по профессии, *Николай Николаевич Козьмин*: «В Сибири до сих пор действует капитал торго-

вый и ростовщический, а не промышленный. Торговый капитал находится в тесной зависимости от капитала промышленного центра и заинтересован в сохранении тесной связи с метрополией. Этим объясняется тот факт, что в областническом движении не принимала участия сибирская буржуазия». (Как сказано! Как будто ничего и не изменилось у нас с той поры за целых сто лет.)

Главной же действующей силой движения за сибирскую автономию Николай Николаевич (как правоверный эсер) считал простой трудовой народ, то есть главным образом сибирское крестьянство. «В сибирском крестьянстве и казачестве областничество найдёт своих адептов», – утверждал он в том же выступлении. Таким образом, в тот революционный период сибирскими автономистами был провозглашён лозунг о политическом союзе сибирской интеллигенции, в большинстве своём, без сомнения, уже областнически перекованной за несколько предшествующих десятилетий, и простого трудового народа, заинтересованного (элементарно, Ватсон) в сбыте производимой им продукции при поддержке, если бы это стало возможным, соответствующего областного законодательства, а затем – в приобретении на вырученные средства товаров передового промышленного производства, в том числе и заграничного, причём желательно без вездесущих посредников из Москвы и Питера… Конец цитаты, что называется.

И так по всей Сибири: революционные события 1917 г. окрылили областничество, а оно, в свою очередь, дало некоторые новые ориентиры и импульсы для великих социальных преобразований русской революции.

3. Покорение Центросибири

Всё вышеперечисленное позволило некоторым исследователям, начиная, например, со свидетеля тех событий, историка ортодоксально большевистского толка *Владимира Виленского-Сибирякова*, обвинить Центросибирь в том, что её политика отражала «тенденцию советского областничества» и вела к образованию Сибирской советской республики*. В том же духе высказывался и занимавший в 1918 г. должность председателя Дальсовнаркома *Александр Краснощёков (Абрам Тобинсон*). Всесибирский Совет рабочих и солдатских депутатов, по его мнению, «написал на своём знамени областничество и стремился подчинить себе все областные организации от Урала до Тихого океана и от их имени разговаривать с Москвой»**.

Дальнейшие события разворачивались и нарастали, как снежный ком. Вскоре после окончания II Всесибирского съезда Советов, 5 марта, во время выборов делегатов на IV Всероссийский съезд Советов***, который должен был утвердить всё-таки

*См. Агалаков В.Т. Советы Сибири (1917-1918). Новосибирск, 1978. С.231-232.

**Там же. С.232.

***На тот съезд, проходивший в Москве с 14-го по 16 марта, были выбраны делегатами от Сибири комиссар внутренних дел Центросибири большевик *Ф. Лыткин* и комиссар по земельным делам левый эсер Тананайко (ни имени, ни отчества, никаких вообще дополнительных сведений об этом человеке нам, к сожалению, найти не удалось). Однако в Москве *Фёдор Лыткин* по какой-то причине тогда так и не побывал. Почему – никто и нигде не поясняет. В подобных случаях французы, как известно, говорят: «Ищите женщину». Мы поискали и, кажется, что-то такое нашли. Как свидетельствуют источники, вместо Москвы двадцатилетний *Фёдор Лыткин* оказался в середине марта в Томске. Здесь, ко всему тому прочему, что роднило молодого революционера с нашим городом, на съёмной квартире по Нечаевской улице (ныне проспект Фрунзе) проживала его гражданская жена

подписанный на немецких условиях сепаратный мир, председатель Центросибири *Борис Шумяцкий* в знак протеста против такого решения партии и советского правительства официально сложил с себя полномочия председателя Центросибири. Определившись после этого в «волонтёры всемирной революции» и сформировав небольшой отряд добровольцев, он отбыл на противогерманский фронт для продолжения вооруженной борьбы за интересы мирового пролетариата. Как писала в те дни красноярская газета «Дело рабочего» (№16 за 1918 г.), «Борис Шумяцкий с пятьюдесятью молодцами, из них два пулеметчика и пять подрывателей, отбыл на внешний фронт»*.

Временно (где-то на неделю) до так и не состоявшейся командировки в Москву освободившееся место председателя Центросибири сначала занял тогда управляющий делами Центросибири и одновременно комиссар внутренних дел *Фёдор Матвеевич Лыткин*. На II Всесибирском съезде Советов он делал доклад по проекту положения о Советах Сибири, то есть стал одним из разработчиков первой советской Конституции Сибири. Заняв на некоторое время и.о. сибирского «президента», он тут же, что называется вдогонку прежних своих конституционных наработок, предложил краевые (Западно-Сибирский, Восточно-Сибирский и Дальневосточный) исполкомы расформировать, а его сотрудников ввести в состав Центросибири**. Однако *Лыткина* в этом вопросе не поддержали, и перепрофилировать тогда удалось только Восточно-Сибирский исполком, кооптировав его сотрудников в состав Иркутского губернского исполнительного комитета. Председатель распущенного таким образом Восточно-Сибирского исполкома *Яков Давидович Янсон* был назначен соответственно предисполкома Иркутской губернии, а спустя некоторое время он, теперь вместо *Лыткина* в связи с отъездом последнего в Москву (а точнее – в Томск, как мы выяснили), возглавил и Центросибирь***.

Именно *Я. Янсон*, пользуясь своим новым должностным статусом, самым что ни на есть подробнейшим образом известил московские власти и лично товарища Ленина обо всех последних решениях прежнего сибирского руководства. Рассказал и

двадцатидвухлетняя Ольга Семёновна Григорьева (по бывшему мужу – Бутина), которую Лыткин, находясь в 1916 г. в Енисейске, «увёл» с двумя детьми у ссыльного революционера-большевика. Так что революции революциями, съезды съездами, но любовь тоже даже в самые трудные времена оказывается, как в общем-то и положено ей быть, далеко не на последнем месте. Если действительно всё случилось именно так, как мы предположили, то «дезертирство» Лыткина со Всероссийского съезда Советов вполне можно и оправдать, потому как встреча молодых супругов в Томске оказалась одним из их последних свиданий: через шесть месяцев *Фёдор Лыткин* будет убит в бою с казаками в Олёкминской тайге.

*Вскоре после этого, однако, сибирские газеты сообщили, что «*Борис Шумяцкий* вместо поездки на Украинский фронт остался в Омске». Поговаривали также, что он получил там назначение «заведовать всем масляным делом Сибири». Потом якобы Омским Западно-Сибирским исполкомом Борис Захарович был командирован в Бийск для расследования деятельности Бийского Совета. Здесь его, кажется, и застал чехо-эсеровско-белогвардейский мятеж.

**На основании чего и родилось, видимо, уже цитировавшееся нами мнение *Краснощёкова-Тобинсона* о том, что Центросибирь пыталась «подчинить себе все областные организации от Урала до Тихого океана и от их имени разговаривать с Москвой».

***Он оставался в должности председателя Центросибири, по крайней мере, до 14 марта 1918 г. В тот день в печати появилось обращение Центросибири «К оружию», в связи с активизацией сразу нескольких контрреволюционных выступлений: *Семёнова* – на станции Маньчжурия, *Гамова* – в Благовещенске и земцев – в Троицкосавске, восставших против власти Советов. Данное обращение подписал как раз *Я. Янсон* в ранге председателя Центросибири.

о «сепаратистских тенденциях» во внутренней и внешней политике правительства Центросибири и о том, что автономистские идеи обсуждаются уже даже и на заседаниях местных Советов всех уровней и что вот уже в сибирской периодической печати стали появляться статьи и заметки о необходимости провозглашения «самостоятельной Сибирской республики», об автономии и даже независимости Сибири. Было также доложено и о несогласии сибиряков с решениями партии по Брестскому миру, и о самоотставке *Б. Шумяцкого* в связи с этим.

В ответных телеграммах (на дальних расстояниях тогда общались главным образом посредством телеграфа), сознавая всю серьёзность создавшегося положения, Ульянов-Ленин предупредил сибирских товарищей, что объявление самостоятельности Сибири ускорит её аннексию странами Антанты, в связи с чем порекомендовал по главному вопросу *«ограничиться автономией Сибири, как неразрывной части России»*. Собственно, именного такого статуса вот уже более чем полвека и добивались от российского столичного центра сибирские областники. Таким образом, настал, наконец, как могло показаться, момент истины.

Однако где там... Советы руководителя партии и правительства были в Иркутске восприняты, как всегда по традиции «в стране рабов, в стране господ» подобострастно, а значит с некоторым перегибом в сторону полной стерилизации. Так что уже вскоре на страницах главной большевистской газеты региона – иркутской «Власти труда» (редактируемой 26-летним *Пантелеймоном Парняковым*, комиссаром печати и просвещения в правительстве Центросибири) – стали появляться развёрнутые статьи в передовице (например, в номере от 20 апреля), в которых в самой категорической форме осуждалась тенденция ряда губернских Советов к какой-либо «независимости» Сибири и подчёркивалось, что ни позиция «самостоятельности» Сибири, ни аргументы в пользу этой «самостоятельности» не разделяются ни ЦИКом Сибири, ни правительством Народных комиссаров в Москве.

А в конце апреля всем губернским и областным Советам комиссар внутренних дел *Ф.М. Лыткин*, вернувшийся уже к тому времени в Иркутск, от имени Центросибири направил предписание о неукоснительном исполнении распоряжений центральной московской власти. После этого с отдельными попытками (или поползновениями, как любили говаривать в ту эпоху) «сепаратизма» на территории советской Сибири было как будто раз и навсегда покончено. Всё ограничилось в очередной раз лишь самыми призрачными надеждами в очень далёкой перспективе на некоторую автономию края в рамках единого – теперь уже советского государства. Вместе с тем нужно отметить, что прецедент, вопреки всему, всё-таки появился в тот период. 10 апреля 1918 г. V съезд трудящихся Амурской области, напрямую воспользовавшись рекомендациями центра, принял постановление об автономии (!) Амурской социалистической республики в составе РСФСР.

В завершение всей этой истории вскоре из Москвы последовали весьма строгие организационные меры в отношении так не вовремя посмевшего высказать собственное мнение руководства Центросибири. По настоянию Ленина из Омска в Иркутск срочно перевели *Николая Николаевича Яковлева*, исполнявшего до того момента обязанности председателя Западно-Сибирского исполкома, и назначили новым «президентом» советской Сибири. Выбор *Николая Яковлева*, а не *Якова Янсона*, который, как представлялось, мог более других претендовать на роль председателя Центрального исполкома Сибири, объяснялся, видимо, тем, что *Яковлев* был лично знаком с

Лениным* и являлся стойким приверженцем именно его группировки в партии, а не Троцкого, как теперь уже бывший председатель Центросибири *Борис Шумяцкий*.

Первыми же должностными распоряжениями новый председатель Центросибири распустил все правительственные комиссариаты и создал вместо них обычные исполнительные отделы. Иностранного, а также отдела государственных имуществ, как нам удалось выяснить, среди них уже больше не значилось. Такого рода волюнтаристские, скажем так, «выходки» *Яковлева* пришлись явно не по душе многим в Иркутске городе, так что Николай Николаевич получил достаточно серьёзную оппозицию проводимой политике и вследствие этого даже намеревался одно время перенести все административные структуры Центросибири из Иркутска в более «родной» ему Томск, но, видимо, передумал и ограничился лишь тем, что назначил своим первым заместителем томича *Фёдора Лыткина*, а также распорядился, чтобы тот, в свою очередь, вызвал из Томска нескольких надёжных товарищей для усиления «пропрезидентской» политической группировки в малознакомом Иркутске. Так, в частности, в это время в Иркутск прибыл Аристарх Якимов, приятель *Лыткина* по томской студенческой организации большевиков. Понятно, что в наибольшей степени не сложились отношения у *Николая Яковлева* с бывшим и.о. председателя Центросибири *Яковом Янсоном*, являвшимся на тот момент, помимо всего прочего, ещё и комиссаром финансов в совнаркоме (правительстве) Сибири. По данной проблеме в силу её особой важности оргвыводы также последовали практически незамедлительно, и во главе исполнительного отдела финансов был поставлен вместо *Янсона* ещё один томич – *Аркадий Иванов*.

*А в дни юности, учась в Московском университет, *Николай Яковлев* дружески сошёлся в одном из социал-демократических кружков ещё и с Инессой Арманд, женщиной, игравшей, как известно, далеко не последнюю роль в жизни вождя мирового пролетариата и к мнению которой Ленин конечно же вынужден был прислушиваться и, кто знает, может быть, обсуждал с ней и некоторые наши сибирские дела.

ГЛАВА ВТОРАЯ

ЯКУТСКИЕ ПОЧВЕННИКИ

Разве здесь ничего не растёт?
Здесь растёт всё, люди, животные и растения.
Гнут Гамсут. Соки земли

1. Революционный февраль в Якутии

Якутия в первой половине 1918 г. стала единственной территорией в Сибири, в течение нескольких месяцев являвшейся абсолютно неподконтрольной советской власти. И это, даже несмотря на то, что в начале 1917 г., то есть в период свершения Февральской революции, позиции большевиков (в основном представленных ссыльнопоселенцами) были достаточно сильны в Якутии. О чём свидетельствует, например, хотя бы тот факт, что первым областным комиссаром Временного правительства в данном регионе стал большевик Г.И. Петровский*. Он, кстати, уже вскоре после своего назначения заявил о том, что Февральский переворот является только прологом будущих великих событий, что Россию ждёт впереди ещё и социалистическая революция. И тут он, что называется, как в воду глядел.

С другой стороны, на выбор ссыльного Григория Петровского в качестве областного правительственного комиссара повлиял ещё и тот факт, что он являлся единственным в Якутской области законно избранным членом (бывшим, конечно) IV Государственной думы. А в первые дни после победы Февральской революции появилось официальное постановление, что власть в стране перешла к Комитету той самой IV Государственной думы, так что у Временного правительства, собственно, и выбора то особого фактически не было. И только после того, как Григория Петровского в начале мая 1917 г. отозвали в Петроград по партийным делам**, его место на посту областного комиссара занял (что явилось абсолютно логичным) представитель крупнейшей на тот момент революционной партии в России – правый эсер *В.Н. Соловьёв*.

Однако ни эсеры, защищавшие интересы российских крестьян-переселенцев, ни большевики и меньшевики, опиравшиеся на немногочисленных городских чернорабочих да на старателей золотых приисков (которые по большей части состояли из числа уголовных ссыльных), не имели в Якутии той социальной базы, которая могла

---

*В честь него, кстати, в 1926 г. украинский Екатеринослав был переименован в Днепропетровск. На протяжении 20 лет Петровский являлся председателем ЦИКа Украины. В 1939 г. попал в опалу, но каким-то чудом избежал репрессий, умер, что называется, в своей постели в 1958 г.; похоронен в Москве на Красной площади в Кремлёвской стене.

**В этот же период, то есть в мае-июне в столицу отбыли практически все ведущие большевики Якутии, что, несомненно, ослабило их организацию и влияние в области.

бы обеспечить им политическое лидерство в регионе. Крестьян – главной опоры эсеров – здесь было столь же незначительное количество, как и пролетариев, к тому же сельхозпереселенцы находились в состоянии постоянной вражды с местными инородцами из-за дележа земельных угодий, что тоже в общем-то не шло на пользу дела.

Основную же часть тогдашнего электората области составляли национальные меньшинства, представители коренных кочевых, а также так называемых бродячих народов главным образом конечно же якуты, которых по последней переписи населения числилось не так уж и много, чуть больше 300 тысяч, и, тем не менее, они составляли на тот момент всё-таки титульное этническое большинство Якутской области. Вместе с тем (однако) вряд ли якуты в основной своей массе являлась приверженцами каких-либо политических движений. Сторонники главных революционных партий России (эсеров, социал-демократов, кадетов и анархистов) представлены были в основном ссыльнопоселенцами, которых имелось в Якутии что-то около полутора тысяч человек; не так уж и мало, кстати, в общем-то в процентном отношении на душу населения. К тому же они являлись людьми, как правило, хорошо образованными и имели достаточно глубокие познания в теории политической борьбы*.

Поэтому именно ссыльнопоселенцы вполне естественным образом и возглавили революционное движение в Якутии, хотя и представляли в нём, по большому счёту, лишь собственные политические партии и интересы революционной России в целом.

Как отмечали хронисты, на первом революционном митинге в Якутске 4 марта 1917 г. слышалась главным образом якутская речь, однако создали первые органы новой власти и получили в них подавляющее преимущество по количественному составу всё-таки ссыльнопоселенцы и так называемые пришлые, в основном, конечно, русские и евреи. Так, например, в Якутском комитете общественной безопасности (ЯКОБе), главном распорядительном органе первых месяцев революции, представители национальной якутской интеллигенции получили весьма незначительное число мест, большинство же оказалось за выдвиженцами от политических партий, профсоюзных и других наспех созданных общественных организаций, а председателем комитета стал меньшевик Г.О. Охнянский. Правда, немного больше якутов в процентном отношении (двое из пяти) оказалось в комиссии, которая во второй половине дня того же 4 марта была направлена в губернское правление для того, чтобы предъявить ультиматум прежней царской администрации о сложении ею всех своих полномочий. Данные издержки и временные, так сказать, «перегибы» объяснялись, прежде всего, конечно же тем, что среди и так немногочисленной якутской интеллигенции оказалось не так уж и много людей, интересовавшихся, а тем более занимавшихся в прежние годы политикой и имевших хоть какой-то опыт в этой сфере человеческой деятельности.

---

*Историю великой французской революции, так уж было заведено в этой среде, политические ссыльные, как правило, знали лучше, чем «Отче наш». Французские же революционеры XVIII века воспитывались, в свою очередь, на демократических традициях античной Греции и Рима, на романтической героике тех времён; в частности, «Сравнительные жизнеописания великих греков и римлян» Плутарха знали, как правило, тоже почти наизусть. Теперь мы вот изучаем (так – на всякий случай) опыт деятелей великой русской революции. Так что – преемственность, господа хорошие, преемственность. Как там у Ф.М. Достоевского: «Отец Пафнутий руку приложил».

2. Нити из томского «офиса» Потанина дотянулись и до Якутии

Среди тех немногих выделялся в первую голову пятидесятилетний *Василий Васильевич Никифоров*, которого с некоторой натяжкой, конечно, но всё-таки можно, наверное, назвать якутским *Потаниным* или, может быть, местным Макушиным, поскольку его заслуги, в том числе и на поприще просвещения якутского народа, весьма и весьма значительны, а во многом даже и первостепенны. Что же касается политической деятельности Василия Васильевича, то она также была достаточно насыщенной и содержательной в дореволюционный период. Ёще в юности *Никифоров* от своих домашних учителей, политссыльных, приглашавшихся за плату его отцом, узнал о том, что такое революция и что она, собственно, может дать бесправному якутскому народу*. Потом, уже в более зрелом возрасте, после окончания Якутской прогимназии Василий Васильевич продолжил общение с ссыльными диссидентами (поскольку это, как правило, были весьма достойные люди да и ещё очень интересные собеседники) и всё больше и больше увлекался идеями всеобщего равенства, не только социального, но и национального, межэтнического. А в 1894–1896 г., в период его работы в составе научной экспедиции на территории родного Заполярья, *Никифоров* познакомился и с несколькими учёными из числа сибирских областников, которые ещё более укрепили его в стремлении поиска путей по освобождению своего народа от «цепей самодержавного рабства».

В революционном 1905 г. у якутской интеллигенции впервые появилась, наконец, возможность для реализации данных теоретических идей. Опасаясь дестабилизации политической обстановки в таком огромном по масштабам регионе, как Сибирь, царское правительство уже в апреле подписало закон о земской реформе на её территории (проект однако так и остался на бумаге), а вскоре были объявлены и первые в России выборы депутатов в Государственную думу, ну и, наконец, Манифест 17 октября того же года, провозгласивший некоторые гражданские свободы на территории России. Всё это вселило, в том числе и в якутских прогрессистов, радужные надежды на скорые перемены. Дабы держать и не упускать, что называется, быка (оленя) за рога, в самый канун нового 1906 г. (30 декабря) на квартире *Василия Васильевича Никифорова* в Якутске собрались ведущие представители инородческой интеллигенции и решили создать некое подобие национальной политической партии, для того чтобы теперь уже организованно и целенаправленно продолжить свою деятельность в духе ворвавшихся в страну демократических веяний**.

И вот уже через пять дней, 4 января 1906 г., по инициативе этой группы в Якутске было созвано экстренное собрание представителей трёх южных улусов, на котором его участники, во-первых, провозгласили создание «Союза якутов-инородцев», а во-вторых, составили и отправили в адрес председателя правительства С.Ю. Витте

---

*Светлые идеалы юности, поселяющиеся в умах и сердцах людей после просмотра или любимых фильмов, или спектаклей, или после прочтения переворачивающих душу и сознание книг, а так же после сокровенных бесед с учителями, родителями или просто старшими товарищами по «цеху», случается, потом уже невозможно выжечь у некоторых из нас никаким калёным железом... Непонятно только вот – к счастью всё это или наоборот?..

**По некоторым сведениям, якутских националов вынудило создать собственную партию не в последнюю очередь ещё и то обстоятельство, что, согласно Положению от 6 августа 1905 г., представителей от Якутии в I Государственную думу могла избирать только русскоязычная часть населения области.

петицию, подписанную пятнадцатью членами «Союза» и содержавшую требования по скорейшему проведению реформ в области территориально-национального самоуправления, развития экономики и просвещения в отсталых регионах страны. Более того, в конце данного обращения они поместили недвусмысленный ультиматум: в случае игнорирования правительством предъявленных ему требований «Союз якутов-инородцев» призовёт местное население прекратить платить налоги в государственную казну.

Именно это последнее положение петиции вызвало довольно серьёзный переполох в структурах, в том числе местной якутской областной администрации, которая, не дожидаясь каких-либо указаний из Петербурга на сей счёт, решила прибегнуть к собственным мерам воздействия на взорвавшихся диссидентов, Так что уже 19 января был отдан приказ об аресте всех 15 человек, подписавших телеграмму с обращением к правительству. В их числе оказался конечно же и *Василий Никифоров*, который в том же году, вместе с некоторыми другими своими товарищами «по переписке» предстал перед судом и получил самый длительный срок заключения из всех – полтора года тюрьмы.

Якутские дела на фоне декабрьских баррикадных боёв в Москве, а также непрекращающейся террористической деятельности эсеров и массовых волнений крестьян, захлестнувших в тот год всю бескрайнюю российскую территорию, вполне могли показаться царскому правительству невинной шалостью незначительной группы местных интеллигентов. Отсюда, видимо, и столь мягкий приговор. С другой стороны, надо всё-таки осознать, что люди подверглись тюремному заключению лишь за то, что заявили о своих правах на равенство с другими народами, причём в абсолютно корректной форме, всего лишь с некоторой претензией на непослушание. Хотя, с другой стороны... на войне, как на войне (ещё одна очень известная французская поговорка).

После свёртывания первой русской революции, до самого февраля 1917 г. в Якутии наблюдалось относительное затишье в политической жизни. Многие, в том числе и *В.В. Никифоров*, полностью переключились на проблемы образования, а также на культурно-просветительскую работу в улусах (уездах) и наслегах (волостях) своего региона. В самом Якутске стала выходить под редакцией всё того же *Василия Никифорова* местная газета областнического направления с последней страницей на национальном языке, сначала она называлась «Якутский край», потом (видимо, по аналогии с томской «Сибирской жизнью») – «Якутская жизнь», а незадолго до революции она стала издаваться под несколько более злободневным, с точки зрения редакции, названием – «Якутские вопросы». Именно эта газета в специальном номере от 4 марта 1917 г. первой известила жителей Якутии о свершившейся в Петрограде второй русской революции, вошедшей в историю под названием Февральской.

За годы, предшествующие этому событию, в Якутии подросли, что называется, свежие молодые кадры из числа национальной интеллигенции, которые после свержении монархии в России продолжили дело своих предшественников. В их числе, прежде всего, нужно назвать двадцатидевятилетнего *Гавриила Ксенофонтова* и двадцатипятилетнего *Семёна Новгородова*, первый был юристом, а второй – филологом по образованию. *Гавриил Ксенофонтов* во время учёбы в Томском университете познакомился с идеями сибирского областничества и даже сблизил-

ся с некоторыми его ведущими представителями. Известно также, что в тот же самый период (1908 г.) в Томске появилось и первое организованное землячество якутских студентов, тоже не избежавшее, надо полагать, заботливого шефства со стороны местных томских областников. Так что вскоре ещё и посредством таких связей *нити из томского «офиса» Потанина потянулись в начале XX века в Якутию.*

3. На путях «сепаратизма»

В момент поступления первых сведений о Февральской революции *Ксенофонтов* находился в одном из улусов, участвовал в качестве помощника присяжного поверенного (адвоката) в выездном судебном разбирательстве. Оттуда он срочно был вызван в Якутск областным комиссаром Г.И. Петровским, знавшим *Гавриила Ксенофонтова* как одного из лидеров младоякутских почвенников. На него возлагались теперь большие надежды в плане организации на новом этапе развития общественных отношений национально-демократического движения в Якутии. Тем более что прежний политический лидер якутов – *В.В. Никифоров*, по некоторым сведениям, как-то не сразу, что называется, принял Февральскую революцию*. Прибыв в Якутск, Ксенофонтов, как и ожидалось, активно включился в процесс революционных преобразований в регионе.

С 26 марта по 15 апреля он председательствовал на проходившем в Якутске I съезде якутов и русских крестьян. А *Василий Васильевич Никифоров* занял на этом форуме почётное место заместителя председателя президиума. На съезде был возрождён «Союз якутов-инородцев», но только теперь уже под другим, более многообещающим, названием – «Союз свобода». Во главе новой политической организации, но пока ещё не партии, встали: *Г.В. Ксенофонтов*, *С.А. Новгородов* и *В.В. Никифоров*. *Гавриила Ксенофонтова* в тот же период избрали вдобавок, ко всему прочему, председателем обновлённой по своему составу Якутской городской думы. Нужно от-

*Почему Никифоров настороженно, как свидетельствует ряд источников, отнёсся к буржуазно-демократической революции 1917 г., не совсем понятно. Что-то ему претило. Но что? Ведь не мог же он тогда знать, например, что Февральская революция в России организовывалась не без участия, в том числе, английских и французских спецслужб, что именно на их деньги подкупались многие ведущие российские политики того времени, а также офицеры столичного гарнизона из числа тех, кто не горел большим желанием отправляться на фронт, погряз в карточных долгах, пьянстве и в «иного рода удовольствиях» (публичные дома в Петербурге, как-то не поворачивается язык сказать в данном случае – Петрограде, располагались на центральных улицах города в шикарных двух и даже трёхэтажных апартаментах). Есть также данные о том, что в условиях обострившейся социально-экономической и политической ситуации в стране царское правительство в конце 1916 г. начало вести тайные переговоры с Германией о заключении сепаратного мира. В ответ на это в качестве предупреждения со стороны «союзников» сначала был убит царский знахарь – Распутин. Точно так, обычно, в Англии (пардон… в Великобритании), когда хотят вразумить человека, говорят, первым делом травят его собаку. А то, что Николаем II в связи с тайными переговорами о сепаратном мире с Германией, действительно оказались недовольны там, «за бугром», свидетельствует хотя бы тот факт, что ни Франция, ни Англия ничего не сделали для того, чтобы спасти последнего русского царя от «праведного» гнева его бывших подданных, когда он после своего отречения более года томился под домашним арестом сначала в Царском Селе, а потом в Тобольске и Екатеринбурге. Для сравнения: так ли абсолютно безвольно повели себя западные демократы, если бы под домашним арестом, а потом и в ссылке вдруг оказался бы, например, их, теперь очевидно, самый большой русский друг на все времена – М.С. Горбачёв?

метить в связи со всем вышеперечисленным, что и съезд, и новый «Союз» выдали, что называется, «на-гора» самые злободневные вопросы, волновавшие якутскую интеллигенцию в последние три предреволюционных десятилетия: о земле, о земском самоуправлении и народном образовании.

Так, съезд своим волевым решением ещё до того, как на это последовало соответствующее распоряжение Временного правительства, дал старт процессу по замене на территории Якутской области бывших улусных управ, а также наслежных и родовых управлений на земские самоуправления. Труднее прошёл на том же съезде якутов и русских крестьян (хлеборобов) вопрос о земле, но всё-таки и он, в конце концов, разрешился в прогрессивном направлении: так называемые покосные земли предписывалось распределять по уравнительному принципу среди всего населения, занимающегося сельским хозяйством. В точно таком же революционном духе удалось принять несколько постановлений и в области просвещения, продекларировав, в частности, принцип всеобщего бесплатного начального образования.

В конце съезда, как в «старые, добрые времена», была опять составлена и отправлена телеграмма в адрес председателя Всероссийского Временного правительства (им в ту пору являлся князь Г.Е. Львов) с официальным уведомлением, что революционная демократия области «настаивает на национальном самоопределении якутской нации». Опираясь на эти решения народного съезда, «Союз свободы», в свою очередь, провозгласил, что *будет бороться за превращение Якутии в самоуправляющуюся земскую единицу внутри автономной Сибири*, подразумевающейся как самостоятельный и полноправный субъект федерации в составе Российской демократической республики.

Что называется по горячим следам, в конце июня в Якутске планировалось созвать II съезд якутов и русских крестьян, для того чтобы сформировать, наконец, полноценную национальную политическую партию с собственным уставом и программой. Всю подготовительную работу тогда удалось уже успешно завершить, в том числе – составить все необходимые программные документы, разработанные группой якутских юристов во главе с Г.В. Ксенофонтовым, *в соответствии с основными принципами сибирского областнического движения*. Однако собрать полноценный съезд в июне 1917 г. им всё-таки не удалось, поскольку вся кочевая масса якутов и других инородцев перебралась к тому времени на север в летние стойбища, и там им стало конечно же не до собраний. Так что новый июньский форум его организаторы с сожалением вынуждены были переименовать лишь в конференцию. Однако в итоге она получила те же самые учредительные полномочия, что и народный съезд. Таким образом, именно на июньской конференции произошло образование первой в этой заполярной области национально-демократическая партии под названием «Якутский трудовой союз федералистов».

В её программе, состоявшей из целых 29 пунктов и освещавшей многие сферы предстоящей общественно-политической, экономической и культурно-просветительской деятельности, говорилось, в частности, и о том, что *Якутская область в перспективе должна образовать самостоятельный в правовом отношении субъект Сибирской федерации внутри Российской республики*. Последнее требование несколько выходило за рамки, так скажем, классической сибирской областнической теории, предполагавшей для малых народов региона лишь культурно-национальную

автономию*, в программе же «Союза федералистов» предлагался вариант территориально-национальной автономии. При этом речь никоим образом не шла о конфедерации, а тем более о полной политической независимости Якутии от России. Напротив, в программных документах нового (третьего уже по счёту) «Союза» подчёркивалось, что Якутия никоим образом не мыслит себя вне великой России. Да и было бы, прямо скажем, не очень умно рассчитывать на нечто большее такому в общем-то совсем небольшому по численности населения региону, как Якутская область **.

Количество якутов, вступивших летом 1917 г. в только что созданную национальную партию, составило около 400 человек, а к концу года эта цифра увеличилась почти в три раза, и всё-таки она не являлась столь значительной, как, вероятно, хотелось бы некоторым. Поэтому для тех, кто по каким-то причинам не смог вступить в «Союз федералистов»***, было организовано культурно-просветительское общество «Саха Аймах» (переводится в разных источниках по-разному: или как «Якутская нация», или как «Якутское племя»). Продекларированное, как не имеющее никакого прямого отношения к политике, оно, тем не менее, задумывалось для того, чтобы сплотить местное население вокруг всё той же единой цели: защиты интересов своей малой родины. Обе эти национальные организации – и «Союз федералистов», и «Саха Аймах» после попытки июльского 1917 г. большевистского переворота в Петрограде и после также провалившегося в августе корниловского мятежа по настоянию местного отделения правящей на тот момент правоэсеровской партии для противостояния политической реакции справа и слева объединились в один общественно-политический союз под названием «Якутский национальный комитет», который возглавил к тому времени уже полностью нашедший собственное место в революции *Василий Васильевич Никифоров*.

В этот же период в Якутск в адрес местных федералистов поступило приглашение из Томска, с предложением направить своих представителей на I Сибирский областной съезд. Данное предложение было конечно же с удовлетворением принято, тем более что у якутских областников-почвенников появилась острая необходимость определиться с вопросом о том, каким же образом лидеры общесибирского областнического движения воспримут ряд новых инициатив, что называется, с мест, поступивших на общественное обсуждение, в частности не только из Якутска, но также из Благовещенска (где местные областники и эсеры уже тогда предполагали создать

*Хотя своего рода прецедент в русле тенденций по ревизии классической программы сибирских автономистов уже однажды имел место. Так в период революции 1905 г. иркутские областники выдвигали планы по созданию, во-первых, не одной, а сразу двух территориальных автономий (Западносибирской и Восточносибирской). А, во-вторых, ими же предлагалось создать внутри этих новообразований ещё и ряд автономных национальных областей.

**В данной связи необходимо отметить, что дело так называемых конфедератов, раздутое в Якутии при советской власти в конце 1920-х годов, кажется, не имело под собой никаких существенных оснований. Тогда большевики, видимо, просто свели счёты с местными общественными деятелями буржуазно-демократического толка. Так, в частности, именно в тот период был арестован и умер в тюрьме *В.В. Никифоров*, а в конце 1930-х репрессиям подвергся и *Г.В. Ксенофонтов*, полностью отошедший от политической деятельности ещё в 1919 г. Однако усилия этих и многих других местных пассионариев всё-таки не пропали даром для их малой родины, и Якутия при большевиках, как известно, получила статус автономной области, а в постсоветский период стала уже автономной Республикой Саха (Якутия).]

***Несмотря на то, что устав партии был крайне мягок по основным своим принципам и членом «Союза федералистов» мог стать каждый желающий, тем не менее при приёме всегда соблюдалось одно обязательное и строгое условие: согласие со всеми программными установками этой национальной партии.

Амурскую автономную республику в рамках Российской федерации), от Бурятского временного организационного комитета, от Алтайской горной думы и ещё некоторых других национальных комитетов в плане предоставления им максимально возможных полномочий по территориальному самоуправлению.

Именно с такими наказами от «Якутского трудового союза федералистов» отправились на октябрьский съезд в Томск *Гавриил Ксенофонтов* и *Семён Новгородов*. И они на первом Всесибирском областном форуме, по всей видимости, оказались далеко не в одиночестве по обозначенной проблеме, и, по всей видимости, именно поэтому в решениях томского съезда было задекларировано, что «Сибирь в качестве автономной единицы имеет право передать часть принадлежащих ей законодательных полномочий отдельным областям и национальностям, занимающим определенную территорию». И в качестве, надо полагать, подтверждения самых благих намерений в отношении данной установки в Исполнительный комитет (постоянно действующий орган) Сибирского областного совета в число основных его семи членов избрали и представителя от Якутии – *С.А. Новгородова*.

Осуществлению мероприятий в русле общекраевой автономии, запланированных на I Сибирском областном съезде, помешала, как мы уже отмечали ранее, Октябрьская социалистическая революция. И совсем не потому, как это может показаться на первый взгляд, что большевики выступали категорически против федеративного устройства России* конечно же нет. На самом деле всё дело было в том, в первую очередь, что сибирское областническое движение в 1917 г. находилось под патронажем правоэсеровской партии, главного политического противника большевиков, и чьё правительство под председательством А.Ф. Керенского они вот только что отстранили от власти, причём насильственным путём. А дальше коммунисты постарались расправиться и со всеми политическими союзниками правых эсеров. Так лев, овладевший прайдом, убивает детёнышей изгнанного им прежнего доминанта группы (для того чтобы побыстрее склонить самок к новому спариванию).

Однако, поскольку в скором крахе советской власти мало кто тогда сомневался (кроме самих большевиков, конечно), многие политики и видные общественные деятели сразу же встали на сторону непримиримой оппозиции по отношению к новому режиму. Не миновала чаша сия и якутских федералистов. Вернувшись в ноябре 1917 г. в Якутск, *Гавриил Ксенофонтов* застал у себя на родине уже самую настоящую политическую войну между по-прежнему верными Временному правительству демократами – с одной стороны, и левыми радикалами – с другой. Последние были представлены в Якутии на тот момент лишь Советом рабочих депутатов, возглавлявшимся, причём, даже не большевиками, а их временными политическими союзниками – меньшевиками-интернационалистами.

Центристы консолидировались под руководством областного комиссара правого эсера *В.Н. Соловьёва* в так называемый «Блок объединённой демократии». Левым же якутским радикалам здесь, на месте, рассчитывать было абсолютно не на кого, поскольку их единственный и самый ближайший союзник – Центросибирь – и тот находился, что называется, почти за тридевять земель – в далёком, даже по сибирским

*2 ноября (по старому стилю) 1917 г., на девятый день после своего прихода к власти, большевистский Совнарком принял Декларацию прав народов России, второй пункт данного законопроекта закрепил «право народов России на свободное самоопределение, вплоть до отделения и образования самостоятельных государств». Под этим документом стояло две подписи: председателя Совнаркома Ульянова (Ленина) и комиссара по делам национальностей Джугашвили (Сталина).

меркам, Иркутске. Последнее обстоятельство, кстати, как полагают некоторые исследователи, собственно, и спасло, немногочисленных якутских большевиков и даже меньшевиков от массовых арестов, которые намеревался произвести сразу же после полученных известий об Октябрьском перевороте областной комиссар *Соловьёв*. Однако его тогда, в ноябре 1917 г. отговорили это сделать с тем расчётом, чтобы до поры до времени, не нагнетая напряжённости, дождаться января следующего года, когда в Петрограде начнёт свою работу Всероссийское Учредительное собрание и в законном порядке положит конец самоуправству большевиков.

Членом Учредительного собрания от «Якутского трудового союза федералистов» в ноябре был избран вездесущий на тот момент *Гавриил Ксенофонтов*, он же в декабре 1917 г. в числе нескольких других общественных деятелей края получил полномочия ещё и члена Сибирской областной думы от своего региона. Таким образом, перед ним встала задача – выбрать, куда же ехать: то ли в Томск на первую сессию СОД, то ли в Петроград на заседания Учредительного собрания. Ксенофонтов предпочёл Томск. Сюда он поспешил в начале января 1918 г. Однако вследствие дальности расстояний, а также по причине неудовлетворительной работы транспорта Гавриил Васильевич прибыл в столицу сибирского областничества лишь к концу января, то есть к тому времени, когда большевики уже разогнали Областную думу, а её депутатов в принудительном порядке отправили по домам. Об этом *Ксенофонтов* сразу же телеграфом сообщил в Якутск.

Получив такого рода неудовлетворительные сведения от своих делегатов из Томска, а также узнав из сообщений прессы о закрытии по распоряжению Ленина заседаний Учредительного собрания, в Якутске местные лидеры правоэсеровской партии, а также активисты национально-областнического движения приняли решение незамедлительно провозгласить независимость Якутской области от советской власти и советского правительства и, таким образом, на практике воплотить, что называется, в жизнь программные установки, в том числе и национал-областнического «Союза федералистов».

22 февраля 1918 г. в областном центре было срочно собрано так называемое Демократическое совещание, на котором делегаты почти единогласно проголосовали за решение – не признавать советскую власть и не подчиняться никаким её распоряжениям, а также проводить самостоятельную не только внутреннюю, но и внешнюю политику до той поры, пока не будет вновь созвано Всероссийское Учредительное собрание.

Для реализации данных решений совещание выделило из своего состава Якутский областной совет (под председательством правого эсера В.В. Попова), получившего статус правительства самопровозглашённой автономной российской территории. Областной комиссар *Соловьёв* со своей командой в окончании всех мероприятий сложил полномочия по управлению областью в пользу исполкома Областного совета. В то же время в работу по управлению «независимой» Якутией подключилась и областная земская управа, избранная в январе 1918 г. на региональном земском съезде. Возглавил это учреждение, о котором мечтали якутские прогрессисты ещё с конца XIX века конечно же их лидер – *Василий Васильевич Никифоров**.

---

*Он, кстати, продолжил свою плодотворную деятельность на этом посту и после того, как летом 1918 г. Якутский областной совет после ряда крупных политических перетурбаций, что называется, ушёл в небытие. Занимался теми же самыми земскими делами у себя в регионе *Никифоров* и в 1919 г., уже при верховном правителе адмирале Колчаке.

В ответ на такого рода решения из столицы советской Сибири – Иркутска – тут же полетели угрозы и ультиматумы, предупреждавшие зачинщиков мятежа, что, в случае, если они немедленно не передадут всю власть на территории области в руки Советов, Центросибирь объявит Якутии экономическую блокаду, а также лишит её телеграфного, почтового и вообще любого другого сообщения с внешним миром. А если и тогда «сепаратисты» не смирятся и не образумятся, то против них будет выслана значительная вооруженная сила из Иркутска с чрезвычайными полномочиями.

Однако эти внушения не произвели должного воздействия на якутских федералистов, но даже, напротив, кажется, ещё более укрепили их боевой настрой. В первую очередь ими было принято решение (и тут они, скажем прямо, ничем особенным не отличались от своих политических оппонентов – большевиков): арестовать и заключить в тюрьму на некоторое время лидеров местного Совета рабочих депутатов, а также ведущих профсоюзных функционеров. После проведённой зачистки политического пространства внутри области на границу с Иркутской губернией выступил отряд самообороны под командованием эсера *Б.С. Геллерта.*

И только после этих превентивных мер местный областной совет приступил, что называется, к мирному строительству на территории Якутии. Во-первых, с целью улучшения продовольственной и в целом экономической ситуации в области были весьма оперативно налажены связи с некоторыми дальневосточными областями и даже с Японией в целях возобновления полноценного товарообмена. Земские органы самоуправления также, в свою очередь, стали заниматься активной хозяйственной и культурно-просветительской деятельностью в якутских улусах, в том числе начали осуществляться проекты по развитию, как и планировалось, бесплатного начального образования. На проведение данных мероприятий, кстати, год спустя, весной 1919 г., *Василий Никифоров* получил в Омске от правительства А.В. Колчака, возглавляемого областником *П.В. Вологодским*, дополнительно 300 тысяч рублей.

В мае же 1918 г., вот только очистилась ото льда река Лена, из Иркутска, как и было обещано руководством Центросибири, в Якутскую область отправился карательный отряд под командованием большевика польского происхождения Рыдзинского. Команда карателей состояла наполовину из точно таких же, как и их командир, сосланных в Сибирь поляков, а также из венгерских воинов-интернационалистов (по сути – наёмников) да ещё сибиряков-красногвардейцев. Однако им с первого раза, снаскока, так сказать, не удалось прорвать линию самообороны, организованную под руководством *Болеслава Геллерта*, и лишь после того, как к красным подоспела помощь рабочих отрядов из Киренска и Бодайбо, Рыдзинский смог продвинуться на север, и 1 июля его отряд, наконец, занял Якутск, но ненадолго.

Так, уже через месяц на территорию области прибыли части Сибирской добровольческой армии под командованием есаула *Красильникова*. Красногвардейцы Рыдзинского были рассеяны, а в Якутской области провозглашена власть Временного Сибирского правительства. После этого самопровозглашенная якутская автономия так больше и не возродилась, оставив по себе лишь, может быть, добрую память да благодатный материал для пытливых и по-прежнему неугомонных любителей исторических расследований.

Ещё одним регионом, чуть было не вышедшим в первой половине 1918 г. из-под контроля большевиков, стал Горный Алтай. У его «сепаратистских» устремлений имелась своя непростая история, которую мы также хотели бы изложить в рамках нашего сравнительно-обобщающего публицистического исследования.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ГОРНЫЙ АЛТАЙ – ЕЩЁ ОДИН ПРОЕКТ ЗЕМСКО–ОБЛАСТНИЧЕСКОГО НАПРАВЛЕНИЯ

«Джеронимо!» – с таким выкриком прыгают с самолета американские воздушные десантники. Своим происхождением традиция обязана вождю апачей Джеронимо (1829–1909), имя которого наводило на белых поселенцев такой страх, что, стоило кому-нибудь крикнуть: «Джеронимо!», как все сразу же начинали выпрыгивать в окна.

(Из материалов интернета)

1. Немного исторического экскурса

«Наконец, настал век того великого переворота, коего ужасная сила ниспровергла все престолы Азии и потопила оные в крови защитников. Это век торжества Чингиз-Ханова». Так писал двести лет назад в одной из своих книг первый российский востоковед монах Иакинф Бичурин.

Но прошло время... После распада Монгольской империи (Великого Монгольского улуса), созданной Чингиз-ханом и его сыновьями,* и изгнания последнего императора их династии (Юань) из Китая к концу XIV века монгольские племена вновь оказались в пределах своих первоначальных, то есть естественных, границ. В тот период на данных территориях образовалось два впоследствии постоянно враждовавших между собой союза племён: восточный и западный, последний носил название Ойротский союз. Формально на монгольском престоле по-прежнему находились тогда ханы из династии Чингизидов, однако решающую роль в осуществлении внутренней и внешней политики стали играть визири (тайши – по-монгольски). В первой половине XV века эту должность исполняли ойротские князья из рода Чорос,

*Империя включала территории современных: Центральной России, Украины, Казахстана и юга Западной Сибири – улус старшего сына Джучи; Узбекистана, Киргизии, Таджикистана, Туркмении, Афганистана, Ирана, Ирака и Азербайджана – улус второго сына Чагатая; южных районов Восточной Сибири, Забайкалья, а также Монголии и Китая – улус третьего сына Угэдэя. Вряд ли кто другой в мировой истории оставлял своим потомкам подобное наследство. Разве что Сталин?.. Хотя сравнение, конечно, немного хромает, поскольку прямых царственных наследников, как таковых, у Иосифа Виссарионовича не было, потому как – не полагалось. А что касается личного имущества, оставшегося после смерти генералиссимуса, то оно, судя по описи, уместилось всего в две или три небольших картонных коробки...

и на протяжении почти сорока лет они, таким образом, являлись фактическими хозяевами Монголии.

В 1449 г. один из них по имени Эсень нанёс сокрушительное поражение китайским войскам, монгольская конница, как в старые добрые времена, вновь дошла до самых стен Пекина и даже взяла в плен китайского императора. Заключив на выгодных условиях мирный договор с династией Мин, Чорос-Эсень, оказавшись, по замечанию И. Бичурина, «на высочайшей степени могущества», не захотел больше ни с кем делить хотя бы номинальную власть в монгольском государстве. Он поднял мятеж против Чингизидов, разбил их в ряде сражений, после чего провозгласил себя великим ханом монголов. Однако сам он вскоре был убит в результате элементарного дворцового переворота, после чего власть ойротов над Монголией также закончилась.

После этого ойротские (западномонгольские) племена весь последующий период своей истории занимались лишь собственными политическими проблемами и территориями, включавшими: Джунгарскую равнину (современный Синьцзян-Уйгурский автономный район Китая), так называемый монгольский Алтай, российский Горный Алтай (автономная Республика Алтай РФ), а также юг современного Красноярского края (автономная Республика Тыва РФ). В конце XVI века, после полного разгрома дружиной Ермака Сибирского (Тюменского) ханства, Ойротский союз, воспользовавшись благоприятной геополитической ситуацией, продвинул свои кочевья ещё и в глубь Западносибирской равнины, дойдя сквозь Алтайские и Барабинские степи, через междуречье Оби и Иртыша до лесной зоны в районе современных Омска и Новосибирска. Но в тот период ни одного, ни второго города, как, впрочем, и многих других, на территории Сибири ещё и в помине не было, а на границе с ойротами стояли лишь: первое русское поселение за Уралом – Тара (осн. 1594 г.) и срубленная в 1604 г. русскими казаками небольшая крепостица Томск*. Последняя в первой половине XVII века выполняла ещё и функции опорной базы для развивающегося дальше на восток Сибири православного крестового похода. В связи с чем, гористый холм, на котором возвели томский острог, получил название во имя Воскресения Христова.

Однако русские тогда ещё не являлись для алтайцев ни экономическими конкурентами, как, например, скотоводы: казахи, кыргызы и татары, ни геополитическими противниками, как китайцы. Более того, в 1619-1620 гг. и алтайские, и урянхайские (Тыва) племена заключили с правительством Михаила Фёдоровича Романова ряд до-

---

*Томск, как передовая застава, граничил тогда также и с землями древних кыргызов (киргизцев у И. Бичурина), современных хакасов, обитавших в то время в междуречье Томи и Енисея и доходивших со своими табунами во время летних миграций до самого томского острога. Достаточно крупный и плоский на вершине холм, располагавшийся напротив томской крепости, на противоположном берегу реки Ушайки (притока Томи), являвшейся первое время, видимо, пограничной между кыргызами и русскими, получил в топонимике города Томска название Юрточной горы. На том месте, где когда-то в летние кочевые сезоны стояли хакасские юрты, сейчас находится здание Главпочтамта. Юрточная гора заканчивалась где-то в районе современной улицы Красноармейской, а дальше на восток тянулись великолепные заливные луга, на которых в летнюю пору и пасли любимых лошадок кочевники. Однако постепенно этот благоприятный и для земледелия район стали потихоньку осваивать томские казаки-землепашцы, так что уже вскоре ими на восточной окраине Юрточной горы были поставлены оборонительные стены мужского Алексеевского монастыря, после чего хакасским скотоводам путь сюда, что называется, стал заказан. На следующем этапе от Алексеевского монастыря русские переселенцы начали пробивать себе дорогу на юг, на Алтай. В исторической топонимике Томска так и осталась с тех времён улица Алтайская, сохраняющая и по сию пору своё название.

говоров о добрососедстве, впоследствии поспособствовавших созданию своего рода оборонительного блока против общего противника в лице извечно великого, всегда перенаселённого и оттого склонного к территориальной экспансии Китая. Однако уже с середины XVII века русскими поселенцами постепенно стали захватываться земли в междуречье Томи и Иртыша, что привело к вытеснению ойротских стойбищ уже непосредственно на территорию Горного Алтая*. Расселение русских земледельцев шло, в том числе, и из Томска. В завершении почти столетнего продвижения на юг в 1709 г. в качестве нового форпоста на границе с ойротами был основан Бийск, а территории, как степного, так и горного Алтая со временем полностью вошли в состав Томской губернии.

После этого в условиях всё нарастающей угрозы своим владениям со стороны двух молодых и формирующихся империй нового времени – русской (Романовской) и китайской (Цинской) – западномонгольские ойротские племена, находившиеся до той поры в состоянии постоянных межклановых усобиц, осознали необходимость объединить усилия и создать мощный военно-политический союз. Во главе созидательного процесса вновь, как и два века назад, встали князья из рода Чорос: Хара-Хула (умер в 1634 г.) и его сын Батур-Хунтайджи** (умер в 1654 г.). Последний в 1635 г. провозгласил себя ханом вновь возрождённой Ойротии. Однако, поскольку Чоросы принадлежали к джунгарскому родоплеменному союзу, то и образованное Ойротское ханство, которое они возглавили, по-другому стали называть ещё и Джунгарским (просуществовало до 1758 г.).

В 1640 г. по инициативе Батур-Хунтайджи был созван съезд всех монгольских князей и ханов, результатом которого явилось заключение с той же оборонительной целью уже общемонгольского военно-политического союза. Однако достичь желаемого результата ни тому, ни другому объединению в конечном итоге так и не удалось, вследствие чего государственная независимость как восточных, так и западномонгольских народов в течение ближайших 100 лет оказалась полностью ликвидированной в результате агрессивной внешней политики со стороны ближайших её соседей. Южная Монголия, Тыва и Джунгария вошли в состав Китая, Северная Монголия (по-другому Халха) номинально под названием Внешняя Монголия стала после 1691 г. наследственной вотчиной китайского императора, провозгласившего себя монгольским богдыханом***. В свою очередь, к России присоединили в тот же период степной Алтай и Бурятию. Ну и, наконец, в 1756 г. часть ойротских племён, обитавших на территории Горного Алтая, по официальной версии, «добровольно, находясь под угрозой полного уничтожения со стороны китайцев», вошла в состав Российской империи****.

---

*Часть ойротов откочевала в тот период в приволжские степи, образовав вполне самостоятельный этнос калмыков.

**Батор-Хонь-Тайцзи у И. Бичурина. Батор в переводе с монгольского – великий воин. От «мочалок» рождаются «мочалки» под аккомпанемент «Мочалкиного блюза», а от богатырей – богатыри. Батор-Хонь-Тайцзи оставил после себя одних только сыновей 12 человек.

***Внешняя Монголия (собственно нынешняя Монголия) со столицей в г. Урга, ныне г. Улан-Батор, вновь обрела полную государственную независимость лишь в 1911 г.

****Лишь в 1864 г. Китай официально признал Горный Алтай российской территорией. Но, несмотря на это, ещё до подписания русско-китайского договора через г. Кош-Агач, основанный в 1801 г., русские купцы по знаменитому Чуйскому тракту начали возить свои товары в Кобдо – город, располагавшийся на крайнем западе Внешней Монголии. В 1876 г. Кобдо по заданию Русского географического общества (занимавшегося, в том числе, и негласной военной разведкой) посетил *Г.Н. Потанин* и

Всего, как свидетельствуют некоторые источники, под покровительство России перешло в середине XVIII века 12 алтайских зайсанов (князьков) со своими племенами. При этом договаривающиеся стороны составили и подписали, как и полагается в таких случаях, договор, в соответствии с которым алтайским родам, во-первых, передавались в наследственное пользование те земли, на которых они на тот момент проживали, а во-вторых, им гарантировалось право беспрепятственно исполнять традиционные для них формы религиозного культа. Также, согласно «Положению об инородцах», принятому при Екатерине II, алтайцам высочайше даровалось право бесплатного пользования лесами в плане заготовки дров, кедрового ореха и другой дикой растительности, а также осуществления охотничьего промысла. В целом условия, так сказать, сожительства обозначились вполне приемлемые, и для алтай-кижи* наступили, казалось, золотые времена, но ненадолго, «не всё коту масленица», как говорится.

отметил в итоговом отчёте, что его населяли главным образом китайцы и лишь незначительную часть горожан составляли монголы, а также русские, имевшие там собственную торговую факторию. Более успешно русско-китайские экономические связи в данный период могли бы осуществляться по дорогам степной полосы, прилегавшей к пойме верхнего течения Иртыша, однако в тех местах обитали хотя и формально покорённые китайцами, но по-прежнему весьма воинственно настроенные джунгары, так что любые, в том числе торговые и научные, экспедиции, в данный район, как правило, заканчивались весьма печально для их участников.

Таким образом, в силу имевших место сложностей обоих западномонгольских маршрутов (как горного, так и степного) более перспективным оказался для русских купцов восточномонгольский торговый путь в Китай через Забайкалье до пограничных Кяхты и Маймачена. Торговля осуществлялась на данном маршруте по знаменитому Московско-Иркутскому тракту. До Маймачена из Центрального Китая тянулись бесконечные верблюжьи караваны с чаем, пряностями, фарфором, шёлком и прочими товарами. А из Кяхты всё вышеперечисленное богатство доставляли на уральские и приволжские ярмарки посредством гужевого транспорта сибирские купцы. Они же в обратном направлении везли в Поднебесную изделия российских и западноевропейских промыслов. Практически беспрерывные и очень прибыльные челночные операции дали дополнительный толчок к развитию многих населённых пунктов, располагавшихся по Московскому тракту и, в первую очередь, – Томску и Иркутску, главным «караван-сараям» русско-китайского торгового пути. Поэтому и стали, что называется, как на дрожжах, расти в этих двух сибирских городах причудливые по неповторимой красоте и непохожести один на другой, как правило, двух или трёхэтажные купеческие особняки с резными деревянными оберегами на своих фасадах. В Томске, однако, сходились оба (то есть целых два) русско-китайских торговых пути: юго-западный и юго-восточный – из Кош-Агача и Кяхты. В силу чего Томск оказался немного побогаче и покрупнее Иркутска, и поэтому, наверное, именно он получил исключительную привилегию – открыть у себя первый в Сибири университет. Хотя, по замечанию современников, в том числе и *Г.Н. Потанина*, иркутское купечество в тот период было намного культурнее томского и всегда славилось многочисленными меценатами (может быть, сыграло определённую роль просветительское влияние сосланных сюда декабристов). Томские же купцы слыли в Сибири за прижимистых прасолов, мало заботившихся об общественных нуждах. Так, именно в Иркутске на средства местных купцов в конце XIX века организовывал издательскую деятельность областник *Н.М. Ядринцев*, здесь же его дело в этом направлении, дело безвременно ушедшего из жизни друга, продолжал некоторое время и *Г.Н. Потанин*. И только уже в начале XX века Григорий Николаевич переехал в Томск, решив, видимо, что город на Томи – уже университетский к тому времени – более всего теперь подходит для штаб-квартиры набиравшего силу и выходившего на новый виток своего развития областнического движения Сибири.

*Кижи в переводе с алтайского – люди, так местные аборигены предпочитали сами себя называть. Для более конкретного территориально-племенного обособления они использовали такие этнонимы, как катунь-кижи, чуя-кижи и т.п. Русские же колонисты чаще всего использовали обобщённое название – алтайские горные калмыки из-за их физического и бытового сходства с поволжскими калмыками. Впоследствии подтвердилось и этническое родство данных народов. Первым научно обосновал подобного рода предположение знакомый нам уже монах-востоковед Иакинф Бичурин (в миру – Никита Яковлевич Бичурин; годы жизни: 1777–1853). Находясь в составе русской миссии в Пекине, в то время

Так, уже в конце XVIII века им запретили бесплатную порубку леса. В 1822 г. был утверждён разработанный М.М. Сперанским, в бытность его генерал-губернатором Сибири, «Устав об управлении инородцев». Согласно данному Положению, селившиеся до того времени родовыми дючинами и управлявшиеся своими выборными зайсанами (представителями родовой наследственной аристократии) алтайцы теперь принудительно прикреплялись к территориальным округам – волостям. Тем самым стала разрушаться складывавшаяся веками система их родового проживания, поскольку родовая принадлежность официально теперь больше уже не учитывалась при формировании округов, вдобавок к этому алтайцев начали насильственно склонять к оседлости в противовес их прежнему кочевому образу жизни.

И всё для того, чтобы легче было христианизировать инородцев. Через семь лет после учреждения системы Сперанского, в 1829 г., в Бийске основали Алтайскую духовную миссию, призванную заниматься активной религиозной пропагандой и крестить в православную веру язычников-шаманистов, коими алтайцы являлись почти поголовно*. Возглавил миссию архимандрит Макарий (Глухарёв). В 1861 г. её продолжил впоследствии митрополит Московский, а в то время двадцатипятилетний только что принявший монашеский постриг Макарий (Невский). Вслед за ними в начале уже XX века Алтайской духовной миссией руководил ещё один монах Макарий – Макарий (Павлов), епископ Бийский.

Михаил Яковлевич Глухарёв (1792–1847), отец Макарий, первый руководитель Алтайской духовной миссии, «апостол Алтая», как его называли, являлся одним из первых приверженцев экуменизма в русской православной церкви. А за такое вольнодумство в ту пору ему грозило как минимум пожизненное заточение в одном из северных монастырей. Однако кому-то в голову пришла мысль вместо этого направить ослушника в Горный Алтай**, приобщать к христианской вере местных инородцев. Владевший в силу академического духовного образования не только древними классическими языками, но и несколькими европейскими, отец Макарий сначала сам с

как многие другие его коллеги в свободное от службы время шлялись по местным кабакам да борделям, Иакинф всё свободное время посвящал изучению китайских исторических летописей и трактатов, на основании которых он по возвращении на родину осуществил и опубликовал ряд исторических исследований, посвященных, в том числе, и кочевым народам Азии, впервые открыв для русской и европейской науки их великое прошлое.

*Ещё в начале XVII века и восточные, и западные монголы приняли буддийскую религию в её тибетском, ламаистском, варианте в качестве государственной. Ламаизм был официальной религией Ойротского (Джунгарского) ханства, буддистами стали и откочевавшие в районы нижнего течения Волги ближайшие родственники алтайцев – калмыки. Каким образом алтай-кижи, находясь на перекрёстке мировых цивилизаций, сумели сохранить в неприкосновенности веру своих предков – шаманизм, до сих пор остаётся загадкой. Одна из немногих и вряд ли научная версия гласит о том, что алтайский народ – особо избранный свыше народ, извечно предрасположенный к уникальной обособленности, в том числе и к религиозной.

**Здесь, на Алтае, архимандрит Макарий, кстати, не успокоился и продолжал вольнодумствовать: в ночь на святую Пасху 1837 г. он, подобно основателю немецкого протестантизма Мартину Лютеру, начал работу над переводом Ветхого Завета с древнееврейского на классический русский, современный ему (то есть доступный многим) литературный язык. Причём надо заметить, что Лютер испытывал гораздо меньшие трудности: и переводил он на немецкий язык не с иврита, а с латыни, которую он, как и все школяры того времени, в совершенстве знал ещё со школьной скамьи, к тому же под рукой у него имелась богатейшая библиотека Фридриха Саксонского. Ничего такого в селе Улала (ныне Горно-Алтайск), куда перенёс вскоре свою резиденцию из Бийска отец Макарий, конечно, не было. В этом смысле архимандрита Макария можно, пожалуй, сравнить скорее со святым Иеронимом, который также переводил Ветхий Завет с подлинника, то есть с древнееврейского, но только на латынь. Да и то святой Ие-

лёгкостью выучил алтайский язык*, а потом стал требовать подобного радения и от своих подчинённых. Также он создал на основе латиницы и первый алтайский алфавит, после чего записал посредством него все четыре Евангелия, а также Деяния и Послания апостолов. Большое внимание в тот период было уделено не только религиозному, но и культурному (отчасти чуждо культурному, конечно) просвещению местных племён.

Деятельность миссии в подобном же духе продолжил и Макарий Невский. Он попал на Алтай не за вольнодумство, как его предшественник, а просто потому, что не имел ни достаточно хорошего образования (ни тогда, ни позже ему так и не удалось окончить духовной академии), ни знатных родственников или могущественных покровителей, и потому, наверное, он был отправлен в алтайскую «Тмутаракань» просто по распределению или, как говорят в этой среде, – на послушание. Пойдя по стопам своего предшественника, молодой монах Макарий стал рассматривать миссионерскую деятельность на Алтае главным образом с просветительских позиций. По его инициативе и при личном участии создавалась уже алтайская азбука, переводились важнейшие христианские молитвы, а также составлялся служебник на алтайском языке. Без малого почти 30 лет отдал Макарий (Невский) миссионерскому делу на Алтае**. После него деятельность миссии стала принимать в большей степени официально-государственный и русификаторский характер, и, как любили говаривать советские историки, деятельность эта являлась продолжением колониальной политики российского самодержавия.

Конечно же государственная машина изначально действовала более прагматично и оттого более грубо, чем Алтайская духовная миссия, которой ещё со времён Макария (Глухарёва) была свойственна, так скажем, некоторая просветительская деликатность. Но постепенно качество стало переходить в пресловутое для человеческого менталитета количество и в статистическую ложь. Инородцев начали заманивать в православие сначала освобождением (на три года) от налоговых податей, повинностей и рекрутчины (Положение Государственного Совета от 1826 г.), а потом и просто пачкой бесплатного табака и бутылкой «огненной воды». Так что многие алтайцы

роним, по его собственному признанию, в силу невероятной сложности такого перевода несколько раз отчаивался и бросал его и в конечном итоге только невероятным усилием воли заставил себя закончить начатый грандиозный труд. Отец Макарий совершил не меньший подвиг и перевёл на русский язык не только Ветхий, но и Новый Завет. К сожалению, полный текст перевода увидел свет только после его смерти, в царствование Александра-II Освободителя.

*Официально – ойрот-калмыцкий язык, принадлежащий к монгольской группе тюркской языковой семьи, входящей в алтайскую макросемью евразийских языков. К тому же самому семейству языков Евразии, как утверждают лингвисты, принадлежим и мы – славяне-индоевропейцы с нашим русским. На этой идентичности, в том числе, основывают свою знаменитую теорию учёные-евразийцы, а теперь уже строят геополитические планы и политики-евразийцы.

**В 1891 г. отец Макарий, по протекции всесильного фаворита императора Александра III, главы придворной охранительной партии К.П. Победоносцева был назначен епископом (с 1908 г. архиепископом) Томским и Барнаульским. В революционном 1905 г. он оправдал возлагавшиеся на него надежды и явился одним из вдохновителей ставших известными на всю Россию томских погромов, которые устроили в городе представители русских националистических и религиозных организаций над участниками революционных собраний и демонстраций и которые привели к многочисленным жертвам. В те дни одногодок епископа Макария семидесятилетний *Григорий Потанин*, как истинный старец (правда, с интеллигентской тросточкой в руке) с развивающейся на морозном ветру длинной чалдонской бородой, частящим и неуверенным шагом пожилого человека, продираясь сквозь перевозбуждённые толпы людей, силой своего авторитета, как мог, убеждал противоборствующие стороны прекратить междо-

при попустительстве всё той же губительной статистической отчётности и оголтелого очковтирательства* приходили креститься по нескольку раз подряд, только бы получить в подарок табак и водку.

Вследствие этого, по замечанию либерально настроенных исследователей (как прошлого, так и настоящего времени), туземцы Алтая вымирали целыми племенами (однако тоже – куда хватили), «заразившись общечеловеческими “ценностями”: христианством, сифилисом и водкой». В 1877 г. на освобождавшихся таким образом землях Горного Алтая разрешено было селиться русским колонистам, что конечно же приводило к дальнейшему вытеснению «инородцев» с их исконных территорий, вынуждало их уходить глубже в горы, в «неудобья», как тогда говорили. Оставшиеся чаще всего подвергались или полной ассимиляции, или насильственному «окультуриванию». В итоге получилось, как в известном советском кино про «полосатый рейс»: «Эй, там, на вахте, круто заложили!».

На любой вызов, согласно одной довольно известной научной теории, должен обязательно последовать незамедлительно и прямой ответ. А как же иначе... Примерно в то же самое время, о котором мы сейчас ведём наш рассказ, а именно в 1881 г., на другом конце Земли, в самой наидемократичнейшей из наидемократичнейших (пишу без кавычек, заметьте) стран мира – США, на территории штатов Южная Аризона и Нью-Мексико, поднял восстание против ненавистных янки последний великий герой туземной Америки, один из племенных вождей апачей (по другой версии – оглашенный духами предков – шаман) по имени Джеронимо. Это был ответ загнанных в резервации и принуждаемых к оседлому образу жизни бывших кочевников. С небольшим отрядом воинов, в самые лучшие времена не превышавшим численности в 100 человек, Джеронимо в течение почти 30 лет наводил ужас не только на американских переселенцев, но и на регулярные части армии США.

Алтайцы пошли, что называется, другим путём и, что характерно, абсолютно невоинственным. Видимо, сказалось в той или иной степени всё-таки влияние буддийской религии, проникавшей из соседней, исторически и этнически родственной, как мы выяснили, Монголии, причём достаточно обыденно: через Чуйский тракт, посредством странствующих ламаистских проповедников с «кладью». В Монголии таковых было с переизбытком; с трудом верится, но, по данным, например, на 1934 г., буддийские монахи в этой стране составляли 48% от всего мужского населения (вот воинство, так воинство – духовное, конечно, не менее великое, надо полагать, чем непобедимые в своё время орды Чингиз-хана). Проникновение странствующих проповедников в пределы Горного Алтая отмечалось ещё первыми миссионерами из Алтайской духовной миссии, но активизация их деятельности пришлась как раз на последнюю четверть XIX века, на тот именно период, когда на территории Горного

усобное кровопролитие. В 1912 г., также по протекции ещё одного всесильного фаворита, но только теперь – императора Николая II, и одновременно также главы придворной охранительной партии Г.Е. Распутина преподобный Макарий (Невский) получил назначение на кафедру митрополита Московского и Коломенского, то есть по сути стал вторым человеком в русской церковной иерархии того времени. Однако после убийства Распутина все его ставленники, в том числе и митрополит Макарий, были, как «старомонархические» архиереи, отправлены в отставку. Макарий получил пожизненный титул митрополита Алтая, а его прежнюю должность в Московской епархии занял архиепископ Алеутский и Североамериканский Тихон, будущий «революционный» Патриарх Московский и всея Руси.

*К началу XX века в этих отчётах фигурировали цифры о 52 тысячах оседлых алтайцев обоего пола и о более 100 тысячах крещёных из всего 240 тысячного инородческого населения Горного Алтая. В то время как, по некоторым данным, алтайцев на тот момент всего было чуть более 100 тысяч...

Алтая уже в полном объёме развернулась российская колонизаторская политика*. Буддийские ламы, помимо религиозной пропаганды, занимались также и разного рода предсказаниями, а ещё – врачеванием, что вполне естественным образом повышало их авторитет в среде малограмотного населения, лишенного к тому же самой элементарной квалифицированной медицинской помощи.

Так вот одной из самых популярных тем у лам-провидцев в данный период стали рассказы о мифическом герое алтайского народного эпоса, основанного на вполне реальных исторических ассоциациях, по имени Ойрот-хан. Эти мифы связывались с так называемым золотым веком алтайской истории, когда теленгиты (ещё одно название алтайцев) вместе с другими западномонгольскими племенами составляли единое и мощное государство под названием Ойротское (Джунгарское) ханство. А в образе Ойрот-хана, в свою очередь, слились воедино все предания о славных героях-правителях некогда великой Ойротии.

Мифический образ легендарного хана имел много общего с былинным персонажем русских народных сказок, но одновременно и подлинно исторической личностью – князем Владимиром Красное Солнышко, тоже во многом являющимся собирательным образом. При Ойрот-хане, гласило предание, всем его подданным жилось сытно и праведно, они верили в своих (доморощенных) богов, придерживались собственных внутриплеменных традиций и общими усилиями побеждали злых недругов как внутри, так и за пределами своего микромира. Алтайский Ойрот-хан, последний потомок Чингиз-хана, согласно тому же преданию, не умер, он лишь удалился на некоторое время на восток (как у шиитов последний потомок Мухаммеда скрытый имам Али), и, когда настанет его время, он вернётся вместе с солнцем и вновь возродит великую Ойротию. В это искренне и испокон веков верили алтай-кижи, поэтому они с большой предрасположенностью восприняли пророчество монгольских лам о том, что вот уже совсем близко возвращение Ойрота и что наступит тот благочестивый день тогда, когда изменят внешний облик все три вершины горы Уч-Сумер (Белухи)** и когда в завершение данного ряда предзнаменований произойдёт солнечное затмение.

– Это, значит, вам знак будет.

– А дальше?..

А дальше типично функциональная мистика переходила уже в область сакрального и непознаваемого. Пришествие Ойрот-хана, в трактовке монгольских проповедни-

*Далеко не самая отвратительная, конечно, по сравнению с подобного же рода мероприятиями других европейских держав; и, тем не менее: не поступай с другими так, как не хочешь, чтобы поступали с тобой – самая древняя из всех древних мудростей, придуманная людьми задолго даже до Нагорной проповеди Иисуса Христа, утверждавшего, что именно «в этом закон и пророки» (Мф.7,12.).

**Уч-Сумер, в переводе с монгольского, означает три священных горы. Белухой эти вершины назвали русские первопроходцы, за то, что они круглый год и даже летом покрыты ослепительно белым снегом, что для многих переселенцев являлось дотоле ещё никогда невиданным явлением. Данная версия была предложена томским профессором *В.В. Сапожниковым*, в начале XX века первым обследовавшим Белуху и выяснившим, кстати, что она состоит не из трёх, а всего лишь из двух вершин (Западной и Восточной), третий пик, названный впоследствии вершиной Делоне (в честь русского физика и альпиниста), находится хотя и рядом, но всё-таки на другом гребне Катунского хребта. Ну, вот так вот, если строго по-научному. Сами же алтайцы чаще всего называли красавицу гору просто и более понятно для себя – Катын-Бажы, вершина Катуни или голова Катуни, сама Катунь в переводе на русский означает – хозяйка, госпожа, Бий – хозяин, господин, а топоним реки Обь – которую эти два «бешеных» потока, сливаясь, образуют – можно перевести как: успокоились, смирились. Всё просто, ясно и понятно, без мудрствования лукавого, как говорится.

ков, лишь предопределяло собой ещё более значимое событие – явление для Алтая и его народа живого бога по имени Белый Бурхан. Воплощением кого являлся Бурхан – тогда никто не знал, малопонятен его образ и сейчас, и, тем не менее, большинство исследователей данного вопроса, в том числе и такой авторитетный, как Н.К. Рерих, склоняются к тому, что под Белым Бурханом подразумевался не кто иной, как сам Благословенный Будда.

Почему ламаистские проповедники прибегли к подобному иносказанию, тоже вроде бы имеет вполне логичное объяснение. Уничтожение Ойротского ханства в исторической памяти алтайского народа связывалось, в первую очередь, с Китаем периода правления в нём маньчжурской династии Цин, оказывавшей покровительство в качестве одной из государственных религий как раз буддизму. Таким образом, вроде бы получалось так, что учение Шакьямуни – самое невоинственное из всех религиозных – ассоциировалось в среде алтайцев с угрозой беспощадного вражеского нашествия*. Вот и пришлось монгольским ламам применять в своих проповедях вместо имени Будды имя Белого Бурхана. Но всё это было, что называется, шито белыми нитками, и о том, что на Алтае ведётся плохо скрываемая пропаганда буддизма, сразу стали доносить в Бийск, а потом и в Томск сотрудники Алтайской духовной миссии, в силу негласных служебных обязанностей ревностно отслеживавших проявления любого религиозного инакомыслия среди инородцев.

Судя по отрывочным, но всё-таки сохранившимся данным, в период примерно с 1885 г. в Горном Алтае стало отчётливо наблюдаться непримиримое противостояние двух религиозных конфессий: буддийской и христианской. Силы, конечно, у этих двух идеологических противников на отдельной взятой алтайской территории, прямо скажем, были далеко не равны. У ламаистов в качестве орудия борьбы имелось в наличии, образно выражаясь, лишь одно слово божье, а у православной миссии во главе с Макарием (Невским) вдобавок ко всему прочему всегда под рукой находилась полиция и мобильные казачьи отряды.

Однако всё складывалось далеко не так просто: ламы появлялись то там, то здесь, и охотиться за ними в труднодоступных алтайских урочищах представлялось делом достаточно непростым. И, тем не менее, борьбу на данном этапе в итоге выиграла сильнейшая сторона, все буддийские кумирни и ламы постепенно были выдворены за границу. Но в отместку за это какие-то, видимо, весьма серьёзные люди в 1886 г. подожгли в Бийске здание Алтайской духовной мисси. Никто из её сотрудников, к счастью, не пострадал, однако полностью сгорела библиотека миссии, а также её архив, что конечно же стало во многом невосполнимой утратой для деятельности миссионеров.

С трёх сторон алтайцев издревле окружали плотной блокадой три мировые религии. С севера – христианство, с юга – буддизм, с запада – ислам, и только с востока

*Как, например, для нас русских таким незваным агрессором часто выступал католицизм. Так было сначала в период набегов крестоносцев, тевтонских «псов-рыцарей» на псковско-новгородские земли, потом во время наступления польско-литовских войск Лжедмитрия на Московию, после них – шведских полков нового строя во главе с Карлом XII, а также наполеоновских и вновь ещё два раза немецких орд на нашу страну. Теперь подобного рода агрессором для нас стала западная, массового спроса культура, во многом абсолютно чуждая русскому менталитету. Освальд Шпенглер называл таковые прецеденты историческими псевдоморфозами, «когда чуждая... культура довлеет над краем с такой силой, что... край этот... не в состоянии дышать полной грудью... колоссальных размеров достигает лишь ненависть к явившейся извне силе» (Закат Европы. Т.2. М. «Айрис-Пресс». 2003. С.192-193).

путь веры был как бы свободен, оттуда и ожидали алтайцы явления своего особенного бога – Бурхана. Оттого-то и взирали они с особым, новым трепетом на восток во время молений и жертвенных воскурений. В 1885 г. в результате схода одного из многочисленных ледников изменил внешние очертания один из пиков горы Белухи. В 1904 г. то же самое произошло и со второй вершиной, а также стал распространяться слух о скором разрушении снежного покрова и на третьем роге Катын-Бажы. «Когда упадут три снежные сопки, на которых Катунь берёт свое начало, знайте, что время моего пришествия уже близко», – так, согласно легенде, возвещал перед смертью Ойрот-хан. Последняя примета, однако, так и не сбылась, не случилось и солнечного затмения в тот год, зато в конце января 1904 г. началась русско-японская война*, которая, как показали дальнейшие события, и дала, наконец, последний толчок для повторного явления хана Ойрота алтайскому народу.

5 июня 1904 г. на стол императора Николая II в его летней резиденции в Царском Селе легла срочная телеграмма от томского губернатора К.С. Старынкевича о том, что на территории Горного Алтая «усиливается брожение среди инородцев», что они отказываются признавать русского царя, «заявляя, что у них теперь есть свой царь Ойрот из Японии». К этому времени японцы в ходе военных действий уже перерезали Южно-Маньчжурскую железнодорожную магистраль, соединявшую Ляодунский полуостров с Харбином, и потопили ряд крупных кораблей русского Тихоокеанского флота, а 31 марта погиб и сам командующий флотом адмирал С.О. Макаров. Ситуация была, разумеется, не самая трудная в русской истории, и, тем не менее, из

*В связи с постройкой Транссибирской железнодорожной магистрали (1891–1903 гг.), соединившей Европу с русскими тихоокеанскими портами Владивостоком и Дальним (был построен на русские деньги на месте небольшой рыболовецкой деревушки, находившейся на территории Ляодунского полуострова, насильственно захваченного, а потом арендованного Россией у Китая в 1898 г.), возник реальный транспортно-экономический конкурент для находившегося в руках англичан Суэцкого канала. Плюс к этому усилиями личного врача Николая II Петра Бадмаева (бурята по национальности и буддиста по вероисповеданию), а также официального представителя тринадцатого Далай-ламы в России, буддийского монаха Агвана Доржиева (тоже бурята по национальности) с конца XIX века при поддержке министра финансов С.Ю. Витте (прибалтийского немца, крещённого в православие), а также одного из приближённых Николая II, известного ориенталиста и первого евразийца, князя Э.Э. Ухтомского (потомка по материнской линии одновременно и Рюриковичей и Чингизидов), в кулуарах царского правительства серьёзно обсуждался вопрос о протекторате России над теми территориями слабевшего год от года (как, к сожалению, мы теперь) Китая, на которых господствовало буддистское вероисповедание в его тибетско-ламаистском варианте, то есть над Джунгарией, Монголией, Маньчжурией и непосредственно над Тибетом. Тринадцатый Далай-лама тогда якобы также выразил полное согласие в связи с данными планами.

Таким образом, помимо всего прочего, и для индийских колоний Великобритании создавалась вполне реальная угроза со стороны «российского империализма», так что перед английским кабинетом министров встала задача – срочно предпринять какие-то шаги для предотвращения появившейся опасности, причём по-возможности не вступая в прямой конфликт с Россией. И надо отдать должное англичанам, они всё-таки нашли решение для этой трудной проблемы. Не вдаваясь в излишние подробности, заметим, что японская самурайская армия и военно-морской флот были в самые кратчайшие сроки вооружены новейшими образцами английской боевой техники, ну а дальнейшие события большинству образованных людей достаточно хорошо известны. Маленькая, но очень храбрая и напористая японская «росомаха» прогнала со своей (читай: английской) охотничьей территории огромного, зажиревшего и уже готовившегося к очередной долгой спячке русского медведя. Ляодунский полуостров в результате перешёл в руки японцев и стал называться на их манер – Квантунским; порт Дальний также теперь достраивался победившими японцами, правда, говорят, по старым проектам, разработанным ещё русскими военными архитекторами.

Квантунская группировка японских войск получила достойный «ответ на вызов» от, наконец, проснувшегося «медведя» лишь в 1945 г. при генералиссимусе И.В. Сталине (которому, по некоторым дан-

столицы в адрес томского губернатора сразу же пришло распоряжение – принять все необходимые меры для разрешения возникшей (конечно же не на пустом месте) проблемы в Горном Алтае, выявить виновных, арестовать зачинщиков… ну и т.д.

Процесс по имевшему место «брожению» начался на проблемной территории в конце апреля – в начале мая, когда один из жителей долины Теренг, что неподалёку от села Усть-Кан в юго-западной части Алтая, как раз в предгорьях Белухи, по имени *Чет Челпанов* объявил себя вестником нового, теперь главного бога, для алтайцев – Бурхана. *Челпанову*, по имеющимся сведениям, было в то время, как и полагается пророку, 33 года, происходил он из рода Кобок и в период описываемых событий проживал с семьёй в районе реки Кырлык. По основному роду своих занятий он являлся пастухом. От бедности *Чет Челпанов* пас главным образом не собственные, а чужие стада, кочевал с ними практически по всему Алтаю, а иногда добирался и до соседней Монголии, с целью продажи там вверенного ему хозяйского поголовья. По всей видимости, именно там, в Монголии, его, что называется, и просветили.

Однако сам *Челпанов* позже, во время следствия по его делу, заявлял, что он получал некие наставления для будущей мессианской деятельности не в Монголии, а непосредственно у себя на родине. На одном из допросов он даже назвал имена двух соплеменников, якобы учивших его новой вере. Это были, если интересно, Кыргыз Саманов и Чапияк Юдуев. Первый, по показаниям*Челпанова*, разъяснял ему, что «есть в чёрной шубе и на чёрной лошади Опон, которому надо молиться», второй добавлял, что «есть Опон, Ойрот и Бурхан и что надо собрать народ и молиться им». После чего якобы Кыргыз Саманов приказал поставить для «пророка» большую 12-решётчатую крытую войлоком юрту, а также сшить для него белую шубу и шапку. Кроме того, он научил Чета молиться новому богу, а также предложил ему обучить

ным, помогло взойти на русский трон сохранившее негласное влияние и при большевиках ведомство русской военной разведки, офицеры которой всегда отличались по преимуществу идейной и потому не искоренимой ни при каких обстоятельствах преданностью своей Родине). Таким образом, частично была успешно завершена долговременная внешнеполитическая операция, разработанная в недрах российского истеблишмента ещё в конце XIX века и начавшая осуществляться в тот же период русской военной разведкой посредством географических научных экспедиций, возглавляемых Николем Михайловичем Пржевальским (по одной из версий, как мы уже указывали, являвшегося отцом Сталина), Григорием Ефимовичем Грумм-Гржимайло, Владимиром Клавдиевичем Арсеньевым, а чуть позже – Николаем Константиновичем Рерихом и некоторыми другими. А из сибиряков активное участие в данном проекте принял в своё время *Григорий Николаевич Потанин*.

И в связи с этим, хочется вот ещё о чём вспомнить и подумать. Для большинства людей, интересующихся краеведением, в Томске, да и в Сибири в целом, до сих пор остаётся в определённой степени загадкой то, каким образом томской интеллигенции в трудные, по-прежнему трудные 50-е годы XX века удалось получить разрешение на перенос могилы, мягко говоря, нелояльного к коммунистам *Григория Потанина* с разрушаемого кладбища бывшего Иоанно-Предтеченского монастыря в рощу Томского государственного университета? Как удалось потом отстоять новое место захоронения великого сибирского областника и даже поставить здесь же скромный бюст, в то время как на него не раз покушались местные горе-ортодоксы, а профессор университета Израиль Разгон, считающийся основателем советской исторической школы в Томске, было время, даже подгонял к могиле *Потанина* трактор, намереваясь разрушить памятник и ещё бог знает чего натворить? Что остановило тогда распоясавшегося профессора, входившего в ту пору, что называется, без стука практически в любой административный кабинет?.. По всей видимости, всё решил один телефонный звонок из ведомства, которое существовало, существует и будет существовать при любом правительстве и любом политическом режиме в России и которое руководствуется в своей деятельности только одной сверхзадачей (если по К.С. Станиславскому) – интересами русского этноса. Что это за всесильное ведомство, догадаться, видимо, не так уж и трудно.

бурханистской молитве и других алтайцев. Но чуть позже появился *Манджа Кульджин* (один из самых богатых алтайских скотопромышленников, чьи стада, видимо, как раз и пас «пророк» бурханизма) и приказал объявить народу, что он, *Челпанов*, якобы лично видел посланников нового бога, но только не в чёрных тонах, как о том прежде наставлял Саманов, а в светлых: на белых лошадях и в белых шубах.

То, что истинными организаторами, а тем более спонсорами, бурханистского движения были богатейшие баи южноалтайских улусов, ни у кого не вызывало и не вызывает сомнения. Кроме братьев *Кульджиных* (*Аргымая и Манджи*), в родстве с многочисленным семейством которых, кстати, через своего шурина находился *Чет Челпанов*, можно отметить также и *Кыйтыка Елбудина*, не менее знатного и богатого скотопромышленника, стоянка семьи которого находилась неподалёку от долины Теренг и который вместе с сыном Каденом, как свидетельствуют источники, одним из первых откликнулся на призыв *Челпанова*. Он не только сам явился в его стойбище, но и содержал за собственный счёт большинство радетелей новой веры, находившихся в мае-июне 1904 г. на месте паломничества. Появление в логу Теренг представителей многих богатейших семейств и формирование из них почётного окружения *Чета Челпанова* произвели на обычных алтайцев дополнительное впечатление и способствовали притоку всё большего числа людей к месту моления.

Большинство исследователей склонно считать, что горноалтайская аристократия поддержала бурханизм именно потому, что у неё имелось немало поводов быть недовольной российским правительством. По той же самой причине движение получило ещё и определённую антирусскую направленность. Особенно негативную реакцию в данной среде вызвал закон 1899 г. о новом землеустройстве, в соответствии с которым всё население Горного Алтая, в том числе и зажиточное его меньшинство, получало равный душевой надел в размере 18 десятин. А это означало, что теперь баям нужно было для выпаса своих многочисленных стад брать в аренду дополнительные земли у правительства, что являлось далеко не дёшевым удовольствием. В тот же период начался процесс по отмене института зайсанов («выборных» родовых вождей) и внедрению вместо них должностей волостных старост.

Вдобавок ко всему прочему представители богатых семейств, являясь уже достаточно образованными людьми, начали глубоко понимать суть проблем, связанных с русификацией коренного населения. Именно поэтому они стали очень живо интересоваться буддизмом, видя в нём спасительное средство против создавшейся исторической псевдоморфозы, что также сыграло определённую роль в становлении бурханизма как религии. И хотя шаманизм и родовые культы к началу XX века попрежнему сохраняли сильное влияние в среде аборигенов, однако они уже не соответствовали новым запросам алтайских «олигархов». Им нужен был свой национальный религиозный культ, во всяком случае, он нисколько бы им не помешал.

Итак, в мае 1904 г. по Горному Алтаю с неимоверной быстротой стал распространяться слух, что бедный пастух по имени *Чет Челпанов* вместе с 12-летней приёмной дочерью Чугул Сороковой встретил в горах трёх всадников в ослепительно белом одеянии, ехавших на такого же цвета лошадях. Одним из них оказался... сам Ойрот-хан, который заговорил с Четом на непонятном для него языке. Слова новоявленного хана для алтайцев перевели его спутники. Он заявил о себе, как о посланце Белого Бурхана, и сказал, что явился сейчас для того, чтобы подготовить алтайцев к скорому пришествию нового благословенного бога. Алтайцам, далее поведал Ойрот-хан, для

того чтобы достойно встретить данное событие, нужно основательно подготовиться и, прежде всего, очиститься, как и полагается, от прежних грехов и заблуждений. В ряду последних он указал на древнюю языческую религию самих алтайцев с шаманством и кровавыми жертвоприношениями и велел вместо непотребного молиться одному только Белому Бурхану, совершая в честь него воскурения вереска и принося ему дары в виде молока, творога, соли или белого хлеба. Это Ойрот-хан отметил в первую очередь.

Вторым этапом на пути очищения от прежней скверны значилась в его наставлениях борьба с русским засильем на территории Горного Алтая. В связи с чем указывалось, что необходимо, прежде всего, отказаться от общения со всеми православными, причём не только с иноязычными инородцами, но и с собственными соплеменниками, принявшими христианскую веру, не есть с ними из одной посуды и даже изгнать всех кошек из своих жилищ и никогда больше их не заводить. Далее Ойрот-хан настоятельно посоветовал избавиться также и от всех российских денег, истратив их на покупку пуль и пороха(!), а оставшиеся принести ему. Не курить табак и не пить водку. Дальнейшие наставления по поводу нового религиозного культа, хан сказал, что будет передавать через Чугул Сорокову, так как она в отличие от *Чета Челпанова* человек ещё пока невинный и чистый. После этого божественные всадники удалились. Такова, собственно, легенда. Далее – то, что происходило на самом деле.

Действительно, вскоре алтайцы, поддавшиеся влиянию новой веры, стали скупать в купеческих и кооперативных лавках весь имевшийся там запас свинца и пороха, выбрасывать из жилищ все заимствованные от русских предметы обихода, потом начали покидать свои стойбища так, что некоторые из них вскоре полностью опустели. После этого они спускались в долину Теренг, к тому месту, где уже совершенно открыто осуществлял проповеди бурханистской веры *Чет Челпанов*. Там три раза в день они совершали воскурения и бескровные жертвоприношения, каждый вечер двенадцатилетняя Чугул вновь и вновь поднималась в горы, туда, где они с отцом встретили впервые Ойрот-хана, и получала от него каждый раз новые наставления по осуществлению и исполнению нового религиозного культа. Так зарождалась, по мнению большинства исследователей данного вопроса, национальная религия алтайского народа, ставшего таким образом на путь обретения собственного культурно-исторического самосознания.

Уже через месяц количество новообращённых достигло, по разным подсчётам, от полутора до четырёх тысяч человек*, что, вполне естественным образом, чрезвычайно обеспокоило не только представителей власти, но и рядовых жителей Горного Алтая главным образом, конечно, православных, начавших опасаться резни со стороны аборигенов. Однако эти опасения оказались более чем напрасными, так как ни одного случая агрессивного поведения со стороны приверженцев новой веры зафиксировано не было**. Тогда, как полагают некоторые исследователи, для при-

*Совершенно нереальную, с точки зрения ряда историков, цифру в 30 тысяч человек приводит Л.П. Мамет (Мамет Л.П. Ойротия. Очерк национально-освободительного движения и Гражданской войны в Горном Алтае. М.1930.

**Если не считать случаев применения насилия по отношению к особо упорствующим алтайцам-шаманистам, для которых неподалёку от юрты *Четы Челпанова* была сооружена каменная темница, куда и определялись для вразумления те, кто не хотел принимать новой веры (главным образом сами шаманы).

дания событиям максимально большего резонанса православные миссионеры и запустили провокационный слух о молениях бурханистов япон-хану или япон-царю. («Японский царь победил русского царя. Не стало русского царя, а настало царство Ойрот-хана».) В результате данные сведения, разумеется, сразу же поступили в жандармское управление, потом в канцелярию томского губернатора, ну а вслед за тем отправились и в летнюю резиденцию самого государя-императора, произведя там, видимо, не меньший переполох, чем известие о восстании апачей под руководством упоминавшегося уже нами Джеронимо на американского президента в Вашингтоне.

Однако, поскольку в ходе предварительных разбирательств выяснилось, что выступление алтайцев носит вполне мирный характер, дело по исправлению сложившейся ситуации было поручено всё-таки не жандармскому и воинскому управлениям, а главе Алтайской духовной миссии – тридцатисемилетнему епископу Бийскому Макарию (Павлову)*. 20 июня он прибыл в село Усть-Кан, провёл там торжественный ночной молебен, после чего в сопровождении своих коллег-братьев по духовной миссии, а также нескольких полицейских и некоторого количества русских поселенцев при оружии отбыл в долину Теренг для решительной расправы с инакомыслием. Ещё одна группа «инквизиторов» выступила в том же направлении из села Уймон.

На рассвете обе группы соединились в долине Теренг. Там они застали алтайцев в молитвенных позах, обращенных лицами на восток в ожидании восхода солнца. Вооруженные люди стали окружать бурханистов, которые, завидев приближающуюся угрозу, кучно столпились вокруг юрты *Челпанова*, намереваясь, видимо, в первую очередь, защитить своего пророка и его семью. Они вряд ли выполнили, как представляется, традиционный в подобных случаях приказ – разойтись, после чего подверглись насильственному разгону, в результате которого пострадало около 50 человек, а один алтаец был убит. 36 человек, включая *Челпанова* и его несовершеннолетнюю дочь, арестовали и сопроводили сначала в Усть-Кан, а потом в Бийск. Среди задержанных, кстати, оказался и один монгольский лама, которого, однако, кажется, вскоре отпустили.

Следствие по этому делу продолжалось целых два года, после чего весной 1906 г. *Чет Челпанов* (а с ним ещё пять человек) предстал перед судом по обвинению в том, что он «в мае и июне 1904 года в Горном Алтае выдавал себя за лицо, имеющее непосредственное отношение к божествам. Что бог Бурхан являлся ему и приказал всем калмыкам (алтайцам) под угрозой, в случае ослушания быть убитыми громом, собраться в логу Теренг, молиться Бурхану и ждать возвращения на Алтай божественного Хана-Ойрота, который восстановит калмыцкое ханство». Вторым пунктом обвинения значилось «подстрекательство к неповиновению русским властям».

Известие о произошедших событиях очень быстро облетело всю Сибирь. Передовая общественность края сразу же откликнулась на вызов, брошенный властями, и среди тех людей, кто встал на защиту алтайских вольнодумцев конечно же были

---

*Михаил Михайлович Павлов родился на территории Томской губернии, окончил Казанскую духовную академию и в конце 90-х гг. XIX века занял должность епископа Барнаульского и одновременно исполнял обязанности главы Алтайской духовной миссии. Через полгода после описываемых событий, видимо, в качестве своего рода наказания за допущенные просчёты его направили на пастырское служение в Якутию. Пробыв на «исправительных работах» четыре года, он был переведён в Казанскую епархию и назначен настоятелем одного из монастырей. Во время Гражданской войны отец Макарий сначала примкнул к белым, но потом переметнулся к красным, вступив (или, по церковному, отпав) после этого в обновленческое движение.

областники во главе со своим лидером. *Григорий Николаевич Потанин*, используя имевшиеся в его распоряжении связи в столичных научных кругах, попытался сразу же организовать для привлечённых в качестве обвиняемых к суду алтайцев хорошую защиту и надёжную научную экспертизу. В результате на состоявшийся в мае 1906 г. процесс прибыло целых три столичных адвоката*, а также известный русский этнограф, а в прошлом – народник, старый приятель *Потанина* и *Ядринцева* Д.А. Клеменц.

Задача последнего состояла в том, в частности, чтобы представить учение *Челпанова* как не имеющее ничего общего с враждебным на тот момент России японским буддизмом**, а главные аргументы защиты сводились к тому, что движение бурханистов не являлось антигосударственным делом. И им это удалось, адвокаты выиграли процесс, так что суд вынужден был полностью оправдать всех фигурантов по делу *Чета Челпанова*, в том числе и его самого. Государственное обвинение, однако, настояло на повторном судебном разбирательстве в Омске, но и оно завершилось точно таким же оправдательным приговором. Чему, видимо, весьма поспособствовала первая русская революция, пробившая, наконец, брешь, в том числе, и в вопросе о правах малых народов на своё территориальное управление в рамках многонациональной Великоросской империи***.

После всех этих мероприятий бурханистское движение, несмотря ни на что, всё-таки продолжало развиваться, однако все антирусские мотивы в нём были конечно же полностью приглушены. *Чет Челпанов* после освобождения из тюрьмы практически отошёл от дел и стал своего рода ещё одной алтайской «достопримечательностью». Теперь к нему в гости стали приезжать главным образом не паломники новой веры, а разного рода любопытствующие: журналисты, писатели, просто путешествующие и т.п. К счастью, он избежал участи индейца Джеронимо, которого предприимчивые американцы, после того как сильно постаревший вождь апачей сам сдался им в плен, возили по разным выставкам и фестивалям, где демонстрировали его за деньги, тоже как диковинную инородческую «достопримечательность».

Миссионерскую деятельность *Чета Челпанова* продолжили другие проповедники новой веры, по-алтайски прозванные ярлыкчи. Они избирались, как свидетельствуют источники, из наиболее уважаемых в родовых поселениях людей, иногда это были даже бывшие шаманы. Среди ярлыкчи встречались и такие, которые, переезжая по миссионерским делам с места на место, возили с собой, видимо, по примеру «пророка», девочек 12-14 лет, которые помогали им в религиозных проповедях и обрядах. Примерно к 1912 г. бурханистское движение достигло наивысшего развития, значительно увеличив число своих приверженцев. Однако вскоре оно пошло на спад,

*Расходы по оплате высоких адвокатских гонораров полностью взяли на себя представители богатейших алтайских семейств – из числа тех, кто симпатизировал новой вере.

**«В учении Челпанова нет и атома буддизма», – данное экспертное заявление Клеменца конечно же было вполне сознательной ложью, направленной на смягчение приговора; наверное так это можно квалифицировать.

***К сожалению, эта некогда прогрессивная тенденция завершилась теперь полным нивелированием русской великодержавности и породила ещё одну историческую псевдоморфозу, когда настоящие русские становятся в собственной стране уже не первыми среди равных, как должно бы, наверное, быть в идеале, а своего рода рабочей лошадкой под ярмом у часто не способных ни к какому созидательному труду субпассионариев («благородный муж печётся о долге, низкий человек жаждет выгоды» – Конфуций). Теперь, видимо, необходим некий обратный процесс, дабы происходящая метаморфоза этногенеза опять не привела к революции и – самое страшное – к гражданской войне.

после того как по Горному Алтаю прокатилась эпидемия тифа, унёсшая многие человеческие жизни и от которой бурханистские ярлычки никоим образом не смогли защитить страдающих соплеменников. В создавшихся условиях сторонники новой веры частично вновь вернулись к старым традициям, так что во многих местах Алтая камы (шаманы) опять вышли из глубокого «подполья»*, достали из укромных мест чародейские бубны и стали старым, испытанным средством – камланиями – бороться с болезнями и другими напастями.

В революционном 1917 г. на смену национально-религиозному движению** пришли чисто политические методы в решении вопроса о самоопределении народов Горного Алтая.

2. Горный Алтай в революции

Спустя год после завершения судебного процесса по делу *Чета Челпанова* в Томске провёл свою первую персональную выставку малоизвестный ещё к тому времени алтайский художник по имени *Григорий Гуркин*. Именно этому человеку и его товарищам суждено было принять эстафету от весьма скоро выдохшихся религиозных проповедников бурханизма в деле культурно-национального возрождения алтайского народа. *Григорий Иванович Гуркин* родился в 1870 г. в Горном Алтае и происходил из того самого рода Чорос, который, как мы отмечали выше, стоял во главе объединительных процессов западномонгольских племён в период расцвета средневекового Ойротского ханства. Желая, видимо, каким-то образом подчеркнуть своё происхождение из столь славного рода, *Гуркин* прибавил к собственной фамилии в качестве творческого псевдонима*** ещё и родовое имя Чорос.

Род Гуркиных принадлежал к северной части горноалтайских племён, они раньше других подверглись русификации и первыми начали принимать православие, поэтому и по-русски *Григорий Иванович* говорил точно также хорошо, как и по-алтайски, а может быть, даже ещё и лучше. Более того, *Гуркину* удалось получить к тому же и неплохое начальное образование в церковно-приходской школе с иконописным классом, принадлежавшей Алтайской духовной миссии. Со временем дарование молодого алтайского художника заметили, и он смог продолжить учёбу сначала в петербургской мастерской самого И.И. Шишкина, а потом вольнослушателем в Академии художеств. Получить столичное образование и сейчас-то немногим удаётся, а в те времена – тем более, на весь Горный Алтай *Григорий Гуркин,* вполне возможно, вообще был один такой уникально способный. После возвращения в 1904 г. из Петербурга, так и не окончив из-за начавшейся революции Академии художеств, он стал много писать и, конечно, главным образом пейзажи любимой родины.

---

*Преследование бурханистами представителей старой шаманистской веры и особенно самих шаманов являлось настолько яростным, что последние даже вынуждены были порой обращаться к русским властям за защитой.

**При советской власти бурханизм, как культ, оказался практически полностью изжит. В постсоветском Горном Алтае некоторые представители местной интеллигенции пытаются теперь возродить это национально-религиозное движение, однако пока малоуспешно. По крайней мере, шаманизм сейчас опять более популярен среди алтайцев.

***А может быть, на перспективу и в качестве политического.

Более 300 работ привёз на свою первую выставку в Томск Григорий Иванович. Она проходила в Рождественские святки с 26 декабря 1907-го по 7 января 1908 года (по старому стилю, конечно). Организаторами данной выставки явились давние покровители *Гуркина – Г.Н. Потанин* и известная в Томске художница Лидия Павловна Базанова*. Работы начинающего алтайского живописца имели просто ошеломляющий успех, и это – в среде в общем-то достаточно искушённой томской публики. Выставку работ Григория Ивановича посетило в те дни около 5 тысяч человек – цифра, однозначно рекордная даже по тем временам.

Выставка в Томске сразу же возвела начинающего алтайского художника в ранг одного из ведущих пейзажистов Сибири. Многие его картины были тут же раскуплены, а на некоторые сделаны и повторные заказы. Особый фурор, фурор, можно сказать, в квадрате или даже в кубе, произвело полотно под названием «Хан-Алтай» – подлинный и величайший шедевр творчества *Григория Ивановича Гуркина.* (Его ещё называют «Царь-Алтай» или – «Царственный Алтай».) Слева изображён вечнозелёный сибирский кедр, он как, бессмертный воин, охраняет спокойствие величественного в своей неповторимой красоте горного массива – родины алтайцев и одновременно как бы прародины всего человечества. А в центре – спустившийся с небес орёл – символ царственной власти над этим, хочется верить, не самым худшим из миров**.

Картину приобрела семья Кухтериных, одна из богатейших в Томске. Инициатива принадлежала, по всей видимости, жене старшего из братьев (Алексея) Александре Архиповне, живо интересовавшейся искусством и считавшейся покровительницей многих томских художников. После Гражданской войны уникальное полотно вместе с другим движимым и недвижимым имуществом семьи Кухтериных было национализировано и сейчас находится в фондах Томского областного художественного музея.

На свою следующую выставку в Томске, в 1910 г., *Гуркин* привёз ещё около двухсот работ: картины, этюды и рисунки. И среди них – очередной шедевр – «Озеро горных духов»***. И хотя, как и «Хан- Алтай», картина несла в себе собирательный образ, тем не менее, по легенде, где-то в Алтайских горах действительно находилось озеро, к которому сами алтайцы редко ходили, да и другим не советовали слишком часто этого делать. Картина «Дены-Дерь», изображающая таинственное озеро, окруженное всё теми же величественными горами, как отмечают критики, буквально светится какой-то девственной белизной и чистотой и (словно, изотопы водорода) фонит какой-то нездешней духовной стерильностью****.

---

*Они же в 1897 г. помогли двадцатисемилетнему *Гуркину* обосноваться в Петербурге и начать обучаться там ремеслу профессионального художника.

***Гуркин*, кажется, так и не сделал ни одной копии с этой наиболее известной из созданных им картин. Однако в 1936 г. за год до своей трагической гибели он написал второй вариант «Хана-Алтая». Вместо гордого кедра здесь уже – только две склонившиеся под ветром ёлки. Горы не величественные и парящие над миром, а какие-то мертвенно окаменелые и вросшие, что называется, по самые уши в глинозём. И совсем нет орла. Он, видимо, улетел (как Карлсон)...

***«Дены-Дерь» – оригинальное название по-алтайски.

****Спустя 30 лет увидевший это полотно известный советский фантаст Иван Ефремов написал даже целый рассказ, посвящённый и картине *Гуркина*, и самому озеру, на ней изображенному. Ефремов объяснил исходящее от него колдовское свечение испарением паров ртути из близлежащего богатейшего месторождения. Для него, как для профессионального геолога, данное обстоятельство являлось наиболее важным, наверное. Но вот Николай Рерих, посетивший те же самые места задолго до Ефремова, признал их за сказочно-божественное Беловодье. В общем, каждый на свой лад трактует непознаваемое.

Приобрёл уникальную картину в обход всех других желающих на правах одного из устроителей выставки профессор Томского технологического института *Б.П. Вейнберг** (профессора в те времена ещё были весьма платёжеспособны) – физик, занимавшийся, кстати, проблемами земного магнетизма. Точно известно, что позже *Чорос-Гуркин* сделал с этой картины несколько списков (копий), так что она имеется теперь не только в сибирских, но и в некоторых российских музеях, а также в частных коллекциях и, может быть, даже за границей**.

Тогда же, в период первых выставок, произошло новое сближение (сближение уже, что называется, на равных) *Чорос-Гуркина* с томскими деятелями областнического движения. Постепенно Григорий Иванович становится не только самым известным алтайцем в Сибири, но и новым лидером национального движения у себя на малой родине. Поэтому, когда в 1917 г. разгорелось пламя второй русской революции, *Чорос-Гуркин* вполне естественным образом сразу же выдвинулся в число ведущих политиков своего региона. Он в числе нескольких уполномоченных от народов Горного Алтая присутствовал с 20 апреля по 17 мая в Томске на заседаниях проходившего здесь Народного собрания Томской губернии. Во время работы этого революционного форума по настоянию сибирских областников была создана специальная комиссия, призванная вплотную заняться проблемами малых народов Томской губернии и главным образом инородцев Горного Алтая. Возглавил данную комиссию сам *Г.Н. Потанин*, а её членами стали: молодой томский областник и эсер *Михаил Шатилов*, крупнейший алтайский скотопромышленник *Манджа Кульджин* и художник *Григорий Гуркин*.

7 мая Григорий Иванович выступил перед многочисленной аудиторией делегатов съезда с докладом «Об Алтае и нуждах народа».

«Маленький народ алтайцы приветствуют вас, граждане. Послушайте и наше слово, которое должно быть свободно. Алтайцы... миролюбиво перешли в русское подданство, чтобы жить под защитой русского пахаря. Русские не затратили ни единой капли крови на завоевание Алтая, а потому я прошу отнестись к нашим нуждам с должным вниманием.

Нашлись люди из центра России, которые чинили притеснения и посылали к нам миссионеров, которые обманывали наш народ. Спасаясь от этих миссионеров, алтайцы бросали свои жилища и бежали в горы. Порабощая душу алтайцев, миссионеры отбирали у них земли. Делали они это просто: поставят деревянный крест – и готово. «Здесь место свято, а ты – язычник, и потому уходи отсюда за 5 вёрст». Миссионеры начали, а кабинет царя закончил. Отобрали даже кладбища. Всё от-

---

*В 1924 г. *Вейнберг* уехал из Томска на работу в Ленинград и увёз эту картину с собой. Потом она каким-то образом попала в фонды Красноярской художественной галереи и до сих пор там находится.

**Отец *Григория Гуркина* очень сильно удивлялся тогда: с какой такой стати люди платят за картину, на которой нарисована обыкновенная снеговая лужа (которых десятки, как выйдешь из дома), по 300 рублей – по тем временам, почти годовой заработок среднестатистического рабочего. Что ж, у жителей земного рая, – свои причуды. Одна моя однокурсница по университету (в которую я, помнится, по молодости был сильно влюблён…), сама родом из Крыма, во время наших доверительных бесед наедине называла грязной лужей «самое синее в мире Чёрное море моё». Кстати… если замерить линейкой по карте, то получается, что расстояние от собора Василия Блаженного до Томска (до первого сибирского университета) точно такое же, как от Томска до Тадж-Махала (мавзолея вечной любви). В общем, как циркулем, проведены из нашего города границы великой евразийской империи Чингизидов.

– Уф… с возвращением!!!...

ходило в кабинет. Теперь за один выгон кабинет берёт 800 рублей ежегодно... Помогите нам устроиться, закрепить ту часть земли, которая считалась свободной. Разрешите нам развиваться свободно, по своим привычкам религиозным, разрешите сохранить наши обряды, чтобы мы были с вами равноправными гражданами».*

В продолжение доклада *Гуркин*, опираясь на программу сибирских областников о предоставлении малым народам равных возможностей для их культурно-национального возрождения, озвучил просьбу возглавляемой им делегации, поддержанной также и комиссией по делам национальностей съезда, о выделении территории Горного Алтая из состава Бийского и Кузнецкого уездов (теперь Кемеровская область) в отдельный Горноалтайский уезд Томской губернии. И хотя бийские, а вместе с ними и кузнецкие делегаты высказались категорически против принятия такого решения, съезд, тем не менее, всё-таки пошёл навстречу алтайцам и утвердил постановление о необходимости «*предоставления инородцам Алтая, в силу их особой культуры, быта и уклада жизни, в силу совершенно особых географических и почвенных условий тех местностей, которые они населяют, полную возможность самоопределяться и создавать своё самоуправление*».

Однако для вынесения столь важного решения необходимо было учесть мнение всего населения, в том числе и русскоязычного, поэтому Томский губернский съезд порекомендовал алтайцам собрать по данному вопросу в ближайшее же время в Бийске свой собственный народный съезд, с правами учредительного. Ещё одну рекомендацию, или, вернее, настоятельную просьбу, Томское народное собрание высказало относительно, в том числе, и прав пришлого населения. В резолюции предлагалось формировать волости будущего Горно-Алтайского уезда ни в коем случае не по национальному, а только по территориальному принципу, дабы никоим образом не провоцировать процессы национальной разобщённости в среде местного населения.

Такое самовольное решение Томского губернского народного собрания конечно же не могло не встревожить Всероссийское Временное правительство. И хотя оно своей декларацией от 17 марта 1917 г. о национальном самоопределении даровало независимость Польше и предоставило территориальную автономию Финляндии, тем не менее вести речь о национально-культурной автономии так называемых малых народов России правительство оказалось пока ещё не готово. Томск же решением губернского Народного собрания создавал в этом смысле весьма нежелательный прецедент. Нужно было срочно принимать какие-то контрмеры.

Сначала в Томск в качестве губернского комиссара Временное правительство направило члена кадетской партии пятидесятисемилетнего профессора Е.Л. Зубашева. В период с 1899-го по 1907 гг. Ефим Лукьянович занимал должность ректора Томского технологического института. Однако во время первой русской революции он прослыл за либерала, и вследствие этого высочайшим указом его уволили с занимае-

---

*Кабинетскими, напомним, назывались земли, находившиеся, попросту говоря, в личной собственности императорской семьи Романовых. В конце XVIII века к числу кабинетских причислили большую часть пастбищных земель Горного Алтая. В марте революционного 1917 г. распоряжением Временного правительства все кабинетские владения были национализированы. Поэтому вполне резонным стало требование алтайцев поделиться с ними частью земель, ставших теперь общегосударственной собственностью. Томское губернское собрание, посовещавшись, вполне согласилось с озвученными претензиями по земельному вопросу, однако выносить какого-либо конкретного решения по нему не стало, мотивируя свой отказ тем, что данная проблема по распоряжению Временного правительства полностью передана на рассмотрение Всероссийского Учредительного собрания.

мой должности. По официальной версии, Зубашев именно в революционном 1905 г. вступил в конституционно-демократическую партию. Ходили слухи, что его тогда же долго уговаривали вступить в «Союз русского народа», но он отказался. Бывшего либерала, занявшего после февраля 1917 г. строго охранительную политическую позицию, в «Сибирских Афинах» теперь уже в качестве «варяга» категорически не приняли*, и он «не солоно хлебавши», как говорится, вынужден был вернуться через пару месяцев обратно в Петроград.

Тогда в столице нашли другой, ещё более иезуитский способ приструнить томских вольнодумцев. Указом Временного правительства от 17 июня из состава Томской губернии вывели весь теперешний Алтайский край, прежде являвшийся всего лишь Барнаульским уездом. А к новообразованной губернии в довершение всего присоединили, в том числе, и территорию Горного Алтая; «вот тебе, бабушка и Юрьев день», что называется. Однако, вопреки всему, намеченный томским революционным собранием учредительный съезд народов Горного Алтая всё-таки состоялся.

3. Первый Горноалтайский съезд

Он проходил, как и планировалось, в Бийске с 1-го по 6 июля 1917 г. Главным его организатором стал теперь уже окончательно выдвинувшийся в лидеры национального движения алтайцев *Григорий Иванович Чорос-Гуркин*. Специальным уполномоченным от областнического движения Сибири на этом съезде присутствовал *Сергей Михайлович Курский* (сын одного из ближайших сподвижников Потанина, *Курского Михаила Онисифоровича*), в то время редактор барнаульской газеты областнического направления «Жизнь Алтая». Заметки о Бийском съезде под названием «Заря новой жизни Горного Алтая» Курский-младший потом опубликовал в своей газете (№147 от 11 июля 1917 г.).

На первый народный форум народов Горного Алтая собралось 64 делегата, представителей главным образом инородцев Бийского уезда (только что вошедшего в состав Алтайской губернии) и Кузнецкого уезда (Томской губернии). Основным на съезде стал вопрос о выделении Горного Алтая вместе с Горной Шорией в отдельный уезд (Томской ли, Алтайской ли губернии – всё равно). После долгого обсуждения делегаты всё-таки решили не спешить и пока отложить голосование по этому пункту повестки дня, но прежде обратиться для порядка в высшие инстанции и, в первую очередь, к Временному правительству с просьбой о получении разрешения на осуществление такого судьбоносного для алтайцев политического мероприятия, как признание «самоопределения в самостоятельную земскую единицу». А пока, то есть на переходный период, решено было «организовать свой собственный исполнитель-

*Маленький, но по-революционному весьма самостоятельный в тот год народ – томичи, вопреки всем вековым традициям русского имперского мышления, весной 1917 г. сами избрали себе губернского начальника (комиссара). Им стал *Борис Митрофанович Ган*, в прошлом присяжный поверенный, то есть адвокат. (Самая революционная профессия, между прочим: Робеспьер, Керенский и даже Ленин в своей, как мы теперь любим говорить, прошлой жизни были адвокатами.) Потом в политической неразберихе 1918–1919 гг. *Борис Ган* как-то постепенно потерялся и так же, как некоторые другие, по «примеру» Остапа Бендера, «переквалифицировался в управдомы», занял должность юриста в одном из новониколаевских кооперативных контор, что говорит о его революционном выдвижении как о некоем, видимо, немного случайном стечении обстоятельств. И всё же...

ный орган, назвав его Алтайской Горной думой», с полномочиями уездной земской управы.

Председателем Алтайской Горной думы пятидесятью семью голосами «за» и шестью – «против», избрали *Григория Ивановича Гуркина*. Здесь же на Бийском съезде делегаты разработали и приняли программу социально-экономического и культурного развития горноалтайского региона. Для решения этих задач при Горной думе сформировали несколько отделов и снабдили их соответствующими наказами. Так экономическому отделу в условиях острейшего дефицита продовольствия и товаров первой необходимости поручили в кратчайшие сроки наладить через сеть сибирской кооперации сбыт алтайского сырья и на вырученные средства закупить продукцию, необходимую, в первую очередь, непосредственно самим алтайцам. Точно такие же неотложные мероприятия и также на собственное усмотрение предложили провести и отделу по народному образованию. По решению Горной думы должность инструктора (руководителя) данной управленческой структуры занял специально приглашённый из Томска уроженец Горного Алтая двадцатипятилетний *Георгий Маркелович Токмашев*, начинающий учёный-этнограф, человек, весьма близкий к областническому кружку *Г.Н. Потанина*.

На съезде народов Горной Шории в Кузнецке, проходившем в том же июле 1917 г., но только чуть позже – с 28-го по 30-е число, был образован свой собственный подотдел Алтайской Горной думы.

Для того чтобы уведомить алтайские губернские власти о решениях Горноалтайского съезда, в Барнаул уже 6 июля отбыли *Григорий Гуркин* и *Сергей Курский*. По приезду в губернский центр они сделали обширный доклад для членов Алтайского земского комитета. Там их очень внимательно выслушали и в общем-то не выразили каких-либо возражений по поводу того, чтобы выделить Горный Алтай в отдельный уезд, однако в очередной раз предупредили, что данное мероприятие должно проводиться ни в коем случае не в ущерб русскоязычному населению: «граждане должны пользоваться в государстве одинаковыми и равными для всех правилами».

Немного сложнее решался тот же самый вопрос с руководством бийского земского самоуправления, оно, в отличие от барнаульского, категорически выступило против планировавшегося выделения Горного Алтая в самостоятельный уезд. За глаза высказывалось мнение, что Бийск ни при каких обстоятельствах не намерен терять контроль над таким финансово и экономически прибыльным районом, как Горный Алтай, в то время как на публику, что называется, горноалтайцы обвинялись по старому, уже опробованному, шаблону в национализме и сепаратизме. Разгневанный таким местническим подходом к столь важной проблеме *Григорий Гуркин* также через печать (см. бийскую газету «Красный Алтай», номер за 26 июля 1917 г.) вынужден был, в свою очередь, высказать целый ряд претензий в адрес бийского уездного руководства*, что теперь уже окончательно рассорило две противостоящие стороны.

Для того чтобы всё-таки дать ход собственным прожектам по территориальному самоуправлению, руководители Горной думы приняли решение перейти под крыло правящей в тот период в России правоэсеровской партии. В русле данного откровенно конъюнктурного политического демарша активисты Думы объездили летом

*«Но, как всегда, во всех хороших начинаниях, нашлись и у алтайцев недруги, цель которых всегда порочить всё лучшее, честное. Посыпались доносы, создаются подозрения, обильно распространяются клевета и ложь».

1917 г. все без исключения волости своего региона, активно призывая население на выборах в Учредительное собрание голосовать только за партию эсеров, добившись при этом потрясающего результата: 80% горноалтайцев проголосовало за кандидата от правых социалистов-революционеров. В результате членом Учредительного собрания по данному округу был избран так называемый «мартовский»*, то есть новоиспечённый эсеровский функционер, томский младообластник *Михаил Шатилов*. Его в период подготовки к голосованию келейно утвердили где-то наверху в обход планировавшегося самими горноалтайцами местного уроженца, в то время беспартийного врача *Виктора Тибер-Петрова***.

После такого успешного завершения выборной кампании *Григорий Гуркин* осенью 1917 г. с отчётами о проделанной работе, а также с заявкой на образование Горно-Алтайского уезда выехал во главе специальной делегации в столицу, в Петроград. Там он вместе со своими товарищами намеревался во что бы то ни стало, добиться от Временного правительства положительного решения по алтайскому вопросу. В то же самое время *Григорий Токмашев* вёл интенсивную переписку с *Григорием Николаевичем Потаниным*, обращаясь к сибирскому патриарху с просьбой через его столичные знакомства в очередной раз помочь алтайцам в их стремлении к национальному самоопределению.

«Дорогой Григорий Николаевич! Вы не можете ли написать кому-нибудь в Петроград, чтобы тот, кому Вы напишете, частным образом мог бы поторопить об утверждении нашей Думы в отдельную земскую единицу. Из Министерства запрашивали нас представить материалы, основываясь на которых, можно утвердить наши хлопоты, но материалы посланы, только, наверное, лежат под спудом. Нужен человек, стоящий близко к Временному правительству и который толкнул (бы) наши хлопоты на путь скорейшего утверждения».

И эти общие усилия, в конце концов, оказались ненапрасными.

24 октября, ровно за день до большевистского переворота, *Григорий Гуркин* добился-таки разрешения от правительства А.Ф. Керенского на учреждение отдельного Горно-Алтайского уезда, а соответственно точно так же получила своё официальное одобрение и деятельность Алтайской Горной думы. Но, увы, 25 октября к власти в России пришёл Совет народных комиссаров, и все распоряжения прежнего эсеровского правительства ушли по большей части, что называется, в небытие. Так что *Гуркин* и сопровождавшая его делегация вернулись на родину, собственно говоря, ни с чем, и опять как будто всё нужно было начинать с самого начала...

---

*«Мартовскими», иронизируя, называли тех людей, кто активно включился в политическую деятельность в марте 1917 г., то есть не до, а лишь после победы Февральской революции.

***Виктор Тимофеевич Тибер-Петров*, надо полагать, не из обиды, а по каким-то другим соображениям вступил после этого в члены РСДРП. Избранный в декабре 1917 г. делегатом от туземцев Горного Алтая на чрезвычайный Сибирский областной съезд, он даже зарегистрировался на нём как большевик. И всё, видимо, потому, что большевики выступали за немедленное национальное самоопределение, в том числе и малых народов. В то же самое время, к примеру, их бывшие товарищи по социал-демократической партии меньшевики-оборонцы (плехановцы) были категорически против территориальной автономии инородцев России, считая, что им для начала нужно пройти весьма продолжительный по времени процесс развития своего научно-образовательного и культурно-национального самосознания и только потом уже вставать на путь политического самоопределения себя как народа, нации и, наконец, как автономного территориального образования.

4. Второй Горноалтайский съезд

Первое время, правда, горноалтайские политики в числе многих других общественных деятелей России надеялись, что господин Керенский вскоре сумеет вернуть себе власть и всё будет по-прежнему. Но вот прошла неделя, а потом – другая, а за ней – ещё две, и так целый месяц, и ничего в итоге не изменилось. И тут впавшая в сепаратистский антибольшевизм страна стремительно начала разобщаться на полусамостоятельные территориальные образования. Именно по такому пути попыталась пойти, как известно, и наша Сибирь. Тогда активисты от правящей до недавнего времени правоэсеровской партии, опираясь на крепко спаянную организацию сибирских областников, решили с их помощью оспорить власть у коммунистов и собрали в Томске чрезвычайный Сибирский съезд, выбрав на нём Областной совет с правами временной исполнительной власти. А вскоре созвали здесь же, в Томске, и Сибирскую областную думу с ещё большими, чем у Совета, директивными полномочиями. Тем самым у горноалтайских автономистов появилась возможность подтвердить свои права на самостоятельность, полученные от Временного правительства. В состав Сибирской областной думы они делегировали с этой целью, в частности, уже знакомых нам тридцативосьмилетнего *Виктора Тибер-Петрова* и двадцатипятилетнего *Георгия Токмашева*.

Оба они вошли в состав комиссии по национальным делам Сибирской думы, где им довелось познакомиться с приглашенным туда же в качестве консультанта сорокадвухлетним «профессором» *Василием Ивановичем Анучиным*. Профессорского звания он в то время, правда, ещё не имел, но некоторые почитатели его талантов из чувства некоторого пиетета иногда титуловали его именно так. И всё потому, видимо, что Василий Иванович являлся личностью однозначно незаурядной, а для некоторых даже и по-настоящему авторитетной.

В то же самое время в Томске-городе, а также и за его пределами были люди, относившиеся к этому человеку совершенно иначе. Завоевал он себе такую противоречивую репутацию тем, что в молодые годы подавал большие надежды и как учёный, и даже как писатель. Уроженец Сибири, он после окончания столичного Археологического института настолько хорошо зарекомендовал себя в среде видных питерских этнографов, что в 1904 г. получил от Русского географического общества высокое должностное назначение в красноярское отделение данного общества и деньги на несколько научных экспедиций для исследования быта и традиций енисейских остяков. Однако оказанного ему высокого доверия молодой учёный в конечном итоге не оправдал, с должностными обязанностями не справился, научных отчётов по результатам экспедиций в столицу не представил, а добытые артефакты, по слухам, продал в частные коллекции и даже за границу. За что его навсегда отлучили от официальной науки, и в дальнейшем он зарабатывал себе на жизнь платными публичными лекциями.

В 1911 г. судьба закинула *Анучина* в Томск. Здесь он представился как гонимый властями учёный и на этой почве сразу же сошёлся с местными областниками и даже поселился на Преображенской улице, в черте так называемой Сибирской слободки – знаменитом квартале, где проживали виднейшие представители томской интеллигенции. Но, однако, и здесь, в Томске, Анучин сумел вскоре проявить присущую ему моральную нечистоплотность, вследствие чего рассорился и с *Потаниным*, и с *Адри-*

ановым, а также с некоторыми другими томскими интеллектуалами, которые после всего случившегося надолго выдворили Василия Ивановича из своей среды.

Но вот пришёл революционный 1917 г., и *Анучин*, вступив в партию эсеров, сразу же выдвинулся в число передовых деятелей регионального революционного движения («мартовского» типа). И, наверное, пошёл бы, что называется, и дальше в гору, если бы не всплыли его старые грешки, преданные гласности стараниями *Александра Адрианова*, опубликовавшего в редактируемой им газете «Сибирская жизнь» ряд разоблачительных материалов по поводу дореволюционной «научной» деятельности *Анучина*. *Адрианова* поддержали и некоторые другие представители не только томской, но ещё и красноярской интеллигенции, выдвинув против несостоявшегося учёного и писателя целый ряд обвинений в клевете и недобросовестности.

По данному вопросу осенью 1917 г. даже состоялся третейский суд, признавший предъявленные обвинения вполне обоснованными, то есть доказанными. В результате такого публичного осуждения *Анучин* вынужден был выйти из числа членов эсеровской партии, поставив таким образом крест на своей политической карьере. В результате он вновь вернулся на поприще, что называется, прикладной науки, каким-то образом всё-таки добившись утверждения себя в комиссию по национальным вопросам сначала Областного совета, а потом и Сибирской областной думы в качестве скромного пока что эксперта-консультанта по аборигенным этносам.

Здесь, в думской комиссии, под обаяние этого в известной степени научного и политического авантюриста и его авангардистских идей попал сначала молодой *Георгий Токмашев*, а потом и некоторые другие деятели движения за национально-культурное возрождение Горного Алтая. В своём письме из Томска, пришедшем в Алтайскую Горную думу 11 января 1918 г., *Токмашев* сообщил о знакомстве с *Анучиным*, а также о тех новых идеях, которыми он «напитался» после бесед с таким, как ему показалось, прогрессивно мыслящим учёным. *Василий Анучин* предложил деятелям алтайского национального возрождения весьма заманчивый план дальнейшего политического строительства в их регионе. Суть его основной идеи состояла в том, чтобы воссоздать в прежних границах ни много, ни мало, – а бывшее Ойротское ханство, включающее в себя Урянхай (современная Тыва), Хакасию, Горную Шорию, русский Горный Алтай, монгольский Горный Алтай и даже китайскую Джунгарию. Народы, населявшие данные территории, имели общие этнические (западномонгольские) корни и общую историческую судьбу и поэтому вполне могли, по мнению *Анучина*, объединиться в так называемую Среднеазиатскую республику, после чего войти в качестве территориально-национальной автономии в состав Российской федерации.

Было, конечно, от чего захватить дух у молодых и как раз к тому времени весьма поднабравшихся революционных амбиций алтайских националов. Однако объединение территорий, находившихся в тот момент за пределами границ Российского государства, являлось для сибиряков полной политической авантюрой или, в лучшем случае, весьма и весьма далёкой перспективой. Реальный же территориальный союз у алтайцев мог сложиться лишь с теми народами, которые проживали на русской стороне границы. Реально осознавая положение вещей, *Георгий Токмашев* для официального сообщения коллегам из Горной думы по поводу предложений *Анучина* выбрал достаточно умеренный тон и вполне взвешенные формулировки, но даже сквозь этот тщательно отредактированный самим автором текст просматривается, что на-

зывается, невооруженным глазом страстное нетерпение и желание уже как можно скорее кардинальным образом изменить судьбу своего народа.

«Я лично все-таки мечтаю, если будет возможно, выделиться в особую самостоятельную земскую единицу, в федерацию Алтая в союзе с минусинцами, и, может быть, к нам присоединится Урянхайский край. Очень было бы хорошо и очень возможно... В Национальном совете движет почти всю работу В.И. Анучин. Он подает нам готовые законопроекты на наше рассмотрение. Об устройстве Алтая Василий Иванович мыслит так: Алтай должен быть самостоятельным штатом с присоединением к нему минусинцев и Урянхая. Когда он делал мне это предложение, мне показалось очень возможным осуществление этого предложения Анучина, то есть о соединении этих народов в одну автономию. Конечно, Анучин как экономист прекрасно знаком со всем устройством республик и приводил много примеров. Выделение в самостоятельный штат – штука очень заманчивая. Почему не быть самостоятельными, почему не пользоваться нам совместно с минусинцами всем богатством Алтая?»

В тот же самый день 11 января, когда в Алтайскую Горную думу пришло из Томска письмо от *Георгия Токмашева*, горнодумцами был получен и официальный ответ от Бийской уездной земской управы с очередным отказом предоставить Горному Алтаю возможность для самоопределения. Такое же уведомление, но чуть раньше пришло и из Барнаула от новой, недавно избранной губернской земской управы. В ответ на это Горная дума 12 января объявила, наконец, явочным порядком о выделении избравшего её население в отдельное территориально-национальное образование.

А поскольку, как мы уже отмечали, принципы территориально-национальной автономии малых народов России не противоречили политической программе большевиков, горнодумцы в тот же день обратились теперь уже не к Бийскому земству, а к Бийскому совдепу с просьбой об организации на территории Горного Алтая совместно с крестьянскими Советами ещё и «советов инородческих депутатов», видимо, полагая, что Бийский совет, учтя вполне понятное желание по сближению интересов, «не откажет Думе в своём товарищеском содействии».

А 13 января горнодумцы направили ещё и в Томск, в адрес Сибирской областной думы, готовившейся к с открытию своей первой сессии, специальное телеграфное сообщение с жалобами в адрес земских «управителей» из Бийска и Барнаула и с разъяснениями по поводу создавшегося положения, высказав надежду на помощь со стороны депутатов первого сибирского предпарламента в решении их вопроса.

«Алтайская Горная Дума, исчерпав все возможности провести через Бийское уездное земское собрание вопрос о выделении горной части Бийского уезда в особую уездную земскую единицу, поставлена перед необходимостью отказаться от попыток решения этого вопроса в земских рамках и отозвать своих представителей из Алтайской губернской и Бийской уездной земской управы. Гласные алтайцы сложили полномочия. В ближайшем будущем вопрос самоуправления алтайцев будет внесён решению (так в тексте. – О.П.) *Сибирской областной думы».*

А 19 января последовал ещё один демарш: горнодумцы объявили, что они 20 февраля (по старому стилю) соберут, и на этот раз не в Бийске, а в селе Улала, располагавшемся в 95 верстах на юг от Бийска, уже непосредственно на территории Горного Алтая, очередной съезд представителей своего самопровозглашённого уезда, но в

ещё более расширенном составе, чем первый съезд, для того чтобы утвердить путём демократического волеизъявления масс решение Алтайской Горной думы об окончательном территориальном размежевании. Представительство на съезде продекларировали следующим образом: один делегат от каждой тысячи человек населения, причём как коренного, так и русскоязычного. Таким образом, в Улалу должно было прибыть теперь уже более ста человек избранных представителей. Плюс ко всему на съезд аккредитовывалась ещё и небольшая группа экспертов, отдельное приглашение в данной связи отправили в Томск «профессору» *Анучину*. Специальное приветствие от лица Улалинского съезда получил и *Григорий Николаевич Потанин*. Алтайцы выразили ему глубокую признательность и выделили его как человека, «носившего желания видеть свободной дорогую нашу Сибирь и боровшегося за инородцев, за их благосостояние».

Съезд, как и планировалось, состоялся в Улале* (сейчас Горно-Алтайск) и проходил с 6-го по 12 марта 1918 г. (по новому стилю). Всего в его работе приняли участие, по официальным данным, 133 человека с решающим голосом. Основную массу делегатов, разумеется, составляли выборные от коренных народов. Для того чтобы не иметь проблем с советской властью, данное представительное собрание официально было названо Горно-Алтайским съездом инородческих и крестьянских Советов. На нём, естественно, присутствовали и противники политики, проводимой горнодумцами, но они оказались в явном меньшинстве.

За день до открытия форума состоялось предварительное совещание главных организаторов съезда, среди которых конечно же помимо известных представителей горноалтайской интеллигенции, находились и члены крупнейших байских («олигархических») кланов, которым предполагавшиеся изменения в территориально-административном делении сулили вполне очевидные выгоды для развития их бизнеса. Так, в частности, богатейший клан скотопромышленников *Кульджиных* представлял сам его глава – *Аргымай*, а знатный купеческий род *Тобоковых –Даниил Михайлович***. На этом совещании практически без обсуждения и почти единогласно его участники приняли решение – вынести на рассмотрение делегатов съезда вопрос о территориальном обособлении Горного Алтая.

Споры возникли лишь по поводу того, какую форму территориального представительства выбрать: уезд, губернию или, может быть, даже республику. Однако ни один из предложенных вариантов не подходил. Уезд показался теперь уже малозначительным определением, которое, как рассудили, позволит, что называется, всем, кому не лень, по-прежнему помыкать Горным Алтаем. Губерния же, а тем более республика показались в этом смысле, напротив, слишком смелым заявлением, вполне могущим привести и к ответным контрмерам со стороны вышестоящих органов власти. И тогда была найдена наиболее приемлемая формулировка: округ – Горно-Алтайский территориальный округ; и не уезд, и не губерния, но что-то, тем не менее, достаточно значимое. В общем, как говорится, пойди попробуй разберись, если, конечно, по-

*Село было основано в 1824 г. русскими переселенцами. В 1831 г. здесь обосновался со своей духовной миссией архимандрит Макарий (Глухарёв). Чуть позже Улала стала ещё и крупнейшим торговым центром на территории Горного Алтая.

**Клан Тобоковых принадлежал к числу северных племён, и его представители в большинстве своём уже являлись крещёнными в православие и поэтому назывались по имени и отчеству. Род же Кульджиных по-прежнему придерживался веры предков, и, видимо, поэтому члены этого семейства во всех источниках пишутся просто по имени.

лучится, а мы тем временем сможем спокойно заниматься своими делами. На том, собственно, и порешили.

6 марта состоялось торжественное открытие съезда, и во второй половине дня («опосля обеда», как любил говаривать незабвенный дед Щукарь) его делегаты заслушали доклад «профессора» *Анучина*. В нём известный (и это уже вполне можно без кавычек) сибирский этнограф и историк изложил основные положения своей отчаянно смелой и вместе с тем однозначно авантюрной по тем временам теории о «предопределении» западномонгольских народов к воссоединению на новом витке исторического развития во вновь великую Ойротию. Но только теперь не в рамках средневекового единодержавного ханства, а в форме демократической республики нового времени.

Делегаты съезда, слушавшие доклад *Анучина*, в основной своей массе, конечно, мало что поняли из него. Большинство представителей родовых алтайских улусов не то что о науках, таких как история или этнография, не хочется обижать, но, понятное дело, вряд ли когда слышали, да и по-русски некоторые из делегатов с трудом говорили*. По воспоминаниям очевидцев, избранники алтайского народа без особого внимания слушали не только *Анучина*, но и других докладчиков, активно обсуждая в это время между собой, видимо, более насущные для себя проблемы, не реагируя поначалу даже на школьный колокольчик в руке председателя съезда *Гуркина* до тех пор, пока им не объяснили, что, когда звонят – нужно обязательно умолкать и слушать. Тем самым воистину, что называется, подтверждались, увы, самые худшие опасения политиков из меньшевистской партии, о которых мы говорили выше, что вести дискуссию по вопросам о национальном самоопределении с людьми, образовательный уровень которых находился, мягко говоря, ниже среднего, по меньшей мере было весьма проблематично. Как всегда в подобных случаях, послушный электорат просто использовали в интересах людей, более образованных, более грамотных и более продвинутых**.

Большинством голосов собрание волостных представителей Горного Алтая в результате плодотворно проведённой работы всё-таки одобрило предложенный президиумом план по созданию в ближайшей исторической перспективе Ойротской республики в составе алтайцев, хакасов, тувинцев, монголов и джунгарцев. На 28 июля 1918 г. в селе Кош-Агач, что располагалось в непосредственной близости от границы с Монголией, наметили провести объединительный съезд западномонгольских (ойротских) народов. Делегаты мартовского съезда и прежде всего, конечно, его организаторы, настолько увлеклись своими маниловскими прожектами, что даже вознамерились возродить столицу Чингизхановой империи город Каракорум, но только не на том месте, где его в конце XIX века по наводке *Григория Потанина* отыскал *Николай Ядринцев*, а на территории русского Горного Алтая, на правом берегу Катуни, между местечками Манжерок и Майма. Для подготовки великого объединительного съезда (курултая) избрали специальную комиссию в составе: кагана(!) *В.А. Анучина*, бая *Аргымая Кульджина* и сибирского областника В.К. Тюкина.

---

*Известно, что для осуществления большей коммуникации между делегатами съезда его организаторы вынуждены были пригласить аж трёх переводчиков.

**Многие из которых, не будем этого забывать, к тому же в силу разного рода причин идут и по пути всем известного доктора Фауста, продавая себя, раньше говорили, – дьяволу, теперь, принято говорить, что – неким людям, за некие деньги…

Что касается создания Горно-Алтайского территориального округа, то по данному вопросу также было принято большинством голосов положительное решение. Съезд утвердил специальное «Положение», согласно которому, на основании волеизъявления всего горноалтайского народа, новое территориальное образование выделялось из состава Алтайской и Томской губернии и провозглашалось Каракорум-Алтайским округом со своим окружным советом (распорядительный орган) и окружной управой (исполнительный орган), возглавил оба этих ведомства *Григорий Иванович Гуркин.*

Данным структурам тут же по окончании съезда был придан только что сформированный сводный русско-инородческий отряд, прозванный в народе каракорум-алтайской гвардией. Среди командиров данного подразделения находились: Михаил Чевалков (к сожалению, ни воинского звания, ни отчества этого человека нам найти не удалось) и офицер-фронтовик тридцатилетний *Александр Петрович Кайгородов*. Последний являлся по отцу русским, а по матери алтайцем, да и в Чевалкове, судя по фамилии, очень часто встречающейся среди тюрок Алтая, тоже текла, по всей видимости, наполовину инородческая кровь. Происхождение, надо полагать, сыграло не последнюю роль при назначении двух вышеупомянутых военспецов на командные должности в горноалтайскую гвардию. Ещё один – в будущем выдвиженец горноалтайского территориального воинства, также полукровка, – тридцатитрёхлетний штабс-капитан *Дмитрий Владимирович Сатунин,* находился в то время как раз в Кош-Агаче (в месте проведения предполагавшегося объединительного съезда), охранял имущество Монгольской экспедиции (государственно-кооперативного объединения по закупке за границей продовольствия).

Съезд, обсудив все свои проблемы, закончил работу 12 марта в торжественной обстановке с пением «Марсельезы» – величайшего революционного гимна всех, как говорится, времён и народов, ставшего в 1917–1918 гг. и временным гимном русских революционных демократов. Правда, нужно опять сделать оговорку, что вдохновенно пели «Марсельезу» в тот день в Улале лишь одни члены президиума съезда да ещё несколько приглашённых политконсультантов с образованием. Остальные участники инородческого форума, понятное дело, лишь, как могли, что-то подпевали, поскольку не только слов не знали, но и мелодию-то «Марсельезы» многие из них слышали впервые. Вечером того же дня в дань прежней, более привычной для всех традиции в улалинской церкви отслужили молебствие и освятили национальное знамя Горного Алтая.

Что касается предстоящих финансовых расходов, то они легли, как и прежде (в период зарождения движения бурханистов, а также во время подготовки и проведения Бийского и Улалинского съездов), вновь на плечи главным образом представителей богатейших семейств. Так, братья Кульджины внесли 90 тысяч рублей, а Даниил Тобоков – 10 тысяч (соответственно, – примерно, девять и один миллион на наши деньги).

Сразу же по завершении съезда у вновь образованных территориально-национальных органов власти Горного Алтая опять возникли проблемы сначала с уездным Бийском, а чуть позже и с губернским Барнаулом. Поводом для новых разборок послужил тот факт, что в управленческих структурах, утверждённых только что закончившимся съездом, не оказалось ни одного большевика, но были сплошь и рядом люди, не только близкие к правоэсеровской партии, но даже в ту пору ещё и состоявшие в ней. В довершении всего, когда пришло время решать, какие волости должны

остаться за Бийским уездом, а какие перейти под юрисдикцию нового территориального образования каракорумцев, начался ожесточённый спор и по этому вопросу. Ну а поскольку земельный передел являлся одной из самых сложных проблем русской революции, то и процесс размежевания между двумя субъектами Алтайской губернии вскоре вылился в настоящий вооружённый конфликт.

Первое такое столкновение произошло из-за горноалтайского села Тарханского, большинство населения которого, состоявшее по большей части из русскоязычных переселенцев, высказалось за то, чтобы остаться по-прежнему в Бийском уезде. С таким решением категорически не согласилась Улалинская окружная управа и тут же направила в село один из отрядов своей «национальной» гвардии, а из Бийска в ответ на это прибыло в Тарханское с десяток красногвардейцев. В ходе первой стычки горноалтайцам удалось взять верх над красногвардейцами, однако, как только подошли основные силы из Бийска, численный перевес сразу же оказался на их стороне, и результат противостояния, таким образом, был предрешён теперь уже в пользу красных. Тогда из Улалы для мирного разрешения возникшего конфликта в Тарханское прибыл окружной «министр» просвещения, знакомый нам уже *Георгий Токмашев*. Ему удалось каким-то образом договориться с командованием бийского отряда и тем самым уладить конфликт.

Но вскоре в районе села Мыюта под уже чуть ли не националистическими*, а также антисоветскими лозунгами начал беспредельничать отряд во главе с Михаилом Чевалковым, так что туда даже вынужден был срочно выехать сам председатель окружной управы *Григорий Гуркин* и учинить суд над не в меру разбушевавшимися земляками. Приговор вынесли очень быстро, и он оказался достаточно суров к нарушителям законности. Так, в частности, главному организатору беспорядков Чевалкову якобы даже присудили 10 лет исправительных работ.

Однако этим дело не закончилось, так как в мае из Омска в Улалу пожаловала очень представительная комиссия с достаточно внушительной воинской поддержкой во главе с большевиком Соболевским. Перед комиссией в Омске поставили конкретную задачу: выявить и ликвидировать рассадник сепаратистских и, главное, антибольшевистских настроений в Горном Алтае, что Соболевский с большим успехом и проделал. Все главные участники «заговора», которых удалось задержать, предстали перед судом революционного трибунала, в результате – некоторых из них приговорили аж к 20 годам каторжных работ**. Впрочем, суровые приговоры по горноалтайскому делу так и не вступили в законную силу, поскольку уже через несколько дней после их вынесения началось общесибирское вооружённое восстание, в результате победы которого все решения большевистского суда, естественно, сразу же оказались недействительными, более того, горноалтайских «дебоширов» новые власти, не задумываясь, тут же перевели в разряд доблестных борцов с советской властью.

---

*«Иер-су-хан-Алтай» или по русски: «Земля и воды Алтая – для алтайцев».

**По некоторым сведениям в этом революционном трибунале со стороны обвинения участвовал и *Григорий Гуркин*. Данный факт, а также некоторые другие эпизоды «сотрудничества с Советами» послужили впоследствии поводом для ареста *Гуркина* колчаковской контрразведкой, в результате чего он, по документально подтверждённым источникам, с декабря 1918 г. в течение 4-х месяцев находился под следствием и содержался в бийской тюрьме. Однако в апреле 1919 г. его всё-таки освободили, видимо, за недоказанностью улик, но под залог. Сам *Гуркин*, правда, в автобиографии указывал, что, спустя некоторое время он повторно был арестован колчаковцами и выпущен из бийской тюрьмы лишь за несколько дней до того, как в город вошли красные.

В первые же дни после получения сведений о начале общесибирского мятежа находившиеся на тот момент в Улале тайные противники советской власти тем же следом создали инициативную группу сопротивления во главе с Я.В. Плотниковым («Алтай», Бийск, от 23 июня 1918 г.). К ней примкнул скрывавшийся от преследования участник бийской подпольной офицерской организации М.С. Золотарёв. Вскоре эта группа официально провозгласила о создании Каракорум-Алтайского военно-революционного комитета Временного Сибирского правительства. При комитете сразу же организовали народную гвардию под командованием некоего Залесского.

Личный состав данного отряда вряд ли представлял собой грозную силу, всего белогвардейцев насчитывалось не более 20 человек, и вооружены они были в основном охотничьими дробовиками, и, тем не менее, открытое противостояние с красными началось. Лиха беда начало, как говорится, так что вскоре уже и первые победы дали о себе знать, в результате – удалось не только разоружить красный гарнизон, но даже арестовать большевистского эмиссара Соболевского. А 9 июня 1918 г. над Улалой уже развевалось знамя с надписью «*Да здравствует Временное Сибирское правительство, избранное Сибирской областной думой*», «*Да здравствует Сибирское Учредительное собрание*». Вслед за этим и в других сёлах Горного Алтая началось антисоветское движение и стали создаваться свои небольшие добровольческие отряды.

Однако в результате победы общесибирского вооруженного восстания планы горноалтайцев по созданию ойротского территориально-национального объединения навсегда канули в лету. Вместе с тем областнический проект по земскому самоуправлению Горного Алтая ещё некоторое время продолжал жить и даже получил своё развитие. Но об этом, уже более подробно, – в нашей (бог даст) следующей книге.

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ

ДАЛЬНИЙ ВОСТОК И ЗАБАЙКАЛЬЕ ПОД ФЛАГОМ ОБЛАСТНИЧЕСТВА

Персы более, чем было должно,
полюбили монархическое начало,
афиняне – свободу;
вот почему ни у тех, ни у других
нет умеренности.

Платон. Законы

1. Так называемый гамовский мятеж на территории Амурской области*

Не менее интересная ситуация в рамках рассматриваемой нами тематики сложилась на другом «краю света» – на Дальнем Востоке, а точнее на территории Амурской области, где 10 апреля 1918 г. была провозглашена автономная Амурская трудовая социалистическая республика, имевшая полноценный законодательный орган (в виде съезда Советов трудящихся), собственное правительство и даже свои денежные знаки, обеспеченные золотым запасом** местного Народного банка.

А история образования на территории Сибири ещё одной (третьей уже по счёту) территориальной автономии (самопровозглашённой автономной республики) такова. Уже в первый месяц после свершения Февральской революции в двух крупнейших городских центрах Дальнего Востока*** – Благовещенске и Хабаровске – удалось создать местные отделения сибирского областнического союза. Об этом, в частности, с большим удовлетворением сообщала своим многочисленным читателям ведущая газета сибирских автономистов томская «Сибирская жизнь» в номерах за 2 и 8 апреля 1917 г. В Благовещенске организацию назвали «Амурский союз республиканцев-федералистов», а возглавил её только что вернувшийся из эмиграции 39-летний

*В изложении данного материала мы использовали не только широкодоступные сведения из научной литературы и интернета, но также из не введённых ещё, по всей видимости, в научный оборот нескольких статей из ряда периодических изданий того времени, в частности из «Омского вестника» (№55 за 1918 г.), а также читинской газеты меньшевистского толка «Забайкальский рабочий» (№50 за 1918 г.).

**Амурская область имела на своей территории очень богатые золотоносные прииски в верховьях реки Зея, только что начавшиеся промышленно разрабатываться в тот период, то есть совсем ещё не оскудевшие.

***В тот период на Дальнем Востоке существовало 4 территориально-административных образования, это были области: Амурская (с центром в Благовещенске), Приморская (с центром во Владивостоке), а также Сахалинская и Камчатская. Столицей русского Дальнего Востока, или по-другому Приамурского генерал-губернаторства, объединявшего четыре данные области, а также Забайкалье (до 1906 г.), являлся город Хабаровск. Роль пограничных застав, прикрывавших российские земли вдоль Амура, выполняли станицы Амурского казачьего войска, путь китайским хунхузам в Приморье закрывали заставы Уссурийского казачьего войска.

эсер *Александр Николаевич Алексеевский*, в прошлом преподаватель Благовещенской духовной семинарии, а с 1907 г. – профессиональный революционер.

Выше мы уже упоминали о том, что амурские республиканцы-федералисты изначально считали, что не стоит объединять Сибирь и Дальний Восток в одну автономную республику, а что нужно предоставить каждой отдельной области права автономии в рамках единой Российской федерации. Не исключено, что данные вольнодумные идеи привнёс в благовещенский союз областников именно *А.Н. Алексеевский*. Он несколько последних лет прожил в Америке, где, видимо, и напитался новых веяний, так что по возвращении на родину в публичных выступлениях на данную тему постоянно заявлял, что мечтает видеть Россию федеративным государством с полусамостоятельными автономными областями-республиками в своём составе – по типу штатов Северной Америки или Канады.

Все эти, а также другие новомодные революционные идеи и тенденции, выходившие порой даже за рамки классического сибирского областничества, весьма встревожили дальневосточное краевое руководство. Поэтому уже в июле 1917 г. в Благовещенске по инициативе комиссара Временного правительства по Дальнему Востоку – ещё одного Александра Николаевича – *Русанова* было проведено специальное совещание по данному вопросу, на котором правительственный комиссар заявил о том, что в условиях общереволюционного стремления к децентрализации и самостоятельности необходимо всё-таки сохранять благоразумие и по возможности не допустить хотя бы распада общекраевых организационных структур на Дальнем Востоке. В связи с этим *Русанов* предложил два варианта будущего регионального управления: или в виде «особого расширенного земства», или в форме, действующей на постоянной основе Краевой думы по типу Сибирской областной, но и только после того, как одно из внесённых предложений пройдёт процедуру обсуждения и утверждения на заседаниях Всероссийского Учредительного собрания. На том, собственно, и порешили. Теперь оставалось дождаться лишь ноябрьских выборов в уездные и областные земства, которые, как предполагалось, в числе прочих вопросов займутся и конкретной доработкой выдвинутых *Русановым* предложений.

Однако в конце октября «неожиданно», почти как зима в России, нагрянула Октябрьская революция, и в планы по демократическому самоопределению дальневосточного края сразу же пришлось вносить значительные коррективы. На фоне разгоревшейся в связи с большевистским переворотом политической борьбы областнические тенденции на Дальнем Востоке получили новые направления или, так скажем, свой специфический оттенок.

В Благовещенске, как, впрочем, и во многих других местах, сначала все структуры прежней эсеровской власти попытались сорганизоваться в комитет по борьбе с возникшими после 25 октября «анархией» и «беззаконием». По инициативе выборного атамана Амурского казачьего войска тридцатилетнего *Ивана Гамова*, а также ставшего уже к тому времени городским головой *Александра Алексеевского* и при участии правительственного комиссара по Амурской области *Николая Кожевникова* был создан Комитет общественного порядка (КОП), призванный, по мысли его организаторов, обеспечить руководящий контроль над всеми властными структурами Амурской области на период, пока не будет подавлен большевистский мятеж в столице или, на перспективу, до той поры, пока не вынесет своё решение по данному вопросу законно избранное Всероссийское Учредительное собрание.

Однако уже через неделю этому, казалось, незыблемому триумвирату пришлось поделиться частью своих полномочий и допустить в КОП представителей от воинских частей, а также от местного Совета рабочих и солдатских депутатов. Причиной случившегося явилось давление со стороны решительно настроенных революционных низов и главным образом солдатских масс. Последних представляли расквартированные в городе части 8-го резервного ополченческого корпуса, а также личный состав экипажей Амурской речной военной флотилии. В итоге: именно таким способом удалось формально соблюсти на первых порах паритет между демократами и левыми социалистами в Благовещенске.

Но 19 ноября данный баланс сил нарушило собравшееся на своё первое заседание только что избранное Амурское областное земское собрание, которое первым же своим решением приняло постановление о непризнании власти большевистского Совета народных комиссаров. Этот почин спустя несколько дней поддержала и Владивостокская городская дума, после чего она обратилась за помощью к находившимся в городе консульствам Японии, США и Франции, прося их принять срочные меры по защите интересов притесняемой большевиками российской демократии.

Однако что могли сделать союзники, не имевшие в тот период никаких воинских контингентов на территории Дальнего Востока? Лишь совсем небольшой отряд японской милиции (японских городовых) был направлен в Благовещенск и то главным образом для того, чтобы охранять спокойствие подданных Страны восходящего солнца, по делам службы или коммерции проживавших в России. Вот и вся возможная иностранная помощь на тот момент. Уповать, в частности, благовещенским демократам, первым поднявшим знамя борьбы с советской властью на Дальнем Востоке, пришлось, таким образом, только на собственные силы в лице одного казачьего дивизиона, отряда гражданской милиции, подчинявшегося городскому самоуправлению, да на небольшую группу офицеров, объединённых в Комитет по борьбе с анархией. На стороне же большевиков, как мы указывали, находились: два полка резервистов, личный состав двух артиллерийских батарей с 4 орудиями, матросы военной флотилии, а также только что начавшие формироваться отряды рабочей гвардии.

Точно такой же относительный баланс сил сохранялся и в бывшей столице Приамурского генерал-губернаторства в городе Хабаровске. Но здесь до декабря 1917 г. формально сохранял ещё свою власть бывший «наместник» Временного правительства на Дальнем Востоке – революционный комиссар *Александр Николаевич Русанов*. 11 декабря он собрал в Хабаровске съезд представителей земских и городских самоуправлений, для того чтобы передать выборным от этих делегатов распорядительную власть в регионе. Однако в Хабаровск приехало тогда всего лишь 9 человек, причём полностью отсутствовали уполномоченные от Сахалинской и Камчатской областей, так что съезд как таковой не получился, а состоялась лишь, как признавали сами участники данного собрания, расширенная конференция представителей самоуправлений.

Но и это количество делегатов *Русанов* посчитал в тех условиях вполне достаточным для того, чтобы полностью осуществить задуманное им мероприятие по передаче собственной власти над краем коллегиальному земскому органу. Вдобавок ко всему Александр Николаевич в очередной раз призвал всех присутствовавших на конференции делегатов не исполнять распоряжения Советов, что послужило формальным поводом для весьма скорого ареста бывшего правительственного комисса-

ра, осуществлённого по негласному распоряжению новоявленного большевистского вождя Приморья и Приамурья *А.М. Краснощёкова (Тобинсона*). Однако, даже несмотря на потерю своего лидера, участники конференции всё-таки нашли вполне возможным продолжить работу и избрали из числа присутствующих, а также пока не явившихся на съезд делегатов так называемое Временное бюро земств и городов и вынесли постановление, предписывавшее всем земским структурам региона исполнять распоряжения только данного бюро, но не Советов. Во Временное бюро вошло 6 человек – формально по одному представителю от каждой области и двух казачьих войск, Амурского и Уссурийского.

Надо сказать, что тридцатисемилетний *Александр Михайлович Краснощёков*, он же Абрам Моисеевич Тобинсон, лишь недавно прибыл в Хабаровск, причём в качестве делегата сразу двух съездов. Сначала он, как представитель (по подложным документам) городской думы Никольск-Уссурийского (теперь Уссурийск), поприсутствовал на заседаниях земского совещания и послушал вдохновенные речи *Александра Русанова*, а потом уже как вполне законный делегат от Никольск-Уссурийского Совета рабочих и солдатских депутатов принял активнейшее участие в работе III Дальневосточного съезда Советов, проходившего с 12-го по 20 декабря тут же, в Хабаровске.

Последний съезд, в свою очередь, провозгласил на территории всего региона власть Советов и призвал население исполнять распоряжение только новой власти. На съезде также было образовано собственное исполнительное бюро, получившее название Дальневосточного краевого комитета Совета рабочих и крестьянских депутатов и самоуправлений. Намереваясь по-прежнему сохранять коалицию с правыми социалистами, большевики и левые эсеры, получившие в Комитете 12 мест, привлекли к работе в нём ещё и 5 представителей от земств. Председателем Краевого комитета стал *Александр Краснощёков*. Уникальная ситуация взаимовыгодного политического компромисса, несомненно, могла принести большую пользу общему революционному делу, если бы не разгон Учредительного собрания. После этого акта политического вандализма дальнейшее перемирие сразу же оказалось невозможным, и борьба возобновилась с новой силой.

10 января 1918 г. в Благовещенске представителям дальневосточных земств и городов удалось, наконец, собрать свой полноценный съезд, на котором присутствовало уже 17 делегатов. Участники съезда во главе с председателем Временного бюро хабаровским городским головой, правым эсером М.И. Тимофеевым, хотели провести резолюцию о недоверии советской власти и в очередной раз попытались добиться провозглашения верховенства земств в управлении регионом, а не Советов. И в качестве одной из мер в данном направлении Тимофеев предложил тогда объединить Сибирь, Приморье и Приамурье в единую автономию под эгидой Сибирской областной думы, в то самое время как раз собиравшейся начать свою работу в Томске.

Однако 9 человек (большинство съезда) представителей от городских самоуправлений Владивостока и Никольск-Уссурийского, голосовавших под неусыпным руководством *Краснощёкова-Тобинсона*, поддержали совсем другую резолюцию, провозгласившую, что «единственным органом временной краевой власти объявляется Дальневосточный краевой Совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов и самоуправлений для ведения общих краевых дел и сношений с центральной властью». Опять политика возможного компромисса... но после событий 5–7 января в

Петрограде, выражаясь патетически, мосты уже догорали, и обратного пути к сближению больше не существовало. А вскоре из российской столицы полетели в регион и гневные телеграммы из ЦК большевиков, обвинявших местных функционеров в излишнем заигрывании с оппозицией и требовавших более решительных мер по полной передаче власти на Дальнем Востоке в руки Советов.

И началось... Первым под натиском диктатуры большевиков пал Владивосток, где у коммунистов под рукой имелся в наличии достаточно большой контингент портовых и ремесленных рабочих, солдаты городского гарнизона, и ещё – верные соколы революции – матросы Тихоокеанского военного флота, не такого многочисленного, как теперь, но всё-таки. В Хабаровске передача власти в руки Советов тоже вроде бы прошла без особых проблем, но вот в Благовещенске большевикам очень долго не удавалось взять ситуацию под свой полный контроль.

И главным камнем преткновения на этом пути оказался казачий дивизион из состава Амурского полка, беспрекословно даже в условиях революционной анархии подчинявшийся своему командиру и одновременно атаману Амурского казачьего войска *Ивану Михайловичу Гамову*, в прошлом простому школьному учителю, одному из пионеров кооперативного движения на Дальнем Востоке, а также первому и единственному на тот момент депутату Государственной думы от Амурского и Уссурийского казачьих войск. Авторитет тридцатилетнего выборного атамана, видимо, являлся настолько прочным, что на расквартированных в Благовещенске казаков не могли подействовать ни агитация большевиков, ни разлагающая дисциплину революционная вседозволенность. Амурские казаки вряд ли были из числа зажиточных, но, тем не менее, продолжали стоять за земскую власть. Политические взгляды и деятельность Ивана Гамова, видимо, в немалой степени способствовали такому положению вещей. До революции Иван Михайлович сочувствовал кадетам, а с 1917 г., по некоторым данным, вступил в члены партии эсеров. В советской историографии он представлялся обычно как атаман-разбойник, что конечно же абсолютно неверно. Сколько опороченных понапрасну людей... Просто диву даёшься иногда, когда читаешь! Однако то же самое продолжается порой и сейчас, в постсоветское время, но только в отношении теперь уже людей из противоположного политического лагеря. Ну и доколе?..

17 января *Иван Гамов* вместе с возглавляемым им войсковым правлением собрали в Благовещенске очередной IV круг Амурского казачьего войска, делегаты которого вынесли однозначно категоричное по сути своей постановление о непризнании советской власти, потребовали вернуть все полномочия земским и городским самоуправлениям, а также заявили, что «амурское казачество всеми мерами будет бороться против всяких посягательств на узурпацию прав городского и земского самоуправления, созданных на основе всеобщего избирательного права». Попутно при новых перевыборах в члены войскового правления ввели бывшего областного комиссара Временного правительства правого эсера *Николая Григорьевича Кожевникова*. Городской голова Благовещенска *Александр Николаевич Алексеевский* в качестве члена Учредительного собрания находился в это время в Петрограде с полномочиями – официально объявить делегатам всероссийского конституционного форума о претензиях Дальнего Востока на создание автономного краевого территориального объединения, но не пришлось... Так что амурцу *Алексеевскому* (как чуть раньше алтайцу *Гуркину*) пришлось ни с чем возвращаться назад домой.

Благовещенские большевики во главе с сорокалетним *Фёдором Мухиным*, беспрекословно выполняя указания центра, вместе с тем взялись за реализацию плана по нейтрализации земства постепенно и не спеша. Сначала они обеспечили себе абсолютное большинство в городском и областном Советах депутатов с целью закрепить за собой возможность проводить через эти структуры любое из своих решений. Так, в середине февраля городской исполком вынес постановление о разоружении офицерского отряда из Комитета по борьбе с анархией. 17-го и 18 февраля силами местного гарнизона большевики провели обыск в помещениях данного комитета и изъяли всё находившееся там оружие, а также попытались разоружить ещё и нескольких казачьих офицеров, при обыске попавшихся им под руку. В довершение всего они устроили обыск в одном из номеров кондрашевской гостиницы, где проживал на тот момент сам атаман *И.М. Гамов*. В ходе проводимых мероприятий возникло несколько вооруженных стычек, в том числе и с казаками, заканчивавшихся не всегда в пользу большевиков, в результате чего последние вынуждены были ретироваться и даже принести свои извинения войсковому правлению, а также лично атаману *Гамову*.

Однако время шло, и влияние крайне левых в городе и области день ото дня усиливалось. Всё мог решить IV областной крестьянский съезд, то есть съезд представителей от подавляющего большинства населения Амурской области. Чью сторону делегаты съезда выбрали бы, та политическая сила и получала практически стопроцентный шанс на победу в схватке за власть. Для проведения агитационной пропаганды на съезд от городского и областного Советов прибыли ведущие работники. Мало того, из самого краевого центра, Хабаровска, ко дню открытия крестьянского съезда приехала весьма представительная делегация во главе с самим *А.М. Краснощёковым*. И дело пошло на «лад». В своих решениях делегаты от крестьянских общин всё-таки высказались за передачу всей полноты власти в области в руки Советов, а в довершение данного вопроса вынесли постановление о роспуске городского и земского самоуправлений.

На основании мандата, полученного от съезда, на следующий же день по его окончании, 5 марта, группа уполномоченных от городского исполкома явилась в здание областной земской управы, размещавшейся в резиденции бывшего областного губернатора, и попросила присутствовавших там служащих очистить помещения. Однако председатель управы Н.Н. Родионов категорически воспротивился данному требованию, а вместе с ним отказались его выполнить и большинство коллег Родионова. Тогда прибывший из комендатуры караул арестовал и опечатал всю документацию управы, а у столов продолжавших свою работу служащих были выставлены посты. Во второй половине дня члены управы отправились на обед, а когда они вернулись, то их уже больше не пустили в здание. Вооруженные люди вежливо предложили им на следующий день явиться в Совет рабочих и солдатских депутатов и возобновить свою работу в комитетах советской исполнительной власти, соответствовавших профилю их прежней деятельности в земстве. Вечером того же дня в помещении ещё пока не разогнанной городской управы состоялось экстренное совещание земских деятелей, на котором, видимо, горячо обсуждались события минувшего вторника и наверняка высказывались мнения, что так больше продолжаться не может и что нужно же, наконец, что-то делать...

На следующий день, а точнее утром 6 марта стало известно ещё об одной жертве политических разборок: по распоряжению исполкома был арестован начальник

гражданской милиции (подчинявшейся, как мы уже отмечали, городскому самоуправлению) офицер Языков*. А вслед за ним большевики взяли под стражу и нескольких японских граждан**, обвинённых в шпионаже и в подстрекательстве к мятежу. И вот эта, если можно так выразиться, капля и переполнила, в конце концов, чашу всеобщего терпения. Из числа чинов гражданской милиции, а также членов распущенного офицерского комитета по борьбе с анархией стали тут же формироваться небольшие добровольческие команды для вооруженного сопротивления большевистской диктатуре. По некоторым сведениям, в тот же день к ним присоединилась довольно значительная группа офицеров и юнкеров (80 человек), ночью тайно перешедших по льду Амура из соседнего Китая. Ситуация в городе обострялась с каждым часом. Большевики, чувствуя, что в воздухе отчётливо уже запахло жареным, немедленно дали команду взять под усиленную охрану телеграф и центральную телефонную станцию, а также стянули наиболее верные им части городского гарнизона к зданию исполкома.

В семь часов вечера 6 марта, как только начало смеркаться, к исполкому стали стекаться возмущённые политическим произволом жители города, а также группы из числа чинов городской милиции, в составе которых находились уже вооруженные и готовые к решительным действиям боевики, сюда же прибыл и отряд японской милиции. Все они потребовали немедленного освобождения задержанных утром того дня – Языкова и иностранцев. Видя, что ситуация уже накалена до предела, руководство исполкома приняло решение – немедленно и без всяких условий освободить арестованных. Однако эта запоздалая уступка явно не разрядила всеобщего напряжения, поскольку окружившие здание исполкома люди и не думали расходиться даже после выполнения первичных своих требований***. А в десятом часу вечера прозвучали уже и первые выстрелы. Кто их сделал, определить впоследствии так и не удалось, каждая из сторон, естественно, обвиняла в случившемся своих противников, что, собственно, не суть важно. Главное состояло в том, что началась серьёзная драка, которую, к сожалению, уже трудно было остановить. Вскоре появились и первые жертвы.

Оборонявшиеся укрылись за толстыми стенами здания исполкома, а нападавшие заняли позиции во рву близ находившегося рядом городского сада. Ситуация «зависла» и могла находиться в таком состоянии сколь угодно долго, поскольку на тот момент никто пока не хотел рисковать и переходить к решительным действиям. В этой своего рода патовой ситуации противоборствующие стороны всё-таки решили пойти на переговоры и прибегли к посредничеству казачьей войсковой управы, в помещении которой собрались в ночь на 7 марта представители от демократического самоуправления и от Советов; атаман *Гамов* занял на первых порах позицию примирителя сторон. Основная задача переговоров состояла в том, чтобы как можно скорее и на взаимно выгодных условиях прекратить разгоревшийся не на шутку (какие уж

*Некоторые источники сообщают, что капитан Языков до этого успел послужить у атамана *Семёнова*.

**Косвенной причиной последнего ареста, кстати, послужила заметка в одной из благовещенских газет, вышедших накануне, о том, что японским правительством-де выставлен земским деятелям Дальнего Востока ультиматум: к утру 6 марта покончить с властью Советов в регионе, в противном случае Страна восходящего солнца начнёт прямую интервенцию против России.

***Следующим условием стало разоружение подконтрольных большевикам частей городского гарнизона, а также расформирование отрядов рабочей гвардии, но оно было выдвинуто немного позже.

тут шутки!) конфликт, предотвращая тем самым большое количество человеческих жертв с обеих сторон.

От группы земцев последовало предложение: для начала разоружить одновременно городскую милицию и рабочую гвардию, после чего из представителей самоуправлений и Советов создать коалиционный орган власти – Народный совет. Возглавлявший большевистскую делегацию *Фёдор Мухин* отказался категорически рассматривать вторую часть данного предложения, опираясь на решение крестьянского съезда о передаче всей полноты власти в Амурской области раз и навсегда в руки Советов. По первой части у него также имелись некоторые замечания. Он и его товарищи настаивали на том, чтобы гражданская милиция, в силу того что именно она, по их мнению, развязала вооруженный конфликт, первой сложила оружие и разошлась по домам, и только после этого то же самое готовы будут сделать-де и отряды Красной гвардии.

Никакие уговоры в плане того, чтобы согласиться каким-то образом с предложениями оппозиции, на красных не подействовали, и тогда земцы решили поступить, прямо скажем, не по-джентельменски: они, пользуясь случаем, взяли под арест всю большевистскую делегацию, причём в том же самом месте, где, собственно, и шли переговоры, то есть в помещении казачьей управы. А после того, как восставшие отбили у Советов тюрьму, *Мухина* и его товарищей сразу отправили туда, то есть в более надёжное при любых обстоятельствах место. Там же вскоре оказалась и часть военнослужащих Благовещенского гарнизона, сочувствовавшая большевикам, но в тот момент проявившая нерешительность и оттого с лёгкостью разоруженная прямо в своих казармах. Всего арестованных оказалось около 500 человек, так что мест для всех не хватило, и земцам, кроме того, что они выпустили на свободу своих соратников политзаключённых, пришлось освободить ещё и значительную часть уголовных преступников*.

В качестве трофеев мятежникам достались четыре пушки от двух артиллерийских батарей, также разоруженных в самом начале восстания; после таких «дивидендов» шансы на успех у взбунтовавшихся оппозиционеров значительно возросли. Со времён Наполеона известно, что артиллерия – не только бог войны, но и главное оружие любого вообще вооруженного противостояния, и в чьих руках она оказывается или преобладает, тот, как правило, и побеждает. Так во время декабрьских боёв 1917 г. в Иркутске именно наличие артиллерии у большевиков обеспечило им победу в противостоянии с юнкерами, у которых было лишь небольшое количество учебных бомбомётов (гранатомётов). В Благовещенске на первых порах, к счастью для восставших, всё оказалось совсем наоборот.

Перевозимые на конной тяге из одной части города в другую и наводимые умелыми руками и глазомером офицеров-артиллеристов, орудия эти оказали неоценимую услугу при штурме большевистских цитаделей в ночь на 7 марта. Первыми пали телеграф и центральная телефонная станция, где сразу же выставили караулы земской милиции, потом огонь орудий был открыт по зданию исполкома, обитатели которого, не выдержав столь стремительной и ожесточённой осады, да к тому же лишённые

*Так происходило в те революционные годы довольно часто и, понятное дело, не только в Благовещенске. Нехватка мест в тюрьмах для политических приводила к тому, что уголовные элементы, как правило, досрочно и в большом количестве оказывались на свободе, отчего криминогенная обстановка в российских городах в тот период также являлась очень напряжённой.

части своего руководства, к утру приняли решение о полной капитуляции и сдались в плен. Среди арестованных в здании исполкома оказалась, в том числе, и делегация Хабаровского краевого Совета во главе с *Краснощёковым-Тобинсоном*, который, как поговаривали в народе, пытался вроде бы как даже застрелиться, видя безвыходность своего положения и опасаясь самосуда при аресте. Однако обошлось без лишних эксцессов, и всех задержанных в здании исполкома под надёжной охраной также отправили в городскую тюрьму.

Упорное сопротивление мятежникам, как и ожидалось, оказали лишь рабочие-красногвардейцы главным образом с Чепуринского завода, а также матросы Амурской военной флотилии и всё. Да и они ничего не смогли противопоставить артиллерии восставших, так что уже к утру 7 марта красные вынуждено оставили свои позиции и отступили за черту города до деревни Астрахановка, что располагалась в семи километрах севернее Благовещенска. И этот маршрут отступления, надо отметить, оказался настолько удачным, что во многом именно он в конечно итоге повлиял на исход всего вооруженного противостояния. Большевики, надо отдать им должное, грамотно используя представившийся счастливый случай (а он, как известно, – второй бог), всё разыграли тогда, почти как по нотам, или, выражаясь шахматным языком, как при весьма хорошей сицилианской защите.

Во-первых, в Астрахановке находились на зимней стоянке две канонерские лодки и один бронированный катер с вооружением. А каждая речная канонерка имела на борту как минимум два артиллерийских орудия, не считая пулемётов. Таким образом, у большевиков оказалась под рукой полноценная артиллерийская батарея, правда стационарная (в скованном льдом состоянии), ну да не беда, дальнобойности ей вполне хватало, чтобы накрыть своими снарядами линию фронта на подступах к Астрахановке. В этом состоял первый «дивиденд» уже отступавшей стороны.

Второй заключался в том, что Астрахановка находилась вблизи железнодорожной линии, соединявшей Благовещенск с основной веткой Транссибирской железнодорожной магистрали. Таким образом, потеря Астрахановки нарушала все планы восставших, главной целью которых являлось пробиться к Транссибу, к узловой станции Белогорск и перерезать железнодорожное сообщение советского Дальнего Востока с ближайшей «метрополией» – Сибирью*. К тому же на станции Белогорск временно расположился ждущий отправки на запад целый полк демобилизованных солдат из Владивостока, которых, если сильно постараться, вполне можно было сагитировать в свою пользу или, на худой конец, нанять за деньги. В Госбанке Благовещенска, например, хранился тогда запас золота более чем на 40 миллионов рублей, этот драгметалл большевики в условиях жесточайшего цейтнота не успели вывезти при отступлении, и оно всё до последнего слитка досталось земцам.

Они 7 марта произвели в Благовещенске последние аресты остававшихся ещё на свободе представителей советской власти, объявили в городе военное положение и приостановили на один день выход всех городских газет. Освободившиеся таким образом типографские мощности земцы задействовали для печатания воззваний к населению, объявлений и прокламаций. Из них, в частности, жители города в тот же день

*То, что *Гамов* рвался к Белогорску, наводит на мысль, что он действовал в рамках единого плана, разработанного то ли в Харбине в стане русской эмиграции, то ли ещё где-то, поскольку чуть раньше, во второй половине февраля, начал своё второе наступление, направленное также на прорыв к Сибирской железнодорожной магистрали, и атаман *Семёнов*.

узнали, что власть большевиков и подручных им Советов в результате вооруженного восстания низложена, что все полномочия по гражданскому управлению переданы в руки Народного совета, составленного из представителей городского и земского самоуправлений во главе с бывшим областным комиссаром Временного правительства *Н.Г. Кожевниковым*, а военная власть находится в руках военного совета под председательством атамана Амурского казачьего войска *И.М. Гамова*. С того самого момента благовещенский вооруженный мятеж антибольшевистской оппозиции и получил, собственно, название «гамовского».

8-го числа, не откладывая дел в долгий ящик, мятежники начали штурмовать Астрахановку. На железнодорожную платформу земцы погрузили одно из своих артиллерийских орудий, пулемёты, а также живую силу – получилось что-то похожее на бронепоезд, – и всё это по железной дороге они отправили в сторону передовых позиций красных. Однако наступление, на которое возлагалось столько надежд, практически сразу же захлебнулось, поскольку было встречено плотным артиллерийским огнём из всех орудий с двух канонерских лодок, а также пулемётными очередями. После чего наступавшим пришлось надолго залечь в укрытия, а многообещающая лихая атака, таким образом, превратилась в затяжной и изматывающий позиционный бой. К тому же красные в конце дня совершили обходной маневр, вынудив противника оставить занятые позиции и отступить немного назад. 9 марта Гамов предложил двухдневное перемирие, формально для того, чтобы вынести с поля боя убитых и раненых, а в действительности – чтобы перегруппировать собственные силы.

Большевики сразу же согласились на показавшиеся им весьма выгодными условия. Они ожидали в ближайшие дни пополнений из Хабаровска и Читы, и затяжка времени оказалась им только на руку. Для земцев же объявленное двухдневное перемирие совсем не пошло впрок. Обещанных резервов из китайского Сахаляна они так и не получили, а дороги к союзным для них казачьим станицам красные успели плотно заблокировать. Оставалось уповать только на местное городское население, и *Гамов* своим специальным указом объявил о мобилизации в земскую армию всего мужского населения в возрасте от 18 до 50 лет. Однако и эта акция не дала желаемых результатов, горожане, видя, что мятеж начинает захлёбываться, не очень-то и стремились на фронт под пули и, может быть, на верную смерть. В общем, многих приходилось чуть ли не силой вытаскивать из их домов и приводить под конвоем в расположение повстанческих частей. Вполне понятно, что проку от таких вояк оказалось не очень много.

Совсем другая обстановка складывалась в те дни в Астрахановке, туда на протяжении 9-го, 10-го и 11 марта всё прибывали и прибывали свежие силы красногвардейцев из Владивостока, Читы и Хабаровска со своим вооружением и даже артиллерией. Плюс ко всему красным удалось сагитировать в свою пользу тот самый полк демобилизованных солдат, что находился на станции Белогорск. Военнослужащие данной воинской части, как и большинство российских пехотинцев, являлись выходцами, как правило, из крестьянского сословия, и им было конечно же далеко не всё равно то, что происходило в те дни вокруг них. Большевистское правительство реально даровало им под раздачу помещичьи земли и разрешило вернуться из казарм домой. И вот теперь какие-то там земцы пытались всё это якобы обратить вспять. Ан нет... Как видим, здесь достаточно простая арифметика, очень легко слагаемая и склоняемая на любую даже самую незатейливую левацкую агитацию. В итоге в

Астрахановке собрались весьма внушительные силы, значительно превосходившие численностью своего личного состава вооруженные формирования земско-белогвардейской оппозиции.

Понимая, что чаша весов начинает медленно, но верно клониться в их сторону, большевики одиннадцатого марта предъявили противоборствующей стороне ультиматум: освободить из тюрем политических заключённых и во избежание напрасных жертв немедленно и без лишних проволочек сложить оружие. Однако из Благовещенска последовал категорический отказ выполнить оба этих требования. И тогда рано утром двенадцатого числа начался штурм города. Красные наступали тремя организованными колоннами, два отряда двигались из Астрахановки в направлении железнодорожного вокзала, где были сосредоточены основные силы обороняющихся повстанцев. Третья группа выдвинулась из деревни Владимировка и, продвигаясь по левому берегу Зеи, планировала захватить речной затон. Задуманную операцию ей удалось осуществить практически с ходу, после чего данная группа стала пробиваться сначала к центру города, а потом – к железнодорожному вокзалу на подмогу к своим товарищам.

К шести часам вечера этот главный и последний оплот вооруженной оппозиции также оказался в руках красных. А вскоре над Благовещенском стали сгущаться вечерние сумерки и практически уже прекратившие к тому времени сопротивление участники гамовского мятежа начали небольшими группами по льду Амура потихоньку перебираться на китайскую сторону – в город Сахалян. Он стал в последующие шесть месяцев приютом не только для военных, но и для многих гражданских лиц, не пожелавших оставаться в советском Благовещенске. Ушёл за границу вместе со всем своим немногочисленным казачьим отрядом и атаман *Гамов*, прихватив с собой, по официальным источникам, те самые 40 миллионов золотом, что хранились в местном отделении Госбанка. Вывезенные денежные средства, по заявлению атамана, он потом передал в Харбин в распоряжение российского управления КВЖД во главе с генералом *Д.Л. Хорватом*.

Прямо, что называется, «с корабля на бал» попал в те дни, вернувшийся из Петрограда, с заседаний распущенного Учредительного собрания (дорога заняла почти месяц) городской голова *Алексеевский*. Он тут же оказался в руках победивших большевиков, несколькими днями ранее захвативших Благовещенск и рыскавших по городу в поисках людей из числа своих непримиримых противников. Бывший теперь уже городской голова как нельзя лучше подходил, видимо, под эту самую категорию, поскольку сразу же был арестован и сопровождён в тюрьму, в которой пробыл до самого сентября 1918 г., пока его не освободили доблестные повстанческие части 1-го Средне-Сибирского и Чехословацкого корпусов при посредническом участии японских (надо признать, что оккупационных конечно же) войск.

Здесь, в Благовещенской тюрьме, между прочим, *Александр Алексеевский* и узнал спустя месяц после своего ареста о том, что сбылась, наконец, его заветная мечта: на территории Амурской области провозгласили образование автономной республики. Однако вот незадача: Амурская автономная республика оказалась представлена не в земском исполнении, как о том мечтал Алексеевский и его товарищи, а в советском, для них вряд ли каким-то образом вообще приемлемом. С 1 по 10 апреля в Благовещенске проходил съезд победителей, официально называвшийся «объединённый съезд Советов трудящихся и казачества Амурской области», на котором и было при-

нято решение о создании Амурской трудовой социалистической республики в рамках РСФСР. Избранное чуть позже правительство республики (Совет народных комиссаров) возглавил *Фёдор Никанорович Мухин*.

Амурский совнарком сразу же после сформирования начал первым делом печатать свои собственные денежные знаки, прозванные в народе «мухинками»*. Они имели хождение, кстати, не только на территории Амурской республики, но и официально, с разрешения Хабаровска крайисполкома, по всему советскому Дальнему Востоку. В кругах дальневосточного общества, не симпатизировавших большевикам, правда, иногда злорадно подшучивали, вспоминая дореволюционное прошлое *Мухина*** на предмет того, являются ли его деньги настоящими... А может быть – только бумажками, равными по цене конфетным фантикам? Но они ошибались, «мухинки» обеспечивались золотым запасом Амурского народного банка, опять в течение нескольких месяцев пополнившегося за счёт национализированных зейских приисков на несколько сот тысяч рублей***. На эти средства, в частности, началось проведение целого рядя социальных реформ в области сельского хозяйства, народного образования, медицинского обслуживания и т.д.

В порубежном китайском Сахаляне потрёпанные выпавшими на их долю неудачами благовещенские земцы также не теряли времени даром. Ими было создано Бюро самоуправлений Амурской области, которое в силу имевшихся у него средств и возможностей начало готовиться к новому витку противостояния с советской властью, но только теперь уже в рамках общерегионального вооруженного выступления. Случилось оно, как мы уже не раз отмечали, летом 1918 г., в результате чего Благовещенск 18 сентября оказался полностью освобождён от красных. В тот же день Бюро самоуправлений переправилось через Амур в родной город (а за день до того то же самое тайно проделал и атаман *Гамов* со своими казаками) и провозгласило о восстановлении на территории Амурской области власти земского и городского самоуправлений. А вышедший из тюрьмы *Александр Алексеевский* вскоре возглавил её административные структуры.

В условиях полной административной неразберихи, царившей в те дни на Дальнем Востоке, когда за власть над регионом боролись сразу три правительства (*П.В. Вологодского, Д.Л. Хорвата и П.Я. Дербера*), *Алексеевский*, пока суд да дело, принял решение не подчиняться на первых порах ни одному из них, в связи с чем, провозгласил о создании (вернее о воссоздании теперь уже) автономной Амурской респу-

*Примечательно, что на первых порах амурские большевики-автономисты использовали для изготовления денежных купюр несколько видоизменённые клише, заготовленные ещё в конце 1917 г. по распоряжению *А.Н. Алексеевского*, первым на основании решения Благовещенской городской думы начавшим печатать свои, родные, амурские разменные дензнаки достоинством в 1 и 3 рубля. Получается, что *Мухин и Алексеевский* были в определённом смысле два сапога пара, только вот из разных партий (в прямом и переносном смысле этого слова).

**В 1908 г. *Мухин*, уже являясь к тому времени членом РСДРП(м), участвовал в сбыте поддельных денежных купюр, изготовлявшихся группой фальшивомонетчиков, проживавших некоторое время на его благовещенской квартире. *Фёдора Мухина* в 1917 г. даже исключили за это из местной меньшевистской организации РСДРП. Однако большевики в отличие от бывших коллег по объединённой партии восприняли тот давний проступок как необходимое зло во имя революции и приняли *Мухина* в ноябре того же года в свои сплочённые ряды.

***С целью укрепления финансового положения советской власти в городе комиссар финансов Н. И. Кузнецов объявил об ограничении выдачи денег из банка до 150 руб. в неделю и потребовал сдать всё золото в Благовещенский банк как народное достояние. Последнее постановление «оправдывало» начавшуюся чуть позже конфискацию золота у зажиточной части населения.

блики, только на этот раз уже немного другой ориентации: не советской – левой, а земско-эсеровской, то есть умеренно левой. Продержалось это новое-старое территориальное образование ещё ровно два месяца и прекратило своё существование 17 ноября 1918 г., в самый канун правоконсервативного колчаковского переворота, что тоже весьма символично, а может быть, даже и опосредованно.

2. «Царство» Семёнова

Теперь что касается истории с атаманом *Семёновым*, вернее её продолжения. Она имела целый ряд интересных особенностей, которым, как представляется, также необходимо уделить немного внимания. Мы уже рассказывали в начале нашей книги о том, что небольшой воинский контингент есаула *Семёнова* под названием Особый Маньчжурский отряд, с ноября 1917 г. дислоцировавшийся, собственно, на китайской станции Маньчжурия, в середине января 1918 г. предпринял первую попытку прорваться к узловой станции Карымская в Забайкалье (300 км на север от китайской границы), для того чтобы прервать железнодорожное сообщение Дальнего Востока с Сибирью, а также с европейской частью России, находившимися в тот период под властью большевиков. Эта попытка закончилась полным провалом. Однако надежд на скорый реванш атаман Семёнов не потерял, и в феврале его отряд сделал ещё несколько вооруженных вылазок в направлении станции Оловянная (200 км от китайской границы), но также определённых успехов не добился. В конце февраля большевистские части в составе нескольких красногвардейских подразделений, а также 1-го Аргунского казачьего полка под общим командованием левого эсера, бывшего прапорщика *Лазо*, нанесли семёновцам сокрушительное поражение и в начале марта вынудили их полностью очистить советскую территорию, выдворив за китайскую границу.

В тот же период у семёновцев возникли некоторые проблемы также и с китайскими властями, которые опасались того, что советские войска могут в погоне за разгромленными частями ОМО также перейти русско-китайскую границу и, не дай бог, как говорится, устроить экспорт пролетарской революции на сопредельную территорию. Особенно власти Поднебесной, а также представители других великих держав на Дальнем Востоке опасались вторжения частей *Лазо* в район КВЖД, на которую формально распространялась власть русской администрации и на которую вполне, таким образом, могли претендовать большевики. Была и ещё одна причина недовольства китайцев пребыванием *Семёнова* на их территории. Правительство этой страны очень беспокоили планы атамана по объединению бурятов и монголов в единую территориальную автономию с последующим вхождением её в состав России.

С целью предотвращения возможного экспорта революции китайское правительство заключило с представителями Центросибири договор, в соответствии с которым красные части не имели права вступать на территорию КВЖД, а китайские власти обязывались до 5 апреля 1918 г. включительно не допускать проникновения семёновских войск на советскую территорию. Почему было выбрано именно 5 апреля – станет вполне понятно, если внимательно присмотреться к ходу дальнейших событий. А именно: в тот день во Владивостоке высадились японский и английский воинские десанты. Формальным поводом для такой провокации (по-другому это и не назовёшь) стало нападение 4 апреля, то есть днём ранее, на одну из японских ком-

мерческих контор банды уголовников, результатом чего стало убийство двух и ранение одного японского гражданина. Обвинив владивостокскую городскую милицию в связях с уголовными элементами и укрывательстве лиц, совершавших разбойные нападения, представители японского правительства во Владивостоке приняли решение собственными силами защитить своих сограждан от возможного насилия со стороны преступников.

На основании данного решения, официально никоим образом не согласованного не только с местными советским исполкомом, но даже с владивостокским городским самоуправлением, японский адмирал Като, командовавший соединением из двух крейсеров во Владивостокской бухте, отдал распоряжение двум ротам своего морского десанта с пулемётами высадиться в город* на территорию, заметьте, независимого государства и занять несколько объектов в тех районах, где компактно проживали японцы, под предлогом их охраны. В тот же день, но несколькими часами позже на российскую землю ступили точно также без какого-либо разрешения со стороны властей и английские десантники, правда немного в меньшем количестве – всего нескольких взводов (они взяли под охрану английское консульство), и тем не менее. Более того, только после полного завершения незаконной акции, явившейся, прямо скажем, едва ли закамуфлированной попыткой военной интервенции, японское консульство согласилось, наконец, принять делегацию Владивостокского Совета рабочих и солдатских депутатов, и то только как частных лиц(!), но не как официальных представителей местной администрации. В то же время адмирал Като вполне официально посетил резиденцию городского головы и председателя областной земской управы с разъяснениями по поводу всего случившегося.

В ответ на это во второй половине дня 5 апреля Владивостокский исполком распорядился выставить по городу на всякий случай усиленные посты из числа военнослужащих местного гарнизона, параллельно которым стали курсировать по Владивостоку и японские военные патрули. К счастью, всё обошлось в тот день без нежелательных эксцессов, и возникший конфликт постепенно удалось уладить. Японский и английский десанты вернулись на свои корабли, и впоследствии обе противоборствующие стороны до самого июня месяца сходились только на футбольных полях, правда, японцы никакого участия в спортивных соревнованиях не принимали, зато английские и американские матросы, а также вскоре прибывшие из Сибири во Владивосток чехословацкие легионеры с удовольствием гоняли на освободившихся от снега полянах футбольный мяч. Российские спортсмены, к сожалению, по свидетельству местной печати, часто проигрывали, а вот сильнее всех оказывались в игровых баталиях, как правило, – нет, не родоначальники футбола, англичане, – а чехословаки.

И всё-таки, несмотря на весь этот вполне мирный антураж, дело с союзническим десантом оказалось достаточно серьёзным происшествием, на которое немедленно отреагировали и Центросибирь, и Московское большевистское правительство. Ленин в своих телеграммах тут же призвал красных сибиряков подготовить надёжный отпор возможной вооруженной интервенции и первым делом немедленно вывезти из Владивостока оружие, закупленное ещё царским правительством у союзников и

*На следующий день во Владивостоке высадились ещё 250 японских моряков. Этими силами был захвачен остров Русский его крепостные укрепления и артиллерийские батареи, а также казармы и военные склады.

находившееся до сих пор на военных складах*. В русле тех же самых профилактических мероприятий в связи с событиями во Владивостоке Центросибирь 17 апреля объявила на всей территории Сибири военное положение. На основании чего был окончательно запрещён выезд на восток (дальше Красноярска) демобилизованным офицерам; все офицерские общественные организации объявлялись закрытыми, а их имущество – подлежащим конфискации. В то же самое время военкоматы получили распоряжение провести поголовную регистрацию всех бывших «золотопогонников», проживавших на территории Сибири.

Оружие из Владивостока, однако, удалось вывезти не полностью, поскольку начавшиеся в конце апреля вскрытие и разлив рек парализовали на некоторое время движение по Транссибирской железнодорожной магистрали. Часть того оружия, кстати, было передано частям *Сергея Лазо* для ведения боевых действий на Даурском фронте. Даурским его прозвали потому, что около станции Даурия пролегала первая линия обороны в противостоянии с постоянно вторгавшимся на советскую территорию Особым Маньчжурским отрядом. Вывезенного из Владивостока оружия действительно оказалось не так уж и много: его, в частности, даже не хватило для того, чтобы в полной мере обеспечить формирующиеся войска Центросибири, для отражения, как полагали, готовящейся агрессии со стороны Антанты. Поэтому *Николай Яковлев (*председатель Сибирского совнаркома*)* в апреле запросил у В.И. Ленина дополнительное вооружение и экипировку на 70 тысяч военнослужащих, а также денежную ссуду в размере нескольких миллионов рублей.

Теперь вернёмся непосредственно к *Семёнову*. Атаман со своим отрядом, усиленным японской артиллерией (15 тяжелых орудий)** и батальоном японской пехоты в количестве 600 человек***, а также китайскими наёмниками, оплаченными, по всей вероятности, деньгами союзников, вторгся в пределы советской территории

---

*Но не только оружие хранилось на владивостокских складах. Как сообщают нам местные газеты того времени, на начало июля 1918 г. в пакгаузах владивостокской таможни скопилось иностранных товаров общим весом в девять с половиной миллионов пудов (150 тысяч тонн), Начиная от металлов, автомобилей и другой техники и кончая продовольствием. После Октябрьской революции иностранцы прекратили растормаживать свои товары, боясь, что большевики просто конфискуют их после этого в пользу своей революции или, того хуже, передадут Германии.

**Кроме того японцы выдали *Семёнову* и большую денежную ссуду, некоторые источники называют сумму в 10 миллионов иен. На каких условиях инвестировались такие огромные средства – нам точно неизвестно, однако можно привести в связи с этим некоторые выдержки из показаний адмирала Колчака Иркутской следственной комиссии. Они свидетельствуют о том, в частности, что японцев никоим образом не интересовали деньги в качестве оплаты за их услуги русским «патриотам», им нужны были или особые экономические условия для их бизнеса на Дальнем Востоке, или, того чище, некоторые территориальные уступки со стороны России. Колчак весной 1918 г., находясь в Харбине, категорически отклонил такого рода предложения, в результате чего сразу же попал в немилость к японцам. Что касается *Семёнова*, то он, видимо, согласился на все условия, иначе бы деньги вряд ли получил, да ещё в таком большом количестве. Англичане и французы, кстати, выделили атаману гораздо менее значительные суммы на содержание его отряда. А вот правительство американских демократов, находившееся в тот период у власти в США, вообще не дало ни цента, сразу же заподозрив *Семёнова* в диктаторских устремлениях, а также в тесном сотрудничестве с японцами, становившимися уже тогда для американцев главными военно-политическими противниками в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

***То, что японское воинское подразделение, формально «добровольческое», появилось в составе частей *Семёнова* и открыто воевало на его стороне, во многом объясняется тем фактом, что в это же самое время сибирские большевики стали привлекать в ряды Красной интернациональной гвардии венгров, австрийцев и чехов из состава бывших военнопленных Первой мировой войны, организовав, таким образом, как посчитали в странах антигерманского блока, своего рода дальневосточный герма-

именно 5 апреля (правда, сам *Семёнов* в своих воспоминаниях датирует данное событие седьмым числом), то есть ровно в тот день, когда на противоположной стороне Дальнего Востока высадились первые контингенты союзных оккупационных войск. Мятежный атаман предпринял тогда беспрецедентное по масштабам и количеству задействованных подразделений наступление, главной целью которого по-прежнему являлась узловая станция Карымская – захватить её и отрезать, таким образом, Дальний Восток от Читы и Иркутска. Два других направления апрельского наступления развивались: одно – к Троицкосавску и Верхнеудинску, второе – к Нерчинску. Этими тремя ударами штаб ОМО*, сам *Семёнов* и его высокие покровители рассчитывали, если повезёт, полностью вытеснить красных из Забайкалья и в завершение всего занять, наконец, Читу, образовав здесь на освобождённой территории независимую (уж неизвестно от чего и от кого: то ли от советской России и большевиков, то ли вообще от России в целом) вотчину, под главенством, условно говоря, бело-желтой** власти.

О том, насколько апрельское наступление частей Особого Маньчжурского отряда было серьёзным и опасным, свидетельствует хотя бы тот факт, что по приказу *Сергея Лазо* красные части, отступая, от безвыходности повредили Ононский железнодорожный мост, располагавшийся на подступах к станции Оловянная. Сапёры взорвали лишь один пролёт моста***, заложив около 750 килограммов динамита (здорово

но-австрийский фронт, направленный против Японии и США, на тот момент пока союзников по антигерманской коалиции.

*Его возглавлял тридцатипятилетний полковник *Леонид Николаевич Скипетров*, один из организаторов в декабре 1917 г. иркутского вооруженного антибольшевистского выступления, бежавшего после разгрома этого восстания на ст. Маньчжурия и там вступившего в отряд есаула *Семёнова*.

***Семёнов* никогда не скрывал, что он действует не только в русле русских имперских традиций, но и борется за права и интересы представителей так называемой желтой расы, намереваясь создать бурят-монгольское территориально-национальное объединение в рамках, по возможности, единого Российского государства. Данные намерения вызывали явные подозрения у китайских властей, опасавшихся того, что принадлежавшая им Внутренняя Монголия может объединиться с Внешней да ещё и уйти под протекторат России. Именно поэтому власти Поднебесной, как могли, препятствовали деятельности *Семёнова*, даже пытаясь поначалу разоружить его отряд, и только, так скажем, плотное покровительство Японии и других сверхдержав не позволило китайскому правительству расправиться с семёновцами. Ещё в русле панмонгольских (а может быть, и евразийских) устремлений забайкальского атамана можно отметить также то, что отличительные нарукавные нашивки военнослужащих ОМО были соответственно жёлтого цвета, и даже шинели кадетов Читинского военного училища, учреждённого в 1919 г. *Семёновым*, также шились из жёлтого сукна. Впрочем, надо отметить и тот факт, что желтыми издавна являлись полосы на шароварах, а также околыши фуражек забайкальских казаков.

В равной степени, как китайцам не понравились эти панмонгольские идеи, точно так же они пришлись по душе японцам. В частности, данный вопрос курировал и очень тесно им занимался капитан Куроки (курировал Куроки, почти каламбур получается), сотрудник японской военной разведки, ещё в марте 1918 г. прибывший в расположение ОМО и не покидавший атамана *Семёнова* в течение двух лет, находясь при нём практически до самого его последнего дня пребывания у власти в Забайкалье. В феврале 1919 г. по инициативе Куроки в Чите созвали так называемую Даурскую конференцию с участием делегатов от бурят (которых представляли их национальные лидеры, уже знакомые нам по сибирским областным съездам: *Э.-Д. Ринчино* и *Вампилун*), от монголов, а также от забайкальского казачества в лице самого атамана и др. Целью конференции являлось создание на территории Забайкалья, а также Внутренней и Внешней Монголии панмонгольского государства под покровительством Японии. Задуманному, однако, так и не суждено было осуществиться в силу того, что в результате победоносных действий Красной армии в 1920 г. из Забайкалья оказались изгнанными не только *Семёнов* со своим войском, но и поддерживавшие его иностранцы.

***Спустя некоторое время во время майского половодья, по некоторым данным, пострадал ещё один пролёт («Сибирская жизнь», №53 за 1918 г.), и в таком полуразрушенном виде мост простоял до осени 1918 г., пока за его починку не взялись сапёры из Чехословацкого корпуса.

шарахнуло!), но и этого хватило для того, чтобы воспрепятствовать дальнейшему продвижению семёновских бронепоездов – главной ударной силы начавшегося наступления. Однако остановить кавалерийские и пехотные части Особого Маньчжурского отряда данное обстоятельство не смогло: успешно форсировав реку Онон, они сразу же стали продвигаться в глубь советской территории, отбросив войска *Лазо* аж до станции Адриановка, что находилась уже в непосредственной близости от Транссиба. В то же самое время в Чите случайно, при проведении операции по поимке уголовников, большевики обнаружили подпольную группу с оружием (4 пулемёта), готовившую в городе вооруженное восстание в поддержку наступления передовых частей забайкальского атамана.

В конце апреля на отвоёванной у красных ст. Борзя, первой деповской станции при движении от китайской границы, было объявлено о создании Временного Забайкальского правительства (ВЗП) в составе *Г.М. Семёнова* (председатель и главнокомандующий вооруженными силами), генерал-майора *И.Ф. Шильникова* (управляющий военно-административной частью) и *С.А. Таскина* (управляющий гражданской частью). В официальном заявлении для печати Забайкальское правительство, как указывают многочисленные комментаторы, провозгласило важнейшей своей задачей борьбу с Советами и большевизмом, за восстановление власти законно избранных органов как центрального, так и местного уровней. И в этом русле ВЗП положительно отозвалось, в частности, *о сибирской автономии*, а также высказалось за скорейший созыв Сибирского Учредительного собрания. Подлинного текста данного заявления нам, к сожалению, отыскать в источниках не удалось, однако мы можем привести перепечатку воззвания атамана *Семёнова* к жителям Забайкалья, опубликованную в газете «Алтай» (номер за 22 июня 1918 г.).

«Не погромы, насилие и расхищение чужого имущества несу я, а обеспечение личной и имущественной безопасности вашей. Не безвластие и анархию, а прочный правопорядок, основанный на законности и праве. Не контрреволюционер я, не подавлять отвоёванные народом свободы иду я, а восстановить, дабы мы могли назваться культурным и свободным государством, а не страной взбунтовавшихся рабов.

Я обещаю вам вместе с моим отрядом бороться за мечту многих поколений лучших людей нашей земли – ***за автономную Сибирь*** (выделено мной. – О.П.). *Я твёрдо верю, что не за горами Сибирское Учредительное собрание. Свободно избранное, оно выявит волю и ожидания сибиряков.*

Открыто ещё раз заявляю, что не признаю власти народных комиссаров, ибо они самозванцы. Они насильственно разогнали Учредительное собрание, посадили в тюрьмы людей, своими делами и своей жизнью доказавших верность делу свободы, и штыками поддерживают эту власть. Чернь и подонки общества – вот их опора».

Судя по особенностям стиля данного воззвания, вполне очевидно, что составлял его сам атаман, однако над окончательной редакцией текста явно поработала, так скажем, чья-то более опытная в таких делах рука. Мы предполагаем, что ею являлась рука *Сергея Таскина*, в прошлом депутата Государственной думы II и IV созывов, члена Всероссийского Учредительного собрания, состоявшего ещё со времён первой русской революции в партии конституционных демократов. Сергей Афанасьевич сам был родом из Забайкалья, происходил из семьи потомственного казачьего офицера, имел наследственное поместье в районе Александровского завода (Нерчинские руд-

ники), то есть как нельзя лучше подходил на роль абсолютно надёжного политического консультанта в ставке мятежного казачьего атамана. Всё в воззвании *Семёнова* (читай: в декларации Временного Забайкальского правительства) выдержано как бы в демократическом духе, в строгом соответствии с программой кадетской партии и с заявлениями её харбинского филиала в лице Дальневосточного комитета защиты Родины и Учредительного собрания.

Но вернёмся к боевым действиям. К концу апреля 1918 г. положение красных стало настолько серьёзным, что на заседаниях военно-революционного штаба, срочно организованного в те дни в Чите, обсуждался даже вопрос об объявлении всеобщей воинской повинности на той части территории Забайкалья, что находилась ещё под контролем Советов. Однако после некоторого раздумья решили всё-таки пока ограничиться призывом лишь пяти военнообязанных возрастов из среды рабочих, крестьян, а также казаков забайкальских станиц. Плюс к этому весьма вовремя подоспела и помощь из Сибири*, а также с Дальнего Востока. В частности, из Благовещенска на Даурский фронт прибыли со своими артиллерийскими орудиями и пулемётами те самые воинские подразделения Дальсовнаркома, которые совсем недавно помогали местным большевикам подавить гамовский мятеж.

По разным подсчётам, под началом главкома *Лазо* собралось к началу мая от 5 до 10 тысяч человек мобилизованных, а также добровольцев из состава красногвардейских пролетарских отрядов. Для лучшего управления такой теперь уже достаточно большой массой солдат и командиров, а также для более успешного и спланированного ведения боевых действий при главнокомандующем решили создать военно-полевой штаб, начальником которого был назначен двадцатисемилетний томский большевик *Пётр Клавдиевич Голиков*. Опыта боевых действий, правда, он никакого не имел, зато являлся очень преданным делу пролетарской революции товарищем.

Атаман *Семёнов* на отвоёванной у Советов территории также провёл принудительную мобилизацию главным образом казачьего населения и довёл количественный состав ОМО, опять-таки по разным данным, до трёх-шести тысяч человек.** И хотя по численности его части всё же несколько уступали войсковому соединению *Лазо*, однако в семёновских подразделениях имелось больше профессиональных военных, офицеров, казаков и просто рядового состава из числа бывших фронтовиков. Поэтому силы противников оказались примерно равны. Хватало в обеих войсковых группировках и проблем с дисциплиной. Так, в красных частях присутствовало достаточно большое количество анархистов*** со своими извечными протестными принципами неподчинения системе единоначалия и субординации, встречались среди них и просто уголовники, занимавшиеся насилием и грабежами.

*Так, 19 марта из Омска на борьбу с Семёновым отправился первый красногвардейский отряд под командованием *Ф.А. Лаврова*. Он наполовину состоял из интернационалистов, бывших военнопленных. В Красноярске к этому отряду присоединилась большая группа рабочих в качестве пополнения для земляков, сражавшихся под командой *Лазо* ещё со времён декабрьского подавления вооруженного мятежа в Иркутске. Из Томска примерно в то же самое время направили на Даурский фронт добровольческий красногвардейский отряд под командованием В.А. Доброхотова, а в начале мая – группу воинов-интернационалистов в количестве 350 человек с тремя пулемётами, под руководством венгра *И. Ланьи*.

**Сам атаман приводил цифру в 5 тысяч солдат и офицеров («Русский восток», Чита, №105 от 25 мая 1919 г.).

***Среди них такие весьма известные и колоритные личности, как двухметровый русский богатырь Ефрем Пережогин и кавказец *Нестор Каландаришвили* со своими отрядами.

Семёнову же доставляли много хлопот весьма представительные в количественном отношении формирования кочевых народов, набранных в его отряд в качестве добровольцев-наёмников. То были буряты, монголы, харачины, славные рубаки, кстати, но для них в силу их этнических, религиозных и ментальных особенностей многие положения русского воинского устава являлись просто неприемлемыми. Да и китайцы (вроде бы вполне окультуренная в этом плане нация) также особой боевой дисциплиной не отличались и порой напрямую игнорировали приказы семёновского штаба*.

Создав некоторое численное превосходство, войска Центросибири 8 мая перешли в контрнаступление. Время начала этой операции красными было выбрано не случайно, поскольку на 5 мая в тот год пришлась православная Пасха, и, по оперативным данным советской разведки, на период её празднования атаман Семёнов со своим ближайшим окружением выехал в Харбин и отмечал там, как все нормальные русские люди, святое Христово Воскресение. Данным обстоятельством, по всей видимости, как раз и воспользовался *Лазо*, чтобы атаковать подразделения ОМО на главном направлении. Красным в их наступлении помогали два бронепоезда, весьма быстро и качественно изготовленных специально для предстоящей операции в читинских железнодорожных мастерских. Под натиском такого грозного оружия и при поддержке мобильных кавалерийских групп красные сразу же опрокинули семёновцев и теперь сами погнали врага назад на китайскую территорию.

Вся операция заняла чуть меньше месяца, так что к концу мая семёновские части вновь оказались оттеснены к самой границе**. И *Сергей Лазо*, оставив командование Даурским фронтом на своего заместителя *Дмитрия Шилова*, выехал сначала в Иркутск с отчётом об успешных боевых действиях, а потом в Красноярск, где проживал последние несколько лет, видимо, по личным делам. Однако начавшееся в те же дни вооруженное выступление Чехословацкого корпуса спутало все планы советского главкома. Надо заметить здесь, что мятеж иностранных легионеров начался именно в тот момент, когда поражение семёновских частей стало уже достаточно очевидным. Являлся ли данный факт чистым совпадением или всё-таки акцией, направленной на поддержку неудавшегося наступления отрядов ОМО?.. Трудно сказать, никаких документальных свидетельств на этот счёт мы, к сожалению, не смогли найти, и по-

---

*Что же касается дисциплины и порядка на подконтрольных семёновским частям станциях Маньчжурия и Хайлар, а также некоторых других, то здесь, напротив, всё было до предела ужесточено и, в первую очередь, в плане выявления большевистских агентов, а также пресечения любой скрытой красной угрозы или даже агитации. Так, со слов известного нам уже *Ивана Александровича Лаврова* («Свободный край», Иркутск, №114 за ноябрь 1918 г.), проезжавшего Забайкалье в феврале 1918 г., когда поезд после станции Карымская сворачивал на «семёновскую» ветку (Карымская-Даурия-Маньчжурия), настроение среди пассажиров поезда заметно менялось. Солдаты, ехавшие в первом и втором классе и часто без билетов, сразу притихали, ибо хорошо знали, что семёновцы на пограничной станции Маньчжурия особенно тщательно проверяют именно солдат, проводя среди них порой обыски, задержания и даже аресты. Последней станцией перед пограничным кордоном являлась Даурия. Здесь те, кто особенно боялся проверок, переходили в третий класс, а офицеры, напротив, возвращались в первый и второй и перед самой границей доставали, наконец, из потайных мест погоны со знаками отличия и прилаживали их на свои шинели.

**Они закрепились на русской пограничной станции Мациевская (ныне Забайкальская). Расположив несколько артиллерийских орудий на пятиглавой возвышенности Тавын-Тологой (по-другому: Атаманская сопка), господствовавшей над окружающей местностью, семёновцы очень удачно отбивали атаки красных, которые теперь уже без поддержки своих бронепоездов, застрявших на противоположном берегу Онона из-за повреждённого моста, не могли осуществлять успешные лобовые атаки. Мациевскую удалось взять лишь 27 июля.

этому нам в очередной раз остаётся только предполагать, догадываться ну и кое-что самим домысливать, конечно.

Теперь, собственно, о главном. В завершении поначалу вполне успешного апрельского наступления, когда уже достаточно большая часть Забайкалья находилась в руках атамана *Семёнова*, он объявил о создании Временного Забайкальского правительства (ВЗП), продекларировав таким образом автономную обособленность подконтрольных ему территорий, свободных от влияния советской власти, но подотчётных власти Всероссийского и Сибирского учредительных собраний. Так он и объявил в своей официальной декларации. Однако, просуществовав чуть более месяца, это новое территориальное образование, претендовавшее на автономный республиканский статус (но прозванное в народе почему-то «царством» *Семёнова*), было к началу июня полностью ликвидировано вследствие успешного наступления войск Центросибири. Но спустя три месяца оно вновь возродилось, после того как части 1-го Средне-Сибирского и Чехословацкого корпусов полностью зачистили Забайкалье от власти большевиков. Воспользовавшись, что называется, плодами чужого ратного труда, придя, по сути, на всё готовое, отряды *Семёнова* в начале сентября 1918 г. заняли, наконец, вожделенную для них столицу Забайкалья – г. Читу.

Здесь, в отличие от освобождённого чуть позже Благовещенска никем и никогда официально не объявлялось о создании нового автономного территориального образования, однако семёновская вотчина, довольно самостоятельная в административном отношении единица, тем не менее, реально существовала и просуществовала так довольно долго – в течение более чем двух лет. Амурская же республика в её советском, а потом и земском варианте продержалась в общей сложности чуть более семи месяцев, после чего была ликвидирована усилиями сначала Сибирского, а потом Всероссийского правительства Уфимской директории ещё до колчаковского переворота. Семёновскую же вольницу не могли приструнить ни Сибирское правительство, ни Уфимская директория, ни даже верховный правитель адмирал Колчак. В чём же, спрашивается, причина такой количественной и качественной разницы?

А причина, на наш взгляд, достаточно проста. Во-первых, Амурская республика создавалась по инициативе главным образом членов правоэсеровской (правосоциалистической) партии, а также деятелями из числа земского и городского демократического по преимуществу самоуправления. Семёновская же территориальная, а по сути и политическая автономия являлась производной от военной диктатуры весьма и весьма консервативного толка, что, без сомнения, было зачтено ей в плюс некоторыми политическими кругами, имевшими порой решающее влияние в то время. Во-вторых, у читинских «автономистов» имелись достаточно сильные покровители в лице японских оккупационных частей, охранявших семёновскую вотчину, как зеницу ока. И это, собственно, и стало определяющим фактором. Даже адмиралу Колчаку, провозглашенному в ноябре 1918 г. верховным правителем всей России, не позволили навести в Забайкалье порядок, и посланная им в декабре того же года военная экспедиция, против нарушившего все рамки не только субординации, но и элементарного приличия *Семёнова*, не посмела под угрозой японского вмешательства двинуться дальше Иркутска.

Мнения по данному поводу, конечно, могут быть разные, однако заметим от себя, что забайкальская автономия в условиях уже по сути японского протектората явно попахивала политическим сепаратизмом. Как тут не вспомнить, а здраво рассудив, и

понять опасения томской губернской администрации, а также горноалтайского русскоязычного населения в 1904 году, когда в разгар русско-японской войны возникло движение бурханистов и начал осуществлять проповедническую деятельность *Чет Челпанов*. Их сразу же окрестили в народе агитаторами за власть япона-царя, а глас народа, как известно, – глас божий. В общем, что называется, как в воду глядели люди; как только появилась такая возможность, япон-царь действительно пришёл и стал наводить порядки в свою пользу не в Горном Алтае, так в Забайкалье.

Весьма примечательно в этом смысле отношение *Григория Потанина* к вышеупомянутым событиям как 1904-го, так и 1918 гг. Если в первом случае сибирский патриарх встал на сторону алтайских инородцев и приложил все усилия к тому, чтобы оправдать деятельность *Чета Челпанова* и бурханистов в целом, с точки зрения защиты прав угнетённого народа, ищущего пути для развития собственного культурного и национального самосознания, то в 1918 г. он оценивал разворачивавшиеся события, начало которым положила высадка ограниченного контингента союзных войск во Владивостоке, уже однозначно с национально-патриотической точки зрения. Причём он привнёс в занятую им позицию, в силу своей безусловной гениальности, полностью идентичные с общенациональными и наши сибирские (автономистские, если угодно) правомочия. Вот текст его обращения к сибирякам, датируемый 8 апреля 1918 г.

«Сибирь в опасности. С востока в её пределы вступают иностранные войска. Они могут оказаться нашими союзниками, но могут также отнестись к нашим общественным интересам совершенно своекорыстно; это будет зависеть от того, как сибирское общество проявит себя в этот роковой момент. Предстанет ли перед ними Сибирь как живое тело, способное предъявить свои права на самоопределение, или, как мёртвая бессознательная масса, равнодушная к своим собственным правам и не претендующая на уважение к ним со стороны других. Будет совершенно естественно, если идущие с востока союзники, встретив в нас безгласную массу, не думающую о своих общественных интересах, решат нашу судьбу, преследуя только свои личные выгоды.

В этот роковой для нашей окраины момент мы не должны оставаться спокойными, равнодушными к интересам нашей области (то есть Сибири. – О.П.). *Мы должны громко заявить своё право на самоопределение и сказать, что мы хотим сами быть хозяевами своей страны. Мы должны употребить все средства, чтобы заявить это как всем нашим врагам, так и друзьям, как противникам нашего областного самоопределения, так и сторонникам областной автономии.*

Важность момента требует, чтобы раздался действительный голос страны. Чтобы достигнуть этого, нужно под таким заявлением объединить всех искренних друзей Сибири. Интересы Сибири, а не какие-нибудь посторонние интересы должны послужить лозунгом этого объединения. Нужно этот протест против распоряжения судьбами Сибири, исходящего не из недр её населения, устроить так, чтобы ясно чувствовалось, что этот голос раздаётся из уст людей, которым действительно дороги интересы родины, которые любили её бескорыстно, честно служили ей и тогда, когда она оказывалась для них злою мачехой...»

Имеющий уши, да услышит, как говорится.

Теперь ещё несколько слов о том, что же стало с Временным Забайкальским правительством, сформированным, по разным источникам, то ли 25-го, то ли 28 апреля

на станции Борзя (некоторые, правда, утверждают, что данное событие произошло на станции Оловянная или даже Хайлар, что, собственно, не суть важно). 10 августа 1918 г., в то время, как красных уже полностью изгнали из пределов Сибири и они в количестве нескольких изрядно потрёпанных в боях полков едва сопротивлялись в районе Троицкосавска, Верхнеудинска и Читы, когда уже стало ясно, что до полного их разгрома остаётся максимум две-три недели, Временное Забайкальское правительство вдруг официально сложило с себя все полномочия и полностью прекратило своё существование. Чем же была вызвана такая скоропалительная (если не сказать скоропостижная) отставка? Посмотрим текст заявления.

«Звание правительства мы приняли на себя для родного нам Забайкалья на время борьбы с большевиками, которые, сумев разорить и опозорить Россию, не смогли противостоять нашему маленькому отряду и призвали на помощь себе наших врагов — немцев, мадьяр и австрийцев. Борьба с большевиками после этого перестала быть нашим внутренним русским делом и приняла характер международный, вылившись в борьбу с Австрией и Германией. Этот факт породил необходимость возобновления нашего участия в противогерманской коалиции, и начатая атаманом Семёновым борьба ныне превращается в борьбу народов. Посему с 10 августа 1918 года временное правительство Забайкалья слагает с себя свои полномочия и представляет себя и все свои ресурсы в распоряжение Верховного командования противогерманских союзных сил».

Заметьте, имеющиеся у него полномочия и ресурсы Временное Забайкальское правительство делегировало не Временному Сибирскому правительству, созданному Сибирской областной думой и уже больше месяца как легально существовавшему, а командованию оккупационных войск на территории Дальнего Востока (собственно, в Сибирь эти войска, к гордости своей надо признать, мы так и не допустили тогда в значительном количестве; в том числе, возможно, и во многом благодаря обращению *Г.Н. Потанина*). А как же тогда прежние заявления ВЗП по поводу приверженности идеям сибирского областничества? Получается, извините, что – то была явная ложь. Или, может быть, всё объясняется тем фактом, что, по воспоминаниям некоторых современников, атаман *Семёнов* имел свойство очень легко поддаваться чужому влиянию, в силу чего он порой менял свою точку зрения по тому или другому вопросу по нескольку раз? Что ж, возможно... Однако, как говорится, факты – упрямая вещь, и если к ним приглядеться повнимательнее в данном случае, то можно заметить, что никакой «смены вех» в политике *Семёнова* по кардинальным вопросам никогда не происходило, да и происходить не могло. Слишком, знаете ли, много денег в него вложили иностранные «продюсеры», чтобы позволить ему и его команде действовать вне их стратегического плана. По сути, атаман *Семёнов* являлся точно таким же проектом великих держав Антанты, как и адмирал Колчак, но только значительно меньшего масштаба, тот же самый контрреволюционный (по отношению к левой революции, естественно) диктаторский режим, но только в его ещё более неприкрытом и вызывающе лживом варианте*. Хотя, возможно, что мы и неправы, и если кто-то докажет нам обратное, мы будем только рады.

*Че Гевара перед «командировкой» в Боливию, оказавшейся для него, как известно, роковой, во время прощального разговора с Фиделем (можно представить, какие всполохи и пертурбации происходили в тот момент в макрокосме Вселенной), как гласит достаточно уже известная легенда, высказал своё мнение по поводу американского и советского империализма; осудив тот и другой, Че признал, что советский – ещё более лживый, к его глубокому сожалению...

Так посмотрим же ещё раз на факты. Итак, во-первых, семёновская администрация после 10 августа заняла, по меньшей мере, двойственную позицию как по отношению к Сибирскому правительству, так и по отношению к сибирской автономии в целом. Далее, после того как в сентябре воинские части Семёнова, а также японские интервенты добрались наконец до Читы (прежде того освобождённой, как мы уже отмечали, войсками Сибирского правительства) и установили там свою власть, в городе сразу же начались процессы по ужесточению политического режима. Вышедших фактически из подполья и устремившихся во власть представителей местного самоуправления из числа членов не только меньшевистской, но даже правоэсеровской партии встретили весьма и весьма недоброжелательно тогда в Чите. Это – что касается приверженности семёновцев идеям демократии*, а также системе местного самоуправления.

Так вот, вскоре в числе таких изгоев оказался двадцатидевятилетний меньшевик *Матвей Абрамович Ваксберг*, бывший областной комиссар Временного правительства, а потом председатель Забайкальского Народного совета и одновременно председатель Читинской областной земской управы. Всех этих трёх должностей его лишили большевики. И вот теперь, когда при поддержке занявших Читу частей Сибирского правительства и Чехословацкого корпуса *Ваксберга* вновь восстановили в прежней должности председателя Читинской областной земской управы, а также избрали председателем временной коллегии гласных земского и городского самоуправления, уже буквально через несколько недель, после того как в городе основательно закрепилась атаманская власть, был отдан приказ о его аресте. После чего *Ваксбергу* пришлось вновь надолго уйти в подполье, а вскоре и совсем покинуть пределы Забайкалья.

Почти то же самое произошло и с *Антоном Матвеевичем Флегонтовым*, членом правоэсеровской партии, заслуженным и вполне авторитетным человеком, революционером более чем с двенадцатилетним стажем. Избранный в 1917 г. председателем Читинской городской думы, но потом также лишенный своих полномочий большевиками, он властью Временного Сибирского правительства в начале сентября 1918 г. был сначала восстановлен в своей прежней должности, а через несколько дней, во время проезда через Читу особоуполномоченного Омского правительства по Дальнему Востоку *Леонида Загибалова* (тоже, кстати, правого эсера и областника), на собрании представителей демократической общественности города Флегонтова утвердили ещё и в качестве областного комиссара Забайкалья. Однако стоило *Загибалову* покинуть пределы региона, как по приказу *Семёнова* (перед этим на станции Маньчжурия клятвенно заверявшего особоуполномоченного в верности Сибирскому правительству) правительственного комиссара *Флегонтова* сразу же арестовали и даже перевезли для перестраховки на станцию Маньчжурия, поближе к ставке атамана.

В первых числах октября в столицу Забайкалья прибыл, наконец, сам *Семёнов* и первым делом устроил своим подчинённым полный «разбор полётов» за попустительство и чуть ли не пособничество в отношении местных революционных демократов. И это, несмотря на то что его «опричники» на протяжении целого месяца, в

Может быть, эти идеи и действительно не так хороши, как кажутся на первый взгляд, но зачем же тогда надо было преднамеренно и беспардонно лгать, бравируя на первых порах приверженностью к демократии («…не контрреволюционер я, не подавлять отвоёванные народом свободы иду я»)*?..

буквальным смысле не покладая рук, вылавливали по городу сторонников советской власти, а также лиц, просто сочувствующих левым идеям, причём без какого-либо согласования своих действий с городскими властями, а тем более со следственной комиссией, созданной демократическим самоуправлением сразу же после изгнания большевиков и наделённой функциями прокурорского надзора за производившимися арестами. И, тем не менее, начальник читинского гарнизона генерал-майор Мисюра за недоработки по данному вопросу был отправлен атаманом в отставку, а на его место назначен полковник И. Шемелин.

Следом «полетела голова» *генерала Шильникова* – того самого, который вместе с *Семёновым* и *Таскиным* вошёл в апреле во Временное Забайкальское правительство. Его не только отстранили от должности, но и посадили под арест. Формальным поводом чему послужило якобы то обстоятельство, что генерал в мае месяце отдал неоправданный и преждевременный приказ об отводе семёновских частей за реку Онон, спровоцировав тем самым моральное разложение личного состава, повлекшее за собой провал всей весенней военной кампании, ни больше и ни меньше. Вместе с тем истинная причина опалы состояла в том, что *Шильников*а заподозрили, как ни странно, в «симпатиях к социалистам». Так, по сведениям семёновской контрразведки, вечером 1 октября генерал вместе с правительственным комиссаром *Флегонтовым* присутствовал на собрании педагогического коллектива первой женской гимназии, охарактеризованном особистами, по меньшей мере, как несанкционированный митинг оппозиции. Более того, после завершения собрания *Шильников* уехал вместе с социалистом *Флегонтовым* в одном экипаже. Этого, как оказалось, было вполне достаточно, для того чтобы заподозрить генерала в сочувствии к красным и посадить под арест.

На самом же деле всё обстояло немного иначе. Руководство женской гимназии, как и многих других учебных заведений города, сильно обеспокоили факты многочисленных арестов преподавателей, осуществлявшиеся особо ретивыми семёновскими подручными на основании самых даже незначительных подозрений в связях учителей с большевиками*. Поэтому педколлектив гимназии пригласил генерала *Шильникова* и комиссара *Флегонтова* на своё общее собрание для того, чтобы от имени педагогов (или, как тогда говорили, – учащих) всего города попросить столь ответственных должностных лиц принять, наконец, хоть какие-то меры против такого произвола. В противном случае, как заявили преподаватели, скоро уже просто некому будет учить детей; учить – разумному, доброму, вечному, а не только – стрельбе и хождению строем. И, видимо, преподаватели нашли понимание, ибо буквально на

*Под подозрение попадали, конечно, не только учителя, но и вообще, как кажется, многие образованные люди. Весьма примечательный случай в этом смысле описывала на своих страницах в те дни меньшевистская иркутская газета «Дело» (№43 от 1 октября 1918 г.). 12 сентября семёновцами по подозрению в сотрудничестве с советской властью прямо на улице был задержан служащий городской управы некто Левин. После чего на его квартире произвели обыск, в результате которого ничего криминального найти не удалось, за исключением книг на немецком языке и членского билета местной сионисткой организации. Книги, по объяснению Левина, он приобрёл для подготовки к сдаче вступительных экзаменов в Томский университет, но ему не поверили и предъявили обвинение ещё и в шпионаже в пользу Германии. Членство же в сионистской организации делавшие обыск истолковали таким образом, что если большая часть руководства сибирских большевиков – евреи, то и сионисты, как борющиеся за права евреев, тоже, что называется, недалеко ушли. Последнюю логическую цепочку для полицейского наряда, кстати, выстроил участвовавший в обыске один весьма «грамотный» иудей из состава незадолго до того сформированной по приказу Семёнова еврейской роты...

следующий же день *Антона Флегонтова*... арестовали, а после прибытия в Читу *Семёнова* и генерал *Шильников* подвергся той же участи.

По завершении данных мероприятий вся – не только военная, но и гражданская власть в городе приказом *Г.М. Семёнова* была передана в руки нового начальника читинского гарнизона полковника И. Шемелина. Полковник* Семёнов в это время официально числился командиром 5-го Приамурского корпуса Сибирской армии (приказы от 6-го и 10 сентября командующего Сибирской армией генерала *П.П. Иванова-Ринова*) с подчинением ему частей Забайкальского, Амурского и Уссурийского казачьих войск вот и всё. Но атаман, видимо, посчитал, что имеет право на нечто большее, чем только командовать казачьими войсковыми соединениями.

В ответ на такое самоуправство представители читинского демократического самоуправления срочно составили жалобу в адрес председателя Временного Сибирского правительства *П.В. Вологодского* и с оказией отправили её в Иркутск в надежде, что тамошние их единомышленники по земскому движению телеграфом перенаправят их зов о помощи во Владивосток, где в это время с деловым визитом находился *П.В. Вологодский*. Сами они воспользоваться телеграфом в Чите не могли, так как в условиях осадного положения, объявленного *Семёновым*, подобного рода сообщения с внешним миром находились на строгом учёте у военных. *Пётр Васильевич Вологодский* во время своего проезда через Забайкалье в середине сентября уже встречался с Семёновым и тогда слегка и, что называется, по-отечески пожурил его, наставляя атамана на разумный диалог с земским и городским самоуправлениями. Возвращаясь назад с Дальнего Востока в Омск, председатель Временного Сибирского правительства не стал больше встречаться с *Семёновым* и проследовал станцию Чита, возможно, в знак неудовольствия, даже не сделав остановки на ней. Потом он направил сюда своего специального представителя К.Е. Яшнова, который при поддержке прибывшего вместе с ним в столицу Забайкалья военного министра *П.П. Иванова-Ринова*, сумел уговорить строптивого атамана умерить свои аппетиты в сведении счётов с демократами.

Первым шагом на пути «оздоровления» ситуации стало освобождение из тюрьмы комиссара *Флегонтова* и генерала *Шильникова* (21 октября). Однако нового правительственного комиссара в тот момент назначено не было, и поэтому главой административной, гражданской и военной власти в Забайкалье остался по-прежнему атаман *Семёнов*. Тезис о том, что дипломатия есть искусство возможного компромисса, в данном случае нашёл себе абсолютно реальное воплощение. При Колчаке, однако, ситуация немного изменилась, поскольку в противовес всемогуществу *Семёнова*, подкреплённому, как мы уже отмечали, японскими штыками, всё-таки удалось назначить в Читу правительственного комиссара в лице также знакомого нам уже каде-

*Также весьма примечательно, кстати: каким образом атаман *Семёнов* получил звание полковника. 3 сентября 1918 г. на вновь освобождённой от красных станции Борзя собралась, как было сказано в официальном сообщении, «комиссия из чинов Особого Маньчжурского отряда», которая, отметив заслуги и «выдающуюся организационную работу атамана по восстановлению армии», «неутомимую активную вооруженную борьбу с большевиками», сделала вывод, что есаул (капитан по-пехотному) *Семёнов* достоин производства сразу в полковники. Ввиду же отсутствия в России законного правительства, комиссия просила атамана впредь, до нового назначения такового Учредительным собранием, считать себя полковником, причём почему-то с 16 мая 1918 года. *Семёнов* с удовлетворением принял данное предложение (куда ж деваться-то), а Временному Сибирскому правительству осталось лишь формально узаконить это, по сути, самопроизводство в старшие штаб-офицеры.

та *Сергея Таскина*, отношения у которого с атаманом также, кстати, не заладились, но это уже немного другая история.

Теперь ещё несколько слов о Благовещенске, с рассказа о котором мы, собственно, и начинали наше повествование о Дальнем Востоке. Полковник *Семёнов*, добившись от Сибирского правительства, по сути, признания за собой диктаторских полномочий в Забайкалье, решил распространить свою неограниченную власть и на соседнюю Амурскую область. После того как объединённый круг Амурского и Уссурийского казачьих войск в конце октября утвердил *Семёнова* своим походным (верховным) атаманом, буквально в тот же час новоявленный диктатор назначил полковника И. Шемелина командующим войсками Амурской области, придав ему в дополнение к этому ещё и статус особого начальника по охране государственного порядка и спокойствия в области.

Прибыв в Благовещенск и выполняя волю своего патрона, Шемелин тут же заявил претензии на единоличную власть, предложив областному земству, на всякий случай, заниматься исключительно своими делами. Однако осуществить в Благовещенске такого рода планы всё-таки не удалось, поскольку, во-первых, Шемелин начал слишком часто прибегать к методу кнута в отношениях с местным населением, чем вызвал сразу же целую волну крестьянских выступлений в области. А во-вторых, полковник-наместник вскоре потерял доверие и со стороны самого *Семёнова*, а также японцев, открыто заявив, что он категорически против конфликта с верховным правителем России адмиралом Колчаком и что он не согласен с политикой обособления Дальнего Востока и Забайкалья, в частности, от Сибири. После такого переворота в сознании полковника Шемелина сразу же убрали, а на его место по обоюдному согласию сторон был назначен атаман *Гамов*. А вскоре, в конце декабря 1918 г., в Благовещенск прибыл и правительственный комиссар И.Д. Прищипенко, который сначала сумел найти общий язык с местными демократами, а потом переподчинить колчаковской власти и Амурское казачье войско.

Так вот, если в общих чертах, и закончилась в 1918 г. вся эта история борьбы за власть между революционными и консервативными силами в двух отдельно взятых регионах Дальнего Востока, претендовавших на автономию в условиях разгоревшейся после разгона Учредительного собрания гражданской войны.

ЧАСТЬ IV

В БОРЬБЕ ОБРЕТЁШЬ ТЫ ПРАВО СВОЁ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

РАЗГОН БОЛЬШЕВИКАМИ ЗЕМСКИХ И ГОРОДСКИХ САМОУПРАВЛЕНИЙ НА ТЕРРИТОРИИ СИБИРИ

Что делаешь, делай скорее.
Евангелие от Иоанна (гл. 13, ст. 27)

1. События в Омске, Новониколаевске и Барнауле

Последней возможностью оппозиционных политиков мирными средствами повлиять на ситуацию в условиях однопартийного, по сути, большевистского режима, являлись земства. Только используя их революционный авторитет и влияние, вполне можно было перехватить у Советов инициативу, захватить, что называется, бразды правления на местах в свои руки, ну а дальше, если повезёт, и полностью выправить ситуацию не только в своём регионе, но и в России в целом. Вполне осознавая опасность такой перспективы, коммунисты, после того как разогнали Учредительное собрание и Сибирскую областную думу, сразу же взялись в первую очередь за уездные и губернские самоуправления, где подавляющее депутатское большинство принадлежало, как правило, правым эсерам.

Попутно с этим целью точечных ударов со стороны большевиков стали и городские думы, причём, несмотря даже на то, что в ряде крупных сибирских городов депутатское большинство в них имели представители социал-демократов, значительное число которых, в свою очередь, составляли сами коммунисты*. Однако теперь так называемое относительное большинство в среде городских гласных (сложившееся, кстати, в результате свободного ещё голосования) их уже больше не устраивало. До октября 1917 г. они, помнится, являлись яростными сторонниками всеобщих свободных выборов в городские думы. А теперь что же?.. Теперь им нужно было только абсолютное большинство, а таковое они могли получить только в Советах рабочих и солдатских депутатов.

На проходившем в январе 1918 г. в Омске съезде крестьянских Советов Западной Сибири его делегаты, ничтоже сумняшеся, огласили и после недолгого обсуждения приняли подавляющим числом голосов предложение по роспуску сибирских земств и городских самоуправлений. Причём мотивировка положительного решения по данному вопросу в устах одного из делегатов прозвучала такая: поскольку органы местного самоуправления избирались на основе всеобщего, прямого, равного и тай-

*Так, например, в Омской городской думе из 50 гласных 36 являлись представителями социал-демократов, большая часть которых, в свою очередь, являлась именно коммунистами («Пролетарий», Омск, №6 от 26 января 1918 г.).

ного голосования, они являются порождением капиталистического строя и не дают желательных для трудового народа результатов («Омский вестник, №14 за 1918 г.).

Неудивительно, что одной из первых в Сибири (18 января), по месту что называется, оказалась распущенной именно Омская городская дума («Сибирская речь», №16 от 21 января 1918 г.). Местный совдеп определил, что её члены, вместо того чтобы заниматься вопросами городского хозяйства, встали на путь выяснения политических отношений, причём явно «контрреволюционного направления». На самом же деле всё было немного не так. Работа Омской городской думы действительно оказалась парализованной политическими разборками, но только не вследствие наступления правобуржуазных «контрреволюционных» сил, а как раз наоборот – по причине того, что левые депутаты, в том числе меньшевики и правые эсеры, отказывались сотрудничать с так называемыми цензовыми элементами в Думе, то есть с представителями конституционно-демократической партии, биржевиками и крупными домовладельцами. Так, по крайней мере, писала кадетская «Сибирская речь» в номере за 21 января 1918 г.

В данных условиях, вместо действительно немного увлёкшейся политическими дебатами Думы, распущенной ещё и под этим предлогом советской властью, для решения всех, что называется, насущных проблем города в том же январе 1918 г. в Омске создали совет народного хозяйства при городском Совете рабочих и солдатских депутатов. По плану омский совнархоз должен был состоять не только из большевиков, но и частично из представителей эсеров, социал-демократов, профессиональных союзов, совета фабрично-заводских комитетов, а также специально приглашенных узких специалистов. Подобная схема, по всей видимости, в качестве обязательного для исполнения указания поступила тогда из Москвы от центрального правительства, поэтому её, как под копирку, вскоре продублировали и во всех остальных городах Сибири.

После роспуска омского городского депутатского собрания эсеры и меньшевики и даже очень близкие по идеологии к коммунистам меньшевики-интернационалисты выступили категорически против такого рода политической расправы. Так, в частности, лидер омских меньшевиков-интернационалистов *Константин Попов* вполне определённо заявил через печать, что роспуск всенародно избранного органа местного самоуправления является ударом по одному из самых главных завоеваний русской революции («Сибирская речь» от 21 января 1918 г.).

В Новониколаевске (теперь Новосибирске) Томской губернии реакция на точно такие же мероприятия советской власти нашла своё отражение не только в газетных выкладках «докторов революционных наук»*, но и в уличных волнениях, чуть не

*В системе Табеля о рангах, существовавшей в Российской империи до февраля 1917 г., доктор наук приравнивался к воинскому званию полковника (получая, кстати, и все положенные привилегии, в том числе и дворянский титул). Воленс-не-воленс получалось, что люди как бы одного ранга встали в начале 1918 г. во главе оппозиционного большевикам движения: войсковые полковники возглавили подпольные структуры Сибири, а «доктора революции», гражданские полковники – легальное сопротивление. Однако после свержения советской власти летом того же года пути оппозиционеров сразу же разошлись. Так, упоминавшийся нами только что, меньшевик *Константин Попов* после переворота был арестован в Омске теми самыми настоящими полковниками, своими бывшими «союзниками», содержался в тюрьме, потом – в так называемом поезде смерти. В конце 1919 г. бежал, примкнул в Иркутске к местному подполью и, как своего рода итог, в начале 1920 г. в составе следственной комиссии вместе с большевиками и эсерами участвовал в допросах А.В. Колчака, политического лидера тех самых войсковых полковников.

окончившихся массовыми беспорядками. Здесь в знак протеста против роспуска городской Думы, произошедшего 26-го или, по другим сведениям, 29 января, у здания Думы собралась достаточно внушительная толпа народа. Вход в помещение охранялся несколькими красногвардейцами, люди пытались прорваться внутрь здания, но их не пропускали. Однако по мере увеличения количества участников стихийного митинга их настроение становилось всё более возбуждённым, а желание прорваться сквозь кордон – всё более настойчивым. Так что вскоре под громкие возгласы «Жандармы! Опричники!» осмелевшая толпа пошла, наконец, вперёд, уже чуть ли не на штурм, и сразу же опрокинула немногочисленных совдеповских стражников.

Однако ворваться во внутренние помещения Думы протестующим всё-таки не удалось, так как отступившие красногвардейцы успели в последний момент запереть за собой массивные и очень крепкие двери. Чтобы хоть как-то успокоить толпу, на парадный балкон здания Думы вышел теперь уже бывший её председатель. Но он являлся большевиком, и это все прекрасно знали. Поэтому, ещё даже не успев раскрыть рта, он сразу же услышал в свой адрес, а также в адрес своих товарищей по партии весьма гневные выкрики из толпы в плане того, что коммунисты не имеют права распускать органы местного самоуправления, избранные всенародным голосованием, что они также не могут единолично командовать в системе городского хозяйства, так как оно не ими одними создавалось, а также городским имуществом, поскольку оно вообще наживалось совсем другими людьми, и, наконец, что большевики создают власть штыка – точно такую же, как при прежнем царском режиме. Шум за окнами думского здания был настолько велик, что, по замечанию корреспондента семипалатинской газеты «Свободная речь» (№153 от 22 февраля 1918 г.), некоторые из красногвардейцев даже якобы в страхе стали отставлять от себя оружие. Однако до самосуда, так напугавшего в тот день многих, дело всё-таки не дошло, и люди на улице, вдоволь намитинговавшись, более или менее удовлетворённые разошлись в конце концов по домам.

Новониколаевская оппозиционная пресса, начавшая печатать в те дни многочисленные разоблачительные политические статьи, сразу же подверглась гонениям со стороны советской власти, в результате чего несколько газет были полностью закрыты. Среди последних оказались «Голос Сибири» – орган Всесибирского комитета правых эсеров и «Знамя свободы» – газета уездного комитета той же партии. Типографии кооперативного объединения «Закупсбыт», в которой печатались данные оппозиционные издания, категорически запретили впредь тиражировать их материалы. Однако вскоре оба недавно закрытых печатных органа стали выходить вновь, но только под другими названиями, соответственно «Свободный сибирский голос» и «Свобода», причём они по-прежнему печатались в издательстве «Закупсбыта». В ответ в начале марта Новониколаевский исполком повторно закрыл обе эсеровские газеты, а на «Закупсбыт» наложил штраф в размере 15 тысяч рублей (около полутора миллионов рублей на наши деньги) за непослушание («Алтайский луч», №№23 и 41 за 1918 г.).

«Свободный сибирский голос» закрыли 22 февраля, и в тот же день советские власти разогнали собрание новониколаевской общественности (читай: оппозиционных партий), высказавшейся в очередной раз в поддержку Всероссийского Учредительного собрания. А на следующий день, 23 февраля (все даты, естественно, уже по новому стилю), на представителей крупной городской буржуазии большевики на-

ложили денежную контрибуцию в размере 1 миллиона рублей. А вслед за этим по городу прокатилась и волна национализаций. 6 марта, в частности, в государственную собственность перешли два крупнейших предприятия Новониколаевска – пароходные компании господина Фуксмана и госпожи Мельниковой. А во все банки в то же самое время были направлены советские комиссары («Алтайский луч», №23 за 1918 г.). Большинство городских бань из частных очень быстро превратились в общественные, но плата-то за пользование ими всё равно осталась, правда, она значительно снизилась, но зато и порядка в банях стало намного меньше.

Ещё в одном крупном городе Западной Сибири – Барнауле, с лета 1917 г. столице Алтайской губернии, – одновременно с роспуском городской Думы оказались распущенными уездная и губернская земские управы. Всё это произошло практически за одну неделю с 16-го по 22 февраля. Сначала утром в субботу, 16-го числа, на заседание Барнаульской губернской управы явились представители от местного совдепа и предъявили распоряжение о роспуске всех исполнительных структур губернского земства. Все дела велено было передать губернскому совнархозу. Проводить какие-либо частные совещания по данному вопросу категорически запрещалось («Алтайский луч», №14 за 1918 г.).

18 февраля та же участь постигла и Барнаульскую городскую думу. А на следующий день уполномоченные во главе с комиссаром Соколовым явились в кабинет городского головы и, предъявив мандат военно-революционного комитета, потребовали передать им все дела городской управы, а вместе с ними и имевшиеся в кассе денежные средства. Всё сдавалось и принималось по описи, после чего помещения закрыли и опечатали. А 22 февраля настала очередь и уездного земства.

По следам тех событий в тот же день в Барнауле, вопреки запрещению властей, было проведено собрание членов разогнанных органов местного самоуправления для обсуждения сложившейся ситуации. Член городской Думы от кадетской партии Левитто выступил с отповедью к представителям эсеров и меньшевиков. «Та травля, которая ведётся сейчас против вас, – заявил он, – она взращена той демагогией, которую вы допускали по отношению к нам (выразителям интересов буржуазии)». В конце свей речи Левитто предложил всем оппозиционным политическим силам объединиться «перед лицом грозного момента». Однако на этот выпад сразу же отреагировали представители умеренных левых и заявили, что не нужно смешивать одно с другим, что классовая борьба социалистических партий с буржуазией велась и вестись будет всегда...

А в заключение они же продекларировали следующее: вся сложность нынешнего момента состоит в том, что сопротивление большевизму есть дело очень тонкое. За большевиками и их политическими авантюрами, несмотря на всю их утопичность, пошли широкие народные массы, это – во-первых. А во-вторых, вести борьбу, направленную на полное уничтожение большевизма, нельзя, поскольку в результате разгрома коммунистов неимоверно возрастёт и угроза поражения русской революции, ибо тогда буржуазия не пойдёт на союз с умеренными социалистами, более того – она сразу же начнёт борьбу против них и сделает всё возможное, чтобы подавить народно-демократические тенденции происходящих в стране перемен. Как видно на примере данного спора, эсеры и меньшевики ещё надеялись наладить диалог с большевиками и, может быть, каким-то образом всё-таки вразумить их. Собрание барнаульских оппозиционных депутатов закончилось принятием резолюции, осудившей

разгон земских органов власти, а также было выработано обращение к жителям города в связи с последними событиями. Однако только одним заявлением всё и ограничилось.

23 февраля в меньшевистской газете «Алтайский луч» появилась, как мы теперь называем, разгромная статья члена редакционной коллегии *Леонида Шумиловского*, в которой он в весьма жесткой и, возможно, не совсем политкорректной форме дал оценку только что проведённым мероприятиям в Барнауле по роспуску законно избранных органов местного самоуправления. «Признают ли, наконец, большевики, – писал он, – всю гибельность своей политики, или они останутся в прежнем ослеплении и прежнем тупом упорстве». После такой критики издание «Алтайского луча», разумеется, сразу же приостановили. А *Шумиловский*, возобновивший совсем недавно свою преподавательскую деятельность*, вновь оказался от неё отлучён.

25 февраля в Барнаульский совдеп пригласили представителей правоэсеровской партии, а также некоторых членов недавно разогнанных органов местного самоуправления из числа умеренных левых с целью убедить их в том, что и Учредительное собрание, и земства являются чисто буржуазной затеей, не имеющей ничего общего с дальнейшим развитием социализма в стране. Однако разагитировать уверенных в своей правоте земцев большевикам не удалось, более того, член Учредительного собрания от Славгородского уезда Девизоров стал в ответ доказывать совдеповцам, что прямое, тайное и равное голосование при выборах земских органов власти является отнюдь не буржуазной прихотью, а элементом революционной демократизации общества. За такие «крамольные» речи присутствовавший при данном споре начальник барнаульской Красной гвардии Устинович тут же отдал распоряжение о задержании Девизорова, которого в сопровождении вооруженных людей отвели в следственный отдел, допросили там, конфисковали документы, но спустя некоторое время, одумавшись, всё-таки их вернули, а самого задержанного освободили.

В то же самое время, а точнее 21 февраля, было разогнано и губернское земское собрание в Иркутске. В тот день оно собралось на самое первое пленарное заседание, но не успело даже утвердить повестку дня предстоящей работы. В ней, как отмечают некоторые комментаторы, значилось два очень острых политических вопроса: защита Учредительного собрания и намечавшаяся в связи с этим борьба с советской властью. Реакция большевиков на такого рода заявления конечно же не замедлила себя долго ждать... Каким образом произошёл роспуск земского собрания в Иркутске, запечатлел в своих мемуарах *Иван Серебренников*, очевидец тех событий.

«Итак, большевики разогнали Всероссийское Учредительное собрание. Разогнали и Сибирскую областную думу. Конечно, они не остановятся и перед разгоном Земского собрания, так думал я, собираясь в качестве губернского земского гласного от Верхоленского уезда идти на торжественное открытие первого заседания Иркутского губернского земства.

Заседание должно было открыться в помещении Общественного собрания. Я пришел туда своевременно и застал уже сравнительно много народу. Замечалась некоторая приподнятость настроения. Зал и сцена были скромно декорированы. В глубине сцены за столом президиума помещался оркестр. В ложах около сцены си-

*В 1907 г. историку *Леониду Шумиловскому*, в то время педагогу Барнаульского реального училища, за пропаганду социалистических идей и за попытку демократизации системы образования был наложен запрет на профессию.

дели консульские представители иностранных держав из числа тех, что находились к этому времени в Иркутске.

Заседание открыл помощник бывшего губернского комиссара Временного правительства П.Д. Яковлев хорошо и тепло сказанной речью, на что этот человек был большой мастер. Затем грянул оркестр – не могу вспомнить теперь, что он мог тогда играть.

Едва только затихли звуки музыки, в зал Собрания вошли большевистские солдаты с винтовками и какой-то большевистский комиссар. Последний взобрался на сцену и объявил заседание распущенным.

Земские гласные и собравшиеся зрители, подчинившись силе, молча, в глубоком унынии, разошлись по домам.

На другой день на улицах города появились расклеенные прокламации с выражением протеста против разгона земства.

Все шло одно к одному, с большевистской точки зрения, логично и последовательно. Скоро нужно было ждать, очевидно, роспуска и Городской думы».

2. Томск и Тобольск – «последние из могикан»

Дольше всех земское самоуправление продержалось в условиях большевистской диктатуры в Томске и Тобольске. В Тобольске потому, что в городе практически отсутствовала опора советской власти – городской пролетариат и туда для проведения данных мероприятий пришлось долго собирать дополнительные красногвардейские силы из близлежащих Тюмени и Омска. Не надо также забывать, что в Тобольске в это время содержался под арестом последний православный император – НиколайII, а также наследник российского престола – цесаревич Алексей. Так что немногочисленным тобольским большевикам и без разборок с земством хватало, что называется, проблем вселенского масштаба. В Томске же, в центре сибирской демократии, расправа с «мелкобуржуазным» самоуправлением представляла проблему другого рода – необходимо было каким-то образом всё-таки соблюсти нормы светского приличия перед городским электоратом, уже привитым к тому времени прогрессивным университетским духом.

Однако местный совдеп ничего особенного придумать так и не смог, и поэтому в качестве наиболее приемлемого способа политического «гильотинирования» томские большевики выдвинули старый проверенный метод под названием «народ безмолвствует». Решение по роспуску земских структур в первых числах марта они вынесли на обсуждение Томского губернского съезда крестьянских депутатов. Видимость демократии, таким образом, оказалась соблюдена, но ключевое слово здесь – конечно же видимость. Во-первых, съезд крестьянских депутатов в тот период уже находился под полным контролем советской власти, а во-вторых, «правильных» делегатов на него избирали не тайным голосованием, а открытым – путём поднятия рук на сельском сходе, что вряд ли могло обеспечить вполне демократический состав губернского крестьянского собрания.

В силу этих причин практически без обсуждения, под диктовку, что называется, старших товарищей, большинство губернского крестьянского съезда 4 марта проголосовало за роспуск всех органов земского самоуправления Томской губернии «как

отживших свой век». Через два дня общее собрание служащих Томской губернской земской управы попыталось опротестовать данное решение, однако всё свелось в конечном итоге лишь к публичному заявлению, опубликованному на передовой полосе «Земской газеты» (№20 за 1918 г.). В нём, в частности, подчёркивалось, что «роспуск органов местного самоуправления, как и разгон Учредительного собрания, нарушает в корне основное положение народовластия».

Вместе с тем, желая в сложившейся ситуации каким-то образом всё-таки сохранить исполнительные структуры губернского самоуправления, томские земцы решили создать на их основе так называемый экономический совет во главе с теперь уже бывшим председателем губернской управы эсером *Николаем Ульяновым*. В число членов экономического совета, кроме известных нам уже по предыдущим событиям социалистов-революционеров *Михаила Рудакова, Юсуфа Саиева* и некоторых других, также вошли меньшевик *Валериан Денисов* и даже большевик *Карл Ансон*. Данный совет призван был содействовать принятию необходимых мер «для спасения гибнущего хозяйства Сибири». С этой целью на первом же своём заседании, проходившем 8 марта под председательством *Михаила Рудакова*, члены экономического совета приняли решение выступить с инициативой по созыву в Томске съезда земств и городов (губернских, уездных и городских самоуправлений) Сибири и приступить в ближайшее же время к его организации. В повестку дня будущего съезда предполагалось включить, в частности, вопросы внутреннего и внешнего финансового займа, организации на его основе собственного банка и закупки товаров для Сибири за границей («Алтайский луч», №32 за 1918 г.).

В ответ, для того чтобы продублировать деятельность земства и экономического совета, томские большевики по примеру омских товарищей создали губернский совнархоз во главе с коммунистом С.А. Черепановым. Большевистский совет народного хозяйства, так же как и правоэсеровский экономический совет, создавался на «многопартийной» основе. Так, в частности, известно, что одну из ответственных должностей в томском губернском совнархозе занимал меньшевик *Сергей Неслуховский**.

Две губернские исполнительные структуры – и экономический совет, и совнархоз – существовали до конца марта параллельно, и лишь 27-го числа наступила, наконец, окончательная развязка. В тот день в здание (на бывшей Новособорной площади, переименованной в площадь имени Революции), где по-прежнему размещалась губернская земская управа, а вместе с ней и губернский экономический совет, явились представители совнархоза во главе с большевиком С.А. Черепановым и попросили находившихся там членов бывшего губернского самоуправления немедленно сдать все дела и, что называется, очистить помещение. Председатель управы *Николай*

**Неслуховский* в период Февральской революции являлся студентом Петроградского университета. В конце голодного 1917 г. он по приглашению своего родственника видного томского большевика *Семёна Канатчикова* поселился в более хлебном по тем временам Томске и перевёлся на учёбу в местный университет. В январе 1918 г. *Неслуховский* от томского студенчества был избран в члены Сибирской областной думы, а после её роспуска перешёл на службу к большевикам, став сотрудником губернского совнархоза. И хотя сам он впоследствии отрицал данный факт, его всё-таки уличил в этом уже после свержения советской власти известный томский кадет и областник, адвокат *Александр Гаттенбергер*, знакомый нам по событиям, связанным с визитом корниловского генерала *Флуга* в Томск. По словам *Гаттенбергера*, он в апреле 1918 г. несколько раз посещал томский совнархоз, хлопоча по поводу конфискованной у его сына мельницы, и каждый раз якобы встречал там активно распоряжавшегося делами молодого *Неслуховского*.

Ульянов осведомился у С.А.Черепанова: будет ли применено насилие, в случае если земцы откажутся добровольно покинуть здание. Черепанов ответил, что у него есть предписание применить силу. Только после этого члены управы, а также экономического совета освободили занимаемые кабинеты и разошлись.

Томская городская дума ещё некоторое время продолжала функционировать. Правда, она редко собиралась в полном своём составе и практически никаких вопросов уже не обсуждала, а в городской управе порой вообще сидел только один человек – большевик *Семён Канатчиков*: принимал посетителей, выслушивал их и отправлял прямиком в гостиницу «Европа», в тот или иной отдел городского исполкома. Однако туда не так-то легко было попасть: стоявшие у входа в здание вооружённые венгры-красногвардейцы (бывшие военнопленные) внушали многим просителям такой неподдельный ужас, что некоторые из них разворачивались и, перекрестившись, уходили восвояси от греха подальше, что называется.

В середине марта в Томске с официальным визитом находился японский вице-консул Сугино, в ходе которого он, в том числе, посетил и городскую Думу; кого он там застал и что делал – неизвестно, но факт такой засвидетельствован местными периодическими изданиями. Визит японского консула, по официальной версии, был связан с тем, что министерство иностранных дел Японии якобы намеревалось открыть в Томске ещё одно сибирское дипломатическое представительство. По версии же советской стороны, японский консул приезжал в Томск, чтобы наладить здесь, в том числе, и свою нелегальную агентурную сеть. То, что послы имеют отношение к разведывательной деятельности в любой стране и при любом режиме, – ни для кого не секрет. Сугино же, как выяснили вскоре иркутские чекисты, плюс ко всему ещё и сам участвовал в некоторых шпионских операциях. Так, уже после возвращения из Томска, 17 апреля, в одной из иркутских гостиниц японского вице-консула, а также двоих его ближайших помощников задержали, что называется, с поличным – при попытке получения от российских граждан секретных документов по линии Сибвоенкомата.

В конце февраля, в то время, когда, практически, по всей Сибири советская власть уже полностью вытеснила власть земскую, в Тобольске большевистские Советы, как ни странно, ещё только-только утверждались. До сего момента в Тобольской губернии даже распоряжался, как ни странно, комиссар уже давно свергнутого правительства А.Ф. Керенского – *Василий Николаевич Пигнатти*. Однако 28 февраля прибывшие красногвардейские отряды из Тюмени и Омска за несколько дней установили в городе советскую власть. Сначала в Тобольске появились омские гвардейцы, 107 человек под командованием *А.Ф. Демьянова*, вооруженные несколькими пушками и пулемётами. Варягам-омичам пришлось не только налаживать в городе советскую власть, но одновременно с этим решать сразу и земскую проблему. Известная тобольская газета областнического направления «Сибирский листок» так описывала те события:

«На улицах города было пусто, казалось, попрятались не только люди, но и собаки. Одни только воробьи весело и непринуждённо чирикали, попрыгивая около грозных артиллерийских орудий. Потом прибыл Тюменский красногвардейский отряд, за ним на 40 подводах вскоре подоспела ещё одна группа красногвардейцев.

– Кто такие? – спрашивали у них жители Тобольска.

– Латышские стрелки.

– Святители!!! Это зачем же?

– Из стратегических соображений...

Прибывших иногородних красноармейцев разместили в духовном и епархиальном женском училищах.

– Распустили суд...

– А сегодня куда пойдут?

– Сегодня, кажись, в земство.

– А дума как?

– Думе пять дней дано сроку...»

По прибытии в город латышского красногвардейского отряда из Тобольска сразу же начался исход некоторой части зажиточных граждан, вывоз ими ценного имущества, товаров и пр. В целях предотвращения массового бегства, а также утечки из города капиталов выезд из Тобольска, а заодно и въезд в город были полностью запрещены новыми властями. И уже 6 марта вступило в силу постановление исполкома Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов о переходе к нему всей полноты власти в губернии.

В начале апреля Тобольскую губернию, кстати, большевики переименовали в Тюменскую* и в Тюмень, соответственно, вскоре перевели и резиденцию губернского исполкома, а также Совет депутатов трудящихся. Полномочия же Тобольской губернской управы, таким образом, сами собой автоматически прекратились. Что касается Тобольской городской думы, то она была распущена на основании постановления местного совдепа и провела последнее своё заседание в пятницу 19 апреля, в завершение которого думские гласные вынесли следующее решение: «Подчиняясь силе, сложить с себя всякую ответственность за ведение городского хозяйства, поручить городской управе сдать все дела, городское имущество, хозяйство и капиталы уполномоченным от совдепа лицам».

Бывший теперь уже тобольский губернский комиссар *В.Н. Пигнатти* в тех условиях полностью сложил все свои полномочия, а 20 марта его для порядка даже арестовали вместе с бывшим первым помощником В.С. Лавитиным. Однако после обмена телеграммами местных большевистских властей с Омским совдепом арестованных уже через два дня освободили из-под стражи («Омский вестник», №77 от 20 апреля 1918 г.).

Закончив, таким образом, самые неотложные дела, омский и тюменский отряды в конце апреля покинули, наконец, Тобольск. Вместе с ними 26 апреля из города под усиленной охраной выехал и бывший царь Николай Романов. 28-го числа того же месяца большевики арестовали и также вывезли из города епископа Тобольского Гермогена (Георгия Долганёва). Оба – и царь, и архипастырь – через несколько месяцев будут зверски убиты своими гонителями. Тюменцев и омичей сменили в Тобольске красногвардейцы из Екатеринбурга под командованием некоего Родионова. Им уже была поставлена несколько иная задача – полностью заменить собой охрану царской семьи, до того момента осуществлявшуюся людьми, назначенными бывшим губернским комиссаром *В.Н. Пигнатти* по личному указанию А.Ф. Керенского.

Таким образом, подводя как бы некоторый краткий итог данной части нашего повествования, необходимо отметить, что просуществовавшее столь короткий срок –

*Переименована в этот же период была и Акмолинская область, названная – по своему крупнейшему городскому центру – Омской.

всего около полугода – сибирское земство просто не успело, конечно, сделать сибирякам «прививку» от деспотизма.

Ну а в завершение темы ещё одна небольшая цитата из Платоновских «Законов» в качестве «Евангелия от Иуды» для большевиков: «Не думаете ли вы... что одержавший победу тиран, народ, или другое какое-нибудь правление добровольно установит законы, имеющие в виду что-то иное, кроме их собственной пользы, то есть закрепления за собой власти?».

ГЛАВА ВТОРАЯ

СИБИРСКОЕ АНТИБОЛЬШЕВИСТСКОЕ ПОДПОЛЬЕ В АПРЕЛЕ – МАЕ 1918 Г.

Пальмы, кактусы, в рост человеческий травы,
Слишком много здесь этой палёной травы...
Осторожнее! В ней притаились удавы,
Притаились пантеры и рыжие львы.

Н.С. Гумилёв. Абиссиния

1. Рутинная работа

Однако вернёмся к сибирскому подполью. Апрель–май стали периодом активнейшей подготовки к широкомасштабному вооруженному мятежу в регионе. То, что видел генерал *Флуг* и члены его экспедиции в трёх проинспектированных ими губернских центрах, являлось лишь, что называется, вершиной той пирамиды, что создавалась в Сибири под крылом Временного правительства автономной Сибири (ВПАС), а также Дальневосточного комитета защиты Родины и Учредительного собрания. Наряду с омской, томской и иркутской подпольными группировками, насчитывавшими в своих рядах в общей сложности около 3 тысяч человек, ещё примерно столько же заговорщиков оказалось рассредоточено и по другим, более мелким, городам и населённым пунктам. Со всеми этими организациями необходимо было наладить прочную связь и объединить их под одним общим руководством. На осуществление данных мероприятий и ушли два последних месяца, остававшиеся до начала мятежа.

Много усилий в столь важном деле приложили конечно же, в первую очередь, члены Западно-Сибирского комиссариата ВПАС. *Павел Михайлов* по документам кооперативного объединения «Закупсбыт» разъезжал по городам и весям, координируя деятельность подпольщиков. *Михаил Линдберг* и *Борис Марков* вели активную работу в городах Томской губернии. На территории Енисейской губернии им помогал член Всероссийского Учредительного собрания от Сибири, также правый эсер, *Нил Фомин*.

Последний, по его собственным воспоминаниям, в феврале–марте 1918 г. вместе с некоторыми другими видными сибирскими социалистами-революционерами находился в Москве, где в среде столичной политической оппозиции шла подготовка к повторному созыву разогнанного большевиками Учредительного собрания. Здесь же, в Москве, тогда только что завершился и IV Всероссийский съезд Советов, утвердивший злополучный Брестский мир. Но в тот же самый момент в столицу прибыл *Александр Новосёлов* с известием, что в Сибири разогнана Областная дума и что

в ответ на это в крае начинается подготовка к вооруженной борьбе с советской властью. Он заверил, что на востоке сейчас происходит процесс возрождения России, и таким образом убедил находившихся в Москве сибирских депутатов Всероссийского Учредительного собрания как можно скорее вернуться домой, чтобы там, на месте, подключиться к вполне реальному делу по низвержению диктатуры большевиков.

Однако по приезду в Сибирь выяснилось, что здесь далеко не все члены партии правых социалистов-революционеров разделяют точку зрения части своего руководства по поводу немедленного начала вооруженной борьбы с советской властью. Данная группа сибирских эсеров высказывалась за продолжение легальной политической деятельности в качестве главной оппозиционной партии. Они всё ещё надеялись, что даже после роспуска органов местного самоуправления, посредством агитации и пропаганды демократических идей теперь уже внутри Советов рабочих солдатских и, особенно, крестьянских депутатов им удастся добиться отстранения большевиков от власти законным, что называется парламентским, путём.

Вдобавок ко всему все так называемые умеренные левые опасались того, во-первых, что в результате вооруженного восстания, организованного главным образом усилиями партии социалистов-революционеров, к власти могут прийти политики из правобуржуазного лагеря, имевшие многочисленных союзников в среде всех без исключения представителей крупной буржуазии края, подавляющего большинства сибирского казачества, а также среди значительной части офицерского корпуса. А эти люди, как вполне резонно полагали не только теоретики эсеровской партии, но даже и рядовые её члены, могли после свержения советской власти расправиться не только с общим врагом – большевиками, но и с временными «союзниками» – самими эсерами. Во-вторых, как предупреждали всё те же противники тактики прямого действия, разгоревшийся вооруженный конфликт с коммунистами, то есть, по сути, широкомасштабная гражданская война, вполне может спровоцировать союзные державы на ввод своих войск на территорию страны, что повлечёт за собой оккупацию национальных окраин, а может быть, даже и некоторых исконно русских земель и приведёт в конечном итоге к потере Россией части государственного суверенитета... что, естественно, чревато самыми негативными последствиями для политического будущего любой страны, а для такой, как наша, – тем более.

В целях завершения споров и принятия окончательного решения по данному вопросу с 5-го по 16 апреля 1918 г. в Томске провела свою работу всесибирская эсеровская партийная конференция. На ней присутствовали 17 делегатов от шести губернских и областных организаций, не приехали лишь представители от Забайкалья и Дальнего Востока, поэтому конференция и не получила статуса съезда. Мнения опять разделились, однако в свете последних событий, связанных с подписанием правительством Ленина Брестского мира, а также после того, как к концу марта большевики разогнали вслед за Сибирской думой практически все земские и городские органы местного самоуправления, многие из сторонников мирной тактики в борьбе с засильем советской власти поменяли собственную точку зрения и в наказах выбранным делегатам поручили проголосовать на конференции за резолюцию, одобряющую подготовку к осуществлению в скором времени вооруженного мятежа против большевиков*. Что, собственно, и было сделано на томской конференции. Таким об-

*Интересно, что резолюция по поводу вооруженного сопротивления диктатуре большевиков не предусматривала, однако, что называется, беспощадной борьбы с Советами рабочих, солдатских и кре-

разом, эсеровские организации на местах имели теперь у себя на руках, так скажем, боевую директиву не только от Временного правительства автономной Сибири, формально являвшегося органом областнических структур, но и от избранного на собственной партийной конференции Всесибирского краевого комитета (ВКК)*.

Что касается второго важнейшего вопроса конференции, касавшегося отношения к помощи союзников в борьбе с большевиками, то делегаты так и не смогли выработать единого мнения относительно этой проблемы. Часть областных и губернских организаций по-прежнему опасались вмешательства стран Антанты в сибирские дела, другие же считали, что без поддержки великих держав хотя бы в плане финансов, на первых порах никак не обойтись. Однако подобного рода трудные вопросы уже были к тому времени однозначно положительно решены в Харбине министрами ВПАС как в пользу тесного сотрудничества с цензовыми элементами, так и со странами антигерманской коалиции, ставшей теперь ещё и антибольшевистской.

А месяц спустя и в Москве делегаты VIII совета партии правых эсеров (проходил с 7-го по 14 мая) также проголосовали за решение – в целях борьбы с большевистской диктатурой принять союзную помощь, но только как от «держав равноправных и полномочных заключить друг с другом акт договорного характера» и конечно же при условии невмешательства во внутренние дела России. А сами переговоры с иностранцами по этому поводу, касавшиеся, в частности, и конкретных практических решений, велись руководством партии ещё в марте-апреле. В том же русле ЦК ПСР одобрил и сотрудничество с правобуржуазными политиками, разрешив своим членам, в частности, вступать в образованную в начале 1918 г. тайную политическую организацию «Союз возрождения России», созданную, в том числе, и по инициативе представителей кадетской партии, что, по сути, противоречило партийному уставу, исключавшему участие эсеров в буржуазных организациях.

Главное же внимание на VIII совете партии правых социалистов-революционеров его участники уделили вопросу о политическом устройстве России после победы над большевиками. Участники совещания высказались за создание на переходный период, до повторного созыва Всероссийского Учредительного собрания, государственного органа власти в лице Директории, избранной на коалиционной основе «как блока с буржуазными элементами». Однако такого рода политический компромисс в линии партии не одобрила центристская группировка во главе с *Виктором Черновым*. У последнего, как мы уже указывали, было достаточно много сторонников в Сибири, к их числу, в частности, принадлежали и члены Западно-Сибирского комиссариата ВПАС, а также *Нил Фомин*. Все они руководили, как мы знаем, подготовкой вооруженного антибольшевистского мятежа, то есть находились в тот момент на лидирующих позициях в региональных партийных структурах.

В апреле вёл большую организационную работу среди сибирских подпольщиков также и член центрального военного штаба западносибирских организаций, а потом и его руководитель подполковник *А.Н. Гришин-Алмазов.* Создав со своей женой *Марией Александровной*, профессиональной актрисой, небольшую труппу передвижного театра, он ездил в качестве антрепренёра по большим и малым городам и под этой

стьянских депутатов, поскольку значительная часть делегатов конференции посчитала их органами, защищающими классовые интересы трудящихся и поэтому нуждающимися при любом раскладе не в роспуске, а, напротив, в защите со стороны эсеровской партии.

*Состоял из семи членов и семи кандидатов.

легальной «крышей» весьма удачно проводил тайные совещания с руководством местных подпольных организаций.

Передвижная театральная труппа являлась совсем даже неплохим конспиративным прикрытием, не менее эффективным, чем те же кооперативные организации, которые уже на протяжении многих лет достаточно успешно укрывали в недрах своих структур оппозиционных политических деятелей. Так что появлявшегося то там, то здесь по служебной надобности антрепренёра Алмазова советские власти вряд ли могли заподозрить в чём-то особенно предосудительном, например в подготовке вооруженного мятежа. К тому же Алексей Николаевич и по складу характера, и по интересам, из воспоминаний современников, действительно был весьма близок к миру искусств* и даже чисто внешне походил не то на актёра-трагика, не то на героя-любовника. Поэтому в театральном антрепренёре Алмазове даже очень опытным физиономистам вряд ли удалось бы распознать с первого раза бывшего подполковника царской армии Гришина.

К тому же, поскольку чисто житейских развлечений, отвлекавших городских обывателей от политических и экономических проблем, в ту пору оставалось не так уж и много, то приезд театральной труппы куда-нибудь в Мариинск или, скажем, в Кольчугино всегда являлся событием особо значимым. И такое культурное мероприятие местными властями конечно же весьма приветствовалось и даже всячески поощрялось (точно так же, как сейчас, например, поддерживаются правительством и охотно финансируются им же медийные средства массовой информации, особенно те, что вещают из зомбоящика). Так что… какие уж тут подозрения, скорее наоборот. В любом случае все эти театральные мероприятия, как правило, не вызывали никаких особых опасений (за исключением идеологических, конечно**) у местных советских властей.

---

*Достаточно известная в начале XX века писательница Надежда Александровна Лохвицкая (литературный псевдоним Тэффи) так, например, описывала *Гришина-Алмазова*: «Собеседником он был милым и приятным. Любил говорить фразами одного персонажа из «Леона Дрея» Юшкевича. Сегодня очень холодно. Подчеркиваю: «очень». Удобно ли вам в этой комнате? Подчеркиваю: «вам». Есть у вас книги для чтения? Подчеркиваю: «для».

**На поприще идеологии, как нам представляется, большевики имели свою очень большую «ахиллесову пяту». Несмотря на предельно строгую цензуру, обеспечивавшую почти полную защиту от буржуазного «тлетворного» влияния, внутри идеологического сектора далеко не всё, как оказалось, было в порядке с подбором кадров. Так, стоило кому-нибудь из политических оппонентов или даже скрытому врагу режима замаскироваться, что называется, под красного «агитатора, горлана-главаря», как ему тут же выписывали «индульгенцию», то есть прощали все прошлые грехи, а также будущие и закрывали глаза даже на любые незначительные политические проделки, ограничивавшиеся, впрочем, как правило, лишь ночными посиделками на кухне с друзьями по цеху. И вся эта ложь затевалась только ради того, чтобы деятели разного вида искусств с прежним рвением продолжали агитировать за советскую власть. Сколько таких латентных врагов кормилось (и хорошо кормилось) под боком сначала у большевиков, а потом и у сменивших их коммунистов в различного рода пролеткультовских организациях, теперь их, конечно, не перечесть, но имя им легион, как говорится. Вот взять хотя бы славное семейство Михалковых. Отец сочинял стихотворные гимны советской власти, два его сына прославляли, как могли, её в своих фильмах. Но, стоило только коммунистическому режиму пасть, семья сразу же поменяла окрас: так, например, младший, на что-то ещё способный к тому времени, сразу же выписавшийся из коммунистов и ставший «государственником», выдал два омерзительно липких «киношедевра» примитивнейшей антисоветчины, на одну общую тему: «Посмотрите, господа из Голливуда, как я лучше всех умею бить лежачего».

Поразительно вместе с тем, но, допустим, Варлам Шаламов, до конца дней, отпущенных ему на этом свете, верил в идеалы социалистической революции и советской власти, и это, несмотря даже на то, – что совковая власть с ним сделала, когда он свои лучшие годы провёл за колючей проволокой

Точно таким же образом, то есть ровно для таких же чисто занимательных целей, кстати, использовался и кинематограф. Кино, как известно, является особо продуктивным видом воздействия на сознание масс. Однако за чудными картинками потустороннего мира грёз обязательно скрывается, условно говоря, некий 25-й кадр, в который можно вложить или загрузить всё что угодно. В общем, магия кино – она и есть магия кино, что тут ещё добавишь. Небезынтересно в связи с этим, наверное, будет узнать: что же смотрели в 1918 г. сибирские зрители в городских электротеатрах? (Тогда именно так назывались кинозалы.) Да в общем-то то же самое, что и сейчас: идеологический агитпром, потом ещё остросюжетные триллеры со стрельбой и погонями, разный авангардистский хлам ну и, конечно, романтические, про любовь и разлуку что называется.

Так, например, в Барнауле с 6-го по 8 января 1918 г. демонстрировалась «кино-опера» под названием «За свободу, за народ», «захватывающая драма, – как свидетельствовал газетный рекламный дайджест, – с прологом и эпилогом в четырёх частях, повествующая о крушении режима царского самодержавия». В фильме участвовали лучшие артисты московских театров. Кино-действие сопровождалось живым «хоровым исполнением песен сибирских каторжан и революционных гимнов». На радость мальчишкам и юношам переходного возраста, а также части взрослого мужского населения, демонстрировались весьма и весьма популярные в то время боевики мексиканского производства «с лампасами и пампасами» (голливудские вестерны тогда были лишь в проекте, а Джон Уэйн пока ещё только начинал ходить в школу).

Что же касается публики более «взыскательной», то для неё предлагался очередной фильм с участием неподражаемой и несравненной Веры Холодной, первой русской кинодивы. Так, например, данная часть зрительской аудитории в начале января с нетерпением ожидала показа в электротеатрах нового фильма под названием «У камина»*, киноинсценировки популярного в то время романса.

Ты сидишь одиноко
И смотришь с тоской –
Как печально камин догорает.

«Драма в шести частях, – как говорилось в афишах, – в главных ролях сразу все звёзды российского кинематографа: В. Холодная, В. Максимов и В. Полонский».

Возможно, в одном из сибирских кинотеатров наслаждался сценами «У камина» в начале 1918 г. и один из наших героев – мало тогда кому известный демобилизованный подполковник *Алексей Гришин*. И конечно же совсем не ведал он о том, что спустя каких-нибудь пару месяцев он станет *Гришиным-Алмазовым,* будет руководить центральным военным штабом сибирского подполья, а уже летом 1918 г. возглавит Сибирскую добровольческую армию. И ещё более не мог он тогда знать и даже предполагать, что в конце того же года в звании генерал-майора он окажется уже в далёкой от Сибири Одессе, будет назначен военным губернатором этого города и сблизится (подробнее см. «досье» *Гришина-Алмазова*) с той самой, знакомой ему по

ГУЛАГа под маркой «врага народа», а освободившись, окончил жизнь на железной койке сумасшедшего дома (и отсюда, возможно, прямо в рай, – в свой, коммунистический, конечно)... Ян Гус, как известно, такое отношение к пророкам в своём отечестве называл святой простотой. Не берёмся спорить с великим революционером-реформатором, но, на наш взгляд, такая «простота» – хуже самого последнего воровства...

*В режиссёрской версии Петра Чардынина фильм назывался ещё более романтично – «Позабудь про камин, в нём погасли огни».

многим фильмам, несравненной малоросской красавицей Верой Холодной, двадцатипятилетней звездой русского немого кино. Вот уж действительно, кто не рискует, тот не пьёт шампанского...

По показаниям *Л.Д.Василенко**, одного из ближайших помощников *Гришина-Алмазова* по центральному военному штабу, Алексей Николаевич по прибытии в тот или иной населённый пункт по коммерческим делам возглавляемой им театральной труппы в ходе консультаций с местными подпольщиками обычно назначал или утверждал из предложенных кандидатур главного военного начальника формирующейся организации. Тот после этого набирал вокруг себя команду из самых доверенных лиц, они, в свою очередь, вербовали в организацию собственных знакомых, и те, становясь десятскими, упорядоченно создавали под своим началом небольшие (по 5 – 10 человек) боевые группы. Что касается самого капитана Василенко, оставившего нам очень ценные «воспоминания», то он вёл в центральном военном штабе всю текущую оперативную работу, обрабатывал данные о подпольных организациях, систематизировал сведения о противнике. Он же занимался распространением директив, полученных через связных от военного министра ВПАС *Краковецкого*.

2. Согласно вновь утверждённому плану

На основании последних указаний из Харбина от министра *Краковецкого* руководство сибирским сопротивлением установило в апреле месяце связь сначала с представителями поволжского подполья, а затем и со столичными деятелями антибольшевистской оппозиции. Известно также, что член Учредительного собрания от эсеровской партии латыш *Иван Брушвит* после освобождения из тюрьмы примерно в то же самое время совершил специальную поездку из Самары в Сибирь, где встречался с членами Западно-Сибирского комиссариата и другими руководителями подполья, во время бесед с которыми был согласован общий план действий в предстоящем вооруженном выступлении («Вечерняя заря», Самара, №141 за 1918 г.). А современник тех событий Пётр Парфёнов в своей монографии «Гражданская война в Сибири», вышедшей в Москве в 1924 г., сообщает, что в апреле в Москву по документам кооперативного объединения «Закупсбыт» ездил представитель сибирского центрального штаба капитан Коншин**.

Там он встречался с представителями Академии генерального штаба подполковником*** *Александром Сыромятниковым* и генерал-майором *Михаилом Иностранцевым*. Те, в свою очередь, свели Коншина с ещё более высокопоставленными людьми – членами союзного дипломатического корпуса (читай с представителями

*Были даны последним во время допросов в ЧК после окончания Гражданской войны.

**Эти сведения П.С. Парфёнов-Алтайский получил от самого Коншина, который так же, как и капитан *Василенко*, по окончании Гражданской войны попал в руки сибирских чекистов. Кстати, то, что Коншин и *Василенко* – бывшие подпольщики – не ушли вместе с другими колчаковцами на Дальний Восток, а тайно осели где-то в Сибири, свидетельствует, возможно, о том, что они были специально оставлены, как имеющие опыт, в качестве организаторов новой нелегальной сети в сибирских городах. К сожалению, все документы по этому и другим очень интересным вопросам до сих пор хранятся за семью печатями в архивах КГБ-ФСБ и там, по всей видимости, так и пролежат без широкого научного употребления ещё очень и очень долго.

***У Парфёнова – полковником, что неверно. Звание полковника тридцатидвухлетний *Александр Дмитриевич Сыромятников* получил уже в ходе Гражданской войны.

иностранных спецслужб): французскими штаб-офицерами генералом Лавернье и полковником Корбейлем, а также генеральным консулом Великобритании в России Брюсом Локкартом. Все эти люди, – а ещё французский посол Жозеф Нуланс и небезызвестный политический авантюрист, а по совместительству английский шпион Сидней Рейли (урождённый одесский еврей Соломон Розенблюм, между прочим) стояли во главе широко разветвлённого так называемого «заговора послов» и организовали в 1918 г. целый ряд вооруженных выступлений против советской власти*. Попав в сферу деятельности такого рода мощных заговорщических структур, успешно «прикрывших» к тому времени уже не одно правительство и ввиду того что на карте стояли весьма крупные интересы очень серьёзных людей, сибирским подпольщикам больше не оставалось, что называется, пути назад. Таким образом, хочешь – не хочешь, а нужно было принимать теперь те правила игры, которые предлагал в создавшихся условиях более опытный, а самое главное – несравнимо более могущественный союзник.

В инструкциях, которые капитан Коншин тогда получил на встрече с иностранными консультантами, сибирским нелегалам настоятельно рекомендовалось, прежде всего, в корне изменить всю систему руководства своим подпольным движением. Ввиду того что постоянно сомневавшиеся в правильности выбранного ими пути эсеры не могли, по мнению большинства заграничных специалистов по подрывной деятельности, обеспечить полномасштабное стратегическое управление готовившимся мятежом, а также из-за отсутствия у них практического опыта по тактическому

---

*Главным мероприятием данного заговора должен был стать летом 1918 г. общероссийский правоэсеровский мятеж, основные оперативные действия которого планировалось развернуть в Сибири, на Волге и, наконец, в непосредственной близости от Москвы, в Ярославле. Последнее по счёту, но не по значению вооруженное выступление поручили организовать, а потом и возглавить Борису Савинкову. После захвата Ярославля от него совсем уже рядом находилась Москва, на что, собственно, больше всего и рассчитывали иностранные резиденты и поэтому возлагали на группу Савинкова очень большие надежды. Но здесь они сильно просчитались: к их плохо скрываемому разочарованию, ярославский мятеж, единственный из всех, неожиданно провалился (в Сибири и на Волге, впрочем, могло произойти то же самое, если бы восставшим русским не помогли чехословацкие легионеры). После случившегося про Савинкова, что называется, надолго забыли его давние заграничные покровители. Небезынтересно, наверное, в связи с этим будет узнать, что Борис Викторович Савинков родился на Украине в Харькове, потом с родителями переехал в Польшу, входившую тогда в состав Российской империи. В Варшавской гимназии он познакомился с Иваном Каляевым, в скором времени ставшим одним из самых знаменитых эсеровских террористов, мать последнего являлась полькой по национальности. В Харькове же родился, а потом в Польше оказался завербован революционерами и военный министр ВПАС *Аркадий Краковецкий*. Основатель ВЧК Феликс Дзержинский, отправивший на тот свет не одну тысячу русских патриотов, также, как известно, был по крови поляк, да к тому же ещё и дворянин, шляхтич. А католическая Польша ещё в период средневековья стала передовым форпостом западноевропейских секретных операций в их борьбе против России.

Вторым мероприятием «заговора послов» стало убийство в июле того же 1918 г. германского посла в России, графа фон Мирбаха, осуществлённого при активном участии чекиста Якова Блюмкина – давнего знакомого Сиднея Рейли ещё по Одессе. Яков Блюмкин (Симха-Янкев Гершевич Блюмкин) – один из прототипов знаменитого Штирлица, придуманного Юлианом Семёновым (настоящая фамилия писателя – Ляндрес), зятем, кстати, Сергея Михалкова.

В августе руками всё тех же эсеров было организовано покушение на Ленина, а в сентябре «послы» пытались подкупить охрану Кремля, латышских стрелков во главе с их командиром Эдуардом Берзиным, с целью арестовать советское правительство, истратив на это, между прочим, по разным данным, от 700 тысяч до одного миллиона 200 тысяч рублей. Эдуард Петрович Берзин, кстати, в 1931 г. являясь начальником строительства Березниковского химкомбината, поспособствовал досрочному освобождению из первой «отсидки» Варлама Шаламова, но в 1938 г. сам пал жертвой политических репрессий.

планированию предстоящих военных операций, сибирским подпольным структурам было предписано в срочном порядке назначить на руководящие посты во всех относящихся к предстоящему делу нелегальных организациях профессиональных военных, желательно штаб-офицеров*, оппозиционно настроенных к советской власти и имеющих богатый боевой опыт. Это, во-первых. А во-вторых, сибирским подпольщикам столь же настоятельно рекомендовалось как можно скорее наладить связь с командованием двигавшегося по Транссибирской железнодорожной магистрали в направлении на Владивосток Чехословацкого корпуса с целью совместного вооруженного выступления против большевиков.

С такого рода инструкциями капитан Коншин где-то уже к концу апреля 1918 г. вернулся в Томск, после чего в центральном военном штабе западносибирских подпольных организаций, а также во всех подконтрольных ему структурах началась перестройка практически всей системы управления согласно вновь утверждённому плану. Так, во главе центрального штаба встал теперь уже хорошо известный нам подполковник *А.Н. Гришин-Алмазов*. Сам же центральный штаб решили тогда же перенести из удалённого от Транссиба губернского Томска в уездный Новониколаевск, располагавшийся, во-первых, на главном пути железнодорожной магистрали; во-вторых, от Новониколаевска шла отдельная ветка на Барнаул; а в-третьих, этот город находился на берегу реки Обь и контролировал, таким образом вдобавок ко всему прочему ещё и крупнейшую водную артерию Западной Сибири. Ну и, наконец, в-четвёртых (вот сколько преимуществ сразу), на запасных путях железнодорожного вокзала Новониколаевска в вагонах-теплушках была временно расквартирована бо̲льшая часть военнослужащих 7-го Татранского полка Чехословацкого корпуса. Данные факты в совокупности с новыми инструкциями, привезёнными из Москвы капитаном Коншиным, как раз и повлияли на то, чтобы штаб-квартиру центрального военного руководства Западной Сибири перенести из Томска, всеми признанного центра автономистского движения, в Новониколаевск**.

Там, в Новониколаевске, на новой штаб-квартире центрального штаба 3 мая состоялось совещание представителей большинства подпольных организаций Западной Сибири, на нём до сведения прибывших делегатов довели все последние изменения, связанные с разработанными и утверждёнными в Москве тактико-стратегическими планами предстоящего общесибирского восстания. Представителям этих организаций по окончании совещания был отдан приказ в ближайшее же время привести подконтрольные им группы в полную боевую готовность и ждать из Новониколаевска сигнала к общему выступлению.

По завершении совещания *Алексей Николаевич Гришин-Алмазов* вместе со своим помощником по центральному штабу полковником *Петром Андреевичем Беловым* (настоящая фамилия – Виттенкопф), российским немцем по происхождению, совершили две инспекционные поездки, соответственно – в Омск и Красноярск. В Омске им пришлось в течение пяти дней вести очень трудные переговоры с представителями местного подполья во главе с полковником *Ивановым-Риновым*, целью которых являлось добиться подчинения омской организации новониколаевскому центральному штабу.

---

*Офицеры в воинском звании от штабс-капитана до полковника.

**Центр сибирского областнического сопротивления, таким образом, был перенесён в Новониколаевск (Новосибирск); многие полагали, что это временно, но, как оказалось, – навсегда...

Упорство в данном вопросе *Иванова-Ринова*, по мнению ряда исследователей, явилось следствием тех обещаний, которые он получил от генерала *Флуга* в период пребывания последнего в Омске. А именно: пролоббировать в Харбине вопрос о переносе главного штаба по руководству сибирским восстанием в Омск, а в будущем сделать этот город как бы столицей белого движения на востоке страны. Ясно, что такие авансы со стороны руководителя корниловской делегации давали *Иванову-Ринову* определённые надежды, в том числе и в отношении собственной политической карьеры. Вторая причина, по которой омские подпольщики так неохотно шли на контакт с *Гришиным-Алмазовым*, заключалась в том, что и сам начальник штаба, и его подчинённые были подконтрольны эсеровскому Временному правительству автономной Сибири, а люди, окружавшие Иванова-Ринова, да и он сам никаких дел с эсерами иметь не хотели. Напротив, они каким-то образом уже напрямую контактировали в то время с правобуржуазными политиками из харбинского Дальневосточного комитета защиты Родины и Учредительного собрания.

Однако долгие и, видимо, достаточно аргументированные уговоры со стороны представителей центрального западносибирского штаба в конце концов всё-таки возымели действие, и полковник *Иванов,* наконец, уступил – согласился в день «Х» неукоснительно выполнить все распоряжения из Томска и Новониколаевска. Многие исследователи полагают, что это произошло при определённых условиях со стороны *Иванова-Ринова* и курировавшей его группы правых политиков, а именно: признания Сибирского правительства как областнической идеи, но непризнания его персонального состава.

Ещё один визит накануне восстания *Гришин-Алмазов* и *Белов* нанесли в Красноярск – город, находившийся официально под юрисдикцией Восточно-Сибирского военного округа и подчинявшийся, соответственно, иркутским нелегальным структурам во главе с эсерами *Николаем Калашниковым* и *Павлом Яковлевым*. Однако, в силу того что новониколаевский (бывший томский) штаб получил в апреле очень большие полномочия от Москвы, решено было переподчинить ему напрямую, помимо губернских – омской и барнаульской – ещё и красноярскую подпольную организацию, а заодно и провести замену руководителя в ней.

В тот период военный отдел красноярских нелегалов возглавлял некий поручик Лысенко. К сожалению, нам не удалось найти никаких выходных данных об этом человеке, даже инициалов его имени и отчества, поэтому мы можем лишь предполагать, допустим, что поручик Лысенко, имея достаточно невысокое воинское звание, несколько, так сказать, не соответствующее занимаемой им руководящей должности, по всей видимости, являлся ставленником эсеровских структур, а вполне возможно, что даже и состоял членом правоэсеровской партии. Так вот, в силу только что поступивших тогда инструкций из Москвы молодой поручик подлежал замене на более зрелого и имевшего богатый боевой опыт офицера. Именно таким образом вместо Лысенко на должность руководителя красноярской подпольной организации распоряжением *Гришина-Алмазова* был назначен сорокадвухлетний фронтовой полковник *Владимир Платонович Гулидов**. Сохранились воспоминания жены полковника *Гулидова* Веры Владимировны о том, как к ним на квартиру в мае 1918 г., в самый

*Закончил войну в должности командира бригады 15-й (по другим данным, 8-й) стрелковой (пехотной) Сибирской дивизии, то есть в генеральской должности. Видимо, поэтому в некоторых работах *Гулидов* в период подготовки антисоветского мятежа значится как генерал, что так же неверно, как и в

канун общесибирского вооруженного восстания, пожаловали два гостя из Новониколаевска. «На *Белова* набросилась наша собака, когда он за столом сидел, в крайне потёртом мундире с поразившими меня засаленными манжетами». По некоторым данным, одним из ближайших помощников *Владимира Платоновича Гулидова* в тот период стал полковник *Бронислав Михайлович Зиневич**, также участник Первой мировой войны, русский поляк по национальности.

Теперь, что касается иркутского подполья. Оно, как мы уже выяснили в начале нашей книги, к концу апреля оказалось несколько ослаблено арестами, но в мае сумело всё-таки в значительной степени восстановить свои ряды благодаря усилиям, в том числе, и миссии генерала *В.Е. Флуга*. Вместе с тем, примерно в то же самое время, когда в Иркутске гостила делегация Добровольческой армии юга России, здесь же находились и специальные секретные представители иностранных дипломатических служб, которые довели до сведения иркутского подполья последние установки по подготовке общесибирского восстания, согласованные и утверждённые в Москве. Так, известно, что в Иркутске в тот период побывал один из заместителей Локкарта английский разведчик У. Хикс, который в апреле-мае совершил официальную, то есть абсолютно легальную, инспекционную поездку по Сибири. Причём она была организована самими большевиками, полагавшими посредством миссии Хикса развеять миф о якобы формирующихся на востоке России крупных воинских формированиях из пленных немцев и австрийцев.

Активность в плане разведки на территории Сибири стали к тому времени проявлять, кроме англичан, французов и японцев, также и американские дипломаты. Так руководителем всего иностранного консульского корпуса в Иркутске** стал в конце весны 1918 г. американец Э. Гаррис, сменивший на этом посту французского консула А. Буржуа, основательно к тому времени скомпрометировавшего себя в глазах большевиков. Он в декабре 1917 г. оказывал всяческую поддержку восставшим против власти Советов юнкерам и политикам из оппозиционного лагеря, а в начале 1918 г. засветился, что называется, и на почве установления «неофициальных» связей с иркутским подпольным движением. В то же самое временя, о котором сейчас идёт речь,

случае с подполковником *Сыромятниковым*. Звание генерал-майора Владимир Платонович получил лишь при Колчаке, весной 1919 г.

*Этот человек спустя некоторое время (спрессованное, правда, почти в целую эпоху) в декабре 1919 г. сыграет одну из ключевых ролей в разгроме остатков колчаковских войск под Красноярском, перейдя со своим Средне-Сибирским корпусом на сторону эсеровско-областнической оппозиции. Генерал же *Гулидов* сохранит верность белому движению до конца, под пытками в ЧК (на страницах его дела остались следы слёз и крови) он подпишет признательные показания о своей столь продолжительной антисоветской деятельности и в мае 1920 г. будет расстрелян. *Бронислав Зиневич* перейдёт на службу в Красную армию, но уже через год его арестуют, и он окончит жизнь в одном из исправительно-трудовых лагерей. Оба – и *Гулидов* и *Зиневич* – в 90-х годах будут полностью реабилитированы.

**Иностранный консульский корпус в лице дипломатов из Франции, Великобритании и США стал формироваться в Иркутске после образования Антанты, то есть в 1907 году. Потом к основной тройке присоединились и консулы некоторых других стран. Иркутск был выбран не случайно, поскольку через столицу Восточной Сибири в то время проходила прямая телеграфная линия, соединявшая Китай со странами Западной Европы, а на иркутском главпочтамте располагалась эксплуатационная станция этой линии. Обслуживала данную станцию датская телеграфная компания, шпионившая, кстати, в период Первой мировой войны в пользу Германии. В июле 1918 г. в результате захвата Иркутска войсками Сибирского правительства разведывательную деятельность датской компании удалось каким-то образом разоблачить и многих её служащих, таким образом, сразу же отправить под арест. Аналогичные мероприятия тогда же провели и в Томске. Вот такая, извольте видеть, котовасия; так что тут у нас не только «евреи, евреи, кругом одни евреи», как пел про своих Аркадий Северный, но и шпиёны тоже...

в Иркутск прибыл и американский военный атташе в Китае Дрисдейл, что ещё раз подтверждает факт активизации деятельности американской политической разведки в Сибири. Дрисдейл принял участие, как свидетельствуют источники, в совещании представителей всего иностранного дипломатического корпуса, на котором, видимо, и удалось окончательно согласовать все оставшиеся ещё неразрешёнными вопросы, касавшиеся предстоящего широкомасштабного вооруженного восстания.

Вследствие всех этих мероприятий иркутские подпольщики также получили, надо полагать, самую свежую и подробную информацию, что называется, из первых рук и точно так же, как и их западносибирские собратья по борьбе, вынуждены были в соответствии с новыми инструкциями произвести необходимые изменения в своих руководящих структурах. Именно поэтому в мае во главе иркутской подпольной организации вместо поручика-эсера *Н.С. Калашникова* встал сорокатрёхлетний боевой полковник *Александр Васильевич Эллерц* (подпольный псевдоним – Усов), командовавший на полях Первой мировой войны 58-м Сибирским стрелковым полком. Его юрисдикция, как руководителя, распространялась, согласно прежним указаниям военного министра *Краковецкого*, и на другие подпольные организации Восточно-Сибирского военного округа: до Читы – на востоке и до Канска и Нижнеудинска – на западе. *Николай Калашников* в результате вынужденных перестановок занял должность заместителя Эллерц-Усова по политической части. Таким образом, и в Иркутском подпольном военном округе в мае всё оказалось преобразовано в соответствии со вновь утверждённым планом, так что осталось только объявить в нужный момент долгожданный день и час «Х».

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

АНТИБОЛЬШЕВИСТСКИЕ ВЫСТУПЛЕНИЯ В СИБИРСКИХ ГОРОДАХ

Бунт есть долг человека священнейший;
смирение перед Богом – бунт против людей.
Д.С. Мережковский. Александр I
(роман о декабристах)

1. События в Славгороде

На период ликвидации в Сибири земских и городских самоуправлений, то есть на февраль-март 1918 г., пришёлся и целый ряд антибольшевистских выступлений вооружённого характера. Одним из первых среди них стал славгородский мятеж, случившийся в середине февраля и приведший к тому, что советская власть в этом городе была парализована в течение нескольких дней. О славгородских событиях писала тогда в одной из своих статей близкая к большевикам томская газета «Знамя революции» (№37 за 1918 г.). По её сведениям, отправной точкой случившихся беспорядков послужило, в частности, то обстоятельство, что в конце января в целях борьбы со спекуляцией исполком Славгородского совдепа создал специальную учётную комиссию, призванную произвести ревизию имеющихся у местных торговцев товаров с последующим обложением их так называемым «справедливым процентом».

И вот, когда члены данной комиссии в ближайший же базарный день 16 февраля, взяв с собой несколько вооруженных красногвардейцев, прибыли на рынок с целью досмотра и учёта товаров, эта вполне мирная акция неожиданно приобрела характер вооружённого конфликта, а вскоре разрослась, что называется, до масштабов настоящего политического бедствия в городе. Появление на многолюдной толкучке* хотя и небольшого, но всё-таки вооруженного и притом решительно настроенного отряда вполне естественным образом произвело далеко не самое радостное впечатление на покупателей, продавцов и особенно на криминалитет рынка. В результате народ стал волноваться, а вскоре началась настоящая паника, вызванная несколькими выстрелами, одним из которых случайно была ранена женщина.

После этого уже вконец перепуганная толпа покупателей дружно направилась к выходу от греха подальше да восвояси, а некоторые так и вообще ретировались, что называется, во всю прыть с места происшествия, опасаясь того, что стрельба (или перестрелка) может возобновиться вновь. Так всё происходило вначале. Однако вскоре ситуация на рынке поменялась абсолютно в противоположную сторону. Часть

*Так назывались в России вещевые рынки, где торговали как новой, так и поношенной уже одеждой, предметами бытового обихода и прочими товарами, за исключением продуктов питания.

местных торговцев, находившихся в тот момент в толпе, – из тех, кто оказался посмелее, – стала, напротив, увлекая за собой остальных, потихоньку наступать и плотным кольцом окружать немногочисленных красногвардейцев. И вот, уже сомкнувшись вокруг незваных гостей, люди поднадавили как следует и, приблизившись вплотную, просто взяли да и разоружили никак не ожидавших такого разворота событий и от того немного оторопевших членов учетной комиссии вместе со всей их охраной.

Председатель комиссии товарищ Тимошин пытался утихомирить агрессивно настроенную толпу, угрожая ей своим наганом, но он был также очень легко и быстро обезоружен да ещё и прилично избит при этом. «Эге, да у него леворвер, так, значит, он и есть всему тут самый главный! А ну, ребята, поддай ему как следоват!..» В общем, так неожиданно осложнившиеся обстоятельства могли окончиться для председателя учётной комиссии, а может быть, и не только для него весьма и весьма плачевно, не явись в тот момент на рынок наряд городской милиции, который выручил исполкомовских чиновников, а также их охранников из рук перевозбуждённой и вконец осмелевшей толпы.

Однако начальник славгородской милиции (фамилию которого, к сожалению, упомянутое газетное сообщение для нас не сохранило), назначенный на свою должность ещё при прежних – земских – порядках, считал себя, прежде всего, слугой закона, а не власти. Поэтому вызволенного из самосудного плена Тимошина, несмотря на то, что тот являлся большевиком, то есть представителем правящей в стране партии, он не отпустил, а, напротив, задержал и, более того, посадил, как констатировало «Знамя революции», «в каталажку» для дальнейшего разбирательства по достаточно громкому в прямом и переносном смысле слова происшествию на толкучке.

Вместе с тем такая в общем-то вполне обычная процедура, осуществлённая сотрудниками муниципальной милиции, неожиданно вызвала не совсем адекватную реакцию у некоторой части городского населения и в первую очередь отразилась на настроениях местной славгородской буржуазии, которая восприняла арест большевика Тимошина, ни больше и ни меньше, как сигнал к началу свержения советской власти в городе. И действительно, тут же, что называется, по горячим следам представители городского торгового капитала стали призывать население к погромным действиям в отношении большевиков, и это, как констатировало в своей заметке «Красное знамя», почти сразу же возымело соответствующий эффект.

И вот уже власть в Славгороде в общем-то без каких-либо больших вооружённых разборок (хотя отдельные эпизоды конечно же имели место), но элементарно – путём всё большего и большего увеличения числа сторонников переворота – формально стала переходить в руки прежнего муниципального самоуправления, всенародно избранного несколько месяцев назад, как раз накануне большевистской революции. Однако на первых порах в ходе славгородского выступления городскими делами реально начали заправлять, что, конечно, также весьма примечательно, не земцы, а представители местной буржуазии; и первым своим актом новая временная власть объявила в городе свободу торговли, то есть отпустила цены на товары, в том числе и на продукты питания. Население заверили при этом, что только так можно будет улучшить продовольственное снабжение города.

У местных славгородских большевиков собственных сил, достаточных для подавления стихийно разрастающегося протестного выступления горожан, в то время под руками не оказалось, поэтому военный отдел Славгородского исполкома сразу же

запросил помощь из Омска. И там местные товарищи не заставили себя долго ждать. Омичи, надо признать, очень оперативно отреагировали, так что в тот же день 16 февраля в Славгород отправился вооруженный красногвардейский отряд, который, прибыв к месту назначения по железной дороге (то есть также достаточно быстро), немедленно пресёк все массовые беспорядки в городе. Было арестовано несколько человек из числа «буржуев-подстрекателей» за организацию мятежа, а вместе с ними за распространение антисоветских «погромных» воззваний за решеткой оказался и председатель Славгородской уездной земской управы эсер Худяков.

При этом надо отметить, что местное отделение правоэсеровской партии всячески открещивалось тогда от обвинений в свой адрес по поводу участия в происходивших событиях, свалив всю вину на одного только Худякова, который, по версии его товарищей – эсеров, действовал по личной инициативе, без какого-либо уведомления на сей счёт уездного партийного комитета. Однако, учитывая то обстоятельство, что во время обыска в городской типографии большевики обнаружили антисоветское воззвание к крестьянам Славгородского уезда, подписанное от имени этого самого эсеровского комитета, всё оказалось далеко не так безобидно. Сами эсеры заявили в ходе разбирательства о подлоге и фальсификации со стороны большевиков, однако последним, как представляется, вряд ли при таком чрезвычайном положении, когда они могли арестовать практически любого, нужно было ещё и фабриковать фальшивки. В общем, факт участия правых социалистов-революционеров во всех произошедших событиях оказался более чем очевидным. Однако никого, за исключением Худякова, кажется, так и не подвергли лишению свободы в связи с данным, весьма значительным политическим происшествием.

Что же касается тех людей, которым всё-таки не удалось избежать ареста, то их в ночь на 19 февраля пытались отбить несколько вооружённых людей. Задержанные бунтовщики находились в тот момент на железнодорожном вокзале и ждали отправки в Омск. Боевики планировали во время прибытия пассажирского поезда поднять панику и, воспользовавшись суматохой, захватить арестантский вагон, стоявший поблизости, на запасных путях. И вот в назначенное время, как только с подошедшего поезда стали высаживаться пассажиры, из толпы встречающих неожиданно раздалось несколько выстрелов, потом завязалась перестрелка ну и т.д. Операция по освобождению, таким образом, кажется, вполне состоялась. Однако отбить арестованных в ходе её проведения всё-таки не удалось, так как омские красногвардейцы не дрогнули и мужественно защитили охраняемый ими вагон от нападения, а один из них во время возникшей перестрелки даже был убит.

На этом достаточно громкое славгородское дело как бы и закончилось, однако, подводя ему итог, томское «Красное знамя» отметило тогда в своём газетном обзоре, что достаточно большая, если не значительная, часть славгородцев всё-таки весьма сочувственно встретила восстановление советской власти в городе. Люди в данном конкретном случае не очень-то поверили в то, что вдруг «опухшие» за период мятежа цены на продукты питания смогут, как обещали местные купцы, поправить продовольственное положение и улучшить рацион питания рядовых горожан, поскольку у большинства из них просто не хватало наличности, чтобы угнаться за «ихними» ценами. Так простые славгородские обыватели проголосовали, что называется, собственными кошельками за возвращение советской власти в город и имели на то, надо признать, вполне состоявшуюся логику правды.

Таким образом, мы видим, что непримиримый социальный конфликт, в том числе и на почве основного (продовольственного) инстинкта, вполне имел здесь своё «почётное» место. И мы можем утверждать вследствие этого, что Гражданскую войну в России развязали отнюдь не одни только большевики, устроившие в октябре 1917 г. очередной революционный переворот. Гражданская война, на наш взгляд, явилась, по большому счёту, следствием копившегося в людях не один год и не одно десятилетие озлобления по поводу главного, по сути, социального противоречия, основанного, образно выражаясь, на гипертрофированно значимой разнице толщины кошельков у российских граждан. И тут конечно же дело не только в зависти, как могут меня поправить некоторые (хотя и в ней отчасти тоже), здесь причина, если хорошо подумать, совсем иного порядка. Вот и получается в итоге, что каким-то людям приходятся больше по душе белые, каким-то – красные, а кому-то – коричневые, и ничего с этим не поделаешь, так уж устроено в природе: одним, как говорится, нравятся блондинки, другим – брюнетки, а лично я, если позволительно такое лирическое отступление, предпочитаю крашеных шатенок.

2. Омский «поповский бунт»

В то время, пока часть омских красногвардейцев находилась в Славгороде, в самом Омске произошли не менее масштабные выступления вооруженного характера, вошедшие в историю Сибири XX века под названием «поповского бунта». Данные события, так же как и волнения в Славгороде, имели свою небольшую предысторию и некоторые определённо характерные причинно-следственные связи. Так, наряду с роспуском большевиками городской Думы и управы, на зарождение массовых протестных действий в столице бывшего Западно-Сибирского генерал-губернаторства повлиял ещё и арест руководителей правления Сибирского казачьего войска во главе с генералом *П.С. Копейкиным* и подполковником *Е.П. Березовским*, а также декрет московского Совнаркома об отделении церкви от государства. Всё это уместилось практически в один небольшой временной отрезок – в последнюю декаду января 1918 г.

26 января по постановлению Совета казачьих депутатов было арестовано всё войсковое правительство (правление). Распоряжение об аресте большевики мотивировали возникшими у них подозрениями в проведении членами правления контрреволюционной политики. Так, в частности, их обвинили в том, что под предлогом охраны арендаторских хозяйств они-де создавали вооруженные отряды, которые могли использоваться и для других целей – заговорщицких, например. После окончания предварительного разбирательства большинство членов войскового правления всё-таки вскоре оказались на свободе, но атаман Сибирского казачьего войска *Павел Самсонович Копейкин** и председатель войскового правления *Ефим Прокопьевич Березовский*, а также некоторые его члены, как то – Евтин и Ходоков, оставались ещё некоторое время под стражей, после чего их отправили в томскую губернскую тюрьму для дальнейшего содержания. В то же самое время большевики сменили и весь

*Генерал *Копейкин*, кстати, в революционном 1917 г. стал первым за всю историю Сибирского казачьего войска выборным войсковым атаманом; до этого войсковые атаманы являлись наказными, то есть назначались царским правительством.

состав редакции газеты «Иртыш» – печатного органа войскового правительства. Не надо забывать и о том, что в тот же самый период коммунисты проводили политику уравнения прав некогда привилегированного казачьего сословия не только со всем остальным русскоязычным сибирским населением, но даже и с инородцами, что также отразилось на отношении казаков к советской власти.

Декрет Совета народных комиссаров от 23 января 1918 г. «Об отделении церкви от государства, а школы от церкви» разрабатывался комиссией во главе с наркомом юстиции И.З. Штейнбергом и заведующим отделом этого же наркомата М. Рейснером (национальность обоих, судя по их фамилиям, вполне очевидна – не славянская). После декрета о земле, а также декрета о национализации частных банков и предприятий закон от 23 января стал, пожалуй, наиболее радикальным из всех большевистских декретов. Он вводил в стране, во-первых, свободу совести и вероисповедания, а во-вторых, уравнивал в правах всех верующих. Отныне почти тысячелетнее официальное господство православной церкви в России отменялось навсегда, «терпимые» до той поры мировые религии (католичество, ислам и буддизм) признавались теоретически равными православию по статусу. И самое интересное: гонимая в течение нескольких веков сугубо национальная религия – иудаизм – становилась теперь вровень со всеми остальными, в том числе и с православием, перешедшим после 23 января в разряд отделённого от государства культового сообщества, полностью лишенного заботы и опеки со стороны правительства.

Кроме того, согласно Декрету «Об отделении церкви от государства», все религиозные конфессии лишались отныне статуса юридического лица и теряли право иметь собственность. Исключение составляли здания и предметы, специально предназначенные для богослужебных целей. В соответствии с новым законом государственное финансирование, направленное на содержание церковного имущества, прекращалось с февраля, а оплата труда церковнослужителей из средств госбюджета – с марта 1918 г. Отменялось и преподавание закона божьего в общеобразовательных учебных заведениях*.

Что же касается непосредственно самого «поповского бунта», то он произошёл в пределах 18 – 21 февраля при следующих обстоятельствах. Как писала кадетская «Свободная речь» (Семипалатинск, №190 за 1918 г.), после издания Декрета Совета народных комиссаров «Об отделении церкви от государства» представители омских властей, не совсем внимательно, видимо, прочитавшие данный закон, стали осматривать существующие в городе церковные учреждения и здания на предмет использования их, что называется, совершенно для других целей. Так, Ильинскую церковь предполагалось отдать под лазарет, а кафедральный Никольский собор перепрофилировать под лекционные аудитории народного университета. Одновременно с этим по Омску поползли многочисленные слухи и кривотолки о предстоящей якобы полной конфискации церковного имущества и о физической расправе с православными священниками.

Архиепископ Омский *Сильвестр* на своих воскресных проповедях 21-го и 28 января неоднократно касался данной темы и, по некоторым данным, успокаивал па-

*Ну и ещё что хотелось бы отметить. Декрет об отделении церкви от государства, официально вступивший в силу 23 января, впервые был опубликован в газетах *21 января* 1918 г., а ровно шесть лет спустя (мистика, конечно, хотя...) Ленина хватил последний, на этот раз уже смертельный, апоплексический удар.

ству, всячески призывая её к благоразумию и разъясняя подлинную суть наделавшего столько шума закона. По свидетельству же других источников, отец *Сильвестр*, наоборот, как мог, нагнетал напряженность среди верующих, пугая их репрессиями со стороны «жидовствующих большевиков» не только в отношении церкви, но и направленными вообще против всех православных верующих. Точно такие же обвинительные речи прозвучали в те дни и из уст протоиерея кафедрального Никольского (казачьего) собора отца Александра Соловьёва.

23 января в доме главного омского архиерея под председательством самого архиепископа состоялось общее собрание представителей городских приходов, на котором его участники выработали общее мнение – любыми средствами отстаивать от поругания храмы, а также, вопреки закону от 23 января, продолжать преподавать закон божий во всех учебных заведениях.

Спустя несколько дней, 15-го и 16 февраля (2-го и 3 февраля, если по старому стилю), в Кафедральном соборе протоиерей Александр Соловьёв провёл ещё несколько общих собраний прихожан города, на которых обсуждалась всё та же проблема и было принято единогласное решение: 17 февраля, после воскресной литургии в Никольском соборе, провести городской крестный ход с остановками у всех приходских церквей Омска, дабы продемонстрировать властям силу и сплочённость православных верующих. Архиепископ *Сильвестр*, как и положено, уведомил о данном мероприятии советского коменданта города и, кажется, даже получил от него официальное разрешение на его проведение. И вот 17-го числа в конце утренней службы омский архипастырь вновь продолжил свою контрреволюционную агитацию и зачитал послание патриарха Московского и всея Руси Тихона «о воздвигнутом гонении на церковь»*. После чего состоялся, как и планировалось, крестный ход, совершались литии, народ в количестве нескольких тысяч человек пел церковные молитвы, а в заключение – пасхальные песни.

Следующий день, 18 февраля, прошёл в городе относительно спокойно. Однако в 3 часа ночи на 19-е Омск был разбужен набатным звоном городских церковных колоколов. Данному событию, по версии «Свободной речи», предшествовал однозначно незваный визит в архиерейский дом отряда красногвардейцев, которые стали стучать и требовать немедленно впустить их внутрь. Прислуга архиепископа категорически отказалась выполнить эту не совсем корректную «просьбу» и предложила представителям власти приходить днём. Получив такой достаточно неожиданный отпор, красногвардейцы, немного подумав, принялись живо ломать входные двери. В ответ, видимо, по заранее оговорённому плану, эконом архиерейского дома подал каким-то образом условный знак, и вскоре на колокольне Кафедрального собора ударили в набат, который сразу же поддержали во всеуслышание колокола многих других городских церквей. Разбуженные таким почти «пасхальным звоном» верующие тут же

*«Патриарх Московский и всея России в послании… обнажил меч духовный против извергов рода человеческого – большевиков и предал их анафеме. Глава Православной Церкви Российской заклинает всех верных чад её не вступать с этими извергами в какое-либо общение... Родители! Если дети ваши – большевики, требуйте властью, чтобы отреклись они от заблуждений своих, чтобы принесли покаяние в великом грехе, а если не послушают вас, отрекайтесь от них. Жены, если мужья ваши – большевики и упорствуют в служении сатане, уйдите от мужей ваших, спасите себя и детей от заразы, губящей душу. Церковь Христова призывает вас на защиту православной веры… Покайтесь, горячей молитвой призовите помощь Господа и стряхните с себя “руки чужих” – исконных врагов веры Христовой, объявивших себя самозванно “народной властью”».

стали собираться возле своих приходских храмов, немало народа поспешило в тот момент и к архиерейскому дому.

Что же касается красногвардейцев, то им, спустя некоторое время, всё-таки удалось взломать тяжелые двери в доме архиепископа, после чего беспрепятственно войти внутрь. Там они сразу же взяли отца *Сильвестра* под стражу и произвели в доме архипастыря обыск. Толпа, скопившаяся у здания, начала возбуждённо гудеть, когда архиепископа под конвоем вывели на улицу; с точки зрения прихожан, сбывались самые худшие прогнозы: жидомасоны начали осуществлять свои коварные замыслы по физическому уничтожению православных священников. В ответ люди попытались отбить у караула арестованного архиерея, но решительные действия командира красногвардейского отряда мгновенно пресекли эти дерзкие поползновения. Недолго думая, он просто взял и выстрелил в первого же бросившегося ему навстречу человека и убил его наповал. Стоявшие тут же конвойные арестантской команды, подражая своему командиру, также мгновенно передёрнули затворы трёхлинеек и нацелили их в толпу. После чего безоружные прихожане по большей части сразу же начали, поторапливаясь, расходиться, а некоторые, у кого нервы оказались недостаточно крепкими, даже стали разбегаться в разные стороны.

Арестованного архиепископа отвели в Дом республики*, где находился штаб Красной гвардии, и поместили в подвал, в котором к тому времени уже содержались под стражей два священника. Ими оказались знакомый нам протоиерей Никольского собора Александр Соловьёв и ключарь той же церкви Фёдор Чемагин, именно он подал с кафедральной колокольни тревожный сигнал набата, за что и был арестован. Тут же в грязном и пропахшем сыростью подвале находились и другие узники, которые, как писала всё та же семипалатинская газета «Свободная речь», подходили к архиерею для принятия благословения и вследствие этого «в грязной атмосфере физической почувствовались чистые струи атмосферы духовной».

На следующий день отца Сильвестра перевели в другое, более подходящее для его сана, помещение и начали обращаться с ним немного корректнее, и всё потому, что за окнами Дома республики бушевала в тот момент возбуждённая толпа верующих, значительную группу которой составляли очень напористые и крикливые женщины, требовавшие во всеуслышание немедленного освобождения архиепископа и двух других арестованных священников. Однако, несмотря ни на что, ещё весь следующий день арестанты провели в заключении и вышли на свободу лишь 21 февраля. Такова версия семипалатинской «Свободной речи».

В трактовке же советских хроникёров арест омского архиепископа всегда связывался с попыткой оппозиции произвести в городе вооружённый мятеж, и никаких других причин для данного инцидента якобы не существовало (ничего личного, как говорится). В ходе февральского выступления, по утверждению тех же источников,

*Дом республики, или Народный дом, находился на Атаманском хуторе. Когда-то данный район Омска являлся казачьей станицей, но с конца XIX века, особенно после того, как в городе открыли железнодорожные мастерские, здесь начали селиться деповские рабочие с семьями, так что к периоду второй русской революции Атаманский хутор превратился, по сути, в самый пролетарский район Омска (точно так же, например, как Глазковское предместье в Иркутске, о котором мы будем говорить чуть позже). Однако это не означало, что Атаманский хутор был вотчиной большевиков, значительная часть деповских рабочих, особенно из числа более грамотных и хорошо оплачиваемых, разделяла идеи меньшевиков, а также эсеров. В то время как низкооплачиваемые главным образом молодые рабочие, желавшие всеобщей уравниловки, выступали, как правило, за большевиков.

мятежники намеревались захватить штаб Красной гвардии, пороховой и артиллерийский склады, а также арестовать ведущих партийных и советских работников. А во главе всего заговора, согласно тому же источнику, якобы находился архиепископ *Сильвестр*, именно по его распоряжению должен был зазвучать «пасхальный» звон колоколов, созывая участников вооруженного переворота на заранее обговорённые позиции. Вынуждаемые данными сведениями к действию большевики с целью каким-то образом предотвратить надвигавшиеся события заранее взяли архиерея под стражу.

Так или иначе, но днём 20 февраля, и в этом обе версии абсолютно схожи, в Омске действительно имел место ряд крупных протестных выступлений, вылившихся в многочисленные несанкционированные митинги, беспощадно разгоняемые отрядами Красной гвардии. Самые массовые скопления людей произошли в тот день на Соборной площади, на центральном рынке, а также на Люблинском проспекте, главной улице города. И без того перевозбуждённую толпу православных верующих, по свидетельству очевидцев тех событий, ещё более распыляли политические агитаторы, призывавшие народ на неповиновение и сопротивление власти большевиков («антихристов», «безбожников» и одновременно «предателей дела революции», всё как бы вместе, в одном флаконе, что называется).

Появлявшиеся отряды пролетарской гвардии митингующие, как правило, встречали свистом и неодобрительными выкриками, раздавались в их адрес и откровенные угрозы. На неоднократные предложения разойтись многочисленная людская толпа, как правило, отвечала вызывающим улюлюканьем, после чего в большинстве случаев звучали предупредительные выстрелы вверх, а потом – стрельба в сторону протестующих холостыми патронами. После чего люди, что вполне естественно, начинали в панике разбегаться, однако, видя, что жертв нет, и понимая, что огонь ведётся, по всей видимости, не на поражение, вновь собирались в оживлённые группы, желая продолжать противостояние с вооруженными, но оказавшимися недостаточно решительными красногвардейцами.

Тогда в дело шли приклады, после чего возмущённые граждане постепенно начинали, наконец, расходиться и покидать места массового скопления. Если не помогало и это, тогда большевики в виде исключения прибегали к последнему, наконец, средству и отдавали приказ о применении боевых патронов, после чего происходила стрельба уже на поражение. Таким образом, несколько человек в ходе омских беспорядков были убиты, а многие получили ранения. В отдельных местах столкновения продолжались ещё и всю последующую ночь, причём с применением огнестрельного оружия, но теперь уже с обеих сторон. Однако к утру 21 февраля сопротивление оппозиции оказалось окончательно сломленным, главные площади города, центральный проспект, а также железнодорожный мост охранялись вооруженными солдатами и рабочими красногвардейцами. В городе действовало военное положение, прекратились занятия в учебных заведениях, не работали в те дни многие учреждения и предприятия.

Особенно много людей пострадало во время подавления «поповского бунта» от рук незадолго до того прибывшего в город продовольственного отряда из Петрограда, состоявшего из матросов Балтики. Грозные «соколы» революции произвели даже несколько расстрелов, что называется, без суда и следствия. Об этом, в частности, сообщил на общем собрании рабочих депо станции Омск председатель областного исполкома большевик *Владимир Косарев* («Пролетарий», Омск, №9 от 1 марта 1918 г.).

Те же самые столичные «гости» в ходе подавления мятежа устраивали несанкционированные аресты и обыски, в результате чего от населения поступили многочисленные жалобы о хищении имущества. И ещё один неприглядный факт был вскрыт в докладе *Косарева*: по его словам, после подавления мятежа в исполком из многих городских питейных заведений пришли извещения о неоплаченных счетах праздновавшей победу матросни. Рассмотрев случаи откровенного самосуда, по предложению *Николая Яковлева*, в то время ещё председателя Западно-Сибирского совдепа, общее собрание вынесло резолюцию, категорически осудившую подобного рода незаконные методы борьбы с оппозицией... Однако нашлись люди, которые выступили против такого решения, ими оказались так называемые эсеры-максималисты, посчитавшие, что в условиях обострения классовой борьбы к врагам народа можно и нужно применять самые решительные меры*.

Отдельным эпизодом событий 20 февраля стал боевой рейд небольшого казачьего отряда под командованием есаула *Анненкова* из пригорода к центру Омска, на Казачью площадь, к зданию Никольского кафедрального собора. Целью данной операции являлся захват хранившегося в храме знамени, а точнее хоругви, покорителя Сибири Ермака Тимофеевича – святыни Сибирского казачьего войска. Знамя Ермака – это, конечно, отдельная и очень старая история, покрытая, как водится в таких случаях, множеством легенд и преданий, совсем, может быть, даже и не относящихся к основной теме нашего рассказа; и всё-таки, поскольку данная хоругвь является одной из главных реликвий русской Сибири, о ней конечно же необходимо сказать хотя бы несколько слов.

По классической версии, знамя для покорителей Сибири выткали и вышили соликамские монахини по заказу купцов Строгоновых, а потом передали в дар Ермаку перед началом его экспедиции за Урал. Оно представляло собой прямоугольное полотнище размером в 1 аршин на 6 с четвертью вершков (примерно 71 на 28 см)**. На одной стороне его был изображён святой великомученик Димитрий Солунский***, поражающий копьём лежащего на земле татарского хана (как бы низвергал в не-

*Последний факт примечателен с той точки зрения, что, оказывается, в ходе русской революции имелись группировки, по своим политическим взглядам находившиеся на позициях ещё даже левее, чем большевики, что, передвигает партию Ленина с левого фланга хоть немного, но всё-таки ближе к центру.

**Вершок равнялся 4,45 см, а аршин – 16 вершкам, то есть 71,2 см.

***Николай Рерих во время своего путешествия по Сибири видел в Омске эту хоругвь и подробно описал её в одной из своих книг. Но он, как полагают исследователи, по ошибке принял Дмитрия Солунского за святого Георгия Победоносца, знаменитого покровителя стольного града Москвы. Однако Москва к походу Ермака никакого отношения, как известно, не имела, экспедиция была организована по инициативе и на средства пермских купцов-солепромышленников Строгоновых. А Иван Грозный – тогдашний правитель царства Московского, Казанского, Астраханского и прочих – узнал обо всём лишь post factum, то есть после того, как войско сибирского хана Кучума потерпело сокрушительное поражение от отряда Ермака, а его столица Итиль оказалась уже взята русскими казаками.

Примечателен в связи с этим также и тот факт, что в период Гражданской войны один из сибирских корпусов под командованием томича *Анатолия Пепеляева,* входивший в состав войск адмирала Колчака, после освобождения Сибири смог отвоевать у большевиков ещё и тот самый Пермский край Московской империи, то есть бывшую вотчину Строгоновых, откуда, собственно, и начиналось покорение русскими Азии.

Ну и ещё один факт, на десерт (на любителя) что называется: основу библиотеки Сибирского (Томского) университета составила в конце XIX века личная библиотека уже к тому времени графов Строгоновых. Среди многочисленных раритетов уникальной книжной коллекции, собиравшейся не одним поколением семьи миллионеров-солепромышленников и переданной Томскому университету безвоз-

бытие Кучума). Здесь же в верхнем правом углу находилось изображение Христа с Евангелием. На другой стороне архангел (архистратиг) Михаил на коне разил копьём чудовище, выбегающее из разрушенной мечети (символ крестового похода одной воинствующей религии против другой)*.

После гибели Ермака Тимофеевича его боевое знамя сберегли несколько сподвижников атамана и хранили хоругвь в станице, а потом – в городе Берёзове Тобольской губернии при канцелярии местного казачьего подразделения. В результате расформирования которого и перевода местных казаков в податное сословие (1868 г.) знамя Ермака было передано по наследству Тобольскому пешему батальону и долгое время ещё находилось в городе, в местном соборе. И, несмотря на все многочисленные попытки перенести драгоценную реликвию в какой-нибудь другой, более крупный, административный центр, знамя покорителя Сибири по-прежнему оставалось в месте своего первоначального хранения. Наследники бывших казаков-первопроходцев долгое время никому не уступали этой святыни.

Однако, в конце концов, в дело вмешался сам государь-император Александр III, который в 1882 г., в честь 300-летнего юбилея покорения Сибири, распорядился присвоить 1-му полку Сибирского казачьего войска имя Ермака Тимофеевича. И в то же самое время, по ходатайству наказного атамана генерала Г.А. Колпаковского, царь повелел перенести хоругвь Ермака на вечное хранение в Омск – в столицу Сибирского казачьего войска. Так-то вот весной следующего – 1883 г. с официального согласия берёзовских «родовых казаков дружины Ермака Тимофеевича», его знамя было торжественно перевезено в Омск и определено на хранение в Никольскую войсковую казачью церковь**. Через семь лет на деньги, собранные по подписному листу среди сибирских казаков, для знамени изготовили бронзовый оклад и бронзовое древко, на котором, по некоторым сведениям, специально укрепили подсвечник для того, чтобы использовать знамя ещё и в качестве иконы. По воспоминаниям современников, хоругвь с древком и подсвечником стояла в Никольском соборе в левом углу у алтаря.

Теперь нам понятно, какую значительную роль в среде сибирских казаков играло знамя Ермака. Именно с его помощью *Борис Анненков* намеревался поднять станичников на борьбу с большевиками. Есаул *Анненков* в начале 1918 г. вернулся с фронта вместе со своим так называемым партизанским отрядом***, состоявшим из нескольких казачьих сотен с приданными им лёгкими артиллерийскими орудиями. Воевал этот эскадрон на фронтах Первой мировой войны в составе I-й Сибирской казачьей

мездно (то есть даром), находилось полное собрание парижских газет времён Великой французской революции. Вот нам и подумалось: а не являлась ли данная затея с библиотекой продолжением давнего «коварного» замысла Строгоновых? И не поэтому ли Томск стал воистину революционным центром Сибири и возглавил на определённом этапе её освободительное движение, поскольку за его убелёнными университетскими стенами хранилась (и до сих пор здесь находится) ещё и частичка души одной из величайших в мировой истории революции?..

*Кто-то трактует поверженное архистратигом Михаилом чудовище не как символ мусульманства, а как образное воплощение язычества, третьи видят в изображенном чудовище общее для всех религий отображение мирового зла – дьявола.

**В 1916 г. указом Святейшего Синода ей был придан статус Омского кафедрального собора. В нём 17 февраля 1918 г. архиепископ Сильвестр как раз и зачитывал прихожанам послание патриарха Тихона с анафемой в адрес большевиков и с колокольни которого в ночь на 19 февраля ударил мятежный набат.

***Так назывались подразделения особого назначения, созданные главным образом для того, чтобы совершать боевые рейды по тылам противника. Обычно для такой службы подбирались люди исключительной храбрости. Сам *Анненков* за проведение подобного рода операций был награждён несколькими

дивизии. По воспоминаниям начальника штаба отряда капитана Ширкунова («Русский восток», Чита, №71 от 26 декабря 1918 г.), после подписания большевиками перемирия с немцами и начала демобилизации армии казаки *Анненкова*, не желая мириться с новой властью, решили, не сдавая оружия, организованно вернуться с фронта в родную Сибирь. Путь домой оказался долгим и трудным, более того, партизанские сотни дважды, в Пензе и Самаре, принимали настоящий бой с красноармейцами и даже понёсли некоторые потери, но всё-таки благодаря налаженной дисциплине и отменной боевой выучке личного состава, а также наличию оружия (при нескольких пулемётах), ударному отряду сибирских казаков всё-таки удалось непобеждённым добраться до Омска, а потом и до своих родовых станиц.

Большинство казаков *Анненкова*, по версии Ширкунова, решило так: по прибытии в Сибирь оружия по-прежнему не сдавать* и борьбу с большевиками не прекращать. Разбившись на несколько групп, анненковцы рассредоточились в степных станицах близ Омска. Одно из таких боевых подразделений во главе с самим есаулом, по некоторым данным, располагалось в станице Захламинской. Отсюда, из глухих и заснеженных акмолинских степей, казаки начали проводить операции против красных по принципу настоящей партизанской войны.

Однако, по некоторым данным, в том числе и по самым последним, есаулу *Б.В. Анненкову* по прибытии с фронта удалось сохранить вокруг себя лишь весьма небольшой боевой костяк, и даже после захвата знамени Ермака численность его сподвижников увеличилась всего на два десятка добровольцев, не больше. Потом он пытался ещё организовать совместное выступление с национальными частями омского гарнизона (поляками и украинцам), но также безуспешно. Поняв, наконец, что он и его люди не в силах что-либо серьёзное противопоставить большевикам, *Борис Анненков* распустил по родным куреням оставшуюся часть своего отряда, а сам всего с несколькими бойцами отступил в одну из казачьих станиц Кокчетавского уезда. Сюда же было перевезено и знамя Ермака**.

Что же касается омского «поповского бунта», то он, по сути, провалился, мало чего достигнув по своим результатам. Единственным, пожалуй, успехом февральского выступления оппозиции принято считать лишь захват знамени Ермака казаками-анненковцами, совершившими молниеносный кавалерийский рейд по Омску до самого Никольского собора и после непродолжительного боя сумевшими вырваться за пределы города и там рассеяться до времени в заснеженной степной мгле.

7 марта постановлением исполкома Омского совдепа, на основании декрета Совнаркома было всё-таки отменено преподавание закона божьего во всех светских учебных заведениях, а с 1 марта прекращалась выплата заработной платы всем педагогам данного профиля. Граждане, желавшие продолжить воспитание своих детей по предметам религиоведения, могли это делать теперь только в частном порядке и за отдельную плату.

Георгиевскими медалями и Золотым оружием. Орден же св. Георгия обошёл его стороной «благодаря» довоенным «подвигам» *Бориса Анненкова* (см. Досье. *Анненков Борис Владимирович*).

*Постановлением Омского вокома (военной комендатуры) от 18 января 1918 г. предписывалось в обязательном порядке разоружать все прибывавшие с фронта казачьи части.

**Древнее знамя во время всех этих многочисленных переездов окончательно истрепалось, так что впоследствии его пришлось долго реставрировать, перед тем как несколько месяцев спустя, уже при адмирале Колчаке, установить на прежнее место в Никольском казачьем соборе. После окончания Гражданской войны хоругвь Ермака бесследно исчезла и до сих пор так и не найдена.

2. Осадное положение в Новониколаевске и в Камне-на-Оби

Новониколаевск, который в то время уже постепенно начинал входить в первую обойму крупнейших сибирских городов, в начале марта вслед за Славгородом и Омском также оказался на осадном положении. Его ввели в связи с полученными сведениями о готовившемся здесь вооруженном выступлении оппозиции.

На время осадного положения был создан военно-революционный штаб, которому и перешла вся полнота власти в городе. В него вошли: бывший слесарь, а на тот момент член городского исполкома *Горбань*, начальник новониколаевской Красной гвардии *Гершевич*, а также ещё несколько большевиков – Пучкин, Каширцев, Эглита, Якушев, братья Николай и Сергей Шварц. Для противодействия возможному выступлению в Новониколаевск дополнительно вызвали красногвардейский отряд шахтёров из Анжерки. А во главе подразделений собственной, новониколаевской рабочей дружины поставили наиболее надёжных товарищей из числа выдвиженцев от городского пролетариата. Все командиры получили специальную инструкцию, в которой, в частности, предписывалось досматривать по возможности всех выезжающих и въезжающих в город граждан на предмет выявления у них оружия и других запрещённых к хранению предметов. В дни осадного положения производились массовые обыски на квартирах подозрительных лиц главным образом из числа зажиточных; у них искали оружие, боеприпасы, а также изымали в качестве залога золото, серебро, дорогостоящие изделия мануфактурного и фабричного производства. Людей, оказывавших вооруженное сопротивление, приказывалось расстреливать на месте, а трупы отправлять в морг.

После отмены осадного положения сразу же вскрылись многочисленные факты нарушений законности и злоупотребления властью. Так, например, выяснилось, что вещи, конфискованные у подозреваемых в мятеже граждан, свозились в Дом революции и принимались там без всякой описи. По данному факту городской исполком создал специальную ликвидационную комиссию, которая долго ещё потом разбиралась с изъятым в ходе обысков конфискатом.

Но самые вопиющие случаи злоупотребления служебным положением происходили в Новониколаевске в связи с вынужденными арестами, сопровождавшимися оскорблениями, унижениями и даже побоями; а во время одного из задержаний двое гражданских лиц, не оказывавших, как позже выяснилось, никакого сопротивления, были застрелены, всё это походило уже на самосуд. Как определил следственный комитет, приняв во внимание показания нескольких свидетелей, людей расстреляли по приказу членов военно-революционного штаба – *Фёдора Горбаня* и одного из братьев Шварц. Им же предъявили обвинение и по факту многочисленных избиений арестованных. Однако доказать незаконность расстрелов в условиях осадного положения оказалась задачей всё-таки достаточно сложной, поэтому Новониколаевский исполком ограничился в данном случае исключением *Горбаня* и Шварца из партии и отстранил их на некоторое время от исполнения прежних должностных обязанностей*.

---

*И все-таки, забегая немного вперёд, надо сказать, что суровая расплата за беззаконные расстрелы настигла-таки *Фёдора Горбаня*, причём достаточно скоро. В июне 1918 г., при свержении советской власти в Новониколаевске он пал жертвой точно такого же самосуда со стороны белогвардейцев: был расстрелян без суда и следствия при «попытке к бегству».

После проведения профилактических мероприятий в своём городе новониколаевские большевики вынуждены были в первой половине марта направить небольшой отряд рабочей гвардии на подавление беспорядков, возникших в небольшом городе Алтайской губернии – Камне-на-Оби. Здесь, так же как и в Новониколаевске, большинство пролетариата составляли грузчики местной пристани. Именно их активисты образовали в Камне местный совдеп и начали проводить в городе политику большевиков. Крепкие и вихрастые парни из профсоюза грузчиков ещё в конце января поспешными и необдуманными действиями по конфискации помещений на нужды городского исполкома, а также попыткой осуществить насильственную финансовую контрибуцию в среде местных зажиточных купцов спровоцировали вооруженное выступление оппозиции, которое удалось подавить лишь с помощью срочно вызванного отряда из Барнаула.

И вот в начале марта всё повторилось вновь. В это время, а точнее с 5 марта, в Камне-на-Оби проводил свою работу съезд крестьянских депутатов, который принял решение о взимании недоимок (по налогам) с зажиточных крестьян и об обложении городской буржуазии чрезвычайной денежной контрибуцией. В тот же самый период проходил процесс ликвидации в уезде и местного земского самоуправления. В общем, всё было примерно так, как и везде, но вместе с тем имело собственную, так скажем, нештатную специфику. Дело в том, что вместе с ликвидацией земства каменские большевики полностью конфисковали числившееся за ним имущество, а также находившиеся в его распоряжении финансовые средства, в том числе и те, что пожертвовали на нужды самоуправления местные предприниматели. Среди конфискованных денег оказалась сумма в 500 тысяч рублей, принадлежавшая крупному каменскому промышленнику Винокурову.

Узнав о покушении на имущество уездной земской управы, Винокуров созвал всех служащих и рабочих своей судоходной компании, среди которых нашлось около 60 бывших фронтовиков, и заявил им следующее:

– Деньги, данные мною земству, ваши, поступайте, как знаете.

Местный гарнизон остался в стороне от конфликта, однако почему-то предоставил винокуровским фронтовикам собственное оружие. Значительная часть городских грузчиков, из числа тех, что работала на предприятии Винокурова и находилась, таким образом, у него в материальной зависимости, тоже не стала вмешиваться в конфликт. В этих условиях восставшие фронтовики довольно легко разоружили немногочисленный отряд Красной гвардии, свергли советскую власть и даже успели провести денационализацию некоторых городских предприятий.

В ответ на такой дерзкий вызов и поспешили в Камень-на-Оби красногвардейцы из Новониколаевска, которые довольно быстро, по некоторым данным, уже 7 марта, подавили на Алтае небольшой локальный мятеж.

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ

АНТИСОВЕТСКИЕ ВЫСТУПЛЕНИЯ НА ТЕРРИТОРИИ ТОМСКОЙ ГУБЕРНИИ

Проснись, мой край родной
От сна невежества, от бреда униженья,
От лени вековой;
Восстань и посмотри: везде кипит движенье,
Черёд уж за тобой!

П.Л. Лавров. Русскому народу (1854 г.)

1. Тогур, Колпашево и Нарым – первые очаги стихийного протестного движения

Ну и, наконец, на исходе марта 1918 г. «затрясло» и самую большую на тот момент губернию в Сибири – Томскую. В двух её районах (уездах) – Нарыме, Анжеро-Судженске, а потом и в самом Томске произошли весьма значимые, с нашей точки зрения, события, организованные антибольшевистской политической оппозицией.

21 марта (по некоторым данным – 23-го) при участии кадетов вспыхнул вооруженный мятеж в Нарымском крае; 26-го и 27-го числа того же месяца на Судженских копях разыгрались кровавые события, зачинщиком которых явилась местная организация правых эсеров, а в ночь на 27 марта в Томске те же самые правые социалисты-революционеры осуществили крупную нелегальную акцию – кражу большой партии винтовок с одного из военных складов. Но обо всём, как водится, по порядку.

26 февраля распоряжением губернского исполкома тридцатипятилетний *Александр Шишков**, большевик с дореволюционным стажем, был назначен комиссаром в Тогурский уезд, больше известный нам как Нарымский край, теперь Колпашевский район Томской области. В начале XX века Колпашево и Тогур являлись крупными сёлами, а Нарым значился как небольшой город, оттого-то и прозвали самый северный район Томской губернии Нарымским. Всё его население в 1918 г. составляло чуть менее 30 тысяч человек. Две южные волости Тогурского уезда населяли русские, а 26 северных – обские остяки.

Русские старожилы жили в тех краях довольно зажиточно, занимались охотой, рыбным промыслом, скотоводством на достаточно хороших заливных лугах, не брезговали, конечно, и земледелием, выращивая под скудным северным небом главным образом рожь, для выпечки (столь любимого нами – русскими) чёрного хлеба. Белый

*Не путать с выдающимся сибирским писателем-томичом Вячеславом Шишковым, в то время являвшимся молодым соратником и учеником Григория Потанина, а впоследствии ставшего автором «Угрюм-реки» – самого известного на сегодняшний день романа о Сибири и сибиряках.

же хлеб и сдобные булки к праздникам пекли из привозной пшеничной крупчатки, обмениваемой у местных и заезжих купцов на стерлядь и другие рыбные деликатесы, а также на меха и прочие диковинные товары русского Севера. В общем, жили тогурцы, колпашевцы и нарымцы, как и большинство сибирских старожилов, по большей части достаточно зажиточно, имели вдобавок ко всему прочему ещё и крупное государственное лесоводческое хозяйство, бдительно охраняемое неподкупными лесничими. (Неподкупными они слыли, в том числе и потому, что имели очень высокую зарплату, выравнивавшую их по материальному достатку с купцами средней руки). Проникли в столь отдалённые от цивилизации районы и некоторые земские блага, как то: начальные школы, и даже одна переселенческая больница на деньги правительства была в период до Первой мировой войны построена в этих краях.

Нарым в начале XX века являлся также и местом знаменитой на все времена политической ссылки*. Здесь до революции 1917 г. перебывали многие российские диссиденты, в том числе и те, кто впоследствии определил во многом будущую судьбу России, среди них: Свердлов, Куйбышев, Сталин и другие. Отбывал срок в Нарыме в своё время и наш герой – *Александр Шишков*. Теперь в начале марта 1918 г. он приехал сюда в качестве главного уездного чиновника с девятью красногвардейцами, приданными ему для осуществления добровольно принудительных, как говорят в таких случаях, а если потребуется – и насильственных мероприятий по переходу власти в районе в руки Советов.

И действительно, с этим здесь всё оказалось далеко не так просто. И главным образом по причине того, что русскоязычные волости Нарымского края населяли в основном старожилы, по-сибирски – кержаки, с крепкими, если не религиозными, то родоплеменными отношениями (герои нашего племени), настороженно относившиеся ко всему чужому и пришлому и с ещё бо̲льшим недоверием воспринимавшие всё новое, шедшее вразрез с их вековыми традициями. Советская власть для них являлась понятием, с одной стороны, абсолютно неведомым, а с другой – однозначно чужеродным, причём по многим причинам. Здесь, в далёких таёжных краях, люди больше были знакомы с повадками окружавшей их живой и неживой природы, нежели с идеями каких-то там социальных утопий, придуманных в древности греком Платоном**. Поэтому среди нарымчан вряд ли много нашлось бы на тот момент сторонников даже приземлённых эсеровских идей, не говоря уже об отвлечённых большевистских. Здесь, если и витали какие-то политические настроения, то в основном черносотенные (почвеннические, национально-патриотические), а из революционных – лишь изредка кадетские, которых придерживались главным образом местные лесники, может быть, кто-то из учителей, земский доктор, да ещё пара-тройка маломальски образованных чиновников из прежней дореволюционной администрации, до февраля 1817 г. считавшихся октябристами.

К тому же, по сведениям бийской газеты кадетского направления «Свободный Алтай» (№63 за март 1918 г.), *Шишков* по приезду в Нарым попытался сразу же распустить городскую думу и запретил проводить намечавшиеся выборы в уездное и волостное земство. А меньшевистский «Алтайский луч» (Барнаул, №11 за 1918 г.)

---

*Знаменитое настолько, что даже вошло в достаточно известную в народе поговорку: «Крым, Нарым и медные трубы».

**Хотя о нём и особенно о его скандальной теории общности женщин некоторые из местных жителей, конечно, были немного наслышаны от ссыльных политических.

причину возникшего в Нарыме недовольства видел ещё и в том, что комиссар *Шишков* повёл слишком смелую политику по конфискации у местного зажиточного населения излишков продовольствия.

В это время губернский центр, как писала та же газета, находился на грани продовольственной катастрофы. Перед началом Первой мировой войны Томск являлся не только самым крупным, но и одним из самых дешевых, с точки зрения ценовой политики, городов Сибири. Причём рынки и магазины города всегда изобиловали привозным хлебом, мясом, рыбой и другими продуктами питания. И вот за период мировой войны и особенно двух революций 1917 г. (и буржуазной, и социалистической) от прежнего продовольственного благополучия остались лишь одни воспоминания. А к февралю 1918 г. в городе оказались исчерпаны уже и последние запасы не только пшеничной, но даже и ржаной муки.

Население стало переходить на использование помола из овса. В местной городской печати публиковались специальные рецепты выпечки хлеба из овсянки*, а также публично распространялось мнение ряда авторитетных учёных о том, что употребление в пищу такой «сдобы» нисколько не вредит здоровью человека. Но то ли рецепты выпечки овсяного хлеба оказались довольно сложными (нужно было как минимум в течение суток выдерживать опару), то ли ещё по какой причине, однако уже вскоре в томские больницы стали поступать люди с серьёзными желудочными расстройствами, явившимися результатом как раз употребления хлеба из той самой овсяной муки.

Исходя из проблемы острой потребности населения губернского центра в продовольствии, комиссар *Шишков* вынужденно пошёл на крайние меры по экспроприации у зажиточных нарымчан излишков продовольствия и главным образом домашнего скота. Он же предпринял попытку организации в Нарыме государственной рыболовецкой артели, для чего у местных рыбопромышленников по его приказу конфисковали орудия промыслового лова. Все эти мероприятия большевистского комиссара вызвали естественный протест в определённых кругах, внутри которых и был составлен политический заговор. К нему в качестве формального руководителя заговорщики привлекли начальника уездной милиции, фронтовика и георгиевского кавалера Якова Степановича Крылова.

По сведениям томской газеты «Знамя революции» (№96 и №97 за 1918 г.) в ночь на 21 марта в Нарыме произошло восстание под лозунгом защиты прав земства и Учредительного собрания. В ту ночь группа вооруженных лиц в количестве около 30 человек арестовала уездного комиссара *Шишкова*, после чего его определили для содержания в «каталажную камеру». В Колпашеве и Тогуре также были произведены погромы местных Советов и арестованы несколько человек. В завершение всех этих событий в Нарыме сразу же образовался комитет защиты земства. К руководству восстанием, помимо Крылова, также примкнули: лесничий Андрей Томашевич Борчинский и помощник секретаря земского продовольственного отдела Николай Васильевич Тырин.

Бунтовщики, как выяснилось впоследствии, рассчитывали на поддержку своего выступления со стороны дислоцировавшегося в Томске 42-го пехотного полка, со-

*Так «Земская газета» (№3 от 11 января 1918 г.) писала, что в Томскую губернскую продовольственную управу гражданин Г.И. Фуксман представил образец хлеба, выпеченный из овсяной муки на картофельной опаре, и далее приводился подробный рецепт.

ставленного по преимуществу из жителей Тогурского уезда. Однако вскоре выяснилось, что незадолго до произошедших событий по решению губернских военных властей* все томские полки, в том числе и 42-й, были расформированы, а их личный состав, соответственно, полностью разоружен и демобилизован. Рассчитывать, таким образом, на помощь из Томска больше не приходилось, поэтому нарымский мятеж принял статус узколокального, да к тому же не получил ожидаемой широкой поддержки в среде местного населения.

Более того, по некоторым сведениям, у взятых под стражу представителей советской власти тут же появились немногочисленные, но всё-таки сторонники из числа наёмных рабочих частных рыболовецких контор, да к тому же вскоре по Нарыму поползли слухи о прибытии со дня на день в край большой карательной экспедиции из Томска. В итоге восстание в уезде пошло на убыль, а его руководители, поняв, видимо, всю бесперспективность дальнейшего сопротивления, ударились, что называется, в бега, укрывшись от возможного преследования в глухих таёжных заимках. На этом, собственно, как бы всё и закончилось. В общей сложности мятежная земская власть продержалась в Нарымском крае всего три недели. Освобождённый вскоре из-под стражи и абсолютно невредимый *Александр Шишков* сразу же отбыл в Томск для доклада о произошедших событиях и через некоторое время вернулся в уезд уже с довольно внушительной воинской силой, с отрядом в 50 человек красноармейцев.

Перед ним была поставлена конкретная задача: арестовать организаторов и участников мятежа, конфисковав при этом их имущество, после чего отправить главных возмутителей спокойствия в Томск для предания суду революционного трибунала. Кроме того, по решению губернских властей на русскоязычные волости края наложили контрибуцию в размере 300 тысяч рублей, которая распространялась исключительно на зажиточных жителей уезда по списку, составленному *Шишковым* и утверждённому губернским исполкомом. Лиц, намеренно уклонившихся от уплаты контрибуции, арестовали и сопроводили в Томск, откуда их после месячного заключения отправили на работу в шахты Кузбасса. В то же время, как видно из распоряжения губисполкома, беднота, участвовавшая в восстании из-за «непонимания политической жизни», обложению контрибуцией не подлежала.

Административный центр возмутившегося уезда по решению тех же томских властей в апреле перенесли из по-купечески зажиточного Тогура в село Колпашево. Что касается сбежавших руководителей нарымского мятежа, то они до первого весеннего нашествия таёжного гнуса благополучно скрывались на заимках, после чего где-то в начале мая покинули свои убежища и сдались на милость победителей. Все они на

*В марте распоряжением губернского совета рабочих и солдатских депутатов, а также гарнизонного совета были уволены в запас все военнослужащие с 1899-го по 1912 год призыва, то есть мужчины в возрасте от 25 до 40 лет. Под ружьём осталась лишь двадцатилетняя молодёжь, то есть та часть военнослужащих, которыми в силу их возраста легче всего удавалось манипулировать. Потом этих, что называется, безусых юнцов перевели в красноармейцы, и именно они в период всесибирского антибольшевистского мятежа сражались с эсеровско-белогвардейскими добровольцами, в основной массе являвшимися людьми более зрелого возраста, в результате чего, в том числе, войска Центросибири и потерпели, как нам представляется, полное и сокрушительное поражение. Ту же самую ошибку с призывным возрастом рядового состава допустило впоследствии и Временное Сибирское правительство, мобилизовав в свою армию ещё более неопытных юнцов – молодёжь от 18 до 20 лет, которые абсолютно не смогли ничего противопоставить вооруженным силам большевистской России, костяк которой составляли (всё поменялось с точностью до наоборот) люди, уже достаточно умудрённые жизненным опытом, и – самое главное – прошедшие закалку на фронтах Первой мировой войны.

пароходе «Колпашево» были под охраной отправлены в Томск и прибыли в губернский центр в самый канун общесибирского антибольшевистского восстания, так что просидели в губернской тюрьме совсем недолго и уже в первых числах июня оказались на свободе.

2. Угольные копи Анжерки и Судженки – также в огне стихийных протестных выступлений против советской власти

Пришедшие уже в наше время, то есть к концу XX века, в упадок анжеро-судженские шахты в начале того революционного для России столетия являлись главными поставщиками угля для хозяйственных нужд Западной и Средней Сибири и в первую очередь, конечно, для её железных дорог. Население двух шахтёрских посёлков Анжерки и Судженки, обслуживавших угольные разработки, составляло в 1918 г. около 30 тысяч человек, то есть равнялось по численности целому Нарымскому краю. Анжерские шахты находились в собственности столичного акционерного общества «Копигуз», а судженские принадлежали частному владельцу Д.А. Михельсону. В силу только что указанных отличительных признаков постреволюционная судьба этих двух, расположенных поблизости друг от друга, угольных предприятий оказалась совершенно разной, что естественным образом отразилось и на социальных настроениях двух примыкавших к ним шахтёрских посёлков.

Копи Михельсона, как находившиеся в частной собственности, уже 20 февраля 1918 г. по решению Томского губернского исполкома удалось, что называется, без особых проблем национализировать, После чего туда направили в качестве управляющего комиссара *Ф.Г. Чучина*. *Фёдор Григорьевич Чучин*, так же как и упоминавшийся нами чуть выше *Александр Шишков*, являлся коммунистом с дореволюционным стажем, точно так же в своё время отбывал политический срок на поселении в Нарымском крае, более того, он был даже одного возраста с *Шишковым*, им обоим на тот момент исполнилось по 35 лет. Да и по своим революционным амбициям *Фёдор Чучин*, похоже, нисколько не уступал комиссару Нарыма *Александру Шишкову*. В одном ряду с ними, шаг в шаг что называется, шёл, кстати, ещё один губернский спецуполномоченный – *Франц Суховерхов**, руководивший в то же самое время установлением советской власти на шахтах и в посёлке Кольчугино**, и, что интересно, ему тоже тогда стукнуло ровно 35 лет.

В отличие от судженских, анжерские угольные разработки, которые, как и копи Кольчугино, входили в состав АО «Копигуз», долгое время не удавалось национализировать в силу того, что «Копигуз» являлся акционерным обществом, паи в котором имели не только столичные толстосумы, но и некоторые рядовые российские граждане. Лишь в конце мая 1918 г. правительство Ленина дало, наконец, разрешение на национализацию АО «Копигуз», которое привёз в Сибирь из Москвы специально

*В феврале в томской эсеровской периодической печати появилась статья члена областного бюро горнорабочих правого эсера М.Н. Сосновского, в которой последний жаловался на действия комиссара *Суховерхова* в Кольчугино, понуждавшего рабочих требовать от администрации шахт немедленного повышения продпайка, а также заявлявшего во всеуслышание, что местный Совет рабочих депутатов имеет право производить обыски по своему усмотрению и якобы даже применять смертную казнь для врагов советской власти.

**Теперь город Ленинск-Кузнецкий.

командированный туда Томским исполкомом *Франц Суховерхов*. Однако случилось это уже в период начала антисоветского вооруженного мятежа на востоке страны, так что *Ф. Суховерхов* по прибытии в Сибирь сразу же перешёл на нелегальное положение в качестве специального уполномоченного ЦК партии большевиков по ведению подпольной работы в тылу у белых. Все прежние дела, естественно, пришлось отложить, поэтому «Копигуз» так и не передали в «общенародную» собственность вплоть до той поры, пока в Сибири в 1920 г. опять не утвердилась (и теперь уже надолго) советская власть.

Другое дело судженские шахты Михельсона, «Судкоп» – так они назывались. Их, как мы уже указывали, национализировали ещё в конце февраля 1918 г., а ответственным за проведение новой революционной политики на копях назначили *Фёдора Чучина*. Он начал действовать в Судженке ровно с тем же реформаторским задором, что и *Шишков* в Нарыме. Так, с его подачи шахтёрам сразу же повысили зарплату, а норму выработки, наоборот, понизили, при этом оказалась значительно увеличенной стоимость готовой продукции. Вследствие чего производительность труда вскоре заметно упала, а после того, как по распоряжению губернских властей была установлена фиксированная стоимость угля для нужд железной дороги, главного потребителя продукции судженских копей, предприятие начало приносить одни лишь убытки. Чтобы окончательно не запутать ситуацию в местной угольной промышленности, Томский губисполком в апреле своим специальным постановлением наложил запрет на установление в шахтах явочным порядком 6-часового рабочего дня.

К тому же, в связи с общим кризисом в экономике ухудшилось и продовольственное снабжение рабочих посёлков. Крестьяне больше не хотели обменивать произведённые в собственных хозяйствах продукты питания бартером, как принято это сейчас называть, на шахтёрский уголёк. Они в период революционной анархии 1917–1918 гг. получили беспрепятственный и, главное, фактически, бесплатный доступ к лесным угодьям и заготовляли теперь себе дрова на зиму по принципу: «бери – не хочу». Обменивать хлеб и мясо на денежный эквивалент крестьяне также не очень-то спешили, воспринимая банкноты, выпущенные при Керенском и Ленине, как за мало что стоящие временные бумажки-фантики. Поэтому, даже если они и продавали назойливым городским свои излишки, то, как правило, только за царские, романовские, деньги, которые были в чрезвычайном дефиците, хранились до лучших времён в кубышках и в свободный обмен, как правило, практически не поступали.

Так что шахтёрам теперь приходилось снаряжать в деревни специальные продовольственные экспедиции (по сути продотряды), которые вели там долгие и утомительные переговоры* с местным населением о поставках продуктов питания в рабочие посёлки. При этом «дипломатические рауты» порой затягивались на столь неопределённый срок, что члены продовольственных экспедиций иногда по целым месяцам застревали в сытных сибирских сёлах и деревнях, а часто даже и вызывали туда к себе членов своих семей для того, чтобы в условиях по-прежнему оголтелого продуктового дефицита в шахтёрских городках попытаться прокормить нуждавшихся родственников хотя бы здесь, на месте.

---

*Политику принудительной продразвёрстки в сельской местности большевики начали проводить немного позже, лишь с конца весны 1918 г., да и то только в основном в центральных районах страны. Во всяком случае, в Сибири массовой и принудительной конфискации продуктов питания у крестьян в то время ещё точно не осуществлялось.

Получив исчерпывающую информацию о состоянии дел на судженских шахтах, томский комитет партии правых эсеров командировал в этот рабочий посёлок со специальной миссией одного из лучших своих работников – двадцатишестилетнего *Сергея Кудрявцева*, бывшего председателя Центрального исполнительного комитета Всесибирского Совета крестьянских депутатов, а с конца января – ещё и министра без портфеля во Временном правительстве автономной Сибири. Как раз в то время, когда *Фёдор Чучин* находился в Томске и отчитывался в исполкоме о проделанной (далеко не лучшим образом) работе*, *Сергей Кудрявцев* прибыл в Судженку, где-то в середине марта, «в субботу на масленичной неделе», по его собственному признанию.

Целью его командировки являлась организация в посёлке крупной политической акции, направленной как минимум на дестабилизацию обстановки в шахтёрской среде и так уже давно неспокойной. Вместе с ним из Томска приехал и П.В. Рязанов, по сведениям газеты «Знамя революции» (№68 за 1918 г.), так же, как и *Кудрявцев*, являвшийся членом Сибирской областной думы. Сам же *Сергей Кудрявцев*, находившийся в тот период на нелегальном положении**, появился в рабочем посёлке и был представлен оппозиционным шахтёрским активистам под фамилией Петров. Однако на одном из очередных собраний в эсеровском клубе, на которых приезжие агитаторы раз за разом поднимали вопрос и об Учредительном собрании, и о Сибирской областной думе, и о земствах (собирали подписи в их защиту), *Кудрявцев*а опознал один из левых эсеров. Он после окончания собрания доложил, что называется, куда следует, о том, что в Судженке находится такой достаточно известный сибирский оппозиционер, как *Сергей Кудрявцев*, да ещё и ведёт усиленную агитацию против советской власти.

Дальнейшие события после этого стали нарастать, как снежный ком. 26-го и 27 марта в посёлке судженских шахтёров произошли ожесточённые схватки оппозиции с правящим режимом, переросшие в небольшие боевые стычки с применением даже пулемётов. Почва для вспышки народного недовольства, как мы заметили, подготовлялась уже давно, так что правые эсеры, вставшие во главе данных протестных мероприятий, лишь воспользовались недовольством шахтёров и организовали сопротивление против советской власти.

После получения доноса местный штаб Красной гвардии сразу же принял необходимые меры для предотвращения политической диверсии, – в эсеровский клуб был послан вооруженный наряд для ареста двух эмиссаров из Томска. Однако *Сергей Кудрявцев*, каким-то образом заранее узнавший об этом, вместе с Рязановым успели покинуть помещение клуба ещё до того, как туда прибыли красногвардейцы. Доподлинно неизвестно, оставались ли правоэсеровские эмиссары ещё какое-то время в Судженке или сразу же оттуда уехали***, однако надо отметить, что политическая

*По другим сведениям, Чучин пребывал в это время на Всесибирском съезде шахтёров.

**Напомним, что *Сергей Андреевич Кудрявцев* 26 января 1918 г. был объявлен большевиками в розыск как член Сибирского областного совета, то есть как один из организаторов созыва в Томске Сибирской областной думы.

***Кудрявцев после организации и проведения судженских протестных выступлений в начале апреля выедет в Харбин и присоединится там к своим товарищам по Временному правительству автономной Сибири... Однако, когда в октябре того же года он вернётся назад в Томск, уже в постсоветскую Сибирь, он, как ни странно, опять будет встречен как нежеланный «гость» новыми управителями края, его наскоро «задвинут» в скромные члены Сибирской областной думы. А вот его коллегу, бывшего «харбин-

акция, запланированная ими в шахтёрской среде, всё-таки состоялась и продолжалась в течение нескольких дней.

Все описываемые нами события достаточно подробно осветила в одной из своих статей томская газета «Знамя революции» (№68 за 1918 г.). Всё началось с того, что прибывший в эсеровский клуб в поисках *Кудрявцева* наряд Красной гвардии произвёл обыск в его помещениях и арестовал всех присутствовавших там людей. В их числе оказались не только партийные работники, но и обычные шахтёры, пришедшие в клуб после трудовой смены для того, чтобы заполнить досуг или просто убить свободное время в политических дискуссиях. Всех задержанных для допроса повели под конвоем в местный штаб Красной гвардии. По пути красногвардейцев окружила небольшая, но весьма возбуждённая группа местных жителей. Раздавались возгласы: «А за что, земляки, людей-то похватали? Партия эсеров пока что не запрещена, а их клуб – учреждение законное... не имеете права!».

И вот как-то так – сначала едва заметная, но с каждой минутой всё более и более увеличивавшаяся группа недовольных стала постепенно поддавливать своей массой немногочисленный конвой красногвардейцев, состоявший всего-то из четырех человек. В какой-то момент люди даже попытались отнять у стражников оружие, но у кого-то из них не выдержали нервы, и он начал стрелять; один из шахтёров был ранен в плечо, остальные спешно ретировались. Однако вскоре у помещения красногвардейского штаба, куда отвели арестованных, собралась уже целая толпа местных жителей и потребовала немедленно выдать им на праведный суд стрелявшего в безоружных людей красногвардейца. Назревал уже серьёзный конфликт.

Когда людям отказали в их требовании, чрезвычайно перевозбудившиеся шахтёры попытались ворваться в помещение, но из него вышли вооруженные красногвардейцы и преградили им путь. Однако рабочие наседали всё сильнее и сильнее, а вскоре пронесся слух, что их раненый товарищ умер, и тогда уже до крайности ожесточившаяся толпа прорвала, наконец, красногвардейский кордон, ворвалась в помещение штаба, схватила стрелявшего в шахтёра человека, выволокла его на улицу и стала чинить над ним расправу. Красногвардейца сильно избили, а его товарищей полностью разоружили*. В это время к месту стычки прибыл срочно вызванный отряд из соседней Анжерки, началась небольшая перестрелка, продолжавшаяся, однако, совсем недолго, так как из рядов анжерцев вскоре по их прибытии заговорил пулемёт, что заставило толпу судженцев мгновенно рассеяться.

Однако данным инцидентом дело не закончилось, и на следующий день, 27 марта, по инициативе правых эсеров на судженских шахтах была объявлена всеобщая однодневная забастовка. Участвовавшие в акции протеста рабочие на этот раз явились уже к зданию милиции и вновь стали требовать освобождения арестованных. Снова произошла стычка с вызванными на место происшествия красногвардейцами, они опять оказались разоружены, причём у них отняли даже пулемёт, оставленный им в усиление анжерским отрядом. Приобретя в результате довольно внушительный арсенал, протестующие шахтеры взяли штурмом оружейный склад и забрали оттуда ещё

ского» министра *Александра Новосёлова,* эти новые властители попросту убьют за то, что тот после возвращения на родину не пожелает отойти от активной политической деятельности.

*Столь незначительное сопротивление со стороны судженских красногвардейцев было вызвано тем, что большая их часть находилась тогда на станции Тайга и участвовала в подавлении ещё одного очага социальной напряженности – в среде местных железнодорожников.

около 300 винтовок. Таким образом, началось уже вооруженное выступление, приведшее фактически к перемене власти в рабочем посёлке. Победители тут же начали производить обыски и аресты на квартирах у большевиков.

Один из первых нарядов народной милиции был направлен на квартиру *Фёдора Чучина*, однако в доме не оказалось ни хозяина (который по-прежнему находился в отъезде), ни его жены (которая попросту скрылась), там находилась лишь прислуга большевистского наместника. Не удалось шахтёрам арестовать и другого видного сужденского коммуниста – однофамильца томского эсера *С. Кудрявцева – Ивана Кудрявцева*. Руководство выступлением на этом этапе официально осуществляли представители местной трудовой интеллигенции, члены партии правых эсеров, электротехники Мышкин и Громов, кооператоры Анисимов и Бобылёв, а также один из местных учителей, фамилию которого нам, к сожалению, выяснить не удалось.

Какие мероприятия успели провести за дни вновь обретённой свободы судженские мятежники – неизвестно. Может быть, даже и никаких особо значимых, поскольку всё продолжалось совсем недолго, и уже через несколько дней объединёнными усилиями вернувшихся из Тайги местных, а также анжерских красногвардейцев при поддержке отряда сочувствующих советской власти фронтовиков выступление шахтёров было подавлено, а томская губернская тюрьма в результате пополнилась ещё одной партией политических узников.

3. Кража крупной партии огнестрельного оружия с одного из военных складов в Томске — пролог будущего общегородского восстания

В самом же губернском Томске в то же самое время случилось следующее. В ночь на среду 27 марта из цейхгауза, как тогда говорили, (это по-немецки, а по-русски – военного склада) 39-го стрелкового полка, располагавшегося где-то в районе Верхней Елани*, было украдено, по разным данным, от 600 до 660 винтовок и от 9 до 12 тысяч боевых патронов к ним**. Такого количества оружия и боеприпасов вполне бы хватило, чтобы вооружить бо̲льшую часть боевиков из обеих томских подпольных организаций – эсеровской и офицерской. Переполох в городе вследствие этого случился, конечно, очень большой, а местные советские руководители сразу же обеспокоились тем, что на днях, таким образом, вполне может произойти вооруженное выступление оппозиции.

В связи с данным происшествием в городе сразу же было введено военное положение (с 12 часов дня 28 марта), а вся власть передана в руки военно-революционного штаба, созданного ещё месяц назад по случаю неожиданного (после объявленного перемирия) наступления немцев на русско-германском фронте. Штаб состоял, естественно, из одних только большевиков: Ивана Беленца – председателя губернского

*Елань в переводе с сибирского на русский – поляна посреди леса. В Томске в дореволюционную пору имелось целых две таких поляны-елани – нижняя и верхняя, – постепенно вошедших в топонимику города под именами собственными. В районе Нижней Елани в XIX веке была основана Новособорная площадь (после февраля 1917 г. – площадь Революции), здесь расположились: новый Кафедральный собор, главное губернское правление, а также белая жемчужина Сибири – Томский университет. Верхняя Елань находилась чуть выше, здесь сейчас проспект Кирова и улица Усова.

**Самую заниженную цифру похищенного приводила в те дни газета «Знамя революции» (№61 за 1918 г.): 600 винтовок и 9000 патронов.

исполкома, Исайи Нахановича – председателя губернского ревтрибунала, начальника отдела по борьбе с контрреволюцией – *Дмитрия Кривоносенко*, руководителя городского исполкома – *Виктор Тиунова*, *Ивана Дмитриева* и некоторых др.

Тем же следом стали проводиться массовые обыски и аресты лиц, заподозренных властями в организации похищения винтовок. Первыми в этом списке оказались те, кого уже давно держали на заметке большевистские особисты как потенциальных участников вооруженного подполья. В их числе конечно же оказались и некоторые видные деятели местного комитета правоэсеровской партии. Так что по главным эсеровским адресам проводились в те дни и особо тщательные обыски, для чего военно-революционный штаб уже к 30 марта создал несколько оперативных групп.

Также незадолго до произошедших событий для проработки вопросов, связанных с деятельностью местного антибольшевистского подполья, при губисполкоме был создан отдел по борьбе с контрреволюцией, впоследствии переименованный в ЧК по Томской губернии. Комиссаром данного отдела назначили тридцатитрёхлетнего *Дмитрия Ивановича Кривоносенко*, большевистского боевика с дореволюционным стажем. Сначала он занимался приёмом и регистрацией у населения огнестрельного оружия, для чего ему выделили отдельный кабинет в Доме свободы. Потом особый отдел переехал вместе со всеми другими подразделениями исполкома в гостиницу «Европа» и там занял комнату №53 («вход с Благовещенского переулка» – как писалось в газетных объявлениях тех дней). Чуть позже в его состав вошли ещё три коммуниста: *С.А. Дитман* (заместитель), А.А. Иванов, М.Ф. Паратинский, а также несколько молодых рабочих, среди них: *Виктор Урасов*, Пётр Козиков, Надежда Соснина и Виктор Нанява. На долю именно этой группы и легла основная нагрузка по поиску украденного оружия.

Интенсивные поиски похищенных винтовок и патронов шли ровно две недели. У следственного комитета имелись две зацепки. Одна потянула ниточку с так называемой толкучки, где через несколько дней после совершённой кражи задержали человека, пытавшегося продать две винтовки из числа тех, что тайком умыкнули со склада 39-го полка. Однако вскоре данную версию признали несостоявшейся, так как в результате проведённой проверки выяснилось, что задержанный спекулянт является личностью совершенно случайной и что винтовки он просто нашёл в ночь похищения в районе улицы Бульварной (ныне проспект Кирова).

Вторая же зацепка оказалась более продуктивной. Действительно, в начале улицы Бульварной по её нечётной стороне утром 27 марта было найдено не только горе-спекулянтом, но и поднятыми по тревоге красногвардейцами несколько ружей, случайно, видимо, утерянных похитителями в ночной темноте то ли в спешке, то ли по неосторожности. Вследствие этого у оперативников появились подозрения, что украденные винтовки «осели» именно где-то на улице Бульварной и, возможно, даже в одном из домов по её правой, нечётной, стороне. Тут же сразу выяснили: кто из членов правоэсеровской партии живёт в указанном районе, и на их квартирах провели особо тщательный обыск. В данной связи внимание *Дмитрия Кривоносенко* привлёк дом под №13, квартира 1. Здесь проживала семья Немиро, двадцатитрёхлетний отпрыск которой по имени *Николай*, студент медицинского факультета Томского университета, состоял в эсеровской партии и – более того – являлся членом её губкома.

По воспоминаниям *Виктора Урасова*, непосредственного участника тех событий, на квартире Немиро, а также в подвале дома, в котором проживала его семья, два

раза производились очень внимательные досмотры, которые, увы, никакого результата сначала не принесли. И лишь в следующий приход чекистов (бог троицу любит), в ночь на 10 апреля при очередной проверке подвального помещения во время простукивания стен верхнее бревно одной из них* вдруг неожиданно провалилось вовнутрь и вскрыло большой тайник. Именно в нём и обнаружили оружейный схрон. Так в результате удачно проведённой ночной операции удалось обнаружить 539 винтовок, практически все патроны из похищенных, а также несколько револьверов. Судьба остальных 100 трёхлинеек так и осталась тогда невыясненной.

А вместе с винтовками там же в схроне чекисты нашли и некий тайный список подпольщиков, во главе которого вроде бы как значился никому в Томске «неизвестный» человек по фамилии *Алмазов*. Часть этого списка каким-то образом тут же удалось уничтожить отцу *Николая Немиро* – Фадею Антоновичу («Знамя революции», №74 за 1918 г.). Младшего Немиро в тот момент дома не оказалось, но его всё равно потом выследили и арестовали. Что касается Немиро старшего, то ему, за совершённый дерзкий поступок во время проведения обыска тут же пришлось проследовать для содержания в томскую губернскую тюрьму, главный каземат города. С целью проведения дальнейшего следствия в ту же ночь на 10 апреля были задержаны и все остальные взрослые члены семьи Немиро и даже квартиранты, снимавшие у них жильё. После предварительных допросов задержанных удалось выяснить, что кражу оружия действительно совершил *Николай Немиро* вместе с бывшим прапорщиком Эдуардом Дикштейном, по некоторым данным, в ту пору также являвшимся студентом университета и активным членом эсеровской партии.

В первые же дни после случившейся кражи в ходе проведения следственных мероприятий большевики арестовали и посадили в изоляторы сразу что-то около 25 человек, главным образом эсеров. Потом к ним добавили ещё десятерых, а вечером 10 апреля в одну из тюрем доставили и двух основных фигурантов по данному делу: *Николая Немиро* и Эдуарда Дикштейна. Так что в общей сложности в ходе следствия о краже винтовок в Томске за решеткой оказалось около 40 подозреваемых. Просто задержанных, надо полагать, было намного больше, но всех их сейчас невозможно подсчитать, поскольку ни их имена, ни их количество никогда и нигде не публиковались. Этих людей, как правило, негласно определяли сначала в так называемую каталажку гостиницы «Европа», здесь же спустя некоторое время с ними проводили и предварительное дознание. После чего некоторых отпускали домой, а кого-то оставляли ещё на несколько дней для дальнейшего разбирательства или направляли уже непосредственно в тюрьму.

Один из таких задержанных оставил нам описание «европейской» предвариловки. Она размещалась, по его словам, в обширной комнате, бывшей биллиардной. На дверях её ещё оставалась прежняя надпись. Комната освещалась двумя тусклыми лампочками, полузакрытыми в зелёные металлические абажуры. В центре находился длинный обеденный стол, залитый склизкими остатками арестантского супа и засыпанный крошками хлеба. Вокруг него располагалось несколько стульев. Три сохранившихся биллиардных стола стояли тут же, но с отпиленными наполовину нож-

*Эта ложная стена была устроена достаточно давно (ещё в период царского режима и тоже, по всей видимости, для конспиративных целей), причём так искусно, что никоим образом не отличалась от других, поэтому-то обследование подвального помещения во время предыдущих обысков в этом доме ничего подозрительного не выявило.

ками. Они служили одновременно и для сиденья, и для повального спанья в качестве нар. Пол был грязный, забросанный окурками и неизвестно откуда взявшимся здесь серпантином. Каземат этот, по замечанию того же очевидца, как и весь остальной совдеп, охранялся интернационалистами из бывших военнопленных, главным образом венграми. Они отвечали на любой вопрос или просьбу томившихся в неизвестности людей одной заученной до автоматизма фразой: «Нэ можно!»...

Через несколько дней после задержания подозреваемых переписывали, вызывали по очереди на допрос (в комнату №53), некоторых отпускали, а остальных отвозили для проведения дальнейших следственных мероприятий в губернскую или какую-либо другую тюрьму. Многие из них, по всей видимости, действительно являлись членами подпольных организаций, однако доказать это было достаточно сложно, поэтому большинство арестованных содержались в тюрьмах без предъявления каких-либо весомых обвинений, а только лишь по той простой причине, что являлись активными членами одной – постоянно не дававшей покоя большевикам – оппозиционной политической партии.

Так, в апреле по делу о краже винтовок из цейхгауза 39-го полка содержались под стражей (по материалам тобольского «Сибирского листка», №32 от 11 апреля 1918 г.) следующие лица, некоторые из которых точно известны нам уже как члены партии социалистов-революционеров: Павел Максимов, Андрей Иванов, Александр Рудаков, Ефрем Дебрейор, Владислав Стадинский (или Сталинский – в «Знамени революции» №61 за 1918), Александр Еселевич, Владимир Киснемский, *Николай Немиро*, Эдуард Эпштейн (видимо, всё-таки Эдуард Дикштейн. – О.П.), Евгений Никитин, Григорий Белошинский, Николай Григорьев, *Лев Перелешин*, Франц Вержболович, Мечислав Гурикин, Пётр Тюгаев (Тюшев в «Знамени революции»), *Михаил Рудаков*, *Исаак Розеншток*, Лев Шаманский, *Михаил Полюгов*, Пётр Пастухов, Александр Лаптев, Пётр Лукьянович, Исидор Блюгельман, *Василий Сидоров*, Николай Богоявленский, Николай Критский, Алексей Зорин, Павел Лихачёв, Владимир Алексеев и профессор *Николай Новомбергский*. «Томский церковно-общественный вестник» (№12 от 4 апреля 1918 г.) добавляет к этому списку директора частной мужской гимназии Ивана Воскресенского, а «Алтайский луч» (№39 за 1918 г.) – Леонида Панкрышева и *Владимира Сизикова*. Также мы знаем уже, что в губернской тюрьме, после того как был обнаружен оружейный схрон, оказался и отец *Николая Немиро* – Фадей Антонович. Ему в ту пору исполнилось уже 65 лет, поэтому ряд заключённых обратились через печать к советским властям с просьбой освободить его из тюрьмы по состоянию здоровья. Среди десяти подписантов данного обращения мы находим ещё пять дополнительных фамилий содержавшихся в заключении арестантов: А.Л. Опенко, Р. Велижанин, К. Слезин, Н. Филатов и П. Филатов. Итого: 39 человек.

Такой жесткий подход со стороны советской власти и следственных органов к происшествию 27 марта вызвал ряд протестных заявлений в томских средствах массовой информации. Сначала в некоторых газетах появились критические статьи, высказывавшие различного рода сомнения по поводу правомерности введения военного положения в городе*: де, кража винтовок ещё не тот случай, чтобы до максимума

*Сопровождавшегося комендантским часом (с 9 вечера до 6 часов утра), а также запрещением «митингов, сборищ, скоплений на улицах»; все вооруженные силы города подчинялись непосредственно военно-революционному штабу; незаконное хранение оружия, а также всякое неповиновение приказам штаба должны были «беспощадно караться, вплоть до расстрела».

ограничивать свободу граждан, и так в последнее время по вине большевиков вновь низведённую до уровня дореволюционного, полицейского, почти режимного. Также пресса высказалась резко против того политического погрома, который устроили власти города в отношении правоэсеровской партии, под погромом подразумевались массовые обыски и аресты виднейших членов городской организации. А меньшевистская «Заря» в конце одной из своих критических статей, как бы подводя итог всем претензиям, заметила: «Борьба *с настоящей контрреволюцией* (выделено мной. – О.П.) мыслима лишь при объединении всех демократических сил на почве коренного изменения всей советской политики в духе действительного народовластия».

В ответ на эти выпады в условиях действующего военного положения уже 30 марта большевики закрыли три ведущие томские эсеровские газеты: «Путь народа», «Земля и воля» и «Земская газета». Причём после окончания всей истории с украденным оружием удалось возобновить издание лишь одной из них: «Путь народа» в апреле стал выходить под названием «*Тернистый* путь народа». Так что из всех оппозиционно настроенных к большевикам периодических изданий в городе теперь осталась нетронутой лишь одна меньшевистская «Заря».

Вместе с тем критика в какой-то степени возымела своё действие, так что Томский исполком даже отменил военное положение с 3 апреля*, то есть ещё за неделю до того, как украденные винтовки были найдены и возвращены на склад. Прекратились также повальные обыски и аресты, а некоторых членов правоэсеровской партии, из тех, что оказались за решёткой по данному делу, вскоре освободили. Интересная история в этом смысле произошла со студентом университета двадцатидвухлетним *Исааком Розенштоком*. Он оказался в числе задержанных и попавших в тюрьму в первые же дни массовых арестов, однако вскоре после проведения предварительного дознания с него сняли все подозрения и отпустили. Девятого апреля на заседании городского Совета рабочих и солдатских депутатов, проходившем в так называемом открытом режиме и посвящённом, в том числе, и вопросу о краже винтовок с военных складов, тот же *Розеншток* от имени эсеровского комитета вступил в горячую полемику с руководством большевистского исполкома («Знамя революции», №73 за 1918 г.).

Он заявил о полной непричастности партии социалистов-революционеров к данному происшествию и настаивал на том, чтобы большевики ещё раз перепроверили версию с оружейными спекулянтами, пойманными на толкучке, в том смысле, что не ведёт ли криминальная ниточка к союзу фронтовиков. Это своего рода профессиональное объединение бывших участников Первой мировой войны главным образом из числа рядового состава занимало вроде бы независимую политическую позицию и вместе с тем очень часто склонялось в своих решениях в сторону советской власти, причём по очень многим вопросам. Кража винтовок, если доводить версию Розенштока до логического конца, могла быть совершена безработными фронтовиками с целью наживы.

Однако уже на следующий день, а точнее в ночь на 10 апреля, как мы теперь знаем, в доме у члена губернского эсеровского комитета Николая Немиро нашли большую часть из украденных винтовок, а также список подпольной, как поняли боль-

*С 12 часов дня 3 апреля военное положение в Томске отменялось («Знамя революции», №64 за 1918 г.), но сохранялся режим так называемого «исключительного положения», особенности которого дополнительно властями не оговаривались. «Исключительное положение» перестало действовать, в свою очередь, после того, как удалось обнаружить украденные винтовки, то есть где-то после 10 апреля.

шевики, организации. И хотя часть фамилий удалось уничтожить его отцу – Фадею Немиро, однако даже на основании того, что осталось на руках у особистов, ими было сделано предположение о причастности к антисоветскому заговору и некоторой части томского студенчества. Поэтому буквально на следующий же день некоторых лидеров легального эсеровского молодёжного движения взяли под стражу, и, что примечательно, среди арестованных опять, уже во второй раз за последние дни, оказался *Исаак Розеншток*.

Что же касается некоторых других студентов, состоявших в партии эсеров или сочувствовавших ей, то многие из них, узнав о провале явки на Бульварной-13, посчитали лучшим для себя исходом временно оставить учёбу и срочно покинуть город. Однако не всем это удалось сделать, так что часть из них всё-таки арестовали утром 10 апреля прямо во время занятий. В тот день к главным корпусам университета и технологического института прибыли усиленные наряды Красной гвардии, состоявшие по преимуществу из опять-таки завербованных военнопленных австро-венгерской армии. Никто не впускался и не выпускался из помещений в течение примерно получаса. Руководство операцией осуществляли томские большевики, в том числе и всё ещё числящиеся студентами *Лыткин** и Якимов. Примечательно, что упоминавшийся нами чуть выше *Розеншток*, дважды арестованный в результате всех этих событий, был сокурсником *Лыткина* по юридическому факультету Томского университета. Возможно, они даже некоторое время являлись товарищами и ходили вместе на занятия, поскольку и жили-то они (снимали жильё) по соседству на улице Нечаевской (теперь проспект Фрунзе).

В ходе проведённого в тот день мероприятия особисты изъяли все списки студентов указанных вузов, на основании которых произвели в ближайшие же дни ряд обысков по адресам попавших под подозрение учащихся. В ответ на это часть молодёжных организаций решила объединить свои усилия для противодействия беспределу властей. Так, общее собрание старост томских вузов вынесло постановление о предании товарищескому суду студентов-большевиков *Лыткина* и Якимова за участие в проведённой 10 апреля антидемократической акции. 21-го числа того же месяца состоялось заседание студенческого суда, но ни *Лыткин*, ни Якимов на него не явились, так как находились в то время уже в Иркутске по делам службы.

13 апреля на очередном общем собрании Совета рабочих и солдатских депутатов после основного доклада о положении дел в городе с официальным заявлением выступил некто Гуревич. Зачитанное им обращение исходило от объединённого бюро совета студенческих старост и правления студенческого социалистического общества. В нём высказывался протест против ареста нескольких учащихся, а также по поводу посягательства на автономию высших учебных заведений, введённую поэтапно ещё при царе и подтвержденную, кстати, декретом советского наркома просвещения Луначарского. В конце заявления содержалось требование немедленно освободить арестованных студентов и прекратить без разрешения вузовского самоуправления незаконные вторжения на её территорию.

В ответ на это председатель губисполкома *Иван Беленец* довёл до сведения собравшихся, что все аресты осуществлялись с ведома городского Совета рабочих и солдатских депутатов. А акция по вторжению была проведена лишь после того, как

*По какой причине народный комиссар Центросибири Фёдор Лыткин находился в тот момент не в Иркутске, а в Томске, мы уже немного рассказывали.

выяснилось, что в похищении оружия принимали участие студенты Дикштейн и *Немиро*, а также, возможно, и некоторые другие учащиеся. В доме у *Немиро*, развивал дальше свою мысль предгубисполкома, при обыске нашли список, в котором значились фамилии некоторых из таких учащихся. Что же касается автономии высших учебных заведений, то она, заявил в конце своего выступления *Беленец*, провозглашена советским правительством не для «теперешнего гнилого студенчества, а для будущих его поколений, пропитанных духом революционной демократии» («Знамя революции», №74 за 1918 г.).

К не совсем понятным нюансам всех вышеизложенных событий нужно отнести следующие обстоятельства. Постановлением военно-революционного штаба от 13 апреля объявлялось, что в связи с обнаружением украденного оружия у члена томской эсеровской организации *Николая Немиро*, а также ряда свидетельских показаний и некоторых документально подтверждённых данных, губернскому комитету партии социалистов-революционеров «может быть предъявлено обвинение в организации антисоветской боевой дружины, для каковой цели и было похищено оружие в 39 полку». В то же время газета «Тернистый путь народа» писала, что 17 апреля из заключения освободили четырёх членов губкома эсеровской партии. Правда, этих четверых арестовали не по делу о краже винтовок, а ещё раньше, 20 марта, по обвинению в связях с мятежным казачьим атаманом *Сотниковым*, и всё-таки. Не будем также забывать, что в первой половине апреля в Томске на полулегальной основе проходила Всесибирская эсеровская конференция, которая без особых проблем смогла провести и закончить свою работу. Так что вот так как-то, с одной стороны, очень строго повела себя советская власть после случившегося весьма дерзкого и опасного происшествия, а с другой – вроде бы и не очень, можно даже сказать – вполне адекватно.

4. Реквизиции, реквизиции и ещё раз реквизиции

Человек непостоянный,
человек пьяный
и в некоторых случаях либерал,
то есть насчет кармана-с...
Ф.М. Достоевский. Идиот

В условиях фактически полностью парализованной банковской системы советская власть на территории Сибири оказалась в очень сложном финансовом положении. А деньги, и прежде всего наличные, ей были конечно же очень нужны. В первую очередь – для закупки продовольствия у крестьян, а также – для выплаты заработной платы, различного рода социальных страховок и пр. Средств, частично конфискованных из местных отделений национализированных большевиками банков, хватило всего на месяц-полтора. В связи с чем, во многих городах Сибири уже в феврале начала осуществляться практика наложения принудительных денежных контрибуций на местную буржуазию. Например, в Барнауле – в размере 1 миллиона рублей («Свободный Алтай», №40 за февраль 1918 г.), ровно на такую же сумму 23 февраля подобную операцию осуществили в Новониколаевске, а 28-го того же месяца – в Тюмени.

В Томске к подобному решению пришли не сразу, но всё-таки пришли чуть позже и как бы в несколько этапов. Так, 17 февраля состоялось общее собрание союза инвалидов и союза безработных фронтовиков. На нём, по данным «Земской газеты» (№12 за 1918 г.), присутствовало около 700 человек. Настроены эти люди оказались весьма решительно. И всё потому, что у большинства из них на иждивении находились семьи, причём многие в силу традиций того времени являлись многодетными отцами, имели по 3-4 ребёнка и более, а постоянного заработка найти не могли. И если инвалиды войны хотя и с перебоями, но всё-таки получали от правительства хоть какие-то вспомоществования, то безработные, в том числе и вернувшиеся с фронта солдаты, – никаких. А жить каким-то образом было нужно и кормить семьи – тоже.

Поэтому на общем собрании двух фронтовых союзов его участники, что называется, ребром поставили вопрос о поиске финансовых средств для оказания помощи нуждающимся семьям бывших участников Первой мировой войны. Выступавшие выдвигали различного рода предложения, но почти все они сводились к одному – к наложению контрибуции. Одни предлагали обложить ею всех без исключения имущих граждан города, в том числе и гражданских служащих, не воевавших на фронте. Не забыли конечно же тогда и про томских миллионеров (местных «олигархов»), с них в полном соответствии с духом времени некоторые ораторы предлагали «драть три шкуры», суммарные цифры доходили аж до 12 миллионов. В итоге собравшиеся приняли решение ограничиться всё-таки лишь двумя миллионами рублей (что-то около 200 миллионов на наши деньги) контрибуции и обратились в исполком с просьбой принять решение собрания к сведению. На эти деньги, в частности, предполагалось открыть бесплатную столовую для безработных фронтовиков и членов их семей, а также организовать дополнительные рабочие места в мастерских так называемого кустарного комитета.

Отозвавшись на просьбы трудящихся и малоимущих, вскоре за рассмотрение данного дела взялся финансовый отдел Томского губисполкома, его возглавлял в тот период тридцатичетырёхлетний *Борис Гольдберг*. Последний в условиях почти катастрофического денежного дефицита не нашёл ничего лучше, как вынести на обсуждение исполкома в 20-х числах марта вопрос о наложении на городских богачей единовременного налога в размере 5 миллионов рублей*. Эту идею поддержал предгубисполкома *А.И. Беленец*, а также некоторые другие советские руководители, и решение было принято. Для уплаты контрибуции установили четырёхдневный срок.

В поисках решения по удовлетворению запроса, поступившего от губернского исполкома, вечером 24 марта члены биржевого комитета (своего рода профсоюзного объединения торгово-промышленного класса города) провели своё расширенное заседание. Выступавшие на собрании члены комитета посетовали, что многие из них уже и так лишились значительной части своего промышленного, торгового и финансового капитала вследствие аннулирования займов, процентных бумаг, осуществления различного рода реквизиций, национализации принадлежавших им предпри-

*Томская буржуазия, кстати, в самом начале 1918 г. уже пыталась осуществить разовое полудобровольное пожертвование на нужды городского хозяйства. Так, 28 января Томский биржевой комитет решил удовлетворить просьбу городской управы о краткосрочном займе в 400 тысяч рублей, о чём он в письменном виде известил временно исполняющего обязанности томского городского головы большевика *А.А. Азлецкого*. При этом биржевой комитет, что вполне резонно, пожелал осуществлять контроль над расходованием спонсируемых средств, однако левое большинство городской думы такое условие отвергло, и планировавшегося вспомоществования торгово-промышленники так и не сделали.

ятий, а также конфискации некоторой части личного имущества. И это не считая введённого с марта месяца на территории Томской губернии прогрессивного подоходного налога, в соответствии с которым так называемый высший разряд торгово-промышленников, с доходом в 360 тысяч рублей в год и выше, облагался сбором в размере 33%*.

Поэтому, как бы подводя итог своему собранию, члены биржевого комитета уведомили присутствовавших в зале журналистов, а также приглашённую публику, что в условиях практически свёрнутого денежного обращения, а попросту из-за отсутствия бумажных купюр и монет в банковских сейфах, такой колоссальной суммы наличности в размере 5 миллионов рублей (более 500 миллионов на наши деньги) имущие граждане города просто не в состоянии будут в ближайшее время собрать. Было также заявлено о том, что мусульманская часть томской буржуазии вообще в категорической форме отказалась участвовать в выплатах каких-либо сумм. Исходя из этого, собрание приняло решение: заявить о невозможности выполнить постановление советской власти о выплате денежной контрибуции в той сумме, которая ею затребована. Вместе с тем биржевики выдвинули исполкому встречное предложение. Во-первых, снизить сумму денежного обложения, а во-вторых, распределить её по возможности на всех жителей города. Данное решение участники совещания приняли фактически единогласно и, более того, даже встретили его одобрительными аплодисментами.

В таком достаточно оптимистическом настроении томские торгово-промышленники и закрыли своё собрание. Однако, когда присутствовавшие начали потихоньку расходиться, неожиданно выяснилось, что помещение биржи, где они так плодотворно поработали в тот вечер, окружено воинским нарядом, а его начальник объявил всех находившихся в здании задержанными до выяснения. При этом для «пущей острастки», как писало «Знамя революции» (№56 за 1918 г.), было произведено несколько выстрелов в воздух, от которых «сразу произошло сильное смятение». После чего слегка перепуганных торгово-промышленников и других лиц, оказавшихся по той или иной причине в тот день на том, как выяснилось, злополучном собрании, окружил усиленный наряд красногвардейцев и отвёл в губернскую тюрьму. Там задержанные были допрошены на предмет установления личности, после чего лиц, не принадлежащих к торгово-промышленному классу, отпустили, а остальных сопроводили в камеры. Среди последних оказались такие известные в Томске личности как Карл Эман – председатель арестованного собрания, Алексей Кухтерин, отец и сын Фуксманы, А.Ф. Громов, В.Н. Вытнов и др., – всего 52 человека из числа богатейших людей города.

Исключение было сделано лишь для Петра Ивановича Макушина, хотя и одного из самых состоятельных торгово-промышленников Томска, но и одновременно с этим – виднейшего сибирского просветителя**. Учитывая его заслуги, в том

*Для справки: средний (купеческий) разряд, в 100 тысяч годового дохода, стал платить 22,5% подоходного налога, а низший разряд (трудящихся граждан) с доходом в 1000 рублей – 12-процентный налог («Знамя революции», №43 за 1918 г.).

Цитата: «Это был человек, открывший первую публичную библиотеку в городе (1870 г.), первый книжный магазин (1873 г.), учредивший в Томске общество попечения о начальном образовании с девизом: «Ни одного неграмотного!» (1882 г.), общество содействия устройству сельских бесплатных библиотек-читален (по Томской губернии их было около 600), педагогический музей, **первую в России (выделено мной. – О.П.) бесплатную библиотеку (1884 г.), вложивший свои деньги в строительство Дома

числе и перед трудовым народом, советские власти приняли решение Петра Ивановича освободить, однако взяли с него расписку о невыезде из города, а также о выплате им в обязательном порядке причитавшейся лично с него суммы денежного взноса.

После этого в ходе последующих допросов задержанных подтвердились полученные ранее сведения о том, что городская буржуазия не сочла возможным собрать и выплатить установленную исполкомом сумму контрибуции. В ответ большевики приняли решение – отправить несговорчивых купцов и промышленников временно на работу в угольные шахты. И вскоре первая партия в составе 16 человек, согласно списку, составленному *Б. Гольдбергом*, отправилась под конвоем в Анжерку и Судженку. После чего, как заявил тот же заведующий финансовым отделом губисполкома на собрании городского совета депутатов (9 апреля), сумма контрибуции мгновенно была выплачена и даже с избытком, почти в два раза больше изначально запланированной...

Кстати, как мы видим, всё это происходило как раз в период разгара событий, связанных с кражей винтовок со склада 39-го стрелкового полка. Так что в конце марта в главной тюрьме – губернской, а также и в других городских изоляторах оказались не только ведущие деятели из числа местных оппозиционных политиков (главным образом эсеры), но и крупнейшие томские буржуа. Последние, правда, ненадолго, все они вновь обрели свободу уже где-то числа 9-10 апреля.

А возвращаясь ещё раз к истории об изъятых у буржуазии с помощью контрибуции средствах, нужно сказать, что почти треть от всей суммы (2,5 миллиона) оказалась по какой-то причине так и не истраченной на нужды городского хозяйства и пролежала в сейфе томского отделения Госбанка* до самого майского вооруженного

науки (1912 г.), открывший народный университет (1918 г.)... Благодаря деятельности организованных П.И. Макушиным обществ, Томск уже в 1883 г. занял одно из почётных мест среди российских губернских городов по показателям начального образования: здесь один учащийся приходился на 33 жителя, а в Москве и в Петербурге в 1886 г. – соответственно на 75 и 80 человек. Желая “снять оковы невежества с народной души”, сибирский просветитель радел и о положении учителя, его материальном состоянии. В 1916 г. им были написаны потрясающие и по сей день не потерявшие своей актуальности слова: “Не могу не выразить моего горячего желания, чтобы поскорее на святой Руси в сознании всех честно мыслящих людей внедрилось убеждение, что возрождение и рост – и нравственный, и умственный, и экономический – нашей Родины возможны только через школу, только при помощи армии просвещённых, преданных делу, материально обеспеченных учителей”» («История названия томских улиц». Томск: Издательский дом «D’Print». 2004. С.186). От себя добавим, что из всех захоронений выдающихся томских деятелей досоветской эпохи в настоящий момент сохранено в городе (людской ли мудростью, чудом или божьим провидением) лишь три могилы: святого старца Фёдора Кузьмича (по одной из легенд ушедшего в народ императора Александра I) – в ограде Богородице-Алексеевского монастыря, *Г.Н. Потанина* – в роще государственного университета и П.И. Макушина – у здания открытого им народного университета, с эпитафией: «Ни одного неграмотного».

*Это отделение Государственного банка было создано в Томске в январе 1918 г. на основе национализированных отделений Сибирского торгового банка, Петроградского международного и Русского банка для внешней торговли. Имущество и персонал данных офисов передали в ведение единого Государственного банковского отделения, во главе которого сначала поставили малограмотного рядового бывшей российской армии, выдвиженца Октябрьской революции *Фаддея Орлова*, но с 24 января пост комиссара госбанка занял более достойный человек, большевик с дореволюционным стажем, выпускник Петербургского университета тридцатисемилетний *Аркадий Иванов*. В средствах массовой информации он сразу же пообещал всем вкладчикам национализированных банков сохранить в неприкосновенности их личные сбережения. (В конце марта по настоянию *Н.Н. Яковлева Аркадия Иванова* перевели в Иркутск на должность комиссара финансов всей Сибири.)

мятежа. Более того, эти деньги, судя по историческим источникам, красные то ли не успели, то ли забыли, то ли вообще не захотели забирать при отступлении с собой, вследствие чего часть отнятых в апреле миллионов, надо полагать, уже в начале июня была возвращена их прежним владельцам в целости и сохранности.

Помимо этих денег, томские власти пытались получить финансовые средства ещё и при помощи займа, который планировалось осуществить, теперь уже на чисто добровольной основе, опираясь на вспомоществования простых граждан. Так, в начале апреля городская продовольственная управа обратилась к населению Томска с просьбой о сборе средств на приобретение товаров первой необходимости и в первую очередь – продуктов питания, запасы которых на городских складах к тому времени оказались уже полностью исчерпаны, а финансовые вливания на основе контрибуции с имущих классов к тому времени ещё не поступили. Поэтому необходимо было срочно где-то достать 2 миллиона рублей для закупки продовольствия.

Как свидетельствует «Знамя революции» (№62 за 1918 г.), жителей города с этой целью попросили внести в городскую казну по 20 рублей от каждого едока. А продовольственная управа заверила граждан, что собранные деньги пойдут строго на закупку в Алтайской губернии продуктов питания и ни в коем случае ни на что другое. К данной акции просили присоединиться всех томичей, за исключением малоимущих. Взносы последних планировалось покрыть за счёт опять-таки увеличенного сбора с богатых семей. Всем, кто внёс деньги, предполагалось выдавать квитанции, которые потом можно было использовать для покупки продуктов питания по сниженным ценам. Однако столь, казалось бы, необходимый для всех заём в условиях политической нестабильности, по всей видимости, так и не состоялся; по крайней мере, никаких сведений о дальнейших мероприятиях по его осуществлению нам не удалось найти ни в одном из имевшихся у нас под руками источников.

5. Без названия

Не падайте духом, поручик Голицын,
За всё комиссары получат сполна.

«Поручик Голицын»
(Стилизация под белоэмигрантскую песню.
Автор неизвестен.)

Весь март, начиная с 27 февраля, в Томске проходили судебные процессы над бывшими офицерами русской армии, уволенными в запас, но не сдавшими властям своего табельного оружия. Последнее необходимо было сделать согласно приказу по Омскому военному округу от 14 декабря 1917 г. и по Томскому гарнизону от 11 января 1918 г. От данной процедуры освобождались лишь офицеры, поступившие на службу в городскую милицию. Всем остальным предписывалось незамедлительно явиться в кабинет *Дмитрия Кривоносенко* в Доме свободы, а потом, в связи с переездом исполкома, – в комнату №53 гостиницы «Европа» и, что называется, добровольно разоружиться. Лиц, отказавшихся выполнять предписание властей, ожидало суровое наказание: 3 месяца тюремного заключения или 5 тысяч (два годовых заработка высококвалифицированного рабочего) рублей штрафа.

Надо сказать, что, несмотря на неоднократные предупреждения, многие офицеры так и не сдали своего оружия. Некоторые в силу возникших финансовых затруднений просто продали револьверы на толкучке, другие хранили их с той же целью, но с расчётом на будущее. Однако были, конечно, и такие, кто оставил при себе табельное оружие из чисто принципиальных соображений, рассчитывая в случае необходимости использовать его по прямому назначению: против врагов отечества.

Так вот, административные дела всех «несознательных» офицеров в период с 27 февраля по 27 марта разбирались военно-революционным судом под председательством двадцативосьмилетнего большевика *Фёдора Зеленцова*, который сам ещё до недавнего времени являлся прапорщиком расквартированного в Томске 38-го Сибирского стрелкового запасного полка. Всего состоялось тринадцать судебных заседаний, точнее двенадцать основных – в марте, разбиравших в среднем по 15 дел в день, и одно – дополнительное – в конце апреля, на котором было рассмотрено пять оставшихся. Последнее из основной обоймы судебных разбирательств проходило, так получилось, что именно 27 марта, то есть буквально через несколько часов после ночной кражи винтовок из цейхгауза 39-го полка.

Данные судебные слушания проводились в здании Гоголевского училища* на Гоголевской же улице (когда-то Жандармской), в помещении, как указывали газетные сообщения, бывшего офицерского собрания 39-го стрелкового полка. Всего было рассмотрено, по нашим подсчётам из материалов газеты «Знамя революции» (№№36-77 за 1918 г.), около 210 дел, ровно такое же количество офицеров, соответственно, отказалось по разным причинам сдать советским властям своё табельное оружие, и им предстояло отчитаться перед революционным судом за «укрывательство» боевого огнестрельного оружия. Всем обвиняемым разрешалось приводить на заседания суда «свидетелей и защиту по существу своих дел». В случае неявки офицеров их дела заслушивались заочно.

К сожалению, нам не удалось выяснить ни одного конкретного результата по данным судебным разбирательствам, поэтому в данном случае остаётся лишь предполагать, что офицеры, не сумевшие представить веских доказательств своей невиновности и не имевшие возможности уплатить немалый штраф (что-то около нескольких сотен тысяч рублей на наши деньги), на целых три месяца отправились в тюрьму. Вместе с тем точно известно, что в конце марта Томский губисполком принял решение осуждённых таким образом офицеров направить в Анжерские шахты в распоряжение местного исполкома на трудовое перевоспитание («Знамя революции», №58 за 1918 г.). Вследствие этого многие офицеры не смогли участвовать в подготовке антибольшевистского мятежа в городе, а потом, собственно, и в самом его проведении на начальном этапе. Последнее обстоятельство, конечно, далеко не лучшим образом сказалось не только на количественном, но и на качественном составе их подпольной организации, итак достаточно ослабленной разного рода проблемами, о которых мы уже упоминали ранее.

Теперь несколько слов по поводу некоторых персоналий тех судебных процессов. Так, например, среди фигурантов оружейного дела значился некто Прохоров, бывший командир 16-й роты 39-го стрелкового полка. Фамилия указанного человека, к сожалению, приводится в газетном сообщении без каких-либо инициалов. Однако

*Теперь это жилой дом под №12.

нам абсолютно точно известно, что одним из активных участников вооруженного восстания в Томске в конце мая 1918 г. был поручик *Прохоров-Кондаков* Сергей Кондратьевич. Немного самонадеянно, конечно, но всё-таки вполне резонно задать себе вопрос: а не одно ли это лицо?.. Может быть, данное обстоятельство не столь уж и важно, по праву заметят некоторые. Так-то оно так, конечно... И, тем не менее, если речь идёт о героях, а тем более о погибших героях, каковым как раз и являлся *С.К. Прохоров-Кондаков*, то, наверное, с уверенностью можно утверждать, что в данном случае для нас, невольных наследников тех трагических событий, должно быть всё важно, и в первую очередь – для лиц, серьёзно интересующихся и занимающихся историей.

Или вот ещё пример: на судебное заседание 26 марта был вызван в качестве ответчика некий Михаил Кононов, обозначенный как военнослужащий 3-й роты 39-го стрелкового полка. Заинтересовал нас этот человек потому, что он вполне мог оказаться тем самым капитаном Кононовым, который в июне 1918 г. в ходе развернувшегося по всей Сибири антибольшевистского мятежа, занял должность начальника штаба в добровольческом корпусе подполковника *А.Н. Пепеляева*. И особый интерес в данном случае представляет тот факт, что ни имени, ни даже его инициалов нигде не сохранилось, по крайней мере, нам они не попадались. Во всех газетных сообщениях первый начальник штаба Средне-Сибирского корпуса фигурирует или просто как Кононов (без каких-либо инициалов), или вообще как капитан «К». Таким образом, если наши рассуждения верны, мы можем предположить, что капитана Кононова, возможно, звали Михаилом и он, являясь одним из активных участников томского подполья, проходил ещё и как фигурант по делу о «потере» личного оружия, а по сути: о его сохранении по примеру некоторых других своих товарищей для нужд антибольшевистского сопротивления.

Ну и, наконец, чтобы совсем уже не утомить, самый последний пример. Речь пойдёт ещё об одном офицере на этот раз 38-го стрелкового полка, о Петре Николаевиче Успенском. Он, что интересно, единственный из всех 210 человек, представших перед судом, заседавшим в марте-апреле в стенах Гоголевского училища, был привлечён к ответственности не за нарушение приказа о сдаче личного оружия, а за то, что 4 марта на вечере в общественном собрании (бывшем дворянском), посвящённом годовщине со дня начала Февральской революции, демонстративно сорвал с себя офицерские погоны. Как указывала пресса, своим поступком Успенский хотел выразить протест против развала революционными властями русской армии. Не самый героический поступок, конечно, и тем не менее.

Таким образом, надо полагать, что на начало апреля томские тюрьмы и, прежде всего, главная и самая большая из них – губернская*, были заполнены, что называется, до предела. Здесь находились в то время и уже упоминавшиеся нами члены правоэсеровской партии, заподозренные в причастности к краже винтовок, и томские «толстосумы», отказавшиеся платить денежную контрибуцию, и судженские шахтёры,

*Так называемый губернский Тюремный замок, располагавшийся тогда на одноимённой Тюремной улице (теперь это улица имени *А. Иванова*, того самого большевистского комиссара финансов, о котором мы говорили чуть выше). В настоящее время в бывшем каземате размещается, немножко странно, 9-й корпус Томского политехнического университета. Через три квартала на бывшей Еланской (теперь Советской) улице на пересечении с Александровской (теперь Герцена) находилось так называемое исправительно-арестантское отделение №2. Ну и, наконец, третий тюремный изолятор располагался там же, где находится и сейчас, – по улице Пушкина (в те времена – Иркутский тракт).

выступившие с оружием в руках против советской власти, а теперь к ним, как мы только что выяснили, добавилось ещё и некоторое количество бывших офицеров, осуждённых по приговору военно-революционного суда на 3-месячное тюремное заключение.

Более того, в марте также чуть не угодил в тюрьму и главный редактор томского «Знамени революции», социал-демократ с очень большим дореволюционным стажем, сорокапятилетний *Вениамин Вегман*. И хотя чуть вроде бы не считается, как говорится, но, тем не менее, неприятный инцидент всё-таки имел место. А произошло вот что: 4 марта в ознаменование начала Февральской революции в здании общественного собрания (теперь – бесхозный Дом офицеров) собрались на свою корпоративную вечеринку члены томского отделения меньшевистской партии. До 1917 г. меньшевики и большевики, как известно, составляли хотя и трещавшую по всем швам от теоретических разногласий, но всё-таки единую партию – РСДРП. Однако после февраля 1917 г. пути большевиков и меньшевиков окончательно разошлись уже не только теоретически, но и практически. И всё-таки бывшие товарищи по некогда единой партии и после этого, несмотря ни на что, по-прежнему сохраняли достаточно тёплые чувства друг к другу, а иногда даже и общались, что называется, на короткой ноге. Не избежал подобного соблазна и *Вениамин Вегман*, который 4 марта, невзирая на то что был к тому времени уже большевиком, также явился в общественное собрание, чтобы отпраздновать с томскими меньшевиками-плехановцами* годовщину начала победоносной русской революции.

И вот, когда праздничный вечер подошёл к своему завершению и его участники в приподнятом, надо полагать, расположении духа направились по домам, у выхода из здания их ждал весьма неприятный сюрприз в виде наряда Красной гвардии, который в «лучших», что называется, традициях бывшего романовского единодержавия начал вполне бесцеремонным образом производить личный досмотр граждан, в том числе и женщин, мотивируя всё происходящее якобы поисками оружия (опять оружия), по сведениям большевиков, тайно и с провокационными целями принесённого кем-то из участников вечеринки. Ничего такого при обыске красногвардейцы, по всей видимости, не нашли, но настроение всем подпортили, конечно, изрядно (и это в день празднования победившей в стране революции!). Чрезвычайно возмущённый всем произошедшим *Вениамин Вегман* тут же поспешил в губисполком, благо он находился почти совсем рядом, нужно было только спуститься с Нижней Елани в район Старособорной площади.

Там, в исполкоме, главный редактор «Знамени революции» в тот поздний час застал кого-то из советских руководителей и в сильном возбуждении стал высказывать им всё своё – наболевшее по поводу только что произошедшего и пережитого, напоминавшего, по его словам, старые, «добрые» времена жандармских обысков, ну и так далее. Причём выражал свои эмоции Вениамин Давыдович настолько энергично и дерзко, что его чуть-чуть не сочли за контрреволюционера и даже хотели арестовать, да вовремя опомнились, и, слава богу, а то ведь могло бы получиться как-то уж

*Меньшевики-плехановцы – это патриотически настроенная партийная группировка оборонцев или, как их ещё тогда называли группа «Единство». Организации меньшевиков-мартовцев, а по-другому – интернационалистов, так же, как и большевики, выступавших за поражение России в Первой мировой войне, в Томске не существовало.

совсем – того... Вскоре, однако, по данному инциденту провели тщательное расследование, и его виновник, отдавший приказ о проведении обыска, был снят с занимаемой должности. Им оказался некто Рубин – до того момента председатель Томского городского совдепа.

Ну и, наконец, ещё один, последний, инцидент, связанный с празднованием Февральской революции, произошёл 12 марта. В тот день в городе проводились официальные мероприятия по случаю первой годовщины свержения самодержавия в России. Проходили они под диктовку, естественно, партии большевиков. Коммунистов, по некоторым данным, в Томске на тот момент было всего что-то около 300 человек. Цифра, конечно, немаленькая, но и не настолько уж и большая, чтобы диктовать свои условия всем остальным. Но, тем не менее, это у них как-то всё-таки получалось. Праздничные мероприятия начались в городе с утра 12 марта. Открылись они военным парадом отрядов Красной гвардии и Красной армии. Потом состоялось массовое уличное шествие с участием главным образом членов большевистской и левоэсеровской партий, а также нескольких колон рабочих, приведённых на демонстрацию профсоюзными организациями города. Меньшевики и правые эсеры принципиально проигнорировали весь праздничный официоз, зато они достаточно активно поработали на оппозиционных митингах, проходивших в тот день в разных частях Томска. То же самое наблюдалось, кстати, и во многих других городах Сибири.

Вечером того же дня большевики в здании общественного собрания провели уже чисто свою, что называется узко корпоративную вечеринку по случаю праздничной даты. После её окончания, около 12 часов ночи, на возвращавшихся домой *А.А. Азлецкого*, исполнявшего на тот момент обязанности городского головы, и на заместителя председателя губисполкома *С.И. Канатчикова* было совершено вооруженное нападение. Обстоятельства случившегося вышедшие на следующий день газеты описывали следующим образом. Эти два большевика с женами подъехали к дому, где проживал Канатчиков (Всеволодо-Евграфовская-8)*, видимо, с расчетом продолжить праздничный вечер уже, что называется, в более тесной обстановке.

И вот, пока гостеприимный хозяин рассчитывался с извозчиком, *Азлецкий* и женщины прошли во двор. Там у дверей дома они заметили в темноте фигуру человека, скрывавшегося в тени здания. Через несколько мгновений таинственный незнакомец произвёл несколько выстрелов в сторону прибывшей компании и тут же попытался скрыться. *Азлецкий*, который, так же как и его спутницы, никоим образом не пострадал, выстрелил вдогонку по убегавшему террористу из своего револьвера, но тоже промазал. Вскоре за воротами, куда выскочил убегавший заговорщик, раздалось ещё несколько выстрелов, это открыл огонь *Семён Канатчиков* из своего личного оружия, но также абсолютно безрезультатно.

Покушавшихся, как выяснилось, было двое, однако ни одного из них не удалось задержать. Оба террориста убежали по Всеволодо-Евграфовской улице по направ-

*Теперь это часть проспекта Кирова от площади Дзержинского до вокзала Томск-I. Всеволодо-Евграфовская была поименована таким немного странным образом в честь двух братьев Королёвых: Всеволода Ивановича и Евграфа Ивановича, известных в Томске купцов-меценатов, вложивших немалые деньги, в том числе, и в благоустройство первого в Томске бульвара со сквером, однако с условием, что облагороженная ими улица будет названа их именем. Городской муниципалитет учёл данную просьбу, но только наполовину, поэтому первая часть улицы так и осталась Бульварной, и только вторая стала называться Всеволодо-Евграфовской. При советской власти обе улицы объединили в одну и переименовали в проспект имени Кирова.

лению к привокзальной площади. Потерпевшие сумели заметить лишь шапку с меховыми наушниками и гимназическое пальто на одном из нападавших. Получается, что данный теракт произвели либо гимназисты выпускных классов, либо студенты одного из томских вузов. Но ни в коем случае не офицеры, ибо тогда результаты покушения, надо полагать, оказались бы совсем иными. А ровно через две недели в городе произошла та самая кража винтовок, с которой мы, собственно, и начали рассказ о некоторых заинтересовавших нас мартовско-апрельских событиях в Томске. Вот, собственно, и всё о том, что нам хотелось бы выделить из общего контекста тех исторических событий.

ГЛАВА ПЯТАЯ

СИБИРЬ В МАЕ 1918 ГОДА

Мимо тёщиного дома
Я без шуток не хожу.
То ей ... в окно засуну,
То ей ... покажу.

В.И. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка

1. Праздники и политические будни

Но вот пришёл, наконец, в Сибирь и месяц её освобождения. Он выдался особенно неспокойным для местных большевиков, и не только от того, что в Забайкалье шли ожесточённые бои с отрядами атамана *Семёнова*, но ещё и потому, что в самой Сибири то там, то здесь стали с новой силой разворачиваться протестные выступления политической оппозиции, носившие по-прежнему, в большинстве своём хотя ещё и достаточно мирный, но вместе с тем всё более и более непримиримый характер. А началось всё буквально в первые же дни этого самого жаркого весеннего месяца, когда во время проведения первомайских мероприятий в честь праздника международной солидарности трудящихся произошли, так скажем, не совсем желательные для советской власти инциденты с участием не только вечно всем недовольной интеллигенции, но даже и некоторой части городского пролетариата. В авангарде данных оппозиционных выступлений находились всё те же представители умеренных революционно-демократических партий: правые эсеры и меньшевики.

Так, в Омске легальная оппозиция намеренно вышла на первомайскую демонстрацию отдельной колонной и под знаменем, на котором был начертан их главный политический лозунг: «Вся власть – Учредительному собранию!». Однако во время шествия специально подосланные (понятно кем) люди устроили потасовку в рядах оппозиционеров и, как те ни защищали свой революционный стяг, его вскоре вырвали из их рук и тут же разорвали и растоптали.

Описание ещё одной первомайской демонстрации, проходившей в том же году, но на этот раз в Новониколаевске, мы нашли в барнаульской меньшевистской газете «Свободный луч» (№1 от 19 мая 1918 г.). Данное мероприятие, по мнению автора редакционной статьи, проходило «жалко, бледно и натянуто». Сначала состоялся военный парад с красногвардейцами на грузовиках, потом через центральную площадь города прошла демонстрация рабочих, многие из которых якобы вынуждены были принять в ней участие под угрозой увольнения. Однозначно негативное отношение к официальной манифестации проявили, как подчёркивала та же газета, новониколаевские печатники (рабочая «аристократия»), в то время как местные

железнодорожники и разнорабочие, напротив, пришли на демонстрацию почти в полном составе.

Верховодили всеми первомайскими мероприятиями в Новониколаевске, как и в других городов Сибири, конечно же большевики вместе со своими тогдашними политическими союзниками – левыми эсерами. А правые социалисты-революционеры и меньшевики данную демонстрацию, а также официальный митинг по случаю международного пролетарского праздника намеренно проигнорировали. Взамен этого ими по всему городу были расклеены листовки с оппозиционными политическими лозунгами. Значительное количество таких прокламаций накануне первого мая изъяли и уничтожили в одной из типографий, нагрянувшие туда с обыском красногвардейцы, однако часть тиража оппозиционерам всё-таки каким-то образом удалось сохранить и распространить на следующий день среди населения.

Новониколаевским коммунистам вдобавок ко всему прочему первомайские праздники подпортил ещё и показательный судебный процесс над двумя бывшими членами их партии: *Горбанём* и Шварцем. Выходцы из народных низов, они после октября 1917 г., дорвавшись (другого слова и не подберёшь) почти до абсолютной власти в городе*, устраивали незаконные реквизиции у зажиточных граждан, а конфискованное таким образом имущество иногда попросту пропивали в шумной компании точно таких же негодяев, как и они сами. При этом они довольно часто дебоширили, практически не таясь и, видимо, совсем не опасаясь возмездия за свои поступки, но оно всё-таки их настигло, причём, – весьма скоро. После вскрывшихся в начале марта фактов неприкрытого насилия с их стороны в отношении мирных граждан в период действия в Новониколаевске осадного положения их сначала исключили из партии, потом сняли со всех занимаемых должностей, а в завершение всего подвергли ещё и уголовному преследованию.

Томские газеты (из тех, что ещё не были закрыты к тому времени) описывали происходившие в их городе первомайские события тоже далеко не в самых ярких и радужных красках. Демонстрация по случаю Дня международной солидарности трудящихся началась в 11 часов утра движением праздничных колонн с Базарной (Старособорной) площади (ныне – площадь им. Ленина) вверх по Почтамтской, к площади Революции (бывшей и теперешней – Новособорной). Первоначально планировалось грандиозное шествие через весь исторический центр города, которое предполагалось завершить многолюдным митингом в Лагерном саду, где накануне праздника соорудили даже несколько весьма вместительных трибун. Но, увы, в последний момент все эти мероприятия, что называется, скомкали и сократили до минимума, а праздничная демонстрация закончилась буквально на полпути, уже на площади Революции.

И всё потому, что в колоннах демонстрантов вдруг отчётливо стали просматриваться оппозиционные транспаранты с начертанными на них лозунгами: «Долой Брестское позорище! Да здравствует Учредительное собрание! Свободу заключенным социалистам! Позор захватчикам власти народной, превратившим советы в по-

*Цитата: «Но что до ... предложения – отдать верховную власть народу, то это далеко не самый лучший совет. Действительно, нет ничего безрассуднее и разнузданнее негодной черни. Поэтому недопустимо нам, спасаясь от высокомерия тирана, подпасть под владычество необузданной черни. Ведь тиран, по крайней мере, знает, что творит, а народ даже и не знает. Откуда же, в самом деле, у народа разум, если он не учён и не имеет никакой врождённой доблести?» Геродот. История. Кн.3.81.

лицейские застенки!»; ну и, конечно, традиционно эсеровское, доставшееся им от их прародителей-народников: «Земли и Воли!». В университетском Томске в отличие, например, от Омска никто не посмел в тот день срывать и топтать красные революционные стяги оппозиции, однако маршрут проноса «крамольных» лозунгов сразу же заметно подсократили. И хотя ответственными за праздничные мероприятия были назначены люди, в том числе и из оппозиционных политических партий (что, конечно, нужно занести большевикам в плюс): Лозовский, *Сизиков*, Гуревич, *Фабрикант* и *Могун* – все в основном – городские профсоюзные боссы. Но, с другой стороны, вот вопрос: учитывал ли кто-нибудь их мнение по поводу сокращения маршрута праздничного шествия, превратившегося в какой-то степени в антисоветскую демонстрацию? Ответ, надо полагать, более чем очевиден (и это – минус).

Эсеровская томская «Сибирская мысль» в те же майские дни писала, что на узловой станции Тайга среди деповских рабочих растут оппозиционные настроения, что многие из них, несколько разочаровавшись в радикальной и вместе с тем малоэффективной политике большевиков*, стали всё больше и больше прислушиваться к более взвешенным лозунгам умеренных социалистов. Они посещали лекции, организованные агитаторами от правых эсеров, на которых последние пропагандировали не только свои партийные, но ещё и сибирские областнические идеи. В результате в воскресенье 19 мая (ровно за неделю до сибирского бунта) общее собрание рабочих тайгинского депо постановило: деятельность большевистского Совета рабочих депутатов считать «во многих отношениях неправильной». И поэтому было принято решение: осуществлять постоянный контроль над Советом, обязав его издавать все важнейшие распоряжения только после одобрения их общим собранием рабочих железной дороги. При 4 голосах «против», и 395 – «за», резолюция в этой редакции была принята.

Подобный же процесс всё более крепнущего недоверия к действующей власти, как отмечала та же «Сибирская мысль», продолжал наблюдаться и на анжеро-судженских копях. Здесь общее собрание шахтёров выразило в мае протест по поводу того, в частности, что местный Совет рабочих депутатов, а также совет управления копями, в составе которых большевики в союзе с левыми эсерами имели подавляющее большинство, вот уже 2 месяца не отчитывались о своей деятельности перед общим собранием рабочих и служащих, как это год назад было заведено революционным регламентом. Вдобавок ко всему тогда же вскрылся факт грубого мошенничества продовольственными карточками со стороны председателя совета управления копями левого эсера Кихтенко, который получал продукты в местном кооперативе сразу по трём продовольственным талонам. Решением революционного трибунала его приговорили к принудительным общественным работам на три недели, однако осуждённый подал кассационную жалобу в местный Совет рабочих депутатов, и тот в силу партийной «солидарности» пытался самым бессовестным образом отма-

*Известно, что одними из поводов к недовольству большевиками в среде, например, паровозных бригад, стали введенные весной 1918 г. ограничения на провоз продуктов питания в поездах, распространявшиеся как на пассажиров, так и на всех работников железнодорожного транспорта. Последние в период Первой мировой войны, в условиях острого продовольственного дефицита в городах, приспособились транспортировать за казённый счёт, в том числе и с целью перепродажи, продуктовые наборы. Большевики же, намереваясь полностью искоренить спекуляцию, запретили перевозку всем частным лицам из расчёта на одного человека более восьми килограмов каких-либо продуктов, а, самый дефицитный из них – мука, вообще была исключена из списка товаров, разрешённых для частного провоза.

зать своего товарища. Данное обстоятельство по вполне понятным причинам сильно оскорбило и возмутило простых шахтёров.

К этому времени авторитет большевиков в весьма значительной степени оказался подорван и в среде рабочих омских железнодорожных мастерских, более того: политический вес и самих Советов за те полгода, что они правили в городе, также заметно понизился. Так, например, на проходивших ещё в марте выборах в районный Совет железнодорожных депутатов Атаманского хутора из пяти выбранных представителей только один оказался большевиком, а остальные являлись членами партии меньшевиков-интернационалистов («Пролетарий, №13 от 29 марта 1918 г.).

А 29 марта те же рабочие омского депо на общем собрании открыто заявили представителю областного совдепа *Лобкову* о своём желании полностью переизбрать ещё и городских депутатов. Однако *Лобков* сумел-таки переубедить собравшихся – произвести лишь довыборы членов Совета («Пролетарий», №14 от 5 апреля 1918 г.), в результате которых победили на этот раз вообще в основном беспартийные выдвиженцы в противовес большевикам и даже меньшевикам («Пролетарий», №15 от 12 апреля 1918 г.).

Тремя же днями ранее, то есть 26 марта, то же самое общее собрание деповских рабочих Атаманского хутора заслушало ещё и доклад недавно избранной комиссии по расследованию, говоря современным языком, фактов «коррупции в высших эшелонах власти»*, которая, в частности, проводила обыск на квартире комиссара продовольствия Омской области большевика Митяева. В результате осмотра жилых помещений, которые занимала семья советского чиновника, удалось обнаружить несколько новых костюмов и женских платьев, а также значительные отрезы материи для пошива одежды. Всё это навлекло комиссию на подозрение о нетрудовых доходах Митяева, и по решению собрания материалы комиссии были переданы на расследование в революционный трибунал.

В Иркутске в субботу 18 мая на территории железнодорожных мастерских состоялся стихийный митинг, на котором рабочие, также как и их товарищи в Тайге, Омске и Анжеро-Судженске, вынесли постановление о недоверии политике большевиков. Тогда же митингующие, кроме всего прочего, выразили коллективный протест и против принудительного призыва их в ряды Красной армии для отправки на противосемёновский фронт. Одним из организаторов этого вряд ли разрешённого властями мероприятия стал *Василий Тихонович Сапожников*, достаточно известный в Иркутске общественный деятель, правый эсер, бывший ссыльнопоселенец, деповской рабочий, член Сибирской областной думы от забайкальских железнодорожников. Прибывшие к месту протестного политического митинга красногвардейцы довольно быстро разогнали его, а подсуетившиеся тут же чекисты арестовали ещё и нескольких руководителей «провокационной» акции. *Василию Сапожникову*, к счастью, удалось вовремя скрыться. После чего его сразу же объявили в розыск, так что ему пришлось перейти на нелегальное положение.

Через два дня в Глазковском железнодорожном предместье, а также в некоторых других районах города появились листовки антисоветского и антисемитского содержания, подписанные Иркутским губернским комиссариатом Временного Сибирского правительства («Знамя революции», Томск, №101 за 1918 г.). Они призывали жите-

*Хотя, конечно, уровень коррупции во властных структурах тех времён и нынешних (начала XXI века) просто не сопоставим и не сравним никакими коэффициентами.

лей города организовываться в боевые дружины для скорейшего свержения диктатуры большевиков. А ещё через три дня, в четверг 23 мая, советскую власть в Иркутске в очередной раз (после декабря и февраля) очень сильно затрясло. В середине дня в вагонном цехе железнодорожных мастерских вновь был созван стихийный митинг рабочих, на котором они выдвинули очередное требование: немедленно освободить железнодорожников, арестованных пять дней назад. Срок ультиматума определялся пятью часами вечера 24 мая*, после чего митингующие угрожали прибегнуть к самым решительным мерам общественного воздействия, вплоть до объявления всеобщей политической забастовки («Омский вестник», №126 за 1918 г.).

В пять часов вечера того же 23 мая в здании железнодорожного училища, как обычно по еженедельному расписанию, намечалось проведение очередной эсеровской лекции. Но усилиями всё того же *Василия Сапожникова* и других активистов от оппозиции её стихийно перепрофилировали в общее собрание, на которое явилось так много желающих подискутировать, что они даже не смогли поместиться в учебных классах. И тогда рабочие решили выйти во двор учебного корпуса и там, на свежем воздухе, продолжить обсуждение своих наболевших проблем (тем более что тёплая майская погода к этому вполне располагала). Узнав о новом «несанкционированном митинге», на который, по данным всё того же «Омского вестника», собралось в тот день не менее двух тысяч человек, иркутские власти на сей раз не стали сразу же прибегать к мерам полицейского воздействия и направили в железнодорожное училище делегацию парламентёров во главе с *Яковом Янсоном*. Однако уговорить рабочих мирно разойтись им не удалось, после чего данное оппозиционное мероприятие всё-таки пришлось разогнать. О том, как всё происходило, источники дают различную информацию**.

Одни утверждают, что разгневанные участники митинга сами спровоцировали большевиков на репрессивные меры, захватив прибывших на политическое собрание представителей советской власти в качестве заложников и угрожая не отпускать их до тех пор, пока не будут освобождены из тюрьмы их товарищи-железнодорожники. В ответ красногвардейцы, располагавшиеся до того момента вне территории училища (за его забором), сделали предупредительный залп в воздух из своих трёхлинеек и пошли на штурм, после чего безоружные, по большей части рабочие тут же начали разбегаться. При этом некоторые из них бросились спасаться по крутому речному обрыву, но в суматохе срывались вниз, и в результате несколько участников собрания получили физические увечья, которые также отнесли потом к произволу «красных опричников».

По другой версии, во время возникшей дискуссии митингующих с прибывшими большевиками вездесущие чекисты выследили-таки в толпе собравшихся объявленного в розыск *Василия Сапожникова* и попытались его арестовать. Однако на их пути встали несколько правоэсеровских боевиков с револьверами, вследствие чего возникла сначала потасовка, а потом и небольшая перестрелка, на звук которой из соседнего дежурного отделения прибыл красногвардейский наряд. После этого с участниками

*Это требование, однако, так и не было выполнено, арестованные организаторы несанкционированного митинга остались по-прежнему сидеть в тюрьме, а обещанной забастовки так и не произошло. Всем стало уже как бы не до неё, поскольку через два дня началось общесибирское вооруженное восстание.

**О тех событиях, кроме упоминавшихся уже нами «Знамени революции» и «Омского вестника», писала, например, ещё и иркутская меньшевистская газета «Наше дело» (№139 от 14 июня 1918 г).

собрания уже перестали церемониться и, под угрозой ареста за вооруженное сопротивление властям очень быстро их разогнали.

В тот же день и, более того, примерно в то же самое время на другом берегу Ангары, в центральной части Иркутска, на его главной улице под названием Большая, происходили не менее тревожные события. В сторону резиденции Центросибири стала выдвигаться достаточно большая группа вооруженных красноармейцев в явно перевозбуждённом состоянии. Они подошли к зданию большевистского регионального правительства и также в ультимативной форме, как и железнодорожники, потребовали немедленного освобождения из-под ареста своего товарища, некоего Киселёва. Последний являлся председателем или, по-другому, профсоюзным лидером местного союза фронтовиков, общественной организации бывших военнослужащих российской армии, главным образом из числа её рядового состава.

Многие члены этого действительно в определённом смысле профсоюза фронтовиков по призыву советской власти в марте-апреле 1918 г. вступили в ряды начинавшей формироваться Красной армии. Однако революционное боевое братство решило, что в новой армии должны сохраниться те положительные, с их точки зрения, изменения, которые были введены в вооруженных силах России после Февральской революции, а именно: участие в решении всех вопросов солдатских комитетов, равенство вне службы рядовых и командиров* и пр. Ещё больше нравилась фронтовикам учреждённая в декабре 1917 г. уже советской властью система выборности командного состава. Данные завоевания революции как раз и защищал от посягательств Центросибири профсоюзный бос фронтовиков, тот самый арестованный Киселёв.

Однако большевики сочли его деятельность потворствующей разложению воинской дисциплины в красноармейских частях и игравшей тем самым как бы на руку врагу. И как следствие, – они признали public relations (то есть пиары) Киселёва однозначно контрреволюционными и отдали распоряжение о его аресте**. В ответ на это крайне возмущённые фронтовики, а теперь новобранцы-красноармейцы вскрыли оружейные комнаты, похватали всё, что смогли взять с собой, и с таким вот весьма грозным арсеналом явились под окна Центросибири, намереваясь посредством, что называется, акции прямого действия добиться освобождения своего профсоюзного лидера, а попутно решить вопрос и о командном составе, который красноармейцы всё-таки хотели выбирать сами и желательно из своей среды, а не подчиняться назначенцам от советской власти.

Представителей от «бунтовщиков» принял в своём рабочем кабинете сам глава Центросибири *Николай Яковлев*. В условиях, когда на площади перед правительственным зданием шумела перевозбуждённая толпа вооруженных красноармейцев, а со стороны железнодорожного училища в то же самое время уже стало слышно, как начали палить из наганов правоэсеровские боевики, *Яковлев* не стал особо упорствовать по первому требованию фронтовиков и тут же отдал приказ освободить из тюрьмы Киселёва. Однако по второму вопросу «повестки дня» председатель Центросибири всё-таки вступил в полемику с пришедшими для встречи с ним делегатами и заявил, что назначение командного состава Красной армии проводится в соответ-

*К этому добавилась и полная отмена офицерских званий как таковых, осуществлённая в конце 1917 г. правительством народных комиссаров.

**Под весьма похожим предлогом и в то же самое время, то есть в период очень серьёзных осложнений на противосемёновском фронте, усилиями большевиков был смещён со своего поста и председатель союза увечных воинов (инвалидов войны).

ствии с распоряжениями центрального советского правительства, отменить которые сибирский совнарком просто не в состоянии.

Красноармейцы, внимательно выслушав *Яковлева* и посоветовавшись между собой, решили, что, поскольку их главное требование касательно освобождения своего неформального лидера всё-таки удовлетворено, то им, как союзникам советской власти, нет смысла сейчас продолжать акцию неповиновения, накаляя и без того напряженную обстановку в городе. Вследствие чего они решили отложить на время споры по второй дискуссионной проблеме и с тем, собственно, и разошлись вскоре по своим казармам. Прямая угроза начала стихийного вооруженного выступления, таким образом, вроде бы миновала. Однако уже через три дня, в воскресенье 26 мая, в Иркутске опять началась ружейная, пулемётная, а затем даже и орудийная стрельба... То выступил батальон Чехословацкого корпуса, временно расквартированный на запасных путях станции Иркутск. И это уже было начало общесибирского антибольшевистского вооруженного восстания.

2. Готовность номер один

В том же мае месяце произошло несколько важных событий также и в недрах подпольного сопротивления. Прежде всего, напомним, что поменял адрес своей основной прописки его центральный военный штаб, переехавший из Томска, несколько удалённого от основного железнодорожного пути Транссибирской магистрали, в Новониколаевск, достаточно тихий уездный городок, однако уже в то время становившийся одновременно и крупной железнодорожной станцией, и ведущим речным торговым терминалом Западной Сибири.

Произошли, как мы знаем, в то же самое время и важные кадровые перестановки в руководстве подпольными группами на местах. Вместо эсеровских боевиков, знавших всю, как говорится, подноготную нелегальной политической деятельности, но абсолютно ничего не смысливших в реалиях полномасштабных боевых действий, начальниками подпольных вооруженных групп были назначены боевые офицеры, имевшие за плечами богатый практический опыт минувшей войны. А во главе всей этой подпольной командной иерархии встал, как мы уже отмечали, подполковник *А.Н. Гришин* (по нелегальному псевдониму – *Алмазов*). Ему напрямую подчинились в тот период не только все организации Западной и Средней Сибири, но, по некоторым данным, и часть восточных, исключая только Забайкалье и Дальний Восток, где непосредственное руководство, может быть, не столь многочисленными, но всё-таки существующими подпольными боевыми группами осуществлял сам военный министр ВПАС (Временного правительства автономной Сибири) *Аркадий Краковецкий*.

Теперь, когда все организационные вопросы вроде бы удалось уладить, новониколаевскому центральному военному штабу оставалось только довести до сведения боевых групп самые последние распоряжения и установки, полученные, в частности, из Москвы через капитана Коншина. С этой целью 3 мая в Новониколаевск съехались делегаты от большинства подпольных организаций Сибири, которым даны были указания в ближайшее же время привести свои подразделения в полную боевую готовность и ждать сигнала от центрального штаба о начале общесибирской во-

оруженной операции. Точной даты выступления подпольщикам тогда не сообщили, поскольку о ней ещё никто не знал не только в Новониколаевске, но и в Томске*. Участников совещания лишь предварительно сориентировали на вторую половину июня месяца**. Кроме того, делегатам подпольной конференции представили новый код для шифровки телеграфных сообщений, в том числе и условный знак, обозначающий непосредственное начало вооруженного восстания.

Оперативный план предстоящего выступления содержал в себе следующие положения (цитата):

1. Арестовывать в ходе восстания, прежде всего, всех большевистских руководителей.

2. Сразу же брать под свой контроль банки.

3. Захватывать военные склады и вооружать всех желающих сражаться с большевиками.

4. Освобождать политических заключённых.

5. Сразу же захватывать в своё распоряжение все средства передвижения (пароходы и паровозы), а также пути передвижения (главным образом железные дороги, мосты и тоннели).

*6. Создавать в ходе восстания в тылу красных панику, угрозу ударов с тыла по большевистским фронтам, для того, чтобы оттягивать их силы на себя, давая Чехословацкому корпусу возможность для скорейшего разгрома частей красной армии (*конец цитаты).

Как мы видим из данного текста, в нём содержались прямые указания сибирским подпольщикам во время предстоящего выступления в обязательном порядке взаимодействовать с военнослужащими чехословацкого иностранного легиона. Эти установки, привезённые капитаном Коншиным из Москвы, разрабатывались и утверждались на таком высоком уровне, что не подлежали никакому обсуждению и должны были неукоснительно выполняться.

Для исполнения полученных предписаний, по некоторым сведениям, где-то в районе 10 мая подполковник *Гришин-Алмазов* встретился в Новониколаевске с командиром 7-го (Татранского) полка Чехословацкого корпуса капитаном *Рудольфом Гайдой*, с которым дополнительно обговорил все детали предстоящей совместной операции. С этими данными капитан *Гайда* буквально на следующий же день выехал в Челябинск, где вскоре должна была состояться так называемая предсъездовская конференция представителей войсковых подразделений чехословацких легионеров. А начальник центрального военного штаба *Гришин-Алмазов* почти тем же следом отбыл в Томск, чтобы доложить руководству центрального политического штаба о проведённых в мае встречах, совещаниях и о рассматривавшихся на них вопросах.

Теперь, когда мы уже, наконец, вплотную подошли к моменту начала общесибирского вооруженного восстания, пришла очередь сказать несколько слов и о Чехословацком корпусе как об одном из основных участников этого во многом эпохального события.

---

*Политический штаб сибирского подполья в лице Западно-Сибирского комиссариата ВПАС по-прежнему находился в Томске.

**Такую дату предполагавшегося выступления уже после того, как оно свершилось, называли, в частности, в своих публичных выступлениях высокопоставленные эсеровские функционеры *Борис Марков* и *Михаил Рудаков* («Сибирская речь», №31 от 5 июля 1918 г.).

ЧАСТЬ V

СИБИРСКИЙ БУНТ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ЧЕХОСЛОВАКИ

Последнее, что я помню, –
Это как я бежал к двери,
Я должен был вырваться оттуда
И вернуться на своё шоссе.
«Не спеши», – сказал мне портье. –
«Мы здесь только принимаем:
Выписаться ты можешь, когда пожелаешь,
Только вырваться отсюда тебе не удастся…»
Иглс. Отель «Калифорния»

1. Чехословацкая боевая дружина

В Киеве сразу же после начала Первой мировой войны, уже в августе 1914 г., с разрешения царского правительства была создана общественная организация под названием «Союз чехословацких обществ в России». Она, по замыслу её создателей, затевалась как патриотическое объединение, призванное направить устремления чехов и словаков, проживавших на тот момент в России, на великое дело: освобождение своей родины от австрийского векового владычества. Это являлось, кстати, одним из многочисленных практических воплощений той патриотической шумихи, под соусом которой, собственно, и разворачивались события, связанные с участием Российской империи в новой общеевропейской драке*.

«Союз чехословацких обществ в России» в первые же месяцы войны приступил к формированию добровольческой Чехословацкой боевой дружины, в которую приглашались мужчины чешской и словацкой национальностей, проживавшие на тот момент на территории Российской империи**. Желающих нашлось, прямо скажем, поначалу не так уж и много, но, тем не менее, около 750 человек к концу 1914 г. всё-таки вступило в ряды воинов-дружинников. Там же, в Киеве, на Софийской площади 28 сентября 1914 г. в день святого Вацлава они приняли торжественную присягу, во время которой получили в свои руки даже специально изготовленное для такого слу-

*Началось всё, как известно, с того, что Австро-Венгрия собралась в очередной раз организовать «крестовый поход» против наших братьев по крови и по вере – сербов. Защита последних явилась, в свою очередь, моральным долгом для нас – русских. Но то был лишь формальный повод. На самом же деле стратегический интерес в той войне (за раздел колоний) у России был только в одном (колоний у неё и в Сибири хватало) – попытаться разгромить в очередной раз Турцию (также участницу этой европейской войны) и за счёт протектората над новыми территориями получить, наконец, выход к Средиземному морю. Однако кто ж нам такое позволит? Правильно: никто и никогда (даже у генералиссимуса И.В. Сталина не получилось).

**Всего таких насчитывалось порядка 10 тысяч человек.

чая боевое знамя, представлявшее собой двухстороннее полотнище с российской и чехословацкой национальной символикой*.

На первых порах, однако, вплоть до начала 1916 г. Чехословацкая дружина не представляла собой цельной боевой единицы как таковой. Дело в том, что её личный состав взводами или полувзводами распределялся по разным частям главным образом Юго-Западного фронта. Поначалу чехословаки выполняли в основном агитационные функции, посредством листовок или прямого диалога убеждая своих собратьев-славян из австрийской армии сдаваться в плен и переходить на сторону русских. Потом постепенно к агитационным мероприятиям стали добавляться и более ответственные разведывательные задания, с которыми чехословаки, в силу того что они с лёгкостью преодолевали языковой барьер, достаточно эффективно справлялись. После успешного выполнения подобного рода поручений в среде дружинников начали появляться уже и первые орденоносцы.

Таким образом, чехословацкие добровольцы за первый год войны зарекомендовали себя с самой лучшей стороны, а их общее количество увеличилось к 1916 г. до двух с половиной тысяч человек. Всё это поспособствовало тому, что в апреле того же года специальным указом императора Николая II была образована, наконец, отдельная войсковая единица – Чехословацкая стрелковая бригада в составе двух пехотных полков: 1-го – имени Святого Вацлава (святого и благоверного чешского князя, равно почитаемого как католиками, так и православными)** и 2-го – имени Кирилла и Мефодия (славянских братьев, создавших письменность у русских и чехов)***. Военнослужащие данной бригады принимали российскую присягу, носили форму русской армии, всё делопроизводство и официальное общение велось на русском языке, штабной и полевой командный составы полков и батальонов также комплектовались из российских офицеров и лишь на должности командиров некоторых рот и взводов стали назначать чехословаков. Так уж получилось, что ими оказались люди, обучавшиеся до войны в офицерских училищах Австрийской империи. Среди таких ротных командиров находились подпоручики *Станислав Чечек*****

* Знамя дружины изготовили и вышили две чешки, проживавшие на тот момент в Москве. На лицевой стороне стяга были представлены четыре гербовых щита (Чехии, Словакии, Моравии и Силезии), а также корона святого Вацлава, располагавшиеся на двух горизонтальных красно-белых (национальные цвета Чехии) полосах. Оборотная сторона стяга повторяла российский бело-сине-красный триколор. Знамя имело навершие в виде византийско-русского двуглавого орла (гвардейское навершие образца 1875 года), а также бело-сине-красные ленты.

**После Февральской революции 1-й полк переименовали в честь Яна Гуса, выдающегося чешского религиозного реформатора, а по сути (с нашей точки зрения) одного из самых заметных в истории человечества революционеров.

***После Февральской революции и этот полк был переименован, его назвали в честь чешского короля Йиржи из Подебрад, приверженца и последователя идей Яна Гуса.

****Гражданин Австро-Венгерской империи *Станислав Чечек*, 1886 г. рождения, после окончания курса обучения в Лейпцигской торговой академии в 1907 г. был призван в армию. Несмотря на достаточно небольшой рост (по мужским меркам, конечно) – всего 165 см, *Чечека* направили на учёбу в Пражское кадетское училище, по окончании которого он получил звание поручика австрийской армии, после чего его отправили в запас в должности командира взвода. В 1911 г. он переехал в Россию в качестве торгового представителя небольшой автомобильной фирмы (теперь это знаменитый автоконцерн «Шкода»), здесь его и застала первая мировая война. Получив повестку о призыве из резерва в действующую австрийскую армию, он не подчинился приказу о мобилизации (то есть попросту дезертировал) и в октябре 1914 г. вступил добровольцем в Чехословацкую дружину. Здесь ему присвоили звание подпоручика русской армии и определили под команду взвод разведчиков, в 1915 г. он уже командир стрелковой роты той же добровольческой дружины, а в 1916-м г. становится командиром роты в 1-м регулярном

и *Ян Сыровы**, летом 1918 г. возглавившие мятеж Чехословацкого корпуса в Сибири**.

Вместе с тем надо отметить, что формирование отдельных чехословацкий частей в составе русской армии проходило совсем не так просто, как могло бы показаться на первый взгляд. Во-первых, количество добровольцев, как мы уже отмечали, было не столь велико, чтобы постоянно доукомплектовывать личный состав этих национальных воинских подразделений. А, во-вторых, порой случалось так, что даже те чехи и словаки из проживавших на территории Российской империи, которые изъявляли желание сражаться на фронте, не всегда могли его осуществить, поскольку их (в значительном большинстве своём хорошо образованных и высококвалифицированных специалистов) попросту не отпускали с тех предприятий (в первую очередь – военных, конечно), на которых они работали или служили.

В условиях крайне ограниченного выбора перед Союзом чехословацких обществ встала задача привлечения в формируемые им национальные воинские подразделения тех соплеменников, которые в качестве военнопленных Первой мировой войны содержались тогда в русских концентрационных лагерях. Всего таких военнопленных к концу 1916 г. насчитывалось около 200 тысяч. Однако и на этом пути возникло одно большое но не позволившее практически до самой Февральской революции существенно увеличить количественный и качественный состав чехословацких подразделений в российских вооруженных силах.

Поначалу призывать пленных чехов и словаков, изъявивших желание сражаться с оружием в руках против своих вековых поработителей – австрийцев и немцев, посчитали тогда в российских правительственных кругах не джентльменским поступ-

---

чехословацком полку русской армии. За период боёв 1914-1916 гг. *Чечек* был награждён медалью Георгиевского креста 4-й степени, орденом Святого Станислава 3-й и 2-й степени, орденом Святой Анны 4-й и 3-й степени и ещё орденом Святого Владимира 4-й степени с мечами, последний давался за особо исключительные боевые подвиги. Ну а в марте 1917 г. поручик *Чечек* получил от революционного Временного правительства высшую боевую награду России – орден Святого Георгия 4-й степени и звание поручика. Сведения о его дальнейшем жизненном пути см. в разделе «Досье».

**Ян Сыровы*, 1888 г. рождения, так же, как и *Чечек*, являлся чехом по национальности и австро-венгерцем по гражданству. После окончания в 1906 г. высшей технической школы в г. Брно его на год призвали в армию и определили на учёбу в кадетскую школу того же самого г. Брно, по завершении обучения в которой *Сыровы* получил звание капрала и был отправлен в запас в должности командира взвода. После этого Ян некоторое время работал по специальности, а потом поступил на учёбу в Варшавский политехнический университет, здесь его и застала война. Воспользовавшись тем, что Варшава находилась в той части Польши, которая входила в то время в состав Российской империи, *Сыровы* точно так же, как и *Чечек*, без особых проблем дезертировал из австрийской армии и подал заявление о приёме в русскую, но ему, как гражданину враждебного государства, категорически отказали в его просьбе. И тогда он вступил добровольцем в Чехословацкую дружину, получив в ней звание подпоручика и стрелковый взвод под свою команду. В 1916 г. он стал командиром роты 1-го чехословацкого полка. Боевые награды Российской империи в тот военный период также не обошли и его стороной: медаль Георгиевского креста 4-й степени, орден Святого Станислава 3-й степени, Святого Владимира 4-й степени и Святой Анны 4-й степени. Об остальном см. в его досье.

**Было ли это «принципом домино» или просто стечением обстоятельств, трудно сказать точно, можно только с той или иной степенью уверенности гадать, документальных свидетельств тому нет, да и вряд ли они когда-нибудь вообще появятся. Что же касается косвенных «улик», то их количество достигло, кажется, теперь уже своей критической массы, которая, с одной стороны, способна полностью подтвердить, а с другой, напротив, развеять в пыль каждое из имеющихся предположений, и причём по нескольку раз. Вот отчего история и становится в зависимости от того, в чьи руки она попала: то спасительным лекарством, врачующим, на манер девяти геродотовских муз, человеческий ум и душу, а то очень часто несносной идеологической дубиной, покалечившей уже не одно поколение людей.

ком по отношению к противнику. А вот содержать братьев-славян в концлагерях, получалось, что вроде бы как ничего… можно*. Такой «вилкой», явно от лукавого, возмущались в тот период многие сведущие в данном вопросе люди. Среди них были как гражданские патриотически настроенные общественные деятели, так и некоторые высокопоставленные военные чины. Например, один из самых талантливых полководцев Первой мировой войны генерал А.А. Брусилов с возмущением писал в одной из докладных записок на имя начальника штаба Верховного главнокомандующего генерала Алексеева следующее:

«Немцы и мадьяры содержатся в сравнительно благоустроенных лагерях Сибири, а на работы в Европейской России назначаются почти исключительно славяне, как элемент более надёжный, и в результате… славяне, которые добровольно перешли на нашу сторону, в надежде встретить к себе братское отношение со стороны русского правительства и общества, оказываются в положении рабов, голодных, босых, плохо одетых, нередко больных, вынужденных нести непосильный труд и выносить бесчеловечное отношение со стороны разных эксплуататоров из русских, немцев, евреев и мусульман, к которым они попадают на работы... Необходимо безотлагательно разрешить всем желающим славянам поступать добровольцами в славянские части».

Каким-то образом, видимо, откликаясь на критику подобного рода, император Николай II в июне 1916 г. принял «соломоново решение» и повелел освобождать пленных чехов и словаков (а равно с ними и других славян) из лагерей для военнопленных при условии принятия ими российского гражданства. В данном царском указе не содержалось ещё прямого распоряжения о формировании из бывших военнопленных национальных полков, но вместе с тем для тех, кто, согласно высочайшему повелению, переходил в подданство российского императора, открывалась теперь прямая дорога и в добровольцы русской армии. Ну а после этого, казалось бы, ничто уже не могло помешать начавшемуся процессу?.. А вот и нет, подишь ты, какой скорый...** Именно в тот момент в дело вмешалось российское министерство внутренних дел, совмещавшее тогда в своём департаменте не только функции уголовной, но и политической полиции.

Оно через своих осведомителей выяснило, что Союз чехословацких обществ в России негласно поддерживает связь с Чехословацким национальным советом во Франции, во главе которого стоит якобы криптоеврей *Томаш Масарик* (официально словак по национальности), являвшийся одновременно ещё и весьма знатным масоном. Но так называемых скрытых евреев, а также членов «тайных» лож более чем предостаточно имелось на тот момент и в самих российских общественно-политических кругах, с чем уже вполне свыклись, да и вообще темой о жидомасонском заговоре трудно было кого-либо тогда в России удивить. Вместе с тем, когда агенты тайной полиции донесли по начальству, что, кроме масонов, в составе обоих национальных

---

*Для справки: пленных славян держали в лагерях под Курганом, Самарой, в Тоцких и в Троицких лагерях, а также в Туркестане и Сибири.

**Во время Второй мировой войны, например, без особых проблем на советской территории была сформирована не дружина и даже не бригада, а целая чехословацкая армия под командованием генерала Людвига Свободы. Последний, кстати, в период Первой мировой войны являлся военнослужащим тех самых чехословацких частей, о которых мы сейчас говорим. А в период мятежа против советской власти капитан Свобода служил адъютантом у начальника штаба восставшего корпуса генерала *М.К. Дитерихса*. Спустя два десятилетия русские коммунисты великодушно простят Людвигу Свободе этот его «первородный» грех.

комитетов имеются ещё и люди, искренне сочувствующие социалистическим идеям, вот такого рода известие сразу же вызвало самый настоящий и уже совсем нешуточный переполох в правящих кругах. Как! И эти люди будут создавать в России свои вооруженные отряды под видом национальных полков?.. Да ни в коем случае!

В результате Союз чехословацких обществ в России сразу же был отстранён от дел, а вопросами формирования национальных воинских подразделений стал заниматься созданный в Петрограде полностью подконтрольный царскому правительству так называемый Чехословацкий народный совет. После этого больше на словах, чем на деле, процесс по привлечению военнопленных был «начат», более того – «процесс пошёл», но только вот количество чехословацких добровольцев, сражавшихся с оружием в руках за нашу и свою родину, фактически не увеличивалось. А для отвода глаз прикормленная и прирученная (как всегда, и нашими, и вашими) «независимая» пресса выдала в то же время «на-гора» очередной бред сивой кобылы под названием «германский заговор в Зимнем дворце», во главе которого якобы стояла полунемка-императрица и её «любовник» Распутин. Именно они с подачи потерявших всякое чувство меры высокооплачиваемых столичных щелкопёров оказались вдруг ответственными, в том числе, и за «саботаж» при формировании новых славянских национальных полков для русской армии*.

2. Чехословацкий корпус

После Февральской революции 1917 г. Чехословацкий народный совет, потерявший могущественного покровителя в лице царского правительства, сразу же ушёл в небытие и полное историческое забвение, а вот киевский Союз чехословацких обществ, напротив, в результате низвержения прежних правительственных препонов возродился, как Феникс из пепла, и вновь встал у руля начатого им в 1914 г. дела. Вскоре, однако, он по какой-то причине полностью поменял прежнюю официальную вывеску и стал называться отделением в России Чехословацкого национального совета. То есть отделением того самого комитета, который был создан в Париже *Томашем Масариком* при поддержке французского правительства (не без участия французских спецслужб, конечно), а также, по некоторым сведениям, и американского банковского капитала. После этого от «Феникса» действительно начало попахивать неким душком предательства российских интересов в пользу иностранных держав.

В конце весны того же 1917 г. для окончательного подтверждения своих полномочий в качестве новоявленного политического руководителя в Россию из Франции с официальным визитом пожаловал и сам *Томаш Масарик*. К его приезду на Юго-Западном фронте по распоряжению Временного правительства России срочно укомплектовали ещё один чехословацкий полк (3-й, имени Яна Жижки – военного предводителя гуситского сопротивления)**. И вот в таком составе, то есть уже в

*В российских правительственных кругах действительно существовал так называемый «немецкий заговор», но вот только во главе его находилась не императрица Александра Фёдоровна, а совсем другие люди – настоящие, реальные политики; и занималась эта группа конечно же не противодействием в формировании чехословацких дружин, а изыскивала возможности для заключения так необходимого в тот момент для России сепаратного мира с Германией. Мир был нужен главным образом для того, чтобы навести, наконец, в стране порядок и не допустить назревавшего революционного взрыва.

**Тогда же чехословацким военнослужащим разрешили носить на своих фуражках национальную бело-красную ленточку, которую они сначала скромно подшивали под российскую кокарду. Однако не-

количестве полутора бригады, чехи и словаки в июле 1917 г. приняли участие в знаменитом (печально, правда, знаменитом) наступлении русских войск под Зборовым.

Битва под Зборовым (75 километров восточнее Львова) показала, что создание чехословацких воинских формирований было совсем даже не бесполезной затеей, поскольку именно благодаря им, а также двум русским гвардейским полкам (Семёновскому и Преображенскому), как отмечают многие исследователи (другие – более сдержанны), уже основательно разложившемуся от революционных беспорядков и левой агитации Юго-Западному фронту с трудом, но всё-таки удалось выстоять в этом однозначно непростом сражении, неожиданно превратившемся из наступательной операции в сугубо оборонительную. Причём решительность и инициативу, а также исключительную личную храбрость проявили во время данной операции как раз чешские офицеры, командиры среднего звена. Особенно отличился тогда маленький, наполеоновского роста, Станислав Чечек, назначенный после своих зборовских подвигов заместителем командира сформированного вскоре ещё одного – 4-го полка (на старших командных должностях по-прежнему находились в то время пока ещё только русские офицеры). А *Ян Сыровы* в Зборовском сражении даже потерял правый глаз, так что его – в ознаменование проявленного им героизма, а также ввиду появившегося теперь у него физического изъяна окрестили вторым одноглазым «Яном Жижкой».

После столь знаменательных для чехословаков боёв Временное правительство приняло решение сформировать из числа всё тех же военнопленных ещё пять полков*, образовав таким образом две полноценные стрелковые дивизии. По всей видимости, аппетиты как самих чехословаков, так и явно симпатизировавшего им правительства А.Ф. Керенского стали увеличиваться чуть ли не в геометрической прогрессии. Для вновь формируемых подразделений, а также для восполнения потерь, понесённых в ходе последних боёв, срочно потребовались дополнительные офицерские кадры. Так, в результате нового набора в конце лета того же 1917 г. в числе других прибыл в лагерь чеховойск ещё один будущий герой сибирского мятежа тридцатичетырёхлетний подполковник *Сергей Николаевич Войцеховский***. Сначала он был назначен начальником штаба 1-й дивизии, но потом, согласно его собственному прошению, его перевели на освободившуюся должность полевого командира 3-го чехословацкого полка. Ну и, наконец, там же под Зборовым, а потом и под Тернополем (в период вы-

сколько месяцев спустя, когда государственная власть в России очень сильно ослабла, а чехи, напротив, стали чувствовать себя намного увереннее, они начали накладывать красно-белые ленты уже поверх наших кокард. Но и этим дело не закончилось, в начале 1918 г. (тогда корпус вроде бы как стал частью французского иностранного легиона) его военнослужащие, по-прежнему находясь на территории России, и вовсе поснимали с себя все знаки отличия русской армии, оставив на головных уборах только свои национальные. Такая вот «эволюция»...

*4-й полк (имени Прокопа Великого, руководителя таборитов, радикально-демократического крыла в гуситском движении), 5-й Пражский, 6-й Ганацкий, 7-й Татранский и 8-й Силезский.

**Сергей Войцеховский, происходивший из семьи обрусевших польских шляхтичей, получил блестящее военное образование, окончил столичное Константиновское артиллерийское училище и Николаевскую академию Генерального штаба и всё – по первому разряду, то есть с отличием. В период Первой мировой войны находился главным образом на штабной работе в действующих частях. Отличился во многих боевых операциях, за что получил несколько высоких правительственных наград: орден Святой Анны 4-й, 3-й и 2-й степеней, Святого Станислава 2-й степени, мечи и бант к ордену Святого Станислава 3-й степени (полученный ещё в 1912 г. за успешное окончание Академии) и Святого Владимира 4-й степени. В одном из боёв он даже был тяжело ранен. Более подробные сведения о *Сергее Войцеховском* см. в разделе «Досье».

нужденного отступления русской армии) проявил чудеса храбрости, пожалуй, один из самых ярких персонажей нашего дальнейшего рассказа двадцатипятилетний поручик *Радола Гайда*.

По происхождению он являлся славянином-черногорцем, хотя некоторые исследователи, приверженцы теории о еврейском заговоре, утверждают, что он был, что называется, не без этого* (те же немногие, кстати, причисляют к криптоевреям и *С. Войцеховского*). *Гайда* в отличие от большинства своих товарищей по национально-освободительному движению, тех же *Станислава Чечека* и *Яна Сыровы*, не имел профессионального военного образования, он окончил лишь краткосрочные фельдшерские курсы, плюс к этому поучаствовал в нескольких боевых операциях Первой мировой войны, сначала на Балканах, а потом и в России. Здесь он первое время сражался в рядах сербских добровольцев, но затем перешёл на службу во 2-й чехословацкий полк.

До лета 1917 г. мало кто знал и даже слышал его имя, и вот только после Зборова и Тернополя оно впервые появилось на страницах некоторых газет**, описавших подвиги Гайды, а также тяжёлое ранение, после которого его направили на излечение в киевский госпиталь. Здесь *Гайду* и застало известие о награждении его высшим боевым орденом России – крестом Святого Георгия (4-й степени) и о досрочном производстве в капитаны русской армии. Орден чешскому герою, по преданию, вручил тогда сам председатель Временного правительства А.Ф. Керенский. После выздоровления и прибытия в расположение формируемой 2-й дивизии по личной просьбе *Томаша Масарика* капитана *Гайду* первым из чехов назначили на должность командира полка (7-го Татранского). По другим сведениям, это назначение произошло лишь в марте 1918 г.

И вот, наконец, 26 сентября 1917 г. приказом Верховного главнокомандующего Российской армии генерала Духонина был образован Чехословацкий корпус в составе двух пехотных дивизий, запасной стрелковой бригады, артиллерийского дивизиона и двух инженерных рот. Примечательно, что, согласно пункту шестому данного приказа, во всех частях корпуса вводился (с какого-то, грубо говоря, перепугу) дисциплинарный устав французской(!) армии. Объясняется такой нонсенс у современных исследователей чаще всего двумя основными версиями. Согласно первой из них, *Т. Масарик*, до того времени по-прежнему находившийся в России, вытребовал у Временного правительства разрешение на переброску формируемого Чехословацкого корпуса на противогерманский фронт в Западную Европу, в полное распоряжение французского верховного командования; отсюда якобы и новый устав.

Вторая версия трактует случившееся несколько иначе и состоит в следующем. В процессе назревания в России летом 1917 г., говоря научным языком, новой революционной ситуации, в правительственных кругах появилась идея создания на основе чехословацких частей корпуса наёмников-ландскнехтов для подавления массовых народных выступлений, в том числе даже и на фронте. *Генерал Корнилов*, по некоторым данным, ещё во время уже упоминавшихся нами боёв под Тернополем, являясь командующим Юго-Западным фронтом, предлагал использовать чехов в качестве

*Не знаем уж, как насчёт иудейского происхождения *Гайды*, но замашки у него, на наш взгляд, точно были корсиканские (и не у него одного тогда, кстати).

**Пока только в скупых разделах военной хроники. Однако ровно через год фамилия *Гайды* появится на передовых полосах не только российских, но и многих зарубежных периодических изданий.

заградительных отрядов на пути отступающих русских частей. После этого к подобного рода услугам со стороны легионеров пытались прибегать и украинские республиканцы, и их же «доморощенные» националисты, потом опять, уже во второй раз, тот же самый Корнилов во время своего знаменитого августовского антиправительственного мятежа, а также генерал Алексеев в период создания Добровольческой армии Юга России.

Однако *Томаш Масарик* на протяжении всего 1917 г. категорически запрещал легионерам вмешиваться во внутриполитические дела России, и они до поры до времени неукоснительно соблюдали это правило. Так вот, возвращаясь к нашей теме, для того, чтобы как минимум оградить военнослужащих Чехословацкого корпуса от разлагающего влияния революционной вседозволенности, имевшие на них виды политики самого высокого уровня и применили к ним устав французской армии, испытанный на прочность, образно выражаясь, не одной, а как минимум тремя революциями (а если посчитать дни Парижской коммуны, то и всеми четырьмя).

В августе 1917 г., изрядно потрёпанная в боях под Зборовым и Тернополем чехословацкая бригада, в составе 3-х полков, была отведена на отдых в район Бердичева и Житомира (правобережье Днепра). А в это время в тылу, на Полтавщине (днепровское левобережье), формировались осенью 1917 г. пять новых полков Чехословацкого корпуса. Таким образом, всё шло как бы своим чередом, и дальнейшие события не предвещали для легионеров никаких осложнений, не случись в ночь с 25 на 26 октября (по старому стилю) в Петрограде социалистической революции.

3. В тисках новых обстоятельств

После заключённого вскоре новым большевистским правительством перемирия с Германией чехословацкие части сразу же превратились для России в большую, в 40 тысяч личного состава, и очень непростую проблему. Сначала, правда, этот славянский корпус, как и весь Юго-Западный фронт, отошёл по наследству к самостийной Украине, которая в своих четырёх универсалах* к 11 января 1918 г. провозгласила полную независимость от бывшей Российской империи. А 15 января стараниями представителей Антанты чехокорпус официально объявили составной частью французской армии на правах иностранного легиона, и даже начали содержать за счёт поступивших из-за границы средств.

Более того, есть данные о том, что ещё во время политического совещания в Яссах (Румыния), проходившего в конце ноября 1917 г., союзники приняли решение выделить на содержание корпуса 15 миллионов рублей. Вследствие этого для советского правительства России проблема неприкаянного корпуса оказалась некоторым образом на время закрыта. Однако, как показали дальнейшие события, это было далеко не так. На самом деле, согласно *секретному соглашению*, достигнутому там же, в Яссах, чехословацкие легионеры за ссуженные им Антантой деньги обязывались не только продолжать боевые действия против немецких и австрийских войск, но

*10 июня 1917 г. Украина заявила о своих претензиях на автономию, 3 июля того же года малороссы составили соответствующий наказ для Всероссийского Учредительного собрания, 7 ноября в самопроизвольном порядке была провозглашена автономная Украинская народная республика в составе России, а 11 января 1918 г. – уже суверенное государство украинского народа.

и включиться, если потребуется, и *в вооруженную борьбу с большевиками* (заявления *Масарика* о политическом нейтралитете чехокорпуса там, на высоком верху, – в правительственных кабинетах стран Антанты – никто на тот момент в расчёт уже, естественно, не принимал).

Если говорить не только о политических, но и о бытовых условиях, то надо заметить, что в целом легионерам жилось в тот период на Украине, по всей видимости, в общем-то достаточно неплохо. Хотя, как сообщают хроникёры, им в зиму 1917-1918 гг. пришлось изрядно поголодать, так что вроде бы как даже порой и до употребления лягушек доходило дело. Но опять-таки лягушки, а точнее их лапки, как известно, – один из деликатесов французской кухни (в том числе, может быть, даже и армейской), и это во-первых. Ну, а во-вторых, с пятнадцатью антантовскими миллионами (более миллиарда на наши деньги) да на сытной Украине и сидеть голодом – в такое что-то верится с трудом. Кроме самого вкусного в мире свиного сала в славящейся своим хлебосольством Малороссии, даже в то – военное – время много чего можно было раздобыть из съестного, а если за хорошие деньги – так и тем более. Причём, если учесть, что украинские сёла уже тогда порой располагались друг подле друга почти в шахматном порядке, и где кончалось одно, там сразу же начиналось другое, то получалось, что за продуктовыми наборами интендантским командам и выезжать-то особенно никуда далеко не приходилось – всё находилось очень близко, что называется, под рукой. Таким образом, в период объявленного большевиками почти трёхмесячного перемирия с Германией свободного времени, как и денег, у легионеров вполне хватало, для того чтобы обеспечивать себя не только продовольствием, но вдобавок к этому и ещё кое-чем.

В условиях наступившей после двух подряд революций временной вседозволенности, из частей, в том числе и Юго-Западного фронта, началось массовое дезертирство военнослужащих Российской армии. Солдаты спешили в свои деревни делить обещанную большевиками барскую землю, ну а офицеры в то же самое время в массовом порядке бежали на юг России, в Добровольческую армию генералов Алексеева и *Корнилова*, для того чтобы организоваться и вернуть назад ту самую потерянную землю, а вместе с ней – прежние сословные привилегии, возродить попранную «жидами-большевиками» православную веру и пр. В результате прямо на прифронтовых полях и в цейхгаузах резервных частей оставалась масса брошенного и бесхозного оружия, которое чехи, оказавшиеся, ко всему прочему, ещё и весьма практичными людьми, стали аккуратно собирать, где прикупать, а где и просто, за здорово живешь, как говорится, прибирать к рукам. Ну не пропадать же добру, в самом-то деле.

За этими праведными занятиями потихоньку-помаленьку подошёл февраль 1918 г., и тут случилось то, чего легионеры опасались больше всего. Видя, что большевики намеренно затягивают процесс с подписанием мирного договора, немцы решили их немного поторопить и в конце указанного месяца возобновили боевые действия на восточном фронте. В результате Российская армия, полностью деморализованная революционной анархией, безначалием и дезертирством, сразу же опрокинулась и начала отступать на всех участках, в том числе и на Украине. В Ровенской области в районе г. Сарны (северо-запад Украины) наступающие немецкие части прорвали фронт, захватили город, после чего погрузили несколько полков в эшелоны и двинулась в глубь украинской территории на Коростень-Киев. Серьёзно обеспокоенные возникшими чрезвычайными обстоятельствами, военнослужащие чехословацкой

бригады, по-прежнему дислоцировавшейся на правобережье Днепра, в тот же день, поскорей собрали что называется свой «нехитрый» скарб и скорым маршем направились... нет, не навстречу врагу, а совсем в противоположную сторону. Драпанули, в общем. А с другой стороны, был ли им резон опять одним отдуваться практически за весь фронт, как в июле прошлого года под Зборовым?

Однако надо заметить, что отступить на восток в быстром темпе легионеры всё-таки не смогли: накопленное имущество, главным образом вооружение, которым они предельно основательно запаслись (на несколько военных кампаний вперёд), чрезвычайно замедлило их движение. Железнодорожных составов для этой цели в достаточном количестве сразу же найти им не удалось, поэтому значительную часть обмундирования, оружия и боеприпасов они погрузили на подводы, после чего одной, двумя лошадиными силами очень медленно двинулись на восток в направлении Киева. А немцы, создавалось такое впечатление, словно бы задались только одной единственной целью – догнать чехословаков, окружить их, взять в плен, да и перевешать всех за «измену родине»*.

Лишь 2 марта легионеры достигли Днепра, и здесь им опять же, вследствие обременённости военным имуществом, с большим трудом удалось переправиться чуть севернее столицы Украины на левый берег и двинуться дальше в направлении станции Бахмач (170 км северо-восточнее Киева). В то же самое время полки второй дивизии корпуса, погрузившись в железнодорожные составы, перекочевали с Полтавщины сначала поближе к Киеву на станцию Гребёнка, а потом также направились к Бахмачу. Причём у них по пятам в точно таких же железнодорожных эшелонах следовали передовые немецкие соединения, так что и этим чехословацким частям приходилось вести постоянные арьергардные бои, которые выпадали главным образом на долю ударного батальона под командованием подполковника *Бориса Фёдоровича Ушакова*.

Когда где-то числа 7 марта легионеры второй дивизии прибыли, наконец, на станцию Бахмач, то оказалось, что полков первой дивизии, отступавших с конца февраля из-под Житомира, там всё ещё нет, в то время как немцы весьма значительными силами уже достигли данного района и начали осуществлять операцию по окружению и уничтожению частей Чехословацкого корпуса. В тех неотвратимо роковых условиях не обстрелянным ещё как следует военнослужащим второй дивизии ничего другого не оставалось, как принять, несмотря ни на что, полномасштабный бой с очень давним и до той поры пока более удачливым противником. В этот момент легионеры, то ли вспомнив боевые подвиги своих великих предков времён Яна Жижки, то ли просто от отчаяния обречённых, но проявили такую силу духа, такую стойкость и отвагу, что на целых четыре дня полностью заблокировали все подступы к станции превосходящим силам врага.

---

*Угроза над легионерами нависла тогда действительно достаточно серьёзная. Немцы и австрийцы настолько были озлоблены против предателей и изменников, что особо с ними не церемонились (это у нас власовцев после Второй мировой войны отправляли в трудовые лагеря для перевоспитания). Чехов и словаков, нарушивших присягу, как только они попадали в плен к своим бывшим хозяевам, тут же вешали – и все дела. Семьи изменников, как правило, в таких случаях подвергались на родине суровым репрессиям, так что многие легионеры под угрозой оказаться в плену у немцев или австрийцев вынужденно прибегали к самому крайнему средству – тут же сводили счёты с жизнью. Очень часто для таких дел они использовали ручные гранаты, подкладывая смертоносный заряд себе под голову с той целью, чтобы обезобразить (обезличить) свой труп и таким образом избавить собственные семьи от политического преследования там у себя – на исторической родине.

Они держали оборону до той поры, пока их товарищи из первой дивизии, утяжелённые злополучным боевым скарбом, не достигли, наконец, Бахмача. После этого обе дивизии погрузились в эшелоны и стали организованно отступать по направлению к Курску, к спасительным пределам бескрайних российских территорий. О том, что драка чехословаков и немцев была действительно серьёзной и упорной, говорит хотя бы тот факт, что потери за истекшие несколько дней боёв с каждой стороны составили, по разным подсчётам, только убитыми от 400 до 600 человек. Ну а то, что чехословаки смогли выстоять и не проиграть в той баталии, имея дело с далеко не самым слабым противником, свидетельствовало в очередной раз о том, что они действительно могли, когда хотели, по-настоящему хорошо воевать. И, наконец, последнее, что, видимо, ещё необходимо отметить по поводу сражения у станции Бахмач, – это новые подвиги капитана Гайды. Как утверждают некоторые источники, именно он, умело руководя действиями вверенного ему воинского подразделения, не раз выправлял ситуацию и спасал положение дел. Бахмач, таким образом, стал своего рода Тулоном для амбициозного чешского «корсиканца».

На границе с Россией братьев-славян встретили уже части Красной армии, командование которой к легионерам в то время ещё никаких серьёзных претензий не предъявляло, так как они до той поры твёрдо придерживались тактики политического нейтралитета и в борьбе с советской властью никакого участия пока не принимали. Да к тому же после боёв под Гребёнкой и Бахмачом чехословаки стали как бы даже союзниками красных, которые, насколько представлялось возможным, пытались остановить немецкое наступление, расценивавшееся советским правительством не иначе как провокация, направленная на подавление Октябрьской социалистической революции. Так что в Курске легионеров встретили по-братски, а главнокомандующий советскими частями на южном направлении большевик В.А. Антонов-Овсеенко в газете «Правда» даже выразил «отважному корпусу» глубокую благодарность за то, что он «доблестно и с честью» сражался против немцев. Вместе с тем, видя то, насколько чехословацкие эшелоны переполнены оружием, тот же Антонов-Овсеенко распорядился часть его конфисковать на нужды формирующихся частей Красной армии. После этого к полкам и батальонам легионеров были прикреплены большевистские комиссары, в обязанность которых входило не только наблюдать за лояльностью чехословаков по отношению к советской власти, но и агитировать военнослужащих корпуса вступать в ряды ВКП(б)*.

Уладив таким образом необходимые формальности, железнодорожные составы отважного корпуса направили в район Пензы.

В то время, пока эшелоны Чехословацкого корпуса не спеша двигались на восток, делегаты от его Национального совета прибыли в Москву для встречи с представи-

*По сведениям советских историков, за период с марта по июнь 1918 г. из числа чехословацких легионеров большевикам удалось сагитировано в свою пользу около 4 тысяч человек; постсоветская же историография приводит цифру лишь в 200 человек. Истина, видимо, как всегда лежит где-то посередине. Одним из таких чехов, поддавшихся на коммунистическую пропаганду, оказался Ярослав Гашек, впоследствии знаменитый писатель. С 1918 по 1920 г. он воевал в качестве фронтового корреспондента на противоколчаковском фронте, потом был командирован большевиками на родину в только что образованную республиканско-буржуазную Чехословакию, по всей видимости, со специальным партийным заданием. Однако по прибытии в Прагу Гашек полностью отошёл от политики и на ссуженные ему деньги преспокойно попивал самое вкусное в мире чешское пиво, одновременно с этим начав писать смешные истории про «бравого солдата» Швейка. В 1923 г. в возрасте всего лишь сорока лет от роду Ярослав Гашек умер от водянки.

телями Советского правительства с целью согласовать с ними дальнейшие мероприятия по переброске своих военнослужащих во Францию. Сорок тысяч вооруженных до зубов иностранцев в то время, когда старая российская армия уже была к тому времени распущена по домам, а новая только ещё формировалась, стали вновь сильной головной болью для Совнаркома. Ответственным за чехословацкую проблему большевики назначили товарища Сталина. Представители Чехословацкого национального совета обратились к Советскому правительству с просьбой поспособствовать скорейшей эвакуации своего корпуса в Западную Европу. Такое желание в общем-то не встретило никаких возражений со стороны народных комиссаров, они и сами оказались настроены так, чтобы как можно скорее избавиться от чешской «занозы».

Вместе с тем план эвакуации, предложенный представителями ЧНС, не получил одобрения со стороны правительства Ленина. Чехословаки выразили желание выехать из России (на транспортах, обещанных союзниками) или через Чёрное море из Новороссийска, или северными морями из Архангельска и Мурманска. Вариант с Новороссийском не прошёл сразу же, поскольку на Северном Кавказе в то время формировалось белогвардейское вооруженное сопротивление и направлять в тот район 40 тысяч легионеров было крайне неразумно для Советов. В свою очередь, и переброска на север чехословаков также являлась немного рискованным предприятием, поскольку в начале марта в Мурманске для защиты северных территорий от возможного немецкого вторжения со стороны Финляндии, по соглашению с Совнаркомом, высадился англо-французский вооруженный десант. И хотя данная операция не являлось пока актом прямой военной интервенции, однако никто не мог поручиться, что в какой-то момент «союзники» не повернут штыки против советской власти и не сагитируют на такое грязное дело ещё и чехословацких легионеров. В любом случае всё это достаточно сильно настораживало, поскольку могло произойти хотя и в относительной, но всё-таки весьма опасной близости от столичных центров, в силу чего вариант с Архангельском и Мурманском после непродолжительной дискуссии большевики также отвергли как неприемлемый.

Последним портом, способным принять океанские транспорты, оставался, таким образом, только Владивосток (в районе Одессы и Севастополя хозяйничали на тот момент немцы). В то время, когда в Москве шли переговоры с чехословаками, в Сибири и на Дальнем Востоке всё было более или менее спокойно. Известные нам события в Благовещенске тогда уже «благополучно» завершились, атаман *Семёнов* и носу пока не высовывал из-за китайской границы, к тому же и земско-эсеровская политическая оппозиция в Сибири, как многим казалось, доживала свои последние дни. При этом Владивосток, если брать расстояние по железной дороге, находился за девять тысяч вёрст от Москвы, поэтому потенциальная угроза центральным районам России со стороны корпуса (сформированного, не будем забывать, по распоряжению Временного правительства) сводилась почти к самому минимуму. В силу данных причин вариант с владивостокским портом в итоге и был предложен Сталиным как наиболее приемлемый. Мнение правительства Центросибири по данному вопросу никто тогда, к сожалению, не спросил. Дело «уладили» без всякого на то согласия сибиряков, их только поставили перед фактом и всё; коммунисты действовали, увы, по старой колониальной схеме: «дивиденды – наши, а проблемы – ваши».

26 марта, по завершении переговоров в Москве, в Пензу в адрес местного совдепа пришла телеграмма за подписью Сталина, в которой содержалось распоряжение

о беспрепятственном пропуске подразделений Чехословацкого корпуса по Транссибирской магистрали во Владивосток. При этом, однако, легионерам поставили одно обязательное условие: следовать на Дальний Восток не в качестве военнослужащих, а как обычным частным лицам, в связи с чем советское правительство потребовало полного разоружения корпуса. Последнее условие вряд ли было приемлемо как для самих легионеров, так и для их зарубежных покровителей, поэтому, мотивируя своё несогласие тем, что эшелонам корпуса предстоит очень дальний путь, на котором вполне могут случиться разного рода непредвиденные (форс-мажорные) обстоятельства, представители ЧНС сумели каким-то образом убедить Совнарком пойти на некоторые уступки в вопросе о разоружении. А именно: чехословакам разрешили оставить для самоохраны каждого из своих эшелонов по 160 винтовок и по 1 пулемёту с полным боекомплектом.

Почему именно 160 – никто и нигде не поясняет. Возможно, такое количество военнослужащих насчитывала каждая отдельная рота чехокорпуса. Эшелоны, как правило, комплектовались побатальонно, поэтому получалось, что на три-четыре разоруженные роты приходилась одна вооруженная. Вроде бы немного, однако, если учесть, что сформировали тогда всего около 60 эшелонов*, то оказалось, что вооруженными остались в общей сложности более 9 тысяч человек, а это как минимум три полка. Сила, согласитесь, достаточно внушительная. Почему центральное советское правительство пошло на такие уступки – остаётся только гадать. Вопросов здесь, как говорится, больше, чем ответов. И что же в итоге? А в итоге большевики получили вооруженный мятеж, явившийся, по всей видимости, результатом, в том числе, допущенной ими в марте 1918 г. роковой ошибки**.

Оружие, согласно распоряжению Сталина, необходимо было передать специальной комиссии в Пензе, предварительно собрав его в опечатанных вагонах. По сведениям источников, чехословаки сдали тогда более 50 тысяч винтовок, около 1200 пулемётов, 72 артиллерийских орудия и даже 3 аэроплана. Как видим, легионеры действительно имели при себе весьма внушительный арсенал. А если учесть при этом ещё и те несколько тысяч винтовок, которые с официального разрешения остались при корпусе, а также то вооружение, которое чуть ранее уже конфисковал у чехословаков в Курске Антонов-Овсеенко, то его суммарное количество ещё более возрастёт. К тому же надо ещё заметить, что два полка – первый и четвёртый – так те вообще к моменту мятежа оказались разоружены не в полном объёме, так как по договорённости с большевиками несколько их батальонов находилось до конца мая попрежнему к западу от Пензы, охраняя при полном боевом вооружении данный район от возможного прорыва немцев с территории Украины. А сколько ещё пистолетов и гранат чехословаки попрятали по разным потайным местам в своих эшелонах?.. Вот и получается, что они в период осенне-зимнего стояния на Украине насобирали в

*В среднем по 666, 666... человека в каждом, если разделить 40 тысяч официально числившихся легионеров на 60 эшелонов.

**Возможно, на решение советского руководства относительно сохранения за легионерами части их вооружения повлиял тот факт, что чехословаки не вызывали у большевиков слишком уж большого подозрения в нелояльности к советской власти. Некоторые из руководителей российского отделения ЧНС, как мы уже отмечали, придерживались хотя и умеренных, но всё-таки левых взглядов. Демократически настроенной оказалась и значительная часть самих легионеров, о чём свидетельствовали ну хотя бы названия их полков. Ян Гус, Ян Жижка, Прокоп Великий – всё это были по-своему выдающиеся революционеры прошлого, борцы за народное счастье и права порабощённых наций.

«закрома» почти двойной комплект боевого снаряжения. Запасливые ребята оказались, ничего не скажешь.

Ещё одним непременным условием пропуска чехословаков во Владивосток стало требование: немедленно убрать с командных должностей, а потом и совсем уволить из корпуса всех русских офицеров как потенциальных пособников контрреволюции. Данное распоряжение пришлось выполнить без всяких условий, но это вряд ли огорчило легионеров, поскольку в результате на освободившиеся высшие командные должности в корпусе были назначены, наконец, сами чехи из числа тех, кто хорошо зарекомендовал себя за весь предыдущий период боевых действий: *Чечек, Сыровой* и другие, а также выдавший себя за иностранца *Сергей Войцеховский**.

Вместе с тем в ходе исполнения данного распоряжения появились и многочисленные нарушения, проконтролировать которые советским властям было достаточно трудно, а посему некоторые офицеры, снятые в марте-апреле со своих постов, всё-таки не покинули корпус и вместе с бывшими подчинёнными поехали в теплушках дальше на восток. Так поступил, например, знакомый нам уже подполковник *Борис Фёдорович Ушаков*, инкогнито оставшийся в эшелоне ударного батальона и решивший вместе с чехословаками перебраться во Францию, для того чтобы там продолжить войну с Германией. Мало того, по дороге из Пензы на восток к легионерам с той же целью «прибивались» и другие русские офицеры, не имевшие никакого отношения к корпусу, но изъявившие желание вместе с чехословаками покинуть ставшую уже ненавистной Совдепию, что называется, до лучших времён.

4. Сибирский «анабасис»**

Так вот, согласно достигнутым договорённостям, 27 марта 1918 г. началось, наконец, организованное движение чехословацких эшелонов по железной дороге в направлении Пенза-Сибирь-Дальний Восток, и уже через месяц, в конце апреля, первые батальоны второй дивизии (а именно её подразделения возглавили железнодорожную колону «анабасиса») достигли города Владивостока. Однако здесь их ждал неожиданный сюрприз: обещанных представителями Антанты пароходов для транспортировки в Европу в заливе Золотой Рог не оказалось. Более того, их там и не ожидали, по крайней мере, в ближайшее время. Таким образом, иностранные партнёры первыми нарушили условия мартовского трёхстороннего соглашения. Потихоньку-помаленьку, но в течение мая во Владивосток прибыло в целом около 14 тысяч чехословацких легионеров, и куда их девать – никто не знал. Их временно разместили в военных казармах, обеспечили продовольствием, организовали досуг***,

*Официально по отцовской линии у него были польские предки, но, поскольку чехи и поляки очень близки по крови и языку (Чех и Лях – два родных брата в славянской мифологии; В. Даль в своём знаменитом словаре также не находит между чехами и поляками значительных отличий), *Сергей Войцеховский* вполне мог сойти за чеха.

**«Анабасис Кира» (анабасис – «восхождение») – сочинение знаменитого древнегреческого историка Ксенофонта, описывающее историю злополучного похода 10000 греков в составе войска Кира Младшего (претендента на персидский трон) на Вавилон. Чехословацкие легионеры, среди которых было немало хорошо образованных людей, именно так, видимо, ни без гордости назвали выпавшие на их долю злоключения в Сибири.

***Одной из форм свободного времяпрепровождения для легионеров являлась игра в футбол. Во Владивостоке, как мы уже отмечали, в мае 1918 г. даже был организован небольшой международный

и, тем не менее, обстановка во Владивостоке накалялась с каждым днём (ведь даже одно ружьё, по весьма меткому замечанию А.П. Чехова, в конце пьесы обязательно должно выстрелить, а тут их скопилась – до двух-трёх тысяч, если не больше)...

Вместе с тем многочисленные проблемы с эвакуацией возникли не только во Владивостоке, но и в других местах – фактически на всём протяжении Транссибирской магистрали. Трудностей в условиях революционной разрухи действительно было немало, начиная от самых мелких – бытовых и кончая вечными – гамлетовскими*. Ну, во-первых, продовольствие. В Сибири деревни и сёла располагались не одна близ другой, как в Украине, а на расстоянии порой дневного перехода, а то и больше. Зная о подобного рода трудностях, представители ЧНС по окончании мартовских переговоров со Сталиным, ещё находясь в Москве, весьма предусмотрительно заключили договор со столичным Народным банком о кредите и другой посильной помощи со стороны сибирской кооперации в деле продовольственного обеспечения корпуса. Это значительно облегчило чехословакам решение вопросов, связанных с питанием. Сразу отметим, что попутно в конторах сибирских кооперативных союзов доверенные лица от легионеров входили в контакт с представителями подпольного антибольшевистского сопротивления и завязывали с ними весьма доверительные отношения.

Ещё одной проблемой, остро вставшей перед чехокорпусом во время его передвижения во Владивосток, оказалась нехватка железнодорожных локомотивов. Значительная их часть находилась в полностью изношенном за годы войны состоянии, поэтому не могла уже использоваться. А те паровозы, что ещё хоть как-то бегали после бесконечных ремонтов, были задействованы для более неотложных дел: доставляли, в частности, продовольственные эшелоны из Сибири в голодающие районы Центральной России, а также перевозили освобождаемых из заключения, согласно Брестскому мирному договору, военнослужащих германской и австрийской армий. Более того, иногда, когда, наконец, удавалось вытребовать у местных властей какой-нибудь свободный локомотив, порой случалось так, что не сразу представлялось возможным найти ещё и полностью укомплектованную паровозную бригаду, а также топливо. В таких случаях чехословакам приходилось самим заготавливать себе дрова, а потом ещё и становиться за управление паровозом… благо опытные машинисты в их среде тоже имелись.

Вдобавок ко всему прочему в конце апреля вскрылись реки Амурского бассейна, вследствие чего проезд по железной дороге от Читы до Благовещенска стал на некоторое время просто физически невозможен. Эта часть Транссибирской магистрали и раньше-то могла пропускать не более одного чешского эшелона за двое суток (!), а теперь и вовсе... В условиях природного катаклизма, когда повсюду разлились вышедшие из берегов водные потоки, на две недели как минимум, а то и больше всяческое движение на Благовещенск полностью прекратилось. Оставалась, правда, в качестве запасной ветка КВЖД, по ней можно было доехать до Харбина и оттуда опять же по железной дороге добраться до Владивостока. Но здесь, так же как и на Северном Кавказе, вовсю разворачивалось в то время антибольшевистское повстанческое

турнир, в котором принимали участие команды от легионеров, от владивостокских спортивных клубов, а также от экипажей иностранных военных судов, по-прежнему стоявших на рейде морского порта. По сообщению владивостокских газет, чехословаки в этом турнире обыграли всех своих соперников, в том числе даже и родоначальников футбола – англичан.

*«Быть или не быть», «бить или не бить» и, наконец, вот это, пожалуй, самое сакральное: «Молилась ли ты на ночь, Дездемона?».

движение. Таким образом, даже в самом крайнем случае советские власти вряд ли допустили бы чехословаков на территорию белогвардейской уже по сути КВЖД.

И, тем не менее, всё-таки не разливы амурских речных притоков повлияли на суть вновь возникшей проблемы с эвакуацией легионеров. Главная причина состояла в том, что в начале апреля, кода уже началось движение эшелонов в глубь российских восточных территорий, во Владивостоке высадился сравнительно небольшой, но достаточно дерзкий японский десант. Он наделал столько политического шума, что Москва даже начала готовиться к отражению широкомасштабной военной интервенции со стороны Антанты. И в то же самое время, напомним, из Маньчжурии выступил со своим отрядом, значительно усиленным за счёт иностранных союзников, атаман *Семёнов*. Так что в общем и целом теперь и на востоке России создалась вполне реальная военная угроза, с которой советскому правительству необходимо было считаться в любом случае. А тут ещё и кочующий по просторам Сибири, попрежнему достаточно хорошо вооружённый иностранный корпус («… и имя ему – легион»). В связи с этим большевики сразу же предприняли ряд неотложных мер для того, чтобы в очередной раз перестраховаться и обезопасить себя от потенциальной чешской угрозы.

То, как менялось в течение апреля отношение к чехокорпусу, можно проследить на примере телеграфных переговоров представителей Совнаркома и комиссара по иностранным делам Центросибири *Г. Вейнбаума**. Так, в самом начале апреля нарком по делам национальностей И.В. Сталин уведомил сибирских большевиков о том, что в Архангельск пускать чехословаков нельзя, что единственно возможным маршрутом для переброски их корпуса остаётся Дальний Восток. Сибирь, далее телеграфировал Сталин, для такой операции вполне приемлема, и в первую очередь потому, что контрреволюция на её территории «пришиблена».

Но уже 9 апреля, после того как стало известно о японском десанте, а также поступили первые известия о начале наступления *Г. Семёнова*, позиция наркома по делам национальностей резко меняется, он уже больше не уверен в том, что контрреволюционеры в Сибири пришиблены. «Распоряжение о пропуске чехословацких эшелонов при условии оставления при них минимального количества оружия было дано от имени Совнаркома при иных условиях... Теперь после десанта положение изменилось. Теперь необходимо полное разоружение эшелонов и отпуск их на восток только маленькими частями и с перерывами, ни в коем случае не вместе». А 21 апреля в адрес Центросибири из Москвы пришла телеграмма ещё и от наркома иностранных дел Г.В. Чичерина, в которой говорилось: «Чехословацкие отряды не должны продвигаться на восток». И как результат: полное и окончательное разоружение корпуса и категорическое запрещение его эшелонам следовать в порт Владивосток. О содержании этих телеграмм, хотя они и шли с грифом для служебного пользования, чехословаки вскоре узнали от своих новых друзей – подпольщиков, имевших в структурах Центросибири тайных осведомителей. Полученные известия с ещё большей силой толкнули легионеров в объятия сибирских заговорщиков.

В результате в период вынужденного и продолжительного простаивания эшелонов на сибирских станциях некоторым чехословацким офицерам среднего звена удалось довольно плотно снестись с местными контрреволюционными организациями. Последние после привезённых из Москвы капитаном Коншиным указаний о со-

*См.: П. Софинов. Чехословацкий мятеж. Исторический журнал. 1940. №12. С.51.

вместных действиях с легионерами полностью доверились им и посвятили их специальных представителей в общий стратегический план предстоящего всесибирского антибольшевистского выступления, после чего чехословакам осталось определиться лишь в одном: они в «игре» или нет.

Масло в огонь в этом смысле стали подливать и начавшие циркулировать в то же самое время слухи (кем-то, видимо, сознательно распускаемые) о том, что большевики намереваются не только окончательно доразоружить корпус, но и направить в концлагеря всех его военнослужащих, после чего, согласно якобы тайному протоколу Брестского мирного договора, передать их в руки Австро-Венгрии. О том, что чехословаков могло ожидать на родине, мы уже говорили. В общем, панические настроения в среде легионеров нарастали как снежный ком. И тут в адрес отделения ЧНС, находившегося в то время в Омске, пришло официальное уведомление из Москвы: развернуть первую дивизию корпуса назад и направить для эвакуации в порт Архангельск. В Совнаркоме таким образом, видимо, решили разделить силы чехословаков как минимум на две разобщённые группы, чтобы легче было в случае необходимости их обезвредить. Данное распоряжение Советского правительства окончательно убедило легионеров в том, что против них действительно затевается какое-то чёрное дело и что нужно немедленно принять какие-то срочные меры для того, чтобы обезопасить себя от злоумышлений *германо-большевиков* (так чехословаки всё чаще и чаще стали за глаза называть представителей советской власти).

Теперь что касается официальной советской версии всех этих событий. В конце апреля военный министр большевистского правительства (нарком военмор) Л.Д. Троцкий, которому в условиях всё нарастающей военной угрозы со стороны, как тогда говорили, внутренней и внешней контрреволюции поручили срочно разрулить чехословацкую проблему, встретился с высокопоставленным представителем Великобритании господином Локкартом*. Последнему был задан конкретный вопрос по поводу обещанного странами «Сердечного согласия» транспорта для эвакуации легионеров из Владивостока в Западную Европу, на что Локкарт также недвусмысленно заявил, что никаких грузовых, а тем более пассажирских судов во Владивосток из Америки и Европы в ближайшее время не планируется и тем самым продекларировал очевидное нарушение прежних договорённостей, что попахивало как минимум плохо завуалированным саботажем со стороны Антанты.

В этих условиях Совнарком и принял решение развернуть первую дивизию Чехословацкого корпуса назад – в порт Архангельск. Легионеры должны были следовать туда по железной дороге на прежних условиях, то есть как частные лица, но с собственной охраной на каждый эшелон. Новый маршрут, надо отметить, не вызвал абсолютно никаких официальных возражений ни со стороны Англии, ни со стороны Франции, что они и подтвердили нотой от 2 мая, согласно которой, чехословацким войскам, двигавшимся во Владивосток для последующей отправки во Францию, предписывалось развернуться на Мурманск и Архангельск, «где они могли защищать оба порта, а также охранять Мурманскую железную дорогу» (от немцев. – О.П.).

Вместе с тем у военно-политического руководства стран Антанты имелись, как мы знаем, тайные планы в отношении своих чехословацких легионеров. Им была уготована роль передового отряда войск иностранной интервенции в России. Для

*Профессиональный разведчик и дипломат Брус Локкарт являлся ко всему прочему ещё и главным куратором от стран Антанты Чехословацкого корпуса.

данных мероприятий на территории Сибири и Дальнего Востока сначала планировалось использовать японцев (в тот период – также членов антигерманского блока), однако этому очень сильно воспротивились американцы, тогда уже становившиеся главными стратегическими противниками Японии в Азиатско-Тихоокеанском регионе. В условиях достаточно трудно разрешимых японо-американских противоречий выбор и пал на «нейтральных»* чехословаков.

11 мая 1918 г. первый лорд Адмиралтейства (то есть военно-морской министр Англии) Я. Смэтс, а также начальник Генерального штаба Г. Вильсон направили правительству своей страны докладную записку, в которой, в частности, говорилось: «Представляется неестественным, что в тот момент, когда прилагаются большие усилия для обеспечения интервенции со стороны Японии... чехословацкие войска собираются перевести из России на Западный фронт». Далее рекомендовалось, чтобы части, уже находившиеся во Владивостоке или на пути к нему, организовать «в эффективные воинские части... французским правительством, которое нужно просить, чтобы впредь до того, как они будут доставлены во Францию, использовать их в качестве части интервенционистских войск союзников...». А 16 мая британский консул во Владивостоке Ходжсон получил секретную телеграмму из МИДа Англии, в которой прямо указывалось, что корпус «может быть использован в Сибири в связи с интервенцией союзников». Данная операция, что вполне очевидно, была направлена конечно же, в первую очередь, против большевистской революции, а потом уже, – как это официально объявлялось, – для предотвращения угрозы со стороны Германии на Восточном фронте.

А тем временем в начале мая нарком военмор (а фактически – второй человек в государстве) товарищ Троцкий вызвал к себе официального представителя Чехословацкого корпуса в Москве Вячеслава Нейберта и уведомил его о принятом Совнаркомом решении. Последний в тот же день направил в Омск своим коллегам по российскому отделению Чехословацкого национального совета телеграмму с извещением об изменении маршрута следования частей корпуса. Те эшелоны, что находились на тот момент в Омске и восточнее его, должны были продолжить движение во Владивосток, а все остальные (то есть располагавшиеся западнее Омска) заворачивались в обратном направлении и через северную железную дорогу подлежали транспортировке в порты Архангельска и Мурманска**. Бытовавшая тогда в рядах

---

*Представлявшиеся нейтральными легионеры конечно же таковыми вряд ли являлись. Уже тогда политическое руководство чехословацкого национально-освободительного движения стало всё больше и больше сближаться с нацелившимися на мировое господство американцами и, в частности, с их авангардом – всесильной еврейской диаспорой США. Так, *Томаш Масарик*, до того как стал главой ЧНС, женился на Шарлотте Гарриг (и даже взял её фамилию: Масарик-Гарриг), родственнице очень богатого и влиятельного американского банкира Чарльза Крейна. Сам Масарик, по официальным данным, считался сыном простого панского кучера, словака по национальности, и немки-служанки. Однако неофициальная версия выдвигает подозрение, что отцом будущего первого президента Чехословакии был не кучер, а его пан по фамилии Редлих (еврей по национальности). Применяя последнюю версию, становится более понятным, в частности, каким образом сын кучера и служанки смог окончить элитный, по тогдашним европейским меркам, и соответственно доступный только весьма обеспеченным людям Венский университет. Именем Масарика в настоящее время, ко всему прочему, назван и один из населённых пунктов на севере Израиля (http://en.wikipedia.org/wiki/Масарик, Томаш Гарриг).

**Согласно сообщению газеты «Голос Приморья» от 28 мая 1918 г., управление Омской железной дороги телеграфировало: «Депешей от 19 мая заведующий передвижением войск Иркутского района сообщает, что, согласно полученного им распоряжения сибирского военного комиссара, – все эшелоны

чехословацких военнослужащих охранительная присказка: «Мчимся быстро за Урал, чтобы Троцкий не догнал», таким образом, сработала только наполовину, и грозный лев большевистской революции (Лев Давидович) всё-таки их достал (а потом чуть было не «съел» их со всеми потрохами).

Конечно же пришедшие в Сибирь новости, мягко говоря, не очень обрадовали легионеров. Некоторые исследователи склонны объяснять негативную реакцию чехословаков вполне обоснованными опасениями, что Архангельск и Мурманск могут быть опять-таки захвачены немцами с территории оккупированной ими Финляндии, а эти «львы» пугали чехословаков, пожалуй, даже больше, чем Троцкий с его грозными латышами-красногвардейцами. Как обычно поступают в подобных ситуациях? Правильно: из двух зол выбирают наименьшее. Для выработки коллективного решения по данному вопросу в середине мая в Челябинске была созвана так называемая предсъездовская конференция делегатов от легий, а также срочно направлены в Москву несколько представителей от ЧНС для повторных переговоров с Советским правительством.

Конференция в Челябинске проходила с 15-го по 23 мая. Место проведения данного совещания конечно же выбрали не случайно, поскольку в Челябинске и его окрестностях находилось на тот момент около 9 тысяч легионеров, то есть почти половина из числа тех, кто не доехал ещё до Владивостока. Кроме делегатов от военнослужащих корпуса и членов ЧНС, на конференцию прибыли, по некоторым данным, и представители от «демократической контрреволюции» – эсеры и меньшевики, а также в обязательном порядке, естественно, и кураторы от Англии и Франции. Последним, несмотря на некоторое сопротивление со стороны чехословаков, всё-таки удалось уговорить их подчиниться распоряжению Троцкого и, более того, ни в коем случае не выказывать какого-либо неудовольствия по поводу случившегося – это, что называется, во-первых.

А во-вторых, те же люди до узкого круга особо доверенных лиц довели в общих чертах ещё и секретный план Антанты по проведению на территории Сибири, Волги и Центральной России всеобщего антибольшевистского вооруженного восстания, одним из основных звеньев которого и должен был стать сорокатысячный Чехословацкий корпус. Выступление намечалось на конец июня месяца,* и до того момента легионерам настоятельно рекомендовалось не проявлять нелояльного отношения к советской власти, дабы не навлечь на себя раньше времени каких-либо подозрений. В общем, так или иначе, но чехословаки всё-таки позволили себя уговорить и таким образом вынужденно смирились и со своей вряд ли счастливой участью, и с отведённой им нелёгкой ролью бунтовщиков в предстоящих в скором времени событиях.

5. Инцидент в Челябинске

И всё бы, наверное, произошло, как и планировалось, не вмешайся в ход событий Его величество случай. Всё испортил инцидент, произошедший в том же самом Челя-

---

чехословаков, задержанные на станции Омск и восточнее, надлежит отправить во Владивосток; эшелоны, задержанные западнее Омска, направить на Мурманскую железную дорогу до 21 мая».

*На эту дату, как мы уже отмечали, указывал, например, в своих воспоминаниях заместитель председатель Томской губернской земской управы *Михаил Рудаков*, утверждая, между прочим, что заплани-

бинске 14 мая, то есть где-то за день до открытия конференции, и развившийся чуть позже в вооруженное противостояние легионеров с местными советскими властями.

На так называемой переселенческой ветке*, на территории которой располагались эшелоны 2-го и 3-го чехословацких полков, 14 мая формировался ещё и железнодорожный состав для отправки на родину бывших военнопленных австрийской армии. В соответствии с условиями Брестского мирного договора Россия, Германия и Австрия должны были в кротчайшие сроки произвести между собой обмен военнопленными. В Сибири на тот момент таковых находилось что-то около 500 тысяч человек. Небольшую часть из них, в основном венгров-мадьяр, большевикам удалось мобилизовать в красногвардейские отряды, остальных же по мере возможности периодически отправляли из сибирских концлагерей на родину. При этом довольно часто случалось так, что ждущих своей очереди чехословацких легионеров подолгу держали на запасных путях, в то время как мимо них вне всякой очереди и на всех парах мчались на запад эшелоны, набитые до отказа австрийцами, немцами, венграми, а также теми чехами и словаками, которые в отличие от земляков-легионеров не стали нарушать присяги на верность Дунайской империи и немецко-австрийскому военно-политическому блоку.

Точно так же и в тот злополучный день 14 мая рядом с эшелонами легионеров, стоявших на путях переселенческой ветки, неспешно формировался очередной небольшой состав с военнопленными. И всего-то вагонов в нём было… лишь три теплушки. Охраны как таковой на тот момент рядом с ними почему-то не оказалось (пленных в Сибири тогда вообще довольно небрежно охраняли, ибо считали, что никому из иностранцев и в голову не придёт решиться на побег из нашего далёкого таёжного края). От нечего делать бывшие сослуживцы, а теперь непримиримые противники перекидывались друг с другом, как обычно и раньше бывало в таких случаях, нелитературными фразеологизмами на родном языке; чехи так, между прочим, посылали австрийцев и венгров, образно выражаясь, ко всем чертям, а те, в свою очередь, тоже желали и им в ответ всего самого «наилучшего» на этот счёт. В общем, происходила обычная, мало что обещающая, скорее комичная, нежели драматичная, перебранка, как вдруг из вагона с военнопленными неожиданно вылетала металлическая болванка (чугунная ножка от печки-буржуйки) и угодила прямо в голову одному из чешских легионеров, занимавшемуся какими-то хозяйственными делами на площадке между железнодорожными путями. Им оказался рядовой Франтишек Духачек, который от полученного удара потерял сознание и тут же упал; многие подумали, что замертво.

Понятное дело, что чехи тем же следом кинулись к эшелону с обидчиками для разборок. Злости у них на своих бывших национальных притеснителей накопилось на тот момент и без того с избытком, да и численностью они намного превосходили

рованная акция сибирского вооруженного подполья должна была начаться с Кузнецкого уезда Томской губернии, то есть с территории современной Кемеровской области («Сибирская речь» №31 от 5 июля 1918 г.).

*После начала строительства Транссибирской железнодорожной магистрали воротами в Сибирь для многочисленных переселенцев из Центральной России стал Челябинск (прежде эту функцию выполняла Тюмень на гужевом Московском тракте). Для того чтобы отделить переселенческий грузопоток от обычного пассажирского, вблизи станции Челябинск в 1895 – 1898 гг. была построена, а в 1904 – 1907 гг. расширена специальная переселенческая ветка с четырьмя подъездными путями и двумя платформами. Здесь же имелись два десятка бараков для переселенцев, больница на 120 коек, специально оборудованная столовая, способная обеспечить горячим питанием до 3 тысяч человек.

оппонентов, так что возмездие настигло виновников инцидента очень быстро и оказалось, ко всему прочему, ещё и достаточно суровым. Сначала чехи отцепили все три неприятельских вагона от локомотива, дабы ничто им не помешало учинить самосуд, потом взяли австро-венгерские теплушки молниеносным штурмом, у них ведь какое-никакое оружие-то всё-таки имелось, а у их противников, в лучшем случае, – только кулаки. Поэтому уже через несколько минут все пассажиры теплушек оказались в положении вроде бы как вновь взятых в плен, после чего над ними учинили дознание, в ходе которого среди них, надо полагать, также весьма быстро был определён круг лиц, подозреваемых в совершении преступления. Вслед за этим сразу же начался допрос, что называется, с пристрастием, и вскоре девять человек, избитых в кровь пленных «подследственных», выдали легионерам главного виновника совершенного преступления – военнослужащего по имени Иоганн Малик.

Последний, как ни странно, также оказался чехом по национальности, он был как раз из числа тех, кто не поддался на пропаганду агитаторов и не счёл возможным изменить своей воинской присяге, данной на верность Австрийской империи. С точки зрения легионеров, Иоганн Малик* совершил таким образом как бы двойное преступление: не только убил их товарища, но и отказался в составе чехословацких национальных полков принять участие в освобождении родины от австро-венгерского ига. Преступнику и предателю легионеры, недолго думая, нанесли несколько ударов штыками в грудь и в шею, от коих он мгновенно скончался. Когда к месту происшествия прибыл наряд красноармейцев, уже оказалось слишком поздно: незаконный суд свершён, а его приговор приведён в исполнение.

Двоих чехов, застигнутых красноармейцами на месте преступления с оружием в руках, тут же арестовали и передали следственным органам. Ни у кого из легионеров арест не вызвал в тот момент никаких претензий, поскольку всем было понятно, что за совершенное убийство кому-то придётся обязательно ответить. Тем более что якобы «убиенный» Франтишек Духачек (тот из чехов, что пострадал первым) к этому времени уже, что называется, оклемался и оказался совершенно жив и здоров, лишь только немного с повреждённой головой. Его тут же направили в больницу, а арестованных чехов – в тюрьму. Предварительный допрос подозреваемых в убийстве, однако, ничего не дал, легионеры категорически отрицали свою вину, а на вопросы следователя, кто же тогда заколол Иоганна Малика, отвечали: «Не выдадим».

Показания потерпевшего Духачека также не внесли никакой ясности: «14 мая сего года при отправке трёх вагонов с военнопленными с переселенческой ветки я исправлял фургон, когда вагоны подошли, из первого вагона была кинута железина – с целью убития (так в тесте. – О.П.), которая попала мне в голову, и я упал без сознания, но голову мне не пробило, так как я стоял в шапке». Это что касается случившегося непосредственно с ним, а дальнейшие события пострадавший вообще не помнил. Тогда следствие приняло решение вызвать на допрос нескольких свидетелей из числа легионеров. Нашлось около десяти человек желающих, но они, явившись в

*А.Х. Клеванский в своей монографии «Чехословацкие интернационалисты и проданный корпус» (М., 1965. С. 202), опираясь на свидетельство бывшего военнопленного Й. Клюка, указывает именно эту фамилию. Вместе с тем в некоторых работах, посвящённых данной теме, в качестве человека, спровоцировавшего кровавую заварушку, имевшую, как оказалось, очень серьёзные последствия, приводится иногда имя австрийца Франца Мюльнада. Начальник следственной комиссии Челябинска большевик Кольцов в протоколе от 24 мая 1918 г. хотя и не называет фамилию провокатора, но также указывает, что им был всё-таки чех, а не австриец.

следственную комиссию, начали наводить такую тень на плетень, что дело не только не сдвинулось с мёртвой точки, но и ещё больше стало запутываться. Налицо имелся явный саботаж, в ответ на который советские власти приняли решение задержать свидетелей, что называется, до выяснения. И вот тут-то всё и началась...

Когда делегаты собравшейся в Челябинске конференции узнали об аресте, с их точки зрения, абсолютно ни в чём невиновных людей, в то время как зачинщики всего происшествия (венгры и австрийцы) без всяких проблем уже катили и опять на всех парах по рельсам всё дальше к себе домой в Европу, это вызвало в среде чехословаков вполне резонное недовольство и желание добиться справедливости по данному делу. При обсуждении возникшей проблемы из уст одного из делегатов прозвучал призыв при помощи оружия немедленно освободить арестованных братьев*. Некоторые источники утверждают, что тем человеком являлся наш «последний герой» – капитан *Гайда*. Однако, поскольку данное предложение очень сильно попахивало авантюризмом, его поначалу не одобрили, и, более того, среди делегатов возобладало мнение – попытаться, пожалуй, договориться с большевиками, что называется, по-тихому и уладить возникшее недоразумение с арестом свидетелей без стрельбы, без жертв и прочих изысков вооруженного противостояния. Во второй половине дня 17 мая в следственную комиссию, а также в исполком местного Совета направились представители от конференции, которым была поставлена задача – не угрозами, а аргументированными доводами добиться от советских властей освобождения арестованных накануне легионеров.

Что происходило дальше – нам известно из показаний председателя следственной комиссии Челябинска товарища Кольцова, которые он дал уже после окончания всех этих событий. По его словам, три чеха во главе с офицером во второй половине дня 17 мая явились сначала в помещение следственной комиссии, но, не обнаружив там Кольцова, отправились к нему домой, потом ещё куда-то, пока, наконец, не застали его в штабе городской охраны. Здесь состоялся, что называется, разговор на повышенных тонах, чехи потребовали немедленного освобождения арестованных, обвинили советскую власть в сотрудничестве и пособничестве немцам и т.д. Вспомнил чешский офицер, кстати, и о том ещё, что две недели назад большевики не разрешили военнослужащим корпуса публично отметить Первомайский праздник труда.

В ответ комиссар Кольцов резонно заметил, что это не есть правда, что легионерам предлагали отпраздновать Первомай, но только со всеми вместе, и с большевиками в том числе, однако они отказались и поэтому должны пенять только на самих себя. А что касается задержанных свидетелей, то советский уполномоченный заявил, что они будут отпущены только тогда, когда поступит соответствующее разрешение от следственных органов, и никак иначе. Услышав такой категоричный ответ, чешский офицер в сердцах наговорил Кольцову ещё несколько нелицеприятных вещей, которые советский милицейский комиссар счёл ни много ни мало за оскорбление су-

*В Чехословацком корпусе, после того как он вышел из подчинения Российского правительства (несмотря даже на жесткие требования введённого вскоре французского воинского устава), начали практиковаться панибратские, в хорошем смысле этого слова, отношения между всеми без исключения военнослужащими. Они стали обращаться друг к другу: не господин, не гражданин и даже не товарищ, а… брат. Брат капитан, брат рядовой ну и так далее. Кстати, подобную же форму «неуставных» отношений в период Гражданской войны введёт потом в своём Средне-Сибирском корпусе областнический генерал *Анатолий Николаевич Пепеляев*.

ществующей власти и тут же приказал арестовать зарвавшихся парламентёров. То же самое и ровно с тем же результатом, по всей видимости, произошло и в Челябинском исполкоме, данных о том инциденте мы, к сожалению, не нашли, однако точно известно, что в общей сложности ещё 12 человек чехословаков были арестованы в тот день большевиками. Последнее обстоятельство, надо полагать, и переполнило через край терпение легионеров.

Так что в семь часов вечера того же 17 мая *Сергей Войцеховский*, командир 3-го полка, отдал ударной роте приказ сначала взять под контроль здание железнодорожного вокзала, а потом захватить исполком, помещение следственной комиссии, а также штаб городской охраны. Никакого сопротивления большевики в тот день не оказали: по одним сведениям, они просто растерялись и разбежались, по другой версии, не желая усугублять ситуацию, отдали распоряжение красногвардейцам из Заречного рабочего района (около семисот человек личного состава) не вступать пока в бой с чехословаками и переждать «бурю в стакане». В результате всей этой неразберихи, по словам комментаторов, легионерам удалось не только освободить из тюрьмы арестованных товарищей, но добиться кое-чего и сверх намеченного плана. Так, некоторые источники сообщают, что мятежники захватили городские оружейные склады и переправили в расположение своих эшелонов около 2800 винтовок и даже несколько артиллерийских орудий. Всё реквизированное, однако, им пришлось вскоре вернуть на место, так как городская власть пообещала простить и даже не наказывать никого из легионеров при условии, что они немедленно прекратят устраивать беспорядки в городе и возвратят назад всё незаконно присвоенное оружие.

На следующий день, осознав, видимо, что они, пожалуй, немного хватили сверх меры, чехословаки не только перестали «безобразничать», но даже решили повиниться в содеянном. Так, в качестве подтверждения своего искреннего раскаяния они распространили по Челябинску печатные прокламации, в которых заверяли местную власть, а также население города в чувстве собственной любви и уважения к России, к её народу, а также к её демократической революции. Однако это не помогло: когда в Москве узнали о том, что произошло 17 мая в Челябинске, то расценили случившееся как попытку контрреволюционного переворота, спланированного и организованного под руководством монархически настроенного русского офицерства в союзе с правоэсеровскими оппозиционерами. По приказу Троцкого в ночь с 20-го на 21 мая в Москве была в полном составе арестована и отправлена в тюрьму делегация Чехословацкого национального совета во главе с председателем отделения ЧНС в России Прокопом Максой.

Днём следующего дня П. Макса прямо из Бутырки провёл телефонный разговор с Л. Троцким, из которого узнал, что Советское правительство восприняло вооруженное выступление чехословаков в Челябинске как попытку свержения советской власти и поэтому собирается принять в ближайшее же время в ответ на имевшую место угрозу соответствующие и адекватные меры. Лучший выход для легионеров, как определил это Троцкий, теперь – немедленно сдать всё оставшееся у них оружие и смиренно ждать решения соответствующих органов по поводу своей дальнейшей участи. А до того момента, пока их земляки не разоружатся, члены делегации от ЧНС должны были оставаться в тюрьме в качестве заложников.

Видя, что столичные власти не на шутку раздосадованы и дабы не обострять усложнившуюся ситуацию до предела, представители ЧНС отправили из Москвы

в Челябинск телеграмму следующего содержания: «Начальникам всех чехословацких эшелонов, делегатам предсъездовской конференции частей в Челябинске. Вследствие конфликта, происшедшего между чехословацкими частями и местными органами советской власти, чтобы избежать в будущем подобных случаев, Чехословацкий национальный совет приказывает всем чехословацким эшелонам, безусловно, сдать всё оружие представителям советской власти. Ответственность за безопасность чехословаков ложится на органы Российской Федеративной Советской Республики. Каждый, кто откажется выполнить этот приказ, будет объявлен вне закона, и с ним будут поступать как с мятежником. Москва. 21 мая 1918 г. П. Макса, Б. Чермак».

В тот же день данное распоряжение зачитали делегатам челябинской конференции. Реакция их оказалась вполне предсказуемой: телеграмма вызвала бурю негодований; Максу и Чермака, а равно с ними и всех представителей от ЧНС, арестованных в Москве, сразу же заподозрили в соглашательстве. Поэтому, здесь же на конференции, по горячим следам что называется, были произведены перевыборы членов отделения ЧНС в России, в результате чего новым председателем этой организации стал присутствовавший на челябинском совещании Богдан Павлу, в отличие от социал-демократа Прокопа Максы он являлся политиком уже хотя и умеренных, но всё-таки праволиберальных взглядов (рука, рука кураторов!). Так закончился второй акт челябинской драмы, а 23 мая наступил, наконец, и её эпилог.

В этот день всеми советскими исполнительными органами в пределах Транссибирской железнодорожной магистрали была получена правительственная телеграмма, подписанная начальником оперативного отдела народного комиссариата по военным делам товарищем Араловым с уведомлением: «Предлагаю немедленно принять срочные меры *к задержке, разоружению и расформированию всех эшелонов и частей чехословацкого корпуса* (выделено мной. – О.П.) как остатка старой регулярной армии. Из личного состава корпуса формируйте красноармейские и рабочие артели. Если нужна помощь чехословацких комиссаров, обратитесь к помощи комитетов чехословацких эсдеков в Пензе, Самаре, Петропавловске и Омске. О предпринятых мерах и результатах сообщите в Москву народному комиссару по военным делам...».

Драма близилась к своему завершению: разоружать, расформировывать и определять в рабочие артели. Об этих «рабочих артелях» чехословаки – в большинстве своём бывшие военнопленные – имели вполне определённое и однозначно негативное представление, сформировавшееся в период пребывания их в русских концлагерях. Значит, опять холодные бараки, полуголодное и полностью бесправное существование и, самое главное, – безрадостная перспектива быть выданными австрийским властям на расправу. Дальнейшие комментарии, как говорится, излишни.

В то же день, 23 мая, чехословакам каким-то образом удалось узнать и ещё об одной телеграмме, посланной челябинскими властями в Екатеринбург в адрес местного совдепа с просьбой направить в Челябинск отряд рабочих красногвардейцев для помощи в операции по разоружению чехословацких легионеров. Занавес...

Теперь спрашивается: как бы поступили мы в такой ситуации?..

«Быть или не быть? – вот в чём вопрос.
Достойно ли терпеть безропотно позор судьбы
Иль нужно оказать сопротивленье?

Восстать, вооружиться, победить
Или погибнуть, умереть, уснуть?»*

Во время исполнения этого гамлетовского монолога Владимир Высоцкий, говорят, метался по сцене, как загнанный егерями волк. Наверное, точно в таком же состоянии, если будет, конечно, уместно подобное сравнение, находились и легионеры в период с 23-го по 25 мая 1918 г., то есть в ситуации, когда или – ты, или – тебя. И чехословаки решили: оказать сопротивленье. Для общего руководства предстоящими теперь совсем уже не детскими «играми», по предложению брата Голечека**, они избрали временный исполнительный комитет из 11 человек под председательством всё того же Б. Павлу. В него вошли представители от вновь избранного отделения ЧНС, а также от офицерского и рядового состава военнослужащих корпуса. А для координации действий отдельных частей и оперативного управления ими была избрана особая тройка (или, как сказали бы сейчас, – военная хунта) в составе поручика *Чечека*, капитана *Гайды* и подполковника *Войцеховского*.

Временный исполком сразу же разослал по эшелонам распоряжение: «Оружия нигде Советам не сдавать, самим столкновений не вызывать, но в случае нападения защищаться». Таким образом, конференция, по мнению ряда мемуаристов, а также некоторых исследователей данного вопроса, утвердила операцию так называемой «активной обороны». Однако *Радола Гайда* в своих воспоминаниях, по мнению отдельных комментаторов, выдвигает немного другую версию, он полагает, что временный исполком срочно разработал тогда в Челябинске и принял к действию план не обороны, а, напротив, полномасштабного наступления, то есть восстания, которое планировали поддержать местечковые подпольные организации с их вооруженными группами. Причём всё должно было свершиться в ближайшие же календарные дни конца мая 1918 г.

В определённой степени вполне логично предположить в связи с этим, что новый, весьма и весьма опасный, план разрабатывался и утверждался опять-таки не без участия кураторов из Антанты. И в самом деле: в одиночку, без всесильных покровителей, решиться на такой отчаянный шаг, как вооруженный мятеж внутри суверенной страны, ещё год назад являвшейся великой державой и имевшей до недавнего времени одну из самых сильных армий в мире?.. При всём, как говорится, уважении – вряд ли. Другой вопрос: почему вышеупомянутые кураторы согласились перенести дату запланированного восстания с конца июня на конец мая, то есть на месяц раньше срока? Да просто, видимо, другого выхода у них тогда не было, вот и всё***. Промедли они ещё хотя бы чуть-чуть, продолжая проповедовать тактику временного непротивления злу насилием, и Чехословацкий корпус уже через несколько недель оказался бы полностью разоружен и расформирован большевиками. И тогда

*Вильям Шекспир. Монолог принца Гамлета. Перевод Б. Пастернака.

**Это тот самый капитан Голечек, который переход легионеров через Сибирь, «оккупированную немцами и большевиками», образно назвал «анабазисом». В 1919 г. в Иркутске вышла его книжка на русском языке («Чехословацкие войска в России»), в которой давалось первое масштабное описание всех тех перипетий, о которых мы и ведём сейчас наш рассказ. Вспоминает конечно же Голечек в своей работе и о челябинской конференции, не забывая указать при том, что вполне естественно, и на роль собственной персоны в судьбоносных решениях тех майских дней.

***Согласовать данный вопрос с Лондоном и Парижем из Челябинска не составило большого труда, так как консульские структуры бывших российских союзников по Антанте имели в своём распоряжении, в том числе и на территории Сибири, собственное телеграфное сообщение, причём, – в отличие от российского, – даже беспроводное, радиоволновое.

сибирским подпольщикам пришлось бы действовать в одиночку, полагаясь только на собственные силы и оружие. Шансы на успех восстания в таком случае уменьшались бы ровно наполовину, если не больше.

Когда Троцкий узнал о том, что легионеры приняли решение не подчиняться распоряжению о полной сдаче оружия*, терпение теперь лопнуло и у него. 25 мая вышел его знаменитый приказ**: «Все Советы, под страхом суровой ответственности, обязаны немедленно разоружить чехословаков. Каждый чехословак, который будет найден вооруженным на линии железной дороги, должен быть *расстрелян на месте* (здесь и далее выделено мной. – О.П.). Каждый эшелон, в котором окажется хотя бы один вооруженный, должен быть выгружен из вагонов и *заключён в лагерь для военнопленных*.

Местные военные комиссары обязуются немедленно выполнить этот приказ, всякое промедление будет равносильно бесчестной измене и обрушит на виновных суровую кару. *Одновременно присылаются в тыл чехословакам надёжные силы, которым поручено проучить неповинующихся*. С честными чехословаками, которые сдадут оружие и подчинятся советской власти, поступить, как с братьями, и оказать им всяческую поддержку. Всем железнодорожникам сообщить, что ни один вооруженный вагон чехословаков не должен продвинуться на восток. Кто уступит насилию и окажет содействие чехословакам с продвижением их на восток – будет сурово наказан. Настоящий приказ прочесть всем чехословацким эшелонам и сообщить всем железнодорожникам по месту нахождения чехословаков. Каждый военный комиссар должен об исполнении донести».

Поздно вечером того же 25 мая правительственная телеграмма с данным приказом поступила в Сибирь. В связи с этим хочется подчеркнуть, во-первых, что, видимо, всё-таки не совсем правы те исследователи, которые считают, что именно последнее распоряжение Троцкого самым непосредственным образом спровоцировало чехословаков на мятеж в Сибири. По нашему мнению, приказ наркома военмора от 25 мая 1918 г. ещё больше и сильнее, что ли, убедил легионеров в правильности принятого ими накануне решения, но и только. Само же тайное постановление челябинской конференции о вооруженном сопротивлении, как мы показали выше, было принято однозначно до, а не после того, как Троцкий подписал свой последний приказ. Роковое решение легионеров явилось реакцией скорее на правительственные телеграммы из Москвы от 21-го и 23 мая, к которым Лев Давидович имел лишь косвенное отношение. Суть дела от наших уточнений особо, конечно, не меняется, и, тем не менее, некую дополнительную ясность в данном вопросе мы посчитали нужным всё-таки внести.

---

*А Троцкий узнал об этом достаточно быстро, поскольку имел на челябинской конференции не только тайных соглядатаев, но даже вроде бы как и своего официального представителя – некоего Садлутского, еврея-эмигранта, в числе многих других таких же, как он, отчаянных парней привезённого Троцким из США в начале 1917 года (http://zarubezhom.com/antigulag.htm.).

**И даже здесь нет единства у исследователей (всё тот же опять «глухой телефон»), в одних источниках этот приказ значится под №358, а в других – под №377.

6. Наздар* от Родиона Ивановича (Гайды)

По некоторым сведениям, уже по дороге из Челябинска в Новониколаевск, то есть числа 24 мая, *Гайда* телеграфом посредством секретного кода отдал распоряжение командиру одного из своих батальонов, находившемуся в Мариинске, капитану *Кадлецу* немедленно начать вооруженное выступление против местных большевистских властей. По прибытии в Новониколаевск 25 мая сам капитан *Гайда* в местной гостинице «Метрополь» провёл последнее совещание с представителями городского подполья, на котором заговорщики утвердили дату и время совместного вооруженного выступления: в час ночи **26 мая**. Известить заговорщиков о начале мятежа должна была сигнальная ракета, а опознавательными знаками послужить **бело-зелёные** (национальные цвета сибирских областников) повязки на рукавах. В Новониколаевске в это время находился один из членов Западно-Сибирского комиссариата ВПАС *Михаил Линдберг*, которого *Гайда* также уведомил о перенесении даты начала всесибирского выступления, о чём *Линдберг*, в свою очередь, тут же поспешил сообщить в Томск, остальным членам ЗСК. Начальника центрального военного штаба подполковника *Гришина-Алмазова* на тот момент в Новониколаевске не оказалось, он находился в Томске, так что общее руководство выступлением передали, по всей видимости, одному из его помощников по центральному штабу полковнику *Белову*. Известно также, что в комитет по организации стихийного выступления в Новониколаевске вошёл в качестве одного из руководителей ещё и правый эсер *Нил Фомин*.

Дислокация чехословацких частей по состоянию на 26 мая 1918 г.

Примерно 14 тысяч легионеров, в том числе 5-й и 8-й полки в полном составе, а также три батальона 2-го запасного полка, личный состав артдивизиона 2-й артбригады и инженерная рота, находились во Владивостоке.

Далее на запад до самого Иркутска ни одной чешской части не дислоцировалось. В Иркутске располагался, по имеющимся сведениям, один батальон 7-го Татранского (под командованием капитана Померанцева) полка, а при нём – личный состав двух батарей второго дивизиона 2-й артбригады. На станции Иннокентьевская, близ Иркутска, находились ещё два батальона (нам, к сожалению, не удалось выяснить какого полка) под командованием штабс-капитана Гоблика и поручика Фиолы. На станции Половина – батальон 2-го запасного полка. В Нижнеудинске ждал своей очереди на отправку эшелон с хлебопёками 2-й дивизии под охраной роты из 8-го полка. На перегоне между Канском и Нижнеудинском застрял последний эшелон 2-го запасного полка, а в самом Канске находился батальон ударников второй дивизии под негласным командованием подполковника *Ушакова*. Далее на запад, кажется, не было ни одного подразделения корпуса вплоть до самого Мариинска, где располагался, как мы уже указывали, батальон 7-го полка под началом капитана *Кадлеца* и при нём ещё личный состав двух последних артбатарей второй дивизии.

Дальше чехословаков опять оказалось погуще. На Новониколаевском вокзале вот уже почти месяц находились два первых батальона 7-го полка под общим руководством самого комполка, капитана *Гайды*. На подходах к городу разместился батальон 6-го полка. Далее в Омске стоял штабной эшелон Чехословацкого корпуса, в котором следовал на восток его командир генерал-майор *В.Н. Шокоров*, а также другие

*«Наздар» по-чешски – привет.

офицеры штаба под охраной роты ударного батальона первой дивизии. Ещё два батальона 6-го полка располагались: один – на станции Петропавловск, а другой – где-то на перегоне Петропавловск-Омск. В Челябинске дислоцировалась самая большая группировка в составе второго и третьего полков полностью, последнего батальона 6-го полка, а также 3-й запасной полк и 3-я ударная рота. Далее на запад, до самой Волги, никаких чехословацких формирований не было, лишь в Златоусте находился штабной вагон 1-го полка.

Ну и, наконец, в районе Сызрань-Пенза дислоцировались: личный состав разоруженной уже к тому времени 1-й артиллерийской бригады, 1-го и 4-го полков в полном составе, а также 1-й запасной полк. Причём несколько чехословацких батальонов, по-прежнему охранявших от немцев подступы к Пензе, находились в тот момент при полном вооружении и боекомплекте. Этой волжской группировкой примерно в 8-9 тысяч солдат и офицеров по поручению челябинской конференции командовал поручик *Чечек*. Уральская (челябинская) группа, насчитывавшая в своём составе тоже около 9 тысяч военнослужащих, поступила под начало подполковника *Войцеховского*, «сибирские» батальоны чехословаков общей численностью примерно в 4 тысячи человек возглавил по поручению конференции капитан *Гайда*, ну а во Владивостоке, тут уж, как говорится, сам бог велел, легионерами командовал начальник штаба корпуса генерал *Дитерихс**. Ну вот, собственно, кажется, и всё.

*Генерал-майор *М.К. Дитерихс* во главе передовых частей второй дивизии находился в это время уже во Владивостоке. Штабной вагон генерала, по свидетельству очевидцев, внутри был увешен иконами и другой религиозной атрибутикой; позже, уже после победы антибольшевистского восстания, к ним добавятся ещё и многочисленные монархические символы императорской России.

ГЛАВА ВТОРАЯ

ДЕНЬ ОСВОБОЖДЕНИЯ СИБИРИ

Надо быть свободным
и больше смерти страшиться рабства.
Платон. Государство

Любовь святая к Отчизне
Веди нас, поддерживай нас.
Свобода – тебе наши жизни,
Сражайся в наших рядах!
Руже де Лиль. Марсельеза (перевод И.В. Косич)

Днём освобождения Сибири *Григорий Николаевич Потанин* назвал **26 мая 1918 г**. Ту же самую дату в качестве официальной впоследствии подтвердило и Временное Сибирское правительство. И в самом деле, именно 26 мая (в воскресенье, кстати) в результате целого ряда событий, растянувшихся на ночь, день и ещё одну ночь, советскую власть свергли сначала в Новониколаевске, потом в Челябинске, а за день до этого (25 мая) – в Мариинске. 26-го же числа была осуществлена попытка вооруженного мятежа и в главной цитадели советской Сибири – в городе Иркутске. Инициаторами и, собственно, главными участниками сего «стихийного бедствия» стали военнослужащие Чехословацкого корпуса, о которых мы предварительно и достаточно подробно рассказали в предыдущей главе.

Почти в то же самое время, а точнее двумя днями ранее, в пятницу 24 мая, серьёзный вооруженный инцидент произошёл и в Томске, в нём приняли участие советские красногвардейцы, с одной стороны, и боевиками из офицерско-эсеровского антибольшевистского подполья – с другой. Следует заметить при этом, что данное вооруженное столкновение произошло без какого-либо участия со стороны чехословацких легионеров, их вообще не было на тот момент в городе*. Опасаясь неправильной интерпретации с нашей стороны, а тем более искажения исторических фактов, мы вместе с тем, осознавая, что ничего случайного нигде и никогда не происходит, всё-таки полагаем, что и случившееся 24 мая в Томске вооруженное противостояние со стрельбой имело последовательную логическую связь не только с предыдущими, но и с последующими событиями подобного рода и послужило, таким образом, если не началом, то, во всяком случае, – своего рода прологом предстоящей великой битвы за освобождение Сибири.

---

*Томск, кстати сказать, оказался единственным крупным городским центром Сибири, в котором бои с советской властью велись исключительно силами местных подпольщиков, без помощи чехословаков.

1. События 24 мая у женского Иоанно-Предтеченского монастыря в Томске

Днём 24 мая Томск внезапно был взбудоражен тревожным колокольным набатом, раздававшимся с территории Иоанно-Предтеченского женского монастыря*. Его спустя некоторое время поддержали колокольни и некоторых других церквей города. И в тот же час, словно по заранее обговорённому плану, из близлежащих улиц стали стекаться к монастырю горожане (хотя понятно, что многие пришли на звон колоколов чисто по собственной воле, ни с кем заранее не договариваясь), другие же начали собираться около своих приходских церквей. Потом вдруг неожиданно со стороны монастыря раздалась ещё и интенсивная оружейная стрельба, продолжавшаяся с перерывами в течение примерно полутора часов. Советские историки всегда трактовали это событие как заранее спланированную провокационную акцию со стороны офицерского антибольшевистского подполья**. Так что же произошло на самом деле?

В мае, как писала местная газета «Знамя революции» (№99 за 1918 г.), а также «Омский вестник» (№101 за тот же год), в результате ревизии двух крупнейших томских монастырей, мужского – Алексеевского и женского – Иоанно-Предтеченского, удалось выявить значительные запасы продовольствия в виде муки, круп, масла, солений и даже варений, а также значительное количество домашнего скота – коров, лошадей и овец. По постановлению Томского исполкома некоторую часть продовольственных запасов решено было реквизировать*** в пользу Союза увечных воинов (инвалидов первой мировой войны), а также на нужды городских Домов презрения****. В добавок к этому, согласно тому же постановлению, подлежали конфискации ещё и несколько коров – для снабжения молоком детских приютов, и одной лошади – для распашки огородов там же, в Домах для сирот.

22 мая с накладными на продовольствие от Томского совдепа к стенам женского монастыря подъехал на автомобиле председатель Союза увечных воинов в сопро-

*Находился в районе современной улицы Вершинина (бывшей Торговой) на территории нынешнего студенческого городка политехнического университета.

**Больше всех преуспел в этом плане известный кемеровский историк В.А. Кадейкин, утверждавший в своей работе «Рабочие Сибири в борьбе за власть Советов...» (1966 г.), что 24 мая в Томске начались ни много ни мало, а уже самые настоящие «уличные бои с вышедшими из подполья контрреволюционными бандами».

***Вполне могло быть, что подлежавшее изъятию продовольствие вовсе и не являлось излишками, поскольку в монастырях, кроме многочисленной братии, самих монахов и монахинь, имелись ещё и послушники с послушницами, а также приютившиеся странники и нищие, а в женском монастыре – так ещё и целый общежитский дом (дом трудолюбия) для девочек-сирот. Однако такова уж была на тот момент политика советской власти. В результате необдуманных действий по национализации и раскапитализации бизнеса, в том числе и торгового, уже через несколько месяцев после прихода к власти большевики ввергли страну в тяжелый продовольственный кризис, во избежание катастрофических последствий которого им и приходилось прибегать к политике постоянных реквизиций. Вспоминаются в связи с этим слова известного русского философа Владимира Соловьёва, который в отличие от некоторых других собратьев по цеху никак не хотел признавать марксизм новой религией, поскольку находил между идеалами, допустим, христиан и идеями радикальных левых некую «маленькую» разницу: «первые говорят – отдай своё, – писал он, – а вторые – возьми чужое».

****Всего в Томске на тот период имелось девять Домов-приютов, среди них пять детских: три приюта (видимо, муниципальных) для солдатских детей (на ул. Белой, дом №1; на Соляной площади – №7 и на Большой Подгорной – №10), а также два частных приюта для детей-сирот: Королёвский и Пушниковский (названные так в честь купцов-меценатов, профинансировавших их организацию).

вождении нескольких товарищей по «профсоюзу». Однако, несмотря на имевшиеся у него на руках документы, выданные городской властью, перед ним, а также перед недоумевающими взорами его товарищей предстали наглухо закрытые крепкие железные ворота, с обратной стороны которых монастырский староста в самой что ни на есть категоричной форме отказался выполнять требование незваных гостей – впустить их на территорию женской обители. Покрутившись некоторое время у монастыря, но так и ничего не добившись, горе-реквизиторы отправились, что называется, несолоно хлебавши, ни с чем, да восвояси. Получив в прямом смысле слова от ворот поворот, они, что вполне естественно, тут же пожаловались по инстанции на своих обидчиков, вследствие чего настоятельница монастыря мать Зинаида буквально на следующий же день была вызвана на «ковёр» к управляющему делами Томского исполкома *Фёдору Орлову*. Доподлинно неизвестно, каким образом удалось тогда уговорить упорствующую игуменью, но, как свидетельствует «Знамя революции» (№102 за 1918 г.), она дала-таки официальное согласие на конфискацию части продовольственных запасов монастыря в пользу инвалидов войны и детей-сирот.

И вот в пятницу 24 мая уполномоченные от Союза увечных воинов во главе со своим председателем вновь явились к воротам Иоанно-Предтеченского монастыря и на сей раз уже без всяких проблем были допущены на его территорию. Однако, как только грузовичок с инвалидами заехал внутрь скрытого за каменными стенами двора, кто-то из служек, видимо, на основании специального распоряжения, полученного заранее, начал бить в набат монастырской колокольни. На его тревожный звон тут же отозвались колокола некоторых других томских церквей, после чего к стенам Иоанно-Предтеченской обители стали быстро стекаться люди из близлежащих городских кварталов. Некоторые из прибывших так, на всякий случай, а может быть, действительно, по заранее достигнутой договорённости явились к месту происшествия даже и с оружием. В это время монахини стали усердно распространять среди собравшейся толпы ложные слухи о якобы намечавшейся в тот день полной конфискации всего церковного имущества, то есть не только продовольствия, но и предметов религиозного культа – икон, святых реликвий, а также драгоценной утвари и пр. Мгновенно возбудившиеся от такого рода известий люди тут же ополчились против прибывших реквизиторов, которые, внимательно наблюдая конечно же за всем происходящим, предпочли себе во благо вновь ретироваться, дабы не подвергать своё и так уже изрядно подорванное на минувшей войне здоровье новым рискам.

Однако, как только представители Союза увечных воинов покинули территорию монастыря и оказались в безопасности, они, добравшись до ближайшего телефонного аппарата, с трудом обнаруженного где-то на частной квартире в одном из ближайших домов (какое неудобство – сотовых-то не было), тут же сообщили обо всём случившемся в исполком. Там, узнав все подробности, сочли на этот раз, что вариант мирных переговоров со служителями культа полностью себя исчерпал, и распорядились выслать к монастырю для наведения порядка и осуществления продовольственной экспроприации караульную команду в количестве шести человек. Однако высокие начальники, как довольно часто случается, чего-то не учли, в данном случае – масштабов разгоравшегося конфликта, и их затея в очередной раз полностью провалилась. Караульная команда оказалась слишком незначительной, поэтому её, а вместе с ней и вновь явившихся под их охраной инвалидов толпа, собравшаяся у главных ворот монастыря, тут же опрокинула вспять, в результате

чего раздалось уже и несколько первых выстрелов, сначала – с одной стороны, а потом – и с другой.

И только после того, как до центра города донеслись сухие отзвуки отдалённой перестрелки, в исполкоме приняли, наконец, решение послать к монастырю усиленный отряд рабочей гвардии. Возглавить эту экспедицию вызвался председатель томской ЧК, знакомый уже нам *Дмитрий Кривоносенко*, который вместе со своим молодым помощником *Виктором Нанявой* прямо из здания исполкома направился в штаб Красной гвардии. Но, прибыв туда, чекисты узнали, что вооруженные гвардейцы несколько минут назад уже отбыли к монастырю, поэтому им ничего не оставалось, как в сопровождении только двух конных бойцов выехать на место громко заявившего о себе в тот день происшествия. Добравшись до монастыря и войдя внутрь его ограды, *Кривоносенко* и *Нанява* неожиданно оказались вдруг один на один с многочисленной толпой до крайности перевозбуждённых граждан, вследствие чего попали под самую что ни на есть раздачу прямого народного волеизъявления и гнева.

Когда чекисты поняли, что они очутились в умело расставленной кем-то ловушке, было уже слишком поздно. Их, оставшихся лишь вдвоём (конногвардейцы ускакали искать основной отряд), тут же окружила плотная толпа, преисполненная крайним недовольством от одной общей свалившейся на них, понятно, не только в тот день, а ещё раньше беды. В их числе, в первую очередь, выделялись чрезвычайно разгневанные женщины (а они, как известно, весьма и весьма непредсказуемы в таком состоянии) – все как одна в повязанных на головах патриархальных платочках, с взорами, полными боли и накопившейся уже давно злобы. Здесь же находились несколько студентов и студенток вперемежку с почтенного вида интеллигентами и просто обывателями – обычными статистами в таких ситуациях. Однако тут же, среди толпы, изредка мелькали мрачного вида мужчины с офицерской выправкой и весьма суровыми взглядами из-под козырьков неловко сидящих на них гражданских картузов. Со словами: «Вот они – изверги, антихристы, безбожники», раздававшимися со всех сторон, толпа стала смыкаться вокруг *Дмитрия Кривоносенко* и его молодого товарища.

В такой до предела накалившейся обстановке, в окружении множества возмущённых горожан чекистам ничего другого не оставалось, как достать табельное оружие и с его помощью попытаться проложить себе путь к спасению. *Кривоносенко* для острастки сделал сначала пару выстрелов в воздух, толпа вроде бы немного отхлынула, но в этот момент из её плотных рядов раздался ответный выстрел, которым Дмитрий Иванович сразу же был довольно серьёзно ранен в ногу, вследствие чего ему стало уже довольно трудно передвигаться самостоятельно и пришлось опираться то на плечо своего молодого коллеги, то на собственную саблю. От безысходности (и уже, видимо, совсем плохо себя контролируя), чекисты в ответ также начали стрелять, причём прямо в людей, на поражение, в результате трое мужчин и одна женщина оказались убиты и ещё несколько человек ранены.

В следующие минуты им каким-то образом удалось всё-таки вырваться из окружения и даже немного оторваться от слегка замешкавшейся толпы, однако вскоре их опять настигла погоня, после чего в их сторону сначала полетели камни, а потом по ним вновь начали стрелять. Двумя-тремя меткими выстрелами в спину *Кривоносенко* был смертельно ранен и тут же упал. В *Виктора Наняву* также попало несколько пуль, тем не менее он смог удержаться на ногах, отбежать ещё немного и спрятаться за деревьями. Выглянув из своего убежища, он увидел, как к распростёршемуся

на земле старшему товарищу подошли несколько человек, один из которых произвёл контрольный выстрел в голову чекиста. Нанява, израсходовав весь боекомплект, имевшийся в его револьвере, вынужденно притаился в надежде спасти хотя бы собственную жизнь. Подоспевший вскоре, как нельзя кстати отряд красногвардейцев спас молодого чекиста от смертельной опасности. Что же касается *Дмитрия Кривоносенко*, то ему в тот день, что называется, очень сильно не повезло, тело его без каких-либо признаков жизни по окончании инцидента погрузили в автомобиль и отправили в морг, или в мертвецкую, как тогда называли это скорбное на все времена учреждение*.

На этом, однако, инцидент не закончился, и красногвардейцам ещё некоторое время пришлось вести у монастыря уже немного вялую, но всё-таки достаточно упорную перестрелку с противоборствующей стороной. Но силы оказались на тот момент неравны, и вскоре боевики из подпольных эсеро-белогвардейских группировок, дабы не попасться в руки явно одерживающего верх противника, вслед за остальной толпой протестующих вынуждены были рассеяться по близлежащей местности. Красногвардейцы же, оцепив примыкавший к стенам монастыря сад, некоторое время ещё рыскали по нему, пытаясь обнаружить и задержать кого-нибудь из стрелявших, но безрезультатно.

Со стороны подпольщиков, по данным томского профессора Н.С. Ларькова, участие в этом бою принимали штабс-капитан *Н.Ю. Шефферлинг*, а также братья Ф.Е. Вольхен и С.Ф. Вольхен**. Причём, как утверждал в своё время любитель-краевед (бывший полковник КГБ) А. Трофимов, именно *Шефферлинг* сделал контрольный выстрел в голову тяжело раненному *Кривоносенко*. На основании материалов томской газеты «Понедельник» (№9 за 1918 г.) мы смогли также выяснить, что в перестрелке у женского монастыря 24 мая в числе многих других участвовал и подпоручик Часовников***. А «Сибирская жизнь» (№53 за 1918 г.) сообщала о двадцатишестилетнем прапорщике *Николае Златомрежеве*, одним из первых явившемся по звону набата к Иоанно-Предтеченской обители, участвовавшего в бою с красногвардейцами и за что спустя некоторое время арестованного, а потом казнённого большевиками.

В завершение операции к месту вооруженного столкновения в тот день пожаловали ещё и венгры-интернационалисты. По воспоминаниям их командира *Ференца Мюнниха,* сразу же по прибытии они взорвали металлические ворота, что обеспечило абсолютно беспрепятственный доступ на территорию мятежной обители и по-

---

*О смерти главного чекиста города сообщили телеграммой его матери в Читу. Она попросила отправить тело сына на родину в Забайкалье. Пока решался этот вопрос, прошло несколько дней, по истечении которых власть большевиков в Томске была свергнута, и про труп Кривоносенко окончательно забыли, поэтому он так и остался лежать в мертвецкой, пока, наконец, не отыскалась какая-то дальняя родственница и не похоронила его на одном из томских кладбищ. *Виктор Нанява*, по некоторым сведениям, также не смог в конечном итоге оправиться от полученных ран и через некоторое время умер в больнице.

**Все трое несколько дней спустя примут участие уже в уличных боях с красными, потом будут сражаться с большевиками в рядах Сибирской армии (*Н.Ю. Шефферлинг* возьмёт под команду личную охрану (конвой) *А.Н. Пепеляева*), а после окончания гражданской войны они останутся в Томске для организации подполья в городе, однако сразу же будут разоблачены чекистами и в 1920 г. расстреляны.

***После свержения советской власти в Томске подпоручик Часовников добровольцем вступит в корпус подполковника *Пепеляева*, будет сражаться с большевиками в Восточной Сибири и погибнет в одном из боёв августа месяца. Весьма примечательный факт в связи с этим привела в том же своём де-

зволило произвести там все необходимые мероприятия по её зачистке, по окончании которых основные силы красногвардейцев отвели в казарму, а в монастыре ещё некоторое время дежурил наряд караульной команды. Несмотря на то что никого из подпольщиков на месте происшествия в тот день задержать не удалось, кое-какие ниточки, ведущие к заговорщикам, большевики всё-таки обнаружили. Так, в поясе случайно убитого при перестрелке старосты нашли список тех лиц, кто по сигналу тревожного колокола должен был явиться в монастырь для его защиты. В этом перечне значились несколько боевиков-эсеров, а также офицеров из подпольных вооруженных групп. По горячим следам некоторых из них чекисты через несколько дней выследили и арестовали.

В 10 часов вечера 24 мая Томский исполком объявил в городе военное положение, которое вводилось с 12 часов ночи того же дня. Вся полнота власти и распоряжение вооруженными силами переходили в руки военно-революционного штаба, в который вошли: большевики *Семён Канатчиков* (председатель) и *Ермолай Тиунов*, а также *В. Синёв* и С. Лисицын. Председателем губчека вместо погибшего *Д. Кривоносенко* назначили большевика *Сергея Дитмана*. Постановление о военном положении подписали товарищ (заместитель) председателя губернского исполкома *Семён Канатчиков** и управляющий делами *Фёдор Орлов*. Согласно их же распоряжению, в Томске на период военного положения, с 10 часов вечера до 5 часов утра вводился комендантский час; никакие собрания и митинги не разрешались (больше трёх, что называется, не собираться) даже в дневное время, а в случае невыполнения этого требования любые скопления людей должны были быть «рассеяны с применением вооруженной силы». А «к лицам, оказывающим сопротивление и не подчиняющимся приказаниям начальников воинских частей и патрулей» могли применяться «самые решительные меры, вплоть до расстрелов на месте».

Город начал полниться слухами о скором вооруженном восстании против советской власти не только в Томске, но и по всей Сибири («Сибирская мысль», Томск, от 31 мая 1918 г.), так что некоторые из жителей даже стали в спешном порядке покидать губернский центр и уезжали, что называется, от греха подальше: или за город на дачу, или в деревню к родственникам.

вятом номере за 1918 г. газета «Понедельник» (издание определённо правого толка). Офицеры, сопровождавшие тело погибшего подпоручика в Томск, обратились к игуменье Иоанно-Предтеченского монастыря матери Зинаиде с просьбой похоронить Часовникова на элитном монастырском кладбище в знак благодарности, в том числе и за то, что он защищал её обитель от майского «набега» красных. Однако настоятельница ответила категорическим отказом и только после повторных настойчивых уговоров игуменья согласилась всё-таки дать разрешение на погребение, да и то за плату в 30 рублей (около 3 тысяч на наши деньги). Церковный хор, принимавший участие в похоронах офицера, павшего за освобождение родины, взял с его родственников отдельную плату. После этого, вспоминая уже приводившуюся нами фразу Вл. Соловьёва о христианском нестяжательстве и альтруизме в противовес «разбойничьей», с его точки зрения, идеологии социализма, невольно хочется слегка усомниться в истинности заявления известного философа.

*Председатель Томского губисполкома тридцатилетний большевик *Алексей Беленец* находился в это время в Иркутске на совещании.

2. Последние совещания в Новониколаевске. Начало мятежа – выступление чехословаков в Мариинске

Год спустя командующий Сибирской армией генерал-лейтенант *Гайда* издаст приказ по вверенным ему белогвардейским войскам:

«Приказ войскам Сибирской армии. №300. 19 мая 1919 г. г. Пермь.

26-го сего мая н. ст. исполняется годовщина свержения большевиков в Сибири.

Приказываю: в районе Сибирской армии этот день праздновать. Занятий не производить. Начальникам гарнизонов и командирам частей назначить парады войскам; пищу в этот день улучшить; для солдат устроить бесплатное посещение театров и кинематографов. Помещения воинских частей украсить национальными и ***сибирскими*** *(выделено мной. – О.П.) флагами.*

Командующий Сибирской армии генерал-лейтенант *Гайда*.

Начальник штаба генерального штаба генерал-майор *Богословский*».

А годом ранее, где-то в районе числа 24 мая 1918 г., *Гайда*, тогда ещё пока не генерал, а только капитан, прибыл в Новониколаевск с челябинской конференции чеховойск в расположение своего 7-го Татранского полка. Полк его к тому времени, как мы уже отмечали, оказался рассредоточен побатальонно, а где и поротно, вперемежку с другими подразделениями на нескольких станциях от Новониколаевска до Иркутска, то есть на территории большей части Западной и Восточной Сибири. Именно в том числе и по этой причине двадцатишестилетний *Радола Гайда* волей временного исполнительного комитета чеховойск и был назначен командующим так называемой сибирской группировкой восставшего корпуса.

Вернувшись в Новониколаевск предположительно 24 мая, Гайда в тот же день провёл секретное совещание с представителями местного эсеровского и офицерского подполья*, а также отдал ряд важных распоряжений по вверенному ему полку. Так, по свидетельству члена Западно-Сибирского комиссариата ВПАС *Бориса Маркова* («Алтайский луч», Барнаул, №91 за 1918 г.), за два дня до начала мятежа *Михаил Линдберг* встречался в Новониколаевске с представителями командования 7-го чехословацкого полка и попросил их отложить своё выступление хотя бы на одну неделю для того, чтобы успеть оповестить об этом все подчинённые ВПАС нелегальные антисоветские организации, скорректировав таким образом план совместного вооруженного восстания. Однако легионеры категорически отказались переносить дату намеченного на конец мая выступления, так как она уже была утверждена в Челябинске одновременно для трёх группировок чехокорпуса: поволжской, уральской и сибирской.

По сведениям советского журнала «Пролетарская революция» (№5 за 1928, с. 64), всё тот же *Борис Марков*, находившийся в те дни в Мариинске**, получил указание срочно подготовить местных подпольщиков для совместного выступления с легионерами. Одновременно с этим, сюда же в Мариинск, от капитана *Гайды* в адрес заместителя командира 7-го полка капитана *Кадлеца*, вместе со своим батальоном располагавшегося на запасных путях станции, поступила та самая телеграмма с условным текстом, о которой мы уже упоминали.

---

*По другим данным, 24 мая на встрече с подпольщиками сам *Гайда* не присутствовал, и его замещал поручик Гусарек.

**А 27 мая он уже был в Томске на совещании членов Западно-Сибирского комиссариата.

Из воспоминаний генерала *Гайды*:

«*Необходимо ещё заметить, что с капитаном Кадлецом, помощником командира 7-го полка, мы уже заранее проработали ряд вопросов… Мы имели свои шифры, условные знаки и т. д. Так, например, фраза «отдайте письмо комиссару» означала «займите город», и строжайший большевистский цензор не заметил бы ничего предосудительного в такой телеграмме и, пропуская её, решил бы судьбу города…».*

Мариинск находился примерно в 350 километрах восточнее Новониколаевска, поэтому туда срочное сообщение (приказ) могло поспеть к сроку только телеграфом. А вот до станции Чулымск (Чулымская), что располагалась на западе от Новониколаевска всего в 100 километрах, 25 мая от мятежного командора *Гайды* был направлен простой конный курьер. На данной стации дислоцировался батальон 6-го Ганацкого полка под командованием поручика (по другим данным, штабс-капитана) Чеховского. В секретном письме, которое доставил на станцию Чулымск курьер, *Гайда* сообщил Чеховскому о том, что волей челябинского совещания он (*Гайда*) назначен командующим сибирской группировкой войск корпуса, на основании чего он приказывает Чеховскому силами вверенного ему батальона захватить станцию, а также прилегающий к ней посёлок Чулымск. После этого, продвигаясь дальше на запад, в сторону Омска, атаковать и по возможности также захватить станцию Барабинск (примерно в 300 километрах от Новониколаевска).

«Приказываю: сегодня ночью занять станцию и посёлок Чулымск, разоружить охрану и захватить паровозы, телеграф и почту... Продвигаться осторожно, по пути следования разоружить большевиков на станции Барабинск. По возможности действовать так, чтобы в Омске не могли получить точный доклад о том, что происходит... установить связь с белогвардейцами и железнодорожной охраной, которая большей частью на нашей стороне».

Что касается остальных подразделений чехокорпуса, которые располагались на территории Восточной Сибири и находились на ещё более удалённом расстоянии от Новониколаевска, чем Мариинск, и с которыми не представлялось возможным связаться, как с Кадлецом, секретным кодом (потому что о нём большинство командиров просто не успели оповестить), то для связи с такими частями также был послан специальный курьер с секретным приказом о срочном выступлении.

«Новониколаевск. 25 мая 1918 г.

Командирам чехословацких эшелонов.

Посылаю с моим знакомым из сербского войска (воевода Зозич), следующий приказ: Как всем вам, вероятно, известно, съезд и командиры частей постановили, что продвижение до Владивостока далее будет проводиться военным порядком. Уже приняты меры. Сегодня ночью будут заняты Новониколаевск, Чулымск, Барабинск, а на той стороне – включая станцию Мариинск. Старайтесь объединить по два-три эшелона, займите станции, на которых находитесь, внимательно следите за тем, что происходит, где могут возникнуть бои. В случае необходимости постарайтесь объединиться и действовать совместно, но не далее Иркутска. Остановиться перед Иркутском в том случае, если у вас нет уверенности в том, что сможете занять его. С железнодорожниками ведите себя очень осторожно и тактично. Вообще относитесь ко всем справедливо. Не допускайте никакого грабежа и краж. Не нарушайте работу транспорта, пропускайте пассажирские поезда и производите проверку. Позаботьтесь о том, чтобы все эшелоны поддерживали связь со мной.

Оружие нигде не отдавайте. Укрепите своё положение. Действовать таким образом меня уполномочила коллегия, избранная съездом в составе 4-х членов филиала Чехословацкого национального совета, 3-х офицеров и 4-х рядовых. Первая дивизия ещё 24 мая получила приказ двигаться вперёд.

Остальное сообщу при первой возможности.

Командир 7-го полка Гайда».

Ну и, наконец, 25 мая *Гайда* провёл ещё одно, на этот раз последнее, совещание с представителями новониколаевского подполья, оно проходило в гостинице «Метрополь», в номере, который занимала супруга военного руководителя боевых подпольных организаций Западной Сибири *Мария Александровна Гришина** (в девичестве Захарова). Предположительно, на той исторической встрече присутствовали: со стороны легионеров – *Гайда* и Гусарек, от эсеровского руководства – *Линдберг* и *Фомин*, от офицерского подполья – капитан Травин и поручик Лукин. Записей на той встрече, естественно, никаких не велось, однако по некоторым воспоминаниям известно, что на ней определили время выступления – в час ночи на 26 мая, а также приняли план военного переворота, состоявший в захвате сначала вокзала и железнодорожного моста через Обь, потом – Дома революции (резиденции совдепа, исполкома и штаба Красной гвардии), телеграфа и, наконец, военного городка (казарм красногвардейцев-интернационалистов). Условным сигналом к началу мятежа должна была послужить сигнальная ракета, выпущенная чехословаками, а в качестве опознавательного знака утвердили *бело-зелёные* повязки на рукавах.

Предположительно, по возвращении с последнего совещания *Гайда* получил из Мариинска весьма лаконичную и определённо недвусмысленную для него телеграмму от капитана *Кадлеца*: *«Письмо отдано»*, что означало – город Мариинск занят чехословацкими частями, что «мосты сожжены» и обратного пути уже нет...

Таким образом, первый выстрел со стороны легионеров прогремел в Мариинске – уездном городе Томской губернии – 25 мая 1918 г. В какое точно время произошло данное историческое событие, опять-таки имеются достаточно противоречивые сведения. Кто-то из исследователей настаивает на том, что вооруженное выступление началось утром, кто-то утверждает, что – в середине дня, а некоторые считают, что всё произошло только после 15 часов, то есть где-то ближе к вечеру. С нашей точки зрения, последняя версия наиболее логична, поскольку, случись всё утром или днём, в Новониколаевске уже в любом случае к вечеру 25 мая советские власти узнали бы о мятеже и, наверное, предприняли бы все необходимые меры для того, чтобы не допустить ничего подобного со стороны легионеров 7-го полка у себя в городе (как поступили, например, большевики Иркутска днём 26 мая). Однако у сторонников утреннего выступления есть как бы неопровержимое доказательство своей правоты – это телеграмма члена Мариинского исполкома А. Колесникова, вроде бы как отправленная им с городского телеграфа по всей линии железной дороги в 7 часов 35 минут утра 25 мая:

«В Мариинске два эшелона чехов, стоявшие на стоянке, разоружили проходивший партизанский отряд, следовавший на восток для борьбы с Семёновым... Наступают на город. Все Советы просим слать немедленно революционные отряды. Исполнительный комитет с Красной Армией и частью партизанского отряда, пере-

*Сам *Алексей Николаевич Гришин-Алмазов* находился в то время в Томске. Незадолго до всех этих событий он уехал в губернский центр по вызову Западно-Сибирского комиссариата ВПАС.

правившись через реку Кию, задерживает наступление... Шлите всё, ибо это вызов Советской Федеративной республике…».

Данную телеграмму впервые, кажется, ввёл в научный оборот А.Х. Клеванский в своей монографии «Чехословацкие интернационалисты и проданный корпус», вышедшей в Москве в 1965 г. Её же продублировал в 1973 г. в работе «Очерки истории вооруженной борьбы Советов Сибири с контрреволюцией...» известный новосибирский историк В.С. Познанский. Если действительно телеграфное сообщение Колесникова существовало, то остаётся всё-таки неразрешимой загадка: почему его телеграмма, отправленная рано утром из Мариинска, только лишь в 12 часов ночи (есть такие данные) поступила в Новониколаевск?..

Но, однако, оставим научные споры, для нас особо непривлекательные, и рассмотрим остальную часть дела. Для начала информация общего характера. Итак, к 25 мая на станции Мариинск находилось несколько эшелонов с чехословаками, то был, ещё раз повторимся, батальон 7-го Татранского полка под командованием капитана *Э. Кадлеца*, а также личный состав двух артбатарей второй чехословацкой дивизии под началом капитана Воронова – всего около 900 человек, при более чем 160 винтовках и, как минимум, одном пулемёте. Эти подразделения в начале мая находились в Новониколаевске, однако, после того как пришло распоряжение из Москвы не накапливать на отдельной станции по нескольку эшелонов с легионерами, батальон *Кадлеца*, а также инженерную роту отправили дальше на восток («Омский вестник», №110 от 5 июня 1918 г.).

В той же статье газета сообщает о том, что ещё 6 мая *Гайду* вызвали в Новониколаевский исполком и выказали крайнее неудовольствие по поводу того, что между всеми составами 7-го полка почему-то протянута телефонная связь, как будто бы они находятся на боевых позициях. Провода между эшелонами приказали немедленно свернуть, что и было исполнено. Вдобавок к этому от *Гайды* потребовали ещё и полностью разоружить всех находившихся в его подчинении солдат и офицеров, однако данное распоряжение командир полка выполнить категорически отказался. Члены исполкома, подумав, решили тогда, что не стоит, пожалуй, пока нагнетать напряженность, и не стали категорично настаивать на своём. Тем не менее батальон *Кадлеца*, а потом и инженерную роту они всё-таки принудительно переправили в Мариинск.

Этим силам противостоял, здесь в Мариинске, лишь один красногвардейский отряд из Омска (очередной «транш» на противосемёновский фронт) в количестве примерно 200 человек при полном вооружении с несколькими пулемётами и даже с двумя артиллерийскими орудиями. Омичи, так же как и чехословаки, ждали на железнодорожной станции своей очереди по транзиту на восток. В самом городе имелось, по одним сведениям, местное красногвардейское ополчение, по другим – лишь небольшой отряд революционной милиции, доставшийся мариинским большевикам по наследству от прежней земской власти и подчинявшийся в тот период городскому исполкому.

Таким образом, силы двух противоборствующих сторон были примерно равны. Легионеры превосходили красных по численности личного состава, однако те, в свою очередь, имели преимущество в качестве и количестве вооружения. Вместе с тем незадолго до 25 мая в Мариинске случилось происшествие, существенно повлиявшее, как нам представляется, на весь этот паритет. 22 мая, в день Николы Веш-

него* (в России, как и везде, очень любят праздники), видимо, после значительных, как и полагается в таких случаях, возлияний между омскими красногвардейцами и мариинскими милиционерами произошёл очень серьёзный конфликт со стрельбой, в результате которого омичи одержали верх и, как свидетельствует газета «Сибирская жизнь» (№36 за 15 июня 1918 г.), полностью разоружили обескураженных оппонентов и даже чуть ли не отстранили их от службы.

Конфликт между мариинскими стражами порядка и омскими красногвардейцами разгорался уже давно – с тех самых пор, когда последние прибыли на железнодорожную станцию и по какой-то неизвестной причине на достаточно продолжительное время задержались на ней. Вследствие этого они сначала стали заниматься реквизициями лошадей у местных извозчиков, а потом и запасов продовольствия у городских жителей. Причём страдали при этом, по данным той же «Сибирской жизни», в первую очередь служащие железной дороги, которых омичи обвиняли в своём вынужденном простое и возмещали на них, таким образом, все появившиеся издержки.

Столь многочисленные факты преднамеренных правонарушений, совершаемых под маркой революционной необходимости, не очень нравились местным милиционерам, и они не единожды вставали на защиту как железнодорожников, так и других городских обывателей. Очередной такой конфликт между милиционерами и красногвардейцами как раз и произошел вечером 22 июня, результатом чего явилась даже перестрелка, чуть-чуть не переросшая в боевое столкновение. К счастью, обошлось без жертв, если не считать одной убитой лошади; вместе с тем серьёзное ранение получил командир омского отряда партизан (партизанами их прозвали местные жители).

Таким образом, к 25 мая красные во взаимных дрязгах несколько подрастеряли в Мариинске свой боевой потенциал и поэтому не смогли, в том числе и по этой причине, наверное, оказать достойное сопротивление натиску белочехов. Второй составляющей успеха вооруженного мятежа легионеров стал фактор внезапности, которым в полной мере воспользовались чехословаки и примкнувшие к ним немногочисленные боевики из антибольшевистского подполья. Очевидцы тех событий описывают случившееся в тот день следующим образом. По сговору с мариинскими железнодорожниками, выйти на которых помогли чехословакам местные эсеры, капитан *Кадлец* попросил эшелон с омскими красногвардейцами перегнать и расположить так на запасных путях, чтобы он был полностью открыт и стал бы удобной мишенью для атаки со стороны легионеров.

И вот в назначенный час чешские солдаты под командой своих капралов вышли, как обычно, на занятия по физподготовке, выстроились повзводно и начали выполнять упражнения: кто – с сапёрной лопаткой, кто – с деревянным муляжом вместо

*В день Николы Зимнего, 6 декабря 1917 г., открылся, напомним, чрезвычайный Сибирский областной съезд, своими решениями наметивший пути по автономному устройству Сибири, и вот теперь Никола Вешний положил практическое начало делу по освобождению нашей малой родины от тирании московского большевистского правительства. Никола – это Николай Угодник, или, по-другому, Николай Чудотворец, самый популярный христианский святой на Руси. В сознании русского православного человека до революции он уступал по положению в небесной иерархии только Иисусу Христу и его матери – деве Марии. Даже Святую Троицу русские православные в повседневном обывательском обиходе представляли порой не в каноническим виде – как отца, сына и святого духа, – а в образах как раз Иисуса Христа, девы Марии и ... Николая Чудотворца. К тому же русский народ очень часто полагался не столько на волю поставленных над ним управителей (как светских, так и духовных, ибо, в глубине души всегда считал их волю – недоброй волей), сколько на божье чудо, испокон веку спасавшее его самого, а также его родину от многих напастей.

винтовки, а кто – и с настоящим табельным оружием. И в этот момент прозвучал армейский горн, подавший условный сигнал к штурму; легионеры, повернувшись в сторону омского эшелона, бросились в его расположение и без особого труда взяли его, как пираты, на абордаж. Первым делом нападавшие захватили артиллерийские орудия, потом пулемёты, а затем и всё остальное вооружение и имущество. Красногвардейцы не успели оказать практически никакого сопротивления: настолько умело, а главное молниеносно была проведена атака на их позиции. Да, собственно, и позиций-то как таковых там никаких не существовало, у эшелона стояло лишь небольшое охранение, да и то… так, для близира, что называется. Ведь от кого, собственно, стоило ожидать нападения, здесь, в глубоком преглубоком провинциальном сибирском тылу? От чехословаков? Но ведь они до самого последнего момента находились с омскими красногвардейцами в определённом смысле в одном положении, в положении товарищей по несчастью, вместе терпеливо ожидали на соседних путях отправки на восток. Они тесно общались между собой, обменивались и делились, наверное, чем-то друг с другом в трудную минуту, и тут вдруг такое.

Многие из омских партизан, не то что не сумев, а даже и не успев оказать никакого сопротивления, тут же попали в плен к своим бывшим «добрым» соседям по запасным тупиковым путям станции Мариинск. Никакой информации о жертвах произошедшего боевого столкновения нам найти не удалось, поэтому вполне вероятно, что тогда вообще никто серьёзно не пострадал. Те из красногвардейцев, кто сумел избежать окружения и ареста, бежали к железнодорожному мосту через реку Кия, на восток от Мариинска и, переправившись на другой берег, закрепились там для организации обороны. Вскоре к ним присоединились и покинувшие город большевики. Оказать достойное сопротивление мятежникам в самом Мариинске им, по-видимому, также не удалось, поскольку в материалах по данным событиям чаще всего фигурирует цифра – 2 часа, именно столько времени понадобилось чехо-белым для того, чтобы полностью овладеть сначала станцией, а потом и всем городом. Придя в себя и собравшись за рекой с силами, красные попытались отбить Мариинск назад, но этого им также не удалось осуществить, и они вынуждены были вновь отступить и закрепиться на правом берегу Кии, создав здесь в последующие дни достаточно мощную линию обороны. Те же самые меры они предприняли и к западу от Мариинска, так что город оказался хотя и свободен, но вместе с тем зажат с двух сторон, как бы в тисках советских частей.

День 26 мая (воскресенье) стал в Мариинске первым днём долгожданной свободы. После храмовой службы, как и полагается, на главной, Соборной, площади города состоялся политический митинг. Настроение в городской среде, как отмечали очевидцы, было «покойное, довольное, направление митинга противобольшевистское». На радостях, в ознаменование достигнутой первой победы над диктатурой, захваченных в плен красногвардейцев («партизан») чехословаки отпустили на свободу, но взамен взяли у них устное обещание не выступать больше никогда с оружием в руках против демократии.

На следующий день ответственный за наведение нового порядка в Мариинске капитан *Кадлец* издал несколько обращений к жителям города. В первом из них он для начала разъяснил позицию командования Чехословацкого корпуса по поводу только что свершившихся событий, подчеркнув, что легионеры ни в коем случае не собираются вмешиваться во внутренние дела России, а лишь намерены обеспечить себе

свободный путь во Владивосток, а оттуда во Францию, для борьбы со своим заклятым врагом – Германией. В следующем объявлении до городских обывателей было доведено распоряжение о низложении советской власти, о введении в городе военного положения, и, наконец, ещё одно, последнее воззвание, сообщало волю победителей по поводу создания новых структур политической власти. *«Вызываю граждан г. Мариинска избрать себе новое правление, которое возьмёт в руки власть. Двух из новоизбранных приглашаю явиться ко мне».*

На основании данного распоряжения, как констатируют некоторые источники, в тот же день 27 мая была создана так называемая революционная коллегия в составе семи человек, в которую вошли три представителя от Советов (рабочих, солдатских и крестьянских депутатов), а также четверо членов от ведущих революционных партий (по одному человеку от большевиков, меньшевиков, а также правых и левых эсеров). Однако уже в ближайшие дни в Мариинск пришли две телеграммы из Новониколаевска, где 26 мая также произошёл успешный чехо-белогвардейский переворот. Одна из телеграмм сразу же в значительной степени изменила положение вещей. Её подписал капитан *Гайда*, и в ней *Кадлецу* давалось прямое указание – немедленно арестовать бывших членов исполкома и передать власть прежним органам земской власти.

Вторую телеграмму 28 мая отправил в Мариинск член Западно-Сибирского комиссариата ВПАС *Михаил Линдберг*, находившийся также в Новониколаевске в это время. В ней Михаил Яковлевич разъяснил для широкого круга сторонников победившей демократии позицию Сибирского правительства по вопросу о власти, отметив, что Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов должны быть в обязательном порядке лишены всех властных полномочий. По поводу же их дальнейшей судьбы *Линдберг* заметил, что они вполне могут существовать, но лишь как «классовые организации» трудящихся* – ну что-то навроде профсоюза, по всей видимости.

На основании новых указаний из Новониколаевска капитан *Кадлец* тут же приказал арестовать остававшихся ещё в городе членов городского и уездного исполкомов, а также распустил революционную коллегию, заменив её комитетом общественной безопасности, в состав которого вошли теперь только правые эсеры и меньшевики. Есть данные, что ещё и представители рабочих профсоюзов принимали на первых порах участие в работе вновь учреждённого комитета.

Сибирское советское руководство, узнавшее вскоре о событиях в Мариинске, сразу же попыталось восстановить в городе прежний порядок. В район Мариинска уже в ближайшие дни было направлено несколько красногвардейских отрядов из близлежащих населённых пунктов. Первыми откликнулись на призыв о помощи шахтёры Анжеро-Судженских копей (весьма значительная часть углекопов на этих шахтах, кстати, являлась выходцами из крестьян Мариинского уезда). Здесь сразу же сформировали отряд в 90 человек, и уже в воскресенье 26 мая он отбыл в район Мариинска. Подойдя к городу с запада, шахтёры под командованием левого эсера П. Сашенко сразу же предприняли атаку на позиции чехословаков, а вскоре к ним присоединился

*Важно отметить, что роспуск и полное запрещение вообще всякой деятельности Советов ни в коем случае не планировались в тот период министрами-центристами Временного правительства автономной Сибири. И только после того, как под давлением правобуржуазных кругов у власти в Сибири утвердилось Омское правительство *П.В. Вологодского*, Советы подверглись полному и окончательному разгрому.

и отряд из Томска в количестве всего лишь 50 человек*, но зато с двумя артиллерийскими орудиями.

Помощь с востока тоже не заставила себя долго ждать. Первым на выручку мариинским и омским партизанам в район железнодорожного моста на правый берег реки Кия прибыл красный отряд со станции Итатка во главе с левым эсером М.Х. Переваловым. Вскоре сюда же доставили 200 красногвардейцев из Боготола и 300 человек из Красноярска во главе с *Михаилом Ильичём Соловьёвым***, он и возглавил здесь на месте Мариинский фронт. Значительно меньшее количество штыков направил под Мариинск Ачинский совдеп, однако на то у него были свои веские причины, поскольку на территории данного уезда в это же самое время началось крестьянское восстание (кулацкое – по версии советских историков), также привлёкшее к себе некоторое количество воинских сил.

В итоге под Мариинском красным удалось собрать до полутора тысяч бойцов, правда, не достаточно хорошо обученных для противостояния закалённым в боях Первой мировой войны легионерам, однако полных революционной решимости во что бы то ни стало покончить с врагами советской власти. К тому же в рядах красногвардейцев находились ещё и воины-интернационалисты из числа военнопленных, имевших, так же как и чехословаки, богатый боевой опыт. Эта красная линия обороны располагалась в 35 верстах (примерно в 30 километрах) к востоку от Мариинска, как мы уже указывали, на правом берегу реки Кия, в районе станции Суслово. А сразу за рекой на противоположной её стороне возвела свои укрепления повстанческая вооруженная группировка.

3. Вооруженное восстание в Новониколаевске

Вечером 25 мая, когда в Мариинске уже была свергнута советская власть и началась собственно полномасштабная гражданская война на территории Сибири, на железнодорожном вокзале «Обь» в Новониколаевске всё ещё мирно играл чехословацкий духовой оркестр. Тот день пришелся на выходной, и, как обычно в субботний вечер, в районе железнодорожной станции собралась публика для того, чтобы послушать военных музыкантов. Пожалуй, мало что есть приятнее в Сибири, чем первые уже по-летнему тёплые майские вечера; после надоевшей всем шестимесячной зимней стужи они всегда так радуют нас, сибиряков, своим ненавязчивым весенним обаянием, что только и хочется – дышать запахами оживающей природы и радоваться, радоваться новой жизни.

В центре Новониколаевска также на вполне мажорной ноте завершался 25 мая приятный субботний уикенд: работали цирк, театр и многочисленные кинотеатры, до отказа заполненные ещё не знавшей телевизора и интернета публикой. Так, в частности, в одном из таких культурно-развлекательных заведений кто-то устроил бесплатное театральное представление для военнослужащих местного гарнизона,

*Такое более чем скромное число бойцов объяснялось тем, что томским большевикам после получения известий о начале мятежа пришлось распределить свои силы сразу на три направления: мариинское, новониколаевское и самусьское (село – теперь посёлок – Самусь находилось недалеко от впадения реки Томь в Обь, откуда также ждали возможного наступления чехословаков).

**Бывший унтер-офицер царской армии, член Енисейского губисполкома, по одним данным – большевик, по другим – левый эсер.

которое затянулось(!) по какой-то непонятной причине далеко за полночь. Задержавшиеся в театре красноармейцы даже не успели ещё разойтись по казармам, как всё началось. По свидетельству газеты «Бийская правда» (№73 за 1918 г.), их окружили и блокировали прямо во время представления, причём безоружными, так что они даже не сумели оказать никакого сопротивления мятежникам.

В Доме революции тем же вечером шло заседание городского исполкома Совета рабочих и солдатских депутатов, где был заслушан доклад *Ф.П. Серебренникова* об усилении продразвёрстки в уезде и приняты необходимые решения по данному вопросу. Исполкомовское заседание также затянулось допоздна, в результате чего члены городского комитета уже фактически ночью продолжили решать какие-то свои неотложные дела*. Около полуночи в Дом революции по телефону с железнодорожного вокзала сообщили, что в районе расположения чехословацких эшелонов происходят какие-то подозрительные перемещения, абсолютно не свойственные для столь позднего времени суток. Однако этому тревожному сообщению в исполкоме почему-то не придали никакого значения и продолжили заниматься другими проблемами. Чуть позже на новониколаевский телеграф пришла та самая телеграмма из Мариинска от члена исполкома А. Колесникова, в которой сообщалось о вооруженном мятеже чехословацких легионеров. Поступившее срочное донесение тут же передали в исполком, но там на него просто не успели отреагировать.

Ровно в час ночи над Новониколаевском взвилась красная сигнальная ракета. Мятеж начался. Напомним, что на запасных путях железнодорожного вокзала находилось в тот момент два батальона 7-го Татранского полка под непосредственным командованием штабс-капитанов Кульвашера и Каудельки, всего около полутора тысяч солдат и офицеров**, вооруженных как минимум 300 винтовками и двумя пулемётами. На их стороне также должны были выступить ещё до ста местных подпольщиков главным образом из числа бывших военнослужащих 41-го Сибирского стрелкового полка, расквартированного в период войны в Новониколаевске, но в начале 1918 г. расформированного большевиками. Они, так же как и чехи, к моменту восстания оказались недостаточно хорошо вооружены, а по свидетельству некоторых очевидцев, так даже ещё и хуже, чем легионеры, у которых имелось хотя бы по винтовке на каждых четыре-пять человек да как минимум два пулемёта. У русских же офицеров-подпольщиков – лишь утаённые каким-то образом револьверы да несколько винтовок. Им противостояли набранные не так давно и плохо обученные красноармейцы, в количестве, может быть, двух рот, не больше; отряд рабочей гвардии примерно в 300 человек и около 50 австрийцев и мадьяр из интернациональной пулемётной команды. Всего около 600 человек. Таким образом, красных оказалось более чем в

*Такова версия советских историков. Однако некоторые современники тех событий из числа белоэмигрантов не без злорадства полагают в своих воспоминаниях, что руководство Новониколаевского совдепа в ночь на 26 мая устроило в Доме революции обыкновенную попойку и потому не очень спешило расходиться по домам.

**В советской историографии очень часто фигурирует поражающая своей бухгалтерской точностью цифра о 3325 чехословацких военнослужащих, якобы находившихся на тот момент под рукой у капитана *Гайды*.Однако надо иметь в виду, что эти данные касаются общей численности легионеров, располагавшихся от Омска до Иркутска (включительно), то есть на всём том участке Транссиба, который отошёл под формальный контроль командира 7-го Татранского полка на основании решений челябинской конференции. Но, закрывая глаза на данное обстоятельство, некоторые особо ретивые борзописцы и их цензоры вполне «искренно» убеждали читателей, что именно такое непомерное количество чеховойск находилось 25 мая 1918 г. на одном только новониколаевском вокзале и что, если бы не подавляющее

два раза меньше*, чем легионеров, но в отличие от чехов они имели качественное и количественное превосходство в вооружении.

Однако решающим фактором в развернувшемся боевом столкновении, так же как и в Мариинске, стал фактор неожиданности в сочетании, правда, ещё с таким достаточно эффективным оружием, как гранаты (или ручные бомбы – так их тогда называли), при помощи которых чехословаки во многом и смогли обеспечить себе тактическое преимущество во время переворота. Эти малогабаритные, но весьма полезные в ближнем бою «адские машины» легионеры тайно и в большом количестве понапрятали в своих эшелонах по разным укромным местам и приберегли их на самый экстренный случай. Гранаты применялись главным образом для того, чтобы в первые минуты боя ошеломить противника, поразить его основные огневые точки, вывести из строя как можно больше живой силы, захватить пулемёты и другое вооружение.

Именно так в Новониколаевске за считанные минуты в час ночи 26 мая повстанцы отбили у красных сначала вокзал, а потом железнодорожный мост через Обь. Сразу же после этого, разделившись на две боевые группы, чехословаки двинулись по направленям: первая группа – к Дому революции (по улицам Томской и Михайловской), там располагался исполком и штаб Красной гвардии, вторая (по Омской и Вокзальной улицам) – к военному городку, где размещалась пулемётная команда интернационального красногвардейского отряда имени К. Маркса под командованием *Семёна (Самуила) Гершевича*, представлявшая весьма серьёзную угрозу для восставших. К первой группе легионеров вскоре по прибытии их к месту назначения примкнули местные офицеры подпольщики, правда, вместо обещанных ста, по некоторым данным, их оказалось всего 17 человек, во главе с бывшим командиром 41-го Сибирского стрелкового полка полковником Ясныгиным.

Бой за Дом революции продолжался около 40 минут. Как писала «Бийская правда» (№73 за 1918 г.), наступавшие предварительно закидали здание гранатами, охрана здесь была небольшая, поэтому и не смогла оказать достойного сопротивления. Хотя другие источники сообщают, что в штабе Красной гвардии, располагавшемся на втором этаже здания, имелось 4 пулемёта – достаточно внушительная огневая мощь, – но оборонявшиеся по какой-то причине толи не смогли, толи не успели этим преимуществом воспользоваться. Таким образом, после непродолжительного боя Дом революции уже где-то примерно через час после начала всей операции оказался полностью захваченным. Как гласит предание, в помещение исполкома первым ворвался поручик Лукин и крикнул: «Руки вверх! Ни с места!» ну и т.д. Находившимся там руководителям городской советской власти ничего не оставалось, как сложить оружие и сдаться на милость победителей. Во время проведения данной операции со стороны нападавших погиб один чех и двое получили ранения, оборонявшиеся же, в свою очередь, потеряли двоих человек убитыми.

численное превосходство, то неизвестно чем бы могло закончиться вооруженное противостояние 26 мая.

*В некоторых исследованиях прошлых лет приводятся опять-таки весьма завышенные цифры касательно на этот раз уже численности советских частей в Новониколаевске. Так, некоторые излишне увлекающиеся любители статистики доводили количество красных бойцов чуть ли не до 1200 человек. Однако, если принять во внимание документально подтверждённое количество погибших при захвате Новониколаевска чехов, всего два человека, то становится ясно, что не только качественный, но и количественный состав новониколаевского гарнизона оставлял желать лучшего.

Что касается боя в военном городке, то там всё оказалось, по всей видимости, гораздо сложнее. Воинов-интернационалистов (венгров-мадьяр главным образом) не удалось уже застать врасплох, так что противостояние здесь продолжалось в течение нескольких часов, в результате которого несколько красногвардейцев было убито, часть взята в плен, и лишь десяти венграм во главе с *Семёном Гершевичем*, точно известно, что удалось каким-то образом вырваться из окружения. Они покинули Новониколаевск пешим порядком и направились на юг, в сторону Барнаула. На основании растиражированных во многих исследованиях данных бывшего коммунистического партийного архива Новосибирской области, а также опираясь на обнаруженные нами материалы газеты «Русская речь» (Новониколаевск, №129 от 18 марта 1919 г.), можно констатировать, что в бою за военный городок погиб ещё один чех и двое получили ранения. О том, что в сражении за Новониколаевск отдали жизни именно два легионера, пишет в своих воспоминаниях и генерал *Гайда*, он даже называет имена этих чехов: Август Плачи и Фердинанд Шмилауэр.

В то же самое время восставшие заняли почту, телеграф, казначейство и тюрьму, а потом и другие административные здания. В общей сложности вся операция по освобождению Новониколаевска от большевиков продолжалась в течение нескольких часов: в одних источниках – два, в других – шесть, в третьих значится, что она закончилась только к полудню.

В ту же ночь на 26 мая, согласно письменному приказу капитана *Гайды*, на станции Чулымск (Чулымская) выступил батальон 6-го Ганацкого полка под командованием поручика Чеховского. Сохранилась выдержка из дневника военнослужащего чехокорпуса Антонина Зеленки, принимавшего участие в этой операции:

«Ночь с 25-го до 26 мая 1918 года.

Мы готовимся к выступлению. Около полуночи пришёл приказ тихо одеться, приготовить любое оружие и ждать. У меня не было винтовки, поэтому я вызвался бросать гранаты. В час ночи был отдан приказ начать. Первое, что надо было сделать, – взять в свои руки телефон и захватить станцию, ликвидировать охрану моста, занять дорогу в сторону Омска и Новониколаевска, задержать проходящие поезда, осмотреть станционные склады. Охрана сопротивления не оказала. Собираясь идти на Омск, мы обложили вагоны изнутри мешками с песком. У нас было в общей сложности 150 винтовок. В Чулымской мы выставили охрану моста со стороны Новониколаевска и выехали в 4 часа утра к Барабинску».

Несомненно, очень большой удачей для мятежников в Новониколаевске стал захват в плен четверых руководителей местного исполкома: трёх большевиков – А.И. Петухова*, *Ф.П. Серебренникова* и Шмурыгина, а также левого эсера Д.М. Полковникова. Такое удалось чехо-белым в то лето лишь дважды – здесь и ещё в Бийске. В

*Петухов временно исполнял обязанности председателя исполкома вместо находившегося в Иркутске на совещании *В.Р. Романова*. 26 мая председатель Новониколаевского исполкома *Василий Романов*, узнав о перевороте в городе, из Иркутска попытался связаться со своими товарищами по телеграфу. На другой стороне провода правый эсер Евгений Пославский (назначенный после победы восстания уездным комиссаром) представился заместителем *Романова* Петуховым и сообщил, что в городе всё спокойно. Приняв информацию за истинную, *Романов* сразу же выехал в Новониколаевск. Однако в Канске, также захваченном уже к тому времени повстанцами, он был опознан и арестован. Содержался *Василий Романович* сначала в иркутском Александровском централе, но в 1919 г. его перевели в Новониколаевск, где накануне сдачи города белыми его расстреляли в числе других 104 политических узников. В овраге, в конце Вагановской улицы, после занятия города красными труп *Романова* обнаружили среди множества других истерзанных тел.

остальных случаях большевистские главари вовремя успевали покинуть мятежные районы, правда, некоторые из них чуть позже всё-таки попадали в плен; происходило это или в ходе специальных мероприятий по их поимке, или просто по несчастливому стечению обстоятельств. Кроме советской верхушки, 26 мая в Новониколаевске были задержаны и некоторые другие сторонники свергнутой власти. Всех их распределили сначала по временным местам заключения (большинство содержалось в одной из казарм военного городка), и только потом, после проведения предварительного расследования, часть из них перевели в тюрьму, а остальных отпустили.

Что же касается захваченных 26 мая в плен руководителей Новониколаевского исполкома, то их сразу же определили под усиленную охрану в арестантское отделение, находившееся на улице Барнаульской. Вскоре сюда же доставили известного нам уже, некогда грозного большевистского опричника, отлучённого ещё до переворота от всех дел, *Фёдора Горбаня*. Он ночью 26 мая находился в военном городке, после его захвата бежал в сторону станции Тайга, но, не доехав до неё, в районе Болотной был задержан, пытался выдать себя за спекулянта, но ему не поверили, отправили в Новониколаевск, где его, конечно, сразу опознали и, припомнив старые дела, тут же сопроводили в камеру к его бывшим товарищам по городскому исполкому. 4 июня *Горбаня*, а также ещё четырёх главных городских комиссаров повели из арестантского отделения на гарнизонную гауптвахту, но не довели: при «попытке к бегству» всех их застрелили. Этот самосуд (в чём вряд ли кто сомневался) свершился якобы по распоряжению офицера, начальника конвоя, родного брата которого большевики расстреляли во время мартовского военного положения. Око за око, зуб за зуб... Красные, кстати, тоже не особо церемонились в те дни с попавшими в их руки главарями мятежников. Так, Михаил Осипович Меркушкин-Азеев, командированный в освобождённый Барабинск, в качестве уполномоченного Западно-Сибирского комиссариата ВПАС, при повторном занятии города большевиками попал к ним в плен и был сразу же казнён.

4. Столкновения с чехословаками на подступах к Омску

25 мая в Омск, как и во многие другие города Сибири, пришла правительственная телеграмма, подписанная Львом Троцким, о полном разоружении чехословацких эшелонов. В тот момент на омской железнодорожной станции, как мы уже указывали, находился лишь штабной вагон чехокорпуса под охраной роты ударного батальона первой дивизии. В некоторой близости от города, где-то на перегоне Петропавловск-Омск, застрял один из батальонов 6-го полка. И вот 26 мая по линии железной дороги поступило, наконец, сообщение, что к городу приближается состав с чехословацкими военнослужащими, это как раз и был один из эшелонов того самого, потерявшегося где-то на перегоне батальона. Местные власти сразу же приняли решение в Омск его не пускать и задержать в рабочем пригороде, на станции Куломзино. С целью разоружить железнодорожный состав с легионерами, по распоряжению председателя Западно-Сибирского исполкома *Владимира Косарева*, в Колумзино направили объединённый отряд омских красноармейцев и милиционеров в количестве примерно 300 человек под командованием начальника омской городской милиции *Петра Успенского*. На собранную наспех бригаду советского «спецназа» и возложили исполнение приказа Троцкого.

Прибыв в Куломзино, Успенский сразу же без лишних проволочек предъявил легионерам категорический ультиматум: полностью сдать всё стрелковое оружие и допустить в свои вагоны милиционеров для осмотра, а если понадобится – то и для обыска. В ответ на данное требование, спустя некоторое время, командир иностранного батальона распорядился отдать *Успенскому* 30 винтовок и – всё, заявив, что больше у них ничего нет. А допускать милиционеров в эшелон его комендант поручик Дзихо категорически отказался. После этого наступила, что называется, классическая мхатовская пауза, по окончании которой *Успенский* всё-таки не решился дать команду своему отряду сразу же штурмовать чехословацкий железнодорожный состав. Свидетели тех событий отмечали, что в стенках его вагонов были проделаны многочисленные отверстия, позволявшие легионерам вести огонь прямо изнутри, в том числе и из пулемётов. Но главная опасность состояла даже не в этом. *Успенского*, видимо, всё-таки, в первую очередь, смутил тот факт, что бой с непокорными чехами придётся вести фактически на перроне вокзала Куломзино, вследствие чего могут пострадать случайно попавшие под огонь гражданские лица. Поэтому он принял решение: сначала отогнать чехословацкий эшелон в малолюдный сортировочный тупик и уже там разобраться с легионерами, что называется, по полной программе.

В качестве боевой поддержки для осуществления данной операции решили поднять по тревоге отряд местных красногвардейцев из числа деповских рабочих, незаметно отвести их в сортировочный тупик и там скрытно рассредоточить. После того как всё было исполнено, к машинисту чехословацкого состава направился главный кондуктор станции и вручил ему путёвку с новым маршрутом следования. Далее всё могло произойти, как говорится, согласно вновь утверждённому плану, однако тут в дело вмешались два наблюдателя от временного исполнительного комитета легионеров, которые находились тут же при паровозной бригаде. Они сразу заподозрили во всём происходящем что-то неладное и наложили запрет на дальнейшее движение (видимо, имели такое право). После чего один из них с новой путёвкой направился к коменданту поезда за консультацией, а второй остался контролировать исполнение распоряжения о прекращении движения. Через некоторое время первый наблюдатель вернулся в сопровождении вооруженных чехов, они выдворили паровозную бригаду сибиряков из кабины локомотива и тут же заменили её своими машинистами. Ещё через несколько минут состав медленно тронулся с места и задним ходом начал движение в обратную сторону, удаляясь на глазах оторопевших милиционеров опять туда, откуда он только что прибыл, – на станцию Марьяновка, располагавшуюся в 50 километрах к западу от Омска.

В 12 часов дня в Омский исполком поступила срочная информация, что разоружить чехословацкий эшелон в Куломзино не удалось, что операция полностью провалена и что железнодорожный состав с легионерами, лишь в незначительной степени разоруженный, отступил к Марьяновке, где находился, по некоторым данным, ещё один точно такой же эшелон в сопровождении роты вооруженной охраны. Таким образом, ситуация серьёзно осложнилась, фактор неожиданности, дававший вполне определённый шанс на успех, для большевиков оказался безвозвратно потерян: и чехословаки после всего случившегося, стало ясно, что предпримут все необходимые меры для самообороны, и с ними теперь уже гораздо труднее будет справиться.

Вследствие этого в Омском исполкоме приняли решение – направить в помощь *Успенском*у ещё и красногвардейцев под командованием тридцатилетнего *Ан-*

дрея Звездова. Данное воинское подразделение в уже полностью укомплектованном и экипированном состоянии находилось в тот момент на главной железнодорожной станции Омска и ожидало отправки на противосемёновский фронт. В тот же день по уральской ветке в город прибыл ещё и состав с красноармейцами из Перми, а также отряд латышей (под командованием *Окулова* и *Эйдемана*), все они в скором времени также готовились отбыть в Забайкалье*. У них Омский совдеп для осуществления операции по разоружению чехословацких легионеров «арендовал» на ближайшие дни часть бойцов и аэроплан.

Где-то около пяти часов вечера 26 мая, как свидетельствуют источники, *Успенский*, находившийся на тот момент ещё в Куломзино, получил приказ от *Косарева* наступать на Марьяновку и вновь попытаться разоружить чехословаков. Отцепив, с разрешения председателя железнодорожного совета, от ожидавшего отправки на Ишим пассажирского поезда локомотив, *Пётр Успенский* прицепил его к составу с вверенным ему подразделением, разместил прямо в кабине машинистов станковый пулемёт и тут же отдал распоряжение двигаться по направлению к Марьяновке. Когда *Андрей Звездов* со своими красногвардейцами прибыл в Куломзино, отряда *Успенского* там уже не было, спустя некоторое время он получил предписание: пока оставаться на месте и дожидаться дальнейших указаний. В десять часов вечера поступило известие, что эшелон Успенского попал в засаду и почти полностью уничтожен чехами. Подробности этой трагедии стали известны только спустя некоторое время, когда о них рассказали оставшиеся в живых бойцы омского «спецназа».

Как писал позже в своих воспоминаниях один из участников тех событий К.Ф. Телегин, *Успенский* решил устрашить и разоружить чехов одним только революционным порывом, но этого оказалось уже недостаточно на тот момент. Пренебрегая элементарными правилами тактики ведения боя, а может быть, попросту ничего не зная о них, он погубил не только самого себя, но и обрёк на смерть многих из вверенных ему бойцов. Как полагал тот же Телегин, Успенскому необходимо было остановить эшелон не на самой станции, а на подступах к Марьяновке, выгрузить личный состав, рассредоточить красноармейцев и милиционеров на несколько групп, произвести разведку и только после такого рода обязательных предварительных мероприятий начинать атаку. Однако, вопреки таким вот простейшим уставным рекомендациям, он подвёл железнодорожный состав практически к самой станции и остановился сразу же за семафором на расстоянии прямой видимости от противника, сделавшись таким образом весьма удобной мишенью для легионеров.

Вдобавок ко всему чехословаки сумели основательно перехитрить военнослужащих красного эшелона, полностью усыпив их бдительность. Подъехав к станции, они увидели, что по её перрону тихо и спокойно расхаживают жители местного посёлка, на примыкавших к вокзалу железнодорожных путях возле своих вагонов мирно суетятся переселенцы, да и сами чехословаки, располагавшиеся рядом с ними в военных эшелонах, ничем не выказывали как будто никакого недружелюбного настроения. Напротив, их духовой оркестр (точно так же, кстати, как и в Новониколаевске накануне восстания) услаждал публику задушевными мелодиями популярных

*В мае 1918 г. в Забайкалье отправлялось такое большое количество красных войск, что создаётся впечатление, будто Советы намеревались не только окончательно разгромить «банды» *Семёнова*, но и потом на их плечах воевать большевистской революцией соседнюю Монголию, а возможно, даже и Китай… Шутка.

композиторов, а поселковые мальчишки, участвуя в таком редком для этих мест культурном мероприятии, с удовольствием помогали музыкантам, держа перед ними нотные тетради. Так что ничего абсолютно не предвещало подготовленной легионерами кровавой разборки. Оценив ситуацию, Успенский отдал красным бойцам распоряжение неспешно выгружаться из вагонов, а сам, взяв в руки белый флаг, пошёл вместе с несколькими товарищами в сторону вокзала для переговоров с командованием легионеров. Но не успел он пройти и половины пути как, толи по условному знаку стоявшего на площадке водоналивной колонки «дирижера» с палочкой, толи после произведённого неизвестно кем сигнального выстрела вдруг из леса, примыкавшего почти вплотную к вагонам с красным «спецназом», началась интенсивная ружейная, а потом и пулемётная стрельба.

Ещё не успевший к этому времени далеко отойти от своего эшелона *Успенский* с товарищами тут же быстро вернулся назад к паровозу, в кабине которого стоял заправленный лентой пулемёт. Его развернули в сторону начавших стрельбу чехов, но в тот момент, откуда ни возьмись, к локомотиву незаметно подскочил легионер и метнул в кабину машинистов гранату. Причём он выполнил бросок настолько профессионально, что пулемётная точка красных сразу же была уничтожена, а *Пётр Успенский* получил ранения, что называется, не совместимые с жизнью и на следующий день умер. Не менее трагичной оказалась и судьба многих его товарищей. Попав под плотный огонь противника, красноармейцы и милиционеры вели неравный бой с чехами в течение почти 30 минут. Сначала они, сгрудившись тесной массой, держали оборону у вагонов, но потом, видя, что противник уже готовит им окружение, оставили свои позиции и побежали, подлезая под железнодорожные платформы и рассеиваясь в сгущающихся сумерках по мелколесью. По разным данным, в том бою погибли от 70 до 150 красных и 22 военнослужащих чехокорпуса. Многие из состава омского отряда попали в плен.

Уже ближе к ночи того же дня к Марьяновке подошёл ещё один военный эшелон под командованием большевика *Андрея Звездова* и меньшевика-интернационалиста *Евгения Полюдова*. Их отряд, во-первых, оказался более многочисленным и состоял не только из омичей, но и из присоединившихся к ним красноармейцев из Перми – всего в общей сложности около 1000 человек личного состава. Во-вторых, усиленный батальон *Звездова* был и вооружен гораздо лучше, чем милиционеры *Петра Успенского*. Кроме упоминавшегося уже нами аэроплана, производившего воздушную разведку, у вновь прибывших красноармейцев имелось даже одно артиллерийское орудие на платформе, что уже являлось огромным качественным перевесом над винтовками и несколькими пулемётами чехословаков.

Имея некоторый, если не боевой, то хотя бы военный опыт, *Звездов** не стал лезть, что называется, на рожон, а, остановившись, как того требовал воинский устав, на достаточно безопасном расстоянии от станции, предварительно выслал к Марьяновке разведку и только после этого начал боевые действия. В сторону расположения противника по его приказу выпустили три артиллерийских снаряда, один из которых, благодаря искусству наводчиков, разорвался в непосредственной близи от эшелонов с иностранными легионерами. И только уже после проведённой артподготовки *Звездов*, посоветовавшись с другими командирами вверенного ему красноармейского подразделения, решил начать атаку на станцию рано утром следующего дня.

*В 1916 – 1917 гг. *Андрей Звездов* проходил службу в одном из томских запасных полков.

В 4 часа утра развернувшиеся в боевой порядок красноармейцы начали наступление на посёлок Марьяновка, однако уже на самых подступах к нему выяснилось, что чехословаки, после того как по ним был открыт артиллерийский огонь, ещё ночью покинули станцию и отошли на запад в сторону разъезда Помурино, а потом ещё дальше – к станции Маскалёнки. Легионеры, по всей видимости, решили временно отступить для того, чтобы сохранить собственные силы и дождаться подкреплений из Челябинска, где находилась самая мощная на тот момент группировка чеховойск в несколько тысяч человек. В Марьяновке они оставили раненых бойцов из отряда *Успенского*, а остальных пленных увезли с собой в качестве заложников. Их на станции Маскалёнки заставили рыть братскую могилу, куда чехословаки схоронили своих погибших в бою товарищей.

После всего случившегося под Марьяновкой омские большевики во главе с *Косаревым* решили не продолжать в ближайшее время боевых действий против оказавших столь жесткое сопротивление легионеров, но, взяв передышку, произвести мобилизацию всех имеющихся у них сил, плюс к этому – попросить помощи из Томска, а возможно, дождаться и обещанных подкреплений из Москвы, от Троцкого, и только потом обрушиться всей своей мощью на чехословаков. Так что 28 мая на запад в сторону расположения чеховойск была направлена мирная делегация во главе с большевиком *З. Лобковым*. И в тот же день на станции Исилькуль (на полпути между Омском и Петропавловском) две противоборствующие стороны на взаимовыгодных условиях подписали договор о перемирии сначала на 2 дня, но потом продлили его ещё на некоторое время, до 4 июня включительно*.

Однако эта мирная тактика, как показали дальнейшие события, явилась по большей части ошибочной и привела в результате к полному поражению красных в сражении за Омск. Во-первых, омским большевикам так и не удалось дождаться помощи ни из Томска, ни из Москвы, а во-вторых, им пришлось вскоре разделить имевшиеся у них силы на два фронта и вести борьбу с восставшими чехословаками не только на западе, но и на востоке. Причём на восточном направлении против частей *Гайды* бои не прекращались ни на один день и велись с переменным успехом в районе Барабинска и Каинска (что на долгое время сковало, кстати, силы новониколаевской группировки чехо-белых и не позволило ей до определённого момента успешно развить наступление на Барнаул, Анжеро-Судженск и Мариинск). На западе же от Омска большевики, имея перевес в артиллерии, не смогли воспользоваться преимуществом и спокойно позволили легионерам за несколько мирных дней обеспечить своим частям сначала количественное, а потом и качественное превосходство.

5. События, связанные с разоружением частей Чехословацкого корпуса в Иркутске, а также на подступах к городу

25 мая в Иркутске, так же как и в Омске, была получена телеграмма Троцкого о немедленном и полном разоружении находившихся на территории губернии чехос-

*Одним из условий того договора, кстати, было освобождение попавшего в плен к чехословакам народного комиссара по продовольствию (министра из правительства Ленина) Шлихтера. Также, видимо, не лишним будет отметить, что во втором раунде мирных переговоров в качестве посредника принял участие майор Гинэ, уполномоченный французского правительства при Чехословацком корпусе, который 1 июня прибыл на станцию Исилькуль из Петропавловска.

ловацких эшелонов. Напомним, что в самом Иркутске (а вернее на его железнодорожном вокзале) находился в тот момент один батальон (около 700 легионеров) под командованием капитана Померанцева (по некоторым данным – капитана Новака). Дальше на запад, на ближайших к Иркутску полустанках – Иннокентьевская и Батарейная – размещалось ещё два батальона, на станции Половина – один эшелон легионеров, в районе Нижнеудинска – столько же, ну и, наконец, в Канске – самые отчаянные «головорезы» – ударный батальон второй дивизии под командованием подполковника *Ушакова*. Восточнее Иркутска, согласно большинству источников, вплоть до самого Владивостока ни одной чешской части не располагалось.

Как писала газета «Омский вестник» (№102 от 26 мая 1918 г.), уже в тот же день, 25 мая, к станции Иркутск были стянуты отряды местных красноармейцев, а также воинов-интернационалистов и ещё броневики и артиллерия. Историк В.С. Познанский даёт более подробную информацию по поводу этих частей: 1-й Сибирский стрелковый полк, кавдивизион венгров-интернационалистов, маршевые роты барнаульцев, анжеросудженцев, черемховцев, а также хорошо испытанное в предыдущих боях с «контрреволюцией» средство – артиллерийская батарея.

По сообщению того же «Омского вестника» (№126 от 26 июня 1918 г.) в 4 часа дня 26 мая, после того как в результате длительных и трудных переговоров уже практически оказалось достигнуто соглашение, и чехословаки согласились сдать всё своё оружие, за исключением «прожиточного минимума» в 30 винтовок, вдруг неожиданно прозвучало несколько провокационных выстрелов со стороны красных, и разгорелся бой. Советская историография приводит в качестве начала вооруженного столкновения в Иркутске ту же самую дату и время, но только рисует, естественно, совершенно иную картину случившегося. Согласно её версии, чехословаки в категорической форме отказались выполнять требования большевиков о разоружении и первыми открыли огонь по их частям.

Описания дальнейших событий также немного противоречат друг другу, советские историки вполне уверенно утверждают, что совместными и согласованными действиями красных стрелков, кавалерии и, главным образом, броневиков, а также артиллерии чехословацкий мятеж был достаточно быстро подавлен и легионеры без особых проблем разоружены. Согласно их материалам, большевики создали в Иркутске в те дни целых две линии обороны. Первая находилась непосредственно на вокзале, а вторая – в районе духовного училища. Железнодорожную станцию и примыкавшее к ней рабочее Глазковское предместье чехословаки захватили достаточно быстро, однако выдвинуться дальше они не посмели, наблюдая в пределах прямой видимости ещё одну и гораздо более мощную линию советской обороны с артиллерией и броневиками. Плюс к этому над ними начал кружить ещё и красный боевой аэроплан с бомбами и пулемётом на борту. Дальнейшее сопротивление они посчитали нецелесообразным.

Противоположная же сторона конфликта впоследствии (после того как советскую власть в Сибири свергли) утверждала совсем иное. С её слов получается, что легионеры проявили в бою на станции Иркутск чудеса боевой выучки и героизма, в результате чего сопротивление большевиков почти мгновенно оказалось сведено на нет, так что уже вскоре они вынуждены были запросить мира, дабы избежать полного захвата города чехословаками*. Для переговоров с командным составом эшелонов на

*На этой версии, кстати, настаивает в одном из своих исторических сочинений всем известный У. Черчиль. Однако, зная, как этот человек, мягко говоря, недолюбливал русских, и особенно красных

вокзал выезжали член Центросибири Гейцман и член Иркутского совдепа *Шевцов*. В результате чехи согласились сдать не только захваченное во время боя оружие, но и разоружить почти полностью свои прежние арсеналы.

Кто прав в данном споре – достаточно трудно теперь выяснить. Но вместе с тем у исторической науки имеется на руках официальный документ, подводящий как бы итог всем тем событиям, а также полемике вокруг них: всё-таки подписанное соглашение о сдаче легионерами всего остававшегося у них ещё вооружения, за исключением тридцати винтовок на эшелон, а также так называемого лично приобретённого оружия (трофейного) – сабель, кинжалов и револьверов. В обмен на это чехословацкие эшелоны беспрепятственно пропускались на территорию Забайкалья и далее – в порт Владивосток.

На основании вышеизложенного возможно таким образом предположить, что вооруженный инцидент в Иркутске закончился, что называется, боевой ничьей в тот день, тогда как на первом этапе противостояние двух противоборствующих сторон носило, по всей видимости, абсолютно бескомпромиссный характер. Об этом свидетельствуют, в частности, достаточно серьёзные потери в живой силе у обоих противников: около 50 человек было убито и около 100 ранено в общей сложности. Из них чехословаков, по разным данным, соответственно – 12 (16) и 33 (60) военнослужащих. Причём, примечательно, что около 30 человек тяжелораненых из числа легионеров после окончания боя и подписания мирного соглашения, определили в иркутский госпиталь, где они находились, надо полагать, до самого своего окончательного выздоровления. Последнее, возможно, являлось одним из условий, выдвинутых представителями чеховойск, и тем самым свидетельствовало в очередной раз об имевшем месте паритете двух враждебных сил в данном конфликте.

В ночь на 27 мая, как раз в то время, когда в Иркутске, наконец, удалось уладить все дела и отправить на Дальний Восток с богом, как говорится, эшелон капитана Померанцева (Новака), со станции Иннокентьевской, что находилась в нескольких верстах к западу от Иркутска (теперь это Иркутск-Сортировочный), пришли известия ещё об одном инциденте с участием чеховойск. Здесь силами «местного» эшелона, а также прибывшего ему в помощь батальона с полустанка Батарейная в ответ на требование о разоружении был атакован и по большей части пленён иннокентьевский красный гарнизон. После этого восставшие чехословаки вроде бы как намеревались двинуться к Иркутску, для того чтобы и здесь тоже навести свой «порядок». Победа на Иннокентьевской далась легионерам достаточно легко: по некоторым сведениям бой продолжался всего 20 минут, в результате которого им удалось захватить станцию и прилегающий к ней посёлок. Местное большевистское руководство, захватив деньги и документы, в последний момент успело сбежать по Ангаре в Иркутск и сообщить там обо всём случившемся. Потери в живой силе во время столкновения на Иннокентьевской оказались совсем невелики: чехословаки не досчитались якобы лишь только одного бойца, а красные – пятерых. 34 человека легионеры взяли в плен. Ещё восставшим удалось захватить находившийся в посёлке артиллерийский, а также – пороховой склад, что оказалось для них конечно же как нельзя более кстати в той ситуации.

русских, его вполне можно заподозрить в необъективности. А вслед за ним – в том же – и всех остальных солидарных с ним комментаторов.

Вновь реально возникшая угроза вынудила руководство Центросибири принять срочные меры, но на этот раз не военного, а сугубо мирного характера. Было принято решение отправить на Иннокентьевскую делегацию из представителей советской власти, а также иностранных консулов. Центросибирь представляли Гейцман, а также *Яков Янсон* и *Фёдор Лыткин*, от иностранных послов в неё вошли генконсулы Франции и США – Буржуа и Гаррис. В половине пятого утра 27 мая вся группа парламентёров на нескольких автомобилях двинулась от Иркутска к станции Иннокентьевская. Присутствие на переговорах столь высокопоставленных иностранных представителей, видимо, очень сильно повлияло на легионеров, так что они, недолго думая, уже в тот же день согласились принять предложение Центросибири.

Текст договора. Станция Военный городок Забайкальской железной дороги. 27 мая 1918 г. *«Мы, нижеподписавшиеся: 1) представители русской власти: Янсон, Гейцман, Лыткин, 2) представители чехословаков: штабс-капитан Гоблик, доктор Тайер, прапорщик Дакснер, 3) французский генеральный консул Буржуа и французский офицер Верей, американский генеральный консул Гаррис, гражданин Макгаун и переводчик Берген приняли следующие взаимно обязательные условия: 1) в целях избежания ненужных недоразумений и кровопролития и установления взаимного доверия с чехословаками русские власти обязуются каждому эшелону чехословаков давать гражданского комиссара, в задачи которого входит разрешать все недоразумения, все спорные вопросы, могущие возникнуть в пути, а также оказывать полное содействие к передвижению порученных ему лиц; 2) считая все выше перечисленные гарантии вполне обеспечивающими свободу передвижения, чехословаки со своей стороны обязуются без всякого промедления сдавать всё оружие, кроме лично приобретённого, а именно: кроме сабель, шашек, кинжала и револьвера; 3) техника сдачи оружия вырабатывается по взаимному соглашению договаривающихся сторон; 4) желая окончательно гарантировать безопасность следования чехословаков на восток, русские власти обязуются давать им охрану в 30 винтовок, по 20 патронов на винтовку; 5) пунктом сдачи 30 винтовок и всех наличных патронов является ст. Чита Забайкальской ж.д.; 6) настоящий документ вступает в силу с момента полписания его договаривающимися сторонами».*

В конце дня 27 мая оба мятежных эшелона со станции Иннокентьевская, разоружившись согласно достигнутой договорённости, проследовали через Иркутск в Читу. 28 мая на тех же условиях удалился в том же направлении ещё один батальон чехословацких войск, находившийся до той поры на станции Половина. И всё, казалось бы, складывалось для правительства Центросибири как нельзя лучше в районе Иркутска, если бы не одно но: остальные эшелоны легионеров, располагавшиеся ещё дальше на запад до границ Енисейской губернии, не изъявили абсолютно никакого желания присоединяться к достигнутому соглашению. Они, видимо, уже точно знали о событиях в Мариинске и Новониколаевске, а может быть, даже и получили уже к тому времени приказ *Гайды* о начале всеобщего вооруженного выступления против советской власти. Так или иначе, но в ночь с 28-го на 29 мая эти части также подняли вооруженный мятеж, в результате которого была свергнута власть большевиков в городах Нижнеудинске и Канске.

Что касается их товарищей по оружию, тех четырёх эшелонов, что приняли условия Центросибири и проследовали безоружными во Владивосток, то их, так скажем, примиренческую позицию можно объяснить, пожалуй, лишь тем, что, возможно, они

совсем ничего не знали о решениях предсъездовской конференции в Челябинске, а также ни сном ни духом, как говорится, не ведали, что определены теперь под команду мятежного командора *Гайды*, а тем более, видимо, даже и не получали от него никаких приказов о всеобщем вооруженном выступлении. Вполне вероятно также, что и иностранные консулы не имели никакой информации о передвинутой на конец мая дате вооруженного восстания, поэтому и дали промашку, уговорив четыре эшелона чехословаков, целый стрелковый полк, практически полностью сложить оружие под Иркутском.

В том же примерно направлении, кстати, действовала и часть политических руководителей Чехословацкого корпуса, находившаяся на тот момент уже во Владивостоке: Гирса, Гурбан и Гоуска. Они сразу же после получения известий о начале мятежа в Сибири отправили через Иркутск всем эшелонам телеграмму с разъяснениями, в плане того что вооруженное столкновение с сибирскими властями является полным недоразумением, которое необходимо в ближайшее же время преодолеть совместными усилиями. В этом же послании они указывали, что изменённый план по эвакуации через Архангельск инициирован не кем иным, как самими союзниками ввиду отсутствия во Владивостоке транспорта. В связи с чем они призвали своих братьев по оружию согласиться с новыми требованием сибирских властей и немедленно преодолеть все возникшие недоразумения путём мирного диалога с большевиками («Голос Приморья», Владивосток от 31 мая 1918 г.).

6. Свержение советской власти в Челябинске

Свои отличительные особенности имел и переворот в Челябинске. В этом городе, а точнее на тупиковых путях его так называемой переселенческой ветки, по разным подсчётам, к моменту переворота скопилось от 8 до 9 тысяч солдат и офицеров Чехословацкого корпуса под общим началом подполковника *Сергея Войцеховского* (командир 3-го полка) и поручика *Яна Сыровы* (командира 2-го полка). Под руками у местного совдепа имелось на тот момент всего 700 человек красногвардейцев и красноармейцев. При таком соотношении сил никаких шансов на успех в противостоянии с легионерами у челябинских большевиков практически не было.

Почему здесь именно так всё сложилось, можно объяснить несколькими причинами. Ну, во-первых, станция Челябинск являлась собственно началом Транссибирской железнодорожной магистрали, именно отсюда в 1892 г. её потянули на восток. Ну а поскольку правительство Ленина, опасаясь неприятностей со стороны сорокатысячного Чехословацкого корпуса, как мы уже выяснили, отправило его личный состав, как говорится, куда подальше, то есть по старой имперской привычке – к нам в Сибирь, то и получилось, что железнодорожные чиновники, тоже по традиции, беспрекословно исполняя приказ столичного начальства, поскорей направляли чехословаков именно в Челябинск, в город, ставший с 1892 г. пограничьем Сибири. Ну а поскольку пропускная способность Транссиба оказалась в то время недостаточно высока, то и образовался в Челябинске затор из многочисленных чехословацких эшелонов.

Теперь по поводу того, почему против двух полков легионеров в городе удалось собрать всего лишь один неполный батальон красных бойцов. И тут всё как будто бы

просто. Во-первых, Челябинск периода второй и третьей русских революций – это не тот промышленный гигант с более чем миллионным населением, что мы имеем сейчас. В 1917 г. в нём проживало всего 70 тысяч человек, что было значительно меньше, чем, допустим, в Омске, Томске и даже в Иркутске. Во-вторых, Челябинск тогда являлся не областным центром, а лишь уездным городом Оренбургской губернии. А поскольку район Оренбурга стал с конца 1917 г. местом ожесточённой борьбы большевиков с контрреволюцией*, то по распоряжению губернских властей туда из всех уездов периодически отправлялись отряды красных добровольцев. Так что, хоть и богата (как любят говорить, например, современные хоккейные тренеры) челябинская земля талантами, однако и её ресурсы не беспредельны. Те 700 человек красноармейцев и красногвардейцев, что имелись в наличии в городе к концу мая 1918 г., остались, видимо, последним резервом, что удалось собрать местным большевикам, что называется, «по сусекам». Ещё до первого вооруженного конфликта с чехословаками 17 мая челябинский совдеп, как мы знаем, обращался к своим екатеринбургским товарищам с просьбой прислать им в помощь рабочих-красногвардейцев, но так, видимо, никого и не дождался.

Ну и, наконец, последнее: мятеж в Челябинске начался, как и в Новониколаевске, ночью (только не 26-го, а 27 мая), когда военнослужащие красных частей по большей части мирно спали у себя в казармах, так что они были достаточно быстро и легко разоружены. А судя по воспоминаниям одного из участников тех событий большевика Александра Буцевича (журнал «Пролетарская революция», №5 за 1922 г.), создаётся впечатление, что в Челябинске вообще никакого вооруженного столкновения не произошло, а просто чехословаки взяли в ночь на 27 мая все важнейшие объекты города, практически без боя, под свою охрану – и всё.

Судите сами: днём после ночного переворота Буцевич, по его собственным словам, спокойно разгуливал по улицам Челябинска, сначала зашёл в общественную столовую в центре города, позавтракал. Потом он направился в советский исполком, который, в это с трудом верится, но продолжал заседать и решать ещё какие-то вопросы, правда уже под охраной чешских легионеров, стоявших у входа в здание. Здесь, в исполкоме, Буцевич провёл некоторое время, после чего получил от вышестоящих товарищей задание как можно быстрее добраться до г. Кургана и срочно организовать там рабочих для отпора чехословацкой угрозе. В том самом направлении Буцевич без всяких препятствий в тот же день и отбыл.

Если учесть, что данные воспоминания были опубликованы в начале 20-х годов, когда жесткой советской цензуры образца 30-х годов ещё не существовало, то словам Александра Буцевича, с нашей точки зрения, вполне можно доверять и, следовательно, на основании их сделать некоторые выводы. Если учесть колоссальный перевес сил у чехословаков и принять во внимание, что действительно челябинские большевики в первые дни после мятежа находились на свободе и, более того, продолжали исполнять некоторым образом свои служебные обязанности, то весьма вероятно, что никакого вооруженного сопротивления они в ночь на 27 мая вообще не оказывали, в противном случае их бы сразу же арестовали или уж, на худой конец, не позволили бы работать да ещё и отдавать какие-то там распоряжения.

---

*Здесь, так же как в Забайкалье, часть местного уральского казачества под предводительством атамана *А.И. Дутова* подняла восстание против советской власти.

Хотя на основании других сведений создаётся впечатление, что всё происходило совсем даже наоборот. Так более поздние советские источники сообщают о том, что в первые же дни мятежа (а точнее в ночь на 3 июня) в Челябинске, точно так же как и в Новониколаевске, были убиты, и не просто убиты, а «зверски зарублены» белоказаками несколько местных коммунистов*, в том числе и руководитель челябинских большевиков Е.Л. Васенко. Скорей всего, здесь произошло то же самое, что и в Мариинске: сначала наблюдалось терпимое отношение со стороны легионеров к представителям советской власти, но уже через несколько дней, после соответствующих распоряжений сверху, последовали их аресты, а потом и расправа над некоторыми из них со стороны подтянувшихся к городу казаков.

В поддержку данной версии некоторым образом высказывается ещё один свидетель челябинского антибольшевистского переворота – некто Н. Молочновский («Преддверие Сибири – Челябинск». М.1969). Он пишет о том, что после отстранения большевиков от власти в городе начался, прежде всего, процесс открытой, в смысле свободной, демократической митинговщины с элементами пока что лишь выяснения отношений, но не сведения счётов. *«На площадях и в театрах митинги, в которых принимают участие местные земцы, кооператоры. Все говорят об Учредительном собрании, о Брестском мире, восхваляют чехов, как спасителей Родины и революции. Чехи тоже не остаются в долгу, Богдан Павлу рассыпается в преданности Российской демократии, говоря, что чехи готовы до последнего сражаться с предателями большевиками и немецкими офицерами, которые командуют красной гвардией.*

Полоса митингов захватила скопившееся в Челябинске, прятавшееся по домам офицерство и казачество.

Старый воинский начальник, который был избран председателем первого митинга, так держал свою речь: «Господа офицеры, чем мы были до сего времени? Мы жили на нелегальном положении, мы продавали газеты, мы грузили дрова, мы чистили сапоги, мы не отказывались ни от какой чёрной работы, но мы не были предателями родины, мы сохранили честь офицера, мы не шли на службу к большевикам.

Среди Вас, господа офицеры, есть предатели, служившие в красной гвардии»…

Шум, гам, возгласы: «предатели, мерзавцы», повисли в воздухе... Полились речи и откровенных монархистов и благоразумных кадетов и эсеров».

Вскоре возобновила свои заседания разогнанная большевиками городская дума. Одновременно с этим русские офицеры местного гарнизона сформировали военный совет во главе с полковником Н.Г. Сорочинским.

Через несколько дней после того, как в Челябинске, таким образом, прочно встала на ноги новая демократическая власть, гаранты этой власти – чехословацкие легионеры, – разделившись на две боевые группы, продолжили боевые действия и мероприятия по низложению большевистской диктатуры на территории Урала и Сибири. Третий полк имени Яна Жижки под предводительством своего командира подполковника *Сергея Войцеховского* начал наступать в направлении Миасса и Златоуста – на запад, до воссоединения с идущими им навстречу частями поволжской группировки, а затем – к Троицку на юг. Потом (после освобождения Кургана частями второго полка) третий полк Войцеховского должен был выполнить ещё одну задачу – по железной дороге пробиться к Екатеринбургу.

*Д.В. Колющенко, М.А. Болейко, Ш.А. Гозиосский, В.И. Могильников, П.Н. Тряскин.

Второму полку под командованием *Яна Сыровы* приказали захватить сначала Курган, что он осуществил 2 июня, потом через Петропавловск выйти на соединение с батальонами 6-го полка, находившимися в районе станции Исилькуль. Далее *Сыровы* предписывалось продолжить наступление и захватить Омск, а затем восточнее города встретиться с легионерами капитана *Гайды*. В завершение омской операции второму полку ставилась задача – опять-таки по железной дороге развить наступление на Тюмень и, наконец, вместе с частями *Войцеховского* завершить всю операцию захватом Екатеринбурга, где содержался под домашним арестом бывший царь Николай II с семьёй.

Таким образом, в четырёх крупнейших городах Транссибирской магистрали: в Омске, Иркутске, Челябинске и Новониколаевске – произошли 26-27 мая вооружённые инциденты с участием военнослужащих Чехословацкого корпуса, а в двух из них власть большевиков была свергнута и передана в руки временных органов демократического самоуправления. А что же областническая столица Сибири – Томск? Там *Григорий Потанин*, там группа ведущих общественников-автономистов, объединённых в единый политический кружок вокруг своего «патриарха», там же Западно-Сибирский комиссариат Временного правительства автономной Сибири, здесь же, наконец, и одна из крупнейших подпольных организаций региона, возглавляемая *Николаем Сумароковым* и *Анатолием Пепеляевым*?..

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ТОМСК... «И ПОСЛЕДНИЕ СТАНУТ ПЕРВЫМИ»...

Чу – дальний выстрел! Прожужжала
Шальная пуля... славный звук...
М.Ю. Лермонтов.
Валерик (Речка смерти)

1. Лицом к лицу с противником

Первые, самые приблизительные слухи о развернувшемся в Сибири крупномасштабном мятеже начали курсировать по Томску уже вечером 25 мая. Именно тогда в военно-революционный штаб поступило ошеломляющее известие о событиях в Мариинске. Об этом через тайных осведомителей сразу же узнали местные подпольщики и постарались как можно скорее распространить долгожданную новость в среде своих единомышленников. Не менее оперативно сработало и так называемое сарафанное радио, в течение нескольких часов оповестившее и растормошившее значительную часть городского обывательского населения. А когда на следующий день в одной из томских газет появилось небольшое, но уже полуофициальное сообщение о мариинских событиях, некоторые из жителей, как мы уже указывали выше, предчувствуя, что вскоре и в их городе могут начаться серьёзные вооруженные инциденты, до того разволновались, что даже в спешке стали покидать родной Томск.

Вся территория Томской губернии указом военно-революционного штаба после полученных известий из Мариинска, а потом и Новониколаевска была сразу же объявлена на военном положении*. В район Мариинска, а также в помощь новониколаевским товарищам томские большевики в ближайшие же дни (27-28 мая) выслали два небольших красногвардейских отряда. Оба они проследовали по железной дороге через станцию Тайга. Здесь, кстати сказать, они встретили не очень радушный приём со стороны местных железнодорожников, поддавшихся, как мы уже отмечали в одной из предыдущих глав, правоэсеровской агитации и ещё до всех этих событий осуществивших попытку мирного отстранения большевиков от власти в своём станционном посёлке. Ну а когда в Тайгу пришли известия о свержении вооруженным путём Советов в Мариинске и Новониколаевске, железнодорожники местного депо одобрили и поддержали выступление поселковых подпольщиков, совместными усилиями распустив исполком и передав всю полноту власти избранному ими комитету общественного спасения.

---

*Два дня назад, 24 мая, напомним, из-за событий около Иоанно-Предтеченского монастыря, уже было введено военное положение, но пока лишь только в самом губернском центре.

Последнее обстоятельство также в немалой степени побудило томских коммунистов направить на станцию Тайга дополнительные воинские силы и специальную делегацию во главе с военным комендантом Томска *Иваном Лебедевым*. Последний был в прошлом профессиональным военным, имел звание капитана, поэтому именно ему поручили организовать первую линию обороны в районе станции Тайга, после чего, если позволит оперативная обстановка, выдвинуть часть сил в район Юрги*. Вместе с ним тогда же и с той же целью прибыли из Томска: заместитель начальника городской Красной гвардии *Михаил Александров*, член исполкома *П. Коляда*, а также ещё один весьма видный советский функционер – левый эсер *Николай Мазурин* – член исполкома совета железнодорожных депутатов Томской железной дороги и одновременно (с мая месяца) главный советский комиссар этой дороги.

Мазурин во время начала чехословацкого мятежа находился в Красноярске, оттуда он сразу же отбыл в Мариинск с поручением от Енисейского исполкома заключить с восставшими легионерами перемирие хотя бы на несколько дней. Однако переговоры с капитаном *Кадлецом* – вождём повстанцев – ни к чему положительному для большевиков не привели, и Николай Владимирович тем же следом выехал из Мариинска в Томск для того, чтобы в губернском центре срочно организовать отряд красных железнодорожников и направить их на борьбу с мятежниками. Отсюда *Мазурин* 28 мая и проследовал на станцию Тайга, оставил там в распоряжение *Лебедева* набранную в Томске вооруженную группу железнодорожников, а сам двинулся дальше на анжеро-судженские шахты – формировать дополнительные силы для отпора врагу.

Усилиями томских большевиков в деповском посёлке Тайга очень быстро был восстановлен прежний правовой порядок, а зачинщиков протестного движения против советской власти арестовали и отправили под конвоем в Томск. После этого красные военспецы приступили к основной своей задаче – к организации прочной линии обороны на главной узловой станции Томской железной дороги. На запад в направлении полустанка Яшкино в качестве боевого авангарда или, так скажем, железнодорожного блокпоста выдвинулась из Тайги небольшая группа разведчиков под командованием левого эсера В. *Буренина,* а также подразделение воинов интернационалистов во главе с венгром *И. Силади*. Кстати, точно такой же заградительный отряд под началом ещё одного левого эсера – *П. Хорхорина* – Советы выдвинули из Томска в район посёлка Самусь, в устье Томи, для того, чтобы воспрепятствовать возможному продвижению чехословаков от Новониколаевска к Томску речным путём.

Теперь, уже непосредственно переходя к томским событиям, необходимо ещё раз подчеркнуть, что и губерния, и сам её центр, по замыслам организаторов планировавшегося всесибирского эсеро-белогвардейского мятежа, должны были стать в авангарде процесса по захвату власти, а затем – основной базой для дальнейшего наступления на Сибирь. Однако преждевременное выступление легионеров Чехословацкого корпуса буквально за один день спутало все прежние планы, и в этой обстановке перед томскими подпольщиками встала задача – срочно внести необходимые

*Из пролетарских районов Кузбасса, из Кольчугино (современный Ленинск-Кузнецкий) и из Кузнецка (современный Новокузнецк) к станции Юрга для поддержки томичей в то же самое время должен был выдвинуться и добровольческий отряд вооруженных рабочих. Кстати, в штаб по её организации вошёл тогда большевик (в скором будущем командир алтайской объединённой группировки красноармейцев) с весьма теперь знаменитой (после кинофильма «Белое солнце пустыни») фамилией – Сухов, *Пётр Фёдорович Сухов*.

коррективы, соответствующие создавшемуся положению прямо, что называется, по ходу пьесы.

И надо сказать, что для принятия такого рода вынужденных и срочных решений очень кстати представился как раз и вполне удобный случай. Дело в том, что в конце мая в Томск на очередную региональную конференцию планировали собраться руководители сибирского эсеровского антибольшевистского сопротивления. Для участия в ней должны были съехаться что-то около 17 делегатов. Однако ко времени начала выступления чехословацких легионеров на месте оказалось всего, по разным подсчётам, толи 7, толи 9 человек*, включая трёх членов Западно-Сибирского комиссариата. Ввиду чрезвычайных обстоятельств, совершенно отчётливо при этом понимая, что времени для раскачки у них уже практически не осталось, эсеры решили открыть и провести своё совещание в урезанном составе, то есть тем количеством делегатов, которое имелось на тот момент в Томске; обсудить создавшееся положение и принять ряд конкретных мер по немедленному разворачиванию собственных повстанческих знамён в поддержку чехословацкого мятежа.

В понедельник 27 мая** в 9 часов вечера на конспиративной квартире по улице Ярлыковской (теперь Карташова) в доме №3 собрались все участники экстренного совещания («Сибирская мысль», Томск, от 31 мая 1918 г.), среди которых присутствовало три члена Западно-Сибирского комиссариата Временного правительства автономной Сибири: *Павел Михайлов*, *Борис Марков* и *Василий Сидоров*. Известно также, что в работе этого тайного совещания принимали участие: член Всесибирского краевого комитета ПСР *Моисей Фельдман* («Голос народа», Томск, за 20 июля 1918 г.) и ещё два представителя от томской губернской организации правых эсеров – *П.Г. Лихачёв* и некто Орлов («Сибирская мысль», Томск, от 31 мая 1918 г.). Собрание удалось провести почти в полном объёме и рассмотреть на нём несколько очень важных вопросов, и среди них – главный – о восстании. Решено было всем подпольным организациям Западной и Средней Сибири немедленно присоединиться к мятежу Чехословацкого корпуса и оказать тем самым вооруженную поддержку легионерам в их борьбе с советско-большевистской диктатурой. В самом же Томске боевым группам приказали выступить 29 мая, ровно в 7 часов утра («Голос Сибирской армии», №20 от 29 мая 1919 г.). И вот, когда эсеры уже почти заканчивали своё совещание, к ним неожиданно нагрянули с «визитом» рабочие-красногвардейцы.

---

*Одним из этих делегатов был подполковник *Гришин-Алмазов*, но он, как только узнал о событиях в Новониколаевске, немедленно туда выехал, воспользовавшись удачно арендованным по случаю небольшим, но достаточно быстроходным речным катером.

**В некоторых исследованиях и комментариях довольно часто встречаются абсолютно неверные даты проведения этого нелегального собрания, его ошибочно относят то к 26-му, то к 28 мая, в то время как некоторое газетные источники той поры конкретно указывают на 27 мая. Вот, например: «На заседании Западно-Сибирского комиссариата Временного Сибирского правительства *27 мая* решено было поднять восстание (“Голос Сибирской армии“, №20 от 29 мая 1919 г.)». В двадцатых числах июля 1918 г. *М. Фельдман* поместил в томской газете «Голос народа» объявление, в котором он просил всех товарищей, получавших денежные суммы от Всесибирского краевого комитета ПСР и дававших расписки в том лично *Фельдману*, явиться на Белинского-24 (помещение губернского комитета партии правых эсеров), и подтвердить свои подписи. Необходимость в этом возникла по той причине, что подлинные списки *Фельдман* уничтожил, как он сам указывал, *во время ареста 27 мая 1918 г.* См. также заметку в «Голосе народа» от 4 июня 1918 г. о выступлении *Бориса Маркова* перед представителями томских профсоюзов.

О подозрительной вечеринке на Ярлыковской сообщил в штаб Красной гвардии некий почтальон*. По указанному им адресу членом красногвардейского штаба молодым и напористым *Матвеем Ворожцовым* сразу был выслан дежурный наряд, и уже через несколько минут, поскольку штаб-квартира Красной гвардии располагалась** всего лишь на расстоянии одного квартала от Ярлыковской, все участники эсеровской сходки оказались задержанными. Как свидетельствуют источники, во время этой операции красногвардейцы конфисковали много важных документов, разоблачавших «коварные замыслы заговорщиков», а также оружие – один пистолет системы «Браунинг» с патронами, – что, видимо, и послужило формальным поводом для задержания эсеров и помещения их в тюрьму. Последнее обстоятельство вызвало конечно же крайнее неудовольствие с их стороны.

Особенно вызывающе вёл себя при аресте, как гласит предание, *Павел Михайлов*, он всячески стыдил осуществлявших данное мероприятие красногвардейцев, среди которых он узнал тогда некоторых бывших членов ПСР, перешедших к тому времени в стан левых эсеров и ставших лучшими друзьями большевиков. Михайлов призывал своих товарищей по борьбе хорошенько запомнить лица «предателей» для того, чтобы, когда вновь придут к власти «наши», не забыть рассчитаться по всей строгости закона с этими «большевистскими прихвостнями». *Вениамин Вегман*, современник и, более того, непосредственный участник многих из тех событий, отмечал ещё, что все заговорщики достаточно необычно выглядели тогда при аресте. У большинства из них, в том числе и у *П. Михайлова*, видимо, по старой, конспиративной привычке, была сбрита почти вся «растительность» на голове и на лице, а у некоторых – даже и брови.

Всех без исключения арестованных – виднейших и известнейших сибирских революционеров – тут же отвели в тюремное отделение на Воскресенской горе («Сибирская мысль», Томск, от 31 мая 1918 г.) и содержали все последующие дни под усиленной охраной. Особенно «повезло» в этом плане трём членам Западно-Сибирского комиссариата*, которых в отличие от остальных «подвергли сугубой изоляции», распределили по отдельным камерам и у каждой поставили по часовому из числа наиболее сознательных охранников.

Документальный компромат, изъятый у эсеровских заговорщиков при аресте, свидетельствовал о том, что в Томске готовится вооруженное восстание. Так, в частности, при обыске на Ярлыковской якобы удалось обнаружить текст заранее заготовленного воззвания, предназначенного для оповещения томичей о свершившемся в городе перевороте и о низвержении диктатуры большевиков. Из других

---

*Из газетных сообщений того времени нам удалось выяснить небезынтересный в связи с этим факт. Оказывается, после своего прихода к власти большевики сразу же пересмотрели многие тарифные ставки в целях увеличения окладов рабочим, а также приравненным к ним мелким служащим. Так, например, в сфере почтово-телеграфной службы чиновник 6-го разряда (профессионал, как правило, с хорошим образованием) получал 260 рублей в месяц; чиновник 5-го разряда, коего принимали на работу не только при наличии специального образования, но ещё и при условии обязательного владения иностранными языками, зарабатывал 280 рублей, а вот простым почтальонам определили оклад в 305 рублей. Понятно теперь, почему последние столь ревностно служили советской власти.

**В здании бывшей резиденции томского губернатора, на тот момент – Дом свободы, в настоящее время – Дом учёных.

*Двое из них – *Павел Михайлов* и *Борис Марков*, – напомним, являлись членами разогнанного Учредительного собрания, а *Василий Сидоров* был председателем Томского уездной земской управы, также распущенной большевиками.

документов явствовало, что эсеры уже распределили между собой основные управленческие полномочия и должности на случай предполагавшейся победы, а также, – что они намеревались привлечь в помощь местным подпольщикам не менее 300 военнослужащих Чехословацкого корпуса из Новониколаевска. И, наконец, был обнаружен приказ подпольному штабу – провести операцию по затоплению в устье Томи нескольких пароходов с целью: воспрепятствовать томским коммунистам бежать из города по реке. Однако главная информация – дата и время начала вооруженного выступления – в тот раз каким-то образом всё-таки ускользнула из рук томских чекистов.

Арестованные руководители эсеровского подполья, успевшие на своём совещании назначить конкретную дату начала антисоветского мятежа в Томске, вряд ли что-либо сообщили на сей счёт во время допросов*. (Хотя, это только наши предположения.) Но, тем не менее, большевикам, в конце концов, всё-таки удалось тогда выведать столь желанную для них тайну. У историков, занимавшихся исследованием данного вопроса, есть две достаточно правдоподобные версии на этот счёт.

По одной из них в тот же самый день, а точнее в ночь на 28 мая, в Томске якобы удалось арестовать ещё одну группу заговорщиков. Во время рейда красногвардейского патруля по уже мирно спящему городу за ставнями одного из домов был замечен свет, и это насторожило караул: ведь комендантский час давно уже наступил. Красногвардейцы решили проверить на всякий случай, нет ли там чего-нибудь криминального, направились к подозрительному дому и тут же напоролись толи на эсеровских боевиков, толи на офицеров-подпольщиков, а возможно – на тех и других одновременно, собранных вместе на нелегальную сходку. Завязалась ожесточённая перестрелка, через некоторое время сюда же прибыл дополнительный вооруженный отряд красных в количестве 20 человек во главе с самим начальником городской пролетарской гвардии тридцатилетним поляком *Феликсом Галинским*. Подпольщики сопротивлялись отчаянно, несколько человек из числа красных бойцов получили ранения, в том числе их командир *Галинский***. Однако ввиду численного превосходства противника, боевики вскоре прекратили сопротивление и отступили, рассеявшись в спасительной ночной темноте.

И всё-таки некоторых из подпольщиков удалось тогда задержать и допросить. И вот с ними, как оказавшими вооруженное сопротивление представителям законной власти, надо полагать, уже не стали особо церемониться. Кто-то из арестованных, возможно, не выдержал допроса с применением физических мер воздействия и выдал, как полагают комментаторы тех событий, не только дату начала общегородского восстания, но и имена некоторых офицеров, находившихся по заданию подпольщиков в рядах городского красноармейского отряда. Таковыми оказались: поручик *Максимов* и штабс-капитан *Николаев*; их тем же следом арестовали.

---

*Арестованные 27 мая эсеры являлись людьми хорошо известными не только в сибирских революционных кругах, но и в столичных. По современным понятиям, они были здесь – в сибирской глубинке – политическими звёздами, причём первой величины, поэтому применять к ним допросы с пристрастием вряд ли бы кто решился тогда, тем более, повторимся, со многими большевиками из советского руководства арестованные социалисты-революционеры находились некогда кто в приятельских, а кто и в настоящих дружеских отношениях, скреплённых совместной отсидкой по тюрьмам и ссылкам.

**Вследствие полученного тяжелого ранения Галинский вынужден был оставить свой пост, и его сменил в должности начальника томского городского отряда Красной гвардии двадцатидевятилетний рабочий-большевик *Матвей Ворожцов.*

Точно известно также, что 28 мая был задержан и бывший прапорщик (по другим сведения – поручик), а к тому времени уже священник *Николай Златомрежев*. Как писала потом одна из томских газет, его схватили на собственной квартире, отвезли в гостиницу «Европа», «в подвалы совдепа, и оттуда он уже не вышел живым». Жестоким допросам, по всей видимости, подвергся в те дни ещё один демобилизованный прапорщик, член правоэсеровской партии *Иван Иванов*, он и до этого неоднократно задерживался большевиками по подозрению в «контрреволюционной» деятельности, но до того момента ему каким-то образом удавалось избегать ответственности. Однако в трагические дни конца мая судьба оказалась к нему не так благосклонна, как раньше, после ареста он точно так же сразу же бесследно исчез, а в начале июня его труп обнаружили в реке со сломанной, видимо, во время допросов челюстью и выбитым глазом.

Ещё одну версию того, как красным удалось узнать о дне и времени вооруженного выступления, приводит в одной из своих статей упоминавшийся уже нами очевидец тех событий, журналист, а впоследствии известный советский историк *В. Вегман**. По его словам, подпольщики на самое последнее перед восстанием совещание допустили по неосторожности двух большевистски настроенных юношей (Бориса Качинского и Бориса Максимовича), которые, о многом там узнав, сразу же сообщили обо всём в исполком.

Таким образом, благодаря полученным тем или иным способом сведениям у томских большевиков появилась возможность заранее подготовиться к отражению атаки боевых групп заговорщиков. Тем они, видимо, и спасли себя от, возможно, точно такого же сокрушительного разгрома, которому подверглись их товарищи в Мариинске, Новониколаевске и Челябинске. Так из всё той же полученной накануне восстания секретной информации стало известно, что заговорщики планировали нанести удар главным образом по следующим целям: по Дому свободы, где располагался штаб Красной гвардии**, по гостинице «Европа», где уже несколько месяцев размещался губернский исполком и офис ЧК, а также по тюрьме на Воскресенской горе, где содержались в тот момент члены Западно-Сибирского комиссариата ВПАС, ну и, конечно, по военным складам с целью захвата оружия. Узнав об этом, красным оставалось лишь усилить к утру 29 мая охрану данных объектов, укрепить их дополнительными пулемётными точками, а также попытаться нанести упреждающий удар по штабу восстания, который, по полученным сведениям, должен был находиться на момент начала мятежа в здании учительского института***, располагавшегося тогда на улице Александровской (теперь Герцена), почти на самой окраине города. Зданием учительского института в ту пору улица заканчивалась, дальше никаких строений не существовало, только – лес, так что место являлось весьма подходящим для конспирации.

Подпольщики, в свою очередь, узнав о провале, решили, тем не менее, не отменять намеченного выступления. Однако для того, видимо, чтобы фактор внезапности с их стороны каким-то образом всё-таки сработал, они перенесли время начало мя-

*«Сибирские контрреволюционные организации в 1918 г.» – журнал «Сибирские огни», №1 за 1928 г.

**Данной группе боевиков также была поставлена задача – по возможности захватить расположенные неподалёку так называемые арестантские роты и освободить томившихся там в неволе политических узников.

***Теперь это учебный корпус №2 Томского государственного педагогического университета.

тежа с семи часов утра на четыре часа ночи 29 мая*. Но и эту точку отсчёта потом уже, видимо, по ходу дела им также пришлось скорректировать. В статье *Вегмана*, опубликованной сразу по горячим следам тех событий («Знамя революции», №105 за 30 мая 1918 г.), говорится о том, что нападение на Дом свободы началось двадцать минут шестого утра, то есть как минимум на час позже вторично запланированного времени «Х». И всё, видимо, потому, что ударом большевиков по штабу восстания были окончательно спутаны все планы подпольщиков, и они начали атаковать красных уже без какого-либо общего руководства, а каждая группа стала действовать по собственному усмотрению.

На подходах к учительскому институту красные в два часа ночи устроили засаду и провели несколько задержаний прибывавших туда подпольщиков. Там же была перехвачена подвода с винтовками и убит офицер**, сопровождавший этот внушительный арсенал. А несколькими днями ранее совершенно случайно большевики обнаружили ещё и закопанный в земле схрон с оружием. Однажды утром, вскоре после событий у женского монастыря, к часовому Дома свободы подошёл рабочий и сообщил, что в Лагерном саду во время копки песка для ремонта печей он нашёл зарытые в землю винтовки и цинки с патронами. Направленный туда наряд, по воспоминаниям красногвардейца Александрова, конфисковал целый арсенал в сто винтовок, по всей видимости, как раз те трёхлинейки, которые в конце марта похитили со склада 39-го полка и которых недосчитались томские чекисты при раскрытии эсеровского тайника на квартире *Николая Немиро*.

*Кстати, ещё раз о датах. В исторических источниках фигурируют опять-таки различные данные о том, когда началось выступление томских подпольщиков. Одни комментаторы утверждают, что это произошло утром 28 мая, другие – что 29-го, а некоторые – что всё случилось, чуть ли не 30-го и даже 31-го числа. Но чаще всего упоминается всё же ошибочная дата 28 мая. Её первым ввёл в научный оборот, кажется, сам классик – *В. Вегман*. Чем можно объяснить такую ошибку, допущенную со стороны не только уважаемого многими историка, но и, в первую очередь, очевидца всех тех событий, – мы затрудняемся сказать. Скорей всего, какой-то случайностью, просто опрометчивой недоработкой или даже, возможно, элементарной типографской опечаткой. Но не это, однако, суть важно; проблема в том, что данная ошибка без всякой дополнительной проверки оказалась потом растиражирована во множестве научных статей и монографий. Некоторые исследователи, правда, пытались со временем оспорить ставшую почти классической дату 28 мая, но как-то всё абсолютно бездоказательно (или, возможно, нам опять-таки, просто, не попались такого рода выкладки), видимо, достаточно трудно было найти какие-то убедительные материалы в первоисточниках на этот счёт. И действительно, во многих газетах тех дней, которые являются главными и, к сожалению, единственными, порой более или менее объективными свидетелями происходивших в те дни событий, мало что есть конкретного по поводу спорной даты. Чаще всего там пишут: или «несколько дней назад», или «незадолго до бегства большевиков из города», или ещё что-нибудь подобное и в том же духе. И вот вдруг совершенно случайно в томской газете «Голос народа» (№144 за 1918 г.) мы наткнулись на небольшую заметку следующего содержания: «28 ноября мать, отец, брат и сёстры поручика *Прохорова-Кондакова* заказали заупокойную всенощную в Петропавловской церкви по случаю полугодового дня кончины поручика. А 29-го числа была отслужена заупокойная литургия в женском монастыре на могиле усопшего». Абсолютно точно известно, что поручик *Прохоров-Кондаков* получил тяжелое ранение во время того самого вооруженного выступления боевых групп томских подпольщиков, о котором мы сейчас говорим, потом взят в плен и вскоре добит в большевистских застенках. И всё это, получается, что произошло ровно полгода назад, то есть именно 29-го мая, ни днём раньше, ни днём позже. Таким образом, у нас есть теперь абсолютно объективное свидетельство, на которое вполне можно опереться в качестве доказательства истинности заявленного утверждения. В той же газете (но только в №3 от 4 июня 1918 г.) приводится ещё один, возможно косвенный, но всё-таки факт: в заявлении перед представителями профсоюзных организаций освобождённый уже к тому времени из тюрьма *Борис Марков* указал, между прочим, что выступление томских подпольщиков намечалось именно на *29 мая*.

**Это по версии *Вегмана*, другие источники утверждают, что тот офицер, которым являлся поручик *Прохоров-Кондаков*, был лишь тяжело ранен в перестрелке.

В завершение наших предварительных замечаний нужно ещё отметить, что силы противоборствующих сторон в Томске находились в количественном отношении в примерном равенстве. У подпольщиков имелись две объединённые боевые группы – эсеровская и офицерская – всего, по всей видимости, не более 700 человек, а у Советов – сравнительно небольшой отряд рабочей гвардии, красногвардейцы-интернационалисты и две вряд ли надёжные роты красноармейцев (пехотинцы и артиллеристы). И хотя подпольщики имели некоторое преимущество в опытных офицерских кадрах, зато томские большевики, так же как и их товарищи в других городах Сибири, обладали значительным и, главное, качественным превосходством в вооружении. Таким образом, шансы на победу у заговорщиков, с учётам всех этих обстоятельств, а также многочисленных неудач, предшествовавших их выступлению, были не так уж и велики. Им явно не помешала бы в тот момент помощь со стороны чехословаков, но ни одного батальона с легионерами на железнодорожных станциях Томска, а также в непосредственной близи от города в тот момент не наблюдалось. И всё-таки томские оппозиционеры приняли решение – выступить...

Утром 29 мая сразу в трёх местах города, как свидетельствуют источники, разгорелись бои. В районе Дома свободы, у здания исполкома, а также около учительского института. Как писал *В. Вегман,* «из разных углов местности... начали выходить небольшие группы белогвардейцев», так же как и в Новониколаевске, с *бело-зелёными* повязками на рукавах. Эти люди ещё до наступления комендантского часа успели вечером 28 мая рассредоточиться по конспиративным квартирам, чердакам, подвалам и другим укромным местам*.

Интенсивная перестрелка (два-три залпа, потом – одиночные выстрелы) между противоборствующими сторонами продолжалась, в общей сложности около пяти часов и начала стихать лишь только к 10 часам утра. Однако редкие отзвуки вооруженного противостояния были слышны ещё примерно до часу дня.

Самый ожесточённый бой утром 29 мая произошёл, по всей видимости, у Дома свободы. Здесь находились основные силы красногвардейцев, сюда же были направлены, надо полагать, и лучшие боевые группы повстанцев. Краткую зарисовку этого уличного сражения сделал несколько дней спустя всё тот же *Вениамин Вегман*, находившийся во время тех событий как раз в Доме свободы.

– Вставайте!.. Началось!..

Я протираю глаза.

– Что такое? – спрашиваю.

– Перестрелка началась!

Я взглянул на красногвардейца и сейчас же догадался в чём дело.

– Уходите из своего кабинета!

– Зачем?

– Уходите – говорю вам.

И не успел он проговорить последнее слово, как послышался сухой треск оружейных пуль, которые врезались в стену дома. Послышался звон стекла.

Я взглянул на часы, было 20 минут шестого.

Я вышел из кабинета и пошёл осматривать, что делается в других углах дома.

---

*Большевики, как сообщала впоследствии газета «Голос Сибирской армии» (№20 от 29 мая 1919 г.), об этом распоряжении подпольного штаба также сумели узнать и ограничили движение по городу не с десяти часов вечера, как обычно, а уже с восьми, выставив дополнительные патрули и даже броневики, курсировавшие по центру города в тот вечер.

Кругом – движение на диво упорядоченное. Наша молодая Красная гвардия, как я – большой скептик – лично убедился, хорошо дисциплинированна.

Отряды то уходят, то приходят и каждый раз приносят трофеи: то арестованных белогвардейцев, то захваченные револьверы и винтовки.

Стреляли главным образом из городского сада. Красногвардейцы отдельными отрядами начали наступать и теснить, а затем и окружать наступающих белогвардейцев.

Вскоре был захвачен первый отряд белогвардейцев – 24 человека. Их повели в караульную команду. Вслед за тем в Дом свободы доставили воз с винтовками. Офицер, взявшийся, как видно, доставить винтовки в Учительский институт, где находился штаб, убит.

Теснимые со всех сторон, многие белогвардейцы – на рукавах у некоторых из них были повязки из материи белого и зелёного цвета – побросали ружья, револьверы и патроны, которые потом находили в саду и даже на улицах. («Знамя революции», №105 за 30 мая 1918 г.)

Обстрел Дома свободы вёлся в то утро не только с территории Городского и Соборного садов, но и с чердаков некоторых близлежащих зданий, и вроде бы как даже из слухового окна одного из них по красногвардейцам прицельно и весьма умело строчил пулемёт (маловероятно, однако сообщения об этом имеются). Опасность захвата оплота революционного большевизма, таким образом, была, видимо, достаточно велика, но, тем не менее, красным всё-таки удалось отстоять свою цитадель, после чего перейти в наступление и, выражаясь совсем уже военным языком, полностью опрокинуть противника. Ровно с тем же результатом закончились примерно к 10 часам утра бои и в других районах города. Все объекты, подвергшиеся атаке со стороны мятежников, Советам удалось удержать, захватить пленных и даже уничтожить некоторое количество боевиков. Потери же самих красных в тот день оказались совсем невелики: один красногвардеец по фамилии *Герасименко** получил тяжелое ранение в живот, а ещё один – Потеряев – погиб. К сожалению, не обошлось без жертв и со стороны мирного населения. Так, смертельное ранение получила одна пожилая женщина, спешившая в то злополучное утро на улицу Торговую (ныне Вершинина) пораньше занять место на продовольственном базарчике.

Положение большевиков, несмотря на одержанную победу, оказалось, тем не менее, довольно шатким. Во-первых, вскрывшаяся накануне измена в рядах красноармейских подразделений, сильно подорвала доверие Советов к ним, и военно-революционный комитет, по некоторым сведения, практически не использовал их для борьбы с мятежниками, опасаясь перехода набранных по контракту военнослужащих на сторону эсеро-белогвардейских боевиков. Во-вторых, более преданные, с этой точки зрения, отряды пролетарской и интернациональной гвардии были уже достаточно утомлены не прекращавшимися уже несколько дней круглосуточными дежурствами да вдобавок ко всему оказались ещё и изрядно потрёпаны в результате только что закончившегося многочасового боя.

*Его сразу же поместили в больницу, хирург сделал удачную операцию, так что вскоре он уже пошёл на поправку. После того как красные оставили Томск, новые власти тут же распорядились выставить у постели *Герасименко* караул, чтобы тот не сбежал, и, как только поправится, перевести его в тюрьму. По замечанию *Вегмана*, *Пётр Герасименко* был парень очень крепкого телосложения да к тому же не из робкого десятка, он постоянно задирал своих охранников, и вот однажды утром его нашли задушенным прямо в больничной палате, по официальной версии – «повесившимся»...

Поэтому во избежание повторного вооруженного выступления со стороны оппозиции, которое на этот раз, возможно, могло и пересилить потенциал красных, томские большевики решили прибегнуть к элементарному запугиванию своих противников и развесили днём 29 мая по улицам официальное объявление, подписанное председателем военно-революционного штаба *Семёном Канатчиковым*. В нём мятежники извещались о том, что, в случае возобновления ими боевых действий, красная артиллерия сразу же начнёт обстрел «тех мест города, где таковые попытки последуют». Для большей убедительности в устье реки Ушайки была поставлена на якорь баржа с размещёнными на ней несколькими пушками, стволы которых навели на торговую часть в центре города, откуда, предположительно, и ожидалось нападение на губисполком. Пушки, кстати сказать, установили на особых платформах, при помощи которых они достаточно легко и быстро поворачивались в любую сторону.

И толи это предупреждение подействовало, толи силы мятежников также оказались уже изрядно истощены, но только к часу дня 29 мая повстанцы полностью прекратили вооруженное сопротивление властям, и стрельба в Томске окончательно утихла. Есть сведения, что вооруженная оппозиция, реально оценив свои возможности, решила не предпринимать больше попыток самостоятельно свергнуть власть большевиков, а попросить помощи у чехов. По распоряжению штаба мятежников, в Новониколаевск к легионерам направили специального представителя, а проще говоря – гонца. История даже сохранила нам его фамилию – А. Чернецкий. Наступавшие с запада по Транссибу чехословаки уже успели к тому времени захватить Юргу (28 мая) и Яшкино (29 мая), так что до них было совсем рукой подать. Однако на их пути ещё находилась станция Тайга, контролировавшаяся достаточно сильным красным гарнизоном из Томска.

Несмотря на полное прекращение боевых действий, напряженность в Томске 29-го и 30 мая не спадала. «*Город,* – по воспоминаниям одного из безымянных очевидцев, – *как-то насторожился и сосредоточился. Неровно и тревожно шли занятия в учреждениях. С тревогой и шумом носились по мостовой советские автомобили и грузовики. Тяжко громыхая, проползла куда-то мортирная батарея. На заборах появился свежий и сырой от клейстера декрет: «Ввиду предательского выступления белогвардейских банд, военно-революционный штаб предупреждает граждан Томска, что в случае новых попыток выступления будет открыт артиллерийский обстрел...». Появились слухи, что чехи подходят к Тайге с востока и запада, и даже вроде бы имя Гайды впервые прозвучало уже в эти дни*» («Голос Сибирской армии», №20 от 29 мая 1919 г.).

Находившиеся в крайнем напряжении большевики теперь, когда выступление вооруженной оппозиции в городе вроде бы временно прекратилось, с нетерпением ждали последних известий из Тайги от военного коменданта *Лебедева* о том, как развиваются события на порученном ему для контроля 75-километровом участке железнодорожного пути Тайга-Яшкино-Юрга. Прорваться до станции Юрга, как мы уже поясняли, необходимо было для того, чтобы соединиться там с наступавшим с юга отрядом добровольцев из Кемерово, Кольчугино и других рабочих посёлков Кузбасса. После чего совместными усилиями этой объединённой пролетарской группировки планировалось атаковать Новониколаевск и выбить из города мятежных чехословаков.

В тот ответственный момент проявили революционную сознательность и представители городского союза фронтовиков, рядовых участников минувшей войны, стоявших по преимуществу на левых политических позициях. Как вспоминает *В. Вегман**, придя в губисполком, они заявили о желании сформировать из своего состава отряд добровольцев для отправки на тайгинский фронт. Данное предложение большевики конечно же восприняли как дельное и при этом весьма своевременное, но вместе с тем у них возникли некоторые опасения по поводу того, а не повернут ли фронтовики оружие против советской власти, и поэтому объявили им, что винтовки и пулемёты они получат не в Томске, а только после того, как прибудут на станцию Тайга в распоряжение коменданта *Лебедева*. На том, собственно, и порешили, однако выполнить данный план в полном объёме, кажется, так и не удалось.

В те дни в Томске начала осуществляться ещё одна тактическая задумка большевиков, также направленная на успешное осуществление операции по освобождению Новониколаевска. Товарищам *М. Сумецкому* и Е. Фефуру военно-революционный штаб поручил срочно привести в порядок и вооружить два речных парохода для того, чтобы по получении известий о взятии *Лебедевым* Юрги немедленно перебросить на этих бортах по Томи и Оби в район Новониколаевска дополнительные силы и нанести удар с тыла по частям чехословацких мятежников**. Таким образом, к вечеру 30 мая на пары было поставлено, как и планировалось, два парохода. Один большой – под названием «Ермак»*** и другой – поменьше, с новым революционным именем «Федеративная республика». На нижнюю палубу «Ермака» втащили несколько лёгких орудий и около 30 станковых пулемётов, а также другое, более лёгкое вооружение и боеприпасы.

---

*Здесь и дальше мы цитируем, пожалуй, самую известную его статью под названием «Как и почему пала в 1918 г. Советская власть в Томске», опубликованную в журналах «Сибирские огни» (№1-2 за 1923 г.) и «Путь борьбы» (вып.1 за 1923 г.).

**Даже по этому незначительному эпизоду видно, что глубоко ошибались те, кто считал большевиков полными неумехами в военном деле. Противника ни в коем случае нельзя недооценивать – золотое правило всех знаменитых полководцев.

***В Сибири флагманы большинства речных флотилий, как правило, называли именем Ермака, и это понятно. В России самый знаменитый былинный герой – Илья Муромец, а у нас – сибиряков – Ермак Тимофеевич. Ермак был сам выходцем из простого народа (хотя и из казачьего сословия), поэтому и при советской власти всегда считался положительным героем (ну как же, открыл путь в сказочно богатую колонию, доставшуюся коммунистам в наследство от самодержавия). Чего нельзя сказать, например, о другом, ещё более знаменитом, казаке – Степане Разине, навсегда сохранившемся в благодарной памяти русского народа в образе «разбойника лютого», истинного защитника всех «униженных и оскорблённых», неистребимый дух которого витал и витает до сих пор по необъятным просторам нашим. Мятежный и непокорный атаман, истинный народный вождь на все, как говорится, времена и общественно-политические формации. И надо сказать, что-то вот не припомнится нам, чтобы при какой-либо власти (при царской ли, при советской ли, а при нынешней – тем более) любили называть именем Степана Разина ну хотя бы пароходы... Непопулярная, значит, тема: была, есть и долго, видимо, ещё будет. Вспоминается в связи с этим один очень драматичный эпизод середины 70-х годов прошлого века: страдавший язвой желудка писатель и кинорежиссёр (сибиряк) Василий Шукшин неожиданно умирает от... сердечного(!) приступа в расцвете творческих и жизненных сил, именно тогда, когда намеревался приступить к съёмкам фильма о Степане Разине под названием «Я пришёл дать вам волю»...

И был бы «Разин» в этот год!
Натура где – Онега, Нарочь?
Всё печки-лавочки, Макарыч,
Такой твой парень не живёт!»
В. Высоцкий. На смерть Шукшина.

Кажется, – немного подалась криптограмма...

В пять часов вечера 30 мая *Вегман* зашёл в губисполком и с удовлетворением отметил для себя, что там царит очень благоприятная обстановка («Заря», Томск, №12 от 9 июня 1918 г.). Только что из Тайги пришло сообщение об успешном бое в районе Юрги, о том, что противник разбит и в панике отступает к Новониколаевску. В этих условиях военно-революционный штаб планировал уже к утру следующего дня отправить по железной дороге на запад около 150 добровольцев-фронтовиков, а по реке – отряд красноармейцев в район Новониколаевска. Всё складывалось настолько удачно, что члены штаба поручили *Вегману* отразить данное обстоятельство каким-то образом в завтрашнем номере «Знамени революции». Посоветовавшись с товарищами, Вениамин Давыдович решил разместить на передовой полосе своей газеты специальный политический «аншлаг», извещавший городское население обо всех последних победах советской власти в борьбе с мятежниками. Заголовок редакционной статьи, по замыслу автора, должен был быть набран большими буквами через всю страницу и звучать следующим образом: ««Никогда ещё Советская власть не стояла так прочно и незыблемо, как теперь».

2. Бегство

И вдруг, буквально через несколько часов, обстановка в губисполкоме изменилась самым что ни на есть кардинальным образом. Когда в 11 часов вечера того же дня *Вегман* вновь пришёл в здание бывшей гостиницы «Европа», то «сразу же почувствовал что-то недоброе». Далее, проходя мимо кабинета секретаря исполкома *Фаддея Орлова*, он разглядел в полуоткрытую дверь, что последний занят сортировкой документов, часть из которых он нервно рвал в клочки, а другие тщательно упаковывал в ящики. «Эта работа в такой неурочный и тревожный час меня озадачила. – Что это вы делаете? – спрашиваю. – Скоро узнаете. Зайдите в штаб».

И через некоторое время Вениамину Давыдовичу рассказали вот что: информация об удачных для красных боях под Юргой оказалась крайне запоздалой и оттого абсолютно неверной. Успешный поначалу бой за станцию произошёл ещё во вторник 28 мая, но, поскольку телеграфное сообщение чехословаки во многих местах уже прервали, известия с фронта, по меркам военного времени, шли непростительно медленно. Поэтому, когда в Томске днём 30 мая получили, наконец, телеграмму из Тайги о победе под Юргой, станция к тому времени была уже как сутки вновь отвоёвана восставшими легионерами. Более того, 29-го числа чехословаки выбили красных уже и из Яшкино – примерно в 30 километрах от Тайги.

События под Юргой, как выяснилось, развивались следующим образом*. Вместе с частями под командованием *Ивана Лебедева* на станцию Тайга 26-27 мая прибыл и небольшой отряд интернационалистов (50 бойцов) под началом венгра *Имре Силади*. Спустя некоторое время по приказу *Лебедева* воины-интернационалисты выдвинулись вперёд, в район полустанка Яшкино, где наткнулись на подразделение чехословаков. Здесь они сразу же вступили в бой, в ходе которого опрокинули и даже начали преследовать мятежников. В завершение операции, что называется на плечах противника, красногвардейцы ворвались на станцию Юрга и вскоре захватили её.

*Этот эпизод мы, как смогли, восстановили по воспоминаниям командира красногвардейской интербригады Томска венгра *Ференца Мюнниха*.

Однако, сильно увлёкшись атакой, интернационалисты на довольно значительное расстояние оторвались от основных сил, в результате чего они вскоре были окружены, а потом и полностью уничтожены. В неравном бою погиб и сам *Силади*.

Об этом, собственно, и сообщалось в телеграмме *И. Лебедева*, которая пришла в Томск из Тайги поздно вечером 30 мая. Во второй части поступившей фронтовой сводки содержалась ещё более обескураживающая информация: ввиду многократно превосходящих сил противника, томский отряд вынужденно оставил без боя станцию Тайга и отступил к Томску. Данную телеграмму военно-революционному штабу, собравшемуся в 12 часов ночи на своё расширенное заседание, зачитал член штаба *Борис Гольдберг*. Здесь на экстренном собрании в ту трудную для томских большевиков ночь присутствовали члены губисполкома, командиры красногвардейских и красноармейских частей, а также другие ответственные советские работники.

Такое представительное совещание и в столь поздний час собрали в ночь на 31 мая для того, чтобы решить один очень трудный вопрос: что делать дальше? Всем стало ясно, что уже через несколько часов под городом появятся вооруженные до зубов батальоны мятежного капитана *Гайды*, а внутри самого Томска в то же самое время незамедлительно выступят опять местные боевики-подпольщики.

Шансов противостоять таким силам у томских красных было не очень много. И это тоже все прекрасно понимали. Однако оказать достойное сопротивление («Достойно ли терпеть безропотно позор судьбы иль нужно оказать сопротивленье?»*) томские большевики ещё вполне могли. В их распоряжении находилось около 200 рабочих-красногвардейцев, столько же воинов-интернационалистов, примерно 400 красноармейцев и ещё добровольцы-фронтовики – всего около 1000 человек с более чем 30 пулемётами и 16 артиллерийскими орудиями. Да к тому же к утру ожидали ещё и *Ивана Лебедева* с его отрядом. Как видим, у томских красных имелись очень серьёзные аргументы для того, чтобы ну хотя бы попытаться по-настоящему огрызнуться.

По-гамлетовски настроенная, меньшая (как обычно в таких случаях) часть собрания в лице молодых красногвардейских командиров – *Матвея Ворожцова, Фёдора Зеленцова* и В.И. Репина – предлагала, несмотря на численное превосходство противника, всё-таки дать ему последний и решительный бой на подступах к городу. Держаться столько, сколько представится возможным и, только когда уже не будет других вариантов для продолжения сопротивления, организованно отступить. Однако данное предложение почему-то не вызвало одобрения у остальной части собрания. По наблюдению того же *Вегмана*, все сидели, «понуря головы и погруженные в думы, каждый переживал какие-то тяжелые мучительные минуты». Тем не менее открыто выступить против предложения группы Ворожцова никто всё-таки не решился, но вместе с тем некоторыми из присутствующих стали выдвигаться разного рода мотивации по поводу того, что, может быть, стоит подумать о сохранении своих боевых частей для более важных в дальнейшем войсковых операций. И именно за эту спасительную идею большинство и ухватилось. («Так всех нас в трусов превращает мысль, и вянет, как цветок, решимость наша»**.)

Однако данной лукавой увёрткой явно малодушные поползновения некоторых томских товарищей тогда, к сожалению, ни мало не ограничились. После того, как

*В. Шекспир, монолог принца Гамлета, перевод Б. Пастернака.

**Оттуда же.

«здравомыслящим» большинством было одобрено возникшее как-то само собой мнение о немедленной эвакуации, сразу же стал горячо обсуждаться вопрос о том, как это лучше сделать. Без продолжительных споров участники расширенного заседания сошлись на том, что вернее всего данное мероприятие возможно будет осуществить при помощи речного флота. Сначала поступило предложение – погрузить на пароходы все имеющиеся воинские подразделения, всё вооружение, значительные запасы продовольствия, а также всех желающих выехать из города и в первую очередь – конечно же тех, кому угрожала опасность преследования, а тем более расправы со стороны белых.

Но постепенно и это, достаточно справедливое теперь уже по остаточному принципу, предложение точно так же незаметно замолчали и затёрли, как и предыдущее – о принятии боя с чехами*. При обсуждении новой трудной темы выяснилось, что к эвакуации людей на тот момент готовы лишь два парохода – «Ермак» и «Федеративная республика» – те самые, которые планировали использовать для проведения наступательной десантной операции под Новониколаевском. Для того чтобы подготовить в длительную экспедицию другие суда, нужно было время, а оно у томских большевиков теперь, когда они решили, грубо говоря, поскорее смыться, оказалось теперь в большом дефиците.

Поэтому сразу же после начала обсуждения данного вопроса некоторые из участников совещания высказали мнение, что слишком большой караван в силу своей тихоходности и малой маневренности может стать лёгкой добычей преследователей. Так что разумнее-де будет осуществить эвакуацию двумя стоящими уже под парами и наиболее быстроходными судами – «Ермаком» и «Федеративной республикой». И вот надо же было так испугаться, что это до крайности прагматичное и по большому счёту малодостойное предложение в завершение всего и получило одобрение большинства присутствующих. Ну а поскольку вместимость двух пароходов оказалась весьма ограничена, то и эвакуации теперь подлежали только те, кто по соображениям личной безопасности особенно нуждался в ней. Таким образом, возможность организованно выехать из города и избежать тем самым нежелательной встречи с новыми властями получили только что-то около 400 человек, не более**.

Первые места в списке счастливчиков конечно же по праву заняли ведущие большевистские и советские работники с семьями, а остальное надо было как-то распределить между красногвардейцами, красноармейцами и воинами-интернационалистами. Тут слово взял присутствовавший на заседании с самого его начала *Ф. Мюнних* и заявил, что «военнопленных, служивших в красной гвардии, необходимо эвакуировать, ибо на них в первую голову обрушится белогвардейщина, жаждущая мести; да и чехословаки менее всего будут церемониться с немцами и мадьярами, к которым они питают исконную национальную вражду». Эти слова командира красных интернационалистов сразу же и, похоже, совершенно безоговорочно убедили участников

*Как позже писал *Вегман*, по поведению *Орлова*, а также *Сумецкого* (ответственного за подготовку пароходов), который во время заседания штаба пришёл и о чём-то скрытно доложил «кое-кому», он понял, что «план эвакуации уже заранее предрешен штабом».

**Правда, к уходившей на север «боевой эскадре» из двух судов была прицеплена ещё и та самая баржа с артиллерийскими орудиями, что стояла до этого в устье реки Ушайки. Однако, как позже вспоминали члены экипажа парохода «Организатор», которые встретили большевистскую флотилию 2 июня в районе Нарыма, та уже шла без баржи. Что случилось – толи она случайно оборвалась, толи её отцепили – неизвестно. Скорей всего тяжеловесную грузовую плоскодонку попросту бросили, потому что она замедляла ход спасавшихся бегством красных.

совещания в том, что необходимо, несмотря на ограниченные возможности, всё-таки удовлетворить просьбу дружественных иностранцев в полном объёме, так что те в количестве 250 человек без всяких проблем и очереди разместились на одном из пароходов «ноева ковчега». Оставшиеся совсем уже в малом количестве места заняли советские работники, а также те красногвардейцы и красноармейцы, которые в ту ночь или охраняли здание губисполкома, или находились по долгу службы где-то поблизости от пристани, то есть вовремя узнали об эвакуации и смогли в отличие от многих других своих товарищей ею воспользоваться.

Ещё одной трудной дилеммой на расширенном заседании военно-революционного штаба стал денежный вопрос. С кратким докладом по данной проблеме выступил опять *Борис Гольдберг* – заведующий финансовым отделом губисполкома. Он сообщил, что в городском отделении Госбанка на тот момент находилось 60 миллионов бюджетных рублей, а также два с половиной миллиона из тех, которые томским большевикам удалось в марте вытребовать в качестве контрибуции у местной буржуазии, и ещё 200 тысяч рублей хранились в сейфе губисполкома. Репин от имени всё той же группы напористых красногвардейских командиров предложил полностью изъять всю наличность, а также золото из банка и забрать всё с собой. Однако и это максималистское предложение молодёжи было отвергнуто большинством присутствовавших, а одобрено следующее решение: поскольку значительная часть бюджетных средств предназначалась для выплаты заработной платы рабочим и служащим, то не стоит ни в коем случае посягать на общегородские деньги, а равно с ними – и на всё остальное*, забрать же с собой имеет смысл только те 200 тысяч, что находились в непосредственном ведении кассиров губисполкома**.

Ну и, наконец, последним, заключительным, актом большевистского совещания в ночь на 31 мая стало выступление командира 1-й советской гаубичной батареи *Евгения Ильяшенко*. Он заявил, что вместе с другим своим коллегой, военспецом *О.Я. Устьяровым,* отказывается от эвакуации и остаётся по собственному желанию в городе для того, чтобы силами вверенных ему и *Устьярову* воинских подразделений обеспечить в губернском центре правовой порядок на переходный период. Но для этого, по мнению самого *Ильяшенко*, ему, прежде всего, нужен был специальный сопроводительный документ о его полномочиях, а также по возможности точная установка – какой политической организации передать власть в Томске. Неожиданное

*Некоторые из антисоветски настроенных комментаторов полагали, правда, что томские совдепщики за оставшееся до отъезда время просто не успели забрать всю наличность с собой. Нужно было разыскать управляющего банком и кассира, у которых находились ключи от сейфов, потом погрузить и доставить на пароход достаточно большое по объёму количество денег, а ещё и золото. Всё это в конечном итоге могло-де закончиться большим переполохом и сорвать отъезд по-тихому, что называется.

**После того, как власть в Томске перешла в руки оппозиции, их газеты, особенно в первые дни после реставрации демократии, по вполне понятным причинам выходили со статьями тенденциозно-обличительного характера. И некоторая часть материалов была посвящена как раз «казнокрадству» большевиков, которые обвинялись в том, в частности, что в ходе своего «позорного бегства» из города не забыли прихватить и всю банковскую наличность. Однако вскоре с опровержением этих досужих домыслов выступил управляющий томским отделением Госбанка Х. Грингоф, который в докладной записке в адрес городской думы указал, что ни одного рубля из сейфов его банка большевики 31 мая не взяли. Более того Грингоф сообщил, что в феврале 1918 г., когда он принял в качестве комиссара томское отделение Государственного банка, в его хранилищах находилось всего 10 миллионов рублей, а после того, как ушли большевики, в том же банке их оказалось 60 миллионов наличностью. Так что город за период советской власти оказался в финансовом плане даже в многократной прибыли – с учётом инфляции, конечно.

заявление молодого красноармейского командира несколько озадачило участников совещания, а некоторых вроде бы как даже и позабавило. Вениамин *Вегман* так описывал тот эпизод.

Как ни грустно было на душе, но это заявление вызвало у всех улыбку, а многие даже громко расхохотались.

— Передайте, кому хотите, – заметил один.

— Но только не эсерам, – бросил кто-то вдогонку.

— Так кому же? Меньшевикам? – спросил Ильяшенко.

— Да, да, да! Передайте меньшевикам, если хотите. Это будет так пикантно! – послышались голоса.

Видя, что Ильяшенко хочет до конца выполнить свой долг по всем правилам военного искусства и обычаям военной чести и морали, совещание постановило снабдить его таким документом, которого он добивался. Тут же и при моём содействии сделали набросок текста, который и передали мне, чтобы отпечатать его на машинке в трёх оттисках.

На этом расширенное собрание военно-революционного штаба завершило работу, его участники сразу же поспешили по домам – оповещать близких и родственников о предстоящей эвакуации и собирать самое необходимое в дорогу. Некоторые из тех, кто жил на окраине города, покинули совещание ещё раньше, боясь опоздать к отходу пароходов, которое намечено было на 4 часа утра*. В это время *Вегман* вместе с *Ильяшенко* отыскали в здании губисполкома одну из ответственных машинисток, которая и отпечатала им необходимый документ.

Томск, 1918 г. 31 мая.

Революционный Штаб, обсудив, ввиду приближения чехословацких эшелонов, положение дел, постановил:

Дабы избежать кровопролития и не подвергать город разгрому, эвакуироваться, передав власть над городом томской организации РСДРП (меньшевикам-интернационалистам) и забрав с собой имеющуюся на руках советскую кассу для передачи её общегосударственной советской кассе. Из остальных советских средств, хранящихся в томском отделении Народного банка, предлагается уплатить за вторую половину текущего месяца жалование служащим советских учреждений, а оставшуюся сумму предназначить для содержания детских приютов и богаделен, не находящихся на иждивении частных лиц. Революционный штаб, вынося настоящее постановление, находится в уверенности, что новая власть над городом возьмёт под свою защиту оставшихся в Томске сторонников Советской власти, как например, красногвардейцев, красноармейцев и др. Выполнение постановления о передаче власти над городом поручается командиру 1-й томской советской гаубичной батареи – Ильяшенко и командиру 1-го советского стрелкового полка Устьярову.

Этим же начальникам поручается до передачи власти освободить из заключения всех идейных противников Советской власти.

Члены Томского Военно-Революционного Штаба.

---

*В возникшей спешке часть советских и партийных работников толи не успели, толи попросту забыли оповестить об эвакуации, так что они проснулись 31 мая, ничего не ведая, уже в захваченном белогвардейцами городе. А некоторые, хотя и были в курсе всего происходящего, по какой-то причине приняли решение не участвовать в организованном бегстве и Томск не покинули. В числе последних оказались такие высокопоставленные функционеры как *В.Ф. Тиунов* – председатель горисполкома и Ф.Д. Кузнецов – председатель Томского уездного совдепа.

Получив один из экземпляров на руки и решив до конца исполнить все формальности, *Ильяшенко* помчался на пристань для того, чтобы заверить только что отпечатанный мандат у членов военно-революционного штаба. «И вскоре этот документ, – пишет *Вегман*, – украсился тремя подписями:*Канатчикова*, *Гольдберга* и *Синёва*».

Город стал постепенно пустеть в том смысле, что из него, как и год назад, начала исходить официальная власть (представительство в Томске очередного колониального российского абсолютизма). Многие советские историки, а точнее сказать – большинство, в общем-то оправдывали потом томских коммунистов, которые якобы по вполне «разумным» соображениям военной тактики, сдали город врагу фактически без единого выстрела. Ни слова упрёка... А те, кто пытался хоть как-то раскрыть глаза на имевшее место предательство, совершенное по отношению к своим ещё сражавшимся тогда товарищам под Мариинском и Омском, сначала, образно выражаясь, мыкались по лагерям, а потом – по кочегаркам и «домам кукушки»... Тяжёлое было время в этом смысле... Однако кто скажет, что искателям исторической правды легко сейчас – при новой демократической власти?.. Хотя, может быть, всё-таки стало немножко полегче – после того, как красные сами ушли.

Вениамин Вегман, несмотря на грозящую ему серьёзную опасность, также решил остаться в городе и разделить таким образом участь тех, кто не смог по разным причинам эвакуироваться вместе с «избранными». Вдвоём с Карлом Янсоном он в последний раз обошёл в то утро опустевшие кабинеты губисполкома (бывшие жилые комнаты гостиницы «Европа»). В одной из комнат они обнаружили орудийные замки. В силу невозможности увезти с собой всю артиллерию городского гарнизона красные решили снять с орудий замковые части, уложить их в ящики и забрать с собой, однако «эвакуационная лихорадка всех вывела из равновесия», и их попросту забыли на полу в губисполкоме. Когда закончили осмотр и вышли на улицу, то в городе уже начало светать. Попрощавшись, Янсон с захваченной по пути пишущей машинкой в руках сел в автомобиль и отъехал в сторону пристани, а *Вегман* остался у брошенного здания теперь уже совершенно один. «Над рекою стоял легкий сизый туман, на фоне которого рельефно выделялся силуэт вооруженного «Ермака», к которому пешком и на лошадях стягивались со всех сторон собирающиеся эвакуироваться. Раздался первый гудок. Как больно резанул он моё ухо! Ещё два гудка – и они уедут! Скорей бы!».

Зачинался последний день весны и одновременно первый день новых, долгожданных перемен (долой колониальное прошлое!), небывалых ещё для Сибири исторических надежд и свершений, о которых мечтали и за которые боролись не одно, а несколько поколений сибирских областников и каковые должны были теперь воплотиться, наконец, в создании Сибирской демократической республики... со своим временным парламентом и с собственным временным правительством, избранным в январскую стужу в Томске на заседании **«последних»** депутатов разогнанной большевиками Сибирской областной думы.

В завершение той бессонной ночи, как писал *Вегман* («Заря», Томск, №12 от 9 июня 1918 г.), нужно было выполнить ещё одну очень трудную, но необходимую миссию: поскорее известить обо всём случившемся находившихся в Доме свободы красногвардейцев, по-прежнему нёсших там круглосуточное дежурство из-за угрозы новой атаки со стороны эсеро-белогвардейских боевиков. Миссия *Вегмана*, надо полагать, представляла определённые трудности не только с морально-этической и

психологической точки зрения, но и элементарно создавала угрозу для его жизни, ибо – никто не мог предсказать заранее, и в первую очередь сам Вениамин Давыдович, как поведут себя красногвардейцы, узнав, что их бросили на произвол судьбы, а по сути оставили в прямом смысле на растерзание врагам.

Чего наслушался и натерпелся тогда в Доме свободы редактор «Знамени революции» – можно себе только представить. Он никогда потом публично никаких деталей того разговора не воспроизводил, а лишь ограничился однажды в высшей степени взвешенной по своей политкорректности выдержкой:

Не стану описывать ту горечь обиды, которую переживали красногвардейцы. Их пролетарскому негодованию ещё долго не было конца.

— Что же скажут горожане? Трусами они обзовут нас.

— Надо было дать бой чехословакам! Лучше смерть, чем такое постыдное бегство!

Вегмана, надо полагать, спасло в то утро от гнева красногвардейцев во многом лишь то обстоятельство, что он, так же как и они, оказался (причём добровольно) в числе «брошенных», то есть обречённых на неминуемое преследование со стороны тех, в чьи руки переходил контроль над городом, и среди которых, как все прекрасно понимали, находились люди по разным причинам, вряд ли склонные что-либо прощать большевикам, а также их активным сторонникам. Однако вместе с тем надо признать, что Вениамин Давыдович находился, если так можно выразиться, немного в более привилегированном положении, чем, допустим, рядовые красногвардейцы. Он в любом случае мог рассчитывать на некоторое снисхождение со стороны победившей власти, поскольку её костяк составляли эсеры, со многими из которых *Вегман* был прежде на короткой, что называется, ноге. Так, в частности, он некогда находился в приятельских отношениях с лидером ЗСК *Павлом Михайловым*. Кстати, последнего, а также всех арестованных 27 мая участников подпольной конференции, а равно с ними и других политических заключённых, находившихся в тюремном изоляторе на Воскресенской горе, освободил в половине седьмого утра 31 мая по поручению *Ильяшенко* некто *Михаил Лившиц* («Голос Сибирской армии», №20 от 29 мая 1919 г.).

После трудного разговора в Доме свободы Вегман сразу же направился ещё и на станцию Томск-I, чтобы встретить там прибывавшего из Тайги *Ивана Лебедева* с его отрядом. Однако в службе пути ему сказали, что эшелон прибудет только через два часа, и никак не раньше*. Эмоции и усталость от пережитого за последние часы взяли, наконец, своё, и *Вениамин Давыдович* решил просто пойти к себе домой и хотя бы немного поспать.

Проспал он, по его словам, довольно долго, а когда проснулся, то увидел, что в городе вовсю распоряжается уже совсем другая власть. За окнами его квартиры пеше и на лошадях передвигались вооруженные люди с *бело-зелёными* повязками на рукавах, а вскоре стали появляться и конвойные с первыми арестованными. Тогда наш герой определился во мнении, что больше уже никуда не пойдёт и будет дожидаться ареста у себя дома. Но, безрезультатно прождав почти до самого вечера, он, наконец,

*Возвратившийся со ст. Тайга бывший комендант Томска *И.В. Лебедев*, таким образом, сильно опоздал и, соответственно, также не успел эвакуироваться из города в числе «избранных». Поняв, что он вместе со своим отрядом брошен на произвол судьбы, *Лебедев* без сопротивления сдался в плен новым властям.

не вытерпел и тоже вышел на улицу – подышать «воздухом свободы». У гостиницы «Россия» (сейчас облвоенкомат), из ресторации которой доносилась победно-весёлая музыка и громкие голоса праздничного застолья, он неожиданно встретил одного из руководителей победившей власти – *Павла Михайлова* и от него узнал, что может не опасаться ареста, поскольку ордер на его задержание пока аннулирован по распоряжению членов Западно-Сибирского комиссариата...

На фоне безудержного обывательского веселья, с одной стороны, и арестов, а где и прямых расправ над бывшими приверженцами советской власти – с другой два интеллигента-революционера, в прошлом – сотоварищи по революционной борьбе, а теперь – непримиримые политические противники, немного поговорили друг с другом и, сухо раскланявшись, разошлись, как ни в чём не бывало в разные стороны, как будто один другому только что уступил не власть над городом, а партию в бильярд.

А что же меньшевики-интернационалисты, которым томские коммунисты формально передали свои полномочия по управлению городом и губернией? Ну, во-первых, по свидетельству меньшевистской газеты «Алтайский луч» (Барнаул, №81 за 1918 г.), таковых социал-демократов – приверженцев самого левого крыла в меньшевистской партии – в Томске вообще ни одного не было, в городе функционировала лишь небольшая организация меньшевиков-оборонцев, то есть правых представителей РСДРП(м)* – и всё. Вот им-то, собственно, и пришлось ночью 31 мая официально принимать власть.

По сообщению корреспондента той же барнаульской газеты, в два часа ночи на квартире одного из томских меньшевиков неожиданно зазвонил телефон. Слегка, по всей видимости, испуганный человек, встревоженный столь ранним звонком, взял трубку и узнал, что по решению губисполкома ему и его товарищам по партии передаются все функции политической власти в Томске. Плохо ещё соображающий спросонья, только что разбуженный политик, мало что понимая из услышанного, пытался, наверное, вспомнить, не первое ли сегодня апреля и не разыгрывает ли его кто-нибудь. Потом сообразил, что вроде бы нет: на календаре – 31 мая. «Ах, да! Позавчера в городе был бой. Ну, правильно, теперь, всё ясно: наверное, что-то случилось из ряда вон выходящее и нужно срочно ехать в “Европу”».

Ильяшенко, получив мандат военно-революционного штаба, также начал сразу же объезжать квартиры томских меньшевиков, которые, спустя некоторое время, собрались в здании бывшего советского исполкома. «Вступив во владение пустым местом», томские плехановцы, посовещавшись, решили передать делегированную им большевиками власть в руки городской думы, что вскоре они и сделали. Вместе с тем о своих полномочиях на общее руководство в тот же день заявил и Западно-Сибирский комиссариат Временного правительства автономной Сибири. Днём 31 мая он уведомил об этом всех, в том числе и городскую думу. А на балконе здания городской управы по его распоряжению в тот же день было вывешено сразу два победных знамени: красное – социалистов-революционеров – с начертанными по обеим сторонам

*Данная партийная группа именовалась «Единство», её возглавлял первый русский теоретик марксизма Г.В. Плеханов, который, кстати, как раз накануне – 30 мая 1918 г. – умер в Петрограде. Похоронили Георгия Валентиновича на Волковском кладбище, рядом с его не менее выдающимися предшественниками по русскому освободительному движению: Белинским, Добролюбовым и Писаревым. Позже в этом же некрополе лучших представителей российской интеллигенции была погребена мать Ленина, да и сам Владимир Ильич очень просил, чтобы его похоронили именно здесь...

их извечными лозунгами: «В БОРЬБЕ ОБРЕТЁШЬ ТЫ ПРАВО СВОЁ» и «ЗЕМЛЯ И ВОЛЯ», а также *бело-зелёное – сибирских областников*.

Не менее анекдотичным, если, конечно, приемлемо подобное выражение для тех событий и той обстановки, оказалось то, что днём 31 мая подписчики «Знамени революции», получив очередной номер своего любимого периодического издания, увидели в передовице заголовок, набранный огромными буквами: «Никогда ещё Советская власть не стояла так прочно и незыблемо, как теперь»... Этот же последний выпуск большевистской газеты в тот праздничный день раздавали бесплатно по городу на потеху публике и уличные мальчишки-разносчики.

Однако недолго длилось радостное ликованье, потому как вскоре наступили уже по-военному суровые будние дни. Так, 1 июня на противоположном берегу реки Томи обнаружили обезображенные тела прапорщика *Николая Златомрежева* и поручика *Сергея Прохорова-Кондакова*. Оба героя были казнены по скорому приговору бежавших большевиков, при этом тела их, как признала экспертиза, подвергались сильным истязаниям во время допросов. У *Прохорова-Кондакова*, который тяжелораненым попал в плен во время боёв 29 мая, были даже выколоты глаза. Студентом 4-го курса университета его мобилизовали на фронт, вернувшись в начале 1918 г. по демобилизации в Томск, он сразу же вступил в подпольную организацию. В воскресенье 2 июня в городском кафедральном соборе состоялось отпевание поручика *С.К. Прохорова-Кондакова*, а потом его похороны. Тело *Николая Златомрежева* предали земле несколько позже, поскольку следственный комитет, созданный новой властью, в течение нескольких недель проводил расследование обстоятельств его гибели*. Его отпели и похоронили 25 июня на кладбище Алексеевского мужского монастыря. На крышке его гроба во время церемонии прощания лежали ручные кандалы, в которых *Златомрежева* и нашли уже мёртвым.

Где-то в районе 10-12 июня в прямом смысле слова всплыли (Томь действительно превращалась в речку смерти) ещё две жертвы. Ими оказались члены городской эсеровской организации *Иван Петрович Иванов* и штабс-капитан *Николаев*. Последний, как мы уже указывали, в самый канун восстания оказался разоблачён большевиками как агент подпольной организации, внедрённый в структуру командования городского красноармейского отряда, и арестован. Что касается прапорщика *Иванова*, то он после возвращения с фронта одним из первых примкнул к томским нелегалам и сразу же попал под подозрение к большевистским особистам, его неоднократно задерживали, допрашивали, но потом отпускали. Однако после 29 мая события приобрели совсем другой оборот, да и его прошлый рецидив, видимо, явно не пошёл бывшему офицеру на пользу… Ещё одного члена боевой эсеровской группы – поручика *Максимова*, также арестованного незадолго до начала восстания, а потом бесследно исчезнувшего, по некоторым сведениям, вообще не нашли. Вот те пять жертв, о которых нам стало известно в ходе обработки материалов по изучаемой теме, возможно, их было и больше.

*Материалов данного расследования нам, к сожалению, разыскать не удалось, однако в некоторых комментариях мы встречали сообщения о том, что насильственная смерть этих двух, а также и других арестованных подпольщиков могла произойти даже не по приговору большевистского трибунала, а вследствие самосуда, учинённого над ними красногвардейцами-интернационалистами, которые, возможно, отомстили таким образом за смерть двух своих товарищей, насильно задушенных (сразу было понятно – кем) при помощи телеграфных проводов незадолго до описываемых событий прямо поблизости от их казарм (размещавшихся в Доме науки Петра Макушина).

Подводя, наконец, своего рода итог этим непростым и очень важным историческим событиям, нужно всё-таки подчеркнуть следующие: Томск оказался первым из губернских центров Сибири, захваченным восставшей оппозицией в мае 1918 года. Если ничего не бывает случайным, то данный факт вполне можно признать символичным, да он в общем-то и стал таковым, поскольку спустя ровно три месяца после того, как освобождение пришло в Томск, советская власть была полностью ликвидирована на всей территории Сибири и Дальнего Востока. 31 августа чешские батальоны *Рудольфа Гайды* и сибирские части под командованием *Анатолия Пепеляева* (оба стали уже полковниками к тому времени) в районе станции Оловянная соединились с забайкальскими повстанцами атамана *Семёнова*, а чуть позже – и с легионерами второй чехословацкой дивизии под началом генерала *Дитерихса*.

Томск. 2006 – 2013

ДОСЬЕ

КРАТКИЙ БИОГРАФИЧЕСКИЙ СПРАВОЧНИК ОБ ОСНОВНЫХ УЧАСТНИКАХ ОПИСЫВАЕМЫХ СОБЫТИЙ

А брат твой, а брат твой в Сибири
Давно кандалами звенит.
(Русская народная песня)

Авксентьев Николай Дмитриевич – 40 лет в 1918 г., родился в Пензе, выходец из дворянской семьи. Учился в Московском, Берлинском, Лейпцигском и Галльском университетах, изучал политэкономию и государственное право, но докторскую диссертацию защитил по философии («Культурно-этические идеалы Ницше»), масон. Учась в Московском университете, Авксентьев в конце XIX века примкнул к революционному движению, в 1899 г., опасаясь ареста, уехал за границу. В революционном 1905 г. Николай Дмитриевич вернулся в Россию и вступил в партию эсеров, после чего почти сразу же был избран членом её ЦК. В 1907 г. Авксентьев вновь эмигрировал за границу. В период Первой мировой войны Н.Д. стал одним из лидеров правого крыла эсеровской организации, заняв оборонческие позиции и уступая по авторитету и популярности в партии только представителю умеренных левых (центристов) *В.Чернову.*

После Февральской революции 1917 г. Авксентьев вновь вернулся в Россию, сразу заявив о себе как об одном из ведущих политиков страны, так что в июле того же года его назначили министром внутренних дел в правительстве Керенского. Октябрьскую социалистическую революцию он не принял, уйдя в бескомпромиссную оппозицию к советской власти, и стал одним из основателей подпольной организации под названием «Союз освобождения России». На Уфимском государственном совещании в сентябре 1918 г. Николай Дмитриевич был избран в состав так называемой Уфимской директории и стал фактическим главой нового Всероссийского временного правительства. Однако в результате колчаковского переворота 18 ноября 1918 г. министров-социалистов Директории, в том числе и Авксентьева, отстранили от власти и в охраняемом вагоне отправили на восток страны, а потом – за границу. В 1919 г. через Америку Авксентьев прибыл в Западную Европу, где активно занимался не только антибольшевистской, но и антиколчаковской пропагандой. Сначала проживал во Франции, потом переехал в США, где и умер в 1943 г. Оставил целый ряд научных статей и личных воспоминаний, посвященных событиям русской революции и Гражданской войны.

И ещё: 9-10 ноября 1918 г. Авксентьев, ещё находясь в должности министра-председателя Директории, посетил с официальным визитом Томск, где участвовал в самом последнем заседании Сибирской областной думы, настояв на её роспуске, приложил руку, так сказать.

Адрианов Александр Васильевич – 64 года в 1918 г., путешественник, археолог, этнограф, историк, публицист, а также виднейший сибирский автономист, ученик, ближайший соратник и друг *Г.Н. Потанина*. Александр Васильевич Адрианов – это, пожалуй, одна из самых непростых и однозначно трагических фигур в истории сибирского областнического движения.

Коренной сибиряк, родился в Тобольской губернии, в многодетной семье священника, после окончания гимназии поступил на учёбу в Петербургскую медико-хирургическую академию, но, недоучившись в ней, перевёлся на физико-математический факультет столичного университета, который окончил в 1879 г. В том же году он знакомится с *Ядринцевым* и *Потаниным* и по приглашению последнего принимает участие в его экспедиции в Северо-Западную Монголию и Тыву, собирает богатый материал, после чего становится членом Русского географического общества. Совершает в последующие годы ещё целый ряд научных экспедиций, в том числе и самостоятельных, удостаивается за это малой золотой и серебряной медали РГО. Однако его извечная тяга к вольнодумству и насыщенная общественная деятельность в русле сибирского областнического движения помешали ему сделать успешную карьеру классического академического учёного.

В 1880 г. по заданию Потанина Адрианов переезжает в Томск и на целых десять лет обосновывается в этом городе, в первую очередь, для того, чтобы организовать здесь издание «Сибирской газеты». По тем временам осуществить подобный проект являлось делом совсем непростым, но Адрианов с ним успешно справился, даже несмотря на то что порой ему приходилось одновременно исполнять и функции издателя, и обязанности редактора, а также работать простым секретарём по приёму корреспонденции и объявлений от населения. Ну и, конечно, Александр Васильевич являлся в то же самое время ещё и постоянным автором, то есть журналистом «Сибирской газеты». С той поры и, фактически, до самого последнего дня своей жизни Адрианов был напрямую связан с сибирской

периодической печатью, активно сотрудничая в разное время с такими изданиями, как упоминавшееся уже нами «Восточное обозрение», а также «Сибирь», «Минусинский край» и др.

В революционном 1917 г. он возглавил редакцию крупнейшей за Уралом и самой авторитетной на тот момент газеты в восточном регионе – томскую «Сибирскую жизнь», являвшуюся к тому же ещё и главным печатным органом сибирских областников. В своё время Николай Михайлович Ядринцев назвал Адрианова наиболее видным представителем «современной сибирской журналистики». Однако и этот однозначно незаурядный талант Александра Васильевича не принёс ему того, на что он вполне заслуженно мог бы рассчитывать, ну хотя бы в плане материальном. Имея на иждивении жену и семерых детей, Адрианов испытывал постоянный недостаток финансовых средств, доводивший его порой до полного отчаяния. Последнее, как правило, имело место в те по-особому драматичные моменты жизни и деятельности Александра Васильевича, когда он, не желая поступаться принципами, посмел оспаривать мнение людей, власть предержащих. Так было и при самодержавии, так иногда случалось и при сменившем его комиссародержавии. В конечном итоге такое противостояние, извечное для всех, что называется, времён и народов, обернулось страшной личной трагедией для Александра Адрианова.

В условиях постоянно стеснённых материальных обстоятельств Александр Васильевич основной источник существования своей семьи находил на государственной службе, проработав около 25 лет обычным сибирским чиновником и дослужившись на этом поприще до звания статского советника (соответствовал воинскому званию бригадира, что-то среднее между полковником и генералом в петровской табели о рангах). Началась его гражданская служба в том же самом губернском Томске в 80-е годы XIX века с должности секретаря статистического управления, потом были ведомства по акцизным сборам сначала Енисейской губернии, а затем Восточной и Западной Сибири. В результате последнего назначения Адрианов в 1906 г. во второй раз и теперь уже навсегда поселился в Томске. Служба по акцизному ведомству не только обеспечивала семью Александра Адрианова относительным материальным достатком, но и позволяла, пользуясь частыми разъездами, собирать столь необходимые для культурного развития региона археологические и этнографические материалы, которыми Адрианов, возвращаясь из поездок, часто безвозмездно, не только с большим удовольствием для себя, но и с великой пользой для общества, пополнял коллекции некоторых сибирских музеев.

Переехав в Томск, культурную столицу и самый крупный на тот момент город края, который сам Адрианов называл «сердцем Сибири», Александр Васильевич с удвоенной энергией взялся за просветительскую и общественную деятельность, для которых в ходе либеральных реформ 1905-1906 гг. появились некоторые новые возможности. При его личном участии организовывались многочисленные выставки и творческие вечера в русле областнического культурно-просветительского движения. Тогда же он пишет и издаёт несколько историко-публицистических монографий, две из которых непосредственно были посвящены городу Томску. В это же время его избирают секретарём Общества изучения Сибири и гласным Томской городской думы. Однако всё оборвалось в один не очень счастливый для Александра Васильевича день весны 1912 г., когда после публикации его статьи в газете «Сибирская жизнь», направленной в защиту бастующих служащих торговой фирмы, принадлежавшей столичному олигарху Второву, Адрианова арестовали и по решению суда сослали сначала на поселение в Нарым, потом в Минусинск, а оттуда – в глухое село Ермаковское, где у него долгое время не имелось ни возможности работать и, соответственно, содержать семью, ни заниматься своим основным и любимым делом общественного просветительства.

Освобождение пришло лишь в конце 1916 г. За несколько месяцев до Февральской революции Адрианов вновь вернулся в Томск, и здесь после 2-го марта 1917 г. вряд ли у кого возникли сомнения по поводу того, кто теперь, в условиях обновляющейся российской действительности, должен возглавить редакцию влиятельнейшей «Сибирской жизни»... Вместе с тем нужно отметить, что 1917 год Адрианов встретил уже достаточно пожилым человеком, что, несомненно, отразилось на постреволюционных взглядах и симпатиях выдающегося сибирского просветителя; ведь революция – дело по-преимуществу молодых людей. В силу этого Александр Адрианов, являясь очень авторитетным работником на ниве сибирского областничества, не сумел одновременно стать столь же популярным деятелем революционного движения в Сибири, к чему, собственно, надо полагать, не очень то и стремился, видя в последствиях февральских событий во многом отрицательные для России явления разворачивающегося вширь и всё нарастающего «восстания масс».

Более того, Александр Васильевич занял в тот период достаточно определённо выраженные умеренно консервативные позиции и постепенно превратился в непримиримого противника новых революционных потрясений для России, левого социалистического движения в целом и большевизма в частности. Такие в определённом смысле охранительные убеждения Адрианова, без сомнения, сказалась на его политическом имидже. Так, например, осенью всё того же революционного

1917 г. на выборах в Томскую городскую думу А.В., баллотировавшийся сразу по двум спискам: от домовладельцев и от служащих в правительственных и общественных заведениях, но ни по одному из них не прошёл. Официально Александр Васильевич числился членом партии народных социалистов (правосоциалистической по статусу, но левобуржуазной по сути), однако многие советские сибирские историки, в том числе и некогда самый авторитетный из них в этой области – Израиль Разгон, считали Адрианова «одним из учредителей и активным членом кадетской организации Томска».

Более успешно политическая карьера Адрианова складывалась в среде вышедшего в 1917-1918 гг. на новый уровень своего развития областнического движения. Он являлся участником I Сибирского областного съезда. Летом 1918 г., после изгнания большевиков из Сибири, Александр Васильевич возглавил вторую по численности депутатскую фракцию в Сибирской областной думе – областников и беспартийных, в силу чего он мог оказывать влияние не только на решения, принимаемые самой Думой, но и весьма авторитетно воздействовать на общую политическую атмосферу в Сибирском регионе. Особую значимость общественная деятельность Адрианова приобрела в первые несколько месяцев после победы в Сибири антибольшевистского восстания. В тот период он, по-прежнему оставаясь на взвешенно консервативных позициях, делал всё от него зависящее, чтобы оттеснить от власти в Сибири зарвавшуюся, как он считал, молодёжь из правосоциалистических революционных партий, для того чтобы передать её в руки людей здравомыслящих, более искушенных и опытных в политике, а главное – патриотически и государственно настроенных, и от того наиболее уважаемых и авторитетных, как он полагал, среди большинства сибирского населения. К числу таких людей Адрианов одним из первых причислил тогда А.В. Колчака, человека ещё до революции занимавшегося некоторыми сибирскими проблемами (Северный Морской путь). И хотя в 1918 г. контр-адмирал Колчак был не очень хорошо известен как политик, особенно в народной среде, но он определённо имел достаточно многообещающие перспективы в плане организации вооруженной борьбы с большевиками – так полагали тогда в Томске члены Потанинского кружка, одним из лидеров которого и являлся Александр Адрианов. В силу всего вышеизложенного вполне резонно будет, видимо, отнести нашего героя к числу людей, так или иначе принимавших участие в организации колчаковского переворота в Омске осенью 1918 г.

После краха белого движения Адрианов в силу ряда причин не стал эвакуироваться из Томска вместе с отступающей на восток Сибирской армией. В конце декабря 1919 г., уже через несколько дней после того, как город заняли красные части, Александр Васильевич был арестован, а 6-го (по другим данным 7-го) марта 1920 г. по обвинению в систематической борьбе с советской властью и грязной травле «не только коммунистов, но и экс-социалистов» казнён. Полностью реабилитирован только в 1991 г. Очень печальная история.

Азлецкий А.А. – социал-демократ (большевик). После Февральской революции 1917 г. возглавил в Томском комитете общественного порядка и безопасности отдел труда. В конце октября того же года он был избран гласным (депутатом) Томской городской думы, потом вошёл в состав городской управы, где занял должность старшего товарища (первого заместителя) городского головы. В ноябре по списку большевиков Азлецкий баллотировался в члены Всероссийского Учредительного собрания от Томской губернии, но не прошёл. В конце января 1918 г., после самоотставки городского головы *И.П. Пучкова*, Азлецкий некоторое время (до полного роспуска большевиками городского самоуправления) исполнял его обязанности. В феврале того же года он и ещё двое большевиков – гласных Томской городской думы – лично поручились за известного в Томске журналиста, эсера и областника *М.Б. Шатилова*, арестованного по делу о созыве Сибирской думы и освобождённого благодаря этому заступничеству из красноярской тюрьмы.

Александров Владимир Иванович – в период Февральской революции известный присяжный поверенный (адвокат) в Харбине. В марте 1917 г. после свержения власти династии Романовых он встал во главе революционного Харбинского исполнительного комитета, составленного из числа представителей общественных и политических организаций, учреждений и групп населения Харбина и взявшего на себя всю полноту власти в городе. После назначения Временным Всероссийским правительством своего специального комиссара в Харбин Александров возглавил общественно-политическую организацию под названием Дальневосточный комитет защиты родины и революции. В феврале 1918 г., в связи с произошедшим Октябрьским переворотом и разгоном большевиками Учредительного собрания, Владимир Иванович возглавил новый (переименованный) Дальневосточный комитет защиты Родины и Учредительного собрания. Данная организация, а точнее инициативная группы из числа общественности и политиков правобуржуазного толка пыталась создать на Дальнем Востоке очаг вооруженного сопротивления советской власти, опираясь на средства иностранных государств. Впоследствии этот Комитет перешёл под контроль генерала *Хорвата,* объявившего себя в июле 1918 г. временным верховным правителем России. О дальнейшей судьбе самого Александрова

мало что известно. По имеющимся сведениям, он, по крайней мере, до 1922 г. проживал ещё в Харбине, по-прежнему работая адвокатом. Потом он по какой-то причине эмигрировал в Канаду, поселился в районе Ванкувера и с успехом занялся там, как и многие другие эмигранты из России, фермерским хозяйством. Однако разразившийся в 30-е годы мировой экономический кризис привёл к резкому снижению цен на сельхозпродукты, и Александров, как пишет в своих воспоминаниях И.В. Кулаев («Под счастливой звездой...»), «разорился вдребезги». Переехав на жительство в Ванкувер, Владимир Иванович, по всей видимости, так и не сумел рассчитаться с долгами и вскоре покончил жизнь самоубийством.

Александров Михаил Григорьевич – в январе 1918 г., являясь помощником начальника городского отряда Красной гвардии Томска, проводил мероприятия по изъятию оружия у жителей города. В мае того же года он вместе с военным комендантом Томска Иваном Лебедевым был направлен на станцию Тайга для организации её обороны от восставших чехо-белогвардейских войск.

Алексеевский Александр Николаевич – 40 лет в 1918 г., выпускник Петербургской духовной академии, кандидат богословия. Ещё во время учёбы увлёкся революционными идеями и одно время даже посещал кружок небезызвестного попа Гапона. В 1903 г., игнорируя предложения продолжить карьеру профессора-богослова, он уехал на Дальний Восток и поселился в Благовещенске, заняв скромную должность преподавателя в местной духовной семинарии. В период революции 1905 г. Александр Николаевич активно включился в общественную деятельность, публиковал статьи в местной печати, выступал на собраниях и митингах, участвовал в переговорах представителей профсоюзных организаций с губернатором и даже вступил в партию социалистов-революционеров. За все эти политические подвиги его, естественно, сразу же уволили из духовной семинарии, а в начале 1906 г. ещё и арестовали по обвинению в антиправительственной деятельности. Однако, не дожидаясь суда, с помощью своих товарищей по эсеровской партии он совершил побег из тюрьмы, после чего эмигрировал за границу. В течение 10 лет он проживал сначала в Бельгии, а потом во Франции, окончательно выбрав для себя в тот период путь профессионального революционера.

После Февральской революции Алексеевский вернулся в Благовещенск и сразу же включился в активную политическую работу. Летом 1917 г. он был избран городским головой (мэром) Благовещенска, а в ноябре того же года – членом Всероссийского Учредительного собрания. Окрылённый идеями о создании на территории Сибири и Дальнего Востока независимых в экономическом и юридическом плане областей (республик), по типу штатов Северной Америки и Канады, Александр Николаевич возглавил амурское объединение республиканцев-федералистов, по сути являвшееся местным отделением сибирских областников-автономистов. Осуществлению этих планов, однако, помешала Октябрьская революция, а также последовавший вслед за ней разгон большевиками Учредительного собрания, на которое ревнители демократического самоопределения возлагали очень большие надежды. Более того, за то время, пока Александр Алексеевский проделывал долгий путь в столицу русской революции на заседания Учредительного собрания, а потом – обратно, в Благовещенске большевики уже успели распустить местное городское и земское самоуправление, получив в ответ вооруженный (гамовский) мятеж со стороны оппозиции. Бывший уже теперь городской голова прибыл в город, что называется, к шапочному разбору, когда разгромленные участники выступления бежали на противоположный берег Амура – в Китай. Так что Алексеевский, фактически единственный из всех лидеров оппозиции, сойдя с поезда, тут же попал в руки к торжествующим большевикам, после чего отправился на очередную свою отсидку в местную тюрьму.

Просидев ровно полгода в большевистских застенках, Александр Николаевич 17 сентября того же 1918 г. в ходе развернувшегося по всей Сибири и Дальнему Востоку вооруженного мятежа был освобождён, и уже на следующий день его утвердили новым главой областной благовещенской администрации. Последняя уже вскоре, не дожидаясь на то разрешения Всероссийского Учредительного собрания и даже Сибирской областной думы, провозгласила образование на территории Амурской области автономной демократической республики. А Алексеевский стал главой её правительства. Попав таким образом в число первых дальневосточных «сепаратистов», Александр Николаевич сразу же оказался почти в полной политической изоляции со стороны пришедшего к власти Временного Сибирского правительства под руководством областника классического, так скажем, направления – *П.В. Вологодского*.

В итоге новоявленному реформатору и его команде всё-таки пришлось отступить и полностью подчиниться воле созданной в конце сентября Уфимской Директории. В соответствии с её распоряжением в начале ноября правительство Амурской области было распущено, а Амурская (автономная) республика ликвидирована. После этого в течение некоторого времени Александр Алексеевский исполнял обязанности председателя областной земской управы, однако вскоре, в связи

с развязавшейся борьбой между атаманом Семёновым и адмиралом Колчаком за власть в Амурской области, он, не желая принимать сторону ни одной из противостоящих группировок в разгоревшемся конфликте, покинул Благовещенск.

Оставшись, что называется, не у дел, Александр Николаевич продолжал участвовать по мере сил и возможностей в земском строительстве на территории «Колчакии». Так, в конце 1919 г. он принял активное участие в работе проходившего в Иркутске совещания земских и городских гласных. Однако шедшая за ним по пятам слава первого дальневосточного «сепаратиста» всё-таки настигла его, и вскоре после начала совещания он был арестован, на этот раз уже белогвардейской контрразведкой. Освобождённый под поручительство губернской земской управы, он вышел из тюрьмы как раз за неделю до начавшегося в конце декабре того же 1919 г. антиколчаковского вооруженного мятежа под руководством земско-эсеровского Политцентра. Некоторое время спустя Алексеевский принял участие в мирных переговорах представителей восставшей демократии с делегацией колчаковского правительства, а после окончательного изгнания белогвардейцев из Иркутска – в допросах арестованного уже к тому времени бывшего верховного правителя России адмирала А.В. Колчака.

После окончания Гражданской войны Александр Николаевич оказался в эмиграции, жил во Франции, в Париже. Здесь в 1921 г. он принял участие в совещании бывших членов Учредительного собрания. По воспоминаниям современников, Алексеевский в тот период был крайне враждебно настроен по отношению к советской власти, однако его непримиримая позиция стала меняться на прямо противоположную в ходе Второй мировой войны, а после её окончания он даже стал симпатизировать СССР. В частности, в это время Александр Николаевич чрезвычайно восхищался достижениями советских учёных в области изучения атомной энергии и освоения космоса. Его жизнь в Париже закончилась трагически: осенью 1957 г., в возрасте 78 лет он попал под колёса мотоцикла.

Анненков Борис Владимирович – 29 лет в 1918 г., уроженец Киевской (по другим данным – Курской) губернии, потомственный дворянин, окончил Одесский кадетский корпус и Елисаветградское кавалерийское училище (по другим данным – Александровское военное училище в Москве). Начинал службу в Сибирском казачьем войске. Являясь внуком известного декабриста И.А. Анненкова, Борис Владимирович и сам оказался склонен, особенно в молодости, к проявлению некоторого инакомыслия. Так, проходя в 1914 г. службу в одном из сибирских казачьих полков в г. Верном (ныне Алматы), он принял участие в вооруженном выступлении казаков, недовольных рукоприкладством командного состава. Несколько офицеров в результате этого стихийного мятежа были убиты. Вскоре в город Верный прибыла военная экспедиция из Омска, сотника Анненкова по подозрению в сочувствии к бунтовщикам арестовали и приговором военного трибунала определили к полутора годам тюремного заключения. Однако начавшаяся в том же году Первая мировая война внесла некоторые коррективы в решение суда, и провинившийся хорунжий вместо исполнения наказания отправился на фронт.

Службу проходил в 4-м Сибирском казачьем полку, командовал так называемым отрядом особого назначения (или партизанским отрядом, как тогда попросту называли такие части), забрасывавшимся в тыл врага для разрушения его коммуникаций. За героизм, проявленный во время проведения боевых операций, Борису Владимировичу стали понемногу забываться его довоенные «подвиги», а вскоре последовали даже и награды, в том числе Золотое оружие за храбрость и несколько так называемых солдатских георгиевских крестов, в 1917 г. ему было присвоено очередное воинское звание есаула (капитана в современной привязке).

Февральскую революцию Борис Анненков воспринял положительно, а вот к Октябрьской отнёсся крайне отрицательно. После демобилизации вместе со своим отрядом он прибыл в Омск, категорически отказался выполнить требование советской власти по разоружению казаков и, покинув город вместе примерно с двадцатью наиболее решительными сторонниками, поселился в станице Захламинской, неподалёку (в шести верстах) от Омска, на полулегальном положении. 18 февраля 1918 г. группа Анненкова приняла участие в так называемом «поповском» антибольшевистском мятеже, в ходе которого казакам удалось захватить и увёзти с собой хранившуюся в Никольском соборе Омска святыню Сибири – боевое знамя Ермака. После подавления поповского бунта Анненков с частью ближайших сподвижников перебрался подальше от Омска и долгое время скрывался в одной из станиц вблизи г. Кокчетава. И только в самый канун общесибирского восстания отряд Анненкова, значительно пополненный личным составом, опять появился и начал действовать неподалёку от Омска.

В июне-июле того же 1918 г. в ходе развернувшегося по всей Сибири вооруженного мятежа, Анненков во главе достаточно крупного воинского соединения принимал активное участие в боях с частями Красной армии на Урале. По завершении этой операции, закончившейся взятием Екатеринбурга, Анненкову указом Временного Сибирского правительства было присвоено воинское звание войскового старшины (подполковника). В начале сентября часть его отряда во главе с самим командиром направили

на подавление вооруженного народного восстания в Славгородском уезде, здесь анненковцы впервые проявили себя как усердные каратели: расстреливали, вешали, секли плетьми мирное население – ну, в общем, всё как полагается. В то же время подчинённые Анненкова начали проявлять и некоторую вольность, граничившую с бесконтрольностью и неподчинением властям. А в ноябре того же года и сам командир, к тому времени уже полковник, отказался признать верховную власть адмирала Колчака, посчитав его «слепым исполнителем воли союзников».

Однако вскоре под давлением торгово-промышленных кругов атаман вынужден был переменить своё мнение и подчиниться омскому правителю. Встав во главе целого корпуса, Анненков получил в начале 1919 г. задание отбить у красных г. Верный, в течение нескольких месяцев он штурмовал столицу Семиречья, но взять её так и не сумел. Зато намного успешнее шли дела у атаманских частей на поприще подавления народных возмущений на территории той же Семиреченской и Семипалатинской областей, а также Горного Алтая. Отборные анненковские подразделения носили чёрного цвета обмундирование и знак адамовой головы (череп и кости) вместо кокарды по типу штурмовых батальонов («батальонов смерти») в период Первой мировой войны. Один из таких отрядов весной 1919 г. участвовал в последнем, по всей видимости, в истории России еврейском погроме в Екатеринбурге, вызвавшем резкое возмущение у всего так называемого европейского и северно-американского мирового сообщества.

В октябре того же года приказом адмирала Колчака Борис Владимирович Анненков был награждён орденом Святого Георгия 4-й степени и произведён в генерал-майоры. А вскоре его назначили командующим отдельной Семиреченской армией.

После общего поражения белогвардейских войск на Восточном фронте генерал Анненков с остатками своей армии, сузившейся к тому времени до размеров батальона, отступил на территорию западного Китая. В 1926 г. в результате секретной операции ОГПУ Бориса Владимировича арестовали и тайно вывезли в СССР. Почти год он провёл на Лубянке, после чего его доставили в Семипалатинск, где Анненков предстал перед судом военного трибунала, обвинившего его в многочисленных и жестоких расправах с мирным населением в ходе борьбы с красными партизанами. Летом 1927 г. город Семипалатинск, по воспоминаниям очевидцев тех событий, представлял собой какое-то жуткое зрелище: на его улицах можно было встретить людей без рук, без ног, с отрезанными ушами и носами, с выколотыми глазами. Все они являлись жертвами карательных отрядов, специально привезёнными из разных мест для дачи свидетельских показаний со стороны обвинения. Решением советского суда генерала Анненкова приговорили к высшей мере наказания – к расстрелу. Приговор привели в исполнение здесь же, в Семипалатинске, в августе 1927 г.

Не реабилитирован до сих пор. Последняя инстанция – военная коллегия Верховного суда в 1999 году окончательно отказала в реабилитации генерала Б.В. Анненкова и его ближайшего сподвижника – полковника Н.А. Денисова.

Ансон Карл Карлович – 31 год в 1918 г., уроженец Лифляндской губернии, большевик, в 1914 г. был сослан в Нарымский край, оттуда в начале 1917 г. попал в Томск, где вскоре принял активное участие в революционных событиях, проживал по адресу: ул. Большая Подгорная-67. В октябре 1917 г. Карла Карловича избрали по списку большевиков гласным Томской городской думы, а в декабре того же года – членом Томской губернской земской управы (возглавил в ней отдел общественного призрения). Всячески противодействовал попыткам томских областников начать процесс по отделению Сибири от большевистской России.

31 мая 1918 г. во время чехословацкого мятежа эвакуировался вместе с большей частью томских большевиков по северным рекам в Тюмень, где продолжил вооруженную борьбу с противниками советской власти, сражался в рядах 5-й Красной армии. После окончания Гражданской войны Карл Карлович окончил педагогический факультет 2-го Московского университета, работал в Московском, а потом Рижском пединститутах, опубликовал ряд научных трудов по возрастной педагогике и психологии личности. Умер в 1966 г.

Анучин Василий Иванович – 43 года в 1918 г., уроженец Енисейской губернии, родился, по одним сведениям, в рабочей, по другим – в мещанской семье, окончил Красноярское духовное училище, а потом 4 курса Томской духовной семинарии, из которой в 1896 г. его отчислили по собственному прошению. В следующем – 1897-м – году Анучин поступил в Петербургский археологический институт, по окончании которого некоторое время работал в столичном музее антропологии и этнографии, где познакомился с рядом выдающихся российских учёных-этнографов. По их рекомендации он в конце 1904 г. был направлен в родной Красноярск заведовать делами местного подотдела Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества. Тогда же вышло в свет несколько рассказов и повестей Анучина о Сибири, одну из его публикаций даже отметил М. Горький. Во время Первой русской революции Василий Иванович принимал активное участие в общественной деятельности

Красноярска и даже выдвигал свою кандидатуру в депутаты II Государственной думы, однако не прошёл отбор. На этом, кстати, как бы и закончилась пора фавора в жизни Анучина, и наступил период роковых ошибок, катастрофических неудач и неосуществившихся авантюрных проектов по-своему весьма талантливого сибирского учёного.

В период между 1907-м и 1910 гг. Анучин на средства РГО организовал несколько экспедиций для лингвистического и этнографического изучения енисейских остяков (кетов), однако в результате не представил практически никаких материалов и отчётов о проделанной работе, а собранные коллекции, по некоторым сведениям, тайно распродал иностранным музеям и частным коллекционерам. За это его навсегда отлучили от официальной научной деятельности, и он стал, как принято говорить, независимым исследователем в вопросах, касающихся проблем малых народов Сибири, жил на средства, получаемые от газетных публикаций, а также от модных в то время публичных лекций. Переехав в 1911 г. на жительство в Томск, Анучин сблизился здесь с кружком сибирских автономистов и начал сотрудничать с газетой «Сибирская жизнь», однако вскоре за свою моральную нечистоплотность он был подвергнут обструкции в кругах томской интеллигенции. Так, *Григорий Потанин* отзывался о нём как о «моральном анархисте», а *Александр Адрианов* напрямую и публично (через печать) назвал его «жуликом».

После Февральской революции 1917 г. Василий Иванович Анучин, поддавшись конъюнктуре политического момента сразу же вступил в партию эсеров, и в марте того же года его избрали товарищем (заместителем) председателя Томского комитета по охране общественного порядка и безопасности – революционного органа, подконтрольного Временному Всероссийскому правительству, пытался баллотироваться даже в члены Учредительного собрания от Томской губернии. Однако после ряда разоблачительных статей А.В. Адрианова и некоторых других томских публицистов Анучин вынужден был покинуть не только ряды эсеровской партии, но и вообще выйти из числа перспективных революционных политиков Сибири.

Тем не менее, как «Феникс из пепла», В.И. вскоре вновь возродился и приступил к активной общественной деятельности, теперь уже на поприще выраженного в крайних своих формах сибирского автономизма. Именно в тот период он разработал и озвучил свою околонаучную теорию о так называемой Азиатской федерации, в состав которой должны были, согласно данному геополитическому проекту, войти: Сибирь, Монголия, Корея, Китай, Тибет и часть Индии (до Тадж-Махала включительно). (Эту геополитическую концепцию впоследствии взял на вооружение «сумасшедший» барон фон *Унгерн*, в 1921 г., кстати, предлагавший Василию Анучину стать президентом республики Сибирь в составе создаваемой им новомонгольской империи.) Первым этапом на пути формирования Азиатской федерации, в замыслах Василия Ивановича, значилось создание Горно-Алтайской автономной республики, а потом – так называемой Ойратской федерации, включавшей Тыву, Хакасию, российский Горный Алтай, монгольский Алтай и Джунгарию.

Эти научно обоснованные, но всё-таки авантюристические планы в начале 1918 г. получили одобрение со стороны части национальной интеллигенции Горного Алтая, по инициативе которой в марте того же года в селе Улала (ныне Горно-Алтайск) состоялся съезд представителей русскоязычного и инородческого населения, принявшего решение об образовании отдельного Горно-Алтайского округа, полностью не зависимого как от барнаульских, так и от томских властей, к ведению которых прежде относились данные территории. В июне того же года на следующем своём съезде алтайцы предполагали провозгласить уже автономную республику Ойрот в составе России, а Анучина избрать каганом (председателем) комиссии по подготовке учредительного съезда. Однако данная сепаратистская выходка вскоре была пресечена, а сам Анучин опять подвергся обструкции сначала со стороны большевиков, затем оказался в роли гонимого и властями Сибирского правительства П.В. Вологодского, а потом и администрацией А.В. Колчака.

После окончания Гражданской войны Владимир Иванович занимался главным образом преподавательской деятельностью. В 20-х годах он переселился из Томска сначала в Казань, а потом в Самарканд, где опять «прославился» громкими, но не совсем честными делами. За махинации в кооперативном жилищном строительстве его даже привлекали к уголовной ответственности, и лишь вмешательство видного большевика Бонч-Бруевича спасло Анучина от наказания. А чуть позже, после смерти М. Горького, он опубликовал в печати свою переписку с великим пролетарским писателем, большая часть которой, как позже было доказано, оказалась поддельной. Умер Владимир Анучин там же, в Самарканде, в 1941, по другим данным – в 1943 году.

Бахметьев Владимир Матвеевич – 33 года в 1918 году, до Февральской революции сотрудничал в областнической газете «Сибирская жизнь». После февраля 1917 г. с группой левых журналистов (социал-демократов и эсеров) вышел из её состава и с лета 1917 г. начал редактировать томскую социал-демократическую газету «Сибирский рабочий». В этот же период вступил в партию большевиков.

Проживал: г. Томск, пер. Уржатский (теперь улица Кононова)-5. В октябре того же года Владимир Бахметьев был избран по списку большевиков в гласные Томской городской думы, а потом и в члены городской управы. В начале 1918 г. после ареста некоторых членов Сибирской областной думы Бахметьев вместе с большевиками *Канатчиковым и Азлецким* поручился за своего бывшего коллегу-журналиста эсера *Михаила Шатилова* и того освободили из красноярской тюрьмы. В апреле 1918 г. Владимира Матвеевича избрали секретарём томской городской большевистской организации. Принимал участие в подавлении вооруженного мятежа антибольшевистской оппозиции 29 мая 1918 г. в Томске. Дальнейшую его судьбу по историческим источникам нам, к сожалению, проследить не удалось.

Башмачников Фаддей Исаакович – примерно 29 лет в 1918 г., по образованию юрист, окончил Томский университет. Работал помощником присяжного поверенного, в период Первой мировой войны был призван в армию, штабс-капитан. Видимо, после Февральской революции 1917 г. вступил в партию эсеров, потом – правый эсер, очень близкий к центристам черновского толка. Летом 1918 г. после свержения власти большевиков Фаддей Башмачников вошел в триумвират томских губернских комиссаров Временного Сибирского правительства, в котором курировал вопросы комплектования добровольческих формирований для Сибирской армии, охраны порядка в городе Томске и труда. Потом в июле того же года, когда в системе управления сибирскими губерниями вновь решили вернуться к единоначалию, Фаддей Исаакович занял должность помощника Томского губернского комиссара (Загибалова, а с сентября – Гаттенбергера). В ноябре 1918 г. в знак протеста против ужесточения политического режима в Сибири Башмашников решил отойти от дел и подал в отставку со своего поста по собственному желанию. Дальнейшая его судьба нам неизвестна.

Беленец Алексей Иванович – 31 год в 1918 г., родился в г. Ейске, член партии социал-демократов с 1903 г., большевик, участник революции 1905 г., за что был сослан в Сибирь и содержался сначала в Александровском централе, а потом на поселении в одном из глухих сёл Иркутской губернии. В 1911 г. бежал и до Февральской революции находился на нелегальном положении, проживал в разных городах Сибири, занимаясь подпольной работой. В 1915 г. осел в Томске.

После Февральской революции Алексей Беленец стал одним из самых активных участников советского строительства в Сибири, в этот период он – член Томского губкома РСДРП(б) и гласный (депутат) Томской городской думы. После победы Октябрьской социалистической революции его избирают сначала заместителем, а потом и председателем губернского Совета рабочих и солдатских депутатов. Проживал в то время: г. Томск, пер. Монастырский (теперь – Плеханова)-14. В декабре 1917 г. молодой Алексей Беленец занял должность председателя Томского губисполкома и являлся на тот момент, что называется, VIP-персоной среди томских большевиков, в связи с чем получил у жителей Томска прозвище «коммунистического папы». В январе 1918 г. руководил вместе с *Николаем Яковлевым* мероприятиями по разгону Сибирской областной думы и аресту членов Сибирского областного совета.

Накануне антисоветского мятежа в мае 1918 г. Алексей Иванович отбыл на совещание губернских руководителей в Иркутск, где его и застали известия о начавшихся вооруженных выступлениях в сибирских городах, в том числе и в Томске. Вернуться туда Беленец уже не смог, по поручению Центросибири в первых числах июня он участвовал в переговорах с восставшими чехословаками, потом некоторое время находился в Красноярске. После оставления города красными частями Беленец пытался скрыться, но был арестован. Находился в губернской тюрьме Красноярска под чужим именем. В конечном итоге его так и не разоблачили, поэтому он сумел избежать расправы и вскоре бежал. После этого он целый год находился на нелегальном положении и занимался подпольной деятельностью. По окончании Гражданской войны все последующие годы советской власти Беленец трудился на ответственных административных и партийных постах, потом – персональный пенсионер. За выдающуюся революционную, а также трудовую деятельность он удостоился вышей награды советского государства – ордена Ленина. Прожил бурную и, видимо, определённо счастливую жизнь, избежал в отличие от многих своих товарищей репрессий, более того, в преклонном возрасте его окружали постоянная забота и внимание со стороны советской власти. Имя Алексея Беленца до сих пор носит один из центральных переулков Томска.

С 1921 г. проживал в Москве, где и умер в 1976 году в возрасте 89 лет.

Белкин Кронид Константинович – 24 года в 1918 г., правый эсер, томский студент-медик. В октябре 1917 г. баллотировался по списку эсеров в гласные (депутаты) Томской городской думы, но не прошёл. Проживал в этот период: Томск, ул. Преображенская (сейчас – Дзержинского)-8, кв.5., являлся заведующим отделом пропаганды Томской организации правых эсеров. В апреле 1918 г. Белкин в качестве связного от томского антибольшевистского подполья выезжал в Харбин для встречи с членами Сибирского правительства в изгнании. Во время антисоветского восстания в Иркутске 14

июня 1918 г. находился в городе, явился свидетелем некоторых событий и по горячим следам оставил о них воспоминания, опубликованные потом в сибирской печати.

Белов Пётр Андреевич (настоящие имя и фамилия: Генрих Альфредович Виттенкопф) – 37 лет в 1918 г., из прибалтийских немцев, уроженец Курляндской губернии Российской империи (западная часть современной Латвии), окончил Виленское юнкерское училище (1902 г.) и Академию Генерального штаба (1913 г.), участник русско-японской и Первой мировой войн, находился главным образом на штабной работе, в 1915 г. получил тяжелое ранение в грудь, награждён четырьмя боевыми орденами, полковник (с декабря 1917 г.) русской армии. Уволенный после Октябрьской революции из армии, полковник Белов каким-то образом оказался в начале 1918 г. в Сибири, вступил в одну из подпольных офицерских организаций и вскоре после этого вошёл в состав центрального штаба по подготовке антибольшевистского восстания. Летом того же года, в ходе развернувшегося вооруженного мятежа, Белов занял должность начальник штаба сначала Западносибирской, а потом и всей Сибирской белозелёной (областнические цвета Сибири) армии. Его немецкое происхождение многим не давало покоя, и в конце концов Генриха Альфредовича просто вынудили подать прошение об отставке, последовавшей 15 ноября 1918 г., за три дня до колчаковского переворота.

После прихода к власти адмирала Колчака Белова опять пригласили на штабную работу, но значительно понизили в должности. Потом он командовал корпусом, с марта 1919 г. – южной группой Западной армии, а в июне того же года приказом адмирала Колчака его произвели в генерал-майоры и назначили командующим Южной армией. После окончания Гражданской войны Генрих Альфредович эмигрировал в Китай, проживал в Харбине, где и умер в начале 40-х годов. Наряду с этой существует ещё одна, очень спорная, версия, согласно которой, генерал Белов в конце 1919 г., во время отступления колчаковских войск, попал в плен под Красноярском, был перевезён в Омск и там в 1920 г. казнён большевиками.

Беляков Прокопий Михайлович – 29 лет в 1918 г., уроженец Пензенской губернии, студент 4-го курса медицинского факультета Томского университета. Проживал в Томске на Преображенской (сейчас – Дзержинского) улице, д.8, кв.5. В 1917-1918 гг. Прокопий Беляков являлся одним из лидеров томского студенчества, был главным старостой Томского университета. В октябре 1917 г. студенты томских вузов избрали его своим делегатом на I Сибирский областной съезд. А в декабре того же года Прокопий Михайлович стал участником и II (с совещательным голосом) чрезвычайного Сибирского областного съезда, а также членом Сибирской областной думы. Сочувствовал партии народных социалистов (делегатская карточка декабрьского Областного съезда).

После разгона большевиками Сибирской областной думы Беляков стал участником антисоветского подполья. В апреле 1918 г., из опасения быть арестованным по делу о краже оружия с одного из военных складов, по другой версии – по поручению эсеровского штаба с донесением Беляков выехал из Томска в Харбин. Однако до места назначения он не добрался, поскольку был арестован большевиками в Чите и под конвоем препровождён в одну из иркутских тюрем.

Во время попытки антисоветского вооруженного мятежа в Иркутске 14 июня 1918 г. Прокопия Михайловича вместе с другими политическими арестантами освободили из заключения восставшие оппозиционеры. Получив свободу, он принял участие в боевых действиях против красногвардейцев. Однако в ходе подавления разраставшегося выступления Беляков попал в плен и по приговору революционного трибунала в тот же день расстрелян. После освобождения Иркутска (в середине июля) частями Сибирского правительства тело Прокопия Белякова было обнаружено в городском морге и перевезено в Томск. 3 августа при склонённых областнических бело-зеленых, а также революционных красных знаменах его с почестями похоронили в Томске, на кладбище женского Иоанно-Предтеченского монастыря (сейчас на этом месте – студгородок ТПУ) – сугубо элитном городском некрополе.

Березовский Ефим Прокопьевич – 49 лет в 1918 г., войсковой старшина (подполковник) Сибирского казачьего войска, кадет с 1917 года. Родился в станице Антоньевской Бийского уезда в семье станичного атамана, окончил Омский кадетский корпус (однокурсник *Л.Г. Корнилова*) и Константиновское военное училище. В марте революционного 1917 г. участвовал в работе I съезда депутатов Сибирского казачьего войска, проходившего в Омске, являлся лидером праволиберальной группировки на этом съезде, отстаивал принцип частной собственности на землю для казачьих семей, был избран в члены войсковой управы. В октябре того же года Березовский стал делегатом от Сибирского казачьего войска на I Сибирский областной съезд. В декабре 1917 г. Ефим Прокопьевич по поручению Сибирского казачьего войскового правительства ездил в Новочеркасск (столицу Войска Донского), где вёл переговоры с лидером белого движения на юге России генералом Л.Г. Корниловым. Вернувшись в Сибирь, Березовский весной 1918 г. принял активное участие в подготовке антисоветского мятежа и после его осуществления занял должность председателя войскового правительства Сибирского казачьего войска. В сентябре

того же года Березовскому, указом Сибирского правительства присвоили звание полковника. С осени 1918 г. Ефим Прокопьевич неоднократно, в отсутствие генерала Иванова-Ринова, исполнял обязанности атамана Сибирского казачьего войска.

Пережив два крупных военных конфликта с иностранными державами и одну Гражданскую войну, по какому-то странному стечению обстоятельств Ефим Березовский за всю свою жизнь не участвовал практически ни в одном боевом сражении. Эмигрировав в 1920 г. в Китай, он также отказался в дальнейшем воевать против Красной армии, посчитав Гражданскую войну проигранной. Тем не менее, проживая в Харбине, Ефим Прокопьевич принимал активное участие в деятельности многих белоэмигрантских антисоветских организаций. Перешёл в этот период с кадетских уже на откровенно монархические позиции, отстаивая идею единой и неделимой Российской православной империи.

После захвата в августе 1945 г. Харбина советскими войсками Березовский был арестован контрразведкой СМЕРШ, этапирован в СССР и в восьмидесятилетнем возрасте осуждён на 10 лет исправительного труда. Умер в феврале 1953 г. в одном из заполярных лагерей ГУЛАГа. Его похоронили в г. Инта, могила сохранилась, в постсоветское время на ней установили памятный крест. Полностью реабилитирован в 1989 г.

Богословский Борис Петрович – 33 г. в 1918 г., родился в семье врача. Окончил Орловский кадетский корпус, Михайловское артиллерийское училище, а в 1912 г. – Николаевскую академию Генерального штаба (являлся однокашником Сергея Войцеховского по Академии), участник Первой мировой войны, полковник царской армии. В 1918 г. Борис Петрович был мобилизован красными на военную службу и летом того же года назначен командующим 3-й Красной армией, воевавшей на Урале против чехо-белогвардейских войск. В конце июля, после сдачи красными Екатеринбурга, он остался в городе и с частью своего штаба перешёл на сторону белых.

В конце лета того же года после гибели подполковника Ушакова Богословского назначили начальником штаба так называемого Восточного фронта чехо-белогвардейских войск, сражавшихся в то время в Забайкалье. После того как части этого фронта были переброшены на Урал, Богословский стал исполнять обязанности начальника штаба Екатеринбургской группы войск, а потом Сибирской армии (командующий генерал Гайда). В декабре 1918 г. Борису Петровичу присвоили звание генерал-майора, а в январе 1919 г. он стал кавалером ордена Св. Георгия IV степени. В то же самое время, по сведениям белогвардейской контрразведки, при штабе Бориса Богословского находились некоторые оппозиционно настроенные к колчаковскому режиму эсеры.

В июне 1919 г. Борис Богословский вместе со своим шефом генералом Гайдой был отправлен адмиралом Колчаком в отставку, формально – за провал операции под Вяткой (а в действительности – по подозрению в нелояльности к верховному правителю). С этого момента сведения о дальнейшей судьбе генерала Богословского существенно разняться.

Согласно первой версии, он уехал во Владивосток, где 17 ноября того же года в союзе с эсерами и пробольшевистски настроенными рабочими города участвовал под руководством всё того же чеха Гайды в вооруженном восстании, очень быстро подавленном частями колчаковского генерала Розанова. Скрываясь от преследования, Борис Богословский перебрался вскоре в Иркутск, где в начале 1920 г. добровольно сдался в плен к красным.

По другим данным, генерал Богословский после отставки с поста начальника штаба Сибирской армии некоторое время находился при штабе главнокомандующего колчаковскими войсками. 11 декабря 1919 г. его назначили начальником штаба при новом главкоме – генерале Каппеле. 29 декабря Борис Петрович был тяжело ранен на ст. Ачинск, а после окончательного разгрома двух колчаковских армий под Красноярском в начале января 1920 г. добровольно явился в расположение частей Красной армии и сдался в плен.

Сначала генерала Богословского направили в Томск в штаб 5-й армии, там по распоряжению особого отдела его сразу же арестовали и отконвоировали в Омск. Здесь решением особого совещания при полномочном представителе ВЧК по Сибири 17 июля того же года Бориса Петровича Богословского приговорили к смертной казни и на следующий день расстреляли.

Болдырев Василий Георгиевич - 43 года в 1918 году, родился в Симбирской губернии в семье кузнеца, по другой версии, он являлся выходцем из крестьянской семьи, окончил Петербургское военно-топографическое училище и Академию Генерального штаба, участник русско-японской и Первой мировой войн. Генерал-лейтенант царской армии, георгиевский кавалер. На Уфимском государственном совещании в сентябре 1918 г. его избрали в состав Директории в качестве главнокомандующего её вооруженными силами. Однако в результате колчаковского переворота Василий Георгиевич лишился своего поста и выехал сначала во Владивосток, а потом в Японию. После окончания Гражданской войны вернулся в советскую Россию, работал в Новосибирске. Автор одной из самых широко цитируемых

историками Гражданской войны книг под названием «Директория. Колчак. Интервенты», вышедшей в Новосибирске в 1925 г. В 1933 г. Болдырев был арестован ОГПУ, обвинён в контрреволюционном заговоре и в августе того же года расстрелян.

Бологов Григорий Кириллович – 23 года в 1918 г., из казачьего сословия, уроженец Иркутской губернии, окончил Иркутское военное училище. В 1918 г. проходил службу в Красноярском казачьем дивизионе, участник сотниковского антисоветского мятежа. Летом того же года в составе корпуса А. Пепеляева сражался с красными частями на территории Восточной Сибири. Летом 1919 г. в звании есаула командовал операцией по разгрому партизанского отряда Кравченко и Щетинкина, действовавшего в тот период на территории современной Тывы, однако потерпел сокрушительное поражение. После окончательного разгрома белого движения к тому времени уже полковник Бологов эмигрировал в 1922 г. в Китай, долгое время проживал в Шанхае, являлся одним из создателей «Казачьего союза». После окончания Второй мировой войны бежал из коммунистического Китая сначала на Филиппины, а потом – в США, умер в 1976 г. в Сан-Франциско.

Болтенко Николай Иванович – 49 лет в 1918 г., уроженец Херсонской губернии, украинец по национальности, в Сибири проживал с двадцатилетнего возраста, образование начальное, крестьянин, правый эсер. Делегат I и II Сибирских областных съездов от Приморского (Владивостокского) областного продовольственного комитета. На декабрьском Областном съезде был избран в состав финансово-экономического совета при Временном Сибирском областном совете (по сути, первом временном правительстве Сибири).

Бонч-Осмоловский Николай Васильевич – 53 года в 1918 г., родился в Петербурге, полковник царской армии, кадровый военный, один из лидеров сибирского антисоветского подполья. В начале 1918 г. возглавил офицерскую организацию в г. Нижнеудинске, потом находился на службе в корпусе А. Пепеляева. Сначала командовал 8-м Сибирским стрелковым артдивизионом, с апреля 1919 г. являлся начальником артиллерии 8-й Сибирской стрелковой дивизии. После разгрома войск Колчака был арестован большевиками в Красноярске и приговорён к высшей мере наказания. Реабилитирован в 1998 году.

Брушвит Иван Михайлович – 39 лет в 1918 г., латыш по национальности, уроженец Лифляндской губернии, из крестьянской семьи, окончил реальное училище, телеграфист по профессии, правый эсер, до Февральской революции находился под надзором полиции. В 1916 г. ушёл добровольцем на фронт, служил в чине прапорщика. В ходе революции 1917 г. Брушвит стал активным участником политических событий в Самаре, являлся председателем губернского исполкома Комитета народной власти, потом был избран гласным городской думы и членом Учредительного собрания от Самары.

После разгона большевиками Учредительного собрания Иван Михайлович несколько месяцев просидел в тюрьме, а сразу после освобождения примкнул к подпольному антибольшевистскому движению. В апреле-мае 1918 г. он в качестве уполномоченного от самарских подпольщиков нелегально посетил Сибирь и установил связь с центральным военным штабом, встречался с А.Н. Гришиным-Алмазовым и другими руководителями сибирского сопротивления. Во время этой поездки между поволжскими и сибирскими подпольщиками был согласован общий план действий в борьбе с большевиками.

По ликвидации советской власти на территории Среднего Поволжья летом 1918 г. Брушвит вошёл в состав Комитета членов Учредительного собрания (КОМУЧ), являлся в нём управляющим финансовым ведомством. После окончания Гражданской войны Иван Михайлович эмигрировал в Чехословакию, здесь продолжил свою антисоветскую деятельность, в 1921 г. вместе с Виктором Черновым участвовал в подготовке правоэсеровского мятежа в России. После провала этой операции занимался главным образом научной деятельностью, создал Русский заграничный архив в Праге. В результате освобождения Чехословакии советскими войсками в 1945 г. Брушвит был арестован, перевезён в СССР и приговорён к 5 годам заключения. В 1946 умер в тюрьме. Полностью реабилитирован в 1992 году.

Букейханов (Букейхан) Алихан Нурмухамедович – 49 лет в 1918 г., казах по национальности, происходил из ханского рода Чингизидов, родился в Семипалатинской области, окончил экономический факультет Петербургского лесотехнического института. В революционном 1905 г. Букейханов вступил в кадетскую партию, а через год был избран в состав её ЦК, член I Государственной думы. Букейханов неоднократно арестовывался царскими властями за участие в деятельности политической оппозиции, однако профессиональным революционером он так и не стал, а занимался до 1917 г. в основном научной, преподавательской и публицистической деятельностью.

Всё изменилось для него, как и для многих других, после Февральской революции, в этот период Букейханов становится лидером буржуазно-националистического движения среди казахов и руководителем национальной партии Алаш-Орда, взявшей курс на провозглашение казахской

автономии в рамках единого Российского государства. В июне и декабре 1917 г. Букейханов провёл в Оренбурге два съезда казахских автономистов, а также очень активно сотрудничал с сибирскими областниками, став делегатом I и II Сибирских областных съездов.

Октябрьскую социалистическую революцию Алихан Нурмухамедович, как член кадетской партии, естественно, не принял и вскоре перешёл в лагерь вооруженной антисоветской оппозиции. Летом 1918 г., после свержения власти большевиков на востоке России, Букейханов пытался добиться казахской автономии в обмен на участие казахско-киргизских вооруженных отрядов в боях с Красной армией. Сначала он попробовал таким образом договориться с Временным Сибирским правительством, но не получил от него на этот счёт вполне определенного ответа. Тогда Букейханов обратился за поддержкой к эсерам Самарского КОМУЧа и вроде бы добился от них некоторых гарантий по своей проблеме, но лишь в перспективе – всё откладывалось на более чем неопределённый срок, до созыва Всероссийского Учредительного собрания.

С ещё большими надеждами Букейханов приехал в конце сентября 1918 г. на Уфимское государственное совещание, рассчитывая на то, что сформированное в ходе его работы новое Всероссийское Временное правительство сможет даровать казахам хотя бы частичную политическую или культурную автономию в рамках федеративной Российской республики. Однако уже через два месяца этого правительства не стало, а пришедший к власти Колчак потребовал от Букейханова и его сторонников полного подчинения в рамках организации вооруженной борьбы с большевиками на условиях единой и неделимой России. Таким образом, никаких обещаний, а тем более гарантий из уст колчаковского правительства Букейханов не услышал, и посему без всяких условий лидер казахских националистов вынужден был подчиниться и направить свои вооруженные отряды в распоряжение белогвардейского командования.

После падения колчаковского режима Букейханов не стал спасаться бегством за границу, как это сделало большинство из его бывших коллег по кадетской партии, а остался на родине, занимался в основном литературными переводами, несколько раз арестовывался советскими властями, пока в 1937 г., в конце концов, не пал жертвой политических репрессий. Полностью реабилитирован в 1989 г.

Что касается главного дела его жизни, то оно оказалось всё-таки успешно завершенным. Хотя и без непосредственного участия Букейханова, но Казахстан, как известно, при советской власти, по настоянию Ленина, получил-таки политическую автономию, а после краха коммунистического неоимперского режима в конце 90-х годов XX века казахский народ обрёл и полную государственную независимость, став одной из самых крупных держав Центральной Азии, с территории которой в своё время человечество, – ну так, между прочим – впервые шагнуло в космос.

Буренин В. – левый эсер, бывший офицер царской армии, в конце мая 1918 г. во время белочешского мятежа был направлен из Томска с небольшим красногвардейским отрядом на станцию Яшкино для отражения атаки наступающих от Новониколаевска (Новосибирска) чехословацких войск. Поставленную задачу отряду выполнить, однако, не удалось. Белочехи 29-го мая все-таки захватили Яшкино и двинулись сначала к узловой станции Тайга, а потом к городу Томску.

Ваксберг Матвей Абрамович – 29 лет в 1918 г., еврейского происхождения, родился в Польше, потом его семья была сослана в Сибирь и поселилась в Чите. В 1905 г., являясь учащимся читинской гимназии, юный Ваксберг принял участие в революционных событиях и после их подавления вынужденно бежал из города. Перебравшись в Томске, он экстерном сдал экзамены на аттестат зрелости и поступил в Томский университет. Однако вскоре, после того как местное жандармское управление выявило его революционное прошлое, Ваксберг бежал теперь и из Томска. Учёбу он продолжил в Киевском университете, где познакомился и подружился с одним из своих однокурсников будущим сталинским «оберпрокурором» Андреем Вышинским. Там же, в Киеве, он вместе с Вышинским вступил в партию меньшевиков. После окончания университета Матвей Ваксберг вернулся в родную Читу и до Февральской революции работал адвокатом.

В марте 1917 г. Матвея Абрамовича избрали председателем Читинского областного КОБа, а в октябре назначили читинским областным комиссаром Временного Всероссийского правительства. В начале 1918 г. Ваксберг стал председателем Забайкальского народного совета, успешно соперничавшего в схватке за власть с Советом рабочих, солдатских и казачьих депутатов. После роспуска большевиками Народного совета Ваксберг занял пост председателя Читинской областной земской управы, которая в конце марта также была распущена властью победивших Советов. После временного свержения диктатуры большевиков осенью 1918 г. Матвей Абрамович, как социал-демократ, впал в немилость на этот раз уже к правоконсервативному режиму атамана Семёнова. Последний в октябре отдал приказ об аресте Ваксберга, с сентября являвшегося председателем так называемой Коллегии гласных земского и городского самоуправления Читы. Опасаясь репрессий,

Матвей Абрамович сначала ушёл в подполье, а потом и вообще удалился за пределы Забайкальской области (вотчины Семёнова).

После окончания Гражданской войны Ваксберг вернулся в Читу, трудился в системе советской кооперации, а некоторое время спустя стал преподавателем Иркутского университета. В 1926 г. он перебрался в Москву и продолжил преподавательскую деятельность в Зоотехническом институте. В период «большой чистки», как и многие его бывшие товарищи по правосоциалистическому лагерю, Ваксберг попал под молох политических репрессий. Однако, возможно, благодаря прежнему тесному знакомству с генпрокурором Вышинским он сумел избежать расстрельной статьи и отделался лишь ссылкой в Казахстан. В период оттепели Матвей Абрамович был полностью реабилитирован, а в 1959 г. даже возглавил кафедру советского гражданского права в Алма-Атинском университете. Умер в 1981 году в возрасте 92 лет. (Родной дядя достаточно известного советского писателя Аркадия Ваксберга).

Вампилун (Вампилов) Баэртон Гандалович – 29 лет в 1918 г., бурят по национальности, уроженец Иркутской губернии, из крестьянской семьи, окончил Иркутскую учительскую семинарию, работал сельским учителем, в 1911 г. вступил в партию эсеров, с этого же года находился под надзором полиции. После Февральской революции 1917 г. возглавил Бурятский национальный комитет, участник I-го Сибирского областного съезда, на котором был избран кандидатом в члены Исполнительного комитета по созыву Всесибирского Учредительного съезда, в том же году Баэртон Гандалович стал членом Всероссийского Учредительного собрания от Иркутской губернии по объединённому списку областников и бурят-националистов. В начале 1918 г. Вампилун вошел в состав Сибирской областной думы.

В ходе Гражданской войны в Сибири он занимал ряд ответственных постов: так, в 1919 г. он – товарищ министра финансов формально образованного «Велико-Монгольского государства», комиссар бурятского конного полка. В 1920 г. Вампилун становится товарищем министра земледелия в правительстве Дальневосточной республики. В 1923-1925 гг. он участник тибетской экспедиции Наркомата иностранных дел СССР. С 1925-го Баэртон Гандалович работал в Москве, а в 1926 г. получил назначение на должность экономического советника в МНР. Здесь в июле 1931 его арестовали по обвинению в попытке «реставрации феодальной Монголии». Репрессирован. Дата смерти – 1937 г.

Василенко Л.Д. – капитан царской армии, активный участник антибольшевистского сопротивления, с апреля 1918 г. являлся помощником подполковника Гришина-Алмазова по центральному подпольному военному штабу Западной Сибири. В ходе вооруженного переворота в начале июня того же года капитан Василенко занял должность командующего Западно-Сибирским военным округом и под давлением демократических кругов сместил с поста начальника Томского гарнизона полковника *Сумарокова*, монархиста по своим политическим взглядам, назначив на эту должность подполковника *Пепеляева*, которому поручил формирование Томской добровольческой дивизии, преобразованной впоследствии в Средне-Сибирский корпус. После освобождения

7 июня Омска капитан Василенко по распоряжению командующего Западносибирской армией подполковника *Гришина-Алмазова* был сразу же направлен в освобождённый город и по прибытии занял должность начальника штаба Степного Сибирского корпуса, вскоре получил звание подполковника, а после окончательного освобождения Сибири от большевиков – полковника.

В октябре 1918 г., в период пребывания в Омске членов Уфимской Директории и споров с членами Сибирского правительства по поводу формирования Временного Всероссийского правительства, полковник Василенко имел неосторожность, выполняя чей-то приказ, несколько раз высылать к зданию, где проходили заседания согласительной комиссии, воинские наряды, якобы для охраны членов Сибирского правительства. Всё это было воспринято членами Директории как акт устрашения, вследствие чего они потребовали немедленной отставки Василенко с его поста. Дальнейшую его судьбу нам, к сожалению, проследить не удалось. Известно только, что вскоре по окончании Гражданской войны он оказался в застенках ЧК...

Васильева-Потанина Мария Георгиевна – алтайская поэтесса, печатавшаяся в начале XX века в некоторых сибирских газетах, а также опубликовавшая до Февральской революции два отдельных поэтических сборника и ещё один – при советской власти. В 1911 г. в возрасте 47 лет Мария Георгиевна вышла замуж за 75-летнего *Григория Николаевича Потанина*, прожила с ним до 1918 г., потом покинула его, уже к тому времени совершенно больного. Умерла в 1942 году.

Вегман Вениамин Давыдович (он же Вейсман) – 45 лет в 1918 году, родился в Одессе в многодетной и бедной еврейской семье, член РСДРП (объединенной) с 1896 г., после окончания Гражданской войны – большевик. В начале своей революционной деятельности на протяжении почти 15 лет проживал за границей, слушал лекции в Венском университете, сотрудничал с газетами «Искра» и «Правда», лично познакомился в этот период с виднейшими большевиками, в том числе и с самим Лениным. В

1914 г. вернулся по заданию партии из-за границы в Россию и сразу же был арестован, приговорён к административной ссылке в Сибирь. Срок отбывал в Нарыме, после Февральской революции 1917 г. осел в Томске.

В революционном 1917 г. Вегман являлся председателем томского комитета РСДРП (объединенной) и главным редактором социал-демократической, а по сути большевистской, газеты «Знамя революции». После чехо-эсеро-белогвардейского мятежа летом 1918 г. остался в Томске на легальном положении, продолжал издавать газету умеренного социал-демократического направления под названием «Рабочее знамя». Однако вскоре его газета была закрыта, а сам меньшевик Вегман 17 июля 1918 г. арестован. В конце октябре того же года его в качестве заложника вывез в Екатеринбургскую тюрьму генерал Пепеляев. Там при отступлении из города колчаковских войск летом 1919 г., по версии советских историков, Вегмана чуть не расстреляли, и только эпидемия тифа, охватившая тюрьму, спасла его от расправы.

После окончания Гражданской войны Вегман поселился в столице советской Сибири, в г. Новониколаевске, который предлагал, кстати, переименовать в Ульяновск. Занимался в этот период общественной, архивной, журналистской и издательской деятельностью, опубликовал ряд заметных, хотя и достаточно тенденциозных с «вершин» настоящего времени, научных трудов по истории Гражданской войны в Сибири, громил с позиций идейного марксизма сибирских областников. В тридцатых годах являлся членом бюро Западно-Сибирского крайкома ВКП(б). В апреле 1936 г. Вениамин Давыдович был арестован по обвинению в причастности к троцкистско-зиновьевскому политическому блоку. В августе того же года покончил с собой в камере краевой тюрьмы НКВД в Новосибирске.

Вейнбаум Григорий Спиридонович – 27 лет в 1918 г., родился в Бессарабии в семье учителя, учился в Петербургском университете на историко-филологическом факультете, в дальнейшем получил ещё и хорошее европейское образование, владел несколькими иностранными языками, большевик с 1909 г., подпольный псевдоним «Валентин». В 1910 г. Вейнбаум был сослан в Сибирь на вечное поселение.

В 1917 г. Григорий Спиридонович стал одним из лидеров красноярских большевиков, активным участником установления советской власти в Сибири. В конце года он возглавил Енисейский (Красноярский) совдеп и губисполком, одновременно являлся членом правительства Центросибири в должности народного комиссара иностранных дел.

Во время чехо-эсеро-белогвардейского мятежа руководимый им Енисейский губисполком и подчинённые ему войска с трудом сдерживали наступление вооруженных мятежников из районов Мариинска и Канска. В конечном итоге, оставив Красноярск, 16-18 июня Вейнбаум бежал с группой товарищей и отрядом Красной гвардии на шести пароходах вниз по Енисею, рассчитывая по Обь-Енисейскому каналу или морю Лаптевых добраться водным путём до Тюмени, а потом до Урала. (Некоторые не совсем адекватные журналисты того времени предполагали, что красные пытались сбежать морем в Германию.) Однако в июле большевистская флотилия красноярцев была настигнута в районе села Монастырского (Туруханский уезд) белогвардейцами и разгромлена.

Вейнбаум сначала скрывался в тайге, потом попытался в одиночку сплавиться по реке на плоту, но это его не спасло, вскоре Григория Спиридоновича арестовали и 29 июля доставили в Красноярск. 24 октября 1918 г. он в числе пяти ведущих красноярских большевиков по личному распоряжению чешского генерала *Гайды*, перешедшему к тому времени на русскую службу, был предан военно-полевому суду и на рассвете следующего дня расстрелян.

Вейнберг Борис Петрович – 47 лет в 1918 г., сын известного в своё время поэта Петра Вейнберга. По профессии – физик, окончил Петербургский университет, ученик великого Менделеева, с 1909-го по 1924 г. являлся профессором Томского технологического института. Занимался Борис Петрович проблемами магнетизма и ещё до революции разработал проект скоростного железнодорожного локомотива на магнитной подушке, а в 1927 г. изобрёл прибор для измерения напряженности магнитного поля.

В Томске Вейнберг познакомился с *Г.Н. Потаниным* и сблизился с некоторыми другими представителями областнического движения Сибири, являлся достаточно уважаемым в интеллигентской среде Томска человеком, но вместе с тем имел ряд странностей в поведении. Так, за то, что он практически никому не подвал руки при встрече, его прозвали в Томске «антирукожомом». В революционном 1917-м и 1918 гг. Борис Петрович везде и всюду подчёркивал свою беспартийность. В начале 1918 г. профессора Вейнберга избрали членом Сибирской областной думы (от Сибирских высших женских курсов, директором которых он являлся и где также преподавал в то время), где стал членом второй по численности фракции областников и беспартийных. В начале лета 1918 г. он занял пост заместителя председателя (*А.В. Адрианова*) частного совещания Сибирской областной думы, а с 23 июля он уже председатель этого организационного органа. Являясь также членом Томской город-

ской думы, осенью 1918 г. Борис Петрович некоторое время исполнял обязанности её председателя. В декабре того же года профессора Вейнберга назначили председателем бюро съезда по организации Института исследования Сибири (по сути первой Сибирской Академии наук).

Во время последнего в своей истории заседания Сибирской областной думы в ноябре 1918 г. Борис Петрович учудил: отметился тем, что спровоцировал беспорядки в зале собрания, осмелившись полунамёком высказаться в охранительно-консервативном, чуть ли не монархическом духе. За это он был подвергнут обструкции со стороны большинства членов Думы и чуть не пострадал физически от запущенного в него кем-то венского стула.

После окончания Гражданской войны Вейнберг остался в Томске. Несмотря на то что Борис Петрович являлся одним из активнейших деятелей антибольшевистской фракции областников в Сибирской областной думе, он сумел каким-то образом избежать репрессий и до 1924 г. продолжал преподавать в томских вузах. Потом вместе с семьёй перебрался в Ленинград, работал в главной геофизической лаборатории, затем в научно-исследовательском институте земного магнетизма. Умер в 1942 г. во время блокады.

Виленский Владимир Дмитриевич (партийный и литературный псевдоним Сибиряков) – 30 лет в 1918 г., родился в г. Томске в сильно обедневшей после смерти отца семье служащего, здесь же, в Томске, он окончил ремесленное училище. Работал литейщиком, сошёлся с революционно настроенными рабочими, участвовал в подпольной работе, ходил на демонстрации, а вскоре вступил в члены РСДРП (до 1918 г. находился на позициях меньшевиков-интернационалистов, потом – большевик), состоял членом боевой дружины.

За это он в 1908 г. был первый раз арестован и в 1910 г. приговорён к каторжным работам, отбывал срок на Нерчинских рудниках, с 1912 г. – на поселении в Якутии. Здесь познакомился с такими видными большевиками, как Г.И. Петровский, В.П. Ногин, Е. Ярославский, С. Орджоникидзе, и др. В Якутской ссылке Владимир Дмитриевич усиленно занимался самообразованием, много читал, в качестве сотрудника якутской областной агрономической организации участвовал в изучении экономики региона, результатом чего стали печатные труды: «Кустарные промыслы якутов», «Очерки земледелия Якутской области» и т. п. Здесь же он встретил Февральскую революцию и на протяжении 1917 г. активно участвовал в осуществлении демократических преобразований на территории края. Сначала по распоряжению Временного правительства Виленского назначили комиссаром в Вилюйский округ, а потом его избрали председателем Якутского областного Совета рабочих и солдатских депутатов. В качестве представителя последнего Владимир Дмитриевич выезжал в Петроград на Демократическое совещание. Вернувшись в Сибирь, он в декабре того же года в Иркутске участвовал в подавлении юнкерского мятежа. А в феврале 1918 г. на II съезде Советов Сибири его избрали в члены Центросибири и назначили народным комиссаром продовольствия.

Летом 1918 г., после разгрома большевистских войск на территории Сибири, Виленский тайно пробрался из Забайкалья в Красноярск, а потом в Томск, принимал участие в подпольной работе. В 1919 г., перейдя линию фронта, он прибыл в Москву, здесь в том же году издал свою первую книгу под названием «Чёрная година сибирской реакции». Сразу после разгрома войск Колчака Виленский-Сибиряков был командирован советским правительством на Дальний Восток в качестве специального уполномоченного. Здесь он руководил работой по ликвидации союзнической интервенции и процессом по созданию буферной Дальневосточной республики. Потом в ранге представителя Коминтерна посетил Монголию и Китай, где встречался с политиками революционно-демократического направления, а в 1921 г. уже как дипломат участвовал в международной Дайренской конференции по Дальнему Востоку. По возвращении в Москву он издал сразу несколько брошюр, посвящённых современной политике Японии, Монголии и Китая. В этот же период Владимир Дмитриевич становится председателем Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев, редактирует журнал «Каторга и ссылка», а также является одним из инициаторов создания общества по изучению Урала, Сибири и Дальнего Востока и точно так же заведует журналом данного научного направления под названием «Северная Азия».

Во время разгрома в 1927 г. так называемой левой (троцкистской) оппозиции, к которой Виленский-Сибиряков принадлежал, его исключили из партии и выслали в Пермь. Однако через год по состоянию здоровья ему разрешили вернуться из ссылки в Москву и даже позволили заниматься журналистикой. В 1931 г. его вновь восстановили в партии, в том же году вышла ещё одна книжка Виленского-Сибирякова под названием «Царство Колчака». В 1936 г. во время новых разборок с троцкистами Владимир Дмитриевич опять попал под подозрение, был арестован и приговорён к восьми годам лагерей. Умер в июле 1942 г. в период пребывания в местах лишения свободы на территории своей родной Сибири (Красноярский край). Полностью реабилитирован в 1957 г.

Вишневский Евгений Кондратьевич – 42 года в 1918 г., родился в г. Бресте Гродненской губернии (по другим данным – где-то в Полтавской губернии), в дворянской семье, окончил Одесское пехотное юнкерское училище, участник Первой мировой войны, георгиевский кавалер (Георгиевское оружие, 1917 г.), полковник. Октябрьскую революцию не принял. В начале 1918 г. руководил деятельностью одной из офицерских групп в томском антибольшевистском подполье. В ходе вооруженного мятежа в июне того же года сначала – военный комендант Томска, потом – командир 2-го полка в Томской добровольческой дивизии *А.Н. Пепеляева*, преобразованной впоследствии в Средне-Сибирский корпус. Летом в качестве командира 1-й дивизии прошёл с корпусом весь боевой путь от Мариинска до Забайкалья. За успешно проведённую военную кампанию Е.К. Вишневский был произведён в генерал-майоры и осенью возглавил в Томске запасные формирования 1-го Средне-Сибирского корпуса. Одновременно с этим он некоторое время являлся главным тыловым начальником района Средне-Сибирского корпуса со штабом в Томске, а с конца октября стал уполномоченным командира Средне-Сибирского корпуса по охране государственного порядка и общественного спокойствия по Томской губернии (военный губернатор).

Вскоре после прихода к власти Колчака 13 декабря 1918 г. Вишневского назначили генерал-губернатором Уфимского района, в 1919 г. он получил под команду 7-ю Сибирскую стрелковую дивизию. После разгрома белого движения с остатками войск Колчака Евгений Кондратьевич отступил сначала в Забайкалье, потом на Дальний Восток, командовал несколькими войсковыми подразделениями. В 1922 г. генерал Вишневский принял участие в походе так называемой Народной дружины под командованием генерала А.Н. Пепеляева в Якутскую область. Незадолго до её разгрома Е.К. был командирован в район г. Охотска, откуда он, благополучно избежав ареста, в июне 1923 г. эвакуировался на японской шхуне в Китай. Проживал, по всей видимости, в Харбине, с 1930-го по 1935 г. работал бухгалтером в издательстве «Гун-Бао». С 1936 г. служил в бюро по делам российских эмигрантов, являлся одним из руководителей РОВС в Харбине. Дальнейшую судьбу генерала Вишневского нам, к сожалению, проследить не удалось: по неподтверждённым данным, его депортировали в СССР и репрессировали. В Харбине в 30-е годы он опубликовал две книги личных воспоминаний: «Муринская операция» (о боях в районе озера Байкал в июле-августе 1918 г.) и «Аргонавты Белой мечты» (об экспедиции Народной дружины Пепеляева в Якутию).

Войлошников Павел Иванович – 39 лет в 1918 г., из забайкальских казаков, уроженец села Цаган-Олуй Борзинского уезда, серебряный призёр V Олимпийских игр в Стокгольме (1912 г.). В период Первой мировой войны командовал 1-м Аргунским полком Забайкальской казачьей дивизии. После окончания Гражданской войны проживал в Иркутске, одно время работал чертёжником, в 1938 г. расстрелян по обвинению в подготовке вооруженного мятежа. Реабилитирован в 1957 г.

Войцеховский Сергей Николаевич – 35 лет в 1918 г., родился в г. Великие Луки Псковской губернии (по другим данным – в г. Витебске), в семье поручика царской армии Николая Карловича Войцеховского, происходившего из обрусевшего польского дворянского рода, мать – Мария Михайловна, урождённая Гнатовская. В 1902 г. Сергей Войцеховский окончил Петербургское Константиновское артиллерийское училище, а в 1912 г. с отличием – Николаевскую академию Генерального штаба. В 1905 г. поручик Войцеховский был направлен на Дальний Восток в действующую армию, но поучаствовать в боевых операциях русско-японской войны не успел. В начале Первой мировой войны он находился на Юго-Западном фронте, служил главным образом в штабах действующих частей. За первый год боёв получил четыре ордена и звание капитана, в 1916 г. – ещё два ордена, среди них – Святого Владимира 4-й степени с мечами, дававшийся за «ведение боя под угрозой смерти», получил серьёзное ранение, и в том же году его произвели в подполковники. В сентябре 1917 г. Сергея Войцеховского назначили начальником штаба 1-й чехословацкой добровольческой дивизии в составе русской армии, а в декабре того же года он занял (по собственной просьбе) освободившуюся должность боевого командира 3-го полка этой дивизии.

К Октябрьской социалистической революции и к заключённому большевиками перемирию с немцами Сергей Николаевич отнёсся крайне негативно, поэтому принял решение вместе с чехословацкими частями, перешедшими в январе 1918 г. под юрисдикцию французского правительства, эвакуироваться в Западную Европу и там продолжить войну с Германией. В апреле 1918 г. полк Войцеховского, следовавший в составе части эшелонов Чехословацкого корпуса во Владивосток, большевики временно задержали на станции Челябинск. В мае того же года делегатами конференции военнослужащих Чехословацкого корпуса подполковник Войцеховский вместе с поручиком Чечеком и капитаном Гайдой был избран в состав военной коллегии временного исполнительного комитета чеховойск.

Этот комитет под давлением советников от стран Антанты, а также в ответ на угрозу со стороны советских властей о полном разоружении чехокорпуса принял решение начать полномасштабное

вооруженное выступление по всей Транссибирской магистрали. В соответствии с данной установкой 26 мая подполковник Войцеховский силами находившегося под его командой полка захватил Челябинск и сверг там советскую власть. В последующие дни июня месяца он оборонял город от частей Красной армии, а вскоре сам перешёл в наступление и к концу месяца овладел городами Троицк и Златоуст, соединившись 6 июля с частями поволжской группировки восставшего корпуса. 11 июля приказом Чехословацкого национального совета ему было присвоено звание полковника. 25 июля Войцеховский со своими частями освободил от большевиков Екатеринбург (в какой-то степени спровоцировав казнь находившегося в городе бывшего императора Николая II и его семьи). 4 октября в завершение уральской операции войска полковника Войцеховского заняли Нижний Тагил.

После этого командование на данном направлении было поручено генералу Гайде, а Сергея Войцеховского, 11 октября указом того же ЧНС повышенного в звании до генерал-майора, перевели в Уфу на должность командующего Поволжским фронтом вместо не справившегося со своими обязанностями некогда третьего члена военной коллегии чеховойск Станислава Чечека. Здесь, в Уфе, Войцеховского застал колчаковский переворот, который он полностью поддержал, а в декабре подал рапорт об увольнении из Чехословацкого легиона и перешёл на службу в войска А.В. Колчака. Последний в конце 1918 г. перевёл измотанные и полностью разгромленные части Поволжского фронта в резерв, а его командующему в феврале 1919 г. дал месячный отпуск по ранению.

Вернувшись в марте в действующую армию, Сергей Войцеховский получил назначение на должность командира 2-го Уфимского корпуса Западного фронта. В июне 1919 г. в ознаменование первой годовщины освобождения Сибири от власти большевиков и за проведение успешных операций лета и осени 1918 г. генерал Войцеховский был удостоен, наконец, высшей боевой награды Российской империи – ордена Св. Георгия Победоносца (4-й степени). Во время летних боёв 1919 г. корпус Войцеховского вёл кровопролитные бои на подступах к Уфе, в том числе и против полков знаменитой 25-й чапаевской дивизии красных. В августе Сергея Николаевича назначили командующим Уфимской группой войск, с которой в сентябре (уже после оставления Уфы) он провёл довольно успешную контрнаступательную операцию на Тобольском фронте, за что его наградили орденом Св. Георгия 3-й степени.

В октябре того же года приказом А.В. Колчака Войцеховский получил назначение на должность командующего 2-й Сибирской армией, с частями которой он в конце 1919 г. – начале 1920 гг. отступил сначала в район Красноярска, а потом к Иркутску. 26 января 1920 г. вместо умершего В.О. Каппеля Войцеховский принял на себя командование всеми объединёнными частями бывшей колчаковской армии и с ними в феврале того же года, оторвавшись, наконец, от преследования красных, вышел к Чите. Здесь приказом атамана Семёнова, назначенного последним распоряжением Колчака верховным управителем Российской Дальневосточной окраины, он был произведён в генерал-лейтенанты и определён на должность командующего всеми вооруженными силами Дальнего Востока. Однако в апреле 1920 г., так и не сумев, видимо, выстроить отношения с Семёновым, а может быть, просто, не видя никаких дальнейших перспектив для себя, Войцеховский подал в очередной раз прошение об отставке, передал командование войсками генералу Лохвицкому и отбыл в Крым в распоряжение генерала Врангеля. Оттуда вместе с остатками белой армии он эвакуировался в Стамбул.

Весной 1921 г. Войцеховский принял приглашение президента Т. Масарика вновь вернуться на службу в вооруженные силы Чехословакии и летом того же года вместе с семьёй и ближайшими родственниками переехал в недавно образованную республику на постоянное место жительства. В чехословацкой армии Сергей Николаевич зарекомендовал себя с самой лучшей стороны и сделал замечательную военную карьеру, пройдя путь от командира бригады до командующего Пражским военным округом, в 1929 г. ему было присвоено звание генерала армии. Однако столь успешное продвижение Войцеховского по служебной лестнице внезапно оборвалась в 1938 г., когда он выступил против Мюнхенского соглашения, призвал правительство республики всё-таки начать войну с Германией. А после того, как его советам не вняли, даже попытался организовать ещё один в своей жизни военный переворот, однако на сей раз не нашёл для этого достаточного числа сторонников. Затея окончилась полным провалом, и Сергея Войцеховского в результате уволили из армии, отправив в 56 лет на пенсию.

В период начала фашисткой оккупации Чехословакии Сергей Николаевич вступил в ряды подпольного сопротивления, но вскоре из него вышел. И, тем не менее, после провала одной из нелегальных организаций Войцеховский всё-таки был арестован и в течение нескольких месяцев содержался в тюрьме, а после освобождения все последующие годы оккупации находился под надзором гестапо. 12 мая 1945 г., через три дня после вступления в Прагу советских войск, Сергея Войцеховского арестовали сотрудники СМЕРШа, вывезли в СССР и здесь его приговорили к 10 годам

лагерей. Отбывал срок бывший генерал сначала под Нижним Новгородом, но в 1949 г. его перевели в Восточную Сибирь, в район станции Тайшет (ОЗЕРЛАГ, ворота БАМа). Здесь, по официальным данным, он и скончался в апреле 1951 г. от туберкулёза. Однако, по версии его внучатого племянника С. Тилли, смерть семидесятилетнего героя сибирского бунта произошла в 1954 г. из-за очередного приступа язвы желудка.

Очень поздно, только лишь в 1996 г., Сергея Войцеховского реабилитировали решением российской военной прокуратуры. Столь длительная временная задержка в вынесении положительного решения по делу Войцеховского имела место, по всей видимости, во-первых, вследствие его «чудесного» освобождения из застенков гестапо, а также данных, документально, правда, неподтверждённых, что в конце войны немцы намеревались передать генералу Войцеховскому командование над РОА, вместо вышедшего у них из доверия Власова. В 1997 г. указом президента Чехословакии Сергея Войцеховского посмертно наградили высшей наградой республики – орденом Белого льва 3-й степени. В ноябре 2005 г. в Екатеринбурге стараниями консула Чехии и при участии еврейской общины города была организована выставка, посвящённая памяти генерала Войцеховского.

Волков Вячеслав Иванович – 41 год в 1918 г., уроженец станицы Атамановской вблизи Омска, из семьи казачьего офицера-дворянина, окончил Омский кадетский корпус, Александровское военное училище и офицерскую кавалерийскую школу. Участник Первой мировой войны, георгиевский кавалер, в 1917 г. – войсковой старшина, в 1918-м – полковник Сибирской армии, в 1919-м – генерал-майор колчаковских войск. Русский офицер, патриот, придерживался крайне правых политических взглядов, стоял на государственно охранительных позициях. Октябрьскую революцию не принял и в начале 1918 г. стал участником сибирского антисоветского подполья, возглавляя тайные офицерские организации сначала в Кокчетаве, а потом в Петропавловске. Летом того же года, в период общесибирского вооруженного восстания, войсковой старшина Волков был назначен командиром 1-го Ермака Тимофеевича Сибирского казачьего полка и в составе частей Степного Сибирского корпуса руководил боевыми операциями по освобождению от частей Красной армии территории Семипалатинской области, Алтайской губернии, а также Горного Алтая.

Во время колчаковского переворота полковник Волков занимал должность начальника Омского гарнизона и принял самое активное участие в тех событиях. Именно согласно его приказам (но по воле более высокопоставленных политиков и военных, конечно) в ночь на 18 ноября арестовывались министры-социалисты Временного Всероссийского правительства, а потом содержались в течение нескольких дней под усиленной охраной, вплоть до того момента, пока власть полностью не перешла в руки А.В. Колчака, провозглашённого к тому времени верховным правителем России. За такое «самоуправство» Волков вместе с двумя своими основными помощниками в проведении арестных мероприятий – старшими офицерами Красильниковым и Катанаевым – формально был привлечён к суду, сыграв на этом процессе роль главного «козла отпущения». Однако, как и предсказывалось некоторыми сведущими людьми, подсудимого Волкова вместе с его подельниками суд полностью оправдал, более того, буквально через несколько дней приказом адмирала Колчака главного фигуранта омского контрреволюционного переворота повысили в воинском звании и должности.

Сначала теперь уже генерал-майора Волкова командировали на восток для ликвидации локального «бунта» атамана *Семёнова*, затем назначили главным войсковым начальником 4-го и 5-го корпусных районов (Иркутская губерния и Забайкальская область соответственно). В конце 1919 г. Волков исполнял обязанности коменданта г. Иркутска во время ещё одного переворота, только теперь уже антиколчаковского. Вместе с командующим войсками Иркутского военного округа генералом Сычёвым Волков не смог тогда подавить вооруженное выступление сибирской демократической оппозиции и отступил в начале января 1920 г. с верными ему частями в район Забайкалья. Во время того отхода вблизи станции Ангара отряд генерала напоролся на засаду, устроенную сибирскими красными партизанами. В завязавшемся бою Волков, его жена, а также большая часть сопровождавшего их отряда погибли. По другой версии, генерал-майор Волков пал жертвой расправы со стороны собственных солдат. Некоторые историки выдвигают ещё и третий вариант его гибели: в начале января 1920 г. Вячеслав Иванович заболел тифом, был помещён в чешский эшелон, но вскоре вместе с семьёй насильно высажен чехами близ станции Тельма Иркутского уезда, после этого генерал продолжил путь на восток самостоятельно. Однако ему не повезло, у разъезда Китой Волков напоролся на отряд партизан и, не желая сдаваться в плен, застрелился.

Вологодский Пётр Васильевич – 55 лет в 1918 г., второй по порядку, следующий за *Потаниным,* почётный гражданин Сибири (с ноября 1918 г.), русский, православный, по некоторым источникам, – масон; по воспоминаниям современников – человек энциклопедических знаний, один из самых высокообразованных людей в Сибири начала XX века.

Родился в селе Комаровском (Комарово) или Курышинском Канского уезда, Енисейской губернии в семье священника, учился на юридическом факультете Петербургского университета, где и приобщился не только к кладезю мировой науки, но и к диссидентскому движению – посещал кружки сибирских областников и народников. За это в 1887 г., за два года до полного окончания курса юридических наук Вологодский, как неблагонадёжный, был исключён из университета и отправлен в ссылку по месту проживания матери – в Томск, под надзор родственников и полиции. С диссидентами Пётр Вологодский, однако, так и не порвал, продолжая поддерживать отношения и с революционерами, и с сибирскими автономистами. Так, именно в тот период Пётр Васильевич начал тесно сотрудничать с *Николаем Ядринцевым* сначала в качестве секретаря, а потом и журналиста в его областнической газете «Восточное обозрение».

В 1892 г. Пётр Вологодский экстерном окончил Харьковский университет, по профессии юриста, служил следователем, городским судьёй в г. Верном (Алма-Аты), заместителем семипалатинского областного прокурора, с 1897 г. – присяжным поверенным (адвокатом). С того же года в течение 20 лет он уже на постоянной основе проживал в Томске. В этот период Вологодский являл собой достаточно обеспеченного семейного человека, имел собственный дом по улице Нечаевской (ныне пр. Фрунзе)-17, с прислугой и «выездом», часто бывал за границей.

В революционном 1905 г. в соавторстве с Потаниным, *Гаттенбергером* и некоторыми другими ведущими областниками Пётр Васильевич разработал первый проект закона о земском (местном) самоуправлении в Сибири, включавшем в себя, в том числе, и положение о Всесибирской областной думе. В 1906 г. он принял активное участие в судебном процессе по нашумевшему делу о черносотенном погроме в Томске, защищая права пострадавших. За «антиправительственную» деятельность, выразившуюся в издании эсеровской газеты «Сибирский вестник», Вологодский на некоторое время в административном порядке был выслан из Томска. Однако в следующем 1907 г. он уже член II Государственной думы, выбранный по списку «прогрессистов» (объединённая группа кадетов и эсеров), спешащий в Петербург с наказами, в том числе и от сибирских областников. Однако поработать в Думе П.В. так и не успел, поскольку она очень скоро, ещё до приезда в столицу сибирской депутации, оказалась распущена по указу царя.

До Февральской революции 1917 г. Вологодский официально ни в одной из политических партий не состоял, хотя и водил знакомства с некоторыми видными не только провинциальными, но и столичными партийными деятелями, и сам значился в материалах томского охранного отделения как социалист-революционер. Вместе с тем он был известен в определённых кругах, прежде всего, как человек, хотя и беспартийный, но зато безупречно честный и однозначно порядочный. При всём при том нужно конечно же отметить, что большую часть сознательной жизни Пётр Васильевич являлся приверженцем, в первую очередь, идей сибирского областного автономизма. Он входил в число виднейших, как тогда говорили, работников на этом поприще, вследствие чего имел очень прочные связи и где-то даже непререкаемый лидерский авторитет в среде передовой сибирской интеллигенции.

Сразу же после Февральской революции Вологодский вошёл в состав комиссариата по управлению Томской губернией, а после завершения деятельности этого органа распоряжением Российского правительства его назначили председателем Омской судебной палаты (по сути, главным судебным чиновником Сибири). Октябрьскую революцию Пётр Васильевич не принял, однако и в открытой оппозиции к большевистскому режиму первое время не состоял. В конце января 1918 г. на нелегальном заседании Сибирской областной думы его заочно избрали в состав ВПАС (Временного правительства автономной Сибири) в качестве министра иностранных дел, о чём он узнал, как сам потом признавался, лишь несколько месяцев спустя. Может быть, именно поэтому Вологодский не уехал в феврале 1918 г. вместе с некоторыми другими министрами в китайский Харбин и остался в Сибири. Проживая в тот период в Омске, он вследствие ликвидации большевиками дореволюционной системы гражданских судов потерял прежнюю работу председателя окружной судебной палаты и исполнял обязанности скромного руководителя сибирского войскового казачьего суда.

Однако, несмотря ни на что, всё это время Вологодский продолжал сохранять политический вес как в среде умеренных социалистов, так и в лагере буржуазных демократов, но и, само собой, конечно, в кругах сибирских областников-автономистов. Поэтому ни для кого из них не стало неожиданностью, что летом того же 1918 г., после свержения власти большевиков, Пётр Васильевич был избран главой созданного 30 июня в Омске нового Временного Сибирского правительства. И всё-таки спустя несколько месяцев, осенью 1918 г., Вологодского вынудили отказаться от полномочий премьер-министра Сибири сначала в пользу председателя Всероссийского Временного правительства, видного столичного эсера Николая Авксентьева. А вскоре в Омске случился и всем известный военный переворот, приведший к верховной власти А.В. Колчака. Последний, исходя из признания неоспоримых заслуг патриотов-си-

биряков в антибольшевистском сопротивлении, назначил Вологодского председателем своего кабинета министров. Однако ровно год спустя, 22 ноября 1919 г., Петра Васильевича ввиду катастрофического положения на внутреннем и внешнем фронтах антисоветской борьбы, отправили в отставку и заменили более молодым, более правым по политическим взглядам и немножко более «столичным» сибиряком *В.Н. Пепеляевым*.

Пётр Васильевич, отойдя от дел, вовремя успел скрыться за границей и тем самым избежал в отличие от многих других своих коллег по колчаковскому совету министров большевистского суда. Оставшиеся годы Вологодский прожил в Харбине. Здесь же он и умер в 1925 г. в крайней материальной нужде – в больнице для бедных. Последнее обстоятельство вряд ли подтверждает факт его принадлежности к всемогущему масонскому братству.

Ворожцов Матвей Иванович (партийная кличка Анатолий) – 29 лет в 1918 г., уроженец Вятской губернии. С 1901 г. проживал в Томске, по профессии столяр-маляр, образование – начальное, домашнее. В январе 1918 г. вступил в партию большевиков. Весной того же года, во время белочешского мятежа, являлся членом штаба городского отряда Красной гвардии, после победы антисоветского восстания остался в Томске на подпольной работе, потом занимался нелегальной деятельностью в Барнауле. Во второй половине 1919 г. принимал активное участие в партизанском движении, в частности воевал в боевом соединении анархиста Рогова. После изгнания из Сибири войск адмирала Колчака Матвей Ворожцов командовал отрядом особого назначения при Алтайской губЧК, участвовал в разгроме не сложивших оружие повстанческих групп, в том числе и под руководством своего бывшего партизанского командира Рогова, а также Новосёлова и Плотникова. В 1922 г. Матвей Ворожцов скоропостижно скончался от тифа.

Вострецов Степан Сергеевич - 35 лет в 1918 г., большевик с 1920 г., родился в Башкирии в крестьянской семье, по профессии – кузнец. Во время Первой мировой войны воевал в составе 14-й Сибирской стрелковой дивизии, полковой разведчик, трижды был награждён солдатским Георгиевским крестом, в конце войны произведён в офицеры. Во время Гражданской войны воевал на стороне красных, сражался против войск Колчака в частях 5-й армии, прошёл путь от командира роты до комкора. В 1922 г. принимал участие в разгроме белогвардейских войск на Дальнем Востоке. Весной 1923 г. возглавил экспедицию на Охотское побережье с целью ликвидации Народной дружины генерала Пепеляева. Летом того же года доставил пленённых руководителей якутского мятежа во Владивосток и передал в руки советского правосудия. За ликвидацию «пепеляевской авантюры» Степана Вострецова наградили орденом боевого Красного Знамени (четвёртым). До 1932 г. находился на ответственных командных должностях в Красной армии. В мае 1932 г. в Новочеркасске покончил жизнь самоубийством (застрелился), похоронен в Ростове-на-Дону.

Востротин Степан Васильевич – 54 года в 1918 г., коренной сибиряк, родился в г. Енисейске Красноярской губернии, представитель одной из богатейших купеческих фамилий Сибири, окончил Казанский ветеринарный институт, учился также в Парижской медицинской школе, крупный золотопромышленник, член Государственной думы III и IV созывов от Енисейской губернии. Руководил в Думе сибирской парламентской группой, являвшейся филиалом кадетской фракции и входившей вместе с ней в «прогрессивный блок». Тогда же Востротин вступил в кадетскую партию, а в 1916 г. стал даже членом её ЦК. В самой Сибири Степан Васильевич в значительной степени сочувствовал областническому движению, был хорошо знаком с *Г.Н. Потаниным.* До Февральской революции он достаточно много и плодотворно работал над проблемой Северного Морского пути, тесно сотрудничал в этом вопросе с правительством Великобритании, участвовал в двух морских экспедициях: Лондон–Енисейск и обратно. В 1902 г. опубликовал научно-популярную монографию под названием «Северный морской путь и Челябинский тарифный перелом в связи с колонизацией Сибири». В тот же период большую часть своего личного капитала он вложил в развитие енисейского речного пароходства.

После Февральской революции 1917 г. Востротин активно включился в общественно-политическую жизнь страны и вскоре был назначен на высокий пост товарища (заместителя) министра продовольствия в правительстве А.Ф. Керенского. Октябрьскую революцию категорически не принял. В конце 1917-го – начале 1918 гг. он проехал всю Сибирь с агитационной целью. Побывал во время этого «турне», в частности, и в Томске, где вёл консультации с группой Потанина по поводу организации на востоке страны антибольшевистского сопротивления. Потом Востротин на целых полгода осел в Харбине, продолжив здесь свою активную политическую деятельность. Так летом 1918 г. он вошёл в состав Делового кабинета («правительства») самопровозглашённого временного правителя России генерала *Хорвата.*

После освобождения чехо-белогвардейскими частями Владивостока Востротин сразу же переехал туда и уже в столице Приморья продолжил непримиримую борьбу с находившимися там же деятелями

эсеровского по своему составу Временного правительства автономной Сибири, возглавляемого *Петром Дербером.* В конечном итоге при поддержке прибывшего в сентябре во Владивосток *П.В. Вологодского* Востротин добился самороспуска этого правосоциалистического правительства. В октябре того же 1918 г. Степан Васильевич после успешно завершённой политической кампании на Дальнем Востоке вновь вернулся в Сибирь. В Омске в период формирования там Временного Всероссийского правительства ему предложили занять пост министра торговли и промышленности, но он почему-то отказался. При Колчаке Востротин, что вполне естественно, пребывал в полном фаворе, был избран гласным (депутатом) Красноярской городской думы, а в июне 1919 г. по личному распоряжению верховного правителя Степана Васильевича назначили членом Государственного экономического совещания, законосовещательного органа при колчаковском кабинете министров. После поражения белого движения Востротин эмигрировал сначала в Китай (проживал в Харбине, где редактировал газету «Русский голос» правого толка), а потом – во Францию, умер в Ницце в 1943 г.

Гайда Радола, настоящее имя – Рудольф Гейдль (в Сибири, в 1918 г. его уважительно окрестили Родионом Ивановичем) – 26 лет в 1918 г. Родился на побережье Адриатического моря, в старом портовом городе Котор, некогда принадлежавшем византийской провинции Далмация, потом – Австро-Венгрии, теперь – Черногории. Выходец из семьи младшего офицера австрийской армии. Отец – Иоганн, возможно, являлся чехом по национальности, мать – Анна, точно известно, что была славянкой-черногоркой из обедневшего дворянского рода. В начале XX века семья Иоганна Гейдля перебралась в чешский город Кийов, там юный Рудольф несколько лет проучился в местной гимназии, однако окончить её не сумел, его отчислили из-за неуспеваемости по классическим языкам. После этого он поступил в ученики, по одним сведениям, к аптекарю, по другим – к парфюмеру. В 1910 г. Гайду призвали на военную службу, по окончании которой в 1913 г. он женился на албанке Зоре Пироновой и поселился вместе с ней в албанском городе Шкодер, открыв здесь собственную аптеку. Там его и застала Первая мировая война. Призванный в австрийскую армию в звании прапорщика, он то ли в конце 1914, то ли в сентябре следующего года добровольно сдался в плен черногорцам и вскоре в должности военного фельдшера поступил на службу в их армию. Однако, после того как в начале 1916 г. черногорские войска оказались полностью разгромлены австрийцами, Радола Гайда (так теперь его стали звать на славянский манер) бежал сначала на остров Корфу, а потом – во Францию. А оттуда каким-то образом попал в действующую русскую армию, сначала вступил в ряды сербских добровольцев, а потом – во 2-й чешский полк. Здесь он подтвердил свой офицерский чин, получил под начало взвод, затем – роту, а вскоре, уже после Февральской революции 1917 г. его назначили командиром батальона.

В июле того же 1917 г. в боях под Зборовым и Тарнополем Гайда зарекомендовал себя как способный боевой командир, получил несколько ранений, проявил личное мужество и героизм, за что указом Временного правительства России был удостоен высшей боевой награды – ордена Святого Георгия (IV степени) и досрочно произведён в капитаны Российской армии. После излечения в киевском госпитале Радола осенью того же года прибыл в район Полтавы, где в это время шло формирование 2-й чехословацкой дивизии. По настоятельной просьбе Томаша Масарика (главы Чехословацкого национального совета) капитана Гайду тогда же назначили командиром 7-го (Татранского полка); по другим сведениям, он получил под свою команду знаменитый впоследствии полк лишь в конце марта 1918 г.

В мае 1918 г. на челябинском совещании представителей Чехословацкого корпуса Гайду избрали членом временного исполнительного комитета чеховойск, вследствие чего амбициозный молодой капитан стал одним из вождей вооруженного антибольшевистского мятежа в Сибири. В ночь на 26 мая он командовал захватом г. Новониколаевска (Новосибирска). В дальнейшем вместе с подполковником *Анатолием Пепеляевым* руководил чехословацко-белогвардейскими частями, действовавшими против отрядов Красной армии на территории Средней и Восточной Сибири. За успешное проведение этих боевых операций в начале июля 1918 г. Гайда получил внеочередное воинское звание полковника, а в сентябре приказом по Чехословацкому корпусу – звание генерал-майора. Некоторое время спустя он был назначен командиром 2-й чехословацкой дивизии, в октябре того же 1918 г. стал командующим противобольшевистским Северо-Уральским фронтом и уже в начале декабря получил очередную высокую награду – орден Св. Георгия III степени. А в конце того же месяца за общее руководство операцией по взятию Перми приказом Колчака двадцатишестилетнего Радолу Гайду произвели в генерал-лейтенанты.

В январе 1919 г. он уволился из Чехословацкого корпуса и перешёл на службу в войска адмирала А.В. Колчака, получив под начало Сибирскую армию, наступавшую в направлении Пермь–Вятка. Удостоившись в 26 лет столь высокого воинского звания и должности в обход не менее достойных кандидатов из числа русских офицеров, Гайда испортил со многими из них личные отношения

(в частности с бывшим побратимом – А.Н. Пепеляевым), что не могло конечно же не сказаться на результатах дальнейших войсковых операций. К тому же, явно начиная проявлять симптомы мании величия, в мае 1919 г. Радола Гайда вошёл в конфликт с самим Колчаком, отказавшись выполнять приказ его начальника штаба о переброске частей Сибирской армии в район Уфы на помощь терпящей бедствие Западной армии. Мало того, Гайда даже потребовал снятия начальника Главного штаба с должности, а в случае невыполнения данного требования пригрозил двинуть на Омск отряд «бессмертных» – свою личную гвардию, созданную по примеру персидских царей времён Кира Великого. За что 7 июля того же года генерал-лейтенант Гайда был снят со всех должностей и отправлен во Владивосток «по болезни в отпуск». А в сентябре, когда белогвардейской контрразведке стало известно о тесных контактах Гайды с антиколчаковской политической оппозицией, его разжаловали в рядовые русской армии и лишили всех правительственных наград. 17 ноября 1919 г. Гайда вместе с некоторыми руководителями сибирского эсеровско-областнического движения поднял вооруженный антиколчаковский мятеж во Владивостоке. Но эта, последняя, его попытка совершить подвиг во имя русской революции, уже больше похожая тогда на авантюру, закончилась в конечном итоге полным провалом, и он под защитой всесильных западных покровителей бежал из Владивостока сначала в Америку, а потом к себе на родину – в Чехословакию, ставшую уже к тому времени независимой республикой.

В 1920 г. Радола Гайда вновь был принят на службу в чехословацкую армию и назначен командующим дивизией в словацком городе Кошицы. В 1924 г. в звании бригадного генерала его перевели на должность первого заместителя начальника Генерального штаба, а в 1926 г. он возглавил этот штаб. В тот же период начинается и его политическая карьера, он избирается депутатом законодательного собрания республики. С 1923 г. Гайда начал живо интересоваться фашистским движением в Европе и по примеру Муссолини стал мечтать о создании в Чехословакии сильной единоличной власти в противовес, как он считал, загнивающей идеологии буржуазного либерализма. Угрозу государственной независимости Чехословакии он видел, прежде всего, в лице немцев и евреев, поэтому начал критиковать планы по предоставлению прав национальной автономии Судетской области, а также стал интриговать против руководства республики в лице Масарика и Бенеша, как ставленников мирового масонства, что, конечно, не прошло ему даром. Летом 1926 г. Гайду вновь (как и в 1919 г.) сначала отправили «по болезни в отпуск», а потом сняли со всех должностей, опять разжаловали в рядовые и в завершение всего лишили депутатской неприкосновенности. (А ещё говорят, что снаряд в одну воронку дважды не попадает.)

Несмотря на это, Радола Гайда продолжал верить в свою исключительную звезду и в январе 1927 г. возглавил партию НФО (Национальная фашистская община), делегатом от которой он принял участие в международном фашистском конгрессе 1934 г. в Монтре, а в 1935 г. его вновь избрали депутатом республиканского парламента, где иногда, кстати, он блокировался, как ни странно, со своими некогда злейшими врагами – коммунистами. В 1938 г. Гайда выступил резко против Мюнхенского договора (сговора) великих держав в пользу Германии в ущерб государственным интересам Чехословакии, и даже в знак протеста отказался от английских и французских орденов, полученных им в период предыдущей военной службы. Однако немцы, оккупировавшие вскоре Чехословакию, не только простили Гайду и оставили его на свободе, но даже вернули ему генеральское звание. Вместе с тем привлекать его к сотрудничеству они не стали, что, видимо, и спасло Гайду от политического преследования со стороны советских войск, в 1945 г. окончательно освободивших страну от немецкого господства. Пошло в зачёт пятидесятилетнему уже к тому времени генералу и то, что его сын Владимир был связан в период немецкой оккупации с советской разведкой и состоял в антифашистском сопротивлении, а в семье Гайды воспитывалась дочь одного из активных участников просоветского подполья, казнённого немцами.

Однако очередной опалы Радола Гайда всё-таки не избежал, и в том же 1945 г. его арестовали по распоряжению нового руководителя Чехословакии Эдварда Бенеша. Последний, по мнению некоторых исследователей данного вопроса, видел в лице Гайды по-прежнему очень популярного в армии и народе, опасного политического соперника и поэтому решил упрятать знаменитого генерала в тюрьму Панкрац (бывшие застенки гестапо). Там в течение двух лет заплечных дел мастера кулаками выколачивали из Гайды признание в сотрудничестве с нацистами, в результате чего 56-летний Радола, по свидетельству очевидцев, выглядел на суде полностью сломленным и одряхлевшим 80-летним стариком. Только свидетельские показания и заступничество некоторых ведущих деятелей антифашистского сопротивления, кстати, бывших сослуживцев Гайды по славному 7-му Татранскому полку чехокорпуса, спасло опального генерала от сурового приговора. В мае 1947 г. нашего героя освободили, однако лишения и пытки в тюремных застенках так сказались на его здоровье, что, не прожив на свободе и года, в апреле 1948 г. Радола Гайда скоропостижно скончался. Погребён на русском (православном) участке Ольшанского кладбища в Праге (могила №229) среди тех, с кем он в пору славной своей молодости воевал Сибирь и

Урал. Такова была последняя воля некогда знаменитого революционного генерала (здесь – фанфары). В 1974 г. в одной могиле с ним похоронили его вторую жену (с 1919 г.) Екатерину Гайдову, в девичестве Пермякову, русскую по происхождению. Его сыновья Владимир и Юрий после Второй мировой войны эмигрировали в США, где впоследствии и умерли.

В 1924 г. в Праге вышла книга воспоминаний Гайды, в которой немало страниц посвящено, в том числе, конечно же и сибирским событиям.

Гамов Иван Михайлович – по разным данным, 31 или 33 года в 1918 г., родился на хуторе Верхне-Благовещенском Амурской области в семье казака, окончил четырёхклассное городское училище и педагогические курсы в Благовещенске. После получения образования работал сначала учителем, а потом заведовал школой в родном хуторе, принимал участие в кооперативном движении. В 1912 г. Иван Михайловича избрали депутатом IV Государственной думы от Амурского и Уссурийского казачьих войск, и он с 1913-го по 1917 год проживал в Петрограде. В Думе примкнул к фракции кадетов, а также участвовал в заседаниях сибирской парламентской группы, главная цель которой состояла в том, чтобы добиться от правительства разрешения на учреждение на территории Сибирского и Дальневосточного регионов системы земского самоуправления. После Февральской революции 1917 г. Иван Гамов, по некоторым сведениям, вступил в партию эсеров и после расформирования Государственной думы вернулся в Благовещенск. Здесь, никогда дотоле не воевавший и даже не служивший, он был избран сначала в состав правления Амурского казачьего войска, а потом – и его атаманом (сказались, по всей видимости, его депутатское прошлое, а также членство в правящей эсеровской партии).

В ходе Октябрьской революции атаман Гамов отказался признавать законность большевистского переворота и выступил одним из инициаторов создания в Благовещенске комитета общественного порядка, к которому в период до открытия Всероссийского Учредительного собрания должны были перейти все полномочия административной власти на территории Амурской области. Первоначально КОП состоял из трёх лиц: бывшего областного комиссара Временного правительства, председателя городской думы и выборного атамана Гамова. Но впоследствии под давлением главным образом солдат пробольшевистски настроенного городского гарнизона в его состав вошли представители от воинских частей, а также от Совета рабочих и солдатских депутатов, позже к ним присоединился ещё и председатель недавно избранной областной земской управы.

В таком компромиссном варианте власть в Благовещенске просуществовала до февраля-марта 1918 г. – до того момента, пока местные большевики под давлением из Москвы не предприняли попытку распустить земское самоуправление и передать всю полноту власти в Амурской области в руки Советов. В ответ демократические круги Благовещенска, а также местный офицерский корпус и казаки подняли вооруженный антибольшевистский мятеж, во главе которого и встал 6 марта атаман Гамов. Сначала восставшим удалось захватить Благовещенск, арестовать советское руководство (и даже председателя Дальсовнаркома *Краснощёкова-Тобинсона*), однако потом прибывшие в течение ближайших нескольких дней красногвардейские отряды из Читы, Хабаровска и Владивостока вновь восстановили советскую власть в городе. После этого Гамову и остальным участникам мятежа пришлось отступить, перейдя по скованному льдом Амуру на территорию Китая.

В сентябре 1918 г. в ходе завершавшегося уже к тому времени всесибирского вооруженного мятежа Гамов при поддержке японских и чехословацких войск вновь захватил Благовещенск и подтвердил на территории области свою власть как выборного, а не наказного (назначаемого центральным правительством) атамана Амурского казачьего войска. А вскоре, 21-го числа того же месяца, после того, как по инициативе местных эсеро-областников было сформировано и функционировало до конца октября того же года правительство Амурской области во главе с правым эсером *А.Н. Алексеевским*, Иван Гамов вошёл в его состав в качестве военного министра. В этот же период произошло его сближение с такими же, как и он, выборными атаманами Забайкальского и Уссурийского казачьих войск – *Г.М. Семёновым* и *И.П. Калмыковым* – на поприще антибольшевистской борьбы. Примечательно, что старшего из них по должностной иерархии – *Семёнова* (ставшего походным атаманом всех дальневосточных казаков) – в народе прозвали «соловьём-разбойником», *Калмыкова* – «воробьём-разбойником», а вот Гамову почему-то никакого прозвища не досталось. Заслуживает внимания ещё и тот факт, что уже в начале 1919 г. Иван Гамов в силу разного рода причин решил покинуть атаманскую «троицу» и подал прошение об отставке с поста войскового атамана, которое было удовлетворено «по состоянию здоровья». Большинство исследователей сходятся во мнении, что основной предпосылкой «дезертирства» Гамова послужил завершившийся к концу 1918 г. на территории Сибири и Дальнего Востока процесс трансформации демократической власти в диктатуру адмирала Колчака.

По окончании Гражданской войны Иван Михайлович эмигрировал в Китай, в течение 25 лет преподавал арифметику и историю в русских школах КВЖД. В 1945 г., в период временной оккупации

частями Красной армии территории Северного Китая, Гамов вполне естественным образом попал в поле зрения советских спецслужб, но по какой-то причине, в отличие, например, от бывшего побратима *Г.М. Семёнова*, так и не был арестован. Скорей всего, он заслужил такого рода амнистию в силу того, что, находясь в эмиграции, ни в каких политических, а тем более антисоветских организациях не состоял и вообще представлял собой, как отмечали особисты в своих отчётах, малоактивного человека, потерявшего авторитет в среде руководителей белой эмиграции. В довершение всего в 1946 г. Иван Михайлович, по некоторым сведениям, принял советское гражданство, однако в СССР возвращаться всё-таки не захотел, а после установления и в Китае власти коммунистов выехал на жительство в Западную Европу, умер в Швейцарии в 1969 г.

Ган Борис Митрофанович – 34 года в 1918 г., уроженец г. Иркутска, из семьи военного (его отец М.Э. Ган, по некоторым сведениям, в период Гражданской войны служил в армии Колчака). В 1896 г. семья Ганов переехала на постоянное место жительства в Томске, здесь Борис Митрофанович получил образование, а потом служил присяжным поверенным (адвокатом), проживал по улице Солдатской (сейчас Красноармейская) в доме №84. В кругах томской общественности в революционном 1917 г. считался беспартийным, сам Борис Ган в тот период позиционировал себя беспартийным социалистом, между тем в картотеке жандармского управления числился как член РСДРП (меньшевик) и был, по некоторым данным, даже знаком с большевиком №3 Я.М. Свердловым.

В марте 1917 г., после свержения в России самодержавия, Б.М. Ган возглавил новую революционную власть на территории Томской губернии, заняв сначала должность председателя Томского временного комитета общественного порядка и безопасности, а с мая того же года – пост председателя губернского Народного собрания и председателя президиума его исполкома (или – просто, как тогда говорили, председателя революционного исполкома). Вскоре данным собранием Ган был выдвинут на должность Томского губернского комиссара, а 7 июня утверждён Временным правительством на этом посту. После Октябрьской революции должность губернского комиссара большевики упразднили, и Ган стал выполнять обязанности председателя исполнительного комитета губернского земского собрания, однако в связи с избранием в декабре 1917 г. Томской губернской земской управы он передал свои полномочия новому главе губернского земства *Николаю Ульянову*. В марте 1918 г., опять же при большевиках, Ган возглавил бюро внешкольного образования Томской губернии. После свержения советской власти летом того же года он переехал в Новониколаевск и занял должность поверенного по делам фирмы «Штоль и Шмидт», «воевал» с местным городским самоуправлением по поводу погашения долгов за поставленный для города товар, в политической деятельности больше никакого участия не принимал. Дальнейшая его судьба нам неизвестна. По некоторым данным после окончания Гражданской войны он занимался историческими исследованиями и опубликовал несколько статей в томской печати.

Гаттенбергер Александр Николаевич – 57 лет в 1918 г., родился в семье инженера-путейца в Тверской губернии в имении своего деда Петра Измайлова, являвшегося потомком эмигрантов-гугенотов из Франции. Окончил Киевское пехотное училище, но в возрасте 33 лет, после смерти жены, оставил военную службу и в 1891 г. принёс присягу на должность мирового судьи города Твери. Вскоре после этого в судьбе Гаттенбергера произошёл ещё один кардинальный перелом: он переехал на жительство в Сибирь. По одной версии, он вынужден был так поступить потому, что, находясь уже на Гражданской службе и став членом Тверской губернской земской управы, попал за вольнодумство в разряд политически неблагонадёжных, по другим данным – его собирались привлечь к ответственности за некие финансовые махинации. Согласно третьей версии, он переехал в Сибирь вовсе даже не потому, что опасался преследования со стороны властей, а, наоборот, по собственной доброй воле, так как здесь ему, как судье, предложили более выгодные материальные условия службы. Сначала он работал в Мариинске, а в 1898 г. перевёлся в Томск. Здесь до революции 1917 г. он сначала служил мировым судьёй, а потом – присяжным поверенным (адвокатом), принимал активное участие в общественной жизни, примкнул к сибирскому областническому движению и стал одним из видных представителей так называемого Потанинского кружка, а также членом томского отделения кадетской партии (с 1905 г.). В период Первой русской революции Александр Николаевич Гаттенбергер вместе с *Г.Н. Потаниным и П.В. Вологодским* работал над проектом положения о земском самоуправлении в Сибири.

Октябрьскую социалистическую революцию 1917 г. он не принял и в период «первого пришествия» советской власти являлся негласным лидером кадетской партии в Томске, а также вместе с А.В. Адриановым возглавлял Потанинский кружок, ставший в первой половине 1918 г. одним из центров антибольшевистского сопротивления в Сибири. Так, в частности, в конце апреля того же 1918 г. Гаттенбергер вёл тайные переговоры с прибывшими в Томск посланцами генерала Корнилова с целью координации усилий в подготовке на территории Сибири вооруженного антисоветского мятежа.

После победы этого восстания с конца лета (а официально – со 2 сентября) 1918 г. Гаттенбергер находился на посту Томского губернского комиссара, по поручению Омского Сибирского правительства принимал участие в мероприятиях, связанных с приостановкой деятельности Сибирской областной думы, попавшей в тот период под влияние левых партий. Видимо, именно за подобного рода старания 4 ноября того же 1918 г. Александр Николаевич был назначен на должность управляющего министерством внутренних дел (в ранге министра) Всероссийского временного правительства (Директории), сохранил за собой должность и после колчаковского переворота. Однако уже через полгода, в конце апреля 1919 г., его всё-таки уволили с занимаемого поста по личному прошению. После разгрома белого движения на востоке страны Гаттенбергер вместе с семьёй эмигрировал за границу, умер в 1939 г. в США.

Геллерт Болеслав Степанович – эсер, представитель центристского направления в партии. В феврале 1918 г., после отстранения большевиков от власти и перехода её в руки земско-областнического самоуправления, на территории Якутии возглавил летучий отряд добровольцев, выдвинутых к границам с Иркутской губернией для отражения возможного наступления оттуда красных. В период всесибирского вооруженного выступления летом того же года он в качестве начальника всех вооруженных сил Якутии помогал частям Сибирского правительства бороться с остатками советских войск на территории области, всячески старался пресекать акты самосудов и самовольных расстрелов пойманных большевистских лидеров. Так, в частности, им был отдан под трибунал командир казачьего отряда поручик Захарченко, намеренно расправившийся в Олёкминской тайге с двумя комиссарами Центросибири – *Николаем Яковлевым* и *Фёдором Лыткиным*. В период колчаковщины Болеслав Геллерт перешёл в оппозицию к режиму и, по некоторым сведениям, даже начал тайно сотрудничать с большевистским подпольем. 15 декабря 1919 г. он принял участие в низвержении власти колчаковского наместника *В.Н. Соловьёва*, командовал восставшим гарнизоном г. Якутска. Однако уже 28 декабря Геллерта убили по приказу его новых друзей – большевиков, по одной из версий, якобы за то, что он помог скрыться из города в те декабрьские дни нескольким врагам советской власти.

Герасименко Пётр – солдат царской армии, участник Первой мировой войны, потом красногвардеец. Был тяжело ранен в Томске в ходе боёв 29 мая 1918 г. между большевиками и местными боевиками-подпольщиками. После этого его поместили в больницу, где спустя месяц, уже при новой демократической власти, при так до конца и не выясненных обстоятельствах он якобы покончил жизнь самоубийством – повесился (по другой версии – повесили). Похороны Герасименко 30 июня вылились в манифестацию, организованную левыми силами Томска, протестовавшими против беззакония новых властей, попавших, по их мнению, под «каблук» нарастающей с каждым днём политической реакции и контрреволюции.

Гершевич (или Гиршович) Самуил Григорьевич – 24 года в 1918 г., большевик с 1917 г. В период Первой мировой войны, являясь студентом Томского университета, был призван в армию. После Февральской революции 1917 г. избирался депутатом Московского Совета рабочих и солдатских депутатов, потом вернулся в Сибирь. После Октябрьской революции принял активное участие в организации советской власти сначала в Томске, а потом в Новониколаевске, где стал командиром городского отряда Красной гвардии. В ночь на 26 мая, когда в Новониколаевске поднял вооруженный мятеж 7-й полк Чехословацкого корпуса, Самуилу Гершевичу удалось вместе с небольшой группой красногвардейцев вырваться из города и отступить на территорию Алтайской губернии. После окончательного разгрома красных частей он перешёл границу и некоторое время скрывался на территории Монголии и Китая. В 1919 г. он вновь вернулся в Сибирь, но почти сразу же попал под арест и содержался до разгрома колчаковских войск в семипалатинской тюрьме. По окончании Гражданской войны Гершевич занимал ряд высоких административных должностей, в 1920-22 гг. принимал участие в подавлении крестьянских выступлений, возникших на почве проводимой большевиками политики жесткой продовольственной развёрстки. Умер (по другим сведениям – убит) в 1923 г.

Гинс Георгий Константинович - 31 год в 1918 г., родился на территории современной Польши в офицерской семье обрусевшего англичанина, окончил юридический факультет Петербургского университета, потом продолжил учёбу в Германии и Франции. Вернувшись в Россию, Гинс вскоре занял должность приват-доцента по гражданскому праву Петербургского университета. Незадолго до Февральской революции Гинс перешёл на работу в переселенческий комитет, а после прихода к власти Временного правительства он был приглашён в качестве юрисконсульта в министерство продовольствия, тогда же вступил в парию кадетов. Октябрьскую социалистическую революцию Гинс не принял и в начале 1918 г. в поисках, видимо, лучшей доли перебрался в Сибирь, отказавшись, кстати, от приглашения занять достаточно высокую должность в правительстве самопровозглашенной Молдавской республики (по материнской линии он являлся молдаванином).

Поселившись в Омске, профессор Гинс стал заведовать кафедрой в местном, только что открывшемся, сельскохозяйственном институте, одновременно войдя в число сотрудников правления одного из крупнейших сибирских сельхоз-потребительских кооперативов «Союз кооперативных объединений Западной Сибири и Степного края», ставшего в тот период одним из центров по подготовке антисоветского заговора в Сибири. Летом того же года после победы чехо-эсеро-белогвардейского восстания политическая карьера Гинса резко пошла в гору. Он стал с тех пор «вечным» управляющим правительственными делами в Сибири. Сначала занял пост управляющего делами Западно-Сибирского комиссариата ВПАС, затем – Совета министров Временного Сибирского правительства. Потом некоторое время Григорий Константинович состоял в должности товарища министра народного просвещения Всероссийского временного правительства (Уфимская Директория) и, наконец, заведовал делами верховного правителя адмирала Колчака. То есть он по большей части занимался составлением и оформлением документов этих исполнительных органов, в том числе и актов о передаче власти от одного правительства – другому, от второго – третьему, а от того, наконец, – к последнему, «узаконенному» колчаковским переворотом.

В мае 1919 г. Гинс был назначен председателем расширенного за счёт представителей от земских самоуправлений Сибири Государственного экономического совещания, являвшего собой некое подобие представительского органа при авторитарном режиме адмирала Колчака. В 1920 г. после окончательного разгрома «Колчакии» Гинс эмигрировал в китайский Харбин, издал в Пекине на русском языке объёмный (на 600 страницах) труд личных воспоминаний под названием «Сибирь, союзники и Колчак», являющийся до сих пор, пожалуй, одним из наиболее часто цитируемых источников по истории Гражданской войны в Сибири. Как вся русская литература, по замечанию Достоевского, вроде бы как вышла их гоголевской «Шинели», так и значительная часть исторических сочинений о Гражданской войне в Сибири до сих пор ещё опирается в своих научных выкладках на эту давно уже ставшую классической, книгу Г. Гинса. Причём пекинское издание 1921 г. долгое время являлось первым и последним из имевшихся под руками у читателей в советской России. Немногочисленные его экземпляры хранились, как правило, только в специальных фондах научных библиотек, да и то не во всех, и выдавались лишь по особому разрешению. В постсоветской России книгу Г. Гинса ждала конечно же совсем другая судьба: она несколько раз переиздавалась, причём достаточно большими для такого рода литературы тиражами, и стала доступна, наконец, для массового читателя.

В 20-30-х гг. XX века Георгий Гинс преподавал на юридическом факультете Харбинского университета, очень живо интересовался в этот период идеями итальянского фашизма и в своих лекциях пропагандировал корпоративное государство как лучшее средство в борьбе с советской властью. В 1941 г. Гинс вместе с семьёй эмигрировал в США, преподавал в Калифорнийском университете, в Беркли, написал целый ряд статей и книг по русской истории, культуре и юриспруденции, занимался изучением политических проблем в СССР. Георгий Гинс прожил довольно долгую жизнь, пережил многих соратников по белому движению, умер в 1972 г. в США в возрасте 85 лет.

Глухарёв Владимир Алексеевич – 43 года в 1918 г., родился в Москве, окончил юридический факультет Московского университета, в начале XX века проживал в Томске и служил в должности товарища прокурора. Из мемуаров П. Вологодского явствует, что Глухарёв в тот период придерживался правоконсервативных политических взглядов. Незадолго до Первой мировой войны Владимир Алексеевич переехал в Петербург, где продолжил свою юридическую практику и вновь на поприще заместителя прокурора Санкт-Петербургского судебного округа. В 1914 г. он был мобилизован в армию и ушёл на фронт в звании поручика (старшего лейтенанта), дослужился за три военных года до звания подполковника, командовал артиллерийской батареей. После Февральской революции Глухарёв включился в активную политическую деятельность, являлся делегатом Всероссийского съезда офицерских депутатов. Октябрьскую революцию не принял и вскоре бежал на юг России, где вступил в Добровольческую армию генерала *Л.Г. Корнилова* и, по некоторым данным, некоторое время даже исполнял обязанности начальника её штаба.

В феврале 1918 г. подполковник Глухарёв по поручению Корнилова вместе с генералом *В.Е. Флугом* был командирован в Сибирь, с целью налаживания связей с местным антибольшевистским движением. Прибыв в завершении своей командировки на Дальний Восток, Владимир Алексеевич летом того же года вошёл в состав Делового кабинета («правительства») временного верховного правителя России генерала *Хорвата*. Осенью того же года, после роспуска этого органа в результате передачи всей полноты власти Временному Сибирскому правительству под председательством П.В. Вологодского, Владимира Глухарёва назначили председателем совета верховного уполномоченного ВСП по Дальнему Востоку генерала Хорвата. В начале 1919 г., после роспуска совета в результате передачи всей полноты

власти в Сибири и на Дальнем Востоке в руки А.В. Колчака, Глухарёв вернулся на юг России, назад в Добровольческую армию.

После окончания Гражданской войны Владимир Алексеевич эмигрировал во Францию, где и умер в 1941 году.

Голиков (Чернятин) Пётр Клавдиевич – 30 лет в 1918 г. (по другим данным – 27 лет), родом из Украины, по профессии – рабочий-печатник, незадолго до своего первого ареста немного занимался и журналистикой, опубликовал несколько заметок в одной из челябинских газет. Член РСДРП с 1913 г., с 1917 г. – большевик, за революционную деятельность отбывал ссылку в Нарымском крае, потом был мобилизован в армию и служил рядовым 39-го запасного Сибирского стрелкового полка, расквартированного в Томске.

После Февральской революции 1917 г. Пётр Клавдиевич стал одним из активнейших деятелей Томского Совета рабочих и солдатских депутатов. В октябре того же года он баллотировался по списку большевистской партии в гласные Томской городской думы, но не прошёл. Проживал в это время по пер. Тюремному (сейчас ул. А. Иванова)-17. После Октябрьской революции Голиков занял должность председателя гарнизонного Совета солдатских депутатов и стал членом Томского губисполкома, в котором заведовал его военным отделом (одновременно некоторое время возглавляя ещё и административный отдел того же ведомства). В начале марта 1918 г. он начал формировать в Томске первые добровольческие части Красной армии.

В апреле того же года, после начала активных боевых действий против отрядов атамана *Семёнова*, Голиков был командирован во главе томских красногвардейцев в Забайкалье, где вскоре занял должность начальника штаба у командующего противосемёновским фронтом *Сергея Лазо*. В период чехо-белогвардейского мятежа в июне 1918 г. Петра Клавдиевича назначили главнокомандующим войсками Центросибири (благодаря близкому знакомству по Томскому Совету солдатских депутатов с *Николаем Яковлевым*, председателем ЦИКа Сибири на тот момент). Однако после нескольких поражений на Нижнеудинском фронте, прикрывавшем главное (иркутское) направление перед наступающими частями Чехословацкого и Средне-Сибирского корпусов, его временно отстранили от должности. Вместе с тем формально он ещё продолжал числиться главнокомандующим вплоть до августа месяца, когда после очередного крупного разгрома красных войск у ст. Мурино Кругобайкальской железной дороги его уже официально сменил на этом посту *З.П. Метелица*.

Осенью 1918 г. Голиков тайно вернулся в Томск, перешёл на нелегальное положение и некоторое время являлся одним из руководителей антиколчаковского сопротивления в городе. В конце февраля 1919 г., незадолго до провала томского большевистского подполья, Пётр Клавдиевич отбыл для организации подрывной работы в Кузбасс. Осенью того же года он принимал активное участие в партизанском движении на Алтае сначала в отряде Игнатия Громова, а потом исполнял должность заместителя начальника главного военно-революционного штаба в партизанской армии *Ефима Мамонтова*.

После окончания Гражданской войны находился на партийной и административной работе, занимался организацией советской власти сначала на Алтае, а потом в Новониколаевске в должности заведующего отделом управления уездного исполкома. Здесь летом 1920 г. в качестве политического комиссара и члена коллегии особого отдела ВЧК Пётр Клавдиевич участвовал в подавлении Колыванского крестьянского восстания, проходившего на почве «сильной развёрстки всех продуктов» под лозунгом «За советскую власть без коммунистов и жидов». За обоюдную жестокость в ходе вооруженных столкновений Колыванское восстание вошло в историю страны как «Сибирская Вандея». 10 июля отрядом в 220 человек при 4 пулемётах под командой самого Голикова город Колывань был взят штурмом, а через несколько дней удалось подавить и всё восстание целиком. После этого в Ачинске он руководил уездным исполкомом, затем работал в Красноярске в должности заместителя председателя губисполкома, а потом занимал пост председателя городского Совета. В 1923 г. Голикова отозвали в Москву и назначили на должность главного редактора газеты «Сельская правда». Умер Пётр Клавдиевич там же, в Москве, в 1936 г. после тяжелой болезни. Никаких родственных связей с известным советским писателем А.П. Гайдаром (Голиковым) не имел.

Головачёв Мстислав Петрович – 28 лет (по другим сведениям – 25 лет) в 1918 г., родился в г. Енисейске Красноярской губернии. Его отец по профессии преподаватель (потом – директор) гимназии, известный сибирский писатель, историк, публицист и областник П.М. Головачёв принимал в 1906 г. деятельное участие в работе сибирской депутатской группы в Государственной думе и несколько лет редактировал журнал «Сибирские вопросы». Головачёв-сын по окончании в 1913 г. юридического факультета Московского университета вернулся в родную Сибирь и поселился в Томске, занявшись адвокатской практикой. На ниве общественной деятельности Мстислав Петрович очень близко сошёлся

в тот период, как его отец и дядя, с областниками-автономистами. Однако спустя некоторое время он уехал в Одессу, для того чтобы защитить магистерскую диссертацию (диссертацию кандидата наук) по теме государственного и международного права в местном Новороссийском университете, после этого он в нём же и преподавал. В начале 1918 г. Головачёв вновь вернулся в Томск и в должности приват-доцента начал читать лекции по международному праву уже в Сибирском университете. Политические взгляды Мстислава Петровича советская историография всегда трактовала как кадетские (праволиберальные), однако известно, что ни в одной из партий он никогда не состоял.

В начале июля 1918 г. в результате свержения на востоке России власти большевиков Головачёв занял пост товарища (заместителя) министра иностранных дел во Временном Сибирском правительстве (министром данного ведомства являлся председатель правительства П.В. Вологодский). Столь высокому назначению нашего героя поспособствовало сразу несколько обстоятельств. Во-первых, Мстислава Головачёва очень хорошо знал с самых его юных лет Пётр Васильевич Вологодский. И хотя последний иногда отзывался о своём протеже не совсем лестно, характеризуя его как излишне самоуверенного и немного легкомысленного человека, тем не менее выдвинул кандидатуру молодого приват-доцента Томского университета на пост заместителя председателя правительства. Остальные министры ВСП поддержали его, в силу того (и это – во-вторых) что Мстислав Петрович представлял уже второе поколение клана Головачёвых, входивших в «орден» сибирских областников ещё со второй половины XIX века. Ну и, в-третьих, Головачёв-младший являлся хотя и на теоретическом уровне, но всё-таки специалистом в области международного права, а также знал несколько иностранных языков (но весьма посредственно, по замечанию его политического противника правого социалиста Евгения Колосова). Испытывая острый дефицит хорошо подготовленных специалистов в данной области из числа местных кадров, сибирские автономисты, полагавшие создать правительство только из членов своего «рыцарского» сообщества, и сделали выбор в пользу Мстислава Петровича.

«Боевое» крещение Головачёв принял уже в середине июля на межправительственном совещании в Челябинске, участвуя в трудных переговорах о разделе власти с эсеровским кабинетом министров г. Самары, официально именуемом Комитетом членов Учредительного собрания (сокращённо КОМУЧ). Во время одного из раутов в присутствии иностранных наблюдателей, а точнее сказать – кураторов, Мстислав Петрович, вероятно, желая предать ещё больший политический вес Омскому Сибирскому правительству, почти открытым текстом (излишне самоуверенно) заявил, что ВСП теперь знать не хочет, что такое есть главенство России над Сибирью. Это необдуманное (и можно даже сказать легкомысленное) замечание сразу же вызвало, мягко говоря, некоторое замешательство в среде представителей великих мировых держав, так что они сразу же обратились к председателю Сибирского правительства за разъяснениями, и тому пришлось официально, через печать извиняться за своего молодого и малоопытного коллегу, делая акцент на том, что его заместителя просто не так поняли. (Дословно, в передаче уральского автономиста и кадета Льва Кроля, злополучная фраза из уст М.П. прозвучала следующим образом: «Что такое теперь Россия, мы не знаем. А что такое Сибирь, мы знаем».)

Инцидент замяли, а Головачёва от вынужденной отставки спасло, по всей видимости, лишь то обстоятельство, что его твёрдые праволиберальные политические убеждения позарез были нужны, в том числе и иностранным союзникам, на поприще предстоящей борьбы умеренных левых и правых в самом Омском правительстве, а также в политических кругах вокруг него. (Однако, как только это противостояние завершилось полной победой кадетов, представители Антанты тут же поставили на вид П.В. Вологодскому вопрос о нежелательности пребывания на таком ответственном министерском посту не в меру вольнодумного молодого человека.)

Следующим важным этапом правительственной деятельности Мстислава Головачёва стала его поездка в составе делегации ВСП в Томск, где в середине августа месяца начала свою работу Сибирская областная дума. В задачу прибывшей из Омска миссии входило, в том числе, дать понять депутатам сибирского предпарламента, кто, так сказать, в доме хозяин: или Сибирская областная дума, или выбранные ею министры. Результат оказался более чем удовлетворительным для Омского правительства, и не последнюю роль в этом, как нам представляется, сыграл товарищ министра иностранных дел ВСП. Так что накануне отъезда из Томска омской делегации к П.В. Вологодскому пробилось несколько представителей от эсеровской фракции СОД с требованием – отстранить Головачёва если ни от должности, то хотя бы от дальнейшего участия в челябинских переговорах с КОМУЧем, которые зарвавшийся молодой дипломат, по сведениям эсеров, намеревался сорвать.

Ну и, наконец, третьим самым важным поручением для Мстислава Петровича должна была стать его поездка вместе с Леонидом Загибаловым на Дальний Восток с целью убедить консульский корпус великих мировых держав поддержать в борьбе за власть на востоке России Омское Временное Сибирское правительство. Однако обстоятельства чрезвычайного характера, связанные с неожиданной отставкой

командующего Сибирской армией генерала Гришина-Алмазова, задержали Головачёва в Омске, так что он выехал во Владивосток лишь 8 сентября вместе со своим шефом – П.В. Вологодским. Данная миссия также окончилась весьма и весьма удачно для ВСП, а следовательно, и наш герой вполне мог рассчитывать, если ни на повышение по служебной лестнице, то хотя бы на сохранение и в дальнейшем за собой поста товарища министра иностранных дел. Но, увы, как мы уже отмечали, во владивостокских дипломатических миссиях ему по завершении всех необходимых дел припомнили скоропалительные челябинские заявления, да вдобавок ко всему неожиданно вскрылись ещё и факты проявления симпатий к немцам с его стороны… Официально Мстислав Петрович оставил занимаемый пост 1 ноября 1918 г. После этого он уехал в Томск и, по всей видимости, вновь вернулся к преподавательской деятельности в должности приват-доцента (внештатного учёного специалиста).

Идеям сибирского областничества, так сильно повлиявшим на его карьеру, несмотря ни на что, он остался всё-таки по-прежнему верен, точно так же, впрочем, как и праволиберальным политическим взглядам. По горячим следам всего пережитого он подготовил публичную лекцию под названием «Полгода возрождения Сибири» и 6 декабря прочитал её в актовом зале библиотеки Томского университета, где месяцем ранее, стараниями, в том числе, и его друзей кадетов была распущена – и на этот раз уже окончательно – Сибирская областная дума.

Головачёв после своей отставки оказался почти в полном забвении у колчаковского правительства. В условиях, когда у последнего довольно сносно шли дела на противобольшевистском фронте, в поддержке со стороны местной политической элиты оно особенно не нуждалось. Однако, как только наступление белых армий стало сильно пробуксовывать, а в тылу развернулось настоящая партизанская война, Колчак вспомнил опять о сибирских областниках из числа тех, кто ещё оставался лояльным к его правительству среди них оказался и Головачёв. 4 мая 1919 г. в Омске было созвано совещание группы автономистов под председательством известного красноярского областника Николая Козьмина, а уже через месяц, 5 июня, делегацию от этого совещания, в которую входил и Мстислав Головачёв, принял сам верховный правитель.

Данной группе общественных деятелей адмирал Колчак поручил составить проект положения об автономном устройстве Сибири, основной целью которого являлось создание при действующих властных структурах выборных органов с совещательными функциями. И это в то время, когда умеренная оппозиция, к которой примкнула большая часть сибирских областников, настаивала уже на срочном созыве Земского собора с законодательными полномочиями. Таким образом, проект Н.Н. Козьмина, в разработке которого принял участие и Головачёв, напоминал мёртворождённое дитя и, соответственно, не был принят передовой сибирской общественностью, нацелившейся к тому времени уже на создание не зависимой, как от колчаковского правительства, так и от советской России, Сибирской лево-демократической республики. Последний вариант, в свою очередь, оказался неприемлемым для правых областников, в том числе и для Мстислава Головачёва, которые, как следствие, осудили обе попытки вооруженного выступления, предпринятые земской оппозицией сначала (в ноябре 1919 г.) во Владивостоке, а потом (в декабре того же года) в Иркутске.

После разгрома белых войск на территории Сибири Мстислав Петрович перебрался на Дальний Восток. Там он сначала читал лекции в качестве опять внештатного преподавателя на сей раз в Дальневосточном университете, а в мае 1921 г. его пригласили на должность министра иностранных дел во Временное Приамурское правительство братьев С.Д. и Н.Д. Меркуловых. В октябре следующего 1922 г. он занял тот же пост в кабинете министров А.В. Сазонова, вокруг которого сплотилась небольшая группа как правых, так и левых сибирских областников, именовавших себя «Советом уполномоченных организаций автономной Сибири» (СУОАС) и категорически не желавших мириться с властью большевиков. Это очередное Сибирское правительство было создано за несколько дней до вступления частей Красной армии во Владивосток и проработало в общей сложности не больше недели, и, тем не менее, факт его существования отнесён историками в разряд абсолютно достоверных научных истин.

Правда, некоторые специалисты, занимающиеся данной тематикой, создание правительства во главе с Сазоновым и Головачёвым трактуют не иначе как очередную (неудачную) попытку правых кругов добиться под новый проект приостановки эвакуации японских войск с территории русского Дальнего Востока в целях продолжения борьбы с Советами. Другие представляют события с 20-го по 25 октября 1922 г. во Владивостоке совершенно иначе. С их точки зрения, в условиях, когда ввиду приближения к городу частей Красной армии и отрядов дальневосточных партизан всё бывшее гражданское и военное руководство Приамурской республики стало в панике погружаться на корабли, лишь сибирские областники нашли в себе мужество и силы для того, чтобы обеспечить хоть какой-то государственный порядок. В частности, им удалось получить от японцев расписки о вывозе за пределы страны русского золота на несколько миллионов рублей, хранившегося во владивостокских банках.

Эти ценные бумаги были сохранены министром финансов сазоновского правительства Валерианом Моравским. В августе 1923 г. он вместе с Мстиславом Головачёвым пытался вытребовать у японского правительства часть вывезенных из России денег на нужды эмигрантского сибирского освободительного движения. Но случилось несчастье: во время очередного землетрясения, кои, как известно, довольно часто происходят в Стране восходящего солнца, обрушилась гостиница, где проживали сибирские областники, сами они, к счастью, не пострадали, но вот все подлинники банковских документов с расписками оказались безвозвратно потерянными. Ни единого рубля из 250 миллионов (старыми) вытребовать так и не удалось, не помог даже суд.

В результате всех этих событий дела у Совета уполномоченных организаций автономной Сибири пошли совсем плохо, и после смерти А.В. Сазонова в 1928 г. Совет распался на две самостоятельные организации, одну из которых возглавил Валериан Моравский, а другую – Мстислав Головачёв. Через некоторое время они вновь объединились, но, как оказалось, лишь для того, чтобы в середине 30-х годов уже окончательно уйти в небытие. Проживал наш герой в указанное время сначала в Харбине, а в 1935 г. переехал вместе с семьёй в Шанхай. Занимался главным образом адвокатской практикой, одно время редактировал газету «Эмигрантская мысль», участвовал в благотворительной деятельности.

В 1949 г. в результате прихода к власти в Китае коммунистов Мстислав Петрович, как и большинство русских эмигрантов, вынужден был в очередной раз искать себе политического убежища в другой стране. Он выбрал США, но ни средств, ни возможностей для переезда туда он не имел… однако Головачёв всё-таки нашёл способ это сделать и в результате ещё раз вписал своё имя в исторические анналы, став одним из авторов фальшивки века, так называемого «письма Ерёмина», проливавшего якобы свет на «величайший секрет Сталина». Сибирский профессор Головачёв, так именовала его в тот период зарубежная пресса, утверждал, что у него на руках имеется подлинник документа, изъятого из архивов жандармским офицером по фамилии Ерёмин, из которого со всей определённостью явствовало, что Иосиф Джугашвили (Сталин) с 1906-го по 1916 г. сотрудничал с царской секретной полицией.

Это «письмо» было состряпано в среде русской эмиграции ещё в 30-е годы и предлагалось в качестве орудия политической борьбы германской и японской разведке, но оно их мало заинтересовало. А вот американцев, в период начала холодной войны с СССР – даже очень. По слухам (то есть по неподтверждённым данным), «письмо Ерёмина» Головачёву удалось продать в 1949 г. за 50 тысяч долларов и, главное, – получить вид на жительство в США. Умер в Сан-Франциско в 1956 году.

Гольдберг Борис Исаевич – еврей по национальности, 34 года в 1918 г., уроженец Екатеринослава, родился в семье рабочего, рано потерял отца, поэтому начал трудиться с юных лет, систематического образования не получил, работал на кондитерской фабрике, потом – парикмахером, затем освоил несколько типографских профессий. За революционную деятельность был сослан в Сибирь, и в 1902 г. в Чите вступил в члены РСДРП, большевик. Во время Первой русской революции проживал в Томске, являлся членом боевой дружины. Осенью 1905 г. в числе других участников акции гражданского неповиновения оказался блокированным агрессивно настроенными русскими патриотами (в простонародье – черносотенцами) в помещениях железнодорожного управления (теперь ТУСУР) на Новособорной площади, но в отличие от многих других сумел избежать расправы и скрыться из горящего и обстреливаемого здания. Однако вскоре его всё-таки арестовали и сослали на поселение в Вятку. В 1915 г. его призвали в армию в артиллерийскую запасную батарею, дислоцировавшуюся в Томске. В этот период Борис Гольдберг возобновил знакомство со многими местными большевиками, в том числе с Сергеем Костриковым (Кировым) и с не менее известным Яковом Юровским (будущим комендантом Дома особого назначения в Екатеринбурге).

После Февральской революции 1917 г. Бориса Исаевича избрали товарищем (заместителем) председателя городского Совета солдатских депутатов. А в ходе Октябрьского переворота он выдвинулся в число ведущих советских управленцев и в начале 1918 г. занял должность заведующего финансовым отделом Томского губисполкома, согласно его распоряжениям, в частности, проводилась конфискация (экспроприация) денежных средств у местной буржуазии, а также её движимого и недвижимого имущества. В апреле того же года он возглавил ещё и томский губернский военный комиссариат.

В конце мая в ходе развернувшегося в Сибири вооруженного мятежа Чехословацкого корпуса Борис Гольдберг вошёл в военно-революционный штаб Томска. Именно он в ночь на 31 мая председательствовал на расширенном заседании этого штаба, принявшем решение о сдаче Томска без боя врагу и о срочной эвакуации ведущих большевиков, а также интернациональной Красной гвардии из города. После успешного осуществления данной операции он участвовал в боях под Тюменью и на Урале, потом был назначен начальником управления особых формирований 3-й Красной армии, сражавшейся против сибирских частей генерала Пепеляева под Пермью и Вяткой.

После окончания Гражданской войны Гольдберга назначили командующим Приволжским военным округом. Находясь на этом посту, он руководил подавлением крестьянских выступлений в Поволжье, Прикамье и Западном Казахстане. С 1925 г. – на гражданской службе, некоторое время являлся коммерческим директором треста «Моссукно», а потом работал торговым представителем в Иране. В 1930 г. его перевели на Камчатку в качестве директора акционерного общества, а фактически на протяжении последующих четырёх лет Борис Исаевич являлся, как тогда говорили, «начальником Камчатки».

«Угар непа», видимо, подействовал каким-то образом на старого большевика, и он начал, что называется, морально разлагаться. В 1933 г. его исключили из партии с формулировкой: «За потерю классовой бдительности, выразившуюся в наличии в аппарате заведомо классово чуждых и вредительских элементов», что в переводе на обывательский язык означало: заводил себе любовниц из числа жен бывших белых офицеров, назначал их на ответственные посты с высокими окладами, а с одной из них даже катался на арендованном пароходе и, никого не стесняясь, откровенно по-купечески кутил.

Несмотря на это, в 1934 г. Гольдберг был переведён в Москву на работу в наркомат пищевой промышленности, одно время являлся директором ГУМа. Каким-то чудесным образом, как и в 1905 г. в Томске, сумел избежать репрессий 1937-1938 гг. Умер в 1946 г., похоронен на Новодевичьем кладбище.

Гольдберг Исаак Григорьевич – 34 года в 1918 г., еврей по национальности. Родился в Иркутске в семье кузнеца, сосланного в Сибирь из-под Минска. В период Первой русской революции Исаак Гольдберг вступил в эсеровскую партию, в 1907 г. за революционную деятельность был сослан в Туруханский край, где находился до 1912 г. После освобождения опубликовал книжку под названием «Тунгусские рассказы». В 1916 г. вернулся в Иркутск, редактировал газету «Сибирь» (с 1916-го по январь 1918 г.), в этот же период вошёл в состав иркутской группы сибирских областников.

В начале января 1918 г. Гольдберг за публикацию тенденциозных материалов о декабрьском вооруженном восстании юнкеров в Иркутске был арестован большевиками, но через несколько дней освобождён. Вскоре переехал в Томск, где принял участие в работе предварительных комиссий Сибирской областной думы и стал председателем её эсеровской фракции. После роспуска СОД занял должность редактора томской эсеровской газеты «Голос народа». Летом 1918 г. после свержения на территории Сибири советской власти Исаак Гольдберг принял участие в работе III Томского губернского крестьянского съезда, и от Крестьянского трудового союза его во второй раз избрали в члены Сибирской областной думы, где он опять возглавил самую крупную фракцию депутатов-эсеров. Во время августовской сессии СОД в составе депутатской группы вёл переговоры с председателем Временного Сибирского правительства *П.В. Вологодским* о переносе резиденции правительства из консервативного Омска в более либеральный в политическом отношении Томск. Однако Вологодского, приехавшие с ним министры и доверенные лица сумели убедить не делать этого. Последнее обстоятельство в скором времени сыграло если не решающую, то во многом определяющую роль в развитии всей политической ситуации в регионе, а возможно, повлияло и на весь дальнейший ход Гражданской войны в Сибири. После вторичного роспуска Сибирской думы в ноябре 1918 г. Гольдберг вернулся в Иркутск и возглавил оппозиционную колчаковскому режиму, эсеровскую фракцию большинства в Иркутской городской думе. По другим сведениям, в тот период он, напротив, вышёл из эсеровской партии и начал сотрудничать с белогвардейскими властями.

При «втором пришествии» большевиков занимался литературным творчеством, печатался в сибирских журналах, став одним из самых известных писателей Сибири. В апреле 1937 г. был арестован и в декабре 1939 г. расстрелян. Полностью реабилитирован в 1957 г.

Горбань Фёдор Иванович – 35 лет в 1918 г., уроженец с. Головково Киевской губернии, из крестьянской семьи, окончил сельскохозяйственное училище, потом приобрёл профессию слесаря. Революционную деятельность начал ещё 1901 г. в восемнадцатилетнем возрасте, тогда же был впервые арестован и несколько месяцев провёл за решёткой. После освобождения поселился в Одессе и устроился работать на завод. Участвовал в забастовочном движении, несколько раз подвергался тюремному заключению, в том числе и за связь с матросами восставшего броненосца «Потёмкин» в итоге его сослали на поселение в Архангельскую губернию. Оттуда он почти сразу же сбежал, нелегально проживал сначала в Харькове, потом в Одессе, но в 1911 г. его вновь арестовали и на этот раз сослали в Сибирь, на север Томской губернии.

По политическим убеждениям Фёдор Иванович сначала являлся анархистом, но потом, находясь в Нарымской ссылке, близко сошёлся с социал-демократами. Незадолго до Февральской революции Горбань получил освобождение и осел в Новониколаевске (современном Новосибирске). В 1917-1918 гг. он – один из большевистских лидеров этого города, в августе 1917 г. Фёдора Ивановича

избрали в состав Западно-Сибирского исполкома Совета рабочих и солдатских депутатов, в начале 1918 г. – ещё и членом Новониколаевского городского исполкома. Затем его назначили председателем комитета по борьбе с контрреволюцией и саботажем. В то же время он принимал активное участие в национализации частных предприятий. Однако вскоре Горбаня исключили из партии и сняли со всех руководящих должностей по причине многочисленных злоупотреблений властью, имевших место в период действия в начале марта в Новониколаевске военного положения и выразившихся в незаконной конфискации имущества у зажиточных граждан города, в расстреле без суда двух подозреваемых в контрреволюционном мятеже, а также в многочисленных избиениях арестованных, осуществлявшихся с его санкции. В мае того же года его делом занимался революционный трибунал.

Во время вспыхнувшего вскоре после этого белочешского мятежа Фёдор Иванович был арестован и 4 июня расстрелян белыми при «попытке к бегству».

Грацианов Александр Алексеевич – 53 года в 1918 г., уроженец Нижегородской области, родился в семье священника, окончил медицинский факультет Томского университета, по профессии – врач, имевший до революции 1917 г. достаточно широкую частную практику, сибиревед. Одно время Грацианов проживал в Томске на улице Преображенской (ныне улица Дзержинского), в районе так называемой «Сибирской слободки» по соседству с Потаниным, Адриановым, Вологодским и другими видными томскими учёными и общественными деятелями, в кругу которых он постепенно приобщился к идеям сибирского областничества. Однако незадолго до Февральской революции Грацианов покинул «Сибирскую слободку» и поселился на улице Белинского (строение №48) в роскошной деревянной усадьбе (в настоящее время на территории усадьбы Грацианова располагается общественная приёмная томского губернатора). В период с 1910-го по 1916 г. Александр Алексеевич дважды избирался гласным (депутатом) Томской городской думы, заведовал её санитарным бюро, а также являлся председателем городской ревизионной комиссии. В октябре месяце революционного 1917 г. Грацианов вновь баллотировался в гласные Томской городской думы (выдвигался по списку меньшевиков), но на этот раз не прошёл, так как подавляющее число голосов томских избирателей было тогда отдано за большевиков и эсеров.

Октябрьскую социалистическую революцию Александр Алексеевич не принял. Летом 1918 г. в ходе антибольшевистского восстания Грацианов сделал блестящую политическую карьеру. Сначала его, опять же от партии меньшевиков, кооптировали в состав Томской городской думы (кооптация была произведена после удаления из думы потерявших власть большевиков). Потом по рекомендации своих друзей областников Грацианов вошёл в число членов Томского губернского комиссариата, а вскоре его назначили на ответственную должность в один из отделов Западно-Сибирского комиссариата Временного правительства автономной Сибири (Петра Дербера – «Пети маленького»). И, наконец, 16 июля 1918 г. Александр Алексеевич занял пост товарища (заместителя) министра внутренних дел во Временном Сибирском правительстве (Петра Вологодского – Петра, как оказалось, «большого»).

Находясь в этой должности, Грацианов в сентябре того же года, сблизившись в Омске с деятелями из кадетской партии, принял активное участие в политической акции по отстранению от власти трёх своих коллег по Сибирскому правительству, политиков умеренно левого направления: Крутовского, Шатилова и Патушинского, а также, как многие полагали тогда, имел косвенное отношение и к убийству сибирского министра-социалиста Новосёлова. Однако следственная комиссия, назначенная по распоряжению Уфимской Директории, не выявила в действиях Грацианова состава преступления, так что он не только не понёс никакой ответственности, но и сохранил высокий министерский пост. А в ноябре того же года он в той же должности товарища министра внутренних дел вошёл сначала в состав Всероссийского правительства Уфимской Директории, а потом и в правительство адмирала Колчака. Александр Алексеевич явился автором нового закона по выборам в городские думы, согласно которому устанавливался возрастной ценз, а также ценз оседлости для кандидатов в гласные сибирских городских дум. Данным законом, принятым в декабре 1918 г., также полностью отменялся принцип выборности по партийным спискам и заменён мажоритарной системой.

В июне 1919 г. в результате политических интриг и министерских аппаратных склок Грацианова вынудили подать прошение об отставке. После этого он уехал в ставший ему родным Томск, где до конца декабря того же года (до второго, что называется, «пришествия» советской власти) исполнял обязанности городского головы, последнего, собственно, городского головы в томской истории. Арестованный в 1920 г. большевиками Грацианов вскоре предстал перед судом чрезвычайного революционного трибунала в Омске и был приговорён к пожизненному заключению (для сравнения: единственного министра-социалиста колчаковского правительства Шумиловского тот же суд приговорил к расстрелу). Однако уже в 1923 г. Грацианова по ходатайству Сибздрава освободили, после чего он вскоре поселился в курортном Сочи и работал там в течение нескольких лет санитарным

врачом. В 1927 г. его вновь арестовали и приговорили к поселению под надзором, которое он отбывал в г. Шадринске Курганской области. Здесь в Шадринске в 1931 г. Александр Алексеевич Грацианов и умер.

Грибанов Никита Иванович – народный социалист, в декабре 1917 г. на чрезвычайном Сибирском областном съезде был избран в состав финансово-экономического отдела при Временном Сибирском областном совете (фактически первом временном Сибирском правительстве).

Григорьев Логин Антонович – 35 лет в 1918 г., правый эсер, в ноябре 1917 г. был избран членом Всероссийского Учредительного собрания от Томской губернии.

Григорьев Николай Михайлович – 39 лет в 1918 г., уроженец Ярославской губернии, образование среднее, в Сибири проживал с 1909 г., работал инструктором в системе кооперации, член партии эсеров. В период Февральской революции 1917 г. у него на квартире в Томске по адресу: ул. Загорная-56, кв. 4 – собирались эсеры, политические ссыльные – военнослужащие томских запасных полков и обсуждали важнейшие революционные события. В 1917 г. Николай Михайлович являлся членом томской губернской продовольственной управы и был делегирован ею в качестве участника декабрьского Сибирского областного съезда.

Гришин-Алмазов Алексей Николаевич – 38 лет в 1918 г., из обедневшей дворянской семьи, уроженец Тамбовской губернии, окончил Воронежский кадетский корпус и столичное Михайловское артиллерийское училище. Долгое время служил в сибирских частях на штабной работе, в составе правительственных экспедиций много путешествовал по Амурской области и Уссурийскому краю. Участник русско-японской и Первой мировой войн. В 1914 г. в составе 5-го Сибирского армейского корпуса принял боевое крещение в районе ст. Барановичи, возглавлял службу связи, потом некоторое время исполнял обязанности адъютанта командира корпуса. В 1915 г. Алексей Николаевич получил звание капитана и принял под команду мортирную батарею, входившую в состав одной из ударных частей (знаменитые батальоны смерти), был награждён Георгиевским крестом 4-й степени, а также орденами Св. Анны 3-й и 4-ей степени и Св. Станислава 2-й и 3-ей степени. После Октябрьской революции за неподчинение советской власти подвергся тюремному заключению, но вскоре получил освобождение и бежал на Дон.

В начале 1918 г. подполковник Гришин прибыл в Сибирь и под псевдонимом Алмазов вошёл в число главных организаторов местного антибольшевистского подполья, заняв сначала должность руководителя новониколаевской боевой организации, а потом пост начальника центрального Западно-Сибирского штаба вооруженных формирований Временного правительства автономной Сибири. Летом того же года в ходе антисоветского восстания, подкреплённого выступлением Чехословацкого корпуса, Гришина-Алмазова назначили командующим Западносибирской (с конца июля – Сибирской) армией, а потом и управляющим военным министерством в Сибирском правительстве *П.В. Вологодского*. Однако в результате политических интриг, а главным образом после разговора на повышенных тонах с представителями иностранных союзных держав 4 сентября 1918 г. к тому времени уже генерал-майор Гришин-Алмазов был смещён со всех постов и, оставшись не у дел, вскоре перебрался на юг России в армию генерала Деникина.

Здесь в конце 1918-го – начале 1919 гг. он несколько месяцев исполнял обязанности генерал-губернатора Одессы («диктатора Одессы»), успешно боролся в тот период не только с большевиками и украинскими националистами, но и с криминалитетом города, выдержал несколько покушений со стороны бандитов. В этих условиях он и сам иногда не брезговал расправами, что называется, без суда и следствия, за что большевики, по свидетельству, например, писателя И. Бунина, прозвали его ярым черносотенцем и душегубом. По отношению к уголовному миру Гришин-Алмазов часто использовал практику массовых облав, во время которых под предлогом вооруженного сопротивления властям безжалостно уничтожались члены воровских шаек. Подобную тактику в борьбе с преступным сообществом, кстати, потом применял и маршал Победы Георгий Жуков, также оказавшийся в Одессе, но только уже в конце 40-х годов, в опальной должности «генерал-губернатора».

Тут же, в Одессе, в этот период с Гришиным-Алмазовым произошла ещё одна очень странная и во многом запутанная история. В отсутствие своей жены *Марии Александровны*, которая осталась в Омске, Алексей Николаевич завёл любовный роман со знаменитой актрисой немого кино Верой Холодной (в девичестве Левченко). Последняя, как и многие другие знаменитые актрисы – во цвете лет, таланта и популярности, не отказывала себе в удовольствии иметь отношения сразу с несколькими мужчинами. В результате в феврале 1919 г. «королева немого экрана» ушла в мир иной в возрасте неполных 26 лет при весьма загадочных обстоятельствах. По официальной версии, несчастная женщина умерла от испанки (тяжелой формы гриппа), по неофициальной – от удушья, вызванного букетом «живых» лилий. Кто из интимных поклонников кинодивы прислал те ядовитые цветы: то ли французский

консул, то ли большевистский агент Инсаров, то ли наш «диктатор Одессы», а может быть, и ещё кто, – так и не удалось выяснить. Однако вскоре по приказу главнокомандующего французскими войсками, контролировавшими порт Одессу и прилегавшие к нему территории, Гришин-Алмазов, под абсолютно формальным предлогом, был смещён теперь и с должности генерал-губернатора.

После этого в мае того же 1919 г. Алексей Николаевич по заданию диникинского штаба отбыл в Сибирь, к Колчаку, с планом совместных действий по захвату Москвы. Однако при пересечении Каспийского моря шхуна генерала Гришина неподалёку от нынешнего города Шевченко натолкнулась на красный эсминец. В завязавшемся бою Алексей Николаевич был убит, по другой версии – застрелился, не желая сдаваться в плен. В питерском музее политической истории до сих пор в качестве экспоната хранится кортик, якобы снятый с тела уже мёртвого генерала – первого командующего Сибирской добровольческой армией.

Гришина-Алмазова Мария Александровна – урождённая Захарова, супруга А.Н. Гришина-Алмазова, артистка по профессии и светская львица по призванию. В Омске в период 1918-1919 гг. содержала модный салон, в котором порой проходили важнейшие политические совещания, в частности здесь, по воспоминаниям некоторых современников, накануне 18 ноября 1918 г. обсуждались детали предстоящего колчаковского переворота. В январе 1920 г. Гришина-Алмазова была арестована большевиками в Иркутске, а потом вместе с бывшим премьером В.Н. Пепеляевым, адмиралом А.В. Колчаком и его гражданской женой Тимерёвой содержалась в местной тюрьме. После своего освобождения эмигрировала за границу, опубликовала письменные воспоминания о днях, проведённых ею в Иркутской тюрьме, явившихся свидетельством последних моментов жизни бывшего верховного правителя России А.В. Колчака.

Гудков Павел Павлович – 38 лет в 1918 г., коренной сибиряк, родился на золотых приисках Южно-Енисейского горного округа, где его отец служил в должности управляющего. Окончил Красноярскую губернскую гимназию, потом год проучился в Петербургском университете, но затем перевёлся в Петербургский горный институт, который с успехом окончил через несколько лет. После этого Павел Гудков был приглашён в Томский технологический институт на кафедру геологии, где спустя некоторое время занял должность профессора. Одновременно с преподавательской и научной деятельностью Павел Павлович участвовал в многочисленных геолого-разведывательных экспедициях на территории Кузнецкого Алатау, Южно-Енисейского горного округа, а также в Оренбургской и Семипалатинской областях. Проживал в Томске по адресу: Технологический институт, горный корпус, кв.8. В то же время он принимал активное участие и в общественной жизни Сибири, являлся одним из учредителей общества сибирских инженеров и томского общества изучения Сибири, состоял членом и некоторых других неформальных организаций, в том числе примыкавших и к областническому движению.

После Февральской революции 1917 г. Павел Гудков сразу же занялся активной политической деятельностью, уже в марте его избрали членом революционного Томского городского Народного собрания. В августе того же года Гудков принял участие в работе Общесибирской областнической конференции. На первом (октябрьском) Сибирском областном съезде он вошёл в состав сначала финансово-экономической секции, а потом финансово-экономического совета, по поручению которого составил специальную «записку» о сибирской горной промышленности, включавшую как историю её развития, так и характеристику её будущих весьма значительных перспектив. На том же первом съезде Павла Павловича избрали кандидатом в члены Сибирского исполнительного комитета. Участвовал он и в работе второго декабрьского (чрезвычайного) Областного съезда. Ни в одной из политических партий не состоял, но, по некоторым сведениям, выказывал (как тогда говорили) сочувствие идеям социал-демократов (меньшевиков).

В июне 1918 г., после свержения на территории Западной Сибири власти большевиков, профессор Гудков занял пост управляющего отделом торговли и промышленности при Западно-Сибирском комиссариате Временного правительства автономной Сибири (ВПАС), а в июле того же года он вошёл в состав Временного Сибирского правительства (ВСП) *П.В. Вологодского* в должности управляющего министерством торговли и промышленности (в ранге министра). В августе того же года Павел Гудков в составе правительственной делегации присутствовал на заседаниях начавшей, наконец, свою работу Сибирской областной думы. Во время обострившегося в сентябре правительственного кризиса Павел Павлович возглавил комиссию по расследованию обстоятельств насильственного отстранения от должностей министров-социалистов ВСП *Шатилова и Крутовского*, а также убийства бывшего министра ВПАС *Новосёлова.* В начале ноября при формировании в Омске нового Временного Всероссийского правительства Уфимской Директории, ВСП было расформировано, и сочувствующий меньшевикам Гудков получил полную отставку. После этого Павел Павлович навсегда отошёл от политической деятельности и вернулся к преподавательской работе.

Гулидов Владимир Платонович – 42 года в 1918 г., родился в Одессе, здесь же окончил пехотное училище, участник русско-японской войны, после окончания которой Гулидова определили на службу в Красноярск. В период Первой мировой войны он дослужился до звания полковника и окончил её в должности командира бригады. В конце 1917 г. (по другим данным – в марте 1918 г.) Владимир Платонович после демобилизации вернулся в Красноярск к семье и вскоре вошёл в состав антибольшевистской подпольной организации, военный штаб которой он возглавил в мае, в самый канун всесибирского вооруженного восстания. В июне того же года, уже после свержения советской власти в городе, Владимир Платонович получил назначение на должность начальник гарнизона Красноярска и одновременно стал исполнять обязанности командующего войсками Енисейского района. С середины июля полковник Гулидов в составе частей Степного Сибирского корпуса воевал на Семиреченском фронте (Североказахстанском), а потом под Семипалатинском в должности командира 5-й Сибирской дивизии. В марте (по другим данным – в мае) 1919 г. приказом адмирала Колчака его повысили в звании до генерал-майора. Осенью того же года Гулидов получил отпуск и находился до декабря в Красноярске, после чего Колчак назначил его на должность командующего Минусинским фронтом. В январе 1920 г. в результате разгрома остатков белых армий под Красноярском, генерал Гулидов попал в плен к красным и 30 мая того же года был расстрелян. В 1998 г. прокуратура Красноярского края полностью реабилитировала Владимира Петровича.

Гуркин (Чорос-Гуркэ) Григорий Иванович – 48 лет в 1918 г., выдающийся сибирский живописец, уроженец Горного Алтая, из села Улала (теперь Горно-Алтайск), окончил церковно-приходскую школу и иконописный класс при ней. Происходил из древнего телеутского рода чоросов, поэтому на алтайский манер свой творческий псевдоним он обозначил как Чорос-Гуркин. Григорий Чорос-Гуркин – первый профессиональный художник из числа коренных народов Алтая, ученик И.И. Шишкина, этнограф и писатель. Помимо выдающихся произведений изобразительного искусства, таких как «Хан-Алтай» (1907 г.), «Озеро горных духов» (1910 г.), «Корона Катуни» (1910 г.) и др., во время своих многочисленных поездок по Алтаю, Горной Шории, Хакасии и Тыве им были сделаны зарисовки разного рода археологических памятников главным образом древнетюркских изваяний и надписей, а также граффити и петроглифов доисторического человека, многие из которых потом оказались безвозвратно утеряны и сохранились таким образом только на рисунках Гуркина. Наряду с этим Григорий Иванович также являлся и активнейшим деятелем горноалтайского национально-культурного возрожденческого движения.

В апреле-мае революционного 1917 г. Григорий Иванович Гуркин возглавлял делегацию горноалтайцев на проходившем в Томске Народном губернском собрании, где впервые публично высказался за предоставление своему народу равных прав с великороссами по культурно-образовательному, экономическому и политическому развитию. В июле того же года на состоявшемся в Бийске съезде народов Горного Алтая, Гуркин был избран председателем Алтайской Горной думы и по поручению съезда подготовил материалы для выделения Горного Алтая в отдельный уезд. С этими документами Григорий Иванович осенью того же года отбыл в Петроград, где в самый канун Октябрьской революции получил разрешение от Временного правительства об организации на территории Горного Алтая административно самостоятельной земской единицы, а также отдельного избирательного округа по выборам членов Учредительного собрания.

Однако большевистский переворот автоматически отменил все распоряжения прежнего правительства, так что процесс по официальному признанию горноалтайской автономии пришлось начинать сначала. Получив в феврале 1918 г. от советских властей разрешение на проведение в Улале съезда инородческих и крестьянских депутатов, Гуркин вместе с группой своих единомышленников добился утверждения делегатами съезда решения об образовании явочным порядком так называемого Каракорум-Алтайского территориально-национального округа в рамках РСФСР. А сам Григорий Иванович был избран на съезде главой распорядительного и исполнительного органов этого округа. Однако вскоре начавшееся в Сибири антибольшевистское вооруженное восстание вновь спутало горноалтайцам все карты.

В июле-августе 1918 г. Григорий Гуркин совершил поездку в Омск, для того чтобы согласовать решения Улалинского съезда с министрами Временного Сибирского правительства, но не получил у них согласия на образование Каракорум-Алтайского территориального округа. Однако исполнительные структуры, избранные на съезде, всё-таки удалось сохранить, и Гуркин остался на посту председателя окружной управы. После прихода к власти Колчака Григорию Ивановичу припомнили и сотрудничество с правительством Керенского, и дружбу с Советами, и даже участие в «сепаратистском движении», за что подвергли дознанию в контрразведке. Вследствие чего с декабря 1918 г. и по апрель 1919 г. Гуркин содержался под стражей в бийской тюрьме, но в конце концов был всё-таки освобождён, видимо, за

недоказанностью выдвинутых против него обвинений. Однако в автобиографии, написанной в 20-х гг. уже в советской России, Г.И. утверждал, что чрез некоторое время после освобождения его якобы вновь арестовали и держали в тюрьме до самого прихода в город Бийск красных войск.

На самом деле всё, видимо, было немного не так. Опасаясь нового ареста, но только не со стороны белых, а со стороны победивших большевиков, Гуркин принял решение эмигрировать с отступающими колчаковскими частями на территорию Монголии, где он находился почти целый год. После чего с отрядом красных партизан перешёл через границу на территорию Урянхая (ныне Тыва) и в течение нескольких лет проживал то здесь, то в Хакасии, полностью оставив политическую деятельность и занимаясь только лишь художественным творчеством. В 1925 г. он подал прошение на переезд в Горный Алтай, которое сразу же удовлетворили, и Гуркин с семьёй поселился в родном селе Улала (тогда уже переименованном в г. Ойрот-Туру). Горный Алтай, как и мечтал Гуркин, к тому времени стал отдельной Ойротской автономной областью в составе РСФСР, так что Григорий Иванович с большим желанием включился в процесс культурно-образовательного возрожденческого движения своего народа. Писал картины на новую тематику, участвовал во всевозможных выставках, в том числе и в столичных, оформлял рисунками учебники и первые книги на родном алтайском языке. И всё бы хорошо, но вот пришёл период очередного кровавого безумия в русской истории, и Гуркина по обвинению в «японо-военной контрреволюционной повстанческой деятельности» летом 1937 г. арестовали и уже в октябре расстреляли по постановлению тройки управления НКВД. Полностью реабилитирован в 1956 г.

Двинаренко Н.П. – в 1917-1919 гг. один из лидеров омских правых, член кадетской партии, председатель Омского военно-промышленного комитета, член омского отделения «Союза освобождения», крупный сибирский промышленник («пароходчик», как называл его в своих дневниках П.В. Вологодский), матрос, ставший миллионером (у Г. Гинса). В начале 1918 г. Двинаренко входил в число главных организаторов антибольшевистского вооруженного подполья в Омске, а осенью того же года сыграл немаловажную роль в установлении на территории Сибири военной, правобуржуазной диктатуры адмирала А.В. Колчака.

Демьянов Авраамий Федорович – 25 лет в 1918 г., уроженец Ишимского уезда Тобольской губернии, большевик. После Февральской революции 1917 г. принял активное участие в создании первых отрядов Красной гвардии в Омске и вскоре возглавил самый крупный из них, сформированный на Атаманском хуторе из рабочих железнодорожных мастерских. Принимал участие в подавлении юнкерского антисоветского мятежа в городе (1–2 ноября 1917 г.), а также так называемого поповского бунта (18–21 февраля 1918 г.). В конце февраля омский отряд красногвардейцев-железнодорожников во главе со своим командиром был направлен в Тобольск для помощи местным большевикам в установлении в городе и губернии советской власти. До этого момента она находилась в руках комиссара Временного правительства Василия Пигнатти. Второй задачей, поставленной отряду, являлась охрана царской семьи, уже почти год находившейся в Тобольске в ссылке. Отстранив от власти теперь уже бывшего комиссара бывшего Временного правительства и обеспечив отправку в пролетарский Екатеринбург опять же бывшего царя, а теперь «просто» гражданина Николая Романова, Демьянов где-то к началу мая вернулся в Омск.

В период июньского мятежа военнослужащих Чехословацкого корпуса после гибели у ст. Марьяновка начальника штаба (командира) омских красногвардейских отрядов Григорьева Авраамия Демьянова назначили на его место. Как и большинство других советских функционеров, он 7 июня с остатками красных частей эвакуировался из столицы Западной Сибири на пароходах к Тобольску и Тюмени, потом воевал в составе частей 3-й Красной армии, дослужился до командира полка. По окончании Гражданской войны Демьянов был направлен в родной для него Тобольск, превратившийся к тому времени из губернского в уездный центр. Там он занимал должности: председателя городского комитета РКП(б), зампредседателя, а потом и председателя исполкома. В феврале 1921 г., в период развернувшегося на территории Тюменской губернии крестьянского восстания, его назначили начальником тобольской вооруженной группы, подавившей выступление недовольных продразвёрсткой селян. О дальнейшей судьбе этого человека сведений осталось мало, известно, что он в последующие годы работал на руководящих должностях, в частности в системе здравоохранения Перми. Умер в 1952 г.

Денисов Валериан Петрович – 41 год в 1918 г., уроженец Орловской губернии, проживал в Томске с 1909 года. Образование высшее, по профессии – педагог, по политическим взглядам – меньшевик. После Февральской революции вошёл в состав революционного Временного Комитета общественного порядка и безопасности по управлению Томской губернией. В 1917-1918 г. Валериан Петрович член Томской губернской земской управы, делегат декабрьского Сибирского областного съезда. На первом Всесибирском съезде земств и городов, проходившем в сентябре 1918 г. в Томске, выступал с пленарным докладом «Взаимоотношения губернских и уездных земств».

Дербер Пётр Яковлевич (Пинкус Янкелевич) – 30 лет в 1918 г., еврей по национальности, родился в Одессе, в семье мелкого служащего, окончил ремесленное училище, в революционном 1917 г. числился студентом юридического факультета Томского университета. Член партии эсеров с 1902 г., профессиональный революционер, за свой маленький рост получил обидное прозвище Петя Маленький или Петя Кнопка. После участия в революционных событиях 1905 г. Дербер был сослан в Сибирь, где он после окончания срока ссылки, и осел, активно включившись в работу сибирской кооперации. Проживал в Омске.

После Февральской революции 1917 г. Пётр Яковлевич перешёл из системы кооперации на службу в Акмолинский (Омский) областной земельный комитет и вскоре стал его председателем. В тот же период Дербер становится лидером омских правых эсеров (эсеров-оборонцев) и играет весьма заметную роль в исполкоме Западно-Сибирского Совета крестьянских депутатов, в июле 1917 г. принявшего, в частности, несколько резолюций по борьбе с усиливавшимся влиянием большевиков, особенно в солдатской среде. В это же время Дербер проявляет себя и как начинающий сибирский младообластник. В октябре 1917 г. он принимает участие в работе I-го Сибирского областного съезда, где входит в состав его президиума, а в завершение его работы избирается кандидатом в члены Сибирского исполнительного комитета. На втором декабрьском (чрезвычайном) Сибирском областном съезде Дербер делегируется в состав Временного Сибирского областного совета (в какой-то степени первого правительства автономной Сибири), а после выхода из его состава председателя Совета – *Г.Н. Потанина* – фактически становится главой данного Совета.

В самом начале 1918 г. Дербер явился одним из активных участников процесса по созыву в Томске Сибирской областной думы, а после её разгона большевиками он возглавил первое официальное правительство сибирских областников (умеренно левых по своим политическим взглядам) – Временное правительство автономной Сибири (сокращенно – ВПАС), заняв в нём пост ещё и министра земледелия. В феврале того же года Дербер эмигрировал с частью правительства в Харбин, откуда на всём протяжении первой половины 1918 г. он руководил созданием вооружённого подполья на территории Сибири, а также налаживал контакты с представителями иностранных государств, изыскивая финансовые и другие средства поддержки для организации антисоветского переворота на востоке России. В конце июня 1918 г., в ходе начавшегося на территории Сибири и Дальнего Востока чехословацко-белогвардейского вооруженного мятежа, Дербер вместе с некоторыми другими министрами ВПАС переехал из Харбина в только что освобождённый от красных Владивосток, где пытался предъявить законные права на политическую власть в Сибири, но не смог осуществить задуманного. Более того, 21 сентября того же года представители союзных держав вынудили его подписать «политическое завещание» о передаче власти в пользу Омского Сибирского правительства, возглавляемого к тому времени умеренно либеральным областником *П.В. Вологодским*.

После этого Пинкус Янкелевич вернулся в Сибирь уже как частное лицо, пытался ещё каким-то образом участвовать в общесибирском политическом оппозиционном движении, за что его, уже при Колчаке, арестовали. Сначала содержали в Томске, потом этапировали в семипалатинскую тюрьму, где он находился до конца осени 1919 г., пока его не освободили наступающие части Красной армии. После окончания Гражданской войны Дербер смирился со вторым изданием советской власти в Сибири и в течение последующих лет работал на большевиков: сначала – юристом в отделе здравоохранения Сибревкома, а потом – в Сибирском Госплане. Однако в конце 1922 г. он был арестован ГПУ и по обвинению в экономическом шпионаже приговорён к трём годам лишения свободы. Находясь в заключении, Дербер публично покаялся в своей антисоветской («контрреволюционной») деятельности, осуществлявшейся на протяжении 1917-1918 гг. Более того, он категорически осудил не только вооруженную, но и вообще какую-либо политическую борьбу эсеровской партии с большевиками. После освобождения из тюрьмы П.Я. переехал в Москву, работал простым научным сотрудником в Центральном бюро краеведения, в 1938 г. пал жертвой политических репрессий. Реабилитирован в 1991 г.

Дистлер Василий Григорьевич – 34 года в 1918 г. уроженец г. Томска, еврей-полукровка по национальности, младший брат известного томского эсера Александра Дистлера, окончил юридический факультет Томского университета, до Февральской революции 1917 г. работал в Иркутске адвокатом. Активный участник революционного движения в Сибири, член партии эсеров. В августе 1917 г. был избран председателем президиума городской думы Иркутска. В период декабрьского юнкерского восстания в составе делегации от демократической общественности Иркутска подписал соглашение с большевиками о прекращении огня и разделе власти в городе между двумя противоборствующими сторонами. В январе следующего 1918 г. Василий Дистлер выступал в качестве защитника на суде революционного трибунала по поводу привлечения к ответственности прежнего губернского прокурора Старынкевича.

После окончания Гражданской войны проживал в Москве. Расстрелян в 1938 г., реабилитирован в 1958.

Дитерихс Михаил Константинович – 44 года в 1918 г., дворянин, родился в Киеве, в офицерской семье, генерал-майор царской армии, окончил Пажеский корпус и Николаевскую академию Генерального штаба, участник русско-японской войны. Во время Первой мировой войны Дитерихс сначала находился при штабе Юго-Западной армии, затем командовал экспедиционным корпусом на Салонинском фронте (до июня 1917 г.). В августе того же 1917 г. во время корниловского мятежа Дитерихс проходил службу в корпусе генерала Крымова и участвовал, таким образом, в неудачном походе на Петроград мятежных белогвардейских войск. Тем не менее незадолго до Октябрьской революции правительство Керенского назначило Дитерихса на должность начальника штаба ставки Верховного главнокомандующего (Духонина). После разгрома большевиками ставки и роспуска штаба Михаил Константинович уехал на Украину и перешёл на службу в Чехословацкий корпус, определившись в нём опять на должность начальника штаба. В период антибольшевистского мятежа летом 1918 г. под его руководством передовые эшелоны чехословацких войск захватили сначала Владивосток, а потом, развивая наступление, в августе-сентябре того же года при поддержке японских, а также русских белогвардейских частей овладели Хабаровском и Благовещенском.

В начале 1919 г. Дитерихс перевёлся на службу в армию адмирала Колчака, получив должность генерала для поручений при Верховном главнокомандующем. Летом того же года он возглавлял комиссию по расследованию событий, связанных с расстрелом царской семьи, опубликовав на основании полученных материалов целую монографию по данной теме, некоторые факты из которой до сих пор являются весьма актуальными. После отставки генерала *Гайды* (июнь 1919 г.) Дитерихс занял его должность и возглавил сначала Сибирскую, а потом Западную армию. 2 июля Дитерихс приказом адмирала Колчака был произведён в генерал-лейтенанты и назначен командующим всем Восточным фронтом. А 10 августа он занял ещё и освободившееся после увольнения генерала Лебедева место начальника штаба Верховного главнокомандующего, с одновременным назначением его на должность военного министра. Результатом всех этих перестановок явилось то обстоятельство, что Дитерихсу сразу же удалось задержать наступление красных частей и в течение почти двух месяцев удерживать их у границ Сибири – на рубеже реки Тобол. Однако в октябре 1919 г. красные все-таки прорвали оборону белых, и Дитерихс предложил Колчаку трудный, но, как он считал, единственно правильный план спасения армии, состоявший в организованной эвакуации белогвардейских частей за реку Обь с одновременной сдачей без боя столицы «Колчакии» – Омска. Однако верховного правителя такой вариант развития событий категорически не устроил, и в результате Дитерихс оказался снят со всех должностей, а на смену ему пришёл генерал Сахаров, который своей бездарно проведённой операцией по обороне Омска окончательно, как и предсказывал Дитерихс, погубил колчаковскую группировку войск.

Сам же Дитерихс после полученной отставки эмигрировал как частное лицо в Харбин. Однако спустя два года он вновь вернулся в большую политику, и в июле 1922 г. на Земском соборе во Владивостоке был избран правителем Дальнего Востока («воеводой Приамурского края»). Придерживаясь монархических взглядов, Дитерихс пытался возродить традиции Земских соборов XVI–XVII веков, которые он считал чисто русским национальным ноу-хау и при помощи которых рассчитывал поднять и организовать русский народ на борьбу с большевиками. Но этот опыт оказался на тот момент крайне неудачным, и осенью того же года Земская рать воеводы Дитерихса потерпела сокрушительное поражение от частей наступавшей Красной армии. Владивосток пришлось оставить, и Михаил Константинович с небольшой частью солдат и офицеров отступил на территорию Китая. Последний период своей жизни генерал проживал в Шанхае (по данным Вс.Н. Иванова, работая кассиром в одном из французских банков), где и умер в 1937 г.

Дитман Сергей Александрович – большевик, за революционную деятельность отбывал ссылку в Нарымском уезде Томской губернии. В марте 1918 г. вошёл в состав созданного при Томском губернском исполкоме отдела по борьбе с контрреволюцией (ЧК), в мае того же года в связи с началом антибольшевистских акций протеста в составе специальной следственной комиссии занимался расследованием деятельности в Томске офицерского и эсеровского подполья. После свержения советской власти летом того же года перешёл на нелегальное положение, в августе на подпольной конференции большевиков был избран в состав Сибирского областного комитета партии, организатор большевистского сопротивления в Томске, а также на анжерских и судженских шахтах. После окончания Гражданской войны некоторое время возглавлял Томский губернский отдел народного образования.

Дитмар (фон) Сергей Федорович – 38 лет (по другим сведения – 50 лет) в 1918 г., из семьи военного, участник русско-японской войны, потом служил на Дальнем Востоке в Отдельном корпусе

пограничной стражи, подполковник царской армии (по другим сведениям – полковник). В начале 1918 г. Сергей Дитмар являлся одним из активных участников антибольшевистского подполья в Иркутске. В середине мая того же года он был арестован иркутскими чекистами. При обыске у Дитмара обнаружили некоторые секретные документы, в частности: коллективное обращение к японскому консулу в Иркутске, составленное от имени бывших офицеров местного гарнизона, одобрявших планы Японии по вводу на территорию русского Дальнего Востока своих войск и организации в Сибири противобольшевистского и одновременно противогерманского фронтов. Видимо, опасаясь, что товарищи по подполью могут обвинить его в предательстве, подполковник фон Дитмар при аресте покончил жизнь самоубийством (застрелился, по другой версии – отравился).

Дмитриев Иван Степанович – 30 лет в 1918 г., уроженец Казанской губернии, по профессии рабочий-литейщик, в ходе Первой русской революции вступил в члены РСДРП, в 1909 г. по политической статье был сослан на три года в Нарымский край, где познакомился с видными большевиками Куйбышевым, Косаревым и Николаем Яковлевым. После Октябрьской революции стал секретарём Кольчугинского (теперь Ленинск-Кузнецкий) Совета рабочих депутатов, с февраля 1918 г. являлся членом томского военно-революционного штаба и чрезвычайной следственной комиссии при Томском совдепе. После свержения советской власти в августе того же года на состоявшейся в Томске нелегальной Сибирской областной большевистской конференции Ивана Степановича избрали в состав подпольного Сибирского обкома большевиков, в сентябре-октябре он был арестован, потом бежал из тюрьмы и до свержения колчаковской власти находился в подполье. В 1920 г. служил в Томской губЧК, потом – на ответственной советской административной работе. Умер в 1935 г.

Достовалов – капитан царской армии, вместе с Анатолием Пепеляевым учился в Павловском военном училище, в феврале 1918 г. предложил подполковнику Пепеляеву вступить в тайную офицерскую организацию Томска. Заведовал террористическим отделом этой организации.

Доценко Павел Сергеевич – 24 года в 1918 г., правый эсер, член Енисейского (Красноярского) губернского комитета эсеров. Весной 1918 г., во время подготовки антибольшевистского мятежа в Сибири Доценко вошел в состав подпольного красноярского комиссариата Временного правительства автономной Сибири. В июне того же года после свержения советской власти он – один из трёх правительственных комиссаров Енисейской губернии, потом заместитель губернского комиссара Озерных, а с ноября, после отставки Озерных, Доценко почти месяц, в том числе уже и при Колчаке, исполнял обязанности управляющего губернией. Однако в декабре 1918 г. указом верховного правителя, Доценко был снят с этой должности и заменён на более лояльного новому режиму человека – П.И. Троицкого. В 1920 г., в результате разгрома белого движения в Сибири, с остатками колчаковских войск Павел Сергеевич перебрался во Владивосток. После открытия здесь Дальневосточного университета он некоторое время работал в нём преподавателем. С окончанием Гражданской войны Доценко эмигрировал в Харбин, а затем в США, где организовал, используя свой сибирский опыт, кооператив по производству мебели, которая продавалась не только в Америке, но и в Европе.

Выйдя на пенсию, Павел Сергеевич занялся историческими исследованиями и на основе архивных материалов, а также собственных воспоминаний написал двухтомную монографию под весьма замечательным названием – «Борьба за демократию в Сибири. 1917-20». Однако, не имея учёной степени, он долгое время не мог пробить издания своего труда в Америке, в конце концов лишь Гуверовский институт согласился напечатать первый том (1983 год, на английском языке), но второй так и остался в рукописи. Дойдут ли когда-нибудь эти книги до широкого российского читателя, – учитывая уровень развития демократии и интереса к науке в современной России, – вопрос, что называется, на засыпку. Видимо, такого рода проблемы нужно каким-то образом уже начать решать самим сибирякам... Умер Павел Сергеевич Доценко летом 1988 г. в США.

Дубровинский Яков Фёдорович – 36 лет в 1918 г., родился на территории Орловской губернии в семье купца, младший брат известного профессионального революционера большевика Иосифа Дубровинского. Образование среднетехническое, окончил Пермское горное училище, в 1899 году вступил в РСДРП, сначала меньшевик, потом меньшевик-интернационалист, а со второй половины 1917 г. – большевик. В 1902 году был впервые арестован, в декабре 1905-го участвовал в боях на Красной Пресне, за что в 1906 г. его сослали в Сибирь, партийный псевдоним «Аркадий». После Февральской революции 1917 г. Дубровинский стал первым председателем Красноярского городского Совета рабочих и солдатских депутатов, одновременно с этим он являлся руководителем красноярской организации объединенных социал-демократов (меньшевиков и большевиков). Выбранный осенью того же года гласным (депутатом) городской думы, он занял вскоре пост городского головы Красноярска.

Во время эсеро-чехо-белогвардейского мятежа Якова Фёдоровича во главе красногвардейского отряда, костяк которого составляли мобилизованные рабочие-большевики, направили на Клюквенский

фронт, прикрывавший Красноярск с востока. 17 июня весь отряд во главе со своим командиром без боя сдался в плен чехословакам. После этого Дубровинский был перевезён в Красноярск и в течение четырёх месяцев содержался в одной из городских тюрем. 25 октября 1918 г. его вместе с другими четырьмя ведущими большевистскими лидерами Красноярска казнили по приговору чехословацкого военно-полевого суда.

Дутов Александр Ильич – 39 лет в 1918 г., войсковой атаман Оренбургского казачьего войска, участник Первой мировой войны, полковник (с 1919 г. генерал-лейтенант), член Учредительного собрания, а потом Самарского КОМУЧа, сочувственно относился к идеям территориальной автономии в рамках единого Российского государства. В период колчаковщины командир Оренбургской отдельной армии. После поражения белого движения на востоке страны с остатками своих частей отступил в Китай, где пытался организовать вооруженные группы для вторжения на территорию советской России. В 1921 г. был убит в результате спецоперации, проведённой агентами НКВД.

Евзеров Александр Мануилович – 23 года в 1918 г., еврей по национальности, студент юридического факультета Томского университета, с 1916 г. возглавлял в Томске студенческую сионистскую организацию. Одновременно с этим в сотрудничестве со *З. Шкундиным* Евзеров в 1917–1918 гг. редактировал выходивший в Томске журнал «Известия Западно-Сибирского комитета сионистских организаций» (преобразованный впоследствии в двухнедельник «Сионистская мысль»). В 1918 г. был избран членом Сибирской областной думы от студенческой сионистской организации Томска, входил во фракцию национальностей. В феврале того же года после разгона Думы большевиками Александр Мануилович в числе 20 депутатов СОД подписал протестное заявление, а также Декларацию Сибирской областной думы. После свержения советской власти на территории Сибири Евзеров вновь принял участие в работе Сибирской областной думы, возобновившей свою деятельность в августе 1918 года. А после её роспуска правительством Директории переехал в Иркутск, где совместно с тем же Шкундиным редактировал журнал «Еврейская жизнь» (выходил с февраля 1919 г. по февраль 1920 г.), а потом возобновил деятельность созданного в Томске осенью 1918 г. временного центрального исполнительного бюро (сибирского отделения Российской сионистской организации, официально являвшейся частью Всемирной сионистской организации). Потом вместе с М. Новомейским пытался организовать издание ещё одного сионистского журнала под названием «Сибирь–Палестина». Однако «издатели» не смогли получить на то разрешение у вновь утвердившихся у власти большевиков, запретивших в 1920 г. все сионистские организации, а также их печатные органы. В 1921 г. Евзеров эмигрировал сначала в Харбин (где всё-таки сумел начать издание журнала «Сибирь–Палестина» на русском языке), а потом в Палестину (в Эрец-Исраэль) на историческую родину.

Елбудин Кыйтык – алтаец из рода иркит, один из богатейших баев южной части Горного Алтая, скотопромышленник, являлся тайным сторонником буддийского вероисповедания. Через своего сына, женившегося на дочери *Аргымая Кульджина*, породнился с этим знатным семейством и в 1904 г. в период зарождения движения бурханистов одним из первых прибыл в долину Теренг и поддержал морально, а также материально пророка движения *Чета Челпанова* и его последователей, за что в том же году подвергся судебному преследованию со стороны царских властей. В советское время вместе с семьёй был репрессирован.

Ермеков Алимхан Абеутович – 26 лет в 1918 г., казах по национальности, родился в одном из кочевий Семипалатинской области, окончил с золотой медалью Семипалатинскую гимназию. В 1912 г. он поступил на геологоразведочный факультет Томского технологического (теперь политехнического) института, став первым и единственным (до 1917 г.) студентом-казахом этого вуза. В тот же год Алимхан Абеутович по личной инициативе знакомится с Г.Н. Потаниным и таким образом, из первых рук что называется, получает здесь, в Томске, ещё и уроки – главные уроки своей жизни – в рамках областническо-автономистской теории, направленной, как известно, в том числе, и на освобождение малых народов востока России от самодержавно-монархического гнёта. Летом следующего 1913 г. Алимхан Абеутович уже принял участие в этнографической экспедиции по изучению казахского фольклора, возглавляемой Г.Н. Потаниным.

В 1917-1918 гг. Алимхан Ермеков, тогда по-прежнему ещё студент пятого курса ТТИ, стал одним из создателей и руководителей казахской национальной партии Алаш-Орда; официально считался беспартийным, однако по примеру старших товарищей по руководству национально-возрожденческим движением близко примыкал по своим политическим взглядам к партии конституционных демократов. В 1917 г. Ермеков, как представитель Казахского национального совета (Совета казахских депутатов), являлся делегатом I и II (чрезвычайного) Сибирских областных съездов. На I Областном съезде Алимхан Абеутович был избран в состав Сибирского исполнительного комитета, постоянно действующего органа краевой власти. Присутствовать на II съезде Ермеков не смог, так как в это время участвовал в

работе съезда киргизов (казахов) в Оренбурге. И, тем не менее, на декабрьском Сибирском областном съезде Алимхана Абеутовича заочно избрали в состав Временного Сибирского областного совета (по сути первого временного правительства автономной Сибири). Однако вскоре он вышёл из него, – вслед за Потаниным – в знак протеста против провозглашённой Областным советом политики тесного сотрудничества с большевиками.

Алимхан Ермеков являлся активным сторонником территориально-политической автономии казахского народа в рамках Российской федерации. Однако эти проекты не нашли никакого практического воплощения ни в период нахождения у власти на востоке страны Временного Сибирского правительства П.В. Вологодского, ни, тем более, во время управления восточными территориями бывшей Российской империи правительством А.В. Колчака. И только после окончательной победы в ходе Гражданской войны советской власти Казахстану, как известно, была предоставлена, наконец, возможность для относительно самостоятельного внутриполитического, экономического, научно-образовательного и культурного развития. Одним из участников процесса по согласованию вопросов конституционного суверенитета своей родины в рамках Союза Советских Социалистических Республик стал в 20-е годы XX века и Алимхан Ермеков. Так, в частности, во время предварительных совещаний в Москве казахским «парламентёрам» удалось убедить Ленина и Сталина (занимавшегося тогда конкретно национальными вопросами в ЦК большевиков) о «возвращении» казахскому народу ряда исконных русских территорий якобы, несправедливо отторгнутых у него в ходе переселенческой кампании конца XIX – начала XX веков. В результате чего к Казахской ССР отошли тогда Акмолинская и Семипалатинская области, а также часть побережья Каспийского моря с богатыми месторождениями полезных ископаемых, в том числе урана и нефти.

После завершения, по сути, главного дела своей жизни, Алимхан Абеутович оканчивает, наконец, в 1923 г. ТТИ, получает специальность горного инженера и в последующие годы занимается административной деятельностью у себя на родине, а также преподаёт в ряде высших учебных заведений Казахстана, в 30-е годы становится первым казахским профессором математики, издаёт ряд учебников по этой специальности. В 1937 г. Ермекова приглашают в Москву – занять кафедру математики в одном из столичных вузов. Однако год спустя его арестовывают и приговаривают к 10 годам лагерей. Получив свободу в 1947 г., Алимхан Абеутович через год получает ещё один десятилетний срок и освобождается по амнистии лишь в 1955 г. В том же году он был полностью реабилитирован, восстановлен в правах, вследствие чего вновь смог вернуться к преподавательской деятельности, однако прежних его выдающихся заслуг перед казахским народом никто официально не признал. Умер Алимхан Ермеков тихо и незаметно в 1970 г. в Караганде. После обретения Казахстаном государственной независимости в конце XX века имя и дело Ермекова получили, наконец, вполне заслуженное признание.

Жернаков Николай Евграфович – 39 лет в 1918 г., родился в г. Колывань (ныне посёлок чуть севернее Новосибирска) Томской губернии в зажиточной купеческой семье, образование – незаконченное высшее (3 курса технологического института), сначала занимался собственной предпринимательской деятельностью, потом поступил на службу в новониколаевское отделение Русско-Азиатского банка. (Бизнес купеческой семьи Жернаковых пришёл в упадок, после того, как Транссибирская магистраль прошла не через их родную Колывань, а через село Кривощёково, потом переименованное в г. Новониколаевск, теперь современный Новосибирск.)

После Февральской революции Николай Жернаков заявил о себе как о беспартийном социалисте, по другим сведениям, в этот период он официально вступил в члены эсеровской партии и находился на её правых (оборонческих) позициях. В марте 1917 г. после свержения власти прежней царской администрации Жернаков занял пост председателя исполнительного бюро Новониколаевского комитета общественного порядка и безопасности, потом – должность новониколаевского уездного правительственного комиссара, а осенью того же года стал председателем Новониколаевского уездного земского собрания. В октябре того же года Николай Евграфович баллотировался в члены Учредительного собрания по Томскому избирательному округу по списку кооперативных организаций, но не прошёл. Проживал в Новониколаевске.

В декабре того же года Николай Жернаков, как один из лидеров новониколаевских областников, был избран делегатом на второй (чрезвычайный) Сибирский областной съезд. С конца января 1918 г. он – министр государственного контроля во Временном правительстве автономной Сибири (правительство *П.Я. Дербера*). Во время роспуска большевиками Сибирской областной думы Николая Евграфовича арестовали в Томске и до конца марта содержали в одной из красноярских тюрем, потом освободили. После этого он выехал в Харбин, где активно участвовал в подготовке антибольшевистского мятежа на территории Сибири. Однако осенью 1918 г., после свержения на территории края советской власти, правительство Дербера-Лаврова, в котором Николай Евграфович состоял в качестве

министра, было распущено Омским кабинетом министров во главе с П.В. Вологодским. Оставшись не у дел, Жернаков в конце ноября того же года вернулся из Владивостока в ставший ему родным Новониколаевск.

После окончания Гражданской войны он, как и многие другие эсеры, перешёл на службу к советской власти. Но в 1937 г. Николая Евграфовича арестовали и в июне следующего года расстреляли в Москве.

Жардецкий Валентин Александрович – 34 года в 1918 г., родился в Архангельске в семье чиновника, окончил Московский университет, юрист по образованию, член кадетской партии с 1906 г., по другим сведениям, вступил в партию народной свободы только после Февральской революции 1917 г. («мартовский кадет»). Жардецкий относился к числу так называемых пришлых сибиряков, в 1913 г. поселился в Омске, трудился сначала помощником присяжного поверенного, а потом чиновником в структурах Всероссийского союза городов. После Февральской революции Валентин Александрович активно включился в политическую жизнь Сибири, вошёл в состав Омского комитета общественной безопасности, одновременно являясь главой омской организации кадетов. Октябрьскую социалистическую революцию не принял категорически и стал одним из самых непримиримых противников советской власти, с которой начал борьбу с самого её зарождения. Так, уже в начале ноября 1917 г. Жардецкий принял активное участие в организации юнкерского вооруженного выступления в Омске. За это он был арестован большевиками и до июня 1918 г. находился в заключении сначала в Томске, а потом – в одной из омских тюрем.

В ходе общекраевого антисоветского вооруженного восстания Валентин Жардецкий постепенно становится главным идеологом буржуазно-демократического реванша на территории Сибири, являясь, как принято сейчас говорить, «ястребом» правых сил, одним из основных вдохновителей борьбы с министрами-социалистами во Временном Сибирском правительстве, с эсерами Сибирской областной думы и Уфимской директории. Конечной целью всех его устремлений являлось утверждение в Сибири правобуржуазной военной диктатуры. В этот период Жардецкий являлся редактором омской газеты «Сибирская речь» – главного рупора кадетской партии и правых сил Сибири, а накануне колчаковского переворота его назначили товарищем (заместителем) председателя президиума восточного отдела ЦК партии народной свободы (кадетов). После краха белого движения Жардецкий попал в руки большевиков и в октябре 1920 г. был казнён по приговору омской губернской ЧК.

Жерновков Григорий Иванович – 43 года в 1918 г., уроженец Кузнецкого уезда Томской губернии, из семьи священника, окончил юридический факультет Томского университета, по основной профессии – присяжный поверенный (адвокат). В период Первой русской революции принимал участие в забастовочном движении, за что попал под негласный надзор полиции как «потенциально неблагонадёжный». После окончания университета переехал в Новониколаевск. Здесь, помимо своих основных занятий на поприще адвокатской деятельности, Григорий Иванович приобщился и к областническому движению, сотрудничал с просветительскими целями в нескольких новониколаевских газетах. Кроме того наладил в городе работу местного отделения Общества по изучению Сибири, собирал материалы по сибирскому краеведению и вскоре издал собственную монографию под названием «Сибирь и правительство». Накануне первой мировой войны Григорий Жерновков был избран гласным (депутатом) Новониколаевской городской думы.

В революционном 1917 г. Григорий Иванович предпринял попытку создания первой в истории Сибири политической партии с областническим уклоном под названием Сибирский союз независимых социалистов-федералистов. На I Сибирском областном съезде Григория Жерновкова избрали кандидатом в члены Сибирского исполнительного комитета. Являлся он делегатом и второго (чрезвычайного) Областного съезда, в делегатской карточке участника этого съезда Григорий Жерновков обозначил свою партийную принадлежность именно как «социалист-федералист». Однако такая обособленность, видимо, не позволила ему, несмотря на признанный статус ведущего новониколаевского областника, выдвинуться опять в руководящие структуры сибирской областнической власти.

После окончания Гражданской войны Жерновков в течение нескольких лет ещё проживал в Новониколаевске, ставшем в тот период официальной столицей Сибирского края, работал в различного рода хозяйственных структурах, принял активное участие в создании местного краеведческого музея. В том, что Сибирь при советской власти получила хотя и не автономию, но статус единого территориального образования, Григорий Иванович увидел стремление большевиков пойти навстречу сибирским областникам и даже выдвинул новый тезис – «советское областничество». Однако всё это оказалось лишь видимостью, а Сибирь и при коммунистах оставалась по-прежнему полуколонией, и в ней всё так же неумело продолжали управлять «наместники» или назначенцы из столицы метрополии. Сам же Григорий Иванович Жерновков в 1928 г. переехал на жительство в Москву. Здесь в 1937 г. он был арестован и вскоре расстрелян.

Жигалин Яков Павлович – 28 лет в 1918 г., родился в станице Зоргольской, располагавшейся на пограничной с Китаем реке Аргунь, в семье казака. Работал народным учителем. В 1914 г. его призвали в действующую армию и в составе 2-го Читинского казачьего полка направили на Кавказский фронт. В данном полку он рядовым казаком воевал до конца 1916 года, затем некоторое время обучался в школе прапорщиков и возвратился к прежнему месту службы уже после Февральской революции, тогда же сослуживцы-казаки избрали его в полковой комитет. В январе 1918 г. во время возвращения казаков в Забайкалье Жигалин по решению общего собрания военнослужащих стал исполнять обязанности командира 2-го Читинского полка, с которым он впоследствии участвовал в борьбе за установление советской власти на территории родного края.

В составе войск Центросибири Яков Павлович весной и летом того же 1918 г. принимал участие в операциях по обезвреживанию частей атамана Семёнова. После временной ликвидации советской власти в результате чехо-эсеро-белогвардейского мятежа Жигалин тайно перебрался из Забайкалья в Сибирь и стал командиром одного из партизанских отрядов. После полного разгрома войск адмирала Колчака Яков Жигалин в начале 1920 г. вступил в коммунистическую партию и был направлен на борьбу с остатками белогвардейских частей в Забайкалье. В непродолжительный период существования Дальневосточной республики он являлся политическим комиссаром всех вооруженных сил этого буферного государства.

В двадцатых годах Яков Павлович Жигалин переехал в Москву, занимал ряд высоких административных постов, с 1947 г. – персональный пенсионер, кавалер высшей награды коммунистической России – ордена Ленина. Автор монографии мемуарного характера «Партизаны занимали города». Умер в 1981 г.

Жилинский Владимир Эрастович – капитан (по другим сведениям – штабс-капитан) царской армии, участник Первой мировой войны, кавалер ордена Св. Георгия IV степени. В начале 1918 г. возглавил в Омске одну из тайных офицерских организаций, а после объединения большинства городских подпольных групп в единую структуру под управлением полковника П.П. Иванова-Ринова Жилинский занял в этой организации должность начальника оперативного отдела. После начала всесибирского антибольшевистского мятежа Владимир Эрастович был назначен командиром одного из полков Степного Сибирского корпуса. С конца 1918 г. командовал подразделением конных егерей в бригаде И. Красильникова, подавлял выступления красных партизан на территории Енисейской (Красноярской) губернии. Дальнейшую его судьбу нам проследить, к сожалению, пока не удалось.

Загибалов Леонид Максимилианович – 37 лет в 1918 г., сын известного революционера-народника Максимилиана Загибалова – участника одного из неудачных покушений на императора Александра II. Родился в Якутии в период пребывания отца на принудительном поселении, правый эсер, областник. После окончания ссылки семья Загибаловых перебралась в Томск, где спустя некоторое время отец Леонида Максимилиановича был избран гласным (депутатом) Томской городской думы, а он сам поступил на учёбу в местный технологический институт (сейчас политехнический университет). В тот же период он сближается с эсерами и в 1903 г. участвует в организации товарищества на паях для издания в Томске их партийной газеты под названием «Сибирский вестник». На этом поприще Леонид Максимилианович познакомился с *П.В. Вологодским*, а через него и с сибирскими областниками-автономистами. Революционный 1905 г. не обошёл Загибалова стороной, он активно посещает многочисленные митинги и демонстрации, за что по настоянию полиции вскоре отчисляется из числа студентов. Учёбу продолжал в Германии, где окончил Берлинский политехникум, после чего в 1910 г. вернулся в Россию и поселился вместе с женой и дочерью Викторией (1907 г. рождения) в Харбине, служил счетоводом на КВЖД. В 1912 г. переехал в Хабаровск и работал помощником инспектора страхового общества.

В период первой мировой войны Леонид Максимилианович был мобилизован в ополчение, что позволило ему после Февральской революции добиться избрания на пост председателя городского Совета солдатских депутатов, а в августе войти в Приамурский краевой Совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Одновременно с этим в конце лета того же года он избирается в гласные Хабаровской думы, а потом – и городским головой (мэром).

Октябрьскую социалистическую революцию он не принял и в конце декабря 1917 г. после роспуска городской думы большевиками покинул Хабаровск, переехав на жительство в Томск. Здесь в ходе свержения власти Советов в результате летнего вооруженного мятежа Загибалов в июне 1918 г. принял участие в работе томского губернского комиссариата. В начале июля того же года *Г.Н. Потанин* при посещении Омска по поручению организации томских областников вручил председателю Временного Сибирского правительства *П.В. Вологодскому* предложение о замене эсера *Николая Ульянова* (члена томского губернского комиссариата – коллективного органа, состоявшего из трёх человек) Леонидом Загибаловым. Сам Леонид Максимилианович, по слухам, был категорически против такого рода

перестановок, и, тем не менее, 16 июля вышел указ ВСП о прекращении полномочий всего томского губернского триумвирата (*Ульянов*, *Грацианов, Башмачников*) и о назначении на должность комиссара ВСП по Томской губернии Л.М. Загибалова.

Пробыв на этом посту всего полтора месяца, Леонид Максимилианович получил в конце августа новое назначение. По рекомендации своего давнего знакомого (старшего товарища) по эсеровской организации Томска времён Первой русской революции *В.П. Вологодского* (а теперь председателя Временного Сибирского правительства) он был направлен в качестве специального представителя ВСП на Дальний Восток. Официально его миссия заключалась в том, чтобы проинформировать дальневосточную общественность, для которой он также являлся нечужим человек, о тех мероприятиях и постановлениях, которые проводило Омское правительство в различных сферах государственной деятельности.

Неофициально же Загибалов направлялся на восток с целью установления в Забайкалье, а также в Приамурском крае «порядка гражданского управления» в пользу Омского правительства. А попросту говоря – в его задачу входило уговорить всю ту же дальневосточную общественность (политиков, военных и представителей бизнеса) сделать ставку на правительство областника *В.П. Вологодского* в противовес также претендовавшим на власть и находившимся во Владивостоке: Временному правительству автономной Сибири (под руководством эсеров *П. Я. Дербера* и *И.А. Лаврова*) и Деловому кабинету (под председательством генерала *Д.Л. Хорвата*). Сопровождать Загибалова в этой поездке должен был товарищ (заместитель) министра иностранных дел ВСП Мстислав Головачёв, на него возлагалась особая задача – на ту же самую тему договориться с дипломатическими представителями иностранных государств, и в первую очередь, конечно, Франции, Великобритании и США. Однако товарища министра задержали в Омске неотложные дела, и он выехал на Дальний Восток несколькими днями позже, чем Загибалов, в составе делегации уже самого премьера П.В. Вологодского.

При посещении Читы, недавно освобождённой от большевиков, но тут же попавшей под новое ярмо семёновской военной администрации, Леонид Максимилианович, по замечанию местной демократической прессы, привёз надежду на оживление политической жизни в городе. Так, при его непосредственном участии на собрании общественных деятелей Читы временным комиссаром Забайкальской области избрали правого эсера *А.М. Флегонтова*. А уже 14 сентября на ст. Маньчжурия Загибалов встретился и с самим атаманом Семёновым, который в доверительной беседе уведомил уполномоченного ВСП о своей преданности Омскому правительству, а также заверил, что он и его части находятся в полном его распоряжении. Начало оказалось положено хорошее. Впрочем, и вся остальная миссия на Дальний Восток Загибалова в общем-то вполне удалась. Так что к моменту приезда во Владивосток в конце сентября самого *В.П. Вологодского* почва для капитуляции двух конкурирующих правительственных кабинетов уже была подготовлена, и Леониду Максимилиановичу осталось лишь составить текст «акта отречения», что он также с успехом проделал.

Однако в результате достигнутого компромисса *П.В. Вологодскому* пришлось «пожертвовать» своим протеже – Леонидом Загибаловым, который распоряжением Временного Сибирского правительства передал полномочия спецпредставителя на Дальнем Востоке в пользу генерала *Д.Л. Хорвата* (с 1 ноября 1918 г.). После этого Леонид Максимилианович на время отошёл от политики и занялся бизнесом, поступив на должность управляющего представительством во Владивостоке одной из крупных сибирских торговых фирм. В октябре 1921 г. его избрали гласным Владивостокской городской думы, но после поражения белых войск (Земской рати) на территории Приморья он в октябре 1922 г. вместе с семьёй эмигрировал в Китай. До 1939 г. проживал в Харбине, работал на железной дороге, потом в газете, а затем – в одной из торговых контор. Дальнейшую его судьбу нам, к сожалению, проследить не удалось. Возможно, он вместе с дочерью Викторией в 1941 г. перебрался в США. Виктория Леонидовна была художницей-карикатуристкой по профессии и более 20 лет потом проработала на студии Уолта Диснея.

Заленский Ян С. – член Сибирской областной думы от польской диаспоры в Сибири. После разгона в январе 1918 г. Думы большевиками Заленский эмигрировал в Харбин, где в то время находилось Временное правительство автономной Сибири (ВПАС). По заданию последнего Заленский выезжал с поручениями во Владивосток, Хабаровск и другие города с целью подготовки сил для борьбы с советской властью. В апреле вернулся обратно в Харбин. Там, в Харбине, Заленский, по некоторым сведениям, был назначен на должность товарища министра по делам национальностей ВПАС. После ликвидации советской власти в Сибири Ян Заленский летом 1918 г. вернулся с Дальнего Востока в Томск и принял участие в работе Сибирской областной думы. Во время сентябрьского политического кризиса его избрали в состав специально созданного комитета Думы во главе с Павлом Михайловым для противодействия мерам омского Административного совета, пытавшегося приостановить работу СОД.

Захаров Евгений Васильевич – 27 лет в 1918 г., уроженец г. Благовещенска, окончил юридический факультет Петербургского университета, до Февральской революции жил и работал в Томске в скромной должности помощника присяжного поверенного (адвоката).

В революционном 1917 г. Захаров вступил в партию эсеров, примкнув в ней, по одним сведениям, к правому оборонческому крылу, а по другим – к центристам-интернационалистам черновского направления. Летом и осенью 1917 г. Евгений Захаров представлял томских эсеров в составе первых организационных структур областнической Сибири, в августе он вошёл в Центральный областной комитет, а в октябре – в Исполнительный комитет Сибирского областного совета. В том же октябре 1917 г. Захаров становится гласным (депутатом) Томской городской думы. В этот период он проживал в Томске по переулку Никольскому (теперь пер. Комсомольский)-16. В декабре 1917 г. на втором (чрезвычайном) Сибирском областном съезде Евгений Васильевич был избран в состав Временного Сибирского областного совета (по сути – первого временного правительства автономной Сибири), в котором исполнял должность управляющего делами (ответственного секретаря). В конце января 1918 г. на нелегальном заседании разогнанной большевиками Сибирской областной думы Захарова ввели в состав Временного правительства автономной Сибири (правительство *П.Я. Дербера*) в должности «министра без портфеля». Однако незадолго до того Евгений Васильевич по поручению Областного совета выехал на Дальний Восток для связи как с местной оппозицией, так и с представителями иностранных дипломатических миссий. Конечным пунктом его путешествия стал Харбин, где он месяц спустя, дождавшись приезда туда же некоторых других членов ВПАС, активно включился в подготовку антибольшевистского мятежа в Сибири.

Однако в результате свержения советской власти, когда в Омске утвердилось Сибирское правительство *П.В. Вологодского*, а во Владивостоке самораспустился прежний кабинет сибирских министров во главе с П.Я. Дербером, Захаров остался не у дел и осенью 1918 г. вернулся в Томск в надежде каким-то образом всё-таки продолжить политическую деятельность. Тогда он на некоторое время восстановил свой общественный статус в качестве гласного (депутата) Томской городской думы, но произошедший в ноябре колчаковский переворот вынудил его отказаться и от этой работы. Вскоре он опять перешёл в открытую политическую оппозицию, на сей раз уже по отношению к правобуржуазному военному режиму, возглавляемому А.В. Колчаком. Осенью 1919 г. Евгений Васильевич вместе с некоторыми другими видными сибирскими эсерами участвовал в неудавшемся антиправительственном вооруженном мятеже во Владивостоке, целью которого было свержение в городе власти колчаковской администрации и установление там земско-эсеровского правления. Дальнейшую судьбу Евгения Захарова нам, к сожалению, проследить не удалось.

Звездов Андрей Алексеевич – 30 лет в 1918 г., член партии большевиков с 1905 г., воспитанник большевистской организации Баку, осенью 1913 г. за революционную деятельность был сослан в село Нарым Томской губернии. Вместе с большевиками *Николаем Яковлевым и Владимиром Косаревым* являлся одним из организаторов Военно-социалистического союза Сибири. Осенью 1916 г. его мобилизовали в армию, до июля 1917 г. он служил в Томском гарнизоне, являлся членом Томского Совета солдатских депутатов, потом членом исполкома Советов Западной Сибири. Осенью 1917 г. Андрей Алексеевич являлся делегатом исторического II Всероссийского съезда Советов в Петрограде, утвердившим основные декреты победившей социалистической революции. В начале 1918 г. он занимал должность председателя революционного трибунала Омска. Принимал активное участие в Гражданской войне. С 1922 г. находился на руководящей партийной и советской работе. Умер в 1931 г.

Зеленцов Фёдор Николаевич – 28 лет в 1918 г., уроженец г. Ишима Тобольской губернии, большевик с 1918 г. В 1916 г. был призван в армию и определён на учёбу во Владимирское юнкерское училище в Петрограде, через год, по его окончании, в звании прапорщика его направили в 38-й Томский запасной стрелковый полк. По прибытии к месту назначения Зеленцов включился в активную революционную деятельность, примкнув к сторонникам левого политического лагеря. Проживал в тот период по ул. Тверской (в настоящее время улица носит то же название)-38.

После Октябрьской социалистической революции Зеленцов вступил в партию большевиков, и вскоре его утвердили в должности одного из выборных командиров томской Красной гвардии. Находясь в этой должности, он принимал участие во многих операциях по борьбе с «контрреволюцией». Так, в ночь на 26 января 1918 г. Зеленцов, по его собственным воспоминаниям, командовал отрядом красногвардейцев, производивших по приказу Томского совдепа аресты некоторых членов Сибирской областной думы и Сибирского областного совета, расквартированных в общежитии духовной семинарии. В марте того же года Фёдор Николаевич председательствовал на заседаниях военно-революционного суда, разбиравшего дела бывших офицеров томского гарнизона, не сдавших после демобилизации из армии своего личного оружия.

В мае 1918 г., в период начала в Сибири антисоветского мятежа, Зеленцова назначили командующим всеми красными частями на территории Томской губернии. 31 мая на заседании военно-революционного штаба он предлагал (опять же по его собственным словам) не отступать из Томска, а по возможности организовать его оборону от наступающих бело-чешских войск, но оказался в меньшинстве, так что город был оставлен большевиками без боя. В дальнейшем Фёдор Николаевич – участник Гражданской и Великой Отечественной войн, генерал-лейтенант советской армии, кандидат технических наук. За боевые и прочие заслуги перед государством дважды удостаивался высшей государственной награды – ордена Ленина. Своему сыну, родившемуся в 1925 г., дал имя Новомир. Умер Фёдор Николаевич в Москве в 1960 г., похоронен на Введенском кладбище.

Зиневич Бронислав Михайлович – 44 года в 1918 г., родился в Оренбурге, поляк по национальности, окончил Казанское пехотное юнкерское училище и, по некоторым данным, Николаевскую академию Генерального штаба, участник русско-японской и Первой мировой войн, воевал в составе сибирских частей, кавалер ордена Св. Георгия IV степени, в 1916 г. получил также Золотое оружие за храбрость, полковник царской армии. В начале 1918 г. после демобилизации из армии Бронислав Михайлович вернулся в Красноярск, где вступил в тайную антибольшевистскую организацию. В ходе антисоветского мятежа летом того же года полковник Зиневич возглавил 1-й Енисейский стрелковый полк, а потом 2-ю стрелковую дивизию Средне-Сибирского корпуса, сражался под Нижнеудинском, Иркутском, освобождал от большевиков Забайкалье. В конце этой военной кампании указом Сибирского правительства получил звание генерал-майора.

В ноябре 1918 г. дивизия Зиневича в составе корпуса *А. Пепеляева* была переброшена на Пермский фронт и первой, 24 декабря, ворвалась в город Пермь, освободив его от красных. В начале лета 1919 г., после назначения генерала Пепеляева на должность командующего 1-й Сибирской армией, Бронислав Зиневич сменил его на посту командира Средне-Сибирского корпуса. После этого корпус потерпел ряд поражений под Вяткой, Пермью и Тобольском, и в конце осени того же года по приказу командующего колчаковскими войсками генерала Дитерихса его отвели в тыл для доукомплектования, в г. Красноярск. Здесь в декабре 1919 г. генерал-майор Зиневич, видимо, по согласованию с командующим 1-й Сибирской армией генерал-лейтенантом Пепеляевым, а также с руководством оппозиционного земско-областнического движения и иркутского Политцентра поднял антиколчаковский мятеж с целью создания новой сибирской власти и недопущения в Восточную Сибирь войск Красной армии, но удержать город не сумел. В начале января 1920 г. в Красноярск вошли части 5-й Красной армии и партизаны *П.Е. Щетинкина*.

Достаточно продолжительное время существовала версия, что Зиневич при захвате Красноярска был взят в плен и расстрелян большевиками. Однако последние данные свидетельствуют о том, что в 1920 г. генерал перешёл на службу в Красную армию помощником инспектора пехоты при помглавкоме по Сибири, но ненадолго. В ноябре следующего года его арестовали и по обвинению в службе прежнему режиму приговорили к отбыванию срока в исправительно-трудовых лагерях, из которых живым он уже не вернулся. Реабилитирован в 1993 году.

Златомрежев Николай А. – 26 лет в 1918 г., прапорщик (по другой версии – поручик) царской армии, участник Первой мировой войны. В 1916 г. после тяжелого ранения в голову Николай Златомрежев был демобилизован и стал священником Преображенской церкви в Томске. С церковной кафедры, как отмечали его современники, он первым из священников города начал проповедовать идеи социальной справедливости и защиты прав человека, но при большевиках неоднократно задерживался уже за антисоветскую пропаганду.

24 мая 1918 г. Николай Златомрежев принимал участие в вооруженном инциденте у Иоанно-Предтеченского женского монастыря, за что 28 мая он был арестован советскими властями и незадолго до ухода их из города расстрелян. Труп его в целях сокрытия улик сбросили в реку Томь, но несколько дней спустя его обнаружили со следами пыток. 25 июня того же года, уже при новой демократической власти, после отпевания в Алексеевском мужском монастыре Николая Златомрежева с большими почестями похоронили на монастырском кладбище как православного новомученика, погибшего в борьбе за благополучие и счастье родного отечества и своей малой родины.

Зубарев-Давыдов И.А. – поручик царской армии, в начале 1918 г. прибыл из Барнаула в Семипалатинск и организовал в городе подконтрольную ВПАС подпольную антисоветскую организацию. Привлёк к участию в её рядах офицеров, казаков, а также местных эсеров, добился для этой нелегальной группы политической поддержки со стороны земских деятелей и финансовой – от представителей местного торгово-промышленного класса. Однако в период начала сибирского мятежа организация Зубарева-Давыдова выступила не совсем удачно, своевременно не смогла обеспечить участников подполья оружием, в нужный момент не получила обещанной помощи со стороны казачества и т.д.

Вместе с тем несомненной заслугой Зубарева-Давыдова перед историей является тот факт, что им был составлен для Сибирского правительства подробнейший отчёт о своей подпольной деятельности в Семипалатинске, который единственный из такого рода документальных материалов каким-то чудом сохранился и в полном объёме дошёл до нашего времени.

Иванов – подполковник царской, а потом Сибирской армии, в июне 1918 г. в ходе антисоветского вооруженного мятежа был назначен командиром 1-го полка Томской добровольческой дивизии в корпусе А.Н. Пепеляева. В период колчаковщины исполнял обязанности уполномоченного по охране государственного порядка и общественного спокойствия по Томскому району (Тогурский, Томский, Мариинский и Щегловский уезды).

Иванов Аркадий Федорович – 36-37 лет в 1918 г., родился в Петербурге в семье ремесленника, воспитывался в доме дяди, критика и историка литературы А.М. Скабичевского. Окончил Царскосельскую гимназию (1902), учился на физико-математическом факультете Петербургского университета, член РСДРП с 1903 г., большевик, участник V съезда партии. С 1911-го по 1914 г. отбывал ссылку в Нарыме, после освобождения поселился в Томске. В ходе Февральской революции был назначен на должность начальника томской городской милиции, с мая 1917 г. Аркадий Фёдорович ещё и депутат Томского городского народного собрания. Проживал в Томске по переулку Уржатскому (теперь улица Кононова), 4.

После Октябрьской революции в январе 1918 г. он занял пост комиссара томского отделения Госбанка, потом заведовал хозяйственным отделом Томского губернского исполкома, а в конце февраля его избрали (назначили) наркомом финансов при ЦИКе Сибири. В июне того же года во время антибольшевистского мятежа Аркадий Иванов в составе делегации Центросибири участвовал в переговорах с восставшими чехословаками в районе города Мариинска. После окончания двухнедельного перемирия и последовавшего за ним разгрома красных частей под Красноярском Аркадий Фёдорович пытался оттуда рекой добраться до Иркутска, но подвела техника, отказал двигатель моторной лодки. Вернувшись в захваченный белыми Красноярск, Иванов некоторое время скрывался, но 25 июля всё-таки был арестован белыми, перевезён в одну из томских тюрем. Осенью того же года его по какой-то причине вывезли (видимо, в «эшелоне смерти») на станцию Кольчугино (современный Ленинск-Кузнецкий) и там 24 октября расстреляли.

Иванов Иван Петрович – уроженец Казани, из семьи рабочего, член правоэсеровской партии с 1905 г., за революционную деятельность был сослан в Сибирь на административное поселение. Во время Первой мировой войны его, как и многих других политссыльных, призвали в армию. Проходил службу, по всей видимости, в одном из томских запасных полков, дослужился до звания прапорщика. После разгона большевиками Учредительного собрания перешёл в непримиримую оппозицию к советской власти. Неоднократно арестовывался большевиками по подозрению в «контрреволюционной» деятельности. Накануне майского вооруженного выступления в Томске Ивана Петровича в очередной раз задержали, подвергли допросам с пристрастием, а потом казнили. В начале июня 1918 г. его труп обнаружили всплывшим из реки на противоположном берегу Томи с выбитой во время допросов челюстью и вытекшим глазом.

Иванов-Ринов Павел Павлович – 49 лет в 1918 г., сибиряк, уроженец Семипалатинской области, из семьи казачьего офицера, окончил Омский кадетский корпус и Павловское военное училище в Петербурге, служил в казачьих частях. После революции 1905 года перешёл на службу в полицию, исполнял должности исправника (начальника полиции) в нескольких уездах Туркестана, отличался жестким обращением с коренным населением. Во время Первой мировой войны был мобилизован в действующую армию, участвовал в боях на Румынском фронте, получил звание полковника. В 1916 г., во время мятежа мусульманского населения в Туркестане, объявившего газават (по другой версии, просто отказавшегося следовать на Германский фронт рыть окопы), полковника Иванова назначили на должность помощника военного губернатора Туркестана, в тот же период он исполнял обязанности командующего всеми вооруженными силами в районе вспыхнувшего мятежа. Разрушив несколько аулов, а также небольшой город Джизак, казнив при этом некоторых главарей из числа восставших, Иванов поспособствовал скорейшему восстановлению колониального господства России в Туркестане. По окончании мероприятий Павел Павлович вновь вернулся в действующую армию, командовал отдельной Сибирской казачьей бригадой на Кавказском фронте.

После Октябрьской революции и расформирования казачьих частей вернулся в Сибирь, поселился в станице Петропавловской (ныне город Петропавловск). В апреле 1918 г. по настоянию руководителей антисоветского подпольного сопротивления, Павел Павлович переехал в Омск и под псевдонимом Ринов встал во главе всех нелегальных организаций степного района Западной Сибири. После изгнания большевиков из Омска Иванов-Ринов в июне того же 1918 г. был назначен

командующим Степным Сибирским корпусом, а потом ещё стал и войсковым («выборным») атаманом Сибирского казачьего войска. В сентябре после отставки *Гришина-Алмазова* вступил в обязанности управляющего военным министерством во Временном Сибирском правительстве и одновременно получил назначение на должность командующего Сибирской армией, в октябре того же года получил звание генерал-майора.

Являясь человеком крайне правых взглядов, Иванов-Ринов безоговорочно поддержал колчаковский переворот, однако не получил от верховного правителя на первых порах каких-либо значительных назначений по службе. Более того, на некоторое время его даже отдалили от значительных политических и военных дел длительной командировкой на Дальний Восток, где он занимался формированием воинских частей и отправкой их на противобольшевистский фронт. Вернувшись с Дальнего Востока лишь в конце лета 1919 г. Иванов-Ринов по распоряжению Колчака приступил к объединению казачьих частей в единый кавалерийский корпус для совершения боевых рейдов по тылам противника. Истратив на данное мероприятие огромное количество казённых денег, Иванов-Ринов в результате сумел провести лишь одну успешную операцию, за что был, кстати, награждён Георгиевским крестом IV степени. Однако уже через месяц, в сентябре того же 1919 г., его корпус потерпел ряд сокрушительных поражений от красных и фактически прекратил своё существование, вследствие чего Иванов-Ринов попал в полную и окончательную немилость к верховному правителю и оказался снят со всех постов.

После этого опальный генерал вместе с остатками белогвардейских войск добрался до Красноярска, где его ждали новые неприятности. Здесь он узнал, что командующий 1-й Сибирской армией генерал *Пепеляев* отдал приказ о его аресте, заподозрив в измене. Чтобы лишний раз не искушать судьбу, Иванов-Ринов приобрёл фальшивые документы на имя какого-то армянского торговца и растворился среди гражданских беженцев. Добравшись до Читы, Павел Павлович вновь надел военную форму и поступил на службу к атаману Семёнову, заняв на некоторое время должность начальника штаба в его частях. Потом опять было отступление вместе с остатками белых войск, на сей раз во Владивосток, служба в Земской рати генерала *Дитерихса*, эмиграция сначала в Корею, а потом в Китай.

Здесь, в Китае, в судьбе генерала Иванова снова произошёл очередной трагический переворот – он оказался завербован советской разведкой (хотя, по некоторым данным, случилось это гораздо раньше, ещё в конце 1919 г. в Красноярске, следствием чего, возможно, и явился приказ Пепеляева о его аресте). Некоторое время он работал в Китае в качестве агента, а в 1925 году выехал в СССР. Дальнейшая его судьба до сих пор точно неизвестна, по некоторым сведениям он был репрессирован и бесследно исчез где-то в сталинских лагерях. Войсковое правительство Сибирского казачьего войска в зарубежье признало Иванова-Ринова предателем и лишило его всех званий и наград.

Ильмер Карл Петрович – 28-29 лет в 1918 г., родился в Лифляндской губернии, в п. Лигат, недалеко от Риги, в семье рабочего бумажной фабрики, латыш по национальности, член РСДРП с 1908 г., большевик. В конце 1917 г. прибыл в Сибирь с одним из продотрядов и, как представитель народного комиссариата продовольствия, находился с января 1918 г. в Омске. Здесь его летом того же года и застал чехословацкий мятеж, в результате которого большевистская власть в Сибири оказалась свергнута, а Ильмер перешёл на нелегальное положение (подпольный псевдоним «Пётр Вейс»). В августе на состоявшейся в Томске подпольной Сибирской областной большевистской конференции его избрали в состав сибирского обкома. После ноябрьской конференции того же года Ильмера назначили одним из руководителей томского большевистского подполья. В начале весны 1919 г. Карл Петрович участвовал в подготовке антиколчаковского вооруженного выступления в Томске. После провала 3-го марта одной из явочных квартир он был арестован и, по версии советских историков, «умер под пытками в колчаковских застенках», его останки в отличие от других расстрелянных в тот же период подпольщиков позже так и не удалось найти.

Ильяшенко Евгений В. – кадровый офицер, после Февральской революции 1917 г. вступил в партию левых эсеров, с 1919 г. – большевик. В мае 1918 г. командовал 1-й Томской советской гаубичной батареей. После начала чехословацкого мятежа и отступления красных из Томска Ильяшенко по собственному желанию остался в городе для поддержания порядка, силами вверенного ему воинского подразделения. По поручению большевистского исполкома он в тот же день освободил из тюрьмы виднейших оппозиционных политических деятелей. Однако те, выйдя из заточения, вскоре распорядились арестовать самого Ильюшенко по обвинению в активном сотрудничестве с советской властью.

В октябре 1918 г. Евгений Ильяшенко в числе тринадцати красных заложников был вывезен генералом А. Пепеляевым на Урал, содержался в одной из екатеринбургских тюрем, откуда в июле 1919 г. его освободили наступающие части Красной армии. В 1920 г. он занимал должность помощника военкома Томской губернии и курировал военные операции по подавлению крестьянских волнений в

Кузнецком (теперь Кузбасс) и в Мариинском уездах, разгоревшихся на почве проводимой большевиками жесткой продовольственной развёрстки.

Иностранцев Михаил Александрович – 46 лет в 1918 г., профессор Академии Генерального штаба, участник Первой мировой войны, генерал-майор царской армии. К Февральской революции 1917 г. отнёсся сдержанно, а Октябрьский переворот вообще не принял, в апреле 1918 г. в Москве участвовал в консультативных переговорах с представителем сибирских подпольщиков капитаном Коншиным. Однако вскоре Михаила Александровича вместе с другими преподавателями Академии Генерального штаба большевики перевели в Екатеринбург. После свержения советской власти в Сибири Иностранцев примкнул к белому движению, с мая 1919 г. он – генерал для поручений у Колчака, потом некоторое время – начальник штаба ставки верховного правителя, был произведён последним в генерал-лейтенанты. После разгрома белогвардейских войск Михаил Александрович эмигрировал в Восточную Европу. Проживал сначала в Сербии, потом в Чехословакии, занимался главным образом преподавательской деятельностью, опубликовал несколько книг по истории России начала XX века, основанных, в том числе, и на личных воспоминаниях. Умер в 1938 году.

Кадлец Эдуард – капитан Чехословацкого корпуса, утром 25 мая 1918 г. первым поднял своих солдат на вооруженный мятеж против большевиков в Сибири (в г. Мариинске), за что, а также за успешные боевые действия против красных во всей летней кампании получил звание полковника, а в декабре того же года приказом адмирала Колчака за те же самые подвиги был даже награждён орденом Св. Георгия 4-й степени. Осенью 1918 г. полковника Кадлеца назначили командиром 2-й дивизии Чехословацкого корпуса. В 1919 г. он принял командование над румынскими частями на территории Сибири, также объединенными в корпус и воевавшими на стороне белогвардейцев. Вместе с другими интервентами он принимал участие в борьбе с сибирскими партизанами и заслужил вследствие этого, увы, в том числе, и не совсем достойную славу карателя в скрижалях сибирской истории XX века.

Казанцев Иван Васильевич – 32 года в 1918 г., уроженец г. Пензы, в Сибири проживал с 1907 г., образование среднее, правый эсер. До революции 1917 г. занимался в основном журналистикой. После низвержения в России самодержавия Иван Васильевич стал активным участником земско-областнического движения в Сибири, разрабатывал главным образом вопросы налогообложения и даже выпустил специальную брошюру по данной теме. В ней он указывал, в частности, на то, что прежнее государство взимало с сибирских крестьян 92 копейки налогов с каждого рубля доходов и в то же время с представителей торгово-промышленного класса – лишь три с половиной копейки, причём 80% процентов от суммы сборов забиралось в пользу государства и лишь 20% оставалось самим сибиряков на их нужды. Все эти перекосы, выражал надежду Казанцев, должны были быть исправлены в лучшую сторону после введения в Сибири системы земского самоуправления, а также в результате основополагающих решений Учредительного собрания. В конце того же революционного 1917 г. Ивана Васильевича Казанцева решением губернского собрания избрали председателем Енисейской (Красноярской) губернской земской управы. В октябре 1917 г. Иван Васильевич принимал участие в работе I Сибирского областного съезда. Октябрьскую социалистическую революцию не принял и сразу же ушёл в оппозицию к советской власти.

В начале 1918 г. Казанцев неоднократно подвергался преследованию со стороны большевиков и в конечном итоге после роспуска губернской земской управы, оказался не у дел. Летом, в результате временного свержения советской власти на территории Сибири, Иван Алексеевич вновь был восстановлен в своей должности и занялся делами губернского земского самоуправления. Однако уже осенью того же 1918 г. дела в Сибири в смысле развития демократии пошли опять не лучшим образом, а её представители вновь подверглись нападкам, только теперь уже со стороны крайне правых сил. Так, 25 октября в Красноярске произошёл инцидент во время торжественного приёма офицеров английского экспедиционного батальона, во время которого Казанцев во главе группы земских деятелей пытался воспрепятствовать незапланированному исполнению российского монархического гимна, заказанного по просьбе присутствовавших здесь же русских офицеров. В результате едва не произошла настоящая драка, праздничный ужин пришлось прервать, а по данному инциденту завели уголовное дело, которое, однако, вскоре замяли.

В тот же день 25 октября от имени всё тех же земских деятелей Иван Казанцев подал прошение на имя начальника чехословацкого гарнизона города с просьбой приостановить исполнение приказа генерала *Гайды* о расстреле содержавшихся в губернской тюрьме нескольких ведущих красноярских большевиков. Просьба осталась, однако, без ответа, и в ночь на 26 октября казнь, а по сути – политическая расправа, всё-таки состоялась...

Казанцев А.П. – сибирский областник, в августе 1917 г. принимал участие в работе областнической конференции, где выступил с сообщением о проекте бело-зелёного национального флага автономной Сибири.

Кайгородов Александр Петрович – 31 год в 1918 г., уроженец Горного Алтая, по отцу – русский, по матери – алтаец, происходил из крестьянской семьи, православный. По воспоминаниям современников, был человеком очень высоко роста, обладал неимоверной физической силой и чрезвычайно вспыльчивым характером; имел успех у женщин и, может быть, даже являлся своего рода алтайским Григорием Мелеховым. До Первой мировой войны Кайгородов проживал в селе Кош-Агач на самой границе с Монголией, занимался сельским хозяйством, по другим данным – служил на местной таможне стражником. С 1914 г. воевал на Кавказском фронте, стал полным кавалером солдатского Георгиевского креста, за что его произвели в младшие офицеры и определили на учёбу в Тбилисскую школу прапорщиков, которую он окончил уже после Февральской революции.

Вернувшись в 1918 г. после демобилизации из армии в Горный Алтай, Александр Петрович был избран делегатом на Горно-Алтайский съезд инородческих и солдатских депутатов, проходивший в марте того же года в селе Улала (ныне Горно-Алтайск). Здесь после самопровозглашения Каракорум-Алтайского национально-территориального округа Александра Кайгородова пригласили на службу в сводный русско-инородческий отряд данного округа, прозванный за глаза каракорум-алтайской национальной гвардией. В период начавшегося вскоре антибольшевистского мятежа Кайгородов вместе с перешедшими под его команду инородческими гвардейцами принял самое активное участие в разгроме красных частей на территории Горного Алтая, за что указом Временного Сибирского правительства его повысили в звании до штабс-капитана. После прихода к власти адмирала А.В. Колчака во главе небольшого отряда алтайцев Александра Петровича определили на службу в личный конвой верховного правителя. Однако некоторое время спустя на станции Татарской Кайгородов устроил пьяный дебош, во время которого публично высказался в пользу «самостийности» Горного Алтая и даже призывал к формированию национально-территориальной армии в целях защиты интересов своей малой родины. За это штабс-капитана Кайгородова вскоре не только уволили из состава колчаковского конвоя, но даже и вроде как разжаловали в рядовые.

Вернувшись в 1919 г. в Горный Алтай, Александр Петрович вскоре поступил под начало командующего всеми белогвардейскими частями в данном районе капитана *Сатунина*, который назначил его на офицерскую должность и присвоил ему звание подъесаула. После гибели *Сатунина* в начале 1920 г. Кайгородов возглавил разгромленные остатки его частей, а потом отступил с ними на территорию Монголии. Здесь недалеко от города Оралго (район Кобдо) он организовал нечто вроде «Алтайской сечи», соединив под своё начало около тысячи человек во вновь образованный сводный русско-инородческий отряд Горно-Алтайского округа, формально перейдя в подчинение к начальнику Азиатского корпуса барону фон *Унгерну*, осуществлявшему верховное командование белыми частями на территории Монголии.

В соответствии с планом общего наступления, разработанным в штабе Азиатского корпуса, летом 1921 г. уже в звании есаула Кайгородов перешёл границу и предпринял отчаянный рейд вдоль Чуйского тракта в глубь Горного Алтая. Однако уже в начале осени того же года его отряд был окружён и полностью разбит, а сам Кайгородов – схвачен (по другой версии он застрелился, не желая сдаваться в плен). Командир отряда ЧОНа И.И. Долгих (в будущем последний начальник сталинского ГУЛАГа), человек, так же как и Кайгородов, исполинского роста и большой физической силы, отсёк шашкой голову мятежного алтайского атамана. Говорят, её ещё долго потом возили по горным деревням и стойбищам – то ли с целью устрашения, то ли в качестве доказательства окончательной победы большевиков в борьбе за Алтай. Через год советская власть даровала Горному Алтаю статус национально-территориальной автономии, а спустя 70 лет – республики в составе РФ... Жертвы никогда не бывают напрасны.

Каландаришвили Нестор Александрович – 42 (по другим данным – 44) года в 1918 г., сначала эсер, но потом большую часть своей политической жизни – анархист, после окончания Гражданской войны вступил в партию большевиков. Родился в Грузии в обедневшей многодетной дворянской семье, неоконченное высшее образование получил в учительской семинарии Тифлиса (ныне Тбилиси). Здесь он впервые серьёзно увлёкся эсеровскими идеями и в 1903 г. за распространение антиправительственной литературы (литературы «экстремистского» характера) был исключён из числа семинаристов. После того инцидента Нестор Александрович уехал в Батум (Батуми) и работал в этом городе сначала учителем, а потом конторщикам на предприятии Ротшильдов (европейской олигархической династии еврейского происхождения), здесь же он первый раз женился (на русской).

В революционном 1905 г. молодой Каландаришвили, окончив незадолго до того курсы эсеровских боевиков (по «специальности» – кавалерист), принял участие в вооруженном восстании в Батуме. Но в результате поражения революции он вынужден был перейти на нелегальное положение и вскоре переехал в Кутаис (Кутаиси), где некоторое время работал актёром местного театра. В 1907 г. Нестор Каландаришвили перекочевал от эсеров в стан анархистов и уже в рядах этой партии продолжил свою

подпольную деятельность. В кутаисский период ему удалось организовать несколько так называемых эксов (экспроприации экспроприаторов), а также терактов в отношении представителей царской администрации. Опасаясь ареста, он в конце того же 1907 г. вынужденно покинул Кутаис и подался в бега, сначала в Крым, потом в Украину, а в 1908 г. оказался в Сибири, намереваясь тайно пробраться во Владивосток, а потом эмигрировать в Японию. Но в Иркутске он неожиданно для себя узнал, что его дело с грифом «амнистии не подлежит» по какой-то странной причине закрыто (по одной из версий, папку с обвинительными документами выкупили у жандармов эсеры).

Таким образом, Каландаришвили вновь стал легальных гражданином и, больше ни от кого не скрываясь, проживал в Иркутске под собственным именем и фамилией. Работал сначала помощником фотографа, а потом ему опять удалось устроиться актёром в театр. В этот же период он женился вторым (гражданским) браком на грузинке. Установив вскоре связь с местными анархистами, а через них – и с уголовным миром, Нестор вновь занялся эксами и, как результат, в очередной раз попал в поле зрения правоохранительных органов и даже несколько раз привлекался к суду. И вот чудо – ни разу не был осуждён; во-первых, якобы потому, что умел хорошо заметать следы, а, во-вторых, в силу того, что имел на судебных процессах всегда очень хорошую сторону защиты. Так, в 1913 г. Нестора Каландаришвили защищал достаточно известный уже к тому времени иркутский адвокат *Григорий Патушинский* (будущий министр юстиции Временного Сибирского правительства), происходивший из еврейской купеческой семьи.

В период второй и третьей русских революций (Февральской и Октябрьской) Нестор Александрович ничем особенным себя не проявил и в конце 1917 г. уже собирался уехать вместе с новой семьёй к себе на родину – в Грузию, но неожиданно вынужден был ещё на некоторое время задержаться в Сибири (думал, что временно, но оказалось навсегда). Во время декабрьского вооруженного восстания юнкеров, поддержанного демократической антисоветской оппозицией, в число которой входили и бывшие соратники Каландаришвили – эсеры (правые), он вместе с его друзьями-анархистами «подрядился» помочь большевикам в борьбе с мятежниками. За это, надо полагать, его команде (боевой дружине в 60 человек) пообещали, в случае победы беспрепятственное участие в «экспроприации» имущества представителей местной буржуазии и дворянства. «Помазанный» расправой над бывшими однопартийцами, Нестор Каландаришвили с тех пор уже неразрывно связал дальнейшую судьбу с коммунистами. В феврале 1918 г. на основе своей дружины он сформировал целый кавалерийский дивизион, состоявший из добровольцев, разделявших идеи анархизма. Всего таких желающих набралось около 700 человек, всех их в апреле того же года перебросили в Забайкалье на борьбу с атаманом *Семёновым*. А в июне «1-й Иркутский отдельный кавалеристский дивизион анархистов-коммунистов», поредевший уже во время предыдущих боёв от потерь и дезертирства, по приказу Центросибири вернули назад в Иркутск для противодействия новой угрозе – наступлению с запада мятежных частей Чехословацкого и Средне-Сибирского корпусов.

Однако успешно противостоять натиску эсеро-белогвардейских добровольцев красным тогда не удалось, и они в течение июля-августа оставили сначала Иркутск, а потом Верхнеудинск (Улан-Удэ) и Читу. Нестор Каландаришвили, назначенный уже к тому времени командующим дивизией, отступил из Верхнеудинска к Троицкосавску (сейчас Кяхта) – на границе с Монголией. Здесь он что-то не поделил (по слухам – золото и деньги нескольких троицкосавских банков) с командиром омских воинов-интернационалистов *Фёдором Лавровым*, в результате чего последний был убит, его венгры-красногвардейцы сдались в плен частям Сибирской армии; Каландаришвили же с остатками своего отряда тайными тропами вернулся назад на территорию Иркутской губернии. Здесь оставшимся в живых боевым товарищам Нестор Александрович раздал 9 тысяч рублей (около миллиона на наши деньги), после чего распустил их по домам, а сам с несколькими приближенными обосновался в глухой тайге на старой смолокурне.

Вновь собирать боевую группу Каландаришвили пришлось уже весной следующего 1919 г. В тот период он по заданию иркутского большевистского подполья начал вести рельсовую войну против белых, а в сентябре, уже по согласованию с эсеровско-областническим Политцентром, осуществил нападение на Александровский централ и освободил из этой тюрьмы около 600 заключённых. По окончании разгрома колчаковских войск и изгнания их в Забайкалье анархистов Каландаришвили вновь перебросили на противосемёновский фронт, здесь в ходе боёв под Читой Нестор Александрович получил тяжелое ранение. После выздоровления осенью 1920 г. ему была поставлена задача: изловить генерала *Унгерна*, совершавшего в указанное время отчаянный рейд по советским тылам. Однако против немецкого барона (мечтавшего под монархическим знаменем объединить Россию и Монголию, частично возродив тем самым империю Чингиз-хана) Каландаришвили со своими кавказцами оказался несколько слабоват и не выполнил поставленной перед ним задачи.

Неудачей закончился в следующем году и проект, порученный Нестору Александровичу по созданию на территории буферной Дальневосточной республики народной армии Кореи для экспорта социалистической революции в сопредельное государство. Костяк этой армии намеревались сколотить из старых бойцов-анархистов Каландаришвили, но они неожиданно взбунтовались, узнав, что их командир официально вступил в партию большевиков. Мятеж пришлось срочно подавлять, а новоявленный коммунист, уже окончательно порвавший к тому времени не только со своими прежними убеждениями, но и со старыми товарищами, был за то обласкан советской властью и за заслуги перед Октябрьской революцией награждён орденом боевого Красного Знамени – высшей правительственной наградой того времени.

Вместе с тем держать поблизости от крупных городских центров славного боевого командира, а в прошлом эсера и анархиста посчитали, видимо, слишком опасным, и в январе 1922 г. Каландаришвили назначили начальником военной экспедиции в Якутию, на территории которой разгоралось пламя очередного антисоветского мятежа. По пути к месту назначения в 33 километрах от Якутска Нестор Александрович с небольшим отрядом попал в засаду и был убит. Сначала его похоронили в Якутске, но потом его останки перевезли в Иркутск. Могила сохранилась и сейчас находится на территории ЦПКиО в месте, называемом «Коммунистическая площадка».

Калашников Нестор Григорьевич – 34 г. в 1918 г., большевик с 1903 г. В революционном мае 1917 г. был избран депутатом Томского городского народного собрания и секретарём городского комиссариата труда. Проживал в Томске по пер. Уржатскому-2 (на территории так называемой рабочей слободки, где в период до Февральской революции снимали жильё многие томские большевики, в том числе и подпольщики). Осенью 1917 г. Калашников по спискам РСДРП(б) прошёл в гласные (депутаты) Томской городской думы. В феврале 1918 г. после разгона Сибирской областной думы и ареста члена Областного совета *М.Б. Шатилова* Калашников вместе ещё с двумя большевиками поручился за будущего министра Сибирского правительства перед советскими властями, и Шатилова вскоре освободили из красноярской тюрьмы.

В мае того же года Нестора Калашникова назначили членом следственной комиссии, расследовавшей, по поручению Томского военно-революционного штаба, события, связанные с попыткой антибольшевистского переворота в Томске. В результате ареста и допроса нескольких офицеров-подпольщиков удалось тогда выяснить планы заговорщиков, заранее подготовить город к обороне и успешно отбить новую вооруженную атаку антисоветского подполья. В период колчаковщины Нестор Григорьевич находился на нелегальной работе сначала в Семипалатинске, а потом в Новониколаевске (Новосибирске). После освобождения города частями Красной армии Калашников вошёл в состав Новониколаевского губревкома. Летом 1920 г. его опять перевели в Семипалатинск, где он некоторое время также являлся членом губернского революционного комитета, а потом был назначен председателем Усть-Каменогорского уездного ревкома. Дата смерти – 1922 г.

Калашников Николай Сергеевич – 34 года (по другим данным 30 лет) в 1918 г., коренной сибиряк, родился в Мариинске Томской губернии в мещанской семье. Учился в Петербургском университете, член эсеровской партии с 1905 г., эсер-террорист (член так называемой Северной боевой дружины), одно время состоял в ближайшем окружении Бориса Савинкова и даже входил в пятёрку его лучших боевиков. По воспоминаниям современников, Калашников являлся человеком до крайности настойчивым, обладал редкостным мужеством и исключительными организаторскими способностями, от природы имел талант подлинного заговорщика, редко признавал какие-либо авторитеты и пр. По делу о покушении на генерала Неплюева (карателя времён Первой русской революции) Калашникова приговорили в 1907 г. к каторжным работам в Сибири, но он сумел бежать и потом эмигрировал за границу. В Париже он успел поучиться в Collegie de France. Незадолго до Февральской революции Николай Сергеевич вернулся в Россию, здесь его вновь арестовали и в очередной раз сослали в Сибирь. В 1916 г., как и большинство политзаключенных, Калашников был призван в царскую армию, окончил подготовительные курсы и получил звание прапорщика. После Февральской революции 1917 г. он продолжил службу в Иркутском военном округе, по некоторым данным, в этот период его повысили в звании до штабс-капитана и назначили помощником командующего Иркутским военным округом, точно такого же революционного выдвиженца, как и он сам, – *Аркадия Краковецкого*.

Октябрьскую революцию Николай Сергеевич не принял, участвовал в юнкерском антибольшевистском восстании 8–17 декабря 1917 г. в Иркутске. В начале 1918 г. Калашников вступил в подпольную антисоветскую боевую организацию и по поручению военного министра Сибирского правительства, всё того же Аркадия Краковецкого, начал курировать нелегальные организации Восточной Сибири, принимал личное участие в вооруженных выступлениях 23 февраля и 14 июня в Иркутске. После свержения власти Советов в Сибири, летом того же 1918 г. Николай Сергеевич находился при

штабе 1-го Средне-Сибирского корпуса, а в конце 1918 г. и в первой половине 1919 г. он заведовал информационным отделом при штабе Сибирской армии генерала *Гайды*.

Колчаковский переворот Калашников не одобрил, поэтому, как правоверный эсер и истинный защитник народоправства, он вскоре включился в борьбу теперь уже против диктатуры справа и, по некоторым сведениям, пытался создать в Сибирской армии нелегальную антиколчаковскую организацию. Однако после отставки в июне 1919 г. чеха *Гайды* с поста командующего Сибирской армией, опасаясь провала своей организации и собственного ареста, Калашников в поезде опального генерала вернулся в Иркутск, где осенью того же года примкнул к заговору Политцентра. Под его непосредственным военным руководством 24 декабря того же года началось антиколчаковское восстание в Иркутске. Данное выступление, при поддержке большевистских рабочих дружин, через несколько дней одержало победу над войсками белогвардейцев и привело к власти новое земско-эсеровское правительство Сибири (последнее на сей раз), просуществовавшее, однако, всего лишь три недели и 25 января 1920 г. передавшее власть большевистскому военно-революционному комитету. После этого видный сибирский заговорщик Николай Калашников уже навсегда покинул родные края, перебрался сначала в Харбин, а потом эмигрировал в США.

Написал в эмиграции автобиографические воспоминания под названием «Поднявшие меч от меча и погибнут», а также несколько книг о домашних друзьях-животных на английском языке, в частности «Мой друг Якуб», «Тойон» и др., принёсшие ему широкую известность как писателю. Эти его книги переведены на многие европейские языки и даже на так называемый африканос, но только не на русский, к сожалению. Последние годы своей жизни Николай Сергеевич проживал в Калифорнии, где и умер в 1961 году. Был женат на еврейке Лине Яковлевне Гендельман, сестре Михаила Гендельмана – известного деятеля самарского КОМУЧа.

Калмыков Иван Павлович – 27-28 лет в 1918 г., родился в станице Грозненской, теперь город Грозный, Терского казачьего войска (по другим данным – где-то в Рязанской губернии), отец его по профессии являлся торговцем, родом из Харькова, мать – местной казачкой. Сначала Иван Калмыков учился в духовной семинарии, но был отчислен за оскорбление преподавателя. После этого поступил и окончил Чугуевское (по другим данным – Тифлисское) военное училище. До Первой мировой войны в звании подпоручика служил на Дальнем Востоке в саперном батальоне, потом его определили на службу в 1-й Уссурийский казачий полк на должность командира сотни. Три года провёл он на фронтах Первой мировой войны, получил Золотое оружие за храбрость и орден Святого Владимира, с 1917 г. – подъесаул.

Вернувшись в Уссурийский край после демобилизации, Калмыков в январе 1918 г. на IV казачьем круге был избран войсковым атаманом Уссурийского казачьего войска. И уже в марте того же года бежал на станцию Пограничная, в китайскую Маньчжурию, где собрал небольшой казачий отряд для борьбы с советской властью, находился в тот период в формальном подчинении у генерала *Хорвата*. В сентябре 1918 года в ходе общесибирского антибольшевистского мятежа в результате совместных боевых действий русских, белочешских и союзных войск захватил номинальную власть в Хабаровске и правил в Уссурийском крае, опираясь одновременно на поддержку со стороны японских и американских войск, а также оказывая услуги и колчаковскому правительству, используя взаимные противоречия этих трех политических сил. В своих многочисленных обращениях к населению атаман Калмыков всегда заявлял, что борется с красными с целью восстановления земских и городских самоуправлений и доведении России до Учредительного собрания.

Осенью 1918 г. по решению большого круга Уссурийского казачьего войска двадцативосьмилетнему Калмыкову было присвоено звание генерал-майора. В 1919 г. Калмыков исполнял обязанности уполномоченного колчаковского правительства по охране государственного порядка и общественного спокойствия в Хабаровском и Иманском уездах. После падения белогвардейского режима и в ходе развернувшегося широкомасштабного наступления приамурских партизан Калмыков с небольшой группой своих ближайших сподвижников, ограбив предварительно один из хабаровских банков, бежал в Китай. Однако там его вскоре арестовали местные власти, по обвинению в убийстве весной 1918 г. представителя шведского Красного Креста, а также в обстреле по его приказу летом 1919 г. китайской канонерской лодки, подошедшей по Амуру к Хабаровску. Осенью 1920 г. с Иваном Калмыковым тайно расправились китайские власти, по официальной версии, бывший уссурийский атаман был застрелен при попытке к бегству.

Канатчиков Семён Иванович – 39 лет в 1918 г., уроженец Московской губернии, из семьи крестьянина, образование – начальное, по профессии – рабочий-столяр, участник революционного движения с 1898 г., большевик с 1908 г. В 1911 г. Канатчиков был сослан на поселение в Иркутскую губернию, с 1916 г. проживал в г. Новониколаевске (Новосибирске).

После Февральской революции 1917 г. Семёна Ивановича избрали в состав исполкома Новониколаевского городского Совета рабочих и солдатских депутатов, а с июня и по июль того же года он являлся его председателем, а также – членом объединенного городского комитета РСДРП г. Новониколаевска, делегатом мартовского Всероссийского совещания Советов рабочих и солдатских депутатов в Петрограде. Там он вживую слушал доклад Ленина (знаменитые Апрельские тезисы). В мае 1917 г. Семён Канатчиков от г. Новониколаевска был избран членом исполкома Томского губернского народного собрания и возглавил в нём отдел труда (комиссар труда), в связи с чем в июле месяце Семён Иванович перебирается на постоянное место жительства в губернский Томск и снимает жильё по адресу: ул. Всеволодо-Евграфовская (нынешний проспект Кирова от пл. Дзержинского до пр. Комсомольского)-8, кв.2. В октябре того же 1917 г. по списку большевиков С.И. избрали гласным Томской городской думы, а потом он стал и членом городской управы, а в декабре участвовал в работе Томского губернского земского собрания.

После Октябрьской революции и захвата власти большевиками Канатчиков вошёл в состав Томского губернского комитета РСДРП(б), а в декабре 1917 г. он был избран на пост заместителя председателя Томского губисполкома. В начале 1918 г. после разгона большевиками Сибирской областной думы и ареста некоторых её членов Семён Канатчиков вместе со своими товарищами по партии Бахметьевым и Азлецким поручились за эсера *Михаила Шатилова*, после чего последнего освободили из красноярской тюрьмы. В апреле того же года Канатчиков возглавил большевистскую партийную организацию Томска. В конце мая 1918 г. в связи с началом белочешского мятежа, Семёна Ивановича назначили председателем военно-революционного штаба. В отсутствие на тот момент в Томске *Беленца* и *Нахановича* он стал фактическим главой губернской власти в Томске и руководил подавлением вооруженных выступлений антибольшевистской оппозиции в период с 24-го по 30 мая. В ночь на 31 мая вместе с ведущими томскими партийными функционерами и небольшим отрядом интернациональной Красной гвардии Канатчиков бежал на пароходе сначала в Тобольск, а потом в Тюмень, где ещё сохранялась к тому времени советская власть.

Летом и осенью 1918 г. он участвовал в боях против белых на Северном Урале, после этого его отозвали в родную для него Москву на партийную работу. По окончании Гражданской войны Семён Иванович вновь вернулся в Сибирь, в 1920 г. в Новониколаевске вошёл в состав Сибирского краевого революционного комитета и возглавил в нём отдел народного образования, потом руководил сибирским отделением Госиздата. В конце 1921 г. Канатчикова перевели на работу в Петроград и назначили ректором Коммунистического университета. В 1925–1927 гг. он вошёл в состав так называемой ленинградской оппозиционной группы в партии, но потом из неё вышел. В последующие годы занимался в основном редакторско-издательским делом, а также литературным творчеством. В 1929 г. опубликовал книгу своих воспоминаний под названием «Из истории моего бытия», в следующем году вышел сборник его очерков «Рождение колхозов». Был репрессирован и 19 октября 1940 г. расстрелян.

Каппель Владимир Оскарович – 35 лет в 1918 г., из дворян г. Белева, окончил кадетский корпус в Петербурге, Николаевское кавалерийское училище и Академию Генерального штаба, участник Первой мировой войны, подполковник царской армии. В конце 1917 г. Каппеля вместе с другими офицерами бывшей 1-й армии перевели в Самару. Летом 1918 г. во время чехо-белогвардейского мятежа Владимир Оскарович возглавил первый добровольческий офицерский отряд, впоследствии ставший основой Народной армии КОМУЧа. В составе данной повстанческой армии Каппель в указанный период успешно воевал с красными, при его непосредственном участии были освобождены от большевиков Самара, Симбирск, а 7 августа – Казань. За эту военную кампанию его произвели в полковники. Однако уже осенью того же года армия КОМУЧа начала терпеть поражения и отступила с боями в район Уфы. Некоторое время спустя её расформировали, и она вошла в состав двух уфимских корпусов. В ноябре того же года Каппелю, как одному из героев белого добровольческого движения на востоке страны, правительство Директории присвоило звание генерал-майора, а вскоре, уже при Колчаке, его назначили командующим 1-м Волжским корпусом.

Весной 1919 г. корпус Каппеля во время наступления на Самару белогвардейских войск находился в резерве и лишь в конце апреля был брошен на ликвидацию прорыва в районе Бузулука и Белебея группировки красных войск под общим командованием Фрунзе. В конце лета 1919 г. полки Каппеля, справившиеся с поставленной перед ними задачей, но основательно потрёпанные в ожесточенных боях, отвели вместе с другими частями Южной армии в район Петропавловска. Осеннюю кампанию 1919 г. белые также проиграли, и 14 ноября их войска оставили столицу Сибири – Омск. В результате этих поражений в военных кругах назрело недовольство своим руководством, так что Колчаку пришлось срочно поменять командующего противобольшевистским фронтом и вместо генерала Сахарова

приказом от 11 декабря 1919 г. назначить на освободившуюся должность генерал-лейтенанта Каппеля. Под его командование перешли тогда три армии, а точнее – лишь то, что от них осталось.

Данные белогвардейские части, сократившиеся до размеров одной армейской дивизии, Владимир Оскарович пытался вывести сначала в район Красноярска, потом к Иркутску и, наконец, в Забайкалье. Однако во время этого так называемого «ледяного похода» («великого сибирского похода») Каппель сначала сильно обморозил ноги, так что ему пришлось ампутировать пальцы, потом заболел одновременно тифом и воспалением легких, вследствие чего 26 января 1920 г. скоропостижно скончался. Гроб с телом командующего его боевые товарищи санным путём доставили в Читу. Здесь останки Владимира Оскаровича с большими воинскими почестями были, наконец, преданы земле. Осенью того же года во время отступления белых из Читы тело Каппеля эксгумировали, перевезли в Харбин и там заново перезахоронили у алтаря Свято-Иверского храма. В 1955 г. надгробный памятник, сооруженный на добровольные пожертвования белоэмигрантов, снесли по настоянию советского консула в Китае. В конце 2006 г. останки генерала Каппеля по поручению Российского правительства отыскали, перевезли на родину и перезахоронили на кладбище Донского монастыря в Москве, рядом с В.О. Ключевским, А.И. Деникиным и И.А. Ильиным. В 2008 г. здесь же обрёл вечный покой А.И. Солженицын – последний диссидент империи и автор «Матрёниного двора».

Каргалов Д.С. – по профессии присяжный поверенный (адвокат), участник Первой мировой войны, в качестве добровольца проходил службу в одном из санитарных отрядов, член кадетской партии. В начале 1918 г., находясь в должности товарища (заместителя) председателя Омского военно-промышленного комитета, принял самое активное участие в подготовке антибольшевистского мятежа, возглавлял в Омске нелегальный кружок правых политиков, осуществлявших общее руководство подпольными офицерскими группами. Осенью того же года Каргалов, являясь сторонником правобуржуазных политических идей, сделал очень много для того, чтобы в Сибири был установлен режим военной диктатуры во главе с А.В. Колчаком.

Карпов Нурулла Мухамеджанович – 41 год в 1918 г., уроженец г. Томска, образование среднее, татарин по национальности. В октябре 1917 г. Карпов был избран в гласные Томской городской думы по списку мусульман. В тот период проживал в Томске по ул. Татарской, д.30. В ноябре того же года баллотировался кандидатом в члены Учредительного собрания от Томской губернии по списку трудовой народно-социалистической партии. Делегат двух Сибирских областных съездов, в делегатской карточке обозначил свою политическую ориентацию как беспартийный социалист. В декабре того же года Карпова избрали в состав ревизионной комиссии при Томской губернской земской управе. В начале 1918 г. Нурулла Мухамеджанович стал членом Сибирской областной думы, а после её разгона большевиками подписал специальную Декларацию СОД, а также коллективный протест против насилия над членами Думы. Летом того же года, после свержения власти большевиков, Н.М. участвовал в работе так называемого частного совещания СОД в Томске, готовившего открытие новой сессии Сибирской думы. С этой целью в начале июля он вместе *с З. Шкундиным* ездил в Омск и вёл там переговоры с правительством П.В. Вологодского. В сентябре Карпов в составе делегации от СОД участвовал в работе Уфимского государственного совещания. В конце октября также в составе делегации от Сибирской областной думы Нурулла Мухамеджанович опять ездил в Омск в очередной раз хлопотать, теперь уже перед новым правительством Директории, о возобновлении работы СОД, приостановленной в конце сентября по указу Административного совета Временного Сибирского правительства.

Кожевников Василий Андреевич – 29 лет в 1918 г., из казаков, уроженец Забайкальской области, участник Первой мировой войны, кавалер двух Георгиевских крестов. В январе 1918 г. по возвращении с фронта в Забайкалье его избрали революционным командиром 1-го Верхнеудинского полка. Находясь в этой должности Василий Андреевич активно способствовал установлению советской власти у себя на родине. В период чехо-эсеро-белогвардейского мятежа принимал участие в боях на стороне большевиков, в августе попал в плен к белым и был расстрелян в Сретенске.

Кожевников Николай Григорьевич – 34 года в 1918 г., уроженец станицы Никольская Амурской области, из казаков, экстерном окончил юридический факультет Киевского университета, работал помощником присяжного поверенного (адвоката). Правый эсер, в 1907 г. был первый раз арестован за революционную агитацию, год провёл в «Крестах», а после освобождения его вновь определили под стражу, на этот раз по делу крестьянской группы ПСР. После Февральской революции Кожевникова избрали председателем Благовещенского областного комитета партии социалистов-революционеров, а с лета того же года он занял должность комиссара Временного правительства по Амурской области. Зарекомендовал себя в тот период как весьма послушный и исполнительный функционер. Так, в частности, в сентябре того же революционного 1917 г. он подавил, правда, мирными средствами (путём

выборочных арестов) забастовку местных железнодорожников, требовавших индексации заработной платы в условиях галопирующей инфляции.

Октябрьскую революцию Николай Григорьевич не принял и вошёл вместе с атаманом Амурского казачьего войска *И.М. Гамовым*, а также городским головой *А.Н. Алексеевским* в состав Комитета общественного порядка, члены которого намеревались взять под свой контроль всю полноту власти в Амурской области на переходный период до созыва Всероссийского Учредительного собрания. С этим, однако, не согласились рвавшиеся к безраздельной власти большевики, которые вскоре не только аннулировали полномочия КОПа, но и в феврале-марте 1918 г. распустили в Благовещенске городское и земское самоуправление. В ответ на это 6 марта в городе вспыхнул вооруженный мятеж, в ходе которого был избран так называемый Народный совет, а Н.Г. Кожевников возглавил его исполком. Однако уже через шесть дней восстание потерпело полное поражение, и Николай Григорьевич вместе с другими участниками мятежа, спасаясь от преследования, бежал в пограничный китайский город Сахалян (Хэйхэ).

Дальнейшая его роль в политических событиях Дальнего Востока мало заметна. После окончания Гражданской войны Кожевников остался в советской России, в ходе показательных судебных процессов и гонений на правоэсеровскую партию со стороны большевиков в 1921-1922 гг. он официально покинул ряды ПСР. Однако в дальнейшем это не спасло его от преследований, и в трагичном для многих 1937 г. военной коллегией Верховного суда СССР Кожевников был приговорён к высшей мере наказания. Реабилитирован в 1957 г.

Козьмин Николай Николаевич – 46 лет в 1918 г., уроженец г. Красноярска, окончил историко-филологический факультет Петербургского университета, видный сибирский областник, этнограф и историк. С 1914 г. возглавлял красноярское отделение Русского географического общества.

После Февральской революции 1917 г. он вступил в партию эсеров. В том же году Козьмин принял активное участие в работе I и II Сибирских областных съездов. На первом съезде он вошёл в состав его президиума и выступил основным докладчиком по земельному вопросу, в завершение съезда Николай Николаевич был избран кандидатом в члены Сибирского исполнительного комитета. На втором съезде он возглавил земельную секцию и вновь делал доклад по этой одной из самых животрепещущих проблем тогдашней России, и Сибири в частности. Учитывая данное обстоятельство, Временный Сибирский областной совет (в какой-то степени первое областническое правительство Сибири), избранный на втором съезде, предложил Козьмину возглавить земельную комиссию при Совете. После разгона в начале 1918 г. большевиками Учредительного собрания и Сибирской областной думы Козьмин вступил на путь подготовки антисоветского мятежа, вошел в состав красноярского подпольного комиссариата, сформировавшего в городе вооруженную группу, состоявшую из эсеров и бывших офицеров.

После свержения власти большевиков Николая Николаевича назначили в состав, на этот раз уже легального, Енисейского (Красноярского) губернского комиссариата, подконтрольного сначала краевому Западно-Сибирскому комиссариату, а потом – Омскому Сибирскому правительству П.В. Вологодского. В дальнейшей своей политической деятельности Николай Козьмин придерживался умеренно правых взглядов, что позволило ему, как минимум, не осудить антидемократический переворот 18 ноября 1918 г. в Омске. Более того, некоторое время он исполнял обязанности товарища (заместителя) министра земледелия в правительстве верховного правителя Сибири и России. В 1919 г., в период политического заката колчаковского режима, Козьмин работал в правительственной комиссии по подготовке проекта автономного устройства Сибири в его урезанном, а точнее сказать – в «оскопленном» варианте. В тот период он ездил по сибирским городам с пропагандой подобного рода идей, но поддержки ни среди областников, ни среди земских деятелей, кажется, не получил, так как почти все они уже были настроены на создание абсолютно не зависимой как от правительства Колчака, так и от правительства Ленина, – Восточносибирской (буферной) республики со столицей в Иркутске.

После разгрома белого движения на востоке России Николай Николаевич эмигрировал в Китай и некоторое время проживал в Харбине, сотрудничал в местной газете левого направления («Вперёд»), однако в 1923 г. он принял решение вернуться в советскую Россию. В 1924 г. он поселился сначала в Верхнеудинске (Улан-Удэ), а потом в Иркутске, преподавал в местном университете, возглавляя кафедру краеведения, а начиная с 1927 г. служил директором Иркутского государственного краеведческого музея, продолжая заниматься научной деятельностью, публиковал свои статьи в сибирских газетах и журналах. В конце лета 1937 г. Козьмин был арестован по обвинению в «сотрудничестве с японской разведкой» и через год умер в тюремной больнице от сердечного приступа. В настоящее время он полностью реабилитирован.

Колобов Михаил Алексеевич – 39 лет в 1918 г., уроженец Нерчинского уезда Забайкальской области, окончил Казанскую духовную академию, однако после революции 1905 г. сложил с себя сан

священника, в 1907 г. издавал в Харбине антиправительственную и антицерковную газету «Мысль». С 1909 г. он – сотрудник читинской газеты «Забайкальская новь», а с июля 1917 г. – её редактор. В том же революционном году Михаил Алексеевич избирается членом Читинской городской думы и Сибирской областной думы, а также делегатом на I и II Всесибирские съезды. Колобов являлся членом трудовой народно-социалистической партии (так – в делегатских карточках участника двух Сибирских областных съездов) и возглавлял забайкальскую организацию этой партии. Некоторые комментаторы причисляют его к эсерам и даже к меньшевикам, что абсолютно неверно.

Забайкальская организация трудовиков активно поддержала идею автономии Сибири в рамках Российской федеративной республики. В конце января 1918 г., после разгона большевиками Сибирской думы, на тайном совещании её членов Колобов, как политик, близкий к Потанинскому кружку, был избран министром торговли и промышленности во Временном правительстве автономной Сибири (ВПАС). В конце феврале того же года он вместе с пятью другими министрами выехал из Томска сначала в родную Читу, а потом в китайский Харбин. Отсюда его командировали во Владивосток, где он от имени ВПАС пытался наладить контакты с представителями иностранных держав. Однако в апреле того же года Колобова арестовали советские власти и через некоторое время выслали в Харбин, где, по странному стечению обстоятельств, его вновь задержали, но на этот раз по приказу начальника корпуса охранной стражи КВЖД вице-адмирала Колчака, по абсурдному обвинению в симпатиях к большевизму. Когда всё, наконец, выяснилось, Колобова освободили, и вскоре там же в Харбине он примкнул к группе правых политиков, возглавляемых генералом Хорватом. После свержения советской власти на Дальнем Востоке Колобов вновь перебрался во Владивосток, где продолжил работу в политическом окружении самозваного (с июля 1918 г.) временного правителя России – *Дмитрия Леонидовича Хорвата*. В октябре того же года он, предположительно, собирался выехать в составе группы дальневосточных правых в Омск – для участия в борьбе с правыми эсерами за политическую власть в регионе. Умер в Москве в 1930 г.

Колосов Евгений Евгеньевич (младший) – 39 лет в 1918 г., правый эсер-оборонец, один из виднейших представителей этой партии в Сибири. Родился в Нерчинске, в Забайкалье, в семье казачьего офицера, по другой версии – в семье ссыльного офицера-народовольца. Сам же Колосов, ко всему прочему, утверждал, что по материнской линии он являлся потомком самого Чингиз-хана. В 1896 г. Евгений Евгеньевич окончил Томское реальное училище, потом учился в Петербурге, где сблизился с некоторыми видными народниками, в частности с Н.К. Михайловским, за что Колосова выслали из столицы, и ему пришлось заканчивать учёбу уже в Томском технологическом институте. Здесь, в Томске, Колосов, помимо институтских лекций, опять стал посещать кружки политических диссидентов, вступил в 1901 г. в эсеровскую партию, а вскоре и вообще встал на путь профессиональной революционной борьбы. В период Первой русской революции по заданию партии Колосов активно занимался подпольной работой сначала в Сибири, потом на Волге (Сормово), в Одессе, а также в среде оружейников Тулы и рабочих Петербурга, состоял в боевой организации ПСР. В тот период он неоднократно арестовывался полицией и достаточно длительный период времени провёл в тюрьме под следствием. В 1907 г. Евгений Евгеньевич эмигрировал в Швейцарию, пробыл там более семи лет и лишь в 1915 г. вновь вернулся в Россию, где сразу же был арестован и сослан на поселение в Сибирь, на свою малую родину.

После Февральской революции 1917 г. Колосов возглавил губернскую организацию красноярских эсеров и редактировал местную партийную газету «Наш голос», его избрали членом Всероссийского Учредительного собрания от Енисейской губернии, а также депутатом Сибирской областной думы. Октябрьскую социалистическую революцию он не принял. При Колчаке Евгений Евгеньевич стал одним из руководителей енисейского губернского земства. Сначала он занимал немного сдержанную позицию по отношению к политическому курсу адмирала, потом критическую и, наконец, осенью 1919 г. ушел в открытую оппозицию к колчаковскому режиму, став одним из активнейших деятелей земско-эсеровского движения Сибири, занимая некоторое время даже пост председателя его головного бюро, так называемого Земского политического центра, сокращённо – Политцентра.

Указанное движение ставило своей целью отстранение от власти правительства Колчака и создание на территории Восточной Сибири «буферного» демократического государства (с границей от Енисея до Байкала), полностью не зависимого как от большевиков, утвердившихся у власти на большей части России, так и от стран Антанты, хозяйничавших в тот период на русском Дальнем Востоке. С этой целью Евгений Колосов в январе 1920 г. от имени Политцентра, по некоторым сведениям, вёл переговоры в Томске с командованием 5-й Красной армии, во время которых он обещал в случае удовлетворения Советами предложений сибирских земцев-областников не только продолжить вооруженную борьбу с колчаковцами, но и открыть в союзе с большевиками фронт боевых действий против оккупировавших Забайкалье и Дальний Восток японских войск. Однако Советское правительство такой план на тот

момент уже не устраивал, большевики стали хозяевами положения в Сибири и сами хотели расширить границы Советской республики как минимум до Байкала. Местное население, которое хоть как-то интересовалось политикой, тоже не очень поверило тогда в «спасительную» идею эсеров-земцев, поэтому их план по созданию «буферного» государства в Сибири не был поддержан и вскоре провалился окончательно. В результате чего войска Красной армии в начале весны 1920 г. фактически без боя заняли Иркутск – последний оплот автономистских надежд сибиряков.

Сам инициатор проекта после его провала прекратил уже навсегда всякую политическую деятельность, однако спокойно умереть в собственной постели ему все-таки не позволили: в страшном 1937 г. Колосов разделил в застенках НКВД трагическую участь многих из тех своих товарищей, которые, так же как и он, что называется, беззаветно верили в идеалы русской революции и, в частности, в «радужные» перспективы сибирской автономии, но так и не увидели, по большому счёту, плодов ни того, ни другого. Реабилитирован Евгений Евгеньевич был, по одним данным, в 1989 г., по другим – в 1994 году.

В советский период своей трудовой деятельности Колосов опубликовал ряд интересных журнальных статей по истории Гражданской войны, а также стал автором весьма известной в научных кругах монографии «Сибирь при Колчаке», вышедшей в Петрограде в 1923 г. небольшим тиражом и с тех пор ставшей большой библиографической редкостью. Лишь недавно благодаря интернету эта книга нашла, наконец, путь к широкому кругу читателей.

Коляда П. – в 1918 г. один из активнейших участников установления советской власти в Томске, возможно, большевик (или левый эсер). В марте 1918 г. являлся делегатом II Томского губернского съезда крестьянских депутатов, на котором выступил с докладом по поводу судьбы прежних земских органов власти. В нём он, в частности, отметил следующее: «Органы местного самоуправления, такие как губернская и уездная земские управы, возникли ещё при помещиках... в этих учреждениях при помощи особого класса крестьян – „крепких мужиков” обирали народ». Им же от имени большевиков была внесена итоговая резолюция съезда: «Эти учреждения, как отжившие свой век, должны исчезнуть, и все их функции отойти к губернскому исполнительному комитету Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов». Данная резолюция подавляющим (как обычно бывает в таких случаях) числом голосов (160 – за, 1 – против, 10 человек воздержались) была принята.

В конце мая того же 1918 г. П. Коляда вместе с военным комендантом Томска Иваном Лебедевым во главе красногвардейского отряда отбыл на ст. Тайга для организации её обороны от наступающих из района Новониколаевска частей восставшего Чехословацкого корпуса. Дальнейшая его судьба прослеживается с трудом. В. Вегман в одной из своих статей писал о том, что в октябре 1918 г. П. Коляда был расстрелян белогвардейцами.

Копейкин Павел Самсонович – 62 года в 1918 году, из семьи офицера Сибирского казачьего войска, родился в посёлке Ямышевский Павлодарского станичного района, окончил Омский кадетский корпус и московское Александровское военное училище. Проходил службу в частях Сибирского и Уссурийского казачьих войск, в 1901 году участвовал в подавлении так называемого «боксёрского восстания» в Китае. С 1906 года, в звании генерал-майора находился в отставке, однако некоторое время ещё работал в войсковом управлении. В 1911 г. Павел Самсонович, наконец, полностью оставил службу, уехал из Омска и поселился на своём хуторе, где занимался хозяйственными делами. В революционном 1917 г. войсковой круг избрал его атаманом Сибирского казачьего войска (с конца XVII века атаманы Сибирского казачьего войска являлись не выборными, а наказными, то есть назначались лично царём). В январе 1918 г. после утверждения в Омске советской власти Павел Самсонович был арестован большевиками и отправлен в томскую губернскую тюрьму. В конце марта того же года его перевезли в Омск и на съезде казачьих депутатов заставили сложить с себя полномочия войскового атамана. После этого, окончательно, так сказать, получив «вольную» со службы, Павел Самсонович уехал в родную станицу, где в декабре всё того же 1918 г. по болезни скончался.

Корнилов Лавр Георгиевич – 48 лет в 1918 г., уроженец Сибири, из семьи отставного казачьего офицера, мать – крещёная казашка (по другим данным – калмычка). Полагают, что именно от матери Лавр Георгиевич унаследовал не только свой невысокий (монгольский) рост, но также острый ум, очень волевой характер и отличную память. Окончил Омский кадетский корпус, Михайловское артиллерийское училище в Петербурге и Академию Генерального штаба. Знал несколько восточных языков, мечтал о расширении границ Российской империи в Азию и на Восток, бывал с разведывательными экспедициями в Китае и Иране. Участник русско-японской и Первой мировой войн, кавалер двух орденов Св. Георгия, генерал от инфантерии (полный генерал, генерал армии по-нынешнему). После Февральской революции 1917 г. перешёл на откровенно консервативные позиции; назначенный летом верховным главнокомандующим вооруженными силами России, предпринял в августе попытку

государственного переворота, за что был арестован и содержался некоторое время под стражей. После Октябрьской революции вместе с некоторыми другими участниками переворота бежал на юг России, где совместно с генералом Алексеевым возглавил белогвардейскую Добровольческую армию. В марте 1918 г. по приказу Лавра Георгиевича Корнилова в Сибирь с тайной миссией отправилась группа военных во главе с генералом *Флугом*, с целью наладить связь с сибирским подпольным движением, а также для того, чтобы встретиться в Томске с лидером сибирских областников-автономистов *Григорием Потаниным* и обсудить с ним план совместных действий по борьбе с большевиками.

13 апреля (несчастливое число) 1918 г. убит шальным снарядом в период осады Екатеринодара, нынешнего Краснодара; снарядом, от единственного в тот день орудийного выстрела, залетевшим в единственное окно одиноко стоявшей избы, в которой находился Лавр Корнилов, просто сидел и по любимой русской традиции пил чай из самовара...

Коротков В.С. – бывший поручик царской армии. При большевиках в начале 1918 г. начальник красноярской городской милиции и одновременно член тайной офицерской подпольной организации. При Колчаке командовал на территории Енисейской губернии так называемым отрядом особого назначения, боровшимся с партизанами и осуществлявшим мероприятия карательного характера, в том числе и в отношении мирного населения сельских районов, уличённыых в сотрудничестве с красными. После вторичного установления советской власти на территории Сибири Коротков был арестован и осуждён.

Косарев (Косырев) Владимир Михайлович – 37-38 лет в 1918 г., родился в Московской губернии в рабочей семье, по профессии – ткач. Член социал-демократической партии с 1898 г., большевик, участник революции 1905 г., после поражения которой эмигрировал за границу, где изучал политические науки, прослушав курс лекций в партийных школах о. Капри и Парижа, там же он познакомился с Лениным. После возвращения из-за границы он перешел на нелегальное положение, но вскоре его арестовали и сослали в Сибирь. Отбывал наказание в Нарымском уезде Томской губернии, вместе с ним на поселении находились: *Николай Яковлев и Иван Смирнов* – в будущем также виднейшие сибирские большевики. В 1916 г. Косарев вместе с ними был призван в царскую армию в один из запасных полков, дислоцировавшихся в Томске. После Февральской революции Владимир Михайлович стал одним из самых активных большевистских лидеров сначала Томска, потом Омска, а затем и всей Западной Сибири в целом. Так, сразу же после Октябрьской социалистической революции, он занял пост председателя Омского Совета рабочих и солдатских депутатов, а в начале 1918 г. председателя Западно-Сибирского исполкома Советов. В октябре 1917 г. Владимир Михайлович являлся делегатом I Сибирского областного съезда. В годы Гражданской войны Косарев работал на Урале, являлся членом Уральского комитета РКП (б), потом – Сибревкома. В 1923 г. Владимир Михайлович вернулся в Москву, где продолжил работу на ответственных партийных постах. Умер в 1945 г. Одна из улиц Томска носит его имя.

Кравченко Александр Диамидович – 38 лет в 1918 г., после Февральской революции 1917 г. примкнул к эсерам, в 1920 г. вступил в партию большевиков. Александр Диамидович – уроженец Воронежской губернии, окончил Саратовское земледельческое училище, потом некоторое время служил в армии, после чего вместе с родителями переехал на жительство в Сибирь, работал лесным кондуктором и агрономом в Минусинском уезде. Во время Первой мировой войны в звании прапорщика (по другим сведениям – поручика) находился в запасных частях, дислоцировавшихся в Ачинске. После Февральской революции Кравченко начал заниматься политической деятельностью, в это время он один из революционных агитаторов в среде солдат ачинского гарнизона, член Ачинского Совета рабочих и солдатских депутатов, потом помощник уездного комиссара Временного правительства по Ачинскому уезду.

После Октябрьской революции, по данным советской историографии, Кравченко занимал должность начальника ачинской уездной милиции, по данным колчаковской печати – исполнял обязанности смотрителя продовольственного пункта в Ачинске и якобы даже растратил очень крупную сумму казённых денег, после чего, спасаясь от большевистских ревизоров, сбежал в Нарвский район, где у него имелся арендованный хутор. В период чехо-эсеро-белогвардейского антисоветского мятежа, летом 1918 г., Кравченко некоторое время в качестве добровольца воевал в рядах повстанцев, но потом, как офицер, был уже принудительно мобилизован в Сибирскую армию. Однако вскоре А.Д. из неё дезертировал и некоторое время находился на нелегальном положении в крупном переселенческом селе Красноярской губернии – Степной Баджей. Впоследствии под псевдонимом «Конь» Кравченко организовал в этом районе, а также на территории Минусинского уезда одно из самых крупных антиколчаковских партизанских соединений Сибири, насчитывавшем в разные периоды от 6 до 20 тысяч человек личного состава, достаточно хорошо вооруженного и имевшего в своём распоряжении

до двух десятков пулемётов и даже несколько артиллерийских орудий. Одной из самых боеспособных бригад его армии командовал ещё один знаменитый красноярский партизан – *Пётр Щетинкин*. В конце 1919-го – начале 1920 гг. повстанческие отряды под командованием Кравченко и Щетинкина участвовали в освобождении от колчаковских войск многих сёл и деревень Енисейской губернии, а также городов: Минусинск, Красноярск, Канск и Ачинск.

После окончания боевых действий партизанское соединение Кравченко большевики сразу же расформировали, а его славного командира перевели на гражданскую службу. Сначала А.Д. заведовал отделом по коллективизации при Наркомземе РСФСР, потом руководил Пятигорским губернским земельным отделом, как и в предыдущие годы, сильно злоупотреблял спиртным, умер в ноябре 1923 г. в Ростове-на-Дону и был похоронен, как герой Гражданской войны, с большими воинскими почестями. Позже прах Кравченко перевезли в Минусинск.

Краковецкий Аркадий Антонович – 34 года в 1918 г., из дворянской семьи, родился в Харькове, окончил кадетский корпус и столичное Михайловское артиллерийское училище (по другой версии – Константиновское), в 1905 г. вступил в партию эсеров. В 1906 г., находясь в чине поручика в одном из гарнизонов на территории российской части Польши, Краковецкий принял активное участие в революционной агитации среди военнослужащих, а однажды с группой эсеровских боевиков освободил из тюрьмы приговорённых к расстрелу политических заключённых. За это он был разжалован в рядовые и осуждён на восемь лет тюремного заключения. Отбывал срок в Сибири, сначала в Тобольске, а потом (1911-го по 1916 г.) в печально знаменитом Александровском централе под Иркутском. После окончания тюремного срока, с 1916 г. проживал в Иркутске, работал сотрудником местного банка взаимного кредита, а ещё публиковался в газете «Сибирь», в редакции которой он довольно тесно сошелся с такими маститыми эсерами, как А. Тимофеев, Е. Гоц, и другими. Здесь же в Иркутске Аркадий Антонович продолжил и свою нелегальную революционную деятельность.

После Февральской революции Краковецкий стал одной из самых заметных фигур в среде сибирских эсеровских функционеров. Так, в мае 1917 г. приказом премьер-министра России Александра Керенского он был произведён из звания (бывшего) подпоручика сразу в подполковники и вскоре назначен командующим Иркутским военным округом, а осенью того же года Краковецкого перевели в Петроградский военный округ на должность заместителя командующего. Октябрьскую социалистическую революцию Аркадий Антонович категорически не принял (в тот период) и в ноябре в Петрограде участвовал в антисоветском вооруженном мятеже, после разгрома которого он сбежал в Украину. Здесь в ноябре того же года его избрали членом Всероссийского Учредительного собрания от Румынского фронта. В декабре на основании решения второго (чрезвычайного) Сибирского областного съезда Краковецкого заочно кооптировали в состав Сибирского областного совета, а в конце января 1918 г. (также заочно) избрали в состав Временного правительства автономной Сибири в должности военного министра. В феврале-марте того же года Аркадий Антонович, по подложным документам проехав с запада на восток всю Россию, прибыл в Харбин и здесь стал одним из руководителей подготовки антибольшевистского вооруженного восстания на территории Сибири. Однако после его победы, в силу политических интриг в борьбе за власть, Краковецкий уступил должность военного министра полковнику Гришину-Алмазову.

В 1919 г. он попытался устроиться на службу к адмиралу Колчаку в должности командира знаменитой Воткинской («красной») дивизии, но и здесь пришёлся не ко двору. Более того, вскоре его сослали в г. Бийск под надзор белогвардейской контрразведки. В ноябре 1919 г. вместе с также опальным чешским генералом *Гайдой* и председателем распущенной уже к тому времени Сибирской областной думы *Якушевым* Краковецкий предпринял попытку вооруженного антиколчаковского мятежа во Владивостоке, после подавления которого некоторое время скрывался в подполье. В начале 1920 г. в результате освобождения Владивостока отрядами красных партизан Аркадий Антонович вновь включился в легальную политическую деятельность, заняв должность командующего сухопутными и морскими силами Приморской области. Однако после военного переворота, устроенного в мае того же года японцами, Краковецкий, скрываясь от преследования, вынужден был эмигрировать сначала в США, а потом в Чехословакию, после чего волею судьбы он вновь вернулся в советскую Россию.

В 1922 году, когда оставшаяся в России часть руководства партии правых эсеров официально признала ошибочность своей политической стратегии и примирилась с большевизмом, Краковецкий «с чистой совестью» перешёл на службу к советской власти, которая почему-то простила бывшего военного министра Сибирского правительства за его достаточно серьёзные «ошибки» в прошлом, видимо, исходя из новозаветного принципа: «Иди и больше не греши». В 1923 г. Краковецкий даже был принят в члены ВКП(б) и потом более 10 лет работал на весьма ответственных должностях в системе ОГПУ и НКВД. Однако в 1934 г. ему, видимо, всё-таки припомнили старые его грешки и уволили со

службы. В 1937 г. его, как и многих других бывших членов эсеровской партии, арестовали, обвинили в контрреволюционной террористической деятельности и в следующем году расстреляли.

Красильников Иван Николаевич – 30 лет в 1918 г. (по другим данным – 38 лет), есаул Оренбургского казачьего войска, непримиримый противник советской власти. Начал борьбу с большевиками ещё в самом начале 1918 г., создав в одной из станиц близ Омска небольшой летучий казачий отряд. В период антисоветского мятежа в июне того же года Красильникова с его казаками направили из Омска под Мариинск. В ходе боёв они влились в состав Средне-Сибирского корпуса под командованием *А. Пепеляева*. Отряд Красильникова принимал активное участие в боевых операциях под Нижнеудинском и Иркутском, потом на Лене, в районе Бодайбо и Киренска. В июле после занятия Иркутска Иван Красильников приказом командующего Сибирской армией *А.Н. Гришина-Алмазова*, был повышен в воинском звании до войскового старшины (подполковника). Осенью того же года Ивана Николаевича вместе с его отрядом перевели в Омск в распоряжение начальника гарнизона города полковника *Волкова*.

Здесь, в Омске, войсковой старшина Красильников сначала руководил подавлением забастовки железнодорожников местного депо. А после этого вместе с Волковым и некоторыми другими казачьими офицерами он оказался задействованным (при организационном контроле правых и крайне правых сил, а также иностранных консулов), по модному выражению той поры, в так называемых «мексиканских разборках» – в насильственном отстранении от власти представителей революционной демократии: членов Уфимской Директории и лиц её поддерживавших. Другими словами, Красильников являлся одним из ответственных исполнителей колчаковского переворота, осуществленного 18 ноября 1918 года. По данному делу он вместе со своими подельниками подвергся «преследованию» со стороны официальных белогвардейских властей и даже предстал перед судом, но был на первом же заседании военного трибунала полностью оправдан и, более того, – за оказанные услуги отечеству приказом верховного правителя адмирала Колчака (своего, получается, в некотором роде «крестника») уже через несколько дней повышен в звании до полковника. Зимой и летом 1919 г. Иван Красильников во главе особого отряда, официально названного его именем, вёл трудную борьбу с красными партизанами на территории Енисейской губернии, постепенно превращаясь из легендарного героя Гражданской войны в рядового колчаковского опричника: получил звание генерал-майора за это. В период окончательного разгрома белогвардейских войск на территории Сибири находился в Иркутске, сильно «запивал горькую», заразился сыпным тифом и в январе 1920 г. умер. По другим данным, был предательски убит во время переговоров с делегацией земско-областнического Политцентра.

Краснощёков Александр Михайлович (по-настоящему – Тобинсон Абрам Моисеевич) – 38 лет в 1918 г., родился в Киевской губернии (в местечке Чернобыль) в семье приказчика, в 16 лет примкнул к революционному движению сначала – просто социал-демократ, с 1917 г. – большевик. В период с 1903-го по 1917 г. находился в эмиграции в США, работал сначала маляром, потом портным. По некоторым данным, в это же время он вступил в Американскую социалистическую рабочую партию и состоял членом профсоюза Американской федерации труда и индустриальных рабочих мира. В 1912 г. окончил экстерном Чикагский университет по специальности «экономика и право», владел несколькими иностранными языками (в том числе и идишем), занимался адвокатской практикой, в частности отстаивал интересы профсоюзов в их тяжбах с предпринимателями. Здесь же, в эмиграции Абрам Моисеевич познакомился и близко сошёлся с Львом Троцким, что и определило во многом его дальнейшую судьбу.

Сразу же после свершения в России Февральского антимонархического переворота Тобинсон незамедлительно отправился на родину. Прибыв в конце лета 1917 г. на пароходе из США через Японию в порт Владивосток, по заданию партии большевиков (членом которой он стал, как только вновь ступил на российскую землю) Абрам Моисеевич остался на Дальнем Востоке, для того чтобы осуществлять здесь общее руководство мероприятиями по подготовке новой, социалистической, революции. Вследствие этого до той поры вообще никому неизвестный в Приморье и в Приамурье адвокат из США Абрам Тобинсон, принявший в целях конспирации фамилию Краснощёков, сделал за несколько месяцев абсолютно не мыслимую в обычные времена политическую карьеру, став вскоре после Октябрьского антибуржуазного переворота фактически главой всего Дальневосточного региона.

Избранный сначала на скромную должность члена Никольск-Уссурийского (теперь просто Уссурийск) Совета рабочих и солдатских депутатов, он в декабре 1917 г. участвовал сразу в двух общерегиональных съездах, проходивших почти одновременно в Хабаровске. Первым по счёту оказался съезд земств и городов Дальнего Востока, собранный по инициативе бывшего комиссара Временного правительства по Дальневосточному краю *А.Н. Русанова*. На нём Краснощёков, как гласит предание, присутствовал незаконно по подложным документам члена Никольск-Уссурийской городской управы, но, несмотря на это, проявлял завидную активность и пытался даже заблокировать решения съезда о передаче власти в регионе в руки земского и городского самоуправлений, однако неудачно.

На втором съезде, съезде дальневосточных Советов, Краснощёкову повезло больше. Во-первых, удалось принять резолюцию о переходе всей полноты политической власти на Дальнем Востоке в руки Советов, а, во-вторых, самого Александра Михайловича утвердили председателем избранного на съезде Дальневосточного краевого комитета Советов рабочих и крестьянских депутатов, а также самоуправлений, то есть фактически руководителем всей советской и земской власти в регионе. В апреле 1918 г., когда все земские и городские управы на Дальнем Востоке и в Приамурье были большевиками распущены, а из Дальневосточного краевого комитета выведены представители самоуправлений, Краснощёков по-прежнему остался в должности руководителя этого комитета, а также стал исполнять обязанности председателя Дальневосточного совета народных комиссаров (Дальсовнаркома).

После победы летом того же года антибольшевистского восстания на всей территории Сибири и Дальнего Востока Александр Михайлович некоторое время находился на подпольной работе в Амурской области, а потом в Енисейске Красноярской губернии. В мае 1919 г. Краснощёков пытался перейти линию фронта, но где-то на территории Самарской губернии был арестован белыми и направлен в «поезде смерти» в одну из иркутских тюрем. В Иркутске никем не узнанный Краснощёков-Тобинсон содержался под вымышленной фамилией и поэтому избежал расправы со стороны колчаковских карательных органов. Освобождённый в результате декабрьского вооруженного восстания, он уже в январе 1920 г. стал председателем Иркутского губкома большевиков, а также принял участие в переговорах эсеровско-меньшевистского Политцентра с политическим руководством 5-й Красной армии.

После образования Дальневосточной республики (ДВР) со столицей в Верхнеудинске, а потом в Чите Александр Михайлович исполнял обязанности председателя её правительства, но в 1921 г., обвинённый в сепаратизме и в сотрудничестве с умеренными левыми, был отозван в Москву. Здесь он занял должность сначала заместителя народного комиссара финансов РСФСР, а потом – председателя правления Промбанка. В 1923 г. за нецелевое использование бюджетных средств Краснощёков получил 6 лет тюрьмы, однако отсидел неполный срок и по «состоянию здоровья» уже через год вышёл на свободу. В последующие годы находился на административно-хозяйственной работе, занимал ответственные посты в наркомате земледелия, тесно сотрудничал с Николаем Вавиловым. В июле 1937 г., в период очередной кампании по зачистке троцкистской оппозиции, Краснощёкова арестовали и в ноябре того же года расстреляли. Реабилитирован в 1956 г.

Кривоносенко Дмитрий Иванович - 33 года в 1918 г., большевик, родился в Забайкалье в семье фельдшера аккатуйской каторжной тюрьмы, окончил читинскую учительскую семинарию. Через отца приобщился к революционной деятельности и познакомился со ссыльными социал-демократами, в частности, с такими видными деятелями партии, как Бабушкин, Костюшко, Вележанич и др. В 1905 г. Дмитрий Кривоносенко вместе с отцом принял активное участие в революционных событиях в Сибири, действовал в рядах боевой революционной организации ЗФГВНВ (Забайкальская федерация групп вооруженного народного восстания), состоявшей из социал-демократов и анархистов, практиковавших, как и знаменитые боевики-эсеры, теракты и «эксы» (экспроприацию экспроприаторов). В декабре 1906 г. ЗФГВНВ была обезврежена полицией, а в октябре 1908 г. в рамках расследования по этому делу Кривоносенко выследили и арестовали.

Тюремное заключение, постоянные стычки с уголовными, а также казнь отца, пережитая несколькими годами ранее, каким-то образом, видимо, подействовали на душевное состояние молодого революционера, и он несколько раз по направлению полиции проходил обследование в томской психиатрической лечебнице. По другой версии, молодой революционер просто имитировал сумасшествие, для того чтобы добиться смягчения приговора. После освобождения из тюрьмы Кривоносенко организовал в Чите подпольную типографию, где вместе со своим земляком И. Нахановичем печатал антиправительственные листовки, вновь был арестован и сослан под надзор полиции в Томск, где устроился по протекции всё того же Исайя Нахановича разносчиком газет (за что впоследствии, став главным чекистом города, получил от сразу же появившихся недоброжелателей уничижительное прозвище «почтальон»).

После Февральской революции 1917 г. Кривоносенко уехал из Томска в родную Читу, но там у него что-то не заладилось, и он по приглашению томских большевиков вновь вернулся в столицу Средней Сибири, где вместе с Петром Голиковым, Феликсом Галинским и Семёном Канатчиковым встал у руля создания в городе первых отрядов Красной гвардии. После Октябрьской революции Дмитрий Иванович вошёл, что называется, в основную большевистскую обойму Томска. В марте 1918 г. он стал председателем созданного при местном губисполкоме отдела по борьбе с контрреволюцией, преобразованного впоследствии в томскую ЧК. 24 мая того же года во время инцидента у Иоанно-Предтеченского женского монастыря Дмитрий Кривоносенко был убит членами офицерской подпольной организации.

Кроль Лев Яковлевич (Афанасьевич) – 47 лет в 1918 г., родился в зажиточной семье, высшее образование получил за границей, по специальности инженер-механик. Проживал в Екатеринбурге, являлся акционером нескольких промышленных предприятий города и в период до Февральской революции занимал должность директора центральной электростанции Екатеринбурга, был сторонником рабочего законодательства и ещё в 1902 г. в явочном порядке ввёл на своём предприятии 8-часовой рабочий день. С 1905 г., то есть с самых первых дней основания конституционно-демократической партии, стал её членом, являлся представителем её левого крыла, одно время входил в ЦК этой партии и фактически возглавлял уральскую организацию кадетов.

Имел отношение к масонским ложам. Запрещённые в 1822 г. при Александре I, они в 1906 г. вновь получили разрешение на легальную деятельность и сразу же приобрели политическую окраску, заправляли в них, как правило, или правые эсеры, или кадеты. В одну из таких лож под названием «Малая Медведица», впоследствии расширенную и переименованную в «Великий Восток народов России (ВВнР)», и вошёл в 1910 г. Лев Кроль. В 1914 г. он стал мастером этой ложи, а её секретарём в то же самое время являлся А.Ф. Керенский. Примерно в том же году Кролем было создано отделение ВВнР на Урале, которое он сам же и возглавил.

В период Первой мировой войны, будучи достаточно крупным предпринимателем, Лев Яковлевич вошёл в состав руководства Уральского военно-промышленного комитета, став членом его президиума и председателем рабочего отдела. В ходе Февральской революции 1917 г. его сразу же избрали председателем Комитета общественной безопасности Екатеринбурга, а в июле – гласным городской думы. Октябрьский переворот он категорически не принял, и это, несмотря на то, что считался в своей партии представителем левого крыла и, более того, – находился в приятельских отношениях с видным большевистским лидером Яковом Свердловым.

В ноябре того же 1917 г. Кроль был избран членом Учредительного собрания, а после его разгона перешёл на нелегальное положение, встал на путь организации вооруженной борьбы с Советами, и начал активно сотрудничать с «Союзом возрождения России». Сразу же после начала чехо-эсеровско-белогвардейского мятежа Лев Яковлевич выехал на восток: сначала – в Самару, куда в это время съезжались члены Учредительного собрания, главным образом – эсеры, потом – в Челябинск, где велись переговоры между двумя правительствами – ВСП и КОМУЧем, и, наконец, в августе добрался до родного Екатеринбурга, где стал инициатором создания автономного правительства Урала, в котором занял пост министра финансов. Однако заметной роли в истории оно не сыграло и уже в сентябре на Уфимском государственном совещании самораспустилось в пользу созданного там же правительства Директории.

Колчаковский переворот, разогнавший, в свою очередь, Директорию, Кроль принял, но, как считают некоторые исследователи, сделал это не сразу. В феврале 1919 г. во время визита в Екатеринбург верховного правителя на банкете в его честь Лев Яковлевич от имени общественности города выступил с большой программной речью в поддержку адмирала и его политики. В то же самое время Кроль, как представитель левого фланга либерального движения, ратовал за объединение всех антибольшевистских сил (в том числе и умеренных социалистов) в единый политический блок и стал инициатором создания Всероссийского демократического союза, деятельность которого, впрочем, как и некогда Уральского («уездного») правительства, ограничилась лишь пределами одного небольшого региона и не более того. На протяжении всего 1919 г. Лев Яковлевич являлся членом Екатеринбургского городского, уездного, а также Пермского губернского комитетов местного самоуправления.

После разгрома белых частей Кроль бежал сначала в Иркутск, потом – во Владивосток, там он был избран в состав Приморского народного собрания. В 1922 г. за несколько месяцев до прихода красных в город издал книгу личных воспоминаний о Гражданской войне в России под названием «За три года», не очень часто, но всё-таки цитируемую исследователями. В конце того же года Лев Яковлевич эмигрировал за границу и вскоре поселился в Париже, где и провёл остаток жизни. Состоял опять в нескольких масонских ложах («Северная звезда», «Великий Восток», «Свободная Россия»), дослужился в них до высоких должностных степеней, активно сотрудничал в эмигрантской периодической печати. Умер в 1931 году.

Кругликов Аполлон Николаевич – 35 лет в 1918 г., родился в Красноярске, после окончания с отличием местной гимназии в 1902 г. поступил на факультет восточных языков Петербургского университета, но уже в следующем году был отчислен. В тот же период он вступил в партию эсеров, в 1907 г. его первый раз арестовали и сразу приговорили к 8 годам сибирской каторги. Отбывал срок в Александровском централе, с 1914 г. – на поселении, в 1915 г. он получил разрешение проживать в Иркутске, экстерном сдал экзамены за юридический факультет, состоял на службе в биржевом комитете. После февраля 1917 г. Аполлона Николаевича избрали председателем исполкома общественных организаций

Иркутска, и вскоре он на некоторое время занял пост губернского комиссара, исполняя эту должность одновременно вместе с *И.А. Лавровым*. В ноябре того же года Кругликов стал членом Всероссийского Учредительного собрания от Забайкалья и уехал на некоторое время в Петроград.

По возвращении в Сибирь в июле 1918 г., после освобождения Иркутска войсками Сибирского правительства, Аполлона Николаевича выбрали городским головой Иркутска. А 4 ноября того же года его назначили на должность управляющего делами Временного Всероссийского правительства (Директории), после роспуска которого в результате колчаковского переворота Кругликов оказался не у дел. К 1920 г. Аполлон Николаевич перебрался во Владивосток и занимал там ряд ответственных постов в структурах Владивостокской областной земской управы. После окончания Гражданской войны Кругликов был арестован большевиками и в 1923 г. умер во владивостокской тюрьме от тифа.

Крутовский Владимир Михайлович – 62 года в 1918 г., выходец из рода обрусевших поляков, родился в Сибири, в Енисейской губернии, в семье разбогатевшего во время сибирской золотой лихорадки крепостного крестьянина, переселившегося в своё время из Владимирской губернии. Образование высшее, окончил Красноярскую гимназию и Петербургскую медико-хирургическую академию (1881 г.), врач, журналист, педагог, один из лидеров областнического движения Сибири. По политическим убеждениям – народный социалист, народоволец, как он сам себя называл, главный редактор единственного в Сибири журнала областнического направления «Сибирские записки» (1916–1919 гг.). В 1905 г. Владимир Михайлович одним из первых выдвинул идею по созданию общесибирской Земской думы (Сибирской областной думы). Имел в Красноярске частную врачебную практику и богатый дом, что не мешало ему, однако, сочувствовать некоторым социалистическим идеям. Во время следования к месту ссылки в Сибирь В.И. Ленина от Самары до Красноярска он ехал с ним в одном вагоне и таким образом сначала познакомился, а потом и подружился с будущим вождём мирового пролетариата, помогал ему, чем мог, в период его шушенской ссылки.

После Февральской революции 1917 г. Крутовский был назначен Временным правительством на должность Енисейского губернского комиссара. Кандидат в члены Учредительного собрания по списку трудовой народно-социалистической партии, по другим сведениям В.М. позиционировал себя на этих выборах ещё и сибирским областником. Однако ни то, ни другое политическое кредо не помогло ему получить мандат члена Всероссийского Учредительного собрания.

Владимир Михайлович Крутовский, как один из самых видных деятелей сибирского областнического движения, в октябре 1917 г. принимал участие в работе I Сибирского областнического съезда и был избран председателем президиума этого съезда. А потом возглавил созданный здесь же Сибирский областной совет – распорядительный орган, призванный обеспечить созыв в Сибири Учредительного съезда (собрания) для принятия Сибирской конституции. Делегат II декабрьского (чрезвычайного) Сибирского областного съезда и также его председатель. В делегатской карточке указал свою партийную принадлежность как народоволец.

По возвращении в Красноярск в конце 1917 г. В.М. был арестован большевиками и поэтому не смог в январе 1918 г. приехать в Томск для участия в работе Сибирской областной думы. Однако, несмотря на это, на тайном совещании членов Думы его заочно избрали министром здравоохранения (народного здравия) Временного правительства автономной Сибири (ВПАС).

В первой половине 1918 г., в период подготовки антибольшевистского восстания в Сибири Крутовский являлся представителем подпольного Западно-Сибирского комиссариата (ВПАС) в Красноярске. Летом того же года он занял пост министра внутренних дел во Временном Сибирском правительстве *П.В. Вологодского*.

Однако под давлением правых кругов в начале осени 1918 г. Крутовский, как человек, сочувствующий умеренным социалистам, вынужден был оставить свой пост, а после колчаковского переворота он вообще отошёл от активной политической деятельности, продолжая заниматься изданием редактируемого им областнического журнала. В 20–30-х годах, уже в советское время, Крутовский работал врачом, а также преподавателем медицинского техникума (фельдшерской школы) в Красноярске. Датой смерти Владимира Михайловича считается 1938 г., в этом году в возрасте 82 лет(!) его арестовали по политическому обвинению, после чего он скоропостижно скончался в тюрьме по болезни.

Ксенофонтов Гавриил Васильевич – 30 лет в 1918 г., якут по национальности, родился в Кангаласском улусе, в одном из урочищ на реке Лена, в зажиточной семье, окончил юридический факультет Томского университета. Во время учёбы сблизился с сибирскими областниками. Вернувшись после окончания университета на родину, Ксенофонтов, помимо занятий адвокатской практикой (работал помощником присяжного поверенного), плодотворно изучал фольклор и этнографию своего народа, а также уделял внимание проблемам школьного образования среди якутов, публиковал статьи на эту тему в местной и сибирской печати.

После февраля 1917 г. Гавриил Васильевич активно включился в политическую жизнь родного региона, стал одним из лидеров «Якутского трудового союза федералистов», поддержавшего идею сибирских областников о предоставлении российским регионам прав территориальной и национально-культурной автономии. В то же время Гавриил Васильевич исполнял обязанности председателя городской думы Якутска, баллотировался в члены Учредительного собрания, потом его избрали делегатом от Якутского национального комитета на II (декабрьский) Сибирский областной съезд (но в его работке участия принять не смог), а также членом Сибирской областной думы. Однако вследствие дальности расстояний и неудовлетворительной работы транспорта Ксенофонтов прибыл в Томск, когда Сибирская дума уже была разогнана большевиками. После этого в течение нескольких месяцев он находился в столице сибирского областничества и только где-то в конце весны выехал назад в Якутск. В сентябре он вновь вернулся в Томск для участия в работе возобновившей свою деятельность Сибирской областной думы, но после её вторичного роспуска, теперь уже демократическим властями, опять остался не у дел. Прожив и проработав ещё некоторое время после всего случившегося в Томске, он летом 1919 г. вернулся в Якутию и здесь принял окончательное решение навсегда отойти от политической деятельности.

При советской власти Ксенофонтов работал преподавателем в школе, продолжал свои культурологические исследования, опубликовал ряд научных трудов по этой тематике. В 1938 г. Гавриил Васильевич пал жертвой политических репрессий.

Кудашев Николай Александрович – 50 лет в 1918 г., потомственный дворянин, князь, потомок ханского рода из Золотой орды, окончил военное училище, но сразу же перешёл на дипломатическую службу, действительный статский советник (генерал-майор гражданской службы), камергер (почётный титул, обладатель которого имел право непосредственного доступа к монаршей особе). В 1916–1920 гг. посланник (посол) России в Китае, принимал активное участие в подготовке и организации антисоветского мятежа в Сибири. В частности, в начале весны 1918 г. по его инициативе в Харбин с английской военной службы был отозван с этой целью вице-адмирал Колчак. В 1920 г. Николай Александрович содействовал перенесению останков казнённой большевиками великой княгини Елизаветы Фёдоровны (родной сестры последней русской императрицы) в Иерусалим. По другой версии, князь Кудашев, как член одной из масонских лож, напротив, всячески противодействовал данной миссии, изначально организованной в 1919 г. по личному распоряжению адмирала Колчака. После окончания Гражданской войны Николай Александрович эмигрировал во Францию, где и умер в 1925 г.

Кудрявцев Иван Николаевич – шахтёр судженских копей (угольных шахт, принадлежавших до революции миллионеру Михельсону), социал-демократ (большевик). В 1917 г. – кандидат в члены Учредительного собрания по списку большевиков от шахтёров посёлка Судженка. Проживал там же. В период Октябрьской социалистической революции Кудрявцев возглавлял красногвардейский отряд своего посёлка, а чуть позже Иван Николаевич стал членом Судженского совдепа, а также его представителем в Томском губернском исполкоме. В начале июня 1918 г. после свержения власти большевиков он был арестован в Томске, но спустя три недели освобождён по решению следственной комиссии, не нашедшей в его политической деятельности состава преступления. В июле того же года его избрали в члены (легального) Западно-Сибирского комитета профсоюзов горнорабочих. После окончания Гражданской войны Кудрявцев находился на советской административной работе, в частности одно время занимал должность заведующего Лензолотом.

Кудрявцев Сергей Андреевич – 26 лет в 1918 г., уроженец Владимирской губернии, образование неоконченное высшее, член партии эсеров, в период Первой мировой войны перешёл на позиции эсеров-интернационалистов (черновцев). В 1914 г. за революционную деятельность был сослан в Сибирь, с 1916 г. – рядовой одного из томских запасных полков. В мае 1917 г. Кудрявцева избрали делегатом на I Всероссийский съезд Советов от Томского Совета солдатских депутатов. В январе 1918 г. он стал председателем Центрального исполнительного комитета Всесибирского Совета крестьянских депутатов и заместителем председателя Всероссийского Совета крестьянских депутатов. Таков далеко не полный его политический «иконостас».

В декабре 1917 г. на втором (чрезвычайном) Сибирском областном съезде Сергей Кудрявцев был избран в состав военного совета при Временном Сибирском областном совете (по сути, первом правительстве автономной Сибири), в этот же период он, по некоторым источникам, являлся и председателем Томского губернского комитета партии эсеров. Проживал в тот период в Томске по улице Миллионной (сейчас проспект Ленина от пл. Ленина в сторону Центрального рынка) в доме под номером 60. В январе 1918 г. Сергея Андреевича избрали в состав Временного правительства автономной Сибири под председательством П. Дербера (в должности так называемого министра без портфеля). В

феврале того же года, после разгона большевиками Сибирской областной думы, Сергей Андреевич перешёл на нелегальное положение, до апреля 1918 г. находился в Сибири и участвовал в подготовке антибольшевистского мятежа. В конце марта он выезжал на Судженские копи, где организовал мощную акцию социального протеста местных шахтёров, недовольных тяжелым продовольственным положением, особенно ухудшимся при власти большевиков. После этого он был объявлен советской властью в розыск, и поэтому в конце апреля, спасаясь от преследования, срочно выехал в Харбин.

Летом 1918 г., после освобождения в результате вооруженного мятежа Приморья от власти большевиков, Кудрявцев переехал вместе с другими левыми министрами правительства *Дербера* во Владивосток. Здесь он продолжал свою политическую деятельность вплоть до роспуска этого правительства в сентябре того же года, после чего Сергей Кудрявцев вместе с Александром Новосёловым первым из числа бывших министров ВПАС вернулся в Сибирь. Некоторое время Сергей Андреевич принимал участие в работе Сибирской областной думы, вплоть до самого момента её роспуска в ноябре того же 1918 года.

После окончания Гражданской войны остался в России, в разгар «кулацких мятежей» на территории Сибири в мае 1921 г. Сергей Кудрявцев был арестован, полтора года провёл в московских тюрьмах, после чего его на два года выслали в Среднюю Азию. Дальнейшую его судьбу нам, к сожалению, проследить не удалось.

Кузнецов Николай Константинович – после Февральской революции, весной-летом 1917 г. являлся депутатом Томского городского народного собрания, потом – гласным (депутатом) Томской городской думы и членом её управы. В сентябре 1918 г. вместе с П.Г. Лихачевым представлял томское самоуправление на первом и до сих пор единственном Всесибирском съезде земств и городов.

Куликов (Русин) Владимир Васильевич – 29 лет в 1918 г., уроженец г. Шадринска Пермской губернии, образование – среднее, член партии эсеров, как он сам указывал, с 1904 г., то есть, получается, что он состоял в ПСР с 15 лет. В Сибири Куликов находился с 1907 года, работал в системе сибирской кооперации, проживал в Омске. В декабре 1917 г. Владимир Васильевич стал делегатом II Сибирского областного съезда. А в январе следующего года он был избран членом Сибирской областной думы от 2-го Всесибирского кооперативного съезда. В том же году Куликов возглавил образованный в декабре 1917 г. «Союз кооперативных объединений Западной Сибири и Степного края» («Центросибирь», не путать с ЦИКом Сибири под тем же названием) – союз союзов, синдикат, объединивший более 900 производственных и потребительских кооперативов, ставший даже и своеобразным общественно-политическим органом с праволиберальным уклоном, принимавшим участие в подготовке антисоветского восстания весной 1918 г. После его победы Владимир Васильевич примкнул к «Союзу освобождения России». В составе «Блока общественных и политических организаций», как председатель омского отделения «Союза освобождения», Куликов вначале активно поддержал диктатуру Колчака, но в сентябре 1919 г., когда части Красной армии уже входили победным маршем в Сибирь, резко поменял своё политическое кредо и публично заклеймил колчаковский режим, как власть «прежних держиморд». После окончания Гражданской войны эмигрировал в Китай. Дальнейшая его судьба нам неизвестна.

Куликовский Пётр Александрович – 47-49 лет в 1918 г., русский (по другим данным – еврей-полукровка), уроженец Тобольской губернии, выходец из дворянской семьи, окончил Петербургский учительский институт, где некоторое время, до своего первого ареста в 1903 г., работал преподавателем. Член партии эсеров со времён Первой русской революции, входил в боевую террористическую группу, участвовал в подготовке убийства великого князя Сергея Александровича (4 февраля 1905 г.). В июне того же года Куликовский сам лично застрелил московского градоначальника П.П. Шувалова, за что был приговорён к смертной казни, заменённой бессрочными каторжными работами на Нерчинских рудниках. В 1911 г. Пётра Александровича перевели в разряд ссыльнопоселенцев Якутской области.

После Февральской революции 1917 г. Куликовский принял активное участие в организации институтов революционной демократии на территории Якутии. В начале 1918 г. Пётра Александровича избрали членом Сибирской областной думы от Якутского съезда крестьянских депутатов. В сентябре того же года он в составе делегации от Сибирской думы присутствовал на Уфимском государственном совещании. После роспуска Думы (ноябрь 1918 г.) П.А. вернулся в Якутск, где продолжил свою политическую деятельность. С победой большевиков в Гражданской войне не смирился и организовал в 1922 г. экспедицию в Якутию Добровольческой дружины под командованием генерала А. *Пепеляева*. В ходе этой операции он был назначен управляющим Якутской областью. После разгрома частей Добровольческой дружины Куликовский в марте 1923 г. оказался в плену и, по воспоминанию краскома К. Байкалова, покончил с собой в лазарете «путём самоотравления (морфием)».

Кульджин Аргымай – алтаец из рода майман, некрещёный. Принадлежал к одной из богатейших семей южных районов Горного Алтая, занимался главным образом разведением лошадей, имел табуны в несколько тысяч голов, торговал ими как в России, так и в Монголии. Поставлял лучших скакунов для двора его императорского величества и русской армии, занимался селекцией и с этой целью посещал конезаводы в Германии и Великобритании. После чего завёл собственное конепроизводство, хотел вывести особую породу лошадей, «выносливую в горных переездах и приспособленную к суровым зимам» (Вяч. Шишков), а также построил завод по переработке кобыльего молока. Полученные от коммерции средства использовал, в том числе, и на просвещение коренного населения. По личной инициативе и на собственные деньги он открыл несколько сельских школ для алтайцев (одна из них, в селе Теньга, действует до сих пор), вследствие чего Аргымай имел весьма натянутые отношения с Алтайской (православной) духовной миссией, обладавшей до той поры монопольным правом на обучение грамоте алтайских инородцев. Оказывал покровительство местным деятелям культуры, в частности художнику *Григорию Гуркину*, водил знакомства с областниками Томска и даже с некоторыми учёными-этнографами Петербурга. На протяжении долгого времени Аргымай Кульджин являлся зайсаном (главным управителем) рода майман, а после упразднения института зайсанов исполнял должность волостного старосты.

Вместе с тем главным делом его жизни стал процесс по культурному возрождению своего народа, а также поиск путей для автономного территориального обособления Горного Алтая в рамках российского государства. В 1903-1904 гг. Аргымай вместе с младшим братом *Манджи* негласно возглавил и профинансировал зародившееся у себя на родине религиозное движение под названием бурханизм. Движение это, по мнению православных проповедников из Алтайской духовной миссии, имело близкую связь с буддизмом, что в условиях начавшейся русско-японской войны негативным образом было воспринято не только местными, но и центральными властями. Поэтому вскоре бурханисты подверглись тотальному преследованию, а их «пророка» *Чета Челпанова*, сродственника и одновременно наёмного рабочего (пастуха) Аргымая Кульджина, арестовали и через два года организовали над ним судебный процесс. Потерпев неудачу на поприще создания национальной религии и сам оказавшись под следствием, Аргымай на некоторое время ушёл в тень, на протяжении последующих десяти лет занимаясь чисто коммерческими делами.

Всё вновь изменил революционный 1917 г. Уже в мае вместе с *Г. Гуркиным А. Кульджин* представлял народы Горного Алтая на заседаниях Томского губернского народного собрания. Поддержанные сибирскими областниками во главе с *Г.Н. Потаниным,* горноалтайские делегаты добились от революционного собрания разрешения на проведение в Бийске летом того же года съезда народов Горного Алтая – для рассмотрения вопроса о выделении своего региона в отдельный уезд и по созданию собственных органов земского самоуправления. Бийский съезд конечно же также был проведён не без участия Аргымая. Следующим этапом на пути обретения Горным Алтаем автономии стал мартовский 1918 г. региональный съезд в селе Улала (теперь Горно-Алтайск). На нём братья Кульджины вновь присутствовали в качестве делегатов и поддержали инициативу по самопровозглашению Горно-Алтайского округа, по сути – национально-территориальной автономии с собственным правительством и даже с собственными вооруженными силами. Более того, здесь же, на съезде, клан Кульджиных взял на себя обязательства по финансированию ещё одного, следующего по счёту, политического проекта, направленного на объединение тюркоязычных народов Горного Алтая, Тувы и Горной Монголии в единое Ойротское государство под протекторатом России.

Однако этим начинаниям положил конец всесибирский антибольшевистский мятеж, в результате которого к власти пришло Временное Сибирское правительство *П.В. Вологодского*, министры которого весьма настороженно восприняли сепаратистские, как им показалось, устремления горноалтайцев. А пришедшая вскоре им на смену администрация А.В. Колчака вообще посчитала, так называемый каракорумский проект преступлением против государственных интересов России и в отношении его организаторов сразу же возбудила судебное преследование. Правда, Аргымаю Кульджину, как и в 1904 г., вновь удалось избежать крупных неприятностей, так как «стрелочником» на сей раз стал *Г. Гуркин*, отсидевший в бийской тюрьме несколько месяцев. После разгрома белого движения Аргымай Кульджин вместе со всем семейством эмигрировал в Монголию, но в 20-х годах вернулся на родину, в период нэпа пытался каким-то образом возобновить коммерческую деятельность, но неудачно, более того, он за свои, по всей видимости, старые грехи вскоре подвергся репрессиям. Вернувшись после ссылки домой, Аргымай Кульджин трагически погиб (был убит) при так до конца и не выясненных обстоятельствах.

Кульджин Манджи (Манди) – младший брат *Аргымая Кульджина*, скотопромышленник, занимался племенным коневодством, разводил орловских рысаков, так же как и старший брат, уделял внимание вопросам культуры и образования среди коренных алтайцев. Так, в 1910 г. Манджи из соб-

ственных средств профинансировал издание букваря для своих юных соплеменников. С неменьшим рвением он выступал поборником и защитником традиций предков, не раз вступал на этой почве в конфликт с Алтайской православной миссией, отказывался креститься сам и тайно призывал к тому же других. В то же самое время он очень живо интересовался буддийской религией, часто принимал у себя в доме странствующих лам, а также паломников, следовавших через Алтай в Монголию и Тибет. Все такого рода «происки» привели к тому, что в 1903-1904 гг. братья Кульджины предприняли попытку внедрения в среде южных, ещё по большей части некрещеных племён Горного Алтая новой единой веры под названием – бурханизм. После Февральской революции Манджи также не остался в стороне от новых дел, принимал активное участие в организации и проведении двух горноалтайских съездов, приведших в конечном итоге к образованию в марте 1918 г. Горно-Алтайского (автономного) округа. После окончания Гражданской войны эмигрировал в Монголию, где вскоре также произошла «социалистическая» революция, при получении известий о которой, по некоторым сведениям, Манджи сошёл с ума и через некоторое время умер.

Курский Михаил Онисифорович – 62 года в 1918 г., родился в Томске в бедной мещанской семье, учитель по основной профессии. Окончил, по одним сведениям, математический факультет Петербургского университета, по другим – имел лишь среднее образование, сдав в 26 лет экстерном экзамены в Томской мужской гимназии, получив здесь же и диплом народного учителя. Сначала преподавал в одном из сёл Славгородского уезда, одновременно с этим начал сотрудничать в качестве внештатного корреспондента в «Сибирской газете». В 1884 г. (28 лет) Михаил Онисифорович был в первый раз арестован полицией (по доносу, за вольнодумство) и переведён на работу в северный Нарымский край. С 1894 г. проживал в Барнауле, зарабатывал на жизнь в должности библиотекаря, а потом заведующего городской библиотекой, но через два года по подозрению в пропаганде нелегальной литературы его уволили. И тогда он вновь вернулся к прежней профессии, давая частные уроки, а также продолжая сотрудничать с различного рода периодическими изданиями. В 1900 г. ему удаётся занять должность заведующего только что открывшегося в Барнауле Народного дома. Тогда же им организовывается подпольный профсоюз учителей. Всё это время Курский находится под надзором полиции. В революционном 1905 г. он стал жертвой нападения черносотенцев, получив тяжелую травму головы, а годом спустя власти выслали его в Новониколаевск. Здесь он в течение некоторого времени редактировал газету «Народная летопись».

В 1907 г. Михаил Онисифорович на пять лет переезжает в родной ему Томск, где знакомится с местным кружком областников и близко сходится сначала с А.В. Андриановым, а потом и с самим Г.Н. Потаниным, занимается в данный период в основном журналистикой. В 1912 г. Курский возвращается в Барнаул, редактирует кооперативную газету «Алтайский крестьянин», а также входит в редакционную коллегию газеты областнического направления «Жизнь Алтая», участвует во многих общественных начинаниях и слывёт в кругах сибирской интеллигенции за человека безупречной честности и моральной чистоты.

Февральскую революцию Михаил Онисифорович встретил уже 62-летним пожилым человеком, но данное обстоятельство никоим образом не помешало ему включиться в процесс демократических преобразований. Его избирают в состав уездного исполнительного бюро партии социалистов-революционеров, членом которой он, по всей видимости, стал лишь после февраля 1917 г. (до того долгое время являясь народным социалистом). В этот же период он баллотируется в гласные городской думы и в члены Учредительного собрания, но не проходит ни в тот, ни в другой орган. В ноябре того же года, ещё до Октябрьского переворота, он приостанавливает своё членство в рядах правящей на тот момент партии эсеров и вновь становится народным социалистом, возглавив барнаульскую группу народников. Большевистскую революцию Курский категорически не принял и на многие годы стал непримиримым противником советской власти.

В январе 1918 г. Михаил Онисифорович был избран депутатом Сибирской областной думы. После её разгона большевиками Курский эмигрировал в Харбин, где принял посильное участие в подготовке антибольшевистского восстания в Сибири. В этот период Михаил Онисифорович находился в оппозиции к умеренно социалистическому правительству *Дербера* (ВПАС), выбранному Сибирской думой, больше симпатизируя ориентированному в правобуржуазном духе Дальневосточному комитету защиты Родины и Учредительного собрания. Находясь в Харбине, Михаил Онисифорович регулярно отправлял оттуда в Томск в адрес членов Потанинского кружка подробную информацию о событиях, происходивших в тот период на Дальнем Востоке. Летом 1918 г., в ходе антисоветского мятежа, Курский вошёл в состав так называемого Делового кабинета (правительства), возглавляемого самопровозглашенным временным верховным правителем России генералом *Хорватом* и стал одним из его министров (министром по делам вероисповеданий), занимая, по замечанию некоторых современников, позицию политика

с умеренно левыми взглядами. Тогда же через Михаила Курского генерал Хорват вёл переговоры с сибиряками о создании коалиционного правительства в составе: представителей дальневосточных правых, а также членов Потанинского кружка и двух министров ВПАС – *Вологодского* и *Крутовского*. После самоликвидации в конце сентября Делового кабинета Михаил Онисифорович отошёл от активной политической деятельности и летом 1919 г. вернулся в Барнаул, здесь он в период до падения колчаковского режима продолжил заниматься журналистикой, а также принимал участие в общественной деятельности.

После окончания Гражданской войны Курский остался в Сибири, в июне 1920 г. был арестован советским властями и приговорён к 20 годам тюремного заключения, однако уже через несколько месяцев его амнистировали по личному ходатайству жены М.И. Калинина. В 1925 г. Михаил Онисифорович вернулся из Москвы (где отбывал срок) назад в Барнаул, в следующем 1926 г. его снова арестовали за антиправительственную агитацию и приговорили на 3 года к ограничению в правах проживания в Сибири, а также в крупнейших городах СССР, Курский выбрал на жительство Усть-Каменогорск. В 1929 г. по окончании срока ссылки он вновь прибыл в Барнаул, где и провёл последние годы жизни, как «революционер, постоянно преследуемый царизмом», сумел выхлопотать себе небольшую пенсию. Скончался, по одним сведениям, в 1932 г., по другим – в 1933 г.

Курский Сергей Михайлович – 34 года в 1918 г., в 1917 г. и до марта 1918 г. являлся редактором барнаульской газеты областнического направления «Жизнь Алтая», сын известного в Сибири автономиста, входившего в ближайшее окружение Потанина, – *Курского М.О.* В июле 1917 г. Сергей Михайлович присутствовал на учредительном съезде горноалтайцев в Бийске, избравшем для ведения дел по самоуправлению территорией Горного Алтая собственную Думу, и подробно освещал в своей газете работу этого съезда. В августе того же года его избрали в состав Барнаульской городской думы. При Колчаке Курский младший заведовал типографией штаба верховного правителя. Вместе с белогвардейскими частями в конце 1919 г. отступил к Красноярску, где попал в плен к красным. Был приговорён к пяти годам лагерей, после отбывания срока наказания вернулся в Барнаул, в 1928 г. вновь осуждён на два года (не по политической статье), в 1933 г. получил три года условно и вскоре покончил жизнь самоубийством.

Лавров Иван Александрович – 47 лет в 1918 г., из дворян, окончил юридический факультет Московского университета. Накануне 1917 г. Лавров – крупный чиновник Иркутского губернского правления, возглавлял губернскую казённую палату (финансовое управление), а на общественных началах занимал пост председателя иркутского военно-промышленного комитета. Вскоре после Февральской революции Ивана Александровича назначили иркутским губернским комиссаром, обязанности которого одно время он исполнял напару с *А.Н. Кругликовым*. Октябрьскую революцию Лавров не принял и 4 декабря 1917 г., после того как отказался передать свою власть в руки Советов, был арестован большевиками. После безрезультатного завершения декабрьского юнкерского мятежа (в ходе которого Лаврова освободили из тюрьмы) и окончательного утверждения в Иркутске советской власти, он, опасаясь повторного ареста, в январе 1918 г. выехал в Харбин. Здесь Иван Александрович начал сотрудничать сначала с Комитетом защиты Родины и Учредительного собрания, возглавляемого политиками правого толка, а потом с эсеровским Временным правительством автономной Сибири. В июле того же года Лавров сменил *П. Дербера* на посту премьер-министра ВПАС. Однако уже в сентябре Иван Александрович вместе с другими членами ВПАС сложил с себя все полномочия в пользу министров Омского Сибирского правительства, возглавляемого П.В. Вологодским. После окончания Гражданской войны Лавров некоторое время сотрудничал с большевиками, работал заместителем народного комиссара финансов Бурятской АССР, потом эмигрировал в Китай, проживал сначала в Харбине, а потом в Циндао, где и умер в 1938 г. Автор ряда работ по истории Гражданской войны в Сибири.

Лавров Фёдор А. – левый эсер, в марте 1918 г. возглавил один из первых интернациональных красногвардейских отрядов Сибири, сформированный в Омске и отправленный на Забайкальский фронт для борьбы с атаманом *Семёновым*. Там подразделение Лаврова приняло участие в апрельско-майской операции по разгрому частей ОМО, пытавшихся пробиться к Транссибирской железнодорожной магистрали. В результате успешных боевых действий противник был отброшен на территорию китайской Маньчжурии, а интернационалисты Лаврова, костяк которых составляли бывшие пленные Первой мировой войны венгры (мадьяры), расположились в конце мая на ст. Оловянная. Здесь почувствовавшие себя хозяевами положения иностранцы чрезмерно увлеклись актами «революционного» насилия и конфискаций, граничивших порой с элементарным мародёрством и грабежами. Это вынудило командующего Забайкальским фронтом *Сергея Лазо* в приказном порядке отправить омских интернационалистов в Иркутск, а самого Лаврова, вставшего на защиту своих подчинённых, по некоторым сведениям, распорядился доставить туда чуть ли не под конвоем. Однако

вскоре дело против командира омских красногвардейцев полностью закрыли в связи с началом общесибирского антисоветского мятежа.

В ночь на 29 мая в Нижнеудинске (500 км к западу от Иркутска) произошёл вооруженный переворот с участием местной оппозиции при поддержке военнослужащих Чехословацкого корпуса. В результате власть большевиков в этом городе оказалась свергнута, а уже через несколько дней восставшие начали наступление по Транссибирской магистрали в направлении Иркутска. Для противостояния натиску окрылённых первыми победами мятежников на западе от столицы советской Сибири был создан Нижнеудинский фронт под командованием большевика Конторовича. Левого эсера Фёдора Лаврова определили к нему в заместители, а вместе с ним в район боевых действий сразу же перебросили и два батальона его омских красногвардейцев. В придачу к ним Лавров получил под свою команду ещё и отряд черемховских шахтёров, сформированный главным образом из местных анархистов. В результате чего за всей объединённой группировкой омичей и черемховцев закрепилось название – анархисты, а вслед за тем и самого их командира по ошибке записали в члены данной партии.

Сдерживать наступление чехобелых на первых порах удавалось с трудом, так что красным пришлось сначала отступить и даже оставить противнику несколько железнодорожных станций, поэтому вскоре распоряжением руководства Центросибири Конторовича сняли с занимаемой должности, и командующим Нижнеудинским фронтом где-то в районе 23 июня был назначен Фёдор Лавров. Перед ним поставили задачу: во что бы то ни стало остановить наступление противника, опрокинуть его, освободить Нижнеудинск и восстановить там советскую власть.

На первых порах всё шло вроде бы хорошо, уже 24 июня красные прорвались к городу и вечером того же дня начали его штурм. Однако развить успех они не смогли, подоспевшие к белым подкрепления из состава Средне-Сибирского корпуса помогли сдержать атаку, а томская артиллерийская батарея открыла такой шквальный огонь по левому флангу красных, что стоявшие там совсем ещё практически не обстрелянные черемховские анархисты дрогнули и побежали, оголив центр наступающих частей из состава интернационального омского отряда. Опасаясь окружения, красногвардейцы решили также оттянуться назад, вследствие чего атака сразу же захлебнулась, белые перешли в контрнаступление и отогнали красных к ст. Хингуй (около 20 км от Нижнеудинска). Своих же интернационалистов Лавров приказал отвести ещё дальше – к ст. Шеберта (примерно 50 км от Нижнеудинска). Сюда 28 июня неожиданно совершили рейд кавалеристы *Ивана Красильникова* и порубили шашками всё боевое охранение мадьяр. В панике, толи по приказу Лаврова, а скорей всего – по собственной воле, интернационалисты отступили ещё дальше, а вслед за ними покатился к Иркутску, сдавая железнодорожные станции практически без сопротивления, и весь красный Нижнеудинский фронт.

После этого остановить отступление, напоминавшее паническое бегство, командующий фронтом уже не смог, в телеграммах на имя главнокомандующего войсками Центросибири *Петра Голикова* он жаловался на положение, близкое к катастрофическому. Отдав противнику за неделю почти 400 км железнодорожного пути, красные бойцы опомнились лишь в посёлке Черемхово. Здесь состоялся большой митинг с участием военнослужащих, а также представителей от шахтёрской общественности, на котором в провале всей операции был обвинён лично Фёдор Лавров. Его даже хотели тут же расстрелять, но в конечном итоге товарищеский суд ограничился лишь взятием командующего под стражу и отправкой его в очередной раз для разбирательства в Иркутск.

Но время для трибунала, как видно, ещё не приспело, так, что вскоре Лавров вновь получил под команду своих интернационалистов. После оставления красными Иркутска (11 июля) бои разгорелись на Кругобайкальской железной дороге. Здесь в районе Култук–Слюдянка командование Центросибири рассчитывало остановить, наконец, продвижение чехо-белогвардейских войск, но опять малоуспешно. И вновь теперь уже во время очень тщательно подготовленной оборонительной операции отряд Лаврова, опасаясь обходного маневра противника, без приказа оставил занимаемые позиции и отступил. В результате пришлось срочно затыкать образовавшуюся брешь на этот раз – также недостаточно ещё обстрелянными рабочими из читинского железнодорожного депо, что оказалось конечно же малоэффективным средством борьбы с офицерскими добровольческими батальонами Средне-Сибирского корпуса. В конечном итоге хорошо подготовленные, с инженерной точки зрения, позиции у Култука и Слюдянки большевикам пришлось оставить, не выдержав натиска наступающего противника.

Недисциплинированных же венгерских интернационалистов, действительно начинавших напоминать своевольных анархистов, вскоре решено было удалить подальше от района основных боевых действий – в Селенгинск – формально для того чтобы прикрыть с юга в случае необходимости Верхнеудинск, куда из Иркутска перебралось правительство Центросибири. Но после того как 20 августа красные оставили и Верхнеудинск, отступив к Чите, Лавров со своими полутора тысячами

красногвардейцев оказался сам теперь брошенным на произвол судьбы. Предвидя, что с наёмниками венграми, а заодно и с ним самим белые церемониться не станут, он решил эмигрировать со всем отрядом в Китай. Отойдя ещё южнее, к Троицкосавску, почти к самой границе, Фёдор Лавров в Маймачене, при посредничестве датского консула договорился с китайскими властями на условиях полного разоружения передать личный состав вверенной ему войсковой части под юрисдикцию правительства Поднебесной.

Последующие события трактуются в источниках совершенно по-разному. В одних утверждается, что китайские власти коварно обманули Лаврова, в других, что венгры просто не успели вовремя покинуть Троицкосавск и уже безоружными были взяты в плен Красноярским добровольческим полком. После этого их отправили в Верхнеудинск в один из концентрационных лагерей. Точно так же несколько версий существует и относительно дальнейшей судьбы самого Лаврова, соединить которые в единую логическую связку достаточно трудно. Согласно одной из них, командира омских интернационалистов убили его же подчинённые за то, что он не сумел вывести их за границу. По другой – его застрелил лично *Нестор Каландаришвили*, командир ещё одного красного отряда, состоявшего из кавказцев и анархистов, волею обстоятельств также оказавшегося в конце августа 1918 г. в Троицкосавске.

Причиной такой расправы, с одной стороны, как считают некоторые, мог послужить справедливый гнев «дедушки» *Каландаришвили*, узнавшего о переговорах Лаврова с китайскими властями и о сдаче омского отряда без боя врагу. Согласно данной версии, расправа произошла якобы в тот момент, когда бывший красногвардейский командир прибыл к «дедушке», ища у него защиты от белогвардейцев. По другим данным, Лавров, напротив, спасался не столько от белых, сколько от самого *Каландаришвили*, сбежав из Троицкосавска на автомобиле. По слухам, они вроде бы как не поделили между собой конфискованные в Селенгинске и Троицкосавске банковские средства. В результате «дедушка» Нестор со своими кавказцами всё-таки догнал Фёдора Лаврова, расстрелял его и забрал себе имевшуюся у него наличность, а также золото и драгоценности в общей сумме на пять миллионов рублей.

Однако всё это – лишь наполовину достоверный фактический материал, основанный на субъективных воспоминаниях современников и домысленный предположениями историков, а как всё происходило на самом деле, наверное, уже никто и никогда не узнает, к сожалению.

Лазебник-Лазбенко А.Б. – секретарь Сибирской областной думы первого созыва, после её разгона большевиками уехал на восток и находился в Харбине.

Лазо Сергей Георгиевич – 24 года в 1918 г., родился в Молдавии в дворянской семье, окончил МГУ, по другим сведениям, Петербургский технологический институт. В годы Первой мировой войны учился в военном училище и в звании прапорщика был направлен в один из запасных полков Красноярска. После Февральской революции вступил в ряды эсеровской партии, в июле того же года перешёл в стан левых эсеров, а летом 1918 г., в период чехо-эсеро-белогвардейского мятежа, вступил в ряды большевистской партии. В 1917 г. председатель солдатской секции Красноярского совдепа, один из активнейших деятелей процесса по установлению и закреплению советской власти в городе. В декабре 1917 г. в составе красноярского отряда Красной гвардии он участвовал в разгроме иркутского юнкерского восстания, потом в составе объединенных красногвардейских частей Центросибири выехал на подавление белоказачьего выступления в Чите. Здесь он задержался на целых полгода, сначала помогал устанавливать советскую власть в Забайкалье, потом возглавил противосемёновский фронт. К началу июня красногвардейские отряды Лазо, собранные по крупицам со всей Сибири, разгромили войска мятежного забайкальского атамана *Семёнова*. Тогда же Лазо женился на студентке Томского университета большевичке Ольге Грабо.

Во время чехо-эсеро-белогвардейского восстания летом 1918 г. он прикрывал со своими полками отступающие от Верхнеудинска (Улан-Удэ) войска Центросибири, а после окончательного их разгрома с осени того же года по начало 1920 г. руководил партизанским движением в Приамурье. После занятия красными партизанами Владивостока в январе того же года Лазо назначили на должность заместителя председателя военного совета Временного правительства Приморской земской областной управы. В апреле Сергей Лазо был арестован японцами и вместе с несколькими другими большевиками передан в руки белых, которые в отместку за недавнюю казнь красными партизанами 123 офицеров-каппелевцев сожгли Лазо в паровозной топке.

Ланьи Имре – венгр по национальности, поручик австрийской армии, находился в томском концентрационном лагере как военнопленный Первой мировой войны. После Октябрьской социалистической революции примкнул к большевикам и получил назначение на должность командира одного из томских подразделений воинов интернационалистов. 1 мая 1918 г. этот отряд принял торжественную присягу на площади Революции (бывшей Новособорной), а 13-го числа того же месяца

отправился из Томска на Забайкальский (противосемёновский) фронт в количестве 350 человек с тремя пулемётами. В конце июня 1918 г., в период чехо-белогвардейского мятежа, отряд Ланьи перебросили на Нижнеудинский фронт, потом он вместе с другими красными частями отступил к Иркутску, во время боёв за который 11 июля 1918 г. Ланьи был убит шальной пулей.

Что касается самого томского батальона интернационалистов, то он после оставления Иркутска вместе со всеми остальными войсками Центросибири отошёл к Кругобайкальской железной дороге. Здесь изрядно потрёпанную двумя месяцами боёв часть пополнили военнопленными из читинских лагерей и переименовали в 1-й Читинский интернациональный отряд. В результате катастрофического для красных разгрома у ст. Посольская красногвардейцы-иностранцы, прекрасно понимая, что бросить оружие и раствориться, как красноармейцам-сибирякам, среди местного населения им вряд ли удастся, приняли решение отступить на юг к китайской границе в надежде пересечь её и попросить в соседнем государстве политического убежища.

Однако осуществить задуманное им не посчастливилось. Они попались на удочку одного немецкого афериста по фамилии Либкнехт (до этого командовавшего отрядом китайских интернационалистов в войсках Центросибири), который долгое время работал католическим миссионером в Китае, вдобавок ко всему он выдал себя за брата известного всем немецкого коммуниста Карла Либкнехта, на что и клюнули оказавшиеся в безвыходном положении мадьяры. Немец взялся договориться с китайскими властями – беспрепятственно переправить красногвардейцев через границу. Однако обещания своего он не сдержал и, перевезя красных интернационалистов через Амур, сдал их командованию японских войск на территории Маньчжурии.

Лаппо Д.Е. – 57 лет в 1918 г. Юрист по образованию, в студенческие годы был привлечён к судебной ответственности за участие в организации «Народная воля» и сослан в Сибирь. После освобождения поселился в Красноярске и служил мировым судьёй, член кадетской партии. Во время выборов в I Государственную думу соперничал с *Владимиром Крутовским* за право обладания депутатским мандатом. После Февральской революции 1917 г. стал одним из лидеров красноярской организации партии народной свободы. Делегат II (чрезвычайного) Сибирского областного съезда. В период временной ликвидации советской власти в Сибири поддерживал правительство сначала П.В. Вологодского, а потом – А.В. Колчака. После окончания Гражданской войны остался в Красноярске, работал юрисконсультом в губернском исполкоме. Дата смерти – 1935 г.

Лебедев Иван Васильевич – уроженец Воронежской губернии, окончил Тифлисское военное училище, капитан царской армии, после Октябрьской революции перешёл на службу к большевикам. В мае 1918 г. Лебедев – красный военный комендант г. Томска и член губернского военного комиссариата. После получения известий о начале чехословацкого мятежа его с отрядом Красной гвардии направили на ст. Тайга для организации наступления в направлении г. Новониколаевска (Новосибирска), с 26 мая находившегося в руках взбунтовавшихся частей Чехословацкого корпуса. Однако выполнить поставленную перед ним задачу Лебедев не сумел; ввиду явного численного превосходства противника он вечером 30 мая отступил со своим отрядом к Томску, власть в котором к моменту его возвращения (31 мая) уже перешла в руки Временного правительства автономной Сибири. Арестованный представителями победившей стороны, Иван Васильевич до середины октября 1918 г. просидел в томской губернской тюрьме, а потом был вывезен генералом Пепеляевым в числе других тринадцати большевиков-заложников в Екатеринбург. Летом 1919 г. Ивана Лебедева освободили из заключения наступавшие части Красной армии. После окончания Гражданской войны Иван Васильевич перешёл на преподавательскую работу. Дальнейшую его судьбу нам, к сожалению, проследить не удалось.

Лебедев Сергей Иванович – 30 лет в 1918 г., большевик, в конце 1917 г. командир революционных красных частей Иркутска, участвовал в декабрьских боях во время юнкерского вооруженного мятежа, оборонял здание бывшей резиденции генерал-губернатора Восточной Сибири, так называемый Белый дом, был взят в плен, после заключения перемирия отпущен на свободу. В начале января 1918 г. Сергей Лебедев во главе красногвардейского отряда прибыл в Читу для установления там советской власти, организовал в городе вооруженное ополчение железнодорожников. После завершения операции вернулся в Иркутск и занял должность начальник штаба отрядов городской Красной гвардии. В результате разгрома войск Центросибири в конце лета того же года отступал с отрядом анархистов Каландаришвили, опять попал в плен и на этот раз казнён белогвардейцами.

Лебедева Ада Павловна – 26 лет в 1918 г., родилась в деревне Алзамай Иркутской губернии в семье ссыльного народовольца, потом переехала вместе с родителями на жительство в г. Енисейск одноимённой губернии (теперь Красноярский край). В 1912 г. поступила на учёбу в Петербургский психоневрологический институт. В 1915 г. за участие в деятельности эсеровских организаций была отчислена из института и сослана сначала в Енисейск, а потом в село Казачинское Минусинского уезда. Здесь Ада

Павловна познакомилась и вышла замуж за большевика *Григория Вейнбаума*, с которым в 1916 г. переехала на жительство в Минусинск.

После Февральской революции, получив амнистию, она вместе с мужем перебралась в губернский Красноярск и сразу же включилась в активную политическую деятельность. Здесь совместно с двумя другими молодыми революционерами из эсеровской партии – *Сергеем Лазо* и *Николаем Мазуриным*, Ада Павловна создала первую в Сибири группу левых социалистов-революционеров, по большинству вопросов поддерживавших политику коммунистов, в том числе и в послеоктябрьский период. В это время она избирается председателем уездного Совета крестьянских депутатов, а потом становится членом губернского исполкома, заведует отделом печати, редактирует газету Красноярского Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. В феврале 1918 г. на II съезде Советов Сибири избирается в состав правительства Центросибири и назначается комиссаром государственных имуществ. Отдел, которым она руководила, был призван заведовать национализацией промышленных предприятий на территории Сибири, а также её недрами и другими национальными богатствами края.

В период начала чехо-белогвардейского мятежа Лебедева находилась в Красноярске, в середине июня члены местного совдепа, в том числе и Ада Павловна, вместе с частью красных вооруженных формирований на нескольких пароходах пытались эвакуироваться вниз по Енисею в надежде спастись от преследования белых. Однако у села Монастырского красная флотилия была настигнута и разгромлена, в результате чего большая часть её личного состава попала в плен. Среди арестованных оказалась и Лебедева. 26 июля первую группу пленных доставили в Красноярск, а на следующий день трупы троих из них – Ады Лебедевой, *Тихона Марковского* и С.Б. Печерского – обнаружили на берегу речушки Качи (одного из левых притоков Енисея). По версии советских историков, во время этапирования с пристани в тюрьму их отбили у конвоя местные казаки, увели в неизвестном направлении и казнили. Тела убитых при обнаружении оказались сильно изуродованными. «Печерский лежал с разбитой головой и выколотым глазом. У Лебедевой рассечён живот и вырезаны груди. У *Марковского* внутренности лежали рядом с ним». Следствие по делу о внесудебной расправе над арестованными безрезультатно тянулось в течение нескольких месяцев, а в апреле 1919 г. его вообще прекратили «за необнаружением виновных».

Лившиц Михаил Александрович – в 1918 г. один из командиров томского красноармейского отряда, утром 31 мая 1918 г. по поручению большевистского военно-революционного комитета Томска вместе с Устьяровым и Ильяшенко освобождал из городских тюрем ведущих оппозиционных политических деятелей. После прихода к власти представителей Временного правительства автономной Сибири Михаил Лившиц был арестован и до 20 октября 1918 г. находился в одной из томских тюрем, потом в числе 13 красных заложников его вывезли по приказу генерала Пепеляева на Урал. Содержался Михаил Александрович в екатеринбургской тюрьме, где в 1919 г. умер от тифа.

Линдберг Михаил Яковлевич – 29 лет в 1918 г., по национальности – финский еврей, родился в Санкт-Петербурге (по другой версии – в Гельсингфорсе, современный Хельсинки) в семье рабочего, окончил начальное училище, эсер с 1905 г., до ареста служил бухгалтером на почтамте в Санкт-Петербурге.

За агитацию среди рабочих его в 1910 г. арестовали и по приговору суда сослали в Нарымский край на 3 года, по окончании ссылки он остался жить в Сибири. В 1912 г. Михаила Яковлевича за участие в антиправительственной демонстрации на 6 месяцев подвергли тюремному заключению. После освобождения он получил разрешение поселиться в Мариинске Томской губернии, работал в системе сибирской кооперации. Именно здесь, в Мариинске, при активном участии *Бориса Маркова, Арсения Лисиенко* и собственно самого Михаила Линдберга был создан в 1916 г. «Сибирский союз социалистов-революционеров». В него вошли представители эсеровской партии, стоявшие на левых позициях и, в противовес правому крылу партии (оборонцам), выступавшие за скорейшее прекращение войны, ведущейся, как они полагали, не за интересы народа, а за сверхприбыли мирового капитала. В последующие, революционные, 1917–1918 гг. Линдберг являлся представителем центристского или, по-другому, черновского (от *В.Чернова*) направления в эсеровской партии.

После Февральской революции 1917 г. Михаила Яковлевича назначили на должность заместителя председателя Мариинского комитета общественной безопасности и порядка (главного революционного органа Мариинского уезда). В июле того же года Линдберга избирают членом Томского губкома партии эсеров и членом исполкома Томского губернского комитета ПСР. Тогда же он переезжает в Томск и поселяется по улице Духовской (ныне К. Маркса)-5. В ноябре 1917 г. Линдберг баллотируется в члены Всероссийского Учредительного собрания от Томской губернии и избирается в его состав по списку партии эсеров.

После разгона большевиками УС Михаил Яковлевич вернулся в Томск и вскоре вошёл в состав Западно-Сибирского комиссариата, который, по поручению Временного правительства автономной

Сибири, непосредственно на месте занимался подготовкой антибольшевистского вооруженного восстания в крае. После его победы в июне 1918 г. Линдберг с некоторыми своими товарищами по Томскому губернскому комитету ПСР возглавил Комиссариат по временному управлению всеми освобождёнными районами. Однако уже через месяц власть от Комиссариата перешла в руки Омского правительства во главе с *П.В. Вологодским*, и Линдберг остался практически не у дел. После этого он вернулся из Омска в Томск, где участвовал в работе Сибирской областной думы, а потом вследствие временной приостановки её деятельности уехал на некоторое время в Мариинск. Здесь в октябре того же года во время так называемого Чумайского крестьянского восстания Михаил Яковлевич подвергся краткосрочному аресту по обвинению в подготовке заговора против Временного Сибирского правительства.

В феврале 1919 г. он вместе с *П. Михайловым* и *Б. Марковым* вышел из состава Всесибирского краевого комитета партии эсеров, в знак протеста против проводимой им соглашательской политики в отношении колчаковского режима. По-прежнему являясь сторонником тактики прямого действия, Линдберг в том же 1919 г., по некоторым сведениям, участвовал в подготовке покушения на адмирала Колчака, но дело не было доведено до конца. В декабре 1919 г. Михаил Яковлевич вместе со своими товарищами по новому эсеровскому блоку (вновь возрождённому «Сибирскому союзу социалистов-революционеров») осуществлял подготовку к антиколчаковскому восстанию в Иркутске и в отличие от П. Михайлова и Б. Маркова сумел избежать ареста и расправы со стороны колчаковской контрразведки. После перехода власти в Иркутске в руки большевиков Михаил Линдберг переезжает на Дальний Восток, где весной 1920 г. становится председателем военного совета Приморской земской управы, в которую вместе с ним тогда вошли также большевики *Лазо, Луцкий* и Сибирцев.

После окончания Гражданской войны Линдберг остался в советской России, занимал ряд ответственных административных постов в Дальневосточной республике, в середине 30-х годов переехал в Москву и служил по финансовой части во Всесоюзном радиокомитете при СНК СССР. В октябре 1937 г. Михаил Яковлевич был арестован, обвинён в шпионской деятельности и в марте 1938 г. расстрелян. Полностью реабилитирован в 1997 г.

Лисиенко Арсений Павлович (настоящая фамилия Семёнов Федор Семёнович) – 28 лет в 1918 году, уроженец Санкт-Петербурга (по другим сведениям – Тверской губернии), окончил мореходное училище, в 1906 г. вступил в партию эсеров.

В 1911 г. за революционную деятельность он, как Фёдор Семёнов, был сослан в Верхоленский уезд Иркутской губернии, откуда бежал в 1914 г. Сначала он нелегально на несколько месяцев поселился в Новониколаевске, потом по подложным документам на имя Лисиенко перебрался в Бийск, а в 1915 г. – в Мариинск. Там устроился на работу в систему сибирской кооперации и под её прикрытием продолжил нелегальную революционную деятельность, явился одним из организаторов «Сибирского союза социалистов-революционеров» (две организационные конференции прошли как раз в Мариинске в 1916 г.). Семёнов-Лисиенко стоял на позициях эсеров-интернационалистов, являлся противником сотрудничества с буржуазией и её партиями и ещё в период Февральской революции высказывался за передачу власти Советам. В 1917 г. Лисиенко, так и оставивший за собой теперь свою подложную, конспиративную, фамилию, переехал в Томск, вошёл в состав Томского городского комитета ПСР, а потом и губернского комитета, редактировал главный печатный орган томских эсеров газету «Путь народа». В октябре того же года Арсений Павлович баллотировался в гласные Томской городской думы по списку эсеровской партии, но не прошёл. Проживал в этот период по улице Б. Кирпичной (теперь улица Октябрьская)-22. В том же октябре 1917 г. Лисиенко стал делегатом I Сибирского областного съезда, а в ноябре – членом Всероссийского Учредительного собрания от Томской губернии.

После разгона большевиками УС Арсений Лисиенко некоторое время оставался в Центральной России и вернулся в Томск лишь осенью 1918 г. Осудив колчаковский переворот, он в следующем 1919 г. вошёл в число активных участников подпольного сопротивления установившемуся в Сибири правобуржуазному диктаторскому режиму. Вместе со своими товарищами по партии *П. Михайловым, Б. Марковым и М. Линдбергом* он вновь возродил к жизни «Сибирский союз социалистов-революционеров». В том же году в компании с другими томскими эсерами, в частности с *В. Сидоровым и Е. Захаровым*, Арсений Лисиенко в ноябре 1919 г. принял участие в неудачной попытке вооруженного антиколчаковского мятежа во Владивостоке, осуществлявшегося в рамках земско-областнической идеологии, под военным руководством чеха *Р. Гайды* и при негласном контроле со стороны кураторов из Антанты. Потом в декабре того же года он участвовал в точно таком же, но на этот раз более удачном, вооруженном мятеже в Иркутске, после чего, возглавив военно-политический штаб в партизанском отряде анархиста Каландаришвили, сражался в Забайкалье с остатками колчаковских и семёновских войск. Затем в Верхнеудинске его назначили министром социального обеспечения в правительстве

Дальневосточной республики. Потом он переехал во Владивосток и здесь в 1920 был избран членом Учредительного собрания Дальневосточной республики. После окончания Гражданской войны Лисиенко решил покинуть советскую Россию, эмигрировал сначала в Харбин, а потом в Новую Зеландию, где и умер в 1973 г.

Лихачев П.Г. – правый эсер, член Томской городской думы в 1917-1918 гг. 27 мая 1918 г. был арестован вместе с Павлом Михайловым и некоторыми другими деятелями антибольшевистского подполья в Томске на конспиративной квартире. Впоследствии он – активный участник земского движения, с Н.К.Кузнецовым представлял томское городское самоуправление на первом (да так и оставшемся единственным) Всесибирском съезде земств и городов, проходившем в сентябре того же 1918 г. в Томске.

Лобков Залман Иудович (на русский манер прозывался Пётр Кузьмич) – 20 лет в 1918 г., еврей, родился в Тобольске в купеческой семье, член РСДРП(б) с 1916 г. Одновременно с этим он являлся последователем толстовских идей и даже был исключён из Тюменского коммерческого училища за распространение крамольной литературы в духе яснополянского старца-бунтаря, а в 1914 г. за агитацию против войны и пропаганду пацифизма подвергся аресту и краткосрочному содержанию в тюрьме. В 1916 г. Залман переехал в Омск, устроился на работу в страховое агентство и начал заниматься нелегальной деятельностью в составе социал-демократической подпольной группы.

После Февральской революции 1917 г. он – один из самых активных большевистских деятелей Омска, председатель Омского городского комитета РСДРП(б). После Октябрьской революции вошёл в состав Омского исполкома Совета рабочих и солдатских депутатов и занял в нём пост комиссара финансов, организовывал красногвардейские отряды, принимал участие в работе революционного трибунала. Во время чехословацкого мятежа сражался с восставшими легионерами у станции Марьяновка, 7 июня отступил вместе с другими большевиками и с остатками красных частей из Омска к Тюмени и Екатеринбургу, потом был отозван в Москву. В 1919 г. Лобкова по заданию ЦК большевистской партии направили за линию фронта – в Челябинск – для организации подпольной работы (по документам студента Б.И. Голубева). Однако здесь двадцатилетнего малоопытного агента вскоре арестовала колчаковская контрразведка и под пытками, как это часто случается, он стал давать признательные показания. В мае того же года его перевезли в Уфу и здесь казнили по приговору военно-полевого суда.

Луцкий Алексей Николаевич – 35 лет в 1918 г., родился в г. Козлове Тамбовской губернии, окончил Тифлисское военное училище. Став офицером, был взят на службу в структуры русской военной разведки, несколько лет провёл в Японии, штабс-капитан. После Октябрьской революции 1917 г. перешёл на сторону большевиков, один из создателей сибирской ЧК, в мае 1918 г. возглавил её пограничный (контрразведывательный) отдел, выслеживал и обезвреживал агентов Временного правительства автономной Сибири, а также иностранных спецслужб на территории Забайкалья и Иркутска. После летнего 1918 г. антисоветского мятежа на подпольной работе весной 1920 г. вместе с *Сергеем Лазо* казнён на Дальнем Востоке, по одной версии, белогвардейцами, по другой – японцами.

Лыткин Федор Матвеевич (настоящее имя по отцу Ферик Фетько Полат-бек) – 21 год в 1918 г., родился в Сибири, в селе Тулун Нижнеудинского уезда Иркутской губернии. По поводу его происхождения до сих пор не всё ясно. По одной из версий – мать его была русская, выданная замуж за бурята Матвея Лыткина, но сбежавшая от законного супруга к ссыльному кавказцу и имевшая от него трёх незаконнорожденных детей, записанных, однако, на фамилию и отчество «законного» родителя. Одновременно с этим известный советский историк Валентин Рябиков, участник Гражданской войны в Сибири и лично знакомый с Лыткиным, утверждал в своей монографии о нём, что мать Фёдора являлась по национальности буряткой, а отец – курдом из племени езидов-огнепоклонников, сосланным в Сибирь за убийство. По версии же областника *Владимира Крутовского*, также достаточно хорошо знавшего Фёдора Лыткина, родным отцом ему приходился всё-таки ссыльный черкес из-под Карса.

Примерно в 1915 г., вскоре после окончания Иркутской губернской гимназии, Лыткин за участие в работе социал-демократического кружка был сослан в город Енисейск Красноярской губернии. Находясь здесь, он начал сотрудничать с областническим журналом Вл. Крутовского «Сибирские записки», публикуя в нём свои первые стихи. В революционном 1917 г. Фёдор Лыткин перебрался в Томск, где поступил на юридический факультет местного университета. Здесь же, в Томске, он официально вступил в объединённую организацию РСДРП, числясь в ней сначала как меньшевик-интернационалист. Однако после Октябрьской революции он сразу же переметнулся к большевикам, став на некоторое время одним из активнейших участников советского строительства в Томске. В конце 1917-го – начале 1918 гг. Фёдор Матвеевич входил в состав объединённого Томского губернского Совета рабочих и солдатских депутатов, а потом стал ещё и членом губернского исполкома. Проживал в тот период в Томске на улице Нечаевской (ныне проспект Фрунзе), дом 23, кв.1.

В это же самое время Лыткин являлся участником I и II Сибирских областных съездов. Категорически не приемля тогда идеи сибирских автономистов, он, подходя к данному вопросу с чисто классовых позиций, обвинял сибирских областников в пособничестве буржуазии по разобщению российского и сибирского пролетариата. Поэтому первый Областной съезд он вместе с другими делегатами от сибирской социал-демократии покинул в знак протеста, а второй съезд вообще посчитал возможным разогнать, если его делегаты посмеют каким-то образом пойти против советской власти.

В феврале 1918 г. на II съезде Советов Сибири Лыткин был избран в члены правительства Центросибири и назначен на должность наркома советского управления регионом. Тогда же Фёдор Матвеевич подготовил и представил на утверждение делегатов съезда основанный на принципах демократического централизма план общественно-политического советского устройства Сибири.

В самом начале белогвардейского мятежа, в июне 1918 г., Лыткин по поручению советского правительства Сибири участвовал в переговорах с командованием восставшего Чехословацкого корпуса, результатом которых явилось перемирие на 10 дней. После возобновления боевых действий, приведших в конечном итоге к полному разгрому красных частей, Фёдор Лыткин вместе с председателем Центросибири *Николаем Яковлевым* и ещё с несколькими видными сибирскими большевиками осенью 1918 г. пытался пробраться через Олёкминскую тайгу в Якутск, где, по мнению беглецов, ещё сохранялась советская власть. Однако сделать этого им не удалось. В начале ноября группа Яковлева и Лыткина была обнаружена недалеко от Олёкминска белогвардейским казачьим отрядом и в результате неравного короткого боя полностью уничтожена.

После окончания Гражданской войны останки Лыткина, Яковлева и других их товарищей, погибших в той стычке с казаками, перенесли в Олёкминск и здесь захоронили в братской могиле. Имена убиенных, двух выдающихся сибирских большевиков, до сих пор носят две улицы в г. Томске, но нет пока даже переулка ни имени Николая Михайловича Ядринцева, ни *Петра Васильевича Вологодского,* ни улицы *Александра Васильевича Андрианова*... Увы – нам, томичам.

Магун (или Могун) – меньшевик-интернационалист, в 1917-1918 гг. один из лидеров профсоюзного движения Сибири, секретарь центрального профессионального бюро края, член Сибирской областной думы от профсоюзов. После антибольшевистского переворота в июле 1918 г. на Западносибирской конференции профсоюзов Магун был избран в состав Временного совета профессиональных союзов Сибири и в его исполком. Проживал в тот период в Томске, известно, что в начале августа 1918 г. он подвергся аресту при закрытии буржуазно-демократическими властями левой газеты «Рабочее знамя», в редакционную коллегию которой он входил.

Мазурин Николай Владимирович – 33 года в 1918 г., родился в мещанской семье, окончил Московский университет, член партии эсеров, с 1907 г. находился на положении ссыльнопоселенца в Канском уезде Енисейской губернии, с 1915 г. проживал в Красноярске. После Февральской революции Мазурин, как эсер-интернационалист, входил в состав губернского комитета ПСР, но в середине лета, во время июльского политического кризиса, размежевавшего силы левых и правых социалистов, Николай Владимирович вышёл из комитета и возглавил группу красноярских левых эсеров. С конца января 1918 г. Мазурин являлся членом исполкома Совета железнодорожных депутатов Томской железной дороги и входил в коллегию по её управлению, а от неё же был делегирован в состав Красноярского совдепа. 17 мая того же года его назначили комиссаром (начальником) Томской железной дороги.

По получении 25 мая первых известий из Мариинска о вооруженном выступлении военнослужащих Чехословацкого корпуса и сибирского антибольшевистского подполья Николай Мазурин сразу же выехал из Красноярска для проведения предварительных переговоров с мятежниками. После отказа чехословаков и белогвардейцев сложить оружие он проследовал дальше, в Томск, где включился в работу по организации вооруженных формирований для борьбы с разрастающимся антисоветским восстанием. Так, на станции Томск-II Мазурин провёл срочную мобилизацию среди железнодорожников в формируемый им отряд Красной гвардии (28 мая). Потом с той же целью он выезжал на станцию Тайга и в шахтёрский посёлок Анжерка.

После полного разгрома красных под Мариинском Николай Владимирович попал в плен к белым и был отправлен в томскую тюрьму. Одно время он числился в списках арестованных просто как сочувствующий большевикам железнодорожный конторщик, однако, спустя некоторое время, Мазурина всё-таки опознали. В 20-х числах октября 1918 г. его, как наиболее активного деятеля советской власти (и к тому же – военного преступника, с точки зрения белогвардейцев), вывезли из Томска, по всей видимости, в «эшелоне смерти», и вскоре расстреляли, по одним сведениям, в Кольчугино (Ленинск-Кузнецкий), по другим – где-то на перегоне Тайга–Яшкино.

Максимов – поручик царской армии, вместе со штабс-капитаном Николаевым по заданию томского антибольшевистского подполья поступил весной 1918 г. на службу в томский красноармейский отряд. В

конце мая, накануне общегородского антисоветского мятежа, он был разоблачён, арестован, допрошен, что называется, с пристрастием, а потом расстрелян, тело его прямо в кандалах красные сбросили в реку Томь. В начале июня новые демократические власти Томска похоронили поручика Максимова вместе с некоторыми другими его товарищами, также павшими от рук большевиков, с большими почестями в родном городе.

Мамонтов Ефим Мефодьевич – 29-30 лет в 1918 г., легендарная личность времён Гражданской войны в Сибири. Родился на Алтае, по другим сведениям, в Воронежской губернии, в семье крестьянина-середняка, в 1917-1922 гг. житель села Вострово (Кабанье) Покровской волости Славгородского уезда Алтайской губернии. Участник Первой мировой войны, фельдфебель (старший унтер офицер) царской армии, был награждён двумя Георгиевскими крестами. Один из виднейших партизанских командиров Сибири, сражавшихся с войсками Колчака на Алтае, в сентябре 1919 г. возглавлял объединенную партизанскую армию (по разным подсчётам, насчитывавшую от 2 до 20 тыс. человек). В начале декабря того же года его армия отбила у белых и заняла административный центр Алтайской губернии г. Барнаул. После окончательно разгрома белогвардейских войск на территории Сибири Ефима Мефодьевича назначили членом чрезвычайного революционного трибунала, в составе которого он принимал участие в судебном процессе по делу министров колчаковского правительства.

Летом 1920 г. Ефиму Мамонтову поручили командование над добровольческой бригадой, сформированной из бывших сибирских партизан и отправленной на борьбу с Врангелем. Там, кстати, ему пришлось сражаться с отрядами другого партизанского вожака, самого знаменитого украинского анархиста – батьки Махно. По возвращении зимой того же года назад в Сибирь Ефима Мефодьевича назначили командиром дивизии войск внутренней службы, но вскоре его арестовала ЧК по подозрению в контрреволюционной деятельности и в связях с правоэсеровским Сибирским крестьянским союзом. Освобождённый вскоре из-под ареста, Мамонтов оставил военную службу, вернулся в родное с. Вострово и стал заниматься сельским хозяйством. В феврале 1922 г. он погиб. По одной версии – его застрелили кулаки с. Власиха по политическим мотивам, по другой – он был убит в пьяной драке на бытовой почве. Похоронен в Барнауле.

Маньков Иван Николаевич – 38 лет в 1918 г., уроженец г. Нижнеудинска Иркутской губернии, образование средне-специальное, по профессии телеграфист. Принимал активное участие в революционных событиях 1905 г., за что несколько лет провёл в ссылке на севере Канского уезда. Вернувшись после освобождения в Нижнеудинск, в 1910 г. был избран городским головой, а в 1912 г. – членом IV Государственной думы от Иркутской губернии, примкнул там к социал-демократической фракции и вошёл в сибирскую парламентскую группу. По некоторым сведениям, в этот же период Иван Николаевич вступил в партию меньшевиков.

После Февральской революции 1917 г. он активно включился в преобразовательскую общественно-политическую деятельность, прерванную октябрём. В начале 1918 г. Иван Маньков становится одним из руководителей нижнеудинской подпольной антибольшевистской организации. В конце мая того же года при помощи частей Чехословацкого корпуса в Нижнеудинске была свергнута советская власть. После этого Маньков на некоторое время возглавил нижнеудинский повстанческий комитет. Однако вскоре, после конфликта с новыми военными властями, Ивана Николаевича принудили оставить свой пост. Дальнейшая его судьба, к сожалению, пока нам неизвестна.

Марков Борис Дмитриевич (он же Доронин Фёдор Алексеевич, он же Е.В. Добролюбов) – 34 года в 1918 г., правый эсер-интернационалист, коренной сибиряк, уроженец Кузнецкого уезда Томской губернии (современная Кемеровская область), выходец из мещанской семьи, отец работал служащим горного завода на Салаирском руднике.

В 1901 г. Борис Марков окончил Барнаульское горное училище, некоторое время трудился горным мастером, но вскоре очень серьёзно увлёкся революционной деятельностью. Оставив работу, а потом и вовсе покинув Сибирь, он сначала перебрался в Одессу, потом в Петербург. Вступив в боевую организацию партии эсеров, Марков в 1904 г. принял участие в подготовке террористического акта против министра юстиции Муравьёва, за что был арестован и приговорён к каторжным работам в Сибири. После окончания срока каторги Бориса Маркова определи на поселение в Киренский уезд (на севере Иркутской области), откуда он вскоре бежал, но его почти сразу же поймали и водворили на прежнее место ссылки. В 1911 г. он снова бежит и объявляется в Новониколаевске с документами на имя Добролюбова, там его арестовывают и вновь отправляют на поселение. Однако через два года Маркову снова удаётся бежать. На сей раз он скрывается под именем Фёдора Доронина в Бийском, а потом Кузнецком уездах Томской губернии, устраивается на работу писарем, потом землемером, а затем инструктором в системе сибирской кооперации и под этой «крышей» продолжает революционную деятельность. Так, перебравшись вскоре в Новониколаевск, он сразу же входит в число руководителей местной подпольной

эсеровской организации и в тот же период принимает активное участие в общесибирских эсеровских конференциях, нелегально проходивших тогда главным образом в Мариинске. Данные конференции, 1915 и 1916 годов, положили начало «Сибирскому союзу социалистов-революционеров», организации, сыгравшей весьма значительную роль в дальнейших революционных событиях в Сибири.

После Февральской революции Борис Марков вошёл в исполком Новониколаевского Совета рабочих и солдатских депутатов, в этот же период его избрали председателем Новониколаевского городского народного собрания. Однако вскоре Борис Дмитриевич переехал в губернский Томск, где осенью 1917 г. занял пост председателя Томского губкома ПСР, крупнейшей партийной организации в Сибири. В ноябре того же года Маркова избрали в члены Всероссийского Учредительного собрания по Томскому избирательному округу, правда, как жителя Петрограда (видимо, ещё со времён своей боевой молодости Марков был прописан в северной столице, по ул. Песочной-33, кв.2).

Октябрьскую социалистическую революцию Борис Дмитриевич, как и большинство его товарищей по Томской губернской эсеровской организации (центристско-черновского направления), воспринял положительно, к советской власти первое время относился также сочувственно. Однако после разгона Всероссийского Учредительного собрания и Сибирской областной думы он перешёл в оппозицию к большевикам и стал весной 1918 г. одним из активнейших участников в подготовке вооруженного восстания в Сибири. В тот период Марков вошёл в число четырёх главных комиссаров Временного правительства автономной Сибири (ВПАС), которые непосредственно на месте занимались общим руководством и организацией подпольной работы. Летом 1918 г., после осуществления антибольшевистского переворота, Марков – член Временного комиссариата ВПАС по управлению всей Сибирью. Однако уже с июля того же года, после передачи власти в руки Временного Сибирского правительства под председательством *П.В.Вологодского*, он – просто уполномоченный этого правительства в Самаре при Комитете членов Учредительного собрания (до августа того же года) и одновременно член депутатского корпуса Сибирской областной думы.

После государственного переворота 18 ноября 1918 г. Борис Дмитриевич ушёл в оппозицию к официальной власти. Колчаковский режим он не принял точно так же, как и большевистский, считая и тот, и другой узурпацией власти, не имеющей ничего общего с демократическими идеалами русской революции. В феврале 1919 г. Марков вместе со своими товарищами *Павлом Михайловым* и *Михаилом Линдбергом* вышел из состава Всесибирского краевого комитета партии эсеров, не согласившись с пассивной политикой его руководства по отношению к реакции справа. После этого летом того же года они все трое вновь возродили революционный «Сибирский союз социалистов-революционеров», который в противовес Всесибирскому краевому комитету ПСР выступил за немедленное свержение колчаковской диктатуры и заключение мира с большевиками, дабы создать на территории Сибири независимое демократическое государство с правосоциалистическим правительством во главе. В осуществление данных планов осенью 1919 г. Марков принял участие в земско-эсеровском оппозиционном движении Политцентра, а в декабре того же года стал одним из руководителей иркутского антиколчаковского восстания. Однако за день до его начала Борис Дмитриевич был арестован белогвардейской контрразведкой и вместе с П. Михайловым, а также некоторыми другими товарищами по борьбе вывезен белогвардейцами из охваченного восстанием Иркутска и передан семёновцам. Вечером 6 января 1920 г. по пути с пристани Байкал до железнодорожного посёлка Лиственничного всю группу арестованных в количестве 31 человека казнили без суда и следствия («по законам военного времени») с особо изощрённой жестокостью – забивали деревянными колотушками и выбрасывали под работающие винты парохода «Ангара».

Марков (Архангельский) Гавриил Максимович – 38 лет в 1918 г., приват доцент Томского университета, эсер с 1905 г. После Февральской революции 1917 г. – член Томского городского народного собрания, потом председатель Томского губернского земского собрания. В августе того же года Гавриил Марков председательствовал на Всесибирской конференции областников, по окончании которой теперь уже на Всесибирской областной конференции эсеров его ввели в состав центрального областного комитета ПСР. В октябре всё того же революционного 1917 г. Гавриил Максимович баллотировался и был избран под №1 по списку эсеров в гласные Томской городской думы. Проживал в этот период в Томске по ул. Преображенской (теперь – улица Дзержинского)-14б. Член Всероссийского Учредительного собрания от Томской губернии. В октябре 1918 г. сложил с себя обязанности председателя Томского губернского земского собрания в пользу В.В. Мраморнова.

Марков Михаил Петрович – в апреле 1917 г. вошёл в состав отдела (комиссариата) по управлению Томской губернией, созданного при Томском временном комитете общественного порядка и безопасности. В мае того же года, после избрания губернским Народным собранием новых структур по управлению губернией, сложил с себя полномочия. В конце того же года он стал членом Томской

губернской земской управы и возглавил в ней экономический совет (отдел). В июне 1918 г. после победы антибольшевистского восстания в Томске Михаил Петрович от кружка Потанина выдвигался на пост томского губернского комиссара, но не был утверждён. Дальнейшая его судьба нам неизвестна.

Марковский Тихон Павлович – 33 года в 1918 г., во время Первой мировой войны прапорщик 31-го Сибирского запасного полка, дислоцировавшегося в Красноярске, большевик. В 1917 г. – помощник председателя Красноярского объединенного Совета рабочих и солдатских депутатов. В июне 1918 г. во время эсеро-чехо-белогвардейского мятежа командовал всеми красноармейскими и красногвардейскими воинскими подразделениями Енисейской губернии. После ряда поражений на Мариинском и Клюквенском фронте, а также под Красноярском вместе с другими большевиками и остатками красных частей пытался посредством речного транспорта бежать вниз по Енисею. Однако у села Монастырского он вместе со своими товарищами был взят в плен и 26 июля доставлен в Красноярск. На следующий день Тихон Павлович пал жертвой внесудебной расправы со стороны казаков.

Масарик (Гарриет) Томаш Гарриг – 68 лет в 1918 г., словак по национальности, профессор Пражского университета, с 1914 г. лидер чехословацкого движения за национально-государственное освобождение от власти Австро-Венгерской империи, с 1918 г. – первый президент независимой Чехословакии.

Меркулов Б.И. – подпоручик царской армии, после Февральской революции 1917 г. вступил в партию эсеров, стоял на позициях правых оборонцев, в том же году занял должность начальника Томской городской милиции. После Октябрьской революции при большевиках Меркулов сохранил вверенный ему пост. Летом 1918 г. после чехо-эсеро-белогвардейского мятежа его назначили на должность коменданта штаба Средне-Сибирского корпуса, и он переехал в Новониколаевск. Но вскоре, после проведения расследования его профессиональной деятельности в период власти Советов, Меркулов был смещён с занимаемой должности. Дальнейшую его судьбу нам, к сожалению, проследить не удалось.

Метелица Зиновий Петрович – 34 года в 1918 г., из забайкальских казаков, участник Первой мировой войны, служил в 1-м Аргунском полку. В январе 1918 г. во время следования полка с фронта в Забайкалье Зиновия Петровича избрали его командиром, после чего он принял активное участие в становлении советской власти в Сибири. Весной того же года Метелица сражался вместе со своим революционным полком против частей атамана *Семёнова*. В период чехо-эсеро-белогвардейского мятежа его в августе 1918 г. назначили главнокомандующим войсками Центросибири вместо не справившегося с должностными обязанностями *П.К. Голикова*. Однако выправить положение на фронте он уже не смог, в результате чего вскоре красные части оказались полностью разгромленными. Сам же Метелица в сентябре попал в плен к белым и был расстрелян на станции Борзя.

Михайлов Иван Адрианович – 27 лет в 1918 г., родился в Сибири, во время отбывания его родителями-революционерами срока в Карийской каторжной тюрьме (Восточное Забайкалье), сын известного народника Адриана Михайлова. Окончил Читинскую гимназию, потом юридический факультет Санкт-Петербургского университета. До февраля 1917 г. занимался главным образом своей научной карьерой, числился как беспартийный, но в революционном 1917 г. одно время вроде бы как был близок к правым эсерам. После Февральской революции служил в министерстве финансов, а также земледелия и продовольствия Временного правительства. Октябрьскую социалистическую революцию не принял и сразу же перешёл в число активных оппозиционеров большевистскому режиму. В конце 1917 г. Михайлов стал заместителем председателя Петроградского союза сибиряков-областников.

В январе 1918 г. Иван Адрианович членами Сибирской областной думы был назначен министром финансов во Временное правительство автономной Сибири под председательством *Петра Дербера*. Летом того же года после свержения на территории Сибири советской власти Михайлов в той же должности вошёл в состав Временного Сибирского правительства под председательством *Петра Васильевича Вологодского*. В период сентябрьского политического кризиса он стал одним из организаторов заговора, направленного на устранение из Сибирского правительства нескольких министров-социалистов, одного из которых – *Новосёлова* – даже убили при этом. Спустя два месяца, в ноябре 1918 г., Иван Михайлов принял участие в организации ещё одного государственного переворота в Омске, в результате которого усилиями правобуржуазных политических группировок удалось отстранить от власти лево-демократическое правительство так называемой Уфимской Директории, на смену которой пришла военная диктатура во главе с адмиралом Колчаком. За такое предательство бывшие товарищи Михайлова по эсеровской партии дали ему уничижительное прозвище – «Ванька-Каин».

В правительстве адмирала Колчака Иван Адрианович вновь занял привычную уже для него должность министра финансов и одновременно с этим организовал в Омске некое подобие английского мужского клуба, так называемый «кружок И. Михайлова», в который входили некоторые виднейшие представители торгово-промышленного капитала Сибири, а также политики и военные,

придерживавшиеся правоконсервативных и даже порой реставрационно-монархических взглядов. Долгое время Михайлов интриговал также и против командования Сибирской армии, в частности в отношении генералов *Гайды и Пепеляева*, в окружении и под прикрытием которых действовали в 1919 г. некоторые видные члены эсеровской партии, находившиеся с осени 1918 г. в оппозиции к колчаковскому режиму. Вообще интриги и разного рода подковерная возня являлись неотъемлемым кредо И. Михайлова, за что он (на сей раз уже от своих коллег по колчаковскому кабинету министров) получил еще одно прозвище – «Иван Интриганович». В августе 1919 г. на фоне агонии колчаковского режима и усиления политического влияния оппозиции Ивана Михайлова одним из самых первых отправили в отставку со всех постов. Звезда его закатилась мгновенно, и вскоре он эмигрировал в Китай. В последующие годы проживал в Харбине и работал в сфере банковских услуг. В 1946 г. вместе с атаманом *Семёновым* Михайлов попал в руки СМЕРШа, был депортирован в СССР и в августе того же года повешен как государственный преступник по приговору военного трибунала. В 1998 г. Военная коллегия Верховного суда РФ признала И.А. Михайлова не подлежащим реабилитации.

Михайлов Павел Яковлевич (он же Медведев) – 29 лет в 1918 г., коренной сибиряк, уроженец Татарского уезда Тобольской губернии, выходец из простого народа, родился, по одним данным, в семье плотника, по другим – крестьянина. Получил домашнее образование, после чего поступил и окончил городское училище, потом некоторое время являлся вольнослушателем медицинского факультета Томского университета, член партии эсеров с 1905 г., профессиональный революционер, эсеровский боевик, входил в состав «Боевой сибирской летучки».

За участие в убийстве жандармского офицера в 1907 г. его приговорили к 5 годам каторжных работ. Отбывал срок Павел Яковлевич в печально знаменитом Зерентуйском централе, самом, пожалуй, страшном тюремном изоляторе царского режима. Однако не смирился и здесь: в знак протеста против издевательств со стороны тюремной администрации несколько раз объявлял голодовку, потом организовал покушение (неудачное) на начальника тюрьмы. За свой непокорный нрав восемнадцатилетний Павел Михайлов часто подвергался избиениям, как со стороны охраны, так и со стороны сокамерников – уголовных преступников, в результате чего неоднократно пытался покончить с собой. В 1913 г. по завершении срока каторги Михайлова сослали на поселение в Якутию, откуда в 1914 г. он сбежал, но вскоре был арестован вновь, обвинён в покушении на жизнь забайкальского генерал-губернатора и снова отправлен в Якутию. В феврале 1916 г. Павел Яковлевич совершил второй побег с поселения, и на этот раз более удачный. Он добрался до Иркутска, где некоторое время проживал на нелегальном положении. Потом по подложным документам на имя Медведева перебрался в Томскую губернию и вскоре поселился в городе Новониколаевске (ныне Новосибирск), работал в системе сибирской кооперации, сотрудничал в газете «Обский кооператор». В тот же период он явился одним из создателей «Сибирского союза социалистов-революционеров», организации, сыгравшей весьма значительную роль в подготовке революционных событий на территории Сибири.

После Февральской революции 1917 г. Павел Михайлов, как и все политические осуждённые при царском режиме, получает полную амнистию, переходит теперь уже на абсолютно легальное положение и переезжает в Томск. Здесь он становится одним из руководителей губернского комитета партии эсеров и официально числится секретарём томской губернской организации ПСР. Тогда же Павел Яковлевич был избран и членом Томской губернской земской управы – ведущего органа губернского самоуправления. В октябре того же года по спискам эсеровской партии он баллотировался в гласные Томской городской думы, но не прошёл. Проживал в тот период сначала по адресу: г. Томск, ул. Б.Кирпичная (теперь Октябрьская)-3, кв.2, а потом, с октября месяца, по ул. Кривой (теперь переулок Телевизионный), дом №23. В ноябре 1917 г. Павла Михайлова избрали членом Всероссийского Учредительного собрания от Томской губернии по спискам всё той же эсеровской партии.

К Октябрьской социалистической революции, как и большинство других томских эсеров-центристов «черновского» направления, Михайлов отнёсся сочувственно, но после разгона большевиками Учредительного собрания он сразу же перешёл в оппозицию к советской власти, в середине января 1918 г. был арестован в Петрограде и несколько дней провёл в «Крестах». В феврале того же года Павел Яковлевич вернулся в Томск и здесь, став членом нелегального Западно-Сибирского комиссариата (ЗСК) Временного правительства автономной Сибири (ВПАС), сыграл одну из ведущих ролей в подготовке антисоветского восстания в Сибири. 27 мая 1918 г., через два дня после начала чехословацкого мятежа, советские власти арестовали Михайлова в Томске, на конспиративной квартире, и отправили на очередную отсидку в тюрьму.

Однако уже утром 31 мая, после бегства местных большевиков из города, его освободили из заключения, и он в тот же день возглавил со своими тремя товарищами по Западно-Сибирскому комиссариату гражданско-административную власть во всём освобождённом от большевиков

Сибирском регионе. В это время ЗСК во главе с Павлом Михайловым стал в какой-то степени первым легальным, правда чисто эсеровским, правительственным органом независимой Сибири. В Омском Временном Сибирском правительстве *П.В. Вологодского*, пришедшем вскоре на смену Западно-Сибирскому комиссариату и утвердившемуся у власти 30 июня того же года, Михайлов занял должность товарища (заместителя) министра внутренних дел. Однако уже через месяц его отправили в отставку со столь высокого поста, а потом и вообще полностью исключили из Омского правительств. После чего он, как бывший член Учредительного собрания, был кооптирован в состав депутатского корпуса Сибирской областной думы.

В конце сентября того же года при попытке некоторых членов правительства Вологодского отстранить от власти своих коллег министров-социалистов и приостановить деятельность Сибирской областной думы Павел Михайлов президиумом Думы был назначен председателем (с диктаторскими полномочиями) специального думского комитета, призванного дезавуировать действия праволиберального политического лагеря и поставить Сибирское правительство с его «взбунтовавшимися» министрами под контроль Думы. Однако выполнить поставленную перед ним задачу думский комитет оказался не в состоянии, ибо, практически, сразу же после назначения членов данного комитета, в том числе и Михайлова, арестовали (по распоряжению губернского комиссара Гаттенбергера) и отправили в томскую губернскую тюрьму. Срок тюремного заключения на сей раз оказался сравнительно недолгим и продолжался всего несколько дней, однако Михайлову и всем остальным дали тем самым понять – кто теперь в Сибири хозяин положения.

Утвердившуюся несколькими месяцами спустя военную диктатуру Колчака Михайлов категорически не принял и сразу же перешёл к активной и непримиримой оппозиции к этому, как он считал, контрреволюционному и даже реставрационному режиму. В связи с чем в феврале 1919 г. Павел Яковлевич даже вышел из состава Всесибирского краевого комитета эсеров, вставшего на позицию категорического неприятия какой-либо вооруженной борьбы с белогвардейской диктатурой. А летом того же года вместе со своими товарищами по бывшему Западно-Сибирскому комиссариату *Б. Марковым и М. Линдбергом* реанимировал «Сибирский союз социалистов-революционеров», который в противовес Всесибирскому краевому комитету эсеров, поставил главной целью – немедленное свержение колчаковской диктатуры и заключение мира с большевиками. После чего «Союз» планировал приступить к созданию на территории Сибири самостоятельного государства с леводемократическим правительством во главе.

Как всегда, активно и непреклонно занимаясь осуществлением своих планов, Михайлов в конце того же года стал одним из руководителей заговора по свержению власти колчаковского правительства, вошёл в состав иркутского земско-эсеровского Политцентра, возглавив его военный штаб. Однако в самый канун декабрьского вооруженного восстания в Иркутске он был арестован колчаковской контрразведкой, тайно вывезен из города на пристань Байкал, где вместе с другими арестованными вечером 6 января 1920 г. казнён – утоплен в холодных водах священного «сибирского моря». Всю группу арестованных из 31 человека насмерть забили деревянными колотушками и сбросили под работающие винты парохода «Ангара». Некоторые современники тех событий полагали, что именно эта очередная зверская расправа над видными политическими деятелями переполнила чашу терпения «демократически» настроенного командования союзных войск и прежде всего Чехословацкого корпуса, и в какой-то степени повлияла на принятие ими трудного решения: передать в руки эсеров и большевиков главного, как они посчитали, виновника обозначившегося беспредела – адмирала А.В. Колчака.

Михайловский Борис Михайлович – 28 лет в 1918 г., в списках жертв советских политических репрессий значится как еврей по национальности, однако это не подтверждается больше никакими другими документами. Родился на Алтае, в с. Чёрный Ануй, окончил Томский политехникум по специальности – землемер. В начале Первой мировой войны вступил добровольцем в 42-й Сибирский полк, воевал в составе конного разведывательного подразделения под командованием *Анатолия Пепеляева*. В 1915 г. был тяжело ранен и направлен для излечения в Иркутск, где после выздоровления поступил на учёбу в военное училище. В 1916 г. Борис Михайлович получил чин поручика и отбыл для дальнейшего прохождения воинской службы в 39-й запасной полк, дислоцировавшийся в Томске. Здесь его застала Февральская, а потом и Октябрьская революция 1917 г.

После прихода к власти большевиков Михайловский был демобилизован из армии и в начале 1918 г. вступил в одну из антисоветских подпольных организаций Томска. По версии некоторых исследователей, он в тот период осуществлял связь между городским подпольем и кружком ведущих томских областников-автономистов. После победы антибольшевистского восстания Бориса Михайловича назначили томским уездным комиссаром и одновременно помощником губернского комиссара. В октябре того же года Михайловский осуществлял общее руководство операцией по

подавлению Чумайского народного восстания на территории Мариинского уезда. После этого с ноября, в результате перевода томского губернского комиссара *Гаттенбергера* в Омск на должность министра внутренних дел колчаковского правительства Михайловский в течение последующих трёх месяцев исполнял его обязанности.

В феврале 1919 г. адмирал Колчак назначил его управляющим Томской губернией, в том же году Борис Михайлович получил звание капитана. Являлся сторонником жестких мер управления, неоднократно входил в конфликт с некоторыми управляющими уездов, большинство из которых являлись эсерами, ограничивал деятельность губернской земской управы, запрещал выезд инструкторов земства в сельские районы губернии, опасаясь антиправительственной агитации с их стороны. В то же самое время в сентябре 1919 г. Борис Михайлович защитил от произвола карателей капитана *Сурова* членов и чиновников Мариинской земской управы, а также лично контролировал расследование дел по поводу самоуправства чинов уездной милиции в отношении крестьянского населения. В конце декабря того же года с остатками 1-й Сибирской армии генерала *Пепеляева* Михайловский в чине капитана отступил на восток, сначала – до Красноярска, потом – на север по Енисею, оттуда до Лены. Потом участники этого так называемого отдельного «Ледяного похода» спустились вниз к Байкалу и Чите. Здесь, в Забайкалье, они также надолго не задержались, и после расформирования армии часть офицеров, в том числе и Михайловский, выехала в Харбин. Здесь Борис Михайлович работал сначала грузчиком, а потом чертёжником.

В 1922-1923 гг. капитан Михайловский принял участие в военной экспедиции генерала Пепеляева по освобождению от власти большевиков территории Охотского побережья и Якутской области. В ходе развёртывания данной операции его назначили начальником гарнизона г. Охотска. В июне 1923 г. он, к тому времени уже арестованный самими белыми за растрату казённых денег, попал в Охотске в плен к красным. Вместе с другими участниками пепеляевской экспедиции Михайловский в январе 1924 г. предстал перед судом военного трибунала в г. Чита и был приговорён к высшей мере наказания, заменённой впоследствии 10 годами тюремного заключения. Отбывал срок в Александровском централе Иркутска. В сентябре 1926 г. по состоянию здоровья (туберкулёз) Бориса Михайловича досрочно освободили, после чего он поселился с семьёй в Чите. Однако в июне 1927 г., на основании нескольких доносов на него, Михайловский вновь попал под суд и получил 10 лет трудовых лагерей. После окончания срока поселился опять в Чите. Дальнейшая его судьба неизвестна, возможно, он погиб во время чисток 1937-1938 гг. В 1989 г. полностью реабилитирован.

Молотов Константин Михайлович – 24 года в 1918 г., большевик. В начале 1918 г. редактировал газету «Известия Омского совета». В период чехо-эсеро-белогвардейского мятежа отступил с красными частями из Омска в Тюмень, издавал боевую газету «К оружию». После окончательного свержения советской власти на территории Сибири по заданию ЦК большевиков вместе с Суховерховым, Черепановым и др. был направлен в тыл белых для организации подпольной работы. На состоявшейся в Томске в августе 1918 г. нелегальной Сибирской областной большевистской конференции Константина Михайловича избрали в состав подпольного Сибирского обкома, где он занял пост председателя Центрального Сибирского бюро. На второй Всесибирской конференции осенью того же года Молотова переизбрали, после чего назначили руководителем томской подпольной большевистской организации. Константин Михайлович каким-то образом сумел избежать ареста во время мартовского 1919 г. разгрома организации колчаковской контрразведкой.

В декабре того же года он возглавил в Томске военно-революционный комитет, совершивший вооружённый переворот в городе ещё до прихода в город частей 5-й Красной армии. После установления в Томске советской власти Константин Молотов был назначен заместителем председателя Томского военно-революционного комитета, тогда же его избрали секретарём местной партийной организации большевиков, некоторое время он редактировал газету «Знамя революции». В июле 1920 г. в этой газете под инициалами К.М. он напечатал статью-некролог на смерть Г.Н. Потанина (30 июня), в которой отдал дань уважения памяти Потанина, как выдающегося учёного-путешественника, вместе с тем отметив, что Григорий Николаевич в свой общественной деятельности являлся «орудием в руках белогвардейской своры».

Во второй половине 20-х годов Молотов занимался журналистской и культурно-просветительской работой в Томске. В 30-х годах переехал в Москву и полностью переключился на научную деятельность, автор ряда статей, а также нескольких брошюр по истории Гражданской войны в Сибири: «Контрреволюция в Сибири и борьба за советскую власть» (Саратов, 1921), «Революция в России» (Омск, 1918), «Герои-мученики сибирской коммуны» (Томск, 1920, совместно с Б. Шумяцким) и др.

Моравский Валериан Иванович – 34 года в 1918 г., уроженец Бессарабии, окончил духовную семинарию (бурсу), в 1901 г. впервые побывал в Сибири (по другим данным – лишь в 1908 г.). Высшее

образование получил в сельскохозяйственном институте Петербурга, одновременно с этим посещал занятия в академии восточных языков. В тот же период вступил в партию эсеров, но в 1906 г. из неё вышёл, не согласившись с её программой и из-за личных противоречий с «социалистическими тенденциями» ПСР. Ещё в студенческие годы Моравский начал работать по ведомству земской статистики и сразу по получении образования был приглашён на работу по данному профилю в министерство путей сообщения, а в 1916 г. – в министерство земледелия. В то же самое время Валериан Иванович являлся штатным сотрудником крупнейшей российской либеральной газеты «Речь», публиковался и в других газетах и журналах данного направления, в том числе и в журнале «Сибирские вопросы». По замечанию самого Моравского, тогда он «поддерживал близкие отношения с Сибирью, куда ездил с исследованиями по различным причинам, и всё время оставался членом Общества изучения и развития Сибири».

После Февральской революции Валериана Ивановича избрали в Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов, однако, спустя полтора месяца, он вышел из него по собственному желанию, вследствие того что, по его мнению, «разрушительные тенденции Совета стали совсем явными». Вскоре департамент, где он работал, преобразовали в министерство продовольствия. После Октябрьской революции Моравский вошёл в состав исполнительного комитета данного министерства, который отказался подчиняться советской власти. За это всех его членов, в том числе и Моравского, арестовали и сутки продержали в Смольном институте, после чего отпустили. В декабре того же года, по приглашению Сибирского областного совета, Валериан Иванович прибыл в Сибирь (в Томск) и вошёл в состав Облсовета в качестве управляющего делами. В январе 1918 г. он был избран в Сибирскую областную думу, а потом – на пост государственного секретаря (ответственного за делопроизводство) во Временное правительство автономной Сибири.

После разгона большевиками Сибирской областной думы Моравский с частью правительства эмигрировал в Харбин, принял активное участие в подготовке антисоветского мятежа в Сибири, занимался вопросами налаживания связей с представителями стран Антанты с целью заручиться их поддержкой в борьбе с советской властью. В период колчаковщины находился на Дальнем Востоке в качестве специального представителя Всесибирского союза земств и городов. В 1919 г. его привлекли в комитет по созыву Сибирского Земского собора, поручили редактировать «Вечернюю газету» во Владивостоке. Тогда же Валериан Иванович стал членом «Совета уполномоченных организаций автономной Сибири», на основе которого в октябре 1922 г. было сформировано третье по счёту (и последнее) Сибирское правительство под руководством А.В. Сазонова, в нём Валериан Моравский занял пост министра финансов, труда и промышленности.

Просуществовав не более недели, правительство эмигрировало в Японию и до 1925 г. находилось в г. Киото. Основной целью последнего Сибирского правительства являлась организация антибольшевистского сопротивления. Средства на такого рода цели Моравский, как министр финансов, пытался отыскать в заграничных банках, куда Российское, а потом колчаковское и другие правительства времён Гражданской войны авансом перечисляли золото для покупки оружия, обмундирования и пр. По многим счетам поставки так и не были осуществлены, всё это Валериан Иванович попытался обобщить и выяснить – сколько денег Япония, Англия, Франция и США задолжали России, для того чтобы востребовать хотя бы часть аннексированных средств на подпитку антисоветского сопротивления. Проведя колоссальную работу, Моравскому удалось собрать большое количество документального материала, на основании которого он составил (в 1923-м и 1930 гг.) двухтомную обобщающую справку о вывезенном за рубеж русском золоте в количестве примерно 200 тонн. В 1941 г. 30 коробок документов по данному делу он переправил в США, и сейчас они хранятся в Гуверовском институте войны, революции и мира.

Ни рубля из тех денег, несмотря на два судебных процесса, Сибирскому правительству в изгнании получить так и не удалось. Само оно в 1925 г. прекратило своё существование, правопреемником его стал вновь возрождённый Совет уполномоченных организаций автономной Сибири, который Валериан Моравский в 1928 г. после смерти Сазонова возглавил. Ему в период руководства Советом удалось наладить достаточно прочные связи с либерально-демократическими кругами Японии в плане помощи по организации антибольшевистского сопротивления. В 1932 г. Валериан Иванович поселился с семьёй в Харбине в роскошном особняке и даже нанял прислугу, но уже через год политическая ориентация самой Японии сменилась с либеральной на консервативную, вследствие чего ставка в борьбе с Советами была сделана уже не на сибирских областников, а на русскую фашистскую партию. Материальное благополучие семьи Моравского на этом закончилось, особняк в Харбине пришлось покинуть, прислугу распустить и, более того, – срочно выехать в Шанхай. Здесь Валериан Иванович провёл последние годы своей жизни и умер в 1942 году.

Мраморнов В.В. – в октябре 1918 г. на осенней сессии Томского губернского земского собрания был избран председателем вместо Маркова-Архангельского.

Музыкин Алексей Платонович – 35 лет в 1918 г., уроженец г. Керчи, из семьи мещан, образование средне-специальное, меньшевик, член РСДРП с 1903 г. В 1908 г. за революционную деятельность был сослан в Сибирь, проживал на поселении в г. Енисейске. После Февральской революции 1917 г. перебрался с семьёй в Красноярск, осенью того же года его избрали гласным (депутатом) Красноярской городской думы, летом 1918 г., после свержения советской власти в Сибири, он занял должность городского головы (мэра) Красноярска. После разгрома белого движения в Сибири остался в Красноярске, работал в продотделе губисполкома. Несколько раз арестовывался по обвинению в антисоветской деятельности и окончил свою жизнь в одном из лагерей ГУЛАГа. Полностью реабилитирован в 1998 г.

Мухин Федор Никанорович – 40 лет в 1918 г., коренной сибиряк, родился на территории современной Тюменской области в крестьянской семье, получил специальность машиниста и с 1902 г. начал работать на Забайкальской железной дороге. В 1904 г. вступил в РСДРП, меньшевик, принимал участие в революции 1905 г. Находился в период активизации забастовочного движения на станции Маньчжурия, где его избрали в состав стачечного комитета, а, когда власть временно перешла в руки бастующих рабочих, Мухин стал исполнять обязанности ещё и начальника станции. После подавления этого выступления Фёдор Никанорович вынужден был сначала скрываться в Харбине, а затем с паспортом на чужое имя ему удалось перебраться в Благовещенск. Здесь с целью материальной поддержки себя и своих товарищей Фёдор Мухин начал заниматься сбытом фальшивых денежных купюр, а вскоре по подложным документам получил в одной из частных контор большую сумму наличности, после чего его арестовали и, как уголовного преступника, осудили на год принудительных работ.

После освобождения из тюрьмы он вынужден был покинуть Благовещенск и поселиться на станции Ульмин (ныне Мухино), здесь он и встретил Февральскую революцию 1917 г. Сначала Фёдор Никанорович возглавил на станции местный комитет общественной безопасности, а вскоре перебрался в Благовещенск, где его избрали в состав городского Совета рабочих и солдатских депутатов. Однако тут всплыли его прошлые уголовные дела, и вследствие этого бывшего «фальшивомонетчика» исключили из членов местной объединённой организации РСДРП, в которой преобладали меньшевики. Тогда Мухин подал заявление о вступлении в ряды большевиков, и те, после некоторой проверки, за необоснованностью обвинений оправдали его и приняли в ряды своей партии, захватившей в конце октября того же года власть в стране. В результате Фёдор Никанорович разу же выдвинулся в первые ряды городского Совета рабочих и солдатских депутатов, а в конце февраля 1918 г. он стал председателем Амурского областного совдепа, а также возглавил областной исполком.

Начатое под его руководством наступление на права местного земского самоуправления (с которым незадолго до этого большевики заключили соглашение о паритете полномочий) спровоцировало 6 марта вооруженное выступление антисоветской оппозиции в Благовещенске, получившее название – гамовского мятежа. В результате кровопролитных недельных боёв большевикам всё-таки удалось сохранить свою теперь уже безраздельную власть в Амурской области, на территории которой в апреле того же года была образована Амурская автономная трудовая социалистическая республика в составе РСФСР, а Фёдор Никанорович Мухин стал председателем её совнаркома (правительства). Однако в результате всесибирского антисоветского восстания в сентябре того же года власть большевиков на территории Амурской области пала, после чего Мухин взялся за организацию партизанского сопротивления белогвардейским, а также оккупационным иностранным войскам. В феврале 1919 г. он нелегально пробрался в Благовещенск для руководства намечавшимся в городе вооруженным выступлением, но на одной из проваленных конспиративных явок его арестовали и 9 марта при попытке к бегству застрелили.

После окончания Гражданской войны большевики занесли Фёдора Мухина в пантеон героев-мучеников за народное дело. В постсоветский период некоторыми историками, на основании газетных публикаций колчаковского периода, была выдвинута версия о Мухине-предателе, якобы во время допросов выдавшем белогвардейской контрразведке всё руководство благовещенского подполья.

Мюнних Ференц – 32 г. в 1918 г., венгр по национальности, во время Первой мировой войны был призван в австрийскую армию, в 1915 г. попал в плен к русским и содержался в томском лагере для военнопленных. После Октябрьской социалистической революции 1917 г. вместе с Бела Куном (венгерский еврей-социалист) принял активное участие в становлении советской власти в Сибири, занимался формированием красногвардейских отрядов г. Томска, комплектуемых из пленных венгров, австрийцев и отчасти немцев. В конце мая 1918 г., во время антибольшевистского мятежа Чехословацкого корпуса, Мюнних командовал красногвардейской интербригадой города. Не в

состоянии противостоять наступающему на Томск противнику бежал из города вместе со своим отрядом на пароходе по северным рекам в Тюмень.

В том же году Мюнних возвратился на родину и участвовал в организации коммунистического движения. После поражения венгерской социалистической революции по заданию Коминтерна Ференц Мюнних находился в рядах антифашистского сопротивления в Германии, потом – в Испании и, наконец, сражался в войсках Красной армии во время Второй мировой войны. После разгрома гитлеровской Германии он вновь вернулся в Венгрию, некоторое время находился на дипломатической службе, но после событий 1956 г. выдвинулся в число партийных лидеров своей страны и даже занимал одно время пост главы венгерского правительства. Отзывался о Томске всегда с большой симпатией, что и отразил, в частности, в мемуарах, вспоминая дни революционной молодости, проведённые в далёкой Сибири.

Нагнибеда Василий Яковлевич – 39 лет в 1918 г., уроженец Полтавской губернии, украинец, образование высшее, юрист, с 1905 г. житель Томска, проживал по пер. Макаровскому-9. кв.2. До революции 1917 г. занимался главным образом статистикой, публиковал статьи в демократической прессе, по политическим взглядам являлся сочувствующим партии эсеров (так он указал в делегатских карточках I и II Сибирских областных съездов). Вместе с тем в ноябре 1917 г. Василий Яковлевич баллотировался по спискам трудовой народно-социалистической партии в Томскую городскую думу, а в ноябре того же года вместе с *Потаниным* по спискам той же партии – в члены Учредительного собрания по Томскому округу, но нигде не прошёл. Василий Яковлевич являлся участником двух областных съездов. В октябре на I съезде его избрали членом Областного совета. После II (декабрьского) съезда Нагнибеда вошел в состав финансово-экономического совета (отдела) при Временном Сибирском областном совете (фактически первом временном правительстве Сибири), потом стал членом Сибирской областной думы, председателем её аграрной комиссии.

Летом 1918 г. после падения советской власти и исключения большевиков из состава городской думы Нагнибеда был кооптирован от партии народных социалистов в число городских гласных (депутатов). По окончании Гражданской войны Василий Яковлевич работал в Томске в губернском статистическом отделе, занимался проблемами сельского хозяйства, опубликовал по данной тематике целый ряд статей и научных работ.

Нанява Виктор – молодой томский рабочий, в марте 1918 г. по призыву партии большевиков стал сотрудником отдела по борьбе с контрреволюцией, в апреле преобразованного в томскую ЧК. Принимал участие в целом ряде спецопераций, в том числе в расследовании уголовного дела о хищении оружия со складов 39-го стрелкового полка, после чего стал одним из ближайших помощников председателя томской ЧК Д. Кривоносенко. Вместе с ним днём 24 мая 1918 г. Виктор Нанява прибыл к Иоанно-Предтеченскому женскому монастырю и вступил в перестрелку с членами подпольной офицерской организации, в результате чего Д. Кривоносенко был убит, а сам Нанява тяжело ранен. Согласно некоторым источникам через несколько дней он умер в больнице.

Наумов Александр Александрович – 45 лет в 1918 г., родился в Петербурге, образование высшее, учёный лесовод, социал-демократ (меньшевик) с 1903 г., возможно, даже профессиональный революционер; в Сибири, по всей видимости, оказался не по своей воле, проживал здесь с 1911 г.

В революционном мае 1917 г. Наумова избрали в исполком Томского губернского народного собрания, потом вместе с эсером *Шатиловым* он стал товарищем (заместителем) председателя исполкома этого собрания. Летом того же года, опять же напару с Шатиловым, он занимал должность помощника томского губернского комиссара, одновременно исполняя обязанности председателя томской губернской продовольственной управы. Осенью 1917 г. Наумов баллотировался в гласные Томской городской думы по спискам меньшевиков. Проживал в то время по улице Садовой (ныне проспект Ленина от площади Новособорной до Лагерного сада)-6. Тогда же Александр Александрович являлся председателем томской окружной избирательной комиссии по выборам во Всероссийское Учредительное собрание.

В октябре 1917 г. Наумов стал делегатом I Сибирского областного съезда, на котором его избрали членом Областного совета, и он вошёл в состав его экономического комитета. От Облсовета он стал делегатом II декабрьского (чрезвычайного) Сибирского областного съезда. Тогда же Александр Александрович начал работать в Томской губернской земской управе. Летом 1918 г., после свержения власти большевиков, он продолжил свою деятельность в составе управы, сначала – на правах секретаря, а потом с 4 ноября того же года – заместителем председателя (*Н.Ульянова*). В конце ноября, после того как Н. Ульянова, как бывшего офицера, призвали на службу в колчаковскую армию, Александр Александрович занял пост председателя Томской губернской земской управы, одновременно с этим являясь ещё и гласным (депутатом) Томской городской думы.

При советской власти работал в лесной отрасли, умер в 1943 году.

Наханович Исай Леонтьевич – 29 лет в 1918 г., по национальности еврей, большевик, родился в с. Арта Читинского уезда Забайкальской губернии в крестьянской семье (ссыльных евреев по отбытии наказания поселяли в сибирских деревнях и приписывали к крестьянскому сословию). К революционной деятельности примкнул в 1907 году. В 1911 г. он впервые был осуждён и через два года выслан из Забайкалья в Иркутскую губернию на поселение, откуда успешно бежал и осел в Томске под именем Владимира Очередина. Некоторое время работал наборщиком в типографии газеты «Сибирская жизнь», в 1914 г. его вновь арестовали, а освобождение из томской тюрьмы пришло только с Февральской революцией.

В мае 1917 г. Наханович стал депутатом Томского городского народного собрания, потом делегатом I и II Всероссийских съездов Советов от Томской губернии, кандидатом в члены Учредительного собрания по Томскому избирательному округу, баллотируясь по списку партии большевиков. В этот период проживал по адресу: ул. Спасская (нынешняя Советская от пр. Фрунзе до пл. Батенькова)-10, кв.1. В начале 1918 г. Наханович являлся одним из виднейших большевистских деятелей в Томске, входил в штаб отрядов Красной гвардии, 24 января стал председателем томского губернского ревтрибунала.

Во время майского мятежа чехословаков он находился на совещании в г. Омске, через занятую уже белыми территорию сумел пробраться в Томск, где тут же был арестован новыми властями и посажен в городскую тюрьму, содержался в одиночной камере как особо опасный политический преступник. Осенью 1918 г. генерал *Пепеляев* вывез его, в числе тринадцати томских большевиков, в качестве заложника в г. Екатеринбург, где Наханович находился до июня 1919 г. Во время отступления колчаковских войск его этапировали в Восточную Сибирь, но по пути на ст. Иннокентьевская, недалеко от Иркутска, он умер от дизентерии.

В советское время его именем назвали один из переулков (бывший Ямской) в центре г. Томска.

Нахобов (или Нахабов) – поручик царской армии, зимой 1918 г. участник антибольшевистского подпольного движения в Иркутске. Зимой следующего года служил у атамана Семёнова, заключал договора с японцами о поставке вооружения и снаряжения для его частей.

Неволин (Неофитов) Константин Владимирович – 26 лет в 1918 г. В период начала Первой мировой войны, будучи студентом выпускного курса Петроградского горного института, оставил гражданский вуз и поступил в Казанское военное училище. После его окончания Неволина направили сначала в Омск в запасной полк, а потом в действующую армию. За время боёв на фронтах Первой мировой войны Константин Владимирович дослужился до звания капитана, был награждён несколькими орденами, последний год воевал в составе ударного батальона, вместе с которым и вернулся в Омск в декабре 1917 г.

Сразу же по прибытии в город под псевдонимом Неофитов он вступил в одну из омских подпольных антисоветских организаций и вскоре возглавил её, по другим данным – занимал в этой организации должность начальника штаба. В апреле 1918 г. Неволин-Неофитов узнал, что разоблачён чекистами, и в целях личной безопасности срочно покинул Омск. Потом в одной из казачьих станиц он примкнул к повстанческому отряду *Ивана Красильникова*. После свержения власти большевиков в Омске, в июне того же года, капитан Неволин вместе с отрядом есаула И. Красильникова отбыл в Восточную Сибирь и сражался с красными в составе частей Средне-Сибирского корпуса. В ночь на 26 июня 1918 г. Константин Владимирович Неволин погиб в бою под Нижнеудинском. Спустя несколько дней тело его доставили в Омск и похоронили здесь с большими воинскими почестями.

Немиро Николай Фадеевич – 23 года в 1918 г., правый эсер, студент медицинского факультета Томского университета, в октябре 1917 г. по спискам эсеровской партии баллотировался в гласные (депутаты) Томской городской думы, но не прошёл. В 1918 г. он член томского губернского комитета партии социалистов-революционеров, активный участник антибольшевистского сопротивления в Томске. В ночь на 27 марта участвовал в похищении нескольких сотен винтовок со склада 39 Сибирского стрелкового полка. Проживал: ул. Бульварная (пр. Кирова)-13, кв.1. В подвале именно его дома и было найдено украденное у большевиков оружие. Вскоре после этого Николая Немиро арестовали и отправили в губернскую тюрьму. Дальнейшую его судьбу нам, к сожалению, проследить не удалось.

Неометуллов (Неометуллин) Гариф Шегибердинович – 26 лет в 1918 г., из крестьян Иркутской губернии, татарин по национальности. В период Первой мировой войны, являясь студентом Томского технологического института, он был мобилизован в армию, после окончания ускоренных курсов военного училища его направили в один из запасных полков Новониколаевска. В ходе Февральской революции 1917 г. Неометуллов вступил в партию эсеров. В декабре того же года на втором (чрезвычайном) Сибирском областном съезде его избрали в состав национального отдела при Временном Сибирском областном совете (по сути, первом временном правительстве автономной Сибири). В январе 1918 г. он, как член разогнанной большевиками Сибирской областной думы, вошёл в число министров (правда,

без портфеля) оппозиционного к советской власти Временного правительства автономной Сибири и до сентября того же года находился в этой должности. В то же самое время Неометуллов являлся членом Военного мусульманского совета, органа, подконтрольного партии правых эсеров.

Неслуховский Сергей Константинович – меньшевик, будучи студентом Петроградского университета, осенью 1917 г. в числе беженцев приехал в Томск и перевёлся на учёбу в Томский университет. В январе 1918 г. от томского студенчества его избрали в члены Сибирской областной думы (СОД), где, по некоторым сведениям, он должен был возглавить фракцию социал-демократов (большевиков и меньшевиков) в ней. После разгона Думы, пользуясь родственными связями с известным томским коммунистом *С.И. Канатчиковым*, Неслуховский смог устроиться на ответственную должность в томский губернский совнархоз, а также войти в редакцию томской меньшевистской газеты «Заря». После свержения власти большевиков в Сибири летом 1918 г. Сергея Константиновича вновь восстановили в статусе члена Сибирской областной думы, но только теперь он попал туда как делегат от томских профсоюзов. На августовской того же года сессии СОД Неслуховский занял пост председателя социал-демократической (меньшевистской) фракции. В этот же период он входил в состав томского губернского комитета партии социал-демократов (меньшевиков). Дальнейшую его судьбу по историческим источникам нам, к сожалению, проследить не удалось.

Никитин М.П. – полковник царской армии, в 1917 г. исполнял обязанности начальника штаба Иркутского (Восточно-Сибирского) военного округа. Октябрьскую революцию не принял, в декабре того же года возглавил антисоветское вооруженное восстание в Иркутске, а после его подавления бежал в Харбин, где под крылом Дальневосточного комитета защиты Родины и Учредительного собрания занял должность главнокомандующего всеми вооруженными силами, набранными на добровольной основе в районе Китайско-Восточной железной дороги. В мае 1918 г. Никитина на этом посту сменил А.В. Колчак.

Никифоров Василий Васильевич – 52 года в 1918 г., якут по национальности, уроженец Дюпсюнского (теперь Усть-Алданского) улуса, из семьи чиновника, окончил Якутскую прогимназию, потом под руководством некоторых ссыльных революционеров самостоятельно освоил курс по юридической специальности. Первое время работал, как и его отец, письмоводителем в родном улусе, потом стал его головой. Однако уже в тот период он начал приобщаться и к активной общественной деятельности. Сошёлся на этом поприще не только с некоторыми ссыльными из Центральной России, но и с местными прогрессистами, среди которых оказался полуякут Е.Д. Николаев I-й, составивший и вручивший в 1883 г. лично министру внутренних дел Г.А. Толстому «Краткую записку о современном положении Якутского края», с просьбой: предоставить автохтонным народам некоторые права по самоуправлению, а также провести ряд либеральных реформ в области экономики и просвещения края.

В 1894–1896 гг. Василий Васильевич принимал участие в работе научной экспедиции, которая собрала большой материал по изучению быта и культурных традиций местного якутского населения. В составе данной экспедиции Василий Васильевич работал вместе с некоторыми представителями сибирского областнического движения, и таким образом он впервые приобщился к идеям *Г.Н. Потанина, Н.М. Ядринцева* и других. Чуть позже по инициативе Никифорова и частично на его средства была открыта школа в родном с. Дюпсюн, а также – первая публичная библиотека в Якутске с бесплатным читальным залом (здесь он пошёл по стопам П.И. Макушина). После этого Василий Васильевич организовал Якутское сельскохозяйственное общество, призванное помочь развитию земледелия в регионе, и – ещё два просветительских общества, радевших об открытии новых школ для народа и о выпуске учебников на якутском языке.

Следующий этап в деятельности Василия Васильевича оказался связан, как и у многих людей такого сорта, с революцией 1905 г. Именно тогда Никифоровым была создана первая национальная политическая организация под названием «Союз якутов-инородцев», которая выдвинула примерно те же самые предложения, что и «Краткая записка» 1883 г., но только теперь уже в виде требований к Российскому правительству. В ответ на это всех членов ЦК «Союза» сразу же арестовали и приговорили к различным срокам заключения, в том числе и Никифорова. После освобождения из тюрьмы Василий Васильевич продолжил свою работу в русле культурно-просветительской и общественной деятельности, редактировал несколько периодических изданий, участвовал в инородческих съездах, занимался литературным творчеством.

В ходе Февральской революции 1917 г. Никифоров совершенно естественным образом включился в большую работу по переустройству на демократических началах своей малой родины. Он сразу же вошёл в состав Якутского комитета общественной безопасности (органа Всероссийского Временного правительства), а потом месте с *Гавриилом Ксенофонтовым* и *Семёном Новгородовым* возглавил крупнейшую политическую организацию региона «Трудовой союз федералистов», взявшую на

вооружение, в том числе, и идеи сибирских областников о национально-культурной автономии для малых народов. В начале следующего года Василий Никифоров был избран председателем Областной земской управы, вставшей во главе самоуправления всего огромного якутского региона (1918–1920 гг.).

После Октябрьской революции Василий Васильевич ушёл в оппозицию к большевикам, активно сотрудничал с колчаковской администрацией, в период Гражданской войны входил даже в состав так называемого государственного экономического совещания – политического органа совещательного характера при верховном правителе. В 1920 г., в том числе и за это, Никифоров был арестован большевиками, но вскоре амнистирован, работал в Иркутске, потом в Москве, в 1925–1926 гг. принимал участие в работе комплексной экспедиции Академии наук СССР на территории Якутии. Однако по её завершении Василия Васильевича вновь арестовали, обвинили в недоносительстве на местных конфедералистов и приговорили к 10 годам лагерей. Скончался он в 1928 г. (по другим данным – в 1929 г.) в Новосибирской тюрьме. Реабилитирован в 1992 г.

Никифоров Пётр Михайлович – 36 лет в 1918 г., уроженец Иркутской области, из рабочей семьи, в 1904 г. был призван на флот, здесь вступил в члены РСДРП, большевик. Участвовал в событиях революции 1905 г., с 1907 г. находился на нелегальном положении. Вернувшись в Иркутск, Никифоров возглавил городскую большевистскую боевую группу, в 1910 г. его арестовали и приговорили к 20 годам каторжных работ, освобождён Февральской революцией 1917 г. После прихода большевиков к власти Петра Михайловича направили во Владивосток, где он занял должность заместителя председателя Приморского Совета рабочих и солдатских депутатов. В мае 1918 г. после разгона большевиками Владивостокской городской думы Никифоров возглавил городскую администрацию города.

В ходе антибольшевистского мятежа в июне того же года Пётр Михайлович был арестован и почти два года провёл в белогвардейских застенках. В 1920 г., после образования ДВР, занял пост её первого премьер-министра. В последующие годы работал на ответственных административных и партийных должностях. Умер в 1974 году в Москве. Автор нескольких книг о Гражданской войне.

Николаев – штабс-капитан царской армии, весной 1918 г. по заданию томского антибольшевистского подполья находился на службе в городском отряде Красной армии, но был разоблачён чекистами, арестован и в конце мая того же года расстрелян. В начале июня уже при новой демократической власти тело штабс-капитана Николаева предали земле с воинскими почестями.

Никонов Сергей Павлович – 49-50 лет в 1918 г., родился в г. Уржум Вятской губернии, из семьи потомственных дворян, окончил с золотой медалью юридический факультет Казанского университета, потом три года изучал римское и гражданское право в Берлинском университете, в 1910 г. получил степень доктора наук. С 1912-го по 1917 г. преподавал в Петербургском (потом Петроградском) университете.

После Февральской революции переехал в Сибирь и занял должность профессора кафедры торгового права Томского университета. По политическим взглядам – народный социалист (делегатская карточка декабрьского Областного съезда). На II декабрьском Сибирском областном съезде Сергей Павлович был избран в председатели финансово-экономического отдела при Временном Сибирском областном совете. Член Сибирской Областной думы, на её второй (августовской) сессии 1918 г. он стал заместителем председателя СОД. В начале сентября того же года по поручению президиума Думы профессор Никонов выезжал во Владивосток для переговоров с правительством *П.Я. Дербера*, но до пункта назначения не доехал, так как по распоряжению Административного совета Омского правительства *П.В. Вологодского*, его в принудительном порядке возвратили в Томск.

Во время сентябрьского думского кризиса Сергей Павлович председательствовал на знаменитом ночном заседании трёх левых фракций Думы (22 сентября), вынесшем решение о роспуске Административного совета и предании суду министра *И. Михайлова* – за попытку государственного переворота. Однако после окончания этого заседания Никонов был арестован по распоряжению томских правительственных властей и вместе с некоторыми другими руководителями Сибирской областной думы отправлен в тюрьму (вскоре отпущен). В ноябре 1918 г. после окончательного роспуска СОД и воцарения колчаковского режима Никонов навсегда отошел от политической деятельности и вновь вернулся к преподавательской.

После окончания Гражданской войны читал лекции во Владивостокском Дальневосточном университете.

Новгородов Семён Андреевич – 26 лет в 1918 г., якут Таттинского (по другим сведениям – Ботурусского) улуса. Окончив в 1908 г. реальное училище в Якутске, стал заниматься преподавательской, а также издательской деятельностью у себя на родине. В тот же период Семён Новгородов начал вести кропотливую работу по созданию нового якутского алфавита на основе восточноазиатской письменности. С этой целью он в 1913 г. поступил на учёбу на отделение восточных языков Петербургского университета.

В революционном 1917 г. Семён Андреевич сразу же включился в процесс демократических преобразований в Якутии, войдя в состав областного комитета общественной безопасности (орган Всероссийского Временного правительства), а одновременно с этим вместе с *Василием Никифоровым* и *Гавриилом Ксенофонтовым* возглавил национально-демократический союз своего региона под названием «Свобода», впоследствии преобразованный в партию под названием «Якутский трудовой союз федералистов», вставшую на позиции территориального и национально-культурного автономизма. В октябре Новгородов принимал участие в работе I Сибирского областного съезда, на котором был избран в члены его президиума, а потом вошёл в состав Исполнительного комитета Сибирского областного совета, призванного осуществить созыв Всесибирского Учредительного съезда (собрания). В тот же период он кончил свою работу по созданию нового якутского алфавита, результатом чего явилось издание летом 1917 г. под его редакцией национального букваря на основе изменённого и дополненного букваря В.М. Ионова.

Осенью всё того же 1917 г. после завершения работы I Областного съезда Семён Андреевич выехал в Петроград для того, чтобы завершить обучение в университете. Вернулся на родину только в 1919 г. При советской власти Новгородов активно включился в культурно-просветительскую деятельность, продолжил свои лингвистические занятия, поспособствовал изданию нескольких учебников на якутском языке, а в 1922 г. под его редакцией вышел ещё один обновлённый вариант букваря. В том же году он был избран представителем от Якутии в комиссариат по делам национальностей РСФСР, вступил в партию большевиков, но в 1924 г. в возрасте 32 лет скоропостижно скончался от неизлечимой болезни.

Новомбергский Николай Яковлевич – 47 лет в 1918 г., русский, по другим данным – еврей-выкрест, родился на Кубани, в мещанской семье, окончил Варшавский университет и Петербургский археологический институт, потом в течение нескольких лет продолжал учёбу в университетах Германии.

В 1906 г. Николай Яковлевич поселился в Томске и начал преподавать в местном университете, проживал по улице Б. Королёвской (ныне ул.М. Горького), д.15. В этот период Новомбергский сначала приват доцент, потом ординарный профессор Томского университета и, наконец, незадолго до второй русской революции – декан его юридического факультета. По политическим взглядам – человек правого толка: до известных событий 1917 г. некоторые видели в нём вполне законопослушного октябриста. Однако после Февральской революции Николай Яковлевич однозначно начал сочувствовать идеям конституционных демократов; а после Октябрьского переворота в делегатской карточке участника II областного съезда он маловразумительно позиционировал себя так: «беспартийный социалист-националист». В конце декабря 1917 г. Новомбергский в качестве научного консультанта был приглашён на работу в национальный отдел Сибирского областного совета.

В начале 1918 г. Николая Яковлевича от съезда кооперативных организаций избрали членом Сибирской областной думы, где он стал одним из лидеров, правой по своей сути фракции областников и беспартийных. В начале осени того же 1918 г. в период обострения отношений между левыми и правыми в Сибирской думе и в Сибирском правительстве Новомбергский встал на сторону последних, что и определило в конечном итоге его дальнейшую политическую судьбу. Придерживаясь взглядов умеренного консерватизма и отстаивая идею возрождения российской государственности, порушенной революцией, Николай Новомбергский весьма пришёлся, что называется, ко двору нарождавшейся и вскоре победившей в Сибири правой диктатуре, заняв в правительстве А.В. Колчака пост товарища (заместителя) министра внутренних дел. Однако уже в конце февраля 1919 г. Новомбергский из-за серьёзных разногласий с некоторыми высокопоставленными людьми в омских проправительственных кругах подал прошение об отставке и вновь вернулся к преподавательской деятельности.

После разгрома белого движения на территории Сибири Николай Яковлевич сразу же был арестован большевиками, в 1920 г. осуждён к лишению свободы сроком «до окончания Гражданской войны», однако уже через несколько месяцев его выпустили на свободу. До 1930 г. Новомбергский трудился на ответственных должностях по хозяйственной части сначала в Сибири, а потом в Москве (по другим данным – в Ленинграде). В начале 30-х годов его арестовали и осудили по политической статье на три года лагерей. После окончания срока он выехал на поселение в Архангельск (по другой версии – эвакуировался туда из блокадного Ленинграда). Здесь он прожил до самой своей смерти, занимаясь педагогической и научной деятельностью, получил степень доктора исторических наук. Умер в 1949 г.

Новосёлов (Невесов) Александр Ефремович – 34 года в 1918 г., уроженец Павлодарского уезда Акмолинской области, из семьи офицера Сибирского казачьего войска, образование – среднее (неполный курс Омского кадетского корпуса), потом экстерном сдал экзамены на звание учителя. Известный сибирский младообластник, учёный-этнограф (член омского отделения Русского географического общества), писатель; имел, по замечанию современников, большой литературный талант, отмеченный

И. Буниным и М. Горьким, последний до 1917 г. даже напечатал несколько рассказов Александра Новосёлова в своём журнале «Летопись». По основному роду занятий Александр Ефремович являлся педагогом, одно время он – простой сельский учитель в алтайской глухомани, потом – воспитатель казачьего войскового подготовительного пансиона в Омске.

После Февральской революции 1917 г. Новосёлов вступил в партию эсеров и стал одним из активных участников процесса демократических преобразований в Сибири; избирался в состав руководящих революционных органов Сибирского казачьего войска, затем по списку эсеровской партии прошёл в состав Омской городской думы, а незадолго до Октябрьской революции был назначен Всероссийским Временным правительством на должность комиссара (революционного губернатора) Акмолинской области, в состав которой входил и самый крупный на тот момент город Сибири – Омск. В этот же период Александр Ефремович являлся членом Западно-Сибирского Совета крестьянских депутатов.

На декабрьском 1917 г. (чрезвычайном) Сибирском областном съезде Новосёлова избрали в состав Временного Сибирского областного совета (в какой-то степени первого временного правительства автономной Сибири). В начале 1918 г. Александр Ефремович стал членом Сибирской областной думы и избранного ею Временного правительства автономной Сибири (ВПАС), в нём он был назначен на должность министра внутренних дел. После разгона большевиками Областной думы в феврале 1918 г. он эмигрировал вместе с некоторыми другими членами Сибирского областного правительства в китайский Харбин, где принял участие в подготовке вооруженного мятежа в Сибири.

В сентябре того же года после окончательной победы антисоветского восстания Новосёлов в ранге к тому времени уже бывшего министра вернулся в Омск к семье с намерением, как полагают некоторые комментаторы тех событий, отойти от политики и приступить к изданию собственного литературного журнала. Однако судьба, к сожалению, распорядилась совсем по-другому: Александр Ефремович стал жертвой политических интриг и, в конце концов, был предательски убит 23 сентября 1918 г., предположительно, по тайному приказу военного коменданта Омска казачьего полковника *Волкова*.

На рабочем столе в опустевшей квартире писателя-областника остались лежать листы исписанной бумаги с первыми набросками новой повести под названием «Град Китеж»...

Новосёлов Иван Панфилович – из сибирских крестьян, родился в деревне Буерак Кузнецкого уезда Томской губернии, участник Первой мировой войны, служил санитаром-ветеринаром, ефрейтор. Высоких орденов за период боевых действий удостоен не был, зато успел за четыре долгих военных года приобщиться к идеям Прудона, Бакунина и Кропоткина, так что вернулся с фронта домой вполне убеждённым анархистом. В своей деревне сразу же организовал сельскую коммуну, поддерживал связь с томским союзом объединённых анархистов, с редакцией газеты «Бунтовщик», являлся делегатом I Кузнецкого съезда Советов, потом работал делопроизводителем в Совете рабочих депутатов Гурьевского завода.

Во время летнего мятежа 1918 г. Иван Панфилович как активный сторонник советской власти был арестован и даже содержался некоторое время в камере смертников в одной из томских тюрем, однако во время конвоирования в Новониколаевск бежал, добрался до родных краёв Кузнецкого уезда и здесь узнал, что его жена, мать и брат подвергались жестоким истязаниям со стороны белых. Уже осенью того же года Новосёлов создал из членов своей бывшей коммуны анархистов небольшой партизанский отряд, который летом следующего 1919 г. объединился с несколькими такими же повстанческими группами в партизанское соединение под общим командованием Григория Рогова.

Осенью и зимой того же года эта крестьянская армия общей численностью около пяти тысяч человек вела успешные боевые действия на юге Томской губернии, освободив от колчаковских войск более 20 населённых пунктов, в том числе города: Щегловск (Кемерово), Кольчугино (Ленинск-Кузнецкий) и Кузнецк (Новокузнецк). Поскольку в рядах данного партизанского соединения очень сильно было влияние анархистов, все боевые операции, особенно в городах, сопровождались массовыми грабежами, а также насильственными действиями в отношении мирного населения. В рамках расследования такого рода преступлений, начатого вернувшимися к власти большевиками, Новосёлов, Рогов, а также ещё несколько командиров повстанческих отрядов в конце декабря 1919 г. оказались под арестом. Ивану Новосёлову в очередной раз удалось бежать, и в мае 1920 г. он вновь поднял знамя борьбы за интересы трудового крестьянства, оказавшегося после освобождения от колчаковских поборов и мобилизаций под ярмом советской продразвёрстки.

Вскоре к отряду Новосёлова присоединился и Григорий Рогов. Однако организовать массовое партизанское движение они уже не смогли, летом 1920 г. погиб Рогов, а в 1922 г. и сам Иван Новосёлов канул в лету. По одной из версий (В. Шишкин), он был убит, по другой (А. Штырбул) – просто бесследно исчез, перебрался через границу и укрылся, толи в Монголии, толи в Китае. По неподтверждённым данным («апокриф») разведки ЧОНа, Новосёлова в 1923 г. видели в банде Д. Барышникова, действо-

вавшего всё в том же Кузнецком уезде. В 1928 г. один из уполномоченных ОГПУ сообщал в секретном донесении о том, что к бывшему повстанцу Соколову приезжал для встречи «политический бандит Новосёлов Иван Панфилович». Более того, существует версия, что наш герой под чужой фамилией дожил аж до 60-х годов XX века и даже пытался инициировать кампанию по реабилитации своего боевого товарища Григория Рогова.

Озерных Пётр Захарович – 32 года в 1918 г., сибиряк, уроженец Ачинского уезда, правый эсер, за принадлежность к революционной партии при самодержавии привлекался жандармским управлением к дознанию. До Февральской революции сотрудничал как журналист в ряде газет Иркутска и Красноярска, а также публиковал под псевдонимом Степан Байкалов стихи собственного сочинения. В 1917 г. являлся редактором кооперативного журнала «Наше дело». В начале 1918 г. во время подготовки антибольшевистского мятежа в Сибири Озёрных вошёл в состав красноярского подпольного комитета, руководившего деятельностью местной нелегальной организации. После свержения советской власти с июня того же года он находился в составе Енисейского губернского комиссариата, а в июле возглавил его. Трудился на этом посту до 29 октября 1918 г., когда, накануне колчаковского переворота, видимо, как недостаточно «благонадёжный», с точки зрения правых сил, был заменён П.И. Троицким. После своей отставки Пётр Захарович вместе с *Евгением Колосовым* активно сотрудничал в правоэсеровской газете «Воля Сибири». Скончался после продолжительной болезни в апреле 1919 г.

Окороков Александр Матвеевич – коренной сибиряк, по некоторым данным, был родом из дворянской семьи, окончил Томский технологический институт, инженер-технолог по профессии, крупный дрожже-спирто заводчик (имел несколько предприятий в Барнауле), председатель совета Алтайского союза кооперативов. После Февральской революции 1917 г. примкнул, по одним данным, к партии кадетов, по другим – к народным социалистам. В марте 1917 г. Александр Матвеевич возглавил революционный Алтайский уездный комитет общественного порядка и безопасности. А после выделения Алтая в отдельную губернию (июнь того же года) он стал первым алтайским губернским комиссаром Временного правительства (революционным губернатором), занял эту должность, кстати, по рекомендации томского губернского комиссара *Б.М. Гана*.

В ноябре Александр Окороков по спискам трудовой народно-социалистической партии баллотировался в члены Учредительного собрания, но не прошёл. После Октябрьской революции Александр Матвеевич был отстранён от должности губернского комиссара. В январе 1918 г. от второго кооперативного съезда Сибири Окорокова избрали представителем в Сибирскую областную думу, а после её разгона большевиками он эмигрировал в Харбин. Там, на Дальнем Востоке, летом того же года Александр Матвеевич вошёл в состав Делового кабинета временного правителя России генерала Хорвата и считался в этом правобуржуазном правительстве политиком «левого» толка. После самороспуска Делового кабинета в октябре 1918 г. Окороков вернулся в Сибирь. В период заката «империи» Колчака в августе 1919 г. он занял в правительстве адмирала пост управляющего министерством торговли и промышленности. После краха белого движения эмигрировал сначала в Харбин, а потом во Францию; проживал в Париже, где, по некоторым сведениям, был завербован советской разведкой.

Окулов Алексей Иванович – 38 лет в 1918 г., сибиряк, уроженец Енисейской губернии, член большевистской партии, учился в Киеве, потом в Москве в школе Художественного театра, у самого Станиславского. Принимал участие в революции 1905 г., потом эмигрировал за границу. В 1913 г. Окулов вернулся в Россию и сразу же был арестован; в 1916 г. его мобилизовали в армию и после пребывания в штрафной роте определили на службу в один из запасных полков Красноярского гарнизона. В августе 1917 г. он стал председателем Енисейского (Красноярского) губернского исполкома Советов рабочих солдатских и крестьянских депутатов. В конце того же года по списку большевиков Алексея Ивановича избрали членом Учредительного собрания. В январе 1919 г. он принимал участие в его работе, а после роспуска Собрания на некоторое время осел в Москве.

В мае 1918 г. Окулова командировали обратно в Красноярск для формирования отрядов Красной армии, но до места назначения он не доехал, так как был застигнут в Омске чехословацким мятежом. При отступлении из Омска по Иртышу и Тоболу омских большевиков Окулов командовал красной флотилией, а когда она достигла Тюмени, возглавил там новый фронт. В конце 1918 г. его вновь отозвали в Москву, где он впоследствии находился на ответственных административных должностях. Попутно занимаясь литературным творчеством, он стал достаточно известным для своего времени советским писателем.

Оленич-Гнененко Александр Павлович – 25 лет в 1918 г., уроженец Полтавской губернии, украинец по национальности, прослушал, как он сам указывал, полный курс юридических наук, в Сибири проживал с 1909 г., левый эсер по партийному «вероисповеданию». До Февральской революции занимался литературным творчеством, в 1917 г. его избрали членом Омского Совета рабочих и солдатских депу-

татов, а также гласным Омской городской думы. В декабре того же года Александр Павлович являлся делегатом II Сибирского областного съезда. В июне 1918 г. после захвата Омска восставшими частями Чехословацкого корпуса Оленич-Гнененко был арестован и посажен в тюрьму. Дальнейшую его судьбу нам, к сожалению, проследить не удалось.

Омельков Михаил Фёдорович – 33 года в 1918 г., из семьи служащего, уроженец г. Оса (по другим данным – с. Бикбарды) Пермской губернии, окончил Томский университет (юридический факультет), по другой версии: учился, но не успел получить диплом. В 1905 г. вступил в партию эсеров, в 1908 г. за участие в революционной деятельности был осуждён на 4 года каторжных работ, отбывал срок в Александровском централе под Иркутском. После чего его определили на поселение, откуда он бежал и через Японию эмигрировал в Австралию, работал там шахтёром. Вернулся в Россию в 1915, сначала проживал на Дальнем Востоке, а потом переехал в г. Мариинск Томской губернии. Здесь, как и многие его товарищи по партии, Михаил Фёдорович устроился на работу в одно из кооперативных объединений. Именно в Мариинске, вместе с *М. Линдбергом*, *П. Михайловым*, *Б. Марковым* и *А. Лисиенко*, Михаил Омельков в 1916 г. организовал «Сибирский союз социалистов революционеров», сыгравший заметную роль в дальнейших революционных событиях.

Незадолго до 1917 г. Михаил Фёдорович переехал на жительство в Новониколаевск, работал в газете «Обский кооператор». Омельков, являясь членом эсеровской партии, стоял на центристских (черновских) позициях, входил в группу эсеров-интернационалистов. После Февральской революции в июле 1917 г. Михаил Фёдорович занял пост предисполкома Новониколаевского городского Совета рабочих и солдатских депутатов. Являлся участником сентябрьского Всероссийского демократического совещания, а в ноябре был избран членом Всероссийского Учредительного собрания. После его разгона большевиками Омельков вернулся в Новониколаевск и продолжил участвовать в работе городского Совета рабочих и солдатских депутатов. В отличие от большинства своих бывших товарищей по «Сибирскому союзу социалистов революционеров» Михаил Фёдорович не встал на путь вооруженного сопротивления большевистской диктатуре, поскольку считал, что с ней можно будет справиться вполне мирными средствами, путём завоевания эсеровско-меньшевистского большинства в Советах. Однако накануне всесибирского вооруженного восстания у него всё-таки, так скажем, не выдержали нервы, и он в знак протеста против большевистского политического и экономического произвола демонстративно вышел из состава Новониколаевского совдепа, хлопнув, что называется, на прощанье дверью.

Летом 1918 г. после временного крушения власти большевиков в Сибири Омельков председательствовал на открывшемся 26 июля III крестьянском съезде Томской губернии. Осенью того же года исполнял обязанности ответственного редактора томской газеты «Голос народа», органа краевого (сибирского) комитета партии эсеров. В 1920 г., после окончания Гражданской войны в Сибири Михаил Фёдорович был арестован большевиками, обвинён в подготовке антисоветского мятежа 1918 года. Однако тогда удалось каким-то образом установить его полную непричастность к данному мероприятию, и он вскоре получил свободу. После этого Омельков примирился с большевиками, вышёл из эсеровской партии в период гонений на неё в 1921-1922 гг. Потом мирно трудился на хозяйственно-административной работе, последние годы проживал в Москве. В 1937 году его арестовали и в феврале 1938 года расстреляли. Реабилитирован в 1956.

Орлов Николай Васильевич – с 1909 г. служил офицером Заамурского округа пограничной стражи, охранявшей территорию КВЖД, проживал с семьёй в Харбине. Участник Первой мировой войны, георгиевский кавалер, полковник. В 1917 г. после демобилизации вернулся в Харбин и возглавил в декабре того же года отряд охранной стражи КВЖД, набранной в Харбине вместо пробольшевистски настроенных отрядов пограничной стражи, недавно распущенных китайскими властями по просьбе правления КВЖД. Подразделения охранной стражи создавались на добровольной основе, поэтому им, как и отрядам Семёнова и Калмыкова, также набранным в тот период на территории китайской Маньчжурии, были свойственны некоторые элементы вольницы, только не казацкой, а офицерской. Вследствие этого орловцы имели натянутые отношения, как с руководством железной дороги в лице генерала Хорвата, так и с командованием Заамурского военного округа, в лице сначала генерала *Самойлова*, а потом генерала *Плешкова*.

Напротив, тогда же у Орлова сложились достаточно хорошие и доверительные отношения с А.В. Колчаком, назначенным в мае 1918 г. главнокомандующим всеми вооруженными силами в районе КВЖД. Однако в результате разного рода интриг в конце июня и Колчак, и Орлов были отстранены от командования. Но уже в ноябре того же года полковник Орлов и офицеры его бывшего штаба получили приглашение от верховного правителя России Колчака прибыть из Харбина в Омск и перейти к нему на службу, что Орлов и его товарищи с благодарностью сделали. Так, Николай Васильевич стал командиром сформированного в Канске 32-го Сибирского стрелкового полка. После окончания Гражданской войны

полковник Орлов вернулся в Харбин, где и проживал вместе со своей семьёй. В 30-е годы написал, но не смог опубликовать, так до сих пор и хранящиеся в рукописи в ГАРФ воспоминания о революции и Гражданской войне.

Орлов Фёдор (Фаддей) Емельянович – в конце Первой мировой войны солдат одного из томских запасных полков, после Февральской революции активный участник советского строительства в Томске, большевик. В декабре 1917 г. он был избран секретарём (заведующим делами) Томского губисполкома и находился в этой должности до майского чехо-белогвардейского мятежа. Вместе с другими большевиками бежал в ночь на 31 мая из Томска на пароходе «Федеративная республика».

Парняков Пантелеймон Фёдорович – 23 года в 1918 г., сибиряк, родился в семье священника, в селе Бельское (неподалёку от Усолья-Сибирского), окончил Иркутскую гимназию, потом учился в Петроградском университете. В 1912–1913 гг., ещё находясь в Иркутске, Парняков организовал из представителей учащейся молодёжи социал-демократический кружок, близкий к меньшевикам. В революционном 1917 г. он вернулся из Петрограда в Иркутск, вступил в партию большевиков и стал одним из активнейших участников советского строительства в Сибири. В этот период Пантелеймон Фёдорович являлся редактором главного печатного органа правительства Центросибири, газеты «Власть труда» (теперь «Восточно-Сибирская правда»). В феврале 1918 г. на II Всесибирском съезде Советов его избрали народным комиссаром просвещения Сибири. Осенью того же года в ходе ликвидации советской власти в результате вооружённого мятежа Пантелеймон Парняков, избежав ареста, нелегально перебрался в Западную Сибирь и сразу же включился в подпольную деятельность. Весной 1919 г. после ареста и казни в Омске главных региональных руководителей большевистского сопротивления Пантелеймона Фёдоровича назначили секретарём подпольного Сибирского краевого комитета РКП(б). Но в июне того же года его выследила колчаковская контрразведка, и спустя месяц он был расстрелян.

Патлых Николай Павлович – меньшевик, профессиональный революционер, один из активнейших участников рабочего движения в Красноярске, баллотировался в члены IV Государственной думы. За свою революционную деятельность Патлых по приговору царского правительства оказался в административной ссылке в Сибири. Освобождённый февральскими революционными событиями 1917 г. Николай Павлович осел в Иркутске. Здесь он сразу же выдвинулся в число наиболее активных деятелей буржуазно-демократической революции. После Октябрьского переворота Патлых критически отнёсся к узурпации большевиками политической власти и выступал за коалиционное левое движение. Во время декабрьского 1917 г. антисоветского восстания юнкеров в Иркутске участвовал в переговорах между восставшими и большевиками. 14 декабря, возвращаясь после очередной встречи с красными, Николай Павлович при так и не выясненных до конца обстоятельствах был застрелен.

Патушинский Григорий Борисович – 45 лет в 1918 г., еврей-полукровка по национальности, родился в Сибири, в Канском уезде Енисейской губернии. Его дед и отец (Григорий Яковлевич и Борис Григорьевич Патушинские) принадлежали к одной из самых известных и богатейших купеческих фамилий в Иркутске. Один из братьев Григория Борисовича, по сведениям правой сибирской печати, стал опереточным драматургом, а другой – большевиком, и в 1918 г. был расстрелян белыми («Сибирский голос», Иркутск, №38 за 1918).

Получив высшее образование после окончания юридического факультета Московского университета, Г.Б. Патушинский вернулся в Сибирь, где его назначили на должность мирового судьи в Чите, а потом – судебного следователя. В 1902 г. при производстве следствия по делу об убийстве на Кругобайкальской железной дороге жандармского унтер-офицера Патушинский вскрыл факт истязания жандармскими чинами заподозренных в убийстве рабочих, о чём и довёл до сведения прокурора палаты, следствием чего явилось предание жандармов суду. После этого Патушинскому было предложено занять должность мирового судьи в родном Канском уезде. Однако через несколько месяцев он подал в отставку с государевой службы и вступил в сословие присяжных поверенных Иркутского судебного округа.

Выступления Григория Борисовича в военных судах с протестом против смертной казни (времён столыпинских «галстуков») неоднократно вызывали неудовольствие генерал-губернатора Восточной Сибири Селиванова, и он в 1907 г. выслал Патушинского в г. Балаганск под надзор полиции, где Г.Б. провёл более года. После этого он вернулся обратно в Иркутск и вновь приступил к адвокатской деятельности. Патушинский впервые получил широкую известность во время публичных выступлений, связанных с печально знаменитым Ленским расстрелом, Григорий Борисович вошёл тогда в адвокатскую комиссию по расследованию произошедшей на Лене трагедии. Выступал он защитником также и при рассмотрении некоторых других громких политических дел. В частности, в одно время Патушинский являлся адвокатом знаменитого анархиста (впоследствии известного сибирского красного партизанского командира) Нестора Каландаришвили.

После объявления войны с Германией Григорий Борисович отправился добровольцем на фронт, где в составе 19-го Сибирского стрелкового полка принимал участие как строевой офицер во многих боевых операциях. За боевые заслуги Патушинский получил орден Владимира 4-й степени.

В период Февральской революции Г.Б. оказался в Петрограде, где при его участии был организован сибирский общественный комитет и союз сибиряков-областников, выдвинувший лозунг государственного самоопределения Сибири. Летом 1917 г. Патушинский получил приглашение занять должность прокурора Красноярского окружного суда (именно красноярского, а не иркутского, как многие путают, см. делегатскую карточку участника II Сибирского областного съезда), каковую и принял. В Красноярске Григорий Борисович сблизился с одним из авторитетных сибирских областников *Вл.М. Крутовским*, вместе с которым организовал красноярский отдел Союза сибирских областников. В этот же период Патушинский выступил с рядом заметных публичных лекций об областническом движении в Сибири. В октябре и декабре 1917 г. Г.Б. участвовал в работе двух сибирских областных съездов, где примкнул к объединённой группе кооператоров, представителей земств и городов, каковой группой и избирался на обоих съездах в состав Сибирского областного совета.

Патушинский являлся членом трудовой народно-социалистической партии, но в 1918 г., по словам П.В. Вологодского, по политическим взглядам очень близко примыкал к партии правых эсеров. По мнению некоторых исследователей, Григорий Борисович принадлежал к молодому (третьему) поколению сибирских областников и, по замечанию *Гинса* (весьма пристрастного в некоторых своих суждениях), являлся даже сторонником полного государственного самоопределения Сибири.

В конце января 1918 г. на тайном заседании членов Сибирской областной думы Патушинского назначили министром юстиции во Временном правительстве автономной Сибири под председательством *Петра Дербера*. Сам же Григорий Борисович за несколько дней до этого, во время разгона Сибирской областной думы, был арестован большевиками в Томске и отправлен в красноярскую губернскую тюрьму, где содержался вместе с некоторыми другими думскими «заговорщиками» до самого чехо-эсеро-белогвардейского мятежа. Освобождённый из заключения Патушинский в конце июня того же года прибыл в Омск и через несколько дней занял уготованный ему Сибирской областной думой пост министра юстиции во Временном Сибирском правительстве под председательством *П.В.Вологодского*. Однако в сентябре 1918 г., ввиду весьма осложнившейся политической ситуации, он сгоряча подал в отставку с занимаемого поста, потом несколько раз пытался вновь восстановиться в должности министра, но так и не сумел ничего сделать. Пережил исход из Сибирского правительства двух других своих коллег (правых социалистов) и убийство третьего, а также ещё один роспуск Сибирской областной думы, – но на сей раз уже белыми властями.

После этого Патушинский поселился в Иркутске, в 1919 г. примкнул к земско-эсеровской антиколчаковской оппозиции и осенью того же года вошёл в состав подпольного Политцентра. В декабре 1919 г. являлся одним из руководителей антиколчаковского восстания в Иркутске, а после его победы 5 января 1920 г. Г.Б. возглавил комиссариат юстиции во вновь образованных демократических органах власти. Но в результате захвата в марте того же года Иркутска частями Красной армии Патушинский был отстранён от исполнения своих обязанностей. В мае 1920 г. Григорий Борисович выступал свидетелем на судебном процессе в Омске, организованном большевиками над колчаковскими министрами и их пособниками.

Последующие годы проживал в Москве, сумел избежать репрессий, видимо, потому, что умер в 1931 году.

Пепеляев Анатолий Николаевич – 27 лет в 1918 г., уроженец города Томска, дворянин, потомственный военный. Окончил Омский кадетский корпус и Павловское военное училище в Петербурге. Участник Первой мировой войны (начал её в звании поручика, закончил – подполковником), полковой разведчик, кавалер семи боевых орденов, в том числе Святого Георгия Победоносца 4-й степени, был также награждён Георгиевским золотым оружием за храбрость и личное мужество, удостоился чести быть поздравленным телеграммой государя-императора Николая II. После Октябрьской социалистической революции в конце 1917 г. в ходе демобилизации старой армии вернулся в Томск, принял активное участие в организации антибольшевистского вооруженного подполья в городе, исполнял обязанности начальника штаба объединённой городской организации. Участвовал в уличных боях с красногвардейцами 29 мая 1918 года.

В июне того же года, в ходе развёртывания операции по свержению советской власти на территории Западной Сибири, Анатолия Николаевича назначили командиром 1-го Средне-Сибирского корпуса Западносибирской (потом Сибирской) армии. Участвовал в боях с отрядами Красной армии на территории Средней и Восточной Сибири, а также в Забайкалье. Вместе с чехом *Гайдой* руководил основными боевыми операциями в этих районах. В июле ему было присвоено звание полковника. Данная

летняя кампания закончилась в Забайкалье в конце августа месяца полным разгромом красноармейских частей. Здесь войска Средне-Сибирского корпуса встретились с местным повстанческим отрядом атамана *Семёнова* и чехословацкими частями генерала *Дитерихса*, пришедшими с боями навстречу сибирякам из Владивостока.

В сентябре того же года указом Временного Сибирского правительства за успешное осуществление операции по разгрому войск Центросибири полковник Пепеляев получает звание генерал-майора и становится, таким образом, не только самым молодым (27 лет), но и самым знаменитым генералом Сибири (сибирские ребятишки играли тогда в Пепеляева, как потом советские дети – в Чапаева). Вернувшись на некоторое время со своим корпусом в Томск, Анатолий Пепеляев участвовал в подавлении общесибирской забастовки железнодорожников, а также во время сентябрьского правительственного кризиса оказывал поддержку томскому губернскому комиссару Гаттенбергеру в его противостоянии с эсерами, членами Сибирской областной думы.

Осенью того же 1918 года 1-й Средне-Сибирский корпус перебросили на Северный Урал. 24 декабря в результате успешно проведённой 2-месячной операции войска генерала Пепеляева захватили крупный промышленный центр – город Пермь. Указом верховного правителя адмирала Колчака за эту первую крупную победу сибирских войск на Восточном фронте Анатолию Пепеляеву было присвоено очередное воинское звание генерал-лейтенанта и вручён орден Святого Георгия 3-й степени. Зимой и весной 1919 г. 1-й Средне-Сибирский корпус (с апреля – Северная группа Сибирской армии) провёл ещё одну, но уже последнюю успешную операцию по разгрому частей Красной армии на территории Вятской губернии. Город Глазов, который сибиряки заняли 2 июня 1919 г., оказался последним стратегическим рубежом, до которого удалось дойти войскам адмирала Колчака.

В июне после отставки со своего поста генерала Гайды Анатолия Пепеляева назначили на освободившуюся должность командира Сибирской армии, переименованной в июле в 1-ю армию Восточного фронта, а потом в 1-ю Сибирскую армию. Отступив через Пермь и Екатеринбург к Тобольску, армия генерала Пепеляева в течение длительного периода осуществляла оборону данного района от наступающих частей 3-й Красной армии, всеми силами пытаясь не пустить большевиков обратно в Сибирь. Однако усталость добровольцев, а также массовое дезертирство призванной по мобилизации 18-летней молодёжи вскоре сказались на боевом духе армии, и она в конечном итоге проиграла битву за Тобольск. После чего полки 1-й Сибирской армии отвели в резерв, в район Новониколаевска, Томска и Красноярска. Эта вынужденная мера была связана ещё и с тем, что колчаковская контрразведка выявила факты укрывательства в частях Пепеляева некоторых оппозиционных эсеровских функционеров, находившихся при армейских штабах и якобы готовивших заговор против верховного правителя. И данные факты действительно вскоре подтвердились.

В начале декабря 1919 г. на станции Тайга, в то время Томской железной дороги, произошли события, которые могли в корне повлиять на дальнейшее развитие ситуации в Сибирском регионе. По приказу Анатолия Пепеляева был арестован главнокомандующий колчаковскими войсками консервативно настроенный генерал Сахаров. В то же самое время на ст. Тайга прибыл из Иркутска старший брат А. Пепеляева – *Виктор,* недавно назначенный на пост председателя колчаковского правительства. Оба брата в тот же день предъявили адмиралу Колчаку, также находившемуся на ст. Тайга, жесткий ультиматум: назначить нового главнокомандующего с более демократическими политическими взглядами это первое. Второе – срочно созвать Сибирский Земский собор из представителей от умеренных революционных партий, от областнического движения, а также от местного самоуправления, для того чтобы получить, в первую очередь, санкцию на формирование сибирского народного ополчения, призванного сдержать наступление красных войск и обеспечить тем самым провозглашение на территории Сибири и Дальнего Востока не зависимой от большевистской России автономной республики, с истинно демократическими институтами власти. Верховному правителю предложили сутки на размышление, после чего братья Пепеляевы пригрозили перейти к самым решительным действиям.

Однако, когда срок ультиматума истёк, запал заговорщиков почему-то быстро иссяк, и они не решились арестовать верховного правителя, отказавшего им, а вместе с ними и всему демократическому сообществу Сибири в созыве Земского собора. Премьер-министр В. Пепеляев покорно прицепил свой вагон к железнодорожному составу Колчака, да так и ехал у него на хвосте до самого Иркутска, где он вместе с адмиралом был арестован и 7 февраля расстрелян по негласному указанию из Москвы. А генерал Пепеляев, узнав, что главнокомандующим колчаковских армий назначен популярный в войсках *Владимир Каппель*, убыл из Тайги в родной Томск, откуда он, спустя две недели, что называется, еле-еле унёс ноги, спасаясь от охватившего город большевистского вооруженного восстания.

Доехав с остатками томского добровольческого полка по железной дороге до Красноярска, Анатолий Пепеляев намеревался вновь объединить под своей командой силы 1-й Сибирской армии, но

неожиданно заболел тифом и слёг в госпиталь. Остатки пепеляевской «армии» перешли под команду генерала Зиневича, который в начале января 1920 г. объявил о переходе белых сибирских полков на сторону эсеровско-земского Политцентра, поднявшего антиколчаковский мятеж в Иркутске. Вскоре в Красноярск вошли части 5-й Красной армии, полностью разоружили не оказавших им никакого сопротивления белых сибиряков. А их легендарного командира генерала Пепеляева спасло тогда от ареста только то, что его тайно вывезли на восток в санитарном поезде братья чехословаки.

Добравшись таким образом до Забайкалья и там оправившись от тяжелого недуга, Анатолий Николаевич пытался создать собственный партизанский отряд для борьбы с красными, но, узнав, что здесь всё делается по воле и на деньги негласных хозяев этого края – японцев, молодой генерал окончательно оставил службу и отбыл вместе с семьёй в Харбин. По другой версии, бывшие товарищи по белому движению из числа добравшихся до Забайкалья остатков колчаковских войск не смогли простить генералу Пепеляеву тот инцидент на ст. Тайга и, приклеив к нему ярлык эсеровского «прихвостня», вынудили подать в отставку.

Находясь в Харбине, Анатолий Пепеляев долгое время отказывался от различного рода поступавших к нему предложений на предмет продолжения вооруженной борьбы с большевиками, сколотил из нескольких своих сподвижников по бывшей Сибирской армии трудовую артель и занимался частным извозом. По-прежнему ощущая себя белой вороной в среде разношерстных эмигрантских кругов, Анатолий Николаевич в период недолгого харбинского забвения близко сошёлся с зачинателем идей сменовеховства, позже переродившихся в идеологию национал-большевизма, – философом *Николаем Устряловым*. Последний, как известно, считал, что большевики, как редиска, только снаружи красные, а внутри – точно такие же белые националисты и приверженцы русского имперского мышления.

Но, однако, «не вынесла душа поэта» вынужденного забвения, да и старые эсеровские связи вскоре дали о себе знать. Летом 1922 г. на отставного тридцатилетнего генерала вышел известный эсеровский функционер *Пётр Куликовский* и предложил Анатолию Пепеляеву собрать во Владивостоке под крылом белого правительства во главе с воеводой *Дитерихсом* так называемую Сибирскую добровольческую дружину, морем переправиться в посёлок Аян, откуда начать наступление на Якутск и дальше – в глубь сибирской территории, охваченной крестьянскими восстаниями. В этот якутский поход, начавшийся осенью того же 1922 г., генерал Пепеляев взял многих, оставшихся к тому времени в живых ближайших своих сподвижников по 1-му Средне-Сибирскому добровольческому корпусу. Однако эта операция полностью провалилась, и в июне 1923 г. в блокированном красными частями Аяне Пепеляев без боя сдался советскому комдиву *Вострецову*.

В январе 1924 г. в Чите состоялся суд над участниками якутской экспедиции, и Анатолий Пепеляев был приговорён к высшей мере наказания – расстрелу. Однако в результате ходатайства о помиловании на имя председателя ВЦИК Калинина, смертный приговор заменили 10 годами тюрьмы. Выйдя на свободу в 1936 г., Анатолий Николаевич поселился в г. Воронеже, работал столяром и подал заявление в местный пединститут, желая приобрести самую мирную профессию – учителя. В то же самое время он попал в поле зрения шефа НКВД Генриха Ягоды, последний вызвал бывшего сибирского генерала в Москву, видимо, с целью вербовки его для очередной провокации в белоэмигрантских кругах. Однако вскоре самого Ягоду, прозевавшего заговор красных маршалов, Сталин заменил на Ежова. А при этом кровавом карлике «полетели в топку» большевистского паровоза, как известно, не только советские маршалы и генералы, но и многие тысячи оппозиционно настроенных к советской власти, но в своё время прощённых ею участников революции и Гражданской войны. В их числе оказался и Анатолий Пепеляев. В августе 1937 г. его вновь арестовали, доставили в новосибирский следственный изолятор и 14 января 1938 г. расстреляли по трафаретному обвинению – в создании контрреволюционной организации.

Имя Анатолия Пепеляева при советской власти подверглось полному забвению... Ну как же – белогвардейский генерал, да сочувствующий правым эсерам (а эту партию большевики, кажется, ненавидели порой даже больше, чем кадетов), да ещё и имевший какое-то отношение к движению сибирских областников-автономистов. Только в перестроечные годы запретное табу удалось снять, 20 октября 1989 г. решением прокуратуры Новосибирской области Анатолий Николаевич Пепеляев был полностью реабилитирован. 15 июля 2011 г. на кладбище посёлка Бактин в Томске появились символические мемориальные могилы двух генералов – отца и сына Пепеляевых Николая и Анатолия. На торжественной церемонии присутствовал правнук Анатолия Николаевича – Виктор.

В архиве Гуверовского института США до сих пор хранятся неопубликованные дневники этого нашего земляка, некогда одного из самых знаменитых героев Гражданской войны в Сибири.

Пепеляев Виктор Николаевич – 34 года в 1918 г., старший брат Анатолия Пепеляева, родился в г. Нарым Томской губернии, окончил Томский государственный университет, сначала юридический, а

потом исторический факультет. Работал преподавателем гимназии в Бийске, тогда же был избран депутатом Государственной Думы IV созыва. Видный деятель кадетской партии, член её ЦК, в 1918 г. стал председателем восточного отделения партии (лидер сибирских кадетов). Являлся одним из активных организаторов колчаковского переворота в Омске, занимал должности товарища (заместителя) министра внутренних дел и начальника департамента милиции в правительстве Колчака. Пепеляев старший несёт прямую ответственность за многие акты расправ над мирным населением Сибири в период Гражданской войны и, видимо, поэтому, как и Колчак, до сих пор не реабилитирован. Весной 1919 г. Виктор Николаевич занял пост министра внутренних дел, а с 22 ноября того же года – председателя совета министров колчаковского правительства, сменив на этом посту *П.В. Вологодского*. Был арестован в Иркутске в январе 1920 г. по решению эсеровского Политцентра и расстрелян 7 февраля того же года вместе с Колчаком по распоряжению большевистского военно-революционного комитета.

Перелешин Лев Николаевич – 24 года в 1918 г., уроженец г. Москвы, по образованию юрист, во время Первой мировой войны был мобилизован в армию, получил звание подпоручика, с 1915 г. проходил службу в одном из запасных полков Томска. Проживал на улице Почтамтской (теперь пр. Ленина)-19. После свержения самодержавия вступил в партию эсеров, вошёл в состав Совета офицерских депутатов томского гарнизона. Осенью 1917 г. его избрали гласным Томской городской думы по списку ПСР. В декабре того же года Лев Николаевич участвовал в работе II Сибирского областного съезда. После разгона большевиками Всероссийского Учредительного собрания и Сибирской областной думы Перелешин вступил в ряды томской офицерско-эсеровской подпольной организации. В марте того же года его арестовали по делу о краже винтовок с одного из военных складов, но вскоре освободили.

В конце мая Лев Николаевич принял активное участие в вооруженном антисоветском мятеже в Томске. А после изгнания большевиков из города за его подписью, как комиссара Временного Сибирского правительства, выходили первые распоряжения новой власти. Вскоре Перелешина назначили политкомиссаром формировавшейся Томской добровольческой дивизии, а после того, как институт политкомиссаров был ликвидирован, он перешёл на службу в структуры Томского губернского земства.

Пигнатти Василий Николаевич – 41 год в 1918 г., из семьи обрусевших одесских греков, окончил юридический факультет Петербургского университета, учился в одной группе с А.Ф. Керенским. После революции 1905 г. за участие в эсеровском движении был сослан в Тобольск, где до 1917 г. вёл успешную адвокатскую практику, попутно занимаясь этнографическими и краеведческими исследованиями; как археолог-любитель Василий Николаевич производил раскопки бывшей татарской столицы Сибири – Искера (Кучумова городища).

После Февральской революции 1917 г. Временное правительство назначило Василия Пигнатти на должность Тобольского губернского комиссара (губернатора), именно при нём в городе на протяжении целого года (с весны 1917-го по весну 1918-го) содержалась под домашним арестом царская семья. После установления в марте 1918 г. советской власти в Тобольске Василий Николаевич был отстранён от занимаемой должности. Однако в ходе антисоветского мятежа летом того же года его вновь назначили, только теперь уже распоряжением Временного Сибирского правительства, губернским комиссаром. При Колчаке он также сохранил свою должность в ранге управляющего Тобольской губернией. После разгрома белого движения на территории Сибири Василия Николаевича арестовали особисты 3-й Красной армии, обвинили в расправе в октябре 1918 г. над восставшими заключёнными городской тюрьмы и в 1920 г. расстреляли.

Пишон Ф. – в 1917-1918 г. майор французской армии, племянник министра иностранных дел Франции Стефана Пишона, сотрудник французской военной разведки. В конце 1917-го – начале 1918 гг. посетил ряд крупных городов Сибири, и в частности Томск, где встречался с политиками антибольшевистского толка, после чего составил о своей поездке подробный отчёт, в котором дал подробную характеристику силам, потенциально претендовавшим на совершение антисоветского переворота в регионе. Главный вывод его аналитической записки состоял в том, что вооруженные группы сибирской оппозиции не способны будут самостоятельно справиться с большевиками, поэтому им в этом необходимо каким-то образом помочь из-за рубежа.

Плешков Михаил Михайлович – 62 года в 1918 г., уроженец Сибири, генерал от кавалерии (так называемый полный генерал – высшее воинское звание в русской императорской армии), во время Первой мировой войны командир 1-го сибирского армейского корпуса. В конце 1917 г. был отстранён большевиками от занимаемой должности из-за отказа выполнять распоряжения Совета народных комиссаров о прекращении боевых действий в отношении Германии. В начале 1918 г. перебрался в Харбин, где совместно с генералом *Хорватом* занимался формированием вооруженных отрядов Добровольческой армии Дальнего Востока, но больших успехов на этом поприще не добился. После

создания подконтрольной правительству *Вологодского* Сибирской армии оставил действительную военную службу и ушёл в отставку по возрасту. Некоторое время спустя он возглавил одно из белогвардейских военных училищ во Владивостоке. После краха белого движения эмигрировал в Харбин, где и умер в 1927 г.

Полюгов Михаил С. – правый эсер, делегат декабрьского (1917 г.) Сибирского областного съезда, выдвигался эсеровской фракцией съезда в члены Временного Сибирского областного совета (по сути, первого правительства автономной Сибири), но не был утверждён. В ночь на 30 марта 1918 г. его арестовали по делу о краже винтовок со склада 39-го запасного полка, но вскоре отпустили. Дальнейшая его судьба по историческим источникам не прослеживается.

Полюдов Евгений Венедиктович – 31 год в 1918 г., из сибирских казаков, по профессии – учитель, с 1907 г. социал-демократ (меньшевик-интернационалист), в годы Гражданской войны вступил в партию большевиков. После Февральской революции 1917 г. Полюдов руководил исполкомом совета депутатов Сибирского казачьего войска. Летом 1918 г. в ходе бело-чехословацкого мятежа в составе красноармейского отряда Евгений Венедиктович участвовал в боях у станции Марьяновка. Когда 7 июня красные оставили Омск и отступили к Тюмени, Полюдов остался в городе, был арестован белогвардейцами, потом бежал и работал в большевистском подполье. После освобождения Омска частями Красной армии его назначили председателем сначала городского, а потом губернского ревкома. В 1920 г. он временно исполнял должность председателя Омского губисполкома. В 1921 г. в ходе подавления западносибирского крестьянского восстания Полюдов командовал южной группой войск карательной экспедиции. В 1923 г. Евгения Венедиктовича перевели в Москву, где он работал на ответственных должностях в правительственных структурах. В 1937 г. за «участие в контрреволюционно-террористической организации» его арестовали и в том же году расстреляли. Полностью реабилитирован в 1956 г.

Попов Константин Андреевич – 42 года в 1918 г., родился в Омске в семье мелкого чиновника канцелярии Степного генерал-губернаторства, меньшевик-интернационалист, доктор исторических наук, профессор. Образование высшее, окончил Омскую гимназию и юридический факультет Дерптского (теперь Тарту) университета. В период учёбы увлёкся революционными идеями, и по приезду в Петербург, куда его определили на работу, Константин Попов сразу же вошёл в контакт с политическими нелегалами. За это в 1898 г. он был арестован и почти год провёл в Петропавловской крепости. Сосланный в Вятскую губернию на поселение, он и там не успокоился, продолжая заниматься антиправительственной деятельностью, так что окончание срока досиживал уже в якутской ссылке. В 1905 г. Попов освободился и вернулся в родной Омск. Здесь он вступил в местную организацию РСДРП, став не только одним из самых активных её членов, но и наиболее образованным и теоретически подкованным партийным работником. Вследствие чего он в 1907 г. участвовал в работе V Лондонского съезда РСДРП. А с 1910 г. Константин Андреевич становится признанным лидером омской партийной организации, стараясь всеми силами, несмотря на наметившийся раскол в партии, объединить местных большевиков и меньшевиков в едином русле политической борьбы.

После Февральской революции Константин Попов сразу же возглавил Омский совет рабочих и солдатских депутатов, а также вновь подтвердил свои полномочия председателя объединённой социал-демократической организации города. Осенью 1917 г. Константин Андреевич был избран ещё и гласным (депутатом) Омской городской думы. Во время ноябрьского юнкерского мятежа в городе, явившегося ответом на Октябрьский переворот в Петрограде, Константин Попов занял сторону советской власти и выступил на защиту завоеваний социалистической революции. Однако сразу же после подавления мятежа большевики организовали перевыборы руководства городского совдепа, в результате чего его председателем вместо меньшевика Попова стал большевик В. Косарев. В этот же период Константин Андреевич перестал возглавлять и объединённую организацию РСДРП в Омске, поскольку она окончательно распалась на две группы – большевиков и меньшевиков.

В январе 1918 г., по некоторым сведениям, Константин Попов был избран от совета профсоюзов Омска членом Сибирской областной думы. Но она так и не смогла проработать ни одного дня вследствие разгона её большевиками. В том же январе месяце те же самые большевики, только теперь уже омские, распустили и местную городскую думу. Константин Андреевич высказался тогда категорически против такого рода мероприятий, публично заявив через печать, что роспуск всенародно избранных органов местного самоуправления является ударом по одному из самых главных завоеваний русской революции.

Во время эсеро-чехо-белогвардейского антисоветского мятежа в июне 1918 г. Попов, как и многие другие меньшевики, не пытался сбежать вместе с большевиками из осаждённого Омска, полагая, видимо, что на смену диктатуре коммунистов к власти в Сибири придут демократично настроенные политики, в том числе и из лагеря умеренных социалистов, к которым меньшевики относили и себя.

Однако Константин Андреевич, как, впрочем, и остальные его товарищи, ошибся в своих прогнозах, вследствие чего сразу же после занятия Омска войсками победившей правой оппозиции он был арестован. Сначала содержался в местной тюрьме, а потом в «эшелоне смерти» его отправили на восток, но по дороге он сбежал и в Иркутске примкнул к местному подполью.

Здесь в декабре 1919 г. Попов принял активное участие в вооруженном антиколчаковском мятеже, организованном так называемым Политцентром, состоявшим из политиков как раз умеренно левых взглядов. В результате победы восстания 5 января 1920 г. Константин Андреевич возглавил специально созданную при комиссариате юстиции Политцентра чрезвычайную следственную комиссию для расследования деятельности арестованных в Иркутске членов колчаковского правительства. Спустя 10 дней, вечером 15 января, в распоряжение ЧСК поступили два самых главных подследственных: председатель колчаковского правительства *В.Н. Пепеляев*, а также сам бывший теперь уже верховный правитель России адмирал А.В. Колчак. Так что именно Константин Попов вёл первые допросы некогда, казалось, абсолютно несокрушимого военного диктатора и его первого министра. Однако уже спустя несколько дней власть в Иркутске от земско-областнического Политцентра перешла в руки большевиков, и председателем чрезвычайной следственной комиссии был назначен вместо Попова коммунист *Самуил Чудновский*. 17 февраля того же года комиссариат юстиции Политцентра, равно как и его следственную комиссию, распустили, а функции по борьбе с контрреволюцией передали губернской ЧК, которую *Чудновский* возглавил, а Попов стал его заместителем.

Потом Константина Андреевича перевели в родной Омск на должность сначала заместителя, а потом и председателя губернского исполкома. В 1922 г. его отозвали в Москву в аппарат ЦК партии большевиков (в которую он, по всей видимости, уже вступил к тому времени). В 1925 г. под его редакцией впервые увидел свет крупнейший политический бестселлер тех лет под названием «Допрос Колчака» (что им там было отредактировано – теперь, наверное, одному только богу известно...). В 1928 г. Константин Попов перешёл на преподавательскую работу, сначала трудился в институте красной профессуры, а потом в историко-архивном институте. Умер в Москве в 1949 г.

Постоловский Иван Семёнович – 27 лет в 1918 г., из крестьян Каменец-Подолской губернии, большевик с дореволюционным стажем, участник Первой мировой войны, солдат. После ранения в 1916 г. Постоловского определили в один из запасных полков Иркутска. В 1917-1918 гг. – он активный участник революционных событий, комиссар юстиции в правительстве второй Центросибири, с апреля 1918 г. занимал пост председателя сибирской ЧК. В период антисоветского мятежа летом того же года после оставления советскими войсками Иркутска пытался пробраться в Якутскую область, но по дороге был схвачен кулаками и передан одному из казачьих отрядов. 16 августа 1918 г. Ивана Постоловского казнили (повесили) в Иркутске в роще с экзотическим названием «Царь-девица». Позже, уже в советское время, на этом месте установили памятник большевикам, погибшим от рук белогвардейцев.

Постышев Павел Петрович – 31 год в 1918 г., родился в Иваново-Вознесенске в семье рабочего, большевик с 1904 г. В 1912 г. был сослан в Сибирь на вечное поселение. Активный участник революционных событий 1917 г., занимал должности председателя ревкома в исполкоме 1-й Центросибири и председателя ревтрибунала в совнаркоме Центросибири второго созыва, один из создателей Сибирской ЧК. После антибольшевистского восстания (сибирского бунта) летом 1918 г. отступил с остатками войск Центросибири на Дальний Восток, где принял активное участие в организации красного партизанского движения. После окончания Гражданской войны находился на самых высоких партийных постах сначала в ДВР, а потом в Украине. В 1935 г. Постышева наградили орденом Ленина, но в 1938 г. он подвергся опале и через два года погиб в сталинских застенках.

Потанин Григорий Николаевич **(1835–1920)** – коренной сибиряк, родился на территории современной Семипалатинской области Казахстана, в XIX веке входившей в юрисдикцию Сибирского генерал-губернаторства, в семье офицера Сибирского казачьего войска, окончил Омский кадетский корпус и неполный курс Петербургского университета. Потанин, как его часто называли ещё при жизни, – великий сибирский старец, патриарх сибирского областничества. Он – первый почётный гражданин Сибири, после Чингиз-хана – вторая по значимости личность в истории из числа родившихся на территории нашего края. Место захоронения Чингиз-хана до сих пор никому неизвестно, точно так же и могила Григория Николаевича Потанина едва-едва не затерялась в перипетиях прошедших лихолетий. Но, к счастью, теперь она находится там, где, наверное, и должна была быть изначально, – под сенью могучих сибирских кедров – в роще Томского государственного университета. На этой могиле почти всегда – не более одного-двух весьма скромных поминальных венка, причём, как правило, без указания названия лиц и организаций, сей «великий» дар приносящих. По вполне понятным причинам его могилу никогда не посещают и так называемые официальные лица. Как удалось сибирской и, в частности, томской интеллигенции в пятидесятые годы прошлого века настоять на том, чтобы перенести прах

Потанина с погибавшего под бульдозерами кладбища Иоанно-Предтеченского монастыря (нынешний студенческий городок ТПУ) в Университетскую рощу, – просто уму непостижимо...

Последние 18 лет своей жизни Григорий Николаевич прожил в городе Томске. Сначала снимал квартиру в доме под самой Воскресенской горой, у места основания города, потом – на ул. Преображенской, в районе так называемой «Сибирской слободки» (сейчас это улица Дзержинского), затем – на Дворянской (ныне Гагарина). А в революционном 1917 г. он жил по ул. Белинского-20, на небольшой съёмной квартире, точнее в маленькой комнатке, а по сути хоть и в мирской, но келье, как, впрочем, и положено, видимо, тем немногим, кто – из числа богом избранных для дел, особо значимых. А незадолго до смерти Потанин поселился у давних знакомых – в семье Зобниных – на той же улице Белинского в доме под №56 (сейчас это дом №80), отсюда его и увезли уже смертельно больного в медицинскую клинику Томского университета.

Потанин – крупный этнограф и фольклорист, известный путешественник, внесший весьма существенный вклад в изучение некоторых районов Монголии и Китая, по слухам, искал и почти нашёл могилу Чингиз-хана. Основатель города Верный, ныне Алма-Аты. Обладатель золотой медали Русского географического общества.

Но, в первую очередь, Потанин – один из так называемых отцов-основателей областнического движения в Сибири, его патриарх. Вместе с *Николаем Ядринцевым*, на основании идей великого русского анархиста Бакунина и работ казанского профессора *Щапова*, Григорий Николаевич разработал основные положения теории культурной, экономической и политической автономии Сибири в рамках единого Российского государства, став после этого лидером, главным теоретиком и идеологом областнического движения в Сибири. В дни молодости, а также в период Первой русской революции Потанин, по некоторым сведениям, являлся также и членом народнической партии (партии народного социализма, стоявшей, однако, скорее на левобуржуазных, нежели на правосоциалистических позициях), что в период второй русской революции, а также Гражданской войны позволило представителям как правых (кадеты), так и левых (эсеры) партий спекулировать его именем, заочно зачисляя Григория Николаевича или в число своих сторонников, или даже порой и в свои партийные ряды.

В 1917-1918 гг. Потанин являлся почётным председателем на всех сибирских областных съездах и формально возглавлял все административные, а также политические органы, избиравшиеся на этих революционных форумах. Под влиянием своего ближайшего окружения, прежде всего *Адрианова* и *Гаттенбергера*, Потанин в категорически негативном тоне высказывался в тот период о большевиках, которые, несмотря на все его выпады, чаще всего прощали Григория Николаевича, учитывая его преклонный возраст (83 года в 1918 г.), а также поистине легендарный авторитет в кругах сибирской общественности. Умер Григорий Николаевич в Томске 30 июня 1920 г. и сейчас покоится на сибирском «Акрополе» – на одной из городских возвышенностей, близ стен сибирского «Парфенона» – главного корпуса Томского государственного университета, первого в Сибири храма науки, под раскидистыми кронами сказочно могучего и вечнозелёного сибирского кедра.

Прохоров-Кондаков Сергей Кондратьевич – около 25 лет в 1918 г. Студентом 4 курса юридического факультета Томского университета его мобилизовали на фронт Первой мировой войны, дослужился до звания поручика. Вернувшись в начале 1918 г. домой по демобилизации из действующей армии, он вступил в томскую подпольную антибольшевистскую организацию. В конце мая того же года во время вооруженного выступления оппозиции Сергея Кондратьевича тяжело ранили в голову, после чего он оказался в плену у большевиков. По одной из версий, Прохоров-Кондаков 29 мая подвозил на телеге оружие к штабу восстания, располагавшемуся в здании учительского института, но натолкнулся на сторожевой пост красных, принял неравный бой, в результате которого получил тяжелое ранение и попал в руки врага. Через несколько дней, когда советская власть в Томске окончательно пала, его тело было найдено с выколотыми глазами и многочисленными штыковыми ранами. 2 июня при большом стечении народа в кафедральном соборе Томска произошло отпевание покойного и его похороны.

Пучков Иван Петрович – член партии правых эсеров, до 1917 г. работал инженером в Томске, после Февральской революции вошёл в состав редакции газеты «Голос свободы», являвшейся печатным органом Томского губернского комитета общественного порядка и безопасности. В конце октября того же года он был избран гласным (депутатом) Томской городской думы, потом вошёл в состав городской управы и, наконец, занял в ней должность городского головы (мэра). В январе 1918 г. Иван Петрович подал в отставку со своего поста в знак протеста против разгона большевиками Учредительного собрания и установления ими однопартийной диктатуры в Сибири, и в Томске в частности. Летом того же года после свержения советской власти Пучков вновь стал исполнять обязанности городского головы Томска. Однако уже в августе он вторично подал в отставку в знак протеста в связи с указом правительства *П.В. Вологодского* (одобренного, между прочим, и министром внутренних дел этого

правительства, народным социалистом и областником Вл.М. Крутовским) о выводе муниципальной милиции из подчинения городскому самоуправлению и о передаче её в ведение министерства внутренних дел Временного Сибирского правительства.

Ракин Авенир Сергеевич – сибиряк, из семьи бывшего бухгалтера, а потом преподавателя Барнаульского реального училища, в 1917 г. штабс-капитан 24-го запасного Сибирского стрелкового полка, расквартированного в Барнауле. В 1918 г. Авенир Сергеевич стал руководителем барнаульской подпольной эсеровско-офицерской антибольшевистской организации. Вооруженная группа Ракина в ночь на 11 июня 1918 г. подняла мятеж в Барнауле, который, однако, вскоре был подавлен. После освобождения города чехо-белогвардейскими войсками штабс-капитан Ракин занял должность коменданта, а потом – начальника гарнизона Барнаула. Его брат, Леонид Сергеевич, возглавлял в это время местную уездную милицию. В начале 1919 г., по обвинению в превышении должностных полномочий и в систематическом пьянстве штабс-капитана Ракина сняли с должности начальника гарнизона и назначили начальником военного контроля там же, в Барнауле. Дальнейшая судьба неизвестна.

Ринчино (Ринчинов) Элбек-Доржи Ринчинович – 30 лет в 1918 г., родился в Забайкалье, в кочевом урочище, выдающийся деятель бурятского национально-возрожденческого движения, меньшевик. В 1906 г. во время учёбы в Верхнеудинском реальном училище вошёл в местную организацию РСДРП, которой руководил большевик Борис Шумяцкий (будущий первый председатель ВЦИКа Сибири). В 1908 г. после окончания экстерном Томской мужской гимназии Ринчино поступил на юридический факультет Петербургского университета. Во время учёбы совместно с Н. Амагаевым занимался доработкой и совершенствованием бурятского алфавита. В 1915 г. он вернулся в Сибирь, участвовал в научной экспедиции в Монголию, работал в системе кооперации.

После Февральской революции 1917 г. вошёл в состав Бурятского национального комитета Восточной Сибири, а потом стал его председателем, участвовал в процессе установления советской власти в Забайкалье, а также в организации национальных отрядов Красной гвардии, имел отношение и к сибирскому областническому движению. В январе 1918 г. на нелегальном заседании членов разогнанной большевиками Сибирской областной думы в Томске его назначили министром народного просвещения во Временном правительстве автономной Сибири. В результате свержения советской власти летом 1918 г. он стал одним из руководителей небольшого красного партизанского отряда в Забайкалье. В 1920 г. в ходе окончательного разгрома белых войск Ринчино начал активно сотрудничать с большевиками, принимал участие в становлении советской власти не только в родном Забайкалье, но и в Монголии. Спустя некоторое время его назначили секретарём Монголо-Тибетской секции дальневосточного секретариата Коминтерна; учился, а потом сам преподавал в Коммунистическом институте трудящихся востока. В 1937 г. Элбек Ринчино был арестован ОГПУ и летом следующего года расстрелян. Реабилитирован в 1957 году.

Рогов Григорий Федорович – 35 лет в 1918 г., зажиточный крестьянин села Жуланиха (недалеко от Бийска) в то время Барнаульского уезда Томской губернии. Участник русско-японской и Первой мировой войн, за храбрость был награждён солдатским Георгиевским крестом и произведён в фельдфебели. В ходе Февральской революции 1917 г. вступил в партию эсеров, но во время Гражданской войны перешёл на позиции анархистов. В период диктатуры большевиков в начале 1918 г. являлся членом Алтайского губсовета, работал в его земельном отделе.

После ликвидации советской власти в результате бело-чешского мятежа Григорий Фёдорович перешёл не нелегальное положение, скрывался в тайге; семья Рогова (жена и пятеро детей) была выдана местным попом и подверглась репрессиям со стороны белогвардейцев. В начале 1919 г. Григорий Рогов создал партизанский отряд из двадцати человек таких же преследуемых новой властью изгоев, но вскоре значительно пополнившийся за счет местного крестьянства и достигший значительных размеров. Летом того же года к его группе присоединилась повстанческая бригада анархиста Ивана Новосёлова, под влиянием агитации которого и сам Рогов вскоре перешёл на позиции анархо-синдикализма. В конце 1919 г. данное партизанское соединение освободило от войск адмирала Колчака города Кузнецк (Новокузнецк) и Щегловск (Кемерово). По приказу командования Красной армии Рогов должен был после этого выдвинуться со своими повстанцами в район Мариинска наперерез отступающим белогвардейским частям, но приказа не выполнил, а направился в Кольчугино (теперь Ленинск-Кузнецкий), освобождённый уже к тому времени партизанским отрядом Шевелёва. Здесь его подчинённые устроили очередной погром с многочисленными жертвами среди местного населения, особенно из числа зажиточных граждан, а также бывших чиновников, офицеров и служителей культа.

В организации этих преступлений большевики обвинили командиров партизанского соединения, в том числе и самого Рогова. 26 декабря 1919 г. его арестовали, а его отряд разоружили. Содержался

Григорий Фёдорович в подвалах новониколаевской губчека, где подвергался избиению на допросах; по замечанию некоторых комментаторов, отношение к роговцам «было строже, чем к бывшим колчаковцам». В феврале 1920 г. Рогова по просьбе партизанских командиров Мамонтова, Громова и Ворожцова освободили из-под стражи и даже премировали достаточно крупной суммой денег за его партизанские подвиги. Но, несмотря на все задабривания, вернувшись в родную Жуланиху, Григорий Фёдорович в мае того же года вновь попытался поднять своих бывших боевых товарищей на вооруженную борьбу, только на сей раз уже не с белыми, а с красными властями. Однако серьёзно повоевать он так и не успел, сразу же после первых операций его немногочисленную группу разгромили чоновцы под командой Матвея Ворожцова (бывшего подчинённого Рогова по партизанскому отряду). Сначала погибла жена Григория Фёдоровича, а потом и его самого в начале июля в одном из сёл по доносу крестьянина окружили местные активисты, и, не желая сдаваться в плен, он застрелился; по другой версии – при попытке вырваться из окружения бывший партизанский командир был убит.

Учтя прошлые заслуги Рогова перед революцией, его всё-таки похоронили по-человечески – в братской могиле с. Хмелёвка Алтайской губернии. Спустя почти 90 лет, в октябре 2007 г., здесь же установили и мемориальную доску на память потомкам об одном из героев Гражданской войны в Сибири.

Розенберг Давид Иохелевич – 38 лет в 1918 г., по национальности еврей, член партии меньшевиков, одновременно член томского отделения еврейской социалистической партии «Бунд», потом его председатель, в период Февральской революции являлся рядовым 18-го стрелкового томского запасного полка. В революционном 1917 г. активный участник земского движения в Томской губернии, являлся редактором главного печатного органа губернского самоуправления – «Земской газеты» (закрытой большевиками в начале 1918 г.), а потом – «Народной газеты» (издавалась летом 1918 г.), а также журнала «Сибирский вестник Бунда» (последний номер вышел в апреле 1918 г.). В 1917–1918 гг. Розенберг – гласный Томской городской думы, проживал в это время в Томске на ул. Акимовской (ныне Шишкова)-4. В октябре 1917 г. по списку меньшевиков он баллотировался в члены Всероссийского Учредительного собрания по Томскому округу, но не прошёл. Летом 1918 г. Розенберг оказался в лагере противников советской власти, но после разгрома колчаковщины пересмотрел свои взгляды и в начале 1920 г. вступил в коммунистическую партию. Впоследствии занимался научной деятельностью, за что был удостоен звания члена-корреспондента Академии наук СССР. Умер в 1950 г.

Розеншток Исаак Лазаревич – 22 г. в 1918 г., еврей по национальности, эсер, студент-юрист Томского университета. Проживал в тот период: г. Томск, ул. Нечаевская (теперь пр. Фрунзе)-18, кв.2. В октябре 1917 г. он баллотировался в гласные Томской городской думы, но не прошёл. После антибольшевистского переворота в июле 1918 г. Розенштока избрали от Западносибирской профсоюзной конференции членом Сибирской областной думы. Погиб в период колчаковщины.

Романов Василий Романович – 43 года в 1918 г., уроженец Московской губернии, из крестьянской семьи, образование средне-специальное, большевик, член партии с 1903 г., в 1913 г. за революционную деятельность был сослан в Сибирь. По поддельным документам в 1914 г. поселился в Новониколаевске (Новосибирске), занимался кооперативной деятельностью, являлся членом правления кооперативного объединения «Закупсбыт», председательствовал в кооперативном сообществе «Экономия».

После Февральской революции 1917 г. возглавил исполнительное бюро Новониколаевского комитета общественного порядка и безопасности. В январе 1918 г. Василий Романович занял должность председателя Новониколаевского уездного Совета рабочих и солдатских депутатов и одновременно – председателя его исполкома. В июне того же года в ходе бело-чешского мятежа Василий Романов, возвращавшийся из Иркутска с совещания руководителей исполкомов, был арестован на ст. Канск. В период колчаковщины содержался в сибирских тюрьмах, расстрелян белыми 7 декабря 1919 г. в Новониколаевске, накануне освобождения города частями наступающей Красной армии.

Романовский С. – поляк по национальности. В 1918 г. член Сибирской областной думы, в январе во время предварительных совещаний его избрали председателем фракции национальностей. После разгона Думы большевиками на одном из тайных заседаний её членов он был назначен секретарём СОД.

Рудаков Михаил Петрович – 27 лет в 1918 г., уроженец Пермской губернии, проживал в Сибири с пятилетнего возраста, образование – неоконченное высшее, прапорщик царской армии, член партии эсеров (центрист-интернационалист по своим политическим взглядам). В марте революционного 1917 г., распоряжением губернского комитета общественного порядка и безопасности, он был назначен комиссаром по делам Томского уезда. В апреле того же года Михаил Петрович исполнял обязанности председателя Томского уездного народного собрания, а потом, указом уже Временного Всероссийского правительства, его назначили на должность комиссара Томского уезда, затем избрали председателем

Томской уездной земской управы, но в декабре того же года он сложил с себя эти полномочия в связи с тем, что стал членом Томской губернской земской управы, возглавив её сельскохозяйственный отдел и исполняя одновременно обязанности заместителя председателя управы.

В августе всё того же революционного 1917 г. Михаил Петрович участвовал в работе Сибирской областнической конференции и был избран в состав Центрального областного комитета. В октябре и декабре того же года Рудаков в качестве делегата принимал участие в работе I и II Сибирских областных съездов. Проживал в тот период в Томске по улице Тверской-42. В начале 1918 г. он становится членом Сибирской областной думы (СОД) от Томской губернской земской управы. После разгона Думы большевиками Михаил Петрович принял участие в нелегальном совещании части членов СОД, более того, по некоторым сведениям, он стал инициатором предложения о проведении этого совещания в стенах уездной земской управы, которую он некогда возглавлял. В середине марта, в результате роспуска большевиками губернской управы, Рудаков вместе с некоторыми другими членами данного земского органа вошёл в состав экономического совета по управлению хозяйством Томской губернии. В конце марта он попал под арест по подозрению в организации похищения оружия с одного из городских военных складов, однако вскоре его освободили за недоказанностью выдвинутых против него обвинений.

В июне того же 1918 г. года, после победы антибольшевистского восстания, Западно-Сибирским комиссариатом Сибирского правительства Михаил Рудаков был назначен на должность начальника административного отдела этого комиссариата. После расформирования Комиссариата в июле 1918 г. вследствие назначения *Николая Ульянова* томским губернским комиссаром Рудаков временно занял его должность председателя Томской губернской земской управы. В августе Михаил Петрович принял участие в работе состоявшейся, наконец, сессии Сибирской областной думы. Дальнейшую его судьбу нам, к сожалению, отследить не удалось. Предположительно, в ноябре-декабре его, как офицера, мобилизовали в колчаковскую армию.

Русанов Александр Николаевич – 37 лет в 1918 г., уроженец Брянского уезда Орловской губернии, из семьи земского врача, окончил физико-математический факультет Петербургского университета, по политическим взглядам – народный социалист. Сразу же по получении высшего образования добровольно переехал на Дальний Восток. Поселился в Хабаровске, зарабатывал на жизнь главным образом преподавательской деятельностью; на общественных началах участвовал в работе различных просветительских организаций, заведовал библиотекой, активно занимался краеведением, печатался в местных, а также в центральных периодических изданиях. С 1912 г. – в легальной политике. В том году Александр Николаевич был сначала избран в число выборщиков (то есть представителем от той части простого народа, который не имел права прямого голоса на выборах), а вслед за этим и членом IV Государственной думы от Приморья. В Думе Русанов примкнул к фракции трудовиков, состоявшей из депутатов от крестьян и представителей трудовой интеллигенции, выступавших за проведение радикальных демократических реформ, а также являлся членом Сибирской депутатской группы (14 человек).

После Февральской революции 1917 г. Александр Русанов сблизился с эсерами и в результате получил назначение от Временного правительства на должность комиссара по Дальнему Востоку. Сознавая наметившуюся в тот период тенденцию к децентрализации бывшей Российской империи – «тюрьмы народов», где кандидатура даже самого мелкого волостного начальника всегда требовала утверждения в вышестоящих инстанциях, Александр Николаевич вынашивал проект создания на Дальнем Востоке института Краевой думы (по типу Сибирской областной думы), которая состояла бы из представителей местного самоуправления и была наделена независимыми распорядительными, а также и некоторыми законодательными функциями для решения насущных местных проблем. Все наработанные предложения планировалось передать на утверждение Всероссийского Учредительного собрания, однако дальнейший ход событий 1917 г. помешал этому. И основным препятствием на том пути стала Октябрьская революция, после которой к власти на Дальнем Востоке пришли большевики и ведомые ими Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Пытаясь каким-то образом противостоять складывавшейся не в пользу земского самоуправления ситуации, Александр Русанов 11 декабря собрал в Хабаровске съезд земств и городов Дальнего Востока, на котором удалось сформировать Временное бюро земств и городов во главе с правым эсером М.И. Тимофеевым. Данному Бюро, собственно, Русанов и передал свою власть над регионом, а также призвал население и все административные структуры выполнять распоряжения Бюро, но не совдепов. За призыв к неподчинению сразу же по окончании земского съезда Александра Николаевича арестовали по распоряжению главы новой большевистской власти на Дальнем Востоке А.М. Краснощёкова (Абрама Тобельсона).

После своего освобождения из тюрьмы в начале 1918 г. Русанов уехал в китайский Харбин, столицу КВЖД, где принял участие, правда, достаточно скромное, в подготовке антисоветского мятежа в Сибири, а потом и совсем как-то отошёл от политики. После окончания Гражданской войны Александр Николаевич эмигрировал в Шанхай, основал здесь русское реальное училище и долгое время был его директором, преподавал. Умер в 1936 г. здесь же, в Шанхае. Светлая память...

Сазонов Анатолий Владимирович – 57 лет в 1918 г., родился в Москве, образование высшее, окончил Петровско-Разумовскую (сельскохозяйственную) академию. Революционную деятельность начинал ещё в народовольческой среде, за что был сослан в с. Берёзово Тобольской губернии. После освобождения примерно в 1890 г. поселился в г. Саратове, связь с революционным движением не порывал. После окончательного разгрома Народной воли Анатолий Владимирович в начале XX века вступил в партию эсеров, принадлежал к её правому крылу, примыкал к так называемым оборонцам, или, по-другому, – к государственникам. Участник Первой русской революции, в 1908 г. вновь оказался в ссылке, на этот раз в с. Витим Якутской области. В 1916 г. с разрешения властей поселился в Новониколаевске Томской губернии, занялся, как и многие из ссыльных эсеров, кооперативной деятельностью и вскоре вошёл в правление крупнейшего в Сибири кооперативного объединения под названием «Закупсбыт».

После Февральской революции 1917 г. Сазонова избрали заместителем председателя Новониколаевского комитета общественного порядка и безопасности, а потом председателем уездного Совета крестьянских депутатов. В сентябре того же года Анатолий Владимирович стал участником Всероссийского демократического совещания и был избран депутатом Временного совета Российской республики (Предпарламента). Вместе с Николаем Жернаковым, на тот момент новониколаевским уездным комиссаром Временного правительства, Сазонов в начале осени того же года создал так называемую «Инициативную группу социалистов-революционеров», в которую вошли новониколаевские эсеры крайне правого толка, оборонцы-государственники, отколовшиеся от городской и губернской организаций ПСР, занимавших в тот период центристские и даже левоцентристские позиции. Проживал в Новониколаевске на улице Потанина, д.21.

Октябрьскую революцию Анатолий Владимирович категорически не принял и, увидев в областническом движении Сибири реальную альтернативу советской власти, примкнул к нему. Стал участником декабрьского чрезвычайного Сибирского областного съезда и возглавил в период его работы фракцию областников, кооператоров и представителей земских самоуправлений. В первой половине 1918 г. Анатолий Владимирович имел непосредственное отношение к подпольному антибольшевистскому сопротивлению Сибири, обеспечивая в ранге уполномоченного Временного правительства автономной Сибири, вместе с другим видным эсером крайне правого толка Иваном Михайловым, финансовое содействие нелегальной оппозиции со стороны сибирской кооперации.

20 мая того же года, за несколько дней до начала всесибирского вооруженного мятежа, Анатолий Сазонов в составе делегации от новониколаевского подполья участвовал в переговорах с офицерами Чехословацкого корпуса, во время которых были обговорены все детали предстоящего совместного выступления. А 31 мая, после того как восставшая оппозиция захватила Мариинск, Новониколаевск, Канск, Нижнеудинск и Томск, Сазонов в числе нескольких других руководителей подписал обращение к населению Сибири с уведомлением о переходе власти на освобождённых территориях «в руки уполномоченных Временного Сибирского правительства, избранного Сибирской областной думой».

После этого он некоторое время исполнял обязанности новониколаевского уездного комиссара, а с сентября месяца стал активным участником общественно-политического движения Сибири в поддержку правой диктатуры. Данную группу, за которой в ходе многочисленных переименований постепенно закрепилось название «Оборонческий блок», возглавил двадцатидевятилетнийлетний Владимир Куликов – правый эсер, председатель кооперативного объединения Центросибирь (головная контора которого располагалась в столице автономной Сибири – Омске). А помогал ему руководить блоком пятидесятисемилетнийлетний Анатолий Сазонов. Не случайно поэтому, что во время планировавшегося большевиками на 18 сентября 1918 г. вооруженного выступления в Новониколаевске, первыми должны были быть арестованы три человека: уездный правительственный комиссар, комендант города и персонально А.В. Сазонов.

В тот период Анатолий Владимирович официально являлся редактором газеты «Народная Сибирь», но одновременно с этим он сохранял прежнее влияние и в руководящих структурах кооперативного движения. На третьем съезде (август-сентябрь 1918 г.) его избрали председателем совета съездов сибирской кооперации. И хотя съезд большинством голосов высказался за невозможность кооперации действовать в качестве политической организации, а выбранному совету съезд поручил в отношениях с государственной властью выступать только с позиции защиты собственных хозяйственных интересов, тем не менее кооперативный совет под руководством Сазонова сразу же включился в политическую

жизнь, встав на сторону усиливающих свои позиции правых сил. Вследствие чего штаб-квартирой избранного совета стал Омск – столица будущей белой Сибири.

В начале октября здесь же, в Омске, проходила и первая сессия совета Всесибирских кооперативных съездов, на которой десятью голосами против четырёх была принята резолюция, гласившая, что в условиях «когда перед всеми живыми силами страны стоят вопросы борьбы за возрождение государства и создание демократической власти (выделено мной. – О.П.), кооперация не может отказаться от вмешательства в политическую жизнь страны». И вслед за этим сессия, во-первых, одобрила удаление из состава Временного Сибирского правительства министров-социалистов, а во-вторых, высказалась за роспуск Сибирской областной думы с её левым большинством во главе и за созыв новой Думы, но только для того, чтобы она подготовила и приняла закон о выборах в Сибирское Учредительное собрание.

Ну и, наконец, как следствие всего этого в ноябре того же 1918 г. совет Всесибирских кооперативных съездов негласно подержал установление режима правой диктатуры во главе с адмиралом А.В. Колчаком. А 19 декабря Анатолий Сазонов от имени этого совета преподнёс поздравительный адрес верховному правителю. В 1919 г. Анатолий Владимирович редактировал омскую газету «Заря» и состоял членом Государственного экономического совещания, своего рода общественной палаты при верховном правителе с совещательными функциями. После разгрома колчаковских армий Сазонов бежал на Дальний Восток, до конца 1922 г. проживал во Владивостоке. В тот недолгий период он избирался депутатом Народного собрания Дальневосточной республики и являлся председателем Совета уполномоченных организаций автономной Сибири.

В двадцатых числах октября 1922 г. вышеупомянутый Совет сформировал ещё одно (последнее) правительство автономной Сибири, которое А.В. Сазонов и возглавил. Из окна номера гостиницы «Золотой рог», где проживал на тот момент Анатолий Владимирович, был вывешен бело-зелёный флаг, а по городу расклеены воззвания нового правительства о том, что оно приняло на себя всю полноту власти в Сибири и обязуется защищать край от большевиков во имя идеалов демократии и принципов областнической автономии. Однако просуществовало это, как его тогда прозвали, «плакатное правительство» всего несколько дней, после чего вместе со всеми теми, кто не желал и не мог рассчитывать на прощение со стороны советской власти, эвакуировалось за границу. В ранге правительства в изгнании оно просуществовало до 1925 г., после чего вновь преобразовалось в Совет уполномоченных организаций автономной Сибири, который Сазонов возглавлял до самой своей смерти, последовавшей 9 марта 1927 г. в Шанхае.

Саиев Юсуф Раадович – 29 лет в 1918 г., уроженец Ачинского уезда Енисейской губернии, по национальности, как он сам указывал, «мусульманин племени чеченцев», выходец из деревенской среды, образование – домашнее, по основному роду занятий – крестьянин. В период Первой мировой войны – прапорщик (офицер) царской армии, проходил службу в одном из запасных полков, дислоцировавшихся в Томске. В 1917 г. проживал здесь сначала по ул. Торговой (ныне Вершинина)-36, потом по улице Источной-13.

После Февральской революции вступил в партию эсеров. В октябре 1917 г. на Сибирском областном мусульманском съезде Саиева избрали председателем Центрального совета мусульман Сибири, а чуть позже и председателем Центральной сибирской мусульманской военной комиссии. На основании решения первого Сибирского областного съезда Юсуф Раадович вошёл в состав Сибирского областного совета. В декабре того же года на втором (чрезвычайном) Сибирском областном съезде он был утверждён членом военного отдела при Временном Сибирском областном совете (фактически первом временном правительстве автономной Сибири), также в это время он – инспектор милиции при Томском губернском земстве. В начале 1918 г. Юсуф Саиев становится членом Сибирской областной думы и одним из трёх заместителей её председателя, возглавляя одновременно фракцию национальностей.

В июне-июле 1918 г. в результате ликвидации власти большевиков в Сибири Юсуф Раадович руководил работой сразу нескольких отделов при Томской губернской земской управе, среди них: милиции, а также – воинский и юридический. В августе он, как член Сибирской областной думы, принимал активное участие в её работе, однако после её роспуска, последовавшего 10 ноября 1918 г., а также в результате вскоре произошедшего колчаковского переворота Саиева лишили политической «брони» и, как офицера, мобилизовали в Сибирскую белую армию. Дальнейшая его судьба нам неизвестна.

Самойлов – бывший офицер царской армии, в начале 1918 г. при большевиках в г. Камень-на-Оби – начальник местной милиции.

Сапожников Василий Васильевич – 56 лет в 1918 г., родился в Перми в семье учителя, учился в Московском и Тюбингенском университетах, доктор ботаники, профессор Томского университета, два

раза избирался его ректором (1906–1909 и 1917–1918 гг.). Сапожников – выдающийся путешественник, географ и ботаник, учёный с мировым именем, совершил более двадцати научных экспедиций по Алтаю, Монголии и казахскому Алатау, открыл и описал свыше пятидесяти ледников, член Русского и почётный член Берлинского географических обществ. Член кадетской партии и активный участник областнического движения Сибири.

В июле 1918 г. Василий Васильевич занял пост управляющего министерством народного просвещения (в ранге министра) в Сибирском правительстве *П.В. Вологодского*, с ноября того же года – пост министра того же ведомства в правительстве адмирала Колчака. При его непосредственном участии, в октябре 1918 г. в Иркутске открылся ещё один сибирский университет, а в январе 1919 г. в Томске – Институт исследований Сибири (первая Сибирская Академию наук). Умер в Томске 1924 г. от рака лёгких, был похоронен на Преображенском кладбище (конец современной улицы Учебной), к сожалению, увы, не сохранённом потомками.

Сапожников Василий Тихонович – по некоторым данным, уроженец Центральной России, петербургский рабочий, правый эсер, за участие в революции 1905 г. был сослан царским правительством на поселение в Якутск. Незадолго до Февральской революции Василий Тихонович, освобождённый из ссылки, поселился в Иркутске и устроился на работу в местные железнодорожные мастерские.

Здесь, в Иркутске, он принял самое активное участие в революционных мероприятиях семнадцатого года, стал одним из лидеров профсоюзного движения в среде иркутских и забайкальских железнодорожников; в качестве их представителя в январе 1918 г. его избрали в члены Сибирской областной думы. После разгона большевиками Учредительного собрания и Сибирской областной думы Сапожников перешёл в оппозицию к советской власти и в мае того же года организовал в Иркутске несколько протестных акций с участием местных железнодорожников, выдвигавших требование о ликвидации большевистской диктатуры. После этого он был объявлен советской властью в розыск, и только произошедшее вскоре чехо-белогвардейское вооруженное восстание спасло его от ареста.

После крушения красного режима на территории Сибири Василий Тихонович в августе-сентябре того же 1918 г. принял участие в качестве депутата в работе Сибирской областной думы. Во время сентябрьского политического кризиса, завершившегося фактическим отстранением правых эсеров от власти и прекращением деятельности Областной думы, находившийся в это время в Томске Сапожников сильно заболел (обострилась язва желудка) и вскоре умер. Тело его было перевезено в Иркутск и похоронено с революционными почестями на одном из местных кладбищ.

Сатунин Дмитрий Владимирович – 33 года в 1918 г., уроженец Горного Алтая, православный, имел какие-то инородческие корни (гены) и оттого обладал немного монгольской внешностью, был невысоко роста и отличался очень буйным нравом. Окончил одно из петербургских частных реальных училищ, а потом – Новороссийский (Одесский) университет. В связи с началом Первой мировой войны поступил на шестимесячные курсы Александровского военного училища. Начав службу в русской армии прапорщиком, он за неполные три года дослужился до звания штабс-капитана, стал кавалером ордена св. Георгия 4-й степени и получил Золотое Георгиевское оружие за личную храбрость.

Вернувшись после демобилизации в начале 1918 г. в Горный Алтай, Сатунин поступил на службу в государственно-кооперативную организацию под названием Монгольская экспедиция, которая занималась закупкой мяса в сопредельных странах и одна из контор которой находилась в селе Кош-Агач на самой границе с Монголией. Здесь в начале июня 1918 г. Дмитрия Сатунина и застала весть о начале антисоветского мятежа в Сибири. Захватив имевшиеся в Кош-Агаче финансовые и материальные ценности Монгольской экспедиции, штабс-капитан Сатунин организовал на эти средства небольшой белогвардейский отряд и начал продвигаться с боями на север к столице Горного Алтая, к селу Улала (теперь Горно-Алтайск), проявляя по пути крайнюю жестокость в борьбе с большевиками и их сторонниками.

Добравшись до Улалы и очистив вместе с другими повстанческими отрядами территорию Горного Алтая от красных, Сатунин, как старший по воинскому званию офицер среди местных уроженцев, принял на себя общее командование всеми вооруженными силами этой горной области. И вскоре, опираясь на поддержку лидера алтайских националистов *Г. Гуркина*, потребовал от образованного в Омске Временного Сибирского правительства признать территориально-национальную автономию объединённых районов Горной Шории и Горного Алтая под названием Ойротия. А после полученного отказа объявил Горный Алтай в состоянии мятежа против Омского правительства. Однако из данного политического демарша ничего стоящего не вышло, и вскоре отряд Сатунина был разоружен частями прибывшей из Барнаула карательной экспедиции, а сам командир бунтовщиков – арестован. Учитывая его прошлые заслуги перед отечеством в Первой мировой войне, а также – преданность белой идее в период антибольшевистского восстания, мятежного капитана простили и вскоре освободили из-под стражи.

После этого Сатунин одумался и, решив идти, что называется, другим путём, организовал вместе с подъесаулом *Кайгородовым* подконтрольный Сибирскому правительству так называемый Туземный дивизион, впоследствии при А.В. Колчаке преобразованный в Алтайское казачье войско, которое Сатунин и возглавил. Осенью 1919 г. при вступлении в Сибирь частей Красной армии, по некоторым данным, уже в звании подполковника Дмитрий Владимирович командовал всеми белогвардейскими частями на территории Горного Алтая. По его распоряжению при отступлении из Бийска был конфискован серебряный запас местного отделения государственного казначейства. Весной 1920 г. при попытке перейти границу и скрыться в Монголии он погиб, по одной из версий, – пал от рук своих же подчинённых то ли из-за недовольства последних самоуправством командира, то ли вследствие нежелания Сатунина поделиться с ними захваченным в Бийске серебром. Его спрятали где-то в горах, и оно, по слухам, лежит там до сих пор, являясь предметом постоянного и неослабевающего интереса со стороны кладоискателей, всё-таки – 8 тонн чистейшего монетного серебра.

Сахаров Константин Вячеславович – 37 лет в 1918 г., окончил столичное Николаевское инженерное училище и Академию Генерального штаба, участник Первой мировой войны, полковник царской армии, в августе 1917 г. принял активное участие в корниловском мятеже, патриот-государственник, антисемит. В конце 1918 г. он являлся начальником созданной англичанами русской военной школы во Владивостоке, потом по рекомендации английского генерала Нокса Константин Вячеславович был переведён в Омск и приближен к А.В. Колчаку, который в октябре 1919 г. произвёл Сахарова в генерал-лейтенанты и назначил его главнокомандующим всем противобольшевистским фронтом. На этом посту генерал Сахаров проявил себя как очень амбициозный и, к сожалению, столь же бездарный военный руководитель, недолгая деятельность которого на посту главкома, по мнению многих свидетелей тех событий, привела к решающему разгрому белого движения в Сибири. В декабре того же года по категорическому требованию братьев Пепеляевых (старший из которых являлся премьер-министром, а младший – командующим Сибирской армией) приказом Колчака Сахаров был смещён со своего поста и заменён генералом В.О. Каппелем.

После окончания Гражданской войны Константин Вячеславович эмигрировал в Западную Европу, поселился в Германии и активно сотрудничал там с нацистами. В 1923 г. в Мюнхене он выпустил достаточно ценную, с историографической точки зрения, книгу воспоминаний под названием «Белая Сибирь». В ней он, в частности, возложил вину за поражение антибольшевистских сил на страны Антанты, которые, с точки зрения Сахарова, своей поддержкой демократии в России свели на нет все усилия белого движения по свержению советской власти. При этом Сахаров охарактеризовал белогвардейское движение как первое, причём со знаком плюс, проявление фашизма в мировой истории. Умер Константин Вячеславович в Берлине в феврале 1941 года.

Семёнов Григорий Михайлович – 28 лет в 1918 г., родился в несчастливый день (13 сентября) в карауле Куранжа, станицы Дурулгуевской, Забайкальской области в зажиточной казачьей семье, согласно официальным данным, по отцу он являлся русским (казаком), по матери – бурятом. По другой, менее распространённой версии, мать его Евдокия Марковна Новгородцева происходила из семьи русских староверов, а вот отец, наоборот, находился в дальнем родстве с монголами и даже чуть ли не с самим Чингиз-ханом. В юности Григорий Михайлович увлекался археологией, но учёным не стал, в 1911 г. окончил Оренбургское казачье училище. По свидетельству современников он был неплохо образован и начитан, свободно владел монгольским и бурятским языками. Участник Первой мировой войны. Воевал на Кавказе, сначала в 1-м Нерчинском, а потом в 3-м Верхнеудинском казачьих полках под командой знаменитого барона Врангеля, имел Георгиевский крест, а также Золотое оружие за храбрость и личное мужество, проявленное при спасении полкового знамени. Дослужился до звания есаула (капитана). Осенью 1917 г. Григория Михайловича по личному распоряжению премьер-министра Керенского командировали в Забайкалье для формирования воинских ударных частей из инородцев, верных Временному правительству.

Октябрьскую социалистическую революцию Семёнов не принял и сразу же поднял вооружённый мятеж против советской власти в Верхнеудинске (ныне Улан-Удэ), но потерпел поражение и бежал в Китай, на пограничную с российским Забайкальем станцию Маньчжурия. Здесь при финансовой поддержке сначала французов, а потом японцев создал так называемый Особый Маньчжурский отряд (ОМО), состоявший из казаков, русских офицеров, бурят и монголов. Перед ним была поставлена конкретная задача, наступая на север от ст. Маньчжурия, захватить Читу, отрезав, таким образом, советскую Сибирь от советского же Дальнего Востока, что позволило бы другим белогвардейским частям без особых проблем ликвидировать власть большевиков во Владивостоке, Хабаровске и Благовещенске и уже оттуда начать широкомасштабное наступление на Сибирь. Семёнов предпринял в начале 1918 г. как минимум три попытки в осуществлении данного оперативного плана, но они

оказались абсолютно безрезультатными. Войска Центросибири под командованием *Сергея Лазо* всё время препятствовали продвижению отрядов мятежного атамана в глубь Забайкалья. И лишь в результате всесибирского антибольшевистского мятежа летом 1918 г., когда войска советской Сибири оказались полностью разгромлены чехо-белогвардейскими частями, Семёнову удалось, наконец, утвердиться в Чите, после чего здесь, в Забайкалье, опираясь на поддержку, в первую очередь, всё тех же японцев, он создал режим жёсткой единоличной власти. Это позволило ему достаточно успешно на первых порах бороться, как с красными партизанами, так и с другими, как он считал, внутренними врагами государства – спекулянтами и контрабандистами, после ликвидации советской власти начавшими курсировать за границу, в Монголию и Китай, и обратно. В ходе боевых действий против партизанских отрядов Семёнов часто прибегал к жестоким карательным мерам в отношении мирного населения, уличённого в сотрудничестве с красными.

4 января 1920 г., за несколько дней до своего ареста, адмирал Колчак назначил атамана Семёнова, к тому времени уже генерала, верховным правителем Сибири. В течение всего 1920 г. Григорию Семёнову, принявшему командование над остатками всех колчаковских войск, пришлось вести трудную борьбу с частями 5-й Красной армии. В результате, в конце того же года белые потерпели полное поражение и оказались вытеснены за пределы Забайкалья. Политическая карьера атамана на этом фактически завершилась, и его «счастливая» звезда начала клониться к закату. Некоторое время спустя он ещё пытался утвердиться в качестве главного военного руководителя в белогвардейском Владивостоке, но безуспешно, его время ушло. В 1921 г. Семёнов иммигрировал из России. Жил сначала в Корее, потом в Японии и, наконец, надолго обосновался в Китае. Здесь в 1946 г. он был арестован СМЕРШем, вывезен в СССР и в августе того же года по приговору военного трибунала казнён (повешен). В 1994 г. Военная коллегия Верховного суда РФ признала Г.М. Семёнова не подлежащим реабилитации.

Григорий Семёнов – автор опубликованных в 1938 г. в Харбине мемуаров, переизданных в конце XX века в Москве. В них со свойственным ему атаманским апломбом он, на наш взгляд, несколько преувеличил свою роль в Гражданской войне.

Семёнова Мария Михайловна (Манька Шарабан) – 21 год в 1918 г., по официальной версии родилась в г. Буйнакске (однако, по данным семёновской прессы, – в Тамбовской губернии), в девичестве Вотчер (по некоторым данным, – Розенфельд), по первому замужеству Глебова, в 1918–1919 гг. – сожительница (по другим данным, законная жена) атамана Семёнова. До революции работала прислугой, потом певичкой и танцовщицей в ресторанах, пела под гитару знаменитые в период революции куплеты «Ах, шарабан мой, американка», отсюда и прозвище. По воспоминаниям современников была, что называется, неплохо сложена. В начале 1918 г. в привокзальном армянском ресторанчике на станции Даурия познакомилась с Григорием Семёновым, который в то время находился в официальном браке и даже имел ребёнка. С той поры почти на два года Мария Михайловна стала «атаманшей» Забайкальского казачьего войска, имея большое влияние на Семёнова, она вскоре распространила своё влияние и на подчинённых атамана.

Обшитая соболями и увешанная жемчугами, Манька Шарабан разъезжала по Забайкалью в собственном поезде; бывало, заступалась за притесняемых, но одновременно с этим активно занималась разного рода махинациями с конфискованными во время обысков и реквизиций драгоценностями, золотом и прочими гарантами материального благополучия. Разгульной жизни, видимо, также не прекратила, так что вскоре Семёнов вынужден был её изолировать, – принудительно отправил на курорт лечиться, а сам тогда же сошёлся, а потом и обвенчался с молодой сотрудницей возглавляемого им военного штаба. Получив значительную компенсацию в золоте за развод с атаманом, М.М. вскоре уехала в Китай, а потом в Палестину (по пути выстрелом из револьвера смертельно ранив одного из своих давних любовников). Перевезла за собственный счёт в Иерусалимский храм св. равноапостольной Марии Магдалины останки великой княгини Елизаветы Фёдоровны (родной сестры последней русской императрицы), казнённой большевиками в Алапаевске.

После этого она поселилась в Париже, здесь познакомилась и вышла замуж за хана Юрия Нахичеванского, с которым переехала потом в Ливан, и от которого родила троих детей. Умерла в 1974 г. в Каире, похоронена там же, на кладбище одного из православных греческих монастырей.

Серебренников Иван Иннокентьевич – 36 лет в 1918 г., коренной сибиряк, уроженец Иркутской губернии, выходец из крестьянской семьи, окончил Иркутскую губернскую гимназию, потом год проучился в Петербурге в Военно-медицинской академии, после чего бросил учёбу, вернулся в Иркутск и стал заниматься журналистикой. Тогда же, по некоторым данным, Иван Иннокентьевич на весьма непродолжительный срок вступил в члены РСДРП (меньшевиков), за что сразу же подвергался преследованию со стороны политической полиции. И ввиду последнего обстоятельства, в силу присущей этому человеку (судя по его мемуарам) патологической осторожности по жизни Серебренников вскоре

полностью отошёл от опасной революционной деятельности, посвятив себя в дальнейшем сугубо научной и просветительской работе. Значительно преуспев на данном поприще, он стал действительным членом Русского географического общества, занимал при самодержавии разного рода ответственные посты в общественных и научных организациях, а также культуроведческих сообществах Иркутска, являясь одновременно и достаточно широко известным в Сибири публицистом. Все выше перечисленное позволило Ивану Иннокентьевичу выдвинуться в конечном итоге в число видных сибирских автономистов и даже возглавить иркутскую организацию областников.

После Февральской революции 1917 г. Серебренников, поддавшись модным тогда веяниям, вновь включился в политическую жизнь и вступил в партию эсеров. Однако, уже спустя несколько месяцев, осознав в полной мере, как он сам признавался, весь шокирующий негатив свершившейся в России революции, И.И. из партии социалистов-революционеров вышел, записав в своем дневнике, что отныне будет по-прежнему заниматься только делами сибирского областничества и ничем другим. К августовской областнической конференции в Томске он подготовил один из пленарных докладов, однако сам присутствовать на этом совещании не смог. В октябре 1917 г. Иван Иннокентьевич принял активное и непосредственное участие в работе I Сибирского областного съезда, где его избрали в члены Сибирского областного совета. На II (декабрьском) областном съезде Иван Иннокентьевич присутствовать не смог «по служебным обстоятельствам», как он сам указал в своей телеграмме съезду от 3 декабря 1917 г.

Не смог (или, возможно, не захотел) Серебренников приехать в Томск и в январе 1918 г. для участия в работе Сибирской областной думы. Однако, несмотря на это, после разгона Думы большевиками, на тайном заседании её членов Иван Серебренников заочно был избран в состав Временного правительства автономной Сибири (под председательством *П.Я. Дербера*) в должности министра снабжения. До июньского антибольшевистского переворота Иван Иннокентьевич, в отличие от большинства других министров ВПАС, спасавшихся от преследования большевиков в китайском Харбине и участвовавших в подготовке военного переворота, находился в Сибири на вполне легальном положении. В июле 1918 г. в той же должности министра снабжения Серебренников вошёл в состав Временного Сибирского правительства (под председательством *П.В. Вологодского*), а в сентябре того же года он возглавил делегацию ВСП на Уфимском государственном совещании, выбравшем Всероссийскую Директорию.

Во время сентябрьского правительственного кризиса в Сибири Серебренников встал на сторону праволиберальной группировки (действовавшей в противовес умеренным социалистам), что в конечном итоге поспособствовало, в частности, тому обстоятельству, что, после установления на востоке России правоконсервативного режима адмирала Колчака, Серебренников пошёл на повышение и был назначен на должность министра снабжения теперь уже во Всероссийском правительстве. Однако, буквально через месяц после своего нового назначения, в конце декабря 1918 г., министерство снабжения указом Колчака упразднили, и Серебренников остался не у дел.

В начале 1919 г. он вернулся в родной Иркутск, занимался статистическими исследованиями и от политики отошёл уже навсегда. После разгрома белого движения Иван Иннокентьевич, вполне резонно опасаясь преследований со стороны победивших большевиков, в чехословацком военном эшелоне выехал из Иркутска на восток страны, а потом эмигрировал в Китай, где и провёл вместе со своей семьёй оставшиеся годы жизни. Умер в Тяньзине в 1953 г. Написал и опубликовал две очень ценные с исторической точки зрения (но вместе с тем – имеющие достаточно субъективный характер) монографии мемуарного жанра о революции и Гражданской войне в Сибири: «Великий отход» (Харбин,1936) и «Мои воспоминания» (Тяньзинь, 1937).

Серебренников Федор Павлович – 27 лет в 1918 г., сибиряк, родился в Новониколаевске, в 1917–1918 гг. один из большевистских лидеров этого города. Во время белочешского мятежа был арестован и 4 июня 1918 г. убит «при попытке к бегству».

Сидоров Василий Осипович – 34 года в 1918 г., правый эсер, в начале 1917 г. занимал пост председателя Томской уездной продовольственной управы. В октябре 1917 г. баллотировался в гласные Томской городской думы, но не прошёл. Проживал тогда по адресу: г. Томск, ул. Никитская (теперь ул. Никитина)-42а, кв.2. В конце года он был избран председателем Томской уездной земской управы. В начале 1918 г. Василий Осипович вошёл в состав Западно-Сибирского комиссариата ВПАС и участвовал в подготовке антибольшевистского мятежа на территории Сибири. После победы антисоветского восстания в июне 1918 г. в составе всё того же ЗСК осуществлял первые социально-демократические преобразования, но недолго, ибо в июле политическое руководство Сибирью перешло в руки правительства *П.В. Вологодского*. После этого Сидоров вернулся из «столичного» Омска в Томск и продолжил свою работу на поприще земского самоуправления. В 1918-1919 гг. он исполнял обязанности заместителя председателя неофициально существовавшего Главного комитета Сибземгора (Сибирского

союза земств и городов). Колчаковский режим он не принял категорически и, находясь в действенной оппозиции к нему, участвовал (по некоторым данным, вместе с другим лидером сибирского земства, с бывшим председателем Томской губернской земской управы *Николаем Ульяновым*) в неудачной попытке военного переворота, предпринятого опальным генералом *Р. Гайдой* в ноябре 1919 г. во Владивостоке. В декабре того же 1919 г. в Иркутске Василий Сидоров принимал участие в вооруженном восстании эсеровского Политцентра, возглавляя в его структурах ведомство внутренних дел. Дальнейшую его судьбу нам, к сожалению, проследить не удалось.

Сизиков Владимир Семёнович – 30 лет в 1918 г., уроженец Ачинского уезда Енисейской губернии, образование среднее, правый эсер, прапорщик царской армии. После Февральской революции 1917 г. Владимир Семёнович являлся членов Совета офицерских депутатов Томского гарнизона, а в мае был избран членом Томского губернского исполнительного комитета Народного собрания (главного революционного органа Томской губернии в тот период) и одновременно назначен губернским инспектором милиции. Потом он – один из ближайших помощников томского губернского комиссара В. Гана и делегат сентябрьского демократического совещания в Петрограде, заведующий агитационно-пропагандистским отделом в томском губернском комитете партии эсеров. Проживал в 1917 г. по адресу: г. Томск, ул. Садовая (теперь пр. Ленина от Лагерного сада до Новособорной площади)-17. Делегат декабрьского чрезвычайного Сибирского областного съезда. В июне 1918 г., после свержения на территории Западной Сибири власти большевиков, Владимира Сизикова назначили заведующим отделом внутренних дел Западно-Сибирского комиссариата, представлявшего правительство *П.Я. Дербера* на территории Сибири. Однако уже в июле того же года Владимир Семёнович вошёл в состав административных структур правительства *П.В. Вологодского*. После переворота 18 ноября, по сведениям Вениамина Вегмана, он перешёл в лагерь сторонников А.В. Колчака и даже якобы принимал участие в организации карательных экспедиций против восставших сибирских крестьян, и в 1919 г. был ими убит.

Силади Имре – венгр, военнопленный Первой мировой войны, содержался в томском концентрационном лагере. После Октябрьской социалистической революции примкнул к большевикам. Весной 1918 г. являлся одним из командиров красногвардейского отряда интернационалистов, составленного из военнопленных томских концлагерей. Во время белогвардейского мятежа в конце мая того же года по приказу большевистского руководства города Силади отправился с небольшим отрядом в 50 человек на станцию Тайга для отпора наступающим чехословацким частям, поднявшим несколькими днями ранее антисоветский мятеж в Новониколаевске (Новосибирске). Не обнаружив противника на ст. Тайга, Силади выдвинул своих красногвардейцев в район станции Яшкино и там вступил в бой с легионерами. Сразу же опрокинув чехословаков, венгры-интернационалисты, однако, слишком увлеклись преследованием отступающего противника и, оторвавшись от тылов, были сначала окружены, а потом полностью разгромлены. В этом бою, видимо, погиб и их командир – Имре Силади.

Сильвестр (Ольшевский Иустин Львович) – 58 лет в 1918 г., родился в Киевской губернии, в семье священника, окончил Киевскую духовную семинарию и Киевскую духовную академию, в 1910 г. принял монашеский постриг, а в июне 1915 г. получил кафедру епископа Омского и Павлодарского. В 1918 г. отца Сильвестра возвели в сан архиепископа. Непримиримый противник большевиков и советской власти, в феврале 1918 г. во время так называемого поповского бунта в Омске он подвергся аресту и в течение нескольких дней содержался в тюрьме. В результате победы антисоветского восстания летом 1918 г. он вновь возглавил свою епархию, а после колчаковского переворота его утвердили в должности председателя высшего временного церковного управления, объединившего все епархии Урала, Сибири и Дальнего Востока. После разгрома белого движения архиепископ Сильвестр остался в Омске, был сразу же арестован большевиками и в феврале 1920 г. умер в омской тюрьме, как полагают, – от многочисленных побоев. В 2000 г. Русской православной церковью архиепископ Сильвестр причислен к лику святомучеников.

Синёв В.А. – большевик, в марте 1918 г. стал членом военного отдела при Томском губисполкоме, потом возглавил этот отдел. После создания в апреле того же года губернского комиссариата по военным делам руководил его работой. В связи с началом чехо-белогвардейского мятежа Синёв вошёл в состав городского военно-революционного комитета, в период с 24-го по 31 мая 1918 г. принимал активное участие в подавлении антибольшевистских выступлений. После свержения советской власти в Томске Синёв остался в городе на нелегальном положении для ведения подпольной работы, но потом по заданию большевистского штаба перебрался в Новониколаевск (Новосибирск). Там он явился одним из организаторов попытки вооруженного выступления, запланированного на 19 сентября 1918 г., но заговор был раскрыт, а его участники, в том числе и Синёв, арестованы. Дальнейшую его судьбу нам проследить не удалось.

Скипетров Леонид Николаевич – 35 лет в 1918 г., из семьи разночинца, уроженец Виленской губернии, здесь же, в Вильно (сейчас Вильнюс), окончил гимназию и военное училище, участник Первой мировой войны, кавалер ордена Св. Георгия IV степени и Георгиевского оружия, полковник царской армии, монархист по политическим взглядам. В декабре 1917 г. полковник Скипетров стал одним из руководителей иркутского антибольшевистского вооруженного восстания, а после его завершения бежал в Забайкалье и перешёл на службу к атаману *Семёнову*. В период боёв на Даурском фронте в феврале-июле 1918 г. Леонид Николаевич занимал должность начальника штаба объединённых частей семёновского Особого Маньчжурского отряда. С сентября того же года он – генерал-майор. Командовал дивизией, потом войсковым районом, одно время был заместителем у Семёнова, принимал участие в карательных экспедициях против забайкальских красных партизан. В конце декабря 1919 г. – в начале января 1920 г. по приказу атамана Семёнова генерал Скипетров руководил действиями отряда «специального назначения», прибывшего в Иркутск для подавления антиколчаковского вооруженного мятежа. Однако карательная операция полностью провалилась (по некоторым данным, Скипетров просто пропьянствовал её с девицами в своём вагоне), семёновские части оказались изрядно потрёпаны восставшими и в конце концов разоружены занявшими нейтральную позицию чехословаками. В «плену» у чехословаков оказался и сам Скипетров. Вместе с легионерами он потом добрался до Владивостока и уже в феврале 1920 г. эмигрировал за границу. Проживал сначала в Польше, а потом в США, где и умер в 1956 г.

Словцов Пётр Андреевич (1767–1843) – уроженец Пермской губернии, окончил Александро-Невскую духовную семинарию, где познакомился и, более того, – подружился, между прочим, с самим М.М. Сперанским. После окончания учёбы (совпавшей, что необходимо отметить, с эпохой великой французской революции...) Пётра Андреевича направили на службу в Тобольск, где во время проповедей с соборной кафедры его уличили в вольнодумстве, арестовали и приговорили за ослушание к заточению в Валаамский монастырь. Пробыв там несколько лет, он, уже потерявший всякую надежду на возвращение в свет, был неожиданно вызволен из монастырских казематов, благодаря хлопотам своего друга Сперанского, начавшего в начале XIX века головокружительное восхождение к вершинам служебной лестницы и не забывшем о страстотерпце-однокашнике.

Со Словцова сняли все обвинения, более того, опять же, благодаря протекции Сперанского, он получил место в министерстве коммерции и в 1803 г. занял должность экспедитора (если на современный лад, то начальника одного из управлений) этого министерства. Так что служебные дела Словцова стали развиваться весьма успешно, он даже вошёл в особое доверие к министру графу Румянцеву и составлял по его просьбе весьма прогрессивные по тем временам прожекты по переустройству российской системы торговли и промышленности. Но в 1808 г. против Петра Андреевича было выдвинуто во многом надуманное (как считает его ученик и биограф И.Т. Калашников) обвинение в получении взятки, вследствие чего его уволили со службы из министерства коммерции и направили в Сибирь в распоряжение местного генерал-губернатора.

Проживая в Тобольске, в свободное от службы время, для того чтобы погасить боль обиды от несправедливой опалы и дабы в очередной раз с достоинством и, главное, с пользой для общества перенести рок выпавших на его долю злоключений, Словцов начал скрупулёзно и методично работать с архивами, обобщая и популяризируя, насколько это было возможно в тех условиях, то, что казалось ему интересным, и то, что он попытался исследовать и осмыслить как гражданин России и как горячий патриот Сибири. Вряд ли понятый современниками, а порой и просто ими осмеиваемый, Пётр Андреевич, тем не менее, не оставлял научных «штудий», в результате чего на свет появился фундаментальный, по меркам того времени, двухтомный труд под названием «Историческое обозрение Сибири». В исследовании Словцова Сибирь впервые оказалась представлена как край, имеющий в своём историческом развитии много своеобразных особенностей, резко отличающих её от коренных русских областей. Поэтому Потанин по праву называл Словцова первым сибирским историком-областником.

В 1918 г., в недолгий период правления в крае областного Сибирского правительства, в Томске была проведена научная конференция, посвящённая 175-летию со дня рождения Словцова. Из Тобольска в библиотеку Томского университета перевезли тогда архив писателя, городская управа выделила деньги на обустройство его могилы, а при историко-филологическом факультете Томского университета министерство образования учредило премию имени Словцова за работы по истории Сибири.

Смарен-Завинский В.А. – эсер, в Сибири оказался, видимо, как ссыльнопоселенец. В период Первой мировой войны работал репортёром газеты «Иркутская жизнь», потом проходил службу в одном из иркутских запасных полков, прапорщик царской армии. После февраля 1917 г. Смарен-Завинский стал одним из активнейших деятелей революционной волны, виднейшим представителем так называемой митинговой демократии. На этом поприще познакомился и сблизился с тридцатитрёхлетним

революционным командующим Иркутским военным округом эсером *Аркадием Краковецким* (по другим сведениям, они познакомились и близко сошлись ещё в период тюремного заключения).

После того как в январе 1918 г. на нелегальном совещании членов Сибирской думы Краковецкий был назначен на должность военного министра Сибирского правительства, Смарен-Завинский по его поручению и под псевдонимом Сатин возглавил главный военный штаб всего эсеровского антибольшевистского подполья Западной Сибири, располагавшийся в Томске. Однако в конце апреля того же года Смарена сменил на этом посту профессиональный военный, подполковник *Гришин (псевдоним – Алмазов).* А сам Смарен-Завинский выехал в Харбин отчитываться перед Сибирским правительством (в изгнании) о проделанной работе. После свержения советской власти, в начале осени 1918 г. В.А. вернулся в Сибирь и попытался продолжить свою деятельность как уполномоченный военного министра Краковецкого, но тут его никто не ждал с такими претензиями. В Омске в то время уже функционировало другое Сибирское правительство, и у него имелось собственное военное министерство и в достаточной степени укомплектованный штат сотрудников. Таким образом, политическая карьера Смарен-Завинского, кажется, собственно и закончилась, дальнейшая его судьба осталась для нас неизвестна.

Смирнов Иван Никитич – 37 лет в 1918 г., из крестьян Рязанской губернии. Окончил училище в Москве, здесь же проживал до своего первого ареста (в 1917 г. ещё был прописан: Москва, Армянский пер.-9, кв.10), член социал-демократической партии с 1899 г., большевик. Отбывал ссылку за революционную деятельность в Нарыме. В 1916 г. Ивана Никитича по амнистии царского правительства призвали в армию в один из запасных полков, дислоцировавшихся в Томске, в этот же период Смирнов стал одним из организаторов военно-социалистического союза Сибири, объединившего накануне Февральской революции большинство ссыльных социал-демократов Томской губернии.

В 1917 г. Смирнов – активный участник утверждения власти Советов в Сибири, в частности в Томске, где он стал одним из организаторов и руководителей Совета солдатских депутатов. В конце 1917 г. по списку большевиков в Томском избирательном округе его избрали членом Всероссийского Учредительного собрания. В 1918-1919 гг. Смирнов – участник Гражданской войны, начальник политотдела 5-й Красной армии, освобождавшей Сибирь от колчаковцев, потом председатель Сибирского бюро ЦК, главный большевистский руководитель Сибири в 1920–1921 гг., сибирский Ленин, как его называли. За организацию разгрома белогвардейских войск на востоке страны в 1920 г. Смирнов был избран в члены ЦК ВКП(б) и в последующие годы работал на очень ответственных административных постах. В 1936 г. Иван Никитич пал жертвой сталинских репрессий, его осудили и расстреляли по делу так называемого троцкистского подпольного контрреволюционного центра. Реабилитирован в 1988 г.

Соболевский Георгий Константинович – большевик. После Февральской революции 1917 г. вошёл в состав Томского губернского Совета рабочих и солдатских депутатов. После Октябрьской революции был командирован томскими товарищами в Иркутск с целью «распространения опыта по формированию Советов». Там его назначили исполняющим обязанности председателя окружного бюро Советов Восточной Сибири. Во время декабрьского юнкерского мятежа находился в осаждённом губернаторском доме в Иркутске и вёл бои с восставшими, попал в плен, после заключения перемирия – освобождён. В январе 1918 г. Григорий Соболевский по поручению Центросибири вернулся в Томск для «решения проблемы» – закрытия собиравшейся на свою сессию Сибирской областной думы. Вместе с *А. Беленцом и Н. Яковлевым* руководил мероприятиями по разгону Думы, в ходе которых аресту и тюремному заключению подверглись несколько депутатов СОД, а также членов Временного Сибирского областного совета.

После окончания Гражданской войны вошёл в состав Новониколаевского губернского ревкома, потом работал в органах сибирской ЧК.

Соловьев Василий Николаевич – правый эсер, комиссар Якутской области при Временном правительстве Александра Керенского. Отстранённый от власти после Октябрьского переворота, Василий Николаевич уже в феврале 1918 г. встал во главе процесса по низвержению власти Советов в Якутске, в результате чего к управлению регионом пришло земско-областническое самоуправление во главе с эсером Поповым и продержалось в условиях большевистской блокады практически до самого общесибирского антисоветского восстания, в ходе которого Соловьёва (31 августа 1918 г.) вновь назначили областным комиссаром, а потом управляющим (на правах губернатора) Якутии. Находился в этой должности до 14 декабря 1919 г. 15 декабря власть в крае вновь перешла к большевикам, Соловьёв был арестован и 19 февраля 1920 г. расстрелян.

Соловьев М.И. – левый эсер, председатель военного совета Енисейского (Красноярского) губисполкома. В июне 1918 г., в период чехо-белогвардейского мятежа он был направлен во главе красногвардейского отряда из Красноярска под Мариинск, где возглавил объединенные

рабочие дружины из Итатки, Ачинска и Боготола, противостоявшие наступавшим к Красноярску мятежникам.

Сотников Александр Александрович – 27 лет в 1918 г. Родился в Туруханском крае в купеческой семье, выходцев из енисейского казачества. Летом 1915 г., являясь студентом горного отделения Томского технологического института, Сотников участвовал в геологической экспедиции (организованной, по некоторым сведениям, на средства своей семьи) на Таймыр, в район современного Норильска, для исследования здешних каменноугольных месторождений. В 1916 г. Александр Александрович был призван в армию, окончил краткосрочные курсы Иркутского военного училища, получил звание хорунжего (старшего лейтенанта), после чего его направили для прохождения службы в красноярский казачий дивизион, где он получил назначение на должность командира 2-й сотни этого дивизиона.

После Февральской революции Александр Сотников сразу же вступил в партию эсеров и вскоре стал исполнять обязанности комиссара военного гарнизона железнодорожной станции Красноярск. В конце лета того же года приказом командующего Иркутским военным округом подполковника и эсера *А.А. Краковецкого* он был назначен командиром красноярского казачьего дивизиона. А в конце сентября на II съезде Енисейского казачьего войска казаки избрали его своим войсковым атаманом. В то же самое время Александр Александрович являлся членом Енисейского губисполкома Совета рабочих и солдатских депутатов, а некоторое время и председателем Красноярского гарнизонного совета.

В декабре того же 1917 г. Александр Сотников стал делегатом II (чрезвычайного) Сибирского областного съезда, и в завершение его работы его избрали председателем военного совета (отдела) при Временном Сибирском областном совете (фактически первом Временном правительстве автономной Сибири). После разгона большевиками Учредительного собрания Сотников в середине января 1918 г. силами вверенного ему казачьего дивизиона попытался поднять антисоветский мятеж в Красноярске, но потерпел неудачу и вынужден был скрываться, сначала на территории Минусинского уезда, а затем, перейдя границу Монголии, – на станции Маньчжурия в лагере атамана *Семёнова*. По другим данным, он с остатками своего отряда перебрался из под Минусинска в Кузнецкий уезд Томской губернии (нынешняя Кемеровская область) и здесь в течение нескольких месяцев находился на нелегальном положении.

Во время общесибирского восстания Сотников, незадолго до его начала тайно прибывший в Томск, воевал в дивизии, а потом – в корпусе *А.Н. Пепеляева*, в должности командира 1-го Томского кавалерийского дивизиона, а потом 1-го Томского гусарского полка. В августе того же года он был делегирован в члены Сибирской областной думы от енисейского казачества и вновь избран его атаманом.

Однако вскоре Александр Александрович выходит из эсеровской партии, слагает с себя звание войскового атамана и даже оставляет военную службу. Подав прошение на имя министра торговли и промышленности Сибирского правительства, Сотников получил у него разрешение на организацию ещё одной геологической экспедиции в Норильские горы. В этот период А.А. активно сотрудничал с созданным при Томском технологическом институте Сибирским геологическим комитетом, а также с организованным в Томске же Институтом (Академией) исследования Сибири. Экспедиция в устье Енисея финансировалась правительством А.В. Колчака и проходила летом и осенью 1919 г. при активном участии Сотникова. Однако, когда он и его товарищи по геологоразведочной партии вернулись с Таймыра, в Сибири уже вновь хозяйничали большевики. Вскоре, по доносу одного из своих бывших сослуживцев, Александр Александрович был арестован чекистами, сначала содержался в Иркутске, а потом его перевезли в Красноярск. Здесь ему сразу же припомнили попытку организации в январе 1918 г. вооруженного антисоветского мятежа, а также другие «грехи» и после непродолжительного расследования и скорого суда в мае 1920 г. расстреляли.

В 1998 г. Александра Александровича Сотникова полностью реабилитировали. Тогда же с большим опозданием, но совершенно справедливо он был назван и «первооткрывателем Норильского месторождения», теперь, к сожалению, употребляемого не на нужды России и Сибири, а служащего узко корпоративным интересам столичных олигархов (в лучшем случае).

Старынкевич Сергей Сазонтович – 43 года в 1918 г., уроженец Волынской губернии, окончил юридический факультет Московского университета, два раза вынужден был прерывать учёбу, вследствие административных взысканий, налагавшихся на него за участие то в нелегальных политических кружках, то в антиправительственных демонстрациях. После окончания университета в 1904 г. проживал в Москве и занимался адвокатской практикой. В период революционных событий 1905–1906 гг. вновь заинтересовался политикой, избирался делегатом на съезд адвокатов, принимал участие в организации крестьянского союза и даже состоял в московском стачечном комитете.

В 1906 г. Старынкевич эмигрировал за границу, однако уже в следующем году Сергей Сазонтович нелегально вернулся в Россию и сразу же попал под арест. Содержался в Петропавловской крепости,

после чего его приговорили к ссылке в Восточную Сибирь; сначала жил на поселении в Верхоленске, потом получил разрешение на проживание в Черемхово (130 км к западу от Иркутска). Работал табельщиком, а затем заведующим одной из угольных шахт, в этот же период начал внештатно сотрудничать в иркутских газетах демократического направления и вступил в партию эсеров. Спустя некоторое время Старынкевич переселился в Иркутск, вновь занялся адвокатской деятельностью, одновременно служил юрисконсультом в нескольких крупных иркутских торговых фирмах, вследствие чего достиг значительного материального благополучия.

После Февральской революции 1917 г. С.С. назначили на должность прокурора Иркутской судебной палаты, однако в январе 1918 г. он был отстранён от этой должности большевиками и предан суду революционного трибунала за самовольное освобождение из тюрьмы редактора иркутской газеты «Сибирь» правого эсера *Гольдберга*. В ходе антибольшевистского восстания в августе 1918 г. Старынкевича назначили управляющим министерством внутренних дел во Временном Сибирском правительстве *П.В. Вологодского*. В октябре того же года Сергей Сергеевич утверждается министром юстиции Временного Всероссийского правительства (Уфимской Директории), по поручению которого он «расследует» обстоятельства колчаковского переворота и, видимо, «достаточно успешно», поскольку по завершении данного расследования А.В. Колчак оставляет Старынкевича в должности министра юстиции (генерального прокурора) своего правительства. По поручению верховного правителя Сергей Сазонтович в начале уже следующего 1919 г. расследовал, но так и не довёл до логического и справедливого разрешения дело о самосуде над несколькими членами Учредительного собрания и некоторыми другими представителями политической оппозиции, учинённом казачьими офицерами 23 декабря 1918 г. в Омске.

Строкан-Обский Владимир Антонович – 35 лет в 1918 г., уроженец Полтавской губернии, украинец по национальности, образование среднетехническое, член партии эсеров с дореволюционным стажем, в Сибири проживал с 1912 г., работал служащим Алтайской железной дороги. В конце 1917 г. Строкан, как представитель совета украинцев Алтайской губернии, являлся участником I и II Сибирских областных съездов. В результате чего в декабре того же года он возглавил созданный при Временном Сибирском областном совете (в какой-то степени первом правительстве автономной Сибири) национальный отдел сибирских народностей. В 1918 г. Владимир Антонович стал членом Сибирской областной думы, вошёл во фракцию национальностей, заняв пост заместителя её председателя. После разгона Думы большевиками Строкан явился одним из разработчиков и подписантов Декларации Сибирской думы, провозгласившей Думу верховной властью в Сибири вплоть до созыва Всесибирского Учредительного собрания. За это по возвращении в Барнаул Строкан был арестован и освобождён только в июне того же года в результате свержения советской власти в городе.

Сразу же по выходу из тюрьмы Владимир Антонович уехал опять в Томск, где с периода августовской сессии Областной думы и до её роспуска Всероссийским временным правительством *Николая Авксентьева* (ноябрь 1918 г.) он занимал должность одного из заместителей председателя Сибирской думы. В сентябре 1918 г. Строкан также входил в состав думской делегации, направленной во Владивосток (доехала только до Иркутска) для проведения консультаций с иностранными представителями по поводу политической борьбы за власть между Сибирским правительствам Вологодского и Сибирской областной думой. Дальнейшая судьба неизвестна.

Сулим Дмитрий Григорьевич – 28 лет в 1918 г. (делегатская карточка декабрьского Областного съезда), малоросс, родился на Украине в крестьянской семье, сумел получить образование и стать учителем. В 1916 г. по окончании пехотного училища он в звании подпоручика (лейтенанта) царской армии был направлен в один из запасных полков Барнаула. По политическим взглядам сначала просто эсер, а потом один из лидеров барнаульских левых эсеров. После Февральской революции 1917 г. Сулим – член Барнаульского городского Совета рабочих и солдатских депутатов, с августа того же года – начальник барнаульского гарнизона, потом комиссар Временного правительства по Барнаульскому уезду, гласный городской думы. В декабре того же года Дмитрий Григорьевич стал делегатом II Сибирского областного съезда и вошёл в состав избранного на съезде Национального совета народностей Сибири при Временном Сибирском областном совете, обладал в нём правом совещательного голоса как представитель от украинских национальных организаций Сибири.

В конце января 1918 г. на тайном совещании членов Сибирской областной думы Дмитрия Сулима избрали министром экстерриториальных народностей нелегального эсеровско-областнического правительства Сибири (ВПАС). После разгона Областной думы и эмиграции части Сибирского правительства в Харбин он остался в советской Сибири, более того – вскоре перешёл в стан сторонников политики большевиков и даже поддержал их во время чехословацко-белогвардейского мятежа. В июне 1918 г. являлся начальником штаба обороны Барнаула, потом в сводном алтайско-кузбасском

красногвардейском отряде под командованием *Петра Сухова* находился в той же должности начальника штаба. Отступая вместе с остатками красных частей по территории Горного Алтая, в августе попал со своими бойцами в окружение под Тюнгуром. По официальной версии, не желая сдаваться в плен, бросился со скалы в Катунь и погиб.

Сумароков Николай Николаевич – 48 лет в 1918 г., томич, полковник-артиллерист царской армии, ветеран русско-японской войны, участвовал в боях под Мукденом. В начале 1918 г. возглавил в Томске подпольную офицерскую антибольшевистскую организацию, которая 29 мая того же года выступила с оружием в руках против советской власти, но потерпела полное поражение. После того как томские большевики в ночь на 31 мая сами бежали из города и отдали его под власть восставших, полковник Сумароков вступил в должность начальника томского гарнизона. Однако уже через три дня его сменил на этом посту подполковник *Пепеляев.* Сумароков же был назначен на второстепенную должность инспектора артиллерии формируемого Средне-Сибирского корпуса, а с июля на ещё менее значимый пост – инспектора химической комиссии.

Такая своего рода опала явилась реакцией на политические взгляды отставного полковника, стоявшего на принципиальных государственно-патриотических позициях, которые многие сочли за приверженность к реставрации старых порядков и даже к монархизму. В ответ Сумароков всех тех, кто обвинял его в консерватизме, публично обзывал чуть ли не «большевиками», а командующего Сибирской армией *Гришина-Алмазова* называл «авантюристом, всецело преданным партии эсеров», вдобавок ко всему Николай Николаевич отказался исполнять обязанности инспектора «какой-то там комиссии». За что начальник штаба Сибирской армии полковник Белов пообещал привлечь Сумарокова к судебной ответственности за уклонение от службы. Однако вскоре все забыли о случившемся, так как в Сибири уже в начале осени началась острая политическая борьба за власть, в результате которой, в частности, был смещён со своего поста «авантюрист-эсер» Гришин-Алмазов, оказались в отставке и многие его приверженцы, в том числе и «германофил» Белов. На этом, собственно, как бы и закончилась история по нашумевшему «делу Сумарокова». Сам же он в сентябре 1918 г. во главе делегации от томских торгово-промышленных кругов выехал на Дальний Восток для вручения генералу *Гайде* – «освободителю Сибири» – почетного оружия, сабли из толедской стали с дарственной надписью. Дальнейшая судьба полковника Сумарокова нам неизвестна.

Сумецкий Михаил (Моисей) Ильич – 29 лет в 1918 г., выходец из еврейской семьи, родился в Могилёвской губернии, систематического образования не получил. В 1903 г. в возрасте 14 лет каким-то образом оказался в Петербурге, здесь же начал трудовую деятельность, сначала работал на заводе, потом освоил профессию печатника. В 1906 г. примкнул к революционному движению. Первоначально увлекался идеями анархизма, после Февральской революции стал большевиком.

В июле 1917 г. Михаил Ильич шахтёрами Кольчугино (сейчас Кемерово) был избран делегатом на Западно-Сибирский съезд горнорабочих, который проходил в Томске. В январе 1918 г. его назначили комиссаром в отдел продовольствия при Томском губисполкоме. В конце мая того же года во время чехословацкого мятежа по заданию Томского военно-революционного штаба он занимался организацией эвакуации из города партийно-советского руководства Томской губернии. Снарядил два парохода – «Ермак» и «Федеративная республика», – на которых около четырёхсот человек по Томи, Оби, а потом по Тоболу переправилось в Тюмень, за линию фронта.

Сам Сумецкий по какой-то причине не эвакуировался и остался тогда в Томске, был арестован новыми властями, сначала содержался в одной из томских тюрем, а в 1919 г. его перевели в иркутский Александровский централ, откуда осенью того же года он сбежал. В конце 1919 г. на иркутской III Всесибирской конференции РКП(б) Сумецкого избрали в состав краевого подпольного комитета партии. В 1920 г. после освобождения Сибири от власти адмирала Колчака Михаил Ильич вновь вернулся в Томск и в должности заместителя председателя вошёл в состав губревкома. В 1922 г. он стал заведовать омским губторгом. В 1924 г. его перевели на работу в Москву. В 1927 г. он, как деятель троцкистской оппозиции, был исключён из партии, потом восстановлен, но в 1932 г. вновь выдворен из рядов коммунистов. В 1933 г. Сумецкому в очередной раз вернули партийный билет и направили в Сибирь главой новосибирского лесного треста. В 1936 г. его арестовали, припомнив старые связи с троцкистами, и весной 1937 г. расстреляли.

Суров В.А. – капитан царской армии, в период Гражданской войны командовал карательным белогвардейским отрядом в 500 человек, боровшимся с красными партизанами на территории Томской губернии, в частности с группой братьев Лубковых. Отряд отличался, с одной стороны, пьянством и ленью, а с другой – крайней жестокостью и воровством, что отмечалось даже сторонниками колчаковского режима, в частности редактором влиятельной газеты «Сибирская жизнь» *А.В. Адриановым*. Вместе с тем сам капитан Суров в некоторых документах характеризуется как офицер непьющий и стремящийся

навести порядок и дисциплину не только в своём отряде, но и среди чинов уездной милиции, и прибегавший к расстрелам и конфискациям только в отношении самих красных партизан, а также лиц, с ними сотрудничавших. Истина, видимо, как всегда, находится где-то посередине. В августе 1919 г. по приказу капитана Сурова в Мариинске было арестовано сразу около 100 человек, в том числе весь состав уездной земской управы, а также многие её чиновники. Специальная комиссия, прибывшая из Томска для расследования этого дела, признала действия начальника группы правительственных войск неправомерными, и спустя месяц членов управы освободили из-под стражи.

В 1922-1923 гг. Суров, по некоторым данным, уже в звании полковника участвовал в Якутской военной экспедиции генерала *Пепеляева*, в ходе разгрома которой В.А. оказался в плену у красных. В 1924 г. в Томске он предстал перед народным судом и по его приговору был расстрелян.

Суханов Константин Александрович – 24 года в 1918 г., родился в Благовещенске в семье высокопоставленного царского чиновника, некоторое время учился в Петербургском университете, из которого его отчислили за политическую деятельность. В 1913 г. Константин Александрович вступил в партию большевиков. В 1918 г. Суханов – один из руководителей владивостокской организации РСДРП(б), а также председатель Владивостокского (Приморского) Совета рабочих, солдатских и матросских депутатов, руководитель Приморского исполкома. Летом того же года во время антибольшевистского чехо-эсеро-белогвардейского мятежа Константин Александрович попал в плен к белым и 19 ноября был застрелен во Владивостоке «при попытке к бегству» во время транспортировки из следственного изолятора в городскую тюрьму.

Сухов Пётр Федорович – 34 года в 1918 г., родился на Урале, в семье горного инженера, в 1914 г. его призвали в армию, но вскоре демобилизовали по ранению; осенью 1915 г. он переехал с семьёй в Сибирь и устроился на работу служащим одной из шахт Кольчугино (теперь Ленинск-Кузнецкий). Здесь он познакомился с видным сибирским большевиком *Суховерховым,* который и приобщил его к профессиональной революционной деятельности. После утверждения в Сибири советской власти Сухов занимал должность секретаря Кольчугинского совдепа. Летом 1918 г., во время чехо-эсеро-белогвардейского мятежа, он возглавил сводный отряд кузбасских, алтайских и семипалатинских красногвардейцев, который в течение почти двух месяцев вёл на территории Алтая тяжелые бои с белыми частями под командованием полковника *Волкова*. Потом отряд Сухова пытался прорваться через Горный Алтай в Монголию, чтобы дальше проследовать в советский Туркестан. В августе 1918 г. в районе горного села Тюнгур поредевшая дружина красногвардейцев оказалась в окружении и была полностью уничтожена, а попавший в плен Сухов расстрелян.

Суховерхов Франц Иванович, он же Сычёв Михаил Иванович (по данным белогвардейской печати времён Гражданской войны, его настоящие имя и фамилия – Франц Краузе или даже Франц Кравзон) – 35 лет в 1918 г., родился на Украине в бедной крестьянской семье, образование домашнее, по профессии – каменщик, член РСДРП с 1903 г., большевик, за революционную деятельность был сослан в Сибирь. После отбытия срока поселился в Кольчугино (сейчас Ленинск-Кузнецкий), под фамилией Сычёв устроился на работу в угледобывающее предприятие АО «Копигуз», старшим десятником строительного отдела, одновременно являясь одним из руководителей подпольной организации РСДРП на кольчугинских шахтах.

После Февральской революции в июле 1917 г. Суховерхов был избран председателем областного бюро Союза горнорабочих Западной Сибири (профсоюзное объединение), в августе стал членом Западно-Сибирского исполкома Совета рабочих и солдатских депутатов. Осенью того же года он по списку большевиков баллотировался в члены Учредительного собрания от Томской губернии, но не прошёл. Проживал в этот период: Кольчугинские каменноугольные копи, д.39. В феврале 1918 г. Томский исполком назначил его своим комиссаром на Кольчугинские шахты, а в марте Франц Иванович вошёл в состав Томского губернского совнархоза и руководил национализацией угольной промышленности современного Кузбасса. В мае того же года Франц Суховерхов стал делегатом I Всероссийского съезда Советов народного хозяйства. Находясь в Москве, он добился в Совнаркоме положительного решения по национализации акционерного общества «Копикуз».

Сразу по окончании съезда, в разгар чехословацкого мятежа, ЦК партии большевиков направил Франца в Сибирь для организации сопротивления в тылу белогвардейцев. На Первой Сибирской областной большевистской подпольной конференции, проходившей в августе 1918 г. в Томске, Суховерхова избрали в состав сибирского обкома на должность заместителя председателя центрального сибирского бюро. В течение сентября месяца по заданию подпольного штаба он объехал несколько городов Западной и Восточной Сибири, в которых проводил агитацию за проведение общесибирской политической забастовки. На обратном пути на станции Тайга его опознали и задержали, при обыске при нём нашли пачку антиправительственных листовок подстрекательского характера, что и послужило

причиной предания его военно-полевому суду, по приговору которого он был расстрелян в Томске 15 октября 1918 г.

Сухомлин Василий Васильевич – 33 года в 1918 г., правый эсер, член Всероссийского Учредительного собрания от Томской губернии. Умер в 1963 г.

Сыровы Ян Янович (в некоторых источниках упоминается под фамилией Сыровой) – 30 лет в 1918 г., родился на территории Австро-Венгерской империи в г. Тржебич (Моравия) в семье обувщика. В 1906 г. окончил высшую промышленную школу в г. Брно по специальности техника-строителя. После этого его на год призвали в армию и определили на учёбу в кадетскую школу, по окончании которой Сыровы получил звание капрала и был отправлен в запас в должности командира взвода. Следующие шесть лет Ян Сыровы провёл в Варшаве, входившей тогда вместе с большей частью Царства Польского в состав Российской империи. Здесь он некоторое время работал, а потом поступил на учёбу в политехнический институт.

В начале Первой мировой войны Яна призвали на службу в австрийскую армию, но он дезертировал из неё и подал заявление о приёме в русскую, однако ему, как гражданину на тот момент враждебного государства, категорически отказали в прошении. И тогда он вступил добровольцем в Чехословацкую дружину, получив в ней звание подпоручика и стрелковый взвод под своё начало, потом командовал ротой, был удостоен четырёх боевых наград и в начале 1917 г. произведён в поручики. В июле того же года в наступательной операции Юго-Западного фронта под Зборовом Сыровы получил тяжёлое ранение в голову, потеряв правый глаз. После возвращения из госпиталя осенью 1917 г. его назначили командиром батальона 1-го полка Чехословацкого корпуса, в марте следующего года он стал заместителем командира этого же полка, а в мае занял должность командира 2-го полка.

Во время развернувшегося вскоре вооруженного антибольшевистского мятежа Чехословацкого корпуса поручик Сыровы командовал наступлением батальонов вверенного ему полка от Челябинска и Кургана на Омск, а потом – на Тюмень и Екатеринбург. 2 июля приказом по корпусу ему досрочно было присвоено звание подполковника, а в конце августа – генерал-майора. В сентябре он – уже командир Чехословацкого корпуса. (Такой фантастически стремительный карьерный рост некоторые исследователи объясняют криптоеврейством Яна Сыровы.) В ноябре того же 1918 г. он под давлением англо-французских союзников поддержал колчаковский государственный переворот и не позволил в демократически настроенном чехокорпусе проявиться каким-либо протестным настроениям по этому поводу. Однако в январе 1920 г., когда крах колчаковского режима уже стал абсолютно очевиден, Сыровы вместе со своим патроном – французским генералом Жаненом – косвенным образом поспособствовал аресту адмирала Колчака и передаче его сначала в руки правоэсеровского Политцентра, а потом и большевиков. Таким не совсем джентльменским поступком генерал Сыровы обеспечил (оплатил) безопасное продвижение эшелонов Чехословацкого корпуса из захваченной красными Сибири во Владивосток, а потом и на родину. За столь неблаговидный поступок в отношении бывшего союзника по борьбе Сыровы на прощанье, как гласит легенда, получил от русских офицеров посылку с тридцатью серебряниками.

По возвращении в 1920 г. в Чехословакию Ян Сыровы продолжил военную службу, находился на самых высоких командных должностях, исполняя сначала обязанности генерал-инспектора вооружённых сил республики, потом – начальника Генерального штаба и даже министра обороны, в 1926 г. ему было присвоено звание генерала армии. Однако самый «звёздный» час его карьеры на родине пришёлся на 1938–1939 гг. В мае 1938 г. его портрет в генеральской форме со всеми регалиями и наградами (всего он имел более 30 орденов, в основном иностранных) появился на обложке знаменитого американского журнала «Life». В сентябре того же года Ян Сыровы стал премьер-министром Чехословакии и одновременно исполнял обязанности министра национальной обороны.

Именно при нём, а также при его патроне – президенте Бенеше, был заключён один из самых постыдных в европейской истории договоров – Мюнхенский, в результате которого интересы независимой Чехословацкой республики оказались преданными в пользу Германии и её захватнической политики, нацеленной, прежде всего, на Россию (тогда СССР). После этого в том же 1938 г. оставшийся по-прежнему в должности премьера Сыровы передал Германии значительную часть новейшего вооружения. И, наконец, в марте 1939 г., когда Гитлер, вопреки всем своим «мирным» обещаниям, всё-таки напал на Чехию, генерал Сыровы, к тому времени уже не председатель правительства, но всё ещё министр обороны, отдал войскам приказ: не оказывать немцам никакого сопротивления. В результате весь военно-промышленный комплекс бывшей Чехословакии (равнявшийся по объёмам производства ВПК Великобритании) практически без единого выстрела, в целости и сохранности попал в руки Германии, и спустя два года гитлеровцы использовали его в войне против СССР.

После этого «мавра», сделавшего своё дело, благодарные немцы поместили под почётный домашний арест на его же собственной вилле в горах, где он в сытости и довольстве прожил до самой

весны 1945 г., изредка появляясь на публике, причём всенепременно в парадной генеральской форме чеховойск. Однако, как только гитлеровские войска оставили Чехословакию, всё в судьбе Сыровы кардинально переменилось, но на сей раз далеко не в лучшую сторону. Теперь, всеми покинутый – и бывшим «подельником» по «Мюнхенскому сговору» президентом Бенешем, и западными «друзьями», – он предстал в роли козла отпущения, на которого свалили всю вину за чешский национальный позор 1938–1939 гг. В апреле 1947 г. Ян Сыровы решением суда был лишён всех воинских званий и наград и приговорён к 20 годам тюрьмы за предательство государственных интересов Чехословацкой республики.

Представ, таким образом, наконец-то, в своём истинном виде – с клеймом Иуды, Ян Сыровы, по некоторым сведениям, подвергался в местах заключения постоянным издевательствам со стороны сокамерников, искупая таким образом, в том числе, возможно, и свой, если так можно выразиться, «первородный грех» – выдачу доверившегося ему адмирала Колчака на расправу большевикам. В 1960 г. (через тринадцать лет!) Сыровы был освобождён из тюрьмы по амнистии, после этого работал ночным сторожем. Умер в Праге в 1970 г. в полной безвестности и бедности. Попытку реабилитации Яна Сыровы, предпринятую в 1995 г. министерством юстиции, Верховный суд Чехии отклонил.

Сыромятников Александр Дмитриевич – 32 года в 1918 г., родился в Петербурге, в 1913 г. окончил Академию Генерального штаба, а в 1917 стал её преподавателем, подполковник царской армии. Октябрьскую социалистическую революцию не принял и сразу же примкнул к людям, вставшим во главе организации антибольшевистского сопротивления в России. Так, по поручению членов бывшего Генерального штаба в апреле 1918 г. Сыромятников провёл в Москве ряд конспиративных встреч с членом центрального штаба подпольных сибирских антисоветских организаций капитаном Коншиным, с которым обговаривал детали намечавшейся общесибирской операции по свержению власти большевиков. Также известно, что летом 1918 г. Сыромятников принял участие в чехо-белогвардейском вооруженном мятеже на востоке страны, в ходе которого был назначен на одну из ответственных должностей в штабе Сибирской армии, по другим данным, он с июня 1918 г. исполнял обязанности начальника оперативного отдела штаба Народной армии самарского КОМУЧа.

Так или иначе, но после образования Уфимской Директории Александр Дмитриевич, согласно документально подтверждённым данным, занял достаточно высокий пост генерал-квартирмейстера ставки Верховного главнокомандующего генерала Болдырева, что, однако, не помешало ему (а может быть даже и, напротив, – поспособствовало) организовать заговор против своего шефа. Так, по одной из версий, приводимой, в частности, в известной книге С. Мельгунова, а также в одной из монографий видного советского историка Г. Иоффе, посвящённых данной теме, в октябре-ноябре 1918 г. А. Сыромятников вместе с И. Михайловым и В. Пепеляевым якобы принимал самое активное участие в организации в Омске так называемого колчаковского переворота. Это косвенно подтверждается также, может быть, и тем фактом, что вскоре после событий 18 ноября приказом верховного правителя Сыромятников был произведён в полковники.

Вместе с тем версия об участии Александра Дмитриевича в заговоре против Директории больше никакими фактами не подкрепляется, что само по себе уже подвергает некоторому сомнению высказанное Сергеем Мельгуновым предположение. Более того, хорошо известно, что сразу же после прихода к власти адмирала Колчака Сыромятников почему-то был переведён из Омска в Томск и назначен на весьма скоромную для участника только что свершившегося государственного переворота должность – преподавателя Академии Генерального штаба. А это свидетельствовало скорее о некотором недоверии к нему со стороны новых властей, нежели об обратном. И хотя впоследствии Александр Дмитриевич и занимал ряд ответственных постов в тыловых штабах Сибирской белогвардейской армии, но всё же все дальнейшие назначения вряд ли можно назвать успешной служебной карьерой. Да к тому же в конце 1919 г. его вообще уволили из колчаковских войск и перевели в так называемый резерв чинов.

После этого он перебрался в Иркутск и неожиданно для многих предложил свои услуги антиколчаковскому эсеровскому подпольному сопротивлению, но деятели Политцентра отказали ему в столь странной просьбе, видимо, посчитав такое поведение в прошлом высокопоставленного белого офицера преднамеренной провокацией, и после прихода к власти приказали даже арестовать полковника Сыромятникова. Всё как-то немного необычно во всей этой истории, но не менее удивительно и то, что под арестом Александр Сыромятников пробыл совсем недолго и в начале 1920 г. был освобождён по личному распоряжению, не кого-нибудь, а самого председателя Сибревкома большевика Ивана Смирнова.

Свой жизненный путь Сыромятников закончил в 1938 г. – понятно, при каких обстоятельствах.

Тарасов Б.Ф. – правый эсер, в 1917–1918 гг. председатель Красноярской уездной земской управы. На сентябрьском 1918 г. Всесибирском съезде земств и городов (г. Томск) был избран в число членов главного комитета Всесибирского союза земств и городов.

Таскин Сергей Афанасьевич – 42 года в 1918 г., уроженец с. Пури станицы Манкечурской Забайкальской области, из семьи зажиточных казаков офицерского сословия (сын сотника), окончил Читинскую гимназию, потом поступил в Петербургский университет на физико-математический факультет. Посещал с образовательными целями Великобританию, Францию и Германию. Столичный университет, однако, так и не окончил, проучившись в его стенах неполных 5 лет, он в феврале 1902 г. был отчислен из числа студентов за организацию политической сходки и за участие в антиправительственных демонстрациях.

Высланный под надзор полиции в родное Забайкалье (дальше Сибири не сошлют), Таскин преподавал в реальном училище г. Нерчинска, а также дополнительно занимался (ведь на одну учительскую зарплату в России не проживёшь) сельским хозяйством на собственном казачьем наделе (небольшое родовое имение вблизи Александровского завода). В этот же период вступил в партию конституционных демократов, женился. По окончании срока ссылки от Забайкальского казачьего войска Сергей Афанасьевич дважды избирался депутатом Государственной думы – второго и четвёртого созывов. Входил во фракцию кадетов, в сибирскую и казачью парламентские группы, состоял членом нескольких депутатских комиссий, в том числе – по народному образованию и местному самоуправлению. В период Первой мировой войны вместе с *Виктором Пепеляевым* (также депутатом Думы) возглавлял западносибирский санитарный (врачебно-питательный) отряд.

В ходе Февральской революции по поручению Временного комитета Государственной думы напару всё с тем же *В.Н. Пепеляевым* осуществлял надзор над арсеналом Петропавловской крепости и предотвратил раздачу оружия рабочим, выезжал в Кронштадт для переговоров с радикально настроенными матросами Балтики. 16 марта 1917 г. Сергей Афанасьевич был назначен комиссаром Временного правительства в Забайкальской области. По приезду на место он стал одним из организаторов созыва II войскового съезда забайкальских казаков и председательствовал на нём. Съезд принял резолюцию о введении на казачьих землях земского самоуправления. Временное правительство первого сентября дало на это своё официальное согласие. В ноябре того же года Сергея Таскина избрали членом Всероссийского Учредительного собрания.

Октябрьскую революцию он не принял, с февраля 1918 г. начал активно сотрудничать с мятежным есаулом *Семёновым.* Сначала разъезжал по станицам и агитировал казаков вступать в ополчение атамана – в Особый Маньчжурский отряд. А в конце апреля того же года, когда ОМО добился значительных побед на противобольшевистском фронте, он занял должность управляющего так называемой гражданской частью в семёновском Временном Забайкальском правительстве, провозгласившем свою власть над частью территории, отвоёванной у Советов. Именно Сергеем Таскиным, как полагают многие исследователи, были составлены два основополагающих документа этого правительства, а именно: воззвание атамана *Семёнова* к населению и заявление непосредственно самого Забайкальского правительства. В них наряду с другими положениями подчёркивалась приверженность ВЗП идеям автономии Сибири, а также курсу по возрождению на её территории органов городского и земского самоуправления, разогнанных большевиками, и ещё выражалась надежда на скорейший созыв Всероссийского Учредительного собрания.

В июне того же года, когда на территории не только Забайкалья, но и всей Сибири, а также Дальнего Востока заполыхало пламя Гражданской войны, Сергей Афанасьевич был командирован (если верить воспоминаниям *Семёнова*, то именно им) в Харбин в распоряжение генерала *Д.Л. Хорвата*, провозгласившего себя в начале июля (по сути – самозванно) временным верховным правителем России. Тогда же Сергей Таскин вместе с некоторыми другими сибирскими политиками праволиберального толка вошёл в так называемый Деловой кабинет (правительство) при генерале *Хорвате* и занял в нём должность министра земледелия и государственных имуществ. Известие о создании этого правительства с большим воодушевлением восприняли тогда, прежде всего, в Томске в среде областников из ближайшего окружения *Г.Н. Потанина* (так называемый Потанинский кружок), а также в Петрограде в столичной группе сибирских автономистов, возглавляемых давним знакомым Сергея Таскина *Виктором Пепеляевым*.

От лица потанинской группы переписку с дальневосточным Деловым кабинетом вёл *Александр Адрианов*, полагавший, что в качестве возможного компромиссного варианта между правительством *Хорвата* (нелегитимным, но политически правильным, с точки зрения лидеров околопотанинской группы) и Временным правительством автономной Сибири (легитимным, но политически неблагонадёжным) вполне приемлемым будет создание на базе предыдущих двух ещё одного (сборного) правительства, в состав которого должны были войти: от Делового кабинета областники – *Востротин*, *Окороков* и Таскин, а от Временного Сибирского правительства – люди, также определённо близкие к Потанинскому кружку, – *Вологодский* и *Крутовский*. Такая идея, по всей видимости, устраивала и

Виктора Пепеляева, назначенного в тот период куратором от кадетской партии на востоке России. С ним Сергей Таскин встретился в начале октября во Владивостоке, куда Пепеляев прибыл с деловым визитом в целях организации праволиберальных сил на борьбу с новым проектом умеренно левых политиков – с Уфимской Директорией. К этому времени идея сборного правительства, выдвинутая Потанинским кружком, уже изжила себя в умах высоких политиков буржуазного толка как в самой России, так и за её пределами, а ставка была сделана на совершенно ошибочный вариант, как показало будущее, – на военную диктатуру адмирала Колчака.

В этом новом политическом раскладе Сергею Таскину уготовили на сей раз весьма скромную роль – должность сначала комиссара, а потом управляющего Забайкальской областью. 27 ноября 1918 г. он прибыл в Читу и приступил к исполнению своих обязанностей. Став представителем колчаковской власти (официально – с 5 декабря), он сразу же, во-первых, столкнулся с противодействием атамана *Семёнова*, у которого с новым верховным правителем России отношения, мягко говоря, не сложились. А во-вторых, и сама власть управляющего областью являлась абсолютно формальной, поскольку на территории Забайкалья безраздельно хозяйничал один только *Григорий Михайлович Семёнов*, неусыпно оберегаемый политическими и военными заботами Японии. Точно так же – чисто формально – в Забайкалье в тот период действовали органы городского и земского самоуправления, впрочем, гражданские власти и на территории остальной Сибири («Колчакии») вряд ли находились в лучшем положении.

Об идеях сибирского автономизма и демократии в «царстве» *Семёнова* тогда забыли вообще, а вместо этого в голове, мягко говоря, странного казачьего атамана созрел план по созданию единого монголо-бурятского государства под протекторатом монархической Японии. Какие порядки должны были царить в новом территориальном образовании, можно судить хотя бы по тому факту, что третий круг Забайкальского казачества, собранный по инициативе *Семёнова* в мае 1919 г., высказался за ликвидацию органов земского самоуправления на казачьих территориях (лиха беда – начало). Таким образом, отменялись решения II казачьего съезда, проходившего летом 1917 г. под председательством Сергея Таскина и под диктовку партии эсеров.

Интересы *Семёнова* и Таскина, а также стоявших за ними политических группировок вновь сблизились в январе 1920 г., когда адмирал Колчак, потерпевший к тому времени полное поражение в противостоянии с большевиками, передал все полномочия по верховному управлению Забайкальем и Дальним Востоком в руки атамана Семёнова. Последний вновь, как и в апреле 1918 г., создал при своей персоне автономное правительство (официально – правительство Российской Восточной окраины) для управления не подконтрольными Советам территориями. С.А. Таскин занял сначала опять должность управляющего гражданской частью в этом правительстве, а вскоре и возглавил его. Однако бороться с красными *Семёнов* оказался ещё менее способен, чем Колчак, да и дальневосточные земцы после нескольких поражений атаманского воинства отказались подчиняться забайкальскому царьку.

В создавшихся условиях, для того чтобы попытаться договориться об объединении усилий с дальневосточниками, *Григорий Семёнов* уже не командировал, как в прошлый раз, а посчитал возможным лишь настоятельно попросить Сергея Таскина в конце июля съездить во Владивосток и силой своего авторитета, как старого и несгибаемого демократа, убедить друзей-земцев каким-то образом всё-таки подружиться с атаманом-диктатором. Но эти усилия оказались тщетными, дальневосточники к тому времени решили уже создать собственную территориальную автономию, основанную, по преимуществу на демократических принципах и неподконтрольную, ни московским Советам, ни, тем более, *Семёнову*.

В конце октября того же 1920 г. красные части заняли Читу, а потом и ст. Борзя, куда переехало семёновское правительство; в конце концов, все оставшиеся теперь уже в небольшом количестве приспешники некогда грозного атамана, в том числе и Таскин, вынуждены были эмигрировать в Китай. До 1926 г. Сергей Афанасьевич заведовал артельным заводом в Харбине, потом работал преподавателем в русских гимназиях на территории КВЖД. В конце второй мировой войны, в период временной оккупации советскими войсками Маньчжурии, Таскин, сразу же попавший, что называется, под колпак советских спецслужб, сумел каким-то образом избежать ареста и депортации в Советский Союз. Умер в Харбине 7 июля 1952 года.

Таубе Александр Александрович – 54 года в 1918 г., уроженец Московской губернии, из семьи остзейских баронов. Окончил Михайловское артиллерийское училище и Николаевскую академию генерального штаба, участник русско-японской и 1-й мировой войн, генерал-лейтенант царской армии. В ходе последней войны получил тяжёлое ранение, после чего его отправили в тыл, с весны 1916 г. он занимал должность начальника штаба Омского военного округа. После Февральской революции вступил в число сторонников демократической революции, в июле по настоянию Омского Совета рабочих и солдатских депутатов Таубе был назначен на должность командующего войсками Омского

ВО. После Октябрьской революции Александр Александрович одним из первых из состава офицеров округа перешёл на сторону советской власти.

В марте 1918 г. Таубе перевели в Иркутск в распоряжение Центросибири, в результате чего он занял должность начальника главного штаба сибирского военного комиссариата, разрабатывал планы военных операций против атамана Семёнова. Летом 1918 г. во время чехо-эсеро-белогвардейского мятежа входил в состав сибирского верховного военного командования. После разгрома войск Центросибири по подложным документам Александр Александрович пытался бежать в Центральную Россию, но был опознан и 2 сентября того же года арестован. Содержался в тюрьме г. Екатеринбурга вместе с томскими и некоторыми другими сибирскими большевиками. Заболев тифом, Таубе в январе 1919 г. умер там же, в екатеринбургской тюрьме. Дети генерала служили в колчаковской армии и, по версии советских историков, тайно сотрудничали с красными партизанами.

Тибер-Петров Виктор Тимофеевич – 39 лет в 1918 г., родился в Сибири, по национальности – алтаец. Окончил Томский университет, врач по образованию, активный участник сибирского областнического движения главным образом на его последнем (революционном) этапе. В июле 1917 г. он был привлечён к работе в один из отделов Алтайской горной думы. Осенью того же года выдвигался алтайцами кандидатом в члены Всероссийского Учредительного собрания, однако его опередил поддержанный эсерами томич *М.Б. Шатилов*. Тибер-Петров после Октябрьской революции одно время примыкал к большевикам (так он обозначил себя в делегатской карточке II Сибирского областного съезда). Но после разгона последними Всероссийского Учредительного собрания и Сибирской областной думы Владимир Тимофеевич перешёл в оппозицию к партии Ленина и стал в большей степени, видимо, симпатизировать меньшевикам, характеризуя своё политическое кредо в качестве беспартийного социалиста. Так в декабре 1917 г. Тибер-Петров вошёл в состав финансово-экономического отдела при Временном Сибирском областном совете, судя по документам, – как большевик, а потом, в конце января 1918 г., просто как социал-демократ стал министром туземных дел во Временном правительстве автономной Сибири.

В феврале того же года, как член оппозиционного по отношению к советской власти кабинета министров, Тибер-Петров перешёл на нелегальное положение, а затем эмигрировал в русско-китайский Харбин. Здесь вместе со своими товарищами по Сибирскому правительству в изгнании Виктор Тимофеевич активно включился в подготовку антибольшевистского переворота в Сибири, после успешного осуществления которого Тибер-Петров, однако, оказался не у дел, так как в среде победившего в политической борьбе право-демократического лагеря ему так и не смогли простить его левого прошлого. По возвращении из Харбина в Горный Алтай Виктор Тимофеевич некоторое время исполнял обязанности председателя Каракорум-Алтайской окружной управы, вместо попавшего в ещё большую немилость сначала к сибирским, а потом и колчаковским властям *Г.И. Гуркина*. После окончания Гражданской войны Тибер-Петров остался в Сибири и помогал большевикам в проведении их национальной политики в Горном Алтае.

Тимофеев Андрей Фёдорович – 35 лет в 1918 г., уроженец Казанской губернии, образование – средне-специальное, по основной профессии – землемер, член партии правых эсеров. В 1917–1918 гг. – видный деятель земского движения в Енисейской губернии. В 1928 г. был приговорён к отбыванию срока в исправительно-трудовых лагерях. Дальнейшая судьба неизвестна.

Тимофеев Евгений Михайлович (он же Литвинов) – 33 года в 1918 г., родился в Тобольске в семье ссыльного революционера-народника, учился в Иркутской гимназии, правый эсер с 1905 г. В период Февральской революции являлся сотрудником иркутской эсеровской газеты «Сибирь», член Учредительного Собрания от Иркутской губернии, в последующем один из виднейших деятелей правоэсеровской партии России.

Тирбах Артём Игнатьевич – 28 лет в 1918 г., дворянин, происходил из древнего рода прибалтийских баронов, восходящих своими корнями к рыцарям Тевтонского ордена. Родился, по некоторым данным, в Ташкенте, в 1912 г. окончил столичное Николаевское кавалерийское училище, после этого его направили на службу в Забайкальское казачье войско. Участия в Первой мировой войне он, по всей видимости, не принимал, поскольку к 1917 г. не имел никаких боевых наград и находился всего лишь в звании подъесаула (старшего лейтенанта, если на современный лад). Однако за период Гражданской войны барон фон Тирбах сделал блестящую (можно бы взять в кавычки, конечно) военную карьеру, дослужившись за неполные три года от подъесаула до генерал-майора. И всё это главным образом лишь потому, что в 1917 г. Артём Игнатьевич познакомился, а потом и подружился с есаулом *Семёновым*, будущим военным диктатором Забайкалья.

Став одним из ближайших сподвижников атамана, подъесаул Тирбах был назначен сначала начальником контрразведки Особого Маньчжурского отряда, а осенью 1918 г., когда Г.М. Семёнова

«избрали» походным атаманом Дальневосточных казачьих войск, уже к тому времени полковник фон Тирбах сменил его на посту командира ОМО. В 1919 г., после того как Особый Маньчжурский отряд разросся до целого корпуса, Артёма Игнатьевича назначили начальником 1-й Маньчжурской сводной дивизии, вскоре его повысили в звании уже до генерал-майора. В тот же период барон негласно продолжал отвечать у Семёнова за деятельность его спецслужб и прославился немалыми «подвигами» на данном поприще, заслужив вместе с другим обрусевшим немецким бароном фон Унгерном славу первого палача забайкальской семёновской вотчины, так, по крайней мере, трактует это советская историография.

Летом 1920 г. генерала фон Тирбаха Семёнов назначил начальником Читинского военного училища, но ненадолго, поскольку вскоре семёновцы вместе с присоединившимися к ним каппелевцами потерпели полное поражение от Красной армии и оставили территорию Забайкалья. После окончания Гражданской войны Артём Игнатьевич оказался в эмиграции, проживал на территории китайской Маньчжурии, где по-прежнему сохранял тесные связи с атаманом Семёновым и с покровительствующими ему японцами, занимал одну из руководящих должностей в «Союзе казаков Дальнего Востока и бывших членов Дальневосточной армии», являлся поселковым атаманом района так называемого Трёхречья. Летом 1935 г. генерал фон Тирбах был убит во время стихийно возникшего выступления русских казаков, недовольных прояпонскими настроениями в среде своего руководства.

Тиунов Виктор (иногда Ермолай) Фотиевич – 19 лет в 1918 г., уроженец Пермской губернии, из крестьянской семьи, вместе с родителями переселился в Сибирь. Во время Первой мировой войны был призван в армию и в начале 1917 г. являлся солдатом 25-го Томского запасного полка. После Февральской революции 1917 г. вступил в партию большевиков (по другим сведениям – только после октября того же года), принял активное участие в организации советской власти в Томске, занимался главным образом агитацией среди солдат томских запасных полков в пользу большевиков. В первой половине 1918 г. Виктора Тиунова назначили на должность предисполкома Томского городского Совета рабочих и солдатских депутатов, а с конца февраля и до конца мая того же года он входил также в состав томского городского военно-революционного штаба. 31 мая он не успел или не смог эвакуироваться вместе с другими большевистскими руководителями из Томска, и его сразу же арестовали по приказу новых властей.

В ноябре того же года, во время вооруженного восстания части военнослужащих томского гарнизона, Тиунова освободили из тюрьмы, после этого он перебрался в Барнаул. Там, находясь на нелегальном положении, он принял активное участие в подпольной работе, опять был арестован, но потом вновь бежал из-под стражи. Весной 1919 г. Виктор Фотиевич прибыл в Омск, где продолжил свою нелегальную деятельность. После окончания Гражданской войны Тиунов в разное время занимал должности председателя ГубЧК в Семипалатинске, Иркутске, а потом в Омске, являлся заместителем председателя Западно-Сибирского крайисполкома, а ещё некоторое время спустя – начальником Главного управления картографии и геодезии НКВД СССР. Погиб в 1938 г. в период сталинских репрессий.

Тобоков Даниил Михайлович – 42 года в 1918 г., уроженец Бийского уезда Томской губернии, из семьи зажиточного (скотоводство и торговля) крещённого в православие алтайца, сам тоже христианин, образование – начальное домашнее, проживал в с. Улала (теперь Горно-Алтайск). Русским языком владел не очень хорошо, но, несмотря на это, в 1907 г. он был избран депутатом II Государственной думы от Томской губернии, ни к одной из политических партий не принадлежал, в Думе вошёл в сибирскую парламентскую группу. Пользуясь депутатскими полномочиями, Даниил Михайлович выхлопотал для своего отца разрешение на винную торговлю в Улале, за счёт чего семья Тобоковых ещё больше разбогатела.

После Февральской революции 1917 г. он стал одним из организаторов процесса по обособлению Горного Алтая сначала в отдельный уезд, а потом в территориально-национальную автономию в рамках Российского государства, являлся участником двух Горноалтайских съездов (Бийского и Улалинского). Ещё в мае 1917 г. Даниил Михайлович направил в Томск в адрес губернского Народного собрания телеграмму с предложением санкционировать созыв летом того же года съезда инородцев Горного Алтая для обсуждения проблем территориального самоуправления. На состоявшемся в июле Бийском съезде его избрали в состав так называемой Горной думы, а после Улалинского съезда, по всей видимости, – и членом Горно-Алтайской окружной управы. После свержения советской власти летом 1918 г. Даниил Тобоков, по сведениям *Г. Гинса,* был кооптирован в члены Сибирской областной думы. Дальнейшая его судьба с трудом прослеживается, место и дата смерти Даниила Михайловича неизвестны.

Токмашев Георгий Маркелович – 26 лет в 1918 г., родился на юге современной Кемеровской области в бедной семье телеутских татар (одна из народностей Горного Алтая), ученик Г.Н. Потанина,

по политическим взглядам был близок к народным социалистам (так он обозначил себя в делегатской карточке декабрьского (1917 г.) Сибирского областного съезда). Окончил православную церковно-приходскую школу в родном селе Челухоево, в возрасте 18 лет приехал в Томск в надежде поступить в духовную семинарию, по специальности преподавателя начальных училищ, но осуществить эти планы не смог, после чего осел в губернском центре и вскоре сблизился здесь с кружком местных учёных алтаеведов, в том числе с *Г.Н. Потаниным*, а также А.В. Анохиным, который даже привлёк его в 1913 г. к участию в своей научной экспедиции. В 1915 г. Георгий Маркелович начал публиковать собственные этнографические материалы в «Трудах томского общества изучения Сибири», среди которых, в первую очередь, необходимо отметить записанный им со слов телеутского (алтайского) сказителя и переведённый на русский язык народный эпос «Сказка об Алтай-Куучуны» с подробными комментариями. В то же время Георгий Маркелович экстерном всё-таки окончил духовную семинарию и получил диплом учителя.

В революционном 1917 г. Токмашев был приглашен на работу в Алтайскую Горную думу в должности инструктора по народному образованию. В этот же период он принимает активное участие в агитационной работе эсеровской партии среди алтайских народов, а также прилагает немало усилий для того, чтобы добиться выделения Гонного Алтая в отдельный уезд со своим земским самоуправлением. На декабрьском (чрезвычайном) Сибирском областном съезде Токмашева избрали в состав Национального совета при Временном Сибирском областном совете (в какой-то мере первом Временном Сибирском правительстве). Проживал в тот период в Томске по адресу: ул. Гоголевская (сейчас Гоголя)-24, кв.3. В начале 1918 г. Георгий Маркелович стал членом Сибирской областной думы, а в марте того же года – членом Каракорум-Алтайской (Горно-Алтайской) окружной управы, где продолжил заниматься проблемами образования среди алтайских народов, а также местным краеведением. В феврале 1919 г., уже при Колчаке, он возглавил главный алтайский комитет туземных народностей.

После разгрома белого движения Токмашев в конце 1920 г. был арестован большевиками, обвинён в антисоветской деятельности и приговорён сначала к расстрелу, а потом, учитывая его прежние просветительские заслуги перед алтайским народом, – к длительному тюремному заключению. Однако, проведя за решёткой всего два года, Георгию Маркеловичу посчастливилось освободиться по амнистии, после этого он жил некоторое время в родном селе Челухоево, а с 1924 года – в Улале, столице Горного Алтая, обзавёлся семьёй. Занимался преподавательской, а также успешной писательской и научной деятельностью, опубликовал несколько книг по фольклористике, а также издал учебник по грамматике алтайских языков, писал пьесы и стихи. В 1933 г. в столичном журнале «Новый мир» им был опубликован переведённый на русский язык, совместно с писателем В.Я. Зазубриным, алтайский героический эпос «Когутэй», который Токмашев записал ещё в 1914 г.

В 1934 г. по сфабрикованному обвинению в шпионской деятельности Токмашева опять арестовали и приговорили к 5 годам лагерей, в 1939 г. его освободили, и он с семьёй опять поселился в Челухоево, работал там счетоводом, а в 1945 г. получил разрешение на преподавание в начальной школе. В 1956 г. Георгий Маркелович переехал жить к сыну в Прокопьевск. Умер в 1960 г. от рака. Реабилитирован, по одним сведениям. в 1957 г., а по другим – в 1992 г.

Трилиссер Михаил (Меер) Абрамович – 35 лет в 1918 г. родился в Астрахани в семье сапожника, окончил Одесский университет, за участие в революционной деятельности был сослан в Сибирь (приговор – бессрочная каторга). После Февральской революции 1917 г. освобождён. Один из активных участников установления советской власти в Сибири, член Центросибири двух созывов, стоял у истоков создания и деятельности сибирского ЧК, в апреле 1918 г. возглавил её пограничный отдел. После Гражданской войны перешёл на службу в центральный (московский) аппарат ЧК и почти 8 лет руководил всей советской службой разведки (начальник Иностранного отдела ГПУ и ОГПУ). В феврале 1938 г. (по другим сведениям в 1942 г.) расстрелян как «враг народа». В 1957 г. реабилитирован и даже восстановлен в коммунистической партии.

Троицкий П.И. – член кадетской партии. После Февральской революции, в апреле 1917 г., являясь гласным Томской городской думы, был кооптирован в отдел (комиссариат) по управлению Томской губернией при временном комитете общественного порядка и безопасности. В мае того же года, после того как на основании решения Томского губернского народного собрания, комитет прекратил своё существование, Троицкий вновь вернулся на работу в городскую думу.

Ульянов Николай Васильевич – 37 лет в 1918 г. (см. делегатская карточка декабрьского Сибирского областного съезда), уроженец Нижегородской губернии, из семьи священника, по первому своему образованию также священник. В Сибири – с 1902 года, здесь окончил юридический факультет Томского университета, работал присяжным поверенным (в 1913 г. защищал в суде видных большевиков

– Куйбышева и *Косарева*). В период Первой мировой войны – офицер 42-го Сибирского стрелкового (запасного) полка, дислоцировавшегося в Томске.

После Февральской революции вступил в партию эсеров. С апреля 1917 г. Ульянов стал председателем совета офицерских депутатов Томска, в октябре и декабре – делегатом двух Сибирских областных съездов. В том же декабре 1917 г. Николай Васильевич был избран председателем Томской губернской земской управы, разогнанной 27 марта 1918 г. распоряжением Томского совдепа (указ от 26 марта). 31 мая того же года, в результате победы антибольшевистского вооруженного мятежа в Томске Ульянов вновь приступил к исполнению своих обязанностей председателя губернской земской управы. В июне и июле в составе триумвирата (*Ульянов*, *Башмачников, Грацианов*) исполнял обязанности томского губернского комиссара. Однако после отмены системы триумвирата и назначения на должность губернского комиссара кадета *Гаттенбергера* Ульянов с конца августа 1918 г. вновь возглавил Томскую губернскую земскую управу, а также томское отделение «Союза возрождения России». В сентябре того же года он руководил работой I Всесибирского съезда земств и городов, проходившего в Томске, и был избран председателем главного комитета Всесибирского союза земств и городов. Однако в конце ноября Николай Васильевич подал в отставку со всех своих постов в связи с призывом по мобилизации, как офицера, на службу в колчаковскую армию. После окончания Гражданской войны работал в одном из отделов томского совнархоза, в сентябре 1921 г. подвергался аресту по делу эсеровской партии. Дальнейшая судьба неизвестна.

Унгерн фон Штернберг Роман Фёдорович – 32 года в 1918 г., барон, из дворянского рода прибалтийских немцев, родился в Австрии. Учился в гимназии г. Таллина, потом – в морском кадетском корпусе Петербурга, в 1908 г. окончил Павловское военное училище и по собственной просьбе был зачислен в Забайкальское казачье войско. В 1913 г. сотник Унгерн подал в отставку и переехал на жительство в Монголию, решив посвятить свою жизнь освобождению этой страны из-под власти Китая, а если повезёт – то и возродить в будущем древнюю империю Чингиз-хана. Однако в связи с началом Первой мировой войны данные планы пришлось на время отложить.

Унгерн вновь поступил на военную службу, его определили сначала в 34-й Донской, а потом в 1-й Нерчинский казачий полк. За период военных действий Роман Фёдорович получил несколько ранений, отличался как личной храбростью, так и крайней своенравностью своего непростого характера, был награждён пятью орденами, в том числе и крестом Св. Георгия 4-й степени, дослужился до звания войскового старшины (подполковника). В 1917 г. за недисциплинированный поступок барона перевели на Кавказский фронт, где он познакомился с есаулом *Семёнов*ым. Вместе с ним Роман Фёдорович летом того же года по распоряжению Временного правительства отбыл в Забайкалье для формирования инородческих кавалерийских полков. Здесь их обоих застало известие об Октябрьской социалистической революции, которую они категорически не приняли и сразу же начали вооружённую борьбу с советской властью, перебравшись к концу 1917 г. на китайскую пограничную станцию Манчьжурия. Здесь они сформировали наполовину казачий, наполовину монголо-бурятский боевой отряд, сокращённо ОМО.

По поручению Семёнова барон Унгерн вскоре взял под свой контроль крупную железнодорожную станцию Хайлар, полностью зачистив её от революционных элементов. Часть из них он выслал в Россию, часть – подверг тюремному заключению, а некоторых – казнил. Летом 1918 г., после того как советская власть на территории Сибири и Забайкалья была ликвидирована, Романа Фёдоровича приказом атамана Семёнова произвели в генерал-майоры и назначили комендантом русской пограничной станции Даурия, где он установил ещё более жесткие порядки, чем по предыдущему месту службы. Преследовал не только революционных политиков, но и контрабандистов, а также устраивал карательные рейды против местных партизанских отрядов. Для этого под его команду Семёнов передал так называемую Азиатскую конную дивизию.

Осенью 1920 г. в результате окончательного разгрома колчаковских и семёновских войск, видя всю бесперспективность дальнейшего вооруженного сопротивления частям 5-й Красной армии, барон Унгерн решил вновь вернуться к своей давней идее по освобождению Монголии от китайской оккупации. Под предлогом организации кавалерийского рейда по тылам красных Роман Фёдорович увёл Азиатскую дивизию (а фактически бригаду, насчитывавшую тогда всего лишь полторы тысячи сабель) в Монголию и в феврале 1921 г. взял с боем столицу Монголии Ургу, освободив из китайского пленения теократического монарха этого государства Богдо-гэгэна VIII. За освобождение Внешней Монголии он получил титул хана и звание генерал-лейтенанта. В захваченной Урге найти русских революционеров тогда практически не удалось, поэтому весь накопившийся гнев барон выместил на сей раз на евреях, казнив несколько десятков человек.

Весной 1921 г., получив из Сибири сведения о начале массовых крестьянских волнений в связи с проводившейся большевиками продразвёрсткой, генерал-лейтенант Унгерн силами двух бригад общей

численностью около 4 тысяч человек предпринял попытку вновь прорваться на территорию Забайкалья. Однако данная операция закончилась полным провалом, войска мятежного барона подверглись полному разгрому, а оставшиеся в живых солдаты и офицеры Азиатской дивизии отказались подчиняться своему командиру, после чего ушли в китайскую Маньчжурию. Барон пытался пресечь бунт силами элитного монгольского дивизиона, но был предан и 20 августа в связанном виде попал в руки партизан из отряда *Щетинкина*. После этого его перевезли в Новониколаевск и там 21 сентября того же года расстреляли по приговору военного трибунала. В 1998 г. президиум Новосибирского областного суда отказал в реабилитации генерал-лейтенанта Р. Ф. Унгерна.

Имя этого неординарного человека обросло со времён Гражданской войны многочисленными мифами и легендами, его помыслы и дела до сих пор занимают умы не только учёных, исследователей и писателей, но и некоторых приверженцев так называемой паневразийской геополитической теории.

Урасов Виктор Александрович – 24 года в 1918 г., уроженец Пермской губернии, родился в семье ремесленника, по профессии – портной, в 1910 г. переехал в Томск. После Февральской революции – активный участник профсоюзного движения, председатель профсоюза швейников. После октября 1917 г. примкнул к большевикам, являясь членом Томского Совета рабочих и солдатских депутатов, был назначен сотрудником в отдел по борьбе с контрреволюцией, преобразованный впоследствии в местное отделение ЧК. В конце января 1918 г. Урасов принимал участие в мероприятиях по разгону Сибирской областной думы, в частности, по его собственному признанию, он лично арестовывал только что избранного министра Сибирского областного правительства эсера Шатилова. А в начале апреля того же года Виктор Урасов и руководитель томского ЧК Д. Кривоносенко обнаружили схрон с оружием, украденным эсерами с одного из военных складов Томска. В июне того же года во время чехо-белогвардейского антисоветского мятежа Урасов перешёл на нелегальное положение, потом тайно бежал из города и вступил в один из партизанских отрядов.

После окончания Гражданской войны работал в органах по продразвёрстке, потом вернулся к старой профессии портного. В тридцатые годы Виктор Александрович попал под молох сталинских репрессий, однако сумел выжить. Впоследствии был полностью реабилитирован, последние годы жизни провёл в г. Кимры современной Тверской области.

Его старший брат Владимир Александрович Урасов, большевик с 1905 г., в 1918 г. являлся одним из руководителей венгерской социалистической революции, имел ряд высших правительственных наград Венгерской народной республики, а также – советский орден Ленина.

Успенский Пётр Сергеевич – в 1918 г. первый советский комиссар омской милиции. 25 мая возглавил отряд красноармейцев, получивших приказ разоружить на станции Марьяновка эшелон с чехословацкими военнослужащими, вступил с ними в бой, во время которого был тяжело ранен и вскоре умер.

Устругов Леонид Александрович – 41 год в 1918 г., родился в Москве, окончил Петербургский институт путей сообщения, служил инженером-железнодорожником, сделал неплохую профессиональную карьеру, в мае 1916 г. его назначили начальником Омской железной дороги, а в ноябре того же года он стал помощником начальника управления железных дорог всей России.

После Февральской революции 1917 г. Леонид Устругов вошёл в состав Временного Всероссийского правительства в должности товарища (заместителя) министра путей сообщения. Октябрьскую социалистическую революцию и власть большевиков не принял. В январе 1918 г. на тайном заседании членов разогнанной большевиками Сибирской областной думы в Томске Устругов был заочно избран на должность министра путей сообщения во Временном правительстве автономной Сибири (ВПАС). В начале весны того же года Леонид Александрович эмигрировал в Китай, поселился в Харбине, где вошёл в состав правления КВЖД. В этот период он сблизился с политиками правого толка, официально вышёл из правосоциалистического по своему составу ВПАС и вскоре стал министром в так называемом Деловом кабинете генерала *Хорвата*, в июле 1918 г. объявившим себя временным верховным правителем России. Однако, после того как к власти в Сибири пришло Сибирское правительство П.В. Вологодского, Устругов был приглашён в его состав на прежнюю должность министра путей сообщения, потом его утвердило на том же посту и новое Временное Всероссийское правительство Уфимской Директории, а в завершение всего, – и сменившее его правительство адмирала Колчака.

В период колчаковщины Леонид Александрович, совместно с коллективом иностранных специалистов, во главе с американским инженером Стивенсоном (строителем Панамского канала), активно занимался проблемой восстановления пришедшей в упадок за годы Первой мировой войны Транссибирской железнодорожной магистрали и пополнения её подвижного состава. После разгрома белого движения Устругов эмигрировал за границу и до 1935 г. жил в Китае, потом вернулся в СССР, но, как оказалось, – напрасно. В 1938 г. он пал жертвой политических репрессий, был осуждён и расстрелян. Реабилитирован в 1989 г.

Устрялов Николай Васильевич (псевдоним Петр Сурмин) – 28 лет в 1918 г., родился в Петербурге в дворянской семье, окончил юридический факультет Московского университета, потом продолжил учёбу в Сорбонне и Марбургском университете. Устрялов – один из самых оригинальных философов революционной поры, основатель «сменовеховства», первый идеолог национал-большевизма. Февральскую революцию 1917 г. Устрялов встретил преподавателем Московского университета и, как большинство граждан тогдашней России, горячо и с одушевлением приветствовал её победу, но постепенно он стал разочаровываться в русской революции, видя наступающую повсеместно анархию, грозившую полным разрушением российской государственности. Пришедших к власти в результате Октябрьского переворота большевиков Устрялов сначала категорически не приемлет, но постепенно начинает им симпатизировать, наблюдая за тем, как большевики серьёзно пытаются навести хоть какой-то порядок в гибнущей стране. Однако после заключения большевиками Брестского мира, Устрялов вновь переходит в непримиримую оппозицию к ним, в это время он выезжает из Москвы в Пермь и устраивается на преподавательскую работу в местном университете.

После того как в декабре 1918 г. сибирские войска под командованием генерала Пепеляева освободили Пермь от большевиков, Устрялова вызвали в Омск и как члена кадетской партии назначили в некотором роде министром печати колчаковского правительства. В тот период Устрялов отвечал за формирование общественного мнения на территориях, находившихся под властью Колчака. И надо заметить, что делал он это, исходя не только из политических приоритетов кадетской партии, которая тогда заправляла на востоке страны, но и придерживаясь ярко выраженных по сути государственных позиций, считая, что первейшей задачей для всех людей, любящих Россию, должна стать её дальнейшая судьба, а не азартные политические игры. Тогда же Устрялов редактирует газету «Русское дело», название которой говорило само за себя; он как бы призывал всех делать, прежде всего, русское национальное дело, а потом уж заниматься всеми другими неотложными проблемами.

После разгрома белого движения Устрялов эмигрировал в Китай, жил в Харбине, занимался публицистической деятельностью, сотрудничал в левой, пробольшевистской, газете «Новости жизни». Именно в харбинский период он создал главные свои философские труды, в которых, переосмыслив весь трудный опыт русской революции и Гражданской войны, пришёл к парадоксальному для многих выводу. Он, что называется, как гром среди ясного неба, в среде до предела озлобленной белой эмиграции вдруг во всеуслышание заявил о том, что победивший в России большевизм – есть единственная сила, способная на данном историческом этапе сплотить большую часть населения России и вслед за тем возродить, наконец, великую русскую государственность. С этими идеями Устрялов в 1935 г. вернулся в СССР, но здесь ему тоже не поверили, через год он был арестован, а 1937 г. расстрелян. Реабилитирован в 1989 г. Идеи Устрялова, как представляется, до сих пор не потеряли своей актуальности. Дух воинствующего славянофильства, который он воспринял в свое время от покойного Д. Данилевского, после смерти Устрялова вселился, видимо, во Льва Гумилёва, а потом далее – по цепочке...

Устьяров О.Я. – поручик царской армии. В январе 1918 г. от сибиряков-фронтовиков его избрали членом Сибирской областной думы, после её роспуска он перешёл на службу к большевикам и вскоре его назначили командиром 1-го Томского красноармейского стрелкового полка. В мае того же года Устьяров, по некоторым данным, принимал участие в подавлении антисоветского мятежа в Томске. Поэтому, после того как власть в городе перешла в руки представителей Временного правительства автономной Сибири, он был арестован и посажен в тюрьму. Однако уже вскоре его освободили по ходатайству частного совещания СОД как члена Областной думы. И всё-таки через несколько дней теперь уже по настоятельному требованию городской следственной комиссии, с Устьярова сняли депутатскую неприкосновенность и как опасного государственного преступника вновь поместили за решётку.

1 ноября 1918 г. в результате восстания 5-го (запасного) стрелкового полка в Томске его освободили из заключения мятежные новобранцы томского гарнизона. По одной из версий, Устьяров попытался возглавить это вооруженное выступление, а по другим сведениям, наоборот, не принял никакого участия в мятеже и сразу же куда-то исчез после своего освобождения из тюрьмы. Как бы то ни было, но восстание очень быстро подавили, после чего Устьярова опять арестовали и вскоре расстреляли по приговору военно-полевого суда.

Ушаков Борис Федорович – 28–30 лет в 1918 г., родился в семье генерала, потомственного дворянина Тамбовской губернии. Окончил Псковский кадетский корпус, Павловское военное училище и Николаевскую академию Генерального штаба. Участник Первой мировой войны, служил главным образом в корпусных, а потом армейских штабах, был награждён двумя орденами, подполковник. После Февральской революции 1917 г. встал на оборонческие, а потом и государственно-охранительные позиции, поддержал корниловский мятеж и высказывался в этот период за передачу власти в стране

исключительно в руки представителей коренной славянской национальности. Октябрьскую революцию не принял категорически, несколько раз арестовывался большевиками и даже некоторое время провёл в заключении. После освобождения в феврале 1918 г. Ушаков поступил на службу в Чехословацкий корпус и получил назначение на должность офицера штаба 4-го полка, а потом, предположительно в апреле-мае, возглавил штаб 2-й дивизии. Направляясь вместе с частями корпуса через Сибирь во Владивосток, в конце весны 1918 г. Борис Фёдорович оказался в самом эпицентре антибольшевистского мятежа.

29 мая во главе чехословацкого ударного батальона подполковник Ушаков сверг власть Советов сначала в Канске, а потом двинулся на Красноярск. В последующем Борис Фёдорович принимал активнейшее участие в разгроме красных частей на территории Восточной Сибири и Забайкалья. В середине июля, после освобождения Иркутска, он стал исполнять обязанности начальника штаба Байкальского фронта, осуществлявшего боевые действия объединёнными силами Чехословацкого и Средне-Сибирского корпусов. Разрабатывая планы многих успешных операций, он сам принимал непосредственное участие в боевых действиях.

Во время проведения одной из таких операций Ушаков с группой десанта высадился 16 августа в тылу у красных на юго-восточном побережье Байкала в районе станции Посольская. Разобрав часть железнодорожных путей, отряд в неравном бою в течение суток сдерживал наступление красных частей и понёс очень большие потери. 17 августа, проверяя дозор на одном из разъездов, Ушаков попал в плен к красногвардейцам-мадьярам и был ими убит. За проявленное мужество Бориса Фёдоровича произвели в полковники и 30 августа с большими почестями по ходатайству местной общественности похоронили в г. Канске. 20 апреля 1919 г. (по другим сведениям, 3 декабря 1918 г.) верховный правитель России адмирал А.В. Колчак посмертно наградил полковника Ушакова орденом Св. Георгия Победоносца (IV степени) – высшей боевой наградой Российской империи. В городе Канске на могиле героя установили монумент, сооруженный на пожертвования местных жителей. После окончания Гражданской войны этот памятник разрушили, а могилу Ушакова сровняли с землёй.

Фабрикант Моисей Львович – по национальности – еврей, родился где-то на западе Российской империи. В начале XX века проживал в Варшаве, там и примкнул к революционному движению, предположительно, в это же время вступил в РСДРП меньшевиков. Спасаясь от преследования полиции, в 1913 г. бежал на восток и некоторое время проживал сначала в Троицке Оренбургской губернии, а потом в Сибири – в г. Новониколаевске. Здесь в период Первой мировой войны Моисея Фабриканта призвали в армию и определили на службу в 23-й запасной Сибирский полк. Так и не успев поучаствовать в боевых действиях, тут же в Новониколаевске он встретил зарю Февральской революции.

Став одним из ведущих политических деятелей города, Фабрикант занял должность председателя местной организации «Бунд» (еврейской социал-демократической партии) и вошёл в состав городского Совета рабочих и солдатских депутатов. На протяжении всего 1918 г. Моисей Львович являлся видным функционером сибирского профсоюзного движения, сначала при большевиках, а потом – при сместивших их демократах. Летом 1918 г. он был избран депутатом Сибирской областной думы от профсоюзов Западной Сибири. Моисей Львович также являлся одним из инициаторов созыва октябрьского 1918 г. Всесибирского профсоюзного съезда в Томске, разогнанного властями пробивавшей себе дорогу военно-буржуазной диктатуры.

После окончания Гражданской войны Фабрикант вступил в партию большевиков и до 1921 г. руководил семипалатинским губернским комитетом труда, потом в должности наркома (министра) труда вошёл в первое советское правительство Казахстана.

Фельдман Моисей Соломонович – 35 лет в 1918 г., еврей по национальности, родился в Киренске Иркутской губернии в семье ссыльнопоселенца, образование – домашнее. Правый эсер с 1904 г. В период Первой русской революции находился на нелегальном положении сначала в Москве, потом в Выборге и вместе с ещё одним известным сибирским эсером Николаем Калашниковым входил в знаменитый своими терактами Северный боевой отряд, за что в 1907 г. был арестован и приговорён к 10-летнему заключению. Отбывал срок в тюрьмах Центральной России, а в начале 1917 г. его направили на административную ссылку в Иркутскую губернию, где его и застала Февральская революция. В 1917–1918 гг. Фельдман – один из ведущих политиков Сибири центристского направления, член Всесибирского краевого комитета ПСР, депутат Сибирской областной думы (СОД), проживал в Томске.

После роспуска большевиками СОД Фельдман в феврале 1918 г. официально устроился на работу в продовольственный отдел при Томском губисполкоме, но одновременно с этим он вступил на поприще нелегальной борьбы с советской властью и организации на территории Сибири антибольшевистского

вооруженного мятежа. 27 мая того же года Фельдман был арестован в числе некоторых других участников подпольной Всесибирской правоэсеровской конференции и отправлен в тюрьму, откуда его вскоре освободили уже новые демократические власти, свергнувшие диктатуру большевиков в результате вооруженного восстания.

В августе 1918 г. Моисей Соломонович принял активное участие в работе вновь созванной в Томске Сибирской областной думы, вошёл во фракцию эсеров и являлся сторонником передачи распорядительной власти в Сибири в руки СОД, а исполнительной – действующему от имени Думы правительству. С этой целью он в составе специальной думской делегации вёл переговоры с главой Временного Сибирского правительства П.В. Вологодским о переносе резиденции ВСП из правоконсервативно настроенного Омска в постоянно демократически оппозиционный Томск, а также об удалении из кабинета министров явно реакционных политиков, таких как: Иван Михайлов и Александр Гришин-Алмазов. Однако ни то, ни другое требование не было удовлетворено. И более того, уже через месяц из Омска пришло распоряжение о приостановке работы Сибирской областной думы, депутаты которой расценили данный указ, подписанный в отсутствии председателя правительства как раз тем самым И. Михайловым, как попытку нового государственного переворота в Сибири.

Для её предотвращения умеренно левые члены СОД выбрали из своего числа специальный Комитет, в который от фракции правых эсеров вошёл Моисей Фельдман. После того как Комитет по распоряжению властей был распущен, а его председатель Павел Михайлов арестован, Фельдман в составе особой думской делегации выезжал в Омск, для того чтобы в очередной раз попытаться найти разумный компромисс в отношениях между Временным Сибирским правительством и Сибирской областной думой. Однако и из этой затеи ничего не вышло, более того, за неделю до колчаковского переворота указом нового Временного Всероссийского правительства Уфимской директории, устроившего себе резиденцию в том же самом Омске, СОД окончательно ушла в небытие. Ну и, наконец, по причине того, что на территории Сибири в конце ноября 1918 г. утвердился режим военной диктатуры во главе с А.В. Колчаком, Фельдман, как и большинство его соратников из Всесибирского краевого комитета ПСР, перешёл в оппозицию к новой власти.

Результатом такого развития событий явился очередной раунд полулегальной деятельности Моисея Соломоновича на территории Сибири, а также его участие в декабре 1919 г. в антиколчаковском вооруженном мятеже в Иркутске, подготовленном деятелями из так называемого Политцентра (политического органа эсеровско-областнического направления), членом которого Моисей Соломонович также являлся в тот период. После победы данного вооруженного восстания, косвенным результатом которого стал арест самого верховного правителя России А.В. Колчака (именно в руки М. Фельдману «со товарищи» передали чехословаки задержанного ими адмирала), Моисей Соломонович в январе 1920 г. в составе делегации от Политцентра участвовал в переговорах о мирной, то есть без всякого сопротивления, передаче власти на территории Иркутской губернии в руки большевиков. В качестве компенсации этой политической сделки делегация Политцентра вытребовала у советского правительства согласие на создание в Забайкалье не зависимого ни от большевиков, ни от белогвардейцев буферного государства – Дальневосточной республики.

После окончания Гражданской войны Фельдман перебрался в центр России, официально вышел из партии социалистов-революционеров, однако это его не спасло, в 1923 г. он был арестован и приговорён к трём годам лагерей. Отбывал срок на Соловках, потом содержался в тюменском политическом изоляторе, затем его определили на поселение в Усть-Сысольск. Дальнейшая его судьба прослеживается с трудом. По некоторым сведениям после освобождения Моисей Соломонович поселился в Ленинграде и в 1942 г. умер во время блокады.

Филимонов Фёдор Фёдорович – 56 лет в 1918 г., уроженец г. Камышлова на Урале, из купеческой семьи, учился в Московском университете, однако за участие в студенческих волнениях был отчислен и выслан на родину, член кадетской партии с 1912 г. По основной своей профессии – адвокат, до революции 1917 г. печатался в ведущих сибирских газетах, публиковал главным образом стихи собственного сочинения и даже издал два поэтических сборника. В 1917-1919 гг. Филимонов являлся редактором красноярской кадетской газеты «Свободная Сибирь», публиковавшей критические материалы как против большевиков, так и против партии эсеров, причём Фёдор Фёдорович сам являлся автором некоторых статей подобного рода, подписанных псевдонимом «Дедушка Фадей». По окончании Гражданской войны в Сибири в январе 1920 г. Филимонова арестовали особисты 5-й Красной армии и в конце марта расстреляли. Реабилитирован в 1997 г.

Флегонтов Антон Матвеевич – 31 год (по другим данным – 29 лет) в 1918 г., родился в Чите в мещанской семье, работал почтовым служащим, в 1905 г. вступил в партию эсеров (в 1917 г. примкнул к её правому крылу), с 1906 г. находился под надзором полиции. В этот же период перебрался в Иркутск

и занялся там чисто подпольной революционной деятельностью, в 1909 г. был выдан провокатором и в следующем году приговорён к ссылке в Якутию.

После Февральской революции 1917 г. Флегонтов вернулся в Читу и сразу же вошёл в состав Забайкальского комитета общественной безопасности, а также в исполком Читинского Совета рабочих и солдатских депутатов. В начале осени того же года его избрали гласным (депутатом) Читинской городской думы, в которой он занял должность председателя, а в ноябре того же года Антон Матвеевич стал членом Всероссийского Учредительного собрания.

К Октябрьской революции отнёсся очень настороженно и как мог противостоял с товарищами-однопартийцами попыткам со стороны большевиков установить безраздельную власть над Забайкальем. Так, вместо прекратившего к концу декабря своё существование областного КОБа по инициативе читинских демократов для противостояния диктатуре слева в Чите был создан коалиционный Народный совет, в который вошли представители всех революционных политических партий, а также классовых объединений трудящихся. Антон Флегонтов вошёл в состав Народного совета от 2-го областного съезда сельского населения. Однако уже в феврале 1918 г. собравшиеся с силами большевики распустили коалиционный орган революционной демократии, а вслед за ним городскую думу и земское самоуправление. Противостояние с советской властью оказалось проигранным.

Реванш забайкальским демократам удалось взять лишь в конце августа того же года, когда в результате общесибирского вооруженного восстания диктатуру большевиков удалось временно низвергнуть. Уже утром 25 августа, в то время как отдельные части красных войск ещё находились в Чите, в помещении областного краеведческого музея состоялось нелегальное заседание членов областной и уездной земских управ, а также гласных городской думы, на котором была избрана так называемая Коллегия общего присутствия, составленная из представителей самоуправлений и призванная в переходный период обеспечить временную власть в городе. В эту Коллегию под председательством бывшего руководителя областной земского управы Матвея Ваксберга вошёл и Антон Флегонтов. 26 августа большевики полностью оставили Читу, и в тот же самый день в город вступил 1-й Томский добровольческий полк под командованием подполковника Иванова.

Экстренное заседание представителей местного самоуправления, собранное в столь радостный для многих момент, постановило – подчиниться власти Временного Сибирского правительства, доблестные войска которого принесли городу и области столь долгожданную свободу. На этом же собрании Антона Ивановича Флегонтова решено было рекомендовать ВСП в качестве временного областного комиссара Забайкалья. 9 сентября, во время визита в город специального представителя ВСП по Дальнему Востоку Леонида Загибалова, А.И. Флегонтова окончательно утвердили в должности. Однако в то же самое время в Читу прибыли передовые части семёновцев во главе с полковником Т.И. Артамоновым и в сопровождении кавалерийского отряда японцев. В городе опять стал устанавливаться режим диктаторской власти, но на сей раз уже правого толка. В Чите начались массовые аресты, причём не только в рабочих предместьях, но и в среде представителей так называемой трудовой интеллигенции – мелких служащих, инженеров и, главным образом, учителей, обвинённых в сотрудничестве с советской властью.

Происходящее, вполне естественным образом, вызвало обеспокоенность у демократически настроенных политиков города, которые стали в очередной раз прилагать усилия, направленные на то, чтобы противостоять людям, не желавшим идти ни на какие компромиссы с умеренной оппозицией. Так, только что утверждённый в должности областного комиссара Забайкалья, Антон Флегонтов пригласил на общее собрание педагогов города, состоявшееся в одной из гимназий Читы, члена семёновского Забайкальского правительства генерала Ивана Шильникова, имевшего репутацию порядочного, трезвого и вполне адекватного человека. Цель данной акции состояла в том, чтобы попытаться каким-то образом воздействовать на семёновскую администрацию хотя бы в плане прекращения арестов среди педагогов в период уже начавшегося учебного года.

О собрании учителей, а также о том, что по его окончании генерал Шильников отправился домой в одном экипаже с комиссаром Флегонтовым, сразу же сообщили атаману Семёнову, находившемуся в тот момент на ст. Маньчжурия. Грозный атаман заподозрил во всём произошедшем тайный сговор и тут же приказал арестовать обоих фигурантов этого «дела». Так Антон Иванович, как в старые «добрые» времена, опять оказался за решёткой, причём его освобождению даже не помогло заступничество самого председателя Временного Сибирского правительства П.В. Вологодского, 14 сентября проезжавшего Читу и указавшего атаману на незаконность ареста областного комиссара. Амнистия наступила лишь 21 октября, после того как «дело» Флегонтова и Шильникова было тщательно проверено совместной комиссией Сибирского и Забайкальского правительств. Оставаясь после освобождения под надзором правоохранительных органов «царства» Семёнова, Антон Иванович вынужденно покинул все занимаемые им административные посты (27 ноября в должности областного комиссара Забайкалья

его сменил Сергей Таскин) и перешёл на работу в систему сибирской кооперации. В 1919 г. он стал членом Забайкальского областного правления кооперативов. В мае того же года Антон Иванович вновь баллотировался в гласные Читинской городской думы как представитель профессиональных союзов и социалистических партий города.

После разгрома белых на территории Забайкалья Флегонтов перебрался на Дальний Восток. В 1921 г. его избрали в члены Учредительного собрания Дальневосточной республики, а в 1922-м – депутатом Народного собрания ДВР второго созыва. В результате окончательного поражения белого движения в Приморье и ликвидации Дальневосточной республики Антон Иванович сразу же был арестован большевиками и приговорён к 3 годам лишения свободы за оппозиционную деятельность. По выходу из тюрьмы его отправили в ссылку: сначала – в Ашхабад, потом – в Ташкент, с 1932 г. он находился в Павлодаре, а с 1934 г. – в Уфе. В следующем году ему, как больному тяжелой формой туберкулёза, столичные друзья выхлопотали поселение под надзором в Ялте. Умер в 1946 г.

Флуг Василий Егорович – 58 лет в 1918 г., родился в Санкт-Петербурге, в дворянской семье, выпускник Михайловского артиллерийского училища, в 1890 г. окончил Николаевскую академию Генерального штаба. С 1896-го в течение 14 лет служил на Дальнем Востоке. В 1901 г. за участие в подавлении народного «боксёрского» восстания в Китае был награждён Золотым оружием. С 1905-го по 1908 г. генерал-майор Флуг являлся военным губернатором Приморья и одновременно наказным (то есть назначенным лично царём) атаманом Уссурийского казачьего войска, участник русско-японской и Первой мировой войн. Во время последней Флуг сначала возглавлял 10-ю армию на Северо-Западном фронте, но потом по каким-то причинам оказался понижен в должности и в последующем командовал лишь отдельными фронтовыми корпусами, кавалер многих боевых орденов, в том числе и Св. Георгия IV степени; в тот же период Василий Егорович получил звание генерала от инфантерии (высшее воинское звание в царской армии).

Являясь доверенным лицом командующего Добровольческой армией генерала *Л.Г. Корнилова*, Флуг в начале 1918 г. прибыл со специальной миссией в Сибирь – с целью налаживания связей с местным подпольем и организации единого фронта в борьбе с большевиками. В ходе той поездки вместе с верным помощником подполковником *В.А. Глухарёвым* Флуг побывал в Омске, Томске и Иркутске, где активно контактировал с руководством местных антисоветских организаций. Помимо этого в Томске Флуг имел встречу и с *Г.Н. Потаниным*, в ходе которой передал сибирскому «патриарху» личное послание генерала Корнилова. В начале лета того же года миссия Флуга достигла конечного пункта своей тайной миссии, – столицы КВЖД, являвшейся одновременно и центром русской дальневосточной эмиграции, – города Харбина. Здесь Флуг и Глухарёв сразу же были назначены членами так называемого Делового кабинета (самопровозглашённого «временного правительства» России), возглавляемого генералом *Хорватом*.

После установления на территории Сибири и Дальнего Востока личной диктатуры адмирала Колчака генерал Флуг, сложивший к тому времени обязанности «министра» Делового кабинета, уехал назад в Добровольческую армию.

По окончании Гражданской войны Василий Егорович эмигрировал в Югославию, сотрудничал в эмигрантских военных журналах, так, в частности, в 1923 г. опубликовал воспоминания о, несомненно, исторической поездке в Сибирь. В это же время он являлся членом Российского общевоинского союза, а с 1930 г. возглавил его югославское отделение. Некоторые источники указывают, что, несмотря на уже преклонный возраст, 80 лет, генерал Флуг после начала Второй мировой войны вступил, на территории той же Югославии, в Русский корпус, подчинявшийся немецкому командованию и сражавшийся с партизанами Тито, а в конце войны присоединившийся к армии генерала Власова. В 1945 г. вместе с отступающим Русским корпусом Флуг перебрался в Австрию, потом – во Францию, а в 1946 г. – в США, где и умер в 1955 г., не дожив пяти лет до своего столетнего юбилея.

Фомин Нил Валерьянович – 28 лет в 1918 г., родился в Омске (по другим данным, – в Красноуфимске Пермской губернии); из семьи ремесленника, учился в Петербургском университете. Там вступил в эсеровскую партию, был арестован за распространение революционной литературы и в 1911 г. сослан в Сибирь на поселение. Отбывал срок на территории Енисейской губернии. Незадолго до Февральской революции он поселился в Красноярске и начал работать в системе сибирской кооперации. Ряд газетных источников времён Гражданской войны (правого толка) характеризовали Фомина как жидомасона. Являясь членом партии эсеров, он примыкал к её центристской группе интернационалистов.

В 1917–1918 гг. он – член Учредительного собрания от Енисейской губернии, член Сибирской областной думы, видный сибирский кооператор (в начале 1918 г. вошел в состав правления крупнейшего кооперативного объединения Сибири «Закупсбыт»). После разгона большевиками Всероссийского Учредительного собрания и Сибирской областной думы Нил Валерьянович весной-летом 1918 г. принял

самое активное и непосредственное участие в подготовке и проведении антисоветского мятежа в Сибири. После его победы он занял пост специального уполномоченного Сибирского правительства в районе от Новониколаевска до Иркутска. Во время своих экспедиционных поездок способствовал скорейшему установлению на местах власти земского самоуправления. В то же время его чрезвычайно беспокоил тот факт, что на первые позиции в управлении освобождёнными районами стремились выйти военные, среди которых, как отмечал Нил Валерьянович в составляемых отчётах, имелось немалое количество людей с консервативными и даже монархическими взглядами. Во время сентябрьского правительственного кризиса, когда из состава Временного Сибирского правительства под давлением правых кругов были выведены все министры-социалисты, Нил Фомин предлагал организовать террористический акт в отношении *Ивана Михайлова* – главного инициатора сентябрьских пертурбаций.

После колчаковского переворота, как приверженец парламентской демократии и противник любой диктатуры, Нил Валерьянович ушёл в оппозицию к новому режиму. В ноябре 1918 г. его арестовали в Челябинске и доставили в омскую тюрьму, откуда в ночь на 22 декабря того же года его освободили в числе многих других восставшие в городе большевики, однако в тот же день вечером Фомин, по настоянию властей сам добровольно вернулся в тюрьму. После этого в ночь на 23 декабря Нил Валерьянович, а вместе с ним и ещё несколько известных политиков демократического направления по чьему-то тайному приказу были вывезены группой колчаковских офицеров из тюрьмы и убиты. По версии правого эсера

Е. Колосова, проводившего независимое расследование совершенного преступления, Фомин и его товарищи подверглись расправе в ходе весьма запутанных событий, явившихся, тем не менее, результатом определённо преднамеренных действий со стороны правоконсервативных кругов в окружении адмирала Колчака.

Труп Фомина, найденный на берегу Иртыша, представлял собой обезображенное почти до полной неузнаваемости тело, с множественными пулевыми и колото-резанными ранами. Через несколько дней Нила Валерьяновича похоронили на одном из омских кладбищ. Гибель его вызвала большой общественный резонанс, так что адмирал Колчак поручил генеральному прокурору Старынкевичу лично проконтролировать ход следствия по этому делу. В результате, хотя и удалось выявить виновных (исполнителей), но их так и не сумели (а скорей всего – не захотели) привлечь к ответственности. Вместе с тем материалы неофициального расследования Колосова, касающиеся уголовного дела об убийстве члена Учредительного собрания Фомина, вскоре были опубликованы в сибирской печати и таким образом уже в начале 1919 г. стали известны во многих европейских странах, что в весьма негативном плане сразу же сказалось на имидже правительства Колчака за рубежом.

Хорват Дмитрий Леонидович – 60 лет в 1918 г., уроженец города Кременчуг Полтавской губернии, из семьи потомственных военных, по отцу он был наследником хорватского дворянского рода (отсюда и фамилия), в XVIII веке перешедшего на службу к русской императрице Елизавете Петровне, по линии матери Дмитрий Леонидович являлся внучатым племянником М.И.Кутузова. Окончил Николаевское военно-инженерное училище и Николаевскую военно-инженерную академию. Участник русско-турецкой войны 1878 г. Как военный инженер принимал участие в строительстве Закаспийской и Уссурийской железных дорог. С 1902 г. Дмитрий Леонидович являлся управляющим Китайско-Восточной железной дорогой, генерал-лейтенант царской армии.

В революционном 1917 г. генерал Хорват баллотировался в Харбине (столице арендованной у Китая территории КВЖД) под номером один по списку кадетской партии в члены Учредительного собрания, но не прошёл. Октябрьскую социалистическую революцию не принял, после выдворения в конце 1917 г. с территории КВЖД при помощи китайских войск советских властей Хорват, как глава российской администрации на отчужденной территории, начал заниматься организацией антибольшевистского сопротивления на Дальнем Востоке. В тот период под его контролем формируются казачьи отряды *Семёнова и Калмыкова*, а также добровольческий офицерский отряд полковника *Орлова*. В ходе антибольшевистского мятежа, начавшегося летом 1918 г. в Сибири и продолженного на Дальнем Востоке силами Чехословацкого корпуса, а также добровольческой Сибирской армии, генерал Хорват 9 июля на пограничной с Китаем станции Гродеково объявил себя временным верховным правителем России и сформировал так называемый Деловой кабинет (правительство), в который вошли видные в Сибири политические деятели правого толка. Однако после окончательной победы антибольшевистского восстания в конце сентября того же года Дмитрий Леонидович сложил с себя полномочия верховного правителя и распустил свой кабинет министров, делегировав собственные претензии на власть Временному Сибирскому правительству, возглавляемому *П.В. Вологодским*. После этого Хорват указом ВСП, подтвержденного впоследствии распоряжением и нового верховного правителя России адмирала Колчака, был назначен верховным уполномоченным по Дальнему Востоку.

По окончании Гражданской войны эмигрировал в Китай, работал советником китайского правительства по КВЖД, вскоре переехал из Харбина в Пекин. В 1927 г. генерала Хорвата, с санкции великого князя Николая Николаевича, утвердили главой русской эмиграции на Дальнем Востоке, что как бы узаконил в 1930 г. съезд эмигрантских организаций в Пекине. В эти годы Дмитрий Леонидович по-прежнему с неукротимой энергией занимался вопросами организации антибольшевистского вооруженного сопротивления, а каждый новогодний тост традиционно завершал словами: «Будем надеяться, что следующий Новый год мы встретим в своих имениях!». Но благостным надеждам так и не суждено было сбыться. Умер генерал Хорват в Пекине в 1937 г. Его похоронили на кладбище русской духовной миссии рядом с братской могилой православных мучеников, погибших во время так называемого боксёрского народного восстания в Китае в 1900 году. В 1938 г. здесь же перезахоронили и останки членов царской фамилии (четырёх великих князей), казнённых большевиками в Алапаевске в 1918 г. и вывезенных по личному распоряжению адмирала Колчака. (Первоначально с 1920 г. они находились в церкви преп. Серафима Саровского на Мисийском кладбище в двух километрах от Пекина.) В 1957 г. на территории русской духовной миссии расположилось советское посольство, останки китайских православных мучеников перенесли на Мисийское кладбище, а все остальные могилы, в том числе и генерала Хорвата, закатали под асфальт...

Хорхорин П. – левый эсер, в январе 1918 г. был назначен заместителем председателя Томского революционного трибунала. В конце мая того же года в момент начала антисоветская мятежа в Сибири по распоряжению большевистских властей Томска он с небольшим красноармейским отрядом отбыл в посёлок Самусь для защиты города от предполагавшегося наступления по реке Томи отрядов Чехословацкого корпуса.

Челпанов Чет – алтаец из дючины кобок. По роду основных своих занятий – пастух, пас стада *Аргымая Кульджина*, но имел и собственное хозяйство, состоявшее (к тому моменту, когда Чет стал исторической личностью) из пяти лошадей и сорока овец. Был женат и воспитывал приёмную дочь Чугул. В 1904 г. стараниями братьев Кульджиных Чета Челпанова объявили пророком новой веры для алтайцев – бурханизма. В том же году вместе с некоторыми ближайшими сподвижниками он оказался под арестом, а через три года предстал перед судом. Благодаря заступничеству со стороны передовой части сибирской интеллигенции, главным образом областников, в 1907 г. удалось добиться для Челпанова оправдательного приговора. После этого новоявленный «пророк» почти полностью отошёл от дел религиозных и на некоторое время стал ещё одной достопримечательностью Горного Алтая, его посещали деятели российской науки, культуры и просто любопытствующие. Однако, спустя некоторое время, Чет Челпанов постепенно перестал интересовать заезжих знаменитостей, а вскоре про него забыли и все остальные, так что у нас теперь даже не сохранилось никаких сведений о его дальнейшей судьбе, по крайней мере, мы таковых, как ни искали, найти не смогли.

Чернов Виктор Михайлович – 46 лет в 1918 г., уроженец Саратовской губернии, по отцу – разночинец, по матери – дворянин, несколько лет проучился на юридическом факультете Московского университета, но был отчислен за вольнодумство и за принадлежность к оппозиционным политическим организациям. Дальнейшие фундаментальные и глубокие научные знания получил в основном посредством самообразования, превратившись со временем в одного из ведущих теоретиков движения социалистов-революционеров в России; движения, ставившего главной целью завершение аграрной реформы в стране путём окончательной и полной ликвидации помещичьего землевладения. Осуществить такой передел эсеры предполагали двумя путями: или парламентским, или революционным. Последнему средству они, правда, отдавали явное предпочтение, направляя основные усилия на подготовку революции, вполне резонно полагая, что помещичий класс в России никогда добровольно, то есть мирным путём, не откажется от своей собственности на землю. В этой части программы эсеры сохраняли полное единство. Однако по вопросу о дальнейшей судьбе конфискованных земель в ПСР велись жаркие дебаты.

Правое крыло социалистов-революционеров предлагало перераспределять землю путём купли-продажи, то есть при сохранении форм частной собственности на средства производства. Центристы же во главе с Виктором Черновым выступали за полную отмену в России института частной собственности, настаивая на бесплатном распределении земли между всем трудовым крестьянством путём передачи её в вечное пользование, но без права продажи. Здесь черновцы весьма близко смыкались с большевиками, но категорически отвергали их командно-административный метод управления сельхозпроизводством, ратуя за рыночные формы ведения не только сельского, но и промышленного хозяйства в стране. О том, насколько идеи группы Виктора Чернова были популярны в партии и среди населения, особенно крестьянского, свидетельствует хотя бы тот факт, что на выборах в Учредительное собрание, как известно, убедительную победу одержала партия эсеров, намного опередившая не только полностью дискредитировавших себя кадетов, но и даже партию власти (когда ещё такое случалось в России), то

есть большевиков. Так вот, наибольшее число делегатов-эсеров составляли именно приверженцы идей Виктора Чернова.

Поэтому ни для кого не стало неожиданностью, что именно Виктор Михайлович Чернов 5 января 1918 г. занял кресло председателя Всероссийского Учредительного собрания. По воспоминаниям современников, Ленин появился в зале заседаний именно после того, как факт избрания Чернова уже невозможно было предотвратить. Вождь мирового пролетариата тогда скромно сел где-то на ступеньках поближе к сцене, слушал, ничего не записывал в свой блокнот (как он обычно делал) и, как показалось некоторым, как-то безвольно и очень странно улыбался. Он слушал выступление Виктора Чернова... внимательно слушал и в то же время думал о своём. Ему предстояло решить в тот момент, пожалуй, один из самых важных и трудных вопросов не только в русской, но и, возможно, во всей мировой истории (а в европейской – то уж точно): давать команду на разгон Учредительного собрания или нет. Молодцы (ударение на первый слог) матросы с красными повязками на бушлатах и с папиросками в крепких молодых зубах, стоявшие у входных дверей в зал, ждали только сигнала, и на их лицах вряд ли бы кто смог отыскать тогда хоть тень какого-то сомнения. Но их вождь, по всей видимости, слегка растерялся и оттого, кажется, впервые за последний год так безвольно улыбался.

Ленин в силу присущей ему политической прозорливости конечно же прекрасно понимал, может быть, даже лучше всех остальных членов Собрания понимал, что может произойти, в случае, если матросы Железняка по его приказу войдут и закроют форум, о котором мечтало и грезило несколько поколений русских революционеров. Тысячи и тысячи из них ради того, чтобы Собрание состоялось, жертвовали собственным здоровьем, личным счастьем и благополучием. А многие отдали за идеалы демократии даже и свои жизни, в том числе и Александр Ульянов, по-прежнему любимый и всё ещё безмерно обожаемый старший брат («Он старше вас, он умнее вас…» – А. Вампилов, «Старший сын»). Понимая, что в рай он уже не попадает в любом случае, Ленин думал о том, что если он сегодня в угоду конъюнктуре политического «рынка» всё-таки пойдёт против совести, то после смерти где-то там, на бесконечных кругах дантовского чистилища, при долгожданной встрече с любимым братом, он рискует быть им «неузнанным». А это будет для него, возможно, даже пострашнее котла с кипящей смолой...

А Виктор Чернов всё говорил. Он умел говорить, как он это делал – удивляло многих. Ленин сам являлся неплохим оратором, однако он не так часто выступал, и всё потому, что простому и мало подготовленному человеку его речи были не всегда понятны (кто читал ленинские статьи, то есть те люди, кто получал высшее образование в СССР до 1991 г., знают, как они трудны для восприятия). Как правило, роль «горлана-главаря» в партии большевиков всегда отдавали Льву Троцкому. Речи последнего перед революционно настроенными массами всегда считались более простыми и понятными, чем ленинские. Однако Троцкий представлял собой скорее великого сказочника, нежели ревностного правдолюба, поэтому он по большей части лгал, навязывая народу мысль, что если уничтожить под корень всю мировую буржуазию, то завтра же наступит всеобщее счастье и на всех русских берёзах, образно выражаясь, будут расти французские булки, уже намазанные вологодским, а ещё лучше – сибирским – сливочным маслом.

В публичных речах Виктора Чернова всё представлялось совсем иначе. Во-первых, в них не было никаких заимствований из сборника сказок братьев Гримм, там присутствовала главным образом только чистая конкретика и – никакой пустой демагогической риторики. Во-вторых, Виктор Михайлович, как и его литературный кумир Лев Толстой, старался говорить на понятном для большинства людей языке, без особых научных изысков и пустопорожних велеречий. И поэтому его всегда с большим интересом и пониманием слушали те, кто действительно по велению души или просто, исходя из жизненной необходимости, искал смысла в русской революции, а равно с этим и во всём перманентном русском бунте.

Но зато, если есть на Руси человек,
Кто корысти житейской не знает, –
Пусть тот смело идёт, на утёс тот взойдёт,
О Степане всю правду узнает.

Виктор Чернов из всех российских политиков той поры был в этом смысле, пожалуй, ближе всех к истине, как староверы-беспоповцы, надо полагать, ближе других православных верующих к богу.

То, что генерал от инфантерии Корнилов собирал на юге России Добровольческую армию против большевиков и всех остальных революционеров, Ленина в тот момент не так сильно пугало. Против его офицерских полков у советской власти имелись матросы Балтфлота и пролетарская гвардия. Единственной реальной силой белого движения, пожалуй, являлось только десятимиллионное казачье население великого Войска Донского. Однако против них под рукой у Ленина имелось стомиллионное крестьянство Центральной России, которое получило, согласно декретам большевиков, все бывшие

помещичьи земли и поэтому молилось за Совет народных комиссаров, как дети за отца родного. С такой силой большевикам не страшен был не только Лавр Корнилов, но, пожалуй, и вся Западная Европа с Америкой в придачу с их экспедиционными корпусами.

А вот эсеры с их идеями на злобу дня большевиков очень даже сильно тревожили. И особенно их беспокоили так называемые черновцы, составившие большинство Учредительного собрания, и лидер которых к тому же ещё и занял председательское кресло российского всенародного форума. Мало того, что эти люди вполне могли продублировать в стенах зала заседаний декреты советской власти о земле, так они имели все возможности ещё и переиграть большевиков, что называется, на их же собственном поле. Стоило только агитаторам от эсеровской партии разъяснить крестьянам, только что получившим вожделенные помещичьи заливные луга и чернозёмы, что большевики опять хотят загнать их в кабалу, но на сей раз к чиновнику-бюрократу из сельхозуправления. А также, – что в каждой деревне будут созданы теперь сельхозпредприятия, на которых крестьян лишат всякой предпринимательской инициативы и всех уровняют (и тунеядцев, и трудоголиков) в распределении доходов...

Эсеры же могли предложить российскому крестьянству рыночный вариант развития товарно-денежных отношений в сельхозпроизводстве, доказавший на практике свою высокую эффективность. Вместе с тем они предлагали исключить из рыночных отношений институт частной собственности на средства производства, достаточно плохо себя зарекомендовавший в ходе исторического развития. Это могло в корне поменять отношение русского крестьянина к большевикам и переманить значительную и главным образом деловую (читай: самую передовую и активную) часть русских хлеборобов в лагерь эсеров-интернационалистов, как ещё иногда называли сторонников группы Виктора Чернова. Данное обстоятельство являлось для большевиков почти смертным приговором, и именно тем неудобен был «селянский министр» (так Виктора Михайловича иногда величали в шутку его оппоненты, не подозревая, однако, что тем самым абсолютно точно определяли его главный политический козырь или конёк).

Таким образом, вождь мирового пролетариата внимал речам вождя российского селянства (90% населения России на тот момент) и понимал, что он вполне может и проиграть ему честную политическую схватку за власть... может и выиграть, конечно... но наверняка может и проиграть... процентов 90 за то, что может проиграть. Поэтому во спасение интересов мировой пролетарской революции сорокасемилетний Владимир Ульянов (Ленин) принял решение, несмотря ни на что, всё-таки разогнать Учредительное собрание, рассориться окончательно с российской демократической оппозицией и попросту забыть с того дня, как вообще её зовут...

Надежда на выправление курса русской революции появилась у Виктора Чернова и его товарищей полгода спустя, летом 1918 г., когда силами вооруженных подпольных организаций, возглавляемых эсерами, при поддержке частей Чехословацкого корпуса на территории Сибири, Урала и части Поволжья оказалась свергнута советская власть. А в сентябре того же года в г. Уфе состоялось расширенное совещание представителей всех демократических сил, на котором предполагалось избрать новое Временное Всероссийское правительство, главной задачей которого должны были стать подготовка и созыв съезда членов прежнего Учредительного собрания, исключая депутатов-большевиков, конечно.

Центральный комитет партии социалистов-революционеров принял решение, что второй по популярности человек в партии – *Николай Авксентьев* – займёт пост председателя нового Временного правительства, а лидер партии Виктор Чернов станет вновь председателем Учредительного собрания. Расклад чисто теоретически оказался очень грамотным, но, как показала практика, абсолютно неверным, приведшим в конечном итоге к полному поражению эсеровского движения в условиях разрастающейся Гражданской войны. Ошибочен, в первую очередь, оказался выбор Н. Авксентьева на пост главы Уфимской Директории. Надо сказать, что Николай Дмитриевич Авксентьев возглавлял правое крыло в эсеровской партии и был, пожалуй, примерно такой же социалист, как Папа Римский – протестант. Ведущие же деятели Самарского КОМУЧа, руководившие антисоветским восстанием на Волге, и особенно члены Западно-Сибирского комиссариата ВПАС, организовавшие и возглавившие точно такое же выступление на территории Сибири, являлись ревностными сторонниками поистине социалистических идейных установок Виктора Чернова в партии. Поэтому, когда в ночь на 18 ноября в Омске арестовывали «уфимских директоров» во главе с Авксентьевым, никто из сибирских эсеров не выступил в их защиту.

К тому же, за два месяца до этих событий, когда наиболее решительная часть эсеровской фракции Сибирской областной думы во главе с Павлом Михайловым вошла в конфликт с теми силами в Омске, которые впоследствии привели к власти адмирала Колчака, Авксентьев и компания, находясь в Уфе, попросту сдали товарищей по партии, позволив томским властям арестовать взбунтовавшихся черновцев и отправить их под усиленной охраной в губернскую тюрьму. А спустя некоторое время,

10 ноября 1918 г., ровно за неделю до своего собственного ареста колчаковцами, Николай Авксентьев, тогда ещё глава правительства Уфимской Директории, находясь в Томске, правительственным рескриптом закрыл (распустил) Сибирскую областную думу, большинство членов которой, так же как и Всероссийского Учредительного собрания, составляли эсеры, тем самым окончательно отвратив от себя всех потенциальных союзников и рассчитывая, видимо, только на поддержку иностранных консулов в Омске. Но те к тому времени уже сделали ставку на А.В. Колчака.

Последний, придя к власти, посчитал, что Учредительное собрание в том составе, в котором оно оказалось выбранным в ноябре 1917 г., может помешать ему в борьбе с большевиками, и отдал приказ – под охраной доставить членов УС, собравшихся в Екатеринбурге, в Челябинск, в то время ещё совсем маленький и захолустный уральский городок, а потом и вообще отправить куда-нибудь подальше с глаз долой. Особо строптивых и несогласных с такими «перспективами» членов Собрания велено было задерживать и направлять уже под конвоем для тюремного содержания в Омск. Насчёт Виктора Чернова, находившегося с ноября 1918 г. в Челябинске, поступило специальное распоряжение о немедленном аресте. Однако охраняемый достаточно серьёзной группой вооруженных боевиков лидер эсеровской партии сумел незаметно скрыться из города.

Идея белого движения в чистом виде, как известно, не состоялась, все белогвардейские армии были разбиты красными что называется в пух и прах. Не помогли – ни смена лидеров, ни смена командующих, ничего. Об эсерах западные «сценаристы» опять вспомнили только тогда, когда адмирал Колчак, увы, с камнем на шее уже лежал на дне Ангары, а жалкие остатки белых частей красные добивали в Крыму и в Приморье. В тех условиях эсеры оказались опять-таки последней реальной политической силой, способной ещё хоть как-то противостоять большевиками. В союзе с анархистами им в 1921–1922 гг. удалось организовать несколько крупных вооруженных выступлений в Кронштадте, на Тамбовщине, а также в Сибири. Однако Виктор Чернов в это время уже находился в эмиграции, за границей и не мог непосредственно повлиять на развитие событий в России. В течение 20-х годов он ещё как-то пытался вновь возродить эсеровское движение и продолжить борьбу за идеалы русской демократической революции, но тщетно. В 30-е годы его влияние в эмигрантских кругах вообще заметно снизилось, и тогда он фактически уже навсегда отошёл от активной политической деятельности. После окончания Второй мировой войны Виктор Михайлович переехал из Франции в США, где и умер в 1952 г.

Чечек Станислав – 32 года в 1918 г., чех по национальности, родился в местечке Лишна, неподалёку от Праги, в семье лесника, окончил Пражскую торговую школу (училище) и высшую торговую академию (институт) в Лейпциге. По окончании учёбы в течение года проходил службу в австро-венгерской армии и получил чин офицера запаса. После увольнения с воинской службы работал в частном банке в Праге. В 1911 г. Чечек переехал в Россию и занял должность бухгалтера в представительстве фирмы «Laurin & Klement» (впоследствии автоконцерн «Шкода») в Москве.

С началом Первой мировой войны он добровольно вступил в сформированную на территории России Чешскую дружину и был зачислен в 1-ю роту в звании подпоручика, а в следующем году он уже стал командиром этой роты. В 1915 г. Станислав Чечек получил медаль Георгиевского креста 4-й степени, а за весь период войны – ещё пять боевых орденов. В марте 1917 г. за героизм, проявленный на противоавстрийском фронте, Станислава Чечека наградили высшей боевой наградой Российской империи – орденом Св. Георгия Победоносца 4-й степени и присвоили очередное воинское звание поручика. В июле того же года он участвовал в боях под Зборовом уже в должности командира батальона, а в сентябре под его начало определили 4-й, имени Прокопа Великого полк 1-й чехословацкой дивизии.

Летом 1918 г. во время антисоветского мятежа Станислав Чечек командовал волжской группировкой чехокорпуса, принимал участие во взятии Самары и Казани. Потом его назначили командиром 1-й чехословацкой дивизии. В июне того же года приказом Чехословацкого национального совета ему присвоили звание полковника, а в сентябре – генерал-майора. Однако вскоре генерал Чечек, назначенный по настоянию союзников из стран Антанты командующим Поволжским фронтом, проявил недостаточную компетентность и после практически полного разгрома подчинённых ему войск был заменён на генерала Войцеховского, а сам отправлен во Владивосток заниматься тыловым обеспечением частей Чехословацкого корпуса.

В октябре 1920 г. в числе последних чехословаков он эвакуировался посредством морского транспорта на родину, где с большим успехом продолжил свою военную карьеру. С 1921-го по 1923 г. обучался во Французской военной академии, после этого занимал ряд ответственных постов в чехословацкой армии, в 1927 г. был повышен в звании до дивизионного генерала, но в 1930 году тяжело заболел и в мае того же года скоропостижно скончался в г. Ческе-Будеёвице.

Чудновский Самуил Гдальевич – 29 лет в 1918 г., родился в Бердичеве (Украина) в бедной еврейской семье, хорошего образования не получил, в период Первой русской революции примкнул

к большевикам. Абсолютно серая личность, вошёл в историю лишь потому, что в феврале 1920 г. в Иркутске руководил мероприятиями по расстрелу бывшего верховного правителя России адмирала А.В. Колчака и его первого министра *В.Н. Пепеляева*.

Волей случая весной 1918 г. Чудновский оказался в Сибири. Направленный с отрядом бронеавтомобилей на противосемёновский фронт, он в период всесибирского антибольшевистского мятежа попал в плен к белым, содержался в Александровском централе под Иркутском. В конце 1919 г. его вместе с другими политическими заключёнными освободили из тюрьмы партизаны (кавказцы-анархисты) *Нестора Каландаришвили*.

Четвёртого января 1920 г. в результате вооруженного восстания власть колчаковского правительства, находившегося в тот период в Иркутске, была свергнута и перешла в руки земско-областнического Политцентра. Большевики также приняли участие в этом мятеже, но их силы в городе являлись ещё пока не настолько внушительными, чтобы диктовать свои условия всем остальным. На стороне же эсеров из Политцентра на тот момент находилась весьма значительная часть местного гарнизона. К тому же они рассчитывали, что к ним в скором времени присоединится и Сибирская армия генерала *А.Н. Пепеляева* (младшего брата колчаковского премьер-министра).

По заранее достигнутой договорённости сибирские части должны были остановить 3-ю армию большевиков в районе Красноярска и не пустить её за Енисей. Однако в силу разного рода причин и совершенно непредвиденных обстоятельств армия генерала Пепеляева в начале января полностью прекратила своё существование, а сам командующий с тяжёлой формой сыпного тифа попал в чехословацкий военный госпиталь. Рассчитывать эсерам и областникам из Политцентра, таким образом, стало больше не на кого, да к тому же к Иркутску начали приближаться остатки ещё двух армий Колчака под командованием генерала *Каппеля*, по-прежнему сохранявших верность верховному правителю. Ждать от них пощады восставшим оппозиционерам конечно же не приходилось, поэтому в создавшихся условиях Политцентр принял решение передать власть над городом большевикам в надежде укрыться под их защитой от жаждавших мести каппелевцев.

В этот самый момент каким-то чудом (а по сути, видимо, после элементарного распоряжения из Москвы, поступившего от товарища Троцкого, курировавшего сибирские вопросы) мало кому известный, малообразованный и совершенно неподготовленный к такого рода деятельности большевик Самуил Чудновский и был назначен председателем следственной комиссии по делу арестованных Политцентром колчаковских министров, а также самого верховного правителя, с 15 января содержавшегося в Тюремном замке Иркутска. Однако ни черемховским шахтёрам, ни высланным наперерез врагу рабочим дружинам из самого Иркутска задержать белых не удалось, и они в начале февраля уже совсем вплотную приблизились к городу. В создавшихся условиях на основании негласного распоряжения уже на сей раз от товарища Ленина местное большевистское руководство приняло решение расстрелять А.В. Колчака и *В.Н. Пепеляева*. Самуилу Чудновскому, а также коменданту города И. Бурсаку (Б. Блатлиндеру) поручили привести приговор в исполнение, что они и осуществили во главе команды из нескольких левых эсеров утром 7 февраля на берегу реки Ангары.

После окончания Гражданской войны Чудновский работал судьёй: сначала – в Ленинграде, потом – в Свердловске, а с 1934 г. – в Омске (в некоторых источниках, правда, приводится обратная хронология, сначала – Омск, а потом – Свердловск и Ленинград). В 1937 г. он, как бывший троцкист, попал под молох сталинский репрессий и в августе того же года его расстреляли. Реабилитирован в 1957 г.

Чучин Федор Григорьевич – 35 лет в 1918 г., уроженец Европейской России, большевик с 1905 г., в 1915–16 гг. отбывал ссылку в Нарыме. Незадолго до Февральской революции был призван в армию и проходил службу в одном из томских запасных полков. В революционном 1917 г. Чучин стал членом Томского Совета солдатских депутатов, а также членом Томского губернского земского собрания. В феврале 1918 г. распоряжением губисполкома его назначили комиссаром на судженские угольные шахты, где он занял должность председателя местного Совета рабочих депутатов. В период колчаковщины Фёдор Григорьевич находился на подпольной работе. После окончания Гражданской войны занимался профсоюзной и преподавательской деятельностью. В 1942 г. пал жертвой сталинских репрессий.

Шатилов Михаил Бонифатьевич – 35 лет в 1918 г., уроженец села Смоленского Бийского уезда, Томской губернии, сын волостного писаря, внук декабриста, окончил Томскую духовную семинарию, потом юридический факультет Томского университета. Присяжный поверенный, в свободное от работы время – журналист и литератор, один из талантливейших представителей сибирских младообластников, с 1917 г. – член партии эсеров, принадлежал к числу центристов черновского направления. В ноябре того же года Михаил Бонифатьевич был избран членом Всероссийского Учредительного собрания от инородческого населения Горного Алтая.

После Февральской революции Шатилов вошёл в число депутатов Томского губернского народного собрания, с мая он – товарищ (заместитель) председателя президиума его исполкома, главный редактор печатного органа этого Собрания газеты «Голос свободы». С конца июня 1917 г. распоряжением Временного правительства Михаил Бонифатьевич был назначен на должность заместителя Томского губернского комиссара. Проживал в тот период в Томске по переулку Нечевскому-22, кв.2. Летом того же 1917 г. Шатилов явился одним из организаторов так называемой Особой комиссии по областному самоуправлению Сибири, которая предложила созвать общесибирский областной съезд представителей демократических организаций для того, чтобы рассмотреть на нём вопрос о сибирской автономии. На первом (октябрьском) Областном съезде Шатилова избрали товарищем (заместителем) председателя съезда. На втором (чрезвычайном) Сибирском областном съезде в декабре 1917 г. Михаила Бонифатьевича выдвинули в члены Временного Сибирского областного совета (в какой-то степени первого временного правительства автономной Сибири). А в январе 1918 г. Шатилов вошёл в состав уже официального (хотя и нелегально провозглашенного) Временного правительства автономной Сибири в качестве так называемого министра без портфеля. В конце января того же года при разгоне большевиками Сибирской областной думы Михаила Бонифатьевича в первый раз в жизни арестовали и некоторое время продержали в одной из тюрем Красноярска, но вскоре, благодаря ходатайству ряда томских общественных деятелей, в том числе и некоторых большевиков, его удалось освободить из застенков. С конца февраля Шатилов находился в Томске под подпиской о невыезде, по другим сведениям, вскоре после освобождения он перешёл на нелегальное положение. В марте 1918 г. его заочно избрали товарищем председателя окружной управы Горного Алтая.

В ходе антибольшевистского мятежа в конце июня 1918 г. Шатилов вошёл в состав вновь образованного Временного Сибирского правительства в ранге министра туземных (национальных) дел. Вместе с министрами этого правительства Крутовским и Патушинским отстаивал интересы левоцентристской демократии в Сибири, но в результате событий 21-22 сентября в Омске он под угрозой расправы со стороны консервативно настроенного казачьего офицерства вынужден был подать в отставку и после чего полностью отошёл от активной политической деятельности.

В двадцатые – в начале тридцатых годов Михаил Бонифатьевич занимался созданием Томского краеведческого музея и его бесценного историко-этнографического фонда. В 1933 г. его арестовали и осудили по так называемому «белогвардейскому заговору», отбывал срок в Соловецких лагерях. В декабре 1937 г. Шатилов был расстрелян по приговору тройки УНКВД по Ленинградской области. Полностью реабилитирован в 1959 г.

Шевцов Антон Иванович – большевик, активный деятель социалистического строительства в Сибири. Весной 1918 г. Антон Иванович вошёл в состав штаба Иркутского военного округа, одновременно являлся председателем военного отдела при Иркутском губисполкоме Совета рабочих и солдатских депутатов. 26 мая того же года он руководил подавлением мятежа одного из подразделений Чехословацкого корпуса на железнодорожном вокзале Иркутска, потом в составе делегации от Центросибири участвовал в мирных переговорах с легионерами. В середине июня под руководством Шевцова была пресечена попытка осуществления ещё одного антисоветского мятежа, теперь уже непосредственно на территории самого города, организованного эсеровско-офицерским подпольем. В этот же период он получил назначение на должность военного коменданта Иркутска и в начале июля организовывал мероприятия по эвакуации из города отступающих частей Красной армии. После окончательного разгрома войск Центросибири Шевцов в середине осени 1918 г. вместе с Н. Яковлевым и Ф. Лыткиным пытался тайно пробраться в Якутск, но по дороге в районе Олёкминска их группу перехватил отряд казаков, в завязавшемся бою многие погибли, в том числе и Шевцов.

Шевцов Н. – рабочий, видный иркутский большевик.

Шефферлинг Н.Ю. – в начале 1918 г. член томской подпольной антибольшевистской офицерской организации, 24 мая того же года участвовал в событиях у Иоанно-Предтеченского женского монастыря. По версии советских историков якобы именно он стрелял и смертельно ранил тогда председателя томской ЧК Дмитрия Кривоносенко. Во время Гражданской войны Шефферлинг являлся начальником личного конвоя командующего Среднесибирским корпусом, а потом Сибирской армией генерала А.Н. Пепеляева. В конце 1919 г. во время отступления белогвардейских частей Шефферлинг остался в Томске для ведения подпольной работы, однако уже летом 1920 г., в результате раскрытия, так называемого заговора Гавриловича он вместе со своей группой был разоблачён, арестован, а потом расстрелян чекистами.

Шилов Дмитрий Самойлович – 25 лет в 1918 г., уроженец Читинской области, выходец из крестьянской семьи, по другим данным – из казачьей, окончил Иркутское военное училище, участник Первой мировой войны, поручик царской армии. В революционном 1917 г. вступил в партию левых эсеров,

в 1920 г. стал большевиком. В начале 1918 г., являясь офицером одного из читинских казачьих полков, перешёл вместе со всем личным составом на сторону советской власти и вскоре занял должность военного комиссара Забайкалья, в то же самое время являлся членом СибЧК, а в конце мая того же года временно исполнял обязанности командующего Даурским (противосемёновским) фронтом. В конце августа 1918 г. в ходе чехо-эсер-белогвардейского мятежа Дмитрий Самойлович был назначен главнокомандующим красными частями Центросибири. После окончательного разгрома которых в 1918–1920 гг. он принял активное участие в организации партизанского движении в Забайкалье и на Дальнем Востоке. В окончании Гражданской войны Шилов одно время исполнял обязанности заместителя председателя Совета министров Дальневосточной республики, потом работал в Москве на ответственных партийных и административных должностях. Умер там же в 1952 г. Кавалер ордена Красного Знамени.

Шильников Иван Федорович – 41 год в 1918 г., из семьи забайкальских казаков Застепинского посёлка Титовской станицы (недалеко от Читы), окончил Иркутское юнкерское училище, участник двух войн: русско-японской и Первой мировой; был награждён несколькими боевыми орденами. На театр боевых действий великой, как тогда её называли, войны вступил 8 сентября 1914 г. в звании войскового старшины (подполковника). В 1916 г. – командир I Читинского казачьего полка, потом командир 2-й бригады 1-й Забайкальской казачьей дивизии, с июня 1917 г. – генерал-майор. Из аттестации, данной ему в 1916 г. командующим 1-й Забайкальской казачьей дивизией генерал-майором Орловым, явствовало, что полковник Шильников – «службу любит и знает отлично. В боях спокойный, мужественный и стойкий. О подчинённых очень заботится. В карты не играет, совершенно непьющий».

В начале 1918 г. после расформирования большевиками Забайкальского казачьего войска Иван Фёдорович вступил в отряд атамана *Семёнова*, у которого с мая того же года занял должность управляющего военно-административной частью во Временном Забайкальском правительстве. Однако в сентябре 1918 г. по обвинению в «симпатиях к социалистам» Шильникова по приказу атамана арестовали и освободили из тюрьмы лишь 21 октября. После этого Иван Фёдорович покинул Забайкалье и перешёл на службу в IV отдельный армейский корпус Временного Сибирского правительства, дислоцировавшийся на территории Енисейской и Иркутской губерний. Ему была отдана под команду особая кавалерийская бригада. В ноябре того же года кавалеристы Шильникова участвовали в подавлении крестьянского восстания на территории Минусинского уезда. Потом войсковую часть генерала перебросили на противобольшевистский фронт, сражаясь на Тургайском и Семиреченском направлениях, бригада вместе со своим командиром показала себя с самой лучшей стороны. Так что в конце 1919 г. Иван Фёдорович получил под начало уже 1-й Оренбургский казачий корпус.

После окончания Гражданской войны в Сибири Шильников участвовал в борьбе с большевиками на Дальнем Востоке, опять возглавлял крупные соединения казачьих войска. В 1922 г. эмигрировал в Китай, при переходе границы был арестован китайскими властями и провёл два с половиной года в тюрьме. После освобождения поселился на территории Маньчжурии и сразу же вступил в местное отделение РОВС (Русского общевоинского союза), а спустя некоторое время возглавил его, активно участвовал в организации антибольшевистского сопротивления на территории Сибири и Дальнего Востока. В этот же период Иван Фёдорович опубликовал несколько статей о казачестве, а также написал историческую хронику, основанную на личных воспоминаниях, под названием «1-я Забайкальская казачья дивизия в Великой европейской войне 1914—1918 гг.» (Харбин, 1933). Умер в 1934 году от рака, похоронен в Харбине.

Шишарин Иннокентий Алексеевич – правый эсер, в ноябре 1917 г. был избран членом Всероссийского Учредительного собрания от Томской губернии.

Шишков Александр Васильевич – 35 лет в 1918 г., родился в Москве, в семье рабочего, экстерном получил диплом народного учителя. Член РСДРП с 1904 г., потом – большевик, во время революции 1905 г. участвовал в баррикадных боях в Москве, после этого он находился на нелегальной работе в Севастополе, в Нижнем Новгороде и других городах. В 1911 г. Александр Васильевич был сослан в Нарымский край, отбывал наказание вместе с такими видными большевиками, как Куйбышев и Свердлов.

Февральская революция 1917 г. застала его в Томске, после Октябрьской революции Шишков работал в составе президиума Томского совдепа, в феврале 1918 г. он был назначен комиссаром по установлению советской власти в Нарымском крае. После падения летом того же года большевистской власти в Сибири Шишков вместе с бежавшими из Томска губернскими руководителями эвакуировался речным путём в Тюмень, потом Александра Васильевича отозвали в Москву, где он исполнял ряд ответственных должностей в системе ВЧК. В 1920 г., в период восстановления советской власти в Сибири Шишкова назначили председателем Томской губернской ЧК. Погиб 8 июля 1920 г. во время подавления крестьянского восстания в районе г. Колывань Новониколаевского уезда; по одной

из версий он застрелился из-за угрозы попасть в плен к восставшим, жестоко расправлявшихся с большевиками.

В 1953 г. в Томске перед областным управлением КГБ СССР был установлен памятник А.В. Шишкову (сохранился до наших дней), а в 1983 г. открыта мемориальная доска на здании (теперь областной суд), где он работал в должности начальника ЧК.

Шкундин Зиновий Исаакович – 24 года в 1918 г., уроженец Черниговской губернии. В 1916 г. стал студентом юридического факультета Томского университета, еврей по национальности, по политическим взглядам – сионист-народник. В конце 1917-го – начале 1918 гг. совместно с *А. Евзеровым* Шкундин редактировал выходивший в Томске журнал «Известия Западно-Сибирского комитета сионистских организаций» (преобразованный впоследствии в двухнедельник «Сионистская мысль»). В декабре 1917 г. Зиновий Исаакович являлся делегатом II Сибирского областного съезда от районного комитета сионистских организаций Западной Сибири. В начале 1918 г. Шкундин был избран депутатом Сибоблдумы от того же комитета, членом комиссии по национальным делам частного совещания Областной думы, а потом – одним из её секретарей.

После свержения власти большевиков в Сибири в июле 1918 г. Зиновий Исаакович был избран секретарём президиума частного совещания СОД, а во время её августовской сессии занял должность секретаря президиума Думы. На III Всесибирском сионистском съезде (ноябрь 1918 г.) вошёл в состав центрального исполнительного бюро сионистских организаций на территории Всероссийского Временного правительства. После роспуска Сибирской думы и колчаковского переворота Шкундин переехал из Томска в Иркутск, где совместно с тем же А. Евзеровым редактировал журнал «Еврейская жизнь» (выходил с февраля 1919 г. по февраль 1920 г.). В то же самое время здесь же в Иркутске Зиновий Шкундин возобновил деятельность временного центрального исполнительного бюро (сибирского отделения Российской сионистской организации, официально являвшейся частью Всемирной сионистской организации). После окончательного утверждения в Сибири власти большевиков, закрывших все сионистские организации и их печатные органы, Зиновий Шкундин оказался не у дел. Дальнейшая его судьба осталась для нас неизвестна.

Шокоров (Шохор-Троицкий) Владимир Николаевич – 50 лет в 1918 г., окончил Александровское военное училище (1888) и Академию Генерального штаба, генерал-майор царской армии, участник Первой мировой войны. С октября 1917-го и по 1 сентября 1918 г. командовал Чехословацким добровольческим корпусом. В конце лета 1918 г. в ходе всё разрастающегося антибольшевистского мятежа был смещён со своего поста и заменён чешским поручиком (с августа 1918 г. генералом) Яном Сыровы. Повышенный в звании до генерал-лейтенанта, Шокоров в период Гражданской войны исполнял обязанности инспектора всех чехословацких войск в России. В 1920 г. он эмигрировал в Чехословакию, до 1925 г. находился на действительной военной службе у правительства этой страны, потом вышел в отставку. Умер в 1940 г. Прах его хранится в крипте Успенской церкви на Ольшанском кладбище в Праге. Недалеко на том же кладбище находится и могила его бывшего подчинённого по Чехословацкому корпусу видного военноначальника времён Гражданской войны в Сибири генерала Радолы Гайды.

Шумиловский Леонид Иванович – 42 года в 1918 г., родился в Омске в семье учителя, в 1900 г. окончил историко-филологический факультет Московского университета, меньшевик-оборонец, близкий по своим взглядам к леволиберальным политикам. После окончания университета поселился в Барнауле, во время выборов в первую и вторую Государственные думы он выдвигался выборщиком от барнаульской организации социал-демократов (меньшевиков). Преподавал в городском реальном училище и в частной женской гимназии; за попытку демократизации системы образования и за пропаганду социалистических идей его в 1907 г. отстранили от педагогической деятельности. Переехал на временное жительство в Петербург, учился в педагогической академии и одновременно с этим давал частные уроки. Вернувшись в 1909 г. в Барнаул, Леонид Иванович стал подрабатывать журналистом в газете областнического направления «Жизнь Алтая», а через некоторое время занял должность её редактора. Осуществил в тот период несколько программных публикаций, в которых отстаивал идейные позиции сибирских автономистов. Одна из его статей под названием «Утопия ли?», увидевшая свет в декабре 1912 г., была даже перепечатана томской «Сибирской жизнью» и получила положительный отзыв самого *Г.Н. Потанина*.

С началом Первой мировой войны Шумиловского призвали в армию, первое время он служил просто рядовым солдатом, но потом, как человека, имевшего высшее образование, его перевели на должность военного чиновника. В революционном 1917 г. военнослужащие воинской части, в которой он служил, избрали его в солдатский комитет 9-й армии, а также кандидатом от Румынского фронта в члены Учредительного собрания. Вернувшись после демобилизации в Барнаул, Леонид Иванович в январе

1918 г. по ходатайству своих бывших учеников сумел восстановиться в должности преподавателя, но в мае того же года его в очередной раз отстранили от педагогической деятельности, на сей раз – уже большевики, за критику проводимой ими политики. Так не понравившиеся властям диссидентские мысли Шумиловский излагал, в том числе, и на страницах меньшевистской газеты «Алтайский луч», в редколлегию которой он тогда входил.

В июле 1918 г. в ходе антисоветского мятежа Шумиловский был приглашён на должность управляющего министерством труда (в ранге министра) во Временном Сибирском правительстве *П.В. Вологодского*. Потом, с ноября того же года, Леонид Иванович уже стал непосредственно министром труда сначала в правительстве Уфимской директории, а потом в Кабинете верховного правителя адмирала Колчака. Отстаивал, как мог, интересы трудящихся, при его непосредственном участии разрабатывались и принимались законы о 8-часовом рабочем дне, о медицинском и социальном страховании, о деятельности независимых профсоюзов и т.п. После разгрома белогвардейских войск в Сибири в начале 1920 г. Шумиловский попал в руки своих политических противников и подвергся тюремному заключению. В мае того же года в Омске прошли заседания чрезвычайного революционного трибунала, приговорившего Леонида Ивановича Шумиловского за содействие колчаковской диктатуре к высшей мере наказания. Расстрелян в ночь 27 июня (по другим данным, на 23 июня) 1918 г.

Чем был вызван столь суровый приговор со стороны красного революционного трибунала человеку, который единственный из всей колчаковской правительственной администрации хоть как-то пытался защищать интересы трудящихся, остаётся загадкой. Вместе с тем надо также отметить, что политическая роль и судьба Леонида Шумиловского в колчаковском правительстве также складывалась предопределённо трагически. Левые не могли простить ему того, что он пошёл на компромисс с политиками правого и даже крайне правого толка, а те, в свою очередь, терпеть не могли присутствия министра-социалиста. И всё-таки за какие же такие великие прегрешения Леонид Шумиловский был казнён? У исследователей имеются различные мнения на этот счёт.

Ну, во-первых, из всех 18 высокопоставленных чиновников Омского правительства, арестованных в Иркутске, только Шумиловский оказался действительным министром, все остальные являлись или заместителями, или управляющими, или временно исполняющими обязанности. Остальные министры-капиталисты, а также главные теневые «кукловоды» колчаковского режима, за исключением самого адмирала, а также его премьера *В.Н. Пепеляева* (расстрелянных в Иркутске 7 февраля), были все как один благополучно вывезены на Дальний Восток в эшелонах иностранных союзников. Так что Леонид Шумиловский (пойманный и переданный в руки большевиков, что примечательно, как раз «товарищами» социалистами из Политцентра) стал в той ситуации, по всей видимости, просто козлом отпущения и ответил, что называется, по полной программе за все грехи своих коллег по Омскому кабинету министров («несчастной жертвой Ленский пал»).

С другой стороны, многие комментаторы полагают, что и сам Леонид Иванович оказался далеко не безупречен как политик. Во-первых, в августе месяце 1918 г. он вошёл в состав так называемого Административного совета – внутриправительственного органа, по инициативе которого в конце сентября из ВСП были выведены министры-социалисты – *Крутовский, Патушинский* и *Шатилов*, а также приостановлена деятельность Сибирской областной думы. В отсутствие в Омске на тот момент председателя правительства П.В. Вологодского и при полном всевластии в городе Административного совета в те же самые дни конца сентября произошла физическая расправа над ещё одним видным сибирским политиком левого толка – *Александром Новосёловым*. В ноябре 1918 г. Шумиловский на заседании кабинета министров проголосовал за утверждение в должности верховного правителя А.В. Колчака, одобрив тем самым свершившийся государственный переворот. И даже во время самого майского судебного процесса в Омске Леонид Иванович позволили себе выступить в защиту адмирала, назвав его правдивым и безукоризненно честным человеком (в ближайшие 70 лет на территории России публично в таком духе о Колчаке, кажется, никто больше не высказывался)... А это, собственно, и называется: подписать себе смертный приговор.

Шумяцкий Борис Захарович (он же Андрей Червоный) – еврей по национальности, 32 года в 1918 г., родился в Сибири в г. Верхнеудинске (Улан-Удэ) в семье ссыльнопоселенца, большевик с 1903 г. В период Первой русской революции работал в красноярском железнодорожном депо, руководил боевой дружиной рабочих, тогда же его в первый раз арестовали и приговорили к тюремному заключению. В 1907 г. он совершил побег, после чего эмигрировал в Аргентину. В 1913 г. Борис Захарович вернулся в Россию, вновь был осуждён и после начала Первой мировой войны отдан в солдаты. Проходил службу в одном из запасных полков Красноярска, здесь его и застала Февральская революция 1917 г. В начале мая того же года Шумяцкого назначили так называемым агентом (уполномоченным) ЦК большевистской партии в Сибири. Являлся делегатом от Сибири на VI съезде партии (август 1917 г.). В октябре того

же года на I съезде Советов Сибири Бориса Захаровича избрали председателем Центросибири (первым «президентом» нашего края). Он занимал эту должность с октября 1917 г. по март 1918 г. В феврале 1918 г. на втором съезде Советов Сибири Б.З. встал во главе группы большевиков, не согласных с заключением Брестского мира, и даже пытался организовать специальный добровольческий отряд для отправки на противогерманский фронт. За подобного рода антиправительственный демарш Шумяцкого сразу же сместили с поста председателя Центросибири и заменили томским большевиком *Николаем Яковлевым*.

Во время Гражданской войны Борис Захарович находился на подпольной работе, после победы красных остался в Сибири и занимал ряд ответственных постов, в частности в 1920 г. под псевдонимом А.Червоный возглавлял деятельность Совета министров буферной Дальневосточной республики со столицей в Верхнеудинске. С 1922-го по 1925 г. являлся послом в Иране, потом работал в Москве, во второй половине 30-х годов стал руководителем Союзкино СССР, мечтал создать советский Голливуд. Был репрессирован и расстрелян в 1938 г.

Щапов Афанасий Прокопьевич – 1831 (по другим данным – 1830) года рождения, уроженец Верхоленского уезда Иркутской губернии, из семьи священника, предпринимал научные экспедиции в Туруханский край и Верхнеленский район, знаток старообрядчества. Одно время преподавал в Казанской духовной академии. Один из теоретиков областнического движения Сибири, в частности, им была разработана научная гипотеза об образовании в Сибири областной разновидности русского народа и о праве этого народа на областное самоопределение. Умер в 1876 г. в Иркутске.

Щетинкин Пётр Ефимович - 33-34 года в 1918 г., по официальной версии, родился в Рязанской губернии (однако, по некоторым данным, например Е.Е.Колосова, Щетинкин родился в Сибири, в деревне Нагорново, Новоеловской волости Ачинского уезда Енисейской губернии). Выходец из бедной крестьянской семьи, переселившейся, если верить той же официальной версии, в Сибирь в 1906 г. Участник и герой Первой мировой войны (получил все четыре степени солдатского Георгиевского креста), в 1913 г. Пётр Ефимович окончил школу прапорщиков и дослужился к концу Первой мировой войны до звания штабс-капитана. В революционных событиях (по собственному признанию) активного участия не принимал, но к Октябрьской революции отнесся сочувственно. После увольнения из армии поступил на службу к большевикам и в начале 1918 г. занял должность начальника уголовного розыска Ачинского уезда, по другой версии – служил в военном отделе Ачинского уездного исполкома, в том же году вступил в партию большевиков.

После свержения советской власти летом того же 1918 г. некоторое время скрывался в тайге, а потом возглавил небольшой партизанский отряд на севере Ачинского уезда, влившийся впоследствии в повстанческую армию *Кравченко,* действовавшую в Канском и Минусинском уездах Енисейской губернии. После разгрома войск Колчака Щетинкин сражался в частях Красной армии против войск двух белогвардейских баронов: сначала Врангеля в Крыму (штурмовал Перекоп), а потом – Унгерна на территории Монголии (за операцию по пленению последнего получил ордена боевого Красного Знамени). В начале двадцатых годов Щетинкин окончил военно-академические курсы высшего командного состава и до 1926 г. возглавлял штаб войск ОГПУ Сибирского пограничного округа. В 1927 г. его направили военным атташе в Монголию, умер в Урге (Улан-Баторе) 30 сентября того же года от паралича сердца, по другой версии – был убит при невыясненных обстоятельствах. Похоронен в Новосибирске в советской столице Сибири.

Щипачев В.А. – бывший офицер царской армии, в начале 1918 г. член иркутской подпольной антисоветской военной организации, в тот же период официально находился на службе у советской власти и возглавлял иркутскую городскую милицию.

Эйдеман (Эйдеманис) Роберт Петрович – 23 года в 1918 г., латыш, уроженец Лифляндии. В 1916 г. окончил Киевское военное училище, получил звание прапорщика и был направлен в Канск для прохождения службы в одном из запасных полков. Здесь он встретил Февральскую революцию и вступил в партию (а точнее – «союз») эсеров-максималистов. В октябре 1917 г. на первом съезде Советов Сибири Роберта Петровича избрали одним из заместителей председателя ЦИКа Сибири (Центросибири), тогда же он вступил в партию большевиков. В ноябре он стал членом Всероссийского Учредительного собрания от Енисейской губернии.

Во время антисоветского мятежа летом 1918 г. Эйдеман находился в Омске во главе отряда латышей, направлявшегося на противосемёновский фронт. В ходе организации сопротивления мятежникам вошёл в состав Западно-Сибирского (Омского) военно-оперативного штаба в должности командующего красными частями. В период Гражданской войны Эйдеман командовал отдельными подразделениями Красной армии. После её окончания подавлял крестьянские выступления на Украине. В 1924 г. он возглавил Сибирский военный округ. В следующем году его перевели в Москву на

должность начальника Военной академии, с 1932 г. он состоял в Реввоенсовете республики. В мае 1937 г. Роберт Эйдеман был арестован и по обвинению в подготовке военного переворота в июне того же года расстрелян вместе с Тухачевским, Уборевичем и Якиром.

Эллерц-Усов Александр Васильевич – 43 года в 1918 г., полковник царской армии, из дворянской семьи, родился в Риге, окончил Иркутское юнкерское училище. Участник русско-японской и Первой мировой войн, был награждён семью орденами и Георгиевским оружием. Во время Первой мировой войны командовал 58-м Сибирским стрелковым полком (3-й армейский сибирский корпус, в составе 2-й армии). В конце 1917 г. большевики отстранили полковника Эллерца от командования, за отказ выполнить приказ о прекращении боевых действий с немецкими войсками. После возвращения в Сибирь в начале 1918 г. А.В. Эллерц под псевдонимом Усов вошёл в состав антисоветского подполья в Иркутске и где-то с апреля месяца после ареста нескольких его прежних руководителей возглавил не только городскую организацию, но и все нелегальные антибольшевистские вооруженные группы Восточной Сибири.

После освобождения в июле того же года Иркутска чехо-белогвардейскими войсками Эллерц-Усов занял должность сначала командующего Иркутским военным округом, а потом, 17 сентября 1918 г., его назначили командиром 4-го Сибирского армейского корпуса и произвели в генерал-майоры. В январе 1919 г. за «упущения по службе, возникшие в ходе материального обеспечения вверенного ему корпуса», Эллерц-Усов приказом генерала *В. Волкова* (командующего Иркутским военным округом) был снят с должности командира корпуса и переведён в резерв. Летом того же года его направили на противобольшевистский фронт, где он одно время командовал Южной (колчаковской) армией, но и там не смог себя проявить с лучшей стороны. После очередной отставки генерал Эллерц-Усов вернулся в Иркутск, в феврале 1920 г. его арестовали большевики и в сентябре того же года расстреляли по приговору военного трибунала 5-й Красной армии.

Юдин Иван Степанович – 33 года в 1918 г., уроженец Владимирской губернии, в 1894 г. вместе с родителями поселился в Сибири. Образование – неоконченное высшее, по профессии – журналист, эсер (в делегатской карточке декабрьского Областного съезда обозначил себя даже как левый эсер), по некоторым данным – меньшевик (явная путаница с меньшевиком и депутатом II Государственной думы красноярцем Иваном Корниловичем Юдиным). Делегат декабрьского (чрезвычайного) Сибирского областного съезда и член Сибирской областной думы от Семипалатинского областного Совета крестьянских депутатов. В конце января 1918 г. на тайном совещании членов разогнанной большевиками Сибирской областной думы Иван Степанович был избран в состав Временного правительства автономной Сибири на должность министра труда и социальных реформ.

Спасаясь от преследования большевиков, выдавших санкцию на его арест, в конце февраля того же года вместе с некоторыми другими членами ВПАС Юдин выехал на Дальний Восток, в Харбин, где занялся организацией антисоветского вооруженного мятежа на территории Сибири. Из Харбина он именно с такого рода целями направился сначала во Владивосток, а потом в Хабаровск, здесь спустя некоторое время он был арестован и освобождён лишь в начале сентября в результате захвата города белогвардейскими частями. После этого Иван Степанович вновь влился в состав так называемой Дальневосточной группы Сибирского правительства, однако вскоре данная группа министров во главе со своим премьером *П. Дербером* оказалась не у дел, и власть в Сибири, а также на Дальнем Востоке перешла в руки омской группы сибирских политиков во главе с *П.В. Вологодским*. Иван Юдин таким образом оказался в отставке и в ноябре того же 1918 г. вернулся в Сибирь. Дальнейшая его судьба пока с трудом прослеживается, известно, однако, что после «второго пришествия» советской власти в Сибирь Иван Степанович принимал заметное участие в антибольшевистском сопротивлении и даже возглавлял одну из подпольных эсеровских организаций.

Ядринцев Николай Михайлович (1842–1894) – выдающийся сибирский публицист второй половины XIX века, ученый, путешественник, исследователь Монголии. С подачи Григория Потанина Ядринцев в 1889 г. открыл древний город Каракорум – столицу империи Чингиз-хана, а также древние рунические надписи на каменных стелах вблизи о. Цайдам (равные по значению знаменитому Розетскому камню, так как были продублированы на китайском языке и таким образом стали доступны для перевода и изучения). Ядринцев – один из ярчайших представителей сибирского автономистского движения и классик сибирской областнической публицистики, ближайший друг и сподвижник *Г.Н. Потанина*.

Родился Николай Ядринцев в 1842 г. в Омске в семье высокооплачиваемого служащего одного из частных золотоносных приисков, по другим сведениям – в семье купца. Дошкольным воспитанием юного Ядринцева по поручению его отца занимался ссыльный декабрист Штейнгель, потом была учёба в Томской гимназии, где он познакомился и подружился Н.И. Наумовым, впоследствии известным сибирским писателем. Высшее образование Ядринцев начинал получать в Петербургском университете,

здесь же в среде сибирского землячества Николай Михайлович приобщился к идеям областничества, именно им он отдал впоследствии весь свой яркий публицистический талант и все творческие силы.

Не закончив учёбу в Петербурге, Ядринцев в 1861 г. вернулся в Сибирь и вскоре вместе с Григорием Потаниным и некоторыми другими единомышленниками попал под суд по делу о так называемом «сибирском сепаратизме». Был приговорён к 12 годам каторжных работ, заменённых позднее ссылкой в Архангельскую губернию.

Однако все злоключения и невзгоды, выпавшие на долю совсем ещё молодого Ядринцева, не смогли никоим образом поколебать его жизненных принципов. Поэтому по окончании срока ссылки он вновь обратился к просветительской деятельности и вместе с тем же Потаниным разработал основные положения научной концепции о культурно-национальной автономии Сибири, которые изложил в своём главном труде – монографии «Сибирь как колония». Общая идея его книги заключена в требовании – уравнять Сибирь в правах с Центральной Россией. Работа писалась в то время, когда в Сибири не существовало ещё ни одного высшего учебного заведения, а имелись в качестве отличительной особенности одни лишь каторжные тюрьмы. Всё это – на фоне малочисленных и редких поселений казаков, славян-землепашцев, а также инородцев-скотоводов и инородцев-земледельцев. Городское население находилось в положении ещё более незначительном, а представителей сибирской интеллигенции вообще можно было пересчитать, что называется, по пальцам. Ядринцев в многочисленных газетных и журнальных статьях настаивал тогда на отмене ссылки в Сибирь, на уничтожении экономической эксплуатации края московско-петербургской метрополией и на открытии в Сибири хотя бы одного университета. По словам Потанина, «Ядринцев дифференцировал чувство общерусского патриотизма на чувство к общему отечеству и на чувство к своей области – Сибири».

Книга Ядринцева «Сибирь как колония» по выходу в свет стала настоящим бестселлером не только в России, но также получила известность и за рубежом, была переведена на несколько европейских языков. Но, проснувшись после этого знаменитым, Николай Михайлович так и не смог избавиться от многих неурядиц, связанных с недопониманием значения той общественной деятельности, которой он отдавал все свои жизненные и творческие силы. В частности, его постоянно преследовала тяжелая материальная нужда. Перебиваясь случайными заработками, Ядринцев основную часть времени всё-таки посвящал почти безвозмездному служению на благо культурного просвещения Сибири. Всё выше перечисленное плюс скоропостижная смерть жены, а потом и неразделённые чувства личной симпатии ещё к одной дорогой ему женщине, не могли не сказаться на здоровье Николая Михайловича и обострили в конечном итоге его тягу к застарелой русской забаве и одновременно универсальному лекарству от всех бед – к спиртному. Жарким июньским днем 1894 г. Н.М. Ядринцев, как полагают, покончил с собой, приняв смертельную дозу опия в качестве снотворного. Произошло это в Барнауле, на полпути к целительным оазисам Горного Алтая, в которых Николай Михайлович видел как бы художественную, философскую (микрокосмическую) и религиозную (макрокосмическую) квинтэссенцию своей горячо любимой малой (но такой большой) родины – Сибири. На старом барнаульском кладбище, пока его не снесли, находилась его могила с обелиском и каменным бюстом.

Яковлев Николай Николаевич – 32 года в 1918 г., уроженец г. Москвы, большевик с 1904 г. Учился в МГУ, во время учёбы приобщился к революционной деятельности, был лично знаком с В. Лениным, Н. Крупской, а также с не безызвестной И. Арманд. Отбывал ссылку в Нарыме. В 1916 г. Яковлева призвали в армию, службу проходил в запасных частях томского гарнизона. После Февральской революции Яковлев – один из активных участников революционного движения сначала в Томске, а потом и в Сибири в целом. Уже весной 1917 г. он вошёл в состав Томского комитета общественного порядка и безопасности от городского Совета солдатских депутатов. Проживал в этот период в Томске по ул. Гоголевской (теперь Гоголя)-56, кв.2. Потом Николай Николаевич возглавил сначала Томский Совет солдатских и рабочих депутатов, а осенью 1917 г. – исполком Западно-Сибирского Совета. Являлся кандидатом в члены Учредительного собрания от Томского округа по списку большевиков.

При непосредственном руководстве Николая Яковлева в январе 1918 г. в Томске была разогнана Сибирская областная думы первого созыва и арестовано несколько её членов. В марте того же года Николая Николаевича выдвинули на должность председателя Центросибири (исполкома Советов всей Сибири). Летом 1918 г. в результате антисоветского мятежа власть Центросибири оказалась низложена, а Яковлев осенью того же года вместе с несколькими своими товарищами во главе небольшого красногвардейского отряда пытался прорваться к Якутску, однако им не повезло, их группу в Олёкминской тайге обнаружил казачий разъезд, и в завязавшемся бою почти все они погибли. После окончания Гражданской войны останки Яковлева и его товарищей перенесли в Олёкминск и похоронили в братской могиле. В настоящий момент имя Яковлева носит одна из центральных улиц города Томска.

Яковлев Павел Дмитриевич – 27 лет в 1918 г., родился в Москве в семье военного фельдшера, окончил семилетнее городское училище. В 1907 г. (по другим сведениям – в 1906 г.) вступил в эсеровскую партию, в 1908 г. он был арестован за участие в вооруженных налётах (эксах) и два года находился в тюремном заключении. В 1911 г. Яковлева приговорили к каторжным работам, а потом сослали в Киренский уезд (север Иркутской губернии).

Революционной весной 1917 г. он по амнистии Временного правительства получил долгожданную свободу и сразу же включился в активную общественно-политическую деятельность сначала Ленского края, а потом и Иркутска. В это время его назначили председателем иркутского губернского земельного комитета, потом избрали председателем губернского Совета крестьянских депутатов и, наконец, председателем Иркутской губернской земской управы. Октябрьскую социалистическую революцию Яковлев не принял.

В начале 1918 г. он стал членом нелегального Восточно-Сибирского комиссариата ВПАС, однако вскоре был арестован большевиками за антисоветскую деятельность и освобождён из тюрьмы лишь в результате вооруженного выступления иркутской подпольной офицерской организации в ночь на 14 июня 1918 г. В июле того же года, после занятия Иркутска войсками Сибирского правительства, Яковлева назначили на должность иркутского губернского комиссара; при Колчаке он стал управляющим Иркутской губернией. В конце 1919 г. ввиду надвигающегося краха белогвардейского режима в Сибири Яковлев начал тесно сотрудничать с эсеровско-меньшивистскими деятелями подпольного иркутского Политцентра, добивавшегося отстранения Колчака от власти и передачи её в руки представителей земского самоуправления Сибири. В конце декабря того же года Яковлев подал в отставку со своего поста, тайно покинул город, потом эмигрировал в Харбин, где под фамилией Дунин работал в профсоюзной организации КВЖД.

В 1921 г. он начал сотрудничать с советскими спецслужбами и в следующем 1922 г. вернулся в Россию, служил в разведотделе Народно-революционной армии Дальневосточной республики, потом в статистическом управлении штаба 5-й Красной армии. В 1924 г. Павел Дмитриевич переехал в Москву, работал экономистом, в том же году он был арестован и в начале 1925 г. расстрелян за контрреволюционную деятельность. Реабилитирован в 1994 г.

Якушев Иван Александрович – 34 года в 1918 г., коренной сибиряк, уроженец г. Сургута, тогда Тобольской губернии, образование средне-специальное, медицинское. После окончания учёбы несколько лет служил в Семиречье (нынешний Казахстан) в переселенческом ведомстве. Здесь же тайно вступил в партию эсеров. В 1907 г. он был арестован и после 3-летнего тюремного заключения осуждён на поселение в Сибирь (Киренский уезд, на севере Иркутской губернии). В 1913 г., после окончания срока ссылки, Якушев поселился в Иркутске, работал служащим в городской управе, потом редактировал одну из местных газет и вскоре стал одним из активных сторонников областнического движения, войдя в состав руководства иркутской группы сибирских автономистов.

Сразу же после Февральской революции 1917 г. Ивана Александровича избрали в Губернский комитет общественной безопасности (главный революционный распорядительный орган Иркутской губернии), а в начале осени он становится гласным (депутатом) городской думы, от которой в том же году делегируется на два сибирских областных съезда. На первом (октябрьском) съезде Якушев вошёл в состав Областного Сибирского совета (представительское учреждение между съездами, работавшее не на постоянной основе). В период работы декабрьского (чрезвычайного) Сибирского областного съезда он был командирован из Томска в Иркутск для урегулирования разгоревшегося там вооруженного конфликта между большевиками и приверженцами свергнутого месяц назад правительства Керенского.

Во время подготовки январской 1918 г. сессии Сибирской областной думы (СОД), которая должна была состояться в Томске, Иван Александрович руководил частными совещаниями всех комиссий, а также возглавил фракцию эсеров в этом сибирском предпарламенте, который так и не смог тогда начать свою работу. В ночь на 26 января многих членов СОД арестовали, в их числе оказался и Якушев. Всех их отправили из Томска в Красноярск (цитадель сибирского большевизма) и содержали в местной тюрьме до середины июня 1918 г., пока они не были освобождены войсками восставшего Чехословацкого корпуса. Только тогда Иван Александрович узнал, что полгода назад, в конце января, на тайном заседании членов СОД большинством голосов его избрали председателем Сибирской областной думы. Став после освобождения активным участником антибольшевистского сопротивления, Якушев, однако, вскоре вошёл в конфликт с Сибирским правительством П.В. Вологодского и постепенно вместе со всем составом СОД оказался устранён от реального участия в политической жизни Сибири.

Антидемократический (колчаковский) переворот 18 ноября 1918 г. Якушев категорически не принял и вскоре стал активным деятелем эсеровского оппозиционного сопротивления. Осенью 1919 г. вместе с генералом *Гайдой* Иван Александрович пытался организовать во Владивостоке вооруженный

переворот в пользу демократических сил земского и областного самоуправления Сибири. Однако мятеж был сразу же подавлен колчаковским военным наместником генералом Розановым, а его организаторы, в том числе и Якушев, лишь благодаря заступничеству представителей европейских держав избежали суда и выехали за границу.

Находясь в эмиграции, Иван Александрович занимался очень активной публицистической деятельностью. Им было написано несколько статей собственных воспоминаний о сибирском освободительном движении. А в период с 1927-го по 1930 г. в Праге под его редакцией вышло девять номеров альманаха «Вольная Сибирь» и ещё три публицистических сборника под общим названием «Сибирский архив». В этих изданиях удалось собрать очень ценный материал (прежде всего, конечно, мемуарного характера) по истории Сибири периода Гражданской войны. Умер Якушев в Праге в 1935 году.

Яницкий Евгений Иванович – 29 лет в 1918 г. Правый эсер, прапорщик томской горной батареи. После Февральской революции 1917 г. был избран в совет офицерских депутатов томского гарнизона, а в 1918 г. стал членом Сибирской областной думы от Центрального исполнительного комитета Всесибирского совета крестьянских депутатов. В мае того же года выступил одним из поручителей в деле освобождения из красноярской тюрьмы *Г.Б. Патушинского*, арестованного в январе при разгоне Сибирской областной думы. В сентябре 1918 г. на первом Всесибирском съезде земств и городов в Томске Евгений Иванович выступал с докладом «Земство и земельные комитеты».

Янсон Яков Давидович – 32 года в 1918 г., еврей по национальности, большевик с 1904 г., после Октябрьской революции председатель исполкома Восточно-Сибирского краевого и Иркутского губернского Совета рабочих и солдатских депутатов, член Центросибири, с марта 1918 г. – большевистский министр иностранных дел Сибири (сменил на этом посту Григория Вейнбаума). В период колчаковщины – на подпольной работе, в декабре 1919 г. возглавил военно-революционный комитет Томска, осуществивший 17-18 декабря вооруженный захват власти в городе. В 1920 г. Яков Давидович стал председателем Иркутского губернского ревкома. Репрессирован (расстрелян) в 1938 г.

Яньков Михаил Петрович – из забайкальских казаков, участник Первой мировой войны, воевал в составе 1-го Верхнеудинского полка, вахмистр. После Октябрьской революции в ходе перехода военной власти в войсках в руки полковых комитетов был избран начальником Забайкальской казачьей дивизии, а по возвращении в феврале 1918 г. в Читу назначен военным комиссаром и начальником городского гарнизона. Однако не смог ужиться с Советами, во время боевых действий против атамана Семёнова никак не мог поделить власть с командированным Центросибирью в качестве командующего фронтом С. Лазо. В апреле против Янькова большевики возбудили уголовное дело по поводу расхищения средств, конфискованных у буржуазии во время революционных реквизиций. Вскоре после этого его сняли со всех постов, и он, опасаясь ареста, срочно подался в бега.

Источники

1. Монографии, статьи

Аблова Н.Е. История КВЖД и российской эмиграции в Китае (первая половина XX в.). Мн.: БГУ. 1999.

Агалаков В.Т. Советы Сибири (1917-1918). Новосибирск. 1978.

Азадовский К. М. «За то я и полюбил вас крепко», или похождения «чистейшего авантюриста» // http://magazines.russ.ru/voplit/2006/3/aza8.html.

Азарх Р.М. У великих истоков. М. 1967.

Акулов М.Р. Профсоюзы Западной Сибири. М. 1962.

Алексеев С.А. Гражданская война в Сибири и Северской области. М.-Л. 1927.

Анишев А. Очерки истории Гражданской войны: 1917-1920 гг. Л. 1925.

Ансон А. Белогвардейские организации. Сибирская советская энциклопедия. Т.1. Новосибирск. 1929.

Архипов Ф.И. Первый пулемёт //Сибирские огни. 1935, №№1,2.

Бабикова Е.Н. Борьба с контрреволюционными земствами в Томской губернии (1917–апрель 1918 гг.) //Вопросы истории Сибири. Вып.4. Томск. 1969, с.189-202.

Бабикова Е.Н. Двоевластие в Сибири. Томск. 1980.

Бабикова Е.Н. К истории создания народных собраний Томской губернии в 1917 году // Революционное движение в Сибири и на Дальнем Востоке. Томск. 1970. Вып.6.

Бабикова Е.Н. Об эволюции Сибирского областничества в 1917 г. //Некоторые вопросы расстановки классовых сил накануне и в период Великой октябрьской социалистической революции. Томск. 1976.

Багаев Б.Ф. Борис Шумяцкий. Очерки жизни и деятельности. Красноярск. 1974.

Бакай Н. К биографии М.А.Бакунина. (Из периода сибирской ссылки) //Сибирские огни. 1924. №5.

Бакай Н. Легендарный Ойрат-Хан. Из истории туземных движений на Алтае //Сибирские огни. 1926. №4.

Бархатов В. Февральская революция в Томске // Каторга и ссылка. 1931. №2.

Басов М. К истории юнкерских восстаний в Сибири //Сибирские огни. 1922. №4.

Батьянова Е.П., Рюмина Л.Т. Георгий Маркелович Токмашев: просветитель, этнограф, фольклорист // http://www.ihst.ru/projects/sohist/books/ethnography/2/105-127.pdf.

Белое дело. Москва. 1993.

Белоусов Г.М. Эсеровское вооруженное подполье в Сибири (1918 г.) //Сибирский исторический сборник. Иркутск. 1974. Вып.2.

Бердникова Е.В. За власть Советов. Новосибирск. 1947.

Берзин А. Россия, Япония и докоммунистический Тибет: роль легенды о Шамбале // http://www.berzinarchives.com/web/ru/archives/advanced/kalachakra/shambhala/russian_japanese_shambhala.html.

Бойцы революции. Красноярск. 1982.

Болдырев В.Г. Из пережитого. 1917-1922 гг. Воспоминания бывшего Главковерха Уфимской директории //Сибирские огни. 1923. №№5-6. 1924. №1.

Болдырев В.Г. Столица сибирского края. (Новосибирск) //Сибирские огни. 1926. №№5-6.

Болдырев В.Г. Директория. Колчак. Интервенты. Воспоминания. Новосибирск. 1925.

Большевики во главе трудящихся масс Сибири в трех российских революциях. Новосибирск.1986.

Большевики Западной Сибири в борьбе за социалистическую революцию (март 1917–май 1918). Новосибирск. 1957.

Большевики Западной Сибири в период подготовки и проведения социалистической революции. Новосибирск. 1957.

Большевики в борьбе с непролетарскими партиями, группами и течениями. М.1983.

Большевики и непролетарские партии в период Октябрьской революции и в годы Гражданской войны. М.1982.

Большевики Сибири в трех революциях. Новосибирск.1981.

Большевики Сибири в трех революциях. Омск. 1981.

Большевики Сибири и Дальнего Востока в борьбе за массы. Томск. 1976.

Бондарев А.И. Яков Боград. Красноярск. 1966.

Бондарев А.И. Валентин Яковлев. Красноярск.1966.

Бондаренко А.А. Левые эсеры Сибири в годы Октябрьской революции и Гражданской войны в 1917-1920 гг. Томск. 1982.

Бондаренко А.А. Левые эсеры Сибири в начальный период Гражданской войны //Октябрь и Гражданская война в Сибири. История. Историография. Источниковедение. Томск. 1985.

Бондаренко А.А. Установление Советской власти и окончательный раскол томских эсеров //Вопросы гуманитарных наук в исследованиях молодых учёных. Томск. 1980.

Боровский В. Голые люди на голой земле. (Записки участника белогвардейских походов, за-

тем эмигранта в Китае) //Сибирские огни. 1926. №№5-6.

Бородкин П.А. Борьба трудящихся за установление Советской власти на Алтае (1917-1920 гг.). Барнаул. 1957.

Бородкин П.А. П.К. Голиков. Барнаул. 1963.

Борцы за власть Советов. Томск. 1959.

Борцы революции. Иркутск.1980.

Борьба за власть Советов в Сибири и на Дальнем Востоке. Томск. 1968.

Борьба за Урал и Сибирь: Воспоминания и статьи участников борьбы с учредиловской и колчаковской контрреволюцией. Под ред. И.Н.Смирнова. М.-Л. 1926.

Будберг А. Дневник 1918-1919. М.: Молодая гвардия. 1990.

Будницкий О.В. Российские евреи между красными и белыми (1917–1920). М. 2005.

Булдаков В. Л. Съезд народов областей России //http://political-party.ru/slovar/59-s/4785-sezd-narodov-i-oblastej-rossii-sezd-narodov-federativnyj-sezd.

Былые походы. Воспоминания словацких красноармейцев – участников Великой Октябрьской социалистической революции и Гражданской войны в СССР. М. 1961.

Василевский В.И. Из истории Читинской городской думы //http://www.admin.chita.ru/our_city/history/?id=475.

Васильев В.Н. Северный Морской путь // Сибирские огни. 1924. №№4-5.

Вегман В.Д. Как и почему пала в 1918 г. советская власть в Томске // Путь борьбы. Томск. 1923. Вып.1. С.25–48.

Вегман В.Н. Областнические иллюзии, рассеянные революцией. (К истории возникновения Сибирской областной Думы) //Сибирские огни. 1923. №3 с.89–117.

Вегман В.Н. Сибирские контрреволюционные организации в 1918 г. //Сибирские огни. 1928. №1.

Вегман В.Н. Сибирская Красная гвардия // Просвещение Сибири. 1931. №11.

Вегман В.Н. Сиболдума //Сибирские огни. 1923. №3. С.89-111.

Вегман В.Н. Февральская революция в Сибири// Пролетарская революция. 1925. №3.

Вегман В.Н. Циркунов Ю.Г. Книга о Красной гвардии Сибири //Сибирская Красная гвардия и отряд Петра Сухова. Новосибирск. 1934.

Велеховский Ф. Чехословаки в России. Екатеринбургн.1918.

Венгерские интернационалисты в Сибири и на Дальнем Востоке.1917-1922. Москва. 1980.

Веселый Индржих. Чехи и словаки в революционной России. 1917-1920 гг. М.1965.

Википедия. Свободная энциклопедия //http://ru.wikipedia.org/wiki.

Виленский-Сибиряков В.Д. Борьба за советскую Сибирь (Центросибирь). М. 1926.

Виленский-Сибиряков В.Д. Царство Колчака. М. 1931.

Виленский-Сибиряков В.Д. Черная година сибирской реакции. М. 1919.

Владимирова В. Год службы «социалистов» капиталистам. М. 1927.

В огне революции. Благовещенск.1958.

В огне революционных битв. Томск. 1964.

Войнов В.М. Офицерский корпус белых армий на востоке страны (1918–1920 гг.) //Отечественная история. 1994. №6.

Волков Е.В. Колчаковские офицеры: опыт исторического исследования. Челябинск. 2001.

Волков С.В. Белое движение в России: организационная структура (материалы для справочника). М.2000.

Волков С.В. Трагедия русского офицерства. М.2001.

Волков Ф.Д. Новые документы об использовании пленных чехословаков для интервенции против советской России// Вопросы истории. 1971. №2.

Временное правительство Автономной Сибири // Красный архив. 1928. Т.3,4 1929. Т.4,5.

Ганин А.В. Тайная миссия генерала Флуга // http://www.istrodina.com/rodina_articul.php3?id=2441&n=121.

Гармиза В.В. Крушение эсеровских правительств. М.1970.

Германов Л.(М.Фрумкин). Чехословацкое наступление и свержение советской власти в Сибири //Пролетарская революция. 1922. №4.

Гинс Г.К. Сибирь, союзники и Колчак. М. 2008.

Гойхбарг. А. Контрреволюционный переворот в Сибири //Три года борьбы за диктатуру пролетариата. Омск. 1920. С.24-32.

Голечек В. Чехословацкие войска в России. Иркутск. 1919.

Гражданская война в России: катастрофа Белого движения в Сибири. М.2005.

Гребенщиков Г.Д. На склоне дней его (из воспоминаний о Г.Н. Потанине) // http://grebensch.narod.ru/atlifeover.htm.

Гревз В. Американская авантюра в Сибири (1918-1920). Москва. 1932.

Григорцевич С.С. Американская и японская интервенция на советском Дальнем Востоке и её разгром. М. 1957.

Губельман М.И. Большевик Лазо. М. 1937.

Гудошников М.А. Очерки по истории Гражданской войны в Сибири. Иркутск. 1959.

Гусев К.В. В.М. Чернов: штрихи к политическому портрету. М.: РОССПЭН. 1999.

Дажина И. В канун краха царизма: о деятельности Военно-социалистического союза в Сибири // Сибирские огни. 1967. №5. С.135-142.

Деденева Л.С. Большевики г. Томска в период подготовки и проведения выборов в Учредительное собрание //Вопросы истории Сибири. Вып.8. Томск. 1974.

Деденева Л.С. Большевики Сибири и роспуск Учредительного собрания //Из истории социально-экономической и политической жизни Сибири. Конец XIX в.–1918г. Томск. 1976.

Дело сибирских сепаратистов // http://samlib.ru/t/tkachenko_k_n/sibirr.shtml.

Демидов В.А. Советы и борьба с националистической контрреволюцией в Горном Алтае //Вопросы истории советской Сибири. Вып.1. Новосибирск. 1967. С.25–53.

Дерябин А.И. Сибирская армия. 1918 г. //http://kolchakiya.narod.ru/uniformology/vps_memoirs.htm.

Дневник Виктора Николаевича Пепеляева // Красный архив. Т.6. 1928.

Дневник Петра Васильевича Вологодского //За спиной Колчака. М.2005.

Добровольский А.В. Всесибирский краевой комитет партии эсеров в период «демократической» контрреволюции (июнь - октябрь 1918 г.) // http://www.hrono.ru/statii/2005/es-ery1918.html.

Добровольский А.В. Сибирский союз социалистов-революционеров (1919 г.) // Общественно-политическая жизнь Сибири. XX век. Межвузовский сборник научных трудов, 1998. Новосибирск: Изд-во Новосиб.ун-та.1998. Вып.3. С.64-78.

Добровольский А.В. Социалисты-революционеры Сибири в конце 1917–начале 1920 гг. Новосибирск. 1999.

Доклад подполковника Глухарёва //Красная летопись. 1923. №5. С.356-371.

Дроков С.В. Протоколы допросов А.В. Тимирёвой // http://svdrokov.

blogspot.com/2011/01/2.html.

Дьячкова А.Н. Гавриил Ксенофонтов и «Якутский трудовой союз

федералистов» // http://ilin-yakutsk.narod.ru/1997-34/14.htm.

Дэвлет А.М. А.В. Адрианов как этнограф //http://www.ihst.ru/projects/sohist/books/ethnography/1/9-56.pdf.

Журавлёв В.В. Государственная символика «белой» Сибири //http://zaimka.ru/white/zhuravlev2.shtml.

Журавлёв В.В. Органы государственной власти сибирской контрре-волюции // http://www.zaimka.ru/power/zhuravlev4.shtml.

Журавлёв В.В. Правовая репрезентация государственной власти сибирской контрреволюции в 1918 г. //http://zaimka.ru/zhuravlev-legal.

Журавлёв В.В. Рождение Временного Сибирского правительства: из истории политической борьбы в лагере контрреволюции // http://zaimka.ru/zhuravlev-polit.

Журавлев М.Н. Большевики Западной Сибири – организаторы и руководители борьбы рабочих и крестьян с иностранными интервентами и колчаковщиной. Томск. 1953.

Журавлев М.Н., Юдахин Г.Н. Большевики Новониколаевска в период иностранной военной интервенции и Гражданской войны (май 1918–дек.1919 гг.). Новосибирск. 1963.

Заика Л. М., Бобренев В. А. Атаман Анненков // Военно-исторический журнал. 1991. № 3.

Захаров М.П. Борьба большевиков в Сибири против эсеро-меньшевистской идеологии «народоправства» в 1918 г. //Сборник работ аспирантов кафедры истории КПСС. Томск. 1971. Вып.7.

Захаров М.П. Борьба большевиков Сибири против меньшевиков и эсеров за военно-политический союз рабочего класса и крестьянства в 1918-1920 гг. Томск. 1973.

Захаров М.П. Крах партии эсеров и меньшевиков в Сибири в период колчаковщины //Сборник работ аспирантов кафедры истории КПСС. Томск. 1971. Вып.8

Захаров М.П. Социально-экономические причины краха партии эсеров в Сибири в 1918-1920 гг. //Сборник работ аспирантов кафедры истории КПСС. Томск. 1972. Вып.9.

Зырянов П.Н. Адмирал Колчак. Верховный правитель России. М. 2006.

Иванов Б.В. Антинародная роль сибирской кооперации в период колчаковщины //Вопросы истории Сибири. Томск. 1973, вып.7.

Иванов Б.В. К легенде об «аполитичности» сибирской кооперации в период колчаковщины //К 50-летию освобождения Сибири от колчаковщины. Томск. 1970.

Иванов Б.В. Сибирская кооперация в период Октябрьской революции и Гражданской войны. Томск. 1976.

Иванов Н.Т., Портнягин П.В. Гражданская война в Восточной Сибири. Иркутск. 1999.

Иностранная военная интервенция в России. Мятеж чехословацких легионеров // http://humus.livejournal.com/2235169.html.

Иоффе Г.З. Колчаковская авантюра и ее крах. М. 1983.

Иоффе Г.З. От контрреволюции «демократической» к буржуазно-помещичьей диктатуре (омский переворот) //История СССР. 1982. №1.

История «белой» Сибири в лицах: Биографический справочник /Сост. С.П. Звягин. СПБ. 1996.

История «белой» Сибири. Материалы конференции. Кемерово. 1995.

История «белой» Сибири. Материалы конференции. Кемерово. 2005.

История названия Томских улиц. Томск. 2004.

Казакова Евгения Александровна. П.В. Вологодский: личность и общественно-политическая деятельность: 1863–1920 гг. Томск. 2008.

Как мы боролись за власть Советов в Иркутской губернии. Иркутск. 1957.

Капитан В. Голечек. Чехословацкое войско в России. Иркутск. 1919.

Каржанский Н. Чехословаки в России. М. 1918.

Кармашев В. Последние дни советской власти в Западной Сибири в 1918 г. М. 1921.

Касьян А.К. Антинародная роль руководителей кооперации Западной Сибири в первый период Советской власти и Гражданской войны, декабрь 1917–ноябрь 1919 //Учёные записки Омского государственного пединститута. Вып.15. Омск. 1962.

Клавинг В.В. Гражданская война в России: белые армии //http://you1917-91.narod.ru/klaving_belye_armii.html.

Клавинг В.В. Сибирская армия: первое формирование // http://siberia-miniatures.ru/forum/showthread.php?fid=12&tid=52.

Кларов Ю.М. Арестант пятой камеры. М.1990.

Клеванский А.Х. Чехословацкие интернационалисты и проданный корпус. М. 1965.

Кожевин В.Л. Совет офицерских депутатов томского гарнизона (март – декабрь 1917 г.) // http://www.omsu.omskreg.ru/histbook/articles/y1997s/a091/article.shtml.

Козьмин Н.Н. Краткая история переворота //Сибирские записки. 1918. №№2-3. С.101-110.

Коломыцева Л.М. Конституционные демократы в Сибири. Томск. 1993.

Колосов Е.Е. Как это было? (Массовое убийство при Колчаке в декабре 1918 года в Омске) //Былое. 1923. №21. С.250-298.

Колосов Е.Е. Сибирь при Колчаке. Пг.1923.

Копылов Е. Участник Гражданской войны в Якутии генерал Анатолий Николаевич Пепеляев //http://www.yakutskhistory.net/исторические-личности/генерал Пепеляев.

Коржанский (Качанов) Н. Чехословаки в России по неизданным официальным материалам. М. 1919.

Косьмин В. К. Влияние монгольского буддизма на формирование и развитие бурханизма на Алтае // http://www.bestreferat.ru/referat-92453.html.

Краковецкий А. А. Открытое письмо о выходе из партии социалистов-революционеров. // Сибирские огни. 1922. №1.

Красильников С.А. Соскин. В.Л. Интеллигенция Сибири. 1917 – лето 1918. Новосибирск. 1985.

Кратохвил Я. Истоки. М. 1969.

Кроль Л.А. За три года (Воспоминания, впечатления и встречи). Владивосток. 1922.

Круссер Г.В. Сибирские областники. Новосибирск. 1931.

Крушанов А.И. Борьба за власть Советов на Дальнем Востоке и в Забайкалье (апрель 1918–март 1920). Владивосток. 1962.

Кудрявцев Ф.Л.(А), Вендрих Г.А. Иркутск. Очерки по истории города. Иркутск. 1971.

Курусканова Н.П. К истории издательской деятельности томских эсеров в период Первой русской революции // http://www.lib.tpu.ru/fulltext/v/Bulletin_TPU/2004/v307/i2/40.pdf.

Ладыгин И.В. Чехословацкий корпус в антибольшевистском вооруженном перевороте 1918 года // http://army.armor.kiev.ua/hist/cheh-korps.shtml.

Лазо О.А. Сергей Лазо //http://militera.lib.ru/bio/lazo_oa/text.html.

Ларьков Н.С. Антисоветский переворот в Сибири и проблема власти в конце весны – летом 1918 г. // Гуманитарные науки в Сибири. Новосибирск. 1996. №2. С.24-30.

Ларьков Н.С. Армия и борьба за власть в Сибири в конце 1917-1918 гг. Томск. 1996.

Ларьков Н.С. Генерал Алексей Николаевич Гришин-Алмазов: биография русского офицера // http://zaimka.ru/larkov-grishin-almazov.

Ларьков Н.С. Начало Гражданской войны в Сибири: Армия и борьба за власть. Томск. 1995.

Ларьков Н.С. О роли «Потанинского кружка» в консолидации антибольшевистских сил в Сибири // http://tomskhistory.lib.tomsk.ru/files2/589.pdf.

Ларьков Н.С. Падение советской власти в Томске в 1918 г. //Октябрь и Гражданская война в Сибири. Томск. 1993. С.118-133.

Ларьков Н.С. Сибирская военщина в Гражданской войне //История общественных движений и политических партий. Томск. 1993.

Лившиц С.Г. Временное правительство автономной Сибири //Алтай. 1974. №4.

Лившиц С.Г. Временное Сибирское правительство (июль–ноябрь 1918 г.) //Вопросы истории. 1979. №12.

Лившиц С.Г. К истории Западно-Сибирского комиссариата //Вопросы истории СССР. Барнаул. 1974. С.69–93.

Луков Е.В. Почему Томск не стал столицей «белой» Сибири // http://tomskhistory.lib.tomsk.ru/files2/1976.pdf.

Майский И.М. Демократическая контрреволюция. М.1923.

Максаков В.В и Турунов А.Н. Хроника Гражданской войны в Сибири. М.-Л. 1926.

Мальцева Т.В. Земство Западной Сибири в годы Гражданской войны (июнь 1918 – декабрь 1919 гг.). Томск. 1974.

Мамет Л.П. Ойротия. Очерк национально-освободительного движе-ния и Гражданской войны в Горном Алтае. М.1930.

Мармышев А.В., Елисеенко А.Г. Гражданская война в Енисейской губернии. Красноярск. 2008 //http://красноярский край.рф/dat/bin/atlas_let_attach/1010_graghd_voyna.pdf.

Мельгунов С.П. Трагедия адмирала Колчака. М. 2005.

Митрофанов Г. Иностранные дипломаты в Иркутске //http://pressa.irk.ru/sm/2005/34/016001.html.

Молотов К. Контрреволюция в Сибири и борьба за советскую власть. М. 1920.

Назимов В.Н. К истории так называемого «Временного правительства автономной Сибири» //Труды Томского университета. Т.205. Томск. 1970.

Нам И.В. Национальный вопрос в программных установках сибирских областников, законотворческой и политической практике Сибирской областной Думы (1917 – январь 1918 г.) //http://sun.tsu.ru/mminfo/000063105/281/image/281-047.pdf.

Новиков П.А. Гражданская война в Восточной Сибири. М. 2005.

Октябрь в Западной Сибири (март 1917 – май 1918 гг.). Новосибирск. 1948.

Очерки истории города Томска (1604–1954). Томск. 1954.

Павлова И.В. Красная гвардия в Сибири. Новосибирск. 1983.

Пайпс Р. Русская революция. Россия под большевиками. М. 2005.

Парфенов П.С. (Петр Алтайский). Гражданская война в Сибири (1918–1920 гг.). М. 1924.

Пахаев С.Я. Контрреволюционная деятельность Каракорум-Алтайской окружной горной управы в годы Великой Октябрьской социалистической революции и Гражданской войны // Вопросы истории Сибири. Вып.2 Томск. 1965.

Первый Сибирский областной съезд (октябрь 1917, Томск): Постановления съезда. Томск. 1917.

Петрушин А. «Омск, Аян, Лубянка… Три жизни генерала Пепеляева» //Родина. 1996. №9. С.59–63.

Пишон (майор). Союзная интервенция на Д.Востоке. М. 1925.

Плотникова М.Е. Борьба трудящихся Томской губернии с интервентами и белогвардейцами в 1918 г. Томск. 1953.

Плотникова М.Е. К истории эсеровской контрреволюции в Сибири //Вопросы истории Сибири. Вып.4. Томск. 1969.

Плотникова М.Е. Колчак и эсеровская оппозиция // Вопросы истории Сибири. Вып.3. Т.67. С.168-181.

Плотникова М.Е. Роль Временного Сибирского правительства в подготовке контрреволюционного колчаковского переворота в Сибири //Труды Томского университета. Т.64. Томск. 1967.

Плотникова М.Е. Эсеровская контрреволюция в Сибири в 1918 г. //Вопросы истории Сибири. Вып.4. Томск. 1969.

Познанский В.С. Очерки истории вооруженной борьбы Советов Сибири с контрреволюцией в 1917-1918 гг. Новосибирск. 1973.

Познанский В.С. Президент советской Сибири. Новосибирск. 1987.

Познанский В.С. Сибирский красный генерал. Новосибирск. 1972.

Политические партии России. Конец XIX–первая треть XX века. Энциклопедия. М.1996.

Попов В.Г. Первый съезд земских и городских самоуправлений Дальнего Востока //http://zaimka.ru/power/popov1.shtml.

Последние дни колчаковщины. М.-Л. 1926.

Преддверие Сибири – Челябинск. М.1969.

Привалихин В.И. Судьба картин, судьба художника // http://www.altai-photo.ru/publ/istorija_altaja/sudba_kartin_sudba_khudozhnika/15-1-0-113.

Протоколы допроса адмирала А.В.Колчака чрезвычайной следственной комиссии в Иркутске 21 января – 7 февраля 1920 г. //Архив русской революции. 1923. Т.10. С.185-321.

Процесс над колчаковскими министрами. Май 1920. М. 2003.

Разгон И.М. Сибирское областничество в 1917 году //Объединенная научная сессии по вопросу «Предпосылки социалистической революции и установление Советской власти в Сибири. Томск. 1964.

Разгон М.И. Плотникова М.Е. Г.Н. Потанин в годы социалистической революции и Гражданской войны //Труды Томского госуниверситета. Т.158. Томск. 1965.

Ремнев А.В. Западные истоки сибирского областничества //http://zaimka.ru/remnev-oblastnichestvo.

Рыклин Г. Кровавый атаман. М. 1926.

Рябиков В.В. Иркутск – столица революционной Сибири. Иркутск. 1957.

Рябиков В.В. Федор Лыткин. Новосибирск. 1950.

Рябиков В.В. Центросибирь. Новосибирск. 1949.

Рябиков Н.Н. Яковлев – председатель Центросибири. Новосибирск. 1955.

Савченко С.Н. Амурское казачье войско и борьба за власть между адмиралом А.В. Колчаком и атаманом Г.М. Семёновым (ноябрь–декабрь 1918 г. //http://www.riatr.ru/2009/2/p093-100.pdf.

Салдугеев Д.В. Чехословацкий легион в России // http://www.lib.csu.ru/vch/1/2005_02/011.pdf.

Сахаров К.В. Белая Сибирь //Гражданская война в Сибири. Катастрофа белого движения в Сибири. М. 2006.

Светачев М.И. Интервенты и сибирская контрреволюция (начало 1917–1918 гг.). М. 1983.

Святицкий Н.В. Реакция и народовластие. М.1920.

Семенов Г.М. О себе. Воспоминания, мысли и выводы. Харбин. 1938 //http://odnosum.ucoz.ru/_ld/0/8_semenov.pdf.

Серебренников И.И. Мои воспоминания. Т.1. В революции (1917-1919). Тяньцзинь. 1937. //http://militera.lib.ru/memo/russian/serebrennikov_ii2/03.html.

Сесюнина М.Г. Г.Н. Потанин и Н.М. Ядринцев – идеологи сибирского областничества. Томск. 1974.

Сибирские областники. Новосибирск. 1931.

Сибирские областники // http://oblastnichestvo.lib.tomsk.ru/page.php?id=2.

Смирнов Д.Я. М.И. Ворожцов (Анатолий). Барнаул. 1958.

Смищенко Р.С. А.П. Щапов как инициатор народнической тенденции в отечественной историографии второй половины XIX века //http://izvestia.asu.ru/1998/3/hist/TheNewsOfASU-1998-3-hist-08.pdf.

Советы Томской губернии (март 1917—май 1918). Томск. 1976.

Соловьева В.А. Томский комитет общественного порядка и безопасности в 1917 г. //Научная конференция по истории Сибири. Томск, 1967.

Софинов П. Чехословацкий мятеж. // Исторический журнал. 1940. №12.

Сушко А.В. Роль В.И. Анучина в развитии алтайского национализма в 1918 г. // http://izvestia.asu.ru/2008/4-1/hist/TheNewsOfASU-2008-4-1-hist-31.pdf.

Томский некрополь. Списки и некрологи погребенных на старых томских кладбищах. 1827–1929. Т.2001.

Третьяков В.В., Третьяков В.П. Кадеты Восточной Сибири в 1905–1917 гг. Иркутск. 1997.

Уорд Джон. Союзная интервенция в Сибири 1918–1919 гг. М.-П. 1923.

Урманов К. Отряд Петра Сухова. Новосибирск. 1938.

Фомин И.И. Норильские первооткрыватели: вымысел или правда? // http://www.memorial.krsk.ru/work/konkurs/10/Fomin.htm.

Хабас Р. К истории чехословацкого мятежа // Пролетарская революция. 1928. №5. С.56-65.

Хроника революционных событий в Новониколаевске 1917 г. Новониколаевск. 1967.

Хронос. Биографический указатель // http://www.hrono.ru/biograf/bio.

Хрулев В.В. Чехословацкий мятеж и его ликвидация. М. 1940.

Чернов В. Перед бурей. М.1993.

Черняк Э.И. Эсеровские организации в Сибири в 1917–нач.1918 гг. (К истории банкротства партии). Томск. 1987.

Чорос-Гуркин. Биография мастера // http://asu.cs.nstu.ru/choros/biography.php.

Шалагинов В. Конец атамана Анненкова. Новосибирск. 1969.

Шекшеев А.П. Атаман А.А. Сотников: трагедия казачьей интеллигенции //http://cossac-awards.narod.ru/Zametki/Zametka3_Sotnikov.html.

Шекшеев А. П. Гражданская смута на Енисее: победители и побеждённые. Абакан, 2006.

Шерешевский Б.М. Разгром семёновщины. Новосибирск. 1966.

Шиканов Л.А. Сибирская контрреволюция на начальном этапе Гражданской войны (октябрь 1917–ноябрь 1918 гг.). Томск. 1989.

Шиловский М.В. Борьба большевиков против Сибирской областной думы в конце 1917 – начале 1918 гг. //Большевики во главе трудящихся масс Сибири в трех российских революциях. Новосибирск. 1986.

Шиловский М.В. Декабрьский (1917 г.) чрезвычайный областной съезд //http://zaimka.ru/power/shilovski4.shtml.

Шиловский М.В. Некоторые вопросы истории сибирского областничества в период подъема Первой русской революции // Ссылка и общественно-политическая жизнь в Сибири. Новосибирск. 1978.

Шиловский М.В. Новониколаевск как столица «белой» Сибири (К истории Западно-Сибирского комиссариата) // Вопросы краеведения Новосибирска и Новосибирской области. Новосибирск. 1997. С. 103–111.

Шиловский М.В. Областничество и регионализм: эволюция взглядов сибирского общества на пути инкорпорации Сибири в общероссийское пространство // http://kraeved.lib.tomsk.ru/page/12.

Шиловский М.В. Первый сибирский областной съезд (октябрь 1917 г.) //Вопросы истории Сибири XX века. Новосибирск. 1998. С.54–63.

Шиловский М.В. «Полнейшая самоотверженная преданность науке». Г.Н. Потанин: Биографический очерк. Новосибирск. 2004.

Шиловский М.В. Сибирские областники в период колчаковщины //Классовая борьба в Сибири в переходный период. Тюмень,1987. С.8–14.

Шиловский М.В. Сибирские областники и организации неонароднических партий в 1917 г. // Из истории революций в России (первая четверть XX века). Томск. 1996. Вып.2. С.27–38.

Шиловский М.В. Три жизни Ивана Якушева // http://zaimka.ru/person/shilovski8.shtml.

Шиндялов Н. А. Гамовский мятеж // http://www.amurpravda.ru/articles/2008/04/05/2.html.

Шишкин В.И. Западно-Сибирский комиссариат Временного Сибир-ского правительства: дискуссионные вопросы организации и деятельности // http://zaimka.ru/shishkin-commissariat.

Шишкин В.И. Командующий Сибирской армией А.Н. Гришин-Алмазов: штрихи к портрету //http://zaimka.ru/shishkin-grishin-almazov.

Шишкин В.И. Первая сессия Сибирской областной думы (январь 1918 года) // http://zaimka.ru/shishkin-duma.

Шишкин В.И. Политические позиции сибирских эсеров в период колчаковщины //Известия СО АН СССР. 1984. Вып.3. №14. С.8-14.

Шишкин В.И. Сибирская Вандея. Новосибирск. 1997.

Шишкин С.Н. Гражданская война на Дальнем Востоке //http://www.pkokprf.ru/personal/doc/war_dv.htm.

Шулдяков В. «Перегрызай горло всякому большевику…» //http://www.istrodina.com/anons_03_08.php3.

Яковлев Б. Фальсификатор В.И.Анучин // Сибирские огни. 1965. №11.

Якушев И.А. Очерки областного движения в Сибири //Вольная Сибирь (Прага).1926–1929. Т.3,4,5.

2. Архивные материал

Государственный архив Томской области:
Ф.72, оп.1, д.3, л.1
Ф.72, оп.1, д.3, л.3
Ф.72, оп.1, д.3, л.5
Ф.72, оп.1, д.49, л.63
Ф.72, оп.1, д.105, л.4-5
Ф.552, оп.1, д.1
Ф.552, оп.1, д.1, л.16
Ф.552, оп.1, д.11
Ф.578, оп.1, д.1, л.9-9об.
Ф.578, оп.1, д.1, л.13
Ф.578, оп.1, д.1, л.13об.
Ф.578, оп.1, д.1, лл.59 и 60
Ф.578, оп.1, д.1, л.170
Ф.578, оп.1, д.2, л.15
Ф.578, оп.1, д.2, л.25
Ф.578, оп.1, д.2, л.65
Ф. 1362, оп.1, д.212, л.8

3. Материалы периодики

Алтай. Бийск. 1918. Январь–февраль, июнь–декабрь.

Алтайская мысль. Барнаул. 1919.

Алтайские губернские известия. Барнаул. 1918. Июль–декабрь.

Алтайский луч. Барнаул. Меньшевики. 1918. Февраль–сентябрь.

Бийская правда. Бийск. Большевики. 1918. Март–июнь.

Бунтовщик. Томск. Анархисты. 1918. Январь.

Вечерняя заря. Самара. Орган Самарского комитета РСДРП. 1918. Сентябрь–октябрь.

Голос народа. Эсеро-областники. Официальный орган Всесибирского краевого комитета партии эсеров. Томск. 1918. Июнь–декабрь.

Голос свободы. Томск. Известия Томского временного комитета общественного порядка и безопасности. 1917 г. Март–апрель.

Голос Сибири. Новониколаевск. Эсеры (орган Всесибирского комитета эсеров). 1918. Январь–декабрь.

Дело. Иркутск. Меньшевики. 1918. Сентябрь–декабрь.

Дело Алтая. Барнаул. Алтайский Совет крестьянских депутатов. 1918. Январь–февраль.

Дело рабочего. Красноярск. Меньшевики. 1918. Январь–ноябрь.

Железнодорожник. Томск. Профсоюзы. 1918 г. Июль–декабрь.

Жизнь Алтая. Барнаул. Областники. 1918.

Забайкальская новь. Чита. Кадеты. 1918. Сентябрь–декабрь.

Заря. Томск. Меньшевики. 1918. Апрель–октябрь.

Звено. Мариинск. 1918. Ноябрь-декабрь; 1919. Февраль–март.

Земская газета. Томск. 1918. Январь–март.

Знамя революции. Томск. Большевики. 1918. Январь–май.

Знамя труда. Красноярск. Эсеры. 1918. Сентябрь–декабрь.

Известия Временного Сибирского областного совета. Томск. Эсеро-областники. 1918. Январь.

Иркутские вести. 1918. Январь.

Народная газета. Томск. Орган Томской губернской земской управы. 1918. Июнь–декабрь.

Народная мысль. Пермь. 1919. Май–июнь.

Народная свобода. Барнаул. Кадеты. 1918. Июль–декабрь.

Народная Сибирь. Новониколаевск. Кооперативная газета демократического, умеренного правого направления. 1918. Июнь–декабрь.

Народное дело. Благовещенск. Эсеры. 1918. Январь–май.

Народный вестник. Томск. 1919. Июнь–октябрь.

Наш путь. Чита. Кооператоры. 1919. Апрель–июль.

Наша газета. Томск. 1919. Октябрь–декабрь;

Наше дело. Иркутск. Кооператоры. Меньшевики. 1919. Март–октябрь.

Новая Сибирь. Иркутск. Эсеры (земцы, кооператоры). 1918 – 1919.

Омский вестник. Омск. Кадеты. 1918. Январь–сентябрь.

Понедельник. Томск. Жёлтая. 1918. Июль–сентябрь.

Пролетарий. Омск. Меньшевики-интернационалисты. 1818. Январь–апрель.

Путь народа. Томск. Эсеры-областники. 1918 . Январь–март.

Рабочее знамя. Томск. 1918 . Июль–август.

Родина. Томск. 1919. Октябрь–ноябрь.

Русская армия (газета информационного отдела штаба Верховного главнокомандующего). Омск. 1918-1919 гг. Ноябрь–октябрь.

Русская речь. Новониколаевск. Внепартийная газета правого направления. 1918. Октябрь–декабрь; 1919. Январь–ноябрь.

Русский Восток. Чита. Правые националисты. 1918 – 1919.

Русский голос. Томск. 1919 . Октябрь–декабрь.

Русское дело. Омск. Внепартийная газета правого направления. 1919. Октябрь–ноябрь.

Свободная Пермь. 1919. Январь.

Свободная речь. Семипалатинск. 1918. Февраль–декабрь.

Свободная Сибирь. Красноярск. Кадеты. 1918.

Свободный край. Иркутск. Кадеты. 1918.

Сибирская жизнь. Томск. Областники. 1918. Июль–декабрь; 1919. Январь–ноябрь.

Сибирская мысль. Томск. Эсеры. 1918. Май.

Сибирская речь. Омск. Кадеты. 1918. Январь, июнь–декабрь.

Сибирские стрелки. Пермь. Издание штаба 1-го Средне-Сибирского корпуса. 1919. Апрель–декабрь.

Сибирский голос. Иркутск. 1918. Сентябрь–декабрь.

Сибирский коммунист. Томск. Большевики. 1919. Декабрь; 1920. Январь.

Сибирский листок. Тобольск. 1918. Январь-декабрь. 1919. Январь–июль.

Сибирский судоходец. Томск. 1918. Август–октябрь.

Сибирь. Иркутск. Эсеры. 1918. Январь–сентябрь.

Томский церковно-общественный вестник. Томск. 1918 . Март–август.

Утро Сибири. Томск. Беспартийная газета правого направления. 1917.

«Великая русская революция, свергнувшая самодержавие, выдвинула, как всенародное требование, учреждение в России народоправства, начиная от народного волостного земства и кончая всенародным Учредительным собранием. Начала народоправства положены в основу программ всех истинно-демократических и социалистических партий, как единственная гарантия полной гражданской свободы, как единственное условие самосознания и самоорганизации всех сил труда... Да здравствует же народоправство! Да здравствует трудовой народ – опора и защита революции и родины!»

Из обращения уполномоченных Временного Сибирского правительства.
Июнь 1918 г.

ЗВЕНО

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ГАЗЕТА

выходит три раза в неделю.

№ 46. Воскресенье, 22 декабря 1918 года.

Г. МАРИИНСК, Томской губ.

Адрес конторы и редакции: Гондатьевская ул., № 3.

ПОДПИСКА принимается в конторе газеты и агентурах—районных конторах Союза Кооперативов в г. Боготоле, с. Зырянском, ст. Тажин и ст. Ижморская.

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА с доставкой и пересылкой за один месяц—5 руб.

ОБ'ЯВЛЕНИЯ строка петита в одну колон впереди текста . . . . 8 позади текста 4

Предложения труда бесплат Повторные объявления—п соглашению.

Доставляемые в редакцию рукописи должны быть написаны разборчиво на одно не листа и могут быть, по усмотрению редакции наняты и сокращены. Возвра писей не обязаются.

Прием у редактора по понедельникам, от 5 до 6 ч. веч., у секрета ежедневно, от 12 до 1 час.

Цена отдельного номера 40 к.

Зубной врач **Прейсман**, возобновила прием больных с 9 до 3 ежедневно.

ОБ'ЯВЛЕНИЕ.

Отдел по Народному Образов ской Уездной Земской Управе доводит Начальных школ, что распоряже ролного Просвещения 1-е января

сведений и слухов политиче рактера буду на виновных в административном поряд ние в размере штрафа до 3 т лей или подвергать тюремно чению до 3-х месяцев.

Строгое наблюдение за нием сего приказа возлагаю лицию, а всех сознательны призываю к оказанию полно

Оффициально. Копия.

Приказ ному району округа 1-го ного корпуса.

Секретарь **И. Легздин.**

РОЗЫСК.

Тундинская Волостная Земская Управа разыскивает хозяев к пригульным лошадям со следующими приметами:

1. Конь масти гнедой, грива направо, правое ухо срезано пнем, левое—передняя кромка вырезана иверпем.

2. Кобыла по второму году, гнедой масти, уши целы, у правой задней ноги—копыто толстое.

3. Кобыла масти мухортой 3-х лет, на лбу—белая звездочка, уши целы, грива на правую сторону.

4. Кобыла масти гнедой, грива на обе стороны, левое ухо вырезано четвертью, правое цело, на задней левой ляжке шишка.

Член управы Артамонов.

169—1—1

Продается шуба на бобровом меху крытая черным сукном. Б.-Московская 23, каменный верх.

160—3—2

При комиссионном бюро „Помощь" открыт

АУКЦИОННЫЙ ЗАЛ.

Аукцион будет производится каждое воскресенье с 10 до 2 ч. дня. Запись вещей принимается ежедневно.

159-3-2

ПРОДАЮТСЯ:

Шуба хорьковая ворот. камчатск. боб- ра; костюм визиточн. загранич. мате-

Научно-популярное издание

О.А. Помозов

ДЕНЬ ОСВОБОЖДЕНИЯ СИБИРИ

На обложке: знак ордена «Освобождение Сибири» - художник Ильин
(учрежден правительством А.В. Колчака 17 июня 1019 г.);
картина Г.И. Гуркина «Хан-Алтай» - 1907 г.
(из фондов Томского областного художественного музея).

Дизайн обложки Шибанова Анастасия.
Корректор Сискевич А.А.

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленного оригинал-макета.

Подписано к печати 27.12.2013 г. Формат издания 70х100/16.
Усл.печ.л 69,75. Уч.-изд.л. 62,84
Тираж – 50 экз

Отпечатано в ООО «Томская полиграфическая компания»:
г. Томск, пр. Фрунзе, 103, т. 8(3822) 52-11-52.